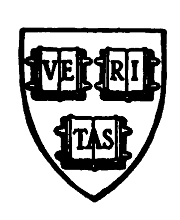

VE RI
TAS

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

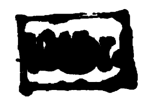
ЖУРНАЛЪ.

1879.

№ 5.—Май.

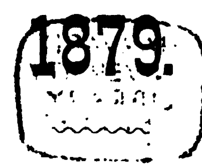
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.
1879

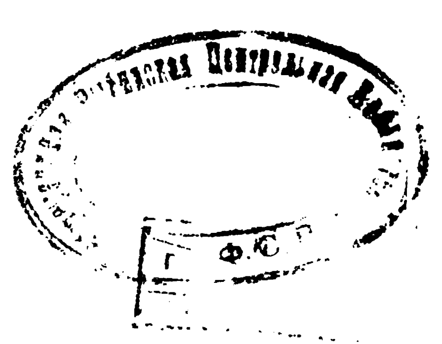
СОДЕРЖАНІЕ № 5-го.



ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.





№ 5.—Май.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168.

1879

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Апрѣля 1879 г.

КЛИРОШАНЕ.

Сцены.

I.

Въ селѣ Куринѣ жилъ священникъ Петръ Андреичъ Сапіентовъ. Какъ большая часть приходскихъ священниковъ, пользовался онъ уваженіемъ прихожанъ, умѣлъ пріобрѣтать доходъ, исправенъ былъ по службѣ. Случалось иногда и загулять ему, какъ обыкновенно выражались прихожане, но это бывало рѣдко и то только въ компаніи съ бурмистромъ, что, впрочемъ, не препятствовало отправлять исправно должность и быть любимымъ и уважаемымъ приходомъ.

Домъ его былъ на диво всему околотку. Построенный изъ двухъ обыкновенныхъ, деревянныхъ, крестьянскихъ, двуэтажныхъ избъ, соединенныхъ широкими сѣнями, онъ казался дворцомъ въ сравненіи съ маленькими домишками прочихъ членовъ причта.

Только барскій домъ, за полверсты отъ усадьбы клирошанъ, выглядывавшій изъ сада огромнымъ итальянскимъ окномъ бельведера, могъ спорить съ нимъ въ величіи.

Жить отцу Петру было хорошо, во всемъ большомъ приходѣ былъ всего одинъ помѣщикъ, и тотъ жилъ въ

Петербургѣ. Вотчиной управлялъ бурмистръ изъ крестьянъ села Курина, короткій пріятель отца Петра. Жили они дружно, не вмѣшивались въ дѣла одинъ другаго, частенько бесѣдовали вмѣстѣ за самоварчикомъ и въ нуждѣ выручали другъ друга.

Петръ Андреичъ былъ очень благообразенъ, росту высокаго, полный, здоровья цвѣтущаго; не смотря на то, что ему было подъ пятьдесятъ лѣтъ, не было у него на головѣ ни одного сѣдаго волоса. Борода дивная, такую бороду можно встрѣтить только между духовными; начиналась она у самыхъ висковъ, окаймляла все лицо и закрывала грудь; волосъ не густъ и не жестокъ, не много крутился, но ровный, точно подстриженный; цвѣтъ волосъ темнокаштановый съ лоскомъ. Волосы на головѣ Петра Андреича густые и ровные, такого же цвѣта, какъ и борода, разсыпались по плечамъ волнистыми прядями. Каждый вечеръ Петръ Андреичъ заплеталъ свои волосы въ мелкія косички. Заглядѣнье было, когда отецъ Петръ распуститъ свои волосы и бороду по золотымъ оплечьямъ ризъ. На лицѣ Петра Андреича игралъ здоровый румянецъ, который даже перебрался и на кончикъ его прямаго и ровнаго носа. Только глаза его немножко портили; сначала, надо пологать, были они каріе, но отъ времени полиняли, сдѣлались зеленоватыми съ какимъ-то лѣнивымъ выраженіемъ.

Одѣвался отецъ Петръ по праздникамъ щеголевато, подрясники носилъ нанковые съ мелкими сининьками и красненькими полосками, зарукавники шитые по канвѣ шерстью, а рясы люстриновыя съ краснымъ отливомъ. По буднямъ же дома Петръ Андреичъ носилъ неопредѣленнаго цвѣта засаленный подрясникъ, на которомъ кое гдѣ выглядывали сининькія и красненькія полоски, указывающія на прочность полосатой нанки любимаго цвѣта.

Отецъ Петръ ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы. У окна за пяльцами сидѣла дочь Маша, лѣтъ

восемнадцати, на диванѣ нѣжился сынъ его семинаристъ Павелъ.

— Латынь,—главное дѣло,—говорилъ отецъ Петръ сыну.—На нее ты долженъ обратить все стараніе. Безъ латыни далеко не уйдешь, особенно въ философскомъ классѣ. Въ наше время всѣ философскія системы были на латинскомъ языкѣ. Мы объяснялись съ профессорами по латынѣ.

— Какую же пользу принесла вамъ латынь? спросилъ сынъ.

— Какой дурацкій вопросъ! воскликнулъ отецъ, остановившись противъ сына.

Безъ знанія латыни невозможно было перейти въ богословскій классъ, продолжалъ отецъ. Студента получить безъ знанія латыни и не думай. Не знай я латыни, былъ бы гдѣ-нибудь пономаремъ, а при большой милости дьячкомъ. А какъ зналъ хорошо, кончилъ курсъ студентомъ и, по милости божіей, живу священникомъ двадцать пять лѣтъ на хорошемъ мѣстѣ, да еще и люди завидуютъ.

— Да теперь-то какую пользу приноситъ вамъ латынь? вы, я полагаю, ее ужъ забыли.

— Всякой вещи—свое время. Семинаристу необходима латынь, безъ нее не пріобрѣсти нужныхъ свѣдѣній въ наукахъ, какія требуются для успѣшнаго окончанія курса въ семинаріи.

— А за семинаріей потомъ придется же бросить; окажется лишней ношей, неимѣющей въ жизни ни какого приложенія. Жалко время даромъ тратить на дѣло безполезное въ жизни.

— Тебѣ ли, молокососу разсуждать, что нужно и что не нужно? Твое дѣло исполнять то, что приказываютъ старшіе. Почему ты знаешь, что тебѣ надо и что не надо? Твое дѣло исполнять то, что прикажутъ. Яица курицу не учатъ. По мнѣ учиться—исполняй буквально приказанія профессоровъ, а не разсуждай.

— А если я желаю знать: какую пользу принесетъ

мнѣ изученіе латыни въ жизни? Развѣ мнѣ нельзя избирать такія науки, къ которымъ я имѣю призваніе, и которыя, по моимъ соображеніямъ, пригодятся мнѣ въ жизни.

— Какія могутъ быть соображенія въ твоей безтолковой башкѣ? Слушай, Павелъ, не выйдетъ изъ тебя никакого толка, если не выкинешь изъ башки твоей глупой фанаберіи. Хочешь добра,—учись, учись безъ всякихъ соображеній, исполняй буквально то, чему учатъ профессоры, тогда будешь человѣкомъ.

— Какіе вы право... Павелъ хотѣлъ сказать странные, но удержался. Онъ зналъ, что отецъ сочтетъ за грубость, разсердится и еще пожалуй плюху дастъ.

— Неужели все, что профессоръ пишетъ въ своихъ системахъ, принимать на вѣру и затверживать на память безъ всякаго соображенія? Такъ ничего и въ головѣ не останется, когда курсъ кончится, сказалъ сынъ.

— У тебя, любезный, умъ за разумъ заходитъ. Что затвердишь хорошо, на всю жизнь останется въ памяти. Выдумалъ еще соображенія! Умнѣе что ли ты профессора?

— Всякіе бываютъ профессоры. Иные не лучше учениковъ.

— Не мели вздору. Не серди меня. Терпѣть не могу, какъ мальчишки умничаютъ. Профессоръ!... Изъ лучшихъ студентовъ, кончившій курсъ въ академіи, магистръ глупѣе школьника!... Тебя за то знаешь, какъ надо. Гдѣ вы только набираетесь такой фанаберіи? Если въ семинаріи начнешь такъ разсуждать, тебя выгонятъ, какъ паршивую собаку! Отецъ разгорячился.

Сестра кинула на брата умоляющій взглядъ. Тотъ замолчалъ. Отецъ заходилъ по комнатѣ.

II.

Вошелъ въ комнату пожилой крестьянинъ въ нагольномъ тулупѣ, помолился Богу и подошелъ подъ благословенье къ хозяину.

— Что хорошенькаго скажешь, Захаръ? спросилъ отецъ Петръ.

— Къ вашей милости пришелъ, отвѣтилъ, кланяясь, Захаръ.

— Какое до меня дѣло?

— Нуждица есть до васъ, батюшко.

— Что жъ такое?

— Да такъ. Просьбишка небольшая.

— Говори толкомъ, что надо.

— Сына задумалъ женить.

— Дѣло доброе.

— Время пришло. Работница нужна въ домѣ.

— Женить Алексѣя можно. Двадцатый годъ пошелъ.

— Важную невѣсту высватали.

— Кого?

— Съ Глухова, Антипову Пашутку. Дѣвка вся—со всѣмъ.

— Ей больше двадцати лѣтъ будетъ. А родства между вами нѣтъ?

— Какое родство? Хлѣба-соли никогда не водили; на праздницкихъ въ гостяхъ никогда не бывали, ни мы, ни родители наши.

— Ладно. Сдѣлаемъ оглашенія и повѣнчаемъ.

— Слышь ты. Нельзя ли какъ безъ оглашеній?

— Нельзя, Захаръ. Незаконно.

— Дожидать то маятно. Яви божескую милость. Не томи напрасно. Расплачусь за все.

— За опущенія съ насъ взыскиваютъ.

— Знаемъ. Все знаемъ. Не томи только, ублаготворимъ, какъ слѣдуетъ.

— Тебѣ когда бы хотѣлось повѣнчать?

— Намъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ и сходнѣе. Сряду бы послѣ крещенья.

— Оглашенія то когда же дѣлать?

— Какъ самъ знаешь, такъ и дѣлай. Скажи, многимъ ли обложишь?

— Можно, пожалуй, и безъ оглашеній, только въ случаѣ какого-нибудь доноса, придется самимъ отвѣчать за васъ; ты это смѣкай.

— Смѣкаю, отецъ Петрей, смѣкаю. Скажи, чѣмъ обложишь то?

— Если сряду послѣ крещенья вѣнчать, красненькой поклониться надо.

— Три бы рублика. Гостинцы и все прочее само по себѣ. Уважь. Заслужу.

— Ну, три то дашь, когда всѣ оглашенія произведу.

— За что же давать тогда? Намъ то есть таперича дорого, чтобы маяты большой не было, если какимъ случаемъ уважишь. А если на то пошло, что всѣ законы подводить станешь, мы изволь, а благодарности не жди.

— Ступай съ Богомъ. Въ законное время пріѣзжайте, повѣнчаю.

— Ты, отецъ Петрей, не сердись. Мало ли что къ слову скажется. Мы ублаготворимъ. Всѣ будете довольны. Французской водки бутылку принесу.

— Ступай, ступай. Нечего разговаривать.

Захаръ вышелъ.

Чѣрезъ очень короткое время снова явился Захаръ съ узелкомъ, изъ котораго торчало горлышко бутылки.

— Вотъ, отецъ Петрей, на первый случай, тамъ опосля все, какъ водится, будетъ доставлено, проговорилъ Захаръ, съ поклономъ подавая узелокъ.—Возьми. Не обиждай насъ.

— Кто васъ обижаетъ? Хочешь, чтобы исполняли твои прихоти, плати десять. Не хочешь платить,—жди законнаго времени. Этой дряни мнѣ не надо.

— Дѣлай по божьему. Возьми пять. За этимъ мы

не постоимъ, только сдѣлай по нашему. А на счетъ прочаго не сумнѣвайся, все исполнено будетъ.

— Торговаться нечего. Убирайся.

— Да ты, отецъ Петрей, не осердись на наше неразуміе, мы, то есть, какъ есть простые люди, безхитростные. Иной разъ слово ляпнешь такъ, спроста, по глупому мужицкому разуму. Такъ ты и не обиждайся на насъ. Возьми семь—и баста! Знаешь самъ, люди мы не денежные. Взять больше не гдѣ. Всѣ, какія были деньжонки, на свадьбу придется изсорить... У тебя въ долгу будемъ, лѣтомъ заработаемъ. На покосъ помочь, изволь, всей семьей придемъ.

— Убирайся, прикрикнулъ отецъ Петръ.

Захаръ вышелъ.

— У него, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ нѣтъ денегъ, сказалъ Павелъ.

— Не суйся, куда тебя не спрашиваютъ. Отецъ хоть разорвись на ваши нужды. Мало на васъ надо. Ты не смотри, что онъ въ нагольномъ тулупѣ. У него мѣшки съ серебромъ въ амбарѣ, въ хлѣбѣ зарыты. Скряжничаетъ только, мошенникъ. Съ него не взять,— съ другаго и трехъ рублей не получишь.

Грустно посмотрѣлъ сынъ на отца, но ничего не отвѣтилъ.

Вошелъ дьяконъ.

— А что, дьяконъ, хорошаго скажешь? спросилъ отецъ Петръ.

— Захаръ тамъ пришелъ; объ свадьбѣ никакъ проситъ, отвѣтилъ дьяконъ.

— Что же? отецъ Петръ нахмурился.

— Даетъ онъ семь. По мнѣ можно бы взять; человѣкъ то онъ хорошій, поиздержался, не при деньгахъ теперь, промямлилъ дьяконъ.

— Вѣрно, онъ тебѣ бутылкой рому поклонился. То-то вы! Въ стаканѣ утопите. При дѣлежѣ дохода первый ротъ разинешь, что мало взято за свадьбу. Гдѣ у тебя стыдъ то? Съ какими глазами ты шелъ?

— Я что? Пришелъ только сказать. Тамъ какъ сами знаете.

— Знаю не хуже тебя Захара то.

— По мнѣ, какъ хотите, сказалъ дьяконъ и вышелъ.

— Въ сѣняхъ встрѣтилъ его Захаръ съ узелкомъ.

— Ну, что? спросилъ въ полголоса Захаръ.

— Поди ко, потолкуй съ нимъ самъ. Будто не знаешь его, урода? По мнѣ... Я бы съ тебя по божески взялъ только пять, въ томъ, значитъ, уваженіи, что ты человѣкъ стоющій. Воля не моя!

— Что же дѣлать то?

— Что?.. Десять то ужъ надо дать. Его не переупрямишь.

Захаръ съежился и почесался.

— Отецъ дьяконъ, ты зачти все это за слѣдующіе, какъ свадьба пріѣдетъ, такъ не обезсудь на гостинцахъ. Значить все слѣдующее, какъ значится, теперь исполнено, сказалъ Захаръ.

— Эва, еще что выдумалъ! Порядки новые заводишь. Пока не принесутъ, что слѣдуетъ, и въ церковь не пойду.

Дьяконъ сталъ спускаться по лѣстницѣ, а Захаръ робко вошелъ въ горницу.

— Избу только студишь напрасно, сказалъ ему отецъ Петръ.

— Пусть будетъ по твоему. Только, вотъ тебѣ Истинный! одного рубля не дохватаетъ. Захаръ сталъ совать узелокъ въ руки отцу Петру.

— Ничего не надо. Повѣнчаю даромъ. Но ужь все какъ слѣдуетъ, по закону сдѣлаю.

— Послухай ты меня, не хитраго человѣка.—Законовъ мы вашихъ не знаемъ, это ваше дѣло. Ты отпусти меня по божески. Возьми теперь девять, а какъ пріѣдутъ къ вѣнцу, рубликъ додадимъ, не сумнѣвайся, грѣха на душу не возьмемъ, и все какъ слѣдуетъ, будь благонадеженъ. Добродѣтель твою не забудемъ, не обижай только насъ простыхъ людей.

— Давно бы такъ.

Захаръ подалъ деньги и гостинцы.

— Ты, отецъ Петрей, не задержи напрасно, просилъ Захаръ.

— Ладно. Смотри только, чтобы въ поѣздѣ хоть бы два или три человѣка были трезвыхъ, къ обыску могли руку приложить.

— Безъ сумнѣнія все, какъ слѣдуетъ, будетъ,— только ты не промай напрасно. Затѣмъ счастливо оставаться.

III.

Павелъ сидѣлъ въ горницѣ. Вошелъ пономарь, онъ принесъ братскую кружку и доходную книгу.

— Въ семинарію завтра ѣхать изволите, заговорилъ пономарь вкрадчивымъ голосомъ.

— Да, ѣду, отвѣчалъ Павелъ.

— Скучненько съ домомъ то расставаться. За то выучитесь, будете человѣкомъ, не то, что нашъ братъ. Горькая участь наша! До словесности я дошелъ, учился какъ слѣдуетъ, не дались только мнѣ эти предложенія. Богъ знаетъ, что это за мудреная штука такая! Можетъ быть, вамъ они извѣстны, а я и до сихъ поръ не могу толку найти. Думаешь другой разъ хоть бы взять себѣ въ предложеніе «Богъ сотворилъ міръ». Какіе тутъ члены предложенія? Не понимаю... Должно быть, здѣсь толку не достаетъ, онъ ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ. Вотъ не понималъ предложеній и влачи горькую жизнь пономаремъ и пресмыкайся. Тяжела наша жизнь. Нѣтъ покоя. Одна ходьба на колокольню замаяла.

Вошелъ отецъ Петръ.

Пономарь скрючился, согнулъ колѣни и низко поклонился.

— Поставь кружку. Зови дьякона и дьячка, сказалъ отецъ Петръ.

— Какой онъ жалкій, сказалъ Павелъ, когда ушелъ пономарь.

— Пономарь то? Небось на свою участь жаловался.

— Да.

— Четыре года живетъ, и не могу къ нему примѣниться. То такимъ жалкимъ и смиреннымъ прикинется, жалко смотрѣть, а то такіе зубы покажетъ, что даже страшно остаться наединѣ съ нимъ.

— Жаловался, что служба тяжела.

Отецъ Петръ засмѣялся.

— Служба у насъ только по праздникамъ, а по буднямъ рѣдко бываетъ. Ему лѣнь разъ въ недѣлю на колокольню сходить позвонить, да и то больше звонятъ мужики, охотниковъ много, а не то сторожа пошлетъ. Въ приходъ я беру его съ дьячкомъ по очереди. Дома ничего не работаетъ, семья доведена, что надѣть нечего, пьянъ постоянно, да еще дерется.

Собрались клирошане.

Высыпали на столъ изъ кружки деньги. Въ большой грудѣ мѣди блестѣло серебро, и кое-гдѣ торчали бумажки. Принялись считать.

— Ты куда тискаешься. Аль тѣсно стало на столѣ то тебѣ, злобно проворчалъ на дьячка пономарь и оттолкнулъ его руку.

Дьячекъ звѣремъ выглянулъ на пономаря и отодвинулся.

Долго молча они считали. Наконецъ счетъ кончился, мѣдныя деньги колоннами были разложены на столѣ, а въ сторонѣ серебро и бумажки.

— Сколько? спросилъ отецъ Петръ.

Каждый сталъ повѣрять сосчитанную имъ часть.

— Насчитано у меня семнадцать рублей и тридцать пять копѣекъ, сказалъ дьяконъ.

— Тринадцать рублей и пятнадцать копѣекъ, пробурчалъ пономарь.

— Двѣнадцать рублей сорокъ копѣекъ, прошипѣлъ дьячекъ.

— Серебра и бумажекъ восемь съ пятіалтыннымъ, сказалъ дьяконъ.

Отецъ Петръ прикинулъ на счетахъ.

— Не ладно. По книгѣ двадцати пяти копѣекъ не хватаетъ, сказалъ священникъ.

Дьяконъ все присматривался къ деньгамъ, сосчитаннымъ причетниками.

— Такъ и есть, сказалъ дьяконъ. У него вмѣсто трехкопѣечниковъ пятаковъ навалено.

— Не важничай, что ты дьяконъ. Послужилъ бы пономаремъ, хоть бы уставъ узналъ. Не бѣгалъ бы на клиросъ справляться, укорилъ пономарь.

— Отстань, огрызнулся дьяконъ.

— Чего командуешь. Роги то еще у тебя не велики. Замаялся небось на службѣ. Къ Фомичу за водкой чаще ходишь, чѣмъ въ церковь, продолжалъ пономарь.

— Эка собака, прости Господи. Ничего сказать нельзя. Много ли въ этой то кучѣ? спросилъ дьяконъ.

— Руки есть,—сосчитай, отвѣтилъ пономарь.

— Такъ и есть. Шесть копѣекъ лишнихъ положено.

— Бѣда не велика;—не голову снялъ, оправдался пономарь.

По повѣркѣ оказалось, что трехъ копѣекъ не достаетъ по книгѣ, но концовъ не могли розыскать.

— Кружка въ этотъ разъ скопилась порядочная, заговорилъ отецъ Петръ.—Надо, братцы, отдѣлить сколько-нибудь на бѣдное духовенство.

— Мы сами бѣдное, безчастное духовенство, сказалъ пономарь.

— Глупый! это на вдовъ и сиротъ, возразилъ отецъ Петръ.

— Помремъ, такъ и у насъ много сиротъ останется, что же имъ то мы оставимъ? прошипѣлъ дьячекъ.

— Помремъ,—изъ этихъ же денегъ и твоимъ сиротамъ дадутъ, пояснилъ отецъ Петръ.

— Когда еще помрешь. А тамъ дадутъ, или не дадутъ, возразилъ дьячекъ.

— Моду какую завели. На сиротъ имъ подавай. Бѣгаешь, бѣгаешь... хлопочешь, хлопочешь... Деньги то наши трудовыя, а тутъ сиротъ выдумаютъ, подавай на нихъ. Мнѣ что? Мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла, сказалъ дьяконъ.

— Что ни толкуйте, а пять рублей отдѣлить надо, заговорилъ отецъ Петръ.

— Давайте изъ своихъ, когда вамъ сиротъ стало жалко. Изъ пятидесяти рублей вы половину получите, вамъ и дать можно, двадцать еще останется, возразилъ пономарь.

— Съ тебя слѣдовало бы вычесть еще полтора рубля. Прогулялъ двѣ службы. Помнишь? спросилъ пономаря отецъ Петръ.

— Важность не велика еще. Я человѣкъ, а не собака. Слѣдовало отдохнуть и отдыхалъ; отъ того и не былъ у службы. Не Богъ знаетъ, еще какая вина, отвѣтилъ пономарь.

— Пропьянствовалъ.

— Кто еще больше пьянствуетъ,—неизвѣстно. Что вы напрасно обижаете человѣка. Я просьбу подамъ. Мужикамъ только поблажаете, доходы опускаетс. Жить нечѣмъ стало, грубилъ пономарь.

— Молчать! произнесъ отецъ Петръ.

— Не боюсь. Не напугаешь.

— Чтобы объ Рождествѣ то наложить на мужиковъ хоть бы на двѣ копѣйки и набрали бы на сиротъ. Мужикамъ то по двѣ копѣйки ничего не стоило бы прибавить, вмѣшался дьяконъ.

— На свадьбы бы какъ нибудь накинуть, хоть бы по рублику. Въ сосѣднихъ приходахъ обираютъ, а мы только зѣваемъ. Добьемся, что хоть побираться идти. Сиротъ еще выдумали, сказалъ дьячекъ.

— Вамъ все мало. На вино никогда не хватитъ, возразилъ отецъ Петръ.

— Не мы одни пьемъ то. Ладно вамъ потакать,

когда на васъ мужики даромъ работаютъ, сказалъ дьяконъ.

— Когда ты видѣлъ, что мнѣ даромъ мужики работали? Самъ ты за полштофа готовъ всякаго продать. Кто говорилъ, что съ Захара довольно взять за свадьбу семь рублей,—не ты? отвѣтилъ отецъ Петръ.

— Вотъ, ей Богу, подамъ просьбу, что доходами обижаете. Мнѣ мѣсто дано имѣть кусокъ хлѣба и семью кормить, а вы что съ нами дѣлаете? Въ конецъ раззоряете, заревѣлъ пономарь.

— Никому не будетъ ни гроша. Запру кружку и до пріѣзда благочиннаго дѣлить не буду, сказалъ отецъ Петръ.

— Не смѣешь. Деньги наши кровныя, заслуженыя. Не дашь,—сами возьмемъ, возразилъ пономарь.

Такая грубость вывела отца Петра изъ терпѣнія. Онъ всталъ и такъ взглянулъ на пономаря, что тотъ съежился.

— Вонъ. Чтобы тебя не было! произнесъ отецъ Петръ, стиснувъ зубы.

Пономарь ушелъ, за нимъ ушли и прочіе.

Отецъ Петръ заходилъ по комнатѣ.

— Почти всегда такая исторія при дѣлежѣ бываетъ, заговорилъ отецъ Петръ, когда немного успокоился.

— Донесли бы начальству, давно бы и уняли, отвѣтилъ сынъ.

— Молодъ ты. Ничего не понимаешь. Я одинъ, свидѣтелей нѣтъ, слѣдовательно, нѣтъ и доказательствъ. Ихъ трое, донесетъ изъ нихъ одинъ, что только вздумаетъ, другіе двое пойдутъ въ свидѣтели, и я же виноватъ буду.

— Петръ Андреичъ, пришли звать къ бурмистру крестить внука, сказала вошедшая Сисипія Апполосовна.

— Пошли сказать дьякону и прочимъ, чтобы шли. Я иду сейчасъ, отвѣтилъ отецъ Петръ.

— Не напейся ты, Бога ради, проговорила матушка, уходя.

— Выдумывай больше, проворчалъ отецъ Петръ.

IV.

Клирошане сидѣли за столомъ у бурмистра; на столѣ кипѣлъ самоваръ и обдавалъ всѣхъ паромъ. Бурмистръ, пожилой мужчина, въ ситцевой рубахѣ, въ шелковомъ клетчатомъ жилетѣ, въ синихъ шароварахъ, заправленныхъ въ козловые сапоги, хлопоталъ у самовара.

Онъ розлилъ по чашкамъ чай, отомкнулъ шкафъ, вынулъ кубоватую бѣлую булылку съ настойкой и стаканчикъ.

— Милости прошу, батюшка, передъ чайкомъ, говорилъ бурмистръ, кланяясь, и поднося стаканчикъ Петру Андреичу.

— Начинъ съ хозяина.

— Вы, батюшка, благословите, а за вами и мы грѣшные выпьемъ.

— Съ внукомъ честь имѣю поздравить, Яковъ Павлычъ, говорилъ Петръ Андреичъ, принимая стаканчикъ отъ бурмистра.

— Отецъ дьяконъ, пожалуйте, подчивалъ бурмистръ.

Напередъ дорожку самъ укажи, Яковъ Павлычъ.

— Пожалуйте, отецъ дьяконъ, пожалуйте. Мы успѣемъ; наше дѣло домашнее.

— Не то говоришь. Самому хозяину сперва надо отвѣдать, а потомъ и гостей честить.

— Сперва надо хозяину, подтвердилъ Петръ Андреевичъ.

— Если вашей милости такъ угодно. Извольте. Благословите батюшка.

Бурмистръ выпилъ стаканчикъ и отплюнулся на сторону.

— Отецъ дьяконъ,—пожалуйте.

— Вотъ бы хлѣбца подали, Яковъ Павлычъ. Оно какъ то покрѣпче.

— Дуня, дайко-сь хлѣбца, крикнулъ дочкѣ бурмистръ.

— Съ внукомъ поздравляемъ, сказалъ дьяконъ, выпилъ и закусилъ круто насоленнымъ кускомъ хлѣба.

Дьячокъ скороговоркой брюкнулъ себѣ поднось и выпилъ.

Съ нетерпѣніемъ ждавшій очереди, пономарь церемонно принялъ стаканъ, низко поклонился бурмистру и проговорилъ:

— Честь имѣю поздравить, Яковъ Павлычъ, съ внукомъ, во святомъ крещеніи Іаковомъ. Дай Богъ вамъ въ радости выростить, женить и до правнуковъ дожить.

Онъ намѣренъ былъ однимъ глоткомъ пропустить въ горло водку, но поперхнулся, и брызги полетѣли во всѣ стороны. Больше всего досталось бурмистру, но онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ отеръ рукавомъ рубахи свое лицо.

Самоваръ убрали. На столъ подали рыбникъ. Въ пшеничномъ тѣстѣ запечена была щука, не оскобленная, съ чешуей, голова и хвостъ рыбы торчали изъ краевъ пирога. Хозяинъ срѣзалъ верхнюю корку, разломалъ ее руками и разложилъ каждому гостю по куску. Отцу Петру подали вилку, прочіе же брали рыбу руками. Стаканчикъ постоянно переходилъ изъ рукъ хозяина къ гостямъ, они позахмѣлѣли.

— Разсуди ты насъ, пожалуй-ста, Яковъ Павлычъ, человѣкъ ты разумный и всякому дѣлу можешь резонъ дать, говорилъ отецъ Петръ.

— Много чести, батюшка. Гдѣ намъ, простымъ людямъ мѣшаться въ ваши дѣла? отвѣтилъ хозяинъ.

— Да ты не то... Вотъ что, ни больше ни меньше, послушай, только одинъ смѣхъ, проговорилъ дьяконъ.

— Есть на что сердиться. Мало ли чего скажется въ шутку, подхватилъ пономарь.

— Да вы дайте мнѣ высказать. Не перебивайте меня, сказалъ отецъ Петръ.

— Да не то. Тутъ и все дѣло.—Тпфу! Дьяконъ громко плюнулъ и засмѣялся.

— Ты дьяконъ не смѣйся. Нашего брата, маленькаго

человѣка загубить недолго. Одно слово... и пропалъ. Ну, что жъ? Зарывай въ могилу живаго. Самъ лягу. Наше дѣло молчать, — мы это понимаемъ, перебилъ пономарь.

— Дадите ли мнѣ хоть одно слово сказать? произнесъ отецъ Петръ и топнулъ ногой.

— Не сердись, отецъ Петръ. Коли виноватъ, въ ноги поклонюсь. У насъ за этимъ дѣло не станетъ. Пономарь всталъ и поклонился въ ноги священнику.—Мало,—руку поцѣлую, продолжалъ пономарь, стоя на колѣняхъ, и поцѣловалъ руку священника.

— Ты, Андрюха, какъ я посмотрю, дуракъ, сказалъ пономарю дьяконъ.

— А вотъ и не дуракъ. Онъ поумнѣе насъ съ тобой; въ ногахъ валяется, знаетъ, что за широкое то горло ему достанется, возражалъ дьячекъ.

— А что достанется? Въ монастырь упечетъ? Живали и въ монастырѣ. Знаемъ. Поживу въ монастырѣ и тѣмъ же пономаремъ вернусь назадъ. А вотъ какъ его упрячу въ монастырь, тогда узнаетъ... Пономарь указалъ на священника.

— Дайте мнѣ хоть одно слово сказать, крикнулъ отецъ Петръ.

— Говорить то нечего. Деньги отдай и разговоръ весь кончится. Деньги то наши собственныя, возразилъ пономарь.

— Вы, Андрей Ивановичъ, передъ батюшкой пріостепенитесь съ своими словами, замѣтилъ пономарю хозяинъ.

— Мы, Яковъ Павлычъ, всегда знаемъ свое дѣло, отвѣтилъ съ выраженіемъ обиды пономарь. Я ему, ты самъ видѣлъ, въ ноги кланялся и теперь поклонюсь. Онъ повалился въ ноги отцу Петру и насилу всталъ.—А въ монастырь упеку.

Дьяконъ расхохотался.

— Эхъ ты, дурацкое твое рыло. За эти слова тебя бы по шеѣ, возразилъ пономарю дьячекъ.

— Тебѣ, вѣрно, надоѣла твоя борода? Всю по волосу растаскаю, отвѣтилъ пономарь, потряхивая кулакомъ.

— Что добро и что красно, но еже жити, братіе, вкупѣ, вмѣшался хозяинъ, испугавшись трагической выходки пономаря. — Вѣдь, вы сами въ церкви читаете... Что—если что... Мало ли чего бываетъ. Обымемъ другъ друга и простимъ вся воскресеніемъ.

Предложеніе хозяина было принято клирошанами. Пошло обниманье и цѣлованье.

— Баста! воскликнулъ Петръ Андреичъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Приду домой и деньги всѣ роздамъ по рукамъ. Довольны ли?

— Довольны, отвѣчали всѣ.

Угощеніе шло къ концу. На столѣ стояла яичница. Дьяконъ бороздилъ ее руками и не могъ захватить ни одного кусочка. Дьячекъ оплеталъ ложкой. Пономарь плакалъ отъ умиленія. Отецъ Петръ обнимался съ хозяиномъ.

Вошелъ работникъ и попросилъ отца Петра домой по очень важному дѣлу.

V.

Неласково встрѣтила мужа Сисинія Апполосовна.

— Видишь, какъ назюкался. Не стыдно!

— Молчи, душа моя, молчи. Я нисколько не пьянъ. Хоть посмотри. Съ пріятелемъ выпить не бѣда, бормоталъ Петръ Андреичъ.

— Не стыдно? Дѣти большіе, а ты?...

— Гдѣ Павелъ? Позвать Павла.

— Засни лучше. Пріятно сыну смотрѣть будетъ.

Павелъ подошелъ къ отцу.

Отецъ обнялъ его и заплакалъ.

— Одинъ только ты моя утѣха. Учись, Павлуша, человѣкомъ будешь, въ академію попадешь, магистромъ курсъ кончишь. Сдѣлаютъ тебя протопопомъ, членомъ консисторіи, тогда мнѣ никто ни почемъ: въ бараній

рогъ согну причетниковъ. Пойдешь по городу весь въ крестахъ. Чей это сынъ? Мой... Вотъ посмотрите какого сына выростилъ. Въ крестахъ ходитъ. Я деревенскій попъ, а сынъ членъ консисторіи!

— Полно тебѣ молоть то. Лучше засни, уговаривала жена.

— Ты, Сисинія, молчи. Ты ничего не понимаешь. Ты дура. Скажи, что значитъ магистръ? А! Что? Не знаешь!.. Баба, такъ бабой и останешься. Дура, дурой и будешь!

— Ты, пьяница, умный.

— Я? я хозяинъ дома. Мной вы всѣ живете.

— Эхъ ты... еще расхвастался. Мѣсто то чье? Какъ бы не приняли тебя въ домъ, и попомъ бы не былъ. Шлялся бы, кабы не я.

— Маменька, умолялъ Павелъ.

— Ты, Павлуша, не слушай ее. Дура—баба. Развѣ бабъ въ попы ставятъ? Видишь, ее мѣсто, ее добро! Эхъ ты глупая! Твое мѣсто на кухнѣ у печи. Вотъ твое мѣсто.

— А твое въ кабакѣ.

— Врешь. Въ кабакъ никогда не пойду. Съ пріятелемъ выпить всегда можно. Такъ, вѣдь, Павлуша? Съ пріятелемъ выпить можно; никто про это худаго слова не скажетъ.

— Вотъ такъ. Учи сына то пьянствовать.

— Маменька, умолялъ Павелъ.

— Вонъ, въ кухню пошла!

— Не пойду. Гнать меня не смѣешь; домъ мой и мѣсто мое.

— Говорятъ тебѣ: убирайся вонъ, въ кухню.

— Маменька! оставьте его въ покоѣ, подите, пожалуйста, наверхъ. Онъ скорѣе заснетъ.

— Вотъ до чего дожила! Вонъ гонитъ. Трудовъ не цѣнятъ! плакала мать.

— Маменька, голубушка, уйдите.

— А ну васъ! кривнула сердито мать, и ушла, хлопнувъ дверью.

Отецъ поворчалъ, поворчалъ и заснулъ.

Павелъ прошелъ наверхъ.

— Что это за жизнь? грустно промолвилъ Павелъ.

— Ты уѣдешь, такъ ничего и не видишь. А мнѣ то каково здѣсь быть? сказала сестра.

— Ты думаешь, что мнѣ легче, какъ не вижу? У меня все сердце переболитъ въ семинаріи, какъ вспомню про домашнія сцены.

— Ты, Павлуша, не скучай! Это рѣдко случается, папенька не часто пьянъ бываетъ. Онъ только у бурмистра, а въ другомъ мѣстѣ нигдѣ не пьетъ.

VI.

Въ великомъ посту Петръ Андреичъ пришелъ отъ службы. Онъ успѣлъ уже заглянуть въ кухню къ женѣ. Запахъ постныхъ пироговъ съ грибами пріятно щекоталъ носъ. Петръ Андреичъ съ удовольствіемъ поглаживалъ себѣ бороду, идя наверхъ.

Въ сѣняхъ встрѣтился бурмистръ, встревоженный и озабоченный.

— Проходи, Яковъ Павлычъ, въ горницу, а я заверну въ кухню къ женѣ, чтобы намъ подали горячаго пирога закусить, говорилъ Петръ Андреичъ, поздоровавшись съ бурмистромъ.

— Не безпокойтесь, батюшка. Не до того теперь. Пришелъ сообщить такую вѣсть, какой вы и не ждали.

Петръ Андреичъ превратился весь въ вопросительный знакъ, и остановился посреди сѣней.

— Надо бы наединѣ поговорить съ вами, батюшка.

Они заперлись въ горницѣ.

— Что же такое, Яковъ Павлычъ?

— А вотъ что. Баринъ прислалъ письмо, гдѣ пишетъ, что весной жить пріѣдетъ сюда.

— Самъ баринъ? Отецъ Петръ развелъ руками.

— Самолично собирается со всей семьей.

— Что это ему таки вздумалось?

— Ума не приложу. Для чего онъ это вздумалъ. Двадцать лѣтъ бурмистромъ, и ни разу онъ не заглядывалъ къ намъ. Ужъ не иасучилъ ли кто изъ мужиковъ на меня? И то подумаю, нечего сучить то, кажется, никого не изобидѣлъ.

— На долго?

— Богъ его вѣдаетъ. Чуть ли не совсѣмъ на житье? Домъ велѣно исправить, лѣсу заготовить, сколько успѣю.

— Строиться, значитъ, думаетъ.—Дивное дѣло! Зачѣмъ бы ему ѣхать сюда?

— Я къ вамъ за совѣтомъ, батюшка. Въ вотчинѣ то всякаго народу есть. Иной съ глупой воли, зря на брешитъ. Утѣсненій отъ меня никому не было, а на всякій случай поопастись не мѣшаетъ.

— Правда твоя, Яковъ Павлычъ, поопастись слѣдуетъ.

— Думаю, не послабить ли мужиковъ немного, не то, чтобы совсѣмъ распустить, а такъ дать льготу небольшую, чтобы они добродѣтель мою поняли и въ случаѣ чего передъ бариномъ меня не выдали.

— Хорошо, Яковъ Павлычъ, придумано; по писанію.

— Подумываю и то, что ежели, примѣрно, пораспустить мужиковъ, не взяли бы воли большой; всякаго народа есть. Пожалуй вообразятъ, что я у барина не въ милость впалъ, отъ того и послабленіе далъ, тогда, при большой вольности, еще большее на меня барину то наябѣдничаютъ. Не сходнѣе ли будетъ прикрутить, что бы страхъ имѣли.

— И то дѣло. Судя по человѣчески, въ страхѣ держать народъ сходнѣе; не посмѣютъ роптать, поопасутся, что бы хуже не было. Вотъ если въ примѣръ взять насъ. Строго держитъ благочинный, потачки не даетъ, противъ его слова не смѣешь сказать, хоть и прижимать начнетъ. Богъ съ нимъ, думаешь, пусть будетъ по его. Жаловаться

не смѣешь, ему ничего не сдѣлаютъ, а онъ тебя ужъ доѣстъ за жалобу то.

— По вашему пристрожить лучше? и я такъ думаю. Благодарю васъ, батюшка. Дѣло это надо держать въ секретѣ, а изъ-подволь все готовиться къ пріѣзду. Меньше люди знаютъ, меньше и брешутъ. Вы ужъ, батюшка, пожалуйста, покрѣпитесь до времени, несказывайте никому.

— Хорошо, хорошо, будь спокоенъ. Спасибо, что меня предупредилъ. Надо прибраться въ церкви къ пріѣзду. Хозяинъ захочетъ и въ церкви полюбопытствовать.

Бурмистръ ушелъ.

Сисинія Апполосовна разсердилась. Обѣдъ былъ давно готовъ, а мужъ затолковался съ бурмистромъ. Не привѣтливо выглянула она на мужа, когда тотъ садился за столъ, и не утерпѣла не спросить, за чѣмъ приходилъ бурмистръ.

— Такъ, по своимъ дѣламъ приходилъ, съ замѣшательствомъ отвѣтилъ мужъ.

— Пьянствовать куда нибудь подзывалъ, злобно возразила жена.

— Ты всегда понесешь околесную. Нужно было, такъ и приходилъ, круто отвѣтилъ отецъ Петръ.

Сисинія Апполосовна промолчала въ надеждѣ выпытать при удобномъ случаѣ, за чѣмъ приходилъ бурмистръ. Догадывалась она, что бурмистръ приходилъ съ важными вѣстями. Озабоченный видъ мужа наводилъ ее на разныя догадки.

Долго крѣпился отецъ Петръ. Много было съ женой жаркихъ сшибокъ за секретъ. Какъ не напирала жена, онъ все не поддавался. Любопытство Сисиніи Апполосовны все болѣе и болѣе разгоралось, она еще назойливѣе стала приставать къ мужу. Женское любопытство безгранично, оно и Еву сгубило, а въ деревнѣ, гдѣ такъ мало новостей, гдѣ радуются и той вѣсти, что курица въ чужомъ гнѣздѣ яйцо положила, оставаться при тщет-

ныхъ усиліяхъ узнать какія важныя вѣсти сообщилъ мужу бурмистръ—не выносимо. Можно съ ума сойти. Волненіе, произшедшее вслѣдствіе неудовлетвореннаго любопытства не прошло безъ послѣдствій. Сисинія Апполосовна сдѣлалась за это время очень крута въ своихъ манерахъ, отчего не мало было убытка въ хозяйствѣ. Много побила она криночекъ, даже упустила кофе раза два и опрокинула горшокъ щей въ печи. Конечно, за опущеніе было взыскано съ кухарки. Работнику, случившемуся въ кухнѣ при той оказіи, когда опрокинулся горшокъ со щами, пришлось отвѣдать ухвата. Осадное положеніе мужа было нестерпимо, приходилось сдаваться; но безъ разрѣшенія бурмистра нельзя было открыть секрета женѣ.

Отецъ Петръ пошелъ просить разрѣшенія, бурмистръ разрѣшилъ. Ну какъ на такой радости не выпить? На веселѣ возвращался отецъ Петръ домой. Жена грозно встрѣтила, тѣмъ болѣе, что случай отмстить за упорство представлялся самый благопріятный, была основательная причина дать нравственное наставленіе, что пить водку въ посту не пристойно. Порядочно бы досталось Петру Андреичу отъ жены, у которой случилась и метла подъ рукою, но онъ кстати догадался и отвратилъ грозу. Какъ только онъ увидѣлъ грозную фигуру своей жены на порогѣ дома, тотчасъ же крикнулъ ей о томъ, что зачѣмъ приходилъ бурмистръ сказать теперь можно, но на улицѣ о такомъ важномъ предметѣ говорить не годится.

Сисинія Апполосовна не преминула обругать мужа пьяницей, но большихъ непріятностей ему не причинила.

Въ спальнѣ ужъ мужъ объяснилъ женѣ, что скоро надо ждать барина съ семействомъ.

— И ты до сихъ поръ сказать не могъ? Ты нисколько не радѣешь о своей семьѣ, крикнула на мужа Сисинія Апполосовна.

Петръ Андреичъ пришелъ въ неописанное смущеніе, онъ никакъ не ожидалъ отъ своей жены такого привѣта за сообщеніе важной новости.

— Чего жъ ты раньше то не говорилъ? горячилась жена.

— Нельзя было; бурмистръ просилъ не сказывать до времени.

— Видишь ли... бурмистръ приказалъ, произнесла на распѣвъ жена, передразнивая мужа. Отецъ родной онъ тебѣ? Свою семью на него промѣнялъ.

— Я ничего не вижу важнаго для семьи, что она раньше или позднѣе днемъ узнаетъ о пріѣздѣ барина, а для бурмистра это важно.

— Ну его къ черту проклятаго твоего бурмистра! Если бы ты заботился о семьѣ, не молчалъ бы до сихъ поръ, а давно бы предупредилъ меня, чтобы могла приготовиться встрѣтить господъ. Тебѣ была бы только водка. Въ чемъ я съ дочкой съ визитомъ пойду къ помѣщицѣ?

— Мало-ли у васъ съ Машей платья? надѣвай любое.

— Не смыслишь ничего, отъ того такъ и говоришь. Съ мужиками вѣчно жилъ, къ господамъ войти не умѣешь. Не суйся, когда ничего не знаешь.

— Дѣлай, какъ знаешь, мнѣ, право, до этого заботы мало.

— Тебѣ до семьи дѣла нѣтъ. Хлопочи, хоть разорвись, а никто не пособитъ. Двѣ недѣли всего осталось, а намъ съ дочкой надо по новому платью сшить, мнѣ чепчикъ, Машѣ шляпку. Мало ли еще что понадобится.

— Бери, матушка, деньги да и поѣзжай въ городъ. Покупай, что тебѣ надо, сказалъ отецъ Петръ, желая избавиться отъ брюзги.

Сисинія Апполосовна такъ расходилась, что удержу не было. Долго толковала она, что мужъ не знаетъ свѣтскихъ приличій и не заботится о семьѣ, а мужъ спалъ ужъ крѣпкимъ сномъ и выводилъ носомъ разные мотивы.

VII.

Чрезъ два дня Сисинія Апполосовна вернулась изъ города. Она навезла картонокъ и разнаго тряпья. Отъ усталости и поздней поры покупки остались не распакованными, хотя любопытство семьи было доведено до крайности.

На другой день, послѣ кофею, вскрыты были картонки и узлы къ великому изумленію всѣхъ. Начало было сдѣлано съ розовой шляпки, украшенной васильками и незабудками. Ловкій лавочникъ успѣлъ увѣрить Сисинію Апполосовну, что у него всего только двѣ было такихъ новомодныхъ шляпокъ, одну купила генеральша Бѣлоногова своей дочери, а другую торговала помѣщица Подхлебина, да разошлись изъ-за четвертака. Машѣ приказано было расчесаться хорошенько и взбить волоса.

Надѣла Маша шляпку, взглянула въ зеркало и покраснѣла отъ стыда; она, еще не знающая тайны одѣваться къ лицу, поняла, что шляпка шла къ ней, какъ къ коровѣ сѣдло. Фасонъ шляпки оказался уродливъ, и притомъ она не держалась на головѣ, а все ползла на затылокъ.

Мать осталась вполнѣ довольна шляпкой, и недовольна дочерью, зачѣмъ не кстати краснѣетъ, и зачѣмъ голова ея такъ устроена, что шляпка не держится. Приказано было переправить прическу. Мать волновалась. Время шло, надо было отправляться на кухню, а тутъ шляпки никакъ не усадить на головѣ дочки. Мать сама принялась улаживать прическу дочери и такъ безжалостно теребила волосы, что у Маши выступили слезы отъ боли. Маленькія сестренки то и дѣло подскакивали и хватались за концы широкихъ лентъ, распущенныхъ по плечамъ Маши. Мать ловко и щедро раздавала имъ пинки и щелчки. Наконецъ при помощи шпилекъ и булавокъ приладили шляпку къ головѣ. Мать приказала дочери пройти по комнатѣ и восхищалась покупкой. Отецъ былъ безмолв-

нымъ зрителемъ. Видно было, что покупка ему не нравилась; но онъ не выражалъ своего мнѣнія изъ боязни, еще болѣе не растревожить жену.

Вышелъ на сцену чепчикъ съ лиловыми лентами, бантиками и бантами. Онъ безъ всякихъ хлопотъ украсилъ голову хозяйки. Раскраснѣвшаяся отъ хлопотъ, Сисинія походила на красный ламповый шаръ, чепчикъ красовался на ней въ видѣ абажура. Послѣ всеобщаго одобренія чепчикъ скрылся въ картонку. Матеріи на платья и разныя принадлежности дамскаго туалета были тщательно разсмотрѣны и разложены по столамъ и стульямъ. Послѣ обѣда предположено приступить къ кройкѣ.

Предположеніе однако не состоялось. Вѣсть о пріѣздѣ помѣщика и о путешествіи попадьи въ городъ, которая навезла много обновокъ себѣ и дочери, и самому отцу Петру сапоги и шляпу, разнеслась по всему селу. Явились дьяконица и бурмистерша.

Началось пересматриваніе покупокъ. Машѣ снова пришлось примѣрять шляпку, чепчикъ покрасовался сперва на головѣ хозяйки, потомъ побывалъ и на дьяконицѣ. Прочія же покупки разсматривались подробно и тщательно. Матерія по уголкамъ мялась и смачивалась слюнями,—узнать доброту и не побѣжитъ ли цвѣтъ.

Бурмистерша добродушно всему удивлялась и всѣмъ восхищалась.

— Вамъ только барыней быть, матушка, а съ позволенія сказать, не попадьей; все вы такъ знаете хорошо по барскому обиходу, говорила бурмистерша.

— И попадьямъ не мѣшаетъ все это знать. Мало ли съ кѣмъ приведется знакомство вести, отвѣчала матушка, самодовольно улыбаясь.

Дьяконица смотрѣла на все съ завистью, позволяла себѣ сомнѣваться въ цѣнности и достоинствѣ покупокъ. Она была единственное оппозиціонное лицо, которое смѣло возражать безнаказанно Сисиніи Апполосовнѣ въ

томъ уваженіи, что была крестницей кафедральнаго протоіерея и члена консисторіи.

Покупки были пересмотрѣны, на столъ подали кофе.

— Не знаю, какъ мнѣ и быть, матушка. Мой-то затѣваетъ хлѣбомъ—солью встрѣчать барина. Надо будетъ хлѣбъ печь. Какъ тѣсто то растворить, на парномъ ли молочкѣ или просто на водѣ, а ужъ послѣ поздобить, спрашивала бурмистерша.

— На парномъ молокѣ лучше растворить, господа благородные люди, нѣжные, въ кушаньи великатны, отвѣчала матушка.

— Я тоже смѣкаю, поддакивала бурмистерша.

— Не всегда хлѣбъ сдобной любятъ господа, случалось у моего крёстнинкаго бывали господа въ гостяхъ, такъ все больше подавали булку французскую и къ чаю, и къ закускѣ, возражала дьяконица.

— У отца протоіерея, Парасковья Ивановна, можетъ быть, оно такъ и ведется, про это что и говорить. А въ этомъ то случаѣ не простой хлѣбъ надо, а все равно, какъ куличъ. Случай то высокоторжественный, поэтому и хлѣбъ долженъ быть сдобный, сказала матушка.

— Каковы то дрожжи будутъ, боюсь не испортить бы тѣста.

— Вы, Фекла Амосовна, заказали бы нашей просвирнѣ, она преотличный бы хлѣбъ испекла. Ужъ куда какая мастерица на этотъ случай, совѣтовала дьяконица.

— Просвирня, Парасковья Ивановна, для просвиръ тѣсто знаетъ приготовить такъ, что и намъ не сдѣлать, на счетъ этого она мастерица, а сдобнаго тѣста противъ Феклы Амосовны ей не приготовить. Ты чашку то что опрокидываешь, пей еще.

— Покорнѣйше благодаримъ. Много довольны, матушка. — Такъ на парномъ молочкѣ вы совѣтуете расстворить и еще поздобить. Три яичка взбить, будетъ довольно?

— Довольно, очень довольно. Выпейка еще чашечку.

— Покорнѣйше благодаримъ. Не подпустить ли шафранцу немного, какъ въ куличи?

— Не мѣшаетъ.

— Напрасно, матушка, совѣтуете шафранъ класть, не всякій его любитъ, а господа разборчивы, замѣтила дьяконица.

— На счетъ этого, Парасковья Ивановна, поспорить могу. Покойница барыня, я почти въ домѣ у ней росла, шафранъ любила не только въ куличахъ, даже въ здобныхъ булкахъ. Да выкушайте, Парасковья Ивановна, еще чашечку.

— Покорнѣйше благодаримъ. Четыре выпила, больше не могу.

— Пожалуйте, Парасковья Ивановна, кофій свѣжій, вчера только изъ города.

— Не надо ли крестикъ наверхъ положить? продолжала спрашивать бурмистерша.

— Цвѣтокъ приличнѣе, не въ церковь понесутъ, а господамъ на улицѣ подавать будутъ, совѣтовала дьяконица.

— Крестъ всегда приличенъ, онъ означаетъ благословеніе Божіе, сказала матушка.

— Если бы хлѣбъ подносился отъ духовенства, оно такъ и слѣдовало бы, оно приноситъ благословеніе Божіе. А Яковъ Павлычъ хоть и начальникъ въ вотчинѣ, а благословлять не можетъ, замѣтила дьяконица.

— Кромѣ священника никому не дано права благословлять, и Яковъ Павлычъ благословлять барина не будетъ. Замѣтьте, Парасковья Ивановна, хлѣбъ то, вѣдь, даръ Божій, такъ на немъ приличнѣе быть кресту, чѣмъ цвѣтку. Ты, Фекла Амосовна, непремѣнно крестъ наверхъ положи.

Дьяконица надулась и стала прощаться, на нее глядя, собралась и бурмистерша.

VIII.

Настал канун пріѣзда барина.

Въ церкви съ ранняго утра пономарь съ дьячкомъ обмѣтали пыль. Грязною тряпкою, привязанною къ длинному шесту, они мазали по стѣнамъ и по сводамъ, гдѣ проведутъ, тамъ и останется полоса. Пыль хлопьями носилась по церкви и садилась хлопьями на золоченый иконостасъ. Дьяконъ копался въ алтарѣ, перебиралъ ризницу. Пришелъ отецъ Петръ, дѣятельность усилилась, пыль закружилась по церкви. Священникъ ходилъ по церкви, осматривалъ свѣчи, лампады, и все ли въ порядкѣ. Къ полдню все было кончено. Пыль, смѣтенная съ карнизовъ и стѣнъ, улеглась толстымъ слоемъ на иконостасѣ и на клиросахъ. Впрочемъ, видно было, что церковь прибирали.

— Ты бы, Өедоръ, хоть причесался бы завтра, борода то твоя ужъ очень космата. Это какъ то не прилично, говорилъ отецъ Петръ дьячку, осматривая его съ головы до ногъ.

Дьячекъ началъ одергивать руками бороду.

— Сибирку подъ стихаремъ не видно будетъ, а сапоги... надѣнь ты завтра по аккуратнѣе.

— Гдѣ ихъ взять?

— На такой случай надо держать въ запасѣ.

— Много ли случаевъ то такихъ. Вотъ какъ живу здѣсь,—первый.

— И не послѣдній. Пріѣдетъ господинъ, понадобится идти къ нему... Какъ ты ввалишься въ такихъ сапожищахъ!...

— Противно покажется, пусть купитъ мнѣ новые, хорошіе, хоть подъ ваксой. Щеголять намъ не изъ чего; доходы то, не Богъ знаетъ, какіе!

— Ты бы сальцемъ смазалъ. Только дегтемъ не навахляй, такого, пожалуй, смраду напустишь, что и ладономъ не закурить.

— Ты, Дмитрій, побрѣйся, пожалуйста, завтра, такъ ты смахиваешь на бѣглаго солдата, обратился отецъ Петръ къ пономарю.

— Бѣглымъ солдатамъ стихарей не надѣваютъ, отвѣтилъ пономарь.

— Священная одежда требуетъ тщательной опрятности. Руки то у тебя!.. У кузнеца чище.

— Кузнецы съ утра до ночи пыли не опахиваютъ и лампадъ не чистятъ.

— Положимъ при работѣ нельзя требовать чистоты. Теперь можно и помыться. Сходилъ бы ты въ баню.

— Куда сходить то? ни у кого не топлена.

— Наберешься съ вами сраму, сказалъ отецъ Петръ и обратился къ дьякону.

— Заблагоразсудится господину молебенъ отслушать, въ концѣ надо произнести многолѣтіе.

— Кому? спросилъ дьяконъ.

— Извѣстно кому. Господину.

— Какъ ему говорить? Кто его знаетъ?

— Его высокородію, господину Эдуарду Богдановичу Шварцгаузену и прочее.

— Мнѣ и не выговорить.

— Запиши на бумажку, позатверди. Трудъ то небольшой.

— Кстати,—Петръ Андреичъ обратился къ пономарю, у тебя прескверная привычка въ носу пальцемъ ковырять, когда поешь, отъ этого голосъ фальшивитъ и смотрѣть противно.

— Кому противно, тотъ пусть не глядитъ.

— Говорится къ тому, что члены причта обязаны пещись о благообразіи въ храмѣ Божіемъ.

— Хорошо тому пещись, у кого денегъ много, а нашему брату—бѣдняку Господь проститъ.

— Инструкцію то ты, братецъ, знаешь?

— Инструкція не для однихъ пономарей писана. Всѣ ли ее исполняютъ то?

— До другихъ тебѣ дѣла нѣтъ, ты, дьяконъ, за-

тверди многолѣтіе то на всякій случай. Горла то не жалѣй, если придется говорить. Надо отличиться на первый разъ.

— Пуншикомъ промочить горло хорошо бы.

— Избави Богъ! Не знаешь развѣ, что господа не только пьяныхъ не любятъ, терпѣть не могутъ и запаха то водкой.

— Вы смотрите, что бы ни въ одномъ глазѣ не было, обратился отецъ Петръ къ причетникамъ.

— Разжиться то негдѣ; еще сегодня кабакъ затворить бурмистръ приказалъ, отвѣтилъ пономарь.

— Къ семи часамъ утра соберитесь завтра всѣ въ церковь, одѣньтесь хорошенько, господинъ будетъ непремѣнно.

Съ послѣднимъ словомъ отецъ Петръ вышелъ изъ церкви и направился къ бурмистру.

— Ладно ли мы прибрались, батюшка, спрашивалъ бурмистръ священника съ самодовольнымъ видомъ.

— Чистенько, отвѣтилъ отецъ Петръ. Какъ будто бревна не у мѣста, закрыли совсѣмъ видъ на село изъ господскихъ оконъ.

— Хозяйственно за то, каждое бревешечко самъ облюбуетъ. Какъ самъ я строился, такъ весь лѣсъ передъ окномъ валилъ. Сядешь чайку испить къ окну, а они всѣ у тебя передъ глазами, ну и выбираешь кое на стѣны, кое на другое что. Его милость такъ же облюбуетъ. А село что ему? Жилъ въ столицѣ. Станетъ онъ смотрѣть на мужицкія избы.

— Практическій человѣкъ; разсудишь всегда умно.

— Самоваръ у меня готовъ, пожалуйте, по чашечкѣ чайку изопьемъ.

— Подумывалъ я было привѣтственную рѣчь сказать господину,—началъ говорить за чаемъ отецъ Петръ. Будетъ ли только ладно?

— Вы, батюшка, ученый человѣкъ, слово ваше разумное, что ни скажете, все будетъ ладно да хорошо.

— Ладно ли будетъ то? По нашему оно такъ слѣ-

дуетъ, а онъ, вѣдь, въ столицѣ проживалъ, чина большаго, принаровиться то и трудно. Какъ потрафишь.

— Мудреное дѣло. Никогда въ глаза не видывалъ его. Только мнѣ кажется, что по божественному все единственно для всѣхъ христіанъ.

— Тему трудно прибрать для рѣчи то. Было время, когда на какой угодно случай такую наваляешь рѣчь, что любо слушать. И по латыни, и по гречески. Возмешь за образецъ рѣчь Григорья Конисскаго: «Всепресвѣтлѣйшая Императрица! оставимъ астрономамъ доказывать, что земля наша вокругъ солнца обращается, наше солнце вкругъ насъ ходитъ» и, по образу превратной хріи перваго рода, такъ ловко бывало настрочишь! А теперь не то уже.

— Что же это такое говорится, батюшка, — перебилъ бурмистръ, — что земля вокругъ солнца и вокругъ насъ ходитъ? Стало быть, они такъ другъ за другомъ и ходятъ?

— Рѣчь идетъ, Яковъ Павлычъ, совсѣмъ не объ солнцѣ, это просто привѣтствіе государынѣ Екатеринѣ, чтобы высказать какой великій трудъ она подъяла, и какъ все это благодѣтельно для подданныхъ, и все прочее, какъ слѣдуетъ.

— Въ толкъ не возьму, какъ это земля и солнце вертятся, и къ чему все это говорится? По божественному про Іисуса Навина въ писаніи сказано, что именемъ Божіимъ повелѣлъ солнцу остановиться, значитъ, солнце вертится, а земля, какъ есть стоитъ. Здѣсь же про какихъ то астрономовъ говорится, будто заставили ихъ доказывать, что земля наша вокругъ солнца обращается. Какъ же это противъ писанія то позволяютъ говорить передъ государыней?

— Это просто привѣтствіе императрицѣ.

— Положимъ что такъ, а мнѣ здается, что нѣтъ резону предъ государыней говорить въ противность писанію.

— Въ этомъ противнаго писанію нѣтъ. Въ то время, когда Іисусъ Навинъ жилъ, всѣ полагали, что солнце

вокругъ земли ходитъ. Послѣ уже явился Коперникъ и доказалъ, что земля вокругъ солнца ходитъ.

— Такого, какъ вы сейчасъ назвали, въ святцахъ не видалъ, или это новоявленный?

— Это ученый, онъ занимался астрономіей и дошелъ до того, что доподлинно доказалъ, что солнце стоитъ неподвижно, а земля и прочія планеты вокругъ его вертятся.

— Ученый... глубокомысленно замѣтилъ бурмистръ. Эти ученые всегда умнѣе Бога быть наровятъ! Мы то и страдай за нихъ. Вѣдь, за ихъ еретическую гордость Богъ посылаетъ наказанія:—голодъ или моръ...

Разговоръ въ самомъ интересномъ мѣстѣ прервалъ посланный отъ Сисиніи Апполосовны, чтобы Петръ Андреичъ немедленно явился домой по важному дѣлу.

IX.

— Самый удобный случай, Петръ Андреичъ, просить себѣ у господина чего-нибудь. На первыхъ порахъ, вновѣ, господа всегда рахманнѣе, говорила Сисинія Апполосовна мужу.

— Просить то чего станешь.

— Мало ли чего можно просить. Вотъ, напримѣръ, хоть бы масла—пудъ-два, въ хозяйствѣ было бы очень спорко. Въ ваше, молъ, отсутствіе масла мнѣ не отпускалось, нельзя ли, молъ, теперь приказать отпускать мнѣ со скотнаго двора, чтобы и не безпокоить вашего высокородія. Ты такъ ему и скажи.

— Не ловко на первый разъ объ маслѣ разговоръ заводить. О чемъ другомъ пожалуй можно.

— Не говаривалъ ты никогда съ господами, потому такъ и думаешь. Покойница барыня бывало первымъ долгомъ о хозяйствѣ заведетъ разговоръ. Отецъ прямо и говоритъ ей, вотъ у меня въ хозяйствѣ того мало, другаго нехватка. Она ему и масла, и творогу, и даже смѣтаны нашлетъ. При немъ мы, бывало, масла то пу-

довъ пять продадимъ. А съ тобой съ голоду помрешь; выпросить ничего не умѣешь.

— Не гнѣви Бога, Сисинія; всего у насъ довольно.

— Чего это довольно? Нищими живемъ. Отецъ Парфеній на прошлой недѣли опять двѣсти въ банкъ послалъ. Мы что послали?

— Отецъ Парфеній иное дѣло. Онъ благочинный...

— Вотъ и проси барина, чтобы тебя благочиннымъ сдѣлали.

Петръ Андреичъ погладилъ себѣ бороду.

— Выхлопоталъ бы набедренникъ, и то было бы хорошо, сказалъ онъ.

— Набедренникъ хлѣба не дастъ. Вызовутъ получать въ городъ, ухлопаешь денегъ то сколько! Отцу дали набедренникъ, взялъ пятьдесятъ рублей и поѣхалъ получать въ городъ, домой вернулся съ гривенникомъ. Начали его тамъ теребить. Одинъ говоритъ: представленіе писалъ, другой справки наводилъ, третій печать прикладывалъ, не зналъ въ которую сторону повернуться. Письмоводителю три рубля далъ, секретарю десять, членамъ всѣмъ по бутылкѣ рому дорогаго. Вотъ чего стоитъ набедренникъ.

— Въ этомъ случаѣ безъ расходовъ нельзя, а безъ набедренника благочиннымъ не сдѣлаютъ. Благочинными дѣлаютъ людей заслуженыхъ, имѣющихъ отличія.

— Развѣ ты не заслуженый. Сколько лѣтъ то служилъ и не хуже другихъ.

— Была бы у меня камилавка, или, по крайней мѣрѣ, скуфья, стоило бы поклониться только секретарю, и безъ господина сдѣлали бы благочиннымъ.

— Отъ чего же не хлопочешь?

— Много расходу. Догадался бы похлопотать господинъ, было бы другое дѣло, ходатайство его всегда уважатъ. Стоитъ только слово сказать архіерею.

— Проси, чтобы тебѣ дали скуфью.

— Такъ не дѣлается. Сперва набедренникъ, потомъ скуфью. Протопопамъ только прямо даютъ скуфью.

— Проси, чтобы сдѣлали протопопомъ.

Петръ Андреичъ особенно сладко улыбнулся.

— Ну, ужъ и протопопомъ! Многаго захотѣла.

— Было бы изъ чего тратиться. Набедренникъ дадутъ, денегъ много истратишь, а благочиннымъ то и не сдѣлаютъ.

— Дали бы только набедренникъ, тамъ и пойдетъ своимъ чередомъ.

— Такъ деньги и повалятся, перебила жена.

— Не деньги. Черезъ три года скуфью дадутъ, а тамъ и благочиннымъ сдѣлаютъ.

— Долга пѣсня. Изсоришь денегъ много, а благочиннымъ, пожалуй, не сдѣлаютъ. Лучше проси господина ругу дать, или положилъ бы какой сборъ съ крестьянъ. Ему то ничего не стоитъ, прикажетъ и сдѣлаютъ. Не свое давать.

— Ладно, проговорилъ въ раздумьѣ отецъ Петръ.

— Меньше пьянствовалъ бы съ бурмистромъ, такъ былъ бы давно благочиннымъ.

— Если бы меньше слушалъ тебя, дуру, все давно бы получилъ, перебилъ въ сердцахъ мужъ.

— Пропилъ бы все!

Отецъ Петръ ушелъ въ горницу и заходилъ по ней, заложивъ руки въ карманы.

Много думъ было въ головѣ его въ это время. Думалось ему, отъ чего отецъ Парфеній скуфью давно имѣетъ и благочиннымъ, а только годомъ раньше его на мѣстѣ. Думалось и то, что пріѣдетъ господинъ, полюбитъ его, выхлопочетъ награду. Протопопство уже улыбалось ему. Но внутренній голосъ говорилъ ему, за что ему такое счастье, и за что полюбитъ господинъ. Петръ Андреичъ сталъ придумывать, чѣмъ бы угодить господину, чѣмъ бы понравиться ему. Ничего не могъ онъ придумать, какъ смириться передъ нимъ и угождать всякой его прихоти.

Плохо спалось эту ночь Петру Андреичу, и сны видѣлись дурные.

Пріѣхалъ баринъ... въ церковь не заглянулъ...

Переписка Лаврентія Ганганелли (Папы Климента XIV) и Карла Бертинаци *).

ПИСЬМО 1.

Карла Бертинаци Лаврентію Ганганелли.

Феррара 17-го октября 1724 года.

Изъ двухъ разлучившихся друзей обыкновенно жалѣютъ объ остающемся. Я не нахожу это безусловно справедливымъ, вообще, и въ особенности по отношенію къ намъ. Едва-ли тебѣ такъ тяжко выносить нашу раз-

*) Къ изданію переписки Лаврентія Ганганелли и Карла Бертинаци, вышедшему въ 1840 году, подъ редакціею Генриха де Латуша, приложена довольно обширная записка Реймонда, въ которой онъ старается доказать подлинность ея происхожденія. Но такъ какъ въ этой запискѣ не встрѣчается положительныхъ доказательствъ, то мы и рѣшились не приводить ее. Что, однакожъ, въ ней совершенно справедливо, это—что если и признать эти письма за поддѣльныя, то всё таки поддѣлка эта высоко художественное произведеніе и вышла изъ-подъ пера кого-нибудь изъ первокласныхъ писателей той эпохи.

Затѣмъ для выясненія самаго содержанія переписки, необходимо предпослать нѣсколько словъ о личностяхъ друзей.

Въ 1720 году въ семинаріи мѣстечка *Римини* воспитывались два мальчика. Одинъ изъ нихъ сынъ земледѣльца — крестьянина изъ окрестностей Сент-Анжело-ин-Вадо, другаго-же отецъ выслужился въ офицеры въ войскахъ Сардинскаго короля. Эти два питомца духовной воспитательной школы, связанные между собою тѣсною дружбою съ самаго начала своего вступленія, дали другъ другу клятвенное обѣщаніе при выходѣ извѣщать о себѣ письменно въ случаѣ разлуки не пропуская болѣе двухъ лѣтняго срока, какая бы судьба непостигла каждаго изъ нихъ. Оба они сдержали вѣрно обѣтъ до самой смерти

луку, какъ мнѣ горемычному. Встрѣчаемые на пути моемъ новые предметы и новыя лица меня нисколько не развлекаютъ: повсюду преслѣдуетъ меня воспоминаніе о нашемъ Римини. Очень утомительно и скучно, увѣряю тебя, проходить мѣста незнакомыя и встрѣчать только людей, съ которыми не имѣешь ничего общаго. Не будь около меня моего отца, я, мнѣ кажется, давно пустился бы безъ оглядки бѣжать назадъ. Полкъ, въ который я записанъ, и гдѣ уже началась моя служба, состоитъ изъ людей молодыхъ и веселыхъ, но они имѣютъ весьма мало религіозности, не исключая даже и моего отца. Онъ иногда подсмѣивается надъ моими молитвами, которыя я не забываю совершать пять разъ въ день, какъ мы съ тобою привыкли дѣлать въ семинаріи.

Я не рожденъ быть ни туристомъ, ни солдатомъ; призваніе мое скорѣе быть монахомъ или вообще духовнымъ. Мнѣ кажется, я никогда не утѣшусь, покинувъ нашу школу и тебя, мой единственный другъ, мой бѣдный Лаврентій!

Жизнь моя уже не имѣетъ того опредѣленнаго порядка, къ которому я такъ привыкъ у насъ въ семинаріи. Мы ни встаемъ, ни ложимся въ одну и ту-же назначенную пору; это зависитъ отъ распоряженія и произвола нашего ротнаго капитана, а на походѣ—отъ величины назначеннаго намъ маршрута. Если путь предстоитъ намъ длинный, сборный барабанъ будитъ насъ

одного изъ нихъ. Одинъ изъ этихъ двухъ мальчиковъ, первый о которомъ мы сказали, былъ Лаврентій Гангавелли, профессоръ теологіи и богословія въ Пезаро, затѣмъ секретарь пріемщикъ канцеляріи св. капеллы, выбранъ былъ кардиналомъ и наконецъ папою подъ именемъ Климента XIV-го.

Другой, Карлъ Бертинаци, послѣ смерти отца своего, который былъ вдовъ и другихъ дѣтей не имѣлъ, предоставленный своей судьбѣ, долго кочевалъ изъ одного города въ другой, попалъ наконецъ въ Парижъ, гдѣ послѣ разныхъ треволненій, поступилъ на одинъ изъ его театровъ; онъ прославился подъ именемъ Карлино въ роли арлекина. Въ заключеніе должно напомнить для большей точности, что этотъ самый Климентъ XIV-й, предшественникъ Пія VI-го, побужденный настоятельными просьбами почти всѣхъ тогдашнихъ европейскихъ государей, происходившихъ изъ дома Бурбоновъ, подписалъ уничтоженіе ордена Іезуитовъ въ 1773 году.

очень рано, если-же переходъ небольшой, то солдаты спятъ почти все утро. Точно также и для ѣды у насъ нѣтъ опредѣленнаго часа, и этотъ безпорядокъ меня разстроиваетъ и нравственно, и физически. Товарищи только смѣются надо мною, называя баловнемъ и неженкой.

Прошу тебя, любезный другъ, писать на адресѣ твоихъ писемъ ко мнѣ—въ Венецію, куда мы скоро прибудемъ на продолжительную стоянку, не просто — Бертинаци; такъ какъ также зовутъ и моего отца, а Карла Бертинаци, солдату гарнисту въ 3-мъ Склавонскомъ полку. Мнѣ было-бы очень непріятно, если-бы письмо это попало въ чужія руки прежде моихъ. Наши солдаты имѣютъ скверную привычку нецеремонно рыться въ чужихъ сумкахъ, я тщательно застегиваю и замыкаю свою, и, однакожъ, это не спасло меня отъ потери всего моего капитала пяти паоловъ, тамъ лежавшихъ. Это случилось по дорогѣ между Аридо и Роваго. Впрочемъ, товарищи на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не такъ хитры, какъ они о себѣ воображаютъ. Недавно я сыгралъ съ ними шутку, о которой они и до сихъ поръ не догадываются. Однажды вечеромъ, когда я собирался писать къ тебѣ, меня озабочивало: какимъ образомъ доставить себѣ возможность уединиться и собраться съ мыслями, которыя у меня разсѣиваются отъ безпрестаннаго шума и говора, и вотъ что я придумалъ: когда было 10 часовъ, и они всѣ разошлись уже по своимъ каморкамъ укладываться спать, я пошелъ по корридору и, останавливаясь передъ ихъ дверями, стучалъ въ нихъ и, подражая голосу и выговору нашего капитана (онъ родомъ генуезецъ), строгимъ голосомъ приказывалъ имъ скорѣе умолкнуть, говоря что болтовня ихъ и шумъ не даютъ покоя. Скоро настала полнѣйшая тишина, и, благодаря этой хитрости, я могъ приняться за мое письмо безъ малѣйшей помѣхи, въ совершенномъ спокойствіи, поручая себя твоимъ молитвамъ, мой добрый и сердечный другъ.

Вѣдь знаешь, что ты мнѣ не только другъ и товарищъ, а братъ, хотя не по крови, за то по душѣ.

Припомни только наше дѣтство, проведенное нами неразлучно: сколько слезъ и радостей, огорченій и удовольствій, раздѣленныхъ нами, какъ родными братьями. Вспомни тотъ вечеръ, когда мы возвращались по морскому берегу, и ту минуту, какъ ты клялся любить меня всю твою жизнь. Еще помнишь, мы встрѣтили нищаго, который благословилъ насъ, а мы не имѣли ни одного гроша подать ему. Еще разъ прощай, милый товарищъ, и не лѣнись писать ко мнѣ. Да, вотъ я вспомнилъ: позаботься, пожалуйста, чтобы отецъ Біанка, по возвращеніи изъ путешествія своего къ Notre dame de Lorette, сохранилъ для меня обѣщанный имъ маленькій образокъ святаго Карла.

ПИСЬМО 2.

Карла Бертинаци Лаврентію Ганганелли.

Венеція. 12-го января 1725 года.

Сегодня минуло мнѣ 18 лѣтъ. Извѣстіе это меня очень обрадовало, когда поздравилъ меня мой отецъ. До сихъ поръ я считалъ себѣ только 16 по словамъ моей крестной матери, постоянно желавшей видѣть во мнѣ ребенка. 18 лѣтъ! Вѣдь, это возрастъ уже мужчины, не правда-ли? Я объявилъ это одной молоденькой дѣвушкѣ Туанетѣ, которая, при возвращеніи моемъ домой, всегда отворяетъ мнѣ дверь и постоянно чему то очень мило улыбается, называя меня при томъ синьоромъ профессоромъ. Надо тебѣ сказать, что съ первыхъ же дней нашего сюда прибытія, отецъ мой досталъ себѣ черезъ своихъ знакомыхъ уроки, а также и мнѣ случай заниматься съ двумя мальчиками-внуками одного почтеннаго синьора. Я съ ними прохожу катихизисъ и ариѳметику. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей подтруниваютъ надо мною, узнавъ объ этомъ, говоря, что солдату приличнѣе учить фехтованію, или брить бороду какому нибудь кабачнику въ уплату за полмѣрки вина; но я на ихъ на-

смѣшки не обращаю никакого вниманія; радушный пріемъ въ домѣ моихъ учениковъ вполнѣ меня за это вознаграждаетъ. Какъ только я туда являюсь, меня ожидаетъ уже полента, небольшой стаканъ вина извѣстнаго *Монте-флоконе* и отличное вкусное пирожное.

Венеція—великолѣпный городъ. Нигдѣ я не видалъ столько пармезанскаго сыра, сколько продаютъ его здѣсь на мосту Ріальто. Но дома всѣ построены на водѣ, и видъ города съ высоты очень походитъ на блюдо съ макаронами, поставленное на столѣ, покрытомъ синей салфеткой.

Всякій разъ, какъ я остаюсь одинъ и ничѣмъ не занятъ, я думаю о тебѣ. Офицеры и музыканты нашего полка очень часто ходятъ въ театръ; имъ ничего неприходится платить, такъ какъ музыканты наши участвуютъ въ спектаклѣ, играя въ оркестрѣ. Они акомпанируютъ пѣнію и танцамъ. Я не понимаю, какъ позволяетъ имъ это маіоръ, нашъ главный начальникъ! Что до меня касается, то я хоть и могъ бы сдѣлать тоже самое, играя на флейтѣ и числясь въ оркестрѣ, но, конечно, никогда не рѣшусь пойти туда; такое развлеченіе слишкомъ опасно человѣку, сколько нибудь помышляющему о спасеніи своей души. Я сегодня еще говорилъ объ этомъ одному моему товарищу-трубачу, и предостерегалъ его, а онъ еще меня-же поднялъ на смѣхъ, расхваливая театръ и приглашая меня съ собой.

ПИСЬМО 3.

Лаврентію Ганганелли.

Венеція. 25 марта 1725 г.

Другъ, какъ во время пришло твое письмо, спасти несчастнаго грѣшника отъ отчаянія.

Оно даетъ ему теперь цѣлебное утѣшеніе и возвращаетъ ему спокойствіе. Теперь я могу еще надѣяться

на спасеніе. Я слышу отъ тебя выраженія дружбы, подкрѣпляющія мой упадшій духъ.

Я не писалъ тебѣ въ продолженіи цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ. Сколько въ это время сдѣлано мною ошибокъ, проступковъ и даже преступленій! Громадность ихъ такъ велика, что я боюсь ихъ исповѣдовать, по крайней мѣрѣ я знаю, что не рѣшился бы сдѣлать это передъ тобою изустно.

Да, я долженъ все сказать! Я былъ въ театрѣ и видѣлъ комедію. Вообрази, все вооружилось противъ меня, все соединилось меня погубить: капитанъ, замѣтивъ, что я одинъ остаюсь, когда всѣ мои товарищи туда отправляются, спросилъ меня о причинѣ, а когда я ему высказалъ... Нѣтъ, я не могу рѣшиться повторить здѣсь его наглыя слова. Богъ да проститъ этому злому человѣку. Взаключеніе своего сквернословія онъ предложилъ мнѣ выбирать одно изъ двухъ, или идти въ театръ и учавствовать, или отправиться подъ арестъ. Я предпочелъ послѣднее и просидѣлъ нѣсколько вечеровъ въ совершенномъ одиночествѣ. Потомъ отецъ мой точно также приказывалъ мнѣ идти въ театръ, говоря, что я могу тамъ пригодиться, и прибавилъ, что, вѣроятно, я и самъ получу не мало удовольствія, котораго будто бы по глупости своей теперь добровольно себя лишаю. Я отвѣчалъ, что по всему вѣроятію польза отъ такого ничтожнаго флейтиста, какъ я, получится ничтожная, а удовольствія для меня самого, я недопускалъ. Онъ все-таки настаивалъ. Наконецъ, увидѣвъ, что уже таково было предопредѣленіе свыше и, помня заповѣдь: «чти отца и матерь твою» — я пошелъ. Это бы еще ничего, еслибы я только пошелъ туда, но нѣтъ, увы! я тамъ наслаждался. Истина требуетъ сознаться, что всѣ эти артисты пѣли и плясали отлично. Въ первое представленіе, видѣнное мною, среди самаго балета, вдругъ мною овладѣлъ такой ужасъ, мнѣ вообразилось, что всѣ эти отверженники небомъ и безвозвратные грѣшники обречены аду, и я бѣжалъ. Да, въ то время душа моя еще не настолько

огрубѣла, не могла спокойно смотрѣть на пляски этихъ несчастныхъ отверженниковъ, но впослѣдствіи сталъ привыкать. Недолго сердце мое боролось съ демономъ искусителемъ. Скоро оно очерствѣло до того, что разъ, возвращаясь послѣ представленія на ночлегъ въ казармы, я самъ напѣвалъ вполголоса слышанные мотивы и слова; и это въ то время, когда я долженъ былъ читать слова апостольскаго писанія. Наконецъ... (отъ стыда я скорѣе бы рѣшился умереть, чѣмъ высказать тебѣ это изустно и въ глаза) директоръ театра или, лучше сказать, начальникъ этой труппы нераскаянныхъ грѣшниковъ, онъ же и дядя Тонины, той самой дѣвушки, о которой я ужъ тебѣ писалъ, пріѣхалъ на другое утро за ней увести ее, такъ какъ спектакли не могли продолжаться, и онъ долженъ былъ ѣхать. Главною причиною такого внезапнаго разстройства его дѣла былъ отъѣздъ одного изъ первыхъ актеровъ труппы, уѣхавшаго съ какой-то графиней въ Германію. Этотъ неожиданный перерывъ дѣлалъ несчастнаго банкротомъ, и Тонина, передавая все это мнѣ, плакала о разлукѣ со мной. До сихъ поръ не могу понять, какъ это могло случиться, но я вдругъ почувствовалъ возможность припомнить всю роль, отъ слова до слова, игранную уѣхавшимъ актеромъ, котораго некѣмъ было замѣнить на слѣдующій день. Кто-му же онъ игралъ въ маскѣ, и я могъ быть не узнанъ. Тонина въ восторгѣ жала мои руки. Дядя ея рѣшилъ тотчасъ же не объявлять о случившемся, а спектакль исполнить съ моимъ содѣйствіемъ. Костюмъ оказался мнѣ совершенно впору, и я на другой день явился въ театрѣ, ужъ не въ оркестръ, какъ прежде, а на сцену. Къ счастію моему я игралъ труса, и по моему положенію это было естественно. Я очень удачно подражалъ голосу моего предшественника, и меня всѣ приняли за него. По окончаніи спектакля, Тони бросилась ко мнѣ на шею и разцѣловала. Пять разъ я надѣвалъ эту маску, пять разъ — оскверняль свое тѣло, надѣвая на него шутовскія ризы. Послѣ этого нашелся актеръ замѣнить

меня, признаюсь было ужъ время, потому что, еслибы меня не освободили, то я сошелъ бы съума. Мнѣ одинъ разъ показалось, что мой отецъ и нѣкоторые изъ товарищей пристально смотрятъ и начинаютъ узнавать меня, но я ошибался, отецъ не могъ повѣрить, чтобы я рѣшился на такой поступокъ, иначе онъ поколотилъ бы меня. Вскорѣ онъ заболѣлъ, и бѣдный теперь находится въ очень дурномъ положеніи, докторъ отчаявается въ его выздоровленіи. Я надѣюсь, что онъ спасетъ свою душу, какъ спасъ свое тѣло отъ поруганія. Для себя я уже не имѣю этой надежды!

Другъ мой, ты не можешь вообразить моихъ мученій; я вижу адъ подъ моими ногами. Всей моей жизни будетъ недостаточно замолить смертельный грѣхъ, мною совершенный. Я рѣшился во что бы то ни стало оставить Венецію, удалиться въ Калабрію и питаться тамъ, подобно святому Франциску, акридами и дикимъ медомъ.

Прощай, мое единственное прибѣжище! Не знаю, можетъ быть, и ты, узнавъ о моемъ преступленіи, не захочешь и отвѣчать мнѣ болѣе. Сознаю себя, я отверженникъ, парія, плевело, отдѣленное отъ здороваго семени. Но молю твоего сострáданія, безъ котораго мнѣ суждено, можетъ быть, умереть безъ покаянія и не быть положеннымъ въ освященную землю!

P. S. На случай, если ты смилуешься надо мною и захочешь помолиться о моей грѣшной душѣ, прежде нежели закрыть это письмо, я долженъ сказать тебѣ, что роль, которую я игралъ, и которая погубила меня, была роль арлекина.

ПИСЬМО 4.

Карлу Бертинаци.

Римини. 18 мая 1725 г.

Вамъ есть еще спасеніе, братъ мой. Да успокоютъ вашу смущенную совѣсть эти первыя слова моего пись-

ма, и затѣмъ спѣшите очистить ее чистосердечнымъ покаяніемъ на духовной исповѣди.

Къ счастію въ необдуманной опрометчивости вашего проступка проявилось и доброе побужденіе; но въ тоже время, можетъ быть, по-мимо вашей воли и безсознательно, ты былъ увлеченъ пагубнымъ тщеславіемъ. Вы можете успокоить себя мыслью, что вы ненамѣренно-злостный преступникъ. Самая строгая церковь осуждаетъ комедіантовъ не за то, что они принимаютъ на себя личину и замаскировываются въ костюмы, но отдѣляетъ ихъ отъ вѣрной своей паствы за необузданность и соблазнительное ихъ поведеніе, вредно вліяющее на добрую нравственность. До сихъ поръ вы только заимствовали у нихъ внѣшнія принадлежности ихъ ремесла и подражали ихъ искусству, и хотя успѣхъ можетъ дѣйствительно быть опасенъ для души, возбуждая въ ней суетность, но вы, слава Богу, вышли изъ этого испытанія, подобно юному Даніилу, вышедшему невредимо изъ львиной пещеры.

Еслибы смерть застигла васъ даже въ ту минуту, когда маска покрывала ваше лицо, я и тогда не отчаявался бы въ спасеніи. Богъ видитъ своихъ, хотя и заблудшихъ овецъ, и узнаетъ ихъ не по одеждѣ.

Не покидайте вашего отца, ни полка вашего, это значило бы присоединить еще одинъ проступокъ къ прежнему, и еще, можетъ быть, худшій. Не столько должны мы бояться совершеннаго нами грѣха, сколько того, которое предстоитъ еще совершить въ будущемъ. Я боюсь за васъ, опасаюсь за послѣдствія, когда изгладятся впечатлѣнія страха, смутившаго васъ въ эти первыя минуты. Я съ трепетомъ думаю о томъ, что вы можете принять этотъ случай за голосъ призванія, зовущій васъ на это поприще. Остерегитесь соблазна, пагубнаго тщеславія, врожденнаго вамъ. Рукоплесканія толпы людей обращаются нерѣдко къ тѣмъ, которые его на самомъ дѣлѣ вовсе не заслуживаютъ. Вашъ же успѣхъ въ этомъ случаѣ долженъ бы вызывать на лицѣ вашемъ краску стыда...

Дорогой другъ... чувствуешь ли ты какого усилія надъ собою стоило мнѣ начало этого письма, и какъ трудно мнѣ было удержаться, не смягчить жестокость его выраженіями болѣе дружественными. Но ты знаешь строгія правила нашей школы: воспитанникъ, вышедшій изъ нее, дѣлается чужимъ для своихъ оставшихся товарищей. Съ этого роковаго дня дружескія отношенія между ними обрываются, и даже сердечное «ты» замѣняется пустымъ свѣтскимъ «вы». Продолженіе этого письма пишу украдкою, давъ предварительно прочесть начало отцу келарю, безъ чего, конечно, онъ бы его не отправилъ, хотя мы съ тобою пользовались постоянно его особенною благосклонностью. Теперь я наверстываю изъ времени моего сна, побесѣдовать съ тобою, милый и дорогой товарищъ. Удастся ли этому листу перейти въ твои руки или ему суждено оставаться въ моихъ, но пусть оно будетъ выраженіемъ моихъ чувствъ и думъ о тебѣ и возобновитъ клятву сохранить дружбу мою къ тебѣ, на всю нашу жизнь. Карлино, милый другъ мой, скажи: должны ли мы смущаться мыслью, что не слѣдовало бы истиннымъ христіанамъ, какими мы должны быть, облекать нашу дружественную связь въ романтическія формы и профанировать ее обязательствами, которыя болѣе приличны какимъ нибудь идолопоклонникамъ.

Вотъ она передо мною, эта росписка кровью, которую мы дали другъ другу. Сколько разъ уже я горячо молился моему патрону о заступничествѣ за насъ передъ Создателемъ въ совершеніи этого клятвеннаго договора. И все-таки я чувствую, что не въ состояніи былъ бы разстаться съ этимъ вещественнымъ знакомъ нашей взаимной преданности, связующимъ насъ въ вѣчномъ равенствѣ и братствѣ. Слушай: можетъ быть, тебѣ суждено современемъ сдѣлаться какимъ нибудь важнымъ и сильнымъ сановникомъ, или по крайней мѣрѣ богатымъ человѣкомъ. Венеціанская республика щедро вознаграждаетъ своихъ усердныхъ и полезныхъ слугъ и почестями, и богатствомъ. Я же, сынъ простаго крестьянина - зе-

иледѣльца, осужденъ прозябать во всегдашнемъ ничтожествѣ или за сохою и плугомъ, или въ монашеской кельѣ. Но я хочу напомнить твое обѣщаніе: во всѣ періоды твоей блестящей или скромной карьеры не забывать о томъ, что я принадлежу тебѣ по чувству благодарности за спасеніе моей жизни.

Сегодня исполнилась третья годовщина 18-го мая, незабвеннаго для меня дня, этого роковаго событія.

Мнѣ доставить особенное удовольствіе припомнить тебѣ его во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ: мы были на прогулкѣ, и наша школьная компанія разбрелась по всему берегу Марренà. День былъ жаркій, и мы двое, отбившись отъ прочихъ нашихъ товарищей, спустились ближе къ водѣ, ты, кажется, занялся собираніемъ валявшихся по береговому песку маленькихъ раковинъ (Fruita di Marè) и вскрываніемъ ихъ, въ то время, какъ я раздѣлся и пошелъ въ воду. Плавать мнѣ всегда доставляло наслажденіе, ты-же никогда не любилъ воды. Я предался въ тотъ разъ этому удовольствію съ особеннымъ увлеченіемъ. Удалившись незамѣтно отъ берега, болѣе чѣмъ я предполагалъ, я попалъ въ мѣсто, называемое котловиной, образующееся отъ встрѣчи двухъ водъ, морской соленой и прѣсной рѣчной, отъ впадающей въ той сторонѣ по близости рѣчки. Меня воодушевила еще болѣе борьба съ этими живыми струями, кипѣвшими вокругъ меня какою-то дикою энергіею.

Только что начитавшись о похожденіяхъ Улисса и открытіяхъ Христофора Колумба, я вдругъ вообразилъ себя странствующимъ принцемъ или чѣмъ то въ родѣ большаго мореходца. Возбужденныя молодыя силы во мнѣ кипѣли, какъ эти струи, и завидя, какъ мнѣ казалось, не вдалекомъ разстояніи выступавшіе въ воду отъ острова камни, я неудержимо, безумно пожелалъ доплыть до нихъ. Мнѣ казалось, что я найду на этомъ островѣ природу, подобную поэтическимъ описаніямъ острова Италіи. Но силы мнѣ измѣнили вдругъ, и я, испустивши отчаянный крикъ, сталъ тонуть... помнится, мнѣ еще разъ удалось

отчаяннымъ усиліемъ подняться на поверхность воды, но затѣмъ я лишился чувствъ и пришелъ въ себя уже тогда, какъ лежалъ на берегу. Когда я открылъ глаза, то увидѣлъ около себя тебя одного, также обезсиленнаго и израненнаго, какимъ я былъ и самъ. Я бы никогда не могъ понять, какимъ образомъ Карлино, ненавидѣвшій воду и неумѣвшій плавать, могъ рѣшиться броситься въ воду и вытащить меня изъ нее, еслибы не чувствовалъ самъ въ себѣ способность пойти въ огонь для твоего спасенія. Мы плакали оба, ты жалъ мнѣ руки и благодарилъ меня за то, что я остался живъ.

Однимъ словомъ мы были два счастливые безумца. И вотъ тутъ, подъ вліяніемъ этой торжественной минуты, я предложилъ тебѣ заключить тотъ союзъ, который связуетъ насъ теперь на всю нашу жизнь. У насъ съ собой была книжка, изъ которой выдравъ два листика мы написали кровью, текшею изъ моей груди и твоихъ израненыхъ рукъ, каждый своею рукою клятвенный договоръ, изъ нихъ одинъ, а именно твой теперь лежитъ передо мною. Боже, если эти клятвы преступны, пусть наказаніе за нихъ падетъ на одного меня. Помни только, что лишь одною вѣрностью ихъ выполненія мы можемъ оправдать себя.

Теперь поговоримъ о будущемъ, то есть о твоемъ, мой милый путешественникъ, объ моемъ не стоитъ говорить. Что можетъ вырвать меня изъ скромной тѣни, въ которой мнѣ суждено скрываться, и которую я такъ люблю. Во первыхъ я не считаю тебя особенно способнымъ къ жизни затворнической, монашеской. Не удивляюсь также, если ты не находишь благопріятнаго для тебя элемента въ военной службѣ, но ожидаю для тебя очень многаго отъ карьеры труда, искусства и вообще промышленной дѣятельности, гдѣ трудъ и честность идутъ рука объ руку. Меня нѣсколько безпокоятъ два твои очень хорошія качества, которыя, однакожъ, могутъ вредить тебѣ въ жизни во всемъ, что касается матеріальнаго благоденствія, а именно: веселость и игривость твоего ума

и воображенія и черезчуръ наивная простота души. Изъ нихъ вытекаетъ непостоянство вкусовъ и привычекъ, которое можетъ помѣшать болѣе быстрому расширенію и нарощенію матеріальнаго достатка. Но это можетъ поправить и вознаградить счастливая женитьба, если только ты будешь довольно благоразуменъ въ хорошемъ выборѣ для спокойствія твоего любящаго сердца. То, что ты писалъ мнѣ о своей наклонности къ одиночеству, есть ничто иное, какъ выраженіе перваго впечатлѣнія свойственнаго каждому человѣку, попавшему въ міръ еще ему чуждый.

Ты жалѣешь о стѣнахъ нашей семинаріи и ея затворнической жизни; скоро она покажется тебѣ очень жалкою, когда оглядишься и освоишься съ новою жизнью, которая непремѣнно должна увлечь тебя своимъ богатствомъ и разнообразіемъ впечатлѣній. Мы способны отъ природы обманывать самихъ себя, особенно когда характеръ еще не опредѣлился; къ тому же въ природѣ человѣка вообще жалѣть о томъ, чего ужъ нѣтъ и стремиться къ тому, что еще не доступно. Увы, и самъ я долженъ сознаться, что еслибы слушался своихъ природныхъ инстинктовъ, то скоро увѣрился бы въ назначеніи своемъ испытывать всевозможныя треволненія и идти на встрѣчу всякимъ опасностямъ. Недавно еще я испыталъ, какъ душа моя способна волноваться и трепетать при видѣ какого нибудь морскаго судна въ открытомъ морѣ на всѣхъ парусахъ, или при звукахъ военной музыки и грома оружія. Вчера, при восходѣ солнца, съ высоты башни святаго Ануфрія, я слѣдилъ съ замираніемъ сердца за уходившими отрядами войска, и душа моя летѣла вслѣдъ за развѣвавшимися знаменами туда, по дорогѣ въ Римъ, откуда торжественно восходило солнце, обливая своими лучами окрестные холмы и верхушки деревьевъ.

Скоро я спохватился и созналъ наущеніе духа тьмы, и, обливаясь слезами, раскаявался въ минутномъ увлеченіи. Ночь, проведенная на колѣняхъ и въ молитвѣ на

холодныхъ плитахъ нашихъ хоровъ, возвратила мнѣ спокойствіе и смиреніе, приличныя будущему духовному служителю.

Мнѣ предлагаютъ выбрать одно изъ двухъ, или возвратиться въ родительскій домъ, къ сельскимъ занятіямъ, къ которымъ я не чувствую себя способнымъ, или вступить послушникомъ въ монастырь святаго Урбино, на что я, мнѣ кажется, скорѣе рѣшусь. Какъ только Богъ поможетъ мнѣ окончательно остановиться на которомъ либо изъ этихъ двухъ назначеній, то не замедлю извѣстить тебя.

ПИСЬМО 5.

Лаврентію Ганганелли.

Болонія. 28-го Іюня 1725 года.

Прошло два мѣсяца, какъ умеръ мой отецъ. Тонина мнѣ пишетъ очень ласковыя и игривыя письма; они нѣсколько развлекаютъ мое грустное одиночество.

Полкъ нашъ дѣлаетъ ежедневныя ученія на площади, и эти ученія меня очень утомляютъ, я скучаю. Одинъ изъ моихъ товарищей мнѣ предложилъ прогуляться загородъ въ Местръ на нѣсколько часовъ, соблазняя салатомъ брокули, который тамъ ростетъ въ изобиліи. Брокули я вовсе не люблю и нисколько имъ не прельщаюсь, но прогулка сама по себѣ заранѣе восхищала меня, и мы отправились.

Я думалъ, что онъ запасся двумя свидѣтельствами, какъ для себя, такъ и для меня, но когда мы подошли къ кардону, онъ вынулъ изъ кармана свой больничный билетъ (онъ только что вышелъ тогда изъ лазарета) и съ пресерьознымъ видомъ подалъ его стоявшему тутъ сторожу, который взялъ его, кажется, верхъ ногами, съ видомъ грамотнаго человѣка, посмотрѣлъ и высказалъ намъ позволеніе проходить. Какъ только увидѣлъ землю, поля, рощи, просторъ, я вдругъ возненавидѣлъ все, остав-

ленное за собою, и нашего капитана, и полкъ, и всю Венецію. При мнѣ были, по обыкновенію, всѣ мои деньги, все, что оставилъ мнѣ умирающій отецъ. Еще мы не кончили своего обѣда, какъ я вынулъ свой кошелекъ и, расплатившись, подъ первымъ предлогомъ оставилъ своего товарища и, скрывшись отъ него за деревьями, пустился бѣжать по направленію къ Брента. Переплывъ рѣку, я вошелъ въ первое селеніе, какое попалось мнѣ на дорогѣ, не смѣя даже спросить его названія, купилъ себѣ пару платья, нечто въ родѣ монашескаго облаченія, желтаго цвѣта, какое носятъ, сказали мнѣ, аббаты, отправляясь въ Римъ, и на другое утро, выйдя въ поле, зарылъ въ землю свой мундиръ, а съ нимъ похоронилъ и свою военную карьеру, такъ опротивѣвшую мнѣ въ послѣднее время. Замаскированный такимъ образомъ, я проходилъ много мѣстъ, то возсѣдая на ослѣ, то идя рядомъ съ ветурино. Большую часть дороги пройдя пѣшкомъ, я наконецъ добрался до Болоніи.

Я здѣсь уже съ недѣлю. Тонина, то-есть мамзель Антонія, какъ ее здѣсь величаютъ, находится въ здѣшнемъ театрѣ на жалованіи третьеклассной артистки. Она встрѣтила меня сначала съ какимъ-то удивленіемъ, но потомъ выразила удовольствіе меня видѣть. Я показалъ ей мои отцовскіе цехины и предложилъ ей мою руку, она разсмѣялась—эта дѣвушка все смѣется! Она познакомила меня съ однимъ прелатомъ, который у нее бываетъ довольно часто, и отрекомендовала ему меня за своего родственника, — одна изъ ея фантазій. Наконецъ, я пользуюсь полной свободой! вхожу и выхожу, когда мнѣ угодно, дѣлаю что хочу, ни у кого о томъ не спрашиваясь. Какая перемена декораціи! Какъ только мы съ Тониной сыграемъ нашу свадьбу, сообщу тебѣ, и въ подробности передамъ мои планы на будущее. Я намѣренъ заняться коммерціею, такъ какъ имѣю теперь на это достаточно средствъ.

Ты очень добръ, и доброта твоя придаетъ слишкомъ много заслуги моему подвигу, который ты такъ подробно

описываешь. Я увѣренъ, что ты сдѣлалъ бы то-же самое на моемъ мѣстѣ. Главное, что утѣшаетъ меня, это твоя увѣренность въ моей къ тебѣ привязанности; послѣ смерти моего отца, мнѣ кажется, я люблю тебя еще болѣе.

ПИСЬМО 6.

Карлу Бертинаци.

Сент-Анжело-ин-Водо. 1-го Іюля 1726 года.

Прошелъ цѣлый годъ, и я ничего не знаю о твоей судьбѣ, знаю только, что ты оставилъ Венецію и полкъ свой. Я писалъ къ капитану твоей роты, прося его извѣстить меня о тебѣ; но онъ въ отвѣтѣ своемъ, отозвавшись незнаніемъ твоего мѣста пребыванія, добавилъ, что если ты когда нибудь ему попадешься, то велитъ тотчасъ-же повѣсить тебя на суку перваго дерева за твою вольную отлучку изъ полка. Не знаю, какъ объяснить себѣ твое загадочное поведеніе. Паоло Даци говорилъ, что видѣлъ тебя во Флоренціи; онъ обѣщалъ доставить тебѣ мое письмо, увѣряя будто ты живешь у одного купца, торгующаго шелковыми товарами.

Одиннадцатый мѣсяцъ, какъ я вышелъ изъ семинаріи и живу съ моими сестрами въ нашей бѣдной деревушкѣ—Сентъ-Анжело-ин-Вадо. Моя мать скончалась въ то самое время, какъ я воротился подъ родительскій кровъ. Я глубоко почувствовалъ свое сиротство, даже ласка и вниманіе, окружающихъ меня сестеръ, не могутъ меня утѣшить въ этой незамѣнимой потерѣ. Домъ нашъ я нашелъ состарившемся, и показался онъ мнѣ гораздо меньше того, какъ я его покинулъ. Смерть дорогой матушки наложила на него печать унылости и пустоты. Сердце мое ищетъ ее повсюду, гдѣ такъ привыкло ее прежде видѣть. Она живо представляется моему воображенію, какъ я помню въ моемъ ребячествѣ, ея величественную осанку, (она была высокаго роста), боль-

шіе умные глаза и блѣдное съ правильными чертами лицо. Постоянная измѣнчивость расположенія духа ужъ давно обнаруживала въ ней таившуюся болѣзнь, которая и свела ее въ могилу.

Я ищу ее въ особенности вечерами съ закатомъ солнца, когда спускаюсь по отлогому нашему саду къ маленькой рѣчкѣ, протекающей тамъ, и въ водахъ которой колеса, такъ любимой мною мельницы, двигаются съ однообразнымъ и знакомымъ мнѣ шумомъ... мнѣ тогда кажется, что я слышу ея голосъ, зовущій насъ къ ужину, а бѣлыя пятна отъ лунныхъ лучей, мелькающія въ кустахъ, воображеніе мое принимаетъ за складки ея бѣлаго платья.

На мнимый голосъ я откликаюсь болѣзненнымъ крикомъ и обливаюсь слезами.

Другъ мой, съ потерею этой, дружба наша становится еще тѣснѣе, я чувствую это. Какъ жаль, что мы не одной родины! Какое наслажденіе было-бы вспоминать вмѣстѣ съ тобою о прелестяхъ нашей общей родины! Не знаю почему то принято называть природу безмолвной, тогда какъ она такъ краснорѣчиво умѣетъ говорить съ нами, когда мы сами еще чисты, невинны и просты, какъ она сама!—Меня очень удивляло, какъ другіе не находили вмѣстѣ со мною природу родины лучше, роскошнѣе всякой другой на свѣтѣ. Ея холмы, деревья, поля казались мнѣ лучше всѣхъ другихъ въ цѣломъ мірѣ. И между тѣмъ скоро я долженъ.буду оставить ихъ. Я вижу и сознаю, что силы мои физическія недостаточно развиты, точно также какъ и другія мои способности для обработыванія и воздѣлыванія этой милой для меня земли. Я не въ состояніи, подражая покойному отцу, выносить почтенные труды земледѣльца. Мнѣ дѣлается совѣстно за себя, когда я вижу своего зятя (сестра Марья вышла за-мужъ за одного изъ сосѣднихъ фермеровъ) за работой очищенія и подготовленія для посѣва этихъ полей, на которыхъ я праздно гуляю, безплодно предаваясь мечтамъ. Въ послѣднее время моего пребыванія здѣсь я

привыкъ дѣлать время отъ времени довольно далекія путешествія, то взбираясь на какую нибудь крутизну окинуть съ высоты ея жадными глазами всю окружную даль, то посѣщая какое нибудь селеніе, воспѣтое нашими поэтами, какъ напримѣръ Равенна. Я молился на могилѣ славнаго Данте, былъ въ замкѣ Римини, гдѣ умерла Франческа, которая, благодаря стихамъ знаменитаго поэта, оставила гораздо болѣе яркое и симпатичное воспоминаніе, чѣмъ многіе другіе памятники этой страны, какъ напримѣръ сооруженія Августа, Тиверія и другихъ римскихъ императоровъ. Троны падаютъ и разрушаются, но мысли и слова поэта цвѣтутъ и не увядаютъ.

Я былъ въ Романіи и видѣлъ на верху высокой и крутой скалы скромную постройку пріюта, основаннаго далматскимъ плотникомъ, памятникъ республиканской добродѣтели, и мнѣ казалось, что не столько величественно возвышалась эта гордая скала съ историческими окрестностями своими, орошаемыми рѣкою Эридономъ и не разъ обогряемыми кровью Гвельфовъ и ихъ непримиримыхъ враговъ, сколько выше паритъ свободный политическій духъ этой маленькой области надъ всей остальной деспотической и эгоистической Европы. Этотъ небольшой уголокъ земли незнаетъ ни внутреннихъ раздоровъ, ни внѣшней борьбы. И въ самой природѣ только тогда свирѣпствуетъ буря, когда померкнутъ благотворные лучи согрѣвающаго солнца.

Перелиствывая сочиненіе одного досужаго писателя камергера, я нашелъ въ немъ насмѣшки надъ этой горстью свободныхъ и трезвыхъ людей. Какое ослѣпленіе! Вотъ также какой нибудь ярый поборникъ естественныхъ правъ и законовъ вооружается противъ религіи, не видя въ слѣпотѣ своей лежащаго въ основаніи ея великаго принципа всеобщаго равенства и свободы. Что до насъ съ тобою, то мы конечно не знаемъ ни одной системы философіи и вообще философскаго сочиненія выше той книги, которая называется Евангеліемъ. Еслибы сынъ Божій и не являлся къ намъ на землю кровью своею закрѣпить не-

преложность своего ученія, то одна мысль, вдохновившая это ученіе, ужъ была бы самою великою и прекрасною. Да, это уваженіе къ равноправности, безъ котораго не могутъ обойтись нѣкоторыя души, привязываетъ меня къ престолу, у котораго нѣтъ преимущества властямъ и титуламъ передъ добродѣтелью и нравственнымъ достоинствомъ, и гдѣ благородство чувствъ стоитъ выше почестей и богатства.

Нынѣшнюю зиму я былъ жестоко наказанъ за то, что рѣшился было добровольно подвергнуть себя надмѣнному покровительству владѣтелей палатъ и дворцовъ здѣшней аристократіи.

Въ Равеннѣ живетъ одинъ довольно добродушный старикъ, скромный потомокъ древней и нѣкогда блестящей фамиліи Малотестовъ, который, удостоивая меня своей дружбой и искреннимъ расположеніемъ, предложилъ мнѣ пользоваться его довольно обширною библіотекою въ его загородномъ палацѣ. Я бывалъ у него довольно часто лѣтомъ, и въ нашихъ бесѣдахъ онъ, казалось, находилъ особенное удовольствіе. Вызывая меня всё болѣе и болѣе на откровенность, онъ такимъ образомъ заставилъ меня высказывать передъ нимъ кое какія сложившіяся во мнѣ убѣжденія. Наконецъ, возымѣвъ обо мнѣ почему-то высокое мнѣніе, прославилъ меня въ кругу своихъ друзей аристократовъ чуть не чудомъ геніальности и задумалъ втянуть меня въ этотъ блестящій кругъ. Въ первое время моего тамъ появленія, скромная личность выходца изъ Сент-анжело-ин-Вадо вызвала любопытное вниманіе рязныхъ эминенцій, эксцеленцій и синьеровъ, а также и снисходительное участіе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ предложеніями, сдѣланными свысока. Не безъинтересно было-бы передать въ вѣрныхъ и художественныхъ чертахъ эту довольно комическую смѣсь едва замѣтнаго, но не менѣе того чувствительнаго презрѣнія къ моей бѣдности и въ тоже время тщательнаго старанія укрыть отъ меня свое подчасъ обнаруживающееся помимо ихъ воли очень грубое невѣжество и ограничен-

ность. Нѣкоторые изъ этихъ аристократовъ, происходящіе дѣйствительно отъ предковъ, ознамѣновавшихъ себя въ исторіи, обращались со мною не безъ достоинства и благородной простоты, но, Боже мой, за то другіе, и большая часть, не такой глубокой древности, съ какимъ уничтожающимъ высокомѣріемъ окидывали мою скромную фигуру своими надмѣнными взглядами. Между ними я встрѣтилъ одного новоиспеченнаго графа, который находится со мною даже въ родствѣ по покойной матери моей и который могъ очень хорошо узнать меня, такъ какъ очень недавно видѣлъ меня до своего быстраго возвышенія, но тутъ, конечно, остерегся меня узнать. Безпокойство и неловкость его и его графини (дечери какого то пѣвчаго) при моемъ приближеніи комичностью своей возбудили во мнѣ жалость, и я поспѣшилъ удалиться отъ нихъ. И такъ ты видишь, что мнѣ, неспособному и слишкомъ слабому физически для полевыхъ работъ, отвергнутому обществомъ высшаго городскаго слоя, ничего больше не оставалось, какъ искать прибѣжища и утѣшенія въ званіи духовномъ-монастырскомъ. Оно-же было съ раннихъ лѣтъ моихъ согласно съ моими наклонностями, и я обращаюсь къ Богу съ глубокою благодарностью за пріютъ, который Онъ даетъ моимъ ограниченнымъ силамъ, эту единственную пристань, гдѣ я могу спастись отъ грозящихъ мнѣ крушеній. Въ самомъ дѣлѣ, что сталось бы съ подобными мнѣ, обойденными судьбой, одаренными въ то-же время душою впечатлительною, робкою, неувѣренными въ своихъ силахъ, или съ тѣми павшими уже въ неровной борьбѣ, невольными преступниками, не имѣющими никого себѣ близкихъ, способныхъ утѣшить и помирить съ возмутившеюся совѣстью ихъ наболѣвшее сердце, что сталось бы съ ними, еслибы не существовали монастыри, гдѣ они могутъ покрайней мѣрѣ показать примѣръ смиренія и покорности?

Да, я рѣшился окончательно вступить въ монастырь того самаго Урбино, гдѣ первыя проявленія моего честолюбія получили такой жестокій урокъ. Какъ только

мнѣ возможно будетъ пристроить приличнымъ образомъ мою вторую сестру, такъ немедленно остригаю свои волосы и надѣваю облаченіе служителей братства святаго Франциска. Да поможетъ мнѣ Богъ сдѣлаться достойнымъ носить эту почтенную одежду, покрывавшую столько славныхъ мучениковъ во время знаменитой осады крѣпости Сен-жан-д'Акръ!

ПИСЬМО 7.

Отъ Карла Бертинаци Лаврентію Ганганелли.

Флоренція 4-го января 1727 г.

Да, я во Фларенціи, мой милый Лаврентій, и здѣсь уже получилъ твое письмо. Опо застало меня въ лучшемъ состояніи, нежели какое я испытывалъ до сихъ поръ. Въ продолженіи восмнадцати послѣднихъ мѣсяцевъ я нищенствовалъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Но въ настоящую минуту я совершенно спокоенъ и теперь опишу тебѣ все подробно. Прежде всего Тонина: замѣтивъ въ ея поведеніи нѣкоторыя темныя пятна, я потребовалъ отъ нее объясненія, она отвѣчала, что дастъ ихъ мнѣ лишь тогда, когда я буду способенъ вѣрить ея словамъ, а до тѣхъ поръ нескромные порывы моей ревности будутъ только компрометировать ее, потомъ она посовѣтовала мнѣ переѣхать жить куда нибудь подальше. Имѣла ли опа право жаловаться на мою нескромность, когда я едва осмѣливался поцѣловать ея руку и то когда она сама мнѣ ее протягивала? Я дѣйствительно нанялъ себѣ другую квартиру, что мнѣ также совѣтовалъ и прелатъ.

Съ тѣхъ поръ я ужъ почти никогда не заставалъ ее дома. Когда однажды мы съ нею встрѣтились, я напомнилъ ей о нашемъ намѣреньи жениться, то она мнѣ отвѣчала будто я неумѣю соблюдать приличія. Чтобъ пріучиться къ правиламъ общежитія, я началъ посѣщать

всякое общество, преимущественно одной кофейной, которую теперь я никогда не забуду по поводу одного приключенія. Въ тотъ вечеръ я чувствовалъ себя очень несчастнымъ; болѣе недѣли я ее совсѣмъ не видѣлъ. Можетъ быть, разсуждалъ я, она не можетъ любить меня: я для нее не довольно богатъ. Я не считалъ въ мірѣ ничего такого, чего бы она не была достойною и чѣмъ бы я не желалъ обладать и положить у ея ногъ! Я находилъ съ ея стороны справедливымъ и естественнымъ желать жить во дворцѣ и разъѣзжать въ роскошномъ экипажѣ, объ чемъ она такъ часто мечтала. Когда мнѣ случалось играть въ карты я былъ въ нихъ довольно счастливъ, и игра ко мнѣ шла постоянно хорошая. Это навело меня на мысль испытать еще разъ счастіе и такимъ образомъ удвоить, а если возможно и утроить свой капиталъ.

Вхожу въ кофейную, всѣ тотчасъ-же обратили на меня вниманіе; повидимому наружность моя внушала довѣріе. Мнѣ почти тотчасъ же предложили принять участіе въ игрѣ. Сонъ въ руку, подумалъ я, и сажусь за столъ. Одинъ изъ моихъ сосѣдей наклоняется ко мнѣ и шепчетъ мнѣ на ухо: «какъ поживаетъ синьёръ Сторци? Я вспомнилъ, что въ полку нашемъ былъ одинъ офицеръ, котораго звали этимъ имянемъ и отвѣчаю ему громко, ненаходя надобности объ этомъ шептаться: очень хорошо! Но въ тоже время спохватившись, что все касающееся полка, изъ котораго я дезертировалъ, могло быть мнѣ опасно, я сробѣлъ и почувствовалъ какъ покраснѣлъ. Сосѣдъ мой сейчасъ замѣтилъ это и, тронувши мое колѣно, взглядомъ далъ мнѣ знать, чтобъ я себя невыдавалъ. Я скоро оправился. Послѣ нѣсколькихъ оборотовъ игры мнѣ передали карты, и я началъ мѣтать фараонъ въ товариществѣ трехъ какихъ то иностранцевъ, изъ которыхъ одинъ былъ богатый англичанинъ. Отступить мнѣ ужъ не было возможности: я выложилъ мои двѣсти цехиновъ на столъ—все мое богатство. Въ продолженіи не болѣе часа я проигралъ все

до копѣйки, въ тоже время проиграли всѣ свои деньги и трое иностранцевъ. Они стали ругать меня, но я только вполовину слышалъ и понималъ... Озадаченный собственной потерею, грустно отошелъ я отъ стола и, сѣвъ у стѣны, порядочно всплакнулъ. Одна дама, какъ видно изъ домашнихъ, подошла ко мнѣ и тихонько, но серьезно похвалила мою ловкость въ игрѣ. Я ничего не понялъ да и не до того мнѣ было. Многіе начали уходить ужъ, тоже хотѣлъ сдѣлать и я, какъ вдругъ двери заперли прежде, чѣмъ я успѣлъ выдти. Комната огласилась громкимъ крикомъ и хохотомъ. Оставшіеся были: во первыхъ подходившая ко мнѣ дама, потомъ изъ мужчинъ придворный аббатъ, котораго бѣлые пальцы унизаны были перстнями, блиставшими драгоцѣнными каменьями, — я ихъ замѣтилъ еще въ то время, какъ онъ бралъ или давалъ карты во время игры,—затѣмъ молодой человѣкъ, еще кажется даже несовершеннолѣтній, самаго меланхолическаго вида, потомъ военный казначей его святѣйшества папы, имѣвшій очень представительную наружность, черные усы и вообще внушительную осанку, и наконецъ нѣчто въ родѣ помѣщика провинціала съ толстыми и неловкими руками, которыми, казалось, едва умѣлъ держать карты.

Меня позвали счесть игру. Какъ считать, когда я все проигралъ? подумалъ я. Однако-жъ, почти машинально, подошелъ къ столу, и мнѣ тотчасъ же подали мои двѣсти цехиновъ, которые я думалъ уже болѣе никогда не увижу.—Мы не забудемъ, сказала дама, поблагодарить Строца за такого хорошаго помошника. Невозможно было лучше исполнить свою роль.—Молодой человѣкъ прибавилъ: Онъ былъ воплощенная невинность!—Съ какимъ искусствомъ онъ проигрывалъ свои деньги, сказалъ провинціалъ. — Мнѣ показалось будто онъ ужъ слишкомъ по дурацки ихъ спускаетъ, присовокупилъ военный казначей, и я боялся даже, что штука черезъ это вовсе неудастся... Но теперь пойдемъ ужинать. — Господа, запѣлъ теноромъ аббатъ, прежде сдѣ-

лаемъ разсчетъ, а затѣмъ, надѣюсь, вы меня извините, если я не останусь ужинать съ вами.—Куда это, святой отецъ? вскричали всѣ.—Да, вы еретики, не помните, что сегодня пятница, вамъ до нее и дѣла нѣтъ, а мнѣ изъ за васъ нельзя оскоромиться и рисковать своею душою для удовольствія вашей почтенной компаніи. Тутъ онъ пустился проповѣдывать о воздержаніи и спасеніи души, но его перервали въ самомъ началѣ. Онъ сталъ собираться уходить, а за нимъ и я. — Браво, браво! — вскричалъ кто то, онъ до конца хочетъ доигрывать роль. Любезный другъ, потрудитесь убрать слѣдуемую вамъ часть. — Развѣ вы не видите, сказала мнимая графиня, онъ имѣетъ инструкцію оставить эти деньги въ кассѣ нашего банка! Вѣроятно такъ поручилъ ему Строци.

Насъ проводили со свѣчами внизъ по лѣстницѣ и, пожелавъ намъ доброй ночи, заперли за нами двери. Когда мы вышли на улицу, признаюсь ни одну минуту я не подумалъ воспользоваться непринадлежавшими мнѣ деньгами, но за то радовался возвращенію своихъ и очень торопился разстаться съ моимъ компаніономъ на первомъ же углѣ. Почти бѣгомъ примчался я домой, говоря самому себѣ: они возвратили мнѣ мои деньги, это должны быть благородные господа, если только неотъявленные мошенники.

На другой день я получилъ записку отъ Тонины самаго ласкательнаго и заискивающаго тона. Въ театрѣ готовились къ представленію въ ея бенефисъ и такъ какъ на одну роль—какого-то паши, недоставало актера, то она просила меня не оставить ее въ этомъ затрудненіи, какъ я ужъ одинъ разъ это сдѣлалъ для ея дяди. Въ запискѣ она не поскупилась на милыя слова и льстивыя обѣщанія въ награду за исполненіе ея просьбы. Я согласился, но подъ вліяніемъ ея прежняго обращенія со мною заставилъ еще упрашивать себя, угрожая даже на послѣдней репетиціи бросить все и оставить сцену. Однимъ словомъ я капризничалъ и дѣлалъ всякаго рода замѣдленія какъ будто какой нибудь зна-

менитый теноръ; но она выносила все терпѣливо и была до крайности уступчива. Въ вечеръ самаго представленія, въ ту минуту, какъ одинъ изъ персонажей, Леліо, пѣлъ мнѣ подъ носъ признательность за освобожденіе какой-то невольницы, я невиннѣйшимъ образомъ разглядывалъ ложи и партеръ театра, и вдругъ! что я вижу: въ самомъ первомъ ряду, шагахъ въ 4-хъ отъ контрбаса сидитъ мой генуезецъ — капитанъ, и я явственно разслышалъ его слова своему сосѣду: вы видите этого сквернаго пашу, это бѣглецъ изъ моей роты.— У меня зашумѣло въ ушахъ, и мнѣ казалось будто я слышалъ слова — шельмецъ, дезертиръ, висѣлица. Я исчезъ, какъ только вышелъ за кулису до окончанія еще пьесы. Дома я не ночевалъ, опасаясь обыска и, бродя по улицамъ, думалъ и спрашивалъ самого себя съ тоской: зачѣмъ грозный капитанъ очутился въ Болоніи, и зачѣмъ съ такою настойчивостью меня преслѣдуетъ? Зачѣмъ я ему такъ нуженъ? Еслибъ я еще имѣлъ твой высокій ростъ, величественную осанку и красивое лицо, ну я бы понялъ его желаніе украсить свою роту такой представительной фигурой, но маленькій и худенькій, какимъ меня создала природа, и съ моею даже, можно сказать, косолапостью на кой чертъ я могъ годиться этому свирѣпому капитану Маламако?

Я послалъ справиться къ Тонинѣ и узналъ, что она уѣхала изъ Болоніи...

Великій Боже!... Еслибъ молнія упала у моихъ ногъ, такъ я и тогда небылъ бы такъ сильно пораженъ, какъ поразило меня это извѣстіе. Я не вижу больше опасности, лечу къ ней на квартиру—она пуста. Невѣста моя исчезла! Я бѣгу къ себѣ; мнѣ говорятъ, будто она приходила въ мое отсутствіе... открываю ящикъ стола, гдѣ лежали мои деньги, онѣ также исчезли и на ихъ мѣстѣ нахожу записку, въ которой она пишетъ, что критическія обстоятельства принуждаютъ ее занять у меня эти деньги, что кредиторы ее преслѣдуютъ и что слезы и отчаяніе мѣшаютъ ей кончить это письмо, но что она извѣститъ

меня спустя нѣсколько времени о томъ, куда она отправилась и гдѣ будетъ находиться. Я поторопился конечно въ свою очередь убраться. Впрочемъ, говоря правду, меня не долго волновало мое несчастіе.

Послѣ этихъ событій я отправился во Флоренцію. Меня утѣшала мысль, что я ускользнулъ отъ моего капитана. Воспоминаніе объ ласкахъ Тонины, хотя мимолетныхъ, и надежда снова ее увидѣть также способствовали къ разсѣянію моей печали. Къ тому-жъ разноообразіе впечатлѣній дороги въ новой невиданной мною странѣ развлекли меня, и наконецъ я какъ будто имѣлъ предчувствіе счастливой перемѣны моей судьбы, что дѣйствительно и случилось.

Здѣсь начинается моя карьера, къ которой, какъ ты самъ пишешь, я имѣю призваніе. Я нахожусь въ конторѣ одного зажиточнаго купца, въ качествѣ прикащика, и это по рекомендаціи Паоло то есть, лучше, сказать, его отца. Купецъ этотъ торгуетъ шелковыми матеріями, соломенными шляпами и алебастровыми фигурами. Онъ совершенно мнѣ довѣряетъ. Заботы и порученія, исполненіемъ которыхъ я занятъ почти цѣлый день, удаляютъ отъ меня дурныя мысли, и воспоминаніе объ Тонинѣ ужъ не преслѣдуетъ меня такъ, какъ это было прежде. Я даже надѣюсь найти современемъ партію для себя гораздо лучше, и тогда немедленно извѣщу тебя о томъ.

ПИСЬМО 8.

Карлу Бертинаци.

Асколи. 12-го Февраля 1727 года.

Я начинаю только теперь оправляться отъ тяжкой и продолжительной болѣзни. Меня перевезли изъ Урбино въ Асколи для того, какъ мнѣ сказали, чтобы я могъ здѣсь воспользоваться лекціями философіи этой знаменитой школы; но я подозрѣваю намѣреніе моихъ добрыхъ начальниковъ дать мнѣ возможность скорѣе возстановить

свои силы, вдыхая чистый и свѣжій воздухъ здѣшнихъ горъ и долинъ, орошаемыхъ Трентомъ. Профессоръ Конти почти съ самаго начала моего прибытія запретилъ мнѣ наотрѣзъ, хотя и въ очень ласковыхъ выраженіяхъ, ходить на лекціи до тѣхъ поръ, пока здоровье мое не поправится, иначе, прибавилъ онъ, это останется у него на совѣсти. И дѣйствительно, усидчивыя занятія по ночамъ надъ изученіемъ языковъ, преимущественно восточныхъ, вызвали снова лихорадочные припадки, которые совсѣмъ было меня оставили. Увы! я самъ по себѣ еще такое ничтожество, мнѣ такъ позволительны попытки въ чемъ нибудь отличиться, не придавая этому желанію слишкомъ большихъ претензій.

Сколько я думалъ о тебѣ, Карлино, особенно во время моихъ безсонныхъ ночей! Сколько бы страданій смягчило твое участіе, еслибы ты подумалъ его проявить, хоть письменно. Но не будемъ поминать прошедшее дурнымъ; да посѣтитъ тебя раскаяніе! Что болѣе всего меня огорчало и страшило, это мысль умереть, не увидавши Рима. Не могу тебѣ описать какія видѣнія меня преслѣдовали и какіе призраки осаждали мое больное воображеніе. Вмѣстѣ съ первыми признаками выздоровленія во мнѣ явилась страстная забота наверстать потраченное время усиленными занятіями по приготовленію къ испытанію и поступленію въ монастырь. Но къ несчастію срокъ еще отложили на нѣкоторое время. Вѣроятно меня не считаютъ достаточно подготовленнымъ нравственно удостоиться чести вступить въ это высокое братство, и это открытіе меня очень огорчаетъ. Отецъ Іосифъ Донати, одинъ изъ нашихъ докторовъ философіи, передъ поѣздкой въ Рокопати, Фано и Пезаро, потребовалъ непремѣнно взять меня съ собою, увѣряя будто я содѣйствую ему въ педагогическихъ трудахъ. Правда, по его просьбѣ я замѣнялъ его иногда на кафедрѣ и читалъ за него лекціи теологіи и исторіи. Эти уроки, въ которыхъ размышленія о святости церкви и обязанностяхъ духовнаго званія увлекали меня, давали случай высказаться моему

быстро воспламеняющемуся воображенію. Любовь къ Создателю и глубокая преданность къ Его Божественному Сыну стремились высказаться и въ тоже время наполняли собственную мою душу благодатью. Такимъ образомъ очень посредственная моя лекція получала силу и краснорѣчіе, неожиданныя для меня самого. Я такъ благоговѣю передъ величіемъ нашего ученія и его обрядовъ, невольно углубляюсь въ ихъ таинственный смыслъ и стараюсь истолковать себѣ высокую гармонію хода службы и священныхъ псалмовъ. Въ звукахъ голосовъ пѣнія и величественнаго органа я нахожу ту гармоническую связь, которая пополняетъ тѣ мѣста, гдѣ языкъ человѣческій не въ силахъ выразить небесныхъ ощущеній души. Я самъ иногда сажусь играть, и руки мои покорно слѣдятъ за душевнымъ настроеніемъ, заставляя меня забывать мое земное существованіе. Музыка тогда поглощаетъ все мое нравственное существо, и я обращаюсь то въ тѣло безъ души, то въ душу безъ тѣла. Недавно я вызвался самъ отправлять обязанность органиста во время отпѣванія одного покойника, но въ самый послѣдній моментъ концерта силы меня покинули, и я лишился чувствъ.

Впрочемъ мнѣ по неволѣ приходится спускаться на землю и положительнымъ образомъ сознавать свое жалкое существованіе, даже близкое къ убожеству. Пользуясь данной мнѣ начальствомъ свободой, я довольно часто пропускаю службу. Невольно соблюдаемый мною постъ мнѣ иногда приходится не подъ силу, и я частенько подумываю о томъ, какъ хорошій кусокъ хлѣба мнѣ былъ бы далеко не лишній. Вчера я удалился съ книгой и кускомъ чернаго хлѣба въ одинъ изъ монастырскихъ садовъ, гдѣ обыкновенно не встрѣчаю никого, кромѣ иногда садовника, съ которымъ иногда разговариваю. На этотъ разъ я былъ совершенно одинъ и съ наслажденіемъ уничтожалъ свою скромную трапезу подъ тѣнью дерева на каменной скамѣйкѣ. Я перечитывалъ письма и посланія святаго Василія, какъ вдругъ передо мною появляется

фигура капуцина, брата Егора Витербскаго (который приходилъ иногда и прежде со мною бесѣдовать). Онъ возвращался на родину и пришолъ со мной проститься. Онъ бросился на колѣна къ моимъ ногамъ и просилъ моего благословенія.

Прошу васъ благословить меня, сказалъ онъ, не какъ братъ благословляетъ брата, а какъ начальникъ церкви, которымъ вамъ быть предначертала судьба. Лицо его было необыкновенно въ эту минуту; оно озарялось лучемъ вдохновенія. Вы процарствуете, продолжалъ онъ, столько-же сколько Сикстъ V и умрете насильственною смертью, не открывъ святыхъ вратъ.

Я съ улыбкою поднялъ его, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ, какъ онъ того требовалъ, потомъ, отломивъ половину моего хлѣба, отдалъ ему. Не въ первый разъ я замѣчаю разстройство разсудка у престарѣлаго брата Егора. Я довольно долго еще слѣдилъ за его удаленіемъ и видѣлъ, какъ онъ положилъ въ свой мѣшокъ мой хлѣбъ. Вѣроятно онъ не чувствовалъ нестерпимаго голода. Сейчасъ мнѣ сообщили предложеніе отправить меня, вмѣстѣ съ профессоромъ Лучіемъ, въ Римъ. Можешь представить себѣ состояніе моей души.

Младшая сестра моя отказывается выходить теперь замужъ.

Я только тогда почувствую себя вполнѣ счастливымъ, когда буду знать, что и ты можешь имъ быть.

ПИСЬМО 9.

Лаврентію Ганганелли.

Флоренція 7-го іюля 1728 года.

Я не женюсь! Теперь меня занимаетъ единственно мысль о торговлѣ. Я брожу по полямъ, собирая рисовую солому и шелковичные коконы. Я все болѣе и болѣе пріобрѣтаю довѣрія и расположенія патрона, онъ

обѣщаетъ сдѣлать меня со временемъ своимъ компаніономъ.

Во Флоренціи все дѣлается только для прихоти и удовлетворенія богатыхъ и знатныхъ. Я конечно не бываю на извѣстныхъ здѣсь загородныхъ гуляніяхъ въ Казино, такъ какъ для этого надо имѣть свой экипажъ. Въ Боболи бываютъ крестные ходы, въ которыхъ и я принимаю иногда участіе, присоединяясь къ процессіи. Одинъ разъ я сопровождалъ такую процессію до самаго Физоли. Возвращаясь оттуда, я встрѣтилъ на перекресткѣ двухъ дорогъ маленькую молельню съ образомъ Мадонны, а такъ какъ по дорогѣ я собиралъ цвѣты, то составивъ изъ нихъ букетъ и усердно помолившись, положилъ его передъ нимъ. Въ молитвѣ своей я просилъ Господа ниспослать тебѣ здоровье и все, что ты самъ себѣ пожелаешь. Вѣроятно ты долго не останешься въ Асколи, и я даже имѣю надежду на свиданіе.

Очень скучно. Мнѣ теперь нечего тебѣ разсказывать, со мною ничего не случается. Единственное удовольствіе, которое ожидаю каждый день, это—получить твое письмо или какое нибудь о тебѣ извѣстіе.

Прежде, чѣмъ я успѣлъ окончить это письмо, я узналъ, что ты уже въ Римѣ, но повѣрю этому только тогда, когда Паоло Даци покажетъ мнѣ письмо, въ которомъ получилось это извѣстіе.

ПИСЬМО 10.

Карлу Бертинаци.

Римъ. 9-го сентября, 1729 года.

Наконецъ я въ Римѣ! Я понемногу начинаю освоиваться съ этою мыслью. Духъ мой мужаетъ и ростетъ на этомъ историческомъ грунтѣ, прославленномъ и утоптанномъ столькими знаменитостями. Онъ для меня, какъ земля обѣтованная, обѣщанная моему воображенію. Въ

первые дни и даже цѣлые мѣсяцы моего здѣсь пребыванія душа моя была возвеличена чѣмъ то торжественнымъ, вѣчно парящимъ надъ этимъ благословеннымъ мѣстомъ. Каждое утро, просыпаясь, я повторялъ себѣ: ты въ Римѣ!

Невѣдомый никому, я блуждалъ по стогнамъ этого великаго города безъ цѣли и направленія. Я даже не желалъ освѣдомляться и разспрашивать о значеніи и подробностяхъ толпившихся вокругъ меня мавзолеевъ, боясь прозаическимъ истолкованіемъ профанировать поэтическое настроеніе своей души. Я увѣренъ, что многіе изъ нихъ угадывалъ самъ по наружному виду ихъ развалинъ, уже извѣстныхъ мнѣ по описаніямъ. Когда на меня не смотрятъ, я обнажаю голову передъ почтенными остатками древнихъ стѣнъ и съ глубокимъ смиреніемъ, тихими шагами, прохожу у подножія свидѣтелей такой великой славы.

Въ Римъ я вошелъ пѣшкомъ, и такимъ образомъ путешествуя, проходилъ мѣстами и дорогами очень мало извѣстными въ Италіи. Жалѣю, что не могъ быть во Флоренціи; съ какимъ удовольствіемъ я передалъ бы тебѣ въ изустныхъ разсказахъ разнообразныя впечатлѣнія и тихое наслажденіе, наполнявшія меня въ эти дни свободы и уединенія, не смотря на большую усталость. Часто случалось мнѣ, подобно основателю ордена, въ который я вступаю, не имѣть другихъ средствъ подкрѣпить себя, какъ подаяніе прохожихъ и проѣзжихъ, и другаго пріюта, какъ гостепріимство сельскихъ жителей; но будущее мое было такъ свѣтло и отрадно, я переносилъ такъ легко и спокойно всякаго рода лишенія! При грубомъ столкновеніи съ нѣкоторыми людьми, оказывавшими презрительное пренебреженіе бѣдному монаху, я старался не впечатляться ими, и глаза мои успокоивались съ отрадою на самой природѣ, которая, чѣмъ болѣе я спускался къ югу, тѣмъ становилась прекраснѣе. Сначала Альпы съ закутанными въ облакахъ вершинами и покрытыя хвойнымъ лѣсомъ, а тамъ дубовые вѣковые лѣса,

далѣе цвѣтущія поля и плодовыя рощи. Склоны холмовъ то зеленыхъ, то серебристыхъ отъ движенія вѣтра, освѣжавшаго листву кудряваго тополя. Наконецъ лимонныя и апельсиновыя деревья, миртъ и кипарисъ, плющь и виноградъ, ползущіе по загородкамъ и стѣнамъ бѣлыхъ домиковъ, выдѣлявшихся на чистой синевѣ яркаго неба. Забытый міромъ, я двигался, какъ едва замѣтная былинка, по крутизнамъ грозныхъ Апениновъ, разнообразными цвѣтами своей одежды свидѣтельствующихъ объ жаркихъ лучахъ обливающаго ихъ солнца, подъ которымъ быстро зрѣетъ виноградъ и наливается золотой апельсинъ. Приближаясь къ восточной полосѣ, я видѣлъ воды Венеціи, удаляясь отъ нихъ вправо, взорамъ моимъ открывалась волшебная понорама съ Средиземнымъ моремъ на горизонтѣ, покрытымъ плавающими по немъ судами. Видѣнъ берегъ со множествомъ пристаней и городовъ, построенныхъ въ бухтахъ амѳитеатромъ. А тамъ острова Горгоны и Капріи, тонущіе въ золотистомъ туманѣ.

Я видѣлъ Перузу и степь, гдѣ возвышаются укрѣпленія Асизи. Я былъ приготовленъ къ величію и святости картины самого Рима, но какъ глубоко я былъ пораженъ безотрадностью его окрестностей, предшествующихъ ему съ этой стороны. Сердце мое болѣзненно сжалось при видѣ ихъ. Съ этой стороны надо пройти, можно сказать, сквозь иго безплодія, лихорадокъ и смерти, чтобы наконецъ преклонить усталыя колѣна на мраморѣ и порѳирѣ базилики святаго Петра. Римъ такимъ образомъ представляется на землѣ подобіемъ того царствія небеснаго, уготованнаго для его избранниковъ, куда можно попасть только путемъ испытанія и трудовъ. Не за нарушеніе ли простоты и забвеніе труда пораженъ онъ былъ въ самое время своего процвѣтанія и богатства? Бѣдные и болѣзненнаго вида дѣти играютъ надъ пропастью... Чего хочетъ отъ меня этотъ нищій временъ Виргилія?

Раззореніе цѣлыхъ поколѣній, разрушеніе великолѣпныхъ монументовъ и послѣдовательное паденіе сильныхъ

и богатыхъ родовъ привели понемногу къ паденію и самого вѣчнаго города. Эти козы безпрепятственно карабкаются на самые фронтоны этого храма, и стадо быковъ, вѣдомое однимъ коннымъ пастухомъ, вооруженнымъ длинной пикой, спускается къ водопою подъ мостъ Мильвіусъ.

Вотъ Римъ! Въ первое время моего здѣсь пребыванія все было тихо и спокойно; но скоро все пробудилось и наполнилось движеніемъ и блескомъ по случаю избранія кардинала Ламбертини высшимъ святѣйшимъ совѣтомъ въ папы подъ именемъ Бенедикта XIV-го. Сколько пріѣзжихъ иностранцевъ на площадяхъ, улицахъ, на балконахъ и въ окнахъ домовъ, на отлогихъ крышахъ скромныхъ обиталищъ! Откуда появились всѣ эти пляшущіе горцы, оглашающіе воздухъ своими дудками передъ Мадоннами часовень? Гдѣ могли набрать столько травъ и цвѣтущихъ вѣтокъ устлать ими дороги? Въ продолженіи трехъ дней непрерывалось пѣніе, служились молебны, звонили колокола и грохотали пушки башни святаго Ангела, поражая мой непривычный слухъ. Въ продолженіи трехъ ночей глаза мои не въ состояніи были сомкнуться при видѣ безчисленныхъ огней, горящихъ свѣчами, жирандолями, вензелями, гирляндами и цѣлыми жертвенниками съ высоты купола храма святаго Петра.

Всѣ эти почести должны быть очень утомительны, скучны и излишни даже для того, кому они дѣлаются, то есть папѣ. Бѣдный старикъ! Я сожалѣю его всѣмъ сердцемъ. При первомъ церемоніалѣ мнѣ удалось пробраться въ самый соборъ и, подстрекаемый любопытствомъ лучше видѣть происходившее въ глубинѣ его, я вскорабкался на широкую фризу, поддерживающую хоры, но какой то сбиръ, вмѣсто простаго замѣчанія за безпорядокъ, отвѣсилъ мнѣ довольно полновѣсный ударъ алебардою. Я далъ себѣ слово больше не ходить туда, гдѣ не было для меня мѣста. Я почти совсѣмъ не выхожу изъ монастыря святыхъ апостоловъ, гдѣ надѣюсь получить келью, да и не имѣю еще никакихъ знакомыхъ

въ этой столицѣ христіанскихъ областей. Впрочемъ недавно случай доставилъ мнѣ одно, и довольно необыкновенное знакомство. Я не знаю почему, но неохотно передаю тебѣ объ этомъ, какъ будто совѣсть тревожитъ меня при воспоминаніи о роковомъ для меня сближеніи. Суди самъ.

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, еще въ первое время моего пребыванія въ Римѣ, я получилъ пригласительную записку; ее принесъ слуга, одѣтый въ иностранную и богатую ливрею. Письмо, написанное по англійски, приглашало меня въ одинъ домъ для духовныхъ совѣтовъ, которые будто-бы должны были служить для обращенія въ истинной вѣрѣ заблудшую молодую грѣшницу и тѣмъ служить дѣлу католической церкви. Я отправился, не слишкомъ надѣясь на силу моего усердія и моихъ познаній. Мѣсто, куда я былъ званъ, находится за городомъ, это вилла Памфиліо. Меня встрѣтила довольно уже пожилая дама, и пригласивъ пройти въ ея молельную, объяснила мнѣ цѣль приглашенія: во первыхъ она была наслышана обо мнѣ, какъ о свѣдущемъ и набожномъ ревнителѣ нашего братства, знающемъ нѣкоторые языки, въ томъ числѣ и англійскій, потомъ она и сама имѣла случай присутствовать въ одномъ религіозномъ и ученомъ собраніи при диспутахъ, въ которыхъ я участвовалъ, и слышала, какъ я говорилъ, по ея мнѣнію гораздо сильнѣе и увлекательнѣе всѣхъ другихъ, наконецъ, будто она почувствовала ко мнѣ особенное довѣріе и рѣшилась пригласить меня для дѣла, которое ее озабочиваетъ въ высшей степени. Но затѣмъ она нашла, будто я гораздо моложе того, какъ ей показалось прежде, и притомъ она только теперь замѣтила на мнѣ простое педагогическое облаченіе, а не монашеское. Я всталъ и хотѣлъ удалиться, но она удержала меня. Начало было сдѣлано, я не могъ отступить и отказаться исполнить свое дѣло наставленія, которое потомъ долженъ былъ довершить обрядомъ священно-служитель.

— Я католичка, сказала дама, но при мнѣ родствен-

чица, молодая дѣвушка, которую я очень люблю и которую мнѣ слишкомъ прискорбно видѣть погибающей въ еретичествѣ, она протестантка. Спасите ее!

Въ эту минуту, въ открытыхъ изъ молельни дверяхъ, обращенныхъ къ саду восточной стороны дворца Памфиліо, показалась стройная фигура молодой дѣвушки, проходившей по дорожкѣ. «Вотъ она, сказала моя собесѣдница, вы можете отсюда ее видѣть.» Она была прекрасна и задумчива; освѣщенная лучами солнца и оживленная прогулкою, она имѣла всю свѣжесть здоровья, которую послѣ я уже не видѣлъ въ ней никогда. Чистота всего ея существа, выразившаяся такъ отчетливо прекрасными линіями на свѣтломъ фонѣ, окружавшей ее природы, показалась мнѣ идеаломъ того первообраза, который я составилъ себѣ въ моемъ воображеніи о наружности первой женщины въ первые дни сотворенія міра.

Она повернула было къ дому, но увидѣвъ меня въ открытую дверь, вдругъ обратилась опять всторону и продолжала прогулку. Почтенная дама начала извиняться передо мною за нее, но я ей отвѣчалъ, что я за это нисколько не въ претензіи и что поступокъ этотъ не трудно объяснить, такъ какъ я долженъ былъ быть готовъ къ противодѣйствію съ перваго шага. Она вступила тутъ въ предварительныя объясненія, даже слишкомъ подробныя, передавая и то, что вовсе было не необходимо мнѣ знать для того рода консультаціи, для какой я былъ призванъ.—Черезъ два дня я пришелъ опять въ этотъ домъ и засталъ уже мою паціентку одну въ большомъ залѣ, выходящемъ на терассу. Она сидѣла у окна и срисовывала цвѣты, поставленные передъ ней въ великолѣпной вазѣ.

— Синьоръ монако, сказала она, при моемъ появленіи, особа, пригласившая васъ сюда для моего обращенія, самая близкая мнѣ послѣ моего отца, и я люблю ее всей душой.

Я готова повиноваться требованію ея васъ выслушать, видѣть васъ и говорить съ вами, такъ какъ не

желаю огорчить ее рѣшительнымъ отказомъ, но предупреждаю васъ; что какъ бы вы ни были краснорѣчивы, вамъ не удастся измѣнить, не скажу убѣжденій, я слишкомъ молода ихъ заявлять, особенно передъ такимъ педагогомъ, какъ вы, но просто религіозныхъ мнѣній, къ которымъ я привыкла относиться съ уваженіемъ — отъ ранняго дѣтства.

— Я полагалъ, отвѣчалъ я, что вы сами желаете съ помощью моею выяснить себѣ сомнѣнія и заблужденія...

— Это неправда, хоть и сказанная съ добрымъ побужденіемъ, возразила она. Мой отецъ долженъ былъ по дѣламъ своимъ уѣхать въ Неаполь на нѣкоторое время, и здѣсь думаютъ воспользоваться его отсутствіемъ, подвергнуть мою больную голову испытаніямъ, которыя могутъ утомить меня, но не разубѣдить.—Я хотѣлъ отвѣчать въ свою очередь, но она продолжала:—Скажу вамъ всю истину: мой отецъ былъ женатъ на итальянкѣ, я лишилась матушки еще въ очень раннемъ возрастѣ, и болѣзнь, унесшая ее, какъ видно, унаслѣдована. Думая мнѣ помочь, отецъ перевезъ меня сюда, надѣясь на цѣлебное свойство южной природы. Меня воспитывали въ протестантскомъ исповѣданіи. Когда онъ замѣтилъ, что не смотря на перемѣну климата, изнуреніе силъ моихъ не переставало, онъ выписалъ изъ Ирландіи одну свою родственницу католичку. Эта родственница, вы ее видѣли, пригласила васъ сюда. Она-же уговорила отца передъ отъѣздомъ его въ Неаполь оставить меня въ Римѣ, подъ предлогомъ избѣжанія излишняго утомленія въ пути, въ то же время разсчитывая заняться въ эти дни моимъ обращеніемъ. Я не сомнѣваюсь, что моя добрая тётушка любитъ меня, какъ бы любила свою собственную дочь, и желаетъ мнѣ всего лучшаго. Изъ любви ко мнѣ она и заботится, какъ она выражается, о спасеніи моей души. Повторяю еще разъ, что ваши внушенія будутъ только меня мучить, но безъ всякаго результата.

Теперь предоставляю вамъ самимъ судить, что вамъ остается дѣлать.

— Избави Богъ, поспѣшилъ я отвѣтить, послѣ вашихъ словъ взяться за дѣло, призвавшее меня сюда, оно представлено было мнѣ иначе. Съ этой же минуты я готовъ удалиться по первому вашему желанію. Я знаю такихъ ревностныхъ сподвижниковъ католической религіи, которые считаютъ заслугой прибѣгать къ настойчивости и не боятся насиловать совѣсть для обращенія въ нашу церковь, но я не изъ ихъ числа.

Можетъ быть однакожъ было бы моею прямою обязанностью, обратившись къ вашему образованію, природному уму и чувству справедливости, представить вамъ опроверженія, выработанныя нашими теологами въ отношеніи къ протестантству; но если вы не находите себя въ силахъ ихъ выслушать, то мнѣ остается только ограничиться указаніемъ на догматы, сохранившіеся и въ вашей религіи, общіе всѣмъ христіанамъ, посовѣтовать внимательно объ нихъ подумать, и наконецъ, самому молиться за васъ.

— Я нахожу въ васъ больше снисходительности, чѣмъ ожидала, сказала молодая англичанка, и потому прошу васъ убѣдительно остаться и впередъ посѣщать меня. Если вы откажетесь, я боюсь, тётушка выберетъ для меня еще другаго наставника, болѣе настойчиваго, который только измучитъ меня. А чтобы не обманывать ее и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить уваженіе къ вашему характеру и вашей вѣрѣ, обѣщаю вамъ слушать васъ внимательно, попробую даже отвѣчать вамъ, и во всякомъ случаѣ съ должною искренностью постараюсь высказать вамъ сложившіяся уже во мнѣ убѣжденія и попытаюсь ихъ защищать.

Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я приходилъ на виллу, но безплодны были усилія моего краснорѣчія. Молодая протестантка не убѣждалась, хотя тетка ея, большею частью присутствовавшая при нашихъ бесѣдахъ,

присоединялась ко мнѣ, г одкрѣпляя мои доказательства своими мольбами и даже слезами.

Миссъ Женни, повид имому, находила въ этихъ диспутахъ лишь удовольствіе практиковаться въ итальянскомъ языкѣ, на которомъ м ы большею частью диспутировали. Когда-же я начиналъ говорить по англійски, она поправляла меня, и ка залось льстило ея самолюбію быть полезною такому уч оному, какимъ меня, повидимому, тамъ считаютъ. Еще ка залось ей пріятно было, когда мы всѣ трое вмѣстѣ ката лись въ каретѣ по Риму и его окрестностямъ. Я замѣ нялъ ей въ то время чичероне, объясняя попадавшія ся на пути древности; а впрочемъ можетъ быть и т о, что она, какъ свѣтская дѣвушка, желала блеснуть оригинальностью, разъѣзжая публично въ обществѣ бѣ ного монаха. Но не клевета ли это? можетъ быть о на и не повинна въ мелкой суетности, мысленно пр ошу у нее прощенія. Во всякомъ случаѣ, а можетъ б ыть именно вслѣдствіе совершенныхъ противоположн остей характеровъ всѣхъ насъ троихъ, между нами об разовалась какая то гармонія. Я кажется забылъ тебѣ ск азать, что время искуса моего уже кончилось, и поетр иженіе мое будетъ на дняхъ. Нѣкоторыя лица, принима ющія во мнѣ участіе, совѣтовали мнѣ не торопиться пок идать свѣтъ, но я ужъ твердо рѣшился. Даже и изъ че столюбія невозможно жалѣть о свѣтскомъ поприщѣ. М онастырская жизнь, предоставляя для занятій удобство уединенія, въ то же время можетъ вести на высокія ступени: примѣры Сикстъ IV и Сикстъ V.

Письмо это слѣдовало бы начать извѣстіемъ о моемъ вступленіи въ новый періодъ моей жизни, но оно впрочемъ было, какъ ты догадываешься, начато прежде. Въ послѣднее время мнѣ все удается дѣлать какъ-то не во время. Съ этимъ самымъ извѣстіемъ я былъ на виллѣ Памфиліо и засталъ обѣихъ дамъ вмѣстѣ. Сегодня миссъ Женни особенно слаба и разстроена, такъ что, вслѣдствіе ли дурно проведенной ночи или вообще разстройства нервъ, но когда я сообщилъ имъ о своемъ вступленіи, она лишилась чувствъ.

Надѣвая рясу, я принимаю имя Франциска. Но мнѣ хотѣлось бы сохранить и прежнее мое имя Лаврентія, оно мило мнѣ, имъ называла меня моя мать. Прошу тебя и впредь называть меня по прежнему. Прощай!

ПИСЬМО 11.

Карлу Бертинаци.

Римъ. 16 ноября 1729 года.

И вотъ я у пристани! Глубоко вздыхаю и невольно задумываюсь: получивши то, къ чему стремился, нахожу ли успокоеніе моему тревожному уму? Честолюбіе мое удовлетворено, и я теперь начинаю удивляться, какъ малаго я желалъ! Какъ суетенъ человѣкъ и какъ справедливо Господь наказываетъ его исполненіемъ моленій.

Я спрашиваю себя иногда: неужели Богъ создалъ насъ только для прозябанія? Люди даже самые дѣятельные заботятся и трудятся только изъ-за одного существованія, единственный стимулъ жизни и ея цѣль самая жизнь...

Богъ видитъ, что я не обольщаюсь ни блескомъ славы земной, ни богатствами, Онъ видитъ недоумѣніе чего еще можетъ недоставать существованію, посвященному ему; но я все-таки съ ужасомъ долженъ сознаться, что душа моя иногда наполняется мыслями совершенно посторонними моему призванію, умъ мой блуждаетъ въ воспоминаніяхъ прошедшаго, и мнѣ представляются жертвы, принесенныя мною на алтарь его... но что же это за жертвы, когда я и самъ не зналъ ихъ значенія...

Зависимость нашего духа отъ нашей земной оболочки, такъ подверженной всякаго рода случайностямъ и колебаніямъ, заставляетъ насъ страдать и томиться, и только освобожденіе отъ земнаго можетъ дать вѣчное спокойствіе и блаженство. Эти мысли приходятъ ко мнѣ въ минуты унынія, но меня ободряетъ молитва. Трудъ конечно мо-

жетъ облегчить тягость существованія. Прежде, я вспоминаю, книги и уединеніе удовлетворяли всѣмъ потребностямъ моей души, теперь же этого нѣтъ, и часто передъ развернутой книгой я теряюсь въ осаждающихъ меня мысляхъ и не могу по прежнему сосредоточить мой умъ на страницахъ ея. Тогда я считалъ все существованіе мое наполненнымъ занимавшимъ меня трудомъ, всѣ другія занятія казались мнѣ ниже и недостойными моего вниманія, теперь же я часто отрываюсь отъ чтенія, иные образы вдругъ поражаютъ меня какою-то странностью и смыслъ содержанія чѣмъ-то неожиданнымъ и темнымъ. Я не могу преодолѣть этой страшной разсѣянности, забываюсь въ присутствіи моихъ собратій и даже начальниковъ, и мнѣ кажется они не могутъ не замѣтить ее. Я не смѣю сознаться, какъ много ночей проведено мною совсѣмъ безъ сна.

Карлъ, гдѣ наивность и простота нашей первой молодости?

Паоло Даци высказалъ мнѣ свое намѣреніе сдѣлаться также монахомъ, но я отговаривалъ его. Надо очень много обдумать прежде, чѣмъ рѣшиться на такой важный шагъ и принять на себя такія строгія обязательства. Путь этотъ не имѣетъ ужъ сообщенія съ другими путями въ жизни, и надо быть хорошо приготовленнымъ. Горе тому, кто ошибся! ему нѣтъ возврата, а вмѣсто спокойствія, котораго искалъ, онъ найдетъ одни безвыходныя томленія. Мы не рождаемся быть монахами, а гражданами. Свѣтъ нуждается въ каждомъ изъ насъ, какъ въ дѣятелѣ, поддерживающемъ общую его связь. Отказаться отъ общежитія и сообщенія съ себѣ подобными значитъ сойти въ могилу. Святой Антоній, удаляясь въ пустыню, не давалъ обѣтъ оставаться въ ней всю свою жизнь. Онъ возвратился въ Александрію бороться съ аріанизмомъ, сознавая, что можно служить дѣлу церкви не одними только молитвами.

Вчера меня вызвали въ пріемную посѣтителей, и я тамъ нашелъ сера Эдуарда К., отца миссъ Женни. Онъ

началъ благодарить меня за то, какъ онъ выразился, что я не злоупотребилъ оказанною мнѣ довѣренностью и своею авторитетностью. Онъ приписывалъ мнѣ особенную заслугу въ томъ, чте я уважилъ и пощадилъ вѣрованія, съ которыми взросла и воспиталась его дочь. Пока онъ выражалъ такимъ образомъ свою благодарность, преувеличивая мою мнимую заслугу, намекая въ то же время, можетъ быть безсознательно, на недостатокъ вѣротерпимости въ прочихъ адептахъ нашего исповѣданія, я чувствовалъ себя въ довольно неловкомъ положеніи; но когда онъ затѣмъ сталъ говорить о страшномъ упадкѣ силъ нашей больной и отчаянномъ положеніи, въ какое приводятъ ее припадки быстро усиливающейся болѣзни, сердце мое сжалось отъ состраданія, и я не могъ не обнаружить въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ того участія, которое я дѣйствительно принимаю въ ея судьбѣ.

— И климатъ здѣшней страны, родной ея матери, увы, не можетъ спасти ее! — сказалъ онъ.

— Въ послѣдніе два мѣсяца болѣзнь развилась съ ужасающею быстротою, наступаетъ весна, самое опасное время для подобнаго рода больныхъ, и я теряю послѣднюю надежду. Судя по словамъ моей сестры объ отношеніяхъ вашихъ къ дочери, свиданіе съ вами могло бы доставить ей удовольствіе и даже нѣкоторое утѣшеніе; я надѣюсь вы не откажете, изъ состраданія къ умирающей, доставить ей нѣсколько минутъ душевной отрады. Почему бы вамъ не пріѣхать къ намъ на виллу еще разъ? Мы приняли бы васъ всѣ съ уваженіемъ и радушіемъ не только какъ духовное лицо, но и какъ уважаемаго друга нашего семейства. Сначала я думалъ было отказаться подъ предлогомъ невозможности оставить занятія и обязанности и даже высказалъ ему сомнѣніе въ возможности получить для себя дозволеніе отъ моихъ начальниковъ; но когда онъ предложилъ употребить свой кредитъ у посланника, то я, не желая придавать слишкомъ большой важности вовсе не заслуженной такимъ скромнымъ монахомъ, какъ я, поторопился отклонить его отъ этого намѣренія и обѣщалъ

выхлопотать себѣ самъ это разрѣшеніе, въ чемъ, правду сказать, и не имѣлъ причины сомнѣваться.—Мы пожали другъ другу руки и разстались.

И такъ, милый Карлъ, я отправился къ ней, если не съ цѣлью развлечь ея послѣднія минуты, то принести ей по силѣ моей возможности нѣкоторое утѣшеніе и поддержку передъ вѣчной разлукой съ этой жизнью; а въ то же время можетъ быть и самому научиться терпѣнію...

О, еслибы въ эти торжественныя минуты, послѣднія при разставаніи съ жизнью, небесная благодать осѣнила эту чистую душу, какъ достойна была бы она покоиться на лонѣ Всевышняго!—Она не встрѣтила здѣсь себѣ достойнаго друга. Я не припомню теперь какой именно поэтъ сказалъ, что двѣ души, любящія другъ друга и разрозненныя здѣсь, соединяются въ той жизни, вѣчной, въ одного безплотнаго ангела. Неправда ли, какая прекрасная мысль?

ПИСЬМО 12.

Карлу Бертинаци.

Римъ. 2 апрѣля 1730 года.

Ты не пишешь ко мнѣ, ты отвернулся отъ меня. Я смотрю на это новое для меня горе, какъ на возмездіе за мои заблужденія. Дружба поддерживается только чистою совѣстью, а моя омрачилась. Всякое несчастіе—неизбѣжное слѣдствіе нашихъ собственныхъ ошибокъ. По неизбѣжному закону одно дурное побужденіе или мысль вызываетъ послѣдующія.

Пишу здѣсь свою исповѣдь, такъ какъ я долженъ выпить свою чашу искупленія.

Слушай, осуждай меня, но незабывай, Карлъ, что въ свѣтѣ, также какъ и въ монастыряхъ, жалость и сострадание почитаются добродѣтелями.

Женни!... гдѣ ты теперь? Ангелъ, возмутившійся противъ неба своей родины.

Съ чего начать разсказъ о моихъ страданіяхъ пр видѣ ея мученій и агоніи? Согласившись по просьбѣ отца ея, я опять поѣхалъ на виллу Памфиліо. Отецъ уѣхалъ въ то время въ Террасино для встрѣчи одного англійскаго семейства, выписаннаго имъ изъ Англіи для сообщества его больной дочери. Онъ рѣшился отлучиться изъ дома, понадѣясь, вѣроятно, на наружно-спокойный видъ, который иногда принимаютъ больные въ послѣдніе періоды ихъ болѣзни. Я замѣтилъ, что въ послѣднее время меня довольно часто оставляли съ больною наединѣ, и это я высказалъ ей прибавивъ, что въ ея положеніи можетъ понадобиться помощь, которой одинъ можетъ быть не въ состояніи подать. Она отвѣчала мнѣ съ грустью и въ то-же время какою-то горькою ироніею: «я обѣщала имъ перейти въ католичество, и вотъ почему они насъ намѣренно оставляютъ однихъ».

— Боже всемогущій, милосердый, благодарю тебя! вскричалъ я, истины, которыя старался излагать передъ вами проникли наконецъ въ вашу душу и озарили ее своими лучами?...

— Нисколько, произнесла она. Приходъ тетки въ эту минуту внезапно порвалъ это странное объясненіе. Я ушелъ смущенный, давая себѣ слово болѣе невозвращаться и избѣгнуть невольнаго впечатлѣнія, которое производила на меня эта непонятная для меня дѣвушка.

Была вторая ночь съ тѣхъ поръ, какъ я послѣдній разъ ее видѣлъ. Я молился о ней въ то время, когда всѣ въ монастырѣ были погружены въ глубокій сонъ, какъ вдругъ въ двери главнаго входа раздался сильный стукъ. Не знаю почему, я вздрогнулъ... будто молотъ, возвѣщавшій о прибытіи посторонняго, ударилъ въ мое сердце. Потомъ я подумалъ, что это могло быть какое нибудь распоряженіе нашего пріора и уже съ большимъ спокойствіемъ сталъ прислушиваться къ звукамъ шаговъ по коридорамъ и слѣдить за появленіемъ огней, то въ той, то въ другой кельи. Наконецъ шаги и огонь приблизились къ моей и остановились за моими дверями.

Вставайте, братъ Францискъ, раздался голосъ одного изъ нашихъ старшихъ, за вами прислали.

Отворивъ дверь, я увидѣлъ стараго слугу сера Эдуарда.—Идите за этимъ человѣкомъ, васъ зовутъ къ умирающей.

Готовясь повиноваться, я однакоже попросилъ начальника дать мнѣ предварительное совѣщаніе съ моимъ духовникомъ, но онъ возразилъ: Время дорого, можетъ быть минуты сочтены для души, готовящейся явиться на судъ Божій, спѣшите напутствовать ее.

Прибывши на виллу Памфиліо, я узналъ, что миссъ Женни сама потребовала меня видѣть, но когда я вошелъ къ ней и увидѣлъ ее лежащую безъ движенія, съ трудомъ переводя дыханіе черезъ полураскрытыя высохшія уста, она отвернулась отъ меня и слабымъ движеніемъ руки дала знать, что желаетъ остаться одна. Потомъ черезъ нѣсколько минутъ меня снова позвали, я вошелъ.

— Вотъ онъ! сказала она, глядя на меня страннымъ и пристальнымъ взглядомъ, непреклонный!... Зачѣмъ ты пришолъ? Опять въ безстрастной холодной добродѣтели оспаривать у Господа мою душу въ пользу твоей церкви?

Приписавъ эти слова бреду горячки, я опустился въ кресло, стоявшее подлѣ ея кровати, и неудержимыя слезы полились изъ моихъ глазъ. Когда одна изъ нихъ упала на мои сложенныя на колѣняхъ руки, она увидѣла ее, вскрикнула слабымъ голосомъ и, схвативъ мою руку своими пылающими руками, судорожно стиснула ее.

Вы плачете! вы можетъ быть тронуты? вамъ значитъ доступно какое нибудь чувство, какая нибудь слабость?... По какому праву плачете вы?

— Я скорблю—вы отказываетесь принять вѣчныя истины святаго писанія, и въ день, когда Богъ призоветъ насъ на свое судилище, сестра моя...

— Ваша сестра? Какъ это слово полно нѣжности, и дышетъ неблагодарностью!... Не говорите мнѣ его, я не хочу быть вашей сестрой!

— Я сдѣлалъ еще одно усиліе проявить свѣтъ ученія передъ духовными глазами молодой дѣвушки.

— Гордый монахъ! прервала она меня, тщеславное сердце, недоступное чувству! Кто сказалъ тебѣ, что голосъ твой отопретъ мнѣ двери неба?... Но продолжай!.. Если даже слова твои и оскорбляютъ Всевышняго, Онъ можетъ и простить тебя... я хочу слышать звуки твоего голоса.

Я всталъ и еще разъ хотѣлъ удалиться, она тяжко и болѣзненно вздохнула и сказала со слезами и мольбою въ голосѣ: Остановитесь... исполните покрайней мѣрѣ свою обязанность. Развѣ вы не должны утѣшить меня?... Напутствуйте умирающую и говорите ей о небѣ, чтобы она не покинула землю съ проклятіями на губахъ.

— Ваше упорство, сказалъ я, и постоянный отказъ принять правила нашего исповѣданія не даютъ вамъ того успокоенія, котораго вы ожидаете. Мы еще имѣемъ надежду сохранить васъ, вы не умрете такъ скоро, можете выздоровѣть; но торопитесь приблизить минуту вашего душевнаго спасенія, молите вашего патрона быть ходатаемъ за васъ передъ нашимъ Спасителемъ.

— Я не хочу выздоровѣть! воскликнула она раздражительно. — Я скорѣе хочу переселиться въ небо, объ которомъ вы говорите, гдѣ я могу надѣяться соединиться когда нибудь съ тѣми, кого я любила здѣсь на землѣ; я тамъ встрѣчусь опять, и ужъ никогда не разстанусь съ милыми моему сердцу: съ моимъ бѣднымъ отцомъ, моею доброю тетушкою, моими подругами въ Англіи... и... неправда-ли, и вы придете когда нибудь въ это царство вѣчнаго спокойствія и счастія?

— Я незнаю, со скорбію отвѣчалъ я, допустятъ ли меня мои прегрѣшенія и удостоюсь ли я очистить мою душу для вступленія ея въ царство небесное, я боюсь, что тѣ, которые имѣли разныя вѣрованія, не будутъ тамъ соединены.

— Ну, хорошо, сказала она, трепещущая подъ дѣйствіемъ лихорадочнаго волненія, еслибы я пожелала сдѣ-

латься католичкою, что должна была бы я дѣлать? Вы говорили мнѣ... я уже теперь не помню...

— Надо призвать священно-служителя болѣе меня достойнаго совершить эти обряды, и принести ему искренное и полное покаяніе въ вашихъ грѣхахъ.

— Никогда!.. съ силою повторила она, я не рѣшусь постороннему открыть мою совѣсть; я не признаю за нимъ права стать между мною и Богомъ!—и съ новой горячностью увлеченія она быстро стала говорить: я насмотрѣлась въ Римѣ на этихъ исповѣдниковъ, покровительствующихъ порокамъ и поощряющихъ преступленіе: здѣсь убійца брата своего завтра же обезпечиваетъ себѣ искупленіе за деньги, съ помощію какого нибудь вклада и отдѣлывается наложеннымъ на него снисходительною церковью покаяніемъ изъ извѣстнаго числа поклоновъ, и кто поручится, что послѣ завтра же этотъ самый братоубійца не сдѣлается убійцей своего отца? Эти привиллегіи вашей исповѣди приводятъ меня въ ужасъ!... Но я могла бы открыть свою душу человѣку, который сочувствовалъ бы моимъ страданіямъ и плакалъ вмѣстѣ со мною... Слушайте, продолжала она, снова схвативъ мою руку, я полюбила, и умираю оттого, что не рѣшилась до сихъ поръ сдѣлать это признаніе.

— Какъ, отвѣчалъ я въ волненіи, и вы не рѣшились открыться даже передъ вашимъ отцомъ въ такомъ естественномъ чувствѣ?

— О, вы узнаете мою тайну, продолжала она, сегодня въ послѣдній день моей жизни, я теперь это чувствую. Я итальянка по рожденію и потому не могу не высказаться; но въ тоже время я и англичанка! И еслибы мнѣ суждено было прожить еще сколько нибудь, вы не услыхали бы отъ меня этого признанія.

— Но тотъ, кого вы удостоили своимъ выборомъ...

— Тотъ послѣдній услыхалъ бы его.

— Онъ платитъ вамъ взаимностью?...

— Да, были минуты, я это думала, но я вижу теперь, что ошибалась.

Тутъ она заплакала, а я продолжалъ: кто-бы онъ ни былъ, тотъ, къ кому вы обратили первыя ощущенія вашего юнаго сердца, если бы онъ только могъ узнать о счастливой своей судьбѣ, то съ какимъ восторгомъ обратился бы къ вамъ! Кто отказался бы отъ такого сокровища, и не сталъ бы беречь и лелѣять васъ всю свою жизнь?

— «Да, счастіе должно именно заключаться, продолжала она, въ любви взаимной, въ сознаніи имѣть другое сердце, которое отвѣчаетъ біенію вашего, довѣрчиво покоясь на его груди. Да, я была бы очень счастлива, если бы я тоже могла съ довѣрчивостью опереться на такое любимое существо, которое я избрала бы сама своимъ другомъ, мужемъ и господиномъ.» — Тутъ она увлеклась воспоминаніями своей родины, и рисуя свои завѣтныя мечты, стала развивать картину своего предполагаемаго счастія въ чистыхъ и яркихъ краскахъ... я принужденъ былъ молить ее остановиться и напомнить ей о моемъ званіи.

— Ну, теперь узнайте и измѣрьте всю мѣру моего несчастія: я люблю существо безчувственное, безстрастное, я теперь въ этомъ убѣдилась. Это гордецъ, вооружившійся противъ самой природы и разсудка: онъ монахъ!

Я не могъ воздержаться отъ крика отчаянія.

— Да, продолжала она, онъ монахъ римской церкви, одинъ изъ этихъ безумныхъ папистовъ, готовыхъ краснѣть со стыда отъ имени того чувства, которое я, умирая, благословляю; одинъ изъ тѣхъ, что поклялись Богу быть безполезными для человѣчества.

— Ради самаго Неба, не говорите ему этого никогда! воскликнулъ я.

— Онъ ужъ знаетъ, проговорила она, склонившись и понизивъ голосъ, онъ отъ меня это слышалъ.

Я закрылъ лицо руками скрыть слезы и стыдъ, душившіе меня.

— Да, это ты! начала она опять. Ты долженъ былъ почувствовать и измѣрить тѣ муки, что свели

меня въ могилу, тогда какъ ты могъ бы возвратить меня къ жизни. Зачѣмъ ты далъ ненавистный обѣтъ?... Евангеліе, вотъ истинныя правила христіанина: гдѣ же Спаситель повелѣлъ и установилъ праздность монаховъ вашихъ монастырей съ отрицаніемъ всѣхъ добродѣтелей гражданина и семьянина?

— Пощадите! вскричалъ я внѣ себя, зачѣмъ наказываете вы меня такъ жестоко за невольное зло?

— «Я умираю, сказала она».

— А я, Женни, развѣ я не живой мертвецъ? Я далъ ужъ клятву не принадлежать здѣшнему міру. Могу ли ее нарушить? Не покинулъ ли я этотъ міръ, какъ вы теперь его покидаете?

Она улыбнулась въ отвѣтъ какой то странной и томной улыбкой. Я продолжалъ: разставаясь съ неудавшейся жизнью, страданіе ваше продолжится еще нѣсколько мгновеній, и вы свободны; тогда какъ мои будутъ долги и ужасны! Съ какой признательностью помѣнялся бы я съ вами! Подумайте, какую несчастную жизнь долженъ я влачить можетъ быть много еще лѣтъ.

— Слушай, мои минуты сочтены, я ужъ чувствую облако, застилающее мои глаза: обѣщай самъ совершить обрядъ погребенія моего тѣла и приди потомъ на мою могиму помолиться о моей душѣ. Если бы для того, чтобы раздѣлить твою участь здѣсь на землѣ, необходимо было мнѣ принять твою вѣру, я бы это сдѣлала. Зачѣмъ мы всего этого не высказали? можетъ быть это еще спасло бы меня.

То, что я испыталъ и перечувствовалъ въ эти минуты, было выше моихъ силъ, нервы мои не могли выдержать, и я лишился чувствъ. Когда я пришелъ въ себя, насъ окружали посторонніе. Я былъ на колѣнахъ около смертнаго ложа покойницы, державшей еще въ рукѣ своей распятіе, висѣвшее на моей груди. Женщины плакали. Я снялъ съ себя осторожно цѣпь, на которой былъ крестъ, и онъ остался въ ея рукѣ сойти съ нею въ могилу. Да сопутствуетъ онъ ее въ тотъ лучшій міръ!

Я возвратился въ монастырь и повергся въ горячей молитвѣ передъ престоломъ. Что скажу тебѣ еще? Жизнь наша—непрерывная цѣпь всевозможныхъ жертвъ и самоотреченія; я принужденъ былъ присутствовать при отпѣваніи. Распространившійся слухъ о ея будто бы полномъ обращеніи оставилъ моихъ начальниковъ въ заблужденіи на счетъ истинныхъ отношеній моихъ къ покойницѣ, и я обязанъ былъ совершить надъ ея тѣломъ наши обряды; отговорки мои не имѣли бы никакого основанія, такъ какъ я не имѣлъ возможности объявить истину.

Свидѣтельствуюсь самимъ Богомъ въ искренности моихъ чувствъ! Пока миссъ Женни была жива ни единое помышленіе, могущее оскорбить святыню, не вызывало порывовъ къ ней моего бѣднаго сердца! Мертвая же она не перестаетъ являться моему воображенію и теперь преслѣдуетъ мою возмущенную совѣсть, какъ укоръ.

Участіе ли, которое я невольно принялъ въ ея судьбѣ, или слова, слышанныя мною отъ нее передъ минутой ея смерти, какъ бы освѣтившія мою душу, но я чувствую, что воспоминаніе объ ней отнынѣ не покинетъ меня во всю мою жизнь.

Я шелъ за ея гробомъ съ поникшей головой и глазами, полными слезъ, которыхъ не смѣлъ обнаружить, какъ вдругъ погребальное пѣніе было нарушено угрожающими восклицаніями, то былъ голосъ сера Эдуарда, внезапно появившагося. Торжественная процессія со всѣми атрибутами католической церкви была на минуту остановлена. Я одинъ узналъ его. Онъ явился для того, какъ онъ сказалъ, чтобы во второй разъ увидѣть, какъ отнимали у него его дѣтище. Сбиры тотчасъ же окружили его, и нѣсколько солдатъ усадили его въ карету и сопровождали его до самого его дома, гдѣ и караулили до окончанія похороннаго церемоніала. Тогда я взялъ на себя смѣлость поѣхать на виллу и, снявъ караулъ, явился къ нему въ кабинетъ. Увидѣвъ меня, онъ бросился къ висѣвшей на диванѣ panoплiи и, схвативъ пер-

вое попавшее ему подъ руку оружіе, хотѣлъ имъ меня поразить. Да проститъ мнѣ Богъ, я обрадовался, онъ могъ избавить меня отъ тяготѣвшей надо мною жизни. Но гнѣвъ его мгновеннно упалъ при моей твердости, а можетъ быть подъ вліяніемъ бывшаго расположенія его ко мнѣ. Гнѣвъ этотъ смѣнился страшнымъ отчаяніемъ. Тутъ я не могъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ объясненій, которыя дали ему понять, что дочь его умерла, не измѣнивъ окончательно своей вѣрѣ. Услышавъ это, отчаяніе его разрѣшилось обильными слезами. Они спасли ему жизнь. Успокоившись я покинулъ виллу Панфиліо съ твердымъ намѣреніемъ никогда болѣе въ нее не возвращаться. Я навсегда простился съ этимъ роскошнымъ палацомъ и его прелестными садами, свидѣтелями встрѣчи весны и молодости со смертью и отчаяніемъ, наложившими на нихъ свой погребальный крепъ.

Святой отецъ потребовалъ меня къ себѣ. Я ожидалъ всѣхъ строгостей покаянія и торопился явиться передъ моимъ судьею, съ смущеніемъ и покорностью сознанія своей вины. Но каково было мое удивленіе, когда Ламбертини принялъ меня со своею обычною ласковостью и улыбкою, и я думаю, что если бы его не остановилъ мой разстроенный видъ и смертельная блѣдность моего лица, такъ онъ не удержался бы отъ своей любимой шутки, свойственной его подвижному характеру.

— «Я дѣлаю васъ секретаремъ совѣта св. капеллы, и призвалъ васъ объявить вамъ это самому. Потомъ замѣтивъ мое намѣреніе отвѣчать, онъ ласково продолжалъ: — Идите теперь, въ другой разъ я выслушаю васъ и буду васъ напутствовать». Онъ протянулъ мнѣ свою руку для цѣлованія. Вышедъ отъ него, я долженъ былъ выслушивать поздравленія ожидавшихъ меня братій.

ПИСЬМО 13.

Лаврентію Ганганелли.

Флоренція, 21 Апрѣля 1730 года.

Твоя потеря такъ меня растрогала, что я не могу утѣшиться и я грущу вмѣстѣ съ тобою, какъ грустилъ бы о потерѣ собственной моей сестры. Въ сравненіи съ твоимъ горемъ мои несчастія кажутся теперь ничтожными, и я никогда не осмѣлюсь жаловаться на судьбу, какъ бы она ни была ко мнѣ сурова. Не смѣю высказать тебѣ, но мои мысли совершенно согласны съ предсмертными идеями умершей протестантки, такъ противорѣчащими догматамъ нашей церкви. Неужели ты, обладая качествами и достоинствами, способными именно внушать истинную любовь, самъ себя осудилъ не пользоваться никогда другою привязанностью, кромѣ нашей дружбы? За то какъ же я тебя и люблю! — Страданія твои научатъ тебя во многое вдуматься. Кто не испыталъ ничего, того размышленія безплодны. Можетъ ли онъ знать, не извѣдавъ въ самой жизни? Въ особенности во время безсонныхъ ночей, сколько долженъ былъ выработать умъ твой. Бѣдный другъ мой! Скажи мнѣ, умоляю тебя, не похожа ли она была на ту тиціановскую мадонну, которою любоваться мы вмѣстѣ ходили въ часовню?

Ты напрасно тревожишь себя сомнѣніемъ, преувеличивая свою вину: твои молитвы должны дойти до Всевышняго, и ты ближе къ своему спасенію, чѣмъ думаешь. Я вѣрую въ Его безконечную благость. Священное писаніе говоритъ, что Господь слышитъ трескъ распускающейся почки цвѣтка и легчайшее дыханіе птички въ лѣсу.

ПИСЬМО 14.

Карлу Бертинаци

Римъ, октябрь, 1731.

Какъ бы ты меня ни умолялъ, не ожидай отъ меня услышать о предметѣ своихъ слезъ и страданій. Довольно было одного раза, даже слишкомъ. Одному тебѣ во всемъ мірѣ довѣрилъ я муки моего сердца: откровенность вызываетъ откровенность; но я съ трудомъ объясняю себѣ почему то, что мы желали бы скрыть на днѣ души нашей, такъ сильно порывается наружу. Страдать и молчать, вотъ, по настоящему, наша участь.

Мое повышеніе усложняетъ и увеличиваетъ кругъ моихъ занятій и моей дѣятельности.

Въ то же время оно привлекаетъ ко мнѣ посѣтителей весьма высокаго чина. Я часто вижу въ своей смиренной кельѣ разныхъ эминенцій и эксцеленцій. Я самъ иногда удивляюсь, какъ поручаютъ мнѣ, еще молодому и незаслуженому клерикалу, такія серьозныя и по содержанію своему довольно важныя дѣла? 12 кардиналовъ, множество прелатевъ и нѣсколько теологовъ, такихъ же темныхъ личностей какъ и я самъ, составляютъ верховный совѣтъ. Здѣсь рѣшаются дѣла инквизиціи и ереси; но наше судилище не строго, очень часто наказываетъ снисходительно такія преступленія, за которыя въ Испаніи или Португаліи предали бы жестокимъ пыткамъ и даже смертной казни. Я занятъ съ утра дѣлами церкви, ея управленія, декретами, экзаменами вступающихъ служителей, однимъ словомъ всею юриспруденціею духовныхъ школъ, и такъ проходитъ весь день. Исполняю я свои обязанности со вниманіемъ и отчетливостью, но съ какою радостью я встрѣчаю наступленіе вечера, который возвращаетъ меня моему милому одиночеству и думамъ. Но и тутъ спокойствіе моего духа нарушается свойственнымъ моему уму безпокойствомъ. Меня утомляютъ

безпрестанныя требованія содѣйствія по дѣламъ духовнаго вѣдомства. Въ этихъ заявленіяхъ бываетъ очень много пустаго и суетнаго; такъ напримѣръ: одна настоятельница женскаго монастыря озабочивалась выборомъ цвѣта для одежды своей школы, какъ будто отъ этого зависитъ набожность или усердіе въ отправленіи обязанностей. Большая часть изъ нихъ предпочитаетъ темные цвѣта свѣтлымъ, не знаю почему, тогда какъ и на картинахъ религіознаго содержанія, ангелы изображаются постоянно или въ бѣломъ или въ голубомъ. Замѣчательно также, что въ свѣтѣ женщины безпокойнаго и раздражительнаго характера предпочитаютъ темные цвѣта свѣтлымъ.

Одинъ пріоръ ордена святаго Бруно хлопоталъ о разрѣшеніи ему распоряженія запретить своимъ монахамъ дневной отдыхъ, совершаемый ими по италіанскому обыкновенію. Какой можетъ быть въ томъ грѣхъ для бѣднаго монаха, если онъ приляжетъ отдохнуть въ жаркую пору для возобновленія силъ къ продолженію своихъ трудовъ?

Вотъ наступилъ часъ моей свободы, когда я остаюсь совершенно одинъ. Блаженный часъ! Ночь принимаетъ меня подъ свой дружескій покровъ и возвращаетъ меня въ завѣтный кругъ моихъ думъ. Я сажусь писать и время летитъ надо мною до того незамѣтно, что случается, утро застаетъ меня за столомъ съ перомъ въ рукѣ.

ПИСЬМО 15.

Лаврентію Ганганелли.

Флоренція 1-го декабря 1733 г.

Вообрази мою радость, я выѣзжаю изъ Флоренціи и ѣду въ Римъ, гдѣ мы снова увидимся. Мой дядя Гаэтано удостоилъ вспомнить о своемъ племянникѣ и во время припадковъ подагры почувствовавъ тягость одиночества,

въ которое поставила его собственная скупость, вызываетъ меня къ себѣ. Я полюблю его можетъ быть, когда увижу, но то, что я припоминаю изъ слышаннаго мною объ немъ отъ моего отца, не слишкомъ меня обнадеживаетъ. Мой зять, говаривалъ онъ, человѣкъ такого рода, что если бы у него были въ услуженіи три ангела, то онъ заставилъ бы одного бодрствовать надъ своей душою, двухъ надъ своимъ золотомъ. Онъ способенъ, совершивши какое нибудь вредное для другихъ, но полезное для него дѣло, заснуть послѣ того сномъ праведника.»

Дядя пишетъ ко мнѣ такъ, какъ бы я вовсе не былъ сынъ моей матери. Онъ не вызывается нисколько обезпечить мое существованіе, а говоритъ только, чтобы я самъ заботился скопить себѣ для своихъ похоронъ.

Купецъ мой узнавъ, что этотъ достойный христіанинъ старъ и богатъ какъ жидъ, (что дѣйствительно онъ и есть) сказалъ мнѣ: Карлино, я желаю тебѣ добра и желаю лучше знать объ тебѣ, что ты хотя и вдали отъ меня, но благоденствуешь, нежели видѣть тебя здѣсь нуждающимся. Торговля шелкомъ не по твоимъ способностямъ и ты будешь здѣсь терять только свое время.

Поѣзжай къ своему родственнику, любезный другъ, можетъ случиться, что онъ сдѣлаетъ тебя своимъ наслѣдникомъ и тогда фортуна твоя сдѣлана безъ труда. И я ѣду! черезъ недѣль пять мы увидимся. Въ одинъ вечеръ, когда ты будешь сидѣть въ своей кельѣ, склонившись надъ какимъ нибудь старымъ фоліантомъ, постучатся у твоихъ дверей, ты отопрешь и вдругъ почувствуешь себя въ объятіяхъ твоего друга, преданнаго тебѣ до послѣдняго своего издыханія.

Здѣсь слѣдуетъ пробѣлъ въ перепискѣ на пять лѣтъ. Онъ объясняется пребываніемъ обоихъ друзей въ Римѣ. Имѣя возможность видѣться, очень естественно, они не нуждались въ перепискѣ.

Этимъ также объясняется ссылка ихъ въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ послѣдующихъ писемъ на событія, совершившіеся въ этотъ періодъ времени, котораго описанія здѣсь недостаетъ.

(*Примѣчаніе издателя*).

ПИСЬМО 16.

Лаврентію Ганганелли.

Парижъ, 2-го іюля 1738 г.

Невозможно было долѣе выносить, я задыхался въ душной атмосферѣ моего противнаго старика. Я побоялся обратиться къ тебѣ за совѣтомъ, ты можетъ быть остановилъ бы меня, а тогда авторитетъ твой приковалъ бы меня къ неволѣ. По совѣсти, я не раскаяваюсь въ побѣгѣ. Въ настоящую минуту я только въ затруднительномъ положеніи, и моя безпутность приводитъ меня въ отчаяніе. Я проигралъ всѣ свои деньги и теперь не знаю какая участь постигнетъ въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Парижъ, меня, невѣдомаго никому пришельца съ дальной и чуждой стороны. Но эта неизвѣстность, какъ и всѣ лишенія, ничто въ сравненіи съ дядюшкиными капиталами, подлѣ которыхъ я сидѣлъ, какъ подлѣ истопленной печи въ морозъ. Этотъ скряга хотѣлъ сдѣлать изъ меня такого же ростовщика, какъ онъ самъ.

Сначала путешествіе мое было довольно пріятно въ обществѣ кавалера Дезартъ, того милаго француза, который давалъ намъ съ тобою уроки французскаго языка, но мы скоро разстались. Въ Бріансонѣ на границѣ Франціи средства его окончательно истощились, и онъ по примѣру своихъ соотечественниковъ, волею или неволею, долженъ былъ записаться въ полкъ.

Я избавляю тебя отъ описанія всѣхъ моихъ глупостей и дурачества, мнѣ совѣстно въ нихъ сознаваться. Еще въ Римѣ начались мои безумныя увлеченія, когда вмѣсто того, чтобы идти къ почтенному Брюнетти, гдѣ

могъ видѣться съ тобою вечеромъ, я бѣжалъ на народную площадь въ неистовый карнавалъ. Безумцы поощряли меня, восхищались моею болтавнею и аплодировали моимъ фарсамъ. Всѣ мы бѣжали густой и пестрой толпой кругомъ безобразной колѣсницы, въ которой сидѣли маски, и мужчины и женщины. Я былъ одѣтъ шарлатаномъ изъ Орвіето, такъ какъ я умѣю подражать ихъ кривляніямъ и голосу.

Здѣсь я совершенно перемѣнилъ свой образъ жизни и въ особенности избѣгаю сближенія съ красивыми дамами, проученный этой отчаянной Фроскинате, отъ которой мнѣ едва помогли избавиться твои мудрые совѣты. Мнѣ кажется, я не забуду ее во всю мою жизнь. Живу, какъ заключенный въ гостинницѣ улицы Труверовъ, гдѣ я остановился. Меня гнетутъ самыя мрачныя мысли, выборъ мой останавливается между монастыремъ траппистовъ или смертью. Въ ожиданіи рѣшенія моей судьбы я каждый вечеръ повторяю все одну и туже молитву. Недавно на исповѣди я передалъ священнику ближайшей церкви мои мысли отчаянія; онъ возмутился ими и строго меня увѣщевалъ. Между прочимъ я спросилъ его: что онъ думаетъ о томъ, если бы чертъ вздумалъ когда нибудь раскаяться, допущенъ ли онъ былъ бы до покаянія?

«Мой добрый другъ, отвѣтилъ онъ, я вижу, совѣсть ваша очень встревожена, но совѣтую вамъ никому кромѣ меня не говорить подобныхъ вещей; близь Парижа есть мѣстечко Шарантонъ, обстроенное маленькими деревянными домиками, и очень легко можетъ случиться, что вы поселились бы въ одномъ изъ нихъ, совершенно помимо своей воли».

Теперь я нѣсколько спокойнѣе. Съ недѣлю, какъ я досталъ себѣ работу переписывать ноты и опять принялся давать уроки.

Въ ожиданіи лучшаго поручаю себя Святому Провидѣнію и твоимъ молитвамъ.

ПИСЬМО 17.

Карлу Бертинаци.

Римъ, 4-го сентября 1739 года.

Религіозное начало нашего воспитанія спасетъ тебя, и я вновъ увижу тебя достойнымъ нашей дружбы. Слава Всевышнему, если спокойствіе воратилось въ твою душу. Его одного надо благодарить за то. Если ты желаешь моихъ совѣтовъ, то я конечно въ нихъ тебѣ не откажу, и вотъ что можетъ предложить тебѣ моя небольшая опытность и дружба къ тебѣ: возьми Законъ Божій и тамъ ты найдешь непреложныя истины. Прочти притчу о блудномъ сынѣ, найдешь и другія подходящія къ твоему положенію, и читай не такъ, какъ рабъ за заданной работой, а какъ обратившійся къ своему любящему отцу провинившійся ребенокъ. Раны сердца не залѣчиваются наскоро прочитанными молитвами. Большая часть грѣшниковъ губитъ себя именно этимъ легкомысліемъ, этими быстрыми переходами отъ грѣховъ преступленія къ расканію и потомъ на оборотъ. Чтеніе не должно быть слишкомъ продолжительно, потому что съ непривычки можетъ сдѣлаться для тебя утомительно, и тогда дѣйствіе его на тебя ослабится. Возобнови брошенную тобою привычку бывать постоянно у обѣдни. Подавай бѣднымъ, передъ ними ты долженъ всегда считать себя въ долгу за растраченныя тобою деньги на удовольствія и преступныя наслажденія.

Не оставайся слишкомъ долго заключеннымъ въ своей комнатѣ, слишкомъ большое уединеніе образуетъ меланхолію, вредную для нашей души и ума. «Горе человѣку, не имѣющему родныхъ и друзей», говоритъ священное писаніе. Можетъ ли нравственное существо человѣка спокойно выносить ту безотрадную пустоту, которую должно оставлять въ его душѣ постоянное отрѣченіе всѣхъ существовавшихъ до него вѣрованій и убѣжденій?

Необходимо тебѣ избрать какую нибудь профессію. Дурно дѣлаетъ тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Поищи самъ въ своемъ умѣ, что есть въ твоихъ наклонностяхъ болѣе опредѣлительнаго, и Богъ поможетъ тебѣ избрать то дѣло, къ которому ты наиболѣе способенъ. Я сомнѣваюсь, было ли когда нибудь твоимъ призваніемъ сдѣлаться монахомъ; во всякомъ случаѣ, теперь тебѣ никакъ не слѣдуетъ вступить въ монастырь. Ты бы принесъ передъ священный алтарь остатки души утомленной и измятой грубыми страстями, волновавшими тебя въ дурныхъ сообществахъ твоей мірской жизни. Конечно были случаи обращенія и подъ такими условіями, но они обыкновенно случались вслѣдствіе какой нибудь катастрофы и притомъ же очень рѣдки. Ты слишкомъ легковѣренъ и долженъ остерегаться принимать безъ строгаго обсужденія толки и совѣты постороннихъ и ходячую монету общественныхъ предразсудковъ. У больнаго душевно, какъ и у больнаго тѣлесно, всегда слишкомъ много совѣтниковъ и докторовъ, всякій любитъ подавать свое мнѣніе. Главное, не впадай ни въ какія крайности, они не ведутъ ни къ чему прочному, и не подвергай себя съ разу испытаніямъ свыше силъ твоихъ. Вотъ что я могу предложить тебѣ изъ моихъ совѣтовъ, мой бѣдный Карлъ. Я вынулъ ихъ изъ сердца, любящаго тебя по прежнему, и желаніе тебѣ добра не могло бы высказаться въ нихъ сильнѣе и тогда, какъ если бы они были написаны моею кровью, какъ было въ нашемъ дѣтствѣ.

Я сдѣлалъ попытку помирить тебя съ твоимъ дядею, но онъ не принялъ моихъ увѣщаній, называя тебя негоднымъ и потеряннымъ человѣкомъ. Онъ слишкомъ ханжа, чтобы прощеніе было доступно его сердцу. Я говорилъ ему: Почтенѣйшій синьоръ Гаетано, племянникъ вашъ находится теперь въ такомъ положеніи, когда именно участіе, помощь, совѣты и примѣръ честныхъ людей, могутъ его спасти отъ окончательнаго паденія. Дурно понимать религію, если отказывать молодому человѣку въ снисхожденіи за то, что онъ по молодости своей

сдѣлалъ проступки, можетъ быть даже и довольно значительные, но въ которыхъ раскаявается.

На эти совѣты дядя твой сталъ увѣрять меня въ твоемъ закоренѣломъ грѣшномъ упорствѣ.

— Не намъ судить о томъ, возразилъ я. Богъ видитъ сердца, а мы должны скорѣе вѣрить обращенію грѣшника, чѣмъ отвергать его.

— Не знаю, не показалось ли ему, что въ этихъ словахъ моихъ, можетъ невольно, выразилась иронія, но только онъ сдѣлалъ гримасу и отошелъ. Вѣроятнѣе собственная совѣсть дала имъ такое объясненіе.

Можетъ быть я и самъ въ этомъ случаѣ немножко грѣшу преувеличеннымъ недовѣріемъ, но я не могу, по какому то необъяснимому мнѣ чувству, довѣрять смиренію и набожности такихъ людей, какъ этотъ синьоръ Гаетано. Такіе люди всегда имѣютъ неопрятный и отталкивающій видъ, ходятъ понурившись и, обращаясь къ вамъ, выражаются вкрадчиво и льстиво.

ПИСЬМО 18.

Лаврентію Ганганелли.

Парижъ, 29 апрѣля 1741 г.

Ты можешь меня сравнить теперь съ ночнымъ мотылькомъ, кружащимся около роковаго огня. Видно во мнѣ есть отъ природы тяготѣніе къ театру и комедіи, куда я снова попалъ, но на этотъ разъ я играю за деньги. Нужда загнала меня туда. Волею или неволею я теперь принужденъ забавлять общество, среди котораго я умиралъ съ голода. Возбуждая смѣхъ и веселость вкругъ себя я въ то же время чувствую слезы горести, текущія подъ моей маской.

Мнѣ теперь больше ничего не остается, какъ честно исполнять обязанности моей профессіи. Въ составѣ нашего театра есть и честные люди.

До того времени, какъ я поступилъ на сцену, положеніе мое было самое безотрадное. Для разсѣянія вечерами моего безъисходнаго горя, я таскался почти каждый день въ италіанскую комедію, отъ которой живу не далеко, и наконецъ, окончательно подумалъ вступить туда дѣйствующимъ лицомъ.

— «Тотъ дѣлаетъ дурно, кто ничего не дѣлаетъ». сказалъ ты; эти справедливыя слова побудили меня рѣшиться на что нибудь, только бы не оставаться ни причемъ. Меня пугали примѣры товарищей, которыхъ праздность доводила до очень неблаговидныхъ и даже преступныхъ поступковъ.

Когда я явился къ режисеру театра Рошару, онъ принялъ меня сначала, вѣроятно, по первому впечатлѣнію, за бѣднаго сочинителя пьесъ, предлагающаго свой трудъ, или за какого нибудь попрошайку въ переднихъ. Но къ счастью тутъ подвернулся очень встати герцогъ Дюверне, видѣвшій меня на сценѣ Версальскаго театра, въ обществѣ любителей-актеровъ, молодыхъ писцовъ прокурорской конторы. Герцогъ заявилъ обо мнѣ съ ободрительной стороны, и вслѣдствіе такой неожиданной рекомендаціи меня допустили дебютировать.

Я не желалъ на первый разъ появиться въ какой нибудь совершенно новой роли, хотя нѣкоторые сочинители и навязывали мнѣ свой переворoченный хламъ.

Актеръ, мѣсто котораго я заступилъ, имѣлъ конечно дарованія болѣе меня, но я все таки рискнулъ выдти въ одной изъ игранныхъ имъ ролей, а именно: нѣмого арлекина. Мнѣ не хотѣлось взваливать себѣ на плеча, кромѣ собственной отвѣтственности, и отвѣтственность автора.

Я сказалъ имъ и своимъ товарищамъ: если ваша новинка потерпитъ фіаско, то я услышу, какъ свищетъ партеръ, чего я вовсе не желаю. Если же она будетъ имѣть успѣхъ, то мнѣ придется стушеваться въ общемъ впечатлѣніи отъ піесы. Эти слова были повторены выходнымъ предисловіемъ, какъ это здѣсь принято, вмѣсто

увертюры спектакля. Я вышелъ, и былъ встрѣченъ поощреніемъ, а когда кончился спектакль, то меня поздравили съ рѣшительнымъ успѣхомъ. Но скоро было и разочарованіе!.. На другой день моего тріумфа я отправился на бульваръ, въ одну извѣстную кофейную, гдѣ обыкновенно собирается лучшая часть публики, посѣщающей наши спектакли, на углу улицы Сен-Дени. Цѣль моя была услыхать о себѣ общественное мнѣніе и прочитать газетные отзывы. Въ газетѣ я нашелъ три строки весьма незначительныя на мой счетъ, а посѣтители кофейной не обратили рѣшительно никакого вниманія на мою особу. Это, какъ видно, общая участь всѣхъ воображающихъ себя центромъ вселенной. Я взялся, опять за газету, и, перелистывая ее, удивлялся обилію помѣщенныхъ статей, нисколько меня не интересовавшихъ. Что мнѣ было, напримѣръ, до Швейцаріи, до королевы Маріи Терезіи, до Помпадуровъ, и ни слова обо мнѣ, какъ вдругъ я напалъ на довольно длинный разсказъ о томъ, какъ одинъ кюре получилъ отказъ хоронить одного изъ своихъ прихожанъ. Я спросилъ своего сосѣда почему ему не было разрѣшено отслужить напутствіе этому бѣдняку?

— „Какъ почему? отвѣчалъ мнѣ господинъ въ лиловыхъ чулкахъ, да вѣдь онъ былъ комедіантъ!“

— Ну и что-жъ изъ этого? возразилъ я.

— „Какъ что? Экскомунированный?“

— Отверженный при жизни и поруганный послѣ своей смерти! подумалъ я.

Я выскочилъ изъ кофейной, какъ ошпаренный. Еслибы этотъ франтъ, дѣлавшій въ то время, какъ говорилъ со мною, очень сладкіе глазки буфетчицѣ, зналъ кому онъ это сказалъ!—Я передалъ все слышанное мною и читанное одному изъ моихъ товарищей, и тотъ показалъ мнѣ письмо о театрахъ Женевскаго философа Руссо своему пріятелю. Прочитавши его, я увидѣлъ, что свѣтскіе философы судили насъ нисколько не благосклоннѣе духовныхъ. Единственное мое прибѣжище и надежда оста-

лась въ тебѣ, мой добрый другъ! — Возможно-ли, чтобы каста эта находилась на такой низкой ступени?—Адъ и отверженіе!

Большая часть изъ нашихъ, впрочемъ, относится довольно равнодушно къ такой участи и еще смѣются надъ нею. Имъ рѣшительно все равно, гдѣ будутъ ихъ точить черви послѣ ихъ смерти, между честными и титулованными гражданами, или ростовщиками и ворами. Но меня удивляетъ, какъ артисты придворной труппы, имѣя такія сильныя протекціи при самомъ дворѣ, не заявляютъ о себѣ противъ такой строгости церкви. Зачѣмъ не печатаютъ они на своихъ афишахъ каждое утро: — экскомунированные его величества короля будутъ имѣть честь дать, и проч.?

ПИСЬМО 19.

Карлу Бертинаци.

Римъ. 22-го января 1742 года.

Въ первые года нашей разлуки, когда ты такъ былъ перетревоженъ твоими первыми успѣхами на театральномъ поприщѣ, я воздержался уничтожить твои опасенія. Я боялся за тебя по другой причинѣ, мнѣ не хотѣлось уничтожить въ тебѣ этотъ суевѣрный страхъ, который могъ предохранить тебя отъ многихъ другихъ опасностей и подводныхъ камней. Но, какъ ты самъ говоришь, природная склоность увлекла тебя, участь твоя рѣшена, то теперь я обязанъ сказать тебѣ всю истину.

Галликанская церковь одна поражаетъ сословіе комедіантовъ своимъ отверженіемъ. Страна, въ которой ты поселился, единственная, которая не даетъ отпущенія людямъ этой касты и не позволяетъ ихъ хоронить по своимъ обрядамъ. И странно, эта строгость существуетъ именно тамъ, гдѣ такъ любятъ всякаго рода зрѣлища. Эта впрочемъ не единственная черта непослѣдовательно-

сти въ характерѣ французовъ. Собственно нація впрочемъ, какъ мнѣ кажется, не раздѣляетъ этого предубежденія, но оно царствуетъ еще въ полной силѣ у ея дудуховенства.

Правда, отцы церкви и большое число авторитетовъ духовнаго званія осуждали и налагали запрещенія на театральныя представленія. Святой Кипріанъ находилъ ихъ не совмѣстными съ закономъ христіанскимъ, святой Августинъ также совѣтуетъ воздерживаться отъ такого рода развлеченія, святой Сильванъ угрожаетъ въ нихъ для своей паствы нравственною смертью, святой Іеремія говоритъ словами пророка: «тамъ внидетъ въ васъ грѣхъ черезъ окна души вашей», то есть черезъ глаза и уши.

Арльскій соборъ въ 829 году, Равенскій въ 1286, и наконецъ Турскій въ 1683 вооружались преслѣдованіемъ, такъ называвшихся тогда Historians et bateleurs, но что общаго между тѣми несчастными гаерами, глумившимися надъ святынею и возбуждавшими своими непристойностями порочныя страсти въ народѣ и нынѣшними талантливыми писателями для театра и такими же исполнителями ихъ твореній!

Въ тѣ времена, когда пристрастіе къ грубымъ зрѣлищамъ было повсемѣстное и допускалось даже въ самыхъ монастыряхъ и даже храмахъ и кладбищахъ, когда само духовенство нанимало гаеровъ и скомороховъ для привлеченія и увеселенія народа во время продажи вина ихъ собственнаго издѣлія, и сами принимали участіе въ ихъ непристойныхъ кривляніяхъ, Безіерскій соборъ имѣлъ полное основаніе остановить и наложить запрещеніе на такую возмутительную систему торговли. Но во Франціи, какъ всякому извѣстно, еще въ 14-омъ столѣтіи, зрѣлища вообще начали принимать все болѣе и болѣе пристойную форму. Реформу эту началъ прелатъ. Кардиналъ Лемуанъ купилъ Бургонскій отель для устройства въ немъ зала театральныхъ представленій. Парламентъ утвердилъ за ними королевскія привилегіи, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы на нихъ не изображались такія піесы

религіознаго характера, какъ благовѣщеніе, крещеніе и рождество Христово. Затѣмъ кардиналъ Ришелье въ 1641 году обнародовалъ декретомъ христіаннѣйшаго короля слѣдующее: «не будутъ заклеймены печатью отверженія тѣ лицедѣи, кои не будутъ употреблять во время своихъ дѣйствій слова, оскорбляющія общественную нравственность». Наконецъ самъ кардиналъ этотъ развѣ не сочинялъ піесы ироическаго содержанія для облагороженія литературы, способствовавшей къ прославленію Франціи? Во всѣ времена актеры парижскихъ театровъ дѣлали вклады и богатыя пожертвованія для церкви и на подаяніе нищему братству. Долгое время они даже имѣли собственную церковь, гдѣ отправлялось церковное служеніе съ большою пышностью. Въ лѣтописяхъ и мемуарахъ, заслуживающихъ полное вѣроятіе, можно найти, что выдерживая диспутъ въ 1540 году съ однимъ кюре святаго Евстафія Рене-Бенуа, они вышли надъ нимъ побѣдителями. Этотъ кюре заявлялъ и требовалъ, чтобы ихъ представленія не начинались ранѣе того времяни, когда оканчивается вечерня, потому, говорилъ онъ, что многіе прихожане его не достаивали на молитвѣ, торопясь въ театръ. Отвѣтчики выражали, опираясь на многія свои пожертвованія въ пользу церкви, что такое запрещеніе должно было раззорить ихъ, такъ какъ они тогда свои спектакли должны были производить при огняхъ, и парламентъ обратился къ почтенному кюре святаго Евстафія съ просьбою начинать свои вечерни часомъ ранѣе. Музыка и танцы, гдѣ происходитъ слишкомъ большое сближеніе двухъ половъ, представляютъ нѣкоторый поводъ къ соблазну и Депрю въ своей сатирѣ на оперные спектакли нападаетъ на нихъ не безъ основанія; но піесы Плавта и Мольера не подходятъ къ этому осужденію. Прочитывая ихъ содержаніе, я замѣтилъ только нѣкоторыя мѣста, гдѣ къ несчастью добродѣтель поднимается какъ бы на смѣхъ и зритель, увлекаемый остроуміемъ изложенія, долженъ становиться на сторону плута, торжествующаго надъ простосердечіемъ; почести руко-

плѣсканія достаются такимъ образомъ не на долю честности.

Этими промахами я объясняю себѣ выраженія раскаянія въ позднихъ годахъ жизни нѣкоторыхъ изъ драматичесяихъ писателей, изъ самыхъ извѣстныхъ; такъ напримѣръ; Рассинъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать публичную исповѣдь; также и Кино, Дриденъ и Ламотъ. Наконецъ Корнель, посвятившій свою лиру переводу подражанія Христу, умирая проливалъ слезы раскаянія на груди эпископа Москаго.

Съ другой стороны и театръ въ свою очередь заклеймилъ своею сатирою много слабостей и пороковъ, въ чемъ его великая заслуга. Мольеръ былъ честнѣйшимъ человѣкомъ сваего времени. Его лучшее твореніе Тартюфъ оказало большую заслугу передъ католическою церковью.

Эта піеса имѣла враговъ при своемъ появленіи, но въ то-же время она имѣла и сильнаго заступника въ лицѣ самого короля Людовика XIV, и я съ моей стороны съ нимъ совершенно согласенъ.

Что до роли арлекина, которую ты избралъ, она отличается своею наивностью и простотою. Происхожденіе ея чисто италіанское; не наша вина, если дворъ Генриха III, скучая представленіями Жоделя и Гарнье, вызвалъ этого безпечнаго весельчака съ деревяннымъ мечемъ, изъ Бергама для своей потѣхи. Костюмъ его, сшитый изъ ласкутковъ золотыми швами, очень шолъ бы и самимъ придворнымъ, выражая яркостью и пестротою красокъ измѣнчивость ихъ убѣжденій. Зачѣмъ было его вызывать? для того ли, чтобы потомъ предать его анаѳемѣ? Зачѣмъ было обшивать его золотомъ, чтобы потомъ отказать ему въ нѣсколькихъ вершкахъ освященной земли?

Римъ не такъ суровъ въ своей религіозной философіи, онъ согласуетъ терпимость этихъ развлеченій съ благотворительными своими дѣйствіями. Не одинъ театръ въ Италіи имѣетъ легендарное происхожденіе. Въ

Неаполѣ большой и великолѣпный театръ находится подъ патронажемъ святаго Карла, а въ Генуѣ есть монументальной постройки храмъ для изящныхъ искусствъ, въ томъ числѣ и театра, а не въ далекѣ отъ него стоитъ часовня, съ образомъ святаго Августина, именемъ котораго освящено основаніе зданія. Римскій губернаторъ, и въ то же время эпископъ, имѣетъ свою постоянную ложу въ театрѣ Аржентино. Ты можешь припомнить одно торжественное собраніе, гдѣ былъ самъ папа Бенедиктъ XIV, приглашенный тогда французскимъ посланникомъ на кантату Мепмотизія, сочиненную въ честь празднованія рожденія дофина. Правда, и Римъ не отказываетъ себѣ въ экскомунированіи, чему доказательствомъ можетъ служить на первомъ планѣ надпись надъ дверями папской капеллы св. Петра, что тотъ, кто осмѣлится взойти на трибуну, назначенную для пѣвчихъ, будетъ экскомунированъ; но Римъ никогда не одобрялъ жестокаго парижскаго устава 1654 года, котораго текстъ служилъ авторитетомъ для гонителей всѣхъ, какъ мертвыхъ, такъ и живыхъ актеровъ.

Мы здѣсь болѣе скупы на проклинанія: по нашему мнѣнію, ангелы хранители, посылаемые Небомъ каждому христіанину, не слишкомъ пугаются масокъ актеровъ. Они должны скорѣе съ горестью удаляться отъ жесткихъ и холодныхъ сердецъ, подъ какою бы одеждою они не скрывались, хотя бы даже подъ горностаемъ царской порфиры, и сколько мы всѣ были бы счастливѣе въ этой еще жизни, если бы личины надѣвались людьми только на сценѣ и въ маскарадахъ для одной только забавы и развлеченія празднаго любопытства.

ПИСЬМО 20.

Лаврентію Ганганелли.

Парижъ, 4-го марта 1743 года.

Я говорю себѣ: какова бы ни была моя профессія, ремесло или искусство, я долженъ добиться успѣха. Я

вообразилъ себя совершенствомъ, такъ какъ мнѣ часто и много апплодировали; я загордился еще болѣе того, когда сдѣлался модною извѣстностью, когда прелестныя дамы большаго свѣта дали имя мое своимъ собаченкамъ, которыхъ мелкая порода съ тѣхъ поръ и носитъ его. Увы? я разочаровался въ этомъ.

«Вы не знакомы съ нашей страной», сказалъ мнѣ на дняхъ одинъ французъ, ужъ пожилой господинъ, который ходитъ къ намъ довольно часто за кулисы и повидимому имѣетъ ко мнѣ большое расположеніе. «Вы еще молоды и извѣстны только нѣкоторой части нашей публики: ваши успѣхи могутъ еще продолжаться нѣкоторое время, но только до тѣхъ поръ, пока ознакомятся со всѣми свойствами вашего таланта; васъ будутъ слушать и на васъ смотрѣть только до тѣхъ поръ, пока будутъ находить въ васъ для себя что нибудь новое; но Боже васъ сохрани слишкомъ часто повторяться и наконецъ истощиться въ своихъ reparties, дать, такъ сказать, почувствовать дно вашей изобрѣтательности. Вы наскучите имъ, если не будете безконечно разнообразить. Совѣтую вамъ пойти посмотрѣть Превиля».

Я послѣдовалъ его совѣту. Превиль значился по афишѣ въ обѣихъ двухъ пьесахъ того вечера. Я совершенно не узналъ его во второй, я не хотѣлъ вѣрить, что обѣ роли играло одно и тоже лицо. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ неузнаваемъ; человѣкъ, явившійся въ *Mercure galant*, былъ совсѣмъ не тотъ, что восхищалъ всѣхъ, и меня въ томъ числѣ, въ *Turearet*. Да, онъ меня восхитилъ! Онъ не носитъ нашихъ неподвижныхъ масокъ, а имѣетъ ихъ нѣсколько для перемѣны, по выбору роли. Какая гибкость, какія разнообразные пріемы и сколько совершенно различныхъ оттѣнковъ. Онъ говоритъ заученыя наизустъ и рифмованныя строки проще и естественнѣе нашихъ италіанскихъ импровизаторовъ.

Да, я невольно завидую, и досада подкрадываются къ моему сердцу при видѣ такого совершенства. Это огорчаетъ меня; но я, во чтобы то ни стало, сдѣлаю все-

возможныя усилія приблизиться къ нему и увидимъ еще, можетъ быть, какъ говорится у насъ италіанцевъ въ нашей сторонѣ: «Col tempo e la paglia».

P. S. Я посылаю тебѣ трагедію Вольтера: „Магометъ". Говорятъ, авторъ ея хочетъ посвятить это сочиненіе свое его святѣйшеству папѣ.

ПИСЬМО 21.

Карлу Бертинаци.

Римъ, 2-го октября 1745 года.

Я люблю французовъ! Такъ какъ ты повидимому совсѣмъ покинулъ Италію, то я радуюсь твоему переселенію именно во Франціи.

Личная храбрость и вообще смѣлость и предпріимчивость, подвижность и веселость, отличительныя свойства характера этого народа, всегда восхищали меня: его живость привлекательна и рѣдко оскорбляетъ чьё нибудь постороннее самолюбіе; народъ этотъ не отличается конечно большою солидностью и осанистою важностью, такъ отличавшихъ древнихъ римлянъ, за то онъ трудолюбивъ и веселъ.

Я припоминаю еще въ бытность мою въ Болоніи одного петиметра французика, только что прибывшаго изъ Парижа. Онъ развязно подошелъ ко мнѣ при посѣщеніи монастыря сказалъ: «я зашелъ сюда изъ одного только любопытства, такъ какъ всякій туристъ долженъ видѣть всѣ достопримѣчательности проѣзжаемыхъ имъ мѣстъ, а вѣдь я терпѣть не могу монаховъ». Потомъ мы разговорились, познакомились, и послѣ получасовой бесѣды мы были ужъ лучшими пріятелями въ мірѣ.

Я нахожу писателей французскихъ, хотя уступающими нашимъ италіанскимъ въ изящности выраженія, за то превосходящими ихъ въ счастливыхъ мысляхъ. Мы обладаемъ языкомъ роскошнымъ, который дѣлаетъ насъ лѣни-

выми въ работѣ мышленія. Нашъ языкъ такъ мягокъ и выразителенъ, что употребляя его съ искусствомъ, мы думаемъ, что ужъ сдѣлали все. Каждое италіанское твореніе похоже на букетъ цвѣтовъ, который прельщаетъ своими красками и ароматомъ, но фруктовъ и плодовъ въ немъ нѣтъ. Писатели же французскіе произведеніями своими вызываютъ невольно на размышленіе. Монтескье, напримѣръ, приближается мыслительностью къ Тациту, и какое количество потребовалось бы нашихъ проповѣдей собрать равносильное содержанію одной проповѣди Бурдалу!

Я читалъ трагедію «Магометъ», что ты мнѣ прислалъ, и мнѣ показалось, будто авторъ ея не столько вооружается противъ исступленія восточнаго фанатизма, сколько противъ самой религіи вообще. Онъ беретъ на себя истолковать какимъ путемъ являются и укореняются религіозныя ученія, изъяснить образованіе всѣхъ религій, но философскій смыслъ его сочиненія, по наружности вооруженный только противъ заблужденій, невидимо направленъ столько же и противъ христіанства.

Скажи мнѣ: развѣ въ сочиненіи изображены восточные типы? Онъ пренебрегъ самыми необходимыми условіями композиціи историческаго стиля картины, а именно — вѣрною сколько нибудь передачею нравовъ и обычаевъ того народа, изъ котораго онъ взялъ дѣйствующихъ лицъ. Не слишкомъ ли это грубая замаскировка ловушки, которую онъ думалъ намъ подставить. Человѣкъ, столько начитанный, какъ будто съ умысломъ нарушаетъ всякое правдоподобіе въ своемъ изложеніи, чтобы обратить заключеніе своей задачи вовсе не въ ту сторону, на которую указываетъ. Онъ, напримѣръ, заставляетъ говорить о чести и благородствѣ какого нибудь дикаря изъ лѣсовъ новооткрытой Америки, турокъ у него становится на колѣна передъ невольницею и отпускаетъ ей галантерейныя фразы, совершенно какъ будто въ какомъ нибудь Тріанонѣ. Нѣтъ, этотъ человѣкъ не относится честно и правдиво къ дѣлу своего искусства!

Театръ для него не цѣль, а только средство прово-

дить въ массы тревожащія его самаго идеи, кафедра, съ которой онъ силится проводить и распространить свои доктрины.

Твой великій писатель дѣйствительно преподнесъ свою трагедію его святѣйшеству, и святой отецъ принялъ ее благосклонно. Бенедиктъ XIV самъ очень тонкаго ума и не равнодушенъ къ вниманію, которое ему оказываютъ талантливые люди его времени, но онъ въ полномъ невѣденіи, что дѣлается и дѣлалось внѣ округа Рима и его престола. Онъ, напримѣръ, незнаетъ, что мёсье де-Вольтеръ 18 мѣсяцевъ тому назадъ принужденъ былъ бороться за свое новое произведеніе съ сильной опозиціей, которую встрѣтилъ во многихъ вліятельныхъ лицахъ своей страны и даже въ общественномъ мнѣніи, и только потому нашелъ не лишнимъ запастись такою важною, особенно въ этомъ случаѣ, авторитетностью, какъ его святѣйшество папа. Онъ думаетъ застращать Парижъ звуками отдаленнаго рыканія римскаго льва. Его почтительность фальшива. Прилично-ли было обращаться къ главѣ церкви съ дѣломъ по поводу театральнаго представленія, вмѣшивать старика въ суетный міръ придворныхъ и свѣтскихъ интригъ?

Для тебя я списалъ написанное имъ посвященіе, можетъ быть уже извѣстное всему Парижу, гдѣ самъ авторъ имѣетъ столько не слишкомъ скромныхъ друзей, и отвѣтъ на него, который я думаю еще не успѣлъ туда прибыть. Отвѣтъ этотъ былъ мнѣ врученъ лишь сегодня утромъ кардиналомъ де-Безени по моей личной о томъ просьбѣ:

«Его Святѣйшеству Бенедикту XIV-му»

«Одинъ изъ скромнѣйшихъ и въ тоже время усерднѣйшихъ почитателей высокаго достоинства и добродѣтелей вашего святѣйшества осмѣливается утруждать васъ подношеніемъ своего труда, коего содержаніе направлено противъ основанія и основателя религіи варварской и лживой».

«Кому могъ бы я лучше посвятить мою эту сатиру на жестокости и заблужденія лжепророка, какъ не подражателю Бога любви и правды. Повергаю къ стопамъ вашимъ мою книгу, а также и автора ея, осмѣливаясь просить вашего высокаго покровительства первой, и святого благословенія второму.

«Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія преклоняюсь и лобызаю священныя ваши стопы».

Отвѣтъ.

«Бенедиктъ, папа, любсзному сыну своему поклонъ и апостольское благословеніе:

«Ужъ нѣсколько недѣль, какъ мнѣ подали присланную вами трагедію «Магометъ», кардиналъ Пассіонси подалъ мнѣ отъ вашего-же имяни превосходную вашу поэму: «Битва при Фонтенуа». Монсиньоръ Лепротти сообщилъ мнѣ сочиненную вами подпись къ моему портрету, и наконецъ, кардиналъ Валенти передалъ мнѣ вчера ваше письмо отъ 17-го августа. Каждый изъ этихъ знаковъ внимательности заслуживалъ бы особенной благодарности, но вы позволите соединить ихъ здѣсь всѣ и послать вамъ ихъ въ одномъ дружескомъ отвѣтѣ. Не сомнѣвайтесь въ особенномъ уваженіи, которое питаю я къ вашимъ достоинствамъ, такъ справедливо вездѣ признаннымъ».

Ты видишь, мой сердечный другъ Карлино, что когда верховный владыка церкви можетъ сообщаться такъ фамильарно съ такимъ еретикомъ, какъ этотъ писатель театральныхъ піесъ, то почему же мнѣ, темному монаху, не быть въ перепискѣ съ такимъ актеромъ, какъ ты?

ПИСЬМО 22.

Лаврентію Ганганелли.

Тулуза 7-го января 1755 г.

Парижская жизнь утомила меня, да и къ тому же мнѣ послѣднее время приходилось играть иногда въ вто-

ростепенныхъ роляхъ на нашемъ театрѣ. Мнѣ пришла фантазія проѣхаться по провинціи въ качествѣ столичнаго актера. Отъ этого путешествія могутъ улучшиться и здоровье и мой карманъ.

Любезный другъ, если бы я былъ однимъ изъ капиталистовъ, изъ тѣхъ напримѣръ, что лежатъ кучами въ Римѣ, укрывшись своимъ золотомъ отъ страшнаго дуновенія сироко, или другихъ изъ тѣхъ которые, здѣсь въ Парижѣ отогрѣваются за зеркальными стеклами около мраморныхъ каминовъ отъ холода и сырости испареній Сены, если бы говорю посланы были мнѣ наслѣдственныя богатства при самомъ моемъ рожденіи, то конечно я не сталъ бы подвергать себя добровольно всѣмъ этимъ невзгодамъ, оставаясь постоянно въ одномъ и томъ же мѣстѣ. По природѣ своей я путешественникъ, какъ ласточка, я проводилъ бы лѣто въ благословенныхъ долинахъ Швейцаріи а на зиму переселялся бы въ нашу Италію, къ подножію какой нибудь горы, массою своею заслоняющей благополучное селеніе отъ сѣвернаго вѣтра, въ одномъ изъ маленькихъ городковъ, разсыпавшихся по песчаному берегу моря подъ теплыми лучами роднаго солнца. Здѣсь меня встрѣтила весна. Тулуза надушена фіалками. Этотъ городъ произвелъ на меня выгодное впечатлѣніе, онъ, какъ мнѣ показалось, живетъ болѣе самостоятельною жизнью. Здѣшнія дамы, напримѣръ, занимаются литературою; ихъ маленькая академія — (Climence Isaure) не выноситъ большой подчиненности, какъ это видѣлъ я въ другихъ мѣстахъ, обычаямъ Парижа, котораго законы такъ чтутся во всей остальной Франціи.

Я очень доволенъ здѣшнимъ портеромъ, который ко мнѣ очень благосклоненъ, и я уѣхалъ бы отсюда совершенно довольный, еслибы не былъ глубоко огорченъ замѣчающеюся здѣсь, хотя и нѣсколько прикрытою, но довольно сильною ненавистью двухъ религіозныхъ партій: католической и протестантской.

Въ скоромъ времени, мнѣ кажется, я буду имѣть поводъ сообщить тебѣ нѣчто весьма важное о себѣ.

ПИСЬМО 23

Карлу Бертинаци.

Римъ, 8-го іюля 1758 г.

Ламбертини скончался!—Его не покинула до послѣдняго дня обычная веселость его характера. Примѣръ покорности судьбѣ и терпѣнія, выказанные имъ при страданіяхъ послѣднихъ минутъ, останутся навсегда прекрасной страницей въ исторіи человѣчества.

Онъ былъ очень начитанъ и очень снисходителенъ и благосклоненъ къ каждому обращавшемуся къ нему съ чѣмъ бы то ни было: за то и люди, окружавшіе его или имѣвшіе съ нимъ какое нибудь отношеніе, любили и уважали его. У англійскаго министра Вальполя его прекрасный бюстъ изъ мрамора; даже турецкій султанъ повѣлитель тѣхъ правовѣрныхъ Константинополя, гдѣ христіанъ называютъ собаками, не пропускалъ случая выразить ему свое уваженіе.

Ламбертини оказывалъ мнѣ вниманіе, что иногда давало замѣтить меня многимъ изъ кардиналовъ. Онъ сказалъ однажды эпископу начальнику младшихъ братьевъ, ударяя меня слегка по плечу: «поручаю вамъ этого маленькаго брата, отецъ Коломбино, слышите, я прошу васъ не упускать его изъ вида.»

Конклавъ нашъ послѣ его смерти долго совѣщался. Между тѣмъ весь городъ былъ занятъ догадками, предположеніями, спорами въ ожиданіи труднаго разрѣшенія. Составлялись пари, по старому обыкновенію, которое повторяется при каждомъ новомъ избраніи, и будетъ вѣроятно повторяться еще много лѣтъ. Наконецъ теперь мы имѣемъ главу церкви нашей и это: кардиналъ Рецонило, эпископъ Падуйскій, который выбралъ себѣ имя Климента. Набожность его извѣстна, она должна умилить весь Римъ. Сначала онъ отказывался и наконецъ, проливая искреннія слезы, согласился принять.

Дѣйствительно какое высокое и трудное назначеніе, когда получившій его хочетъ исполнять обязанности. Климентъ XIII оставляетъ при себѣ всѣхъ секретарей, занимавшихъ мѣста до его вступленія, и хорошо дѣлаетъ. Если невозможно самому дѣлать всего, то необходимо поручить министрамъ не только способнымъ, но и уже испытаннымъ. Довѣріемъ самаго зоркаго и бдительнаго владыки умѣютъ все-таки злоупотребить. Обыкновенно говорятъ, и совершенно вѣрно, что папа тогда только можетъ видѣть истину, когда читаетъ Евангеліе. Властвующіе должны быть изображеніемъ Бога на землѣ не только тѣмъ, что они помазанники его, но и по высотѣ и ясности своего духовнаго воззрѣнія. Одна доброта недостаточна для этого высокаго назначенія,—она должна быть принадлежностью каждаго человѣка. Правитель, который только строгъ, еще болѣе недостоинъ своего великаго призванія, онъ лишаетъ своихъ подданныхъ той любви, которою имъ обязанъ.

Но что я говорю тебѣ здѣсь, мой бѣдный другъ, объ назначеніи и обязанностяхъ царей? Намъ, темнымъ людямъ, вольно разсуждать объ нихъ: если бы вдругъ насъ облекли въ порфиру и вручили намъ власть, какъ потерялись бы мы въ нашемъ безсиліи владѣть ею! Какая разница между словомъ и дѣломъ!

Искусство царствовать имѣетъ очень рѣдкихъ представителей, отличающихся талантами. Тѣ, которые носятъ наслѣдственную корону, гордые своимъ правомъ, большею частью не хотятъ и знать своихъ обязанностей. Если же она получается по выбору народа, рѣдко непогрѣшимому, то оказывается недостатокъ образованія или опытности и знанія людей. Непривычныя почести и дѣла стѣсняютъ и обезсиливаютъ. Наконецъ въ папы большею частью выбираютъ старика, удрученнаго годами и болѣзнью, онъ начинаетъ робѣть и, чувствуя свою безпомощность, окончательно предается бездѣйствію. Вотъ обыкновенное положеніе римскихъ папъ.

Я иду поклониться тому, кто съ этимъ саномъ только

что принялъ въ свою руку кормило Петровской лодьи, не какъ придворный, любящій выставляться на видъ, но какъ служащій секретарь совѣта капеллы. Онъ не знаетъ меня вовсе, и я не желаю и не буду стараться выдвигать себя. Мнѣ гораздо пріятнѣе оставаться подъ покровомъ моей монастырской пыли.

Прощай. Въ эту минуту твоя судьба интересуетъ меня гораздо болѣе моей собственной. Ты обѣщалъ сообщить нѣчто для тебя очень важное—жду.

ПИСЬМО 24.

Карлу Бертинаци

Римъ, 25 сентября 1759 г.

Племянникъ новаго папы, котораго называютъ кардиналомъ-патрономъ, потребовалъ меня вчера къ себѣ во дворецъ, какъ мнѣ было сказано, по весьма важному дѣлу. Отпрявляясь туда по набережной Рино-гранде, я спрашивалъ самъ себя, какое дѣло могъ имѣть этотъ важный сановникъ до бѣднаго обитателя монастыря двѣнадцати апостоловъ? Не могу сказать, чтобы эта мысль меня очень пугала, но въ тоже время она волновала меня. Ты знаешь, какъ я люблю свою свободу и свою келью, ты знаешь сколько я перенесъ отъ высокопоставленныхъ особъ. Кромѣ недоброжелательства и высокомѣрія я отъ нихъ ничего не видалъ.

При входѣ я услыхалъ его громкій голосъ. Онъ разговаривалъ съ какимъ то прелатомъ, и вѣроятно увлеченный разговоромъ не вслушался, какъ обо мнѣ доложили, или доложившій невнятно произнесъ мое имя, только увидѣвъ меня онъ вдругъ остановился и, принявъ серьезный видъ, тотчасъ-же отпустилъ прелата, который уходя сдѣлалъ мнѣ довольно церемонный поклонъ. Послѣдовало краткое молчаніе, изъ котораго я не могъ заключить для себя ничего хорошаго. Слуга принесъ

шоколадъ и когда хотѣлъ поставить его передо мною, кардиналъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Наконецъ онъ обратился ко мнѣ тономъ судьи и спросилъ меня въ порядкѣ ли у меня всѣ дѣла и могу ли я ихъ тотчасъ же сдать, если это вдругъ понадобится?

— Я не могу упрекнуть себя ни въ чемъ, отвѣчалъ я, кромѣ одной только неспособности; но вы знаете, я думаю, что я не добивался самъ этой должности и готовъ сію же минуту передать ее въ ваши руки.

— Такъ надо будетъ, братъ мой, отвѣчалъ онъ. Но извѣстно ли вамъ, что до его святѣйшества дошло объ васъ многое?

— Подчиненность моего положенія можетъ быть требуетъ безропотнаго сознанія, но я надѣюсь показать, что доносъ на меня нѣсколько преувеличенъ, и думаю, что могу представить ясныя доказательства.

— Да, намъ извѣстно, что вы горды!

— Гордость и францисканецъ какъ то мало вяжутся между собою, эминенція.

— Однако-жъ вы не отрѣчетесь, что когда васъ хотѣли сдѣлать генераломъ вашего ордена, вы отказались? Тотъ, кто занимаетъ теперь этотъ постъ, самъ признаетъ, что лишь вамъ, или вашему отказу, онъ имъ обязанъ.

— Я могу только сказать, что скромность моего начальника не можетъ мнѣ быть поставлена въ вину.

— Прекрасно; но я объявляю вамъ, что его святѣйшество уполномочилъ меня передать вамъ его приказанія, и если я не вдругъ рѣшаюсь объявить вамъ ихъ, то это изъ боязни слишкомъ большаго впечатлѣнія, которое онѣ могутъ на васъ произвесть.

— Да будетъ воля Господня!

— Такъ знайте, Ганганелли, что его святѣйшество папа, желаетъ, ожидаетъ и приказываетъ вамъ быть съ этой самой минуты—кардиналомъ.

При этихъ словахъ я окаменѣлъ, и когда снова получилъ свободу моихъ чувствъ, могъ только упасть къ

ногамъ моего страшнаго судьи и воскликнуть: Умоляю васъ отклоните его святѣйшество отъ этого намѣренія; это не скромность моя одна говоритъ, но я не могу признать въ себѣ ни тѣхъ способностей, ни того достоинства, которыя необходимы для занятія такой важнаго поста, и боюсь не только за себя, но и за его святѣйшество, въ послѣдствіи могутъ его за меня упрекнуть. Если въ лицѣ моемъ честь должна была относиться къ ордену Святаго Франциска, то въ нашемъ братствѣ есть человѣкъ десять, болѣе меня достойныхъ этого выбора.

Все было напрасно. Обращеніе его вдругъ перемѣнилось. Благосклонность, вмѣстѣ съ веселымъ выраженіемъ лица, быстро замѣнили притворную суровость, съ которою онъ началъ разговоръ. Онъ обнялъ меня, и потомъ повелъ для личнаго представленія папѣ и принятія конфирмаціи. Когда я возвратился въ монастырь, пристыженный неожиданнымъ своимъ возвышеніемъ, вѣсть о немъ уже начала распространяться, и я принужденъ былъ сказать все моимъ собратьямъ.

Ради Бога не возмущайтесь, сказалъ я имъ, я останусь жить между вами, какъ прежній другъ вашъ, какъ вашъ сослуживецъ, и никогда не позволю себѣ дать вамъ почувствовать перемѣну. Увы! я не могъ не замѣтить тяжелаго впечатлѣнія зависти на нѣкоторыхъ лицахъ, многія изъ нихъ поблѣднѣли. Я услышалъ льстивыя поздравленія, сдѣланныя фальшивымъ и принужденнымъ голосомъ. И это тѣмъ болѣе меня огорчило, что я услышалъ ихъ отъ тѣхъ именно лицъ, которыхъ дружбу и расположеніе я искалъ и поддерживалъ.

У меня нѣтъ другой дружбы отнынѣ, кромѣ твоей, мой добрый Карлъ! Зачѣмъ нѣтъ тебя здѣсь утѣшить меня? Какъ бы я обрадовался, увидѣвъ тебя въ открытыхъ дверяхъ моей келіи, какъ ты это описывалъ, услышать отъ тебя еще разъ увѣренія въ дружбѣ, не обращая вниманія ни на какія мои повышенія. Нѣтъ, я не покину моей комнаты, не перемѣню своего образа жизни, и буду стараться,

какъ возможно менѣе замѣчать и чувствовать метаморфозу.

Что меня нѣсколько утѣшаетъ, это то, что меня самого поразило извѣстіе это не менѣе того, какъ оно должно поразить всѣхъ здѣсь въ Римѣ, а также и въ моей деревушкѣ.

ПИСЬМО 25.

Кардиналу Ганганелли.

Парижъ, 22-го февраля 1760 года.

Я не сомнѣваюсь въ неистощимой добротѣ вашего великодушнаго сердца.

Я вѣрю, что вы позволяете мнѣ продолжать, время отъ время, извѣщать васъ о себѣ, какъ это было и прежде, вы изъявляете даже къ тому свое непремѣнное желаніе, но долженъ ли я употребить во зло вашу высокую добродѣтель и ваше милостивое ко мнѣ дружество? Что можетъ быть теперь общаго между княземъ церкви и мной? Почтеніе и преданность, которыя я питаю къ вамъ, вотъ всѣ мои права на вашу память обо мнѣ. Карлино будетъ любить васъ отнынѣ, какъ любятъ святыхъ, не нарушая должнаго уваженія и скромности.

Позвольте мнѣ только извѣстить васъ о томъ, что я женился. Моя жена изъ честнаго семейства, (я не повезу ее въ театръ). Она готовится быть матерью черезъ нѣсколько недѣль, и мы всѣ трое остаемся, Монсиніоръ.

Вашей высокой эминенціи

Нижайшіе и покорнѣйшіе слуги.

Описаніе Московіи при Реляціяхъ гр. Карлейля.

Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ и примѣчаніями.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Извѣстія иностранныхъ писателей о Россіи, служа нерѣдко дополненіемъ къ русскимъ источникамъ, безъ сомнѣнія, играютъ важную роль при изученіи отечественной исторіи. Но для правильнаго пользованія ими, не слѣдуетъ выпускать изъ виду тѣхъ условій, при какихъ обыкновенно брались писать о Россіи пріѣзжавшіе иностранцы. Всякаго иностранца въ древней Руси встрѣчали недовѣрчиво, его запирали въ особый посольскій домъ, слѣдили за всякимъ его шагомъ, нерѣдко бывало, что ему не позволяли ни съ кѣмъ имѣть сношеній и т. п.

Такое отчужденіе, такая опасливость русскихъ относительно каждаго изъ иностранцевъ, понятно, ставили послѣднихъ во враждебныя отношенія къ первымъ, а это, въ свою очередь, не могло не отразиться на ихъ извѣстіяхъ. Кромѣ того, строй русской жизни, такъ непохожій на тотъ, который существовалъ въ З. Европѣ, не могъ быть понятымъ пришельцемъ Запада — отсюда, кромѣ умышленнаго искаженія, были ошибки и невольныя. Можно было бы указать на множество примѣровъ въ подтвержденіе этого положенія, но мы ограничимся только самыми характерными: разрѣшительную

молитву, которую со времени св. Өеодосія кладутъ у насъ въ руки покойника, всѣ иностранцы, писавшіе о Россіи, принимаютъ за письмо, адресованное къ св. Петру и св. Николаю.

Въ этомъ письмѣ, за подписью причта, удостовѣрялось, что покойникъ, хотя и грѣшилъ въ сей жизни, но покаялся и потому достоинъ рая.

Другой путешественникъ (маркизъ Кюстинъ) видѣлъ, какъ во время вѣнчанія, птица влетѣла въ церковь. Онъ вывелъ заключеніе, что у русскихъ выпускать птицъ во время этого обряда—въ обычаѣ.

Не смотря, однако, на указанные недостатки, извѣстія иностранныхъ писателей все-таки чрезвычайно важны для науки русской исторіи. Многое, что стало новымъ въ этой наукѣ (эпоха самозванцевъ) обязано по преимуществу этимъ источникамъ; они не только разъясняютъ, но и пополняютъ часто наши свѣдѣнія. Вотъ почему новѣйшіе историки обратили на нихъ вниманіе и переводная литература иноземныхъ источниковъ увеличивается все болѣе и болѣе.

Къ числу неизданныхъ еще иноземныхъ источниковъ принадлежитъ описаніе посольства графа Карлейля, бывшаго въ Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Посольство пробыло въ Россіи съ августа 1663 г. до іюня 1664 г. Гр. Карлейль былъ отправленъ англійскимъ правительствомъ во время Карла II (1660—1685). Цѣль этого посольства заключалась въ томъ, чтобы возвратить англичанамъ тѣ торговыя привиллегіи, которыя предоставлены имъ были во время Іоанна IV Грознаго и отняты Алексѣемъ Михайловичемъ. Не задолго передъ тѣмъ на престолъ англійскій вступилъ Карлъ II. Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ нему посольство съ поздравленіемъ, состоявшее изъ стольника князя Прозоровскаго, окольничаго Ординъ-Нащокина и дьяка Иванова. Это обстоятельство и подало англичанамъ надежду воротить утраченныя привиллегіи и отправлено было посольство графа Карлейля.

Описаніе англійскаго посольства дошло до насъ въ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ „Реляцій гр. Карлейля". Реляціи эти содержатъ описаніе путешествія посольства до Москвы, пребываніе въ Москвѣ, веденіе посломъ переговоровъ

съ назначенными боярами (или какъ наз. комиссарами). Въ этихъ описаніяхъ есть много извѣстій о бытѣ русскихъ въ XVII вѣкѣ. Въ концѣ „Реляцій" приложено „описаніе Московіи" (description de la Moscovie), которое мы и предлагаемъ въ русскомъ переводѣ. Кто авторъ этихъ „Реляцій и описанія Московіи"—неизвѣстно. Самъ посолъ, графъ Карлейль имъ быть не могъ; англійское изданіе ему посвящено, французское—его сыну. Кромѣ того, вездѣ въ „Реляціяхъ" о Карлейлѣ говорится въ 3-емъ лицѣ или просто—господинъ посолъ.

За неимѣніемъ данныхъ мы не беремся рѣшить вопросъ о авторѣ „Реляцій"; да, строго говоря, для насъ все равно, кто имъ былъ; а былъ имъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ членовъ свиты. Авторъ ряда статей «Библіограф. отрывки» (О. З. 1855. № 11 и 1856 № 4) полагаетъ, что имъ былъ Гвидо Монтъ. Какую роль онъ игралъ въ посольствѣ Карлейля—мы не знаемъ.

Судя по сочиненію, авторъ былъ человѣкъ образованный; у него нерѣдко можно встрѣтить цитаты изъ Горація, Плутарха. Видно также знакомство автора съ прежними сочиненіями иностранцевъ о Россіи, какъ то: Олеарія и др. Сочиненіе нашего автора по своимъ достоинствамъ уступаетъ сочиненіямъ Олеарія и Мейербера, писавшихъ объ этой самой эпохѣ. Сочиненія двухъ послѣднихъ отличаются подробностями—нѣтъ ни одной стороны быта русскихъ, на которыя не было ими обращено вниманія. Сочиненіе нашего автора сравнительно кратко, (особенно замѣтно это въ «описаніи Московіи»); какъ видно, оно писано было наскоро, о иныхъ сторонахъ быта говорится какъ бы вскользь.

Авторъ нашъ, какъ и всѣ иностранцы, смотритъ на иные предметы съ своей указанной нами точки зрѣнія; это особенно замѣтно, когда мы читаемъ разсказъ о религіи, обрядахъ. Представляя переводъ «Описанія Московіи» мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что держались въ немъ буквальной точности подлинника, чѣмъ и объясняется отчасти шероховатость нашего труда.

Описаніе Московіи.

Московія есть страна малоизвѣстная другимъ народамъ, потому что весьма немногіе туда проникаютъ, а жители ея не имѣютъ права выѣзжать.

Для удовлетворенія читателя, я думаю, будетъ умѣстнымъ закончить этотъ трудъ точнымъ и небольшимъ описаніемъ этой страны.

Вслѣдствіе чего я раздѣлю весь этотъ предметъ на двѣ главныя части: въ первой я коснусь собственно состоянія страны, а во второй—состоянія ея жителей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О названіи, пространствѣ и границахъ страны. — Объ ея лѣсахъ, озерахъ и рѣкахъ.—О климатѣ.

Московія есть собственно названіе одной провинціи, главный городъ которой Москва. Равно какъ провинція Франція соединяетъ съ своимъ именемъ названіе всего государства французовъ, такъ точно подъ именемъ Московіи разумѣютъ все государство царя (du czar). Въ древности эта страна извѣстна была подъ именемъ Сарматіи и составляла часть такъ называемой Европейской Сарматіи (Sarmatie européene), съ сѣвера она не была извѣстна далѣе источниковъ Танаиса. Въ это-то время страна эта была раздѣлена на множество областей и народовъ, между которыми Русскіе были могущественнѣе всѣхъ, вслѣдствіи чего они въ послѣдующее время и сдѣлались господствующими въ странѣ. Отсюда и выходитъ, что эта страна въ теченіи многихъ вѣковъ и извѣстна была подъ именемъ Россіи. Иванъ, сынъ Даніила (Daniel), будучи княземъ въ Московіи, перенеся княжескій престолъ изъ Владиміра въ Москву, частью посредствомъ брака, но больше обманомъ и войною, присоединилъ всѣ эти княжества

къ своему и съ тѣхъ поръ имя Московіи получило первенствующее значеніе, особенно у иностранцевъ, какъ первенствующая провинція, давшая названіе остальной части. *)

Это государство простирается къ сѣверу до Ледовитаго моря (mer Glacial), на востокѣ протекаетъ рѣка Обь (Oby) черезъ земли Самоѣдовъ (Samoiédes) по направленію къ Новой Землѣ (Nova Zembla), къ югу она простирается до Каспійскаго моря (mer Caspienne), на западѣ же примыкаетъ къ Польшѣ и Ливоніи (Pologne et la Livonie). И если взять его протяженіе съ сѣвера на югъ напр. отъ Колы въ Лапландіи (Kola en Laponie) до Астрахани, у моря Каспійскаго, то будетъ 600 миль; ширина его съ запада на востокъ будетъ не меньше того. Такимъ образомъ Московія, безспорно, самое большое государство въ Европѣ.

Совершенно справедливо, что она изобилуетъ лѣсами; на пространствѣ 500 миль, которыя мы проѣхали въ этой странѣ, мы ихъ не теряли изъ виду, не смотря на то, что эта часть была лучше населена. Эти лѣса суть остатки Герцинскаго лѣса (forêt d'Hercynie), который нѣкогда простирался вдоль всего сѣвера и который здѣсь болѣе замѣтенъ, нежели въ странахъ сосѣднихъ, потому что Московія недостаточно еще населена, чтобы еще ихъ расчищать; распаханная часть вполнѣ удовлетворяетъ нуждамъ жителей. Всѣ почти лѣса состоятъ изъ ели и березы, которыя бываютъ такъ густы, что солнечные лучи едва проникаютъ въ нихъ, вслѣдствіе чего путешествіе здѣсь лѣтомъ доставляетъ большое удовольствіе. Но что всего болѣе доставляетъ удовольствія въ этой странѣ это то, что она, будучи совершенно ровною, орошается большимъ количествомъ озеръ и рѣкъ. Изъ озеръ замѣчательны: Ладога (Ladoga) недалеко отъ Финскаго залива (golfe de Finlande), имѣющее около тридцати миль длины и почти столько же ширины. Потомъ озеро Онега (Onèga), которое почти одинаковой длины, хотя меньшей ширины, но все таки довольно длинно. Кромѣ того Бѣло озеро (Biala Ozera), Ильменъ (l'Ilmen), черезъ которое мы проѣзжали во время нашего путешествія

*) Авторъ здѣсь смѣшиваетъ Іоанна III съ Іоанномъ Калитой.

и много другихъ менѣе значительныхъ, о которыхъ я умалчиваю.

Изъ этихъ озеръ въ разныя стороны вытекаетъ множество рѣкъ. Такъ изъ маленькаго озера, которое находится въ Тверской провинціи (province de Twere) вытекаетъ Волга, о которой мы уже упоминали и которая есть самая большая рѣка не только въ Московіи, но даже и во всей Европѣ. Донъ (Don), котораго древніе географы называли Танаисомъ (Tanäis) и которымъ они отдѣляли Европу отъ Азіи, точно также беретъ свое начало въ озерѣ Рязанской провинціи, находящемся въ тридцати миляхъ отъ Москвы; здѣсь онъ течетъ довольно долго на востокъ, потомъ снова поварачиваетъ на югъ и впадаетъ въ Азовское море (Palus Maeotis). Но кромѣ этихъ знаменитыхъ рѣкъ есть еще Борисѳенъ, котораго мѣстные жители называютъ теперь Днѣпромъ (Nieper) и который отдѣляетъ Московію отъ Литвы. Онъ беретъ начало въ лѣсу Волконскаго, близъ Смоленска, течетъ быстро по направленію къ югу и наконецъ вливается въ Черное море (Pont—Euxin). Кромѣ этихъ есть еще большая Двина (Dvina), по которой мы путешествовали, на востокѣ Объ, о которой я уже говорилъ.

Москва (Mosca) и Двина (Dvina), протекающая черезъ Ливонію и впадающая въ Балтійское море (mer Baltique) суть тоже довольно значительныя рѣки. Кромѣ этихъ рѣкъ можно еще назвать множество и другихъ, большая часть которыхъ впадаетъ въ Волгу, въ это большое вмѣстилище, которое, увеличиваясь на пути множествомъ впадающихъ рѣкъ, впадаетъ въ Каспійское море большою, такъ сказать, гирлою, вслѣдствіе чего и впадаетъ во многихъ мѣстахъ, такъ что образуетъ 10 или 11 устьевъ.

Что касается климата страны, то онъ въ высшей степени холоденъ зимой, и такъ какъ всѣ провинціи болѣе или менѣе отдалены отъ сѣвера, то поэтому бываютъ и различныя степени холода. Около Москвы, расположенной почти въ центрѣ страны, зима длится обыкновенно не болѣе 6 или 7 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ въ областяхъ, лежащихъ далѣе къ востоку и сѣверу, она продолжается гораздо далѣе, такъ какъ рѣки таютъ лишь въ маѣ и снова замерзаютъ въ августѣ. Какъ

бы то ни было, холодъ вездѣ бываетъ столь суровъ, что зимой замерзаютъ всѣ воды страны и такъ измѣняютъ свою поверхность, что съ трудомъ можно ее отличить отъ почвы. Самыя большія озера и самыя быстрыя рѣки—всѣ подвергаются этой метаморфозѣ; измѣняя по видимому свой видъ, онѣ измѣняютъ и способъ ими пользоваться, ибо лѣтомъ по нимъ переправляются въ лодкахъ, а зимой по нимъ ѣздятъ сани, такъ же свободно, какъ и по землѣ, такъ какъ нѣтъ ни одного озера, ни рѣки, ледъ которой былъ бы менѣе 3 или 4 футовъ толщины.

Довольно вѣроятно, что это громадное обиліе, находящихся въ Московіи водъ, будучу замерзшими, способствуютъ климату быть холоднымъ, какъ и есть въ настоящее время, что подъ часъ его можно преодолѣть физическими упражненіями; земля иногда трескается, какъ бы отъ засухи, и если бросить немного воды въ воздухъ, то она замерзаетъ по мѣрѣ того, какъ она падаетъ на землю. Если выйти изъ теплой комнаты на воздухъ, то влѣдствіе такой значительной перемѣны воздуха, дыханіе спирается такъ, что нѣтъ возможности дышать; если же послюнить пальцы и прикоснуться ими средь зимы къ куску желѣза, олова или къ какому нибудь другому металлу, выставленному на воздухѣ, то они такъ прилипнутъ, что если ихъ отнять, то кожа остается на металѣ. Наконецъ, благодаря такому сильному холоду, не рѣдкость встрѣтить на дорогѣ человѣка, оцѣпенѣвшаго отъ холода; еще чаще можно видѣть съ отмороженными членами тѣла, какъ: губъ, носа, ушей, рукъ, ногъ, какъ болѣе воспріимчивыми къ холоду. Объ этомъ я могу судить личнымъ опытомъ. Не смотря на это, московскія зимы представляютъ по крайней мѣрѣ и удобство: какъ только зима установилась, то нѣтъ ни дождя, ни грязи, и все это время страна покрыта снѣгомъ; онъ выпадаетъ обыкновенно въ началѣ зимы, послѣ чего погода стоитъ ясная, воздухъ искрится мелкими и нѣжными замерзавшими снѣжинками, которыя, поднимаясь въ воздухъ, причиняютъ величайшее зло путешественникамъ. И такъ снѣгъ, будучи плотнымъ и хорошо замерзшимъ, даетъ хорошій санный путь, который совершенно удобенъ, какъ я уже и имѣлъ

случай замѣтить при описаніи нашего путешествія отъ Вологды къ Москвѣ *). Но лучшая польза, какую приноситъ холодъ Московіи, состоитъ въ томъ, что страна эта очень здоровая, такъ что нечего и говорить о народныхъ болѣзняхъ и перемѣнахъ погоды, встрѣчаемыхъ часто въ теплыхъ странахъ: ибо если только хорошо одѣться, то и тѣло становится сильнѣе и здоровье крѣпче. Правда, лѣтомъ жары бываютъ чрезмѣрны и почти невыносимы, ночи же наоборотъ такъ свѣжи, что мы во время нашего путешествія лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, видѣли изморозь, что происходитъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе сильнаго охлажденія земли ночью. Не нужно думать, что перемѣна времени столь сильная и внезапная не можетъ причинить вреда здоровью, не будучи къ тому привычнымъ, подобно Москвичамъ, не позаботившись на сколько необходимо прикрыться, чтобы вознаградить солнечную теплоту. Какъ въ Московіи бываютъ различныя степени холода, по причинѣ климатическихъ различій, которымъ подвергнутъ обширный континентъ, по той же причинѣ огромная разница и въ длинѣ дня: между тѣмъ какъ въ Москвѣ самый большой день продолжается около 18 часовъ и соразмѣрно ночь; на сѣверѣ и западѣ, а именно въ Лапоніи (Laponie), Кондорѣ (Condora) и у Печоры (Petzora) послѣдовательно шесть мѣсяцевъ сряду продолжается день и шесть мѣсяцевъ ночь.

II.

Состояніе страны по отношенію къ потребностямъ человѣка.

Изъ необходимыхъ потребностей для жизни человѣка Московія производитъ много ржи и притомъ въ столь короткое время, какое возможно только себѣ представить. Въ окрестностяхъ Москвы и въ сосѣднихъ княжествахъ земля освобождается отъ снѣга обыкновенно въ началѣ апрѣля; посѣвы же производятся не ранѣе мая мѣсяца, такъ какъ

*) Описаніе это относится къ собственно «Реляціямъ».

земля нуждается во времени, чтобы отмерзнуть; все это ни сколько не препятствуетъ, чтобы рожь не была бы готова для жатвы въ іюлѣ мѣсяцѣ. Снѣгъ, тающій весною, послѣ долгаго лежанія на поверхности земли, размягчаетъ ее, приготовляетъ къ полученію силы отъ солнечныхъ лучей и, благодаря жарѣ днемъ и прохладѣ ночью, рожь поспѣшно развивается и менѣе, чѣмъ въ два мѣсяца, созрѣваетъ. Правда, страна не вездѣ одинаково плодородна: провинціи, близко лежащія къ сѣверу и сѣверо-западу почти не производятъ ржи, но за то остальныя производятъ ее не только для своего государства, но и для другихъ.

Какъ много страна производитъ ржи, такъ же много и плодовъ: сливъ, грушъ, вишенъ, яблокъ, нѣтъ только плодовъ, требующихъ много времени для созрѣванія: орѣховъ, винограду и проч.

Зелени и огородныхъ овощей очень много; но изобильнѣе лука и чеснока ничего нѣтъ. Есть также множество огурцовъ, тыквъ, и дынь, между которыми встрѣчаются поразительной величины.

Сверхъ того есть много меду, пчелы сами безъ помощи человѣка дѣлаютъ свои соты.

Что касается соли, то сѣверныя княжества могутъ въ изобиліи снабжать остальныя.

Такъ какъ страна эта богата пастбищами, то встрѣчается очень много скота. Изъ дичи встрѣчается очень много зайцевъ, ланей, дикихъ кабановъ. Дичи вообще очень много. Кромѣ домашнихъ птицъ встрѣчается много фазановъ, куропатокъ, куръ, бекасовъ, глухарей и дикихъ голубей. Всѣ лѣса наполнены маленькими птицами: дроздами, жаворонками и др. Сверхъ этого есть много хищныхъ птицъ; около Архангельска (Archangel) встрѣчаются совершенно бѣлые соколы. Какъ лѣса доставляютъ человѣку много дичи, такъ точно озера, рѣки, пруды снабжаютъ во множествѣ рыбою, которая весьма хороша на вкусъ и бываетъ различнаго вида. Въ отношеніи напитковъ страна производитъ многое, изъ чего можно варить пиво.

Вмѣсто вина жители приготовляютъ водку, которая очень свойственна тамошнему климату.

Изъ матеріаловъ, служащихъ для приготовленія одежды, Московія производитъ много льну и пеньки, изъ которыхъ выдѣлывается холстъ. Лѣса такъ изобилуютъ дикими животными, что недостатка въ мѣхахъ, чтобы выдерживать суровость климата, не бываетъ. Кромѣ обыкновенныхъ мѣховъ какъ то: выдръ, куницъ, зайцевъ и лисицъ (послѣдніе два зимой бѣлаго цвѣта) есть еще болѣе цѣнныя, а именно: черныхъ лисицъ, соболей, бобровъ, горностаевъ и бѣлокъ *).

На сѣверѣ встрѣчается много буйволовъ. Если мѣха медвѣдей и волковъ употребляются, то страна эта такъ изобилуетъ ними, что даже небезопасно бываетъ путешествовать и особенно зимою, потому что въ это время они бродятъ стаями, и удручаемые голодомъ, не щадятъ ничего, чѣмъ можно только насытиться. Между ними встрѣчаются бѣлые и черные; бѣлые обыкновенно очень свирѣпы.

Около Астрахани (по словамъ Олеарія, который меня въ этомъ увѣрялъ) есть тыква (citrouille) на подобіе ягненка, которая, по мѣрѣ того, какъ растетъ, перемѣняетъ мѣсто, вездѣ, гдѣ только находится, опустошаетъ траву и выросши, покрывается мохнатою шерстью, которая, по изготовленіи, служитъ мѣхомъ **).

Что касается выдѣлки кожъ въ Россіи, то это есть вещь, столь извѣстная повсюду, что я не считаю нужнымъ о ней говорить.

---

*) Изъ мѣховъ наиболѣе цѣнными были собольи мѣха, они цѣнились отъ 3—100 руб.

**) Вотъ что мы находимъ объ этомъ у Олеарія (переводъ Барсова, стр. 120). «Разсказывали намъ также, что тамъ за Самарой, между рѣками Волгою и Дономъ, растутъ рѣдкія дыни или скорѣе тыквы, которыя величиною и родомъ похожи на обыкновенныя дыни, наружностью же походятъ на ягненка, имѣя весьма ясно очертанные члены его, и русскіе поэтому называютъ его Баранецъ (Boranetz). Стебель этой дыни начинается, какъ обыкновенно, тотчасъ у пупочка, но самая дыня, во время росту перемѣняетъ мѣсто на такое разстояніе, какъ только позволяетъ это стебель; куда ни обратится, вездѣ высушиваетъ траву, и русскіе говорятъ, что эта дыня пожираетъ траву. Когда плодъ созрѣетъ, то стебель засыхаетъ, самый же плодъ покрывается курчавой шерстью, какъ у ягненка, и шерсть эту выдѣлываютъ и приготовляютъ къ употребленію противъ холода».

Относительно построекъ скажу, что каменныхъ строеній встрѣчается очень мало; въ вознагражденіе этого недостатка есть очень много лѣса. Я нахожу, что деревянныя постройки значительно удобнѣе каменныхъ, не потому только, что деревянное зданіе можетъ быть выстроено сравнительно въ меньшее время и съ меньшимъ трудомъ, но потому, что дерево, и по преимуществу сосна, меньше пропускаетъ холодъ и сырость, чѣмъ камень. Есть, правда, въ этомъ и невыгода: дерево—вещество сгораемое, почему они и бываютъ чаще подвержены пожарамъ *).

Вмѣсто стеклъ въ окнахъ, въ Кореліи (Corélie) около Архангельска употребляется талькъ. Онъ добывается изъ горъ, легко раскалывается на мелкіе и тонкіе пласты, также прозраченъ, какъ и стекло и никогда не разбивается.

Въ Московіи встрѣчается также множество лошадей, которыя вообще росту небольшаго, что, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ имъ быть крѣпкими и нести хорошую службу. Встрѣчается очень много сѣры и селитры. Изъ сосноваго дерева выдѣлывается громадное количество терпентиннаго масла, смолы, рѣзины, особенно на сѣверѣ и востокѣ. Встрѣчаются и рудники, но въ маломъ числѣ. Такъ какъ недостатка въ скотѣ и медѣ нѣтъ, то поэтому возможно добывать достаточное количество сала и воску.

Сверхъ этого страна производитъ много цвѣтовъ и травъ. Изъ ствола дерева, называемаго Москвичами березою (berozevites) приготовляютъ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ довольно здоровый напитокъ.

У монастыря св. Николая **) есть рыба, весьма похожая на нерпу, изъ жира которой приготовляютъ масло, употреб-

---

*) Каменныя постройки въ тѣ времена были рѣдкостью. Когда въ 15 в. одинъ купецъ подъ именемъ Тараканъ выстроилъ около Кремля каменный домъ, то жители ходили на него смотрѣть, какъ на диковинку. При Михаилѣ Θедоровичѣ онѣ начали появляться чаще. Послѣ смерти Алексѣя Михайловича указомъ 1684 г. запрещено было строить деревянныя зданія въ Китай-городѣ и Бѣломъ-городѣ. Нашъ авторъ одинъ изъ немногихъ иностранцевъ предпочитаетъ деревянныя постройки каменнымъ.

**) На Бѣломорскомъ прибрежьи.

ляемое для многихъ вещей; очищенное употребляется при изготовленіи шерсти для суконъ; изъ него дѣлаютъ мыло и имъ смягчаютъ кожи. Около Печоры (Petzora) есть рыба называемая моржемъ (morse), она имѣетъ два клыка, употребляемые на ручки для ножей и сабель.

Сибирь производитъ извѣстный клей, которымъ склеиваютъ бумагу; смочивъ его, проводятъ по краямъ двухъ листовъ и они такъ крѣпко прилипаютъ другъ къ другу, что съ трудомъ повѣришь, что они склеены.

II ЧАСТЬ.

I.

О происхожденіи, нравахъ, способностяхъ, языкѣ и одеждѣ Москвитянъ.

Москвичами называются по преимуществу тѣ, которые живутъ въ провинціи, называемой также Московіей. Они производятъ свое названіе (что довольно вѣроятно) отъ Мосоха *). Объ этомъ упоминается у Лукана (Pharsale Lucain) и у Плинія. Въ настоящее время подъ именемъ Москвичей разумѣютъ не только жителей Московской провинціи, но вообще всѣхъ русскихъ русскаго происхожденія, исключая только тѣхъ, которые находятся въ зависимости отъ польскаго правительства.

Имъ еще, впрочемъ, даютъ имя русскихъ (Russes et Russiens), что и я самъ нерѣдко дѣлалъ, въ своихъ донесеніяхъ. Наконецъ, какъ подъ именемъ Московіи разумѣютъ обыкновенно все государство русское, такъ точно и подъ именемъ москвичей разумѣютъ всѣхъ живущихъ въ странѣ, исключая только тѣхъ, которые имѣютъ свой самостоятельный языкъ, а именно: Лапландцевъ на сѣверѣ («Lapons»), Самоѣдовъ (Ja-

*) Мнѣніе это было сильно распространено въ то время; оно занесено изъ Польши. Мы его встрѣчаемъ даже въ Синопсисѣ Инокентія Гизеля (1661 г.), который служилъ руководствомъ до времени Ломоносова.

moièdes) на востокѣ и Татаръ (Tartares) на югѣ. Ихъ, конечно, не слѣдуетъ называть Москвичами, такъ какъ они говорятъ совершенно другимъ языкомъ. По этой причинѣ и я, говоря о Московіи, не принимаю во вниманіе эти три народа.

Москвичи роста высокаго, хорошаго сложенія, очень здоровы и имѣютъ довольно гибкія ноги для бѣга. Встрѣчаются между ними многіе, имѣющіе большіе животы и особенно между знатными, которые даже гордятся этимъ, какъ будто бы это служитъ признакомъ благородства.

Они красивы; глаза у нихъ обыкновенно сѣрые; цвѣтъ лица не много смуглый.

Женщины роста средняго, довольно красивы, имѣютъ хорошій станъ и пріятное выраженіе лица.

Говоря о ихъ природныхъ способностяхъ, скажу, что они созданы для несчастья и труда, къ чему и воспитаны съ самой колыбели, какъ мы и увидимъ впослѣдствіи. Они довольно храбры и изъ нихъ могутъ быть хорошіе солдаты. Они хитры и не лишены ума; они такъ привыкли къ неволи, что сдѣлались къ ней даже нечуствительными. Они чрезвычайно предаются праздности, что и можетъ служить отличительнымъ признакомъ этого народа; въ работѣ они лѣнивы и нечестны и часто удары палки и плети предпочитаютъ честному труду. Вслѣдствіе чего пьянство между ними такъ распространено, что весьма немногіе, по своей трезвости, могутъ составить исключеніе и водка, похожая въ этомъ случаѣ на напитокъ Цирцеи (Circé) *) преобразовываетъ ихъ, такъ сказать, въ состояніе свиней.

Такъ какъ сложность порока, какъ говоритъ Плутархъ, зависитъ отъ причинъ его порождающихъ, то Москвитяне, питая большое отвращеніе къ работѣ, предаются не только пьянству, но и безстыдству, и грѣхъ Содомскій—порокъ у нихъ

---

*) Волшебница въ Греціи, превращавшая людей, чрезъ напитокъ, смѣшанный съ волшебными зельями, въ отвратительныхъ чудовищъ.

Одинъ Одиссей, посредствомъ травы моли, данной ему Гермесомъ, избѣгъ этого превращенія.

весьма распространенный. Кромѣ этихъ порочныхъ и преступныхъ наклонностей, они являются народомъ въ высшей степени вѣроломнымъ: не смотря на то, что не имѣютъ недостатка въ дарованіяхъ, тѣмъ не менѣе они не считаютъ за безчестье служить нечестно. Что касается до честолюбія и гордости, то должно сознаться, что простой народъ не причастенъ этому; онъ весь полонъ уваженія и покорности къ высшимъ, такъ онъ очень щедръ на снятіе шапокъ и низкіе поклоны, которые онъ дѣлаетъ, не шевеля ногами, а только, наклоняя впередъ голову.

Женщины дѣлаютъ тотъ же поклонъ, что и мужчины, но только опускаютъ голову медленнѣе и оставляютъ руки на боку, не дотрогиваясь вовсе своихъ чепцовъ (своихъ шапокъ). Когда же гражданинъ или крестьянинъ обращается къ боярину съ просьбою, тогда онъ падаетъ къ нему въ ноги, полагая, что у бояръ какъ будто на ногахъ уши: эта-то покорность низшаго сословія и дѣлаетъ знать столь гордою и заносчивою, что, право, затрудняешься сказать, знаетъ ли она, что такое учтивость? Вездѣ они чванятся своими качествами, будетъ ли это кстати или не кстати и гордый характеръ, гордое сердце имъ также нравятся, какъ и большіе животы— какъ бы смѣшно и не прилично это ни было.

Языкъ Москвичей—языкъ древне-славянскій, которымъ говорятъ еще и другіе народы, а именно: въ Ливоніи (Livonie), Польшѣ (Pologne), Силезіи (Silésie), Богеміи (Bohême), Моравіи (Moravie) и въ одной части Венгріи (Hongrie), Истріи (Istrie), Славоніи (Esclavonie), Даніи (Dace), Эпирѣ (Epire), Грузіи (Georgie) и Мингреліи (Mingrélie) (послѣднія двѣ провинціи находятся въ Азіи), также въ войскѣ турецкомъ (milice de Turc). Языкъ этотъ распространенъ во всѣхъ поименованныхъ странахъ больше завоеваніями сарматовъ (которые назвали своихъ побѣжденныхъ именемъ славянъ), чѣмъ торговлею и другими сношеніями. Наконецъ во всѣхъ этихъ странахъ языкъ древне-славянскій болѣе или менѣе измѣненъ и испорченъ, по мѣрѣ того, какъ онъ въ послѣдующее время смѣшивался съ другими языками. Алфавитъ его состоитъ изъ

сорока буквъ, вслѣдствіе чего есть множество буквъ созвучныхъ и двойныхъ; ихъ шрифтъ сходенъ съ греческимъ.

Что касается одежды Москвитянъ, то мужчины носятъ платье, не много похожее на греческое, полы котораго тянутся до пятки; рукава платья столь широки и длинны, что, не смотря на складки, доходятъ до суставовъ пальцевъ, такъ что половина кисти только свободна.

Зимою, когда они ничего не дѣлаютъ, они имѣютъ обыкновеніе опускать рукава свои во всю длину ихъ, что и замѣняетъ имъ перчатки или муфты.

Изъ предосторожности, или, предполагая въ комъ либо дурное намѣреніе, они подъ своею одеждой прячутъ палки, камни или кинжалы. Подъ этой же одеждой иные носятъ жилеты, продолжающіеся до икръ, съ большими отворотами назадъ; жилеты эти похожи на плащи, которые когда-то носили. Лица же знатнаго происхожденія преимущественно носятъ доходящіе до колѣнъ кафтаны (caftans), воротники ихъ похожи на воротники іезуитовъ, только не много шире, такъ что они, окружая сзади голову, сзади же подымаются. Штаны ихъ узкіе. Вмѣсто шляпъ, они носятъ шапки, довольно высокія, имѣющія по отверстію какъ спереди, такъ и сзади, такъ какъ онѣ не имѣютъ козырька (de bord qui avance à coté), то онѣ не предохраняютъ ни отъ вѣтра, ни отъ дождя, ни отъ снѣга, ни даже отъ жары, вслѣдствіе чего Москвитяне и кажутся смуглыми. На ногахъ они носятъ обыкновенно сапоги (bottines), верхняя часть которыхъ доходитъ до колѣнъ, а задняя до икръ. Каблуки этихъ сапогъ довольно высокіе. Прибавимъ еще, что они носятъ, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, длинныя бороды и короткіе волосы.

Одни только духовные и нѣкоторые изъ придворныхъ, находящіеся въ немилости у царя, носятъ длинные волосы. Духовные дѣлаютъ это по канонамъ церкви, свѣтскіе же, чтобы показать, что они несчастны. Въ этомъ случаѣ они подражаютъ грекамъ, у которыхъ, если постигало какое либо общественное бѣдствіе, женщины стригли свои волосы, а мужчины ихъ отпускали, между тѣмъ какъ въ обыкновенное время это дѣлалось на оборотъ. Должно однако сознаться, что Москвичи

весьма представительны въ своей одеждѣ, чѣмъ они обязаны своей хорошей осанкѣ и крѣпкому сложенію: въ своихъ длинныхъ платьяхъ, шапкахъ, сапогахъ, короткихъ волосахъ и длинныхъ бородахъ они кажутся несравненно красивѣе, чѣмъ въ костюмахъ другихъ христіанскихъ народовъ. Какъ послѣдніе, сообразуясь съ модой, часто мѣняютъ костюмы, такъ Москвитяне отличаются въ этомъ отношеніи постоянствомъ; они носятъ всегда одну и ту же одежду. Все различіе между знатнымъ и крестьяниномъ составляютъ матерія и украшенія. Знатные обыкновенно носятъ платье изъ атласа, шарлаха или парчи; мѣщане изъ сукна темно-краснаго, фіолетово-краснаго или темно-зеленаго; лица же низшаго сословія изъ грубаго темно-краснаго сукна, приготовляемаго въ ихъ же странѣ. Зимой каждый, сообразно своему званію, подбиваетъ платье свое мѣхомъ, одни болѣе драгоцѣннымъ, какъ то: соболями, бобрами и бѣлками, другіе болѣе простымъ какъ то: куницами, простыми лисицами и зайцами (будетъ ли мѣхъ этотъ лѣтній или зимній, послѣдній бѣлъ, какъ снѣгъ). Крестьяне же, по большей части, довольствуются одеждой изъ кожи барановъ, которая имѣетъ ту невыгоду, что испускаетъ весьма непріятный запахъ. Знатные, носящіе подъ своимъ платьемъ кафтаны, о которыхъ я говорилъ, съ воротниками на подобіе воротниковъ іезуитскихъ, подбиваютъ ихъ обыкновенно бархатомъ или парчею и украшаютъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

Щегольство знати доходитъ иногда до того, что они вышиваютъ воротникъ и рукава рубахи золотомъ и разноцвѣтнымъ шелкомъ.

Что касается шапокъ, то знатные дѣлаютъ ее обыкновенно изъ шарлаха (алая матерія) или бархата, украшая ее съ каждой стороны рядами жемчуга. Лица средняго класса дѣлаютъ шапки изъ обыкновеннаго сукна, а самые бѣдные изъ войлока, исключая нѣкоторыхъ, которые ни сколько не совѣстятся носить ее изъ наборныхъ кусковъ сукна разнаго цвѣта, подобно фокусникамъ, являющимся на сцену. Зимой каждый подбиваетъ ее мѣхомъ, сообразно своимъ средствамъ и положенію. Наконецъ сапоги шьются изъ выдѣлываемой въ ихъ странѣ

кожи, цвѣтъ которой обыкновенно бываетъ красный; каблуки они подбиваютъ гвоздями; сапоги служáтъ для нихъ также карманомъ. Впрочемъ, знатные носятъ по большей части башмаки, слѣланные по ихъ собственной модѣ, съ шелковыми или льняными чулками, а крестьяне довольствуются башмаками, которые они дѣлаютъ сами изъ лыка съ кусками мѣха или грубаго сукна, которымъ, за недостаткомъ чулокъ, они посредствомъ веревки оборачиваютъ вокругъ голени и ступни. Одежда женщинъ мало чѣмъ отличается отъ одежды мужчинъ, исключая только того, что платья ихъ немного шире, а рукава у нихъ откидныя, такъ что послѣдніе можно надѣть или опустить на бокъ, смотря но надобности. Когда онѣ ихъ не надѣваютъ, то легко видѣть рукава ихъ рубахъ, довольно узкіе, длиною впрочемъ въ 4 или 5 футовъ, вслѣдствіе чего эти рубахи образуютъ столько складокъ, что руки женщинъ кажутся унизанными ими до самой кисти. Онѣ носятъ обувь такую же, какъ и мужчины, но только совершенно иной формы, что и составляетъ выдающуюся разницу между мужчинами и женщинами. Что касается ихъ прически, то дѣвушки сплетаютъ двѣ косы и опускаютъ ихъ назадъ; женщины же замужнія скручиваютъ ихъ и носятъ подъ чепцомъ. Наконецъ, что особенно достойно замѣчанія, что женщины, будучи вообще отъ природы красивы и стройны, много румянятся, не допуская возможности безъ этого быть красивыми. Женщины другихъ націй румянами скрадываютъ свое безобразіе, эти же только портятъ свою красоту. Къ тому же румяны, употребляемые ими, столь грубы, что нѣтъ нужды быть близко, чтобы ихъ не замѣтить.

II.

Объ образѣ жизни Москвитянъ съ экономической точки зрѣнія.

Что касается жилищъ въ Московіи, то, какъ мы уже замѣтили, они строются не изъ кирпича, а изъ дерева, что выгодно, такъ какъ они менѣе пропускаютъ зимой холодъ и при томъ стóятъ дешевле. Но съ другой стороны есть и невыгода,

такъ какъ бываютъ часто подвержены пожарамъ, вслѣдсвтіе чего жители строятъ ихъ просто, безъ всякихъ украшеній. Они накладываютъ сосновыя полѣна одно на другое и укрѣпляютъ ихъ на каждой сторонѣ; такъ какъ эти доски суть половины сосновыхъ стволовъ, роспиленныхъ по серединѣ, то круглою стороною кладутъ ихъ снаружи и, снявъ съ нихъ кору, затыкаютъ мхомъ скважины. Ради зимы они строятъ ихъ очень низкими, съ крышами, которыя, по большей части, покрываютъ корою деревьевъ или дерномъ; окна ихъ столь малы, что, когда всунешь въ него голову, то кажешься какъ бы у позорнаго столба. Въ комнатѣ такихъ отверстій бываетъ на достаточномъ другъ отъ друга разстояніи, одно или два. Вмѣсто оконницъ, какъ я сказалъ выше, они употребляютъ талькъ. Есть множество домовъ, которые не имѣютъ печей согрѣвательныхъ, но только такія, въ которыхъ они приготовляютъ себѣ пищу. Когда они топятъ въ этихъ печкахъ, сдѣланныхъ изъ кирпича, то дымъ долженъ проходить черезъ комнату и выходить въ окно, вслѣдствіе чего всѣ дома бываютъ черны отъ дыма. *)

Такъ какъ дома эти, по большей части, имѣютъ всего одну комнату, то она служатъ и для отца, и для матери, и для дѣтей, и для поросятъ и для куръ, составляя изъ всѣхъ ихъ какъ бы одно семейство; ложатся они спать всѣ рядомъ (pêle-mêle). Наконецъ нужно еще прибавить, что эти бѣдные люди въ своихъ постройкахъ (за исключеніемъ печей) слѣдуютъ правилу Ликурга, который желалъ, чтобы спартанцы строили свои дома только топоромъ и пилой.

Но, если опасеніе пожаровъ (несчастные примѣры которыхъ бываютъ часты) пріучило ихъ заботиться о постройкѣ своихъ жилищъ, то потому же самому они мало заботятся объ ихъ украшеніи, такъ какъ, въ случаѣ пожара, для нихъ ничего не значитъ потерять только четыре стѣны, и они утѣшаютъ себя возможностью выстроить ихъ въ скорое время. Такъ какъ они живутъ въ плохомъ помѣщеніи и при плохой обстановкѣ, то жизнь ихъ бываетъ коротка, а они умѣютъ

*) Авторъ здѣсь разумѣетъ курныя избы.

пользоваться выгодами страны. Правда, они ѣдятъ хорошій хлѣбъ, но онъ могъ быть лучшимъ, если бы его лучше пекли. Съ хлѣбомъ они обыкновенно ѣдятъ свѣжую и соленую рыбу, яйца, овощи, капусту, свѣжіе или соленые или маринованные огурцы, брюкву и разные другіе продукты садоводства, не забывая, конечно, луку и чесноку, которые они очень любятъ, такъ что скорѣе узнаешь Москвича носомъ, чѣмъ глазами.

Недавно они научились у англичанъ и голландцевъ употреблять въ пищу салатъ; прежде же они считали за звѣрство ѣсть сырыя травы. Что же касается масла и сыра, то они какъ то, такъ и другое плохо приготовляютъ; иностранцы едва ихъ могутъ ѣсть. Изъ яицъ осетра, котораго ловятъ въ Волгѣ, приготовляютъ великолѣпное кушанье, называемое ими икрою (ikary), а итальянцами, которые его очень любятъ, cavayar. Эту икру приводятъ они въ твердое состояніе и, приготовивъ ее съ солью въ теченіи 10 или 12 дней, ѣдятъ ее съ салатомъ, перцомъ, лукомъ, масломъ и уксусомъ. Мясо употребляется ими довольно рѣдко, не смотря на то, что суровость климата и побуждаетъ сдѣлать его главною пищею; но они строго пріучены къ этому воздержанію религіею, которая, болѣе чѣмъ полгода, заставляетъ ихъ поститься.

Между тѣмъ это нисколько не мѣшаетъ имъ быть, какъ я уже замѣтилъ, здоровыми и жирными, имѣть хорошій станъ, быть похотливыми и способными къ дѣторожденію, чему служитъ доказательствомъ большое количество дѣтей въ ихъ семействахъ, что заставляетъ меня повѣрить парадоксу тѣхъ, которые думаютъ, что рыба, которою Москвичи питаются большую часть времени, также питательна, какъ и мясо. Для питья Москвичи употребляютъ квасъ (quaz), родъ пива, вкуса весьма пріятнаго; они имѣютъ также крѣпкое пиво и достаточно льду, чтобы пить его лѣтомъ достаточно свѣжимъ. Кромѣ этого они изъ меду приготовляютъ медовой напитокъ, (hydromel), весьма распространенный между ними, цвѣта преимущественно бѣлаго. Дѣлаютъ они его изъ сыраго меду, который растворяютъ въ водѣ: взболтавши, они оставляютъ его въ такомъ состояніи около 12 часовъ. За тѣмъ его кипятятъ, процѣживаютъ сквозь полотно, снимаютъ пѣну и такимъ

образомъ онъ становится готовымъ. Лучшій изъ существующихъ сортовъ — медъ красный, приготовляемый съ большею тщательностью и съ различными снадобьями, а именно: съ вишнями, красной смородиной, клубникою или малиною. Такъ какъ они (снадобья) придаютъ напитку различный вкусъ и цвѣтъ, то и названія напитка бываютъ различны, какъ то: малиновка (maliéno), черносливка (chercunikyna), вишневка (visnosa) и смородиновка (smorodina). Вино, которое они имѣютъ, получается моремъ черезъ Архангельскъ отъ голландцевъ и англичанъ. Но, главнымъ образомъ, они любятъ водку, которую они пьютъ много и въ которую, не смотря на ея крѣпость, они примѣшиваютъ еще перцу, чтобы она не потеряла своего качества. Тѣ же, которые имѣютъ возможность ее пить, не садятся обыкновенно за столъ, не выпивши; они ее пьютъ во время обѣда и послѣ него, чтобы способствовать пищеваренію. Что касается простаго народа, то онъ готовъ ее пить всегда, будетъ ли онъ пьянъ или трезвъ; онъ такъ ей преданъ, что обходиться безъ нея можетъ только вслѣдствіе необходимости. Водка дѣлается частью изъ хлѣба и ячменя, а та, что дѣлается изъ вина, по большей части, привозится черезъ Архангельскъ. Прежде они курили табакъ также чрезмѣрно, какъ въ настоящее время пьютъ водку, пока его употребленіе не было строго запрещено въ 1634 г. вслѣдствіе многихъ злоупотребленій. Бѣдные люди, вмѣсто того, чтобы купить хлѣба, издерживали свои деньги на табакъ; были и такіе, которые будучи имъ одурены, оставляли его съ огнемъ въ домахъ. Но что по преимуществу побудило патріарха запретить его употребленіе—это, что они, накурившись, съ дурнымъ запахомъ, предстояли передъ изображеніемъ своихъ святыхъ. Въ настоящее время табакъ употребляютъ свободно, такъ какъ за этимъ мало слѣдятъ и вовсе не штрафуютъ за его продажу.

Послѣ обѣда Москвичи имѣютъ обыкновеніе спать; они не имѣютъ кроватей, исключая только нѣкоторыхъ знатныхъ. Въ древности Капуанцы (ceux de Capoue) не клали своихъ дѣтей на кровать до самаго супружества, потому что (какъ говорили они) кровати изобрѣтены не для молодыхъ людей,

не имѣющихъ еще бороды, но только для дряхлыхъ и удрученныхъ лѣтами. Обычай Москвитянъ еще суровѣе, потому что они ихъ не употребляютъ ни до брака, ни во время супружества, ни даже въ глубокой старости. Для нихъ достаточно простой доски, покрытой лѣтомъ платьемъ, зимой же кускомъ сукна или шубой. Для освѣщенія знатные, употребляютъ восковыя свѣчи, средній классъ сальныя свѣчи, крестьяне же, живущіе бѣдно, довольствуются, по большей части, лучиною изъ березы или ели, lumignons de bouleau ou de sapin, которая, будучи тонка и суха, легко загорается и даетъ много свѣта, но такъ какъ она скоро сгораетъ, то нужно ее имѣть въ достаточномъ запасѣ, чтобы избѣжать потемокъ.

Экипажъ, служащій имъ для ѣзды зимою—сани; онѣ стоятъ очень дешево и потому очень мало есть домовъ, даже бѣдныхъ, которые не имѣли бы однѣхъ саней и болѣе. Дорожныя сани (какъ я только что говорилъ) сдѣланы такъ, чтобы въ нихъ можно было лежать, но по большей части, они имѣютъ спинку, покрытую сукномъ для защиты головы путешественника, Городскія сани и вообще людей знатныхъ имѣютъ мѣсто для сидѣнія и бываютъ совершенно крыты. Сверхъ того, когда на нихъ выѣзжаютъ, то всегда украшаютъ спинку саней ковромъ или медвѣжьимъ мѣхомъ; сани сопровождаются верховымъ, голова котораго украшается волчьими и медвѣжьими хвостами. Ноги сидящаго въ саняхъ покрыты медвѣжьимъ мѣхомъ для удерживанія теплоты. Наконецъ, не имѣющіе своихъ собственныхъ саней, всегда могутъ ихъ нанять, хотя, впрочемъ, за дорогую плату. Лѣтомъ вмѣсто саней, ѣздятъ по городу верхомъ и (если не ошибаюсь) никто, за исключеніемъ царя, не имѣетъ кареты. Бояринъ, если не было опасности, ѣздитъ также верхомъ, каковъ бы путь ни былъ; въ такомъ видѣ и приставы являлись къ господину посланнику. Женщины и преимущественно знатныя зимой ѣздятъ въ крытыхъ саняхъ, которыя я описалъ подъ именемъ каптановъ (?) (captanaze), лѣтомъ въ колясках, похожихъ на французскія и фландрскія, въ сопровожденіи большаго числа солдатъ для охраны. Впрочемъ, женщины очень рѣдко выѣзжаютъ, потому что женщины этой страны имѣютъ ту особен-

ность, что онѣ живутъ затворницами и преимущественно знатныя. Вслѣдствіе чего и считается за особую милость, если дворянинъ покажетъ свою жену другому и позволитъ ему ей поклониться. Этотъ образъ жизни женщинъ такъ свойственъ ихъ природѣ и такъ былъ свято соблюдаемъ древними, что нѣтъ никого изъ русскихъ, который не порицалъ бы той свободы, какою пользуются большая часть женщинъ Европы. Плутархъ говоритъ, что благоразумная женщина должна вести себя иначе, чѣмъ луна: она должна показываться въ свѣтъ только со своимъ мужемъ, въ его же отсутствіе она должна сидѣть дома. Фидій, рисуя эллинамъ портретъ Венеры, представилъ ее на щитѣ черепахи. Это, конечно, для того, чтобы показать, что женщины должны быть привязаны къ своимъ домамъ, а не бѣгать по улицамъ. Въ Беотіи сожигали въ присутствіи супруги ось колесницы, которая привезла ее въ домъ супруга для того, чтобы показать новобрачной, что нѣтъ болѣе средства для выѣзда. У древнихъ римлянъ не дозволялось, чтобы новобрачная, когда она отправлялась къ своему мужу, сама бы перешла порогъ дверей, но сопровождающіе ее должны были ее поднять и внести внутрь, показывая этимъ, что она впредь должна выходить оттуда только силою, какъ и вошла. Я могъ бы еще относительно этого сослаться на постановленіе Ликурга, этого великаго оракула, (?) который благоразумно постановилъ, чтобы женщины занимались домашними дѣлами, а мужчины внѣшними. Почти тоже самое и у Москвитянъ. Но, если замужнія женщины живутъ такъ замкнуто, то дѣвушки тѣмъ болѣе, и если послѣднія и выѣзжаютъ, то покрываютъ свое лице большою вуалью. Обычай этотъ очень древній, онъ былъ даже во времена Авраама: о Ревеккѣ говорится (Бытія гл. 24 ст. 65), что когда она пришла въ Веѳиль съ цѣлью выйти за мужъ за Исаака, сына Авраама, то какъ только она увидала Исаака, то тотчасъ покрылась платкомъ, что дѣлалось, конечно, изъ стыдливости и цѣломудрія, какъ дѣлаютъ и въ настоящее время Москвитянки. Вслѣдствіе этого, браки между молодыми людьми заключаются ихъ родителями, такъ какъ не дозволяется, чтобы молодые люди и дѣвушки видѣлись и чтобы какимъ бы то ни было

образомъ дали другъ другу обѣщаніе брака. А потому случается часто, что, благодаря обману родителей, человѣкъ, надѣявшійся имѣть хорошую жену, видитъ себя въ супружествѣ съ женщиной безобразной и непріятной. Наконецъ нужно прибавить, что обычай этотъ пагубенъ и что онъ не такъ основателенъ, какъ правило другаго народа, гдѣ не заключалось брака, пока обѣ стороны не посѣтятъ другъ друга обнаженными. Что касается поведенія Московскихъ женщинъ въ отношеніи своихъ мужей, то онѣ полны къ нимъ уваженія и послушанія, словомъ ихъ желанія (употребляя терминъ священнаго писанія) согласуются съ ихъ мужьями. Но съ другой стороны, мужья, которые бы должны управлять своими женами, какъ душа тѣломъ, взаимною дружбою, смотрятъ обыкновенно на нихъ съ высока, съ презрѣніемъ и гордостью; находится много и такихъ, которые считаютъ ихъ неизбѣжнымъ зломъ; часто ихъ бьютъ и содержатъ скорѣе ихъ какъ рабовъ своего тѣла, чѣмъ какъ подругъ въ своей жизни (que pour partie d'eux mêmes). Какъ они недостойно обращаются съ своими женами, такъ точно они очень жестоки къ своимъ дѣтямъ и, безъ сомнѣнія, строги въ дисциплинѣ въ отношеніи къ нимъ.

Если они на своихъ женъ и дѣтей смотрятъ гордо и сурово, то чего можно ожидать отъ ихъ обращенія со слугами? И дѣйствительно, служба есть чистое рабство. Не смотря на то, что слуги во все время своего служенія ничего для себя не имѣютъ, кромѣ содержанія, тѣмъ не менѣе хозяева имѣютъ надъ ними безусловную власть и располагаютъ ими, какъ хотятъ. Я говорю преимущественно о тѣхъ слугахъ, которые находятся въ услуженіи вслѣдствіе необходимости и о тѣхъ, которые еще съ дѣтства были отданы своими родителями на вѣчную службу какому либо знатному. Дѣло это весьма обыкновенное въ Московіи, и такіе люди находятся въ полномъ рабствѣ, такъ какъ они не имѣютъ ровно ни какой свободы. При такихъ условіяхъ легко отгадать какое подчиненіе и зависимость налагаютъ на своихъ служителей тѣ, которые такъ горды и вспыльчивы, и какое удовольствіе могутъ ожидать такіе служители отъ своихъ господъ?

III.

О упражненіяхъ и увеселеніяхъ Москвитянъ и о всеобщемъ средствѣ, служащемъ къ сохраненію здоровья и изцѣлѣнію болѣзней.

Между упражненіями и увеселеніями я поставлю на первомъ планѣ машину, довольно любопытную, служащую имъ для качанія. Вышиною она почти съ вѣтренную мельницу, построена на двухъ большихъ столбахъ, возвышающихся съ земли другъ противъ друга на достаточномъ разстояніи. Посреди этихъ столбовъ есть еще другой столбъ, ихъ пересѣкающій, среди котораго выходятъ на крестъ четыре мѣста для сидѣнія на концѣ четырехъ деревянныхъ дощечекъ одинаковой величины и протяженія, почти также, какъ крылья у вѣтренной мельницы. На этихъ четырехъ мѣстахъ садится столько людей, сколь требуется для того, чтобы, сѣвши одинъ за другимъ, они могли оборачивать машину довольно быстро вокругъ срединнаго столба, что зависитъ вполнѣ отъ перевѣса, который они производятъ: ибо въ то время, какъ одни поднимаются, другіе опускаются и такъ поперемѣнно до тѣхъ поръ, пока кто либо изъ зрителей ихъ не задержитъ.

Въ праздничные дни молодые люди имѣютъ обыкновеніе собираться и развлекаться ударами кулаковъ и палокъ; обижаться за это считается между ними не приличнымъ. Такимъ образомъ они на столько привыкаютъ къ ударамъ, что дѣлаются нечувствительными, такъ что не должно находить страннымъ, если они заявляютъ болѣе отвращенія къ работѣ, чѣмъ къ кнуту и палкѣ, даже если ихъ употребляютъ съ большою жестокостью. Есть между ними такіе, которые очень хорошо умѣютъ бороться, въ чемъ они иногда упражняются, подобно англичанамъ, которые весьма ловки въ этомъ упражненіи. Зимой они имѣютъ (какъ и голландцы) коньки, которые они употребляютъ, когда воды покрыты льдомъ, но не для путешествія, но только для упражненія и согрѣванія на льду. Эти коньки сдѣланы изъ дерева, внизу съ длиннымъ и узкимъ желѣзомъ, хорошо полированнымъ, но загнутымъ спереди; для того, чтобы желѣзо могло бы лучше рѣзать ледъ, поворачи-

вают ноги внутрь, когда скользятъ впередъ, такимъ образомъ они несутся прямо съ большой скоростью.

Что касается музыки, то кромѣ той, которую употребляютъ въ войскѣ, они не имѣютъ другихъ инструментовъ. Они также и танцуютъ, но съ манерами столь нехорошими и грубыми, что нельзя видѣть ни чего болѣе смѣшнаго: почти не двигаясь съ мѣста, они только топаютъ ногами и движеніемъ рукъ, плечей и бедръ дѣлаютъ извѣстныя гримасы, какъ будто желая возбудить этимъ свои разнузданныя страсти.

Для женщинъ есть особое упражненіе; на каждомъ концѣ доски, прикрѣпленной къ блоку, садятся женщины и одна изъ нихъ, подобно тѣмъ, которыя танцуютъ на веревкѣ, раскачиваетъ доску; по мѣрѣ того, какъ одна падаетъ на свой конецъ, другая сильнымъ движеніемъ подбрасываетъ ее вверхъ. Такъ онѣ продолжаютъ взаимное качаніе съ большою ловкостью и такимъ образомъ качаются четверть часа и болѣе безъ отдыха. Даже знатныя женщины иногда развлекаются такимъ образомъ съ своими служанками.

Наконецъ Москвитяне имѣютъ общее средство (очемъ я упомянулъ прежде) для сохраненія здоровья и излѣченія болѣзней—употребленіе бани. Правда, климатъ страны ихъ весьма здоровый и, какъ я сказалъ уже, не подверженъ такимъ рѣзкимъ перемѣнамъ температуры, какія встрѣчаются въ странахъ жаркихъ, тѣмъ не менѣе, такъ какъ большая часть болѣзней происходитъ болѣе отъ насъ самихъ, чѣмъ извнѣ, то невозможно, чтобы и Москвитяне не были бы имъ подвержены. Чтобы предупредить болѣзнь или излѣчить ее, они часто ходятъ въ баню, откуда и происходитъ, что нѣтъ города въ ихъ странѣ, гдѣ бы не было общественныхъ и частныхъ бань, такъ какъ это почти всеобщее средство противъ болѣзней. Какимъ образомъ они имъ пользуются, достаточно было объяснено при описаніи нашего пребыванія въ Вологдѣ *).

---

*) Описаніе это встрѣчаемъ въ «Реляціяхъ».

IV.

Религія Москвитянъ.

Религія этого народа та же самая, что и у грековъ; они слѣдуютъ ихъ же вѣрѣ, признаютъ ихъ же церковныя книги и обряды. Сами они, впрочемъ, на столько плохо образованы, что едва ли могутъ сознавать, какую они исповѣдываютъ религію. Они насъ желали убѣдить, что они были обращены въ христіанство проповѣдью Апостола Андрея, но, знающіе лучше хронологію, находятъ, что этотъ народъ былъ обращенъ въ христіанство не ранѣе IX вѣка; оно сдѣлано при посредствѣ грековъ, подъ руководствомъ патріарха, который въ то время жилъ въ Константинополѣ *). Слѣдуя греческой церкви они, конечно, не признаютъ исхожденія Св. Духа отъ Отца и Сына. При крещеніи считается необходимымъ троекратное погруженіе. Пріообщаются они подъ двумя видами: принимаютъ хлѣбъ и смѣшанную съ виномъ тепловатую воду, которыя и раздаются ложечкой. Дѣти допускаются къ таинству евхаристіи только съ семилѣтняго возраста. Одни только епископы и священники имѣютъ право пріобщать. За всякую мелочь можно получить разводъ. Вступать въ четвертый бракъ запрещается. Въ монахи принимаютъ только женатыхъ; вступать въ бракъ, будучи монахомъ, не позволяется. Они не допускаютъ выпуклыхъ изображеній святыхъ, но нарисованныхъ только на плоскости. Они соблюдаютъ четыре поста въ году, кромѣ двухъ дней каждой недѣли, пятницы и среды. Постановленіе перваго іерусалимскаго собора ѣсть кровяное и удавленину они не признаютъ. Чистилище отвергаютъ, но только молятся за умершихъ. Наконецъ, они вѣруютъ, что души

*) Христіанство объявлено господствующей религіей при Владимірѣ Святомъ (988 г.) слѣдовательно въ десятомъ вѣкѣ, а не въ девятомъ, какъ полагаетъ нашъ авторъ. Безъ сомнѣнія и до этого времени были христіане на Руси, чему свидѣтельствомъ служитъ храмъ Св. Иліи, наконецъ княгиня Ольга была христіанкой. Вообще въ религіи авторъ нашъ, будучи католикомъ, смотритъ съ своей точки зрѣнія, почему къ показаніямъ его нужно относиться осторожно.

праведниковъ не наслаждаются лицезрѣніемъ Божьимъ, прежде воскресенія. Вотъ догматы ихъ религіи, которые какъ имъ, такъ и грекамъ свойственны и чѣмъ они отличаются отъ церкви римской и протестантской. Хотя во внѣшности они сходятся больше съ католиками, чѣмъ съ протестантами, тѣмъ не менѣе къ первымъ они чувствуютъ сильное отвращеніе, особенно по причинѣ завладѣнія папами римскаго престола. Вслѣдствіе этого Москвитяне питаютъ такую къ нимъ вражду, что почти не терпятъ ихъ въ своей странѣ. Но это, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ тому, что находятся нѣкоторые изъ нихъ (католиковъ), которые для личныхъ выгодъ и для того, чтобы распространять тамъ мало-по-малу скрытыми путями свою религію, живутъ тамъ, какъ incognito; такъ римскій клиръ прилеженъ и ловокъ прикидываться маской между этими недругами, чтобы привить къ ихъ сердцу свое ученіе.

Что касается религіозныхъ обрядовъ, то правда, есть много суевѣрій и, хотя они и не отличаются ни однимъ существеннымъ догматомъ отъ религіи грековъ, тѣмъ не менѣе они имѣютъ много суевѣрій, которые имъ болѣе свойственны, чѣмъ грекамъ.

Для крещенія они назначаютъ всегда первый воскресный день послѣ рожденія, совершаютъ они его со множествомъ церемоній, на которыхъ я останавливаться не буду. Скажу только, что совершаютъ много крестныхъ ходовъ, (?) помазаній и (какъ я уже замѣтилъ) троекратное погруженіе во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Послѣ этого на грудь ребенка надѣваютъ крестъ, который онъ долженъ носить впродолженіи всей своей жизни, какъ неизгладимый знакъ, что онъ христіанинъ. Москвитяне очень мало знаютъ, что относится до христіанской религіи; очень часто можно встрѣтить людей, не знающихъ даже молитвы Господней (la prière dominicale) и вообще живутъ они въ невѣжествѣ, хотя и имѣютъ Библію, переведенною на свой языкъ. Вся религія ихъ (за исключеніемъ крещенія) состоитъ въ хожденіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ церковь, въ призываніи святыхъ, частомъ осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ, въ соблюденіи постовъ и другихъ дней, когда слѣдуетъ поститься, въ испо-

вѣди, въ принятіи причащенія, въ крестныхъ ходахъ и путешествій ко святымъ мѣстамъ.

Въ воскресный день и праздничные дни ходятъ три раза въ церковь: утромъ, около полудня и вечеромъ. Не всегда дозволялось имъ быть въ самой церкви. Если не были они на канунѣ въ банѣ, то должны были стоять у входа; въ противномъ случаѣ позволялось войти въ церковь. Въ церкви каждый стоитъ на ногахъ (мѣстъ для сидѣнія нѣтъ), съ обнаженной головой. Священникъ въ своей жреческой одеждѣ совершаетъ богослуженіе на общенародномъ языкѣ по чину литургіи, съ псалмами и главами изъ Библіи и символомъ вѣры Аѳанасія (Athanase). Когда же поютъ: «Господи, помилуй» то всѣ падаютъ на колѣна, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ тремя пальцами правой руки. Вмѣсто проповѣди священникъ читаетъ поученіе Іоанна Златоуста (Chrysostôme) или житіе какого нибудь святаго. Изъ праздниковъ они соблюдаютъ: Рождество Богородицы (Naissance de la Vierge Marie) 8 сентября; Воздвиженіе (L'Exaltation de la Croix) 14 сентября; Введеніе во храмъ Богородицы (l'Oblation de la Vierge) 21 ноября: Рождество Христово (Naissance de Christ) 25 декабря; Богоявленіе (lEpiphanie ou la fête des Rois) 6 января; Срѣтеніе Господне (la Chandaleur) 2 февраля; Благовѣщеніе Маріи (l'Annonciation de la Vierge) 25 марта, затѣмъ Вербное Воскресенье (Pâques fleuries); день Пасхи (Pâques); Вознесеніе (l'Ascension); Пятидесятница (la Pentecote); второй день Троицы (la fête de la Trinité), слѣдующій день за Пятидесятницей; праздникъ всѣхъ святыхъ (de Foussaint) въ слѣдующее воскресенье послѣ Пятидесятницы; Преображеніе Господне (la Manifestation et la gloire de Christ sur la montagne) 6 августа; Успеніе Божьей Матери (l'Ascension de la Vierge) 15 августа. Я началъ перечисленіе праздниковъ со дня Рождества Богородицы, такъ какъ Москвитяне (изъ подраженія грекамъ) начинаютъ годъ съ 1 сентября, потому что они ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра, которое, какъ они полагаютъ, было осенью. Какъ въ этомъ они отличаются отъ насъ, такъ точно и въ измѣреніи дня: они считаютъ за день то, что мы называемъ днемъ искусственнымъ, начиная съ

восхода солнца до его захода, такъ что первый часъ дня начинается у нихъ съ восходомъ солнца, а первый часъ ночи съ его заходомъ.

Что касается призыванія святыхъ и поклоненія иконамъ, то это такъ распространено у Москвитянъ, что составляетъ главную часть ихъ вѣры. Хотя въ этомъ отношеніи они и сходятся съ католиками, но тѣмъ не менѣе есть и различіе: москвитяне и греки признаютъ тѣхъ святыхъ, какіе не почитаются католиками и наоборотъ; во вторыхъ, иконы въ греческой церкви рисуются на плоскости, русскіе отвергаютъ выпуклыя изображенія или статуи и почитаніе ихъ считается у нихъ идолопоклонствомъ, какъ противные второй заповѣди, гдѣ запрещены высѣченныя изображенія. Изъ иконъ Москвитяне, кромѣ Распятія и Божьей Матери, имѣютъ еще много и другихъ, по преимуществу: Св. Георгія, Евангелиста Іоанна и Св. Николая, патрона Московской земли.

Иконы у нихъ находятся въ большомъ почитаніи; они имъ покланяются во всякое время, въ церквахъ, на улицахъ и въ своихъ собственныхъ жилищахъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы у окна не висѣла икона съ лампадой. Когда они имъ молятся, то постоянно съ усердіемъ бьютъ поклоны и крестятся; эта церемонія у нихъ въ такомъ употребленіи, что они это дѣлаютъ во всякое время; крестное знаменіе всегда предшествуетъ ихъ гражданскимъ дѣламъ. Выставляются иногда для поклоненія иконы на улицахъ; большая часть изъ нихъ въ кіотахъ, выставляются онѣ обыкновенно у городскихъ воротъ, возлѣ церкви или на перекресткѣ.

Когда Москвитянинъ проходитъ мимо этихъ иконъ, то нужно чтобы онъ очень спѣшилъ, чтобы не остановился и, снявъ шапку, не проговорилъ шопотомъ молитву, дѣлая (не ставъ на колѣна) три или четыре поклона и постоянно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Эти иконы должны быть рисованными только единовѣрцами съ Москвитянами. Купивъ икону, они никогда не скажутъ, что купили, но промѣняли на деньги. Наконецъ, они къ нимъ питаютъ такое почтеніе, что, когда они дѣлаются негодными, вслѣдствіе ли ветхости или другой

какой нибудь причины, то они зарываютъ ихъ въ землю или бросаютъ въ рѣку. Говоря о постахъ, слѣдуетъ замѣтить, что религія въ этомъ отношеніи очень строга. Кромѣ двухъ дней поста каждой недѣли, есть еще четыре поста въ году: первый начинается 12 ноября и продолжается до праздника Рождества Христова; второй состоитъ изъ семи недѣль и оканчивается передъ Пасхою, какъ и у католиковъ; третій начинается спустя восемь дней послѣ Пятидесятницы и продолжается до праздника св. Петра; четвертый продолжается съ 1 августа по 16 число того же мѣсяца. Во время этихъ постовъ они воздерживаются отъ всякаго рода мясной пищи и живутъ только хлѣбомъ, рыбою, овощами, зеленью и преимущественно лукомъ и чеснокомъ; вездѣ въ это время пахнетъ постомъ. Въ недѣлю передъ великимъ постомъ (du careme de Paques), которая называется у нихъ масляницей (carnavale) они могутъ употреблять въ пищу яйца, масло и молоко, однимъ словомъ позволять себѣ всякія излишества, исключая употребленія мяса и, дѣйствительно, въ этомъ они доходятъ до крайности: къ посту они приготовляются невоздержанностью, и наглость пьяныхъ бываетъ такъ велика, что въ Москвѣ въ это время не возможно показываться на улицѣ и особенно ночью. Послѣ этого они живутъ воздержанно; болѣе набожные даже не ѣдятъ рыбы, исключая въ воскресный день и пьютъ квасъ или простую воду. Изъ страха быть отлученными отъ причащенія на годъ, они должны во время поста воздерживаться отъ общенія съ женой. Монахи въ своихъ монастыряхъ никогда не ѣдятъ мяса и пьютъ только квасъ (quaz); можно положительно сказать, что они постоянно постятся. Я самъ впродолженіи долгаго времени наблюдалъ ихъ посты. Сосѣди имѣютъ обыкновеніе посѣщать другъ друга, давая лобзаніе мира и приглашая жить по христіански въ мирѣ и братской любви. Во время исповѣди они стоятъ на ногахъ въ церкви передъ изображеніемъ какого либо святаго. Священникъ, читая разрѣшительную молитву, иногда налагаетъ исповѣдующемуся какое либо наказаніе, какъ то: проговорить извѣстное число разъ «Господи», сдѣлать нѣсколько поклоновъ или омыться священною водою, которую онъ самъ

и продаетъ. Иногда онъ заставляетъ нѣсколько дней поститься, воздерживаться отъ водки и, если этотъ человѣкъ женатый, то воздержаться нѣкоторое время отъ общенія со своей женой. Такимъ образомъ, иногда бываетъ наказана женщина за грѣхи своего мужа.

Въ день причащенія Св. Таинъ они обыкновенно говѣютъ; въ этотъ день нельзя употреблять въ пищу мяса; иные во избѣжаніе прегрѣшеній въ теченіи всего этого дня спятъ. Наконецъ, я не замѣтилъ, чтобы они вѣровали въ пресуществленіи (transsubstantiation) какъ увѣряетъ Олеарій. Приведу въ нѣсколькихъ словахъ опроверженія противъ этого, изложенныя въ первомъ изданіи: греки, какъ и москвитяне, не вѣруютъ въ него; какъ тѣ, такъ и другіе не признаютъ таинства Евхаристіи, которое есть въ церкви католической. Я могъ бы привесть еще и другія доказательства, но я довольствуюсь и этимв, я не буду приводить тѣ три основанія, которыя были высказаны на диспутѣ между Арнодомъ (M. Arnaud) и Клаудомъ (M. Claude). Я очень уважаю Олеарія; это человѣкъ ученый, ему публика обязана обширнымъ описаніемъ Московіи, въ чемъ ему и слѣдуетъ отдать полную справедливость; онъ самый вѣрный писатель изъ всѣхъ писавшихъ до него объ этой странѣ. Но все-таки нельзя согласиться съ его извѣстіемъ, что Москвитяне вѣруютъ въ таинство Евхаристіи. Вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, важный; Олеарій, говоря о немъ, самъ какъ бы сомнѣвается, вѣруютъ ли они въ пресуществленіе или нѣтъ? Ошибка эта, какъ говоритъ Клодъ, произошла отъ того, что Москвитяне, какъ и греки, говорятъ, что въ таинствѣ Евхаристіи хлѣбъ претворяется въ тѣло Христово, а вино—въ кровь. Олеарій слово претворить (changer) смѣшалъ съ словомъ пресуществить (transsubstantier).

Что касается крестныхъ ходовъ, то замѣчательнѣйшій изъ нихъ тотъ, который мы видѣли въ Москвѣ, во время Пасхи. Троица (Troitza)—Троицко-Сергіевскій посадъ, о которомъ я упоминалъ при описаніи нашего путешествія изъ Вологды въ Москву, есть главное мѣсто, куда ходятъ на богомолье. Говоря объ обрядѣ бракосочетанія замѣчу, что кромѣ тѣхъ церемоній, которыя совершаются въ церкви, есть еще такъ много

смѣшнаго и глупаго, что я нахожу нужнымъ объ этомъ умолчать. Скажу только, что послѣ перваго общенія (premier congrès) необходимо, чтобы новобрачные отправились для очищенія въ баню.

Въ обрядѣ погребенія они соблюдаютъ много глупостей, въ чемъ они, конечно, подражаютъ грекамъ: они имѣютъ обыкновеніе нанимать людей для того, чтобы они вопили во всеуслышаніе впродолженіи того, какъ несутъ покойника на кладбище. Вмѣстѣ съ покойникомъ они кладутъ одежду и деньги, изъ страха, чтобы ему ничего не доставало во время его длиннаго путешествія въ другой міръ. Если покойникъ былъ добрый человѣкъ, то, по обычаю въ греческой церкви, священникъ влагалъ ему въ руки свидѣтельство, адресованное къ Св. Петру или патрону Св. Николаю. Затѣмъ его хоронятъ, если это случалось не зимою; въ противномъ случаѣ, вслѣдствіе сильнаго холода, они имѣютъ обыкновеніе сваливать своихъ мертвецовъ въ колокольни своихъ церквей, которые и находятся здѣсь, безъ всякой порчи, до апрѣля мѣсяца, когда погода бываетъ теплая. Тогда всякое семейство выноситъ своихъ покойниковъ и заботится о ихъ погребеніи. Послѣ погребенія родители и близкіе родственники покойнаго имѣютъ обыкновеніе веселиться. Дѣлаютъ они такъ изъ подражанія грекамъ, которые этимъ выражали свою радость, что покойникъ освободился уже отъ несчастій на этомъ свѣтѣ. Затѣмъ священникъ впродолженіе сорока дней ходитъ на могилу покойнаго, воскуряетъ ѳиміамъ и молится о спасеніи его души. Кромѣ этого, ежегодно послѣ Пасхи совершается въ честь мертвыхъ много церемоній, которыя положительно смѣшны. Москвитяне хотя и не признаютъ чистилища, тѣмъ не менѣе, они признаютъ два мѣста, гдѣ души, отдѣленныя отъ тѣлъ, находятся въ ожиданіи суда. Одно для душъ праведныхъ, гдѣ какъ они думаютъ, онѣ бесѣдуютъ съ ангелами, полны удовольствія и наслажденія. Другое для грѣшниковъ, гдѣ они пребываютъ съ демонами. Священники изъ-за прибыли убѣдили народъ, что ихъ молитвами и воскуреніемъ можно отвратить души грѣшниковъ отъ пути въ адъ и направить въ рай.

V.

Объ управленіи Москвитянъ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію этого управленія, слѣдуетъ разсмотрѣть какимъ образомъ государство это сдѣлалось сильнымъ и могущественнымъ. Образовалось оно около половины 9-го столѣтія въ царствованіе византійскаго императора Михаила III, когда русскіе (бывшіе въ то время могущественнѣйшимъ народомъ на сѣверѣ) начали дѣлать нападенія со стороны Чернаго моря (Pont-Euxin) и имѣли даже смѣлость напасть на самый Константинополь *). Правда, они были отбиваемы, но прежде, чѣмъ возвратиться назадъ, они нападали со своими союзниками на сѣверо-западные берега моря, гдѣ и распространяли свои границы съ меньшими препятствіями.

Во время Константина VII (Constantin VII) они осаждали еще разъ Константинополь, но были отбиты **). Впослѣдствіи они были въ хорошихъ отношеніяхъ съ восточными императорами; съ того же времени, когда Елена (Heléne) дочь Никифора Фоки (Nicéyhore Phocos) была отдана замужъ за князя Владиміра, они обратили свое оружіе на Польшу и сосѣднія страны, гдѣ и имѣли успѣхъ ***).

Но послѣ ихъ посягательствъ, побѣдъ и тріумфовъ, ихъ постигло несчастье: они были въ 1240 г. покорены татарами. Все государство ихъ было раздроблено на мелкія княжества, благодаря своенравію и наглости побѣдителей. Такимъ образомъ Московскіе князья должны были платить дань и быть

---

*) Здѣсь разумѣется походъ 865 г.

**) Походъ этотъ предпринялъ князь Игорь (941 г.).

***) Авторъ нашъ перепутываетъ здѣсь имена. Какъ извѣстно Анна, а не Елена, сестра византійскихъ императоровъ Василія II и Константина VI сыновей Романа, была за мужемъ за Владиміромъ Св. Очень можетъ быть, что Анна, какъ говоритъ нашъ авторъ, была дочерью Никифора Фоки отъ брака съ Өеофаніей, матерью императоровъ Василія и Константина. (Шлоссеръ изд. 1862. т. 6. стр. 115).

вассалами татаръ, подъ владычествомъ которыхъ они долго стенали, не смотря на то, что дѣлались все болѣе и болѣе могущественными.

Наконецъ татары, будучи раздѣлены между собою и, ослабѣвая съ каждымъ днемъ, были не только взгнаны при Василіѣ (Basilius) въ 1494 г. изъ государства, но сверхъ того потеряли казанское и астраханское царства (royaumes de Cazon et Astracan) *). Правда, что къ концу войнъ было заключено и постановлено между княземъ татарскимъ и московскимъ, чтобы великій князь однажды въ годъ воздавалъ почести въ своемъ собственномъ дворцѣ въ Москвѣ крымскому хану, давая лично овесъ его лошади въ своей собственной шапкѣ; но эта почесть была вскорѣ замѣнена податью, состоявшею въ мѣхахъ и наконецъ и въ этой подати было отказано, что и было причиной большой войны между двумя народами, и сопротивляясь могуществу и усиліямъ татаръ, Московія получила преимущество и сдѣлалась могущественной.

Скажемъ теперь объ управленіи, которое мы раздѣлимъ на двѣ части: въ одной коснемся гражданскаго управленія; въ другой церковнаго. Въ первой мы разсмотримъ въ краткихъ чертахъ то лице, которое управляетъ, способъ его управленія и проистекающее отсюда спокойствіе страны.

Московія, свергнувши иго татаръ, сдѣлалась съ этого времени значительнымъ государствомъ, управляемымъ своими собственными князьями **). И, какъ это было у всѣхъ варварскихъ народовъ, власть ихъ была такъ велика, что они обращались всегда со своими подданными, какъ съ рабами, располагая ихъ имуществомъ и жизнью, какъ только имъ казалось лучше. Это-то и побудило турецкаго пашу (bassa de Turquie) выразиться, что его властитель и царь московскій

*) Здѣсь авторъ сбивается въ хронологіи; въ этомъ году княжилъ не Василій, а Іоаннъ III (1462—1505). Освобожденіе русскихъ отъ ига татаръ относится къ 1480 г. (стояніе при Угрѣ). Казанское и астраханское царства, какъ извѣстно, были покорены Іоанномъ Грознымъ, первое въ 1552, второе въ 1556 г.

**) По сверженіи татарскаго ига, да и раньше въ Московскомъ государствѣ было единодержавіе.

самые неограниченные монархи Европы. Дѣйствительно, власть ихъ не имѣетъ предѣла, воля ихъ считается закономъ и какъ бы она ни была противна божескимъ и человѣческимъ законамъ, она считается неизмѣнною. Такимъ образомъ правленіе Московіи не только монархическое, но даже деспотическое или тиранническое, потому что цари не только монархи, но и высшіе господа и безусловные хозяева жизни и имущества своихъ подданныхъ.

Отсюда, конечно, легко вывести заключеніе, что царь можетъ собирать казны, сколько ему нужно и можетъ регулировать свои доходы, какъ пожелаетъ. Вотъ обыкновенныя средства, служащія ему обыкновенно къ добыванію денегъ, кромѣ его собственной вотчины, которая весьма значительна: онъ вездѣ содержитъ много факторовъ, которые въ большинствѣ случаевъ занимаются торговлею въ Московіи и ведутъ ее такимъ образомъ, чтобы его величество находило бы ее для себя очень выгодною. Онъ содержитъ всѣ питейныя заведенія въ странѣ, которыя ему приносятъ огромную сумму денегъ. Онъ одинъ только занимается сбытомъ икры. Онъ беретъ съ товаровъ по 5 % при ввозѣ и вывозѣ. Наконецъ онъ наслѣдуетъ имущества тѣхъ подданныхъ, которые умерли безъ потомства. Но, кромѣ всѣхъ этихъ средствъ и многихъ другихъ, которыми онъ добываетъ деньги, онъ можетъ еще воспользоваться, въ случаѣ нужды, своею чрезвычайною властью надъ подданными: во всякое время они готовы къ его услугамъ и онъ собираетъ съ нихъ дань, какую только захочетъ. Правда, доходы его велики, но и расходы также значительны, принимая во вниманіе ту чрезмѣрную пышность, въ какой онъ себя содержитъ. И въ самомъ дѣлѣ, сказать правду, дворъ его такъ прекрасенъ, такъ великолѣпенъ и хорошо устроенъ, что я могу сказать чистосердечно, что царь московскій превосходитъ всѣхъ христіанскихъ князей славою и величіемъ. Я не буду приводить еще другихъ доказательствъ; я достаточно уже сказалъ при описаніи нашего пребыванія въ Москвѣ и я бы никогда не окончилъ бы, если бы сталъ подробно распространяться о его дворѣ. Скажу еще, что для своей гвардіи онъ

содержитъ не менѣе 20 т. человѣкъ и по преимуществу кавалеріи.

Это все, что можно видѣть хорошаго въ этомъ отношеніи въ Московіи и, кажется, вся слава страны въ этомъ-то и заключается. Вслѣдствіе чего и происходитъ, что подданные, будучи поражены блескомъ и пышностью, питаютъ къ своему монарху столь глубокое уваженіе, что они считаютъ его скорѣе за Бога, чѣмъ за царя и почитаютъ его скорѣе, какъ рабы, чѣмъ какъ подданные. Отсюда и происходитъ то равнодушіе въ отношеніи къ другимъ князьямъ, которыхъ они представляютъ только царенками (roitelets) около своего великаго господина; доказательствомъ этому можетъ служить способъ, какъ они принимаютъ часто ихъ пословъ. Его титулы: великій государь, царь и великій князь. Имя царь (czar) значитъ король или императоръ (roi ou empereur) и корень его, конечно, въ словѣ caesar. Во всѣхъ торжественныхъ и публичныхъ объявленіяхъ онъ употребляетъ, какъ и король испанскій, всѣ титулы провинцій, чтобы обширностью пространства заставить признать величіе своей монархіи. Гербы ихъ (какъ видно на монетахъ) съ одной стороны изображаютъ двуглаваго орла, носящаго три короны, которыя представляютъ собственно Московію и царства: Казанское и Астраханское; съ другой стороны св. Георгія, щитомъ побивающаго дракона. Вотъ все, что касается до безусловнаго могущества царя московскаго, его необыкновенныхъ доходовъ, его двора и титуловъ.

Теперь слѣдуетъ сказать о гражданскомъ управленіи. На первомъ планѣ стоитъ государственный совѣтъ (conseil d'Etat), состоящій изъ извѣстнаго числа бояръ и другихъ лицъ; онъ засѣдаетъ обыкновенно ночью *).

Смотря по приказаніямъ и указамъ этого совѣта, гдѣ предсѣдательствуетъ обыкновенно царь, дѣла еще рѣшаются въ подчиненныхъ судахъ, которыхъ въ Москвѣ 6: въ двухъ—завѣдываютъ царскими доходами, въ двухъ другихъ рѣшаются

*) Боярская дума, завѣдывавшая главнѣйшими государственными дѣлами. Въ ней засѣдали бояре, думные дворяне и окольничіе.

гражданскія и уголовныя дѣла, а въ двухъ послѣднихъ—внѣшнія и военныя *). И въ самомъ дѣлѣ, одному князю, хоть бы вездѣсущему и неутомимому, нѣтъ возможности управлять столь обширнымъ пространствомъ; какъ океанъ принимаетъ въ себя воды земнаго шара, такъ точно и князь сосредоточиваетъ въ себѣ государство посредствомъ этихъ судовъ, которые суть каналы, по которымъ онъ распространяетъ свое вліяніе. Вслѣдствіе этого князь имѣетъ своихъ намѣстниковъ въ каждой провинціи, которымъ дана неограниченная власть, особенно въ судебныхъ дѣлахъ, какъ въ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ. Онъ имѣетъ обыкновеніе мѣнять этихъ начальниковъ каждые три года.

Въ Московіи есть четыре начала весьма важныя, которыя служатъ къ удерживанію народа въ послушаніи. Во 1-хъ царь даетъ много власти знати и этимъ средствомъ всѣ знатные у него находятся въ преданности, а эти послѣдніе и держатъ народъ въ повиновеніи. Однако, съ другой стороны, онъ живетъ съ ними такъ мирно, что они всегда почтительны и покорны ему, какъ только можетъ быть покоренъ подданный или рабъ: кромѣ власти, которую онъ имѣетъ надъ ихъ имуществами и ими самими, нужно думать, что блескъ и пышность, которыми цари себя окружаютъ, наполняютъ ихъ души чувствомъ любви и покорности. Нужно, впрочемъ, опасаться злоупотребленія или тираніи начальниковъ, которые, имѣя безусловную власть дѣлать почти все, съ трудомъ воздерживаются и смѣло предаются угнетенію подчиненнаго имъ народа. Слѣдствіемъ этого бываютъ мятежи, и я не сомнѣваюсь, что настоящій ужасный мятежъ, конецъ котораго еще неизвѣстенъ, имѣетъ въ этомъ свой источникъ **).

Прибавлю еще, что мятежъ этотъ чрезвычайный и безпримѣрный, по крайней мѣрѣ, въ этой странѣ. Бывали иногда смуты и мятежи, но они были скоро подавляемы и не произ-

---

*) Здѣсь разумѣются приказы. Происхожденіе ихъ относится ко временамъ удѣльнымъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ было болѣе сорока.

**) Здѣсь авторъ нашъ разумѣетъ мятежъ, бывшій по поводу финансовыхъ затрудненій.

водили большаго волненія. Вотъ почему царь и теперь, вмѣсто того, чтобы погасить мѣтежъ этотъ въ зародышѣ, можетъ быть, слишкомъ пренебрегалъ имъ, думая, что это только молнія, которая пройдетъ и уничтожится сама собою. Но событія показали противное. Нужно было сдѣлать одно изъ двухъ: или предотвратить это несчастье справедливыми мѣрами или сопротивляться въ началѣ его зарожденію; principiis obsta, по словамъ Овидія. Но цари Московскіе имѣютъ ту выгоду, что ихъ подданные, какъ мы увидимъ подробнѣе впослѣдствіи, рождены въ покорности, которую всасываютъ въ себя съ молокомъ матери. Второе начало, которое цари употребляютъ для удерживанія своихъ подданыхъ въ повиновеніи, состоитъ въ запрещеніи имъ выѣзжать изъ своей страны. Причиной этому есть страхъ, что они принесутъ много новыхъ привычекъ, благодаря путешествію въ чужихъ краяхъ и, вкусивъ разъ свободу, какою наслаждаются другіе народы, они разобьютъ оковы своего рабства. Безъ сомнѣнія, начало это весьма хорошее, особенно оно хорошо для такихъ подданныхъ, какъ Москвитяне, которые довольны вполнѣ своимъ положеніемъ и утѣшаются обширностью своего отечества, гдѣ для нихъ довольно мѣста для путешествій.

Правда, спартанцы, хвалившіеся тѣмъ, что живутъ въ величайшей свободѣ, тѣмъ не менѣе сдѣлались предметами суровости этого закона. Вслѣдствіе чего Ликургъ и запретилъ имъ совершенно вести торговлю съ иностранцами; напротивъ того, русскіе имѣютъ право торговать съ иностранцами, живущими въ самой странѣ. Что меня заставляетъ надѣяться, что они со временемъ исправятся, — это ихъ любовь слушать людей образованныхъ и начало подражанія имъ въ образѣ жизни. Если бы они имѣли управленіе менѣе жестокое, а болѣе мягкое и право свободной торговли, то, нѣтъ сомнѣнія, что эта нація въ скоромъ времени сдѣлалась бы весьма склонною къ благосостоянію и просвѣщенію. Но это начало, о которомъ теперь идетъ рѣчь, служащее къ поддержанію какъ ихъ религіи, такъ и ихъ гражданскихъ обычаевъ, соблюдается очень точно; оно распространяется даже на иностранцевъ, находящихся у царя на службѣ или принявшихъ

вѣру русскихъ. Чтобы служить у царя нужно быть рабомъ и, чтобы принять его религію, нужно рѣшиться навсегда сказать „прощай" своему собственному отечеству и запереться въ Москвѣ. Скажу еще, что поступать на службу къ царю можно и на извѣстный только срокъ, но это, впрочемъ, не мѣшаетъ, въ случаѣ нужды, насмѣяться надъ этимъ, что и случилось съ г. Кальтофомъ (Calthof.) который, не смотря на просьбу его величества, короля британскаго, вмѣшательство г. посла и своей собственной склонности, принужденъ былъ возвратиться въ Москву въ то время, какъ мы изъ нея выѣхали.

Другая политика, употребляющаяся въ Московіи, состоитъ въ томъ, что цари вступаютъ въ бракъ только со своими подданными изъ опасенія, чтобы иноземная принцесса не сдѣлала бы какой либо перемѣны въ государствѣ [1]). Но въ этомъ есть и опасность, чтобы родственники той, съ которой царь вступаетъ въ бракъ, не сдѣлались бы гордыми и надменными, какъ дѣйствительно и случилось въ поведеніи Милославскаго, тестя нынѣшняго царя. Безъ сомнѣнія, для величія монарха болѣе достойно ему вступать въ бракъ съ иноземной принцессой, которая не была его подданной; такимъ образомъ супружество дѣлается болѣе равнымъ и потомство ихъ есть вполнѣ царское.

Напротивъ того, взять жену, которая ниже его, значитъ снизойти съ своего трона для того, чтобы возвести туда ту особу, которая никогда не училась туда всходить. Это, кажется, оскорбляетъ величіе монарха. Наконецъ четвертое начало состоитъ въ поддержаніи невѣжества, которое очень распространено въ этомъ краѣ; тамъ учатъ только читать и писать. И дѣйствительно, науки не свойственны рабамъ, но живущимъ въ государствѣ свободномъ. Наука не согласуется такъ хорошо съ рабствомъ, какъ невѣжество. Это-то и побудило сказать Валентіана—Га Valentian—и Луцинія (Lucinius), двухъ римскихъ императоровъ, что науки были язвою и ядомъ для

[1]) Какъ извѣстно, религія по преимуществу служила главнымъ препятствіемъ ко вступленію въ бракъ съ иноземными принцессами.

республики. Даже Ликургъ былъ почти того же мнѣнія, когда онъ учреждалъ невѣжество въ Спартѣ, которая тѣмъ не менѣе имѣла претензію быть свободной. Теперь эта политика Турка, который ее также хорошо примѣняетъ, какъ и великій князь. Такимъ образомъ Московиты, погруженные въ глубокое невѣжество, не знаютъ даже какимъ образомъ въ Европѣ переплетаютъ книги. Что касается ихъ манускриптовъ, то они вмѣсто книгъ употребляютъ только свертки бумаги, какъ были нѣкогда у іудеевъ свертки пергамента, о которыхъ такъ много говорятъ. Они склеиваютъ, какъ я уже замѣтилъ, каждый листокъ клеемъ, добываемымъ въ Сибири; они могутъ по желанію дѣлать свертки очень длинными.

Къ этимъ четыремъ началамъ, я присоединю пятый—особенная забота противодѣйствовать развитію римско-католической церкви въ этой странѣ; не смотря на свое невѣжество, они знаютъ очень хорошо горячую ревность католиковъ къ распространенію своей религіи и вліянія.

Теперь послѣ этихъ общихъ размышленій относительно политики Московскихъ царей, скажемъ кое-что о администраціи суда и затѣмъ перейдемъ къ другимъ размышленіямъ. Судъ въ Московіи по гражданскимъ дѣламъ производится въ очень короткое время, такъ что нѣтъ мѣста здѣсь ни для спора, ни для философіи. Что касается уголовныхъ процессовъ, то нерѣдко употребляютъ пытку (l'estrapade); если обвиняемаго найдутъ виновнымъ, то приговариваютъ къ висѣлицѣ или обезглавливанію. Но если не будутъ доказано болѣе двухъ кражъ, то едва ли допускаютъ смертную казнь за одно или два воровства. Впрочемъ, вмѣсто смертной казни употребляютъ наказаніе, довольно суровое: наказываютъ публично виновнаго рукою палача, кнутъ котораго сдѣланъ изъ кожи оленя, разрѣзаной на мелкіе ремешки; онъ до того рѣжетъ кожу, что часто первый ударъ оставляетъ кровавые слѣды на спинѣ. Если дѣло идетъ о какихъ нибудь внезапныхъ спорахъ или о не большихъ покражахъ и т. п. вещахъ, то мѣстный чиновникъ безъ всякой другой формальности, наказываетъ ботогами (battoki). Это наказаніе имѣетъ много сходства съ тѣмъ, которое Богъ назначилъ, во времена Моисея, израильскому

народу; какъ объ этомъ говорится въ 25 главѣ. Второзаконія (Deutéronome). Виновнаго раздѣваютъ до рубашки, кладутъ его животомъ на землю и по бокамъ его ставятъ двухъ человѣкъ, которые и бьютъ его палками по спинѣ. Вмѣсто того, чтобы число ударовъ было ограничено, какъ это было у евреевъ (нельзя было дать болѣе 40 ударовъ), здѣсь же число ударовъ зависитъ отъ произвола чиновника. Виновный, получивъ свое, встаетъ и кланяется тому, кто его осудилъ, подобно персамъ, которые, когда наказывалъ царь, благодарили за то, что онъ былъ такъ добръ, вспомнивъ ихъ. Этотъ родъ наказанія очень употребителенъ у знатныхъ.

Что касается торговли внутренней и внѣшней, то представляется замѣчанію четыре вещи: товары, служащіе для торговли, имѣющіеся удобства для ихъ перевозки, вѣсъ и монета.

Такъ какъ Московское государство представляетъ обширную страну, расположенную въ различныхъ климатахъ, то въ немъ есть провинціи въ сѣверной и восточной частяхъ на столько безплодныя (какъ мы и замѣтили въ другомъ мѣстѣ), что жители принуждены бываютъ, чтобы не житъ, подобно дикимъ звѣрямъ, искать хлѣба и другихъ необходимыхъ потребностей въ южныхъ провинціяхъ и, какъ будто, въ вознагрждёніе этимъ послѣднимъ, доставляютъ соль, соленую рыбу и другіе продукты. Почему, не дурно замѣтить кстати, какъ Божественное Провидѣніе мудро распредѣлило не поровну земныя блага, устроивъ такъ, что одни нуждаются въ помощи другихъ.

Такимъ образомъ Московія вообще доставляетъ иностраннымъ землямъ много произведеній (я ихъ перечислилъ при моемъ описаніи Архангельскаго).

Иноземныя края, въ свою очередь, доставляютъ Московіи много полезныхъ и необходимыхъ товаровъ. Для перевозки товаровъ въ зимнее время служатъ сани, а лѣтомъ сплавляютъ ихъ по рѣкамъ и озерамъ, которыми природа такъ мудро надѣлила этотъ край. Такъ какъ Московія представляетъ громадное государство, котораго большая часть провинцій далеко отстоитъ отъ моря, то при отсутствіи этихъ рѣкъ, существовать было бы трудно. Для иностранцевъ есть два

порта: Архангельскъ на сѣверѣ и Астрахань на югѣ, при устьѣ Волги. Въ первомъ, какъ я уже сказалъ, торгуютъ по преимуществу англичане, голландцы и жители Гамбурга (les Hambourgeois), а во второмъ, который лежитъ почти у берега Каспійскаго моря—персы (les Persans) турки (Tarus) и армяне (Arménien).

Что касается вѣса и мѣры въ Московіи, то я думаю, что нѣтъ ни какой надобности о нихъ говорить. Этотъ предметъ я окончу описаніемъ монеты. Монета очень мала; она называется копѣйкой (copeka); 50 копѣекъ составляетъ экю. Эта круглая, серебрянная монета занимаетъ такъ мало протяженія, что не большою горстью можно захватить большое количество. Алтынъ равенъ тремъ копѣйкамъ, гривна (grifna) десяти, а рубль состоитъ изъ 100 копѣекъ; все это не находится въ отдѣльныхъ монетахъ.

Теперь остается только, для окончанія этихъ размышленій, сказать кое-что о войскѣ. Какъ въ государствѣ необходима юстиція для воздаянія каждому своего или для наказанія злодѣевъ, для торговли и для вспомоществованія нуждъ, такъ точно необходимо и регулярное войско для безопасности государя и государства и для подавленія враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, если представится только случай. Войско для Московіи очень важно; оно было бы весьма страшнымъ для сосѣдей, если бы только офицеры слѣдили бы по чаще за своимъ поведеніемъ или лучше за своимъ долгомъ. Если дѣло идетъ о томъ, чтобы собрать большую армію, то нѣтъ государя въ Европѣ, который бы это сдѣлалъ съ большею легкостію, какъ царь Московскій. Но если вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы имѣть храбрыхъ и опытныхъ солдатъ на войнѣ и созданныхъ для труда, то едва ли Московія можетъ доставить столько, сколько другая какая либо нація. Если нуженъ большой наборъ, то не смотря на то, что край неплотно населенъ сравнительно съ занимаемымъ пространствомъ, однако весьма легко царю собрать 100 или 200 т. человѣкъ; кромѣ тѣхъ 22 тысячъ, которыхъ онъ держитъ возлѣ своей особы и нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, которые составляютъ гарнизонъ въ различныхъ мѣстахъ. Онъ имѣетъ армію въ 65,000 че-

ловѣкъ, всегда готовую для первой надобности; они находятся подъ начальствомъ 110 офицеровъ, избранныхъ его царскимъ величествомъ. Офицеры эти должны содержать армію, всегда готовой для войны; они получаютъ отъ царя земли. Кромѣ того, бояре, владѣющіе лучшими вотчинами въ странѣ, обязаны, въ случаѣ надобности, доставить и содержать на свой счетъ извѣстное количество всадниковъ, пропорціонально ихъ землямъ.

Но весь недостатокъ царскаго войска состоитъ, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что оно почти все состоитъ изъ кавалеріи; напротивъ, было бы лучше, если бы въ немъ находилось пропорціонально извѣстное число пѣхотинцевъ. Есть нѣкоторые, считающіе страннымъ обычай отдавать большую часть должностей иностранцамъ какъ то: нѣмцамъ, англичанамъ, шотландцамъ и др. не потому, чтобы они не знали военное искуство, такъ какъ знаютъ ее туземцы, но потому что вѣрность ихъ сомнительна. Я ничего относительно этого не имѣю, но скажу только, что ихъ въ настоящее время въ Московіи очень много, они получаютъ хорошее жалованье, аккуратно имъ платимое, что ихъ и привлекаетъ. Во время нашего пребыванія въ Москвѣ, тамъ было два шотландца, прибывшіе изъ Англіи, вмѣстѣ съ нами; они за ручательствомъ его превосходительства г. посла были приняты на службу къ царю; одинъ въ качествѣ капитана, другой—лейтенанта. Въ кавалеріи въ качествѣ оружій употребляютъ лукъ и стрѣлы; лукъ носится въ чехлѣ, подъ мышкой справа, а колчанъ виситъ съ лѣвой стороны. Изъ оружій инфантеріи очень распространенъ родъ топора или алебарды, который, безъ сомнѣнія, очень удобенъ для большаго кровопролитія; остріе его сдѣлано въ формѣ полукруга съ рукояткой достаточной длины. Онъ носится на спинѣ. Кромѣ этого, они употребляютъ также и пушки. Изъ музыкальныхъ инструментовъ употребляютъ бубны, трубы и нѣкоторые другіе, которыми они производятъ только шумъ, но мало гармоніи, пѣхота употребляетъ флейты, что, мнѣ кажется, несравненно пріятнѣе. Крѣпости и замки ихъ построены, какъ и ихъ жилища, изъ дерева, вслѣдствіе чего и бываютъ часто подвержены пожарамъ. Какъ города у нихъ

красивы, благодаря мѣстоположенію, такъ точно и крѣпости имѣютъ красивый видъ, благодаря этой же причинѣ. Инфантерія употребляла нѣкогда подвижную крѣпость, сдѣланную изъ дерева; она имѣла 10 ф. ширины, но могла, впрочемъ, раздвигаться въ длину почти на двѣ мили. Поэтому она была построена такъ, что въ короткое время ее можно было разобрать, если предстояла надобность перенести ее на другое мѣсто. Такъ армія, благодаря этой машинѣ, была защищена и производила иногда много опустошеній. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что Москвитяне—плохіе воины. Они созданы для труда, довольствуются весьма малымъ, но тѣмъ не менѣе крѣпкаго сложенія. Они терпѣливо переносятъ всѣ невзгоды климата; съ ранняго дѣтства пріучаютъ ихъ спать на твердомъ. На основаніи всего этого можно сказать, что Московиты рождаются солдатами. Кромѣ этого, быть не можетъ, чтобы они не знали военнаго искусства, такъ какъ царь ихъ постоянно имѣетъ стычки съ одними или другими изъ своихъ сосѣдей, которые имѣютъ большія арміи Наконецъ у нихъ нѣтъ недостатка въ храбрости, а напротивъ, какъ только начинается сраженіе, они очень рискуютъ своею жизнью; имъ не достаетъ больше порядка въ битвѣ, чѣмъ храбрости. Званіе солдата очень почитается въ Московіи; они за честь считаютъ идти на войну и рисковать тамъ за царя своею жизнью; такъ говоритъ поэтъ: „слава имѣетъ большія шпоры (Immensum gloria calcar habet). Дѣйствительно, въ Московіи каждый солдатъ по своей профессіи, считается дворяниномъ; всѣ дворяне исполняютъ обязанности солдата съ того времени, когда достигнуть необходимаго возраста. Когда какой либо оказалъ на войнѣ необычайную храбрость, то царь, вмѣстѣ съ другими вещами, даритъ ему медаль, съ изображеніемъ Св. Георгія на лошади. Эта медаль носится на рукавѣ или на шапкѣ и это, по ихъ мнѣнію, есть величайшая почесть, какую только можетъ подданный получить отъ своего царя. Такимъ образомъ мы видѣли могущество и величіе царей, а также видѣли, въ чемъ состоитъ гражданское управленіе. Посмотримъ теперь, какъ Московиты смотрятъ на это правленіе. Агезилай нѣкогда сказалъ о жителяхъ Азіи, что они не могутъ быть свобод-

ными людьми, но только хорошими рабами. Я не знаю можно ли это сказать относительно Москвитянъ. Я не колеблясь, впрочемъ, скажу, что они очень хорошіе рабы т. е. они весьма годны для перенесенія тяжестей ига, которое на нихъ налагаютъ. Дѣйствительно, они такъ подчиняются волѣ своихъ царей, сами сознаютъ, что ихъ имущества и они сами принадлежатъ Богу и царю. Они говорятъ только о свѣтлыхъ очахъ своего царя, хотя бы у него и былъ такой мутный взглядъ, какъ у Діонисія Сиракузскаго. Если кто либо видѣлъ своего царя, то онъ не иначе объ этомъ скажетъ, какъ: «имѣлъ честь видѣть свѣтлыя очи великаго государя». И если бы христіанское смиреніе не умѣряло бы нѣсколько религіознаго почтенія, какое они ему оказываютъ, то они, можетъ быть, дошли бы до того, что приписывали бы его словамъ то, что кричали нѣкогда царю Ироду: «голосъ Бога, а не человѣка». Они публично называютъ себя его рабами и въ знакъ большаго къ нему уваженія, они называютъ себя въ уменьшительномъ видѣ; напр. какой нибудь челобитчикъ, именемъ Петръ (Pierre), называетъ себя Петькой (Pierro).

Всѣ Московиты стараются съ раннихъ лѣтъ внушить своимъ дѣтямъ все величіе монарха. До сихъ поръ мы говорили о гражданскомъ управленіи во всѣхъ его видахъ; теперь для окончанія нашего труда остается сказать нѣсколько словъ объ іерархіи. У нихъ есть патріархъ и въ зависимости отъ него два митрополита и 18 епископовъ, которымъ вообще поручено управленіе церковью. Епископы избираются изъ монаховъ, митрополиты изъ епископовъ, патріархъ изъ митрополитовъ. Патріархъ избирается царемъ и посвящается въ этотъ санъ двумя или тремя суфраганами *). Мѣстопребываніе его, въ Москвѣ, при дворѣ великаго царя, который почитаетъ его какъ высшее лицо въ церкви. Въ день Вербнаго Воскресенья царь идетъ передъ патріархомъ, ведя за узду его лошадь. Въ январѣ, при освященіи рѣки въ Москвѣ, царь стоитъ на льду, между тѣмъ какъ патріархъ торжественно сидитъ на стулѣ. Митрополиты живутъ, одинъ въ Ростовѣ, а другой въ

*) Патріархомъ въ это время былъ Никонъ (1652—1666).

Новгородѣ, имена которыхъ они и носятъ. Главными епископами считаются епископы городовъ: Св. Николая, возлѣ Архангельска, Устюга, Вологды, Ярослава, Твери и Пскова, каковые города мы часто упоминали при описаніи нашихъ путешествій. Въ зависимости отъ нихъ находятся монахи и священники. Первые принадлежатъ къ ордену Св. Василія. Они живутъ въ своихъ монастыряхъ, наблюдаютъ строгій образъ жизни и чванятся тѣмъ, что живутъ очень религіозно въ надеждѣ, когда либо достигнуть епископской каѳедры. Священники, которые называются еще у нихъ попами (papas) не многимъ отличаются отъ простаго народа, за исключеніемъ того времени, когда они совершаютъ богослуженіе. Но, что достойно сожалѣнія въ духовенствѣ, что оно погружено въ глубокое невѣжество; ощущается недостатокъ въ книгахъ, школахъ и академіяхъ. Едва ли они сами знаютъ догматы своей религіи. Вмѣсто того, чтобы учить и наставлять свой народъ, они сами нуждаются въ обученіи. Невѣжество это происходитъ отъ того, что государство и церковь живутъ замкнуто, изъ опасенія увидѣть себя раздѣляемыми новыми ученіями.

Сохраняя же въ точности, какъ они говорятъ, свою литургію и нѣсколько проповѣдей, они считаютъ это совершенно достаточнымъ для спасенія души; этимъ средствомъ государство предохраняется отъ ересей и раскола *).

И. Фр. Павловскій.

---

*) Говоря это, авторъ нашъ обнаруживаетъ незнаніе русской исторіи; ему, конечно, могло быть неизвѣстно существованіе и у насъ раскола и ересей: жидовствующихъ, стригольниковъ и др.

ИНДУСЫ и БУДДА.

Будда, его жизнь и ученіе.

Въ первой половинѣ VI столѣтія предъ Р. Х. страну Индусовъ, простиравшуюся отъ Инда до устьевъ Ганга, покрывали многочисленныя государства, города которыхъ блистали роскошью и великолѣпіемъ. На верхнемъ теченіи Ганга жило племя Куру-Панчала съ городомъ Каусамби, гдѣ въ это время жилъ царь Ватса. За нимъ шло могущественнѣйшее государство Магадское. Тогда правилъ тамъ Бамбисара изъ династіи Кайсунага. Онъ жилъ въ городѣ Радшагрига т. е. въ царскомъ домѣ. Вокругъ Бенареса было расположено царство Коси, затѣмъ царство Анга съ городомъ Чампа; на Джумнѣ особенно славились города Индрапраста и Матура; на Гангѣ—Гастинапура; при сліяніи обѣихъ рѣкъ—Пратистана.

Жизнь царей или раджей этого времени представляется памятниками роскошной и богатой. Они ѣдятъ съ золота и серебра, одѣваются въ бенарессккій шелкъ, дѣлаютъ другъ другу богатые подарки, напримѣръ, оружіе, разукрашенное драгоцѣнною слоновою костью. Ихъ указы и приказанія составляются письменно и запечатываются печатью изъ слоновой кости. Удовольствія ихъ состояли главнымъ образомъ въ войнѣ и охотѣ. Наслаждаясь полной чашей жизни во время здоровья, они и во время болѣзни пользовались отборными и

драгоцѣнными средствами. Одинъ король (Адшатасатру) впалъ однажды въ обморокъ; его сначала клали въ шесть ваннъ, наполненныхъ свѣжимъ масломъ, затѣмъ положили въ седьмую, наполненную драгоцѣннѣйшимъ сандаломъ. Гаремы царей изобилуютъ красивѣйшими женщинами, вліяніе которыхъ при дворѣ очень сильно; дѣти ихъ вскармливаются воспитательницами, которыхъ при одномъ ребенкѣ нерѣдко до 8-ми. Всякая дерзость по отношенію къ царскимъ женамъ наказывается съ величайшей жестокостью: кто осмѣлится взглянуть на царскую жену, лишается жизни. Жена царя Празенадшида—Айодья—гуляла на террассѣ дворца и, увидѣвши красиваго брата короля, бросила ему цвѣтокъ; царь узналъ объ этомъ и велѣлъ отсѣчь брату руки и ноги. Наказанія царей безчеловѣчны. По приказанію одного царя, слывшаго вообще за кроткаго и справедливаго, всѣ жители города за преступленіе одного изъ ихъ среды были преданы казни. Никто не смѣетъ приближаться къ царю безъ подарковъ, особенно купцы. Обращаясь съ просьбой къ нему, испрашиваютъ напередъ обѣщаніе не казнить за всеподданнѣйшее слово.

Главнѣйшую особенность общественнаго устройства Индіи въ VI вѣкѣ представляетъ строгое раздѣленіе на касты: браминовъ, кшатріевъ, вайсіевъ, судра, чандала и пр. Весь порядокъ жизни предписанъ положеніями Ведъ и Ману. Браки дозволены только между членами одной и тойже касты: брамины женятся на браминкахъ, благородные на благородныхъ. Внутри самыхъ кастъ члены, находящіеся въ одинаковыхъ условіяхъ, смыкаются въ строго обособленныя корпораціи. Среди вайсіевъ, купцы, ремесленники, цирюльники образуютъ новыя касты, внутри которыхъ занятія переходятъ наслѣдственно отъ отца къ сыну: сынъ купца дѣлается купцомъ, мясника—мясникомъ; браки и здѣсь заключаются только между сочленами корпорацій. Такимъ образомъ образовалось въ Индіи до 40 кастъ: музыканты, врачи, переносчики тяжестей, извощики, ткачи, золотыхъ дѣлъ мастера, пастухи, охотники за змѣями, торговцы бетелемъ, изготовители рогожъ—все это были наслѣдственныя касты. Законы о раздѣленіи кастъ наблюдаются съ точностью: даже низшія, нечистыя касты строго

вѣрны своему несчастному назначенію: чандала, самыя низшія касты, нарочно отличаютъ себя для того, чтобы высшія чрезъ нечаянное прикосновеніе къ нимъ не осквернились; сообразно съ закономъ, они ѣдятъ собачье мясо, выносятъ трупы за ворота города. Кшатрія, хотя бы при смерти больной ни за что непримутъ луковицы, даже если врачь предпишетъ ее какъ необходимое лекарство.

Брамины являются всегда съ бамбуковой тростью и съ наполненнымъ водой сосудомъ для очищеній въ рукахъ, перепоясанные священнымъ поясомъ. Одни изъ нихъ поддерживаютъ и развиваютъ вновь открытыя знанія въ астрологія и гаданіяхъ, другіе, воспользовавшись снисхожденіемъ закона, ведутъ торговлю и пашутъ землю, третьи предпочитаютъ получать деньги болѣе легкимъ способомъ, составляя хвалебныя пѣсни въ честь царей и отдавая своихъ дочерей въ ихъ гаремы. Значительное число браминовъ, наконецъ, питаются милостыней, блуждая по странѣ. Не всѣ брамины умѣютъ читать и писать; многіе перемѣшиваютъ даже священныя имена Брамы: Омъ и Буръ. Образованные брамины посвящаютъ себя изученію ведъ, читаютъ священные гимны, обучаютъ новичковъ и вступаютъ другъ съ другомъ въ философско-теологическіе споры. Нерѣдко сами цари интересуюся ихъ горячими диспутами: одинъ царь держится мнѣнія одной школы, другой—противоположнаго. Кающіеся брамины живутъ отшельниками въ лѣсахъ, на вершинахъ горъ, близь священныхъ озеръ Кайласа и Раванаграда на высокомъ Гиммалаѣ. Нѣкоторые держатъ себя въ уединеніи и удаленіи отъ людей; убѣжища другихъ расположены, напротивъ, невдалекѣ другъ отъ друга. Одни вступаютъ въ взаимныя бесѣды, другіе преданы строго-уединенному созерцанію и самоистязаніямъ. Степень жестокости этихъ истязаній далеко перешла предѣлы, предписанные закономъ. Одни постятся до полнѣйшаго истощенія, другіе при невыносимомъ зноѣ сидятъ между четырьмя огнями, иные лежатъ на горячей золѣ, нѣкоторые на деревянномъ ложѣ, утыканномъ остріями. Ученіе браминовъ господствовало надъ всѣми; отупѣніе массы было такъ велико, что всѣ охотно исполняли сложныя предписанія чистоты, пищи, тѣлесныхъ истязаній, нравствен-

ныхъ покаяній, чтобы только избѣгнуть ужасовъ безконечныхъ переходовъ изъ одного животнаго въ другое. Обязанности кастъ исполнялись также всѣми добросовѣстно. Рожденіе въ той или другой кастѣ принималось покорно, какъ божественное опредѣленіе. Никто несмѣлъ жаловаться на свои несчастія, потому что они были плодъ его преступленій въ прежнемъ его существованіи. Если прибавить къ этому безконечные обряды и эпитиміи, произволъ суда, жестокость наказаній, тяжесть налоговъ, грабежъ царскихъ чиновниковъ и самихъ царей, то нетрудно будетъ представить себѣ тяжелое положеніе народа. Одному королю, требовавшему денегъ, два его министра отвѣчали: «съ страной тоже самое что съ зерномъ сесама; оно недаетъ масла, если его невыжимаютъ, невырѣзываютъ, невыжигаютъ или не толкутъ». И, что всего ужаснѣе, смерть по общему вѣрованію не освобождала человѣка отъ земныхъ страданій: за ней слѣдовали тысячи перерожденій, безконечныя мученія ада и только, пройдя чрезъ нихъ, можно уже надѣяться на блаженство неба Ямы. Мысль о смерти наполняла Индуса ужасомъ. Впрочемъ въ практической общественной жизни, при всей неправильности отношеній, находились нѣкоторыя условія до извѣстной степени ослаблявшія тираннію религіозныхъ обязанностей кастическаго устройства и деспотическаго правленія. Жизнь зажиточнаго человѣка была устроена удовлетворительно и обставлена всѣми удобствами. Онъ выходилъ изъ дома въ сопровожденіи слуги, который несъ предъ нимъ вѣеръ и отгонялъ мухъ; въ случаѣ его болѣзни посылали сейчасъ за врачемъ и онъ пользовался дорогими лекарствами. Бѣдные въ такихъ случяхъ оказывались, конечно, въ гораздо худшемъ положеніи: нищіе во время болѣзни немогли по своей бѣдности пользоваться совѣтами врача и судьба ихъ въ этомъ отношеніи возбуждаетъ состраданіе. Промышленность и торговля процвѣтали, несмотря на деспотизмъ царей, не смотря на всѣ препятствія кастическаго устройства, несмотря на жестокую и обременительную систему податей. Въ законодательствѣ находится много правилъ, относящихся къ торговымъ сношеніямъ. Караваны, предводимые капитаномъ, перевозятъ товары на верблюдахъ, сло-

нахъ, быкахъ и ослахъ или переносятъ при помощи носильщиковъ отъ одного города къ другому вплоть до гавани. Матеріи и ткани, именно шелковыя бенаресскія, сандальное дерево, шафранъ, камфора, лошади съ сѣвера «благородные кони Синду» называются какъ наиболѣе обыкновенные предметы торговли. Драгоцѣннѣйшими предметами на рынкѣ были драгоцѣнные камни, кораллы, перлы, желѣзо, ткани, благоуханія и коренья. Но кто захотѣлъ бы быстро обогатиться, тотъ долженъ идти на море, не обращая вниманія на опасности и бѣдствія великаго океана. И купцы сотнями отправлялись къ морю. Они выгружали сандальное дерево—продуктъ западнаго (Малабарскаго) берега—при устьѣ Ганга, объѣхавши всю ближнюю Индію, плавали за Цейлонъ, чтобы покупать на далекомъ островѣ драгоцѣнныя каменья. Въ большихъ городахъ торговцы образуютъ корпораціи, начальники которыхъ вступаютъ въ сношенія съ царями; нѣкоторымъ покровительствуемымъ купцамъ цари даютъ привиллегію торговать безпошлинно. Кредитъ уже нашелъ доступъ въ торговлѣ. Богатые купцы въ городахъ не имѣли нужды немедленно оплачивать товары приходящіе изъ чужихъ странъ: они накладывали на тюкахъ, которые хотѣли купить, печать и давали небольшой задатокъ. Члены купеческихъ семействъ ведутъ свои занятія сообща: одинъ ведетъ торговлю дома, другой отправляется на море или съ караваномъ. Никто не женится въ этихъ кругахъ, нескопивши предварительно извѣстной суммы денегъ. Но занятія купцовъ вообще были подвержены опасностямъ: на дорогахъ разбойники, въ городахъ и селахъ сборщики податей, прекрасныя женщины, привыкшія увлекать богатую молодежь.

Но такое общественное устройство, обрекавшее большинство массы на нищету и безправіе, могло держаться только невѣжествомъ народа, неспособностью его критически относиться къ окружающимъ явленіямъ. Въ VI вѣкѣ недовольство и желаніе лучшаго замѣтно усиливаются. Религія болѣе не могла успокоить недовольныхъ; среди ея также возникла, подъ вліяніемъ накоплявшихся знаній, множество ученій, возбуждавшихъ умъ къ сомнѣніямъ, къ невѣрію. Въ самомъ на-

родѣ религія жрецовъ—браминовъ, ставившая во главѣ міра Браму и превращавшая міръ въ постепенныя истеченія изъ него, никогда не была на столько сильна, чтобы вытѣснить прежнее обожаніе силъ природы. Домашнее служеніе богу огня, Агни, почитаніе неба подъ именемъ Варуны, призываніе боговъ свѣта и тьмы, тѣней умершихъ предковъ, тризны въ честь ихъ—все это оставалось въ прежней силѣ. По прежнему во главѣ боговъ ставилъ народъ Индру. Конечно, эти вѣрованія должны были постепенно ослабѣвать. Богъ бури, свѣтлаго неба, напр., былъ вмѣстѣ съ тѣмъ богъ войны; но теперь Индусы проводили на Гангѣ мирную жизнь, не видѣли прежнихъ снѣжныхъ ураганов, которые были такъ часты въ пустыняхъ на Индѣ. Впечатлѣнія дѣйствительности неподдерживали этой вѣры и она постоянно вымирала. Что же должно было замѣнить старыхъ боговъ? Тонкое богословское ученіе браминовъ недоступно толпѣ, философскія системы новыхъ школъ—непонятны. И вотъ на ряду съ вымираніемъ древнихъ религіозныхъ образовъ, сознаніе народа усвоивало новыя образы, болѣе родственные съ условіями, въ которыхъ онъ находился. Брамины отдалились отъ природы, смотрѣли на нее съ глубочайшимъ презрѣніемъ; но народъ: крестьяне, пастухи оставались въ постоянномъ соприкосновеніи съ нею; имъ знакома и родственна была растительная жизнь земли и сфера явленій неба. Въ старой религіи былъ образъ Рудры, духа вѣтровъ, отца ихъ. Вмѣстѣ съ Индрой онъ храбро сражался противъ духовъ тьмы.

За дикими порывами завывающаго урагана слѣдовали въ западной области Гиммалая сильные ливни, оживлявшіе пастбища, поля, луга. Теперь не то: борьба и война отступили въ жизни Индуса на заднiй планъ; духи тьмы, образы старыхъ демоновъ были забыты; созерцаніе борьбы свѣтлыхъ и темныхъ духовъ въ бурѣ изчезло. Но благодѣтельное дѣйствіе ливня осталось и было очевидно, ужасы бури не потеряли своего вліянія надъ чувствами. Народъ привыкъ съ благодарностію смотрѣть на бога, который сбиралъ дождевыя облака и разрѣшалъ ихъ въ благодѣтельные ливни. Ему обязана страна своими роскошными лѣсами, поразительнымъ пло-

дородіемъ риса, прелестью луговъ и пастбищъ. Населеніе этихъ областей называло Рудру то Бутопатъ, т. е. властителемъ удачи, то Санкара, т. е. приносящимъ счастіе. Онъ былъ богъ богатства, и обычное названіе этого послѣдняго, — сива, — было прилагаемо и къ олицетворенію его — богу. Здѣсь онъ былъ для народа первымъ и потому могущественнѣйшимъ божествомъ. Въ равнинахъ Ганга растительность и жизнь природы не зависѣла отъ бурь, даже не столько отъ дождей, сколько отъ наводненія рѣки. Не страшныя небесныя явленія, не взволнованная, дикая и бурная природа, а ея спокойное, правильное теченіе, періодическое возвращеніе наводненій доставляли здѣсь плодородіе и удачу. Эти явленія были приписаны дѣятельности бога спокойнаго и благодѣтельнаго, благосклоннаго къ людямъ. Созданіе выдвинуло его образъ и поставило на ряду съ Индрой. Въ гимнахъ Ригъ-веды—одной изъ старинныхъ священныхъ книгъ Индусовъ — богъ Вишну призывается вмѣстѣ съ Индрой; онъ былъ божествомъ яснаго неба, божествомъ солнца. Въ ряду духовъ свѣта, называемыхъ общимъ именемъ Адится т. е. безсмертными, Вишну считается младшимъ. Пѣсни веды показываютъ, что Вишну имѣетъ три жилища: на востокѣ, югѣ и западѣ, и что онъ тремя шагами проходитъ три міра: небо свѣта, небо облаковъ и землю. Три шага ближайшимъ образомъ обозначаютъ времена дня, потомъ три времени года: холодное время, жаръ, время дождя и, наконецъ, въ аллегорическомъ смыслѣ относятся къ прошедшему, настоящему и будущему.

Вишну былъ поэтому богъ свѣта, путь котораго опредѣлялъ времена, мѣстопребываніемъ котораго были свѣтлыя облака, правильно возвращающіяся на небо послѣ мрачнаго времени ливня. Наводненія Ганга посылалъ именно онъ. Этого бога, который посредствомъ воды и сырости воздуха производилъ на землѣ урожай и вообще давалъ успѣхъ, который неутомимо доставлялъ людямъ свѣтъ и плоды,—этого бога считали земледѣльцы страны Ганга лучшимъ помощникомъ и благодѣтелемъ; они называли его именемъ Гари. Вотъ божества, которымъ поклонялся, которыхъ выдвинулъ народъ, въ противовѣсъ религіи жрецовъ. Брамины, если они хотѣли пре-

дупредить полное невниманіе и охлажденіе къ ихъ религіи, должны были призвать за этими божествами значеніе, признанное за ними народомъ: они такъ дѣйствительно впослѣдствіи и сдѣлали. Еще опаснѣе были для религіи жрецовъ тѣ ученія, которыя развились изъ ихъ теологіи и философіи, изъ ихъ системы нравственности.

Около этого времени явилось ученіе Санкья: оно отвергало мертвую душу — Браму и допускало только природу и множество отдѣльныхъ духовъ, которые связаны съ природой или кажутся связанными съ ней. Оно отвергало понятіе о Брамѣ, ученіе о богахъ, авторитетъ Ведъ. Въ этикѣ браминовъ заключалось глубокое внутреннее противорѣчіе. По ученію ея все шло къ уничтоженію природы, къ уничтоженію тѣла и полнѣйшему погруженію въ Браму. Но если такова была высшая религіозная заповѣдь, къ чему были эти ежедневныя жертвы, жертвы при полнолуніи и новолуніи, что значило это безчисленное множество предписаній о соблюденіи чистоты и умилостивленіяхъ, чтобы уничтожить какое нибудь внѣшнее оскверненіе? Даже правовѣрующія школы соглашались, что все это ханжество недостаточно и что оно доставляетъ только заслуги низшаго разряда. Приверженцы же Санкья прямо отвергали какое бы то ни было значеніе жертвы, обрядовъ очищенія вмѣстѣ съ существованіемъ боговъ, которымъ жертвы приносились. Эта же внѣшняя святость требовала уваженія къ раздѣленію кастъ, соблюденія обязанностей, налагаемыхъ рожденіемъ въ той или другой кастѣ. Но если касты были вызваны различіемъ происхожденія и рода жизни, такъ всѣ они должны опять уничтожиться послѣ того, какъ всѣ твари возвратятся въ Браму. Въ дѣйствительности и правовѣрная школа браминовъ уничтожила уже различіе кастъ, по крайней мѣрѣ, на столько, что она требовала изученія Ведъ отъ всѣхъ трехъ первыхъ сословій: жрецовъ, воиновъ и ваисіевъ, исключивши только судръ, рабовъ. Система браминовъ требовала дальше не только отъ жрецовъ, но и отъ кшатріевъ (воиновъ) и ваисіевъ (ремесленниковъ, земледѣльцевъ и торговцевъ) оканчивать жизнь аскетическими подвигами. Всѣ, принадлежащіе къ тремъ кастамъ,

называвшимся, какъ сказано, двидша, т. е. дважды рожденными, должны были, послѣ того какъ они исполнили требованія кастъ, обязанности отца, сдѣлаться отшельниками и кающимися. Аскетизмъ, такимъ образомъ, уничтожаетъ различіе кастъ: сила покаянія, умерщвленіе плоти вело всякаго, принадлежавшаго къ какой бы то ни было изъ трехъ этихъ кастъ, къ Брамѣ. Таково было непремѣнное слѣдствіе системы браминовъ и законодательство не поколебалось сдѣлать этотъ выводъ, а легенда и эпосъ дѣйствительно представляютъ примѣры (Висвамитра), какъ кшатрія (воинъ) силой покаянія достигъ званія брамина. Не могъ ли тотъ или другой изъ отшельниковъ въ лѣсу или при священныхъ озерахъ придти изъ этихъ посылокъ къ убѣжденію, что происхожденіе ровно ничего не значитъ, а все зависитъ отъ степени аскетизма и глубины размышленія?

На сѣверовостокѣ страны Касала на предгорьяхъ Гиммалая, при ручейкѣ Рогини, впадающемъ въ Ропти, вблизи нынѣшняго Горакпура, лежало небольшее княжество, называвшееся, по имени главнаго города, Капилавасту. Правилъ тамъ родъ Сакья, одинъ изъ древнѣйшихъ родовъ, возводившій свое происхожденіе къ Ману. Во второй половинѣ VII столѣтія предъ Р. Х. владѣтелемъ здѣсь былъ царь Суддодана. Въ 623 г. предъ Р. Х. родился у него сынъ, которому дали имя Сарвартасидда (Сиддарта) т. е. совершенный во всѣхъ отношеніяхъ. Одинъ отшельникъ предсказалъ родителямъ, что этому ребенку опредѣлено высокое назначеніе. Молодой принцъ воспитывался какъ наслѣдникъ престола, былъ вообще обучаемъ всему, что считалось приличнымъ знать царскому сыну. Послѣ того, какъ онъ на шестнадцатомъ году жизни побѣдилъ въ единоборствѣ всѣхъ юношей изъ дома Сакья, отецъ женилъ его на Ясодарѣ. Затѣмъ принцъ взялъ себѣ еще двѣ жены и нѣсколько любовницъ, и долго жилъ съ ними въ полной роскоши, окруженный всевозможными удовольствіями, въ своемъ богатомъ дворцѣ. Но разъ, на девятнадцатомъ году жизни, какъ говоритъ преданіе, во время одной прогулки въ увеселительномъ саду, онъ увидѣлъ убогаго старика съ плѣшивой головой, съ сгорбленнымъ тѣломъ и дрожащими членами. Въ другой разъ замѣтилъ онъ неизлечимаго больнаго;

тѣло его, пораженное горячкой, было покрыто сплошь проказой и вередами; около него не было провожатаго, не было никакой помощи. Во время третьей прогулки попался ему на дорогѣ трупъ, съѣденный червями и разложившійся. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній въ немъ зародились вопросы: къ чему наслажденіе, юность и радость жизни, если онѣ подвержены болѣзни, старости и смерти? Онъ погрузился въ размышленія о бѣдствіяхъ, наполняющихъ міръ и рѣшился оставить свой пышный дворецъ, своихъ женъ, сына, удалиться въ уединеніе, чтобы изслѣдовать причины бѣдствій, которыя мучатъ людей и отыскать средства къ ихъ облегченію. Отецъ-царь противится этому намѣренію; онъ не хочетъ ни за что пустить странствовать по свѣту благороднаго воина, наслѣдника престола, устраиваетъ пиры и празднества чтобы удержать его. Принца стараются увлечь пѣснями, танцами и играми, въ надеждѣ развеселить его и дать другое направленіе мыслямъ. Все напрасно. Ночью бросается онъ на своего коня и тайно оставляетъ дворецъ, сопровождаемый только однимъ слугой. Цѣлую ночь ѣхали они по направленію къ востоку. Достигши области Малла (на предгорьяхъ Гималая при Хираньявати) передалъ онъ утромъ вблизи Кусинагары, столицы Малла (около 30-ти миль къ сѣверозападу отъ Патны) служителю свои украшенія и отослалъ его съ лошадьми назадъ домой; при себѣ оставилъ только желтый плащъ (желтый цвѣтъ въ Индіи—принадлежность царскаго достоинства), который носилъ прежде. Волосы обрѣзалъ и рѣшился жить впредь, какъ нищій. По прошествіи семи дней, онъ отправился, прося милостыню, въ Вайсали,—городъ, лежавшій къ западу отъ нынѣшней Патны,—перешелъ чрезъ Гангъ и направился въ столицу Магадскаго царства, Раджагригу, вблизи которой были расположены убѣжища отшельниковъ и школы знаменитѣйшихъ браминовъ. Дѣятельно принялся здѣсь за ученіе и скоро изучилъ все, что знали главы школъ. Но они не могли ему удовлетворительно объяснить ни происхожденія человѣческихъ страданій, ни указать на средства къ ихъ облегченію,—и тревожные вопросы не оставляли его. Неудовлетворенный ихъ наставленіями и ученіями, Сиддарта рѣшился

совершенно удалиться отъ міра, жить безъ огня въ лѣсу и при помощи подвиговъ покаянія, лишеній и глубочайшаго размышленія постичь истину. Онъ назвалъ себя Сакьямуни т. е. отшельникомъ изъ рода Сакья, отправился на югъ царства Магадовъ и предался здѣсь, при деревнѣ Урульвильва, жестокимъ и суровымъ испытаніямъ. Сидя безъ малѣйшаго движенія, выноситъ онъ жаръ и холодъ, бурю и дождь, голодъ и жажду. Онъ ѣстъ ежедневно не болѣе одного зерна риса или сесама. Но впродолженіи цѣлыхъ шести лѣтъ напрасно подвергается онъ такимъ истязаніямъ: послѣдніе, конечные выводы его размышленія остаются скрытыми отъ него. Тогда ему показалось, будто онъ замѣтилъ, что голодъ ослабляетъ силы духа и рѣшился принимать умѣренную пищу: медъ, рисъ и молоко, которыя приносили ему дѣвушки изъ Урульвильва. Затѣмъ отправился Сакьямуни въ Гайу вблизи Урульвильва и погрузился здѣсь, подъ фиговымъ деревомъ, въ глубочайшее созерцаніе. Наконецъ, въ послѣднее ночное бодрствованіе, послѣ того какъ онъ напередъ еще разъ въ умѣ побѣдилъ всѣ искушенія міра, страхъ и желанія, послѣ того какъ онъ понялъ, что его стремленіе не можетъ быть удовлетворено, что оно чрезъ удовлетвореніе только усиливается, какъ жажда, если пьютъ соленую воду, послѣ того какъ припомнилъ свое происхожденіе и обозрѣлъ міръ однимъ взоромъ, онъ достигъ, наконецъ, знанія и полнаго просвѣтленія.

Обладая такой совершенной мудростью, Сакьямуни сдѣлался Буддою т. е. пробужденнымъ, просвѣтленнымъ. Въ продолженіи 45-ти или 50-ти дней размышляетъ онъ съ самимъ собою, долженъ ли онъ сообщить людямъ открытую истину, такъ какъ ее трудно понять и люди скованы грѣхомъ. Наконецъ, Будда рѣшился возвѣстить людямъ законъ спасенія. Сообщивши его сначала двумъ купцамъ, ѣхавшимъ чрезъ Гайскій лѣсъ съ караванами, направился онъ въ Бенаресъ на Гангѣ. Здѣсь въ Газелевомъ лѣсу началъ Будда свою проповѣдь и хотя многіе изъ слушателей были поражены новымъ ученіемъ и говорили: «царскій сынъ потерялъ разсудокъ», однакожъ ему удалось пріобрѣсти себѣ здѣсь пять учениковъ. Съ этихъ поръ странствуетъ Будда, какъ нищій, съ горшкомъ

для собиранія милостыни въ рукѣ, по странамъ Индіи отъ крайняго запада вплоть до Ганга, чтобы повсюду возвѣщать истину и законъ спасенія. «Многіе — такъ проповѣдывалъ Будда—гонимые страхомъ, ищутъ убѣжища въ горахъ и лѣсахъ, въ пустынѣ и подъ священными деревьями. Но это убѣжище не можетъ освободить отъ страданій. Тотъ, который ищетъ у меня пріюта, тотъ познаетъ четыре главнѣйшія истины: *зло*, *происхожденіе зла*, *уничтоженіе зла и путь, который ведетъ къ уничтоженію его*. Кто знаетъ эти четыре истины, тотъ владѣетъ высочайшимъ убѣжищемъ». Прошло двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Будда оставилъ свою родину, когда онъ по приглашенію отца опять возвратился домой, гдѣ скоро отецъ, родственники, родъ Сакья и многіе изъ его земляковъ перешли къ его ученію. Окруженный ревностнѣйшими изъ учениковъ, отправился онъ дальше и былъ между ними, по выраженію преданія, «какъ быкъ между коровами, какъ слонъ между своими дѣтьми, какъ врачъ между своими больными». Бенаресъ въ землѣ Каси, Митила въ землѣ Видеа, Сравасти въ землѣ Косала (къ сѣверу отъ Аёдья), Матура въ землѣ Суразена, Каусамби въ странѣ Куру-Панчала были главными мѣстами его дѣятельности.

Будда былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что земля есть юдоль плача и что она представляетъ лишь «совокупность болѣзней» ни больше, ни меньше. Страданія, постигающія людей, пробудили въ немъ самое искреннее участіе; онъ желалъ бы найти средства помочь бѣдствіямъ несчастныхъ. Его давитъ и мучитъ больше всего то, что бѣдствія не кончаются съ этою жизнію, что человѣкъ всегда снова возрождается для испытанія новыхъ бѣдствій, что онъ безостановочно побуждается вѣчной смѣной рожденія и смерти всё къ новымъ и новымъ страданіямъ; никогда не можетъ онъ найти покоя: онъ всегда неизбѣжно находится въ состояніи страха предъ этимъ безостановочнымъ обращеніемъ колеса міра, предъ необходимостію отъ одного страданія возрождаться снова къ ряду другихъ. Ревностнѣе, чѣмъ другіе, искалъ Будда покоя, мира и смерти безъ воскресенія. Онъ отдался съ пылкой энергіей браминской теоріи и созерцанію; она не

удовлетворила его, онъ не нашелъ въ ней никакого облегченія, не нашелъ въ ней и чрезъ нея прекращенія зла. Напрасно онъ предавался суровѣйшему аскетизму браминовъ, аскетизмъ притуплялъ умъ, не доставляя ему удовлетворенія; теперь онъ обращается отъ ортодоксальныхъ системъ къ еретическому ученію Копилы (Санкья). Оно также неудовлетворяетъ его. Онъ слѣдуетъ по пути, который тотъ показываетъ, дальше, чтобы найти освобожденіе отъ зла, о которомъ постоянно думалъ. Наконецъ, ему показалось, что онъ владѣетъ всеразрѣшающей истиной.

Будда согласенъ съ приверженцами Санкья въ томъ, что ни боги дѣйствительно не существуютъ, ни высочайшая все наполняющая душа. Въ противоположность съ ученіеми браминовъ исходитъ онъ также отъ индивидуальной души, отъ множества индивидуальныхъ духовъ, которые одни имѣютъ истинное существованіе. Но если ученіе Копилы находило освобожденіе отъ природы и тѣла въ томъ, что душа въ противоположность природѣ достигала своего самостоятельнаго существованія, имѣла самобытное для себя бытіе въ противоположность тѣлу и только была зрителемъ тѣла, то Будда пошелъ къ уничтоженію зла и освобожденію души болѣе рѣшительнымъ путемъ.

Прежде всего онъ утверждаетъ, что зло существуетъ; затѣмъ изслѣдуетъ зачѣмъ это зло существуетъ и почему всегда должно существовать; онъ старается, наконецъ, отыскать средства къ его уничтоженію. Кто хочетъ познать истину и достичь освобожденія отъ зла, тотъ долженъ сначала убѣдиться, что зло существуетъ. Зло есть рожденіе, болѣзнь, старческая слабость, безпокойство и мученіе предположеній и напряженій, безсиліе, препятствующее достигнуть того, къ чему стремятся, разлука съ тѣмъ, что любятъ и встрѣча того, чего нелюбятъ. Все въ этомъ мірѣ бытія тщетно. За всякимъ счастіемъ слѣдуетъ несчастіе; даже счастіе и сила царей разбѣгается быстрѣе, чѣмъ текучая вода. Непостоянство есть послѣднее и величайшее зло, — оно есть огонь, который пожираетъ три міра. Рожденіе—непостоянно и по своему значенію ничтожно, потому что ведетъ къ смерти; юность, потому что дѣлается

старостію; здоровье, потому что подлежитъ болѣзни. Все, что существуетъ, опять изчезаетъ. Этотъ постоянной обмѣнъ сопряженъ съ болѣзнями и страданіями. Дѣтство имѣетъ болѣзнь безсилія, юность возбуждается страстями, которыя не могутъ быть удовлетворены и неудовлетвореніе которыхъ порождаетъ болѣзнь, старость имѣетъ болѣзнь дряхлости и недуги, страданіе смерти, а со смертію начинается чрезъ возрожденіе новая жизнь съ такими же или даже съ большими муками. Этому злу непостоянства и вмѣстѣ съ этимъ болѣзни подвержены всѣ живущія существа безъ исключенія. Зло и болѣзни всеобщи. Люди назначены къ тому, чтобы терять то, что имъ всего дороже и животнымъ опредѣлено быть пожранными другъ отъ друга. Изъ знанія о томъ, что зло существуетъ, изъ знанія, что всѣ живущія существа подвержены злу, слѣдуетъ истина, что человѣкъ долженъ стремиться къ освобожденію себя отъ зла.

Установивши формально и съ такой боязливой послѣдовательностію свою проблемму, онъ пошелъ въ томъ же направленіи дальше. Если хотятъ освободиться отъ страданія, то страданіе должно быть уничтожено. Чтобы уничтожить нужно отыскать его причины. Причина страданія есть желаніе. Желаніе есть страсть получать удовольствіе и удовлетвореніе, все снова возникающее стремленіе имѣть пріятныя ощущенія и избѣгать непріятныхъ, стремленіе, которое иногда бываетъ удовлетворено, но еще чаще остается неудовлетвореннымъ. Если должно быть уничтожено страданіе то нужно уничтожить, очевидно желаніе. Причина желанія ощущеніе. Ощущеніе есть нѣчто такое, что проходитъ. Если имѣютъ ощущеніе пріятнаго, то ощущенія непріятнаго несуществуетъ болѣе, и наоборотъ. Ощущеніе такимъ образомъ подвержено уничтоженію и поэтому не составляетъ ничего постояннаго, дѣйствительно существующаго. Ощущеніе, по выраженію Буддистовъ «пусто и безъ субстанціи, оно не принадлежитъ къ существу души». Какъ скоро объ ощущеніи или о другомъ предметѣ можно сказать: это не я, это не моя душа, то человѣкъ свободенъ отъ него и никакое ощущеніе, никакое представленіе непроизводитъ послѣ этого ни малѣйшаго вліянія

на человѣка. Какъ скоро это познаніе достигнуто, человѣкъ въ состояніи отрѣшиться отъ ощущенія а какъ скоро онъ свободенъ отъ него, не чувствуетъ онъ ни любви, ни отвращенія, ни безпокойства, ни болѣзни, ни отчаяніи, его сердце не привязано больше къ причинамъ удовольствія, которыя въ тоже время суть причины и неудовольствія. Если, продолжая идти по этому пути, человѣкъ пойметъ чрезъ размышленіе, что чувство, глаза, уши и пр. также преходящи, что тѣло подвержено рожденію и смерти, что оно поэтому тлѣнно и чрезвычайно нопостоянно, то вмѣстѣ съ этимъ онъ совершенно отрѣшится отъ тѣла и будетъ только зрителемъ его. Теперь, достигнувши этого знанія, познаетъ мудрецъ, что тѣло человѣка есть его палачъ. Онъ находитъ въ чувствахъ пустоту, въ вещахъ внѣшняго міра познаетъ враговъ и разбойниковъ, которые безпрестанно нападаютъ на людей, безпокоятъ и грабятъ ихъ. Что человѣкъ ощущалъ до сихъ поръ вслѣдствіе привязанности и склонности, вслѣдствіе заботы и уступчивости по отношенію къ тѣлу, какое удовлетвореніе и какія удовольствія чувствовалъ онъ въ тѣлѣ чрезъ тѣло, все это теперь уничтожено чрезъ добытое знаніе, что тѣло несоставляетъ ничего существеннаго и не есть сама душа. Съ достиженіемъ этого пункта страданіе уничтожено, потому что уничтожены его причины, человѣкъ больше не ослѣпленъ желаніями и по этому неподверженъ мученіямъ, онъ теперь становится господиномъ своихъ чувствъ и самого себя, свободнымъ отъ всѣхъ связей, склонностей и привязанностей къ міру, онъ ощущаетъ теперь счастіе и радость покоя.

До сихъ поръ въ результатѣ, по крайней мѣрѣ, если не въ процессѣ развитія, Будда былъ согласенъ съ ученіемъ Копилы, но онъ не былъ вполнѣ доволенъ тѣмъ, что нашелъ путь къ освобожденію отъ мученій чувственности тѣла и внѣшняго міра; онъ спрашивалъ дальше: какъ можетъ человѣкъ освободиться отъ необходимости снова проходить этотъ процессъ освобожденія души при новыхъ возрожденіяхъ. Будда видѣлъ творческую силу, основаніе всякаго существованія въ индивидуальныхъ душахъ «дышащихъ существахъ»,

и, исходя изъ этого взгляда, нашелъ болѣе радикальный путь къ освобожденію.

Путь къ этому освобожденію сдѣлался яснымъ Буддѣ, по преданію, въ ту ночь подъ фиговымъ деревомъ Гайскаго лѣса, когда онъ въ глубочайшемъ созерцаніи воспроизводилъ въ сознаніи сѣть возрожденій, во скольких и какихъ мѣстахъ жилъ онъ прежде и сколько сотъ тысячъ милліоновъ существованій переживаютъ прочія существа, когда онъ вспоминалъ періоды разрушеній и періоды перерожденій. Тамъ, говорилъ онъ самъ себѣ, былъ я, въ томъ мѣстѣ я носилъ такое имя, я происходилъ изъ этого племени, изъ этого существа, изъ такой-то касты, я жилъ такъ многіе годы, я чувствовалъ это счастіе и имѣлъ такое-то несчастіе. Послѣ смерти я возродился опять тамъ-то, я пережилъ эти судьбы, и наконецъ опять явился на свѣтъ. И нѣтъ никакого средства избѣгнуть этого міра, который родится, старѣетъ и опять вырастаетъ? Нѣтъ никакихъ границъ для этого процесса страданій? Наконецъ, работа его мысли остановилась; не задолго до появленія утренной зари, онъ сосредоточился еще разъ и спросилъ себя: какая же причина старости, смерти, всѣхъ болѣзней.—Рожденіе. Какая причина рожденія? — Бытіе. Причина бытія?—Привязанность къ бытію. Причины этой привязанности? Желаніе. Желанія? Ощущеніе. Какая причина Ощущенія.—Соприкосновеніе человѣка съ вещами возбуждаетъ въ человѣкѣ то или другое ощущеніе, ощущеніе вообще. Причина соприкосновенія? Чувство. Причина чувства? Имя и видъ т. е. индивидуальное существованіе. Причина этого? Сознаніе Какая причина сознанія? Существующее незнаніе т. е. умственныя способности: это есть сама душа. Чтобы уничтожить страданіе, нужно, слѣдовательно, уничтожить рожденіе; чтобы уничтожить рожденіе, нужно уничтожить бытіе, а чтобы уничтожить его, нужно прервать всякую привязанность къ нему; чтобы имѣть силу прервать, нужно уничтожить желаніе и ощущеніе, а для этой послѣдней цѣли должно быть прекращено всякое сообщеніе съ міромъ. Но такъ какъ соприкосновеніе съ міромъ основывается на воспріимчивости чувствъ, эта послѣдняя—на индивидуальномъ существованіи, существованіе на сознаніи, а это

на незнаніи т. е. на возможности его въ индивидуальномъ духѣ, который покоится на умственномъ дарованіи, то, слѣдовательно должно уничтожить незнаніе. Этого можно достичь, посредствомъ истиннаго знанія, которое показываетъ, что ощущенія человѣка преходящи, представляютъ лишь обманы чувствъ и совсѣмъ не принадлежатъ его существу, чрезъ которое можетъ быть уменьшена или уничтожена привязанность къ бытію и желанію, что далѣе достигается чрезъ уничтоженіе незнанія, какъ основы индивидуальнаго существованія, чрезъ уничтоженіе самого индивидуума, чрезъ „нирвану" т. е. состояніе, посредствомъ котораго существо «падаетъ въ пустоту» и неможетъ больше возродиться. Изъ уничтоженія основы существованія должно слѣдовать уничтоженіе самаго существованія. Если основа существованія уничтожена, то оно не можетъ опять возиикнуть.

Зло по ученію Будды есть бытіе вообще. Для уничтоженія зла, должно быть уничтожено бытіе и не только оно, но также и его корень. Это положеніе есть основной мотивъ его системы доказательствъ. Онъ твердо держится логической формулы, что каждое существованіе есть дѣйствіе извѣстной причины, что оно можетъ быть уничтожено, если будутъ уничтожены эти причины. Ядро его разсужденій составляютъ слѣдующіе вопросы: откуда приходятъ люди? Они происходятъ изъ ихъ природы, которая есть существующее незнаніе т. е. умственныя способности. Куда уходятъ со смертію? Эти умственныя дарованія принуждены ихъ собственнымъ существомъ принимать новыя формы, надѣвать на себя все новыя платья изъ элементовъ матеріи. Какъ же можно воспрепятствовать душѣ, умственной дѣятельности? Нужно уничтожить самую душу.

Будда стоялъ здѣсь у самой труднѣйшей задачи Индійской философіи, которая незнала никакого внутренняго перехода отъ небытія къ бытію, отъ бытіи къ небытію, въ которой начала остаются всегда однѣ и тѣже и вмѣстѣ съ причиной остается вѣчнымъ также и слѣдствіе. Онъ могъ поэтому и долженъ былъ совершенно послѣдовательно разрѣшеніе своей проблеммы, — осуществить на дѣлѣ прекращеніе возрожденій,—

найдти только въ уничтоженіи ихъ причины. Таковой казались ему умственныя силы. Какъ душа отрѣшилась сначала отъ ощущенія, потомъ отъ тѣла, такъ и человѣкъ долженъ отрѣшиться, наконецъ, отъ души, отъ самого себя, уничтоживши умственную дѣятельность и возможность ея.

Что разумѣлъ Будда подъ нирваной, объ этомъ позднѣе было очень много споровъ въ школахъ буддистовъ и знатнѣйшіе духовные буддійской церкви удовлетворялись объясненіемъ, что только тотъ знаетъ нирвану, кто испытываетъ её. Между тѣмъ, исходя изъ положеній Будды, достаточно ясно можно видѣть какое состояніе, какой результатъ долженъ достигаться чрезъ нирвану. Древнія объясненія называютъ нирвану „прекращеніемъ мысли, вслѣдствіе подавленія ея причинъ, они обозначаютъ ее, какъ состояніе, въ которомъ ничего не остается отъ того, что обусловливаетъ существованіе.“ Съ невозможностію принимать впечатлѣнія, знать что нибудь и поэтому желать чего нибудь прекращается также, по взгляду Будды, существованіе индивидуума. Въ нирванѣ, по словамъ древнѣйшихъ легендъ, неостается ни чего другаго кромѣ пустоты; она постоянно сравнивается „съ истощеніемъ потухающей лампы“. Но какъ должно быть достигнуто такое состояніе, объ этомъ мы ничего незнаетъ кромѣ того, что для такой цѣли должно быть прекращено всякое внѣшнее и внутреннее соприкосновеніе съ міромъ. Избѣгая всякаго представленія, всякаго повода къ нему, устраняя отъ себя каждую мысль, каждое возбужденіе духа, можно достигнуть полнаго умерщвленія въ себѣ мыслящаго начала. Просвѣтленный позналъ, что все, что есть, ничтожно, что ничего дѣйствительнаго и существеннаго нѣтъ: онъ разорвалъ скорлупу обольщенія и незнанія. Онъ отвратилъ свои чувства отъ этихъ ничтожностей и отрѣшился отъ нихъ; онъ вступаетъ теперь въ состояніе, въ которомъ представляется возможнымъ ни о чемъ больше недумать, ничего больше не ощущать и поэтому ничего не желать; ничего болѣе не мочь ощущать и желать,—въ состояніе полнѣйшаго прекращенія дѣятельности мысли. Въ этомъ состояніи *я* находитъ удовлетвореніе и ра-

дость въ томъ, что ничего несуществуетъ и что оно само есть ничто.

Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ путь къ просвѣтленію, если онъ будетъ пройденъ во всей его полнотѣ, долженъ вести къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ вело погруженіе браминовъ въ Браму.

Будда былъ твердо убѣжденъ, что посредствомъ такого ряда мыслей ему удалось отыскать послѣднія причины, совершенную истину равно какъ и полное освобожденіе. Достигши послѣдней основы существованія, размышляющій можетъ сказать о себѣ: „страшная ночь заблужденія уничтожена для души, взошло солнце знанія, ворота ложныхъ путей, которыя ведутъ къ существованіямъ, наполненнымъ несчастіемъ, заперты; я на другомъ берегу, чистый путь неба открытъ: я вступилъ на путь Нирваны. На этомъ пути высыхаютъ океаны крови и слезъ, прорываются горы человѣческихъ костей и войско смерти уничтожается, подобно тому, какъ слонъ разрушаетъ тростниковую хижину“. Тотъ, кто неуклонно слѣдуетъ по этому пути, избѣгнетъ болѣзней, непостоянства, превратностей міра и колеса безпрерывнаго вращенія возрожденій.

Онъ можетъ хвалиться: я сдѣлалъ, что лежало на мнѣ, я уничтожилъ существованіе для меня, я не буду опять возрождаться, послѣ настоящаго я не буду видѣть никакого другаго существованія. Древняя формула вѣры, которая часто находится подъ изображеніями и статуями Будды, гласитъ: «существа, происходящія изъ причины, и ихъ причину объяснилъ Татагата (указатель); великій Срамана объяснилъ также, что составляетъ для нихъ препятствіе.»

Если бы Будда удовольствовался этими выводами его философіи, то результатъ былъ бы только развѣ тотъ, что многочисленныя философскія системы Индусовъ обогатились еще одной, что онъ основалъ бы новую философскую школу, подраздѣленіе еретическаго ученія Санкьи. Въ сущности все шло только къ тому: была ли умерщвляема душа, когда ее погружали въ Браму, или она уничтожалась чрезъ нирвану, нужно ли требовать отъ стремящихся къ освобожденію того, чтобы они были господами ихъ чувствъ, какъ требовали брамины или

они должны были отрѣшаться отъ ощущенія и отъ тѣла, отъ существованія, какъ требовалъ Будда. Средство глубочайшаго созерцаніябыло для обоихъ путей неизбѣжно, послѣднія манипуляціи и результаты были и тамъ и здѣсь мистическаго свойства; различіе было только въ томъ, что логическіе выводы Будды были проще и рѣзче, діалектика ортодоксальныхъ школъ сложнѣе и фантастичнѣе, что самоистязанія браминовъ были жестоки и мучительны, между тѣмъ какъ Будда довольствовался только легкимъ аскетизмомъ. Отъ своихъ учениковъ, желающихъ достичь высочайшаго освобожденія, онъ не требовалъ больше ничего, какъ только чтобы они отреклись отъ міра, т. е. дали обѣтъ жить цѣломудренно и въ бѣдности. Затѣмъ, по примѣру учителя, они должны стричь голову и подбородокъ, между тѣмъ какъ браминскіе отшельники носили косу, носить платье желтаго цвѣта, какъ носилъ самъ Будда, сшитое преимущественно изъ лоскутьевъ, взять въ руку горшокъ для собиранія милостыни и, нищенствуя, обходить страну, какъ это дѣлалъ самъ Будда, чтобы возвѣщать народу путь спасенія. Только время дождей они могли проводить въ удаленіи или общихъ спорахъ о высочайшихъ истинахъ и въ уединенныхъ и сосредоточенныхъ размышленіяхъ о пути нирваны.

Даже и этотъ новый родъ аскетизма не перешелъ бы за границы школы, если бы Будда къ его философіи для посвященныхъ не присоединилъ нравственныхъ предписаній для всего народа. По ученію Будды, освобожденія слѣдуетъ искать нетолько посредствомъ познанія, но и на пути воли и чувства. Только съ успокоеніемъ чувства, съ прекращеніемъ души и можетъ начаться познавательная дѣятельность. Въ этомъ успокоеніи страстей, проистекающихъ изъ эгоизма, лежитъ весьма опредѣленная практически-моральная черта, достигшая въ своемъ развитіи большаго значенія. Будда сознавался, что посредствомъ аскетизма и размышленія можно достигнуть высочайшаго освобожденія, но онъ вовсе однако не желалъ предоставлять народъ его судьбѣ, какъ дѣлали это его философскіе предшественники; онъ неуказываетъ, какъ они, только на жертвы, обряды, очищенія и покаяніе. Даже

для тѣхъ, которые не были въ состояніи вступить на путь просвѣщенія (просвѣтленія) и совершенно освободиться отъ несчастій земли и мученій возрожденій и для нихъ должны быть. покрайней мѣрѣ, насколько возможно облегчены страданія и болѣзни. Живое сочувствіе, искреннее стремленіе облегчить страданія людей, изъ котораго исходитъ философствованіе Будды, есть также источникъ его морали, которая должна быть возвѣщена всему народу. Такъ какъ прикосновеніе съ міромъ есть главная причина желанія и вмѣстѣ съ этимъ нужды и болѣзней, которыя постигаютъ человѣка, то нужно вступать по возможности въ наималѣйшее отношеніе къ нему: жить насколько возможно просто, мирно, кротко. Требованіе кроткой и мирной жизни есть первое основаніе морали Будды. Міранинъ долженъ также „внести покой въ свои чувства". Нужно умѣрять свои наклонности и страсти, свои желанія и порывы, если ихъ нельзя уничтожить. Нужно остерегаться пробуждать свои страсти, потому что страсти есть главная причина страданій, терзающихъ людей. Нужно быть въ мѣру цѣломудреннымъ и воздержнымъ, ненужно пить никакихъ опьяняющихъ напитковъ, въ опредѣленный часъ нужно принимать пищу (желудокъ побуждаетъ ко множеству грѣховъ), нужно просто одѣваться. Не нужно стараться пріобрѣтать много золота и серебра, не нужно безумно расточать свое имущество съ цѣлію наслажденій. Однимъ словомъ «нужно къ корысти, скупости и удовольствіямъ обратиться задомъ». Бѣдствія, которыя неизбѣжны, несмотря на простой, умѣренный и безстрастный образъ жизни, нужно сносить съ терпѣніемъ, потому что ихъ легче такимъ образомъ переносить. Несправедливость, испытываемую отъ другихъ, нужно сносить терпѣливо; оскорбленіе, изувѣченіе и даже смерть нужно выносить спокойно и безъ ненависти противъ преслѣдователей: изувѣченіе освобождаетъ человѣка отъ членовъ, которые бренны, а убійство—отъ этого грязнаго тѣла, которое умираетъ. Тѣхъ, которые такъ поступаютъ съ нами, нельзя ненавидѣть, потому что все, что случается съ человѣкомъ, есть наказаніе или награда за дѣйствія, совершенныя

въ настоящей или прежней жизни. Не собственное несчастіе, а несчастія ближнихъ должны возбуждать въ человѣкѣ печаль.

Будда подходитъ вмѣстѣ съ этимъ къ дальнѣйшему своему положенію. Всѣ люди безъ различія званія, рожденія и народности составляютъ собою страждущее общество въ этой юдоли страданій. Ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы къ страданіямъ, необходимо обусловленнымъ ихъ существованіемъ, не прибавлять еще новыхъ, чтобы взаимно облечать другъ другу перенесеніе бѣдствій. Какъ каждый долженъ стараться для себя самого уменьшить жизненная страданія, такъ равнымъ образомъ долженъ онъ стараться облегчить бѣдствія ближнихъ своихъ. Отсюда вытекаютъ заповѣди снисхожденія, помощи, сострaданія, любви, братства по отношенію ко всѣмъ людямъ. Но любовь, по системѣ Будды, есть высочайшая заповѣдь не ради самой себя, не освобождающая, дѣятельная и творческая сила, какъ въ христіанствѣ, гдѣ она не только уничтожаетъ эгоизмъ, но и положительно превращаетъ естественнаго человѣка въ нравственнаго. Любовь буддизма хочетъ прежде всего печалиться вмѣстѣ съ другими и сдѣлать посредствомъ взаимныхъ услугъ и помощи жизнь сноснѣе, она для буддизма существеннымъ образомъ составляетъ средство облегчить земныя страданія. Поэтому Будда велитъ относиться ко всѣмъ людямъ безъ эгоизма и ничего неупотреблять самому, что назначено для другихъ. Говорить сурово съ своими ближними-большой грѣхъ; никого не должно оскорблять бранью. Что можетъ служить къ облегченію ближнихъ и къ улучшенію ихъ здоровья, то должно быть сдѣлано. Нужно быть щедрымъ по отношенію къ родственникамъ и друзьямъ, кроткими къ слугамъ, нужно безпрерывно подавать милостыню и совершать дѣла милосердія; нужно доставлять больнымъ пищу, заботиться о бѣдныхъ, облегчать и успокоивать ихъ страданія. Нужно сажать цѣлебныя травы, деревья, рощи, особенно по дорогамъ, съ тѣмъ, чтобы бѣдные и странники находили себѣ пищу и тѣнь, нужно копать для утоленія ихъ жажды колодцы; нужно гостепріимно и радушно принимать путешественниковъ,—это есть священная обязанность, нужно учреждать для нихъ убѣжища, гостинницы. Если и брамины уже

предостерегали предъ убійствомъ животныхъ и возможнымъ образомъ ограничивали мясную пищу, то Будда поступаетъ въ этомъ отношеніи еще строже. Безъ нужды не слѣдуетъ убивать ни человѣка, ни животнаго; ни какому живому существу не должно причинять боли; нужно имѣть состраданіе къ болѣзнямъ звѣрей и заботиться о старыхъ и больныхъ животныхъ.

Наконецъ Будда, въ противоположность браминамъ, требуетъ, чтобы никто не хвалился добрыми дѣлами, что нужно скорѣе ихъ скрывать, а выставлять лишь свои недостатки. Совершившій прегрѣшеніе мыслію, словомъ или дѣломъ долженъ раскаиваться и сознаться въ немъ предъ своими единовѣрцами и предъ тѣми, которые достигли высшей степени освобожденія, потому что раскаяніе и признаніе ослабляютъ или уничтожаютъ грѣхъ, смотря по степени ихъ глубины и откровенности; мучительныя отшельничества и бичеванія (какъ ихъ предписывали законы Ману) неуменьшаютъ грѣховности; они увеличиваютъ только тѣлесныя страданія, къ уничтоженію которыхъ Будда стремился.

Такимъ образомъ мораль Будды заключается въ трехъ основныхъ положеніяхъ; цѣломудріи, терпѣніи и состраданіи т. е. умѣренной и безстрастной жизни, безропотномъ и добровольномъ перенесеніи всякой несправедливости и всѣхъ неизнѣжныхъ бѣдствій, наконецъ сочувствіи и дѣйствительной помощи ближнимъ. Старое изрѣченіе говоритъ: отреченіе отъ всего злаго, исполненіе добраго, обузданіе собственныхъ страстей, вотъ ученіе Будды.

На народъ появленіе Будды не произвело впечатлѣнія, чѣмъ нибудь отличавшагося отъ впечатлѣнія, производимаго появленіемъ множества другихъ философствующихъ браминовъ, тѣхъ многочисленныхъ учителей школъ, которые жили отшельнически въ лѣсу, или уча и прося милостыни, и, сопровождаемые учениками или безъ нихъ, обходили страну во всѣхъ направленіяхъ. Народъ невидѣлъ никакого различія между Буддой и другими браминскими аскетами. Если брамины преслѣдовали Будду, то имъ кричали: чего хотите вы? Онъ такой же нищій, какъ и вы. Но брамины боялись, какъ сообщаютъ легенды, чтобы ученіе Будды неуменьшило ихъ почета и зна-

ченія, чтобы они не стали менѣе получать милостыни и подарковъ.

Ихъ возмущало, что Будда даже низшимъ кастамъ,—нечистымъ,—дозволялъ доступъ въ число кающихся. Легенды разсказываютъ объ одномъ большомъ состязаніи, побѣдоносно выдержанномъ Буддою въ Сравасти, новой столицѣ Косалы, противъ шести святыхъ отшельниковъ браминовъ. Знаменитѣйшій изъ браминовъ отъ досады и злости лишилъ себя жизни. Брамины заставляли общины налагать штрафы на тѣхъ, которые слушаютъ рѣчи Будды, выпрашивали у царей нѣкоторыхъ областей права преслѣдовать его. Но если браминамъ удавалось настроить того или другаго князя противъ Будды и его ученія, за то во многихъ областяхъ, не говоря уже о родинѣ, онъ не имѣлъ недостатка въ дѣятельной поддержкѣ свѣтскаго оружія. Говорятъ, что съ самаго перваго года (588) его появленія на поприщѣ общественной дѣятельности, Бамбисара, царь Магадскій, доставлялъ Буддѣ помощь и поддержку и отдалъ его ученикамъ бамбуковый садъ при столицѣ Радшагрига для пребыванія. Точно также Прозенадшидъ, царь Косальскій, покровительствовалъ Буддѣ и его столица Сравасти была на сѣверѣ Ганга преимущественнымъ мѣстопребываніемъ буддистовъ впродолженіе періода дождей, средоточіемъ новаго ученія, какъ Радшагрига на югѣ рѣки. Наконецъ, легенды называютъ между защитниками Будды также царя Куру-Панчала, жившаго въ Каусамби,—Ватсу, царя Прадьоту въ Уччаини и царя Рудрайяну во Рорукѣ,—области, лежавшей, какъ кажется, на востокъ отъ Магады. Будда велъ себя по отношенію къ князьямъ осторожно: никого изъ ихъ чиновниковъ и служителей не посвятилъ онъ въ нищенство, никого изъ нихъ не принималъ въ общество посвященныхъ безъ положительнаго дозволенія царя, которому тотъ служилъ.

Самое опасное гоненіе Будда вытерпѣлъ отъ своего близкаго родственника Девадатты, послѣ того какъ онъ перешелъ уже семидесятый годъ своей жизни. Уже въ юности ревнивый соперникъ Сиддарти въ воинскихъ состязаніяхъ, Девадатта

наполнился злобной ненавистью при видѣ успѣховъ учительской дѣятельности Будды.

У Девадатты является мысль самому выступить вмѣсто Будды учителемъ и онъ соединяется для этой цѣли съ Адшатасатру, сыномъ царя Бамбисары Магадскаго. Этотъ долженъ убить своего отца, покровителя Будды. Девадатта убьетъ его самого и потомъ, взаимно поддерживая другъ друга, достигнуть они высочайшаго значенія. Девадатта собираетъ вокругъ себя 500 учениковъ, Адшатасатру свергаетъ въ 551 году предъ Р. Х. съ трона своего отца и заставляетъ его, по разсказамъ преданія, умереть голодною смертію въ башнѣ. Но напрасно Девадатта бросаетъ съ высоты «ястребиной» горы при Радшагригѣ камень на проходящаго Будду: онъ могъ его только слегка ранить въ пальцы ноги; напрасно по приказанію Адшатасатру выпускаютъ на Будду слона, опьяненнаго кокосовымъ виномъ: разъяренное животное преклоняется предъ Буддой! Чтобы избѣжать этихъ преслѣдованій, оставляетъ Будда Магаду и идетъ въ Сравасти. Девадатта слѣдуетъ за нимъ, чтобы погубить Будду при помощи своихъ ногтей, которые онъ отравилъ. Но едва онъ приблизился къ Буддѣ, какъ опустился въ адъ; царь Адшатасатру принимаетъ ученіе гонимаго и дѣлается изъ преслѣдователя горячимъ защитникомъ его ученія. Легенда эта разсказывается очевидно для прославленія побѣдоносной святости Будды, хотя она и заключаетъ въ себѣ нѣкоторое историческое зерно. Уже рано между приверженцами Будды произошло раздѣленіе; виновникомъ его называютъ Девадатту. Еще въ VII столѣтіи по Р. Х. были въ Индіи монастыри, которые слѣдовали ученію и правилу Девадатты. Между восемью учениками Будды, Сарипутра и Маудгальяна, сыновья браминовъ, занимаютъ первое мѣсто. Послѣ нихъ книги, извѣстныя подъ названіемъ Сутра, называютъ Касвапу, брамина, Упали—одного изъ судръ, бывшаго прежде брадобрѣемъ т. е. занимавшагося однимъ изъ самыхъ низшихъ, самыхъ нечистыхъ и презрѣннѣйшихъ занятій и два двоюродныхъ брата Будды изъ рода Санкьи, Анурудда и Ананда. Говорятъ, Ананда въ продолженіи 25 лѣтъ непрерывно сопровождалъ Будду «слышалъ всѣхъ больше и услы-

шанное сохранилъ всѣхъ лучше». Кромѣ этихъ называются еще въ первомъ ряду приверженцевъ Нанда, сводный братъ Будды и родной сынъ Будды Рахула. Но не покровительство и гоненіе князей, не самопожертвованіе и дѣятельная пропаганда его учениковъ доставляли его ученію доступъ и содѣйствовали его распространенію. Причина успѣха Будды лежала именно въ томъ, что онъ неограничилъ своего ученія одной школой или доктриной. Онъ рѣшился выступить изъ кружка браминовъ, знающихъ веды, изъ уединенной лѣсной жизни, рѣшился разрушить преграды ученію, поставленныя закономъ и преданіемъ; онъ говоритъ не только въ собраніяхъ, на которыхъ присутствуютъ одни ученики, какъ брамины, — на открытой площади обращаетъ онъ свои слова не только къ дважды рожденнымъ, но также къ судрамъ и чандалѣ, ко всему народу. Неслыханное событіе! Онъ говоритъ для этой цѣли языкомъ народа, не санскритомъ, языкомъ ведъ и ученыхъ; проповѣдуетъ при помощи доступнаго изложенія, между тѣмъ какъ ученія браминовъ, заключенныя въ формулахъ, если бы они даже были предлагаемы народу на живомъ языкѣ, остались бы всетаки непонятными. Онъ требуетъ добродѣтелей, вмѣсто даровъ, честнаго исполненія простыхъ обязанностей вмѣсто жертвъ. Предъ народомъ Будда развивалъ всего больше мораль, чѣмъ метафизику, хотя онъ не исключалъ и эту послѣднюю. Его рѣчи о нравственности развивали каждое основное положеніе, относящееся къ данному случаю. И въ другихъ отношеніяхъ также его метода ученія была наиболѣе практичная, которая только могла быть примѣнена въ Индіи, если легенды не обманываютъ насъ. Посредствомъ совершеннаго просвѣтленія, которое испыталъ Будда, прозрѣлъ онъ ткань возрожденій, онъ разъяснялъ каждому счастіе и несчастіе его настоящей жизни какъ слѣдствіе добродѣтелей и грѣховъ, совершенныхъ имъ въ одномъ изъ прежнихъ существованій. Онъ открылъ одному человѣку, которому по приказанію царя были выколоты глаза, что тотъ въ прежней жизни вырывалъ много глазъ у газелей; но такъ какъ онъ совершилъ много добрыхъ дѣлъ въ этой жизни, то опять родится въ хорошемъ семействѣ и съ прекраснымъ тѣломъ.

Другому говоритъ Будда, что онъ въ прежней жизни убилъ пустынника, за что уже впродолженіи многихъ тысячь лѣтъ вытерпѣлъ мученія ада; кромѣ того за это онъ и въ этой жизни еще потеряетъ голову и испытаетъ такое же несчастіе въ сто пяти слѣдующихъ существованіяхъ. Еще большее впечатлѣніе, чѣмъ эти удивительныя знанія, на индійскій народъ производило, кажется, та сила и вмѣстѣ смиреніе, съ которыми Будда выступилъ противъ надменности и гордости браминовъ, состраданіе, проникнутое искреннимъ сочувствіемъ, съ которымъ Будда относился къ нуждамъ бѣдныхъ и подавленныхъ классовъ, которое онъ показывалъ ко всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ. Чтобы понять сочувствіе и успѣхи, которыхъ Будда достигъ во время жизни, а его ученіе по смерти его, нужно имѣть въ виду условія индійской жизни, при которыхъ выступилъ онъ. Браминское могущество достигло въ VI в. предъ Р. Х. вершины своего развитія, раздѣленіе кастъ было проведено строжайшимъ образомъ, народъ вѣрилъ въ судьбу, опредѣляемую рожденіемъ. Къ давленію этого кастическаго устройства, въ несокрушимый порядокъ котораго народъ былъ вдавленъ, къ надменности браминовъ и презрѣнію, на которое обречены были нисшіе классы закономъ и обычаемъ, при соединились высасыванія и жестокости, которымъ безпрестанно подвергался бѣдной народъ со стороны деспотовъ и ихъ жестокихъ чиновниковъ. Ученіе о нравственности было разрѣшено въ ученіе о правахъ и обязанностяхъ кастъ, религія погибла въ безконечномъ церемоніалѣ безпрерывной обрядности, въ дикой путаницѣ божествъ съ одной стороны, въ возвышенныхъ и непонятныхъ для народа созерцаніяхъ съ другой. И ко всему этому масса народа имѣла постоянно предъ собою ужасную будущность все снова возрождаться для такихъ же бѣдственныхъ состояній, за каждое нарушеніе чистоты, за каждое опущеніе малѣйшаго обряда, возрождаться опять къ нисшимъ кастамъ и къ болѣе печальной судьбѣ и не имѣть возможности искупить этихъ ошибокъ безъ мучительныхъ само-истязаній: ужасы, дѣйствовавшіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше была потребность въ покоѣ. Въ противоположность такому вѣрованію Будда возвѣщалъ, что никто не долженъ быть лишенъ

возможности слушать и изслѣдовать истину, что пришло спасеніе и искупленіе для всѣхъ безъ изъятія, что самыя нисшія и отверженныя касты могутъ быть свободны отъ возрожденій, что даже они могутъ достигнуть смерти безъ возрожденія. Это конечно не тотъ исходъ, который могъ бы дать счастье народу, нуждавшемуся не въ смерти, а въ довольной жизни, но къ такому исходу, повидимому, стремились тогда всѣ и больше другихъ нисшія касты. Когда брамины бранили его за это, онъ отвѣчалъ: «мой законъ есть законъ милосердія для всѣхъ». Онъ принималъ къ себѣ въ ученики судру и чандала, брадобрѣевъ и уличныхъ сторожей, рабовъ и склонныхъ къ раскаянію преступниковъ, бѣдствующихъ и несчастныхъ и дѣлалъ ихъ посвященными. Онъ не исключалъ и негналъ отъ себя женщинъ, пользовавшихся въ Индіи глубочайшимъ презрѣніемъ: имъ давалъ онъ также посвященіе нищаго. Однажды ученикъ Будды, Ананда, встрѣтилъ послѣ долгаго странствованія дѣвушку изъ презрѣнной касты чандала, черпающую воду у колодца и попросилъ пить. Она отвѣчала, что она чандала и несмѣетъ прикасаться къ нему. Ананда возражаетъ: сестра, я спрашиваю не о твоей кастѣ и не о твоемъ семействѣ; я прошу у тебя воды; можешь ли ты дать мнѣ ее? Будда включилъ эту дѣвушку въ число посвященныхъ.

По воззрѣніямъ Будды касты должны пасть. Не было никакой міровой души, изъ которой истекали бы всѣ существа, какъ учили брамины, не было стало быть и различія, которое происходило бы изъ порядка этого истеченія. Но, главнѣйшимъ образомъ, въ своихъ нападеніяхъ на касты исходилъ онъ изъ той точки зрѣнія, что тѣло можетъ имѣть только подчиненное значеніе. „Кто всмотрится ближе въ тѣло, говорилъ онъ, тотъ неувидитъ никакого различія между тѣломъ раба и тѣломъ принца. Въ самомъ дурномъ тѣлѣ можетъ жить наилучшая душа. Только по отношенію къ духу, который заключается въ немъ, можно цѣнить и не цѣнить тѣло. Добродѣтели независятъ отъ кастъ“. Далѣе направлялъ онъ различіе кастъ къ тому, что они дѣйствительно даютъ человѣку болѣе или менѣе высокое положеніе, что ихъ порядокъ приноситъ внѣшнія выгоды или неудобства. То была точка зрѣнія благо-

пріятныхъ и неблагопріятныхъ возрожденій, что заставило его принять такія различія и включить ихъ въ систему возрожденій. Такъ онъ допускалъ, что существовала лѣстница отъ чандала до брамина, что рожденіе въ высшей или нисшей кастѣ есть слѣдствіе добродѣтели или ошибокъ прежнихъ существованій. Но эти различія не такого рода, чтобы онѣ связывали духъ, чтобы онѣ могли препятствовать кому либо, даже самому послѣднему и нисшему, слушать истинное ученіе, понимать его и достигать спасительнаго освобожденія. Касты порождаютъ, правда, различіе между людьми, но различіе отнюдь несущественное; въ сущности, онѣ всѣ равнозначущи.

Если Будда такимъ образомъ создалъ равенство при различіи кастъ, то онъ требовалъ въ тоже время, въ противоположность привиллегіямъ и обязанностямъ кастъ, отъ всѣхъ соблюденія одного и того же нравственнаго закона. Среди испорченнаго общества возстановилъ онъ естественныя отношенія и чувства, основанныя на равенствѣ, въ противоположность избитой нравственности браминовъ онъ проповѣдывалъ предписанія разумной морали; порабощенному населенію онъ показалъ, какъ терпѣливо могутъ быть сносимы неизбѣжныя бѣдствія и какъ онѣ могутъ быть облегчены посредствомъ взаимной помощи. На мѣсто Брамы, боговъ, загробнаго міра, ведъ, обрядности, ханжества браминовъ поставилъ онъ лишь мораль квіетизма и состраданія, на мѣсто мучительнаго покаянія—легкій аскетизмъ.

По разсказамъ сѣверныхъ буддистовъ, Будда предъ концомъ своей жизни видѣлъ гибель своего отечества и его родныхъ. Царь народа Косала, Вирудака, ненавидѣлъ Сакья и вышелъ противъ нихъ съ своимъ войскомъ, завладѣлъ городомъ Капилавасту и велѣлъ перебить всѣхъ жителей. Будда слышалъ шумъ завоеванія и стоны умирающихъ. Послѣ того, какъ ушелъ царь Косала съ войскомъ, прошелъ Будда по разрушеннымъ, покрытымъ трупами улицамъ своей родины. Въ увеселительномъ саду при дворцѣ своего отца, гдѣ Будда игралъ, будучи мальчикомъ, лежали трупы дѣвушекъ съ отрубленными руками и ногами; въ нѣкоторыхъ еще были при-

знаки жизни. Будда выразилъ послѣднимъ глубокое сострадание и утѣшалъ ихъ.

Послѣ того, какъ Будда впродолженіи цѣлыхъ 45-ти лѣтъ странствовалъ отъ одного города пригангской страны до другаго, проповѣдуя и обращая, укрѣпляя обращенныхъ въ вѣрѣ, улучшая ихъ условія, на восьмидесятомъ году своей жизни онъ посѣтилъ еще разъ нѣкоторыя мѣстности въ Магадской землѣ; потомъ отсюда отправился далѣе чрезъ Гангесъ и объявилъ въ городѣ Вайсала (къ сѣверу отъ Патны) своимъ ученикамъ, что чрезъ три мѣсяца умретъ. Онъ побуждалъ ихъ къ удвоенной ревности, завѣщалъ, когда его небудетъ больше, собрать его заповѣди и возвѣстить ихъ всему міру и сопровождаемый двумя учениками, Анандой и Ануруддой, отправился далѣе къ сѣверу въ землю Малловъ, въ Кушинагару, гдѣ нѣкогда сбросилъ царскія украшенія и принялъ званіе нищаго. Заболѣвши на пути, достигъ онъ, истомленный, окрестности Кушинагары, гдѣ Ананда въ рощѣ приготовилъ ему ложе. Здѣсь, простившись съ спутниками, онъ погрузился въ созерцаніе и умеръ съ словами: «ничто не вѣчно» съ тѣмъ, чтобы никогда опять невозрождаться. По указанію Ананды, Маллейцы похоронили Будду по-царски. Послѣ семидневныхъ приготовленій, трупъ въ золотомъ гробѣ былъ вынесенъ за восточныя ворота и положенъ на костеръ. Зола была скрыта въ золотую урну и потомъ впродолженіи семи дней были совершаемы праздненства въ честь «Будды, полнаго сострадания и свободнаго отъ всѣхъ недостатковъ». Потомство обоготворило этого удивительнаго человѣка.

Но буддизмъ скоро выродился въ такую же обрядовую религію, какъ брамаизмъ, противъ котораго онъ былъ направленъ.

К. Новоселовъ.

Библіографическій указатель.

Новости иностранной литературы.

Le pessimisme au XIX siècle (Leopardi-Schopenhauer-Hartmann. Par. E. Caro. 1878.

Книга г. Каро, какъ уже видитъ читатель, раздѣляется на три, имѣющія между собою тѣсное соотношеніе, части, изъ которыхъ первая посвящена характеристикѣ поэтической музы итальянскаго поэта-пессимиста Леопарди, и здѣсь же дается руководящая нить къ уразумѣнію современнаго *пессимизма*, представителемъ котораго былъ представитель философскаго пессимизма Шопенгауэръ и, особенно въ послѣднее время, Гартманъ, съ его «философіей отчаянія». Пессимизмъ философскій овладѣлъ нынѣ всѣми, даже трезвыми, практическими, шовинистскими германцами, даже пруссаками. Многознаменательный фактъ въ исторіи современнаго общественнаго развитія!..

Взглядъ г. Каро, какъ истаго француза, не глубокъ; онъ не спускается до послѣднихъ коренныхъ причинъ явленій,— но изложеніе его книги (какъ опять-таки француза) весьма живо и блестяще, такъ что книга читается съ большимъ удовольствіемъ.

Physiologie de l'esprit par Henry Maudsley (профессора университ. коллегіи въ Лондонѣ) Traduit de l'anglais par. **Alexandre Hersen. Paris 1879.**

Книга г. Модели составляетъ послѣднее слово въ особой наукѣ, называемой «физіологіею человѣческой души», наукѣ, еще не всѣми признаваемой. Не симпатична эта наука большей части мыслящаго европейскаго общества потому, что она обыкновенно отрицаетъ свободу воли, и вмѣстѣ съ тѣмъ liberum arbitrium indifferentiae,—эту опору законодателей и юристовъ. Какъ бы, однако, ни было: раздѣлять или не раздѣлять взгляды г. Модели и единомыслящихъ съ нимъ ученыхъ, но его книга содержитъ цѣлую бездну весьма драгоцѣнныхъ и замѣчательныхъ фактовъ и явленій въ исторіи развитія души. Въ массѣ случаевъ эти факты бросаютъ совершенно новый свѣтъ на исторію, взятую въ обширномъ смыслѣ. Замѣчателенъ у Модели остроумный парадоксъ или мысль кажущаяся парадоксомъ, что *если человѣческая воля свободна, то наибольшую свободу воли имѣютъ дураки и вообще глупые, бѣшеные, сумасшедшіе.* Въ теоретически-философскомъ отношеніи авторъ во многихъ случаяхъ опирается на идеи Спинозы, система котораго, какъ извѣстно, исключала всякую свободу человѣческой воли, и утверждавшаго, что люди потому увѣрены въ своей свободѣ, что *совершенно не знаютъ причинъ, опредѣляющихъ ихъ дѣйствія.* У Спинозы это положеніе доказано строго, и на своей почвѣ великій философъ не побѣдимъ, также какъ и противъ фактовъ, приведенныхъ Модели, спорить нельзя...

Die Willensfreiheit und die Strafe.
Von Thadaeus Hrehorowicz. Mag. zur.
Dorpat. 1878 г.

Вотъ еще книга, трактующая о той давнишней научной проблемѣ, которая въ наши дни получила особенно обширное научное значеніе. Мы сейчасъ видѣли, что въ книгѣ англичанина Модели, имѣющей предметомъ физіологію души, во-

просъ о свободѣ воли трактуется, какъ частное положеніе, вытекающее изъ общихъ основаній; основанія же эти—физіолого-психологическія, и самые факты, en masse, сгруппированы такъ, что авторъ уже въ силу ихъ не можетъ признать *свободы воли у человѣка.* Съ особенною рельефностью выставляетъ онъ два лагеря съ значительнымъ ожесточеніемъ спорящіе за свободу воли,—при чемъ противники такъ сказать «догмата о человѣческой свободѣ воли» возражаютъ (тоже весьма рѣзкимъ и догматическимъ образомъ) что „существуетъ всегда *однообразная связь* между мотивомъ, или побудительною причиной, и дѣйствіемъ, что человѣческая воля, собственно говоря, повинуется сильнѣйшему изъ мотивовъ, существующихъ въ наличности въ данное время, и что человѣческія дѣйствія (подобно другимъ феноменамъ природы)—всегда сообразуются съ *постоянными законами*, такъ что то, что представляется намъ результатомъ выбора свободной человѣческой воли—это есть не болѣе, какъ дѣйствіе по преобладанію сильнѣйшаго изъ мотивовъ, существующихъ въ наличности въ данное время.

Въ озаглавленной нами выше книги о свободѣ воли (въ смыслѣ преобладанія какого-либо изъ мотивовъ) въ юридической, или, говоря частнѣе, въ уголовной сферѣ громадноважнымъ въ самомъ дѣлѣ (съ этой точки зрѣнія) представляется вопросъ: на сколько человѣческая воля отвѣтственна въ совершаемыхъ человѣкомъ преступленіяхъ. Вѣдь если нѣтъ свободы воли (или даже если просто нѣтъ безусловной свободы), а существуетъ только строгій „законъ причинности", то было бы въ высшей степени странно и противно логикѣ наказывать человѣка *за „преступленія"*; это почти тоже, что наказывать колесо за то, что оно вертится. Но крайности сходятся. Если современные матеріалисты, сенсуалисты и физіологисты въ сферѣ нравственности отрицаютъ свободу воли, то вѣдь и идеалисты издавна утверждали (въ особенности идеалистъ греческій философъ Платонъ), что человѣкъ совершаетъ зло не *свободно*, не по волѣ, а по какому-то злому непріязненному принужденію *извнѣ*, слѣдовательно противъ воли. Только реалистъ—Аристотель довольно сильно и обстоятельно

опровергъ Платона (въ III книгѣ своей этики), выставивъ цѣлый рядъ логическихъ доводовъ, что *злыя* дѣйствія человѣка, точно также произвольны, какъ и хорошія. Читатель, конечно, понимаетъ, что, напримѣръ, и всѣ пантеистическія философскія системы, по самому своему существу, никогда не могли и не могутъ признать свободы воли у человѣка. Отъ того-то Спиноза съ такою рѣзкостью и силою отрицаетъ свободу человѣческихъ дѣйствій вообще. Но Платонова философская система и вообще всѣ системы, родственныя съ Платонизмомъ, имѣли родственныя черты съ пантеизмомъ въ томъ смыслѣ, что не допускали отвѣтственности человѣка за совершаемое имъ зло; добро же ставили въ зависимость отъ человѣческой воли; слѣдовательно платонизмъ гармонируетъ только съ одною стороной пантеистическаго ученія о волѣ.

Христіанская религія совершаемое человѣкомъ зло объясняетъ дѣйствіемъ въ его природѣ первороднаго грѣха. Съ христіанской точки зрѣнія, человѣческое зло вмѣняемо и наказуемо потому, что человѣкъ всегда имѣетъ свободу и возможность совершать или по крайней мѣрѣ отвращаться зла. Но виновникомъ зла въ христіанскомъ мірѣ представляется еще и *дьяволъ*, и отъ того бывали цѣлыя эпохи (эпохи суевѣрія, особенно въ Средніе вѣка), когда самымъ горшимъ преступленіемъ не дурныя дѣла, какъ продуктъ воли, а знакомство и сношеніе съ дьяволомъ, „источникомъ всякаго зла", хотя, по остроумному выраженію нашего Крылова, дьяволъ иногда даже и самъ-то учится у людей, какъ «яица пекутъ на свѣчкѣ». Въ христіанскомъ мірѣ, съ религіозной точки зрѣнія, при оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій, первенствующее значеніе имѣетъ еще ученіе о *благодати*, которой отвращается грѣшникъ, конечно въ силу своей свободной воли...

Вотъ съ какою массою привходящихъ элементовъ современному изслѣдователю вопроса о свободѣ въ сферѣ человѣческихъ дѣйствій приходится имѣть дѣло!.. Авторъ книги, о которой идетъ у насъ рѣчь, г. Таддеусъ Григоровичъ, конечно, не отрицаетъ свободы человѣческихъ дѣйствій въ сферѣ трактуемаго имъ предмета уголовнаго права. Вѣдь въ противномъ случаѣ рушились бы основы всякой юриспруденціи.

Нѣтъ, онъ поступаетъ именно такъ, какъ поступаютъ такъ называемые „приверженцы средины", средняго волеваго элемента въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, т. е. онъ признаетъ, что *первое* звѣно въ извѣстномъ рядѣ дѣйствій, онъ признаетъ зависящимъ отъ *свободы человѣческой воли*, затѣмъ рядъ другихъ дѣйствій уже признаются совершающимися по необходимости, по причинной связи. Напримѣръ: мертвецки-пьяный человѣкъ сваливается съ ногъ; актъ этого паденія—актъ вовсе не свободный, а необходимый; но человѣкъ былъ воленъ напиться или не напиться; слѣдовательно первое звѣно, какъ актъ свободной воли, было неумѣренное пьянство; но иногда и пьянство является актомъ необходимымъ, если пьяница такъ уже привыкъ пьянствовать, что удержаться не можетъ, подобно тому, какъ томимый жаждою больной не можетъ не пить воды. И вотъ, въ этомъ случаѣ, первымъ звѣномъ и первымъ свободнымъ актомъ является *первая* неумѣренная попойка, которую позволилъ себѣ человѣкъ, и отъ которой онъ сдѣлался пьяницей. Извѣстно, что точно также разсуждаетъ о свободѣ человѣческихъ дѣйствій и Аристотель. И такъ какъ основаніе подобнаго воззрѣнія не особенно просто, твердо, устойчиво, то у Аристотеля является масса категорій и видоизмѣненій нравственныхъ явленій соотвѣтственно громадному разнообразію человѣческихъ индивидуумовъ. Что, напримѣръ, для натуры сильной является продуктомъ свободнаго выбора, тоже самое для натуры слабой является продуктомъ необходимости. Человѣкъ, какъ говорится, слабый, дрянь и тряпка, дѣлается пьяницей скорѣй по необходимости, чѣмъ въ силу свободной воли. Въ такое именно разнообразіе категорій вдается и авторъ брошюры, о которой идетъ рѣчь, г. Т. Григоровичъ.

Предметъ, затронутый авторомъ, представляется однако въ высшей степени интереснымъ, какъ для современнаго развитія уголовнаго права, усложненнаго множествомъ превходящихъ элементовъ, такъ и для исторіи всего человѣчества.

Матеріалы, замѣтки и новости.

Когда возникли у духовенства внѣшнія отличія?

Христіанство при первомъ своемъ появленіи, безъ всякаго сомнѣнія, не имѣло никакихъ внѣшнихъ отличій. Гоненія, преслѣдующія христіанъ, конечно, не допускали даже возможности проявленія какого-либо характернаго признака узнаваемости. Эти особенные признаки, эти отличительныя формы могли возникнуть только съ того времени, когда христіанская религія приняла господствующее положеніе и когда прочно установилась церковная іерархія.

Изъ дошедшихъ до насъ историческихъ источниковъ видно, что въ первые пять вѣковъ не только христіане, но даже вышедшіе изъ среды ихъ клирики не имѣли никакихъ внѣшнихъ отличій ни въ одеждѣ, ни въ способѣ ношенія волосъ. Въ эти времена можно указать только на единственный признакъ—естественно вытекающій изъ самой сущности ученія— на признакъ простоты, спокойной важности и совершеннаго отсутствія роскоши и украшеній.

Въ описаніи посвященія епископовъ, священниковъ и діаконовъ Діонисія (Hierarch. eccles.) ни слова неупоминается объ отличительной одеждѣ. Самые епископы, собиравшіеся у стола Константина великаго (Евсевій Vita Coust. I.), ничѣмъ не отличались отъ прочихъ мірянъ. Только въ болѣе позднѣе время этого періода высшіе церковные іерархи стали вводить

въ употребленіе выдающіяся одежды: Сисиній, епископъ Новаціанскій, надѣвалъ длинную, *бѣлую* одежду, Іоаннъ Златоустъ облачался въ пышную и торжественную, а Григорій Назіанзинъ уже указываетъ на свою простую жизнь и обыкновенную одежду, какъ на причину своего изгнанія изъ Константинополя.

Но съ VI столѣтія начинаются положительныя требованія особенной формы для духовныхъ. Императоръ Юстиніанъ (527—565) запрещалъ ношеніе мірянами *монашеской* одежды, но въ этомъ запрещеніи вовсе невстрѣчается упоминанія объ общедуховной одеждѣ. Затѣмъ Трульскій соборъ (691 г.) обязывалъ, подъ страхомъ отлученія на недѣлю, духовенство употреблять одежду, *предписанную* для этого состоянія.

Съ этого же VI вѣка проявилось еще большее различіе въ одеждѣ духовной и свѣтской на западѣ. Въ западной имперіи, подъ вліяніемъ наплыва германскаго элемента, свѣтскіе люди стали носить короткую тунику, шаровары и плащъ, духовные же удержали длинную тунику и тогу (палліумъ) древнихъ римлянъ. Правилами Брагскаго собора (573 г.) рекомендовалось духовенству не увлекаться модой, а носить прежнюю длинную степенную тунику (talarem vestem), а въ біографіи Григорія великаго (Vita Greg. II) говорится, что этотъ святитель не терпѣлъ подлѣ себя носящихъ *варварское* платье и что поэтому всѣ въ его домѣ одѣвались въ древнюю римскую одежду, одинаковую въ то время съ духовнымъ платьемъ.

Установившееся такимъ образомъ различіе, съ VII и VIII, в. постепенно обставилось законодательными опредѣленіями. Каноническія правила этого времени, запрещая священникамъ и діаконамъ ношеніе свѣтскаго короткаго платья (Sagum), военнаго плаща и пурпуровыхъ одѣяній, обязывали ихъ продолжать носить прежнюю длинную казулю, какъ наиболѣе приличную духовному званія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ВѢСТНИКЪ РЕАЛЬНЫХЪ ЗНАНІЙ“,

состоящій изъ двухъ отдѣловъ, выходящихъ въ концѣ каждаго мѣсяца книгами въ 8—10 листовъ съ политипажами и таблицами чертежей и рисунковъ по слѣдующей програмѣ:

Програма I-го отдѣла:

народная гигіена, народное хозяйство; народное образованіе; всѣ отрасли сельскаго хозяйства; технологія химическая и механическая; ремесла; торговля; промыслы; монографіи животныхъ и растеній по отношенію ихъ къ сельскому хозяйству и технологіи; товаровѣдѣніе. Критика и библіографія; новости, мелочи и рецепты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, ремеслъ, технологіи и пр.

Програма 2-го отдѣла:

путешествія; народовѣдѣніе; естествознаніе; гигіена; домоводство-охота; пчеловодство, птицеводство, шелководство; садоводство и огородничество. Новости по всѣмъ отраслямъ реальныхъ знаній; критика и библіографія по программѣ. Мелочи, рецепты по домоводству, пчеловодству, птицеводству, шелководству, садоводству и огородничеству.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

I-го отдѣла:		I-го и II-го отдѣловъ вмѣстѣ:	
на годъ	7 р.	на годъ	13 р.
на полгода	4 „	на полгода	7 „
съ пересылкою:		съ пересылкою:	
на годъ	8 „	на годъ	14 р.
на полгода	5 „	на полгода	8 „

Отдѣльно на 2-й отдѣлъ подписка не принимается.

Гг. иногороднихъ просятъ адресовать подписку на журналъ единственно въ Редакцію „Вѣстника Реальныхъ Знаній“, въ Москву. Адресъ почтамту извѣстенъ. Только при подобномъ адресованіи требованій редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Въ Москвѣ подписка принимается въ редакціи, Покровка, близъ Гаврикова пер., на Переведеновской ул., домъ Алексѣевой.

Редакторъ-издатель **Д. Кишенскій.**

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка продолжаетъ приниматься въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Я. Исакова,** Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала **„Историческая Библіотека“** (Большш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1879.

№ 6—7. Іюнь—Іюль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1879

6-7

СОДЕРЖАНІЕ № 5—6

Соединяя №№ 6 и 7. Редакція «Исторической Библіотеки» имѣетъ честь извѣстить своихъ г.г. Подписчиковъ, что отдѣльный выпускъ № 6 не могъ быть изданъ отъ причинъ совершенно отъ Редакціи независящихъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1879.

№ 6—7. Іюнь.—Іюль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168.
1879

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Іюля 1879 г.

Съ русскимъ караваномъ въ Сябзаварѣ.

I. Караванъ-сарай „Дударъ" и первыя знакомства.

Сябзаваръ — одинъ изъ древнихъ городовъ Харассана, построенный Сасаномъ, сыномъ Бамана, и дважды разоряемый: Теймуръ-Ленгомъ, затѣмъ — авганцами, расположенъ въ долинѣ *), въ 120 верстъ длины съ запада на востокъ и 70 в. шир. Свиду онъ походитъ на Шахрудъ. Такія-же, обнесенныя глиняными стѣнами, плоскокрытыя мазанки и домики изъ сырцоваго, рѣдко жженнаго кирпича, и такія-жъ узенькія, кривыя улицы, изъ коихъ одна (которою провелъ меня армянинъ Нарсесъ на базаръ), съ смежными переулками, была буквально запружена разнымъ домашнимъ скарбомъ цыганъ, съ женщинами безъ покрывалъ и полунагими дѣтьми. Это цыганскій кварталъ. Въ послѣдній голодъ почти всѣ здѣшніе цыгане вымерли; въ живыхъ остались двѣ-три семьи, и быстро расплодились они, живя больше подъ открытымъ небомъ и занимаясь кузнечнымъ дѣломъ.

Съ базара свернули мы въ боковой пассажъ, заканчивавшійся стрѣльчатыми воротами прохода или проѣзда, тоже съ помѣщеніемъ для лавокъ по сторонамъ.

---

*) Равнины въ Харассанѣ можно назвать плоскими высокими долинами, окаймленными съ сѣвера и юга болѣе или менѣе значительными высотами.

— Вотъ и жилье мое, проговорилъ Нарсесъ, спускаясь отсюда по тремъ-четыремъ крутымъ ступенькамъ во дворъ караванъ-сарая „Дударъ" или „Тафрышни", сообщающагося съ базаромъ еще другимъ такимъ-же проходомъ и третьимъ боковымъ безъ лавокъ. По серединѣ двора — водоемъ и большіе вѣсы, по сторонамъ— парные „отаги" *) съ опущенными или приподнятыми подъемными дверями. Сверху или, какъ казалось, на крышѣ — кучи глины и остатки стѣнъ отъ втораго этажа, уцѣлѣвшаго только со стороны базара въ видѣ двухъ глиняныхъ кубиковъ; въ одномъ изъ коихъ помѣщались двѣ „канаусовыя фабрики", другой-же „чистился" для Г—ва съ К°, вслѣдствіе чего надъ нимъ стояло облако пыли.

— Сюда, сюда, указалъ Нарсесъ на угловой „отагъ" вправо, помогая мнѣ вскарабкаться на „техтъ". **) Изъ передней комнатки выглянулъ, ковыряя въ носу, простоватый свиду парень въ туго-перетянутомъ ремнемъ съ бляхами, поношеномъ казакинчикѣ. Онъ, завидя „русскаго", широко улыбнулся. То былъ родственникъ Нарсеса, Ефремъ, не замедлившій, въ качествѣ помощника и слуги его, прибрать эту залитую солнцемъ комнатку для меня и перетащить сюда изъ темной боковой кровать и столикъ,—удобство, которымъ пользуется тутъ только представитель фирмы Адамовыхъ; остальные-же пять-шесть земляковъ его живутъ совсѣмъ по персидски.

— Гдѣ-жъ и на чемъ сами-то будете спать? спрашиваю любезнаго „хозяина", когда Ефремъ (вовсе не понимавшій по-русски) за тюфякомъ принесъ и подушку.

— Мы всегда спимъ тамъ на полу, указалъ онъ на боковую темную комнату.—Хорошо, прохладно.

Заглянулъ и, право, чуть не задохся: до того эта обширная кладовая была пропитана удушливымъ запа-

*) Нумера, для пріѣзжихъ и товаровъ.

**) Глиняныя или кирпичныя платформы передъ нумерами.

хомъ, отъ шелковичныхъ сѣмянъ, развѣшанныхъ въ мѣшечкахъ по стѣнамъ.

Вышли на „техтъ“.

Передъ „отагомъ“ Нарсеса торчала широкая деревянная нара, покрытая войлокомъ,—въ углу двора стоялъ его отличный туркменскій конь, съ подстриженною гривой, что такъ нравится персамъ.

— Сто пятьдесятъ рублей заплатилъ, замѣтилъ онъ мнѣ.

— Въ Россіи дали-бъ за него тысячу.

— Въ Мешхедѣ они дешевы. Закупите,—останетесь въ большомъ барышѣ...

Слѣва отага расположена его кухня. Пустынно, мрачно и грязно въ ней: кромѣ двухъ большихъ кирпичей стоймя, между которыми кладутся дрова, для варки пищи, — ничего, даже скамѣечки не было. Поваръ—персъ олицетворялъ нечистоплотность, хотя строго выполнялъ формальныя омовенія.

Далѣе, за угломъ скрывалось открытое сверху, общее отхожее мѣсто, состоящее изъ трехъ, перегороженныхъ между собою глиняными стѣнками, ямокъ въ землѣ, куда и таскаются правовѣрные всенепремѣнно съ кувшинами для омовеній, слѣдующими непосредственно. Передъ нимъ—куча глины съ примѣсью рубленой соломы; тщедушный рабочій накладывалъ ее въ деревянную сквозную, низенькую квадратную форму, приплющивалъ руками и затѣмъ вытряхивалъ — вотъ и кирпичъ, просушиваемый, тутъ-же, на солнцѣ. Изъ подобнаго-то матеріала построенъ почти весь городъ.

Отаги на противуположной сторонѣ двора были заняты персидскими купцами и тучнымъ авганцемъ, привезшимъ сюда большую партію индиго, а остальные — пустовали, за исключеніемъ четырехъ, служащихъ Нарсесу амбарами, ужъ переполненными шерстью, ласомъ *) и коконами, заготовленными имъ для отправки въ Марсель,

*) Остатками отъ размотки коконовъ.

шелковичнымъ сѣменемъ—кажется, туда-жъ, шелкомъ—кому-то въ Тавризъ и Константинополь, хлопкомъ — въ Россію. Техтъ передъ ними и часть двора тоже завалены, преимущественно мѣшками съ шерстью и коконами.

Вокругъ водоема сидѣло нѣсколько субъектовъ. Одни мылись, сморкаясь въ него, или полоскали бѣлье и запыленные башмаки свои; другіе, тутъ же рядомъ, промывали рисъ къ вечернему плову или наполняли изгаженою водой кувшины для омовеній и кальяновъ...

По словамъ Нарсеса, водоемы въ здѣшнихъ караванъ-сараяхъ составляютъ общественное достояніе: ибо содержатели ихъ ничего не платятъ за проведенную сюда воду, и только въ случаѣ порчи водопровода—будь онъ частный или казенный—участвуютъ въ расходахъ на починку его; домовладѣльцы-же платятъ по 60 — 75 к. всякій разъ, когда возобновляется вода въ ихъ колодцахъ и резервуарахъ, что, обыкновенно, дѣлается черезъ каждые шесть дней, а годовое орошеніе небольшаго поля обходится червонецъ, или, по показанію другихъ, за троекратную поливку ежемѣсячно поля въ 4,000 квадр. саженъ платится водовладѣльцу до 150 руб; слѣдовательно, вода здѣсь не дешева.

Вотъ въѣхало нѣсколько путниковъ; у нѣкоторыхъ лошади украшались спереди голубыми бусами, по увѣренію Нарсеса — талисманами. Вскорѣ прибылъ и мой вьючный катеръ, едва не слетѣвшій кубаремъ съ лѣсенки во дворъ, а за нимъ—персоналъ русскаго каравана: повѣренный его Г—въ, переводчикъ Шафѣевъ, изъ астраханскихъ персовъ, и шахрудецъ Габибъ—бегъ, въ роли нукера. Вся эта компанія помѣстилась въ одной комнаткѣ (что на крышѣ), съ обвалившимися стѣнами и кучами мусора по угламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась и толпа зѣвакъ. У одного лицо совершенно оголено отъ бороды и усовъ, у другаго—только отъ бороды, у франтовъ—то и другое подстрижено; большинство-же носитъ

ихъ „по природѣ“, подстригая усы надъ губами такъ, чтобы они не могли своимъ прикосновеніемъ „опоганить“ пищи и питья. Старцы брѣютъ всю голову, помоложе—оставляютъ на макушкѣ клокъ, знать—пробриваетъ ее по серединѣ, со лба на затылокъ, зачесывая оставшіеся волосы за уши. Между обыкновенными головными уборами (чалмами, бараньими шапками, кула-намади *) встрѣчаются и синія шапочки съ шерстяною опушкой и серебряными тесемками на верху; шальвары—синяго, каба **)—больше голубаго, столь любимаго харассанцами цвѣта своего неба и своей бирюзы. Нѣкоторые зѣваки безцеремонно усѣлись даже въ моей комнаткѣ, и всѣ уперлись глазами въ „уруса“... чего, конечно, не избѣжишь въ персидскихъ караванъ-сараяхъ съ открытыми помѣщеніями, но что составляетъ, по истинѣ, пытку, когда растревожены нервы, взбудоражена желчь, какъ у меня со вчерашняго дня.

Одинъ на техтѣ о чемъ-то горячо заговорилъ съ Нарсесомъ.

— Вотъ ослы! улыбнулся мнѣ тотъ. Удивляются, что усы у васъ внизъ.

— Что-жъ вы отвѣтили?

— У каждаго народа свои обычаи...

— Я повернулся на другой бокъ и сладко уснулъ, а когда, въ три часа, проснулся, самоваръ уже пыхтѣлъ на столѣ.

— Не желаете-ли прежде воды со льдомъ? спрашиваетъ любезный хозяинъ.

— Хорошая?

— Отличная, съ водохранилища (куда она проводится съ горныхъ источниковъ).

Но отличная вода изобиловала веселенькими красными—ну точно вшами, трупами которыхъ покрывался и поданный мнѣ стаканъ чаю.

*) Круглая войлочная шапочка.

**) Верхній костюмъ, въ родѣ архалука.

— Это ничего-съ, утѣшаетъ онъ.

— Конечно, если выбросить ихъ за бортъ... Вонъ гости, отвлекъ его я отъ ловли пальцами этой дряни, кивнувъ на вяло-подошедшихъ, одинъ за другимъ, двухъ субъектовъ—длиннаго, въ черныхъ брюкахъ и сардари *), и средняго роста, въ обыкновенномъ костюмѣ.

— Полиціймейстеръ и губернаторскій феррашъ-баши **) пришли съ визитомъ къ вамъ, проговорилъ онъ, когда тѣ, послѣ обычныхъ привѣтствій на „нечистомъ" ***) фарси, усѣлись на войлокъ.

Первый все умильно поглядывалъ на бутылку съ коньякомъ въ нишѣ.

— Послѣ угощу, пообѣщалъ я, подавая обоимъ по грошевой сигарѣ,—обнюхали и сунули себѣ въ карманъ: выкуримъ, молъ, дома.

Вручивъ феррашъ-баши письмо изъ консульства на имя губернатора, изъ кератскихъ персовъ, Мирзы Мухаммедъ-Хюсейна «Мустафи» ****), какъ слыветъ онъ у обывателей по прежней своей должности при Харассанскомъ правителѣ, благодаря которому *****) и губернаторствуетъ тутъ, получая всѣми правдами и неправдами до 15 т. р. годоваго дохода, — я просилъ кланяться ему и передать, что непремѣнно буду у него завтра, не опредѣляю только часу.

По уходѣ сихъ властей, къ комнатѣ подошелъ молодой прикащикъ, не то—товарищъ, тучнаго продавца индиго, тоже авганецъ, худощавый, съ подвижнымъ смуглымъ лицомъ, блестящими черными глазами, рѣденькими усами и таковою-же бородкой клиномъ; черные, какъ смоль, длинные волосы его, прикрытые на макушкѣ

*) Въ родѣ широкаго казакина.

**) Начальникъ слугъ.

***) По увѣренію Нарсеса, Сябзаварцы говорятъ на „нечистомъ" фарси, а окрестная деревенщина—по тюрки.

****) Мустафи—государственный казначей, счетчикъ и контролеръ.

*****) Губернаторы въ Херассанѣ, за исключеніемъ Бастамскаго, назначаются правителемъ его.

остроконечною ермолкою, слегка подбриты вокругъ головы (что, конечно, не было замѣтно); изъ подъ длинной бѣлой, далеко не чистой рубахи, съ широкими рукавами, выглядывали грубые башмаки, — вотъ и весь костюмъ.

Опустившись на корточки, онъ удивленно вставился въ меня жгучими глазами.

— «Тамаша дѣлаетъ», улыбнулся Нарсесъ. Тотъ тоже улыбнулся... и, насытившись „зрѣлищемъ»—еще бы не насытиться въ теченіе двухъ часовъ! — удалился, а спустя нѣсколько минутъ снова появился на техтѣ уже въ просторной желтой бараньей шубѣ (безъ покрышки) съ вышивками по борту и длиннымъ рукавамъ, и это не смотря на 31° Р.?

Не замедлилъ, переваливаясь, пожаловать къ намъ въ гости и патронъ его въ огромнѣйшей чалмѣ на бритой головѣ *) и широчайшемъ халатѣ (въ родѣ персидской «джуббы») на распашку, съ рукавами до полу. «Землякъ и большой пріятель губернатора», какъ отрекомендовалъ его Нарсесъ, оказался очень словоохотливымъ и, узнавъ о моемъ намѣреніи побывать въ Авганистанѣ, сообщилъ «самыя точныя свѣдѣнія» объ «изъѣзжанной» имъ дорогѣ съ Мешхеда въ Кератъ (о чемъ будетъ рѣчь впереди), куда, по предположенію Нарсеса, домогается теперь проникнуть «какой-то инглизъ».

— Не Непиръ-ли? спросилъ я.

— Да, да, Непиръ...

Судя по разсказамъ, этотъ остъ-индскій англичанинъ, не доѣзжая нѣсколько верстъ до Сябзавара, свернулъ съ прямаго пути на дальнюю горную деревушку „Бомъ сефи-абадъ", гдѣ, какъ прослышалъ онъ, одинъ райетъ, случайно разбивъ камень, нашелъ въ осколкахъ нѣсколько *самоцвѣтныхъ драгоцѣнныхъ зеренъ*, но какихъ именно,—этого сами персы не знаютъ. Осмотрѣвъ тамошнія

*) По увѣренію его, моллы и всѣ благочестивые люди въ Авганистанѣ—головы брѣютъ.

горы, «изобилующія также мѣдью и сѣрой» (не разрабатываемыми деревеньщиною по невѣжеству, а сябзаварцами—по отдаленности ихъ), онъ откомандировалъ оттуда въ Сябзаваръ на трое сутокъ, кажется, трехъ изъ своихъ авганцевъ, съ развѣдочною цѣлью, а самъ, съ остальными, прямо проѣхалъ на бирюзовый рудникъ, что въ четырехъ фарсангахъ отъ г. Нишапура.

Не по нашему путешествуютъ европейцы, подумалъ я, прощаясь съ любезнымъ хератцемъ, котораго не замедлилъ смѣнить старшина здѣшняго купечества, Мирза Хюсейнъ. Привычно покуривая предложенную мною сигару, онъ съ большимъ интересомъ разсматривалъ мои револьверы и штуцеръ; затѣмъ началъ—было разсказывать о незавидномъ положеніи мѣстной торговли, какъ подошедшій къ Нарсесу какой-то субъектъ возбужденно заговорилъ, просительски поглядывая на меня. То былъ пріятель его, «пайщикъ маленькой компаніи рудоразрабатователей», взявшій на свою долю мѣдный рудникъ въ д. Камышъ, что въ 4 фарсангахъ отсюда. У него тутъ «мѣдно-плавильный заводъ», пожирающій «ужасно много» угля, а кальваръ его стоитъ 1 р. 80 коп.,—дорого, потому, что дрова доставляются сюда изъ 10—12 фарсанг. Вотъ онъ и прибѣжалъ просить меня осмотрѣть заводъ теперь же, пока работа въ ходу, и указать европейскій способъ обработки мѣдной руды. Какъ ни отговаривался я усталостью, однако-жъ пришлось уступить настоятельной просьбѣ Нарсеса, съ которымъ и отправился къ нему, конечно, не съ намѣреніемъ научать—это было-бъ выше силъ одного человѣка, — а такъ, ознакомиться съ здѣшнимъ „мѣдно-плавильнымъ заводомъ“. На базарѣ присоединился къ намъ Г—въ, обнявшись съ какимъ-то армяниномъ хищной наружности, подслащенной подлѣйшею лакейскою улыбочкой. Ломаясь, какъ пьяный, съ шапкой на затылкѣ, „повѣренный каравана“ объяснялся съ новымъ пріятелемъ — и когда только успѣлъ онъ сблизиться до такой фамильярности!?—

по „тюрки“, конечно, больше — пальцами, между тѣмъ какъ Шафѣевъ уныло плелся за ними.

— Кто это? спросилъ я Нарсеса.

— Юсуфъ Нарсехъ Бабаевъ.

— Тотъ самый, о которомъ нашъ астерабадскій консулъ отзывается, какъ о «врагѣ русскимъ интересамъ»?

— Теперь онъ „исправился“.

— А когда уѣзжаетъ? Вѣдь, его велѣно хоть силой доставить въ Тегеранъ для отчета.

— Съ первою оказіею... А пока живетъ и обѣдаетъ у меня.

Я отозвалъ Г-ва въ сторону и сообщилъ все извѣстное мнѣ объ этой личности:

— Смотрите, не довѣряйтесь!

— *Такихъ-то скотовъ и нужно мнѣ*, отвѣтилъ тотъ, между тѣмъ какъ Бабаевъ, не понимавшій ни слова по русски, сіялъ, расплываясь передо мною въ самыхъ утонченныхъ любезностяхъ, а заводчикъ съ Нарсесомъ тщетно отгоняли отъ насъ ратозѣевъ, въ особенности докучливо-вымаливавшихъ подачки полунагихъ мальчишекъ и дѣвочекъ, далеко не съ голодными лицами, вообще—красивыми, но у многихъ—обезображенными оспой, либо бѣльмомъ. Не получая желанной «пулы», они продолжали безпечно рѣзвиться, прыгая и валяясь въ пыли...

За вмѣстительною кирпичною мечетью, въ концѣ базара, тянется обширный пустырь, на которомъ отдыхали шотордоры съ своими верблюдами, а вправо на краю его стоитъ мазанка невзрачной наружности; это и есть «заводъ», всего-то въ одну, едва освѣщаемую черезъ дверь, до нельзя грязную комнату, съ «печью» или, вѣрнѣе, кубическимъ углубленіемъ въ глиняномъ полу для окончательной очистки первоначально вытопленной на рудникѣ мѣди, доставляемой оттуда сюда кусками, въ 20—30 фунтовъ; тутъ же ее льютъ въ видѣ хлѣбцовъ, въ 2 — 3 фунт. вѣс., которые и скупаются мѣдниками, по 1 р. 95 к. за батманъ, для выковки изъ нихъ ко-

стрюль, кувшиновъ, тазовъ и пр. посуды. Первобытный пріемъ, дѣйствительно съѣдающій много времяни и угля.

Надѣливъ заводчика совѣтами (которыхъ онъ, конечно, не исполнитъ), я хотѣлъ купить у него кусокъ мѣди для образца, но Бабаевъ, узнавши это, прокрался въ заваленный ею темный уголъ и, спрятавъ подъ полы одинъ хлѣбецъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ: стащилъ, молъ, — послѣ отдамъ.

— Положи на мѣсто, пристыдилъ его Нарсесъ по моей просьбѣ, что тотъ и сдѣлалъ съ дѣвственно-непорочною улыбочкой, — просто приходилось краснѣть за негодяя!

Заводчикъ охотно снабдилъ меня не только образцами съ своего рудника, но и свѣдѣніями о ближайшихъ къ Сябзавару мѣстонахожденіяхъ рудныхъ богатствъ, свѣдѣніями, вполнѣ подтвержденными впослѣдствіи показаніями другихъ компетентныхъ лицъ.

На его рудникѣ въ д. Камышъ—десять рабочихъ, и они, углубившись теперь до воды, одновременно выкачиваютъ ее и ломаютъ руду, получая за эту каторгу по 30 к. въ день. Двѣ пятыхъ изъ добытой руды — а ее добывается въ день до трехъ хальваровъ — онъ доставляетъ губернатору, т. е. въ казну, остальною пользуется самъ.

Красная мпдь находится еще въ деревняхъ: *Заркунъ*, *Нейру*, *Саркабу* и *Чупъ* (или Чунъ—не разберу въ дневникѣ); *красная мпдь и свинецъ*—въ д. *Гамаюнъ* (въ 12 фарс. отъ Сябзавара); *свинецъ*—близь горной дер. *Ахламатъ* (въ 4 фарс. отъ Сябзавара) и д. *Касмабатъ*; въ первой—онъ разработывается въ незначительномъ количествѣ и затѣмъ—складывается мелкими кусками въ кожаные мѣшки для отправки на продажу, во второй — вовсе не разработывается. Съ мѣдныхъ рудниковъ вывозится и мѣдный купоросъ, употребляемый здѣсь для присыпки ранъ и при набивкѣ ситцевъ. *Селитра* находится повсемѣстно, *спра* — въ д. *Галякъ-Абадъ* (въ 3 фарс. отъ Сябзавара), но, какъ видно, дѣло не спорится

тамъ, если ее привозятъ сюда изъ отдаленнаго на 35 фарс. *Дерагеза* (что въ Хорассанскомъ Курдистанѣ) и продаютъ по 90 коп. за батманъ; *бура* — въ 10 фарс. отсюда; *озерная соль*, по 30 к. за хальваръ, добывается въ мѣстности «Кали-шуръ», что въ полъ фарс. отсюда. На базарѣ есть и *горная соль* съ какой-то мѣстности между Нишануромъ, и Мешхедомъ.

Возвратившись домой, Нарсесъ, съ которымъ я ужъ условился насчетъ обѣдовъ и пр., помогъ Ефрему накрыть на столъ въ моей комнатѣ. Бабаевъ, виляя, вытиралъ платкомъ посуду.

— Можно пригласить Г—ва обѣдать съ нами? обратился ко мнѣ первый.

— Хозяинъ — вы...

Послали за нимъ.—Тотъ приходитъ нѣсколько смущеннымъ, и извиняется за вчерашнее... На его желаніе выпить, Бабаевъ—главный заводчикъ и поставщикъ «кишьмишевки» здѣшнимъ властямъ, за что тѣ и поддерживаютъ его—засуетился, говоря, что за счастье-бы почелъ угостить насъ, да съ «этимъ дѣломъ» уже покончилъ, а вотъ, если угодно, можно послать къ пріятелю, одному правовѣрному, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ обывателей—тайкомъ занимающемуся выгоднымъ ремесломъ.

— А что стоитъ бутылка? справился Г—въ.

— Два крана.

— Дорого.

Тѣмъ болѣе дорого, что доставленная кишьмишевка походила болѣе на отвратительную кислую микстуру, чѣмъ на водку... За то-жъ кисленькій супъ и пловъ съ курицей показались мнѣ, послѣ голодухъ, верхомъ кулинарнаго искусства,—дыня и виноградъ безъ зернышекъ были безусловно хороши. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни подавался точно такой же обѣдъ, развѣ только иногда курица смѣнялась бараниной. Шафѣевъ съ Габибомъ, какъ правовѣрные, стряпали себѣ особо, въ общемъ съ Г—вымъ помѣщеніи.

При заходѣ солнца нѣсколько субъектовъ, обступивъ водоемъ, слегка провели мокрыми ладонями по лицу, головѣ, рукамъ и грязнѣйшимъ ногамъ, такъ-что вся грязь осталась на нихъ (и это называется омовеніемъ!), между тѣмъ какъ на крышѣ, передъ «канаусной фабрикой» мастеръ громогласно творилъ намазъ. Въ началѣ девятаго часа во дворъ вошло нѣсколько верблюдовъ и, избавившись отъ вьюковъ, степенно усѣлись рядкомъ на отдыхъ, а въ 9 часовъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, со стороны базара пронесся *барабанный бой*, замѣняющій тутъ полицейскую трубу. Послѣ третьяго сигнала входъ на базаръ возбраненъ; если-жъ кто попадется «обходу»— арестуютъ.

— А этотъ молодецъ не пощадитъ, кивнулъ Нарсесъ на вошедшаго въ комнату полиціймейстера, теперь уже съ шашкою на бѣлой перевязи и кинжаломъ, на подобіе большаго туркменскаго ножа.

— Зачѣмъ такъ вооруженъ? улыбнулся я.

— На случай опасности отъ воровъ, пояснилъ тотъ, принимая отъ своего ферраша кальянъ, всегда сопутствующій ему во время вечернихъ обходовъ базара.

— Говорилъ губернатору, что буду у него завтра?

— Говорилъ,—проситъ назначить время.

— Въ 9 часовъ утра.

— Хорошо.

— Шахрудскій полиціймейстеръ былъ большимъ пріятелемъ мнѣ, надѣюсь...

— *Что ни прикажешь — все исполню...*

Здѣшній полиціймейстеръ, *не арендуя базара*, получаетъ за службу свою по три крана въ годъ съ каждой большой лавки, которыя обложены и въ пользу казны, смотря по размѣрамъ торговли, двумя и болѣе кранами, что доставляетъ ей около 1200 томановъ. Такихъ большихъ лавокъ 400; остальныя же 600, съ товарами на грошъ, какъ и обыватели, не имѣющіе ни собственности, ни опредѣленнаго занятія — никому ничего не платятъ. Сябзаваръ, въ 18,000 жителей, приноситъ казнѣ всего

на всего 10,000 томановъ, если только не вретъ почтенный блюститель порядка, котораго угостилъ я на прощанье шеколадомъ.

— По сколько нужно ѣсть? таинственно справился онъ у Нарсеса, вѣроятно, принявъ это лакомство за одно изъ возбудительныхъ средствъ, къ которымъ такъ часто прибѣгаютъ ненасытные сластолюбцы-азіяты.

— Все сразу.

Полиціймейстеръ недовѣрчиво улыбнулся и вышелъ, а вскорѣ затѣмъ—было уже 11 часовъ — воздухъ огласился, ну точно русскимъ «слу-ш-ай!» — То перекликались базарные сторожа. Оно и кстати: двери у меня остались открытыми, а Ефремъ, растянувшійся на полу въ качествѣ моего стража, такъ богатырски храпитъ, что хоть изъ пушекъ пали—не услышитъ!

II. Губернаторъ.

На слѣдующее утро (13 августа) прибыли товары Глуховскаго. Шафѣевъ съ помощью единственнаго рабочаго взвѣшивалъ ихъ и, обливаясь потомъ и кряхтя, перетаскивалъ — одни въ пустые отаги, другіе-жъ, назначенные Грошевымъ для распродажи здѣсь, въ двѣ лавчонки, нанятыя имъ по сосѣдству буквально съ пустымъ помѣщеніемъ Бабаева въ проходѣ караванъ—сарая. Московская ук порка расползлась, и многіе вьюки придется совершенно переукупоривать. Слѣдовательно, на Шафѣева, какъ на переводчика, нельзя расчитывать ни теперь, ни послѣ, и мнѣ оставалось отправиться къ губернатору съ Нарсесомъ, невыносимымъ въ подобной роли— такъ онъ плохо говоритъ по русски (хоть изъ разсказа и не видно этого, но, вѣдь, тутъ уже мой переводъ съ его перевода). Бабаевъ—вотъ еще несносный! Навязался къ намъ въ качествѣ какого-то церемоніймейстера и всю дорогу вьюномъ вертѣлся.

— Положительно не выношу его общества!

— Хоть на этотъ разъ дозвольте, упрашиваетъ меня Нарсесъ. Онъ въ большой дружбѣ съ губернаторомъ...

Спустя минутъ двадцать, мы уже входили глинянымъ корридоромъ, вѣрнѣе — длиннымъ крытымъ ходомъ, во внутренній дворикъ губернаторскаго жилья, далеко не лучшаго въ городѣ (въ которомъ насчитываютъ до пяти тысячъ дворовъ или домовъ). Посерединѣ его—окаймленный деревцами водоемъ, слѣва—высокая стѣна, съ остальныхъ трехъ сторонъ—одноэтажныя мазанки. Тутъ встрѣтилъ меня, съ разнокалиберною челядью, старшій сынъ губернатора и, почтительно пожавъ руку, проводилъ до сѣней «присутствія», по обыкновенію, съ широчайшими подъемными дверьми, вмѣсто передней стѣны. Армяне сняли туфли, оправились и несмѣло вошли за мною въ маленькую, низенькую залу съ облупленными стѣнами и глинянымъ поломъ, конечно, устланнымъ ковромъ, по-серединѣ котораго сидѣлъ, поджавши ноги, тучный губернаторъ въ бараньей шапкѣ, сардари (чардари) и брюкахъ изъ черного сукна и въ бѣлыхъ носкахъ. Нарядите эту тушу, съ сочными, толстыми губами и жиденькою бородкою, смиренно перебиравшую четки въ рукахъ, нарядите ее въ поддевку—двѣ капли зажиточный нашъ міроѣдъ!— Передъ нимъ стоялъ «письменный столикъ»—скамѣечка, какія подкладываютъ подъ ноги себѣ наши барыни, сбоку—ирбитскій сундучокъ, вѣроятно, съ казной, и лежала нарѣзанная полосками писчая бумага. По правую сторону отъ него темнѣлся чуланчикъ съ постельнымъ сверткомъ на полу, по лѣвую, у открытой во дворъ стѣнкѣ, торчали два деревянныхъ кресла грубой мѣстной работы, а визави — полукругомъ сидѣло нѣсколько очень важныхъ свиду, «именитыхъ» обывателей, ускользнувшихъ при моемъ появленіи, за исключеніемъ только одного — тучнаго, краснощекаго, въ бѣлоснѣжной чалмѣ и широчайшей джуббѣ. Губернаторъ, тяжело приподнявшись, указалъ мнѣ на кресло, самъ усѣлся въ другое, армяне— на полъ, и пошли обычныя привѣтствія. Бабаевъ просто таялъ. Такой сладчайшей приниженности, съ какою онъ

ползая стряхивалъ своимъ носовымъ платкомъ сперва пыль со скамѣечки, потомъ пепелъ съ брюкъ его превосходительства, съ удовольствіемъ покуривавшаго мою сигару, не встрѣтишь даже между самыми основательными» чиновниками.

Спросивъ, почему я не сажусь по персидски на полъ, любезный хозяинъ поинтересовался узнать мое имя и отчество.

— Павля Ваначь, Павля Ваначь, Павля Ваначь, твердилъ онъ... Павля Ваначь, правда-ли, что вы (русскіе) начнете въ этомъ году войну съ текинцами?

— Войну можно вести съ равными силами, но не съ горстью разбойниковъ.

— Да, ихъ мало, *и сами по себѣ они ничего не стоятъ, только имя ихъ страшно.*

— Полагаю, не для русскихъ.

Послѣдовала пауза.

— *Англичане и авганцы опасаются приближенія вашихъ границъ,* снова заговорилъ губернаторъ. *Русское имя вездѣ уважается... Васъ всѣ благословляютъ здѣсь:* отцы, жены, за возвращеніе изъ неволи дѣтей, мужей ихъ...

Опять задумался онъ, перебирая четки, и глубоко вздохнулъ: «Алла Акберъ!»

Старшій сынъ его принесъ кофейникъ, экономъ — чашки, и пока послѣдній разливалъ кофе и подавалъ его намъ, а мы пили, тотъ продолжалъ стоя держать кофейникъ, затѣмъ потупившись удалился.

— Сигары удобнѣе коньяку, приступилъ было къ намекамъ политикъ, но Нарсесъ, по моей просьбѣ, спросилъ его: хорошо-ли разойдутся здѣсь русскіе товары?

— На наличные деньги?

— Да.

— Теперь—нѣтъ; развѣ нѣсколько купцовъ купятъ по два, по три куска суконъ.

— А въ Мешхедѣ?

— Дѣло пойдетъ хорошо. *Только тамъ и можно продать товаръ большими партіями.*

(Въ этомъ-же увѣряли меня впослѣдствіи здѣшніе купцы и всѣ армяне.

Губернаторъ продолжалъ въ задумчивости перебирать чотки, по временамъ вздыхая: Алла-Акберъ!

— Торгуйте счастливо, пожелалъ онъ мнѣ на прощанье, тяжело приподнявшись. *Все, что прикажете—сдѣлаю*... Я буду у васъ.

Чалмоносецъ, все время хранившій почтительное молчаніе, тоже привсталъ...

На дворикѣ подошелъ ко мнѣ второй сынъ губернатора.

— Помогите, жалобно указывалъ онъ на вонючую течь изъ ушей своихъ, — пригласилъ его къ себѣ.

У воротъ нагналъ насъ полиціймейстеръ.

— Въ какое время удобнѣе вамъ принять губернатора?

— Днемъ.

— Въ присутствіи постороннихъ ему «нельзя будетъ развернуться».

— То есть, стѣснительно насчетъ выпивки, пояснилъ Нарсесъ.

— Ну, такъ вечеромъ.

— Тоже не ловко.

Такъ ничѣмъ и не порѣшили столь важнаго вопроса, предоставленнаго мною, впрочемъ, на благоусмотрѣніе «придержащихъ».

Одолѣваемый больными, дѣльцами и ротозеями, я мечусь на кровати, подъ 42° R. въ ожиданіи удобной минуты объясниться съ ними черезъ Нарсеса, поглощеннаго своими собственными дѣлами настолько, что лишь нѣсколько минутъ можетъ удѣлять мнѣ. Сколько теряется времени, оставаясь безъ переводчика!

Съ лавки доносятся звуки гармоники, — видно, «по-

вѣренный русскимъ караваномъ» забавляется между дѣломъ, и неудовлетворенные мною посѣтители одинъ за другимъ направились къ нему, за ними — и я.

Грошевъ всецѣло отдался гармоникамъ, бусамъ и т. п. вздору, привлекавшему массы зѣвакъ, мало обращавшихъ вниманія, какъ и самъ онъ, на другую лавку съ свертками ситцевъ, суконъ и другихъ цѣнныхъ товаровъ. Точно обезумѣвшій отъ изнеможенія, Шафѣевъ съ вытянутымъ лицомъ, блуждающимъ взоромъ и открытымъ, запекшимся ртомъ, не помогаетъ, скорѣе—мѣшаетъ ему прибирать, разставлять, и тотъ бѣсится, не щадя его матушки... а новый пріятель, Бабаевъ, шныряетъ между ними и авторитетно поучаетъ съ разгорѣвшимися отъ заманчивыхъ вещицъ глазами и... даже руками. Между тѣмъ неотвязчивыя зѣваки, усердно разгоняемыя ими, то отхлынутъ, то снова набѣжатъ волной съ базара, и пренаивно удаляются: зачѣмъ ихъ разгоняютъ? Вѣдь они пришли досыта налюбоваться диковинками, а затѣмъ, можетъ быть и купятъ что нибудь...

— Вотъ такъ битыхъ три часа сидитъ, вертитъ, и ни на грошъ не купилъ, злобно указываетъ мнѣ Г—въ на какого-то приближеннаго губернатора, съ связкою полированныхъ ремней въ рукахъ.

— Оставьте, — вы ужь слишкомъ, замѣчаю я, видя какъ Шафѣевъ толкаетъ одного въ шею, а Бабаевъ, изъ угожденія намъ, принялся работать палкою.

— Нельзя, — сейчасъ украдутъ, что плохо лежитъ, лебезитъ послѣдній, шныряя своими мышиными глазами по разбросаннымъ вещамъ, съ подозрительными жестами, оправдывающими мое мнѣніе объ немъ, что самъ обворуетъ прежде всѣхъ.

— Свистки расхитили... пропали, жалуется Г—въ, скромно протиснувшемуся черезъ толпу Нарсесу.

— Это ничего не стоитъ... При этомъ что нибудь и купятъ, утѣшаетъ его тотъ. Если персы возьмутъ у меня мелочи, то ничего не платятъ: они—друзья, и я не спрашиваю у нихъ денегъ...

Наконецъ-то одинъ парень купилъ гармонику и тѣмъ увлекъ за собою часть толпы, но новый прибой, и опять давка, духота!.. Впереди мечется старшій сынъ губернатора и рветъ, жадно рветъ гуттаперчевыя игрушки, немилосердно торгуясь. Грошевъ вырвалъ у него изъ рукъ пѣтушка и отеръ рукавомъ потъ съ лица:

— Измучилъ, бестія!

— Это губернаторскій сынъ, замѣчаетъ Нарсесъ.

— А чтобъ онъ лопнулъ!..

Затѣмъ, совершенно растерявшійся повѣренный русскаго каравана сообщилъ, что отъ губернатора приходили люди и выбрали для его женской половины (состоящей, помимо слугъ — наложницъ, изъ одной жены «агды» и другой—«сига») механическія игрушки: шарманщика и сапожника и много гуттаперчевыхъ, которыя раскупаются тутъ на расхватъ, хотя онъ, Грошевъ, и деретъ за нихъ въ три-дорога противъ стоимости. Денегъ за игрушки губернаторъ не уплатилъ, а извѣстилъ только: оставляю ихъ, молъ, за собой.

— Что еще хорошо расходится у васъ, поинтересовался Нарсесъ.

— *Замки*, *подносы*, *писчая бумага* и *персидскія подсвѣчники*... Но досадно, *всѣ колпаки* къ нимъ побились дорогою отъ дурной укупорки, — приходится продавать ихъ почти безъ барыша.

— А мануфактура?

— Пока—плохо. Говорятъ: *дорого*, *да притомъ-же ситцы, по большей части узки*: *нужна ширина въ 5 и 6 четвертей*... Впрочемъ, охотники есть на нѣкоторыя сукна и *ситцы*, въ особенности, *пунцовыя*, но съ условіемъ: часть—на наличные, часть на сроки...

— Не раздавайте товаровъ ни на домъ для осмотра, ни въ кредитъ, такъ какъ не только вы, но даже здѣшніе армяне ничѣмъ не гарантированы въ обезпеченіи, посовѣтывалъ ему я, выходя съ Нарсесомъ, къ которому не замедлили собраться гости, на этотъ разъ— больше чалмоносцы, глубокомысленно перебиравшіе четки

въ рукахъ. Двое тавризскихъ купцовъ выдавались щеголеватымъ костюмомъ и утонченными манерами,—видно, торговыя сношенія съ европейцами повліяли на нихъ. Предлагаю чаю—отказываются: поганыя, молъ, руки въ опоганенную посуду наливали, говорили лица у однихъ,—выпили-бъ, да на глазахъ у всѣхъ—неловко, даже опасно, просвѣчивалось у другихъ (и дѣйствительно, случалось, что нѣкоторые, озираясь, тайкомъ и попивали у у насъ чаекъ); предлагаю по грошевой сигарѣ — взяли, и не зная съ какого конца закурить, растерянно вѣртятъ въ рукахъ, и только тавризцы не ударили лицомъ въ грязь: «придетъ ко мнѣ въ гости и выкуритъ самъ», сказалъ одинъ Нарсесу, указывая на меня, и бережно спряталъ сигару въ карманъ, между тѣмъ какъ другой уже самодовольно дымилъ.

На слѣдующій день (14 августа) Нарсесъ отправился извѣстить губернатора, что я жду его къ себѣ. Тѣмъ временемъ Ефремъ, прибирая у меня, поднялъ такую пыль, что хоть вонъ бѣги! Молодой авганецъ въ одной сорочкѣ тоже подмелъ передъ нумеромъ у себя, а арендаторъ караванъ-сарая тщательно полилъ дворикъ и техтъ грязнѣйшею водой изъ водоема. Я раскупорилъ единственную бутылочку коньяку, досталъ шеколадъ, монпасье и мятныя лепешки, хватился было гаванскихъ сигаръ — увы! вѣрно стянули съ ниши въ одну изъ отлучекъ моихъ, досадно: всего-то съ десятокъ и было. Ну, да обойдусь грошевыми... Безотвязный Бабаевъ — онъ вездѣ поспѣетъ!—суетливо откомандировалъ одного перса къ себѣ за ковромъ, который и разостлалъ передъ моею комнатой для губернаторской свиты; затѣмъ принесли отъ какого-то богача стулъ съ высокою спинкой и слѣдами позолоты... Но явившійся Нарсесъ съ цѣлымъ ворохомъ мѣстныхъ, очень вкусныхъ лакомствъ для предстоящихъ угощеній, объявилъ, что губернаторъ пожалуетъ ко мнѣ только завтра утромъ.

— Что-то дурно, продолжалъ онъ, опустившись на полъ.

— Понюхайте, подалъ ему я стклянку съ нашатырнымъ спиртомъ.

— Пробки не вынуть.

— Дай мнѣ, подвернулся Бабаевъ, и открывъ ее, только-что поднесъ къ своему носу, какъ отшатнулся назадъ и пробурчалъ что-то съ кислою гримасой.

— Говоритъ: «отъ понюшки у меня сердце трясется», разсмѣялся Нарсесъ.

Въ это время къ порогу (комнаты) подошли трое губернаторскихъ нукеровъ, одинъ съ огромнымъ курдючнымъ бараномъ на плечахъ, прочіе — съ пятью откормленными курами подъ мышками.

— Пишкешъ отъ губернатора, обратились ко мнѣ армяне...

— Не нужно, не нужно, грубо отмахивался подошедшій Грошевъ, на мое предложеніе отдарить ихъ, какъ того требовалъ туземный обычай. Я не хочу и не буду ѣсть ихъ.

И мнѣ пришлось разориться на три рубля. Черезъ часъ уже распластанный баранъ висѣлъ, облѣпленный мухами, въ грязной кухнѣ, и тотъ-же Грошевъ попросилъ отдѣлить отъ него ребрышко для себя и К°.

Лобъ, грудь, руки, ноги у меня, буквально, или искусаны мухами, или нестерпимо зудятъ отъ взвара, начавшагося еще съ пріѣзда сюда отъ постоянной испарины, и не успѣлъ я, проснувшись на слѣдующее утро (15 августа), смазать ихъ гольдкремомъ, нѣсколько успокоивающимъ зудъ, какъ въ воротахъ показался видѣнный мною у губернатора краснощекій толстякъ, окруженный тремя другими почетными чалмоносцами, и всѣ они прошли въ лавки къ Грошеву.

— Сейчасъ губернаторъ будетъ, засуетился Нарсесъ, уставляя столъ пятью тарелками съ петербургскими и

мѣстными лакомствами. Наскоро одѣвшись, я выставилъ заманчиво револьверы, бердановскій штуцеръ и коньякъ.

— При людяхъ не станетъ пить, улыбнулся Нарсесъ, обмѣниваясь привѣтствіями съ усѣвшимися было на нару двумя тавризскими купцами, и немедленно-жъ солидно стушевавшимися... ибо съ противуположныхъ воротъ выплыла туша съ перевальцемъ — губернаторъ, предшествуемый четырьмя нукерами. За нимъ плелись, тоже нога за ногу и съ опущенными долу глазами, какъ у насъ на похоронахъ, еще съ десятокъ нукеровъ разныхъ степеней (одинъ съ коньякомъ, другой съ кувшиномъ воды для омовеній) и нѣсколько именитыхъ купцовъ, между которыми выдавался, по своей широчайшей джуббѣ, тучный авганецъ.

Усадивъ губернатора въ золоченый стулъ, мы сѣли на кровать; именитые опустились на полъ, прочіе—въ томъ числѣ и старшій сынъ губернатора, полиціймейстеръ и феррашъ-баши—почтительно стали на техтѣ, передъ комнатой. Послѣ обычныхъ привѣтствій пошли угощенія «ширини» (сладостями, лакомствами), которыя они брали, какъ застѣнчивыя барышни, очень деликатно, по одной штучкѣ, но я запросто отсыпалъ каждому на ладони. Его превосходительству особенно понравился шеколадъ.

— *Любовный*? поинтересовался онъ.

— Нѣтъ,—дѣтскій, питательный.

— Это — женамъ, и онъ завернулъ его, вмѣстѣ съ пригоршней мятныхъ лепешекъ и монпасье, въ поданную Нарсесомъ бумагу; прочіе тоже спрятали свои гостинцы въ бумагу.

— Не желаете-ли, ваше превосходительство, гаваны?

— Сигары лучше коньяку, скромно замѣтилъ онъ, закуривая грошевку, и такъ сладострастно взглянулъ на заманчивую бутылку.

— Сигары лучше коньяку, согласились съ нимъ въ одинъ голосъ именитые, закуривая ихъ больше не съ того конца; причемъ одинъ снялъ съ своего пальца дряненькій перстень, съ прекраснѣйшимъ большимъ брил-

ліантомъ, и передалъ ему «посмотрѣть». Тотъ повертѣлъ, повертѣлъ его въ рукахъ, какъ-то загадочно взглянулъ на полиціймейстера съ дѣвственно опущенными глазами и, возвративъ дорогую бездѣлку, занялся моимъ оружіемъ.

— Просятъ выстрѣлить, улыбнулся мнѣ Нарсесъ.

Я выпустилъ, одинъ за другимъ, двѣнадцать зарядовъ, что привело всѣхъ въ удивленіе, восторгъ; у губернатора даже заискрились глаза.

— Въ сапогѣ носите? справился онъ у меня, выстрѣливъ изъ маленькаго револьвера и вертя его, любуясь такъ и сякъ.

— Нѣтъ, въ карманѣ...

Разспрашивая о вооруженіи русскихъ войскъ, онъ отрядилъ на домъ къ себѣ за шестиствольнымъ пистолетомъ. Принесли.

— Промаху не дастъ, хвасталъ онъ передо мною, направивъ его въ густую толпу свиты и собравшихся ротозѣевъ изъ почетныхъ гражданъ; взведенный курокъ какъ-то соскочилъ самъ, раздался выстрѣлъ. Пуля пролетѣла мимо ушей «именитаго» съ брилліантомъ—не шелохнулся, и только слегка поблѣднѣлъ, какъ и губернаторъ, видимо усиливавшійся придать своему невольному смущенію выраженіе равнодушія, не то презрѣнія: «ну, что-жъ, молъ, если-бъ и убилъ какого-нибудь червяка!» Оправившись окончательно, онъ умылъ руки изъ своего кувшина и, принявъ отъ сына кальянъ, поминутно предлагалъ его мнѣ, хоть я всякій разъ и отказывался отъ него. Затѣмъ заговорилъ о торговлѣ, совѣтуя намъ устроить свои дѣла здѣсь, что противорѣчило его словамъ въ первое наше свиданіе.

— Здѣсь всѣ наровятъ въ кредитъ, возразилъ Грошевъ.

— *Сябзаваръ упалъ послѣ голода* (70—71 гг.); *купцы не справились еще, оттого и просятъ въ кредитъ*, поднялся губернаторъ, отказавшись отъ чаю и кофе, и захвативъ свертокъ съ лакомствами «для женъ» отправился съ нами, въ сопровожденіи всей толпы въ русскія лавки,

гдѣ, расположившись на полу, разсматривалъ ситцы, сукна, перебиралъ галантерейныя и гуттаперчевыя вещицы, всему дивясь съ дѣтскимъ простодушіемъ, по временамъ затягиваясь кальяномъ, подаваемымъ ему сыномъ, между тѣмъ какъ Грошевъ совсѣмъ растерялся, опасаясь— какъ онъ потомъ объяснился, чтобы его люди, у которыхъ жадно разбѣжались глаза по товарамъ, не стащили, что плохо лежитъ.

Просидѣвъ тутъ часа съ два и отобравъ нѣсколько штукъ ситцевъ, суконъ, ножей, подносовъ и галантерейныхъ вещей, его превосходительство обѣщалъ прислать за всѣмъ этимъ человѣка, и пріятельски простившись съ нами, торжественно двинулся съ своею арміею домой.

Спустя часъ послѣ того, отъ его феррашѣ-баши явился посланый съ просьбою прислать ему пять мятныхъ лепешекъ.

— Тоже для жены, улыбнулся подошедшій Нарсесъ, вручая мнѣ письмо отъ А. И. Глуховскаго, гласившее, что такъ какъ по политическимъ замѣшательствамъ въ Авганистанѣ караванъ его далѣе Мешхеда не пойдетъ, то, вѣроятно, и я не захочу безплодно рисковать жизнью, а вернусь въ Россію одновременно съ Грошевымъ. Сколько лицемѣрнаго участія!? Сказалъ-бы прямо: «я ужъ принадулъ васъ относительно кредита въ Персіи, а поѣдете въ Авганистанъ — окончательно откажуся отъ своихъ обязательствъ передъ Географическимъ Обществомъ, благо ужъ прокричали объ моемъ грандіозномъ предпріятіи.» — Досадно! Тѣмъ болѣе досадно, что отъ Мешхеда до Херата—рукой подать.

Развертываю карту передъ Грошевымъ,—не понимаетъ, однако-жъ уразумѣлъ, что къ сѣверу отъ избраннаго нами пути къ Мешхеду пролегаетъ еще другая дорога на Шервань, полная опасностей (начиная съ Келата) отъ туркменъ, а потому—малоизслѣдованная.

—Обратно поѣду ею, сказалъ ему я. — Скучно-жъ возвращаться ужъ знакомою дорогой, да притомъ-же мы

путешествуемъ съ цѣлью ознакомиться съ краемъ. Какъ вы полагаете?

—Я тоже поѣду съ вами, рѣшительно отвѣтилъ онъ.

—Браво!.. И я мысленно простилъ ему всѣ прегрѣшенія противъ меня.... Но черезъ минуту-жъ объяснилась его уступчивость, вообще—заискиванія: сифились у него принялъ серьезные размѣры, въ чемъ онъ только—что открылся мнѣ. Лечу его, какъ и Шафѣева, который уже съ часъ пластомъ лежитъ въ жару.

III. Переходъ въ особый № и возня съ больными.

—Для Персовъ «время ничего не стоитъ,» улыбнулся за обѣдомъ Нарсесъ на толпу бездѣльниковъ, глазѣвшихъ на насъ, разиня рты, между тѣмъ какъ Ефремъ разгонялъ ихъ.... приготовленною мною горчицей для возбужденія апетита къ пріѣвшейся однообразной пищѣ.

—Понюхай, хорошенько нюхай, совалъ онъ банку съ горчицей подъ носъ то одному, то другому; тѣ, не зная свойствъ ея, глубоко вдыхали и, гримасничая, убѣгали.

Когда толпа поразсѣялась, къ намъ плавно подошелъ изысканно одѣтый чалмоносецъ съ выразительнымъ симпатичнымъ лицомъ и необыкновенно—спокойною важностью во всей фигурѣ.

—Первый докторъ здѣсь, первый другъ губернатора и наставникъ дѣтей его, обратился ко мнѣ Нарсесъ, обмѣнявшись привѣтствіями съ нимъ.—Онъ пришелъ съ визитомъ къ вамъ, какъ къ собрату по профессіи.

— Слѣдовательно, онъ принимаетъ меня за доктора?

— Да.

— А прочіе обыватели?

— За ученаго купца, ведущаго обширную коммерцію. Поэтому-то, говорятъ они объ васъ, онъ вездѣ и ходитъ съ книжкою, записывая какіе товары нужно выслать сюда...

Коллега, видя, что я все еще работаю челюстями, не замѣчая присутствія его, ушелъ, обѣщаясь побывать у меня въ другой разъ. За нимъ является какой-то, тоже величественный, но вовсе незнакомый Нарсесу субъектъ, безцеремонно усаживается и пожираетъ меня глазами. Спрашиваю его о здоровьѣ, посылая въ душѣ къ чорту— такъ надоѣли! — Не понимаетъ ни ироніи, ни выразительныхъ жестовъ задушевныхъ пожеланій!.. Наконецъ-то ушелъ, какъ входятъ двое молодыхъ сейидовъ съ вычерненными бровями и, усѣвшись, принялись послѣ привѣтствій усердно ковырять въ носу.

— Купите, обратился ко мнѣ подошедшій букинистъ, съ связкою книгъ исключительно духовнаго содержанія, между которыми было нѣсколько старинныхъ, и только — что хотѣлъ подать мнѣ послѣднія, какъ одинъ изъ сихъ привилегированныхъ дурней что — то строго замѣтилъ ему; тотъ отретировался, на отрѣзъ отказавшись даже показать ихъ, на что я громко выразилъ неудовольствіе гостямъ, и тѣ, продолжая работу въ носу, какъ ни въ чемъ не бывало удалились. Затѣмъ побывали еще и еще гости — все пріятели Нарсеса; а тутъ толпа... да еще безотвязные нищіе, въ особенности — вотъ этотъ нѣмой старикъ въ рубищѣ, почитаемый за «юродиваго».

— Мм!. Мм!... настойчиво проситъ онъ подаянія. Ефремъ тихо отстряняетъ его за руку—отбивается и начинаетъ показывать, «какъ купцы продаютъ ситецъ.»

— Мм!.. Мм... отгоняетъ онъ нищихъ дѣтей: двухъ мальчиковъ и дѣвочку въ коротенькихъ рубашенкахъ и спущенныхъ короткихъ-же шальварахъ, и затѣмъ — пустился передъ нами въ плясъ...

— А-али!.. А-али!.. А-али! не обращаясь ни къ кому выкрикивалъ, обходя дворъ, босой дервишъ съ непокрытою коротко — стриженною сѣдою головою, палкою въ рукахъ, въ рубахѣ и бѣлыхъ шальварахъ. Нарсесъ подалъ ему черезъ ближайшаго зѣваку нѣсколько пулъ, — даже головой не кивнулъ въ знакъ благодарности.

А вотъ и невидаль—музыкантъ съ танцоромъ. Первый—рослый дѣтина съ пузатымъ двухструннымъ инструментомъ, другой — смазливенькій мальчишка, распутнаго вида съ вычерненными дугой бровями, съ бубнами въ рукахъ, въ тегеранкѣ и весь въ шолку. Сдѣлавъ мнѣ жеманно подъ казырекъ, онъ ударилъ въ бубны, и подъ звуки, извлекаемые его товарищемъ смычкомъ, сталъ похаживать павою (какъ дѣвицы въ хороводахъ у насъ), прищелкивая, по временамъ, пальцами, что дѣлалъ и тотъ. Послѣ этого, утомительнаго для зрѣнія и слуха, увеселенія, танцоръ кокетливо поднесъ мнѣ красную ягодку какого-то лекарственнаго растенія. Нарсесъ застенчиво улыбнулся.

— Какой смыслъ въ этомъ дарѣ? спрашиваю его, подавая тому банапатъ (15 к.), отказавшись отъ неудобосъѣдаемой ягоды.

— Намекъ... эти мальчишки—танцоры торгуютъ собою—*прибыльное ремесло*...

Между тѣмъ зѣваки просто рѣзали глаза. Опустилъ бы дверь, да жилье не мое. При вѣчномъ дѣловомъ шумѣ и безотвязныхъ «тамаша,» на которые, случалось, приходили даже барыни въ клѣтчатыхъ (изъ бѣлыхъ и синихъ полосъ) покрывалахъ съ «рубенде,» (*) положительно невозможно заниматься мнѣ тутъ, да и любезнаго хозяина стѣсняю собою.... И я перебрался сегодня (16 авг.) въ особый №, до сего времени пустовавшій, запертый, а потому отъ задней комнатки, куда было поставили кровать, отдавало затхлостью, впрочемъ — не долго, ибо миніатюрная передняя, устланная, благодаря Нарсесу, ковромъ и заставленная столомъ (такъ какъ обѣдать теперь будемъ здѣсь) находилась постоянно на солнцѣ.

Съ этихъ поръ Нарсесъ сталъ пропадать по своимъ дѣламъ, и я оставался, буквально, по цѣлымъ часамъ безъ переводчика, — скверное положеніе. Вотъ сейчасъ

(*) Бѣлая сѣтка передъ глазами и носомъ.

приходилъ какой-то важный субъектъ для «ученой бесѣды:» помолчали — помолчали, потомъ начали — было мимикой, и какъ онъ вразумительно ни мычалъ—я ничего не понялъ, и плюнулъ съ досады; ученый мужъ принялъ это на свой счетъ, и чуть — не бѣгомъ, какъ же тутъ не досадовать!?.

— Верните его, и приходите на минутку сами, кричу полубольному Шафѣеву, безотлучно находившемуся при Грошевѣ.

— Чего-съ?.. нѣкогда.

— На минутку!..

Еле приплелся, и точно спитъ, въ носу ковыряя.

— Шафѣевъ, васъ Грошевъ заветъ: сердится, улыбнулся мимо проходя Нарсесъ.

— Нарсесъ! окликнулъ его я,—когда же вы доставите мнѣ обѣщанныя свѣдѣнія о торговлѣ?

— Сейчасъ, сейчасъ...

И это сейчасъ тянется со дня моего пріѣзда — чисто персидская аккуратность! Вообще я замѣтилъ, что черезъ чуръ любезные вначалѣ армяне стали, дней черезъ пять—шесть, посматривать на меня не дружелюбно, какъ на конкурента своего. Они и другъ на друга-то смотрятъ враждебно, что не мѣшаетъ обоюднымъ любезностямъ,—лицемѣры!

— Павля Ваначъ, самоваръ ѣдетъ, извѣстилъ меня вскорѣ за тѣмъ Нарсесъ.

— По русски говорятъ: самоваръ подаютъ.

— Самоваръ подаютъ, подаютъ...

— Павля Ваначь, самоваръ пріѣхалъ, подошелъ съ обычно добродушной улыбкой Ефремъ, научившійся наконецъ у своего патрона докладывать о самоварѣ по русски.

Послѣ чего пошли прогуляться по направленію къ мѣдно-плавильному заводу. При поворотѣ съ базара влѣво на площадку съ обширною мелкою ямой, принятою мною, по изобилію окровавленныхъ мѣстъ, за бойню, къ намъ подошелъ цырульникъ. За кушакомъ у него на

кускѣ кожи блестѣли острые ножички грубой мѣстной работы.

— Ланцеты? спросилъ его я.

— Да.

— У насъ есть хорошіе—купи.

— Ходилъ въ вашу лавку, смотрѣлъ—дѣйствительно хорошіе, но гдѣ мнѣ взять три крана (90 к.), чтобы заплатить за вашъ ланцетъ, а мой стоитъ всего нѣсколько пулъ..

— И не дурно работаетъ, добавилъ Нарсесъ.—Смотрите-ка, указалъ онъ на пропитанную кровью яму: тутъ и на другихъ площадяхъ *обыватели сотнями собираются пускать себѣ кровь по два, по три раза въ годъ.*

И это дѣлаютъ здѣсь всѣ безъ исключенія...

Когда вернулись мы къ себѣ, является полиціймейстеръ, по обыкновенію, сосредоточенный, и проситъ у меня лекарствъ отъ *сильной течи изъ ушей*, начавшейся у него послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Мазандеранѣ.

— Губернаторскій кальянщикъ заболѣлъ лихорадкой, обращается ко мнѣ Нарсесъ по уходѣ успокоеннаго совѣтомъ блюстителя порядка.—Помогите,—вѣдь полезный человѣкъ.

Отпустилъ хины и пр.

Черезъ часъ пришелъ коллега «по профессіи» за совѣтомъ: какъ лѣчить отъ лихорадки?—Объяснилъ. Затѣмъ, трогательно описавъ добродѣтели и высокія качества своего питомца—губернаторскаго сына, онъ просилъ помочь ему отъ золотухи.

— Пусть придетъ; осмотрю его, и что могу — сдѣлаю, отвѣчалъ я... Въ непродолжительномъ времени по уходѣ коллеги, Нарсесъ засуетился, отгоняя отъ меня больныхъ.

— Что случилось?

— Идетъ губернаторскій сынъ, указалъ тотъ на чахлую фигурку въ черномъ сардари и брюкахъ, направляющуюся къ № моему черепашьимъ шагомъ съ перевальцемъ, въ сопровожденіи трехъ слугъ впереди,

трехъ сзади и нѣсколькихъ почетныхъ купцовъ въ хвостѣ. Изнуренный, несмѣлый до пугливости, сей субъектъ возбуждалъ къ себѣ жалость, и мы, усадивъ его на постель, всячески выражали ему вниманіе, угощали шеколадомъ, и пр. лакомствами... И все это валилось изъ рукъ у него, такъ застѣнчивъ, такъ неловокъ, такъ растерялся онъ.

Прохожіе кланяются ему въ поясъ—и не кивнетъ въ отвѣтъ, да врядъ-ли онъ и видитъ ихъ, сидя съ опущенными глазами.

Вонючая течь изъ уха и заушной фистулы свидѣтельствовала о сильной золотухѣ у него, требующей раціональнаго леченія, и мнѣ оставалось только посовѣтывать ему ѣхать въ Тегеранъ.

По уходѣ его, ко мнѣ опять нахлынули больные: одного лечишь—сотня набѣжитъ! Этотъ тычетъ мнѣ подъ носъ руки въ язвахъ, тотъ показываетъ между пахъ съ выразительными жестами истощенія (безсилія), третій станетъ въ упоръ и зѣваетъ! Сколько съ восполенными глазами, съ паршами на головѣ, язвами на ногахъ и чесоточныхъ! Чѣмъ тутъ поможешь этому нечистоплотному люду, совершающему омовеніе въ зараженныхъ водоемахъ, подобныхъ здѣшнему?! Я замѣтилъ имъ это, и для убѣдительности—самъ зачерпнулъ изъ него стаканъ вонючей воды, въ которой копошились *далеко не микроскопическіе* черви и т. под. дрянь. И что-жъ въ результатѣ?—«Урусъ опоганилъ воду, опоганилъ», пронесся шепотъ по караванъ-сараю, и непрошло часу, какъ арендаторъ съ какимъ то другимъ субъектомъ уже усердно вычерпывали ее изъ водоема *простыми лопатами*?! Не скоро-жъ дождутся правовѣрные олухи свѣжей воды! Не мало больныхъ зубами, животами, лихорадочныхъ, вообще—простуженныхъ; много худосочныхъ или малокровныхъ, вслѣдствіе непитательной растительности, пожалуй и страсти бросать себѣ кровь; встрѣчаются и съ *каменной болѣзнію*, и съ *шанклотомъ* ужасающихъ размѣровъ (какъ напр. у губернаторскаго казначея). Развился тутъ и сифилисъ, въ особенности

послѣ голода 70—71 гг., когда по увѣренію очевидца голодныя женщины и дѣти продавались достаточнымъ людямъ за двѣ пулы (около 2 к.).

— Посмотрите, просительно шепчетъ Нарессъ.

Взглянулъ на него -ковыряетъ въ носу:

— Отъ этой привычки?

— Нѣтъ-съ,—вотъ ему, улыбаясь указалъ онъ на плотнаго дѣтину съ бѣльмомъ, поддерживаемаго отцомъ своимъ—арендаторомъ этого караванъ-сарая.

— Скажите: почему всѣ армяне здѣсь корыряютъ въ носу?

— Не знаю,—*на родинѣ этого не было, а тутъ такъ и тянетъ.*

— Не отъ сухаго-ли климата, такъ благодѣтельно дѣйствующаго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ? разсмѣялся я, и посовѣтывалъ сыну арендатора, согласно лечебнику, слегка смазать бѣльмо свѣжей бараньей желчью.

— Легче-ли его сыну? справился я у Нaресса на слѣдующій день, когда арендаторъ опять предсталъ передо мною съ просительною миной.

— Онъ не лечилъего.

— Отчего?

— Незналъ, мужской или женской желчью нужно мазать глаза.

— Отъ барана-ль или отъ овцы—это все равно.

— Хорошо-съ..

Прошло нѣсколько часовъ. Смотрю—на дворѣ неподвижно торчитъ мой паціентъ съ подвязанными глазами. Подозвалъ его, развязалъ платокъ—о, ужасъ!

— Что отецъ сдѣлалъ съ его глазами, что онѣ распухли такъ? спрашиваю Нарсеса.

— Говоритъ: «мазалъ мужской желчъ», и теперь стало хуже: не видитъ ничего.

— Свѣжая-ли она была?

— Говоритъ: «мужской овѣцъ рѣзалъ» два дни тому назадъ..

— Ну?

— Онъ взялъ отъ нея желчъ, высушилъ въ комнатѣ, потомъ разбавилъ ее водою и помазалъ бѣльмо.

— Ахъ, варваръ, варваръ!—Попортилъ сыну глаза, напихавъ въ нихъ ѣдкой грязи. Нужно было мазать свѣжею, самою свѣжею.

Не желая принять на себя чужаго грѣха, я старательно занялся субъектомъ. Чистыя примочки изъ слабаго цинковаго раствора и глазныя капли вовремя остановили воспаленіе, и глаза прочистились на столько, что онъ сталъ видѣть лучше, чѣмъ до леченія «мужскою желчью».

Оспа тоже не щадитъ Сябзаварцевъ; случается и холера, заносимая сюда богомольцами, въ особенности изъ Мазандерана, которые обыкновенно спятъ въ дорогѣ на голой землѣ, питаются одними дынями.

Но между всею этою массой безпомощныхъ людей— безпомощныхъ во всѣхъ отношеніяхъ потому только, что формальная религія въѣлась въ ихъ жизнь глубоко, до несчастья. Одинъ молодой сейидъ, съ свѣжимъ красивымъ выразительнымъ точно подернутымъ дымкой глубокой печали, лицомъ, особенно поразилъ меня. Мочевой пузырь у него, соединившись, какъ казалось, съ яйцомъ, образовалъ съ мошонкою огромный водяной пузырь, и оттуда несся гулъ, точно отъ переливанія мочи!?

— Одинъ совѣтъ: поѣзжайте въ Тегеранъ, Константинополь, въ Россію или куда нибудь, гдѣ только есть хорошіе доктора. Я же—безсиленъ тутъ.

Когда ему передали это—крайній испугъ отразился на его свѣжемъ, симпатичномъ лицѣ, и онъ, подавленный горемъ, прошепталъ: «Я много плакалъ, и оттого у меня сдѣлалась эта болѣзнь.»

IV. «Столпъ Шаріата».—Встрѣча съ коллежскимъ совѣтникомъ и индійскій Наввабъ.

Слава обо мнѣ, какъ о знаменитомъ докторѣ и ученомъ купцѣ разраслась до того, что первое лицо въ провинціи, могущественный муштегидъ Сябзавара,

«Шаріатъ Медоръ» (Столпъ шаріата) Аджи Мирза Ибрагимъ прислалъ почетнѣйшаго обывателя просить меня пожаловать къ нему полечить.

— Въ прошломъ году—говорилъ посланецъ съ неподдѣльною грустью—проѣзжіе англичане лечили его, но не помогли.

Нарсесъ изобразилъ уныніе, даже выжилъ слезинку. Вѣдь «Столпъ Шаріата»—по увѣренію его—*святой человѣкъ*, котораго *дрожитъ губернаторъ, а народъ такъ любитъ, что повели* (прикажи) *онъ первому встрѣчному обывателю убить его, губернатора, или собственную жену, дѣтей, или кого-бы то ни было,—и тотъ незадумавшись почтетъ за священный долгъ быть орудіемъ его воли.*

— Правитель Харассана—продолжалъ Нарсесъ — посѣщая Сябзаваръ, считаетъ за великую честь побывать у него; даже Шахъ проѣздомъ «дѣлаетъ визитъ» ему, а тотъ, когда бываетъ у Шаха въ Тегеранѣ, садится въ его присутствіи безъ приглашенія.

Если прибавить къ этому, что «святой мужъ»—владѣтель многихъ земель, садовъ и воды, доставляющихъ ему, вмѣстѣ съ посильными приношеніями благочестивыхъ людей, до 200.000 тамановъ (600 т. руб.) годоваго дохода, то получится двойная сила, и при томъ не только явная, но и тайная, ибо онъ—«баби», какъ называются послѣдователи преслѣдуемаго въ Персіи смертною казнью «новаго ученія».

Не смотря на все это, мнѣ не хотѣлось являться на зовъ боготворимой ослами силы, но собравшіеся армяне, между которыми наиболѣе лебезилъ конечно Бабаевъ, узнавъ объ этомъ, перепугались, и едва не разрыдались.

— Павля Ваначъ, ради нашихъ интересовъ неотказывайте ему, умолялъ Нарсесъ.—Мы, христіане, не имѣемъ здѣсь своихъ судей. Единственный судья надъ правовѣрными и нами—Муштаидъ (муштегидъ); намъ нерѣдко приходится судится съ ними, и если вы не пойдете къ нему—*мы можемъ пропасть.*

Резонно, и я отправился къ «столпу» съ нимъ и посланцомъ, запретивъ Бабаеву слѣдовать за нами, ибо эта каналья служитъ разомъ и Богу и мамонѣ. Уворотъ жилья его, кажется наилучшаго въ городѣ, насъ встрѣтили трое моллъ и провели, черезъ внутренній дворъ съ водоемомъ и тремя—четырьмя пахучими жасминами посерединѣ, сперва къ открытой—спереди, обширной залѣ или пріемной, гдѣ полукругомъ сидѣло съ тридцать пріѣзжихъ съ деревень и сосѣднихъ городовъ пожилыхъ, больше—сѣдобородыхъ моллъ, а затѣмъ, спустя минуту насъ пригласили войдти боковымъ ходомъ въ крошечную темную келью, сообщавшеюся съ залою дверью, у которой въ углу сидѣлъ, лицомъ къ почтенному собранію, самъ «Медоръ Шаріата» — туша въ зеленой чалмѣ съ выпущенными концами на одну сторону и обыкновенномъ обывательскомъ костюмѣ. Уногъ его лежалъ длинный посохъ.

— Учатся, шепнулъ съ легкою дрожью робости Нарсесъ, растерянно взглянувъ на моллъ съ смиренно-опущенными глазами или сладострастно—впивавшимися въ него, слушая толкованіе корана.

Одинъ изъ нихъ, не подымая очей, всталъ, подошелъ къ «наставнику» и, поцѣловавъ у него пухлую руку, медленно направился къ запруженному туфлями главному выходу, между тѣмъ какъ тотъ, повернувъ къ намъ свое расплывшееся красное лицо (на толстой короткой шеѣ) съ жидкою, ниспадавшею космами на грудь черною бородою, воловьими глазами и сочными губами, указалъ мнѣ, тяжело переводя духъ, сѣсть рядомъ съ собою на принесенную слугой подушку, такъ какъ ковра въ кельѣ не было.

— Передайте этому откормленному борову, что онъде на русскаго мясника похожъ, улыбнулся я пріободрившемуся послѣ обычныхъ привѣтствій Нарсесу.

— Что вы говорите?

— Передайте, что онъ на русскаго митрополита не похожъ.

— Господинъ высокостепенный купецъ говоритъ, что вы похожи на русскую...

— Знатную особу.

— Знатную особу, замялся онъ, на что одни старались пріятно улыбнуться, другіе—оставались мрачными, а самъ наставникъ, засмѣявшись, сразу преобразился изъ «боговдохновеннаго» въ добраго малаго, какими обыкновенно бываютъ люди его комплекціи, и обнаживъ чесоточную руку и опухшую ногу, протянулъ ихъ ко мнѣ на показъ. Я, конечно, прежде всего пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ языкъ, потомъ — глубокомысленно покачалъ головою, и т. д. продѣлалъ все, что надлежитъ знаменитому доктору, что нѣсколько смутило его. Онъ окончательно увѣровалъ въ меня и сталъ выкладывать весь запасъ своихъ страданій отъ *чахотки, опухоли ногъ, общаго ожирѣнія* и въ особенности отъ *немочи*...

— Я—продолжалъ онъ жалобно — хорошо заплачу тебѣ, если поможешь мнѣ имѣть ребенка.

— Я лечу безплатно.

— Ему непремѣнно хочется наслѣдниковъ, умолялъ уже отъ себя Нарсесъ.

— Передайте, что можно будетъ помочь его великому горю, если только онъ покажетъ мнѣ свою «сигу» на единѣ.

— Нѣтъ, не соглашается.

— Въ такомъ случаѣ... Обдумаю его болѣзни и пришлю лекарства.

Тутъ я далъ нѣсколько совѣтовъ.

— Поняли?

— Поняли. — Говоритъ: все исполню въ точности... И отъ ожирѣнія, говоритъ, буду вести умѣренную жизнь.

— Чтобы отнюдь не обжирался—нужна питательная пища, и сиднемъ не сидѣлъ бы (какъ то дѣлаетъ онъ по цѣлымъ днямъ); необходимо движеніе. Помните-же: аккуратно принимать лекарства, въ особенности отъ главнаго недуга, повторилъ я, рѣшивъ послать ему отъ без-

плодія тройную порцію слабительнаго на одинъ пріемъ; вотъ ругнетъ-то меня!

Затѣмъ похлопавъ святаго мужа по выпученному брюшку, простился по военному, на что всѣ, не вставая, кивнули головами.

Честь имѣю рекомендоваться: учитель бакинской гимназія, колежскій ассесоръ Ахундовъ, подошелъ ко мнѣ на дворѣ, съ знаками почтительной радости, какой-то пожилой субъектъ въ обносившемся костюмѣ и съ такою-же физіономіею, плачевною, подбитою и небритою. Однако-жъ по физіономіи мнѣ не трудно было признать въ немъ того самаго «коллежскаго регистратора Ахундова», который проѣздомъ въ Мешхедъ былъ съ визитомъ у Баумгартена въ Шахрудѣ,—вотъ только въ чинѣ путаница.

— Въ какомъ рангѣ-то состоите?

— Чего-съ?—Не понимаю.

— Какой у васъ чинъ?

— Коллежскій секретарь.

— Изъ коллежскихъ не выходите... Но откуда вы теперь, и что съ вами?

— Возвращаюсь съ Мешхеда домой, въ Баку... Утомился дорогой, упалъ съ лошади и расшибся... Не дай Богъ путешествовать по Персіи! — Изнемогъ, потерялъ аппетитъ... Хорошо еще, что, благодаря правителю Харассана, теперь отъ туркменъ спокойно... Сказали мнѣ «русскій докторъ» здѣсь—обрадовался. Дайте пожалуста лекарствъ.

Пообѣщалъ. Отсюда направились мы пыльнымъ базаромъ, задыхаясь отъ острой духоты. Облетѣвшая вѣсть объ моемъ посѣщеніи Муштегода, высоко подняла меня въ общественномъ мнѣніи, и обыватели уже толкались

вокругъ насъ, а издали сторонились съ видимымъ почтеніемъ, что благопріятствовало осмотру города, начатаго нами съ главной, и вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшей, мечети «Джіаме», нѣсколько отступившей въ глубь отъ линіи главнаго базара. Въ обширный дворъ ея, выложенный каменными плитками, ведутъ ворота въ видѣ тріумфальной арки, гдѣ на видномъ мѣстѣ красовался «сундукъ правосудія», охраняемый сарбазомъ, молодецки отхватившимъ на караулъ, когда караульный офицеръ любезно сдѣлалъ мнѣ честь подъ козырекъ. По серединѣ двора—кафедра съ тремя ступеньками, для моллы; прямо—лѣтняя мечеть (высокая и узкая стѣна съ обширною полукруглою сводчатою нишей), увѣнчанная легкимъ портикомъ (для муэдзана), съ нанизанными на шпиль, надъ зеленымъ металлическимъ куполомъ его, тремя шариками . Слѣва и права — расположены зимнія мечети, въ одной изъ коихъ сарбазы, сидя на циновкахъ, покуривали кальянъ. Изъ двѣнадцати здѣшнихъ мечетей, «По-минаръ» наилучшая послѣ «Джіаме».

Текье—15, и всѣ не завидны. Нѣсколько низшихъ мердессе и два высшихъ, изъ коихъ одно кирпичное очень красивенькое, съ водоемомъ по среди чистенькаго двора. Надъ входомъ одной бани, выходящей на базаръ, нарисовано два льва, морда къ мордѣ, съ саблями въ лапахъ. Каранъ-сараевъ — девять: два за-городомъ, для богомольцевъ, и семь (считая тутъ и развалившійся) въ чертѣ города; наилучшій изъ нихъ «Ага», кирпичный, чистенькій, съ водоемомъ, вѣсами и прессомъ для хлопка; въ пассажѣ, съ базара къ нему, помѣщается въ одномъ № или лавкѣ «казначейство» съ единственнымъ субъектомъ за счетами. Затѣмъ — «По-минаръ», состоящій изъ двухъ, сообщающихся между собою ходомъ, караванъ-сараевъ, расположенъ по сосѣдству съ мечетью того-же названія.

Возвращаясь домой, мы встрѣтили на базарѣ странныхъ субъектовъ, еще не видѣннаго мною типа: смуглыхъ, больше-тщедушныхъ и средняго роста, съ грязными тряпицами или платками, повязанными на черноволосыхъ головахъ жгутами; одни—въ короткихъ полотняныхъ или темныхъ нанковыхъ пиджакахъ, въ обтяжку, съ узкими, короткими рукавами, и таковыхъ же, до нельзя грязныхъ полотняныхъ или зеленыхъ нанковыхъ брюкахъ, или-же въ широчайшихъ бѣлыхъ шальварахъ; другіе — въ бараньихъ курткахъ (въ родѣ солдатскихъ полушубковъ) поверхъ сего, до безобразія и—полагаю—мученія, узкаго костюма, и это при 40° R!? Видно—зяблики. Въ этой оригинальности проглядывало что-то англійское, англійское вліяніе, и дѣйствительно, по распросамъ оказалось, что то были индѣйцы—свита и слуги того знаменитаго «Наввaба Каміонъ атрефъ-уд-девле-низом-уль-Мулька, Мирзы Мухаммедъ-Али-Хана», возвращающагося теперь съ богомолья (изъ Мешхеда) во свояси, вмѣсто котораго пострадалъ остъ-индскій англичанинъ Нэпиръ (о чемъ уже упомянуто мною въ «Очеркахъ Персіи *).

Наввабъ раскинулъ свой шатеръ за городомъ, вблизи караванъ-сарая.

— Позавтракаемъ и пойдемъ къ нему, пообѣщалъ Нарсесъ, сворачивая къ себѣ.

Какъ паукъ сидѣлъ Бабаевъ въ своемъ пустомъ гнѣздѣ, мечтательно пожирая глазами столько прелестей въ русскихъ лавкахъ, передъ которыми, на этотъ разъ, торчало только двое индѣйцевъ, изъ коихъ одинъ, какъ говорятъ, сынъ Навваба—тщедушный юноша съ саквояжемъ черезъ плечо и рыжеватыми кудрями, прикрытыми на макушкѣ бѣлою ермолкой, въ узкомъ, свѣтло-кофейномъ камзолѣ (въ родѣ пальта), обшитомъ широкою лентой изъ зеленой шелковой матеріи, въ узкихъ-же полосатыхъ (бѣл. съ черн.) шелковыхъ штанахъ и башмакахъ на босу ногу—пугливо сторонился при попыткахъ

*) Изд. Редакц. „Всемірный путешественникъ“, 1878 г.

моихъ заговорить съ нимъ, черезъ переводчика, между тѣмъ, какъ другой—кажется гувернеръ его, тоже въ бѣлой ермолкѣ на макушкѣ курчавой, какъ у пуделя, черной головы, въ узкой зеленой курткѣ поверхъ длинной бѣлой рубахи, узкихъ штанахъ и башмакахъ—настойчиво совалъ Грошеву подъ носъ бирюзу, запрашивая за нее, товаромъ или деньгами, чуть-ли не въ десять разъ дороже.

— Не нужно, не нужно, отнѣкивался тотъ, заглядѣвшись на красовавшіяся на рукѣ у принца два серебряныхъ кольца грубой работы, одно — съ огромнымъ, дурно-отшлифованымъ изумрудомъ, другое—съ таковою-же бирюзою, и оба — съ вырѣзками (не то — именные перстни, не то—талисманы).

— Гдѣ купили изумрудъ? спросилъ Бабаевъ.

— Въ Машедѣ (Мешхедѣ).

— За сколькко?

— За десять тамановъ.

— Фальшивый, подкрашеное стекло, улыбнулся мнѣ Нарсесъ, подойдя къ принцу съ просьбою показать его.

Тотъ пугливо отстранился, и какъ-то бочкомъ, тихо-тихо удалился съ своимъ спутникомъ.

Снабдивъ Ахундова мазью для смазки физіономіи и посовѣтовавъ питательную пищу для подкрѣпленія отъ непосильнаго путешествія, я просилъ его отнести муштегиру лекарства съ соотвѣтствующими наставленіями, изложенными на бумагѣ, а самъ — по обыкновенію съ раскрытымъ отъ солнца зонтикомъ, къ чему уже поприсмотрѣлись персы—отправился съ Нарсесомъ къ ставкѣ Наввабa. Опять на базарѣ встрѣтилось нѣсколько индѣйцевъ, и между ними одинъ—красивый, въ бѣлой рубахѣ

поверхъ узкихъ штановъ и въ маленькой чалмѣ, въ склад-ки которой онъ совалъ одною рукой два купленныхъ яйца, придерживая другою дыню—до того поражалъ своимъ сходствомъ съ шарлатаномъ, справлявшимъ для меня въ Сураханскомъ капищѣ (что въ окрестностяхъ Баку) напутственный молебенъ, что я, подошедши въ упоръ къ нему, невольно вскричалъ:—«Какша изъ Лагоры», куда направляешь стопы свои изъ Баку? *) Взглянувъ на меня, онъ смутился и ускорилъ шаги, но Нарсесъ успокоилъ его, ласково справившись о Наввабѣ.

— Я, въ числѣ слугъ, слѣдую за нимъ. Пойдемте,— провожу.

И мы пошли вмѣстѣ.

За городскими сводчатыми воротами—въ тѣни которыхъ, съ одной стороны предавались кейфу знакомые намъ, музыкантъ съ танцоромъ, по временамъ лѣниво ударявшимъ въ бубны, съ другой сидѣли надъ корзнами, отдѣльно другъ отъ дружки, нищій съ нищенкою—было раскинуто на огороженныхъ площадкахъ, съ нѣсколькими тощими тутами, до 30 разно-форменныхъ шатровъ богомольцевъ, возвращавшихся изъ Мешхеда, а еще по дальше, напротивъ самаго караванъ-сарая, особнякомъ бѣлѣлась обширная палатка безъ верха, передъ которою безпорядочно раскинулся подъ открытымъ небомъ цѣлый таборъ слугъ Навваба. Между ними не мало морщинистыхъ, загорѣлыхъ до черноты съ мѣдно-краснымъ отливомъ, безобразнѣйшихъ женщинъ въ короткихъ, узкихъ сорочкахъ или ниспадавшихъ съ головъ до поясницъ вѣтхихъ бумажныхъ покрывалахъ и узкихъ-же, въ обтяжку, дырявыхъ или латанныхъ *брюкахъ*, съ выпученными животами и по большей части—покрытыхъ язвами и струпами отъ нечистоплотности въ дорогѣ; однѣ—сидя на подстилкахъ, варили что-то, другія—ѣли дыни, глазѣя на

*) На обратномъ пути въ Россію мнѣ говорили, что сураханскій нефтяной заводъ сгорѣлъ, и „Какша изъ Лагоры“, на котораго тогда пало подозрѣніе въ поджогѣ его, безъ вѣсти пропалъ.

насъ. Въ сторонкѣ было сложено съ десятокъ «Кеджаве» и «палаковъ» *), въ сотнѣ шагахъ отъ которыхъ два—три здѣшнихъ торгаша продавали разную мелочь.

— Передайте вашему господину, такъ обратился Нарсесъ къ старшему слугѣ,—русскіе купцы пришли засвидѣтельствовать свое почтеніе великому Наввабу и предложить ему взглянуть на свои товары.

И тотъ, выслушавъ молча, вошелъ въ палатку съ докладомъ.

Въ это время чуть не подбѣжалъ къ намъ длинный, черноволосый господинъ (по словамъ однихъ — старшій сынъ Навваба, другихъ—очень близкій къ нему человѣкъ, какая-то «особа») и развязно поздоровавшись, оживленно заговорилъ съ сладенькимъ Нарсесомъ о торговлѣ, фамильярно дотрогиваясь до плечъ его... Но не прошло и пяти минутъ, какъ изъ палатки вышелъ самъ Наввабъ—добрый старикъ средняго сложенія, въ бѣлой ермолкѣ на сѣдой головѣ, кисейной рубахѣ (по колѣна) съ короткими, широкими рукавами, поверхъ узкой курточки, въ родѣ фуфайки, въ широкихъ пунцовыхъ шелковыхъ шальварахъ и башмакахъ на босу ногу; на его выхоленномъ, какъ у европейца, пріятномъ, умномъ лицѣ, съ мягкимъ взоромъ и сѣдою щетиной на небритыхъ съ недѣлю щекахъ и подбородкѣ, свѣтилось безмятежное довольство,—на шеѣ и рукахъ, по выше локтей, были повязки съ молитвами и талисманами, на пальцахъ,—три серебряныхъ кольца, съ бирюзою, большимъ изумрудомъ и бриліантомъ. Съ пріятнѣйшею улыбкой протянулъ онъ къ намъ обѣ свои руки... но не прикоснулся ими къ нашимъ—«таковъ обычай», говоритъ Нарсесъ, — и послѣ привѣтствій на персидскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣетъ изрядно, какъ бы извинился, что не могъ принять насъ въ палаткѣ: «проѣздомъ съ богомольцами, и не разсчитывалъ на визитъ здѣсь».

*) Персидскіе экипажи—ящики, перекидываемые черезъ спину катера, въ которыхъ и ѣздятъ.

— А главное—добавилъ мой спутникъ отъ себя, — съ нимъ ѣдутъ двѣ жены.

Покуривая поданный слугою серебряный кальянъ съ рѣзьбою (оригинальной формы: небольшой полушарный резервуаръ, изъ котораго торчали рядомъ прямая трубочка съ трубкою и изогнутый, въ видѣ прописной буквы S, чубучокъ), Наввабъ заговорилъ о счастливомъ избавленіи своемъ отъ рукъ разбойниковъ, поджидавшихъ его по дорогѣ изъ Бендеръ-Бушира въ Ширазъ.

— И напавшихъ вмѣсто васъ на Нэпира?

— Да.

— Гдѣ теперь онъ?

— Я видѣлъ его разъ въ Тегеранѣ, и больше нигдѣ не встрѣчалъ, отвѣтилъ онъ сухо.

Настала пауза.

Нарсесъ передалъ ему отъ меня приглашеніе посѣтить русскія лавки.

— Спѣшу въ Мезинанъ, «къ пушкѣ» (т. е. къ оказіи), опять просіялъ онъ. Но если завтра не выѣду, буду у васъ.

Затѣмъ, при взаимныхъ добрыхъ пожеланіяхъ, мы раскланялись.

Послѣ обѣда явился къ намъ одинъ индѣецъ съ порученіемъ отъ Навваба: осмотрѣть наши товары и жилье. — Показали и, поджидая самого его, распорядились поприбрать у себя... Но, какъ видно, посланцу не поправилась обстановка наша, и Наввабъ уѣхалъ въ Мезинанъ, откуда оказія ходитъ до Міяндешта каждое 4 и 19 число ежемѣсячно, но на этотъ разъ, вслѣдствіе распоряженія правителя Харассана обождать сію индѣйскую особу, она запоздаетъ выходомъ своимъ на три дня.

Къ чаю пришелъ Ахундовъ въ энотовой шубѣ на распашку—при сорокоградусной-то жарищѣ! и съ большущимъ кинжаломъ за поясомъ.

Спѣшу за Цаввабомъ «къ пушкѣ», обратился онъ ко мнѣ запыхавшись.

— Отдали лекарство муштегиду?

— Отдалъ... Вотъ и пишкешъ вамъ отъ него, подалъ онъ мнѣ серебряное колечко съ бирюзою, стоющею два—три крана,—пока единственный случай вещественной благодарности въ теченіе всей моей медицинской практики въ Персіи. „Обыкновенные доктора"—по выраженію Нарсеса—берутъ тутъ за совѣтъ банапатъ (15 к.), кранъ (30 к.), больше чего и не стоютъ; „популярные" — таманъ (3 р.), два и болѣе, а такъ какъ я причисленъ къ „медицинскимъ знаменитостямъ", да еще лечу своими лекарствами... то, конечно, нѣсколько обидно получить отъ всесильнаго муштегида за три болѣзни всего три крана.

— Какъ вы дуаете, Ахундовъ, обидно? иронизировалъ я.

Русская честь требуетъ возвратить такой пишкетъ. Дайте, я отнесу ему, и скажу это, не искренне расходился тотъ.

— Ну, русская честь тутъ не причемъ, а если возвратить ему кольцо—значитъ, обидѣть его, и тогда не сдобровать армянамъ, подумалъ я, и сказалъ: конечно, желательно получать за труды справедливое вознагражденіе, но отъ „святаго мужа" я удовольствуюсь и этимъ.

— Кольцо не его.

— Чье-же?

— Получивъ лекарства, онъ пожалѣлъ, что „нечего подарить гекиму"—тогда одинъ изъ „поучающихся" снялъ съ своей руки это кольцо и предложилъ ему послать его вамъ.

— У милліонера не нашлось что подарить!?

— Жаль, что я уѣзжаю!

— А вамъ бы слѣдовало отдохнуть тутъ.

— Ничего-съ... Только, пожалуйста, дайте еще лекарствъ... Благодарю... Прощайте. Заходите ко мнѣ, когда будете въ Баку.

— Посидите еще—время терпитъ. Скажите, пожалуйста, зачѣмъ при васъ такой ужасный кинжалъ, когда вы ѣдете съ оказіею?

— Нельзя!.. А если туркмены нападутъ!

— Ну?

— Я имъ... я ихъ! пѣтушился коллежскій совѣтникъ, тщетно усиливаясь придать угрожающій видъ истерванной физіономіи, точно плачущей отъ страха къ предстоящимъ лишеніямъ и опасностямъ.

— Покажите-ка... Нѣтъ, нѣтъ,—клинокъ.

Онъ, принатужившись, сталъ тянуть его изъ ноженъ,—не тутъ-то было.

— Туго, — не вынуть.

На выручку подоспѣлъ Шафѣевъ, оказавшійся родственникомъ его. Одинъ взялся за конецъ, другой за рукоять; тянутъ — тпррр!.. Ничего не помогаетъ. Примазался и арендаторъ — вытащили, наконецъ.

— Да онъ совершенно тупой! расхохотался я, усиливаясь перерѣзать имъ кусокъ глицериноваго мыла на дорогу Ахундову. Какъ же вы будете защищаться въ случаѣ нападенія туркменъ?

— Я не буду защищаться.

— А прямо протянете имъ руки вязать?

— Нѣтъ-съ, скажу, что я изъ Кавказа и ихъ законъ знаю.

— Такъ и скажите; они, вѣдь, кавказцевъ трусятъ! При этомъ не мѣшаетъ заявить, что вы-де коллежскій регистраторъ...

— Коллежскій совѣтникъ.

— Тѣмъ лучше,—и тогда, вѣроятно, не тронутъ васъ.

— Такъ и скажу.

— А если не пощадятъ?

— Воля Божья, и Ахундовъ въ раздумьи поникъ носомъ...

— Тяжелый путь! точно очнувшись, проговорилъ онъ.

— Сколько обошлась дорога вамъ?

— Я нанялъ черводара съ Гязскаго берега до Мешхеда и обратно за восемь тамановъ (24 р.!?)

— Вѣроятно, онъ имѣлъ дѣла въ Мешхедѣ, или тоже собирался на богомолье, замѣтилъ подошедшій Нарсесъ, и кивнувъ на Ахундова, продолжалъ: ему, какъ мусульманину, легко было выискать случай проѣхать дешево, но съ насъ, христіанъ, запрашиваютъ тутъ вдвойнѣ противъ существующихъ цѣнъ: за лошадь или катера, подъ верхъ или вьюкъ, отсюда до Шахруда 6 руб!, до Мешхеда 4 р. 50 к.—6 р.

Далѣе, на мои распросы о Мешхедѣ, Ахундовъ всего на всего сообщилъ, что при великолѣпной мечети Имама Риза состоитъ до 1,700 моллъ, сеидовъ, и вообще служителей, поочередно (по 80 человѣкъ) дежурящихъ въ ней по ночамъ.

— Можетъ ли Грошевъ разсчитывать на успѣхъ тамъ?

— Теперь — да; но только пусть *не довѣряетъ товаровъ въ кредитъ*, бэстъ Имама Риза—недоступная для правосудія крѣпость должниковъ и всевозможныхъ преступниковъ, до того сильно вліяніе духовенства на народъ...

— Оттого то въ Персіи и порядка нѣтъ, перебилъ Ахундова Нарсесъ.

— Онъ отлично заработаетъ — продолжалъ тотъ, — если распродавъ товары тамъ, закупитъ съ первыхъ рукъ (т. е. въ мѣстахъ производства) хлопокъ, шелкъ, сѣмена, коконы, шерсть, сухіе фрукты, опіумъ, бирюзу, ковры и т. п.

Затѣмъ, посовѣтовавъ мнѣ остановиться въ наилучшемъ, въ Мешхедѣ, караванъ — сараѣ «Шаверды-ханъ», Ахундовъ простился.

Послѣ чаю Нарсесъ предложилъ прогуляться. Сегодня четвергъ, мужчины, женщины и дѣти группами направлялись къ кладбищу.

— Тамъ будетъ «обычный плачь и біеніе въ грудь», пояснилъ онъ.

Купцы ранѣе обыкновеннаго запирали лавки; фруктовщикъ, спѣша распродать свой товаръ, выкрикивалъ прохожимъ: три коп. батманъ дынь, — покупайте!.. Три копѣйки батманъ!..

Смеркается. Базаръ опустѣлъ. Нашъ караванъ—сарай стихъ—всѣ разошлись по домамъ, на отдыхъ.

Совсѣмъ стемнѣло. Ни одинъ фонарь не освѣщаетъ пустынныхъ улицъ! У насъ тоже не проглядная темь, и въ ней — повременамъ искрится кальянъ, слышится вялый шопотъ авганцевъ, улегшихся спать на коврѣ передъ отагомъ своимъ.

Я тоже растянулся на нарѣ, что передъ № Нарсеса, усѣвшагося у ногъ моихъ. Съ базара доносятся крики сторожей: слу-ш-ай!

— Ску-ш-ай! пискливымъ шепотомъ вторитъ онъ имъ.

Подходитъ Грошевъ подъ ручку съ Бабаевымъ.

— Взгляните, какой у Юсуфа яхонтовый перстень! обращается ко мнѣ первый, указывая на послѣдняго. Проситъ за него ситцевъ и галантерею, рублей на сто. Какъ вы думаете—стоитъ?

— Яхонтъ-то хорошъ, только товары посланы въ Персію не съ тѣмъ, чтобы сбывать изъ за перстня.

Пауза.

— Онъ желаетъ также промѣнять на товары персидскія зимнія вещи и золотыя украшенія.

— Нельзя-ли посмотрѣть ихъ?

— Принеси, — можетъ быть купятъ, посовѣтовалъ Нарсесъ Бабаеву, и тотъ мигомъ сбѣгалъ за ними.

— Вотъ интересная вещь, подалъ мнѣ Грошевъ осыпаный яхонтомъ и изумрудами большой золотой образокъ, изящной работы, изображающій имама Кюсейна съ дѣтьми.

— Женское украшеніе, которое носится на рукахъ, улыбнулся Нарсесъ.

Правъ-ли онъ, придавая этой рѣдкости значеніе укра-

шенія, а не чего-либо болѣе серьознаго—не знаю; но фактъ неопровержимъ, что у шіитовъ вопреки установившемуся взгляду между нашими «знатоками востока»—существуютъ изображенія святыхъ.

V. Армянскія дѣла.—Базаръ и Фабрики.

Сегодня (18 августа), съ ранняго утра, особенно кипитъ дѣятельность на нашемъ дворикѣ. Десятки маленькихъ осликовъ, то неподвижно стояли почти скрытые подъ горами шерсти и коконовъ, то метались по сторонамъ въ ожиданіи разгрузки, а Нарсесъ, окруженный маклерами и деревенщиной — больше моллами, съ мѣшечками шелковичныхъ сѣмянъ (въ 2, 10 и даже 12 батм. вѣсомъ) и мотками шелку въ рукахъ — взглядомъ знатока оцѣнивалъ все это, доставленное ему изъ окрестныхъ мѣстностей, добро.

Торговыя операціи Нарсеса въ Сябзаварѣ превосходятъ всѣ сдѣлки въ сложности остальныхъ здѣшнихъ армянъ, и не смотря на относительную обширность ихъ, онъ справляется съ дѣломъ одинъ, всегда спокойно, несуетливо. Правда, иногда изъ всей толпы только трое—четверо непосредственно заинтересованы въ немъ; прочіеже, таращa глаза, наслаждаются «тамашей» (зрѣлищемъ), — въ такомъ случаѣ онъ деликатно обращается къ «маленькому человѣку:» — Имѣешь дѣло? — Нѣтъ.— Пошелъ вонъ... Но «нужному» бездѣльнику всегда улыбнется, пожметъ руку.

Вотъ одному маклеру удалось сбыть нѣсколько мѣшечковъ сѣмянъ. Онъ доволенъ, прояснился; Нерсесъ тоже съ пріятною улыбкой потираетъ руки.

— Дай батманъ, обращается онъ къ Ефрему (по армянски), усаживаясь на полъ.

Тотъ приноситъ русскій пятифунтовикъ (пяти фунт. гирю), съ прикрѣпленнымъ къ надломленому краю его кускомъ заржавленной цѣпи.

Персидскій батманъ, улыбается мнѣ Нарсесъ, взвѣшивая сѣмя на мѣдныхъ вѣсахъ; но такъ какъ оно перевѣшивало — Ефремъ подавалъ ему съ своей пригоршни то гайку, то камушекъ, то ломаные гвозди, замѣнявшіе разновѣсъ «съ необыкновенною точностью,» конечно — армянскою.

— Все-го... $7^1/_4$ батмановъ, объявляетъ дѣлецъ, опять потирая руки, и беретъ деревяные счеты, высчитываетъ долгъ съ процентами, вписываетъ куплю въ книгу, достаетъ изъ шкатулки мѣшечекъ съ кранами, высыпаетъ ихъ кучкой на полъ и отсчитываетъ слѣдуемое маклеру, который подсаживается съ замѣтною дрожью страсти къ деньгамъ и пересчитываетъ по пяти монетъ такъ: «пять, пять, пять,—десять, десять, десять, пятнадцать, пятнаднать, пятднацать, и т. д. повторяетъ нѣсколько разъ одно и тоже, чтобы не забыть на сколькихъ пяткахъ остановился въ то время, когда отсчитываетъ слѣдующій пятокъ; при чемъ — монету, другую отбрасываетъ въ сторону,—значитъ фальшивая (искусно-поддѣланная оловяшка). Прочіе продавцы, въ томительномъ ожиданіи очереди, стоя, или сидя, слѣдятъ за столь пріятной процедурой; одни, кто удачно продалъ товаръ— съ бодрымъ, даже надменнымъ видомъ, неудачники — съ покорно-поникшими головами, а нѣкоторые—съ тусклымъ взоромъ, апатично ковыряютъ въ носу.

Умѣютъ дѣла ладить... и ладить съ персами, думалось мнѣ, слѣдя, какъ дѣлецъ обсчитывалъ деревенщину съ самою снисходительною, покровительственною улыбкою, а та смотритъ, и только молча поматываетъ головою.

— Не хорошо? какъ бы удивляется онъ, замѣтивъ въ одномъ этотъ нѣмой протестъ.

—Хорошо, хорошо, смиренно отвѣчаетъ бѣднякъ, пред-

почитающій лучше быть обвѣшанымъ, нежели потерять постояннаго покупателя на наличныя деньги.

— Что, не хорошо? Ангельски улыбается онъ другому, уже громко запротестовавшему, и начинаетъ ласково убѣждать его; тотъ успокоивается, и уходитъ.

Нашелся между продавцами и строптивый,—на того прикрикнулъ. Иначе нельзя — оправдывается онъ съ улыбной передо мною.

Не успѣлъ Нарсесъ покончить съ деревеньщиною, какъ подходитъ убогій мазандеранецъ, въ порыжѣлой мохнатой шапкѣ и узкихъ штанахъ, возвращающійся съ богомолья домой безъ копѣйки, проситъ у него, какъ у стараго знакомаго своего, нѣсколько крановъ въ долгъ— далъ, и даже охотно, такъ какъ сторицею вернетъ ихъ при содѣйствіи его, когда явится въ Мазандеранъ за хлопкомъ.

И теперь еще Сябзаваръ считается во всемъ Харассанѣ вторымъ городомъ послѣ Мешхеда, но до послѣдняго голода (70 — 71 г.), онъ служилъ рынкомъ для этой обширной области. Сюда доставлялись транзитные заграничные), отчасти и наши товары, преимущественно, мануфактурные и сахаръ, и уже отсюда отправлялись въ Бомъ, Буджнурдъ, Ширвань, Кучанъ, Дерагезъ, Джовейнъ — города, въ окрестностяхъ которыхъ находится много деревень, — также въ Нишапуръ, Туршизъ, Турбатъ (Турбетъ), Берджентъ, даже въ Мешхедъ и прочіе болѣе отдаленные города, посылавшіе въ обмѣнъ ихъ свои мѣстныя произведенія: хлопокъ, шелкъ, шерсть, лисицъ, сухіе фрукты и пр.

Сябзаваръ — послѣдній удобный пунктъ въ Харассанѣ для торговыхъ сдѣлокъ нашихъ армянъ, и ни въ Нишапурѣ, ни въ Мешхедѣ вы уже не встрѣтите армянскаго кружка. Сябзаварскій округъ — по разсказамъ Нарсеса — на столько богатъ *хлопкомъ* (который однакожъ ниже нишапургскаго, но котораго вовсе нѣтъ въ Мешхедѣ), *шелкомъ* (ниже мешхедскаго, считающагося

послѣ *Турбѣтскаго* наилучшимъ во всемъ персидскомъ Харассанѣ, но выше Нишапурскаго) и *шерстью* (которой найдется въ Мешхедѣ не много, и то только черной, плохаго качества), что даже изъ Мешхеда прiѣзжають за ними сюда (а за хлопкомъ—оттуда ѣздятъ и въ Нишапуръ), такъ что всѣ дѣла въ этомъ отношенiи производятся здѣсь.

Факты говорятъ сами за себя. Если такie тонкie дѣльцы, какъ армяны, очень довольны Сябзаваромъ, значитъ градъ сей представляетъ дѣйствительныя условiя покрайней мѣрѣ для учрежденiя въ немъ русскаго коммерческаго агентства, конечно — не такого, какое нѣкогда содержало тутъ и въ Мешхедѣ, «Закаспiйское товарищество» Кокорева, какъ извѣстно, погибнувшее вслѣдствie неумѣлости, безчестности и безпардонныхъ кутежей повѣренныхъ своихъ. Армяне проживаютъ въ Сябзаварѣ только въ горячее время года для торговыхъ сдѣлокъ, именно — съ половины апрѣля до начала или половины октября, скупая тутъ, черезъ маклеровъ, у горожанъ и деревеньщины вышеупомянутыя мѣстныя произведенiя «начистаганъ», или въ обмѣнъ на самые ходкie изъ европейскихъ товаровъ; въ послѣднемъ случаѣ они обыкновенно раздаютъ ихъ знакомымъ торговцамъ «подъ росписки на сроки», по истеченiи которыхъ тѣ и доставляютъ имъ, шелкъ сѣмена и пр. — Затѣмъ, наши дѣльцы отправляются въ Шахрудъ, Гязь, Мазандеранъ, гдѣ также ведутъ большiя дѣла съ хлопкомъ, скупая при этомъ подходящiй товаръ и въ другихъ мѣстахъ, по указанiя своихъ персидскихъ друзей, агентовъ, комиссiонеровъ; послѣ чего, одни — зимуютъ въ Мазандеранѣ, другie въ Россiи, а съ весною—опять собираются сюда для закупки, преимущественно, продуктовъ тута (шелковичнаго дерева), бараньей шерсти и хлопку.

I. *Продукты тута.* Сябзаваръ, съ ближайшими де-

ревнями, можетъ доставить въ годъ до 40 хальваровъ *), или, по словамъ армянъ, такое изобиліе *смѣшанныхъ шелков. сѣмянъ*, что некому и покупать ихъ; говорю — смѣшаныхъ, ибо торговцы, въ особенности изъ деревеньщины, лѣнятся тщательно отдѣлять «здоровыя сѣмена», походящія на крупный макъ «сѣраго» цвѣта, отъ совершенно негодныхъ «неоплодотворенныхъ», (которыя кладутся по увѣренію персовъ — неоплодотворенными матками), сплюснутыхъ и «желтоватаго» цвѣта. За батманъ **) совершенно очищенныхъ сѣмянъ Нарсесъ платилъ въ моемъ присутствіи 21 руб., а за «смѣшанные», по «оцѣнкѣ на глазъ» количественнаго отношенія здоровыхъ къ „неоплодотвореннымъ", отъ 15 до 19 руб. Для отправки за-границу, сѣмена ссыпаются въ ящички, съ тонкими, проколотыми для воздуха деревянными боками (въ 8 вершковъ длин., 6 шир. и 1½ выш.) и миткалевыми (бумажными покрышками, т. е. крышкою и донышкомъ, которые, затѣмъ, стягиваются по-серединѣ суровою ниткой и укладываются въ продолговатые ящики, въ свою очередь обтягиваемые черною шерстяною матеріею.

Коконы здѣсь — бѣлые, блѣдные и желтые, съ *червякомъ* внутри, т. е. цѣльные, и безъ него, т. е. прорванные съ одного конца; первыхъ — Сябзаваръ доставляетъ въ годъ до 1,000 хальваровъ, по 3 р. 90 к.—4 р. 20 к. за батманъ, вторыхъ—около 100 хальваровъ по 3 р. за батманъ. Ихъ складываютъ въ мѣшки (обыкновенно, изъ Нишапургской грубой бумажной матеріи, иногда — изъ русской), по 30 батм. въ каждый; *два такихъ тюка составляютъ верблюжій вьюкъ*.

Съ верхняго слоя коконовъ получается *шелкъ* низ-

---

*) Хальваръ, какъ и въ Шахрудѣ, считается въ 18 пуд. 7¼ рус. фун.; но въ дѣйствительности онъ составляетъ здѣсь 18 пуд. 14 рус. фун., такъ какъ „двухпудовыя" каменныя гири вѣсятъ, каждая, на ¾ фунта болѣе 2 пудъ.

**) Хотя батманъ, какъ и въ Шахрудѣ = 7¼ р. фун., однакожъ армяне считаютъ, при продажѣ своихъ товаровъ, 5½ батмановъ (39⅞ фун. *за пудъ*).

шаго сорта, такъ называемый „*Ласъ*", по 1 р. 80 к.—2 р. 10 к. за батм.; затѣмъ тянется нитка уже *хорошаго шелка*, продаваемаго тутъ въ моткахъ („табида"), по 20—21 р. за батманъ.

II. *Овечья шерсть*. Овцеводство въ окрестныхъ деревняхъ обширное. На сто овецъ—девяносто съ бѣлымъ руномъ, и только десять съ чернымъ; у кочующихъ „Булюгъ"—бѣлорунныя овцы, у „Курдовъ"—черныя и рыжія. Бѣлой, нѣжной шерсти Сябзаваръ можетъ продать въ годъ до 2,000 пуд., по 90 к. за батм., а Турбатъ, славящійся ею на весь персидскій Харассанъ, до 4,000 п. За батманъ черной и рыжей шерсти армяне платятъ 45—60 коп.

III. *Хлопокъ*. Сябзаварскій округъ можетъ доставить въ годъ до 60,000 хальваровъ хлопку, по достоинству—ниже Нишапурскаго, занимающаго первое мѣсто въ Харассанѣ. Армяне скупаютъ его „тридцабатманными" тюками *), по 16 р. 50 к. за каждый, и затѣмъ прессуютъ въ Шахрудѣ (для отправки по назначенію), гдѣ тотъ же хлопокъ—добавилъ Нарсесъ—нерѣдко обходится намъ дешевле, чѣмъ тутъ, на мѣстѣ, и вотъ почему.

Шотордоры (верблюдчики), по доставкѣ товаровъ сюда изъ Шахруда, часто покупаютъ хлопокъ, что бы не возвращаться порожнякомъ; но такъ какъ они спѣшатъ тамъ вновь подрядиться въ извозъ, то и принуждены сбыть его въ теченіе 10—15 дней, съ ничтожнымъ барышомъ, или даже по своей цѣнѣ. Слѣдовательно, армянскіе дѣльцы выигрываютъ провозъ—это разъ; затѣмъ, отправляемый отсюда туда хлопокъ, высохнувъ дорогою, вѣситъ легче, а цѣна, «по вѣсу», остается таже, (конечно, съ надбавкою за провозъ). Слѣдовательно, и тутъ они въ барышахъ.

IV. Не пренебрегаютъ армяне, при случаѣ, и *мѣховымъ* товаромъ, какъ то: *лисьими шкурками*, которыхъ набирается въ Сябзаварѣ, послѣ крѣпкой зимы до

*) Два такихъ тюка составляютъ верблюжій вьюкъ.

20,000 штукъ, по 78 руб. за сотню, и *куньими* — до 3,000 шт., по 2 р. 10 к.—2 р. 40 к. за каждую; между тѣми и другими иногда попадаются три-четыре выдры, идущія по одной цѣнѣ съ послѣдними.

Прежде они скупали тутъ и *сухіе фрукты* (съ Турбета и, преимущественно, съ Туршиша, откуда они отправляются и въ Россію); но теперь, по выраженію Нарсеса, не стоитъ, потому что вздорожали; напр. мелкій черный кишь-мишь до 21 р. за хальваръ, крупный—до 24 р., „сабза“ (зеленый, безъ зернышекъ) — до 30 р., альбухара (только изъ Туршиша) до 40 р., куряга (кислая сушеная слива, безъ косточки) до 24 р., чищеный миндаль — до 85 р., нечищеный — до 60 р. и грѣцкіе орѣхи — до 21 р. за хальваръ.

Главную статью сбыта тутъ составляетъ *транзитный сахаръ*, головками въ 3, $3^1/_2$, 4, 7 и $7^1/_4$ фун., по 7 р. 80 к. (на наличныя) и 8 р. 25 к. (въ кредитъ) *за $5^1/_2$ батмановъ* (т. е. за пудъ безъ $^1/_8$ фун.). Затѣмъ слѣдуютъ: *русскій миткаль въ аршинъ шир.* (Гусевской, фабрики Мальцова), *стеариновыя свѣчи* (Крестовникова), больше—по шести; но идутъ и по четыре-пять на фунтъ, по 12 р. за пудъ, и *писчая бумага*, коими и ограничичивается продажа, какъ имѣющими вѣрнѣйшій сбытъ и покупаемыми обывателями даже на чистоганъ.

— Правда — добавилъ Нарсесъ — не залежатся тутъ и *подсвѣчники* (персидскаго образца), *подносы*, *ножи* *), *деревенскій чай* и въ особенности желѣзо (по 57 р. за хальваръ); но все-же мы находимъ неудобнымъ возиться съ ними.

И дѣйствительно, его амбаръ наполненъ только первыми четырьмя предметами... Но отчего-же не воспользоваться хорошимъ случаемъ, и онъ скупилъ у Грошева

---

*) На всемъ пути нашемъ у Грошева наичаще спрашивались ножи.

желѣзо, *взятое изъ Шахруда*, по $18^1/_2$ тамановъ за хальваръ, и немедленно перепродалъ его по 19 том.?!

Крытый, узкій базаръ тянется почти во всю длину города, отъ однихъ воротъ до другихъ; мѣстами онъ въ нѣсколько рядовъ, и всѣ они состоятъ изъ глиняныхъ или кирпичныхъ лавчонокъ, вѣрнѣе—клѣтушекъ съ мелкими глиняными-же или кирпичными, случается и деревянными куполами; многія еще стоятъ пустыми, со времени послѣдняго голода Какъ и на Шахрудскомъ базарѣ здѣсь людно, воздухъ спертъ, товары больше транзитные; между купцами немало моллъ и сейдовъ, и если вы идете одинъ—„каждый паршивецъ—по выраженію моего спутника—и чѣмъ паршивѣе онъ, тѣмъ скорѣе", наровитъ толкнуть васъ; но особенность его, сравнительно съ тѣмъ, составляютъ двѣ-три биржи—небольшія площадки съ амбарами съ трехъ сторонъ, и вѣсами по серединѣ, гдѣ производится оптовая купля-продажа отличной пшеницы и др. мѣстныхъ произведеній.

Ограничусь перечисленіемъ наиболѣе ходкихъ товаровъ, конечно за исключеніемъ уже поименованныхъ въ бесѣдѣ объ армянской торговлѣ.

Мѣстныя естественныя произведенія. Окрестности Сабзавара очень плодородны: почва—глина, съ колчеданомъ.

1) *Пшеница*: съ полей, искуственно орошаемыхъ, по 7 р. 50 к. и дешевле за хальваръ, и *горная*, т. е. изъ ближайшихъ горныхъ деревень, гдѣ дожди бываютъ чаще, слѣдовательно и орошеніе полей натуральное (по персидски—„десмъ"), по 8 р. 10 к.—9 р.

Превосходнѣйшій лавашъ—сухія тонкія лепешки въ аршинъ длин. и пол. шир.—по 30 коп. за 5 батм.

2) *Гаварсъ*, который ѣдятъ только въ случаѣ недостатка пшеницы, обыкновенно служитъ, въ измельченномъ видѣ, превосходнымъ кормомъ для верблюдовъ.

3) *Ячмень*, по 5 р. 10 к.—5 р. 40 к. за хальваръ.

4) *Саманъ* или *Салманъ* (измельченная солома для корма скотины), по 1 р. 50 к. за хальваръ.

5) *Свѣжее сѣно*, которое сѣется тутъ „разъ въ семь лѣтъ" и въ теченіе этого времени собирается „по семи разъ въ годъ", по 6 р. за хальваръ (его немного).

6) *Кунжутъ*.

7) *Овощи*: очень вкусныя дыни по 30 к. за 10 батм. (72½ фун.), арбузы, баданжаны (баклажаны) и чеснокъ.

8) *Фрукты*: виноградъ, персики, абрикосы, яблоки, груши, сливы двухъ сортовъ, айва, инджиръ, граната, миндаль и грецкіе орѣхи.

и 9) *Разные искуственные и красильные травы* (о коихъ уже упомянуто мною въ „Очеркахъ Персіи").

Скотъ. Верблюдовъ, по 45 р. и дороже, достаточно, такъ какъ многіе обыватели занимаются извозомъ (перевозкою товаровъ);ословъ, воловъ и лошадей то же достаточно, но катеровъ мало; большой баранъ отъ 3 до 4 р. (батманъ мяса—45 к.).

Привозныя естественныя произведенія, и издѣлія.

1) Рисовыхъ плантацій въ Сябзаварѣ вовсе нѣтъ, и *рисъ*, доставляемый сюда изъ Мазандерана и Астерабада, продается по 30 к. за батманъ.

2) *Транзитный чай* (Бакинской развѣски).

3) Кромѣ *транзитнаго* сахара—*ездскій*, по 1 р. 80 к. за батм., слѣдовательно дороже перваго, разбитыя головки котораго, въ дорогѣ, переливаются тутъ въ маленькія: полуфунтовыя и фунтовыя, для подарковъ, продажи тожъ.

4) *Марена*, изъ Езды, по 36 р. за хальваръ.

5) *Кошениль*, изъ Россіи, по 9 р. за батманъ.

6) *Олово*, преимущественно изъ Езда, по 3 р. 60 к.—4 р. 50 к. за батм., продается въ формѣ большихъ неравномѣрныхъ тонкихъ лепешекъ съ узорчатыми отверстіями.

7) *Желѣзная проволока* двухъ сортовъ, по 1 р. 80 к.—2 р. за батм., и *мѣдная* тонкая—по 4 р. 80 к.—5 р.

за батм. Меня просили доставить сюда 30 пуд. той и другой, а также янтарныхъ чотокъ, съ зернами величиной въ смородину, по 60 — 75 к. за золотникъ, и 500 стопъ оберточной бумаги, не дороже 1 р. 20 к. за стопу, ручаясь за сбытъ послѣдней («въ теченіе года»).

8) Кромѣ *русскаго миткаля* много и *транзитнаго*, который хуже его (ибо, по выраженію Нарсеса, имѣетъ тонкую нитку), за тоже и дешевле: за кусокъ въ 22 ханс. арш.—4 р. 80 к.

9) *Ситецъ* „съ маленькими смѣшанными цвѣточками: красными съ синими, по бѣлому полю" — въ большомъ ходу... „Но—добавилъ мой спутникъ—ширина его должна быть не меньше 5—6 четвертей; иначе—не много найдется покупателей".

10) *Атласъ разныхъ цвѣтовъ.*

11) *Галантерея*, преимущественно изъ Константинополя: ножницы, иголки, мѣдные наперстки (по 1½ к.), пуговки, серебряныя, случаются и золотыя; запонки; маленькія круглые зеркальца въ бронзовыхъ рамкахъ (по 60 к. за дюжину), пенсне въ мѣдныхъ, высеребряныхъ оправахъ (по 60 к. за полдюжины); пистоны, восковыя спички и маленькія ложечки изъ нейзильбера (транзит.).

Бирюзу рѣдко встрѣтите, и то свѣтлую или въ бѣлыхъ пятнахъ, зато и баснословно дешевую. Хорошую бирюзу достанете только въ Мешхедѣ, говорилъ мнѣ продавецъ разныхъ самоцвѣтныхъ камушковъ (сердолику, гранатъ и др.) „съ ближайшихъ къ Мешхеду горъ", шлифуя ее на „мѣдномъ колесѣ".

Сябзаварскіе „заводы" и „фабрики" ничѣмъ не отличаются отъ Шахрудскихъ: та же вонь, грязь и потемки; ну какъ тутъ не страдать глазами?!

Мыловаренъ всего двѣ (батманъ мыла, изъ бараньяго жира, 60—75 коп.); *красиленъ*—двадцать; заведеній для „выварки коконовъ и размотки шелка"—пять, а до послѣдняго голода было сорокъ. Одно изъ нихъ принадле-

ныхъ ему Грошевымъ, на коммиссію, *кубовыхъ ситцевъ— ничего не продано, а сахару*, то же оставленнаго имъ на Гязскомъ берегу, продано только *«два пуда»*, и другое распечатанное, на его имя отъ Астерабадскаго консула, увѣдомлявшаго, что Гязская таможня взяла пошлину (по 5%) не съ 14,000 р. стоимости товаровъ Глуховскаго, а всего—съ 6,000 р., при чемъ еще сдѣлала скидку въ размѣрѣ 15 тумановъ, и что общество «Кавказъ и Меркурій», по ходатайству его же, консула, ничего не взяло за доставку означенныхъ товаровъ съ парохода на берегъ. Сколько исключеній, сколько снисхожденія ловкому милліонеру?! При письмѣ былъ приложенъ и „таможенный ярлыкъ", обезпечивающій его отъ уплаты вторично пошлины въ Мешхедской таможнѣ.

— Какъ торговля? спросилъ я Грошева, прочтя письмо.

— Плохо, уныло развелъ онъ руками. Третьяго дня губернаторъ увѣдомилъ меня, черезъ посланнаго, что «купить всѣ сукна» (съ намѣреніемъ, какъ слышалъ я, перепродать ихъ въ Мешхедѣ, «на сроки», съ большимъ барышомъ), и теперь торгуется, ставя первымъ условіемъ «отпустить ему часть въ кредитъ»...

— А за галантерею и игрушки уплатилъ?

— Нѣтъ... Двадцать разъ посылалъ за деньгами,— „послѣ да послѣ", говорятъ... Я сильно подозрѣваю — продолжалъ Грошевъ, — что *армяне тайкомъ вредятъ намъ*: „Имъ нужно, во чтобы-то ни стало, сбыть часть товаровъ здѣсь,—куда его везти!? Слѣдовательно продадутъ дешево или „на сроки", обнадеживаютъ они губернатора и купцовъ, и тѣ ничего не покупаютъ, полагая, что такъ и будетъ!

— На что-жъ вы рѣшились?

— Начну упаковываться, и дальше въ путь! Здѣсь нечего дѣлать.

Какъ только Грошевъ приступилъ къ укупоркѣ (для чего было нанято, кажется, двое рабочихъ съ базара, по крану въ сутки), промахнувшіеся въ своихъ расчетахъ торгаши бросились толпами въ „русскія лавки“ за нѣкоторыми мануфактурными товарами и галантереемъ (серьгами и колье изъ стекляруса и бусъ, и пр.). Губернаторъ, съ которымъ такъ-таки и не состоялась сдѣлка, то же прислалъ своего дѣльца за штукой сукна.

— Стану я опять распаковываться! сердился Грошевъ на просьбы армянъ: „сдѣлать это для нихъ“. — Нѣтъ, и нѣтъ!.. Возьметъ да, пожалуй, денегъ не уплатитъ.

— А если и такъ,—ну, что вамъ стоитъ подарить губернатору половинку *) сукна? Мы всегда даримъ ему, муштегиду и вообще нужнымъ людямъ; иначе они придирались бы, и торговля наша была бы стѣснена, даже не возможна.

— Ваше дѣло иное: вы тутъ живете, а мы — проѣздомъ.

—„Ради интересовъ русской торговли“ сдѣлайте подарки хоть главнѣйшимъ лицамъ города, чуть не плакались тѣ, въ особенности—Бабаевъ.

— Никому ничего!.. Они наровятъ все даромъ или „за грошъ купить“, а я давича посылалъ на базаръ за простою стклянкою, стоющею копѣйку, такъ съ меня стянули тридцать к.?!

Затѣмъ Грошевъ настоятельно потребовалъ отъ губернатора деньги за игрушки и пр. мелочи, и тотъ приказалъ своему казначею уплатить ему сполна, по счету.

Придержащую-то власть слѣдовало бы побаловать тою или другою игрушкой: вѣдь съ тою цѣлью они и закуплены, но, видно, взглядъ у Глуховскаго измѣнился, если его агентъ былъ не поколебимъ...

Конечно, губернатора, расчитывавшаго на „должный“ пишкешъ отъ насъ, это очень огорчило, и когда я при-

*) Штуку.

шелъ къ нему, на слѣдующій день (20 авг.) проститься,— онъ принялъ меня суховато, и спросивъ: доволенъ ли я Сябзаваромъ? сердито рыгнулъ; за нимъ докторъ и остальные, не исключая и Наресса, особенно искусно, трескучею дробью, троекратно прорыгавшаго.

— Вы-то съ чего?

— „Изъ почтенія“.

— Мнѣ то же рыгнуть?

— Какъ хотите-съ.

Я громко высморкался, и просилъ передать губернатору, что Зябзаваръ-то хорошъ, да ужъ больно много больныхъ...

— „Они никогда не видали докторовъ“.

— И торговали мы тутъ плохо.

— Тихое время.

Власть продолжала внушительно дуться, разговоръ не клеился, и я, поблагодаривъ за вниманіе, приподнялся, а за мною и всѣ присутствующіе.

— Губернаторъ спрашиваетъ — обратился ко мнѣ Нарсесъ: — не желаете ли отъ него рекомендательныхъ писемъ въ Мешхедъ?

— Поблагодарите, — уже запасся въ Астерабадѣ и Шахрудѣ, отвѣтилъ я, выходя въ переднюю, гдѣ поджидавшій насъ больной сынъ его, суетливо подставивъ туфли Нарсесу, взглянулъ на меня умоляющимъ взглядомъ... Но чѣмъ же помочь ему?

Какъ Грошева жадно обступали на послѣдокъ покупатели, такъ меня немилосердно терзали больные, опасавшіеся, что вотъ-вотъ уѣду я, оставивъ ихъ безъ совѣта и помощи. Не дешево-жъ обходится слава „знаменитаго доктора“, въ особенности послѣ свиданія съ „столпомъ шаріата“!—Лечу, совѣтую... и это при 43°R! Конечно, я расхаживаю по каравань-сараю, принимаю паціентовъ и гостей въ одномъ нижнемъ бѣлье, и то невыносимо—ибо N — на солнечной сторонѣ. Занимайте

помѣщеніе или въ прохладныхъ проходахъ, ведущихъ съ базара въ караванъ-сарай, не то съ западной или южной стороны его, а иначе жгучее солнце измучитъ васъ; взгляните на таблицу:

Число и мѣсяцъ.	Утро.				День.				Вечеръ.		
	Часы.	Мин.	R°	Въ тѣни или на солнцѣ.	Часы.	Мин.	R°	Въ тѣни или на солнцѣ.	Часы.	Мин.	R°
13 августа	—	—	19	—	2	30	42	на солн.	8	30	22_5
14 „	8	30	—	на солн.	3	45	33	—	8	50	22_5
				—	5	40	31_5	—	—	—	—
				—	6	25	26	—	—	—	—
15 „	7	—	15	—	1	55	31	—	—	—	—
				—	3	—	33	—	—	—	—
16 „	7	30	16	—	—	—	—	—	—	—	—
17 „	7	30	16	—	1	50	43	—	9	—	22
18 „	—	—	—	—	1	50	43	—	9	—	22
19 „	—	—	—	—	2	—	43	—	—	—	—
20 „	7	40	14	—	2	30	41	—	—	—	—

— Я самъ болѣнъ! говорю Нарсесу, свалившись въ изнеможеніи на постель, и прося никого не допускать ко мнѣ.

— Ну вотъ еще одного важнаго купца и его сына, умаливаетъ тотъ.—Люди—очень нужные.

Далъ лекарства, совѣтъ; обѣщали подарить какую-то „древнюю" монету, и надули; и изъ всѣхъ кліентовъ только одинъ отблагодарилъ меня нѣсколькими камушками бирюзы, говоря: „мнѣ стыдно за нихъ: вы столько мучаетесь, а они еще обманываютъ".

— Нарсесъ, почему-бы вамъ не запастись хорошимъ лечебникомъ и аптечкою, для этихъ безпомощныхъ людей?

— Я хотѣлъ просить васъ уступить мнѣ часть лекарствъ и написать: какъ употреблять ихъ... Потому что „нужные люди“ часто просятъ у меня помощи, то отъ той, то отъ другой болѣзни, а я и самъ себѣ не могу помочь.

Пообѣщалъ удовлетворить его желаніе, только это ни къ чему не поведетъ, такъ какъ „не армянскіе торгаши оперсіянившіеся изъ личныхъ выгодъ, а такіе просвѣщенные, гуманные люди, какъ Шахрудскій хозяинъ“ (Баумгартенъ), могутъ упрочить доброе вліяніе Россіи на Персію, думалъ я, поднимаясь къ своимъ „полѣчить.“ Нечистоплотный Грошевъ и Шафѣевъ лежали на грязнѣйшемъ полу; Габибъ, продолжая хозайничать, приглашалъ меня, какъ гостя, подсѣсть къ чаю.

— Расходы большіе, проговорилъ первый, и обратившись ко мнѣ добавилъ: Какъ бы нашъ хозяинъ не разсердился.

— Какой хозяинъ?—У меня нѣтъ хозяина.

— А Глуховскій; вѣдь *мы* его прикащики...

Вонъ оно куда зашло! подумалъ я, и случайно взглянулъ на свой большой сундукъ, оставленный мною на сохраненіе у Грошева—отпертъ.

— Кто отперъ?

— Не я... не я, божатся всѣ.

Взялъ его къ себѣ, перебралъ вещи,—недостаетъ древнихъ монетъ; деньги, правда небольшія, но послѣднія то же украдены! Кого заподозрить въ такомъ неблаговидномъ дѣлѣ?!—Смолчалъ, чтобы не скомпрометировать кого ошибочно, не выводитъ ссоры...

Ефремъ накрылъ на столъ; персы удалились, и мы, вдвоемъ съ Нарсесомъ, ждемъ что-то противъ обыкновенія запоздавшаго Грошева.

Послали за нимъ—является, угрюмой такой, и, пошатываясь, выпилъ рюмку за рюмкой.

Шельмы персы! выругался онъ за вторымъ блюдомъ, не проронивъ до сего ни слова.—Поскорѣй-бы убраться съ Сябзавара.

— По вашимъ увѣреніямъ, послѣ завтра выѣдемъ, замѣтилъ я.

— Пожалуй пройдетъ и семь дней, пока справлюсь. Московская укупорка ни къ чорту не годится; приходится все на ново мастерить.

— Что-жъ я-то буду дѣлать здѣсь?

— А то, что и я: ворочать тюки, укупориватъ..

— Не за тѣмъ ѣхалъ... Не лучше-ли отправиться мнѣ впередъ, и пока вы собираетесь въ дорогу — не спѣша ознакомиться съ нею, а за тѣмъ подготовить для васъ помѣщеніе въ Мешхедѣ; какъ вы думаете?

— Дѣлайте, какъ знаете.

— Не лучше-ли намъ дѣйствовать съ общаго согласія?..... Тѣмъ болѣе, что, согласно условію съ Глуховскимъ, мнѣ придется обращаться за деньгами къ вамъ.

— *Ни копѣйки не получите*!

— Въ такомъ случаѣ я уѣзжаю сего дня-же..

— *Не поѣдете вы безъ меня ни шагу*! заревѣлъ онъ.

— Не орите!.. Поѣду.. Потому что, вы съ первой же встрѣчи со мной, нарушили, и продолжаете нарушать мои условія съ Г-мъ!.. Нарсесъ, будьте добры, наймите для меня и Шафѣева лошадей.

— Не дамъ я вамъ Шафѣева! — Не дамъ!!!.. Тутъ Грошевъ выругался; я пригрозилъ расправиться съ нимъ дома:

— Или русскому сидѣльцу, привыкшему дѣйствовать въ Россіи изъ подъ палки, въ Персіи можно все дѣлать безнаказанно?!

— *А наплевать*!.. *У меня есть инструкція отъ «нашего» хозяина, гдѣ сказано, что я начальникъ...*

Каравана!.. И онъ пошатываясь вышелъ изъ за стола, исподлобья взглянувъ на привлеченную шумомъ толпу зѣвакъ у воротъ, между тѣмъ какъ Нарсесъ, тщетно

упрашивавшій его не ссориться, растерянно покачивалъ головою:—«Ахъ, это не годится: два руссихъ пріѣхали и поссорились.»

— Выпилъ лишнее!

— Да-съ; онъ купилъ сегодня у Юсуфа бутылку водки и всю выпилъ.

— Какъ бы то нибыло, не я прошу васъ немедленно нанять мнѣ лошадей въ Мешхедъ.

Въ это время подошелъ къ намъ изморенный Шафѣевъ съ жалобой на Грошева:

— *Каждый день ругается, заставляя меня работать не по силамъ...*

— *Грошевъ*—перебиваетъ Нарсесъ—*Персіанъ бьетъ, ругаетъ*; *Грошевъ не хорошій торговый человѣкъ.*

— Вотъ что Шафѣевъ, не выходя отсюда, подумайте, и скажите: ѣдите-ли вы со мной, въ качествѣ переводчика, или остаетесь при Грошевѣ?

— Онъ только-что *угрожалъ не заплатить мнѣ ни копѣйки жалованья, если пойду съ вами...*

Безъ переводчика и денегъ! подумалъ я, закуривая сигару, и тутъ-же составилъ планъ, къ выполненію коего не медля и приступилъ: продалъ Нарсесу часть аптеки— вотъ и деньги! За тѣмъ купилъ на дорогу кострюльку, мѣдный чайникъ, стаканъ, десятокъ яицъ и лавашу, а Нарсесъ, при содѣйствіи полиціймейстера, нанялъ для меня за пять тамановъ, вплоть до Мешхеда, верховую лошадь и катера подъ вьюкъ.

— Надежный-ли червадаръ? обратился я къ блюстителю порядка. — Помните, что я имѣю къ правителю Харассана нѣсколько пакетовъ; въ случаѣ несчастія со мною—вы дорого поплатитесь!

— За этого человѣка ручаюсь головой... Напишите мнѣ съ Мешхеда: остались вы довольны имъ или нѣтъ.

— Стряпать умѣетъ?

— Говоритъ—умѣетъ.

— Отлично. Вотъ еще что: не напишите-ли Нина-

пургскому полиціймейстеру нѣсколько словъ обо мнѣ? и подставилъ ему клочокъ бумаги и чернило.

Еслибы сказали раньше, продолжалъ переводить Нарсесъ, онъ велѣлъ-бы своему секретарю написать письмо.

— А самъ?

— *Неграмотный.*

За тѣмъ, любезный Нарсесъ снабдилъ меня рекомендательными письмами: въ Нишапуръ — къ знающему нѣсколько порусски купцу Мешеди Джаватъ Каширскому, проживающему въ караванъ-сараѣ «Мустафи», гдѣ совѣтуютъ и мнѣ остановиться, и еще въ Мешхедъ— къ своимъ пріятелямъ персамъ.

Посовѣтовавшись, не взять-ли съ собою, для большей безопасности, «Михмандора« (казеннаго проводника), что впрочемъ выполнимо было только при денежныхъ средствахъ, я принялся укладывать вещи и аптеку, какъ почти вбѣгаетъ большой пріятель Нарсеса, знакомый мнѣ «баби.»

—Дай лекарства.

— Какого?

— Животъ схватило.

— Неси скорѣй склянку.

Приноситъ, но грязнѣйшую, въ краскѣ

— Не годится.

— Ничего,—лей.

— Отыскиваю желудочныя капли, — запропастились гдѣ-то! И тотъ, разсердившись, чуть не съ бранью вышелъ.

Уже смеркается, а лошадей нѣтъ. Вооруженный револьверомъ въ сильномъ нетерпѣніи шагаю по «тексту». Наконецъ, благодаря усердію Нарсеса, уже въ потемкахъ привели ихъ.

— Только—оговорился онъ—хозяинъ требуетъ прибавки по крайнѣй мѣрѣ двухъ тамановъ...

Послѣ долгихъ, горячихъ споровъ сошлись на таманѣ, однакожъ съ тѣмъ, что содержаніе черводара, въ дорогѣ, я принимаю на себя, а по благополучномъ прибытіи въ Мешхедъ, выдамъ ему денежную награду.

Было ровно половина осьмаго часа, когда я съ Нарсесомъ, вызвавшимся проводить меня до городскихъ воротъ, садился на коней. На дворикѣ—ни Шафѣева, ни армянъ, ни души! Все потянуло къ Грошеву... за исключеніемъ благодарнаго, за сына своего, арендатора караванъ-сарая, ощупью выступавшаго впереди съ тусклымъ фонаремъ; за нимъ, спотыкаясь, подымался по ступенькамъ вьючный катеръ, съ пѣшимъ червадаромъ, за которымъ слѣдовалъ я, рядомъ съ Нарсесомъ.

— Не оступитесь—здѣсь яма!.. еще канавка! поминутно предостерегалъ онъ меня, когда мы ѣхали по длинному—длинному, темному, пустынному базару, но совершенно напрасно: чуткій конь, насторОживъ уши, осторожно ступалъ, точно пробуя подъ собою почву... Между тѣмъ, сквозникъ обсыпалъ насъ пылью, а двое - трое полунагихъ нищихъ, не то—базарныхъ сторожей, неотступно протягивали руки за подачкой; и лишь добрались мы до площадки, что передъ запираемыми на ночь городскими воротами, какъ поднялся ужаснѣйшій вихрь: пыль засыпала глаза, уши, ротъ; кони, фыркая и дрожа всѣмъ тѣломъ, рвались назадъ.

— Что-жъ сторожъ не отворяетъ воротъ? кричу я, глотая пыль, маленькому Нарсесу, еле-сдерживавшему своего рослаго аргамака; но вѣтеръ заглушалъ голосъ.

— Ворота!.. Ворота отворить!

— Сторожу нужно заплатить! точно плачетъ въ отвѣтъ Нарсесъ. — Дайте пожалуйста... Не могу удержать коня!

Вышаривъ съ трудомъ серебряную монету, сунулъ ее въ чью-то протянутую ко мнѣ руку, и только-что ворота отворились, какъ насъ обдало цѣлою тучей стремительно несшейся, крутясь снизу вверхъ, пыли.

— Счастливаго пути! донесся дрожью замирающій голосъ Нарсеса, котораго уже несъ стрѣлой аргамакъ по базару.

Счастливаго пути! прошептала темная фигура съ боку меня... И ворота затворились за нами.

Смерчъ разгулялся, темь усилилась, и моя лошадь пугливо кружится на мѣстѣ, не смотря на безпощадные удары нагайки.

— Гони катера впередъ! кричу червадару, закуривая носогрѣйку.

— Нейдетъ!.. Онъ пріученъ ходитъ слѣдомъ за нею, чуть не плачетъ тотъ; скверная минута...

— Штуки джиновъ?! подшучивалъ я надъ нимъ, вспомнивъ повѣрье персовъ, приписывающихъ эти пыльные смерчи (*) духамъ.

— Джинъ, джинъ!..

Жаль, что не принадлежу къ почтенному сословію моллъ, а то-бы (согласно тому-жъ повѣрью) „заговорилъ смерчь, и на мѣстѣ появленія его загрёбъ-бы, вмѣсто пыли, цѣлую пригоршню крановъ“... которыхъ, между нами будь сказано, хватитъ у меня только до Мешхеда, а тамъ придется, или вещи продавать, или лѣчитъ за гонораръ...

(*) Смерчи—нерѣдки здѣсь вслѣдствіе благопріятнаго, для образованія ихъ, расположенія горныхъ кряжей на возвышенномъ пластѣ глиняного Ирана.

Учащенные удары чарводарской палки о бока обезумѣвшей отъ страха скотины, подвинули дѣло впередъ, и мы, крупною рысью, поскакали по дорогѣ, гдѣ уже не такъ чувствовалась шалость „джиновъ".

Переписка Лаврентія Гангенелли (Папы Климента XIV) и Карла Бертинаци.

(Окончаніе).

ПИСЬМО 26.

Карлу Бертинаци.

Римъ. 23-го апрѣля.

Какъ я предчувствовалъ, что возвышеніе должно принести мнѣ несчастіе, такъ и сбылось. Оно привлекло ко мнѣ очень много просителей и докучныхъ поклонниковъ, и ни одного друга; и вотъ теперь, для довершенія моего горя, я получаю письмо отъ перваго друга моего, котораго считалъ до сей поры вѣрнымъ и преданнымъ себѣ, знавшимъ меня, какъ мнѣ казалось, неспособнымъ поддаться соблазну гордости, и какимъ слогомъ оно написано! Слогомъ почтенія и преданности формальной, вмѣсто преданности сердечной.

Святой Павелъ говоритъ: я пришелъ просить у нихъ воды изъ освѣжительнаго источника, а они дали мнѣ только золота. Мой милый и дорогой Карлино, возобновимъ нашу прежнюю. дружескую короткость навсегда, какъ это было условлено между нами: вѣрь мнѣ, я все тотъ-же Лаврентій, какимъ былъ до моего злополучнаго возвышенія, и красная кардинальская шапочка прикрываетъ все того-же крестьянскаго сына изъ бѣдной деревни Сент-Анжело.

Ты должень былъ лучше понимать меня и знать, что меня не можетъ ослѣпить моя новая блестящая судьба. Душа не принимаетъ окраски, а мы ею только и можемъ гордиться. Господь Богъ, вложивъ ее въ насъ при нашемъ созданіи, даровалъ намъ въ тысячу разъ болѣе,

чѣмъ могутъ дать всѣ почести и блага міра. Можетъ ли пурпуръ прельстить взоры, обращенные къ вѣчности и привыкшіе созерцать ея неизмѣримость и величіе? Всѣ эти земныя почести не кажутся мнѣ важнѣе нѣсколькихъ буквъ, прибавленныхъ къ моей надгробной эпитафіи. Почувствуетъ ли прахъ мой, когда на моей могилѣ будетъ стоять—эминенція? А въ той загробной жизни будетъ ли для меня отрадой, когда здѣсь назоветъ меня какой нибудь слабый голосъ, или напишетъ въ лѣтописяхъ бренной рукой — кардиналъ Ганганелли?

Я былъ убогій монахъ, теперь я очень печальная и скудная эминенція! Десять тысячь дукатовъ, назначаемыхъ папою кардиналамъ для поддержанія наружнаго достоинства ихъ сана, я отдаю бѣднымъ (наконецъ-то я могу имъ помочь!). Что-же касается лично до меня самого, то мнѣ достаточно того обезпеченія, какое я получаю до сихъ поръ отъ брата Франциска Жіорольда, въ которомъ онъ мнѣ до сихъ поръ не отказывалъ: вотъ все, что составляетъ мой бюджетъ. Моя особа не расширилась и не увеличилась съ той поры, какъ я попалъ въ высокій чинъ, и потому для ухода за собою не нуждаюсь въ прибавленіи лишнихъ рукъ. Зачѣмъ сажаютъ и везутъ меня въ каретѣ, когда до сихъ поръ мнѣ такъ хорошо было ходить пѣшкомъ? Моя келья была мнѣ такъ удобна и мила; зачѣмъ принуждаютъ меня покинуть ее для болѣе просторнаго помѣщенія, нужнаго собственно не мнѣ, а для офиціальныхъ пріемовъ? Я все-таки, время отъ времени, возвращаюсь въ эту келью, свидѣтельницу моихъ тихихъ радостей и думъ, гдѣ я часто бывалъ спокойнѣе и довольнѣе многихъ царей земли. Какъ знакомы и уютны для меня всѣ ея углы, самыя стѣны ея смотрятъ на меня дружелюбно. Сколько ночей, проведенныхъ мною въ ней, пролетѣли, какъ сновидѣніе!... Нѣтъ, я никогда не покину ея совершенно, этотъ дорогой мнѣ пріютъ для меня тоже, чѣмъ была Филоктету его Лемновская пещера. Еслибы я долженъ былъ съ нимъ совсѣмъ разстаться, я сказалъ бы, какъ онъ: «Прощай уединеніе, гдѣ я стра-

далъ, гдѣ вздохамъ моимъ отвѣчало одно эхо. Да удалюсь отсюда счастливый въ тотъ путь, который указываютъ мнѣ небо и мои друзья». Увы! кто, подобно Гомеровскому воину, пронзенному стрѣлами, не укрывалъ ранъ на груди своей? Его исцѣлилъ чудесный бальзамъ; я знаю другой, исцѣляющій наши раны—это смерть, ведущая за собою надежду и благость Создателя.

ПИСЬМО 27.

Лаврентію Ганганелли.

Парижъ. 21 ноября 1764 г.

Что дѣлаете вы, совѣтники Папы?.. Что думаете, и чего ожидаете? Весь Парижъ взволнованъ негодованіемъ противъ Римскаго двора. Королевскія войска, какъ я слышалъ, готовятся овладѣть Авиньономъ. Съ своей стороны Неаполь можетъ отрѣзать у васъ Беневенто и Понте-Корво. Какимъ образомъ надѣетесь вы царствовать также благополучно въ Пармѣ, какъ и въ Витербѣ, послѣ того, какъ вы вооружили противъ себя всѣхъ властителей Европы, происходящихъ изъ знаменитаго и многочисленнаго дома Бурбоновъ? Всѣхъ этихъ племянниковъ, дядей, самого дѣдушки дона Фернанда Пармскаго....

Имѣется ли достаточно войска священныхъ владѣній поддержать силу буллы, которую читаетъ его святѣйшеству каждый четвергъ кардиналъ-діаконъ у дверей святаго Петра? Почтенный Климентъ XIII увѣренъ ли вполнѣ, что бросаемый имъ пылающій факелъ среди народной площади сожжетъ всѣхъ еретиковъ, дерзнувшихъ нарушить ея уставы? Парижскій парламентъ уже отвергаетъ ее, Австрійцы также отказываются ее исполнять, Венеціанцы тоже, Португальцы тоже: послѣдніе ожесточены болѣе, чѣмъ всѣ прочіе, они увѣряютъ, будто іезуиты, главная причина всѣхъ этихъ возстаній, подсыпали не много яду въ кушанье и питье ихъ короля во время его путешествія изъ Лисабона въ загородный дворецъ.

Чему долженъ я вѣрить изо всѣхъ этихъ слуховъ? Я питаю себя надеждою, что ваша милостивая эминенція

не откажется разсѣять мракъ, окружающій его бѣднаго маленькаго друга среди большаго города, гдѣ только и говорятъ о всѣхъ этихъ новостяхъ.

Никогда я столько не слышалъ объ іезуитахъ, какъ теперь, въ ту минуту, когда христіаннѣйшій король декретомъ своимъ приказалъ изгнать ихъ изо всѣхъ своихъ владѣній. Сперва они еще довольно сильно противились было Парламенту, но потомъ издано было повелѣніе закрыть ихъ школы, институты и коллегіи; наконецъ, эдиктомъ короля Людовика XV отъ 5 сего мѣсяца уничтожены всѣ ихъ общества во всей Франціи и на всегда безвозвратно.

Я полюбопытствовалъ прочесть исторію этихъ іезуитовъ съ самаго начала основанія ихъ ордена. Признаюсь, нечего сказать, молодцы! Если только дѣйствительно они совершили, хотя только половину изо всѣхъ тѣхъ подвиговъ, которые приписываются имъ, то они вполнѣ заслужили проклятіе отъ христіанскаго міра.

Правда ли, что основатель ихъ ордена былъ Кастильскій дворянинъ? Что во время осады Пампелуны ему сломали ногу, вправили, и по собственному его желанію переломили опять, какъ вправленную не вѣрно. Послѣ первой операціи онъ охромѣлъ, а послѣ второй остался совсѣмъ безъ ногъ. Отъ огорченія онъ рѣшился пойти въ монахи и будтобы сдѣлался рыцаремъ Святой Дѣвы, такъ какъ потерялъ всякую надежду нравиться простымъ смертнымъ дамамъ. Правда ли, что онъ именно на этомъ своемъ ложѣ страданія, лёжа все на спинѣ, надумалъ мысль основать орденъ братства, что и привелъ въ исполненіе въ 1540-мъ году? Прибавляютъ, будто бы этотъ достойный синьоръ Игнатій Лоіола на тридцать пятомъ году своей мудреной жизни добровольно подвергался постыдному исправительному наказанію по нѣкоторымъ частямъ, на равнѣ съ прочими школьниками самого нѣжнаго возраста.

Орденъ исключительно началъ свое процвѣтаніе, то есть обогащеніе, черезъ иностранныя и отдаленныя мис-

сіи, и процвѣлъ до того, что убогіе служители Бога могли бы сдѣлаться владѣтелями престола Парагуанскаго царства.

Іезуиты пользовались различными источниками обогащенія: здѣсь они выдѣлываютъ сахарный рафинадъ, тамъ увеличиваютъ доходы со своихъ домовъ, отдавая ихъ въ наемъ дамамъ легкаго поведенія и сомнительной нравственности.

Въ Европѣ они имѣли процессъ съ аптекарями за продажу безъ патента. Въ Индіи они занимаются еще болѣе преступною промышленностью, нарушая священнѣйшія наставленія апостола *). Оправдываясь тѣмъ, что они раздаютъ индійцамъ свои благословенія, медали и образа, писанные на пергаментѣ, они получаютъ въ знакъ признательности отъ обращенныхъ кофе, полотна, и какао. Отецъ Лавалетъ, напримѣръ, роздалъ такъ много образковъ и получилъ въ благодарность за нихъ такъ мало какао, что сдѣлалъ маленькое банкротство въ 3.500,000 ливровъ. Почтенный отецъ Лаворій, по возвращеніи своемъ изъ Пондишери, испросилъ у герцога де-Шоазеля маленькій пансіончикъ въ 400 ливровъ, съ которымъ и удалился въ Пѐригоръ окончить тамъ свое скромное существованіе, и послѣ благополучной кончины своей оставилъ 1.250,000 франковъ золотомъ, драгоцѣнными каменьями и заемными письмами.

Генрихъ IV, котораго іезуиты, какъ видно, не очень долюбливали, указывалъ на ихъ жадность и привычку наживаться на счетъ своего ближняго **). Я съ удивленіемъ читалъ рѣчь генеральнаго адвоката, господина Дебенуа, произнесенную имъ въ Тулузскомъ парламентѣ объ іезуитахъ, именно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: мы должны оплакивать кровавыми слезами тѣ минуты, когда пустили къ себѣ и отогрѣли на груди своей этихъ ядовитыхъ змѣй. Какъ люди способные скоро и безцеремонно втираться въ семейство, обогащаясь ихъ же трудовыми кро-

*) Nemo militas Deo implicat, Se negotiies seculatibus.
**) Lettre du 17 Août—1598.

хами, они вкрадывались въ довѣренность своею двуличностью, и, овладѣвъ нравственною авторитетностью, подчиняли ихъ себѣ совершенно.

Покойный Даміенсъ подозрѣваемъ былъ въ іезуитизмѣ, Польтротъ и Равальякъ, оба изъ Ангулема, были также іезуиты. Вчера мнѣ сообщили, что папа Иновентій XIII былъ пораженъ внезапною и таинственною смертью за минуту, какъ готовился нанести рѣшительный ударъ этому коварному обществу. Ты позволилъ мнѣ говорить съ тобою съ прежнею откровенностью и свободой, и вотъ я пользуюсь этимъ разрѣшеніемъ, можетъ быть, слишкомъ широко, представляя тебѣ всѣ эти вопросы, не имѣющіе ни порядка, ни связи: но меня волнуетъ грозная будущность, ожидающая всѣхъ этихъ реформаторовъ и ихъ жертвъ, вся эта корпорація миссіонеровъ и казуистовъ, въ которой отмѣчены уже такія имена, какъ: Гиноръ, Эскоборъ, Гарассъ, Молона, Котонъ, Лашезъ и Тамбурини. Что съ ними будетъ?

ПИСЬМО 28.

Карлу Бертинаци.

Римъ. 7-го іюня 1766 г.

Съ каждымъ днемъ я вижу все болѣе и болѣе причинъ спѣшить всеобщимъ умиротвореніемъ. Что касается до Пармскихъ дѣлъ, то здѣсь о состояніи ихъ дѣйствительно заблуждаются; что же до іезуитовъ, то это совсѣмъ другое дѣло.

Не слѣдуетъ дѣйствовать и писать такъ настойчиво, какъ это заставляютъ дѣлать нашего святѣйшаго отца, когда невозможно поддерживать свое слово силою, иначе авторитетность подрываетъ сама себя. Владѣтельное право, которое здѣсь заявляютъ на герцогство Пармское, совсѣмъ некажется мнѣ основательнымъ. За Римомъ я признаю вполнѣ только духовнаго характера священную опеку надъ всѣми католическими государствами. Владѣнія его, непосредственно подлежащія налогамъ, собствен-

но церковныя и утвержденныя съ общаго согласія государей. Еслибы святому отцу представили всѣ пожертвованія и благотворенія французскихъ королей въ пользу папскаго престола, то я не сомнѣваюсь, что со свойственною его чистому сердцу справедливостью, онъ не поколебался бы согласиться на уступку этого герцогства внуку Людовика XV. Впрочемъ, рано или поздно почувствуется необходимость исполнить это, если не самимъ Климентомъ XIII, то однимъ изъ его преемниковъ.

Поговариваютъ уже о собраніи консисторіи, въ которой будутъ обсуждаться эти важные вопросы. Было бы безумство противиться слишкомъ долго соглашенію со всей массой протестующихъ властителей. Домъ Бурбоновъ имѣетъ между ними повсюду своихъ представителей, и было бы не только несправедливо, но и безрасчетно въ политическомъ отношеніи не согласиться съ ними. Слѣдуетъ замаскировать свое безсиліе, отстоять право подъ видомъ добровольной уступчивости. Я говорю это открыто, и сказалъ такъ самому Клименту; видно было, что слова эти заставили его задуматься. Въ слѣдствіе этого французскій посланникъ, бывшій тутъ свидѣтелемъ, пророчилъ мнѣ большое вліяніе на послѣдующихъ собраніяхъ.

Что до іезуитовъ, то я нахожу, что нападки на нихъ слишкомъ страстны и враждебны. Я не одобряю ихъ открытыхъ враговъ, которые обращаются на нихъ съ угрозой, и ихъ свѣтскихъ недоброжелателей, позволяющихъ себѣ на ихъ счетъ шутки и насмѣшки слишкомъ дурнаго тона, и я не исключаю изъ числа послѣднихъ моего милаго корреспондента.

Я очень понимаю, что можно ограничить и даже совсѣмъ уничтожить этотъ орденъ. Папа, какъ глава всей церкви христіанской, имѣетъ полномочіе какъ насаждать, такъ и искоренять по своему усмотрѣнію; при основаніи своемъ ни одно религіозное учрежденіе не признано непогрѣшимымъ или несокрушимымъ. Тампліеры были уничтожены, когда потребовали того всѣ государи и папа.

Этому послѣднему предоставляется право судить, когда которое изъ учрежденій продолжаетъ быть полезно или перестаетъ имъ быть. Меня однакоже поражаетъ всеобщая забывчивость и неблагодарность въ отношеніи самихъ іезуитовъ: надо признать за ними большія заслуги передъ святымъ престоломъ, а потому и передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ; не должно забывать сколькихъ полезныхъ книгъ они были издателями и творцами. Уничтоженіе этого ордена было бы значительной потерей.

Я думаю, что они сами могли, и даже должны были бы идти на встрѣчу концессіи, которую слѣдовало бы отъ нихъ потребовать. Пусть лучше покорятся они благоразумной реформѣ. Начальникъ кармелитовъ, отецъ Понтальтъ, былъ хорошій политикъ, когда просилъ Португальскаго короля помочь ему противодѣйствовать успѣхамъ торговли этихъ монаховъ въ Бразиліи. Если бы одинъ изъ моихъ хорошихъ друзей, отецъ Тимона (іезуитъ), сдѣланъ былъ начальникомъ своего ордена, то я увѣренъ, онъ не довелъ бы его до его паденія.

Но возвращаюсь къ дѣламъ съ Франціею, Испаніею, Португаліею, Неаполемъ и герцогствомъ Пармскимъ, чтобы удовлетворить твоему дипломатическому апетиту. Всѣ эти дворы добьются отъ насъ всего, чего желаютъ. Для Рима прошло уже время, когда христіане всѣхъ возможныхъ разрядовъ и націй несли ему свои дани и безпрекословное повиновеніе. Ужасная мысль! Первыя уступки ведутъ къ другимъ, и кто поручится, что если не сами посягающіе теперь на церковную землю, то преемники ихъ не потребуютъ раздѣлить также между собою и тѣло самого Спасителя.

Одна гипотеза не подлежитъ никакому сомнѣнію—это та, что еслибы они потребовали ограниченія дѣйствія и силы вѣры на общественную совѣсть, тутъ уже невозможно допустить нималѣйшей уступки, и единственнымъ отвѣтомъ нашихъ священниковъ было бы мученическая смерть ихъ на святомъ алтарѣ.

ПИСЬМО 29.

Лаврентію Ганганелли.

Парижъ, 31 марта 1768 г.

Мнѣ помнится, я уже писалъ тебѣ о томъ, что опять занялъ свое мѣсто въ театрѣ улицы Монкотейль и продолжаю, какъ говорится, пожинать мои лавры. Авторы пишутъ для меня роли и совѣтуются со мною въ своихъ произведеніяхъ. Я теперь не имѣю соперниковъ въ чести развлекать почтеннѣйшую публику за исключеніемъ развѣ огненныхъ ракетъ, солнцевъ и колесъ во время антрактовъ между двумя пьесами нашего спектакля.

У меня много новыхъ знакомствъ, но изо всѣхъ ихъ общество двухъ только доставляетъ мнѣ удовольствіе, а именно: одинъ молодой офицеръ де-Флоріанъ, служащій въ свитѣ герцога де Понтьевра, другой нашъ Гольдони. Это пріятные и умные люди; съ остальными я только скучаю.

У остальныхъ одинъ любимый предметъ разговора: ихъ собственная персона и ея достоинства. Большая часть авторовъ раздѣляютъ вселенную на двѣ половины: одну составляютъ тѣ, которые ихъ хвалятъ и ими восхищаются, другую, равнодушную къ ихъ созданіямъ; первые честные и порядочные люди, остальные негодяи и отъявленные мерзавцы. Нѣкоторые изъ нихъ до идіотизма ослѣплены своимъ самодовольствомъ и эгоисты до одуренія. Стоитъ только кормить ихъ, этихъ старыхъ ребятъ, изношенными до пошлости комплиментами, и они сами, какъ собаки, заходятъ за тобою по пятамъ. И въ тоже время и тѣми же самыми напыщенными авторами высказывается иногда напускная притворная скромность.

На дняхъ меня пригласили или, лучше просто сказать, потащили въ Сco (Sceaux) присутствовать при чтеніи старика Панарда въ домѣ герцога де-Пентіевра. Онъ читалъ піесу своего сочиненія, которой стиль вовсе не

подходитъ къ его направленію и способностямъ, и потому она вышла очень плоха. Тутъ я имѣлъ богатую пищу для моей наблюдательности и изученія типическихъ чертъ характеровъ любителей изящной литературы. Передъ своею близкою смертью этотъ бѣдный Панардъ почти совсѣмъ оглохъ. Вотъ онъ вытаскиваетъ изъ своего глубокаго кармана свою рукопись, всѣ усѣлись, расположившись возможно спокойнѣе его слушать. Слушатели эти составляли, по принятому обыкновенію, правильный и форменный полукругъ, всѣ со шляпою подъ мышкою и при шпагахъ вдоль ноги. Сначала замѣчалась большая сосредоточенность и напряженное вниманіе, выражавшееся неподвижно устремленными взглядами на чтеца. Потомъ сталъ примѣшиваться къ монотонному голосу его довольно внятный, мягкаго баритоннаго свойства храпъ одного изъ именитѣйшихъ аристарховъ этого круга. Начинаютъ подчивать другъ друга табакомъ, я самъ предложилъ свою табакерку одному сосѣду, который имѣлъ видъ присутствующаго на обѣднѣ; но вотъ всхрапыванія учащаются и усиливаются, къ счастью Панарда, онъ ихъ не слышитъ, даже во время перелистыванія страницы.

Далѣе у одного изъ слушателей выпадаетъ изъ рукъ шляпа, и никто не наклоняется ее поднять; нѣсколько минутъ спустя падаетъ еще одна, наконецъ третья; еще нѣсколько мгновеній и полъ комнаты, гдѣ мы сидѣли, рисковалъ обратиться въ поле сраженія послѣ битвы, съ безчувственно неподвижными тѣлами въ тѣхъ положеніяхъ, какъ ихъ застала смерть, и валяющимися шляпами и табакерками! Но въ ту минуту, когда силы самыхъ стойкихъ изъ этой доблестной фаланги любителей чтенія готовы были измѣнить имъ, чтеніе благополучно оканчивается. Тогда-то надо было видѣть картину послѣдовавшей перемѣны.

Одинъ изъ этихъ храбро отсутствующихъ встаетъ и подходитъ къ Панарду, беретъ его подъ руку и говоритъ ему голосомъ больнаго на исповѣди: я имѣю многое,

что вамъ сказать. Да, многое о вашемъ трудѣ (Панардъ старательно прислушивается). Сочиненіе ваше прекрасно, прекрасно, я не отступаюсь отъ моего слова, и притомъ увлекательно своею веселостью, но я нашелъ, что оно немного коротко.—Я давно не проводилъ такихъ пріятныхъ четверть часа, воклицаетъ въ голосъ другой, подымая свою упавшую табакерку и шляпу. Это возбудило разумѣется въ почтенной аудиторіи легкій и не продолжительный смѣхъ, который былъ принятъ авторомъ и чтецомъ за одобреніе. Его окружили и осыпали похвалами самыми дерзкими и сулили ему громадный успѣхъ. Одна изъ моloденькихъ дамъ, такъ какъ и онѣ тутъ были, проглатывая свое апельсинное мороженое, тоже выражала свое удовольствіе, неизвѣстно впрочемъ къ чему относившееся.—Это восхитительно! повторялъ за нею сидѣвшій подлѣ нее маркизъ и пожиравшій взорами ея плечи.

Мы съ мосье де Флорьеномъ подошли также къ почтенному автору. Этотъ добрый и очень не глупый старикъ напоминаетъ своею фигурою Лафонтена; онъ сейчасъ понялъ изъ нашего молчаливаго пожатія рукъ, что мы далеко не были такъ довольны, какъ старались это выразить ему прочіе. Онъ довольно наивно далъ намъ въ свою очередь почувствовать, что и самъ былъ съ нами одинаковаго мнѣнія о своемъ произведеніи, и когда мы, простившись съ нимъ, удалялись, услышали за собою голосъ, говорившій не безъ ироніи и вызывающій на веселость (въ эту минуту входили въ комнату пары танцоровъ и фокусниковъ): вотъ теперь, господа, мы повеселимся!

ПИСЬМО 30.

Карлу Бертинацци.

Римъ. 16 апрѣля 1769 года.

2-го февраля, то-есть прошлаго мѣсяца, въ 9 часовъ вечера передъ отходомъ ко сну, съ святымъ отцомъ сдѣ

лались внезапно сильныя конвульсіи и, вмѣстѣ съ отчаяннымъ крикомъ, отъ него отлетѣло дыханіе. Онъ умеръ.

Эта неожиданная и странная смерть занимаетъ теперь всѣ умы; весь Римъ оплакиваетъ его смерть и считаетъ ее для себя огромной потерей. Климентъ отличался безукоризненнымъ усердіемъ въ отправленіи своихъ обязанностей, высокою нравственностью и евангельскимъ благочестіемъ. Онъ, конечно, доступенъ былъ и нѣкоторымъ заблужденіямъ, такъ напримѣръ: его не предвидѣніемъ были депущены недостатки въ продовольствіи на голодное время въ нѣкоторыхъ его владѣніяхъ; также настойчивость его въ дѣлѣ герцогства Пармы, его апостолическая булла навлекла на нашу церковь грозныя бури; но онъ получилъ уже предостереженія объ этихъ опасностяхъ, въ которыхъ поставили его совѣты окружавшихъ его, и онъ ужъ рѣшилъ еще наканунѣ своей смерти собрать всѣхъ насъ для совѣщанія по этимъ дѣламъ.

И вотъ вмѣсто консисторіи, предполагаемой имъ, послѣдовалъ конклавъ для выбора ему преемника. Я также нахожусь заключеннымъ вотъ уже 14 дней и не имѣю возможности предвидѣть близости моего освобожденія. Еслибъ письмо это и дошло бы до тебя прежде объявленія выбора верховнаго владыки, то я все-таки не считаю удобнымъ высказывать здѣсь тебѣ своихъ догадокъ на комъ бы онъ могъ остановиться. Этотъ выборъ обыкновенно останавливается на томъ, кого менѣе всего ожидали; и это до такой степени часто случалось, что въ Римѣ сложилась пословица: кто входитъ въ конклавъ папою, выходитъ кардиналомъ.

Мой собственный выборъ давно ужъ сдѣланъ. Святая коллегія имѣетъ въ своемъ составѣ многія личности, достойныя быть представителями этихъ великихъ, но и опасныхъ почестей; но самымъ твердымъ по характеру и сильнымъ по способнотямъ ума я считаю кардинала Корсини. Общественное мнѣніе впрочемъ указываетъ не на него,

а на одного римскаго князя, очень древней и знаменитой фамиліи Киджи.

Никогда и никакой владѣтельный принцъ не былъ избираемъ въ болѣе несчастное для себя время, какъ тотъ, который долженъ возсѣсть теперь на папскій престолъ. Испанія открыто высказываетъ свои неудовольствія на Римъ; Людовикъ XV владѣетъ ужъ Авиньономъ; Неаполь отрѣзываетъ нѣкоторыя наши владѣнія; Венеція дѣлаетъ у себя религіозныя реформы, не испрашивая на то соизволенія верховнаго престола; Польша самопроизвольно ограничиваетъ привилегіи консіатуры; Португалія угрожаетъ выборомъ для себя исключительно верховнаго первосвященника, не оставляя съ нами другаго сношенія, какъ только по вопросамъ объ обрядностяхъ; сами римляне ропщутъ на удаленіе ихъ отъ всей прочей паствы христіанъ другихъ иностранныхъ державъ. Наконецъ, тлѣтворный духъ крутящагося вихря возбужденныхъ умовъ нашего невѣрующаго времени расшатываетъ основы, на которыхъ воздвигнуты престолы и духовные и гражданскіе, и даже самое христіанское начало.

Іезуиты, заинтересованные болѣе всѣхъ другихъ партій въ этомъ волненіи, ими самими вызванномъ, интригуютъ открыто въ пользу того, кто бы могъ имъ содѣйствовать.

Я не особенно желаю имъ успѣха и не раздѣляю съ ними ихъ страстныхъ увлеченій. Не имѣя никакихъ обязательствъ, безъ личнаго честолюбія, безъ тревожнаго ожиданія чего-нибудь, даже и того, которое испытывается обыкновенно изъ простаго любопытства или желанія воспрепятствовать той партіи, которой не сочувствуешь, я занимаю пунктъ самый удобный для моихъ наблюденій. Къ томужъ у меня много, даже слишкомъ много свободнаго времени, и отъ нечего дѣлать, вмѣсто развлеченія, я разглядываю эту движущуюся картину, въ которой фигуры группируются, сходятся, расходятся, сгущаются и рѣдѣютъ двадцать разъ на одинъ день. Если бы на моемъ мѣстѣ свидѣтелемъ этого ин-

тереснаго движенія былъ какой-нибудь писатель, сколько матеріалу представилось бы ему для его наблюдательности, и сколько могъ бы онъ вывести философскихъ выводовъ въ своемъ анализѣ исторіи сердца человѣческаго! Я прошу извиненія у моихъ собратій, но мнѣ казалось, что самое ихъ натянутое молчаніе, при внимательномъ наблюденіи, представляетъ не мало интереснаго и даже подчасъ комическаго. Мольеръ, напримѣръ, схватилъ бы здѣсь не одну черту для своей комедіи.

Имѣешь ли ты понятіе о конклавѣ при выборѣ папы? Это собраніе старцевъ, болѣе занятыхъ въ сущности вещами бренной земли, чѣмъ надеждами и радостями неба. Нѣкоторые изъ нихъ хотятъ казаться болѣе слабыми и болѣзненными, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, чтобы тѣмъ возбудить къ себѣ еще болѣе участія въ благопріятствующей къ себѣ партіи. Большую часть изъ этихъ эминенцій неоставляетъ никогда надежда быть выбранными, и принимая на себя такой разслабленный и болѣзненный видъ, они расчитываютъ вѣрно, такъ какъ дѣйствительно возбуждаютъ наибольшую симпатію и меньшую опасливость во всѣхъ партіяхъ. Какой-нибудь ревматизмъ или подагра имѣетъ здѣсь свои привиллегіи: потому что честолюбіе, какъ и смерть, расчитываютъ на одни и тѣ же шансы.

Гробъ всегда служитъ ступенью къ трону. Я полагаю, нашлись бы такіе кандидаты, которые, не имѣя возможности взойти на него въ настоящую минуту, не отказались бы взять отступнаго со своего конкурента, еслибы только слѣдующее царствованіе имѣло свой опредѣленный и ограниченный срокъ. Ты самъ знаешь, какъ пастухъ изъ Анконы весело бросилъ въ огонь свои костыли, какъ только возложили на его голову римскую тіару! Также и Левъ X-й, избранный на 30-мъ году своей жизни, только послѣ коронованія своего позаботился объ излеченіи своей болѣзни, будто бы смертельной. Странно было-бы опровергать, чтобы коварство и хитрость не прологали бы себѣ дороги и въ нашу святую коллегію. Это

значило бы говорить противъ истины, извѣстной по многимъ фактамъ въ исторіи всѣхъ вѣковъ.

И такъ мы находимся въ заточеніи: каждый въ своей келіи; всякое сообщеніе извнѣ запрещено. Таковъ очень древній обычай, онъ существуетъ съ 1270 года, съ избранія Климента IV-го.

Собраніе кардиналовъ было тогда въ Перузѣ; оно продолжалось шесть мѣсяцевъ. Граждане города, узнавши, что, по причинѣ невозможности соглашенія своего въ окончательномъ выборѣ, собраніе готово было разъѣхаться, силою воспротивились тому и, чтобы заставить его наконецъ положить какое-нибудь рѣшеніе, закрыли всѣ входы зданія, гдѣ оно находилось, въ самомъ практическомъ смыслѣ этого слова, то есть: заложили двери кирпичами и замазали ихъ известью. Такимъ образомъ въ полномъ смыслѣ безвыходное положеніе, въ какомъ находились тогда кардиналы, заставило ихъ сдѣлать выборъ, который палъ на Гвидо Фулькади, иначе Климента IV блаженной памяти.

Если конклавъ собирается въ лѣтнее время, то жара, духота и недостатокъ воздуха отъ сближенія и продолжительнаго соединенія въ одномъ мѣстѣ стольких лицъ, бываютъ нестерпимыя. Въ настоящее время, aria cottiva не такъ жестока; однако же я, по временамъ, чувствую себя не совсѣмъ нормально. Это происходитъ, можетъ быть, отъ того, что я не дѣлаю почти никакого движенія и лишенъ милаго сообщества моихъ книгъ, которое всегда составляло насущную потребность моего существованія. Въ первые дни нашего заточенія мнѣ слышалась большая ходьба по корридорамъ, споры и разсужденія о устройствѣ нѣкоторыхъ удобствъ помѣщенія знатныхъ затворниковъ, и это продолжалось даже среди ночи. Одинъ требовалъ отъ маршала допущенія для прислуги ему болѣе лицъ, чѣмъ позволялъ уставъ; другой приказывалъ обивать его комнату коврами, устроить въ углу ея фальшивый каминъ съ арматурами, изображающими геральдическія украшенія его герба, былъ споръ о томъ, кому

предоставить право назначить себѣ, кромѣ двухъ положенныхъ слугъ коллегіи и двухъ отъ конклава, еще метръ д'отеля, и допущеніе надѣть на нихъ свою ливрею. Тотъ требовалъ своего попугая или свою сороку.

Кардиналъ Т... отказывался отъ всего, лишь бы ему оставили при немъ его любимаго повара. Партіи сгруппировались, наконецъ, на три фракціи: политическую, набожную и нерѣшительныхъ. Мнѣ сдѣлали честь причислить къ первой.

Шутки и игра словъ здѣсь очень въ ходу, какъ внутри нашихъ стѣнъ, такъ и внѣ ихъ. Одинъ изъ нашихъ кардиналовъ спросилъ меня въ присутствіи еще пяти или шести другихъ, тутъ находившихся: желаю ли я быть выбраннымъ? Я отвѣчалъ: время наше очень неблагопріятно для царствующаго въ духовномъ мірѣ вслѣдствіе борьбы со свѣтскою властью. Къ тому жъ вы слишкомъ въ маломъ числѣ, чтобы я могъ расчитывать на вашъ выборъ.

Такимъ образомъ время проходитъ въ пустыхъ разговорахъ, или въ скрытыхъ интригахъ. Кардиналъ Гвирини очень хорошо сравнилъ нашъ конклавъ съ пчелинымъ ульемъ; тѣ жужжатъ, эти кусаютъ, и всѣ слагаютъ медъ и воскъ.

Всѣ эти молодые аббаты всѣхъ націй, собранные здѣсь въ качествѣ ассистентовъ, ловили на перерывъ мѣста конклавистовъ, и многіе изъ нихъ хорошаго дворянскаго рода не побрезгали даже такими должностями, которыя по свойству своихъ обязанностей очень подходятъ къ назначенію прислуги. Я уступилъ настоятельнымъ просьбамъ одного маленькаго аббатика, француза-Неро, очень веселаго гасконца въ тонсурѣ: онъ и братъ Францискъ составляютъ весь мой штатъ и всю мою свиту. Соотечественникъ мосье де-Берни былъ, повидимому, озадаченъ скромностью обстановки моего дома и строгостью его обычая. Со втораго же дня онъ сыскалъ возможность и предлогъ проскользнуть къ сосѣду моему, кардиналу Т.., котораго гастрономическій столъ, вѣроятно, его со-

блазнилъ, мой же обѣдъ испугалъ его своею скудностью. Когда я сказалъ ему, что безпрестанныя посѣщенія его къ кардиналу могутъ подать поводъ къ подозрѣнію меня въ сношеніяхъ съ нимъ (что было запрещено), онъ наивно отвѣчалъ: недоразумѣнія не можетъ быть, такъ какъ у него съ кардиналомъ разговоры бывали всегда при свидѣтеляхъ и не компрометирующаго свойства — о кулинарномъ искусствѣ. Кардиналъ разспрашивалъ у него, напримѣръ, какимъ образомъ дѣлаются консоме и нѣкоторые соусы на французскій манеръ. Я вскорѣ еще болѣе убѣдился въ вѣрности моего француза. Онъ даже сыгралъ съ этимъ кардиналомъ шутку, надъ которой много смѣялись во всѣхъ нашихъ кельяхъ. Добрѣйшій кардиналъ вовсе не претендуетъ на тройной вѣнецъ; но честолюбіе его не отказывается отъ должности государственнаго секретаря, въ томъ убѣжденіи, что такой человѣкъ, какъ онъ, собирая за вкуснымъ столомъ своимъ дипломатическое общество, можетъ имѣть болѣе другаго шансовъ въ дѣлахъ, подкупая желудки своихъ антагонистовъ. Такъ какъ здѣсь образовались главныя двѣ партіи, доминирующія всѣ остальныя, а именно: одна въ пользу іезуитовъ, другая за принцевъ дома Бурбоновъ, кардиналъ гастрономъ измыслилъ имѣть съ обѣими партіями сообщенія, разсчитывая на успѣхъ или той, или другой. Для этого онъ придумалъ довольно оригинальное депо для посылаемыхъ имъ бумагъ, вкладывая ихъ въ пироги и галантины, которые и отправлялъ къ лицамъ по назначенію. Коммисіонеромъ своей почты онъ выбралъ именно моего французика Неро, но коварный аббатикъ умышленно ли по своей добросовѣстности, или просто въ разсѣянности, перемѣшалъ пироги, и вотъ посланіе, въ которомъ кардиналъ съ большимъ усердіемъ выставляетъ на видъ всѣ причины и доводы, вызывающіе закрытіе общества іезуитовъ, получается генераломъ Ричи, начальникомъ этого общества и главною поддержкою конгрегаціи.

Но не все только забавно въ этомъ собраніи: здѣсь

составляются и часто обнаруживаются возмутительные заговоры. Подкупъ отмыкаетъ двери, какъ бы онѣ ни были хорошо замкнуты: посланники соперничаютъ въ своихъ претензіяхъ и даже употребляютъ угрозы надъ коллегами. Есть изъ нихъ такіе, что не стыдятся прибѣгать къ самымъ скрытымъ и сомнительнаго свойства аргументамъ. Правительства дома Бурбоновъ отличаются своею яростью нападковъ на дѣтей Лойолы. Третьяго дня мой собратъ Берни напомнилъ мнѣ, какъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время моего профессорства, въ философіи ратовалъ противъ ихъ доктринъ, и прибавилъ, что объ этомъ было сообщено при его дворѣ какимъ-то монахомъ. Я удивляюсь всѣмъ этимъ нитямъ духовной полиціи.

Намъ предсказываютъ, будто конклавъ долженъ продолжиться еще три мѣсяца: я начинаю опасаться, какъ бы это не было справедливо въ виду стольких непримиримыхъ соперничествъ и интересовъ, скрещивающихся между собою. Какимъ способомъ думаютъ согласитъ двѣ трети всѣхъ голосовъ въ пользу одного лица? Каждый день на алтарѣ ставится кружка, въ которую каждый опускаетъ свой выборъ, и каждый разъ она опоражнивается, не давая требуемаго результата. Слѣдующее утро начинается обѣдней во славу Святаго Духа, и день оканчивается трапезой, въ которой апостолы наши не проявляютъ приличнаго ихъ сану воздержанія.

Во все продолженіе этого канклава оракуломъ служитъ мнѣ одинъ старый прислужникъ. Онъ считаетъ ихъ на памяти своей до пяти, и о каждомъ изъ нихъ дѣлалъ своего рода наблюденія. Нѣкоторые изъ кардиналовъ, ради шутки, захотѣли увѣрить его, будто сегодня утромъ выборъ ужъ сдѣланъ: а я, отвѣчалъ онъ, готовъ прозакладывать что угодно въ противномъ.

Одинъ изъ нашихъ самыхъ престарѣлыхъ кардиналовъ предлагалъ намъ съ общаго согласія предоставить ему одному сдѣлать выборъ. Его нельзя было осудить въ слишкомъ большомъ честолюбіи, но можно было усум-

ниться въ искренности его смиренія; нѣкоторые однако-же уже готовы были согласиться на его предложеніе, какъ къ крайнему средству сократить время, какъ вдругъ монсиньоръ Баромео выступилъ и обратился къ нему съ вопросомъ: читалъ ли онъ исторію Іоанна XXII: при этомъ щеки бѣднаго кардинала-посредника покрылись пурпуромъ, и всѣ засмѣялись, вспомнивъ какъ Іоаннъ XXII (кардиналъ Осситъ) воспользовался такимъ же образомъ довѣріемъ къ себѣ конклава въ 1314 году и самъ надѣлъ на себя вѣнецъ. Въ самомъ дѣлѣ сцена должна была быть очень смѣшной въ ту минуту, когда при сосредоточенномъ вниманіи, они услышали отъ Оссита торжественнымъ голосомъ произнесенныя имъ слова, избиравшія папу: Ego sum papa! Письмо это, къ которому я каждый день приписываю нѣсколько строкъ, милый другъ мой, никогда бы не кончилось, еслибы я захотѣлъ довѣрить ему все то, что безпрестанно поражаетъ мои глаза и заставляетъ скорбѣть мое сердце. То французы предлагаютъ намъ неумѣстныя шутки, то Зеланти (новая фракція) клянутся въ готовности просидѣть еще 6 мѣсяцевъ въ заперти скорѣе, чѣмъ отказаться отъ предпочтенія, отдаваемаго ими кардиналу Стропани. Этотъ представляется равнодушнымъ, тотъ притворяется больнымъ. Тотъ пріобрѣлъ пять голосовъ, а этотъ имѣетъ ихъ семь.

„Сколько желаете вы? за какую цѣну уступите вы свои?“ слышишь безпрестанно повторяемые самымъ наивнымъ тономъ. По вечерамъ застаешь врасплохъ шпіоновъ, подслушивающихъ у дверей; и не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ получили ужъ значительныя внушенія и даже удары тростью, имъ все-таки неймется, и они возобновляютъ свою почетную дѣятельность. Какъ видно, честолюбцы презираютъ всякую опасность, лишь бы получить какія-нибудь извѣстія о своихъ планахъ.

Вчера насильственно вломились въ одну изъ келій, такъ какъ находившійся тамъ собратъ нашъ отказывался заявить свой голосъ въ собраніи. Чувствуется необходимость присутствія среди насъ маршала для возстановле-

нія должнаго порядка. Было открыто отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ, сообщавшее одну изъ келій съ внутренностью церкви. Это приключеніе подало поводъ къ безчисленнымъ толкамъ и заключеніямъ; самое вѣроятное изъ нихъ то, которое падаетъ на воровъ, замышлявшихъ будтобы покуситься на богатое столовое серебро одного изъ кардиналовъ. Пока происходило все это разбирательство, и приходили осматривать это отверстіе, большая часть людей была отвлечена и возвращена къ жизни этимъ невиннымъ развлеченіемъ.

Тѣмъ изъ насъ, которыхъ не считаютъ достаточно расположенными къ интересамъ іезуитовъ, разставляются ловушки, стараются уничтожить всякіе шансы для ихъ избранія: и меня стараются скомпрометировать!

Увы, мой бѣдный Карлъ! какъ грустно видѣть столько суетности, лукавства, коварства, страстей, низости и лжи! Какъ сожалѣю я объ этихъ выборныхъ, а еще болѣе о томъ, кому судила судьба быть ими назначеннымъ — я почти рѣшаюсь сказать—на жертву.

ПИСЬМО 31.

Лаврентію Ганганелли.

Парижъ. 7 мая 1769 года.

Какъ давно ужъ ты мнѣ ничего не пишешь! Я надѣюсь, что это письмо мое встрѣтится съ твоимъ гдѣ-нибудь на Альпахъ.

Извѣстно ли тебѣ, что дядя мой, Гаетано, скончался и оставилъ мнѣ свое богатство. Бѣдный богачъ! Онъ лишалъ себя всего до послѣдняго часа своей жизни. Я поѣду принять его наслѣдство, но никакъ не его кліентуру. Я увижу опять Римъ; осмѣлюсь ли представиться эминенціи?

Я основалъ наконецъ свою прочную резиденцію при здѣшней италіанской комедіи, такъ какъ сдѣланъ членомъ ея общества. Какое радушіе встрѣтилъ я въ моихъ то-

варищахъ! Если отзываются объ нихъ дурно, то это навѣрное клевета, и тѣмъ, которые такъ презрительно называютъ ихъ собранія tripol, я совѣтовалъ бы лучше желать имѣть у себя столько же прямоты, а можетъ быть и ума. Вмѣсто простаго дозволенія вступить въ ихъ кружокъ, какъ честь, они съ истиннымъ благородствомъ дали мнѣ почувствовать, что присутствіе мое въ немъ сами считаютъ украшеніемъ, приписываемою ими мнѣ честностью и будто бы талантомъ. Формальности были устранены, и я былъ выбранъ открытыми единодушными голосами. Я переходилъ изъ объятій въ объятія всѣхъ членовъ моей труппы, начиная съ Каландры и Паитолона, и кончая этою граціозною Корали, замѣнившею теперь Сильвію во всѣхъ вдохновеніяхъ нашихъ поэтовъ.

Поѣздка въ Римъ необходима даже для моего здоровья, которое очень разстроилось въ послѣднее время. Я теперь сталъ похожъ на ипохондрика, до того у меня жалкая мина. На дняхъ я пошелъ посовѣтоваться съ докторомъ Беріо. Этотъ человѣкъ не знаетъ вовсе меня въ лицо, какъ не узналъ, можетъ быть, и мою болѣзнь. Знаешь, что онъ сказалъ мнѣ, выслушавъ мои объясненія: «лучше всего вамъ надо развлечься; ступайте въ италіанскую комедію посмотрѣть Карлино».

Что способно дѣйствительно меня вылечить, это обнять тебя, если я только осмѣлюсь.

ПИСЬМО 32.

Карлу Бертинаци.

Римъ. 22 мая 1769 года.

И такъ вотъ кому суждено было сдѣлаться главою церкви, мнѣ, бѣдному, вышедшему изъ мрака, воспитаннику монастыря. Послѣ девяносто семи дневныхъ безплодныхъ попытокъ, я вдругъ очутился подъ бременемъ этой ужасной тройной короны. За что послалъ ты мнѣ, Господь, эту страшную ношу? Хотѣлъ ли Ты проявить

еще разъ свою мощь—созидать изъ ничтожества? Я желалъ бы имѣть право воскликнуть, подобно божественному Сыну твоему, когда онъ молился на той горѣ, которую долженъ былъ оросить своею кровью: «Да минуетъ и меня сія чаша».

Вѣроятно я не первый сообщилъ тебѣ объ этомъ событіи. Бываютъ вѣсти, которыя облетаютъ всюду, какъ молнія; въ особенности Франція не запаздываетъ сообщеніемъ новостей.

Твои извѣстія о твоихъ удачахъ обрадовали и тронули меня глубоко. Въ настоящую минуту я нуждаюсь въ твоей ко мнѣ привязанности больше, чѣмъ когда-нибудь: теперь многіе будутъ меня бояться, но будутъ ли меня любить—не знаю.

ПИСЬМО 33.

Карлу Бертинаци.

Римъ. 15 января 1770 года.

Такъ близко отъ меня, и я не могу тебя видѣть! Ты преувеличиваешь свои опасенія нарушить этикетъ двора. Появленіе твое во дворцѣ совсѣмъ не было бы такъ неумѣстно, какъ ты воображаешь. Неужели я такъ несчастливъ, неужели особа моя внушаетъ уже тебѣ только одно почтеніе? Я знаю, что во Франціи высокопоставленные недоступны; но здѣсь судятъ болѣе здраво объ этомъ и не находятъ приличнымъ удаляться и скрываться на высотахъ, когда самъ Господь доступенъ каждому и во всякое время. Но, милый Карлъ, зачѣмъ говоримъ мы о высотахъ и о высокопоставленныхъ? Тебя зову я: ты не встрѣтишь здѣсь папу; ты увидишь только брата Лаврентія Ганганелли, монаха, способнаго перенести всѣ посланныя ему отъ Бога испытанія и потери, кромѣ потери твоей дружбы и памяти обо мнѣ.

Ты, какъ видно, пользуешься. неблагодарный, предлогомъ моей болѣзни, ты не желаешь будто-бы проталки-

ваться ко мнѣ среди эминенцій, осаждающихъ меня своими церемоніальными посѣщеніями. Посланный мною къ тебѣ потерпѣлъ неудачу! Бѣдный кардиналъ Орсини былъ огорченъ не менѣе меня самого, когда передавалъ мнѣ весь вашъ разговоръ. Моя болѣзнь совершенно ничтожная; я только не много ушибся,свалившись съ лошади, и, какъ я сказалъ въ ту минуту многочисленнымъ свидѣтелямъ этого происшествія, заботливо окружавшимъ меня, мнѣ не столько было больно, какъ конфузно. Но папа не кавалеристъ! Не воображаешь ли ты во мнѣ тайной гордости?—ошибаешься. Тебѣ не разсказывали, что на слѣдующее утро послѣ моего избранія, я спалъ долго, крѣпко, и меня съ трудомъ добудились. Около меня нѣтъ льстецовъ!Да ко мнѣ это бы и не пристало, мнѣ бѣдному сыну народа. Напротивъ того, я самъ раздвигаю свою стражу тамъ, гдѣ я прохожу, окруженный ею, въ народѣ, чтобы добрые люди могли подходить ко мнѣ и видѣть меня близко: ихъ самолюбію льститъ видѣть человѣка, вышедшаго изъ среды ихъ на такой высотѣ. Боже мой! Кто будетъ любить меня, если не народъ? его не уничтожаетъ то малое достоинство, познанія мои и набожность, которыми я могу погордиться; тогда какъ дворянство и вообще высшіе классы не охотно могутъ простить мнѣ мое возвышеніе. Мои качества они не привыкли цѣнить и уважать, и они чувствуютъ въ моемъ присутствіи неловкость, въ которой они не смѣютъ только сознаться.

Вѣрно ты надѣешься на милостивое могущество римскаго правителя или на его неспособность къ мѣрамъ насилія, не боясь нападенія на свою особу; я могъ бы послать отрядъ моей легкой кавалеріи съ порученіемъ силой привести тебя ко мнѣ; но я не хочу подвергать этихъ храбрыхъ воиновъ униженію брать силой такого слабаго непріятеля и вообще отказываюсь охотно отъ завоевательныхъ предпріятій.

Мнѣ пришла было веселая мысль, еще до приключенія со мною, приковавшаго меня на нѣсколько дней къ моему креслу. Узнавъ, что мой старинный пріятель, уступая

настойчивымъ просьбамъ своихъ соотечественниковъ, рѣшился дать нѣсколько представленій въ Римѣ, въ томъ родѣ, какъ они давались въ Парижѣ съ его же участіемъ, и которыя тамъ такъ его прославили, я рѣшился на одномъ изъ нихъ присутствовать инкогнито. И такъ въ одинъ вечеръ, заручившись мѣстечкомъ въ ложѣ кардинала Орсини, я замаскировалъ себя довольно удачно, и отправился. Я ужъ успѣлъ пройти по направленію къ театру со стороны фонтана de Trevi, какъ вдругъ за мною гонится мой вѣрный служитель—отецъ Францискъ, едва переводя духъ отъ поспѣшности, съ извѣстіемъ о внезапномъ прибытіи во дворецъ двухъ посланниковъ: атстрійскаго и испанскаго, испрашивающихъ немедленной аудіенціи.

Нечего было дѣлать, я вернулся. Увы! дѣло было о великой чести, которую мнѣ дѣлали и въ тоже время ставили меня въ затруднительное положеніе. Вообрази, что его католическое величество, повелитель народовъ въ двухъ частяхъ свѣта, удостоилъ обратиться къ бѣдному францисканцу пригласить его присутствовать при совершеніи таинства крещенія надъ его внукомъ и принять отъ купели на своихъ рукахъ.

Воздухи, отправляемые изъ Рима для этого назначенія, стоятъ громадныхъ денегъ, а эти гордые Испанцы не хотятъ знать, что владѣтель святаго престола въ настоящую минуту и во всю жизнь свою, былъ лишенъ богатствъ и кредита, которые здѣсь необходимы.

Я даже недавно заложилъ на два года впередъ, назначенные для содержанія моего доходы почти цѣликомъ для того, чтобы послать суммы для выкупа несчастныхъ христіанъ, плѣненныхъ въ Алжирѣ. Жестокое положеніе, въ которое ставитъ меня приглашеніе, тѣмъ еще затруднительнѣе, что я нахожусь въ невозможности ни отказаться, ни принять на себя исполненіе такихъ убыточныхъ обязанностей.

Казна наша замѣтно истощилась расходами, вынужденными пріемами принцессы-правительницы Саксонской,

и двухъ братьевъ короля Англійскаго, и наконецъ отправленіемъ множества курьеровъ по всѣмъ направленіямъ, къ чему принуждаютъ меня государи своею корреспонденціею.

Но оставимъ все это: я имѣю до тебя просьбу, которую ты непремѣнно долженъ исполнить. Будущій понедѣльникъ назначена торжественная процессія къ Сенжанъ-де-Латронъ: это одинъ изъ тѣхъ церемоніаловъ, которые никогда не отлагаются, и я непремѣнно долженъ въ немъ присутствовать; больной или здоровый, пѣшкомъ или въ носилкахъ, но я долженъ появиться передъ народомъ. Я хочу тебя видѣть. Помѣстись въ открытомъ окнѣ того дома Брюнета, который обоимъ намъ такъ знакомъ, на углу пути dela Via del Corso. Увидѣвъ тебя тамъ, память моя перенесетъ меня въ дни счастливые нашей молодости, и воображеніе поможетъ мнѣ схватить еще разъ нѣсколько мгновеній изъ этого блаженнаго періода нашей жизни, проведеннаго въ тихой дружбѣ твоей и этого почтеннаго старика. Карлъ, не обмани моихъ ожиданій... и никогда никому не сообщай объ этой моей слабости. Не говори имъ, что тотъ, кто обладаетъ ключами царствія небеснаго, испрашивалъ у тебя нѣсколько мгновеній мечтанія земнаго.

ПИСЬМО 34.

Лаврентію Ганганелли.

Парижъ, 9 августа 1771 г.

Зачѣмъ истолковывать мои опасенія приблизиться къ вамъ именно такъ, какъ мнѣ говорилъ о томъ кардиналъ. Мнѣ кажется весьма довольно той основательной причины, которую я представилъ уже, а именно нежеланіе нарушить неприкосновенныя условія высокаго этикета? Зачѣмъ непремѣнно заставлять меня сознаться, что это именно я послалъ ту сумму, которую ваша благотворительность еще прежде употребила на вспомоществованіе

многимъ несчастнымъ? Кто бы ни былъ подноситель, надо простить ему; онъ только слѣдовалъ вашему примѣру и наставленію. Не твои ли собственныя слова были эти: «я ничего не знаю ничтожнѣе денегъ, когда они не употребляются на пользу общую, или на помощь своему ближнему. Нелѣпая страсть копить можетъ ли усладить душу такъ, какъ сознаніе быть полезнымъ для счастія и довольства другихъ? душа въ этомъ подражаетъ небу— своей родинѣ.»

Если я бѣжалъ изъ Рима, не посѣтивши тебя, если я такимъ образомъ покорилъ собственное чувство волѣ разсудка, то все-таки я далъ себѣ слово возвратиться еще туда передъ своею смертью. Нѣтъ, я не въ состояніи буду всегда покоряться чувству невольнаго страха и уваженія къ твоему высокому сану: я осмѣлюсь наконецъ сыскать своего друга посреди величія и торжественности, его окружающихъ. Подъ драгоцѣнными облаченіями, покрывающими тебя, я знаю бьется сердце въ тысячу разъ драгоцѣннѣе своею добротою и простотою!

Не могу описать тебѣ, какъ магически подѣйствовала на меня вся величавость церемоніала, который я видѣлъ изъ назначеннаго тобою окна! Въ тоже время я удивлялся, что чувство любви могло еще превысить столько глубокаго и восторженнаго уваженія, наполнявшаго меня въ тѣ минуты.

При видѣ столько святости и величія, я лучше понялъ, зачѣмъ Сынъ Божій принялъ такой видъ, появляясь на землѣ, окруженнымъ своими апостолами друзьями и народомъ. Я не помнилъ, былъ ли я на землѣ въ ту минуту, когда ваши взоры обратились на меня, и руки ваши простерлись въ мою сторону для благословенія! Тогда на той самой терасѣ, гдѣ въ оное время такъ часто стояли мы вмѣстѣ, облокотившись на перила, мы видѣли другія зрѣлища и картины; я опустился на колѣна, обливаясь слезами.

Когда я поднялъ голову, глаза ваши были еще устрем-

лены на меня... и я увидѣлъ съ умиленіемъ блестѣвшую на нихъ слезу.

О, если бы могъ я уловить ее прежде, нежели она упала на землю и возложить на голову младшаго изъ моихъ дѣтей.

ПИСЬМО 35.

Карлу Бертинацци.

Римъ. 6 октября 1772.

Да, я зналъ, что пославши къ тебѣ на домъ съ секретаремъ своимъ сумму 30 тысячъ дукатовъ, которую я не могъ ни отъ кого болѣе получить въ то время, какъ отъ тебя, я зналъ, что въ присутствіи всего твоего семейства ты не осмѣлишься отпираться.

Итакъ расчетъ между нами теперь вѣренъ, не смотря на твой отказъ: но кромѣ того благодарность моя за своевременную помощь мной никогда не забудется, и для меня ты останешься настоящимъ воспріемникомъ испанскаго инфанта.

Безъ наслѣдства дяди твоего Гаетано, переданнаго въ ту минуту въ мои руки съ такою таинственностью, я не знаю какимъ способомъ я могъ бы отдѣлаться отъ высокой и слишкомъ дорогой чести, которую мнѣ сдѣлалъ Карлъ III.

P. S. Говорилъ ли я тебѣ о томъ случаѣ, гдѣ я проявилъ въ первый разъ свою царственную власть, предметѣ первой буллы, скрѣпленной мною священной печатью рыбачьяго перстня? Между бумагами Климента XIII, поступившими въ мои руки послѣ него, была между прочимъ одна, въ которой молодой монахъ Сен-Бернардской общины выражалъ ему свою скорбь отъ сердечной привязанности, которую не могъ преодолѣть. Я прочелъ это письмо, и понялъ его. Я позволилъ ему быть счастливымъ.

ПИСЬМО 36.

Лаврентію Ганганелли.

Парижъ. 3 Іюня 1773 г.

Я былъ пораженъ и очень встревоженъ, узнавъ, что сношенія наши въ нашей ранней молодости не остались въ совершенной тайнѣ. Я долженъ разсказать тебѣ объ одномъ случаѣ и исповѣдоваться въ невольномъ, можетъ быть, моемъ участіи.

Мы находимся теперь среди самаго невыгоднаго для насъ сезона. Нашу комедію вовсе не посѣщаютъ. Въ одинъ вечеръ, когда мы жестикулировали среди этой пустоты, и въ ту минуту, какъ я готовъ былъ обратиться къ четыремъ или пяти человѣкамъ, бывшимъ въ партерѣ, съ обычнымъ заявленіемъ объ назначаемомъ на слѣдующій день представленіи, я увидѣлъ, что и тѣ уже разошлись, и оставался всего одинъ какой-то господинъ весь въ черномъ, который стоялъ подлѣ королевской ложи, опершись на оркестровую рампу и смотря пристально на меня. Я долженъ былъ бы понять, что онъ присутствовалъ тутъ вовсе не для одного своего удовольствія. Но я въ ту минуту не подозрѣвалъ за нимъ никакихъ другихъ намѣреній, и желая по французской пословицѣ: «faire contre fortune bon coeur», обратился къ нему съ вызывающимъ жестомъ и сказалъ: «милостивый государь, не будете-ли вы такъ добры подойти ко мнѣ поближе». Господинъ въ черномъ отошелъ отъ своего обсерваціоннаго пункта и подошелъ ко мнѣ: я попросилъ-бы васъ, продолжалъ я, въ случаѣ, если вы встрѣтите кого нибудь, выходя отсюда, сказать ему, что мы завтра будемъ играть піесу «L'apparence trompeuse», комедію въ одномъ дѣйствіи, написанную въ прозѣ Ріо де-Мервилемъ. Господинъ этотъ, вмѣсто отвѣта, протянулъ руку и очень ловко сунулъ въ мою очень маленькую записочку, какъ это дѣлается съ женщинами, когда нѣтъ другой возможности съ ними объясниться. Кто былъ

этотъ таинственный господинъ, ты сейчасъ увидишь, а въ запискѣ я потомъ прочелъ слѣдующее:

«Урна избранія! Вамъ предназначено исполнить великое дѣло. Господь неисповѣдимъ въ своихъ промыслахъ. Онъ далъ силу Самсону и красоту Юдиѳѣ. Онъ сокращаетъ разстоянія невидимыми путями. Если вы хотите заслужить вашу славу, приходите въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, во время служенія ранней обѣдни, на мѣсто между улицей Garencière и кладбищемъ Saint-Sulpice. Тамъ вамъ будетъ объяснено какимъ образомъ вы можете спасти церковь и тѣмъ заслужить для себя самихъ и для всѣхъ вашихъ отпущеніе грѣховъ и спасеніе души».

Это очень странное письмо было написано незнакомою рукою. Я, конечно, не пошолъ за обѣщанною мнѣ такимъ образомъ индульгенціею; но черезъ нѣсколько дней послѣ того, въ то время, какъ я находился въ своей уборной, я увидѣлъ вдругъ входящаго ко мнѣ того самого таинственнаго зрителя.

Мнѣ уже до того говорила жена, что онъ былъ у меня на квартирѣ и, не заставъ меня дома, говорилъ съ ней и подчивалъ дѣтей моихъ конфектами.

Едва онъ сталъ объяснять мнѣ свои намѣренія и предположенія, какъ я просилъ его отложить это объясненіе до другаго, болѣе удобнаго случая, такъ какъ приближалось время начала представленія, а мнѣ совѣстно было дѣлать мою гримировку при немъ. Онъ какъ будто бы не понималъ мое положеніе и упорно оставался.

Въ два или три такія посѣщенія онъ успѣлъ прочесть мнѣ какіе-то мемуары, въ которыхъ добродѣтели іезуитовъ и ихъ заслуги выставлены въ очень ловкомъ и выгодномъ освѣщеніи. Я скоро почувствовалъ совершенную безполезность запираться въ нашихъ съ тобою сношеніяхъ, такъ какъ они ему были извѣстны до малѣйшихъ подробностей.

Послѣ нѣсколькихъ его визитовъ, мои сосѣди начали

замѣчать его; къ тому же видѣли его еще по вечерамъ, блуждающаго около моего дома, закутаннымъ, по обыкновенію, въ темномъ плащѣ. Наконецъ начальникъ полиціи де-Сортинъ пригласилъ меня къ себѣ на свиданіе.

— Синьёръ Карлино, привѣтствовалъ онъ меня, завидѣвъ еще издали въ то время, какъ я входилъ къ нему въ кабинетъ,—такъ вы имѣете сношенія со святымъ отцомъ? Я, растерявшись, попробовалъ было отговариваться, но онъ перервалъ меня: успокойтесь пожалуйста; вы можете только гордиться такимъ необыкновеннымъ сближеніемъ; но, чортъ возьми, не совѣтую вамъ употреблять его во вредъ галликанской церкви и идти на перекоръ цѣлямъ и намѣреніямъ короля относительно римскаго двора.

Я, конечно, завѣрилъ его, что и не думалъ даже рѣшаться на такую трудную борьбу и что домъ Бертинаци имѣетъ слишкомъ много уваженія къ дому Бурбоновъ. Какъ видно онъ повѣрилъ мнѣ, потому что тотчасъ же окончилъ нашу аудіенцію, сказавъ на прощаніе: довольно, совѣтую вамъ не разглашать нашего разговора, а іезуиту, бывающему у васъ, вы можете сказать, что, отнимая у васъ время, онъ только тратитъ свое понапрасну, и что, въ случаѣ упорства, рискуетъ еще на худшее. Можете ѣхать домой и будьте благоразумны. Полиція должна знать обо многихъ вещахъ, неизвѣстныхъ публикѣ. Выходя отъ него, я спрашивалъ себя: почему я не могу принимать участіе въ этихъ изгнанникахъ, этихъ, можетъ быть, невинныхъ жертвахъ парламента? Тотъ господинъ, который бывалъ у меня, хотя сначала и досаждалъ мнѣ своею навязчивостью, но въ послѣдующія наши бесѣды заинтересовалъ меня, какъ въ свою пользу, такъ и въ пользу своихъ собратьевъ... Мнѣ не понравились только его дурные отзывы о моемъ сосѣдѣ кюре изъ Сен-Рошъ. Онъ называлъ его жансенистомъ, выдвигая при этомъ презрительно нижнюю губу, но я знаю этого кюре за человѣка очень набожнаго, даже довольно начитаннаго, весьма честнаго и радушнаго старика. Это оттолкнуло меня отъ моего новаго знакомца, иначе, мнѣ кажется,

онъ окончательно обольстилъ бы меня, такъ убѣдителенъ онъ былъ въ своихъ рѣчахъ.

Какъ бы то ни было я посылаю тебѣ мемуары, которые онъ мнѣ оставилъ, принимая послѣдствія этой смѣлости на свой рискъ. Что придаетъ мнѣ смѣлости въ этомъ случаѣ, это собственное твое письмо, писанное тобою королю. Здѣсь теперь только и разговору, что о немъ: восхищаются въ немъ твердостью и въ тоже время мягкостью выраженій: мои кліенты ожидаютъ отъ него много для себя хорошаго. Я слышалъ, между прочимъ, что Версальскій кабинетъ былъ поражонъ, не встрѣтивъ въ твоемъ письмѣ ничего, чтобы отзывалось монахомъ и священникомъ.

Здѣсь между тѣмъ очень хорошо извѣстно, что умѣренность и уступчивость, проявляемыя римскимъ дворомъ, могутъ быстро смѣниться строгостью въ крайнемъ случаѣ. Думаютъ, что хотя ты не хочешь взять на себя отвѣтственность тѣхъ уступокъ, которыя ожидаютъ властители за возвращеніе святому престолу Понте-Корво и Авиніона, однако надѣются на удовлетвореніе ихъ въ другихъ пунктахъ, какъ скоро они не пойдутъ въ разрѣзъ съ прямыми религіозными интересами. Твоя сдержанность и стойкость характера такъ сдѣлалась извѣстною здѣсь, что многіе опредѣляютъ ихъ довольно оригинально, называя тебя не Климентомъ XIV-мъ — а Silence I-er.

ПИСЬМО 37.

Карлу Бертинаци.

Римъ. 25 Іюля 1773 года.

Ты опоздалъ съ своимъ заступничествомъ за іезуитовъ. Я медленно и строго обсуждалъ права этого ордена, существующаго уже столько вѣковъ, утвержденнаго и поддерживаемаго столькими владыками, доказавшаго въ свое время и полезность своею ученостью, и усердіе

столькими жертвами—мучениками, и въ тоже время представляющаго серьезныя опасенія своимъ изолированнымъ положеніемъ. Они государства въ государствахъ. Вопреки клятвы своей покорности верховному престолу, іезуиты рѣшаются на предложенія ограничить его статуты. Выводъ мой былъ одинъ, и онъ заключается въ слѣдующемъ: или пусть они будутъ тѣмъ, чѣмъ должны быть, или совсѣмъ ничѣмъ не будутъ (sint ut sunt, aut non sint). Ты можешь сказать своимъ protéges, любезный посредникъ, что я совѣтовался съ людьми и документами безпристрастными въ этомъ дѣлѣ. Я вскрывалъ архивы этой пропаганды, пересмотрѣлъ мемуары кардинала де Турну, гг. Мегріо, ла Бома, перечитывалъ также и апологіи самого общества, писанныя ихъ миссіонерами. Будучи отцомъ всѣхъ католиковъ, тѣмъ болѣе служителей церкви, и всѣхъ духовныхъ ея, я не долженъ былъ приступить къ истребленію этого знаменитаго ордена, не вооружившись приговоромъ, основаннымъ на твердыхъ и ясныхъ доказательствахъ, изъ опасенія подвергнуть себя осужденію потомства. Скажи имъ, что я только возобновилъ и продолжилъ начатое Бенедиктомъ XIV-мъ, что согласно съ мнѣніями спеціалистовъ дѣла, кардиналовъ: Марифочи, Зелода, Негрони, Карафа, Корсини; и что въ виду того положенія, въ которомъ въ настоящую минуту находится христіанство вообще, я не желалъ накликать снова тѣ несчастныя времена, когда папы не имѣли прибѣжища отъ вооружившихся противъ нихъ королей и императоровъ. Іисусъ Христосъ основалъ только два общества для распространенія и укорененія своихъ доктринъ, а именно: епископовъ и священниковъ. Славнѣйшіе вѣка существованія нашей церкви имѣли ли въ своихъ лѣтописяхъ монаховъ?

Наконецъ, я подписалъ уже вчера, 21 Іюля, тотъ указъ, который историки, вѣроятно, отмѣтятъ въ своихъ хроникахъ первыми словами его текста: «Ad perpetuam rei memoriam». Было много свидѣтелей, когда я схва-

тилъ перо; они слышали слова, сказанныя мною въ ту минуту, какъ подписавши, я положилъ этотъ роковой листъ на молитвенникъ, стоявшій передо мною: «Вотъ оно свершилось, это уничтоженіе. Я не раскаяваюсь и убѣжденъ, что оно было необходимо для пользы церкви. Еслибы оно еще не было подписано, я подписалъ бы его и другой разъ... Но подписавъ его, я подписалъ собственный свой приговоръ: въ немъ заключается и моя погибель». Слова эти я не долженъ былъ бы произносить, я почувствовалъ это потомъ, но въ ту минуту я не въ силахъ былъ ихъ удержать, уста мои невольно раскрылись произнесть ихъ.

Я знаю, будутъ говорить, что я принялъ тіару подъ условіемъ уничтоженія этого ордена: свидѣтельствуюсь самимъ Богомъ и спасеніемъ моей души—это клевета; но я не могу отвергнуть, что можетъ быть въ этомъ на меня расчитывали, и что государи, содѣйствовавшіе облаченію меня въ этотъ санъ, обрекли меня заранѣе на совершеніе этого акта, сокрушающаго наконецъ ихъ вѣчныхъ и непримиримыхъ враговъ.

Я слышу уже угрозы: одна монахиня изъ Валентино Бернардина Беруци объявила, что готовящійся юбилей ужъ не застанетъ меня. Сегодня утромъ я прочелъ на дверяхъ дворца своего начертанныя литеры: P. S. S. P. и понялъ таинственное и враждебное ихъ значеніе (Presto Sara Sede Vacante).

Да будетъ, я исполнилъ свой долгъ; и пусть миръ почіетъ надъ государствами на долгое время, свои же остальные дни я постараюсь употребить на благоденствіе соотечественниковъ моихъ римлянъ. Я приступилъ уже къ нѣкоторымъ мѣрамъ, какъ напримѣръ: я отнялъ у алчныхъ арендаторовъ собираніе ржи и предоставилъ его народу; озаботился исправленіемъ дорогъ и проведеніемъ новыхъ, устроилъ почтовые тракты по пути къ Rubuma Bekia. Въ самомъ дѣлѣ странно было, что портъ, въ которомъ стоятъ папскія суда, лишонъ былъ этого сообщенія. Въ Анконѣ также сдѣланы нѣкоторыя улучшенія.

приведена въ дѣйствіе знаменитая машина, устроенная еще Климентомъ XI-мъ, служившая для отвода Тибра отъ его стараго русла. Уже найдено на днѣ его множество сокровищъ изящнаго. Я надѣюсь, что музей, готовый принять ихъ, будетъ носить мое имя. Открытія, произведенныя моими стараніями, обогатили библіотеку Ватикана многими экземплярами книгъ и гравюръ, и наконецъ я заручился обѣщаніемъ кардинала Пассіонси пожертвовать по завѣщанію его драгоцѣнныя коллекціи тому же музеуму. Я не позволяю болѣе уродовать бѣдныхъ дѣтей для удовольствія отчаянныхъ любителей пѣнія, и не допускаю болѣе этихъ жертвъ въ церквахъ: оскорблять достоинство человѣка для прославленія Бога было дѣломъ временъ варварства. Я тоже люблю музыку, но еще болѣе люблю человѣчество.

Въ настоящее время я пользуюсь благами жизни болѣе, чѣмъ пользовался ими во всю мою жизнь до сихъ поръ. Май и октябрь особенно хороши въ окрестностяхъ Castel-Gandolphe въ 4-хъ лье отъ Рима. Этотъ уединенный дворецъ стоитъ на берегу озера Альбано. Со всѣхъ сторонъ его развертывается великолѣпная панорама видовъ; городъ цезарей виднѣется въ дали, и все, что только поэты и историки сказали про него великаго и поэтическаго, представляется моему воображенію. Срываю ли цвѣтокъ или нахожу блестящее насѣкомое—созерцая его, удивляюсь Творцу; поднимаю глаза, и они услаждаются мягкими и волнующимися линіями горизонта, и мнѣ представляется лестная мысль, что, можетъ быть, съ помощію дарованной мнѣ власти я могу сдѣлать добро жителямъ этихъ мѣстъ. Недостатокъ растительности, то есть собственно деревъ, дѣлаетъ ихъ пустынными; нужно будетъ сдѣлать шпалеру изъ лѣса, какъ преграду вредному дыханію болотъ Систернскихъ. Несчастные люди, отправляющіеся на покосъ травы въ эти гнилые овраги, возвращаются оттуда совершенно больными.

Воздухъ, нагрѣтый во время дня до сильной степени, вдругъ застываетъ съ быстрымъ закатомъ солнца и по-

рождаетъ такимъ образомъ губительную лихорадку (перемѣжающуюся).

Климатъ этотъ былъ извѣстенъ своею вредоносностью съ самыхъ древнихъ временъ; я вспоминаю, что Горацій упоминаетъ объ немъ въ своихъ описаніяхъ передъ поѣздкой на вилу посѣтить Мессену, который тамъ жилъ. Въ ихъ время, на горѣ Палатниской, стоялъ храмъ, посвященный принесенію жертвъ лихорадкѣ, владычествовавшей здѣсь уже и тогда; но я не могу отказаться отъ надежды со временемъ трудами нашихъ инженеровъ хотя нѣсколько парализировать смертоносное дѣйствіе тлетворныхъ болотъ этой страны. Тогда я могъ бы расчитывать, что мое темное имя получило бы право на нѣкоторый блескъ и прочность на будущіе вѣка! Во всякомъ случаѣ я желалъ бы его сдѣлать почтеннымъ не воздвиженіемъ великолѣпныхъ зданій, пирамидъ или даже храмовъ, а покровительствомъ и обезпеченіемъ на долгія времена людей, обитающихъ хижины и нуждающихся во всемъ. Можетъ быть, будутъ говорить обо мнѣ современемъ, какъ бесѣдуютъ теперь иногда о Гораціѣ и Неронѣ. Не странно ли, что большая часть встрѣчающихся здѣсь развалинъ, которымъ не знаютъ и имени, суть остатки построекъ, сдѣланныхъ первымъ, а всѣ эти водопроводы и колодцы, утоляющіе скотъ и его хозяина,—вторымъ, это мало кому извѣстно, и равнодушно смотрятъ на разрушеніе нѣкогда благодѣтельныхъ построекъ вмѣсто того, чтобы ихъ поддерживать и возобновлять. Примѣръ непоощрителенъ, но тотъ дѣлаетъ добро въ половину, кто, одолжая, страшится неблагодарности. Со временемъ, я надѣюсь, ты услышишь о приведеніи въ исполненіе моихъ широкихъ проэктовъ. Прощай!

ПИСЬМО 38.

Лаврентію Ганганелли.

Парижъ. 15 Іюня 1774 года.

Нашъ челобитчикъ возвратился, чего я не ожидалъ, и это дурной знакъ. Онъ прибѣжалъ ко мнѣ для того

только, чтобы излить свою злобу на меня и осыпать меня упреками. Онъ называлъ меня коварнымъ агентомъ. Я сказалъ ему, не въ видѣ утѣшенія, а какъ совѣтъ покориться судьбѣ, что ему слѣдовало бы быть признательнымъ той осторожности и справедливости, которыя руководили ихъ судью. На эти слова онъ посмотрѣлъ на меня съ заносчивымъ видомъ и отвѣчалъ, что они будутъ протестовать, и что большая часть ихъ начальниковъ найдутъ поддержку въ самомъ Римѣ, а именно во дворцѣ кардинала Анжело Броски.

— Какъ, возразилъ я, вы хотите противиться непогрѣшимому папѣ, верховному патрону всѣхъ монарховъ Европы, великому человѣку, обязанному своимъ высокимъ значеніемъ однимъ добродѣтелямъ?

— Любезный другъ, перервалъ онъ, какой дуракъ считаетъ и величаетъ такими громкими титулами вашего Ганганелли? — Помилуйте, возразилъ я, да не вы ли сами такъ говорили о немъ еще недавно?

Затѣмъ черный человѣкъ, увлекаясь болѣе и болѣе своимъ гнѣвомъ, вышелъ окончательно изъ себя. Пока онъ ругалъ только меня, или ограничивался насчетъ твоего имени эпитетами только противорѣчившими его прежнимъ восхваленіямъ, я оставлялъ его кричать. Тебя не могли оскорбить слова: простой крестьянинъ, монашоновъ, веревочный поясъ и т. п. но когда эта ехидна позволила себѣ показать свой ядъ, я бросился къ своей театральной паноплін и схватилъ свой деревянный мечь: онъ обратился въ бѣгство, и хорошо сдѣлалъ. И вотъ іезуиты изгнаны навсегда изъ Франціи, изъ Рима и отъ меня! Я пошелъ отвести свою душу къ доброму кюре (de Saint Roch) и услышалъ отъ него объ моемъ славномъ другѣ то, что могло усладить мое сердце! Онъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ про одинъ случай, который проявляетъ черты оригинальности ума и благородства, такъ свойственныя тебѣ.

Онъ разсказывалъ, что римскій трибуналъ приговорилъ къ смерти двухъ преступниковъ. Но хотѣли дать

помилованіе одному изъ нихъ, тогда какъ вина ихъ была совершенно одинаковая; предоставлено было имъ самимъ рѣшить свою участь игрою въ кости. Ты пощадилъ и того, кто былъ осужденъ фортуной подъ предлогомъ, что азартныя игры запрещены. Мой кюре сулитъ мнѣ счастливую будущность, то есть старость. Да, не далеко ужъ то время, когда я долженъ буду покинуть театръ. Спокойный и обезпеченный я укроюсь въ своемъ семействѣ, наслаждаясь тихимъ счастіемъ. Года значительно убавили мое честолюбіе и его угаръ. И безъ того мои успѣхи никогда не могли совершенно заслонить возмущавшую меня изнанку моей спеціальности, теперь же она представляется мнѣ во всей своей наготѣ. Я до сихъ поръ вспоминаю про тотъ вечеръ, когда въ первый разъ я всходилъ на эти подмостки съ той страдательною дрожью, съ которою, я думаю, всходятъ на эшафотъ. Жить или умереть—была въ ту минуту для меня проблема, долженствовавшая рѣшиться черезъ какихъ-нибудь два часа и передъ какими судьями!

Напрасно стараюсь я утѣшить себя разсужденіями о томъ, что я старался выработать и усовершенствовать посланный мнѣ отъ Создателя талантъ, также какъ Онъ даетъ оратору краснорѣчіе, воину вѣрность руки и глаза, изобрѣтателю воображеніе. Увы! я сознаю невольно, что когда послѣдній разъ опустится за мною занавѣсъ, столько разъ поднимавшійся для моихъ вызывовъ, онъ упадетъ съ тѣмъ, чтобы для меня болѣе не подняться никогда, какъ послѣдняя гробовая доска. Что я тогда буду значить для тѣхъ, кого я забавлялъ въ продолженіи двадцати лѣтъ! Исключая развѣ немногихъ, попавшихъ въ интимный кружокъ нашихъ комедіантовъ, кто повѣритъ, что между ними были и честность и дружественность и справедливость? Эта тайна, остающаяся между двумя или тремя друзьями. Что касается до меня, то я еще счастливецъ: у меня — дружба Климента. Почтенный кюре Сен-Рошъ удостоиваетъ меня своими посѣщеніями. Онъ садится иногда по воскресеніямъ за мой столъ, и когда

конецъ обѣда за десертомъ удаляетъ отъ него офиціальную натянутость, онъ высказываетъ мнѣ въ концѣ концовъ, что все-таки честность есть первая ступень къ вратамъ царствія небеснаго.

Я носилъ уже блюдо церковное на святой недѣлѣ во время торжественнаго выхода съ образами, почему же мнѣ не надѣяться, что со временемъ, когда я тоже буду буржуа, не сдѣлаютъ меня церковнымъ старостой.

Надо съ твоей стороны, чтобы ты помогъ мнѣ добиться такого полнаго удовлетворенія моему благочестью: мнѣ кажется, позволительно каждому заботиться о спасеніи своей души? Наконецъ, я не могу повѣрить, чтобы Богъ отринулъ меня, меня, осѣненнаго твоимъ высокимъ расположеніемъ.

Я съ нетерпѣніемъ жду письма изъ Рима: здѣсь въ газетахъ печатаютъ о разстройствѣ будто бы твоего здоровья.

ПИСЬМО 39.

Карлу Бертинаци.

Римъ, 21 сентября 1774 г.

Они говорятъ, что внезапное возобновленіе силъ, которое проявилось во мнѣ со вчерашняго дня, подаетъ надежду къ моему выздоровленію. Напрасная надежда, я чувствую, что пораженъ на смерть.

Боже мой, допустишь ли Ты этой слабѣющей рукѣ, передъ тѣмъ, какъ духъ мой покинетъ землю, послать мое послѣднее прости другу моему, товарищу моего дѣтства и счастливыхъ дней моей первой молодости? Если въ эту ночь, которая должна быть послѣдняя моей жизни, я сохранилъ чувство моей привязанности къ нему, то пошли мнѣ силы и бодрости написать къ нему эти прощальныя строки. Карлъ, ты мой старый другъ и въ настоящую минуту единственный, оставшійся мнѣ вѣрнымъ послѣ смерти моей бѣдной сестры.

Я успѣлъ однако же сдѣлать довольно добра, чтобы увидѣть неблагодарность меня окружающихъ, но ты остался вѣренъ мнѣ, и я не ропщу на одиночество, въ которомъ оставляютъ меня умирать. Меня утѣшаетъ мысль, что ты живешь уважаемый и удовлетворенный въ странѣ, гдѣ поселился. Молю Бога, чтобы Онъ додалъ тебѣ счастіемъ на остатокъ твоей жизни изъ того, что отнимаетъ у меня моя ранняя смерть! Какъ ни была бы горестна наша разлука, съ какимъ радостнымъ чувствомъ пожалъ бы я твою руку. Ты одинъ, чувствительное и доброе сердце, могъ бы принесть немного радости къ одру умирающаго грѣшника; но мнѣ даже не дозволяется сожалѣть о невозможности имѣть это утѣшеніе, потому что я составляю теперь предметъ только одной жалости и въ то же время религіознаго ужаса. Пусть слезы твои прольются на воспоминаніе обо мнѣ. Не вѣрь тому, что прочтешь объ моихъ послѣднихъ минутахъ: развращенность людская еще не дошла до такого громаднаго цинизма!

Я почувствовалъ себя нездоровымъ на второй половинѣ Святой Недѣли, во время возвращенія моего изъ собора, гдѣ я служилъ. На площади (Monte-Cavallo) меня вдругъ схватило стѣсненіе и смертельный холодъ въ груди. Сначала я приписалъ этотъ припадокъ простой случайности, и впечатлѣніе его по немногу изгладилось. Но вскорѣ стали замѣчать, что голосъ мой ослабѣлъ и какъ бы потускнулъ. Вскорѣ также я сталъ чувствовать какое-то воспламененное состояніе въ горлѣ, оно безпрестанно сохло. Чтобы дышать свободнѣе, я долженъ былъ держать ротъ постоянно открытымъ; всѣ эти ощущенія дѣлали меня раздражительнымъ, и эта раздражительность побудила меня быть несправедливымъ и взыскательнымъ къ окружающимъ меня, въ чемъ и прошу у Господа прощенія.

Сонъ покинулъ меня. Ноги отказываются меня поддерживать, и это у того, кто думалъ прожить вѣкъ св. Іеремія. Здоровье мое было крѣпко и надежно, бла-

годаря моему воздержанію. Ужъ два мѣсяца, какъ я не живу тою жизнью, какою жилъ до того времени, исполняя всѣ свои обязанности, съ того самаго времени, какъ принималъ иностранныхъ министровъ.

Теперь лихорадка извела всѣ силы, отпущенныя мнѣ на существованіе на землѣ. Ногти на рукахъ моихъ высохли и какъ будто готовы отдѣлиться отъ исхудалыхъ уже пальцевъ, волосы сѣдѣютъ и цѣлыми прядями остаются на изголовникѣ, гдѣ я напрасно ищу успокоенія. Не смотря на частое кровопусканіе, которымъ они меня еще больше разслабили, я испытываю невыразимыя страданія отъ боли, разрывающей мою грудь. Еслибы ты увидѣлъ это привидѣніе, называвшееся когда-то Климентомъ XIV-мъ, ты созналъ бы агонію Іова и сострадалъ бы жалобамъ и мольбамъ мученика. Всѣ средства науки тщетны для помощи; я впрочемъ имѣю твердое убѣжденіе, что еслибы меня и спасли этотъ разъ, то вскорѣ я долженъ былъ бы подвергнуться снова этой опасности. Ядъ, который работаетъ во мнѣ, какъ будто говоритъ мнѣ словами того ужаснаго воина къ царю защищавшему Тарквинія: насъ двадцать человѣкъ, поклявшихся убить.

Я хочу предостеречь тебя отъ заблужденія, въ которое можетъ ввести тебя моя насильственная смерть. Одни будутъ говорить объ нѣкоторомъ таинственномъ напиткѣ, фабрикующемся въ Калабріи и Перузѣ (L'acguetta), другіе будутъ указывать на извѣстный еще въ древности ядъ Митридата, бывшій извѣстнымъ Александру VI-му, едва примѣтному для глаза, и который можно было скрыть подъ оболочкою какого-нибудь фрукта, или просто на лезвіи ножа, или даже въ ароматѣ цвѣтка. Не вѣрь! Докторъ Матео, который лечилъ меня, былъ то же пораженъ недоумѣніемъ насчетъ причины моихъ страданій и удивлялся, что я не могъ объяснить ихъ самъ, и даже опредѣлить моментъ ихъ начала. Я раскаиваюсь, что одинъ разъ сказалъ ему, на его разспросы: ищите при-

чину моихъ мукъ въ 9-мъ псалмѣ (Negotio peram butante iu tenebris).

Матео нашелъ одинъ разъ подъ моей подушкой нѣкоторыя специи, по его мнѣнію противуядія, это дѣло рукъ брата Франциска, моего единственнаго вѣрнаго слуги, который въ излишнемъ своемъ усердіи хлопоталъ отвратить отъ меня опасность, можетъ быть, не существовавшую. Онъ заставилъ меня даже употребить ихъ, и недѣйствительность ихъ на мою болѣзнь доказываетъ, что причина ея должна быть другая.

Нѣтъ, я не могу считать себя жертвою заговора и молю Бога за своего доктора, какъ самого себя, чтобы Онъ отпустилъ ему страшное подозрѣніе. Онъ спрашивалъ меня, что я ѣлъ въ тотъ день, когда почувствовалъ первый припадокъ, о которомъ я тебѣ писалъ. Я отвѣтилъ ему, что въ то утро я причащался. Онъ отвернулся отъ меня и тотчасъ же вышелъ, закрывъ лицо свое руками.

2 часа утра.

Тотъ возьметъ грѣхъ на свою душу, кто будетъ упорствовать въ подозрѣніи на закрытое мною религіозное общество и приписывать это дѣло фанатизму. Европа не должна считать кончину мою реакціей запрещенія, наложеннаго мной. Орденъ этотъ, хотя и былъ опасенъ, но не былъ обвиняемъ въ посягательствѣ на жизнь государей.

Наконецъ, если и рѣшился посягнуть на это какой нибудь его приверженецъ, то еще неизвѣстно принадлежалъ ли онъ къ этому обществу, если и принадлежалъ, то вина его должна ли падать на его собратій? Знаменитое и образованное общество могло имѣть членомъ своимъ одного испорченнаго нравственно, но оно не отвѣтственно за его безумство.

Могли ли поборники и почитатели Христа употребить орудіемъ злодѣянія то, что составляетъ въ отправленіи ихъ службы самую высокую и неприкосновенную святыню?

Здѣсь надо припомнить, что Климентъ XIV мужественно переносилъ жестокія и медленныя муки; терзанія эти продолжались шесть недѣль. Братъ Францискъ разсказывалъ, что онъ почти до послѣдней минуты, время отъ времени, писалъ свое письмо въ интервалахъ болѣзни, когда ему становилось немного легче.

При немъ находились постоянно чернила, перо и бумага, по обыкновенію всей его трудолюбивой жизни, посвященной ученымъ занятіямъ. Надо полагать, что отрывки этого послѣдняго посланія, безъ всякаго обозначеннаго порядка, были положены имъ самимъ въ то мѣсто, про которое упоминается въ XXIII письмѣ «депо таинственной корреспонденціи», или спрятаны подъ его изголовье, откуда были взяты братомъ Францискомъ и отправлены по назначенію въ одномъ конвертѣ.

Содержаніе ихъ само указываетъ тотъ порядокъ, въ которомъ они должны находиться.

5 часовъ утра.

Почему въ то время, какъ я пріобщался, не было при мнѣ моего духовника, и не было произнесено надо мною мое отпущеніе?..

Я хотѣлъ говорить, но усиленное пѣніе въ ту минуту заглушило слабые звуки моего голоса. Я хотѣлъ приподнять голову, но почувствовалъ сильныя руки незнакомаго мнѣ брата служителя, лежавшія на моей груди. Спазмы и конвульсіи до того терзали меня, что я былъ какъ бы отсутствующимъ при этомъ служеніи, которое значитъ не для облегченія и успокоенія моего было назначено.

Этотъ торжественный и величественный церемоніалъ долженъ былъ только показать, что онъ сопровождаетъ папу до послѣдней его минуты! Можетъ быть это все бредъ больнаго воображенія! духовникъ мой могъ отсутствовать по причинѣ отправленія другой какой нибудь своей обязанности, около какого нибудь бѣдняка или сироты... онъ возвратится: будемъ терпѣливо дожидаться

его, и Господь подастъ мнѣ еще нѣсколько часовъ жизни успѣть принять прощеніе церкви.

Воспользуюсь нѣсколькими минутами роздыха и посланнаго спокойствія, послѣ послѣднихъ моихъ страданій, написать тебѣ еще нѣсколько строкъ. Да, спокойствіе: повѣришь ли ты, что я еще могу имѣть его? Послѣднія усилія природы въ этой борьбѣ истощились, она побѣждена, и ядъ, овладѣвъ всѣми частями моего организма, пріостановился на мгновеніе, чтобы потомъ сразу окончить свое дѣло. Пароксизмы лихорадки такъ велики, что умственныя способности мои проявляютъ уже очень слабые проблески, какъ догорающій факелъ.

Другъ моего дѣтства, прости! Съ полученіемъ этихъ послѣднихъ печальныхъ строкъ, обратись къ воспоминанію далекаго времени нашего милаго дѣтства и невинности. Римини, какъ солнце твое было прекрасно! Такъ ли же оно величественно и радостно восходитъ надъ видами Адріатики? Помнишь, какъ птички съ бѣлыми и сверху позлащенными крыльями реяли въ блиставшемъ воздухѣ между снастями судовъ? Надежды, радости, опасности, цвѣты и пучина все тутъ было, какъ бы для того, чтобы истолковать намъ значеніе жизни. Я извѣдаю этотъ роковой часъ прежде тебя! Вотъ онъ—этотъ рубежъ, за которымъ, можетъ быть, намъ суждено разойтись окончательно по разнымъ путямъ! Кто скажетъ, который изъ двухъ слабыхъ твореній, окажется менѣе недостойнымъ благости и снисхожденія Создателя?

Эта жизнь, которую я покидаю безъ сожалѣнія и съ такими мученіями, я былъ бы отъ нее избавленъ давно уже безъ твоей роковой помощи. Зачѣмъ вынесъ ты меня изъ воды, которая тогда меня почти совсѣмъ уже поглотила? Зачѣмъ возвратилъ ты мнѣ дыханіе жизни, заставивъ меня протащить еще сорокъ лѣтъ существованія... Но нѣтъ, я тогда не узналъ бы всѣхъ тѣхъ сокровищъ, проявившихъ себя въ сердцахъ нашихъ; я бы не встрѣтилъ тогда того ангела, явившагося мнѣ

въ этой еще жизни. Она! да въ ней я здѣсь встрѣтилъ уже небо.

Часто во время сна или болѣзненнаго бреда, я видѣлъ этого чистаго голубя, несшаго вѣтку съ чужестраннаго дерева, на которомъ онъ садился отдыхать, полетъ его былъ плавенъ и склонялся, удаляясь въ лазурную глубь, какъ бы призывая меня слѣдовать за нимъ по свѣтлой чертѣ его движенія.

О благость Господня! Въ эту минуту Онъ даетъ мнѣ улыбку счастія. Начинается день, подобно тому, какъ онъ начинался и въ тѣ прекрасныя утра нашей молодости, и свѣтъ его начинаетъ смѣшиваться со свѣтомъ огня моей лампы. Солнце восходитъ отъ Сабины, это тамъ, гдѣ она покоится. О, поверните также меня лицомъ къ Адріатикѣ, тамъ сторона Франціи. Вѣчность! спокойствіе! любовь!.. ахъ если бы я могъ умереть въ эту минуту!

Что сказалъ я, несчастный! я не получилъ еще отпущенія моимъ грѣхамъ. Мученія мои встаютъ и начинаютъ снова терзать меня съ еще большею яростью... онѣ удвоились... онѣ меня уносятъ... погодите... грудь моя разлагается. Воды!.. ради самого Создателя каплю воды! Онъ тоже жаждалъ, когда влачилъ крестъ свой по кремнистой дорогѣ... Идутъ!.. Боже, благодарю Тебя, Ты не допустилъ меня произнесть прокля...

11 часовъ утра.

Онъ приходилъ, этотъ священнослужитель!.. этотъ набожный царедворецъ, сулившій мнѣ такъ часто небо во дни моего полновластія, этотъ утѣшитель, долженствовавшій помирить меня съ церковью, да, онъ пришелъ! и выразилъ лишь удивленіе, что засталъ еще меня живаго. Я испрашивалъ у него помощи человѣческой, онъ отказалъ. Я умолялъ о помощи духовной, онъ улыбался. «Знаешь ли ты меня? сказалъ онъ, ты видишь передъ собою одну изъ твоихъ жертвъ! Замаскировка духовной одежды доставила мнѣ радость видѣть тебя умирающимъ».

И когда я, не въ состояніи будучи повѣрить такому безстыдству и дерзости, въ ужасѣ смотрѣлъ на него, онъ выпрямился и, разорвавъ одежду на груди своей, показалъ мнѣ на ней то мѣсто, гдѣ должно было быть его собственное сердце и гдѣ я увидѣлъ искусственное изображеніе другаго сердца, окровавленнаго и пронзеннаго стрѣлами.—Пощади, братъ! воскликнулъ я.—«Нѣтъ; умирай и отчаявайся!»—Произнеси отпущеніе хотя надъ этимъ трупомъ...—«Отчаявайся и умри», повторилъ онъ. Возвѣстивъ мнѣ вѣчное мщеніе, онъ обрекъ меня аду.

Аду!.. разсудокъ покидаетъ меня; я уже вижу страшное преддверіе его и слышу судъ Божій!.. Да, въ горделивыхъ сомнѣніяхъ моего ума, если я отказывался вѣрить во что, то это именно вѣрить въ тотъ ужасный догматъ, который говоритъ о вѣчныхъ мукахъ заблудшихъ грѣшниковъ, и вотъ за невѣріе это я наказанъ: я теперь вѣрю въ адъ и его муки, я низвергаюсь въ него.

О, единственный другъ мой, гдѣ ты? Или хоть ты, бѣдный служитель, зачѣмъ покинулъ ты меня? Они заперли тебя, чтобы не допустить ко мнѣ! Никто не отвѣчаетъ мнѣ: ни одна рука христіанская не закроетъ моихъ глазъ!

Я слышу произнесенныя слова:

«Не презри, Господь, созданіе рукъ Твоихъ.
Освободи этого грѣшника отъ ненавидящихъ его.
Владыко вѣковъ, освободи сію душу!..
Веди за Спасителемъ почившихъ въ немъ!..»

Голосъ этотъ былъ мой собственный. Это я самъ пишу эти слова, произношу ихъ въ голосъ, напутствуя самъ себя отходящимъ.

Старикъ! къ чему послужили тебѣ сорокъ лѣтъ честной и труженнической жизни?..

Она и ты! молитесь о моей душѣ: ты здѣсь на землѣ, она тамъ, на небесахъ. Молитесь, молитесь за самое слабое и сокрушонное изъ созданій.

Приходи, священникъ! я умираю. Будь доволенъ, я умираю безъ надежды.

Историческія замѣтки.

Мы думаемъ, читатели будутъ намъ признательны за помѣщеніе здѣсь вслѣдъ за біографіей Ганганелли, написанной имъ самимъ съ вѣрностію честной искренности, нѣсколькихъ біографическихъ деталій, пополняющихъ его исторію, хотя и постороннихъ этой перепискѣ.

Набожный преемникъ Гильдебранда и Борджіевъ построилъ на свой собственный счетъ цѣлую деревню, недалеко отъ озера Больсене. Освященное въ основаніи своемъ именемъ патрона своего основателя, селеніе это называется Сан-Лоранцо. Ганганелли переселилъ въ нее, и также на свой счетъ, обитателей другой, близъ лежавшей бѣдной деревни, находившейся въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія, и которое было подвержено зловреднымъ испареніямъ извѣстныхъ понтійскихъ болотъ. Мы съ особенною готовностью сообщаемъ этотъ фактъ, потому что скромность Климента XIV не оставила никакого слѣда въ его собственныхъ рукописяхъ объ этомъ благотворительномъ дѣлѣ.

Что до Карлино, то лицо его почти никому неизвѣстно, такъ какъ онъ являлся передъ публикой постоянно въ маскѣ. Имѣемъ только одинъ портретъ, писанный пастельными красками. Нѣсколько копій съ него были, впрочемъ, сдѣланы для нѣкоторыхъ аматеровъ. Здѣсь мы можемъ также предложить нѣсколько частностей объ его характерѣ, и нѣкоторыя подробности, относящіяся къ концу его карьеры; онѣ помогутъ окончательной дорисовкѣ его личности, какъ хорошій эскизъ Ванло.

Мы помѣщаемъ записку, полученную имъ отъ чиновника иностранныхъ дѣлъ, найденную въ бумагахъ этого комедіанта; содержаніе этой записки показываетъ, что скромный другъ знаменитаго папы не упускалъ ни малѣйшаго случая выразить ему свою безуслов-

ную преданность, соединяя въ этихъ случаяхъ цѣнность одолженія съ деликатною скромностью.

Иностранныя дѣла.

Кабинетъ министра.

Герцогъ де Шуазель, секретарь, министръ государственныхъ дѣлъ иностраннаго департамента, завтра 18 декабря приметъ господина Карла Бертинаци въ 11 часовъ утра.

Версаль, 17 декабря 1770 г.

Внизу на томъ же листкѣ прибавлено почеркомъ мелкимъ и отчетливымъ, отличающимъ безукоризненною приличностью главныхъ начальниковъ канцелярій того времени, какъ и нашего:

Милостивый Государь!

Прошу у васъ извиненіе за маленькую задержку, которой подверглось это приглашеніе. Его превосходительство отдалъ мнѣ приказаніе на другой же день поданнаго вами прошенія, въ которомъ вы испрашивали аудіенцію, означеннаго 7-мъ числомъ сего мѣсяца.

Такимъ образомъ причиной этого замедленія остаюсь я одинъ, въ чемъ и приношу свое раскаяніе и прошу васъ не отнести его къ невѣжливости.

Я признаюсь вамъ, что одинаковость имени вашего съ именемъ одного извѣстнаго актера итальянской комедіи ввело меня въ заблужденіе, и такъ какъ генералъ любитъ иногда пошутить, я принялъ порученіе его сначала за желаніе позабавиться на мой счетъ.

По совѣту нѣкоторыхъ моихъ коллеговъ я отложилъ исполненіе этого, показавшагося намъ сомнительнымъ, порученія и не давалъ вамъ извѣщенія до сегодняшняго утра, когда я имѣлъ случай заговорить объ этомъ съ его

превосходительствомъ. Онъ объяснилъ мнѣ мою ошибку и торопилъ меня исполненіемъ: онъ прибавилъ, что фамилія ваша одна изъ лучшихъ и стариннѣйшихъ изъ Бергама, соединенная узами дружбы съ одною изъ вліятельнѣйшихъ личностей римскаго двора. Я понялъ изъ словъ графа, что отъ васъ зависѣло бы быть кардиналомъ, если бы вы того пожелали.

Судите, милостивый государь, объ моемъ смущеніи и не откажитесь принять отъ меня еще разъ усерднѣйшія извиненія въ моей оплошности.

Такъ какъ я догадываюсь, что дѣло идетъ о дипломатическихъ сношеніяхъ, довѣренныхъ вамъ и касающихся графства... я могу сообщить конфиденціально, чтобы сколько нибудь искупить мою вину, что дѣло реституціи на добромъ пути; министръ высказался объ немъ положительно.

Прошу васъ не скомпрометировать меня въ этомъ сообщеніи, и удостойте принять и вѣрить,

Милостивый государь,

Съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія преданности вашего покорнѣйшаго слуги.

Ренольта.

Начальника 3-го отдѣленія.

Изъ этой двойной записки можно видѣть, какъ по означенному на ней числу, такъ и по самому содержанію ея, значительность, которою пользовался Карлино, и какъ онъ умѣлъ ее употреблять на пользу его святѣйшества при Версальскомъ кабинетѣ въ дѣлѣ реституціи Авиньона. Корреспонденція подобнаго рода покажется менѣе странною, если припомнить, какъ тоже самое лицо позднѣе должно было служить посредникомъ между папой и конгрегаціей іезуитовъ, которые очень хорошо знали какимъ кредитомъ оно пользовалось. Судьба судила этому актеру

представлять Римъ въ Парижѣ и въ Римѣ Парижъ. Какъ много великихъ дѣлъ имѣли маленькія причины, и дипломація не всегда употребляетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только важныхъ лицъ.

Карлино прожилъ до 62-хъ лѣтъ. Онъ мужественно перенесъ значительныя потери, состояніе его уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину. Все время онъ оставался въ театрѣ итальянской комедіи и былъ лучшимъ его украшеніемъ. Онъ былъ полонъ, но легокъ, простодушенъ и остроуменъ. Его обыкновенно просили товарищи выходить на сцену, когда приходилось сообщить публикѣ что нибудь непріятное: онъ умѣлъ всегда сгладить непріятное впечатлѣніе сообщаемой неожиданности веселою и остроумною выходкою.

Въ ту эпоху дамскія прически были очень высоки и наконецъ достигли такихъ громадныхъ размѣровъ, что двери оказывались слишкомъ низкими. Въ одинъ вечеръ, когда королева была въ театрѣ, имѣя именно такую куафюру, Карлино, выходя на сцену, прикрѣпилъ къ своему фетру пукъ перьевъ такой громадной величины, что верхніе концы ихъ уходили подъ фризъ. Слышенъ былъ ропотъ, но насмѣшка мѣткостью своей все-таки подѣйствовала на безобразную моду.

Бертинаци былъ и музыкантъ, умѣлъ играть почти на всѣхъ инструментахъ, притомъ очень хорошо гравировалъ. На сценѣ онъ былъ такъ свободенъ и естественъ въ своей игрѣ, что зрители, и въ особенности дѣти, нерѣдко вмѣшивались въ разговоры съ нимъ. Онъ отвѣчалъ и умѣлъ очень ловко пользоваться этими случаями для своихъ импровизацій; въ нихъ онъ былъ еще лучше и увлекательнѣе, чѣмъ въ заученныхъ роляхъ. Онъ имѣлъ болѣе довѣрія къ своему воображенію, чѣмъ къ памяти.

Часто простая пантомина его или интонація голоса составляли всю прелесть его игры. Думали аплодировать удачному выраженію автора, на самомъ же дѣлѣ успѣхъ принадлежалъ только способу выраженія.

До самаго конца своей карьеры Карлино сохранилъ свѣжесть своего таланта. Онъ, такъ сказать, не пережилъ самого себя; ему не пришлось испытать ни забвенія, ни неблагодарности публики. Онъ угасъ почти безъ страданій въ Парижѣ 9-го сентября 1783 года, въ собственномъ домѣ, (rue Neuve des Petits Champs).

Счастливый до конца своей драмы, онъ имѣлъ постоянные и продолжительные успѣхи и очень непродолжительную агонію.

ЖАННА де-МОНФОРЪ

ЭПИЗОДЪ—СТОЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

(1341—1347)

I.

Было майское утро 1341 года. Въ одномъ изъ обширныхъ покоевъ сильно укрѣпленнаго замка герцогства Бретани, въ глубокой задумчивости сидѣла Жанна графиня де-Монфоръ. Окна, украшенныя кругомъ живописью и гербами, едва пропускали слабый утренній свѣтъ. У ногъ графини, стоя на подушкѣ колѣнями, молодая дѣвушка, съ бѣлокурыми волосами, въ шолковомъ фіолетовомъ платьѣ, пѣла акомпанируя себѣ на лютнѣ. По временамъ она поднимала глаза на госпожу, не смѣя окончить пѣніе. Но графиня Жанна не слушала, и лицо ея было заботливо. Дѣвушка Одетта краснѣла отъ утомленія, голосъ ея постепенно слабѣлъ и наконецъ упалъ; она на колѣняхъ пригнулась къ графинѣ и поднесла конецъ ея платья къ губамъ.

— Госпожа, сказала она, въ полголоса, вы печальны; чѣмъ могу васъ развлечь и навести улыбку на ваше лицо.

Жанна не отвѣчала. Вдругъ нетерпѣливо выдернувъ

свое вышитое платье изъ руки служанки, она выпрямилась.

— Молчи... ты не слышишь галопъ лошади?

Одетта замолкла и отрицательно покачала головой. Графиня продолжала слушать.

— Теперь я слышу, скоро закричала молодая дѣвушка, рыцарь торопится... вотъ онъ, не останавливаясь, проѣхалъ деревню и теперь поднимается на гору. Не везетъ ли онъ какихъ нибудь извѣстій?

Она колебалось и готова была рѣшиться на вопросъ; но, подъ вліяніемъ нетерпѣливаго ожиданія, графиня сдѣлала шагъ къ двери. Въ это время послышался скрипъ цѣпей опускающагося перваго подъемнаго моста. Рыцарь переѣхалъ первую ограду, и передъ нимъ отворились вторыя ворота, вскорѣ затѣмъ прозвучали шаги его лошади на послѣднемъ мосту. Жанна де-Монфоръ ждала неподвижно, наклонившись впередъ, сжавъ зубы и скрестивъ руки. Позади ея Одетта, блѣдная, съ изумленіемъ смотрѣла на графиню. Отчего такое тревожное нетерпѣніе? думала она.

Послышались шаги въ сѣняхъ, и неопредѣленные голоса подъ обширными сводами; вскорѣ раздался единодушный крикъ пажей, конюховъ и пикеровъ: да здравствуетъ монсеньоръ, герцогъ Бретанскій Жанъ IV, нашъ многолюбимый сеньёръ! Графиня покраснѣла, поблѣднѣла и бросилась къ двери. Одетта машинально послѣдовала за ней. Было извѣстно, что герцогъ Бретанскій, Жанъ III возвращался изъ арміи короля французскаго. Не случилось ли съ нимъ несчастія? Одетта была бѣдная сиротка, воспитанная въ домѣ герцогини Бретанской, которая подарила ее своей невѣсткѣ графинѣ де-Монфоръ. Молодая дѣвушка никогда не забывала добраго лица, кроткаго обращенія и ласковаго языка герцога; она съ грустью вспоминала о дворѣ и легкой службѣ у герцогини. Напротивъ того, болѣе гордая и рѣшительная, чѣмъ герцогиня Бретаньская,—урожденная принцесса Савайская, графиня Жанна де-Монфоръ, урожденная

принцесса Фландрская, держала свой домъ въ строгой дисциплинѣ. И Одетта, при всей своей любви и почтеніи, не разъ испытала вліяніе ея запальчивости. Дѣвушка поблѣднѣла при имени герцога Бретанскаго вмѣстѣ съ графомъ де-Монфоръ; но новая герцогиня не обращала на нее вниманія—ея напряженный слухъ слѣдилъ за приближеніемъ шаговъ мужа. Вошелъ графъ де-Монфоръ здоровый и крѣпкій, высокаго роста. Его виски обнажены отъ сѣдыхъ волосъ постояннымъ давленіемъ каски, его бархатное платье на плечахъ вытерто отъ тренія кирасой. За нимъ слѣдовали рыцари и приближенные конюхи. Невступая на порогъ комнаты своей супруги, графъ сдѣлалъ знакъ и служители удалились. Онъ не замѣтилъ Одетты, Жанна забыла объ ней, а дѣвушка не смѣла ни малѣйшимъ движеніемъ напомнить о своемъ присутствіи.

Графъ де-Монфоръ подошелъ къ женѣ.

— Онъ умеръ въ Каенѣ, Жанна, сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— А завѣщаніе? спросила она отрывисто.

— Ничего неизвѣстно, отвѣчалъ графъ съ оттѣнкомъ упрека. Какъ только онъ испустилъ духъ, Рауль поскакалъ ко мнѣ. Покойный и я были сыновья одного отца, и одна кровь течетъ въ нашихъ жилахъ.

Графиня покраснѣла; въ ея взглядѣ на мужа выразилось и презрѣніе и состраданіе.

— Вы лучшій христіанинъ, чѣмъ я, отвѣчала она; прошедшія обиды не тяготятъ вашего сердца.

— Смерть все стираетъ, замѣтилъ графъ.

И онъ подошелъ къ кресту въ глубинѣ комнаты, какъ будто для молитвы, когда взоръ его упалъ на Одетту, полускрытую большимъ ящикомъ краснаго дерева.

— Ты здѣсь, дѣвочка?. Вы могли бы отсылать вашихъ служанокъ, когда я прихожу къ вамъ, какъ я отсылаю своихъ служителей, обратился онъ къ женѣ.

Одетта исчезла.

Неглубокое впечатлѣніе извѣстія о смерти брата

исчезло ужъ у графа де-Монфоръ. Онъ не преклонилъ колѣнъ передъ распятіемъ, а подошелъ къ женѣ.

— Что намъ теперь дѣлать, Жанна? У Карла Блуаскаго и короля Филиппа больше средствъ предупредить насъ, если только передъ смертью Жану не заговорила совѣсть, и онъ не вспомнилъ, что братъ всегда ближе какой-нибудь племянницы, хотя бы эта племянница была десять разъ внучкой Марьи Лиможской. Впрочемъ я не разсчитываю на это, а вы, дорогая моя?

— Я никогда ни на кого не разчитываю, кромѣ Бога, отвѣчала Жанна съ горькой и печальной улыбкой человѣка, много выстрадавшаго въ жизни. Но если мы сейчасъ же пойдемъ въ Нантъ, то предупредимъ племянника нашего Блуа, и наконецъ если мы предоставимъ гражданамъ льготы и преимущества, то они были бы слишкомъ упрямы и злы не признать насъ сеньорами.

Графъ де-Монфоръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на жену.

— Этотъ старый грѣшникъ, умершій здѣсь въ прошедшемъ году, совершенно вѣрно называлъ ваше сердце мужскимъ и львинымъ. Когда вы будете готовы ѣхать?

— Черезъ два часа, отвѣчала она, улыбаясь; я возьму съ собой Жана.

Графъ задумался.

— Онъ еще слишкомъ малъ, замѣтилъ онъ.

Жгучіе глаза графини приняли нѣжное выраженіе. Говоря о сынѣ, лицо ея прояснялось.

— Правда онъ теперь ребенокъ; но онъ будетъ мужемъ, и она вышла для раздачи приказаній. Съ своей стороны и графъ позвалъ сенешаля для передачи ему защиты замка во время своего отсутствія.

Два часа спустя Одетта, съ другими служанками, любовалась кортежемъ, спускавшимся по изрытой дорогѣ горы. Впереди шолъ знаменоносецъ со знаменемъ, на которомъ были вышиты золотомъ гербы Бретани и Фландріи; за нимъ слѣдовали графъ и графиня; подлѣ бѣлаго иноходца Жанны, на небольшой испанской лошадкѣ,

съ мягкой поступью и подъ конвоемъ особаго пажа, ѣхалъ 5-ти лѣтній ребенокъ Жанъ. По мѣрѣ того, какъ дорога расширялась передъ всадниками, поѣздъ подвигался быстрѣе. Собиравшіеся на дорогѣ мѣстные крестьяне разсыпались въ стороны отъ ударовъ бича передовыхъ пикеровъ. Скоро кортежъ исчезъ изъ глазъ поселянъ, и Одетта никого не различала.

— Вы забыли, моя милая, говорилъ позади нея хриплый голосъ дамы Гудулы, довѣренной женщины графини, привезенной ею съ собой изъ Фландріи; вамъ нужно уложить шляпы и платья госпожи герцогини, позаботиться о парадной мантіи. Всѣ эти вещи необходимы будутъ для праздниковъ въ Нантѣ. Надобно же было убить двѣ тысячи семь сотъ маленькихъ звѣрковъ для одной мантіи; вѣдь это выкупъ принца.

Гудула еще ворчала и тогда, какъ Одетта ужъ стояла на колѣняхъ передъ большимъ бауломъ, украшеннымъ рѣзьбой, въ которомъ хранились украшенія ея госпожи. Платья, вышитыя золотомъ, каменья, зеркала и мѣха укладывались въ объемистые кожанные чемоданы, предназначенные къ перевозкѣ мулами. Одетта была молода, почти дитя; она не думала больше о покойномъ герцогѣ Бретани, умершемъ въ Каенѣ, въ враждѣ съ своимъ братомъ, внѣ своихъ владѣній, вдали отъ племянницы, назначенной имъ наслѣдницею; она думала только о предстоящихъ праздникахъ въ Нантѣ, о турнирахъ, о наградахъ.

Я надѣну мою синюю шляпу, подарокъ моей госпожи, говорила она про себя, ту, которая такъ понравилась моему Обри.

II.

До прибытія всего двора графини въ Нантъ, графъ уѣхалъ въ замокъ, гдѣ хранились сокровища покойнаго герцога. Между тѣмъ, какъ Карлъ де-Блуа и его жена хлопотали у своего дяди—короля Филиппа VI, о помощи

на завоеваніе наслѣдства—Бретани, граждане и гарнизонъ, одаренные богатствами покойнаго Жана III, признали графа де-Монфоръ своимъ законнымъ повелителемъ. Гордый успѣхомъ, графъ возвратился къ женѣ своей, остававшейся въ Нантѣ. Въ его отсутствіе она заботилась о всѣхъ подробностяхъ предстоящихъ празднествъ, во всемъ пространствѣ территоріи созывались владѣтели бретанскіе, всѣ приглашались къ отданію должной почести ихъ сеньору и къ празднованію его вступленія. Глаза графини заблистали полнымъ удовольствіемъ, когда ея мужъ принесъ ей ящики, наполненные серебряными монетами, слитками золота и каменьями, найденные въ казнохранилищѣ его брата въ глубинѣ башни, охраняемой тремя рядами укрѣпленій, подъемными мостами и стѣнами въ 10 футовъ толщины.

— Это окажетъ намъ добрую услугу въ войнѣ, сказала она; воины скорѣе идутъ къ тѣмъ, кто имѣетъ деньги, а казна нашего племянника Блуа далеко не такъ богата. Онъ тратитъ свое имущество на монаховъ и духовныхъ.

— Жанъ тоже тратилъ на это много, отвѣчалъ мужъ, и однако онъ успѣлъ же все это собрать. Въ одномъ изъ ящиковъ нашлись каменья превосходной воды, я желалъ бы видѣть ихъ, моя дорогая, на васъ во время нашихъ празднествъ.

Графиня улыбнулась, но въ этой улыбкѣ не видно было особеннаго удовольствія. Не смотря на юность и красоту, она мало занималась своимъ туалетомъ, и венеціянскія зеркала, украшавшія ея уборную, рѣдко отражали ея фигуру. Фламандка имѣла волоса и глаза черные, цвѣтъ лица оливковаго оттѣнка, какъ будто кровь какой нибудь испанской принцессы примѣшалась къ крови фландрскихъ графовъ. Она была высокаго роста, ея походка величественна, талія гибкая и крѣпкая. За исключеніемъ сына Жана, страстно ею любимаго, остальныя дѣти никогда не ощущали потребности покоиться на ея рукахъ, или карабкаться на ея колѣни.. Мужъ чувствовалъ къ ней полное довѣріе и уваженіе, немного

побаивался и слѣпо слѣдовалъ ея совѣтамъ столько же по невольному влеченію, сколько и по боязни.

Одетта, какъ обыкновенно, сидѣла у ногъ графини, приготовляя камни, которые она предпологала на другой день вплести въ волосы своей госпожѣ, имѣя на совѣсти серьезную просьбу; она желала бы высказать ее, но не рѣшалась. Наконецъ наклонившись разсмотрѣть блестѣвшіе въ рукахъ молодой дѣвушки камни, сама графиня замѣтила волненіе и нерѣшительность дѣвушки. Жанна была въ хорошемъ расположеніи духа: она владѣла сокровищами герцоговъ бретанскихъ, а черезъ нѣсколько часовъ почести всѣхъ вассаловъ будутъ принадлежать ея мужу.

— О чемъ ты задумалась, Одетта? сказала она болѣе благосклонно, чѣмъ обыкновенно; твои губы дрожатъ, глаза горятъ подъ полуопущенными рѣсницами. Говори, о чемъ ты хочешь просить?

Застигнутая въ расплохъ, молодая дѣвушка покраснѣла. Она стала на колѣни.

—О госпожа, попросите монсеньера позволить Марьѣ, женѣ прокаженнаго Еда, сопровождать его въ ссылкѣ. Графиня съ удивленіемъ осмотрѣла Одетту.

— Она хочетъ идти съ нимъ? но вѣдь онъ прокаженный, вѣдь онъ передастъ ей болѣзнь?

— Она его жена, боязливо отвѣчала Одетта; кто жъ будетъ заботиться о немъ, если она его кинетъ.

— У нея нѣтъ дѣтей? съ живостью спросила Жанна.

— Она расчитываетъ разрѣшиться къ дню св. Михаила, но она говоритъ, что Богъ сохранитъ дитя, а если оно и умретъ, то Господь приметъ его къ себѣ въ рай.

Графиня, подперевъ голову рукою, казалась задумчивой и не отвѣчала, а молодая служанка съ трепетомъ ожидала все въ томъ же положеніи. Наконецъ графиня подняла глаза.

— Хорошо, я получу разрѣшеніе монсеньера. Женщина съ ребенкомъ на рукахъ не можетъ обработывать землю и платить подать, а имущества общины достаточны

для содержанія ихъ обоихъ. Когда ихъ отдѣлятъ отъ людей?

— Завтра, госпожа, отвѣчала Одетта, съ глазами блиставшими полной радостью. Позвольте мнѣ просить у васъ позволенія быть на церемоніи.

— Церемонія очень печальна, замѣтила графиня, я ее видѣла у одного знатнаго сеньера. Мой кузенъ Гюи де Валансьенъ былъ заключенъ въ одинъ изъ своихъ замковъ съ горстью служителей, но..... ея голосъ принялъ оттѣнокъ презрѣнія,..... жена не пошла за нимъ. Едъ, простой оруженосецъ, счастливѣе его.

Одетта принесла Марьѣ добрую новость. Бѣдная женщина, подъ тяжестью скорби, на одно мгновеніе ожилась. Теперь она пощажена отъ грозившаго несчастія разлуки, но она должна была разстаться навсегда со всѣми своими близкими. Ея отецъ и мать жили въ деревушкѣ у подножія замка де-Монфоръ, а въ общину Нанта она переселилась по выходѣ замужъ за Еда. Въ будущемъ она никогда больше не увидитъ людей, не пойдетъ никогда въ церковь, никого не встрѣтитъ на рынкѣ, и какое зло могло ее заразить! Но за то она могла заботиться о мужѣ, видѣтъ его лицо, и наконецъ сеньеры отказались отъ всѣхъ своихъ правъ на ея тѣло и трудъ.

— Да благословитъ васъ Господь, молодая госпожа, отвѣчала она, кланяясь Одеттѣ, вы отдали мнѣ жизнь.

Молодая служанка покраснѣла.

— Я не госпожа, я бѣдная сирота, воспитанная милосердіемъ. Вполнѣ сочувствую вашимъ несчастіямъ, и пусть Богъ будетъ милостивъ къ вамъ за ваше мужество.

Марья улыбнулась.

— У меня недостало мужества оставить Еда; но я надѣюсь на милосердіе Божіе. Добрые отцы мнѣ разсказывали объ исцѣленіи патріарха Іова, и о прокаженныхъ, встрѣченныхъ Имъ на дорогѣ. Можетъ быть Онъ исцѣлитъ и моего мужа. Буду просить Его.

Она подняла къ небу свои руки и глаза, полные слезъ,

посылая чистую молитву сердца къ Всевидящему Властителю нашихъ душъ и тѣлъ.

Церемонія была назначена въ пятницу утромъ въ небольшой церкви предмѣстія Нанта, при входѣ на мостъ по дорогѣ къ мѣсту прокаженныхъ, извѣстнаго подъ злополучнымъ именемъ моста святаго прокаженнаго. Одетта пришла, одѣтая въ черное, такъ какъ предпологалось присутствовать при похоронахъ. Прибылъ мрачный кортежъ, церковь была обтянута, какъ для похоронной службы. Несчастный оруженосецъ, введенный двумя духовными и поставленный порединѣ ярко освѣщенной церкви, былъ покрытъ погребальнымъ саваномъ; начались похоронныя молитвы. При входѣ на хоры стояла Марья съ неподвижно-остановившемся взлядомъ на гробѣ, въ который положили ея мужа, въ томительномъ ожиданіи его воскресенія изъ мертвыхъ. Одно мгновеніе Одетта примѣтила черты несчастнаго прокаженнаго, и пораженная ужасомъ, принуждена была опереться о колону. Наконецъ церемонія кончилась, и всѣ присутствующіе окропили гробъ освященною водою. Оруженный священниками, покойникъ поднялся изъ гроба, и вся толпа послѣдовала за нимъ по дорогѣ къ жилищу, которое онъ прежде занималъ въ деревнѣ. Одетта поддерживала Марью, едва передвигавшую ноги. Несчастная женщина рыдала—ну... еслибъ онъ умеръ! Потомъ поднимая глава, она замѣтила вдали хижину, увѣнчанную крестомъ, и колоколъ, который долженъ былъ предупреждать иностранцевъ отъ входа въ жилище прокаженнаго.

— Вотъ моя могила, но мы тамъ будемъ вдвоемъ.

— Можетъ быть въ троемъ, прошептала Одетта.

Молодая мать покраснѣла. Если только Богъ окажетъ намъ эту милость, прибавила она.

Подошли къ хижинѣ. Едъ сталъ на колѣни.

Вы мертвы для земли, братъ мой, сказалъ священникъ, поднося ему крестъ, но Тотъ, который исцѣлилъ прокаженнаго, и который страдалъ на крестѣ, не удалится отъ васъ; Онъ вамъ простираетъ десницу съ высоты

небесъ, готовый принять васъ, когда трудъ вашего терпѣнія будетъ исполненъ. Тамъ нѣтъ ни больныхъ, ни прокаженныхъ, ни воплей, ни жалобъ, и всѣ раны тѣла и души будутъ навѣчно исцѣлены святою кровью непорочнаго Агнца, искупившаго грѣхи міра.

Затѣмъ подойдя къ несчастному, снимавшему съ себя платье оруженосца, вышитое золотомъ гербами Бретани, и вмѣсто него надѣвавшему темное платье прокаженнаго, онъ закричалъ потрясающимъ голосомъ:

Я запрещаю тебѣ выходить, иначе, какъ въ платьѣ прокаженнаго.

Я запрещаю тебѣ выходить обнаженными ногами.

Я запрещаю тебѣ проходить по тѣснымъ улицамъ.

Я запрещаю тебѣ говорить кому бы то ни было, кто будетъ подъ вѣтромъ.

Я запрещаю тебѣ входить во всякую церковь, монастырь, рынокъ, торжище и во всякое человѣческое собраніе.

Я запрещаю тебѣ пить или омывать руки въ бассейнѣ или рѣкѣ.

Я запрещаю тебѣ брать какой бы то ни было товаръ, прежде его покупки.

Я запрещаю тебѣ касаться дѣтей и передавать имъ что бы то ни было. Священникъ продолжалъ заклинать. Одетта посмотрѣла на Марью; лучистая радость играла на лицѣ молодой женщины.

Онъ можетъ касаться своего дитяти, говорила она тихо.

Священникъ замолкъ и протянулъ ногу для поцалуя несчастному прокаженному, потомъ принявъ изъ рукъ молодаго клерка лопатку съ горстью земли, онъ посыпалъ ею голову осужденнаго.

Да будетъ надъ тобою милосердіе Божіе, заключилъ онъ, и да помолются о тебѣ всѣ добрые христіяне.

Отуманенный, и едва держась на ногахъ, Едъ поднялся и направился къ своей хижинѣ; но на порогѣ онъ остановился бросить послѣдній взглядъ на это собраніе себѣ подобныхъ, закрытое для него навсегда.

Въ это время чья-то рука обвилась около него, прокаженный обернулся и увидѣлъ свою жену; все остальное исчезло изъ его глазъ. Марья увлекла его въ хижину, и дверь тихо за ними затворилась.

III.

Наступилъ назначенный день для празднества. Пристроены деревянныя эстрады, обтянутыя богатыми коврами, ристанища открыты всѣмъ прибывающимъ, на двухъ главныхъ площадяхъ приготовлялись представленія мистерій; на одномъ перекресткѣ устроенъ фонтанъ, изливающій вино, и за нимъ далѣе молоко и медъ. Горожане, ихъ жены и дѣти, въ лучшихъ праздничныхъ платьяхъ бродили по улицамъ. Епископы и прелаты ожидали въ городскомъ домѣ прибытія новаго герцога, обѣщавшаго имъ возобновить и распространить хартіи и привиллегіи; но труба оруженосца, поставленнаго часовымъ на укрѣпленіяхъ, съ утра возвѣстила прибытіе только одного местра Герве де-Леона, мужа благороднаго и могущественнаго, пріѣхавшаго въ сопрвожденіи многочисленной свиты оказать почесть своему сеньеру за боронство де Леонъ и за дядю своего епископа. Графиня встрѣтила его чрезвычайно любезно и дала ему поцаловать свою руку; но послѣ его прибытія не являлось ни одного дворянина преклонить передъ ней своихъ колѣнъ. Ристалища оставались пустыми, такъ какъ горожане не умѣли ни сражаться конными, ни по рыцарски владѣть оружіемъ; кавалеры, окружавшіе графа Жана, имѣли недовольнный видъ.

Знатные привыкли скрывать свои непріятныя внечатлѣнія. Когда графъ возвратился изъ городскаго дома послѣ свиданія съ епископами, Жанна съ лицомъ такимъ же яснымъ, какъ будто все дворянство Бретани поконлось у подножія герцогскаго трона, предложила ему посѣтить своихъ добрыхъ гражданъ и сдѣлать прогулку по

городу для присутствованія на играхъ. Отправились въ путь. Повсюду были приготовлены столы, и радость царствовала на всѣхъ лицахъ; рѣзали жаренныхъ индѣекъ, говядину и солонину, были приготовлены сыръ и фрукты, какъ и слѣдовало на княжескомъ пиру. Графъ и графиня подъѣзжали къ пирующимъ и милостиво обращались съ нѣсколькими ласковыми словами къ болѣе значительнымъ. Праздникъ начался въ нижнемъ городѣ. Когда благородные хозяева прибыли въ верхній городъ, обѣдъ уже кончился и начались забавы, игры въ мячи и палки. На особо устроенномъ возвышеніи представляли мистерію; далѣе нѣсколько человѣкъ съ завязанными глазами старались поразить свинью, предназначенную самому искусному, но надѣляли къ великому удовольствію зрителей другъ друга порядочными ударами.

Одинъ монахъ собралъ вокругъ себя благочестивыя души и проповѣдывалъ имъ о современныхъ злоупотребленіяхъ. Когда графиня приблизилась къ кафедрѣ, онъ возставалъ противъ страннаго обычая, позволяющаго женамъ бить своихъ мужей въ понедѣльникъ на пасхѣ, предостовляя въ то же время послѣднимъ право отдавать удары на другой день. Женщины, говорилъ проповѣдникъ, бейте вашихъ мужей, когда бы вы ни пожелали, какъ они васъ бьютъ на другой день; мужья, бейте вашихъ жонъ, когда бы вы ни пожелали, какъ они васъ били наканунѣ.

Жанна де-Монфоръ засмѣялась. Она обратилась къ Одеттѣ, поддерживающей шлейфъ ея платья и вуаль, ниспадавшую съ головной прически.

— Что ты скажешь, дѣвочка? Нравится ли тебѣ мѣра достопочтеннаго отца?

Одетта покраснѣла. Не смотря на постоянное пребываніе около знатныхъ, врожденное благородство ея характера спасло ее отъ полнаго воспріятія ихъ идей.

— Госпожа, я лучше люблю поученіе, прослушенное сегодня утромъ у обѣдни: мужья любите вашихъ жонъ,

какъ самихъ себя; жоны будьте покорны вашимъ мужьямъ, какъ Господу.

Жанна въ свою очередь покраснѣла. Впрочемъ благородныя чувства и возвышенныя мысли имѣли всегда доступъ къ ея сердцу, даже и тогда, когда рѣзкость и живость характера въ житейской суетѣ увлекали ея къ поступкамъ противуположнымъ.

— Ты правду сказала, и святой Павелъ лучше проповѣдывалъ, чѣмъ нашъ добрый бретонецъ.

Потомъ ускоряя шагъ, она присоединилась къ графу, разговаривавшему въ небольшомъ разстояніи съ Герве де-Леономъ о полученіи всего сокровища покойнаго брата.

Въ такомъ случаѣ, монсеньеръ, сказалъ баронъ улыбаясь, вы не будете нуждаться ни въ рыцаряхъ, ни въ простыхъ воинахъ, могу васъ увѣрить. Не безпокойтесь о неявившихся на первый вашъ призывъ. Многіе изъ нихъ боятся короля Франціи, но обнародуйте только, что вы платите хорошо за всѣ добрыя и вѣрныя услуги, ласкайте вашихъ горожанъ, и вы будете имѣть у себя всегда довольно людей.

За тѣмъ, обращаясь къ графинѣ, Герве продолжалъ:

— Вѣрьте мнѣ, герцогиня, въ восемь дней монсеньеръ, вашъ супругъ, можетъ совершить походъ на Брестъ, если ему будетъ угодно.

Въ это время пронзительные крики раздались въ городѣ; человѣкъ, одѣтый въ сѣрое платье, спереди и сзади перерѣзанное жолтыми полосами, бѣжалъ изъ всѣхъ силъ отъ толпы мущинъ, женщинъ и дѣтей, бросавшихъ въ него камнями. Разстояніе, выигранное имъ у своихъ преслѣдователей, было достаточно для того, чтобъ удары не могли быть опасными, но силы его истощались, и онъ изнемогалъ. Вдругъ блуждающіе глаза замѣтили благородную группу; бѣглецъ упалъ къ ногамъ Жанны.

Заступитесь, благородная дама, шепталъ онъ, задыхаясь.

Она наклонилась къ несчатному. Одетта, совершенно смущенная, живо ее остановила.

— Госпожа, это жидъ.

— Что-жъ такое? отвѣчала графиня, бросивъ на Одетту надменный и сердитый взглядъ; я васъ нахожу, моя милая, слишкомъ смѣлой вмѣшиваться въ мои дѣла. Развѣ у васъ этотъ несчастный проситъ милости? И она наклонилась поднять жида.

Толпа остановилась, испуганная смѣлостью жида, несмѣя продолжать преслѣдованіе. Одна изъ женщинъ, съ всклокоченными волосами и чертами полными ярости, вышла изъ толпы и подошла къ графинѣ.

— Онъ нашъ, госпожа, сказала она дерзко; онъ изъ тѣхъ, которые продали нашего Спасителя, и кромѣ того онъ купался въ рѣкѣ, чтобъ отравить христіянъ.

— Онъ взялъ въ закладъ три плуга, кричалъ другой голосъ.

— Онъ будетъ осужденъ и повѣшенъ между двумя собаками, рѣвѣла толпа, и голосъ монаха, приблизившагося къ жиду, прозвучалъ анаѳему:

— Пусть ты будешь проклятъ всегда и вездѣ, днемъ и ночью, когда встаешь и ложишься, въ домѣ своемъ и въ полѣ, въ дѣтяхъ и имуществѣ, въ тѣлѣ своемъ и душѣ, проклятъ изъ вѣка въ вѣкъ!

Весь народъ отвѣчалъ «Аминь».

Жанна дала знакъ бѣдному жиду, и онъ поднялся.

— Откуда ты? спросила она.

— Издалека, отвѣчалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Мой народъ вѣчный странникъ, и великія націи насъ презираютъ. Къ полудню отъ этой страны насъ терпютъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо; но прежде, еще до послѣднихъ эдиктовъ, я жилъ въ этомъ городѣ, и здѣсь покоятся кости моихъ близкихъ и дорогихъ. Я пришелъ поклониться ихъ могилѣ.

— И рисковалъ найдти свою! отвѣчала графиня, смотря безъ ужаса на несчастнаго, покрытаго кровью и пылью, отъ котораго всѣ удалялись съ омерзеніемъ. Одетта уро-

нила на землю вышитый шлейфъ; графъ подошелъ къ женѣ.

— Жанна, сказалъ онъ вполголоса.

— Нашъ Спаситель былъ также еврей, съ живостью сказала графиня, съ глазами бросавшими молніи.

— Его братья предали Спасителя, милостивая госпожа, сказалъ монахъ, произнесшій анаѳему.

— А христіане никогда не измѣняютъ, братъ мой? сказала она.

Монахъ отошелъ; онъ нѣсколько разъ былъ обвиняемъ въ обнаруженіи тайнъ, ему ввѣряемыхъ. Графъ однакоже настаивалъ:

— Право милости мнѣ принадлежитъ, наконецъ онъ сказалъ.

— По этому-то вы никогда въ немъ не откажете вашей дамѣ, и она обратилась къ нему съ тою гордою граціей, которая всегда обезоруживала его.

— Иди, негодяй, сказалъ онъ, съ миромъ изъ нашего герцогства. Первый, кто наложитъ на него руку, будетъ тотчасъ же повѣшенъ, прибавилъ онъ, замѣтивъ недовольный ропотъ, пробѣжавшій въ народѣ. Въ этотъ торжественный день намъ прилично оказать дѣло милосердія.

Жиду! Жиду! шептали во всѣхъ группахъ, но не смѣли явно возражать. Два воина благополучно проводили несчастнаго до порта, гдѣ онъ сѣлъ на провансальскій корабль, обязавшійся его перевезти за хорошую плату.

Несчастный еврей упалъ на ворохъ канатовъ и закрылъ руками лицо.

Когда утишится гнѣвъ твой, Іегова? шепталъ онъ.

Между тѣмъ графъ провожалъ далѣе свою жену, сдѣлавшуюся серьезной и задумчивой.

Кто знаетъ? говорила она себѣ. Начавшаяся война не оборотится ли противъ насъ; не будемъ ли и мы въ свою очередь бѣглецами и странниками, какъ этотъ бѣдный еврей; но до послѣдняго человѣка и до послѣд-

няго деньера, я буду поддерживать права Жана и моего сына.

— О чемъ думаете вы, дорогая? спросилъ графъ, когда они вошли въ замокъ, и отдаленный шумъ праздника достигалъ до нихъ слабѣющимъ эхомъ.

— Я думаю, что въ восемь дней намъ необходимо совершить походъ, вамъ на Брестъ, а мнѣ на Реннъ, если только у насъ будетъ достаточно людей. Чѣмъ больше мы будемъ имѣть городовъ и замковъ за собою прежде, чѣмъ племянникъ нашъ Блуа откроетъ военныя дѣйствія, тѣмъ болѣе мы затруднимъ его завоевывать тѣ города обратно.

IV.

Ожиданія графини не обманулись. Какъ только въ Бретани сдѣлалось извѣстнымъ, что сокровища покойнаго герцога, такъ тщательно сберегаемыя въ Нантѣ, находятся въ рукахъ его брата, графа де-Монфоръ, многіе изъ дворянъ объявили себя на его сторонѣ. Къ его двору явились иностранные рыцари, желавшіе отличить себя громкими подвигами, и вмѣстѣ съ тѣмъ наполнить опустѣлые кошельки. Графиня Жанна не давала имъ времени изнѣжиться праздниками. Такъ какъ начальствовавшій въ Брестѣ мессиръ Гарнье де-Клиссонъ отказался сдать городъ добровольно, то онъ былъ взятъ однимъ отважнымъ приступомъ. Послѣ того графъ направился къ городу Реннъ. Эта крѣпость была сильна и изобильно снабжена запасами. Богатые горожане желали защищаться; но графу удалось въ одной изъ вылазокъ захватить мессира Генри де-Снинефора, ихъ начальника, дворянина доблестнаго и весьма отважнаго, говоритъ Фруассаръ—лѣтописецъ, особенно ими любимаго. Такимъ образомъ, когда народъ увидѣлъ мессира Генри въ рукахъ непріятеля, а горожане продолжали упорствовать на сопротивленіи, то народъ началъ волноваться и осыпать богатую буржуазію дерзкою и площадною бранью; наконецъ

даже нѣкоторые изъ горожанъ были убиты. Въ такой опасности буржуазія принуждена была склониться и уступить волѣ народа. Тогда установился порядокъ, и народъ отворилъ городскія ворота и сдалъ городъ графу де-Монфоръ, оказавъ ему большія и малыя почести. Кавалеръ мессиръ Генри де-Спинефоръ остался совѣтникомъ графа».

Едва графъ де-Монфоръ утвердился въ Реннѣ, какъ новый совѣтникъ оказалъ ему чрезвычайно важную услугу. Графъ предположилъ приступить къ осадѣ Генебона, города и замка, считавшимися неприступными, подъ управленіемъ мессира Оливье де-Спинефора. Изъ опасенія, чтобы при атакѣ не случилось какого-нибудь несчастія съ братомъ, мессиръ Генри предложилъ своему новому сеньеру захватить замокъ хитростью, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы не было сдѣлано никакого зла коменданту, его брату.

— Я вамъ это обѣщаю, сказалъ графъ; и если я буду сеньеромъ Генебона, города и замка, то я съумѣю оцѣнить такую важную услугу.

Мессиръ Генри обѣщалъ. Съ великою поспѣшностью отправившись съ шестью стами воиновъ, Генри Спинефоръ достигнулъ Генебона и расположился передъ его воротами. Мессиръ Оливье, увидѣвъ развѣвающееся знамя своего брата, чрезвычайно обрадовался и, предположивъ, что тотъ пришелъ къ нему на помощь для защиты крѣпости, тотчасъ приказалъ отворить ворота. Но едва только мессиръ Генри вступилъ въ крѣпость, окруженный своими воинами, какъ наложилъ руку на плечо своего брата, проговоривъ:

— Оливье, вы мой плѣнникъ.

— Какъ! вскричалъ кастелянъ, я вамъ довѣрился, я думалъ, что вы пришли мнѣ помогать защищать городъ и замокъ.

—Мессиръ, отвѣчалъ Генри, вы совершенно ошибаетесь, я беру замокъ отъ имени графа де-Монфоръ, въ настоящее время герцога Бретанскаго, котораго я, какъ и боль-

шая часть страны, признали сеньеромъ. Если вы будете повиноваться, а еще лучше, если сдѣлаете это не по принужденію, а добровольно, то встрѣтите монсеньера болѣе къ себѣ милостивымъ.

Какъ плѣнникъ, Оливье уступилъ, и черезъ три дня графъ прибылъ въ Генебонъ, чрезвычайно обрадованный пріобрѣтеніемъ такой сильной крѣпости. Затѣмъ сдались также нѣсколько другихъ городовъ. Между тѣмъ изъ Парижа получились грозныя извѣстія: Карлъ де-Блуа собиралъ войска, и король его поддерживалъ всѣмъ своимъ могуществомъ. Графъ де-Монфоръ воротился въ Нантъ посовѣтоваться съ своей женой. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ презиралъ всякій другой совѣтъ, кромѣ ея, и никогда не совѣтовался съ кавалерами, не переговоривъ прежде съ Жанной. Она приняла его съ радостью и посовѣтовала тотчасъ же отправиться въ Англію, отдать должную почесть королю Эдуарду III, какъ своему сеньеру и просить у него помощи. Такимъ образомъ поступили фламандцы и были поддержаны англичанами, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Эдуардъ предъявилъ свои права на французскую корону отъ имени королевы Изабеллы, своей матери, дочери Филиппа прекраснаго, права которой ему казались болѣе законными, чѣмъ права Филиппа VI, двоюроднаго брата королей: Людовика X, Филиппа V и Карла IV, всѣхъ трехъ умершихъ безъ потомковъ мужескаго пола. Имперскіе князья также обѣщали свою поддержку королю Англіи. Жанна рѣшилась признать его, какъ законнаго соверена.

— Оставимте нашему племяннику Блуа воздавать почести графу де-Валуа, говорила она, а вы отправляйтесь черезъ море къ нашему благородному сеньеру, королю Эдуарду. Онъ увидитъ выгоду и окажетъ намъ помощь.

Графъ колебался. Старинное тяготѣніе его дома къ дому Франціи, дружескія отношенія, соединявшія нѣкогда его съ Филиппомъ де-Валуа, когда они оба были молоды, предпріимчивы и въ первомъ цвѣтѣ рыцарскаго увлеченія, самая необходимость переплывать море смущали

его умъ и совѣсть. Жанна убѣждала, но она была слишкомъ умна, чтобъ не настаивать чрезъ мѣру; зная очень хорошо, что все кончится исполненіемъ ея совѣтовъ, она предоставила времени сдѣлать свое дѣло. Вскорѣ графъ узналъ, что вопросъ о правахъ на герцогство Бретанское переданъ былъ королемъ Филиппомъ баронамъ и двѣнадцати перамъ; никто не сомнѣвался въ благопріятномъ рѣшеніи для графа де-Блуа.

Графъ вошелъ въ апартаментъ своей жены, которая была одна.

— Жанна, если я завтра отправлюсь въ Англію, куда мои корабли должны пристать, чтобъ безъ всякаго замедленія найдти монсеньера Эдуарда и его дворъ? Я рѣшительно не намѣренъ ждать рѣшенія двѣнадцати перовъ королевства Франціи о томъ, кто ближе: братъ или племянница покойному монсеньеру моему брату, герцогу Жану, котораго пусть Богъ да проститъ въ своемъ милосердіи.

Графиня не сдѣлала никакихъ возраженій и поспѣшила приготовить отъѣздъ своего мужа. Выбраны были воины для сопровожденія графа и нѣсколько рыцарей, впрочемъ въ небольшомъ числѣ, такъ какъ графиня должна была охранять множество городовъ и замковъ.

Вечеромъ, когда Одетта безмолвно слушала объясненія дамы Гудулы о правахъ короля Эдуарда на корону Франціи, она замѣтила тѣнь, мелькавшую передъ рѣшетчатымъ окномъ башни, гдѣ работали прислужницы графини. Подъ первымъ, попавшимся ей въ голову предлогомъ, она встала и вышла, а затѣмъ, тихо проскользнувъ вдоль обширныхъ каменныхъ корридоровъ, отворила дверь на внутренній дворъ. Тамъ какой-то воинъ, высокаго роста, съ бѣлокурыми густыми волосами, кудрями выбивающимися изъ подъ шишака, прохаживался взадъ и впередъ по тѣсному пространству, стараясь утаивать звукъ своихъ тяжолыхъ сапоговъ и массивнаго оружія. Замѣтивъ молодую дѣвушку, онъ громко высказался.

— Наконецъ-то! Я думалъ, придется уѣхать на ту

сторону моря, не простившись съ тобой, а кто знаетъ воротимся ли мы?

Одетта поблѣднѣла и оперлась о стѣну.

— Развѣ ты будешь провожать монсеньера? спросила она дрожа.

— Обри гордо выпрямился.—Да, вѣроятно, сенешаль очень хорошо знаетъ у кого добрыя руки и рѣшительное сердце; онъ меня никогда не забываетъ, когда надобно дѣйствовать.

— Но тамъ не будетъ сраженій. Если ты погибнешь, то въ морѣ, безъ славы, безъ надежды быть освобожденнымъ отъ рабства за какой-нибудь громкій подвигъ, отвѣчала Одетта.

— Если мы погибнемъ, то всѣ вмѣстѣ по волѣ Господа Бога, нашего Спасителя, возразилъ вѣрный Обри, и это будетъ справедливо, такъ какъ мой сеньеръ меня кормилъ и воспиталъ въ своихъ замкахъ, когда я еще не могъ дѣлать никакихъ услугъ.

— Но графъ ѣдитъ присягать за герцогство королю Англіи! голосъ Одетты сдѣлался едва слышнымъ. Это большой грѣхъ, вѣдь онъ отрекается отъ короля Франціи.

— А кто теперь законный король Франціи? безпечно отвѣчалъ Обри, самые учоные не рѣшили, а намъ нечего и разсуждать объ этомъ.

— Женщины не могутъ наслѣдовать такой благородный ленъ, говорила Одетта тономъ убѣжденія, который заставилъ Обри расхохотаться, я это часто слышала отъ покойнаго герцога Жана.

— Который самъ оставилъ свое герцогство племянницѣ, устранивъ своего брата, сказалъ Обри, продолжая смѣяться; теперь другой Жанъ, который говоритъ наоборотъ, а мы недовольно учены, чтобъ рѣшать, какъ должны дѣйствовать наши сеньеры. Я буду сражаться за короля Эдуарда, какъ сражался бы за короля Филиппа, лишь бы это было подъ знаменемъ Бретани, и лишь бы имѣлъ надежду, съ рискомъ сломать себѣ голову, быть свободнымъ и жениться на тебѣ.

Молодая дѣвушка покраснѣла.

— Да покровительствуетъ тебѣ Пресвятая Богородица и святой Павелъ Леонскій, сказала она; я слышу, дама Гудула зоветъ меня. Мнѣ пора войдти, а то она придетъ искать меня.

Обри наклонился, желая принять ее въ свои объятія; но Одетта исчезла. Еще мгновеніе, онъ замѣтилъ ее въ бойницѣ, махающей платкомъ, затѣмъ онъ не видалъ ее болѣе.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, корабль, принявшій графа де-Монфора и его двадцать рыцарей и воиновъ, снялся съ якоря и направился къ Корнвалису, такъ какъ моряки, находившіеся въ портѣ, говорили, будто Эдуардъ весьма часто находится на этомъ берегу. Одетта вошла на вершину башни и оттуда наблюдала за удаляющимся бѣлымъ парусомъ. Въ это время графиня отдавала приказанія о защитѣ города, и съ сыномъ на рукахъ показавшись въ окнѣ замка, обѣщала гражданамъ и народу возвращеніе графа съ большими силами для обороны своего права.

V.

Графиня получила извѣстіе отъ своего мужа. Онъ прислалъ одного изъ своихъ рыцарей съ двумя воинами передать Жаннѣ, что онъ доѣхалъ до Виндзора, гдѣ находился въ то время король Эдуардъ, что сначала онъ присягнулъ королю за графство Ричмондъ, перешедшее въ его власть по смерти Жана III, герцога Бретанскаго, а потомъ представилъ увѣренія въ своей вѣрности, съ условіемъ полученія помощи для защиты своего наслѣдства, такъ несправедливо оспариваемаго мессиромъ Карломъ де-Блуа.

— Что отвѣчалъ король? съ живостью спросила графиня у рыцаря, передававшаго это извѣстіе, одного изъ самыхъ вѣрныхъ сподвижниковъ мужа.

Кавалеръ улыбнулся.

— Король не отвѣчалъ отказомъ, онъ очень хорошо понялъ на сколько ему выгодна война съ королемъ Франціи, и какой прекрасный доступъ получитъ во Францію черезъ Бретань. Тамъ, впрочемъ, разсказываютъ, будто имъ дорого стоили войны по приглашеніямъ германцевъ, фламандцевъ и брабантцевъ, и будто имперскіе князья, обѣщавшіе помогать золотомъ и серебромъ, не исполняли своихъ обязательствъ.

— Фламандцы помогали ему и войскомъ и деньгами, гордо замѣтила графиня.

— Это совершенно справедливо, поспѣшилъ подтвердить рыцарь немного сконфуженный отъ своей забывчивости наслѣдственныхъ симпатій графини. Король принялъ монсеньера торжественно, и я полагаю въ этотъ часъ присяга должна быть произнесена.

Графиня осталась довольной. Только-что передъ этимъ она получила извѣстіе, что король Филиппъ потребуетъ сеньера графа въ Парижъ, а какъ она не имѣла никакого довѣрія къ правосудію французскаго двора, то, прежде исполненія приказаній Филиппа, ей необходимо было знать о результатахъ переговоровъ ея мужа съ Эдуардомъ III.

Едва графъ возвратился въ Нантъ, совершенно довольный своимъ путешествіемъ и обѣщаніями англійскаго короля, какъ въ этотъ городъ прибылъ гонецъ съ приказаніемъ, отъ имени короля Франціи, явиться въ Парижъ для отвѣтовъ передъ трибуналомъ двѣнадцати перовъ о притязаніяхъ на герцогство Бретанское. Графъ де-Монфоръ поблѣднѣлъ.

— Идти ли мнѣ, моя дорогая? спрашивалъ онъ свою жену, когда они, отдавъ распоряженія о хорошемъ угощеніи гонца, удалились въ свои апартаменты. Кто знаетъ, возвращусь ли я, не задержутъ ли меня въ Луврѣ?

— Они не осмѣлятся, отвѣчала графиня; я пошла бы васъ искать съ королемъ Эдуардомъ, хотя бы то было по трупамъ нашего племянника и нашей племянницы де-Блуа. Нѣтъ, мой дорогой сиръ, надобно идти и от-

вѣчать на всѣ вопросы тихо и вѣжливо. Вы можете свободно возвратиться, когда лично удостовѣритесь въ положеніи дѣла. О! какъ бы я желала быть на вашемъ мѣстѣ!

Графъ захохоталъ.

— Ахъ, Жанна, отвѣчалъ онъ, какъ желалъ бы я видѣть тогда этихъ двѣнадцать перовъ, какъ бы вы съ ними обращались? Я терпѣливѣе васъ, моя дорогая.

Графъ отдалъ распоряженія къ походу. Его сопровождали четыреста кавалеровъ, а графиня и маленькій Жанъ провожали за два лье отъ Нанта.

— Кто знаетъ, когда мы его увидимъ, говорила она себѣ, и жгучіе глаза ея, слѣдуя издали за великолѣпнымъ кортежемъ, изчезавшимъ на горизонтѣ, были полны слезъ.

Графъ путешествовалъ съ большими остановками. Тотчасъ по прибытіи въ Парижъ, онъ получилъ свѣдѣніе, что король его ожидаетъ въ своемъ отелѣ. Графъ поспѣшилъ представиться.

— Сиръ, сказалъ онъ, я явился по вашему желанію и по вашему приказанію.

— Однако не по доброй волѣ, графъ де-Монфоръ; я чрезвычайно удивленъ, какъ вы осмѣлились захватить самовольно герцогство Бретаньское, на которое вы не имѣете никакого права, такимъ образомъ лишать наслѣдства болѣе ближайшаго родственника, и наконецъ для исполненія своего самоуправства, въ видахъ утвержденія своихъ правъ, заключить, какъ мнѣ передавали, союзъ съ соперникомъ моимъ королемъ англійскимъ?

Жанъ де-Монфоръ не смутился.

— Сиръ, вы изволите ошибаться; я не знаю никого ближе себя герцогу моему брату, недавно умершему, но если бы нашли болѣе ближайшаго по праву, то я отказался бы отъ притязаній, и не былъ бы ни возмутителемъ, ни безчестнымъ.

Лицо короля прояснилось. Онъ обернулся къ племяннику своему—Карлу де-Блуа; но тотъ сдѣлалъ легкое

движенiе головой, — очевидно, онъ не вѣрилъ словамъ противника.

— Не уѣзжайте изъ Парижа до тѣхъ поръ, пока бароны и двѣнадцать перовъ не разрѣшатъ вопроса о близости родства, сказалъ король, пристально посмотрѣвъ на графа; иначе вы навлечете на себя мой гнѣвъ.

Жанъ де-Монфоръ поклонился. Исполню вашу волю, сиръ. Однако-жъ его не пригласили къ обѣду, и онъ возвратился въ отель.

Ночью, когда онъ былъ въ постелѣ, сонъ бѣжалъ отъ его глазъ. Умъ его постоянно тревожился призраками опасности, онъ видѣлъ себя плѣнникомъ въ Луврѣ, лишеннымъ всякой возможности защищаться. Одинъ изъ воиновъ дежурилъ въ его комнатѣ.

— Что скажешь ты, мой другъ Обри, сказалъ графъ, подзывая воина къ постелѣ, о кошкѣ, которая попалась въ мышеловку, и которой говорили бы: подождите, мыши, можетъ быть, придутъ васъ освободить.

Обри захохоталъ.

— Я сказалъ бы, монсеньеръ, что эта кошка очень простая, не такъ ловка, какъ обыкновенно.

— Это и мое мнѣнiе, отвѣчалъ графъ; поди разбуди мессира Гуга де-Пенье, мессира Ива де-Карвефу и двухъ самыхъ вѣрныхъ твоихъ товарищей; съ разсвѣтомъ дня, когда ворота будутъ отворены, мы выѣдемъ отсюда въ Бретань, а наша свита отправится послѣ, какъ только будетъ возможно.

Между тѣмъ, какъ король Филиппъ, не видя графа, а только его свиту, удивлялся и считалъ его больнымъ въ отелѣ, Жанъ де-Монфоръ воротился въ Нантъ. Онъ разсказалъ свои приключенiя женѣ; она его слушала, съ глазами опущенными, но горькая улыбка блуждала на ея губахъ; ея судорожно сжатыя руки на ручкахъ кресла обнаруживали, что стоитъ ей молчанiе.

— Вы возвратились, мессиръ, сказала она наконецъ голосомъ, измѣнившимся отъ волненiя, теперь необходи-

мо приготовляться, такъ какъ о соглашеніяхъ не можетъ быть и рѣчи. Желалось бы, чтобъ люди, оставленные вами въ Парижѣ, счастливо воротились, вы скоро будете имѣть нужду во всѣхъ вашихъ слугахъ.

Графъ смотрѣлъ на жену съ безпокойствомъ и раздраженіемъ. Онъ смутно понималъ ея неудовольствіе, но не могъ сознавать причины.

— Желалъ бы видѣть васъ на моемъ мѣстѣ, моя дорогая, шепталъ онъ, не смѣя высказать громко. Графинѣ нужна была вся сила ея воли скрыть на сколько потрясена и уничтожена была гордость постыднымъ бѣгствомъ мужа.

На общемъ совѣтѣ приняты были мѣры къ снабженію людьми и запасами всѣхъ городовъ и замковъ, владѣемыхъ ими въ герцогствѣ, съ щедрымъ обѣщаніемъ наградъ за вѣрную службу.

Наконецъ двѣнадцать перовъ объявили, что Жанна графиня де-Блуа, дочь Гюи де Пентьевра, брата отца и матери покойнаго герцога Жана, наслѣдница послѣднему по праву и факту, какъ болѣе ближайшая, чѣмъ графъ де-Монфоръ, сынъ второй жены покойнаго герцога Артура. Съ другой стороны и король Филиппъ выказывалъ себя чрезвычайно раздраженнымъ тайнымъ отъѣздомъ Жана де-Монфоръ. Онъ послалъ графу вызовъ отъ имени Карла де-Блуа.

— Мой добрый племянникъ, говорилъ король Карлу, вы имѣете теперь рѣшеніе на ваше прекрасное и великое наслѣдство, поэтому спѣшите отнять отъ того, кто захватилъ его лживо. Просите всѣхъ вашихъ друзей помогать вамъ въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ и я принимаю живое участіе. Снабдите вашихъ союзниковъ золотомъ и серебромъ,—а я скажу моему сыну герцогу Нормандскому принять у васъ главное начальство. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу и приказываю вамъ въ особенности спѣшить, такъ какъ король англійскій можетъ придти и причинить намъ большой вредъ, имѣя черезъ Бретань свободный входъ въ государство.

Великіе французскіе сеньеры ожидали только приказанія короля. Послѣ герцога Нормандскаго выступили: графъ Алансонскій, герцогъ Бургонскій, герцогъ Бурбонъ, графъ Д'ё, коннетабль Франціи, мессиръ Луи испанскій и толпа рыцарей. Завоевавъ на пути нѣсколько замковъ, армія обложила Нантъ, имѣя въ составѣ своемъ пять тысячъ желѣзныхъ вооруженій, несчитая наемниковъ—генуэзцевъ, выставившихъ три тысячи стрѣлковъ.

Графъ и графиня заперлись въ городѣ, рѣшившись выдержать осаду; съѣстныхъ припасовъ было въ изобиліи, гарнизонъ силенъ и, не смотря на храбрость осаждающихъ, Жанна надѣялась долго удерживать крѣпость. Но горожане начинали волноваться, изъ нихъ нѣкоторые попались плѣнниками въ вылазкахъ, и ихъ жалобныя посланія смущали въ городѣ родствениковъ и друзей. Ежедневно рыцари бились на барьерахъ, и люди падали въ значительномъ числѣ. Глухой ропотъ пробѣгалъ по всѣмъ кварталамъ.

Однажды вечеромъ дрожавшая Одетта вошла въ комнату графини. Погруженная въ глубокую задумчивость, Жанна сидѣла подлѣ окна, опираясь головой на руки. При шумѣ шаговъ молодой дѣвушки она подняла голову.

— Я тебя не звала, моя милая?

— Я знаю, милостивая госпожа, и Одетта стала передъ ней на колѣни, но Обри мнѣ сказалъ вамъ доложить...

— Кто этотъ Обри? спросила графиня, съ злой улыбкой.

— Одинъ изъ воиновъ монсеньера, отвѣчала Одетта, сильно покраснѣвъ.

— Что-жъ ты могла узнать отъ воиновъ монсеньера? продолжала Жанна, мы еще не въ такомъ положеніи, и еще не нужно изъ воиновъ дѣлать нашихъ служанокъ.

— Обри крѣпостной де-Монфора, отвѣчала Одетта, съ отчаянной храбростью, и ужъ съ годъ предлагаетъ мнѣ жениться.

—А! замѣтила графиня равнодушнымъ тономъ, что-жъ вамъ говорилъ онъ, моя милая, кромѣ, разумѣется, тѣхъ

пріятныхъ словъ, которыя обыкновенно говорятъ молодымъ дѣвушкамъ.

Слезы текли по щекамъ Одетты.

— Я по его порученію, шептала она; онъ говоритъ, что горожане сговорились отворить непріятелямъ монсеньера ворота св, Андрея, съ тѣмъ, чтобъ они могли проникнуть въ этотъ замокъ, не причинивъ, впрочемъ, никому никакого зла.

— А! замѣтила опять графиня.

Но на этотъ разъ она выпрямилась, голосъ ея зазвучалъ, глаза заблистали.

— Позовите сюда Обри, приказала она.

Одетта испугалась. Онъ, вѣдь, не желалъ дурнаго, говорила она вполголоса.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила Жанна, его услуга будетъ вознаграждена освобожденіемъ, если онъ сказалъ правду, но я хочу слышать отъ него лично.

Когда воинъ выходилъ изъ комнаты графини, Одетта его ждала съ безпокойствомъ въ коридорѣ со сводами.

— Что сказала тебѣ графиня? спросила она.

— Она заставила меня разсказать, что я слышалъ, отвѣчалъ удивленный Обри.

— И ничего больше?

— Больше ничего; только она приказала быть осторожнымъ и внимательнымъ.

Одетта вздохнула и не рѣшилась передать обѣщаній графини.

Она ужъ забыла, сказала она себѣ и, заплакавъ, пошла въ свою комнату.

Въ туже ночь, не смотря на удвоенное число часовыхъ на всѣхъ постахъ, не смотря на бдительность кавалеровъ и воиновъ, горожане тайно отворили ворота св. Іоанна, и непріятель безъ шума проникъ въ городъ. Предупрежденіе Обри оказалось безполезнымъ, такъ какъ было измѣнено первоначальное предположеніе войдти воротами св. Андрея. Одинъ французскій корпусъ быстро шолъ къ замку по соннымъ улицамъ, между тѣмъ какъ главная

армія направлялась къ площади. Входъ въ замокъ попалъ въ руки графа де-Блуа прежде, чѣмъ городское смятеніе успѣло предупредить стражу. По приказанію герцога Нормандскаго требовалось только овладѣть графомъ де-Монфоръ, не причиняя никому никакого вреда. Обри охранялъ двери комнаты Жанны и хоть слышалъ шумъ въ нижнемъ этажѣ, но не могъ оставить своего поста. Въ это время замѣнялись часовые французскими воинами, перемѣнялся пароль, а графъ увлеченъ за городъ въ поле. Съ разсвѣтомъ дня, оставшаяся на свободѣ графиня Жанна выѣхала изъ Нанта въ сопровожденіи своего сына и заперлась въ Генебонѣ, а мужъ ея уѣзжалъ въ Парижъ, подъ надежной стражей, для заключенія въ Луврѣ. Граждане Нанта клялись и присягали графу де-Блуа, какъ своему законному и державному сеньеру.

VI.

Съ глубокою скорбью въ сердцѣ выѣзжала изъ Нанта графиня Жанна, считая своего сеньера умершимъ и дѣла своего сына въ самомъ дурномъ положеніи. Но, говоритъ Фруассаръ, она не была женщиной слабой, а какъ мужъ гордый и смѣлый. Мужественно ободряя своихъ друзей и служителей и показывая имъ своего ребенка, она говорила:

— Ахъ, сеньеры, несмущайтесь и не унывайте, потерявъ нашего монсеньера. Посмотрите: вотъ дитя, которое, по милости Божіей, отомститъ за него и которое окажетъ вамъ много добраго. Я имѣю много сокровищъ, и я одарю ими васъ. Я найду вамъ начальника сильнаго и способнаго ободрить и укрѣпить васъ.

Говоря такъ, она не ограничивалась однимъ замкомъ Генебонъ, но осматривала всѣ горнизоны въ крѣпостяхъ, оставшихся ей вѣрными, ободряя рыцарей, лично разговаривая съ простыми воинами и внушая мужество самымъ смущеннымъ. Одетта за ней слѣдовала повсюду.

Впечатлительное сердце молодой дѣвушки вполнѣ сочувствовало гордой графинѣ, которую она одна видѣла въ ея комнатѣ, съ лицомъ, прильнувшимъ къ оконной рамѣ, съ глазами, наполненными слезами и съ грустными думами. Жанна не высказывала своихъ страданій, но Одетта видѣла ихъ и молилась за нее.

Французская армія оставалась на зимнихъ квартирахъ въ Нантѣ, а графиня занимала Генебонъ. Съ открытіемъ весны Французы осадили Реннъ. Эта крѣпость, остававшаяся вѣрной графу де-Монфоръ, хорошо обезпеченная съѣстными припасами, воинами, управлялась доблестнымъ и храбрымъ начальникомъ, Гильомомъ Кадудаль изъ бретонцевъ. Графиня держалась системы назначатъ повсюду хорошихъ начальниковъ «мѣстныхъ дворянъ, которые ей повиновались и въ преданности которыхъ она увѣрилась обѣщаніями и наградами, ибо она ничего не жалѣла».

Однакожъ она не расчитывала на стойкость гарнизона на продолжительное время противъ приступовъ осаждающихъ, и потому поспѣшила послать одного изъ рыцарей къ королю Эдуарду III, требуя у него немедленной помощи.

Посланнаго графинею въ Англію мессира Амори де Клиссона, король принялъ весьма торжественно и тотчасъ же исполнилъ его просьбу, поручивъ мессиру Готье де-Манна немедленно вести подкрѣпленіе, требуемое графиней. «Сказанный Мессиръ Готье вызвалъ множество охотниковъ изъ войскъ своего сеньера, снарядился сколько возможно поспѣшно и отплылъ въ море съ гонцомъ Жанны мессиромъ Амори, многими англійскими кавалерами и шестью тысячами стрѣлковъ».

Между тѣмъ въ Генебонѣ ожидали помощи съ нетерпѣніемъ. Ежедневно получались неблагопріятныя новости изъ Ренна, тѣсно обложеннаго Французами. Графиня послала туда изъ Генебона и другихъ городовъ, оставшихся ей вѣрными, всѣхъ кавалеровъ, безъ которыхъ можно было обойтись, не ослабивъ крѣпостей, но под-

крѣпленіе было незначительно. Каждое утро графиня входила на широкую башню замка и наблюдала море, въ надеждѣ увидѣть на горизонтѣ бѣлые паруса, вѣстниковъ освобожденія Реннскаго гарнизона. Но только нѣсколько рыбацкихъ барокъ бороздили безконечное пространство, и Жанна сходила съ новымъ обманутымъ ожиданіемъ.

Рыцари и воины, охранявшіе замокъ и городъ Генебонъ, чрезвычайно скучали бездѣятельностью. Каждый вечеръ значительное число изъ нихъ напивалось въ кабакахъ и сторожевыхъ залахъ; какъ строго ни поддерживалась графиней дисциплина, она все-таки принуждена была выносить нѣкоторый безпорядокъ, въ другое время не оставшійся бы безъ наказанія. Для предупрежденія распущенности, графиня часто приглашала кавалеровъ въ обширные залы замка, гдѣ предлагала имъ изобильное угощеніе. Послѣ трапезы кавалеры обыкновенно оставались, разговаривая съ графиней, дамами и капелланами. Дамы въ то время ничего не читали и не путешествовали, событія крестовыхъ походовъ миновали, а великая борьба съ чужеземцами еще не начиналась. Кавалеры разсказывали подвиги своихъ предковъ, или повторяли старыя басни, одни капелланы читали книги, и нѣкоторые изъ нихъ совершали далекія путешествія, другіе принимали въ своихъ монастыряхъ путешественниковъ изъ святой земли, и потому на нихъ то лежала главная забота занимать приглашенныхъ. Хотя графиня и не была изъ самыхъ набожныхъ своего времени, но она содержала двѣнадцать священниковъ въ своей капеллѣ; самый старѣйшій изъ всѣхъ о. Амбруазъ былъ Францисканецъ, пріятнаго обхожденія и любившій поговорить. Онъ старался успокоить и разсѣять безпокойство графини:

— Такъ, такъ, милостивая графиня, говорилъ онъ, наши кавалеры въ морѣ, будьте въ этомъ увѣрены; но вѣтеръ противный. Не видѣли ли вы сами, этими ночами, какое бурное море?

Графиня покраснѣла.

— Кто вамъ сказалъ, будто я знаю, что дѣлается по ночамъ, отецъ мой? спросила она съ живостью.

— Хорошій капитанъ никогда не спитъ такъ крѣпко, чтобъ неслыхать шума вѣтра и не знать хорошо ли охраняются входы, отвѣчалъ вмѣсто францисканца старый кавалеръ, съ сѣдыми волосами, сидя подлѣ Жанны, и смотря на нее съ почтительнымъ удивленіемъ. Графиня не забываетъ своей обязанности.

— Ахъ, продолжалъ монахъ, еслибъ мы были въ той далекой сторонѣ, по ту сторону океана, гдѣ люди никогда не старѣютъ, мы могли бы ждать прибытія помощи безъ нетерпѣнія, но на этой землѣ каждый день считается въ жизни человѣка, а дни тоскливаго ожиданія считаются вдвое.

— Страна, гдѣ никогда не старѣютъ, въ томъ мірѣ, отецъ мой, кротко сказалъ одинъ монахъ съ широкимъ и высокимъ лбомъ, ясными глазами и пріятнымъ выраженіемъ, котораго весь домъ графини уважалъ какъ святаго, это рай нашего Господа Спасителя, который будетъ отверстъ по его благости, если только мы раскаемся въ нашихъ прегрѣшеніяхъ и чистосердечно вѣруемъ.

— Справедливо, братъ Обенъ, отвѣчалъ старый францисканецъ, но это путешествіе далекое и на дорогѣ много кораблекрушеній. Наши кавалеры не на такомъ пути; они плывутъ по морю волнующемуся, но не такому, какъ мертвое море, гдѣ ни птицы не могутъ пить, ни рыбы существовать. Еслибъ я не былъ такъ старъ, то я желалъ бы идти въ святую землю и облобызавъ гробницу нашего Спасителя, отправиться къ тѣмъ золотымъ горамъ, которыя оберегаются грифонами, увидѣть страну, гдѣ произрастаютъ странные плоды, изъ которыхъ, какъ разсказываютъ путешественники, выскакиваютъ ягняты, какъ скоро вскроютъ плодъ.

— Добрый рессурсъ въ осажденномъ городѣ, замѣтилъ старый кавалеръ, засмѣявшись, но я бы повѣрилъ такому чуду только тогда, когда бы самъ увидалъ.

Всѣ монахи съ изумленіемъ сдѣлали знакъ креста. Недовѣріе кавалера было принято очень дурно. Молодой монахъ замѣтилъ:

— Иногда спрашиваю я себя: правда ли, что есть страна, гдѣ люди имѣютъ собачьи головы и разговариваютъ между собою собачьимъ лаемъ. Страннымъ мнѣ кажется, чтобъ Господь нашъ Спаситель пожелалъ такъ унизить созданія, сотворенныя имъ по своему подобію.

— Не сомнѣвайтесь, мой братъ, сказалъ старый Францисканецъ, этотъ народъ наказанъ за великій грѣхъ и унизительно было бы находиться посреди этихъ собакъ; ужь лучше же, по моему мнѣнію, жить въ странѣ, гдѣ мужчины и даже женщины вовсе не говорятъ, не имѣютъ языка и живутъ только запахомъ цвѣтовъ.

Монахи и кавалеры сдѣлали гримасы; имъ пришли на память жареная баранина, каплуны и доброе вино недавняго угощенія графини.

Жанна поднялась.

— Я слышу шумъ въ первой оградѣ. Кавалеры выпрямились:

— Графиня лучшій капитанъ, чѣмъ мы, говорили они съ досадой, услыхавъ теперь только звуки, обезпокоившіе прежде тревожное ухо Жанны.

— Бѣгите къ первой рѣшеткѣ, метръ Генри, сказала она молодому пажу, стоявшему подлѣ нея, и принесите мнѣ извѣстіе, какъ можно скорѣй.

Юноша выходилъ, когда быстро вошелъ Обри; его лицо было важно и печально. Преклоняя колѣни передъ графиней, онъ сказалъ вполголоса:

— Благородная госпожа, вашъ добрый городъ Реннъ попалъ въ руки Французамъ.

Жанна задрожала.

— Кто привезъ это извѣстіе? спросила она.

— Мессиръ Генри де-Спинефоръ скакалъ днемъ и ночью; горожане выдали городъ, какъ сдѣлали съ Нантомъ, прежде схвативъ мессира Гильома и заключивъ его въ тюрьму.

— Ахъ, Кадудаль, Кадудаль! Я знаю, ты мнѣ не измѣнишь, шептала Жанна; эти низкіе мужики не умѣютъ ни страдать, ни умереть. Позовите мессира Генри.

Рыцарь ожидалъ у дверей, печальный и съ озабоченнымъ лицомъ. Онъ поцѣловалъ протянутую графиней руку.

— Теперь наступило время доказать, что мы можемъ сдѣлать, сказалъ онъ; прежде десяти дней Французы будутъ здѣсь. Еще прежде овладѣнія Ренномъ, въ ихъ лагерѣ разсказывали, будто сиръ находится въ тюрьмѣ и будто, если возьмутъ его сына въ этомъ замкѣ, то война будетъ кончена.

Глаза Жанны засверкали.

— Мы увидимъ, что можетъ сдѣлать женщина, говорила она сквозь зубы, лишь бы мессиръ Амори возвратился къ намъ вовремя, какъ этого, къ несчастью, не случилось для Ренна, мы дали бы имъ такой крѣпкій урокъ, какого они долго не забудутъ. Идите спать, мессиръ Генри, вы должны очень устать отъ дороги. Завтра мы сдѣлаемъ должныя распоряженія для достойнаго пріема нашего прекраснаго племянника и столько важныхъ сеньеровъ въ его свитѣ.

Голосъ ея звучалъ ироніей, взоръ горѣлъ. Священники удалились, приблизился одинъ только братъ Обенъ.

— Воздаяніе мнѣ принадлежитъ—сказалъ нашъ Господь, прошепталъ онъ на ухо графини.

Она повернулась грубо.

— На это время я его возьму въ свои руки, если Богу будетъ угодно, братъ мой! Остановивъ жестомъ возраженія монаха, она отпустила всѣхъ присутствующихъ и осталась одна съ Одеттой.

VII.

Мессиръ Карлъ де-Блуа недолго оставался въ Реннѣ. Оставивъ тамъ достаточный гарнизонъ, онъ самъ со всей арміей двинулся къ Генебону. Городъ и замокъ были сильно укрѣплены, бдительно охраняемы храбрыми ры-

царями и самой графиней, стоившей многихъ воиновъ. Постоянныя вылазки осажденныхъ сильно тревожили непріятеля; но по мѣрѣ того, какъ росли успѣхи графа де-Блуа, къ нему являлось все большее и большее число бретонскихъ сеньеровъ для признанія подданства. Замку Генебонъ предстояло много усилій для охраненія города. Къ великому огорченію Одетты, графиня надѣла кирассу. Когда принесли въ комнату госпожи легкое позолоченное миланское вооруженіе, дѣвушка съ ужасомъ отступила.

— Ахъ госпожа, сказала она, смотря на Жанну, поднимавшую бѣлыми ручками воинскіе доспѣхи, кирассы и мечи не игрушки для женщинъ.

— Это не игрушки, дѣвочка, отвѣчала графиня съ лицомъ серьезнѣе обыкновеннаго, а очень важное дѣло, касающееся до чести и права. Еслибъ монсеньеръ сражался съ непріятелемъ, я не промѣняла бы на мечь веретено и иголку; но какъ у моего сына нѣтъ теперь другаго защитника, кромѣ меня, такъ необходимо мнѣ сдѣлаться мужемъ и защищать его наслѣдство, и она приказала служанкѣ застегнуть себѣ кирассу и надѣть нарукавники.

Одетта плакала, а ея неопытныя руки медленно исполняли приказаніе.

— Не послать ли за конюшимъ, какъ это дѣлаютъ настоящіе рыцари?

Наконецъ Одетта кончила вооруженіе графини.

Жанна вышла изъ своей комнаты, краснѣя и конфузясь своего новаго костюма; ей подвели ея иноходца; и она вскочила на сѣдло; длинное платье покрывало ея ноги.

— А вы, кричала она своимъ служанкамъ, дайте примѣръ городскимъ женщинамъ, несите камни на бойницы и бросайте въ непріятеля, въ кухняхъ варите масло для встрѣчи, если рѣшатся на приступъ.

Женщины со смущеніемъ переглянулись, дама Гудула созвала всю женскую прислугу.

— Теперь не время заниматься бѣлыми ручками и нарядами, говорила она ворчливо, что дѣлаетъ графиня, и

мы должны дѣлать. И наложивъ полную корзину камней, она подняла ее еще твердой рукой. Одетта, не смотря на безпрерывное ворчанье Гудулы, искренно любила ее; она первая подошла помочь старушкѣ въ переноскѣ тяжести. Старушка ободрительно взглянула на нее.

— Твое сердце лучше твоего нѣжнаго личика, ворчала Гудула сквозь зубы, а ты еще не изъ нашихъ, ты до сихъ поръ помнишь свое житье у герцога Жана.

Служанки послѣдовали примѣру Гудулы и Одетты; длинная вереница женщинъ и дѣвушекъ съ корзинами, полными камней, протянулась до подножія валовъ; непріятель, удивленный такимъ изобиліемъ камней, удвоилъ свою стрѣльбу стрѣлами. Испуганныя женщины бѣжали, бросивъ свои корзины; Гудула ворчала.

Одетта стала на колѣни подлѣ корзины помогать ихъ опорожнять. Вдругъ молодая женщина испустила болѣзненный крикъ и приложила руку къ плечу: одна изъ стрѣлъ ее поразила и еще дрожала въ ранѣ. Одетта упала въ потокѣ крови.

Большое смятеніе господствовало на валахъ. Обѣ стороны кричали „Бретань“, мечи перекрещивались на барьерахъ, и крики сражающихся смѣшивались со стонами раненыхъ. Но и въ самой средѣ этого адскаго гула, Обри различилъ голосъ Одетты; мгновеніе прежде и онъ засмѣялся бы, увидавъ нѣжную и хрупкую талію молодой дѣвушки, склоненную подъ тяжелой корзиной, которую онъ могъ бы поднять однимъ пальцемъ; но при этомъ болѣзненномъ крикѣ, онъ въ одинъ мигъ перескочилъ стѣну, на которой такъ мужественно бился, закричавъ товарищамъ:

— Я сейчасъ приду, сомкните ряды, и онъ схватилъ на свои руки безжизненное дѣтское тѣло.

Гудула ужъ вырвала изъ плеча стрѣлу, и опытной рукой перевязала рану. Обри съ ношей побѣжалъ къ замку: онъ не могъ не спасти жизнь той, которую такъ любилъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не забывалъ и обязанности не оставлять своего поста. Положивъ Одетту на одну изъ

постелей женской половины, храбрый воинъ бросился къ оставленной стѣнѣ, не посмотрѣвъ даже въ какомъ положеніи оставалась раненная.

Онъ приближался къ стѣнамъ, когда встрѣтилъ графиню.

— Ты здѣсь Обри? сказала она тономъ упрека, тогда какъ бьются на стѣнахъ?

Храбрый воинъ опустилъ глаза.

— Одетта ранена, отвѣчалъ онъ.

— Графиня улыбнулась. Я понимаю, ты отнесъ ее въ замокъ?

Обри отвѣчалъ ужъ на бѣгу, а графиня отправилась далѣе къ широкой башнѣ, съ вершины которой можно было видѣть все положеніе дѣла. Оттуда она замѣтила, что почти всѣ Французскіе сеньеры оставили свои палатки, и лагерь оставался безоружнымъ. Она подозвала къ себѣ отрядъ своихъ тѣлохранителей:

— Пойдемте какъ можно тише, не призывая больше людей, и истребимте лагерь непріятеля, сказала она.

Ближайшія къ лагерю ворота не были атакованы; графиня вышла съ тремя стами воиновъ и неожиданно бросилась на палатки, охраняемыя только служителями, бѣжавшими при первомъ ударѣ меча. Лагерь ужъ горѣлъ прежде, чѣмъ Французы это замѣтили. Они были въ самомъ пылу сраженія, отражая вылазку непріятеля, когда увидѣли пламя, возвышающееся къ небу и пожирающее ихъ богажъ, съѣстные припасы и ихъ богатства.

— Измѣна! Измѣна! кричали они, и всѣ бросились къ палаткамъ въ надеждѣ спасти отъ пожара хотя какіе-нибудь остатки. Графиня оставалась у входа въ лагерь; видя всю армію, бросившую приступъ и поспѣшно возвращающуюся къ пожару, она поняла невозможность своего возвращенія въ городъ.

— Отправляйтесь какъ можно скорѣе въ Орей, приказала она своимъ оруженосцамъ, мы туда скоро пріѣдемъ; а при первомъ удобномъ случаѣ воротимся въ Генебонъ.

Она поскакала, окруженная тѣлохранителями; ихъ привычное ухо стало ясно различать въ отдаленіи гулъ преслѣдованія. Мессиръ Луи испанскій, маршалъ французской арміи, замѣтивъ въ отдаленіи скакавшую группу людей, догадался, что то были смѣлые поджигатели и бросился за ними въ надеждѣ догнать. Его сопровождало значительное число всадниковъ, но лошади были дурны, утомлены и падали на дорогѣ; напрасно ихъ шпорили, били и убивали до смерти; бѣглецы постоянно выигрывали разстояніе и наконецъ вступили въ Орей, когда мессиръ Луи, послѣ двухчасовой скачки, отказался отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Захватили только десять плѣнниковъ, которыхъ лошади не могли поспѣть за скакуномъ графини. Французскіе воины ихъ окружили.

— Кто этотъ смѣльчакъ изъ вашихъ капитановъ рѣшился такъ отдѣлать нашихъ сеньеровъ? спрашивали воины, не потерявшіе ничего, такъ какъ ничего не имѣли, и потому менѣе раздраженные, чѣмъ рыцари. Бретонцы лукаво улыбались.

— Кто-жъ могъ быть, какъ не сама герцогиня съ своими оруженосцами, отвѣчали они насмѣшливо.

Мессиръ Луи вспыхнулъ при этой новости.

— Вотъ еслибъ мы имѣли порядочныхъ лошадей, мы захватили бы ихъ, и тогда кончилась бы война, говорилъ онъ.

Непріятельскіе военачальники удивлялись смѣлости графини, но еще бо́льшее смущеніе царствовало въ Генебонѣ. Капитаны не могли вообразить такого смѣлаго предпріятія, и всю ночь безпокоились объ отсутствіи графини и ея отряда.

Между тѣмъ Французы установили у крѣпостныхъ стѣнъ новый лагерь. Выстроенныя изъ досокъ и сучьевъ древесныхъ, хижины замѣнили разрушенныя палатки, и каждый разъ, какъ какой-нибудь изъ Бретонскихъ рыцарей появлялся на валу, непріятели кричали ему:

— Идите, сеньеры, за вашей графиней; вы потеряли ее и никогда больше не увидите.

Осажденные опасались: не скрывается ли въ этихъ словахъ какое-нибудь горькое извѣстіе, но на пятый день при солнечномъ восходѣ, послышался лошадиный топотъ со стороны противуположной дороги въ Орей. Часовые бодрствовали, продолжая надѣяться на возвращеніе графини, и велика была ихъ радость при видѣ группы въ пять сотъ лошадей съ знаменемъ Бретани.

Какъ скоро затворились за новоприбывшими ворота городскія и замка, графиня приказала трубить въ трубы и рожки. Пробудившійся лагерь французскій бѣжитъ къ оружію, осажденные были ужъ на валахъ.

— Герцогиня воротилась, кричали они; вы прозѣвали захватить при выходѣ и при въѣздѣ.

Взбѣшонные Французы бросились на приступъ безъ порядка и безъ команды. Бились до половины дня, но наконецъ сеньеры замѣтивъ, что ихъ люди погибаютъ безъ всякой пользы, подали сигналъ къ отступленію.

У мессира Карла де-Блуа собрался военный совѣтъ.

— Я вижу, сказалъ онъ, мы здѣсь нисколько не подвинулись впередъ, и я рѣшился съ сеньерами, которые пожелаютъ за мною слѣдовать, аттаковать замокъ Орей; остальная же армія останется здѣсь для продолженія осады города и замка. Какъ бы ни продолжалась осада, мы кончимъ побѣдой, такъ какъ ихъ помощь погибла въ морѣ.

Сеньеры одобрили проэктъ мессира Карла, и Луи испанскій остался одинъ предъ Генебономъ. Главный корпусъ арміи направился къ осадѣ Орея, замка сильно укрѣпленнаго и храбро защищаемаго братьями Генри и Оливье де-Спинефорами.

Однакожъ графиня оставалась въ Генебонѣ въ самомъ стѣсненномъ положеніи, и около нея начинала коваться интрига. Епископъ Монъ, запертый съ нею, терялъ бодрость духа тѣмъ болѣе, что его племянникъ, мессиръ Генри де-Леонъ, первый присягнувшій графу де-Монфоръ, и затѣмъ первый оставившій его, сражался въ рядахъ мессира Луи испанскаго. Дядя и племянникъ ви-

дѣлись и между ними было рѣшено, чтобъ епископъ старался склонить рыцарей, оставшихся въ Генебонѣ, сдать крѣпость графу де-Блуа, съ условіемъ спасенія ихъ жизни и имущества. Епископъ началъ интриги и склонилъ уже многихъ рыцарей, когда графиня, увѣдомленная обо всемъ происходившемъ, тотчасъ же созвала въ большой залѣ всѣхъ своихъ военачальниковъ.

— Храбрые мои товарищи, сказала она, меня увѣдомили объ томъ, чему я не желала бы вѣрить, будто бы нѣкоторые изъ васъ, утомившись битвами, какъ простые горожане, но не дворяне, говорятъ о сдачѣ этого города и замка монсиньера мессиру Карлу, его племяннику, домогающемуся отнять у него наслѣдство. Я васъ заклинаю, изъ любви къ Богу, подождать еще три дня, не обращая вниманія на пагубные совѣты. Я увѣрена и не ошибаюсь, что я получу помощь прежде, чѣмъ солнце зайдетъ въ третій разъ.

Нѣкоторые изъ рыцарей смутились, оставшіеся вѣрными смотрѣли на нихъ съ гнѣвомъ и презрѣніемъ. Не на три дня, а на всю жизнь и навсегда кричали они.

Самые недовольные принуждены были согласиться на требуемую графиней отсрочку.

Епископъ согласился, вмѣстѣ съ другими, но едва онъ вошелъ въ свой городской домъ, какъ вновь началъ интриговать между капитанами.

— Шестьдесять дней мы ожидаемъ помощи, говорилъ онъ, почему же придетъ она именно теперь, въ три дня. Рыцари снова поколебались.

Мессиръ Генри де-Леонъ приблизился къ городу въ полной надеждѣ скорой его сдачи, когда графиня тѣмъ же вечеромъ вышла на городскую башню. Она открыла небольшое оконцо, и, высунувшись впередъ, смотрѣла на море.

— Господи! вдругъ вскричала она, я вижу столько желанную помощь! помощь! помощь! повторяла она громко, и поспѣшно сходя съ лѣстницы.

Ея услыхали. Изъ всѣхъ оконъ высунулись головы, смо-

трѣвшія къ сторонѣ моря; самые нетерпѣливые бѣжали къ валамъ. Дѣйствительно вдали показался плавающій лѣсъ различной величины мачтъ, направляющійся къ порту Генебона. Каждый почувствовалъ себя ободреннымъ, каждый былъ увѣренъ, что то былъ мессиръ Амори-де-Клиссонъ съ англійскими войсками, запоздавшими отъ противныхъ вѣтровъ на шестьдесятъ дней.

VIII.

Когда Бретонскіе рыцари, увлеченные интригами епископа де-Леона, увидѣли паруса англійскихъ кораблей, они тотчасъ же поспѣшили къ прелату.

— Вы можете, монсеньеръ, говорили они, наши условія считать разрушенными; мы теперь не желаемъ идти по вашимъ совѣтамъ.

Епископъ въ ярости вскочилъ. Онъ въ это время диктовалъ молодому клерку проповѣдь для произнесенія на другой день въ церкви; но это благочестивое занятіе не внушило ему смиренія безропотно перенести отреченія своихъ сообщниковъ.

— Такимъ образомъ, кричалъ онъ, наше товарищество распадется; вы можете отправиться къ вашей графинѣ, а я пойду къ тому, который, по моему мнѣнію, имѣетъ больше правъ.

И не ожидая высадки англійскихъ войскъ, онъ вышелъ изъ города къ племяннику своему, мессиру Генри, который провелъ его къ главному начальнику Луи испанскому и затѣмъ вскорѣ въ Орей къ графу де-Блуа.

Между тѣмъ англійскіе корабли вошли въ портъ: разорванные паруса, сломанныя мачты, ясно свидѣтельствовали объ отчаянной борьбѣ, вынесенной флотомъ съ ураганомъ. На главномъ кораблѣ толпились рыцари, одѣтые въ блестящіе доспѣхи, какъ будто намѣреваясь сражаться тотчасъ же при сходѣ на землю. Сердце графини разцвѣло надеждой. Она сошла въ городъ для пріема

мессира Амори де-Клиссона, преклонившаго при ея приближеніи колѣни.

— Не гнѣвайтесь, государыня, сказалъ онъ, за долгое ожиданіе; море сильнѣе насъ, и намъ невозможно было пріѣхать раньше.

— Мессиръ Амори, вы вѣрный служитель монсеньера, сказала графиня, и вѣрно желали бы помочь Ренну, но и теперь вы прибыли кстати, сеньеры и рыцари, продолжала она, граціозно обращаясь къ англійскимъ кавалерамъ, мои сотоварищи ужъ начинали отчаяваться.

— Если они утомились, могутъ теперь отдохнуть, отвѣчалъ Готье де-Манни улыбаясь, мы прибыли сюда для добрыхъ ударовъ и прежде всего истребить эти постройки, вѣроятно безпокоющія замокъ.

И онъ завистливымъ взглядомъ посмотрѣлъ на шесть огромныхъ военныхъ машинъ, устроенныхъ мессиромъ Генри де-Леономъ прямо противъ замка, и причинявшихъ значительный вредъ осажденнымъ. Жанна улыбалась съ довольнымъ видомъ.

— Завтра, мессиръ Готье, отвѣчала она. Теперь же идите отдохнуть и дайте намъ возможность достойно принять васъ послѣ такого продолжительнаго нетерпѣливаго ожиданія.

Англійскій кавалеръ расправлялъ свои крѣпкіе члены.

— Мы долго были заперты въ тѣсной орѣховой скорлупѣ, сказалъ онъ, и намъ необходимо выправить наши руки добрыми ударами; но здѣсь, герцогиня, мы въ вашемъ распоряженіи, и Жанна увела кавалеровъ въ замокъ, распредѣляя воиновъ и стрѣлковъ по городу. Одетта смотрѣла въ окно на пріемъ Англичанъ.

— Госпожа сдѣлала имъ великолѣпный пріемъ, говорила она себѣ, наблюдая блестящіе глаза и радостное выраженіе лица Жанны, весело разсказывавшей Готье де-Мани о разстройствѣ французскихъ сеньеровъ, когда горѣли ихъ палатки. Молодая служанка удивлялась такому воодушевленію своей госпожи, у которой мужъ то-

мился въ темницѣ, а Готье де-Манни думалъ о красавицѣ дѣвушкѣ, своей невѣстѣ, мирно оставшейся въ отеческомъ домѣ въ графствѣ Дорсетъ, среди пастбищъ и обширныхъ хлѣбныхъ полей, кроткой Алисѣ съ синими глазами, золотистыми волосами, взглядомъ нѣжнымъ и скромнымъ, заботившейся о деревенскихъ больныхъ и дѣтяхъ.

Она не защитила бы своего наслѣдства, говорилъ Готье самъ съ собой, какъ эта прекрасная графиня, высказавшая желаніе ее увидать; Алиса на ея мѣстѣ пошла бы въ монастырь и оставила бы всѣ свои права графу де-Блуа. Господь Богъ назначилъ каждому свое мѣсто. Мессиръ Готье принялъ гостепріимство графини, продолжая посматривать, чрезъ открытыя бойницы, на военныя машины, рѣзко очерченныя на горизонтѣ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня по барьеру пронесся гулъ и трескъ упорной битвы. Услыхавъ этотъ шумъ, Жанна поспѣшно вскочила съ постели и побѣжала къ широкой башнѣ. Оттуда она замѣтила англійскихъ стрѣлковъ разставленныхъ на валу цѣпью, осыпающихъ мѣткими стрѣлами непріятеля, защищавщаго военныя машины, атакованныя бретонскими воинами; Французы отступали, Бретонцы разрушили деревянныя башни, а кавалеры зажгли жилища отряда Леона, назначеннаго къ охрненію машинъ. Но въ отдаленіи вся французская армія обнаруживала признаки наступательнаго движенія, и, съ высоты башни, графиня ясно разсмотрѣла знамя мессира Луи испанскаго, развѣвающимся въ рукахъ его знаменосца. Она сошла съ башни и побѣжала къ валамъ; машины были вполнѣ разрушены, Англичане и Бретонцы, соединившись, медленно отступали, удерживая передъ собой всю французскую армію, горячо на нихъ наступавшую. Мессиръ Готье, увидѣвъ соединившимися всѣхъ своихъ людей, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Пусть я никогда не увижу моего дорогаго друга, если войду въ замокъ неуничтоживъ какого-нибудь изъ этихъ сеньеровъ, или не буду самъ убитъ.

Онъ обернулся, окружавшіе его бретанскіе и англійскіе рыцари, сдѣлали тоже, и битва началась снова. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они продолжали, сражаясь, отступать, и такимъ образомъ прикрывать отступленіе воиновъ. Англійскіе стрѣлки, остававшіеся на валахъ, гордые своимъ искусствомъ и ловкостью, выбирали одного за другимъ самыхъ отважныхъ французскихъ кавалеровъ и заставляли ихъ падать подъ своими стрѣлами. Собравшіеся на валахъ, какъ на зрѣлище, горожане Генебона хохотали и били въ ладоши, когда падали враги, пораженные на такомъ близкомъ разстояніи и въ полной невозможности защищаться. Готье де-Манни, ужъ выбивъ изъ сѣдла трехъ противниковъ, теперь находился передъ городскими воротами.

—Пора войдти, сказалъ онъ товарищамъ; мы дали порядочный для перваго дня урокъ. Теперь будемъ защищать городъ.

Въ моментъ, когда они, окровавленные и покрытые пылью входили въ Генебонъ, Жанна въ увлеченіи благодарности бѣжитъ къ нимъ, обнимаетъ могучую шею мессира Готье и цалуетъ его, тоже повторяетъ и съ другими кавалерами. Сойдя съ лошади и снявъ перчатку, Готье де-Манни вѣжливо повелъ графиню въ замокъ.

Если Господу Богу будетъ угодно, думалъ храбрый рыцарь, Алиса никогда не будетъ въ осажденномъ городѣ, или я буду самъ ее всегда защищать.

IX.

— Насколько велика была радость въ Генебонѣ, на столько упадокъ духа овладѣлъ осаждающими. Мессиръ Луи испанскій созвалъ военный совѣтъ.

— Мы напрасно теряемъ здѣсь время, говорилъ онъ, графиня никогда не сдасься, а мессиръ Готье славный и непобѣдимый боецъ. Я его зналъ еще въ Гайнау до поступленія его на службу въ королю Эдуарду, и

имѣя такого противника, невозможно быть увѣреннымъ въ успѣхѣ. По моему мнѣнію намъ лучше идти въ Орей на помощь къ монсеньеру.

Французскіе сеньеры согласились съ этимъ мнѣніемъ и отдали распоряженія о приготовленіяхъ къ походу. Не было надобности ни въ уборкѣ, ни въ складываніи палатокъ; походнымъ муламъ предстоялъ теперь болѣе легкій путь.

— Стояли мы здѣсь долго, говорили воины, а не уносимъ ни какой добычи. Наши сеньеры ужъ не имѣютъ такого багажа, какъ послѣ Ренна. Когда наконецъ возмемъ какую-нибудь крѣпость и попользуемся добычей?

Съ высоты валовъ все населеніе Генебона съ радостью наблюдало за удаленіемъ враговъ; женщины смѣялись, мужчины острили, дѣти осыпали оскорбительными ругательствами удаляющуюся армію; только англійскіе рыцари молчаливо, и съ достоинствомъ, слѣдили за отступленіемъ своихъ враговъ. Готье де-Манни обернулся къ графинѣ, которой взоры отражали всю полноту торжества.

— Они хорошо бились, сказалъ онъ, и въ другомъ мѣстѣ они, безъ сомнѣнія, будутъ счастливѣе. Вамъ, герцогиня, надобно было бы быть лично во всѣхъ городахъ, такъ какъ въ вашемъ присутствіи никто не упадетъ духомъ. Я сильно боюсь за города, гдѣ горожане многочислены и богаты; они охотно поддаются на мирныя предложенія.

— Горожане — мужики, отвѣчала Жанна съ надменнымъ презрѣніемъ, котораго не раздѣлялъ англійскій кавалеръ.

— Нѣтъ, герцогиня, возразилъ онъ улыбаясь, они умѣютъ только лучше насъ считать, и не гонются за славой; они любятъ беречь свои кошельки и свое тѣло, что очень натурально.

— Мессиръ Луи заставитъ заплатить за свою неудачу.

— Готье де-Манни не ошибался: Динанъ, Герандъ,

Ваннъ сдались Луи испанскому или Карлу де-Блуа. Этотъ послѣдній осаждалъ Каро, когда Готье де Манни говорилъ графинѣ:

— Герцогиня, мы пришли сюда не сидѣть въ замкѣ; мы могли бы, оставивъ здѣсь для защиты крѣпости достаточный гарнизонъ, на случай неожиданнаго нападенія, сами углубиться въ внутрь страны, отобрать нѣсколько городовъ съ замками и надѣлать врагу сколько возможно болѣе вреда

— Я охотно согласна отпустить васъ, мессиръ, и даже желала бы участвовать съ вами въ походѣ.

Одетта не была такъ довольна, какъ графиня. Обри просилъ мессира Готье взять его съ собою въ походъ; кавалеръ англійскій его осмотрѣлъ.

— У тебя хорошій видъ и крѣпкая рука, сказалъ онъ, но хорошо ли твое сердце, можешь ли ты слѣдовать за мною?

— Спросите у моего капитана, отвѣчалъ Обри, покраснѣвъ.

Сенешаль расхвалилъ его.

— Это лучшій изъ нашихъ воиновъ, и было бы полезно оставить его здѣсь для защиты; но онъ желаетъ получить свободу какимъ-нибудь блестящимъ, подвигомъ и потомъ жениться на молодой дѣвушкѣ изъ свиты графини.

— Готье де-Манни лукаво улыбнулся.

— Мы ему поможемъ! И когда Обри вошелъ къ нему за разрѣшеніемъ своей участи: старайся всегда быть за мной, сказалъ добрый рыцарь, и по возвращеніи я женю тебя, человѣка свободнаго и богатаго, хотя бы это было и изъ моего кошелька.

Обрадованный Обри пошелъ передать эту новость Одеттѣ, ожидавшей его на паперти городской церкви, гдѣ она все время такъ пламенно молилась за счастливый исходъ свиданія.

— Если Господу Богу угодно будетъ возвратить меня

сюда, разсказывалъ онъ, то мессиръ Готье обѣщалъ женить меня даже на свой счетъ.

— Если возвратится! шептала Одетта; говорятъ, мессиръ Готье всегда впереди въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ.

— Онъ мнѣ приказалъ всегда быть за нимъ, хвалился Обри.

— И потомъ, когда онъ воротится, онъ забудетъ свое обѣщаніе, какъ забывала столько разъ графиня.

— Рыцари не забываютъ, какъ дамы, настаивалъ Обри, и притомъ я всегда буду ему напоминать. Когда я въ сраженіи буду позади его, то вмѣсто крика Бретань, я закричу Одетта! Одетта! И добрыми ударами я обращу его вниманіе.

Одетта улыбнулась сквозь слезы.

— Если ты не воротишься, я пойду въ монастырь, говорила она, но Обри улыбался.

— Не спѣши только вѣрить моей смерти, сказалъ онъ; если я попаду въ плѣнъ, на это никто не обратитъ вниманія. Заботятся о выкупѣ рыцаря, до простаго же воина никому нѣтъ дѣла, а я вовсе не желаю, возвратившись, встрѣтить тебя подъ черным покрываломъ. Обѣщай мнѣ, если ты увидишь мое мѣсто въ свитѣ мессира Готье пустымъ, ждать меня еще пять лѣтъ до вступленія въ монастырь или, — и онъ колебался, — до выхода зимужъ.

Одетта подняла не него взглядъ, полный упрека.

— Обѣщаю.

На другой день, когда графиня, стоя на валу, слѣдила за удаляющейся блестящей группой англійскихъ и бретонскихъ рыцарей, служанка оставила вуаль ея развѣваться по произволу вѣтра. Уцѣпившись за зубцы, Одетта едва держалась на ногахъ: она не различала Обри; ей все казалось, что мѣсто его въ свитѣ мессира Готье свободно и пусто. Возвращаясь въ замокъ, графиня Жанна принуждена была призвать другую служанку для держанія шлейфа: Одетта лежала на валу безъ чувствъ.

X.

Походъ англійскихъ и бретонскихъ рыцарей ознаменовался взятіемъ многихъ городовъ, укрѣпленныхъ замковъ, и истребленіемъ отдѣльныхъ непріятельскихъ отрядовъ. Они преслѣдовали мессира Луи испанскаго до воротъ Ренна, куда тотъ принужденъ былъ укрыться для излеченія полученныхъ имъ ранъ. Наконецъ они достигли окрестностей Каро, гдѣ расположился самъ мессиръ Карлъ де-Блуа. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда однажды утромъ въ палатку графа де-Блуа вошелъ Луи испанскій, оправившійся отъ ранъ и незадолго присоединившійся къ главной арміи.

— Мессиръ, сказалъ онъ, я пришелъ просить у васъ вознагражденія за всю мою службу.

— Говорите, мессиръ, нѣтъ вознагражденія, котораго я не исполнилъ бы за все, что вы сдѣлали для меня изъ любви ко мнѣ, отвѣчалъ графъ, не давая труда обдумывать своихъ выраженій.

Горькая улыбка скользила на губахъ испанца.

— Очень благодаренъ, монсеньеръ. Я настойчиво и рѣшительно прошу васъ приказать привезти сюда двухъ плѣнныхъ рыцарей, недавно взятыхъ и содержащихся у васъ въ тюрьмѣ Фау (Faouet) мессировъ Жана Бушелье и Губерта Фринэ, и отдать ихъ въ полное мое распоряженіе. Такого вознагражденія я прошу у васъ. Они убили моего племянника мессира Альфонса, такъ мною любимаго, и я прикажу отрубить имъ головы передъ всѣми, ихъ здѣсь собранными товарищами.

Графъ де-Блуа, отъ крайняго смущенія, долго не могъ выговорить слова.

— Извольте, наконецъ сказалъ онъ, я выдамъ вамъ плѣнниковъ, такъ какъ вы этого требуете, но если вы сдѣлаете съ этими двумя храбрыми рыцарями то, что вы сказали, то это будетъ кровавая жестокость, безчестная для васъ, и достойная полнаго всеобщаго осужде-

нія для насъ. Вы заслужите вѣчный упрекъ; наши враги будутъ имѣть справедливое основаніе поступить также съ нашими плѣнными, а мы, вѣдь, не можемъ знать ни одного дня своего будущаго. Подумайте объ этомъ, дорогой сиръ и добрый братъ.

Мессиръ Луи заскрежеталъ зубами; онъ былъ вооруженъ, и такъ сильно ударилъ о столъ своей желѣзной перчаткой, что тотъ затрещалъ и сломился.

— Я не отступлю, мессиръ, хотя бы всѣ сеньеры всего міра просили меня, и если вы не сдержите вашего обѣщанія, то я уѣду, и пока живъ никогда не буду служить вамъ.

Мессиръ Карлъ нуждался въ графѣ, какъ знаменитомъ полководцѣ и потому, съ горькимъ раскаяніемъ въ своемъ необдуманномъ обѣщаніи, тотчасъ послалъ къ кастелану Фау (Faouet) приказъ о присылкѣ въ армію двухъ кавалеровъ. Немедленно, по прибытіи ихъ, Луи испанскій пошелъ ихъ встрѣтить. Долго онъ смотрѣлъ на нихъ въ мрачномъ молчаніи, а оба бретонца между тѣмъ раздумывали объ условіяхъ выкупа.

— А! сеньеры кавалеры, наконецъ сказалъ испанецъ; вы меня ранили и убили моего любимаго дорогаго племянника Альфонса. Вы будете тоже убиты, и ничто въ мірѣ не можетъ спасти васъ. Вы можете исповѣдать грѣхи ваши, если вамъ угодно, и обратиться къ милосердію Господа Бога; вашъ послѣдній день пришелъ.

Оба Бретонца были храбрые рыцари, но они поблѣднѣли и переглянулись съ тупымъ изумленіемъ. Мессиръ Жанъ вскричалъ:

— Можемъ ли мы вѣрить, мессиръ? такой достойный воинъ, какъ вы, можетъ ли очернить себя такой жестокостью? ваши товарищи могли ли согласиться на смертный приговоръ рыцарямъ, взятымъ въ битвѣ на войнѣ сеньеровъ.

— Которые имѣютъ для выкупа другихъ плѣнныхъ рыцарей и конюшихъ, добавилъ мессиръ Губертъ, съ гнѣвомъ поднявшись съ мѣста.

Присутствовавшіе французскіе рыцари единодушно поддерживали слова Бретонцевъ, но озлобленный испанецъ не обращалъ никакого вниманія.

— Обратитесь къ Богу, повторялъ онъ, послѣ обѣда ваши головы будутъ отрублены. Онъ вышелъ.

Мессиръ Готье де-Манни отъ шпіоновъ узналъ о требованіи Луи испанскаго, и о прибытіи въ лагерь обоихъ бретонскихъ рыцарей. Въ тоже утро онъ созвалъ товарищей.

— Сеньеры, сказалъ онъ, большая честь была бы для насъ спасти этихъ благородныхъ рыцарей, и мнѣ кажется самымъ достославнымъ подвигомъ вырвать у смерти двухъ такихъ храбрыхъ воиновъ. А потому, не угодно ли мессиру Амори де-Клиссону, аттаковать съ выборнымъ отрядомъ стрѣлковъ спереди непріятельскій лагерь, а я въ это время, обойдя лагерь съ задней стороны, проникну въ опустѣлыя палатки. У меня есть люди хорошо знающіе дорогу къ палаткѣ мессира Карла, гдѣ находятся оба кавалера, и я вамъ обѣщаю за себя, и за своихъ товарищей, употребить всѣ возможныя усилія возвратить нашихъ плѣнниковъ въ полной безопасности.

Всѣ рыцари одобрили проэктъ и немедленно пошли приготовляться. Мессиръ Готье былъ въ своей палаткѣ съ конюшимъ, когда вошелъ Обри.

— Могу ли я сопровождать васъ, мессиръ, спросилъ онъ съ особеннымъ чувствомъ, поразившемъ кавалера.

— Да, отвѣчалъ мессиръ Готье, я сегодня нуждаюсь въ вѣрныхъ и добрыхъ рукахъ, но отчего твои глаза такъ особенно горятъ, мой храбрый оруженосецъ?

Обри весело улыбнулся.

— Мессиръ Губертъ де Фрине, нѣкогда былъ добрымъ сеньеромъ родителямъ моей матери, жившимъ на его земляхъ, и я съ самаго дѣтства часто слышалъ объ немъ.

— Ну такъ намъ ненадобно терять времени, теперь девять часовъ, а послѣ обѣда головы плѣнниковъ будутъ отрублены.

Обри пошелъ за оружіемъ.

Было десять часовъ; въ палаткахъ главныхъ сеньеровъ передъ Каро начинали приготовлять къ обѣду. Мессиръ Луи испанскій кушалъ въ своей палаткѣ съ кавалерами и конюшими только своего дома. Онъ приглашалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, но тѣ отказались, желая выразить тѣмъ неудовольствіе по поводу двухъ бретонскихъ рыцарей. Вдругъ тревожное смятеніе послышалось у воротъ лагеря. Кричали: непріятель! непріятель! Мессиръ Луи быстро поднялся и, схвативъ мечь, бросился изъ палатки въ сопровожденіи всѣхъ своихъ кавалеровъ. Отовсюду собирались французскіе сеньеры, и у барьера началось уже сраженіе. Англійскіе стрѣлки, поставленные впереди, какъ обыкновенно, осыпали стрѣлами кавалеровъ и затрудняли движенія ихъ противъ Бретонцевъ, наносившихъ имъ вѣрные удары. Генуэзцы старались соперничать въ ловкости съ Англичанами, но они мѣтили съ меньшимъ хладнокровіемъ, болѣе торопились и арбалеты ихъ наносили менѣе вреда, чѣмъ мѣткія стрѣлы непріятеля. Волны сражающихся подвигались и отступали, смѣшиваясь въ густой массѣ у воротъ лагеря. Ни одного кавалера, ни одного оруженосца не оставалось позади. Слуги между тѣмъ пользовались смятеніемъ и истребляли покинутые обѣды.

Въ то время, какъ бились у барьера, и мессиръ Амори де-Киссонъ выдерживалъ усилія всей французской арміи, мессиръ Готье де-Манни съ горстью воиновъ проникнулъ въ непріятельскій лагерь.

— Если мы будемъ захвачены, то намъ предстоитъ участь мессира Жана и мессира Губерта, говорилъ онъ Обри, переступая заднюю дверь лагеря.

— При такомъ шумѣ у барьеровъ никто не останется дома, возразилъ оруженосецъ.

Незамѣтная по количеству группа безмолвно проникла до палатки мессира Карла де-Блуа, расположенной въ срединѣ лагеря и великолѣпно украшенной знаменами и гербами.

Оба плѣнника услыхали шумъ шаговъ.

— Наступилъ часъ, сказалъ мессиръ Жанъ, и аттаки всего міра не заставятъ испанца забыть о своемъ мщеніи.

— Я его считалъ лучшимъ рыцаремъ, замѣтилъ Губертъ де-Фрине; да окажетъ намъ Господь Богъ свое милосердіе и воздастъ нашимъ врагамъ.

— Не такъ поучалъ насъ отецъ Ландри, замѣтилъ Бутенье; теперь время подумать о душахъ нашихъ и простить злобу людей, и онъ преклонилъ колѣни передъ распятіемъ, когда чья-то непривычная рука приподняла полотно палатки, за рукою послѣдовала голова и наконецъ весь Готье де-Манни появился передъ глазами обоихъ Бретонцевъ. Попавъ въ плѣнъ до прибытія Готье въ Генебонъ, они не знали его, и теперь естественно сочли его вѣстникомъ смерти. Невольный трепетъ пробѣжалъ по тѣлу Бретонцевъ.

— Не бойтесь, товарищи, мы пришли васъ освободить, говорилъ Готье шепотомъ, живо увлекая ихъ за собою и передавая въ ихъ распоряженіе двухъ приведенныхъ съ собою добрыхъ скакуновъ. Выйдя изъ лагеря той же дорогой, какъ вошли, вся группа понеслась во весь опоръ по дорогѣ въ Генебонъ.

Англійскіе стрѣлки истощили всѣ свои стрѣлы, кавалеры бретонскіе устали сражаться. Подавляемые количествомъ, они отступали въ полномъ порядкѣ, нанеся такой уронъ непріятелю, что онъ и не думалъ о преслѣдованіи. Мессиръ Луи испанскій торопился воротиться въ лагерь.

— Мои плѣнники меня ожидаютъ, говорилъ онъ съ дикой ироніей.

Но плѣнники галопировали по открытому полю, съ полнымъ чувствомъ свободныхъ людей, заключенныхъ продолжительное время въ тюрьмѣ и видѣвшихъ смерть подлѣ себя. Одинъ небольшой французскій отрядъ замѣтилъ ихъ, когда они маневрировали, для присоединенія къ мессиру Амори де Клиссону, и бросился преслѣдовать;

но отрядъ мессира Готье не сражался, лошади были свѣжи и съ каждымъ шагомъ они выигрывали передъ непріятелемъ все большее и большее разстояніе. Въ это время какой-то стрѣлокъ натянулъ свой лукъ и прицѣлился въ Готье де-Манни, Обри замѣтилъ, и быстрымъ движеніемъ лошади, вынесся впередъ. Ударъ раздался, и храбрый воинъ упалъ; мессиръ Готье обернулся.

— Умеръ за меня, а я обѣщалъ его женить, и онъ остановилъ лошадь.

— Не медлите, мессиръ, говорилъ раненный слабымъ и умоляющимъ голосомъ; вы будете взяты и убиты... я не умру... можетъ быть... скажите Одеттѣ...

Кавалеръ не слушалъ больше. Исполняя благоразумный совѣтъ доблестнаго слуги, онъ исчезалъ съ своимъ отрядомъ въ густомъ облакѣ пыли. Когда онъ обернулся въ послѣдній разъ, Обри неподвижно лежалъ на краю дороги.

Грустная тяжесть легла на сердце знаменитаго полководца. Возвращались къ Генебону; вскорѣ присоединились къ нимъ Бретонцы; они съ живѣйшею радостью поздравляли его съ счастливымъ успѣхомъ опаснаго предпріятія, всѣ пожимали руки мессиру Жану и мессиру Губерту; оба отряда мѣнялись разсказами о своихъ подвигахъ; но мессиръ молчалъ и не улыбался. Его лицо становилось все болѣе серьезнѣе при приближеніи къ городу. Графиня не ожидала ихъ; ихъ отсутствіе продолжалось мѣсяцъ, и послѣднее предпріятіе было рѣшено и исполнено такъ быстро, что молва объ немъ не могла еще достигнуть до Жанны. Приближаясь къ воротамъ Генебона, Готье де-Манни замѣтилъ на валу молодую дѣвушку, сидѣвшую подлѣ старушки; обѣ ожидали безъ надежды увидѣть желанныхъ, не по потребности сердца но по невольному тревожному чувству. Съ отъѣздомъ кавалеровъ Одетта ежедневно ходила на валъ съ дамой Гудулой, сердечной повѣренной ея тайны; старая фламандка разсказывала ей объ осадахъ, на которыхъ она присутствовала, о раненныхъ, которыхъ она перевязывала, объ

умершихъ, которыхъ она хоронила, иногда дребезжащимъ голосомъ она передавала о своихъ трехъ сыновьяхъ, погибшихъ въ одномъ сраженіи монсеньера Луи, отца графини, и наконецъ она предсказывала возвращеніе Обри свободнаго, обремененнаго добычей и женихомъ Одетты. Молодая дѣвушка рѣдко отвѣчала; она постоянно смотрѣла на пыльную дорогу, на поля, окружающія Генебонъ, нѣкогда зеленыя, а теперь отъ продолжительнаго пребыванія Французовъ совершенно обнаженныя. Отъ этого скорбнаго зрѣлища, взглядъ ея переходилъ на мрачное и пустынное море. Душа ея сжималась смертельной тоской.

Вдругъ она подняла голову; въ неопредѣленной дали на горизонтѣ замѣтно было только облако пыли, но вѣтеръ донесъ до ея чуткихъ ушей бряцанье оружія и шаги лошадей; шумъ дѣлался явственнѣе, невозможно было различить знаменъ, но въ отдаленіи ясно очертился быстро приближавшійся отрядъ. Сильно забилось сердце Одетты, и она оперлась о зубцы.

— Они! сказала она наконецъ вполголоса, различивъ цвѣта Готье де-Манни и Амори де-Клиссона. Дама Гудула надѣла очки.

— Левъ лежащій... поле... да, это они, прошептала она.

Одетта ужъ стояла на валу со взглядомъ, прикованнымъ къ воинамъ, ѣхавшимъ позади кавалеровъ. Она ихъ окинула быстрымъ взоромъ, потомъ, возвращаясь опять къ мессиру Готье, искала позади его тѣлохранителя, обязаннаго постоянно слѣдовать за нимъ съ обѣщаннымъ залогомъ свободы и счастія. Но когда она наконецъ поняла, что его тамъ не-было, что въ рядахъ не было видно его высокаго роста, его веселыхъ глазъ, его вьющихся волосъ, она съ отчаяннымъ воплемъ упала на землю. Ворота отворились, и, увѣдомленная часовыми, графиня поспѣшно сходила изъ замка къ своимъ храбрымъ партизанамъ, а съ другой стороны въ пыли тащи-

лась женщина къ стремяни мессира Готье — то была Одетта, безсильная стоять на ногахъ.

— Обри? спрашивала она скорѣе взоромъ, чѣмъ словами.

Мессиръ Готье не зналъ ее, онъ слышалъ только, что у его оруженосца была невѣстой одна изъ служанокъ графини; но онъ тотчасъ же понялъ и дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ:

— Палъ тамъ... и онъ показалъ на далекую равнину... какъ христіанинъ... освобождая плѣнниковъ.

Молодая дѣвушка не слыхала ничего больше. Дама Гудула приняла ее въ свои объятія въ то время, когда графиня Жанна призывала къ себѣ мессира Готье, наивно удивляясь разговору его съ служанкой, когда ожидала его госпожа.

XI.

Безъ сомнѣнія дѣла Карла де-Блуа были въ хорошемъ положеніи; но тѣмъ не менѣе еще много оставалось завоеватъ городовъ и замковъ прежде, чѣмъ сдѣлаться дѣйствительнымъ герцогомъ Бретани. Союзники же его начинали утомляться продолжительностью войны.

— Заключите перемиріе до Троицына дня, говорили они ему; мы будемъ имѣть время побывать въ нашихъ владѣніяхъ и заняться своими дѣлами, а затѣмъ лѣтомъ возобновимъ войну.

Тоже самое говорили и совѣтники Жанны.

— Если бы вы, герцогиня, могли ѣхать въ Англію, говорилъ Готье де-Манни, и убѣдить короля, нашего сеньера, лично продолжать войну во Франціи, то союзники мессира Карла были бы сами на столько озабочены, что не могли бы доставить ему помощи, тогда вы, съ вашими бретанскими дружинами, скоро выгнали бы изъ герцогства всѣхъ вашихъ враговъ.

Графиня не желала подписывать перемирія. Она страшилась интригъ своихъ непріятелей въ своемъ от-

сутствіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ она здраво видѣла положеніе своихъ дѣлъ и совершенную невозможность бороться одной съ могуществомъ Франціи, вооружившейся противъ нея.

— Я пойду, сказала она, къ королю Эдуарду; мой отецъ служилъ ему, а монсеньеръ произнесъ присягу. Онъ долженъ покровительствовать моему ребенку.

Какъ только было подписано перемиріе, Жанна начала приготовленія къ отъѣзду. Съ того дня, когда Одетта услыхала свой приговоръ отъ мессира Готье, она, погруженная въ нѣмое отчаяніе, не оставляла своей комнаты, какъ будто бы душа ея отлетѣла вмѣстѣ съ душой Обри. Дама Гудула заботилась объ ней съ нѣжностью матери, не смотря на ворчливость характера. Она вошла въ одно утро въ комнату молодой дѣвушки, сидѣвшей подлѣ окна, съ опущенными руками и взглядомъ, неподвижно остановившемся на морѣ.

— Ты будешь скоро на другой сторонѣ, грубо проговорила старуха. Госпожа хочетъ ѣхать черезъ три дня.

Одетта выпрямилась.

— А если Обри воротится? сказала она, выходя въ первый еще разъ изъ мертваго унынія. Онъ сказалъ: можетъ быть... быть... я не умру... скажите Одеттѣ... Я его жду.

Дама Гудула пожала плечами.

— Раненный воинъ, и къ тому-жъ оставленный въ полѣ! шептала она.

— Онъ взялъ съ меня слово ждать его пять лѣтъ и не вступать въ монастырь, продолжала молодая дѣвушка, у которой разсудокъ начиналъ пробуждаться. Если госпожа увезетъ меня за море, онъ не будетъ знать, гдѣ найдти меня.

Она заплакала теперь, не выронивъ съ роковаго дня ни одной слезы. Старушка замолчала и вышла, но черезъ нѣсколько минутъ воротилась.

— Госпожа беретъ вмѣсто тебя Ивопу; она возметъ съ собой только шесть дѣвушекъ съ служанками.

— Мы останемся здѣсь? спросило бѣдное дитя, привыкшее къ распоряженіямъ своею участью другими.

— Вѣроятно нѣтъ; что дѣлали бы вы здѣсь одни между воинами? Госпожа рѣшилась отослать тѣхъ изъ женщинъ, которыхъ не беретъ съ собой, къ кузинѣ своей королевѣ Богемской; за вами тамъ будетъ надежный присмотръ. Домъ королевы такой же монастырь.

Одетта опустилась на стулъ; ее теперь мало занимала перемѣна судьбы; вся ея надежда и любовь стремились къ неизвѣстной могилѣ Обри. Въ глубинѣ души она не надѣялась его увидѣть; но она не видѣла его мертвеннаго тѣла, она не цаловала его холодныхъ губъ. Данное слово удерживало ее отъ вступленія въ монастырь, обычное убѣжище всѣхъ истерзанныхъ сердецъ и сломанныхъ существованій, такъ частыхъ въ тѣ смутныя времена. Графиню не заботила несчастная участь служанки; болѣе важныя думы занимали ея умъ. Да и зачѣмъ королевѣ Богемской было знать, что молодая бретанка въ одно декабрское утро въ окрестностяхъ Каро потеряла все; лишь бы вышивки были искусны, лютни хорошо настроены, а затѣмъ знатнымъ дамамъ мало было дѣла: были ли ихъ служанки счастливы или печальны. Одинъ только добрый рыцарь мессиръ Готье вспомнилъ о бѣдной дѣвочкѣ, лишившейся покровителя и друга, и въ моментъ отъѣзда въ Англію, куда онъ сопровождалъ графиню, передалъ кошелекъ дамѣ Гудулѣ, прося ее отдать молодой дѣвушкѣ, которую онъ обѣщалъ выдать за бѣднаго Обри.

— Она вчера уѣхала въ домъ королевы Богемской, находящейся теперь въ Парижѣ, отвѣчала Гудула; но я сберегу этотъ кошелекъ; онъ будетъ приданымъ при поступленіи ея въ монастырь.

— Бѣдный Обри! сказалъ мессиръ Готье, и подалъ руку графинѣ, входившей на палубу.

XII.

Одетта сидѣла въ большой залѣ отеля герцога Бурбона въ Парижѣ. Въ минувшемъ году королева Богемская пріѣхала въ Парижъ повидаться съ отцемъ, и имѣла несчастіе потерять его; желая устроить дѣла по наслѣдству, она продолжила свое пребываніе во Франціи. Беатрича Бурбонская, выданная за мужъ въ юныхъ лѣтахъ за пожилаго слѣпца, дурно была принята надменными потомками Елизаветы Богемской, первой жены Жана Бранденбургскаго, обязаннаго ей своей короной. Беатрича не имѣла дѣтей, и жизнь свою посвятила дѣламъ благотворительнымъ и строгому исполненію религіозныхъ обрядовъ. Какъ въ резиденціи своей, одномъ изъ Богемскихъ замковъ, такъ и въ Парижѣ, отелѣ своего отца, она сама вела жизнь однообразную, религіозную и заставляла проводить такую же жизнь своихъ женщинъ. Строга была дисциплина графини Жанны: два года ея служанки не оставляли замка Генебонъ, выносили всѣ неудобства продолжительной осады, но ощущенія войны, приступы, вылазки, походъ кавалеровъ по окрестностямъ, ихъ возвращеніе, добыча, всѣ случайности бурнаго времени придавали особую прелесть монотонной жизни бретанскаго замка. Въ Парижѣ же, въ этомъ городѣ чудесъ, о которомъ монахи и путешественники такъ часто разсказывали любопытнымъ въ долгіе зимніе вечера у каминовъ пріемныхъ залъ, посреди двухъ сотъ тысячь душъ, суетящихся въ тѣсныхъ улицахъ и грязныхъ переулкахъ, королева Богемская съ своими женщинами въ отелѣ Бурбоновъ, то читала молитвы, вышивала религіозныя украшенія, то осматривала больныхъ, собранныхъ ею въ обширной залѣ, преобразованной въ продолженіи ея пребыванія у отца въ госпиталь.

Большая часть молодыхъ служанокъ тихонько жаловались на томительное однобразіе подобнаго существованія; двѣ бретонки, подруги Одетты, походили на двухъ

дикихъ птичекъ, запертыхъ въ клѣтку и готовыхъ разбить себѣ голову о желѣзныя рѣшетки. При первомъ удобномъ случаѣ они ускользали въ отведенную имъ комнату, гдѣ, взобравшись на подоконникъ, посматривали на Сенскій мостъ.

— Отчего королева не ходитъ по городу раздавать милостыни, говорили они, въ одинъ день на мостъ слѣпыхъ, въ другой на мостъ хромыхъ или параличныхъ? говорятъ даже есть мостъ прокаженныхъ.

— Впрочемъ туда невозможно ходить, добавляли они, задрожавъ отъ ужаса.

— Столько прекраснаго въ Парижѣ, а мы ничего не видимъ! вздыхали служанки, вызванныя снова къ работѣ дамой Филибертой, которой были поручены женщины королевы.

Одетта не жаловалась. Она не поднимала глазъ отъ работы вышиванія полотна или юбки; ея ловкіе пальцы искусно выводили различные узоры съ блестящими цвѣтами, золото и серебро образовывало подъ ея руками граціозные контуры; но душа ея была въ иномъ мѣстѣ: она блуждала въ Бретани, изъ крѣпости въ крѣпость, изъ тюрьмы въ тюрьму, она представляла темную башню и глубокія подземелья, гдѣ, можетъ быть, заключенъ онъ умирающій. Воображеніемъ она видѣла связку соломы, кружку воды, кусокъ черстваго хлѣба и раненнаго, медленно изнывающаго въ уединеніи. Горькая жгучая скорбь замѣнила теперь душевное онѣменіе; долгіе часы она проводила въ церкви, повергнувшись предъ алтаремъ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, инстинктивно прибѣгая къ подножію Всевышняго, вмѣстѣ съ тѣмъ не ищущая даже возможности молиться. Когда въ часы опредѣленные для богослуженія, королева показывалась въ церкви, она часто замѣчала свою служанку, встававшую при ея входѣ и становившуюся на колѣни позади ея во время церковной службы. Беатрича Бурбонская предпочитала монотонную религіозную жизнь по неимѣнію пищи для сердца; она не переживала сердечныхъ потерь. По-

блекшія черты и унылый взглядъ молодой бретонки были для нея только предметомъ удивленія, даже почти одного любопытства.

— Отчего служанка графини Жанны такъ печальна, и такіе долгіе часы проводитъ въ церкви? однажды спросила она у дамы Филиберты.

Дама пожала плечами. Она была вѣжливѣе дамы Гудулы, голосъ ея не былъ такъ пронзителенъ, но она не имѣла теплаго сердца старой фламандки; она никого не любила и ничего не теряла.

— Я слышала, будто она была обручена какому-то воину, убитому въ походѣ англійскихъ кавалеровъ.

— А! отвѣчала королева, тѣхъ Англичанъ, которыхъ призвала графиня противъ монсеньера Бретанскаго и его благородныхъ союзниковъ. Мой отецъ мнѣ разсказывалъ объ этомъ... и она больше не думала объ Одеттѣ.

Но не всѣми и не все забывалось такъ легко.

Королева повсюду возила съ собою своихъ французскихъ и германскихъ капеллановъ. Ея дворъ большею частію состоялъ изъ дворянъ и дамъ ея королевства; но лично при себѣ она постоянно имѣла нѣсколько француженокъ служанокъ и двухъ священниковъ, сопровождавшихъ ея, когда она уѣзжала изъ отечества. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ съ бѣлыми волосами, сгорбленный; на его морщинистомъ лицѣ сохранилась еще привычка повелѣвать. Его сѣрые глаза, отуманенные годами, порою воодушевлялись при чтеніи святаго евангелія, при разсказѣ какого-нибудь тяжелаго страданія или героическаго подвига. Прежде поступленія въ монашество онъ былъ военачальникомъ, и однажды отправясь въ походъ съ герцогомъ, оставилъ свою жену и дѣтей въ своемъ полуразрушенномъ замкѣ. Въ его отсутствіи одинъ изъ сосѣдей, личный его врагъ, ночью, неожиданно напалъ на оставшійся почти безъ защиты замокъ; жена кавалера погибла, защищая своимъ тѣломъ колыбель дѣтей, убитыхъ подлѣ нея. Правда онъ получилъ удовлетвореніе, герцогъ разрушилъ замокъ преступника,

отдавъ послѣдняго королевскимъ судьямъ; но несчастія мужа и отца привели его въ монастырь, откуда, постарѣвъ двадцатью годами, вышелъ къ двору Беатричи королевы Богемской, тогда почти дитяти, и уже несчастной.

Старый священникъ замѣтилъ Одетту. Онъ прочелъ въ ея глазахъ скорбь, точившую ея жизнь и часто вздыхалъ, смотря на бѣдное дитя, томившееся страданіями, необлегченныхъ теплымъ утѣшеніемъ у подножія креста.

Однажды Одетта, погруженная въ свои печальныя думы, не замѣтивъ окончанія богослуженія, оставалась на своемъ мѣстѣ въ церкви. Наступившее безмолвіе вывело ее наконецъ изъ задумчивости; она подняла глаза и встрѣтила сострадательный взоръ стараго священника. Сердечная, теплая симпатія проникла цѣлебнымъ бальзамомъ въ душу молодой дѣвушки. Она быстро встала и подошла къ старику.

— Отецъ мой, прошептала она; вы страдали какъ я, научите же и меня нести свой крестъ.

Старый священникъ долго не отвѣчалъ, потомъ крѣпко положивъ руку на наклоненную дѣтскую голову, другою указалъ на распятіе.

— Вотъ Тотъ, который страдалъ, и который утѣшаетъ скорбящихъ.

И онъ оставилъ Одетту въ церкви, повергнувшеюся ницъ.

Съ каждымъ днемъ, благодаря добрымъ совѣтамъ стараго монаха, къ Одеттѣ возвращались ея силы —для новыхъ испытаній. Королева оставила Парижъ и возвратилась въ свой древній богемскій замокъ. Осенній вѣтеръ уныло бушевалъ окрестные лѣса, уединеніе было полное, госпиталь и церковь поглащали все время самой королевы; женщины же ея вышивали безъ отдыха. Одетта не сдѣлала никакого возраженія при отъѣздѣ изъ Франціи; всякая надежда изсякла въ ея сердцѣ, она поняла наконецъ, что Обри, безъ сомнѣнія, умеръ на краю дороги еще прежде, чѣмъ враги могли нанести ему новые

удары. Такъ какъ въ жизни вѣчной только надобно было искать того, кого она болѣе не могла увидѣть на землѣ, то мѣста земнаго существованія оставались для нея совершенно одинаковыми. И вмѣстѣ съ увѣренностью во временной разлукѣ, къ ней приблизилась надежда на вѣчное соединеніе. Съ этихъ поръ Одетта терпѣливо ожидала время, когда она будетъ свободна войдти въ монастырь, и, освобожденная отъ обѣщанія, даннаго Обри, мирно склонить свою голову подъ десницу Божью. Неизсякаемые источники утѣшенія въ любви Спасителя міра наполнили ея душу миромъ и покорностью. Она молилась, она надѣялась, она ждала, и, на пути къ небесному, она утѣшала и облегчала скорбящихъ. Никакой посѣтитель не былъ принимаемъ ни кѣмъ съ такимъ радушіемъ, какъ Одеттой. Она научилась по нѣмецки на столько, что могла понимать больныхъ, стонущихъ въ своихъ постеляхъ или крестьянъ, страдающихъ въ своихъ убогихъ хижинахъ.

— Королева отдавала ей полную свободу посвятить свою жизнь этимъ несчастнымъ.

— Вы, государыня, въ своемъ домѣ имѣете сестру милосердія, говорилъ старый священникъ; оставьте ее исполнять свое назначеніе подъ вашей кровлей.

Королева сочувствовала и уважала молодую бретонку; страданіе и милосердіе возвысили Одетту выше ея естественнаго положенія. Впрочемъ и безъ того Беатрича Богемская, въ тѣ времена, времена поразительныхъ несоразмѣрностей правъ и человѣческихъ условій, въ глубинѣ души своей раздѣляла высокое ученіе церкви христіанской о равенствѣ душъ.

XIII.

Три года протекло со времени прибытія Одетты въ Богемію, и во все это время она не оставляла замка. Когда королева переѣзжала съ своимъ дворомъ въ какой нибудь городъ своего королевства, она оставляла моло-

дую бретонку въ главѣ своего госпиталя и поручала ей раздачу милостынь между крестьянами и больными своихъ владѣній. Старый капелланъ не ѣздилъ больше, и видимо разрушался. Одетта расточала ему дочернія заботы въ глубокой признательности къ тому, кто привелъ ее къ единственному утѣшенію несчастныхъ.

Три мѣсяца оставался замокъ въ совершенномъ уединеніи; отсутствіе королевы и ея дамъ продолжалось болѣе обыкновеннаго, когда однажды утромъ въѣхала на дворъ группа служителей. Имъ поручено было взять всѣ ящики и имущество королевы, остававшееся въ замкѣ и передать Одеттѣ приказаніе госпожи укладывать и приготовлять къ отъѣзду.

Королева предполагаетъ, писала дама Филиберта, возвратиться во Францію, провести послѣднюю зиму у невѣстки королевы Изабелы Французской, въ то время какъ монсиньеръ, ея братъ, сражается за свое королевство въ Лангедокѣ и Гасконіи съ англійскими войсками милорда Дерби.

Затѣмъ слѣдовали распоряженія королевы о содержаніи госпиталя и о заботахъ о бѣдныхъ. При чтеніи письма дамы Филиберты, новое желаніе овладѣло Одеттой. Ей захотѣлось возвратиться во Францію, еще разъ увидѣть Генебонъ и потомъ войдти въ Кароссkій или Нантскій монастырь, чтобъ жить и умереть сколько возможно ближе къ тому мѣсту, гдѣ умеръ Обри. Воспоминаніе объ отечествѣ, любовь и страданія, уснувшія, но неисчезнувшія изъ сердца вѣрной Бретонки, пробудились съ непреодолимой силой. Она такъ быстро побѣжала въ комнату стараго священника, что тотъ, не видавъ еще ея блестящихъ глазъ и воодушевленнаго лица, спросилъ:

— Что случилось съ вами, дитя мое? Чему вы радуетесь?

Одетта колебалась; при отвѣтѣ у ней сказались упреки совѣсти. Если она уѣдетъ и воротится во Францію, какъ она желала этого, старый священникъ останется и умретъ одинокимъ. Онъ повторилъ свой вопросъ.

— Государыня уѣзжаетъ во Францію, отвѣчала она, заикаясь.

— И она хочетъ васъ увезти? продолжалъ старикъ, останавливая на ней проницательный взглядъ. Пусть будетъ благословенно Имя Господне! я думалъ было умереть на вашихъ рукахъ, но Онъ посылаетъ васъ въ ваше отечество служить тамъ до конца вашихъ дней.

Одетта пала на колѣни у кресла старика.

— Вы добры, отецъ мой, сказала она, и истинный ученикъ Спасителя нашего Іисуса Христа. Я неблагодарная; государыня не требуетъ меня, а я сама пожелала возвратиться во Францію. Но я не уѣду, я останусь до тѣхъ поръ, пока вы будете имѣть нужду въ моихъ заботахъ.

Выслушавъ ее внимательно, старикъ выпрямился.

— За ваше послушаніе, поѣзжайте, сказалъ онъ съ тономъ власти, никогда не покидавшей его. Такъ какъ Богу угодно было оставить меня одинокимъ, то Онъ дастъ мнѣ и силы выносить это одиночество; если Онъ поддерживалъ меня въ теченіи моей долгой жизни, то Онъ поддержитъ меня и при смерти. Вы желаете остаться одной подлѣ меня; но я не могу оставить васъ здѣсь. Пишите государынѣ, что я вамъ продиктую, чтобъ она взяла васъ съ собой въ вашу прекрасную Францію, которую я никогда больше не увижу.

Одетта опустила голову; разумное самоотверженіе старика побѣдило ея послѣднія колебанія; она позволила своему сердцу радостно биться при мысли о возвращеніи во Францію, при ожиданіи услыхать французское слово; можетъ быть она увидитъ родителей Обри въ деревнѣ Монфоръ. Дрожащей рукой она написала подъ диктовку стараго священника, и потомъ стала ожидать, удвоивъ заботы по госпиталю и между крестьянами.

Отвѣтъ королевы не замедлилъ. Она писала собственноручно капеллану, позволяя Одеттѣ слѣдовать за собой «такъ какъ бретанскій монастырь ей нравится болѣе моего дома».

Священникъ улыбнулся.

— Какъ видно, что она никогда не любила, проговорилъ онъ сквозь зубы.

Онъ, любившій Одетту, какъ свое дитя, онъ отправлялъ ее, неупоминая ни одного слова о себѣ, не испустивъ ни одного скорбнаго вздоха, а напротивъ ободряя и поддерживая бѣдную сироту, когда дрогнуло ея сердце передъ отъѣздомъ, передъ этимъ новымъ фазисомъ въ жизни. Но когда обмѣнялись послѣдними прощаніями, когда за опушкой лѣса скрылся послѣдній мулъ изъ длинной кавалькады, старикъ не будучи въ силахъ преклониться на колѣни, печально опустился въ широкое кресло въ своей комнатѣ и шепталъ:

— Теперь, Господи, я могу умереть!

Одетта еще недостигла Франціи, какъ ея старый другъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Въ этомъ путешествіи великолѣпный кортежъ сопровождалъ королеву Богемскую, такъ какъ вмѣстѣ съ ней ѣхалъ и мужъ ея Карлъ Луксембургскій. Военныя дѣйствія возобновились. Походъ графа Дерби въ Гасконіи сильно безпокоилъ короля Франціи Филиппа, и послѣдній принужденъ былъ выставить противъ него значительную армію подъ предводительствомъ сына своего герцога Нормандскаго. Графу де-Монфоръ наконецъ удалось убѣжать изъ Лувра, гдѣ онъ такъ долго былъ заключенъ, и переправиться въ Виндзоръ къ королю Эдуарду. Пробывъ тамъ нѣсколько времени онъ воротился въ Бретань вмѣстѣ съ своей женой, а потомъ снова долженъ былъ отправиться въ Англію, гдѣ и умеръ въ то время, когда королева Богемская приближалась къ Парижу. Смерть мужа смутила графиню Жанну де-Монфоръ не болѣе его бывшаго продолжительнаго плѣна.

— Четыре года монсеньеръ умеръ для насъ, говорила она, и мой сынъ становится взрослымъ.

Ее сильно поддерживали Англичане, и, съ помощью ихъ, она одержала нѣсколько побѣдъ надъ Карломъ де-Блуа.

— Вы найдете графиню въ Генебонѣ, если сейчасъ туда отправитесь, моя дорогая, говорила Одеттѣ дама Филиберта.

Юная бретонка поблѣднѣла.

— Я сейчасъ бы отправилась туда, если бы Богу угодно было создать перемиріе, но я не могу ѣхать одна по нашимъ дорогамъ въ военное время.

Она провела зиму въ отелѣ Бурбоновъ. Возвращеніе во Францію, пріятный звукъ материнскаго языка подѣйствовалъ успокоительно на ея душевное волненіе.

— Когда я услышу бретанскую рѣчь, я буду совершенно счастлива, говорила она сама съ собой.

У Обри была мать не француженка, и онъ никогда не зналъ этого языка.

Пришла весна; но о перемиріи и не думали. Изабелла Французская любила праздники и турниры, устраиваемые королемъ, ея братомъ. Для развлеченія, въ отсутствіе мужа, она часто увлекала туда и свою невѣстку, королеву Богемскую, на этотъ разъ не имѣвшую госпиталя въ своемъ дворцѣ. Беатрича уступала съ грустью и не безъ угрызеній совѣсти.

— Я не знаю почему, но мое сердце ноетъ, предчувствуетъ тяжелыя испытанія, говорила она; намъ лучше было бы готовиться къ покаяніямъ, а не забавляться праздниками.

Изабелла хохотала.

— Неужели вы считаете Англію могущественнѣе Франціи, и моего брата неправымъ?

И она приказывала дамѣ Филибертѣ одѣвать королеву въ самыя блестящія украшенія.

Король англійскій высадился въ Хогѣ (Hogue), рѣшившись въ этой компаніи кончить вопросъ о своемъ наслѣдствѣ съ Филипомъ де-Валуа. Это было 18 іюля 1346 года. Когда король Эдуардъ вступилъ ногою на берегъ, онъ упалъ и ушибся такъ сильно, говоритъ Фруассаръ, что кровь потекла изъ носа. Окружающіе кавалеры подняли его, говоря:

Всемилостивѣйшій государь! возвратитесь на вашъ корабль, и въ настоящее время не сходите на землю, при такомъ дурномъ предзнаменованіи.

Но король тотчасъ же всталъ, и находчиво отвѣчалъ: Зачѣмъ? это хорошій знакъ, значитъ земля меня желаетъ.

Такой отвѣтъ ободрилъ всѣхъ.

Между тѣмъ въ Парижѣ, вокругъ короля Филиппа, было все воодушевлено. Не только его значительные вассалы съ полнымъ усердіемъ присоединились къ нему изъ всѣхъ концевъ его територіи, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ уже продолжались военныя дѣйствія съ Англичанами; но къ нему явились на помощь: король Богемскій и сынъ его Карлъ, король Римскій, Императоръ Германскій, графъ Жанъ де-Гайнау и Герцогъ Лоренскій. Каждый день получались серьезныя извѣстія объ опустошеніяхъ въ Нормандіи. Король Филиппъ, и его армія, приготовлялись къ походу. Англичане приближались къ Парижу, и въ столицѣ распространился ужасъ. Уже въ тѣхъ рынкахъ, которые обыкновенно снабжались изъ Нормандіи и ихъ окретностей, прилегающихъ къ Иль-де-Франсу, ощущался явный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, рынокъ шатле, гдѣ производилась продажа скотины, оставался почти пустымъ, и граждане наполняли церкви, умоляя Бога и святую Женевьеву, защитить ихъ добрый городъ Парижъ.

Въ этомъ всеобщемъ смущеніи, души благочестивыя, въ надеждѣ на милосердіе Божіе, удвоили свою благотворительную дѣятельность. Королева Богемская, подъ живымъ вліяніемъ угрызеній совѣсти за тѣ развлеченія, въ которыхъ она принимала участіе, обходила церкви, распредѣляя милостыни бѣднымъ, загромождавшимъ церковныя паперти, и снова, по указанію священниковъ, собирала въ залы отеля Бурбоновъ больныхъ и немощныхъ. Теперь королева Изабела не мѣшала набожности своей невѣсткѣ.

Лишь бы не требовали, говорила она, улыбаясь, моего личнаго ухода за этимъ лохмотьемъ! Одетта умолитъ

Бога и за себя и за всѣхъ насъ, и она съ любезностью исполняла всѣ требованія молодой Брестонки отъ имени всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ, собранныхъ во дворцѣ.

XIV.

Между тѣмъ, какъ молились въ парижскихъ церкахъ, оба короля встрѣтились въ Пикардіи. Эдуардъ овладѣлъ бродомъ Бланташа, оттѣснивъ Годемара-ди-Фэ, которому Филиппъ де-Валуа норучилъ защищать этотъ проходъ, и расположился лагеремъ на окраинахъ лѣса Креси въ Понтье, въ пяти миляхъ отъ Абевиля, гдѣ находился король французскій. Войска его были утомлены; король англійскій рѣшился ожидать здѣсь непріятеля, и, не смотря на огромную несоразмѣрность своихъ силъ, дать рѣшительное сраженіе.

— Здѣсь мы остановимся, говорилъ онъ, я не пойду дальше; здѣсь я на наслѣдственной землѣ моей матери, получившей ее по супружеству, и здѣсь я буду защищать это наслѣдство у противника моего—Филиппа де-Валуа.

Согласно этому распоряженію устроили палатки. Англійскій лагерь обнималъ все поле, Французы занимали Абевиль. Король зналъ, что Эдуардъ остановился у Креси и ждетъ нападенія. Король Филиппъ былъ веселъ и повторялъ: «если Богу будетъ угодно, завтра мы сразимся.

Въ пятницу 25 августа король французскій пригласилъ къ обѣду въ отель свой въ Абевилѣ всѣхъ главныхъ начальниковъ своей арміи. Роскошно угощая, онъ просилъ ихъ быть единодушными безъ зависти, ненависти и гордости; каждый обѣщалъ. Праздникъ весело продолжался, и было уже поздно, когда французскіе сеньеры разошлись по своимъ домамъ. Въ то время, какъ оки пили и забавлялись, король Эдуардъ, стоя на колѣняхъ въ своей молельнѣ, молилъ у Господа помощи: подкрѣпить его выйдти, съ должною честью, изъ предстоящаго труднаго положенія.

На разсвѣтѣ дня король англійскій, вмѣстѣ съ сыномъ, принцемъ гальскимъ, присутствовалъ въ церкви на божественномъ богослуженіи и пріобщался св. таинъ. Выходя изъ церкви, Эдуардъ сдѣлалъ боевыя распоряженія и образовалъ изъ своихъ войскъ три корпуса. Когда распораженія были отданы, когда каждый графъ, баронъ, рыцарь, положительно узнали свои обязанности, король англійскій сѣлъ на небольшаго коня, и съ бѣлой палочкой въ рукѣ, въ сопровожденіи своихъ полководцевъ, объѣхалъ всѣ ряды, убѣждая своихъ сеньеровъ мужественно охранять его честь и защищать его право, въ то же время и обращался ковсѣмъ съ благосклоннымъ и веселымъ видомъ; каждый, слушая и смотря на него, чувствовалъ себя ободреннымъ и крѣпкимъ. Окончивъ осмотръ батальоновъ и всѣхъ ободривъ, онъ возвратился къ своему отряду, приказавъ, такъ какъ наступалъ полдень, воинамъ выпить по чаркѣ и пообѣдать. Послѣ обѣда всѣ возвратились къ своимъ отрядамъ, согласно даннымъ распоряженіямъ, и расположились къ отдыху, чтобъ съ силами свѣжими и бодрыми встрѣтить наступленіе непріятеля. Король Эдуардъ твердо рѣшился не нападать самому; но выжидать наступленія короля французскаго.

Король Филиппъ поднялся также рано утромъ и слушалъ божественное богослуженіе; его окружали всѣ сеньеры; простые же воины были расположены по деревнямъ, окружающимъ Абевиль, нѣкоторые же отряды находились даже въ Сенъ-Рикерѣ. Армія короля французскаго считала въ рядахъ своихъ болѣе 60 тысячь человѣкъ, въ томъ числѣ 10 тысячь генуэзцевъ и значительное число пѣшихъ солдатъ, беспорядочно размѣщенныхъ въ войскахъ; число же Агличанъ едва достигало до 25 тысячь. Дорога между Абевилемъ и Креси сплошь покрывалась войсками. Когда выступилъ король Филиппъ, граждане еще за три мили отъ непріятельскаго лагеря, и еще не видя впереди себя никого, обнажили мечи и двинулись впередъ съ крикомъ: Смерть врагамъ!

Рыцари наступали въ серединѣ этой безпорядочной толпы безъ предварительныхъ распоряженій, безъ инструкцій. Нѣкоторые изъ совѣтниковъ короля встревожились.

— Государь, говорили они, необходимо предварительно опредѣлить движенія отрядовъ, и отдѣлить пѣшихъ отъ конныхъ; иначе первые будутъ подавлены послѣдними. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо послать трехъ или четырехъ кавалеровъ впередъ для разузнанія положенія непріятеля.

Этотъ совѣтъ понравился королю, и онъ тотчасъ-же послалъ четырехъ кавалеровъ, которые такъ близко подъѣхали къ непріятелю, что могли совершенно точно узнать его положеніе. Англичане очень хорошо замѣтили ихъ намѣреніе; но позволили возвратиться безвредно, показывая видъ будто не замѣчаютъ.

Скоро четыре кавалера присоединились къ королю и его совѣтникамъ, ѣхавшимъ въ ожиданіи ихъ тихимъ шагомъ.

— Что новаго? спросилъ нетерпѣливо Филиппъ, и какъ никто изъ кавалеровъ не желалъ говорить прежде своего товарища, то король приказалъ объясниться Моану де-Базель, извѣстному за самаго славнаго кавалера въ мірѣ, принадлежавшему къ арміи короля богемскаго.

— Государь, отвѣчалъ Моанъ де-Базель, я буду говорить по приказанію вашего величества, и согласно съ мнѣніемъ моихъ товарищей. Англичане расположены тремя отрядами, и не имѣютъ никакого желанія отступать. Съ своей стороны я посовѣтовалъ бы остановить войска въ полѣ на цѣлый день, и подождать прибытія арріергарда; утромъ будетъ возможно разсмотрѣть положеніе непріятеля и опредѣлить: съ какой стороны удобнѣе начать аттаку. Повѣрьте, государь, Англичане будутъ ожидать, и сами не начнутъ нападенія. Если же начнется сраженіе теперь, то трудно утомленнымъ войскамъ имѣть дѣло съ непріятелемъ свѣжимъ и отдохнувшимъ.

Король одобрилъ этотъ благоразумный совѣтъ, и вое-

начальники поскакали одинъ къ передовымъ, а другой— къ заднимъ отрядамъ, передать знаменоносцамъ приказаніе короля остановиться.

Передовые, повинуясь приказу, остановились; но задніе, не желая оставаться въ хвостѣ, продолжали подвигаться впередъ. Съ своей стороны и передовые, увидѣвъ приближеніе товарищей, тоже двинулись впередъ. Напрасно король Филиппъ наканунѣ убѣждалъ сеньеровъ быть единодушными безъ зависти и гордости; никто не держалъ обѣщанія, никто не слѣдовалъ совѣтамъ храбраго кавалера Моана де-Базеля. Ни король, ни военачальники, не могли заставить выслушать, а тѣмъ менѣе повиноваться. Было тамъ, говоритъ Фруассаръ, большое число воиновъ и великихъ сеньеровъ, желавшихъ выказать себя, свою силу и важность.

Войска подвигались безъ порядка, безъ начальниковъ и безъ команды; пѣшіе напирались конными, рыцари смѣшивались съ простыми воинами, незная даже гдѣ находились ихъ свиты. Поля исчезли подъ необозримой арміей, а вотъ уже темныя массы лѣса ясно обрисовались на горизонтѣ. Англичане! Англичане! вскричали передовые, замѣтивъ подлѣ себя непріятельскую армію, и тотчасъ начали отступать, испуганные безпорядкомъ, господствовавшимъ въ ихъ движеніи. Задніе же вообразивъ, что передовые ужъ сразились и отступаютъ, бросились въ безпорядкѣ назадъ. Съ каждымъ часомъ увеличивалось общее смущеніе. Король, замѣтивъ, что наступилъ часъ сраженія, внѣ себя («кровь била въ его жилы, говоритъ Фруассаръ; такъ онъ ненавидѣлъ Англичанъ»), кричалъ:

— Выдвиньте генуэзцевъ и начинайте сраженіе во имя Бога и святаго Монсеньера Дени.

Утомленные генуэзцы, прошедшіе пѣшкомъ шесть миль подъ тяжелымъ вооруженіемъ, неимѣли никакого желанія сражаться и громко высказывали это своимъ начальникамъ. Слова ихъ облетѣли всѣ ряды и достигли до графа Алансонскаго, раздраженнаго до крайности.

— Бейте этихъ ногодяевъ, кричалъ онъ, если они отказываются.

Между тѣмъ, какъ генуэзцы колебались и медлили, тихо натягивая свои арбалеты, вдругъ потемнѣло небо, и проливной дождь, съ громомъ и молніей, упалъ на землю. Передъ бурей надъ головами сражающихся пронеслось необозримое количество вороновъ, что опытные кавалеры сочли за знакъ большаго сраженія и пролитія крови.

Когда небо прояснилось, и воздухъ сдѣлался чистъ, солнце ударило прямо въ глаза Французамъ, тогда какъ Англичане спокойно, не двигаясь съ назначенныхъ имъ мѣстъ, наблюдали движенія непріятеля. Корпусъ принца Гальскаго, имѣя впереди и по бокамъ стрѣлковъ, первый ожидалъ приступа.

Генуэзцы наконецъ приготовились и получили приказаніе наступать. Чтобъ устрашить непріятеля, они испустили пронзительный крикъ; но Англичане оставались совершенно неподвижными. Они вторично испустили такой же крикъ и сдѣлали шагъ впередъ; но Англичане продолжали оставаться въ томъ же положеніи. Еще разъ закричавъ еще пронзительнѣе, генуэзцы выдвинулись, натянули свои арбалеты и начали стрѣлять. Тогда англійскіе стрѣлки сдѣлали шагъ впередъ, и градъ стрѣлъ, подобно снѣгу, осыпалъ генуэзцевъ. Послѣдніе никогда не могли равняться въ искусствѣ съ Англичанами; стрѣлы вонзавшіяся въ головы, руки и лица, совершенно смутили и разстроили генуэзцевъ: одни изъ нихъ рвали перевязь своихъ арбатетъ, другіе бросали на землю, и всѣ наконецъ обратились въ бѣгство. Но позади ихъ находились ряды воиновъ; король Филиппъ, недовольный такой слабостью наемниковъ, въ ярости кричалъ:

— Бейте эту сволочь! она только мѣшаетъ намъ.

Воины не заставили повторить себѣ приказанія. Напрасно генуэзцы цѣпились за узды, стремена и оружія, воины рубили этихъ несчастныхъ, падавшихъ подъ ударами мертвыми въ огромномъ числѣ. Во все это время

Англичане продолжали стрѣлять. Ни одна изъ стрѣлъ не пропадала даромъ: они поражали или людей, или лошадей, которыя, падая, увлекали съ собою всадниковъ, остававшихся въ полной невозможности подняться безъ посторонней помощи.

Одновременно съ тѣмъ, какъ воины открывали себѣ кровавую дорогу, сквозь ряды генуэзцевъ, поражая союзниковъ прежде, чѣмъ поразить врага, король Богемскій, окруженный своими приближенными, услыхалъ начало сраженія.

— Что дѣлается въ полѣ? спросилъ онъ Моана де-Базеля, стоявшаго верхомъ подлѣ него.

— Монсеньеръ, отвѣчалъ печально кавалеръ, генуэзцы разстроены, и король приказалъ ихъ убивать. Страшный безпорядокъ въ нашемъ войскѣ. Генуэзцы падаютъ, увлекаютъ другихъ и затрудняютъ всякое движеніе.

— А! отвѣчалъ король; это урокъ для насъ. Гдѣ мессиръ Карлъ, мой сынъ?

— Монсеньеръ, мы этого не знаемъ; но полагаемъ. что гдѣ-нибудь участвуетъ въ битвѣ.

Слѣпецъ король поднялъ руки къ небу, вооруженныя желѣзными перчатками, потомъ опустилъ ихъ на шею лошади.

Сеньеры, сказалъ онъ; вы мои слуги, мои друзья и мои товарищи, я прошу васъ и приказываю вести меня впередъ, такъ чтобъ я могъ самъ поразить врага мечемъ своимъ.

Кавалеры переглянулись. Они понимали всю опасность требованія короля; но, говоритъ Фруассаръ, они любили честь больше всего и—согласились. Изъ опасенія потерять въ сѣчѣ своего государя, они переплели удилами своихъ лошадей, и бросились въ середину враговъ.

Безуменъ и несокрушимъ былъ натискъ этой группы тяжело-вооруженныхъ, подъ предводительствомъ отважнаго слѣпца. Ряды Англичанъ открылись передъ ними, и добрый король Жанъ, собственнымъ мечемъ, поразилъ трехъ или четырехъ враговъ. Храбро сражался онъ и

его товарищи, и всѣ пали. Никто изъ нихъ не возвратился; всѣ были найдены на другой день кругомъ своего государя съ перевязанными лошадьми. Никто не былъ перенесенъ въ отель Бурбоновъ на попеченія королевы и ея вѣрной служанки.

Тогда какъ Жанъ Люксенбургскій погибалъ за споръ короля французскаго, сынъ его, король римскій, явился на поле сраженія; но увидавъ какъ дурно шли дѣла, тотчасъ удалился, *неизвѣстно по какой дорогѣ*, прибавляетъ лѣтописецъ. Добрые рыцари не думали и не поступали такъ; они всегда были впереди, и упрекъ въ постыдномъ бѣгствѣ считался хуже самой смерти. Знаменоносецъ графа Жана Гайнау—сиръ Сенезель, прорубившись сквозь всѣ ряды Англичанъ, очутился на другой сторонѣ раненнымъ; онъ упалъ въ ровъ и вѣроятно тамъ умеръ бы безъ помощи, еслибъ сопровождавшій его пажъ не доставилъ ему новой лошади. Знайте, что сиръ Сенезель никогда не возвращается назадъ по той же дорогѣ, проговорилъ благородный рыцарь; но, по правдѣ сказать, онъ и не могъ этого сдѣлать.

Знатные французскіе сеньеры сражались храбро: они прорвались сквозь ряды стрѣлковъ, и бились съ врагомъ рукопашнымъ боемъ. Отрядъ принца Гальскаго былъ сильно тѣснимъ. Король Эдуардъ окружилъ своего сына цвѣтомъ рыцарства, и назначилъ ему въ помощь отрядъ графовъ: Нармамптона и Арунделя; но самъ оставался въ отдаленіи. Кавалеры, окружавшіе принца, послали гонца къ его отцу.

— Монсеньеръ, сказалъ гонецъ, Французы сильно тѣснятъ и принцъ, вашъ сынъ, изнемогаетъ. Графъ Варвикъ и всѣ другіе сеньеры, окружающіе его, просятъ подкрѣпить ихъ и спасти.

Король посмотрѣлъ на кавалера мессира - Томоса Варвима.

— Мессиръ Томасъ! развѣ мой сынъ убитъ, опрокинутъ или раненъ, что не можетъ обойтись безъ помощи?

— По милости Божіей нѣтъ, отвѣчалъ гонецъ, но битва

продолжается долго, а сынъ вашъ утомленъ, и нуждается въ помощи.

— Мессиръ Томасъ, сказалъ Эдуардъ, возвращайтесь къ тѣмъ, которые послали васъ и скажите имъ отъ меня строгое запрещеніе присылать ко мнѣ за помощью ни по какому случаю, пока сынъ мой живъ. Я желаю, чтобъ сегодня онъ заслужилъ себѣ шпоры, и чтобъ вся честь побѣды принадлежала ему и его окружающимъ.

Съ этимъ отвѣтомъ возвратился кавалеръ, но уже усилія Французовъ значительно ослабѣли. Король Филиппъ, съ отчаяніемъ увидѣлъ своихъ воиновъ таявшими, какъ снѣгъ, подъ ударами Англичанъ, бросился впередъ въ надеждѣ соединиться съ своимъ братомъ—графомъ Алансонскимъ и графомъ Фландрскимъ; но въ это время графъ Жанъ де-Гайнау, увидѣвъ какъ пали тѣ оба доблестные воина, схватилъ подъ узцы лошадь короля и принудилъ осмотрѣться кругомъ: ряды Французовъ рѣдѣли все больше и больше. Изъ всей массы рыцарей и воиновъ, бросившихся въ битву, оставалось на ногахъ одна небольшая горсть.

— Государь! сказалъ графъ Жанъ; уѣзжайте отсюда. Время не терпитъ; не заставляйте убить себя безполезно; если вы теряете теперь, то можете вознаградить себя въ другой разъ.

И онъ силой увлекъ отъ этого злополучнаго мѣста, гдѣ оставалось безжизненными столько благородныхъ сеньёровъ. Короля провожали только четыре барона, и еслибы непріятель преслѣдовалъ ихъ, то король французскій попалъ бы въ плѣнъ, но Англичане торжествовали побѣду и не двинулись съ мѣста для преслѣдованія бѣглецовъ.

XV.

Несчастный король бѣжалъ, оплакивая своихъ павшихъ друзей и наконецъ достигнулъ замка Бре. Ворота были заперты, и подъемный мостъ поднятъ, когда шестеро

кавалеровъ потребовали входа. Извѣстенъ былъ исходъ сраженія, и кастелянъ, оставивъ ужинъ, вошелъ на валъ.

— Кто стучитъ въ такой часъ? спросилъ онъ звучнымъ голосомъ.

Графъ Жанъ де-Гайнау выступилъ впередъ, но король его остановилъ.

— Отворите, сказалъ онъ, это несчастный король Франціи.

Сиръ тотчасъ же побѣжалъ къ воротамъ, мостъ опустился, и король въѣхалъ. Онъ былъ истощенъ, его каска и кирасса носила ясные слѣды битвы; подъ нимъ были убиты двѣ лошади и съ утра онъ ничего не ѣлъ.

Онъ сѣлъ къ столу, на который супруга кастеляна поспѣшила поставить вино и самыя лучшія кушанья, которыхъ только можно было найдти въ ея домѣ. Король закрылъ лицо руками, съ нимъ никто не осмѣливался говорить. Когда ужинъ былъ приготовленъ, графъ Жанъ тихонько коснулся плеча короля; тотъ задрожалъ и быстро поднялся, на его лицѣ видны были слѣды слезъ.

— Тамъ остались мой братъ и столько моихъ лучшихъ друзей и товарищей! наконецъ высказалъ онъ.

Кавалеры были печальны, какъ и онъ, при всемъ своемъ истощеніи, они не могли коснуться до кушаній. Въ полночь король уѣхалъ, не желая рисковать попасться въ плѣнъ, и достигъ до Аміена. Тамъ король остановился, высказавъ желаніе не ѣхать далѣе, не узнавъ истины, какъ о воинахъ, оставшихся на полѣ битвы, такъ и о спасшихся. Отсюда онъ отправилъ кавалера въ Парижъ къ супругѣ своей королевѣ, находившейся въ сильномъ безпокойствѣ, также какъ ея невѣстка герцогиня Бурбонъ и ея двоюродная сестра королева Богемская.

Малочисленный кортежъ короля бѣглеца скакалъ къ Аміену, а король англійскій сошелъ съ возвышенія, на которомъ находился весь день. Наступила ночь; не слышно было ни звука, ни крика, ни призыва какого-нибудь

сеньера; на полѣ сраженія зажгли факелы и развели костры. Молодой принцъ находился еще среди бароновъ, такъ доблестно ему служившихъ. Его отецъ подошелъ къ нему и взялъ за руку.

— Сынъ мой, сказалъ онъ, да сохранитъ васъ Богъ подъ своимъ покровительствомъ, вы храбро вели себя и достойны своего наслѣдства.

Смущенный молодой человѣкъ преклонилъ колѣна и поцаловалъ руку отца.

— Я вамъ всѣмъ обязанъ, скромно отвѣчалъ онъ.

Король Эдуардъ запретилъ всякое публичное выраженіе торжества въ то время, когда оплакивали въ Парижѣ; въ лагерѣ Англичане поздравляли другъ друга скромно и тихо. Глубокая скорбь царствовала во Франціи; прекрасная внѣшность арміи, храбрость сеньеровъ, командовавшихъ ею, превосходство числа, правота короля Филиппа внушили самымъ недовѣрчивымъ полную увѣренность въ побѣдѣ; мало людей должнымъ образомъ оцѣняютъ всю важность въ военныхъ дѣйствіяхъ искусства главнаго начальника и единства движеній. Трауръ обнималъ отель Бурбоновъ; королева Богемская оплакивала потерю мужа и трона, герцогиня Бурбонская своего отца, графа Алансонскаго, видѣла корону колеблющеюся на головѣ короля Филиппа, и безпокоилась сильно объ участи мужа, продолжавшаго воевать въ Гасконіи. Одетта переходила отъ одной принцессы къ другой, расточая имъ всѣ сокровища утѣшенія, почерпаемыя ею въ любви къ Богу и ближнимъ. Не смотря на благотворительную дѣятельность и религіозное направленіе, ни Беатрича Бурбонская, ни Изабелла Французская не понимали нравственнаго значенія потерь; они оплакивали радости и блага земныя, не касаясь небеснаго.

— Что остается мнѣ? говорила королева своей вѣрной служанкѣ, у меня нѣтъ дѣтей, а дѣти моего мужа проклинаютъ меня, и я не желаю возвращаться въ Богемію жертвой ихъ презрѣнія. Я желала бы, Одетта, на

земляхъ моего удѣла основать монастырь, въ который вошли бы мы, ты начальницей, а я сестрой Беатричей.

Одетта улыбнулась; досадливо посмотрѣла она на королеву, желавшую укрыть свое вдовство подъ религіозный покровъ.

— Я скоро войду въ Каросскій монастырь, отвѣчала она, гдѣ и совершу мое послушничество и постриженіе, а когда вы, государыня, оснуете свой монастырь, тогда призовите меня, если вамъ будетъ угодно.

— Это будетъ тотчасъ же, какъ скоро пріѣду въ свои владѣнія, отвѣчала королева, развѣ ты хочешь меня оставить, Одетта?

— Государыня, я и такъ остаюсь здѣсь очень долго, сказала молодая дѣвушка, поднимая глаза, полныя слезъ, я томилась о Бретани, о дорогахъ, по которымъ я такъ недавно проѣзжала. Графиня Жанна де-Пентьеврь возвращается въ Нантъ, и она возметъ меня въ свою свиту, если вы позволите.

Королева покраснѣла.

— Ты никогда меня не любила, сказала она съ досадой.

Одетта была всегда чистосердечна.

— Я неосмѣлилась бы, отвѣчала она и потомъ прибавила еще тише, я ежедневно молюсь за васъ, государыня.

Королева сдѣлала ей знакъ удалиться. Оставшись одна, она прижала лицо къ рѣзной спинкѣ своего большаго кресла.

— Гдѣ я найду отвѣтъ моему сердцу? шептала она.

Былъ конецъ сентября, мѣсяцъ спустя послѣ сраженія при Креси; кортежъ Жанны де-Пентьеврь, соперницы Жанны де-Монфоръ, пересѣкалъ равнину, окружающую Нантъ; лошади утомились, день долгій, подвигались медленно. Одетта съ глазами, наполненными слезами, и сердцемъ, взволнованнымъ различными ощущеніями, смотрѣла на поля, по которымъ проѣжала такъ недавно счастливая юностью и надеждой. Вдругъ она замѣтила

въ отдаленіи хижину, увѣнченную крестомъ; на порогѣ полуотворенной двери стояла женщина и звонила въ небольшой колоколъ, у ногъ ея играло дитя. Одетта узнала Марью; ничего не измѣнилось въ хижинѣ прокаженнаго, тоже сочетаніе любви и страданія. Едъ былъ болѣнъ по прежнему, если не болѣе, но Марья его не покинула. Одетта подняла глаза къ небу, видъ Марьи ободрилъ ее.

Она не оставила своего мужа, думала она; Богъ, искупившій насъ на крестѣ, не покинетъ и меня.

И сердце, полное мира и довѣрія, принесла она на другой день въ монастырь.

Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Коросскомъ монастырѣ, заслуживъ общее расположеніе сестеръ, Одетта однажды испросила у начальницы позволеніе переступить монастырскую ограду. Сопровождаемая болѣе старшею сестрой, она направилась по дорогѣ въ Генебонъ. Останавливаясь на каждомъ шагу, оглядываясь кругомъ, она какъ будто припоминала; наконецъ она упала на колѣни близь скалы, возвышавшейся обрывисто въ срединѣ долины. Воины, сопровождавшіе Готье де-Мани въ походѣ, такъ дорого стоившемъ Одеттѣ, разсказывали ей, что Обри палъ близь этого камня. Простертая, какъ будто у подножія могилы, Одетта долго оставалась въ такомъ положеніи, лицо ея было ясно.

Что ищете живаго между мертвыми, говорила она вполголоса, смотря на небо.

Погруженная въ горькія и пріятныя воспоминанія, Одетта не замѣтила воина, проходившаго по краю дороги недалеко отъ нея. Хотя вуаль послушницы и была опущена, но ростъ, походка, легкій шепотъ, вылетавшій изъ устъ, привлекли вниманіе прохожаго. Въ безпокойствѣ и волненіи старшая сестра монахиня заторопилась и, желая ускорить движенія молодой дѣвушки, взяла ее за руку. Въ это мгновеніе вѣтеръ поднялъ покрывало новицы. Воинъ бросился, протягивая къ ней руки.

— Одетта! вскричалъ онъ.

При звукѣ этого голоса, она задрожала и упала на колѣни передъ призывавшемъ ее. Ей казалось сномъ; глаза ея, полныя слезъ, то поднимались къ небу, то опускались на Обри.

— Что ищите между мертвыми живаго, повторяла она, живаго, живаго!

Храбрый воинъ радостно поднялъ ее.

— Живаго и свободнаго! Я уже 5 лѣтъ тебя ищу!

— И я, я жду тебя 5 лѣтъ, шептала она, едва сдерживая порывы своего счастія.

Обри говорилъ не совсѣмъ правду; онъ не во все время былъ свободенъ искать ту, которую любилъ. Поднятый Французами, ранившими его и удивленными его преданностью, онъ долго томился въ Каросской тюрьмѣ. Но когда городъ былъ взятъ Бретанцами, вмѣстѣ съ Англичанами, приведенными королемъ Эдуардомъ въ Бретань на помощь графинѣ Жаннѣ, Готье де-Манни нашелъ въ тюрьмѣ и освободилъ своего вѣрнаго слугу, о которомъ, такъ искренно грустилъ. Онъ увезъ его съ собой въ Англію, а потомъ, когда кавалеръ снова прибылъ во Францію съ Эдуардомъ, помогъ ему откупиться. Съ тѣхъ поръ Обри искалъ Одетту; различные слухи ходили о ней: то говорили, что она вышла замужъ въ Богеміи, то умерла въ монастырѣ, то заразилась, ухаживая за больными въ отелѣ Бурбоновъ, то Изабелла французская выдала ее замужъ за своего сенешаля; но Обри все-таки продолжалъ искать. Увлекаемый тайнымъ предчувствіемъ, онъ снова воротился въ Каро, къ тому мѣсту, гдѣ такъ долго страдалъ, и къ которому тоже невольное чувство увлекало и Одетту.

Весь монастырь зналъ исторію Одетты. Старая монахиня отирала невольныя слезы. Когда же молодая дѣвушка, переродившаяся и сіяющая радостью, подъ руку съ Обри вошла въ пріемную комнату, настоятельница приняла ихъ обоихъ съ благосклонной улыбкой и дала имъ свое благословеніе. Супружество ихъ было освящено

въ монастырской церкви; Обри согласился только на самую незначительную отсрочку.

— А то, пожалуй, опять ускользнетъ, говорилъ онъ.

Въ тотъ же день Беатрича Бурбонская, вдовствующая королева Богемская, вышла за мужъ въ Парижѣ за мессира Евстахія Грансея, молодаго Бургонскаго сеньера, и въ этотъ разъ отдала свое сердце.

Жанна де-Монфоръ продолжала войну съ Жанной де-Пентьевръ, заступившей мѣсто мужа, пораженнаго и попавшаго въ плѣнъ. Между двумя женщинами длилась самая упорная и жаркая борьба. Обри и Одетта въ уединеніи мирно наслаждались своимъ счастіемъ; они боялись только набѣговъ рыцарей и грабительства воиновъ.

— Я тебя защищу, говорилъ Обри, когда Одетта содрогалась при извѣстіяхъ о новыхъ, безпрерывно смѣняющихся, битвахъ.

И она останавливала на немъ довѣрчивые взоры.

Отъ графини къ королевѣ, изъ Бретани во Францію, изъ Франціи въ Богемію — Богъ хранилъ меня; Онъ сохранитъ и моего Обри!

Русскій тюремный вопросъ въ старину.

I.

Судя по дошедшимъ до насъ историческимъ памятникамъ, въ древней Россіи не употреблялось даже и слова „тюрьма", ибо въ ней не особенно и нуждались: большинство преступниковъ, до рѣшенія ихъ дѣлъ, оставалось, по господствовавшему тогда твердому обычаю „на порукахъ" у обществъ и частныхъ лицъ, отвѣчающихъ „*головой*" за исчезновеніе взятыхъ ими на поруки; поэтому первые зорко стерегли послѣднихъ и на волѣ; подъ стражу-же брали только такихъ, которымъ, по ихъ „безпутству", не удавалось достать поручителей. Помѣщали этихъ „колодниковъ въ погребахъ, ямахъ—подъ землею" и даже въ „клѣткахъ", вслѣдствіе суровости нравовъ далекихъ нашихъ предковъ. Устраивать подземные остроги впервые воспрещено было въ 1560 г. Подчинялись эти „остроги", три столѣтія тому назадъ — намѣстникамъ, перешли потомъ въ вѣдѣніе „излюбленныхъ людей, губныхъ старостъ и цаловальниковъ". Въ то время правительство ни одежды, ни пищи не отпускало колодникамъ, а ихъ снабжали, чѣмъ и какъ могли—ихъ родственники; безродные-же „скованные по 2, ходили поочередно, со сторожами, по торгамъ и дворамъ за милостынею", и ею довольствовались. Этотъ патріархальный способъ содержанія колодниковъ долго считался правильнымъ и успѣшно практиковался преимущественно потому, что простодушные и религіозные предки наши, начиная отъ царей

и кончая простолюдинами, охотно подавали колодникамъ милостыню, въ надеждѣ получить за это, на томъ свѣтѣ, отпущеніе части своихъ грѣховъ.

Тяжкая жизнь колодниковъ начала видоизмѣняться и отчасти системазироваться только въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Такъ, въ 1641 году, поручено было воеводамъ назначать особыхъ «цаловальниковъ» для завѣдыванія «колодниками», а въ уложеніи 1648 г. находимъ уже «тюрьму», какъ дополнительное наказаніе къ тѣлесному, за различныя преступленія; при этомъ приказывалось: а) строить тюрьмы на счетъ городовъ и уѣздовъ; б) сторожей избирать изъ «сошныхъ людей»; в) приставникамъ производить жалованье изъ «скуднаго приказа»; г) колодникамъ «черной избы» давать прокормежныя; д) умершихъ колодниковъ отдавать, для погребенія, родственникамъ, а безродныхъ—хоронить на казенный коштъ; е) за побѣгъ колодниковъ взыскивать съ приставниковъ, — и и) губнымъ старостамъ наблюдать за колодниками и зданіями, въ которыхъ они помѣщались. Въ царствованіе Өеодора Алексѣевича предписывалось: вслѣдствіе значительнаго повсюду скопленія колодниковъ,—оправданныхъ судомъ отпустить по домамъ, безъ порукъ (въ 1667 г.); разобрать правильно ли содержатся люди въ тюрьмахъ; а тюремщикамъ воспрещено было взимать въ свою пользу „влазный" сборъ съ приводимыхъ подъ стражу людей, которые платили, какъ видите, еще деньги собственно за то, что „влѣзали" въ остроги (въ 1676 г.). Въ 1700 г. установлено доставлять о колодникахъ отчетность Сенату, а симъ послѣднимъ — въ Кабинетъ, чтобы пріобрѣсть возможность слѣдить за ихъ численностію. Далѣе забота о матеріальномъ положеніи колодниковъ ограничивалась тѣмъ, что послѣдовательно предписано: мѣнять солому для ихъ подстилки—въ 1717 г.; кормить ихъ на счетъ челобитчиковъ—въ 1720 г.; а предполагая, что этимъ способомъ они обезпечены отъ голоду, запретили имъ ходить по улицамъ собирать милостыню—въ 1722 г., затѣмъ въ виду скудности пропитанія, доставлявшагося челобитчиками: чиновнымъ подсудимымъ—назначено содержаніе, а остальнымъ разрѣшили, по прежнему, собирать подаянія и пи-

таться ими — въ 1726 г. Наконецъ постепенное уменьшеніе количества подаянія, вслѣдствіе размноженія колодниковъ, побудило правительство назначить имъ, разновременно, по ходатайству нѣсколькихъ губернаторовъ (въ 1736, 1737 и 1744) и казенное продовольствіе, безъ опредѣленія, впрочемъ, въ чемъ именно оно должно заключаться.

Мысль о полезности *исправленія* колодниковъ впервые получила практическое примѣненіе въ Россіи въ царствованіе Екатерины II—учрежденіемъ для мужчинъ и женщинъ домовъ Смирительныхъ — въ 1775 г.—«для огражденія общества отъ великихъ продерзостей, добронравіе повреждающихъ, и потому бываютъ нужны, для общаго благочестія и спокойствія семей», и Рабочихъ—въ 1783 г.,—для содержанія осужденныхъ за кражи, грабежи и мошенничества. Въ развитіе мысли о необходимости введенія въ тюрьмахъ исправительнаго элемента, Екатерина вторая сама написала (въ 1787 г.) проектъ устава о тюрьмахъ, которыя полагала завести въ Россіи, уголовныя, гражданскія (съ раздѣленіемъ на подстражныя, приговорныя и осужденныя отдѣленія) и пересыльныя; но проектъ этотъ по различнымъ, достовѣрно, однако, неизвѣстнымъ причинамъ, оставленъ безъ примѣненія; попеченіе-же о матеріальномъ улучшеніи быта колодниковъ, Екатерина проявила опредѣленіемъ количества кормовыхъ здоровымъ и больнымъ колодникамъ въ 1878 году, и разрѣшеніемъ пользовать послѣднихъ на счетъ казны—въ 1796 г. Наконецъ въ царствованіе Павла Петровича ничего выдающагося о тюрьмахъ предпринято не было.

И такъ, до царствованія Императора Александра I, тюрьмы не получили, въ сущности, никакой сколько-нибудь приличной организаціи, отчего колодники томились въ заключеніи только въ прямой ущербъ интересамъ государственнымъ. Александръ Павловичъ, желая исправить, доставшуюся ему отъ предшественниковъ, эту важную часть государственнаго управленія, началъ съ того, что издалъ указъ о постройкѣ въ Малороссіи остроговъ 3-хъ разрядовъ, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ различно содержали арестантовъ; потомъ повелѣлъ губернскимъ прокурорамъ слѣдить за скорѣйшимъ разрѣшеніемъ

арестантскихъ дѣлъ и ревизовать смирительные и рабочіе дома (въ 1802 г.); тоже самое вмѣнено было въ обязанность и губернаторовъ въ 1803 г.

Между тѣмъ тревожное состояніе Европы, происходившее отъ успѣшныхъ завоеваній Наполеона I, а затѣмъ наша собственная съ нимъ война, произвели неизбѣжный застой во всѣхъ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, въ томъ числѣ, разумѣется, и въ тюремномъ. Въ то же время чувство патріотизма увлекло въ армію всѣхъ тогдашнихъ передовыхъ русскихъ людей, которые, пробывъ довольно долго за-границею, успѣли близко ознакомиться съ тамошними порядками, учрежденіями, положеніемъ гражданъ и во многомъ столь быстро просвѣтились, что вернулись въ Россію съ значительнымъ запасомъ прогрессивныхъ и гуманныхъ идей. Обстоятельство это, въ связи съ цивилизующимъ началомъ, проистекающимъ вообще изъ войнъ, оправдывало желаніе общества обновить и собственный внутренній нашъ бытъ. Всѣ эти взгляды раздѣлялъ, какъ извѣстно, и Императоръ Александръ, отличавшійся, кромѣ того, истинною религіозностію, и потому онъ считалъ полезнымъ дать просторъ и благотворительности, которая хотя и изстари коренилась въ нашихъ правахъ, но во многихъ случаяхъ она, безъ почина правительства, не могла рельефно выказываться. Оттого въ учрежденное Александромъ Павловичемъ, въ 1816 г., Человѣколюбивое Общество сразу явилось множество членовъ, жаждавшихъ безкорыстной дѣятельности для блага ближнихъ, ктобъ они не были безразлично. Руководствуясь изреченіемъ Спасителя «и въ темницѣ бѣхъ — и пріидосте ко мнѣ», Александръ Павловичъ предоставилъ членамъ этого общества право «посѣщать заключенныхъ», по примѣру обществъ, существовавшихъ за границею.

Вмѣшательству въ тюремную жизнь представителей филантропіи предшествовало и заграницею грустное положеніе тюремъ. Началось и велось это дѣло съ двухъ сторонъ. Квакеры, считая своимъ долгомъ исправлять нравственность преступниковъ,—организовали, въ 1776 году, съ этою цѣлью, въ Филадельфіи, общество, которое, проникнувъ въ тюрьмы, убѣдилось въ ихъ негодности и потому направило все свое стараніе къ измѣненію всей систе-

мы содержанія заключенныхъ. Достигнувъ благопріятныхъ результатовъ, общество распространило о нихъ свѣдѣнія по всей Америкѣ и Европѣ, посредствомъ изданныхъ, по этому предмету, книгъ (въ 1792 и 1794 г.), причемъ вездѣ нашло сочувствіе своимъ воззрѣніямъ. Богатый, молодой англичанинъ Говардъ, захваченный на морѣ въ плѣнъ французами (въ 1756 г.), очутился въ тюрьмѣ и на своей личности извѣдалъ всю тяжесть тогдашняго заключенія. Поэтому, вернувшись изъ плѣна въ Англію, онъ, въ званіи уже шерифа, энергически хлопоталъ объ улучшеніи тюремъ, устроилъ, въ 1785 году, въ Глочестерѣ, пенитенціарій, съ келейнымъ заключеніемъ, путешествовалъ, для изученія этого вопроса, по Европѣ, былъ и въ Польшѣ, Россіи, Турціи, издалъ о своихъ изслѣдованіяхъ 2 книги (въ 1777 и 1784 г.) и, возбудивъ вопросъ о тюремной реформѣ— умеръ, въ 1790 году, въ гор. Херсонѣ отъ зараженія чумою, при посѣщеніи госпиталя *). Идею Говарда старательно пропагандировали его соотечественники, образовавшіе «Лондонское общество для улучшенія порядка въ тюрьмахъ и исправленія преступниковъ». Труды этого общества, изложенные въ отчетѣ (въ 1816 г.) нашли подражателей и комитеты мужскіе и женскія (послѣднія по инціативѣ г-жи Фрей) возникли въ разныхъ мѣстахъ Англіи, быстро привились и принесли обильные плоды.

II.

Въ числѣ членовъ Лондонскаго общества былъ, также богатый молодой человѣкъ, Валтеръ Венингъ, который отправился, въ 1817 г., въ Петербургъ домогаться распространенія въ Россіи принциповъ, господствовавшихъ въ Англійскомъ тюремномъ обществѣ. Возможность достигнуть задуманной цѣли Венингъ подкрѣплялъ: во-1-хъ, личнымъ благосклоннымъ вниманіемъ, Александромъ Павловичемъ оказаннымъ, въ 1814 г., депутаціи Британскаго Библейскаго общества, а во

---

*) Въ Херсонѣ, на площади, противъ тюремнаго замка, воздвигнутъ Говарду памятникъ.

2-хъ, благопріятными отзывами о немъ и о Россіи своихъ соотечественниковъ. Г. Стевенъ напр. писалъ: „послѣ любезнаго нашего отечества — Россіи свыше предопредѣлено быть наибольшею благотворительницею на землѣ: верховные начальники съ честью—для себя и съ пользою—для другихъ, единодушно подвизаются на служеніе религіи“. Въ Петербургѣ Венингъ, посредствомъ содѣйствія своихъ земляковъ, здѣшнихъ негоціантовъ (въ числѣ ихъ былъ родной его братъ, Джонъ Венингъ), скоро освоился и коротко сошелся съ секретаремъ Русскаго Библейскаго общества В. М. Поповымъ, служившимъ Директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, и находившимся въ близкихъ отношеніяхъ къ тогдашнему министру Духовныхъ Дѣлъ и Просвѣщенія князю А. Н. Голицыну (онъ былъ и президентомъ Библейскаго и Человѣколюбиваго обществъ). Поповъ, одобривъ мысль Венинга, познакомилъ его съ княземъ Голицынымъ, а послѣдній, съ юныхъ лѣтъ пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ Александра Павловича, представилъ ему Венинга. Императоръ настолько заинтересовался планомъ Венинга, что приказалъ Голицыну «войти съ нимъ въ совѣщаніе о томъ: какимъ способомъ приложить тѣ начала, какими подобныя общества руководствуются, къ образу здѣшняго управленія», да разрѣшилъ ему осмотрѣть московскія, тверскія и петербургскія тюрьмы *), которыя находились въ исключительномъ вѣдѣніи полицейской администраціи, подъ надзоромъ губернаторовъ и прокуроровъ, какъ помянуто выше.

Изучивъ бытъ петербургскихъ мѣстъ заключенія, Венингъ представилъ Голицыну «доношеніе о состояніи тюремъ и прочихъ мѣстъ заключенія въ Петербургѣ» и «записку, содержавшую въ себѣ «общія замѣчанія о лучшемъ содержаніи тюремъ». Голицынъ доложилъ оба документа Александру Павловичу и по его повелѣнію копію съ «доношенія»—передалъ, 8 марта 1818 г., бывшему въ то время петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, графу М. А. Милорадовичу, для «немедленнаго улучшенія мѣстъ заключенія столицы».

*) Смотрители тюремъ не имѣли тогда даже и единообразной инструкціи какъ дѣйствовать, по этому руководствовались приказаніями своихъ начальниковъ и личными соображеніями.

Содержаніе «доношенія» ярко рисуетъ истинное состояніе тогдашнихъ тюремъ, отчего изложимъ это доношеніе въ сокращенномъ видѣ. Начинается доношеніе со съѣзжихъ дворовъ (частей), гдѣ страданія несчастныхъ, обыкновенно, начинаются. Нашелъ Венингъ эти мѣста неспособными къ помѣщенію человѣчества: мужчины и женщины, виновные и невиновные, молодые и старые—всѣ вмѣстѣ толпились въ одной комнатѣ; если-же гдѣ и имѣлась двѣ комнаты, то между ними существовали сообщенія: мужчины помѣщались—во внутренней, а женщины—въ передней, подъ карауломъ солдатъ; всѣ комнаты были подземныя, сырыя, темныя, безъ кроватей; воздухъ въ нихъ былъ дурной; люди всѣ были праздны и жаловались на недостатокъ хлѣба; въ съѣзжей одной комнатѣ было 20 мужчинъ и 7 женщинъ; но сказывали, что помѣщалось и 60 человѣкъ вдругъ. Тамъ-же видѣлъ онъ «*5 стульевъ съ цѣпями*. Тяжелыя сіи стулья *колодники таскали на себѣ*». Въ другомъ мѣстѣ Венингъ замѣтилъ, что „бѣдная дѣвушка, которая попала въ сіе мѣсто хоть на одну ночь — должна была потерять всякое чувство добродѣтели и приготовиться на жизнь развратную и несчастную“. Венингъ назвалъ съѣзжіе „истиннымъ разсадникомъ порока, въ семъ обильномъ городѣ“. О казаматахъ Управы Благочинія Венингъ говоритъ, что „двѣ низменныя комнаты были сыры и нездоровы; въ первой готовили пищу и помѣщались женщины, которыя хотя и были отгорожены, но на виду всѣхъ прохожихъ; ни кроватей, ни постелей въ нихъ не было, а спали женщины на настланныхъ доскахъ; въ другой комнатѣ было 26 мужчинъ и 4 мальчика; изъ нихъ трое мужчинъ были *въ деревянныхъ колодкахъ*; въ этой комнатѣ содержалось и до 100 чел., которымъ негдѣ было прилечь ни днемъ, ни ночью. Комната для колодниковъ высшаго состоянія находилась почти въ землѣ; попасть въ нее можно было только чрезъ лужу; комната эта должна порождать болѣзни и преждевременную смерть. „Въ смирительномъ домѣ комнаты были также грязныя; воздухъ въ нихъ чрезвычайно былъ дурной, а видъ колодниковъ показывалъ ихъ недостатки во всемъ“. Тутъ Венингъ „видѣлъ“ колодниковъ, *привязанныхъ за шею, и женщинъ въ рогаткахъ*, на ко-

торыхъ имѣлись *по 3 острыхъ спицъ*, длиною 8 дюймовъ и такъ вдѣланы, что женщины не могли ложиться, ни днемъ, ни ночью. Мучили такъ женщинъ, по удостовѣренію Венинга изъ угожденія тѣмъ, кто ихъ отдалъ въ сіе мѣсто (помѣщеніе). Въ рабочемъ домѣ Венингъ нашелъ «въ одной комнатѣ почти въ землѣ, длиною 11, а шириною 21 футъ, 107 колодниковъ малыхъ, взрослыхъ, старыхъ, — всѣхъ вмѣстѣ безъ всякаго занятія. *Отъ* этой *тѣсноты* десятый человѣкъ въ недѣлю переправлялся въ больницу, а *Чаровъ, 72 лѣтъ, сидѣлъ тамъ съ 15 января 1789 г. уже 22 года*». Нѣкоторые колодники тамъ же были *въ цѣпяхъ, а караульные солдаты имѣли сообщеніе съ колодницами*. Лазаретъ съ 9 больными помѣщался почти въ землѣ, отчего стѣны комнаты были сыры, мокры и съ нихъ текло». О кордегардіи Губернскаго Правленія Венингъ отозвался, что «дворъ, ведущій къ этой тюрьмѣ, былъ чрезвычайно грязенъ; нужныхъ мѣстъ не чистили *нѣсколько лѣтъ*, и такъ заразили воздухъ, что почти невозможно было сносить зловонія. Въ сіи мѣста солдаты водили мужчинъ и женщинъ *одновременно*, безъ всякаго разбора и благопристойности. Въ камерахъ было также темно, грязно, а полъ не мылся съ тѣхъ поръ, какъ *сдѣланъ*. Сидѣло въ одной комнатѣ до 200 чел., и, вмѣстѣ съ величайшимъ, напр. преступникомъ, *окованномъ желѣзами*,—несчастный мальчикъ, за потерю паспорта». Женская комната показалась Венингу «еще худшею, чѣмъ мужская», тѣмъ болѣе, что въ ней «съ женщинами находились днемъ и ночью 3 солдата. Невозможно безъ отвращенія и помыслить о скверныхъ слѣдствіяхъ такого учрежденія», прибавляетъ Венингъ. Наконецъ и городская тюрьма представилась ему то же «грязною, дурною, а потолокъ, въ одной комнатѣ грозившій обрушиться, — подперли столбами при мнѣ», удостовѣряетъ Венингъ; «народъ въ камерахъ былъ напиханъ. Обычай взыскивать съ выпускаемыхъ, изъ этой тюрьмы, по 15 коп. за каждый день ихъ заточенія, а въ случаѣ неимѣніемъ денегъ задерживать людей, какъ должниковъ, очень жестокій, и потому какъ скоро объ этомъ обычаѣ дойдетъ до свѣдѣнія высшихъ—отмѣняется», заключилъ Венингъ.

Для искорененія описаннаго зла Венингъ „запискою“ пред-

лагалъ: 1) установить бдительный надзоръ за арестантами; 2) раздѣлить ихъ по полу, возрасту и роду преступленія; 3) наставлять ихъ въ религіи и нравственности; 4) заставлять ихъ заниматься разными ремеслами, рукодѣльями и не позволять быть въ праздности; 5) въ видѣ дисциплинарныхъ взысканій подвергать ихъ заключенію въ уединенныя мѣста, а за высшіе лишь проступки — на хлѣбъ и воду, съ отмѣною всякихъ тѣлесныхъ наказаній, и 6) къ этой системѣ приспособить и тюремныя зданія. Наконецъ наблюденіе за точнымъ выполненіемъ приведенныхъ пунктовъ, Венингъ полагалъ возложить на членовъ проектированнаго имъ общества. Вотъ эта-то записка и послужила фундаментомъ къ разработкѣ для общества правилъ, которыя Александръ Павловичъ, разновременно, три раза, собственноручно исправлялъ, улучшалъ и наконецъ утвердилъ, 19 іюля 1819 г. «Правила Общества Попечительнаго о тюрьмахъ».

Существенные пункты этихъ правилъ, дѣйствующіе и понынѣ, заключались въ томъ, что Общество дѣлалось совершенно самостоятельнымъ учрежденіемъ, подчинявшимся только Государю Императору и назначаемому Имъ президенту. Состоять Общество должно было изъ людей, «*извѣстныхъ благомысліемъ, честностію и человѣколюбіемъ*». На каждую вакансію члена Общества предоставлялось выбирать и представлять 3-хъ; но утверждался изъ нихъ одинъ изъ кандидатовъ самимъ Государемъ. Высочайшимъ утвержденіемъ имѣлось въ виду придать большее значеніе званію членовъ или директоровъ Общества. Общество уполномочивалось принимать „*приличныя и надежныя мѣры къ составленію и преумноженію капитала*“, который предписывалось расходовать *съ бережливостью*“, исключительно на нужды заключенныхъ; для этого членами и благотворителями могли быть „лица обоего пола, благороднаго, духовнаго и купеческаго званія“; всѣ они обязывались ежегодными, или единовременными (благотворители) денежными взносами. Общество могло принимать пожертвованія и вещами, продуктами и т. под. Относительно заключенныхъ обществу вмѣнялось въ обязанность: а) бдительно надзирать за раздѣленіемъ ихъ по полу, возра-

сту и роду преступленій; б) наставлять ихъ въ религіозныхъ и нравственныхъ предметахъ; в) занимать ихъ умственною, а гдѣ окажется возможнымъ, и физическою работою, и г) строптивыхъ и закоренѣлыхъ преступниковъ приводить въ покорность и раскаяніе мѣрами кротости и человѣколюбія, для чего отдѣлять ихъ отъ прочихъ въ уединенныя мѣста.

Организовалось общество, на первый разъ изъ 30 лицъ обоего пола *), все знакомыхъ назначенному въ президенты общества князю Голицыну, по библейскому и человѣколюбивому обществамъ. Открылъ общество въ Петербургѣ (11 октября 1819 г.) князь А. Н. Голицынъ рѣчью, соотвѣтствовавшею случаю. Потомъ члены избрали изъ своей среды: въ вице-президенты—5-хъ; въ предсѣдатели комитета—барона Б. И. Фитингофа, а въ секретари—М. С. Пилецкаго. Затѣмъ: а) сдѣлали между собою подписку и по ней собрали единовременными и ежегодными взносами 8,500 р.; б) раздѣлились на группы: 6 человѣкъ — для городской тюрьмы, 3 человѣка — для кордегардіи Губернскаго Правленія, 2 человѣка—для арестантской въ домѣ Оберъ-Полиціймейстера, для смирительнаго и рабочаго домовъ — по 3 человѣка на каждый, 4 человѣка—для арестантской Управы Благочинія и 3 человѣка—для съѣзжихъ домовъ; в) получили алфавиты, для вписыванія „чрезъ *ласковые разспросы*“ кто, за что и когда, попалъ подъ стражу; молятся-ли Богу; говѣлъ-ли и когда; желаетъ-ли читать Св. Писаніе; былъ-ли на допросѣ; не рецидивистъ-ли; знаетъ-ли грамоту; имѣетъ-ли платье; какую получаетъ пищу; когда былъ въ банѣ; не ремесленникъ-ли; что побудило кого совер-

*) Митрополитъ с.-петербургскій Михаилъ, архіепископъ тверской Филаретъ (впослѣдствіи московскій митрополитъ), пасторъ Патерсонъ, графъ К. А. Ливенъ, баронъ Б. И. Фитингофъ, Н. Н. Леонтьевъ, князь П. С. Мещерскій, М. Л. Магницкій, М. П. Штеръ, В. М. Поповъ, С. С. Джунковскій, П. А. Галаховъ, П. П. Поміанъ Пезаровіусъ, Р. И. Габлицъ, М. С. Пилецкій, Н. И. Сѣровъ, А. В. Гиршельманъ, А. К. Зенгбушъ, В. В. Венингъ, И. В. Венингъ, баронъ Ф. И. Бруновъ, княгини: С. С. Мещерская, А. С. Голицына, А. М. Щербатова, Н. С. Трубецкая, г-жи: П. М. Толстая, А. Ф. Поміонъ-Пезаровіусъ, Е. И. Бахерахтъ, А. С. Петерсонъ, А. П. Козодавлева, Венингъ, Панкертонъ.

шить преступленіе и раскаявается-ли въ этомъ. Комитетъ (открылись: мужской—11, а дамскій—13 октября 1819 года) въ первомъ-же, того-же числа, засѣданіи, рѣшилъ: малолѣтнихъ арестантовъ учить грамотѣ и легкой работѣ, напр., щипать корпію, водить прогуливаться, нанять для нихъ дядьку, мастера для обученія ихъ сапожному ремеслу и т. д. Въ заключеніе членамъ общества поручено было „*открывать тюремные недостатки и злоупотребленія*.

III.

Кончивъ всю подготовительную работу, члены, съ полною вѣрою въ свое призваніе, принялись за дѣло, тщательно вникали въ него, и, короткое время спустя, подали въ комитетъ множество „доношеній“, въ которыхъ излагали: одни — что имъ требуется содѣйствіе смотрителя городской тюрьмы, который отказывается безвозмездно трудиться, потому, необходимо дать ему, изъ средствъ общества, добавку по 500 руб. въ годъ; другіе—что больные стонутъ безъ медицинскаго пособія, почему надобно достать хорошаго доктора и медикаментовъ, третьи—что въ мѣстахъ заключенія нѣтъ церквей, достаточнаго числа приставниковъ, внутренней дисциплины, одежды, обуви, бѣлья; четвертые — что слѣдуетъ закрыть въ городской тюрьмѣ мелочную лавку, ибо въ ней продаютъ арестантамъ горячіе напитки, табакъ; пятые—что ближайшее наблюденіе за поведеніемъ заключенныхъ слѣдуетъ поручить, по крайней мѣрѣ, хотя лучшимъ изъ нихъ же самихъ избраннымъ, грамотнымъ и безукоризненно себя ведущимъ, назвавъ ихъ "старостами" *), а въ поощреніе ихъ службы опредѣлить имъ нѣкоторое жалованье; шестые—что арестанты не имѣютъ прачешныхъ, столовыхъ, даже голодаютъ: ибо «многіе квартальные *не даютъ имъ кормовыхъ* денегъ, *во избѣжаніе хлопотъ и переписки съ Казенною Палатою*»; седьмые—молча и на свой счетъ, заводили для взрослыхъ арестантовъ

*) Старосты и теперь существуютъ, и вознаграждаются они чаемъ и сахаромъ.

работу — рѣзаніе пробокъ, объясняли, что «изъ *состраданія къ мерзостямъ* въ управской *кардегардіи*» роздали имъ отъ себя: бѣлье, тулупы, валенки; что голодавшимъ несостоятельнымъ должникамъ необходимо назначить на пропитаніе по 25 к. въ сутки; восьмые—что изъ городскихъ священниковъ добровольно и даромъ никто не желаетъ отправлять для арестантовъ богослуженія, по этому слѣдуетъ просить митрополита о назначеніи, для указанной надобности, священниковъ. Короче говоря, журналы 12 ноября, 19 и 28 декабря 1819 г. (окончательно открыто общество 20 декабря), наполнены всевозможными сѣтованіями, просьбами, требованіями, совѣтами и т. д.

Комитетъ, по общимъ вопросамъ, просилъ содѣйствія князя Голицына, а обыденныя недостатки самъ поспѣшилъ устранить отпускомъ денегъ на прибавку смотрителю, на наемъ добавочной стражи, учителя и мастера для малолѣтнихъ, на лекарства, на жалованье старостамъ и т. под. Щедрость комитета объясняется, конечно, тѣмъ, что къ 1820 г. въ его кассу набралось пожертвованіями 80,763 р. 27³/₄ к. ассигн. Значительность этой суммы и быстрое, въ 2 мѣсяца, ея скопленіе объясняется сочувствіемъ Императора Александра, такъ какъ онъ пожаловалъ: единовременно—10,000 р. и ежегодно по 500 р. *) изъ кабинета Его Величества. Примѣръ императора вызвалъ усердныхъ подражателей во всей тогдашней аристократія, которая присоединилась къ обществу своими единовременными и ежегодными взносами.

Такимъ образомъ Общество, вмѣсто преслѣдованія заданной ему специальной задачи—пещись лишь о моральномъ исправленіи заключенныхъ, съ перваго-же приступа къ нимъ, принялось улучшать матеріальное ихъ положеніе по той естественной, разумѣется, причинѣ, что столкнувшись съ не знакомою дѣйствительностью, Общество убѣдилось въ томъ, что никакое благопріятное вліяніе на заключенныхъ не мыслимо до тѣхъ поръ, покуда они будутъ жить «въ смрадныхъ, хо-

*) Эту сумму с.-петербургскій комитетъ получаетъ и понынѣ изъ кабинета Его Величества.

лодныхъ и сырыхъ казематахъ, въ тѣснотѣ, впроголодь и подвергаться, при томъ же, истязаніямъ рогатками, цѣпями и стульями». Справедливое мнѣніе это раздѣлялъ и кн. Голицынъ. Какъ президентъ, онъ искренно стремился къ тому, чтобы труды Общества достигали опредѣленной для него цѣли. Такъ члены узнали напр., что ссылаемымъ: а) въ крѣпостныя работы; б) въ Сибирь—бродягамъ и в) къ слѣдствіямъ и на родину, *ни кормовыхъ, ни одежды—не полагается* (указъ 17 января 1818). Голицынъ потребовалъ объясненія отъ губернатора, и, когда послѣдній подтвердилъ заявленіе членовъ,—тотчасъ-же написалъ (13 февраля 1820 г.) министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею бумагу, въ которой упрекалъ властей въ «недостаткѣ человѣколюбія», выяснилъ суровость закона и просилъ о предоставленіи комитету права снабжать *всѣхъ*, безъ изъянія, пересыльныхъ вещами на ту лишь сумму, какую казна ежегодно издерживала на арестантовъ безъ означенныхъ 3-хъ категорій, съ условіемъ, чтобы казна возвращала комитету только эту именно сумму, и, чтобы введено было правиломъ посылать съ конвоемъ описи *) о выданныхъ арестантамъ вещахъ, въ которыхъ они доходили бы до мѣстъ ихъ назначенія; въ заключеніи предложеннаго способа Голицынъ, отъ имени комитета, присовокупилъ, что въ случаѣ недостатка помянутаго источника, онъ будетъ восполняться средствами Общества. Государь, по докладу Кочубея, повелѣлъ: «всѣмъ пересыльнымъ выдавать кормовыя, одежду и обувь на счетъ казны, а суммы Общества обращать на другіе предметы». Кочубей, сообщивъ объ этомъ Голицыну (въ маѣ 1820 г.), отъ себя прибавилъ, что впредь до передачи обмундировочной части въ вѣдѣніе комитета (о чемъ составлялась инструкція), «всякія наблюденія и замѣчанія комитета по тюремной части, по колику они будутъ относиться къ министерству внутреннихъ дѣлъ»—онъ, Кочубей, «рѣшился всегда принимать съ особеннымъ уваженіемъ и признатель-

*) Описи, названныя впослѣдствіи статейными списками, и по нынѣ препровождаются съ арестантами, и за цѣлость вещей отвѣтствуютъ партіонные офицеры.

ностію». Удовлетворительнымъ исходомъ предстательства за пересыльныхъ Общество избавило многихъ, конечно, изъ нихъ, отъ голода, холода, повторенія преступленій, а легко можетъ статься и даже отъ смерти. Но комитетъ, защитивъ пересыльныхъ отъ страданій—на этомъ не остановился, а немедленно составилъ «правила о способѣ къ наблюденію за снабженіемъ пересыльныхъ всѣмъ нужнымъ» и отправилъ проектъ (1 іюня 1820 г.) къ Кочубею, который, съ соизволенія Государя, утвердилъ эти „правила къ руководству".

Рѣшительная невозможность размѣщенія заключенныхъ, согласно изданнымъ правиламъ, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, заставила Общество изыскивать средства къ расширенію помѣщенія. И вотъ, освѣдомившись, что еще въ 1812 г. было ассигновано въ распоряженіе министерства полиціи на постройку въ Петербургѣ новой тюрьмы 271,842 р.; и что эта сумма сохранилась, въ теченіи 7 лѣтъ, въ цѣлости, потому что къ постройкѣ не приступали—члены сообщили объ этомъ Голицыну, а онъ, съ соизволенія Александра Павловича (въ январѣ 1820 г.), объявилъ комитету о послѣдовавшемъ разрѣшеніи построить на эту сумму тюрьму, съ тѣмъ, чтобы до поселенія въ нее арестантовъ, позаимствовать отъ расположенной рядомъ съ тюрьмою *) гимназіи, флигель и приспособить его для арестантовъ, а квартировавшихъ во флигелѣ 4-хъ учителей выселить на вольныя квартиры, и на наемъ ихъ выдавать имъ по 4,000 р. въ годъ изъ суммъ Общества. Члены Общества избрали изъ своей среды особый комитетъ, который сталъ отыскивать удобное мѣсто для постройки тюрьмы **) и сбиралъ свѣдѣнія: во что обойдется постройка тюрьмы, по какой системѣ создать ее, а въ тоже время пере-

*) Городская тюрьма помѣщалась въ демидовомъ переулкѣ, гдѣ теперь пересыльная тюрьма. Построена она правительствомъ въ 1714 году.

**) Постройка не состоялась, а бывшія Литовскія казармы передѣлали и назвали „Тюремнымъ Замкомъ", въ который и перевели: сперва, въ 1823 г.—часть, а потомъ, въ 1826 г.—всѣхъ подслѣдственныхъ и осужденныхъ арестантовъ, арестантокъ и палачей. Замокъ этотъ,—противъ Литовскаго рынка,—до сихъ поръ служитъ мѣстомъ заключенія.

дѣлалъ флигель, въ который вскорѣ же и перевели малолѣтнихъ, женщинъ и больныхъ.

Осязательные, полезные результаты трудовъ членовъ Общества побудили кн. Голицына, между прочимъ, дорожить и ихъ временемъ; онъ просилъ напр. ихъ „по отношенію къ нему *не стѣсняться никакими формальностями*, а являться къ нему *за просто*, во всякое время, говорить ему *откровенно* обо всѣхъ нуждахъ заключенныхъ, а если кто не застанетъ его дома, записывать на бумагѣ свои заявленія, дабы онъ могъ безотлагательно исполнить все отъ него зависящее“ (12 п. жур. 14 мая 1820 г.). Почетное значеніе званія членовъ открывалъ имъ свободный доступъ и къ другимъ сановникамъ, напр. къ графамъ: В. П. Кочубею, М. А. Милорадовичу и др., охотно удовлетворявшимъ всѣ просьбы членовъ. По ходатайству, напримѣръ, Ив. Венинга освободили изъ подъ стражи 11 лѣтняго мальчика Дорна, котораго Венингъ взялъ къ себѣ, а по представленію комитета семинариста Митенскаго, осужденнаго, по ошибкѣ, къ двойному наказанію,— Александръ Павловичъ совершенно помиловалъ за то, что Митенскій, будучи въ тюрьмѣ, организовалъ хоръ пѣвчихъ, исполнялъ обязанности дьячка и отлично велъ себя; наконецъ, по ходатайству членовъ Общества, многіе неисправные должники и содержавшіеся въ рабочемъ домѣ за неплатежъ податей получили свободу.

Благодаря рвенію и распорядительности членовъ, комитетъ ввелъ обученіе малолѣтнихъ грамотѣ по русски и даже по нѣмецки, ариѳметикѣ, графленію нотъ; должникамъ воспретилъ отлучаться изъ тюремъ, чтобы не возвращались не трезвыми, не проносили запретныхъ предметовъ; для сбора пожертвованій спеціально „на выкупъ должниковъ“ повѣсилъ кружки, напечаталъ и роздалъ арестантамъ подробныя „правила—какъ себя вести; отличавшимся благонравіемъ и трудолюбіемъ раздавалъ денежныя награды, а буйствовавшихъ лишалъ права на полученіе заработка; пригласилъ за плату священниковъ вести съ арестантами, по праздникамъ, религіозно—нравственныя бесѣды; снабдилъ заключенныхъ книгами для чтенія. По настоянію комитета всѣхъ арестованныхъ еже-

недѣльно водили въ баню, мѣняли имъ бѣлье, которое, какъ и одежду, комитетъ-же купилъ для нихъ на свой счетъ; онъ же организовалъ окончательно обширныя мастерскія, открылъ для продажи арестантскихъ издѣлій особый магазинъ; установилъ вознагражденіемъ за трудъ $^2/_3$ изъ чистой прибыли; устроилъ лазаретъ. Мало того: члены—дамы сами учили арестантовъ Закону Божьему, грамотѣ, ремесламъ; брали ихъ на поруки, выкупали, пристраивали къ мѣстамъ (въ 1821 году).

Основываясь на заявленіяхъ членовъ о томъ, что арестантовъ „сковываютъ *безчеловѣчно* въ тѣсные, острые кандалы, производившіе раны на ногахъ", Голицынъ настойчиво просилъ Кочубея воспретить эти истязанія, а потомъ, когда Венингъ выписалъ изъ Лондона кандалы, онѣ были Высочайше утверждены, какъ образцовыя; при этомъ освободили: малолѣтнихъ отъ всякихъ, а женщинъ—отъ ножныхъ оковъ, которыя должны были, сообразно образцамъ, вѣсить не болѣе 5—$5^1/_2$ фун., а обручи повелѣно было обшивать мягкою кожею (въ 1822 г.). Въ свою очередь комитетъ опредѣлилъ отъ себя: въ городскую тюрьму—2-хъ помощниковъ надзирателей и 2-хъ приставниковъ; для надзора за кордегардіями: Губернскаго Правленія, Управы Благочинія, Смирительнаго дома—особыхъ надзирателей; для леченія больныхъ арестантовъ—докторовъ; выкупилъ изъ Рабочаго дома мѣщанина, содержавшагося 6 лѣтъ за неплатежъ податей 45 р. ас.; купилъ посуды для арестантовъ на 500 р., и настолько развилъ мастерскія (клееніе коробокъ, разматываніе и сученіе нитокъ, шитье сапоговъ и переплетеніе книгъ), что образцы этихъ арестантскихъ издѣлій были представлены Голицынымъ Александру Павловичу и удостоились его одобренія (въ 1821 г.). По возбужденнымъ комитетомъ вопросамъ послѣдовали Высочайшія разрѣшенія: а) ввести табель арестантскихъ кормовыхъ; б) производить на дѣтей арестованныхъ — половинное количество кормовыхъ, положенныхъ для ихъ родителей, в) на содержаніе неисправныхъ должниковъ взимать съ кредиторовъ по 25 коп. въ сутки, съ тѣмъ, что если въ теченіи недѣли не будутъ доставлять денегъ, освобождать должниковъ. Комитетъ же своими средствами открылъ: обширную больницу,

кухни и столовыя, для общаго продовольствія арестантовъ (въ 1822 г.).

На основаніи существовавшаго, изстари, обычая, всякій, пожелавшій помочь арестантамъ, впускался въ тюремныя камеры и лично одѣлялъ ихъ провизіею, вещами и деньгами. Обычай этотъ служилъ источникомъ различныхъ безпорядковъ; поэтому комитетъ рѣшился было его отмѣнить, съ тѣмъ, что-бы благотворители: деньги — опускали въ особыя кружки, при входныхъ въ тюрьмы, дверяхъ, а продукты, сдавали надзирателямъ, съ тѣмъ, чтобы изъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ казенными, варить пищу и довольствовать ею *всѣхъ* арестованныхъ; изъ денегъ же, при освобожденіи людей изъ подъ стражи, награждать лишь тѣхъ, которые во время заключенія вели себя безукоризненно. Мѣра эта произвела: среди арестантовъ—ропотъ, а между благотворителями—неповиновеніе новому порядку. Сами смотрители, пользовавшіеся отъ этого источника доходами, поддержали обѣ недовольныя стороны. Комитетъ обратился за содѣйствіемъ къ Генералъ-Губернатору и Губернатору, но изъ нихъ отозвались: первый,— что возбранить желающимъ раздавать арестантамъ въ руки деньги, не считаетъ себя вправѣ, а готовъ приказать смотрителямъ слѣдить за раздачею и потомъ отбирать отъ арестантовъ деньги, которыя возвращать имъ при ихъ выпускѣ изъ тюремъ», а послѣдній,—что «полученіе арестантами денегъ предъ ихъ отправкою изъ столицы, или освобожденіемъ изъ подъ стражи, повлечетъ за собою подкупъ конвойныхъ, побѣги, пьянство и повтореніе преступленій». Комитетъ былъ увѣренъ, что во 1-хъ смотрителя не услѣдятъ за полученіемъ арестантами денегъ; во 2-хъ послѣдніе не станутъ добровольно отдавать первымъ денегъ, въ 3-хъ при отбираніи отъ нихъ денегъ силою, возникнутъ еще худшіе безпорядки; въ 4-хъ усчитать и смотрителей въ томъ: сколько и когда они отобрали и выдали кому денегъ, не представится возможности. Такимъ образомъ между комитетомъ и администраціею завязалась полемика, которая ни одну изъ сторонъ не убѣдила, однако, отказаться отъ своего мнѣнія. Тогда кн. Галицынъ представилъ сводъ всѣхъ мнѣній Императору, а Онъ

повелѣлъ: „распоряженіе всѣми, безразлично, подаяніями предоставить исключительно комитету, по собственному его усмотрѣнію, съ тѣмъ, чтобы никто, и ни съ какой стороны, въ этотъ предметъ больше не вмѣшивался". А что бы и комитетъ поступалъ благоразумно, въ видѣ наставленія, прибавилъ: „изъ тюремъ должно быть изгнано всякое изобиліе, а заключенные должны содержаться въ чистотѣ и опрятности и пользоваться здоровою, но умѣренною пищею." Комитетъ тотчасъ ввелъ для денегъ „артельные ящики", (кружки), а сборомъ изъ нихъ денегъ комитеты, по нынѣ, распоряжаются по всей Россіи.

Заслуженное повелѣніе это дало комитету поводъ выразить князю Голицыну признательность за „горячее содѣйствіе къ благополучному исходу этого дѣла". Признательности этой князь однако не принялъ, а написалъ на журналѣ: „я только исполнилъ свою должность." И онъ дѣйствительно прекрасно исполнялъ „свою должность": воодушевлялъ членовъ, горячо поддерживалъ въ нихъ энергію, обращался съ ними „за просто, откровенно", защищалъ всѣ ихъ справедливыя мнѣнія и даже иногда сдерживалъ порывы ихъ неудовольствія многократныя, напр., возмущенія арестантовъ различными нововведеніями, казавшимися имъ вредными, для нихъ, вынуждали нѣкоторыхъ членовъ просить объ усиленіи отвѣтственности надзирателей и о взысканіи съ арестантовъ. На это Галицынъ неоднократно замѣчалъ, что „наказанія не касаются общества, обязаннаго дѣйствовать на нравственность заключенныхъ мѣрами, предоставленными оному правилами". И только разъ, когда арестанты городской тюрьмы сильно взволновались, Голицынъ согласился перевести зачинщиковъ, на время, въ крѣпость (4 пун. жур. 22 января 1822 г.); о предѣлахъ же власти смотрителей, и объ ихъ отношеніяхъ къ комитету, предложилъ послѣднему составить особую инструкцію *). Въ довершеніе всего комитетъ устроилъ церковь, исходатайствовалъ назначеніе въ нее причта,

---

*) Утвержденіе ея затянулось до 1831 года.

заставилъ его, за жалованье, назидать арестантовъ, окончательно исправилъ зданія, добился ассигнованія денегъ, на освѣщеніе мѣстъ заключеній, завелъ, въ тюрьмахъ статистическую и денежную отчетности, установилъ форму арестанской одежды, которую Александръ Павловичъ повелѣлъ строить на счетъ казны, одѣлъ, обулъ арестантовъ и, окончательно, усадилъ ихъ за работу (въ 1822 г.).

Между тѣмъ, независимое, по служебнымъ правамъ, положеніе тюремной админисраціи отъ комитета, причиняли ему самые разнообразныя препятствія къ установленію правильнаго теченія арестантской жизни, не смотря и на оказываемыя ей комитетомъ матеріальныя пособія; комитетскіе надзиратели, часто мѣняемые, не въ состояніи были, безъ помощи администраціи, удовлетворять желаніямъ комитета; усилить караульную стражу—комендатъ отказался по „недостатку солдатъ". Комитетъ и избралъ въ вице-презеденты Оберъ-Полиціймейстера, Генералъ-Лейтенанта И. В. Гладкова, въ увѣренности, что онъ, за оказанную ему честь, какъ непосредственный начальникъ администраціи городской тюрьмы, управы и съѣзжихъ домовъ, своею властію, поможетъ комитету выйти изъ затрудненія. Но Гладковъ, явившись въ засѣданіе комитета, занялъ предсѣдательское мѣсто и категорически отказался уступить его предсѣдательствовавшему по выбору комитета со времени его основанія,—барону Б. И. Фитингофу, «до тѣхъ поръ, пока президентъ ему разъяснилъ: можетъ ли комитетъ выбирать, по своему произволу, въ предсѣдатели лицо низшее чиномъ, въ присутствіи другаго, высшаго чиномъ?» комитетъ отказался засѣдать подъ предсѣдательствомъ Гладкова, а составилъ, о случившемся, журналъ и представилъ Голицыну, который, по волѣ Александра Павловича, объявилъ комитету, чтобы «во всѣхъ комитетахъ занималъ всегда первое мѣсто и предсѣдательствовалъ старшій *) (лѣтами, чиномъ, должностью, или по времени утвержденія въ званіи не было означено). И въ здѣшнемъ мужскомъ посѣтительномъ

*) Предсѣдательство впослѣдствіи предоставлено было старшему чиномъ.

комитетѣ надлежитъ председательствовать по званію старшаго вице-президента, оберъ-полиціймейстеру, ген. лейт. Гладкову; но какъ онъ весьма занятъ своею должностью, то *невозможно поручить ему руководство письменныхъ дѣлъ, которое должно оставаться на отвѣтственности старшаго по немъ* вице-президента (разумѣлся Фитингофъ, тайный совѣтникъ и камергеръ), или директора; журналы же оберъ-полиціймейстеръ подписываетъ тѣхъ только засѣданій, въ коихъ, онъ предсѣдательствовалъ, а подъ нимъ подписывается вице-президентъ, или старшій директоръ. 26 февраля 1822 г.) Повелѣніе это имѣло, такимъ образомъ въ виду: съ одной стороны—удовлетворить тщеславіе Гладкова и поддержать дисциплину, а съ другой стороны—оставить дѣло въ надежныхъ рукахъ Фитингофа и заявить комитету, что Гладковъ не способенъ справиться съ двумя должностями. Гладковъ, выигравъ споръ въ принципѣ *„по невозможности поручить ему руководство письменныхъ дѣлъ»*—долженъ былъ-бы понятно, удалиться изъ комитета, который, ктомуже столь рѣшительно отказался имѣть его предсѣдателемъ; но онъ на противъ сталъ являться во всѣ засѣданія предсѣдательствовать, почему комитетъ вступилъ съ нимъ, по всѣмъ предметамъ, въ явную оппозицію. Онъ напр., заявилъ о „нерачительности комитетскаго доктора Вейса“, а комитетъ призналъ Вейса отличнымъ докторомъ „какъ всѣмъ извѣстно“. Мало того: постановилъ, что тюремная администрація не отвѣчаетъ своему назначенію и цѣлямъ комитета, а прекращеніе, въ тюрьмахъ, безпорядковъ, есть прямая обязанность администраціи, непосредственный начальникъ котораго оберъ-полиціймейстеръ, предсѣдатель комитета; по этому комитетъ уменьшилъ производившееся изъ его средствъ, жалованье полицейскимъ чинамъ и т. д. Пререканія комитета съ Гладковымъ, конечно, тотчасъ-же устранились-бы, если-бы Голицынъ оставался президентомъ, но онъ 22 іюля 1822 г. былъ уволенъ отъ этой должности; при чемъ огорченый этимъ событіемъ, комитетъ „движимый чувствомъ живѣйшей признательности къ князю А. Н. Голицыну, за благотворное, истинно отеческое попеченіе и содѣйствіе къ открытію обще-

ства, къ распространенію его полезной дѣятельности, за способствованіе своимъ ходатайствомъ къ приведенію въ исполненіе многихъ предположеній, имѣвшихъ цѣлію облегчить участь несчастныхъ узниковъ улучшеніемъ нравственнаго и физическаго ихъ состоянія—постановилъ: засвидѣтельствовать князю А. Н. Голицыну глубочайшую признательность комитета особымъ отношеніемъ за подписью новаго призидента.

IV.

Новымъ этимъ президентомъ оказался тогдашній государственный контролеръ, тайный совѣтникъ баронъ Б. Б. Компенгаузенъ. Для прекращенія пререканій комитета съ Гладковымъ, Компенгаузенъ началъ самъ предсѣдательствовать и направлять дѣло, которое пошло прежнимъ порядкомъ. Приставниковъ комитетъ нанималъ уже такихъ, чтобы они были «сотрудниками членовъ»; посѣщать арестованныхъ родственниками, установилъ только трижды въ недѣлю, а не ежедневно, какъ было прежде; для свиданій отвелъ особыя комнаты, а въ камеры запретилъ ходить постороннимъ лицамъ; къ казеннымъ кормовымъ по 15 к. прибавилъ отъ 6 до 9 к. въ сутки на человѣка изъ своихъ суммъ (въ 1822 году). Тѣмъ временемъ, о дѣятельности петербургскихъ мужскаго и дамскаго комитетовъ, распространилось далеко за предѣлами Россіи, и знаменитая, въ тюремной филантропіи, англичанка Елизавета Фрей, узнавъ объ этомъ, прислала здѣшнему дамскому комитету письмо, въ которомъ, между прочимъ, «удивлялась великимъ преимуществамъ, коими пользуются россіяне, имѣя Монарха, столь ревностно покровительствующаго и поощряющаго всякое доброе дѣло».

Устроивъ тюремную часть на прочныхъ основаніяхъ, комитетъ пошелъ дальше—сдѣлалъ обязательнымъ обученіе грамотѣ и для взрослыхъ; мастерскія расширилъ, ремесленникамъ поручилъ учить неумѣлыхъ товарищей; для установленія порядка при выкупѣ должниковъ составилъ, генералъ-губернаторомъ утвержденныя, правила (дѣйствующія и теперь), по которымъ выкупу подлежалъ только тотъ, о комъ членъ со-

бралъ, во всѣхъ отношеніяхъ, удовлетворительныя справки, имена выкупленныхъ и жертвователей на выкупъ—предписывалось оглашать въ газетахъ; самихъ должниковъ перемѣстилъ въ нанятый комитетомъ домъ, чтобы ихъ не смѣшивать съ арестантами (1823 г.).

Компенгаузенъ, принадлежавшій къ сподвижникамъ Аракчеева, въ короткое время своего президентства, такъ сильно утомился энергіею «*вольныхъ* филантроповъ», что въ письмѣ къ Аракчееву называлъ ихъ «*пестрымъ сборищемъ высокопарныхъ философовъ, чувствительныхъ филантроповъ, просвѣщенныхъ дамъ и людей простодушныхъ*», подъ давленіемъ которыхъ «иногда рѣшаемся подписать и что-нибудь уродное, чтобъ только не совсѣмъ разладиться съ ними». Не долго, онъ, однако, уступалъ, а началъ стѣснять вступленіе въ члены общества; созывалъ весь комитетъ и самъ въ немъ предсѣдательствовалъ, стараясь, этимъ маневромъ, уничтожить значеніе посѣтительнаго, работнаго и хозяйственнаго комитетовъ; уклонялся отъ содѣйствія комитету, допустилъ распоряжаться Гладкову единолично, какъ оберъ-полицiймейстеру; наконецъ рѣшилъ съузить свободу дѣйствій комитета составленными «примѣчаніями о правильномъ дѣйствованіи комитетовъ, и о званіи президента». Противъ этихъ «примѣчаній» сильно возстали всѣ члены и изъ нихъ многія прислали свои совершенно солидарныя о примѣчаніяхъ мнѣнія изъ разныхъ мѣстъ; напр. Фитингофъ — изъ Лондона, князь Мещерскій — изъ Берлина, Поповъ—изъ Рима и т. д., такъ, что ко дню предстоявшаго разсмотрѣнія «примѣчаній», набралось 12 мнѣній отсутствовавшихъ, а явилось въ засѣданіе тоже 12 членовъ, въ томъ числѣ изъ Твери архіепископъ Филаретъ, впослѣдствіи московскій митрополитъ.

По открытіи засѣданія Филаретъ произнесъ: „Управленіе дѣлами Общества, яко благотворительнаго сословія, должно быть отеческое, основанное на взаимной, между членами, довѣренности, особенно въ отношеніи къ президенту, и не стѣсняемо соблюденіемъ формъ, необходимыхъ въ мѣстахъ присутственныхъ: ибо формы могутъ охладить усердіе членовъ и любовь къ благотворному ихъ дѣлу. На семъ основаніи пре-

зидентъ, въ засѣданіяхъ комитета дѣйствуетъ яко предсѣдатель, а внѣ комитета—яко президентъ, къ которому относятся члены общества, начальствующія и частныя лица, съ изъясненіемъ своихъ желаній и нуждъ, касающихся общества. По симъ послѣднимъ отношеніямъ, президентъ можетъ употреблять благотворныя свои ходатайства и безъ предварительнаго свѣдѣнія комитета, коль скоро очевидная польза, общее благо и нетерпящіе отлагательства случаи, того требовать будутъ, на томъ именно основаніи, на какомъ дѣйствовалъ прежде бывшій президентъ общества". Мнѣніе это, единодушно было принято всѣмъ наличнымъ составомъ комитета, который постановилъ: 1) что онъ рѣшаетъ дѣла по большинству голосовъ, и есть *главное* мѣсто, коему должны быть подвѣдомы всѣ прочіе мужскіе и женскіе комитеты; 2) что онъ именуется общимъ, вовсе не для того, чтобы только въ немъ одномъ могли происходить засѣданія (это ввелъ Компенгаузенъ), а по отношенію къ частнымъ своимъ посѣтительному, работному и хозяйственному комитетамъ; 3) что здѣшній женскій комитетъ есть также общій по отношенію къ своимъ частнымъ комитетамъ, съ тою лишь разницею, что женскій общій комитетъ не вѣдаетъ хозяйственныхъ и денежныхъ дѣлъ, и подчиняется мужскому комитету, которому сообщаетъ свѣдѣнія о своихъ дѣйствіяхъ, для включенія въ общій журналъ; 4) что хотя въ правилахъ прямо и не сказано, что мужской и женскій комитеты собираются вмѣстѣ, но это не препятствуетъ приглашать дамъ въ засѣданіе мужскаго комитета, когда, по обстоятельствамъ, это признается нужнымъ; 5) что *предсѣдатель комитета* никто иной, какъ самъ *президентъ*, чрезъ посредство котораго приводятся въ исполненіе правила, обществу утвержденныя, а потому наименованіе въ правилахъ: въ 3 пунктѣ—президентъ общества, а въ 5 пунктѣ—президентъ комитета, означаютъ одно и то же лицо (намекъ на то, что Гладкова ни во что не ставили). Оттого одинъ только президентъ и есть посредникъ между обществомъ и Государемъ, Августѣйшимъ его покровителемъ, и и президентъ этотъ, какъ посредникъ, доводитъ до свѣдѣнія Его Величества о дѣйствіяхъ и желаніяхъ общества и управ-

ляетъ обществомъ, сообразно преподанному оному правиламъ; 6) такъ какъ столичный комитетъ, по 5 п. правилъ, есть комитетъ *всего* общества попечительнаго о тюрьмахъ, и въ этомъ комитетѣ долженъ предсѣдательствовать, по 5 и 8 п. правилъ, самъ президентъ, то получаемыя имъ отъ существующихъ, по провинціямъ, комитетовъ представленія, — онъ долженъ вносить на разсмотрѣніе комитета; 7) если президентъ не согласенъ, по извѣстнымъ ему, важнымъ кричинамъ, со сдѣланнымъ комитетомъ, о чемъ либо, постановленіемъ, а комитетъ сочтетъ, въ свою очередь, неудобнымъ отмѣнить это постановленіе, тогда президентъ обязанъ представить дѣло на Высочайшее разрѣшеніе; 8) созывать генеральныя собранія общества чаще установленнаго 7 и 15 п. правилъ—раза въ годъ, для обсужденія серьезныхъ мѣропріятій — президентъ вправѣ въ такихъ лишь случаяхъ, когда весь комитетъ общества почувствуетъ въ томъ необходимую нужду». Обо всемъ вышеизложенномъ «комитетъ положилъ: просить президента представить на Высочайшее благоусмотрѣніе». Журналъ этотъ Компенгаузенъ предложилъ комитету «изъяснить въ особой выпискѣ и подписать ее всѣмъ членамъ», а когда все это исполнили—Компенгаузенъ выразилъ комитету, что «такъ какъ объясненія не измѣняютъ бывшаго доселѣ въ комитетѣ порядка, и согласны, во всѣхъ отношеніяхъ, съ комитетскими правилами, то нѣтъ нужды входить по онымъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ (2 п. журн. 24 августа 1823 года). Проще говоря Компенгаузенъ предпочелъ отступиться отъ своихъ „примѣчаній", нежели докладывать Государю журналъ: ибо зналъ, что Александръ Павловичъ высоко цѣнилъ комитетъ.

Вслѣдъ затѣмъ, по случаю болѣзни Компенгаузена (онъ вскорѣ-же и умеръ), исправленіе должности президента поручено было Гладкову, который окончательно примирился съ комитетомъ, и полтора года поддерживалъ все, сдѣланное комитетомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ старался и расширять его дѣятельность. Напр. арестанты себѣ сами уже шили всѣ вещи, явились контрагенты на доставку арестантамъ безпрерывной работы; исходатайствовалъ разрѣшеніе Александра

Павловича на то, чтобы одержимыхъ заразительными болѣзнями арестантовъ передавать въ военные госпитали; мастерскія при немъ еще болѣе расширились, поднялись въ цѣнѣ; такъ, что арестантамъ выдавали, напр. заработка: французу Гельману—349 р., шляхтичу Куликовскому—200 р., чиновнику Челыщеву—90 р., крестьянину Гусеву—181 р. 50 к. за годъ. Наконецъ Гладковъ снабдилъ арестантовъ книжкою, сочиненною его дочерью, дѣвицею, фрейлиною, подъ заглавіемъ „Занятія въ часы пріятныя".

И такъ, 5-ти-лѣтними усиліями комитету удалось правильно организовать тюремную часть, которая постоянно удостоивалась особеннаго вниманія Александра Павловича; по его повелѣнію комитету были доставлены образцы сукна, дѣлавшагося въ вѣнскихъ тюрьмахъ, на тотъ конецъ, чтобы примѣнить эту отрасль занятій къ Русскимъ тюрьмамъ, что оказалось однако невозможнымъ по недостатку помѣщенія. Императрицы: Елизавета Алексѣевна и Марія Θеодоровна за поднесенныя имъ издѣлія, пожаловали арестантамъ „значительныя денежныя награды" (въ 1821 г.); арестанты переплетали книги для „кабинета Его Величества", комитета министровъ, академіи наукъ и т. д.; отчеты общества, съ соизволенія Александра Павловича, печатались и по-французски, и разсылались заграницу; на пополненіе суммы на памятникъ Венингу (онъ умеръ и погребенъ, въ 1822 г., въ Петербургѣ), Александръ Павловичъ пожаловалъ 5,255 руб. Будучи не только въ столицѣ, но и въ вояжахъ Императоръ помнилъ тюрьмы; проѣздомъ, напр. чрезъ Вологду онъ, 16 октября 1824 г., посѣтилъ и тщательно обозрѣлъ тамошній тюремный замокъ, выстроенный мѣстнымъ комитетомъ (къ 1826 г. комитеты существовали: въ Кронштадтѣ, Казани, Москвѣ, Калугѣ, Орлѣ, Архангельскѣ, Дерптѣ, Вологдѣ и Тамбовѣ). Наконецъ члены печальной коммисіи, сопровождавшей тѣло почившаго Александра Павловича изъ Таганрога въ Петербургъ, на пути осматривали тюрьмы и «дѣлали многія приношенія», напр. графъ А. Г. Строгановъ въ Орлѣ пожертвовалъ на тюрьму 500 р., петербургскій комитетъ, участвовавшій

въ печальной церемоніи погребенія Александра Павловича, истратилъ на траурное одѣяніе служащимъ 800 руб.».

V

Для окончательнаго оправданія тюремной реформы царствованія Александра Павловича, приведемъ нѣкоторыя статистическія и денежныя цифры, рельефно характеризующія дѣятельность общества.

Въ теченіи указанныхъ пяти лѣтъ комитетъ научилъ грамотѣ, Закону Божью и Ариѳметикѣ 347 малолѣтнихъ арестантовъ. Заработали арестанты въ устроенныхъ комитетомъ: переплетной, портняжной, сапожной, картонажной и другихъ мастерскихъ:

Въ 1819 г.	. . .	1.435 р.	—	к.
„ 1820 „	. . .	7.065 „	—	„
„ 1821 „	. . .	18.069 „	71	„
„ 1822 „	. . .	24.689 „	96	„
„ 1823 „	. . .	15.558 „	4	„
„ 1824 „	. . .	54.758 „	78	„
„ 1825 „	. . .	26.112 „	10	„
		147.688 р.	50	к.

не считая стоимости сшитыхъ женщинами арестантками рубашекъ, халатовъ, фуфаекъ, одѣялъ, наволочекъ, связанныхъ ими чулокъ, сотканной тесьмы и проч. вещей: въ 1821—6,584; въ 1822 г.—6,700; въ 1823 г.—12,481; всего 15,765 штукъ.

Изъ показанной выше суммы (147,688 р. 59 к.) а) выдано арестантамъ за трудъ при выпускѣ ихъ на свободу:

въ 1819 г.	. . .	251 р.	—	к.
» 1820 »	. . .	1.000 »	—	»
» 1821 »	. . .	3,214 »	7	»
» 1822 »	. . .	5.158 »	27	»
» 1823 »	. . .	2,288 »	26	»
» 1824 »	. . .	1.222 »	88	»
		12.947 р.	70	к.

въ 1825 г. не было произведено точныхъ расчетовъ съ контрагентами, и потому это перешло къ 1826 г.)

Отчислено въ кассу комитета, въ видѣ запаснаго капитала, на развитіе мастерскихъ:

въ 1819 г. . . .	1.084 р.	— к.
» 1820 » . . .	1.605 »	25 »
» 1821 » . . .	3.620 »	95 »
» 1822 » . . .	1.817 »	42 »
» 1823 » . . .	458 »	— »
» 1824 » . . .	252 »	— »
» 1825 » . . .	— »	— »
	8.338 р.	50 к.

а остальные 130.678 р. 89 к. употреблены на матеріалы, инструменты, машины, на содержаніе служащихъ, магазина издѣлій, на развозъ вещей и проч.

Кромѣ того въ кассу поступило, членскихъ приношеній:

	ежегодныхъ:		единовременныхъ:	
годъ.	руб.	к.	руб.	к.
1819 . . .	28.738	—	93.363	75¹/₄
1820 . . .	20.542	75	32.304	75¹/₂
1821 . . .	4.065	—	4.959	72
1822 . . .	17.740	—	1.431	62
1823 . . .	24.680	—	2.324	14
1824 . . .	14.335	—	2.554	15
1825 . . .	14.581	—	1.769	70
	124.681 р.	76 к.	138.707 р.	83³/₄ к.
Всего			263.389 р.	59³/₄ к.

Изъ кружекъ въ пользу арестантовъ:

	руб.	коп.
Въ 1822 . . .	6.786	16
1823 . . .	5-676	94
1824 . . .	1.649	15¹/₂
1825 . . .	4.906	2¹/₂
	19.018 р.	18 к.

На выпускѣ должниковъ:

	руб.	коп.
Въ 1821 . . .	19.325	—
1822 . . .	21.159	53$^1/_2$
1823 . . .	20.932	74$^1/_4$
1824 . . .	27.132	88$^1/_4$
1825 . . .	31.134	85
	119.685 р.	1 к.

Такимъ образомъ, сложивъ чистую прибыль отъ мастерскихъ (8338 р 50 к) съ членскими и кружечными суммами, оказывается, что, въ теченіи 5 лѣтъ, Общество располагало совершенно *частнымъ* до его открытія *не существовавшимъ*, капиталомъ въ 410.430 р. 38 к.; всего же приходъ общества составлялъ, считая разные источники вмѣстѣ: со времени открытія по 1822 г. 189.473 р. 97$^3/_4$ к.

	руб.	коп.
въ 1822 г. . . .	102.574	44
1823 г. . . .	94.137	—
1824 г. . . .	97.916	8$^1/_2$
1825 г. . . .	107.515	88$^3/_4$
	591.617 р.	39 к.

На счетъ этого капитала общество привело въ порядокъ зданія, прилично одѣвало, обувало, отчасти и кормило арестантовъ, снабжало ихъ работою, содержало для нихъ церкви, духовенство, учителей, мастеровъ, приставниковъ, надзирателей и т. д. Кромѣ того выкупило а) несостоятельныхъ должниковъ:

въ 1821 г.	100	чел.	за	19.235	—
1822 г	118	»	»	20.545	74
1823 г.	96	»	»	20.401	46
1824 г.	101	»	»	25.340	66$^3/_4$
1825 г.	106	»	»	24.796	87
	421	чел.	за	110.318 р.	84 к.

Изъ числа выкупленныхъ выдало бѣднѣйшимъ въ пособіе:

въ 1822 г.	712	
1823 г.	431	50
1824 г.	962	—
1825 г.	461	—
	2.566 р.	50 к.

Изъ содержавшихся за неплатежъ податей въ рабочемъ домѣ, общество выкупило:

въ 1819 г.	1 чел.	за	45	—
1821 г.	19 „	„	1.069	65
	10 помилованныхъ			
1822 г.	30 „	„	3.007	87
1823 г.	42 „	„	2.426	14
	102 чел.	за	6.548 р.	66 к.

Такимъ образомъ общество, въ 5 лѣтъ, предоставило свободу, за 119.434 р. 533 чел., а съ освобожденными, по ходатайству членовъ, по неправильному заключенію подъ стражу (въ 1821 г.—238; въ 1823—198, въ 1824—87, въ 1825—45 чел.) 568 чел.; образуется 1091 чел. Въ кассѣ комитета къ 1826 г. оставалось 80.159 р.

Дѣятельность постепенно открывавшихся провинціальныхъ комитетовъ принесла также значительную пользу, какъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся нѣкоторые отчеты, изъ которыхъ видно, что имѣли:

Кронштадтскій (открылся въ 1822 г.)

	приходы.		расходы.	
	руб.	коп.	руб.	коп.
до 1822 г.	1.718	54	706	70
въ 1822 г.	1.838	16	702	80
1823 г.	1.649	12	573	80
1824 г.	1.792	34	625	—
1825 г.	2.486	2	1.165	10
	9.484	18	3.773	40

Архангельскій (открылся въ 1821 г.)

по 1823 г. . .	6.804	9$^3/_4$	5.097	68$^1/_2$
въ 1823 г. . .	3.785	60	2.905	80
1824 г. . .	2.564	44$^3/_4$	2.216	45
1825 г. . .	4.680	51$^3/_4$	4.097	29$^1/_2$
	17.834	66$^3/_4$	15.127	22$^1/_4$

Орловскій (открылся въ 1821 г.)

		руб.	коп.	руб.	коп.
мужской	по 1823 г. . .	11.892	27	4.535	25$^1/_2$
дамскій	по 1823 г. . .	2.216	—	2.212	94
мужской	въ 1823 г. . .	13.055	38	9.819	49
дамской	въ 1823 г. . .	1.006	56	714	65
мужской	въ 1824 г. . .	10.780	42$^1/_2$	5.149	50$^3/_4$
дамскій	въ 1824 г. . .	1.498	11	838	41$^1/_2$
мужской	въ 1825 г. . . .	13.745	59$^3/_4$	8.355	58
		54.194	34$^3/_4$	31.622	83$^3/_4$

Вологодскій (открылся въ 1822 г.).

по 1823 г. . .	3.006	41	1.254	35$^1/_2$
въ 1823 г. . .	3.954	17$^1/_2$	1.632	—
1824 г. . .	5.080	67	4.688	48
1825 г. . .	6.030	17$^1/_2$	5.945	9$^1/_2$
	18.071	33	13.519	93
Всего . . .	99.583 р.	52 к.	75.743 р.	38$^3/_4$

Присоединивъ эти суммы къ вышепроставленнымъ: приходу—въ 410.430 р. 38 к. и расходу въ 330.271 р. 38 к. увидимъ, что Общество въ теченіи 5 лѣтъ, добровольно доставило 510.014 р., изъ которыхъ употребило на тюрьмы и ихъ обитателей 406.014 76 к.. Результатъ, безъ сомнѣнія, благопріятный и на долго упрочившій значеніе общества попечительнаго о тюрьмахъ въ глазахъ общества и послѣдующаго правительства.

В. Никитинъ.

Библіографическій указатель.

Русская Старина (1879 г. книжки I и II).

Первая (январьская) книжка «*Русской Старины*» 1879 г. начинается солидною интересною и вполнѣ современною (въ смыслѣ важности и животрепещущаго характера трактуемаго въ ней вопроса) статьею В. И. Семевскаго «*Казенные крестьяне при Екатеринѣ II*». Намъ тѣмъ болѣе необходимо остановиться подробнѣе и познакомиться съ содержаніемъ статьи г. Семевскаго, что «Историч. Библіотека» помѣстила на своихъ страницахъ (въ прошломъ году) статью объ «Экономическомъ бытѣ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизаціи юговосточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ», принадлежащую перу П. А. Соколовскаго, трудъ котораго нашелъ почетное упоминаніе и въ статьѣ г. Семевскаго. Въ составъ *казенныхъ* крестьянъ во второй половинѣ XVIII в. входили разнообразные элементы: тутъ были и государственные крестьяне въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, или иначе называемые «черносошные», немногочисленныя группы ямщиковъ, обѣльныхъ крестьянъ и т. д. Въ составъ же казенныхъ крестьянъ вошли при Екатеринѣ II однодворцы и старыхъ службъ служилые люди.

Въ своемъ очеркѣ авторъ останавливается преимущественно на однодворцахъ и старыхъ службъ служилыхъ людяхъ

съ одной стороны, а съ другой на черносошныхъ крестьянахъ и образовавшейся среди нихъ группѣ половниковъ. Черносошныхъ крестьянъ съ особою рельефностью выдѣляетъ авторъ. Эти крестьяне владѣли въ Россіи землею на общинномъ правѣ, хотя это вовсе былъ не тотъ видъ общины, который существуетъ въ настоящее время въ Россіи (нынѣшняя община, какъ извѣстно, обусловливается періодическими передѣлами земли); нѣтъ, черносошные крестьяне представляютъ собою старинный типъ, сохранившійся еще и теперь во многихъ мѣстахъ Россіи; при немъ пашни и отчасти покосы находятся на условіяхъ подворнаго владѣнія; однодворцы же служатъ представителями инаго типа—участковаго владѣнія.

Участковое владѣніе, по мнѣнію автора, форма землевладѣнія самая невыгодная. Общинное владѣніе *безъ передѣловъ* представляется формою сравнительно болѣе удобною. Если населеніе извѣстной территоріи недостаточно, то общинное землевладѣніе безъ передѣловъ представляется, быть можетъ, самою нормальною и удовлетворительною формою общины, хотя принципы равенства осуществляются полнѣе и удовлетворительнѣе въ передѣлахъ земли. Таковы общіе принципы, установленные авторомъ при его изслѣдованіи. Изъ всѣхъ видовъ крестьянъ, закрѣпощенныхъ въ XVIII в. черносошные крестьяне могутъ назваться представителями древняго *свободнаго* земледѣльческаго сословія, они же составляли и сословіе государственныхъ крестьянъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; однодворцы же были потомками прежнихъ служилыхъ людей. Площадью распространенія черносошныхъ крестьянъ были т. назыв. «Черныя волости», въ сѣверныхъ окраинахъ Россіи, въ уѣздахъ поморскихъ и сѣверо-восточныхъ краяхъ Новгородской земли, (напр. Обонежская пятина); а также въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Олонецкой, Вологодской и Архангельской. Въ сѣверной Россіи черносошные крестьяне спаслись отъ закрѣпощенія у помѣщиковъ, благодаря, съ одной стороны, отдаленности отъ центра государственнаго управленія, съ другой стороны—тѣмъ, что съ пріобрѣтеніемъ новыхъ областей, русское правительство, для верстанія помѣстьями, обратилось къ юговосточной окраинѣ государства (къ дикимъ по-

лямъ) въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Орловской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Самарской.

Черносошные крестьяне такимъ образомъ представляютъ собою незакрѣпощенный элементъ крестьянъ. Часто этотъ разрядъ крестьянъ, особенно же въ документахъ, называется государственными, иногда—черносошными, иногда то и другое названіе примѣняется вмѣстѣ и безразлично. Какая же форма землевладѣнія существовала у этихъ черносошныхъ крестьянъ? Ключемъ къ разрѣшенію этого вопроса служатъ многія, весьма даровитыя статьи, весьма удачно освѣтившія этотъ предметъ въ послѣднее время и появившіяся въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, (къ числу подобныхъ даровитыхъ и обширныхъ статей принадлежитъ и статья г. Соколовскаго, о которой упомянуто выше, и которая издана теперь отдѣльною книгою).

Изслѣдователю русской сельской общины въ XVIII в. приходится бороться съ важными и многочисленными затрудненіями. Относительно этого времени существуетъ крайній недостатокъ средствъ и источниковъ для изученія, тогда какъ, напримѣръ, для изученія русской сельской общины въ XVI и XVII в., драгоцѣнными вспомогательными источниками служатъ писцовыя книги — каковымъ матеріаломъ съ большимъ искусствомъ и воспользовался г. Соколовскій, особенно для своего I-го сочиненія «Очеркъ исторіи сельской общины». Для первой половины XVIII в. изслѣдователь, для изученія предмета имѣетъ весьма скудное и отрывочное число данныхъ; но для второй половины XVIII в. имѣется значительное число интересныхъ и поучительныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, содержащихся въ неизданныхъ «наказахъ», данныхъ черносошными крестьянами своимъ депутатамъ въ коммиссію для составленія «Новаго Уложенія». При этомъ оказывается, что напримѣръ, въ Архангельской губерніи въ 1786 г. было болѣе 37,000 душъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ. Для коммиссіи «Новаго Уложенія» отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ были депутаты изъ мѣстностей: Великоустюжской и Вологодской провинцій, Олонецкаго и Каргопольскаго уѣздовъ, Пермской, Казанской и Исетской провинцій (припис-

ныхъ къ казеннымъ заводамъ) Вятской провинцiи, Алаторской провинцiи (Нижегородской губернiи), отъ г. Саратова, отъ провинцiй Тобольской, Енисейской, и Иркутской и крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ Екатеринбургскаго вѣдомства. Отъ черносошныхъ крестьянъ въ коммиссiи было вообще 16-ть представителей.

Г. Соколовскiй въ своемъ „Очеркѣ исторiи сельской общины" нашелъ, что существовали двѣ категорiи общинъ: *общины—деревни* и *общины—волости*, смотря потому, существовала-ли общинная земля въ отдѣльномъ пользованiи каждой деревни, или же она находилась въ нераздѣльномъ пользованiи нѣсколькихъ селенiй. Но и общины—волости были часто, такъ сказать, смѣшеннаго характера: одна часть въ этихъ общинахъ находилась въ *отдѣльномъ* пользованiи селъ, деревень и починковъ, составлявшихъ волость; другая же оставалась въ пользованiи *всей* волости, взятой вообще, какъ цѣлое. Въ такой формѣ волостныя общины мы находимъ на сѣверѣ Россiи и въ XVIII вѣкѣ. При этомъ, въ числѣ угодiй, общинные покосы чаще находились въ положенiи отдѣльныхъ деревень; назывались эти покосы *печищными* (отъ *печище*—деревня). По объясненiю г. Ефименко, печищами назывались на сѣверѣ маленькiя деревни въ три двора.

Отчужденiе земель въ разсматриваемый перiодъ (XVIII в.) во второй половинѣ совершалось законнымъ порядкомъ, т. е. составленiемъ крѣпостныхъ актовъ, свидѣтельствовавшихся въ присутственныхъ мѣстахъ. Земли закладывались крестьянами; но такiя заложенныя земли чаще уже на всегда оставались въ завѣдыванiи и пользованiи заимодавца.

Такъ какъ *передѣловъ*, составляющихъ существенное условiе нашей современной сельской общины въ то время не было, то не было и свободнаго перехода земель изъ рукъ въ руки, и окончательнымъ послѣдствiемъ этого возникало сильное имущественное неравенство и крайне несправедливая раскладка податей.

Изъ упомянутыхъ же документовъ усматриваемъ, что на сѣверѣ Руси въ то время было развито и купеческое и мѣщанское землевладѣнiе. По словамъ архангельскаго губерна-

тора Головцына, въ его время въ Велико-устюжской провинціи, тамошніе *купцы* имѣли «въ уѣздахъ за собою во владѣніи не малое число государственныхъ черносошныхъ земель». Но купцы, владѣя значительною частью волостныхъ земель, всячески старались уклоняться отъ несенія общественныхъ тягостей (дорожной и подводной повинностей, службы по выборнымъ должностямъ и т. д.). Особенно же купцы упорно уклонялись отъ вспомоществованія крестьянамъ въ платежѣ податей за «выбылыя души» и за неимущихъ людей. Владѣли тяглыми землями также и священно—и—церковнослужители; de jure по условію владѣнія, и они должны были нести тягло, но и они нерѣдко не исполняли этой обязанности. Оттого и выходило, что часто духовенство, владѣя деревнями, не платило никакой подати. Такъ, большею частью, должно было происходить дѣло до общаго обмежеванія земли (при Екатеринѣ II, въ 1766 г.) на основаніи межевой инструкціи. Какъ ни тщательно регулировала эта инструкція правильный раздѣлъ земель, запрещая, между прочимъ, отдачу земель въ залогъ; но эта раздача продолжалась, напримѣръ, въ Архангельской губерніи еще въ первой четверти XIX вѣка. Передѣлы земли стали производиться въ различныхъ мѣстностяхъ и, между прочимъ, въ Архангельской губерніи, уже только съ 1829 г., по особому циркулярному распоряженію министра финансовъ.

Многихъ земель на обширной площади, занимаемой Россіею, генеральное межеваніе коснулось лишь въ текущемъ вѣкѣ.

Есть значительно интересныя сообщенія и о крестьянскомъ землевладѣніи въ Сибири. Здѣсь мы знакомимся съ особою системою поземельной повинности, извѣстною подъ именемъ „*десятинной пашни*“. Первыя правила этой повинности установлены были Тобольскимъ воеводою—бояриномъ Сулешовымъ въ 1623—24 годахъ, и на основаніи этихъ правилъ, крестьянинъ получалъ въ *четверо* и даже въ *семеро* разъ больше земли, сравнительно съ количествомъ пашни, которую онъ брался обработывать на государя. Однакожъ, и въ сибирскихъ «наказахъ» (формальныхъ отчетахъ самихъ крестьянъ

о своемъ имуществѣ), мы встрѣчаемъ жалобы на «малоземелье», а чаще указанія на относительную бѣдность землями сравнительно съ инородцами. Въ Сибири еще въ концѣ 50 годовъ прошлаго вѣка крестьяне, или пахали десятинную пашню, или ставили извѣстное количество провіанта, а иногда одновременно несли ту или другую повинность...

Въ двухъ книжкахъ „Р. Старины" (январьской и февральской) статья г. Семевскаго еще не кончена; но и въ этомъ своемъ видѣ она полна содержанія и занимательности.

Нужно еще въ февральской книжкѣ «Старины» отмѣтить статью «О заселеніи Амура», принадлежащую М. И. Венюкову. Фактовъ много, — и вновь освѣщенныхъ, представляющихъ дѣло нашей Амурской колонизаціи въ ... непривлекательномъ свѣтѣ...

Статья извѣстнаго грамматиста-теоретика и составителя русскихъ христоматій г. А. Галахова (въ февральской книжкѣ „Старины") озаглавленная „Мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ 1850—58 г.", даетъ прекрасные матеріалы и характеристику того не особенно отдаленнаго періода нашей литературы, который можно назвать «Грече-Булгаринскимъ». Портреты Греча, а за тѣмъ нашего геніальнаго слависта и грамматиста—самоучки Востокова, нарисованные рѣзкими и сильными штрихами, вышли, какъ говорится, во весь ростъ...

Статья о первомъ кадетскомъ корпусѣ (въ 1813—1825 г.) «Воспоминанія бывшаго воспитанника» тоже можетъ быть прочтена съ нѣкоторымъ интересомъ любителями «Старины», сравнительно впрочемъ недавней.

Затѣмъ, объ остальныхъ статьяхъ двухъ книжекъ «Старины», не исключая и записокъ г. Берга о польскомъ возстаніи, кажется, сказать нечего, благодаря избитости предметовъ, скукѣ и ординарности....

Да... впрочемъ значительно выдается статья г. Мизко (въ первой книжкѣ „Р. Старины" за 1879 г.). Мы находимъ много любопытныхъ свѣденій о жизни и дѣятельности Алексѣя Өедоровича Мерзлякова, бывшаго профессоромъ краснорѣчія при Московскомъ университетѣ и первомъ русскомъ литературномъ критикѣ, руководствовавшемъ до нѣкоторой степени объектив-

ными началами, а не личнымъ субъективнымъ вкусомъ. Какъ литературный критикъ, Мерзляковъ, намъ кажется по таланту выше Макарова, хотя ложность самыхъ основаній его эстетической критики, конечно, помѣшала и полному развитію его таланта. Но еще замѣчательнѣе представляется Мерзляковъ, какъ чуткій предугадыватель настоятельной потребности народнаго элемента въ поэзіи. Нѣкоторые изъ его отдѣльныхъ стиховъ (но не цѣлыхъ піесъ, такъ какъ совершенства цѣлаго, совершенства формы, Мерзляковъ никогда не достигалъ) составляютъ истинныя жемчужины въ смыслѣ вѣрности русскому народному міросозерцанію, такъ что Бѣлинскій, по справедливости, назвалъ «удивительными», въ этомъ смыслѣ, слѣдующіе стихи Мерзлякова:

«Воетъ сыръ—боръ за горою,
Мятелица въ полѣ,
Встала буря—непогода,
Запала дорога!..»

Эти стихи, дѣйствительно драгоцѣнны потому, что въ нихъ—истые наши народные обряды, истое наше народное міросозерцаніе. Въ нихъ—и захватывающая, волнующая душу унылая поэзія нашей продолжительной зимы, и снѣжная безпутица и мятели, съ которыми даже и желѣзнымъ дорогамъ бороться трудно, и эти картины «сыраго бора», наводящаго тайный страхъ и неразлучнаго спутника нашихъ отечественныхъ балладъ. Все это, въ самомъ дѣлѣ прекрасно, удивительно, достойно поэзіи хотя-бы самого Кольцова...

Мерзляковъ былъ глубоко-поэтическая дума и прекрасный человѣкъ, независимо уже отъ того, что онъ былъ весьма серіозный для своего времени ученый. Поэтому, мы отъ души привѣтствуемъ его „біографическо-критическій очеркъ" (составленный, какъ сказано выше, г. *Мизко*). Очеркъ этотъ помѣщенъ въ «Русск. Старинѣ», какъ значится въ самомъ заголовкѣ очерка, по случаю истекшаго въ минувшемъ 1878 г. столѣтія со дня рожденія Мерзлякова, (родившагося въ 1778 г. Авторъ обращаетъ вниманіе, что на Мерзлякова нужно смотрѣть, какъ на *преподавателя*, *теоретика и критика*, *оратора*

и поэта. Съ этихъ-то пяти сторонъ и самъ авторъ разбираетъ его дѣятельность.

Фактовъ изъ этой жизни и дѣятельности Мерзлякова, можетъ быть, въ общихъ чертахъ и извѣстныхъ русскому обществу, но сгруппированныхъ и освѣщенныхъ вновь,—значительное число. Мы узнаемъ напримѣръ, что Мерзляковъ обязанъ своей карьерѣ только случаю, или особому покровительству провидѣнія. Отецъ его былъ не богатый купецъ Пермской губерніи города Далматова и могъ, по поламъ—съ грѣхомъ, научить сына только читать и писать. Благодаря стараніямъ своего дяди, мальчикъ попалъ въ Пермь, и здѣсь сталъ учиться театральному искусству и брать уроки декламаціи у знаменитаго въ то время актера Дмитревскаго. Въ это время Мерзляковъ (14 лѣтній) все-таки ходилъ въ лохмотьяхъ и носилъ чайники съ кипяткомъ. Но вотъ «Ода на заключеніе мира со Шведами, написанная 14 лѣтнимъ мальчикомъ, попадаетъ въ руки министра Завадовскаго, потомъ въ руки самой Императрицы Екатерины II. Въ 1793 г. Мерзляковъ уже въ Москвѣ въ университетѣ; въ 1798 г. его изъ студентовъ переименовываютъ въ бакалавры. Въ 1799 г. Мерзляковъ—казеннокоштный студентъ и получаетъ золотую медаль. Около этого же времени сближается съ Жуковскимъ. Въ 1807 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ Московскаго университета. Мерзляковъ былъ дѣйствительнымъ и самымъ дѣятельнымъ членомъ «Общества любителей россійской словесности» при Московскомъ университетѣ, и временнымъ его предсѣдателемъ отъ самаго основанія. Въ 1815 г. Мерзляковъ женился, въ 1830 г. скончался.

«Русская Старина». 1879 г. Книга III.

Въ III (мартовской) книжкѣ «Русской Старины» за 1879 г. помѣщено начало интереснаго очерка *«Императоръ Іоаннъ Антоновичъ»* (1740—1764). Составленъ очеркъ, какъ значится въ самомъ его заголовкѣ, по новымъ историческимъ матеріаламъ. Авторъ очерка говоритъ, что, не смотря на нѣс-

колько монографій, напечатанныхъ на страницахъ «Русской Старины», и посвященныхъ эпохѣ правительницы Анны Леопольдовны, предметъ этотъ все-таки еще не исчерпанъ окончательно и историку все-таки остается разработка многихъ частныхъ подробностей. Упоминается авторомъ и почтенный трудъ о томъ-же самомъ предметѣ (монографія) профессора Дерптскаго университета А. Г. Брикнера *«Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники»* (1741—1808) *).

Очерку предпосылаются нѣкоторыя соображенія объ «исторической патологіи», дѣйствительно игравшей значительную роль не только въ исторіи отдѣльныхъ государствъ, но и во всемірной исторіи. Наслѣдственное помѣшательство и тупоуміе, по справедливому замѣчанію автора, къ несчастію человѣчества, не составляютъ особенно рѣдкихъ, исключительныхъ явленій въ исторіи европейскихъ династій. Сыномъ слабоумнаго Клавдія, напримѣръ (въ древней римской исторіи) былъ Неронъ—свирѣпый мономанъ; сыномъ нашего Ивана IV Грознаго, подобно Нерону страдавшему припадками мономаніи, былъ слабоумный Ѳеодоръ Іоанновичъ, такъ любившій колокольный звонъ и вообще отличавшійся религіозною маніей, такъ что даже суровый отецъ его принужденъ былъ часто замѣчать ему: «Эхъ, Ѳедя, Ѳедя!.. Пономаремъ бы тебѣ быть, а не царемъ московскимъ!» Далѣе, исторія говоритъ намъ, что французскіе короли, изъ династіи Меровинговъ, были всѣ почти идіоты и прозваны были «тунеядцами» (rois faineantes). Примѣры наслѣдственнаго помѣшательства встрѣчаются также въ исторіи королевскихъ домовъ: шведскаго — Вары, ганноверско-англійскаго, габсбургскаго; испанскаго—въ поколѣніи Изабеллы и Фердинанда-католика. Отъ послѣдняго брака, какъ извѣстно, родился знаменитый императоръ Карлъ V, геній въ юности и въ лѣтахъ мужества; но за три года до смерти сошедшій съ ума, и умершій въ состояніи помѣшательства. Извѣстно и то, что сынъ Карла V—Филиппъ II былъ кровожаднымъ еретикомъ, фанатизмъ котораго граничилъ съ сумаше-

*) Напечатано въ Москвѣ въ 1874 г.

ствіемъ. Даже и сынъ Филиппа II, инфантъ Донъ-Карлосъ, страдалъ, съ ранняго дѣтства, припадками помѣшательства, такъ что еслибы не умеръ въ юности, то въ зрѣлыхъ лѣтахъ, можно навѣрное предполагать, сдѣлался бы идіотомъ...

Съ подобной же патологической точки зрѣнія авторъ установляетъ взглядъ и на несчастнаго мученика Іоанна III (или VI) Антоновича, потомка царя Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго.

Родоначальникомъ патологическихъ и неспособныхъ потомковъ въ данномъ случаѣ представляется царь Іоаннъ Алексѣевичъ, царствовавшій совмѣстно съ Петромъ и царевною Софьей. Онъ былъ косноязыченъ, страдалъ цынгою, зрѣніемъ, былъ, уже на 18-мъ году возраста, разслабленъ и служилъ поэтому предметомъ сожалѣнія и насмѣшекъ бояръ. Онъ служилъ притомъ орудіемъ тайныхъ замысловъ царевны Софьи, былъ обвѣнчанъ съ боярышнею Прасковьей Ѳедоровною Салтыковой, бывшей двумя годами старше мужа, женщиной чувственной и жестокой. Она подарыла Іоанну пятерыхъ дочерей, изъ которыхъ Анна Іоанновна была выдана за-мужъ за герцога курляндскаго и была впослѣдствіи россійскою императрицей, а Катерина Іоанновна—за-мужемъ за герцогомъ мекленбургъ-шверинскимъ Леопольдомъ; отъ этого послѣдняго брака родилась занявшая, на короткое время, россійскій престолъ Анна Леопольдовна. Катерина Іоанновна отличалась дикостью и необузданностью нрава и поэтому была извѣстна въ Мекленбургѣ подъ именемъ «Дикой Герцогини» (Die wilde Herzoginn). Анна Леопольдовна, отличавшаяся мечтательностью и легкомысленностью, была за-мужемъ за принцемъ Антономъ Ульрихомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ, и вотъ отъ этого-то брака и родился Іоаннъ Антоновичъ, которому судьба опредѣлила такія жестокія страданія и долговременное заключеніе. Всѣ прочіе, кромѣ Іоанна Антоновича, дѣти Анны Леопольдовны были одержимы тѣлесными и душевными недугами и отличались рахитическимъ тѣлосложеніемъ. Но горшія страданія пришлось вынести болѣзненному Іоанну Антоновичу, какъ претенденту на россійскій престолъ, впро-

чемъ скорѣе воображаемому, чѣмъ дѣйствительному, потому что, по справедливому замѣчанію автора статьи, о которой у насъ идетъ рѣчь, „главнѣйшая ошибка нашего тогдашняго правительства заключалась въ томъ, что оно облекало таинственностью несчастнаго Іоанна Антоновича, и благодаря этой таинственности, иноземцы видѣли въ этомъ патологическомъ субъектѣ «загадочную» личность, нѣчто въ родѣ «Желѣзной Маски». Вѣдь болѣзненное состояніе Іоанна Антоновича, уже само по себѣ, не только лишало его всякихъ правъ на престолъ; но едва-ли могло допустить и самостоятельное пользованіе правами простаго гражданина. По законамъ, существующимъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ, слабоумные и помѣшанные подлежатъ надзору ближайшихъ родственниковъ или опекѣ лицъ благонадежныхъ. Если бы императрица Елизавета Петровна, вмѣсто заточенія Іоанна Антоновича, помѣстила его подъ присмотръ врачей въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ, или отправила бы всю брауншвейгскую фамилію въ чужіе края, — то она этимъ избавила бы и свою память, и память своихъ преемниковъ, отъ нареканій, а отечественную исторію отъ нѣсколькихъ кровавыхъ страницъ...

Брауншвейгскую фамилію водворили на постоянное жительство въ Холмогорахъ, но предварительно этого ее еще нѣсколько разъ перевозили съ мѣста на мѣсто. Наконецъ (что̀ представляется крайне жестокою мѣрою) младенецъ Іоаннъ Антоновичъ былъ отдѣленъ отъ родителей, отправленныхъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь. Къ этой фамиліи изгнанниковъ была присоединена цѣлая толпа приставниковъ, которая одна уже образовала въ Холмогорахъ особое сословіе *мореходцевъ*. Эти мореходцы составляли «секретную и только ея величеству извѣстную коммиссію въ Холмогорахъ». Она упразднена лишь только при Екатеринѣ II, въ 1781 г., по случаю отправки членовъ упомянутаго семейства въ Датскія владѣнія.

До какой степени тяжело было положеніе этихъ изгнанниковъ можно судить изъ того, что на пенсіи 25 лицамъ высы-

малось только 797 р. 4 к., а 41 человѣкъ (вдовы и сироты) уже просто ничего не получали, а жили Христовымъ именемъ.

Но интереснѣйшая часть разсматриваемой статьи, гдѣ будутъ, на основаніи вновь открытыхъ документовъ, излагаться свѣдѣнія о заключеніи Іоанна Антоновича въ Шлиссельбургѣ, —еще впереди. Съ нею, въ свое время, мы познакомимъ читателей.

Матеріалы, замѣтки и новости.

Митрополитъ Иннокентій.

Въ Москвѣ 31 марта, въ субботу Страстной недѣли, рано утромъ, скончался митрополитъ Московскій и Коломенскій, членъ Св. Синода и членъ многихъ обществъ, Иннокентій Веніаминовъ. Послѣдній годъ своей жизни постоянно чувствовалъ онъ круженіе головы. Потомъ сдѣлалась такая слабость въ ногахъ, что не могъ ходить; его возили по комнатѣ на креслахъ съ колесками. Болѣзнь—то прекращалась, то усиливалась. Ко дню имянинъ своихъ, 26 ноября, онъ располагалъ пріѣхать въ Петербургъ; но болѣзнь не позволила. То же хотѣлъ онъ сдѣлать и 9 февраля, но та же болѣзнь удержала его въ Москвѣ. Наконецъ смерть прекратила земное бытіе митрополита на 82 году отъ рожденія.

Жизнь этого человѣка убѣждаетъ насъ: какъ предопредѣленіе неуклонно ведетъ избранныхъ имъ людей къ назначенной цѣли.

Митрополитъ Иннокентій родился 26 августа 1797 г. въ деревнѣ Амгѣ, недалеко отъ береговъ рѣки Лены, въ Иркутскомъ уѣздѣ. Отецъ его, Евсѣй Поповъ, и дѣдъ, были наслѣдственно пономарями въ тамошней церкви, и получали годоваго дохода по 2 р. 50 к. въ годъ. Отецъ имѣлъ 2 коровы, лошадь и засѣвалъ десятины двѣ пашни. Самъ пахалъ, сѣялъ, жалъ, косилъ, рубилъ дрова, словомъ былъ въ одно время пономарь

я крестьянинъ. До глубокой старости онъ работалъ, и скончался въ горести семейства, оставивъ на рукахъ жены малолѣтнихъ дѣтей. Меньшему сыну Ивану было тогда 10 лѣтъ. Мать роздала дѣтей по зажиточнымъ крестьянамъ, а меньшаго привезла въ Иркутскъ и отдала въ бурсу тамошней Семинаріи. Эту бурсу справедливо можно было назвать дѣтскою бойницею. На содержаніе семинаріи отпускало казначейство 5,000 руб. въ годъ; на эти деньги содержался домъ, выдавалось жалованье учителямъ, прислугѣ и содержалось человѣкъ 50 бурсаковъ. Ихъ кормили два раза въ день, въ мясоѣдъ—щами съ говядиною, въ посты—ухою съ омулями. Одѣвали въ сѣрые сюртуки солдатскаго сукна, на ноги нѣчто въ родѣ туфлей. На сюртукахъ скоро обрывались пуговицы и петли; бурсаки подпоясывались кушаками и веревочками, у кого что случится. Не стрижены, не чесаны, безъ галстуковъ, въ часоткѣ, во вшахъ, иногда съ золотушными струпами, казались осужденными на погибель. Классовъ не было.—Учитель придетъ въ бурсу, сядетъ на койку, спроситъ уроки, перепоретъ лѣнивыхъ и задастъ новые уроки. Объ учебныхъ пособіяхъ и говорить нечего. Вотъ въ какой средѣ воспитывался будущій митрополитъ Московскій, перенося голодъ, холодъ, наготу и босоту. Но провидѣніе хранило дни его для будущихъ подвиговъ! Въ бурсѣ были два Ивана Попова, и товарищи называли ихъ: одного Иваномъ Тункинскимъ, а другаго Иваномъ Анчинскимъ. Послѣдній избралъ себѣ фамилію Веніаминова, по имени тогдашняго архіерея Веніамина Багрянскаго.

Усопшій нѣсколько разъ признавался, что во все пребываніе въ Семинаріи, мечты его ограничивались только званіемъ приходскаго дьячка. Онъ не смѣлъ и думать о священничествѣ. Замѣчательно желаніе его матери. Однажды она пріѣхала въ городъ и подала прошеніе, чтобы сына ея бурсака опредѣлили пономаремъ на отцовское мѣсто. Разумѣется, просьба эта была оставлена безъ вниманія; но она была по сердцу бурсаку.

Между тѣмъ Веніаминовъ обратилъ на себя вниманіе семинарскаго начальства. Мальчикъ онъ былъ умный, скромный и любознательный. Во все время пребыванія въ бурсѣ только

разъ получилъ онъ розги. Отцу префекту показалось, что Веніаминовъ, стоя въ церкви, смѣялся.

Архіерей придумалъ устроить часы на колокольнѣ собора. Приглашенъ былъ мастеръ изъ каторжныхъ, извѣстный городу Климъ Алексѣевъ, а Веніаминовъ самъ вызвался къ нему въ помощники. Климъ дѣлалъ органы, электрическія машины, термометры, компасы и проч. Дара изобрѣтательности онъ не имѣлъ, а только дѣлалъ то, что видѣлъ.

Веніаминовъ, при способности къ механикѣ, скоро понялъ всю премудрость Клима, и, вѣроятно, сдѣлался бы отличнымъ механикомъ, если бы служба не увлекла его за собою.

Бурсакъ кончилъ курсъ въ Семинаріи. Въ это время очистилась вакансія дьякона въ церкви Благовѣщенія. Её предложили Веніаминову, онъ согласился; но прежде надо было жениться. А гдѣ взять невѣсту? Выборъ палъ на сироту, дочь Якутскаго священника, живущую въ домѣ купца Пряничникова. Назначенъ день смотрѣнья. Чего стоило одичавшему бурсаку явиться въ первый разъ въ жизни въ гражданское общество! Нѣсколько разъ покушался онъ отказаться отъ всего, но въ то же время необходимость побѣждала застѣнчивость.

Къ Пряничникову на вечеръ собрались гости, является женихъ въ сѣромъ бурсацкомъ сертукѣ солдатсктго сукна; понуря глаза, садится онъ подлѣ невѣсты и горитъ отъ стыда. Наконецъ осмѣлился онъ взглянуть на будущую супругу, которой не видалъ до этого. Разумѣется она понравилась дикарю. Отъ вѣнца пріѣхали въ домъ Пряничникова; сѣли за столъ. Подали щи, бурсакъ хлѣбнулъ двѣ—три ложки, и не могъ понять, что это за кушанье. Наконецъ стали подавать прочія кушанья. Бурсакъ не зналъ, какъ приняться за нихъ. Не будемъ говорить о первой ночи, проведенной супругами. На другое утро подали чай; съ нимъ онъ былъ знакомъ у купца Бѣлоголовова, гдѣ училъ дѣтей. Насталъ семейный обѣдъ, подали вчерашнее неразгаданное кушанье. Тутъ онъ узналъ, что оно называется щами, вспомнилъ бурсацкія, и тутъ понялъ: что вотъ какія бываютъ человѣческія щи. На первый разъ хорошо что я женился! Въ это время купецъ Бѣлоголовый, за ученіе дѣтей, заплатилъ ему сто рублей, какъ будущему дьякону сво-

-ей приходской церкви. Бурсакъ не вѣрилъ случившемуся: летѣлъ, а не бѣжалъ по улицѣ, не чувствуя подъ собою ногъ. Въ 1817 г. его посвятили въ діаконы при церкви Благовѣщенія, а въ 1821 г. сдѣлали священникомъ той же церкви.

Между тѣмъ дѣла поправились. Священникъ завелъ собственный деревянный домикъ. Однажды какой-то возвратившійся изъ Америки купецъ разсказывалъ гдѣ-то въ обществѣ, при Веніаминовѣ, о расположеніи Американцевъ и Алеутовъ къ Христіанству, да нѣтъ пока миссіонера, посвятившагося этому дѣлу. Веніаминовъ вдругъ почувствовалъ вдохновеніе быть просвѣтителемъ Алеутовъ и Американцевъ. Мысль о томъ сообщилъ Иркутскому Архіепископу Михаилу, и получилъ архипастырское благословеніе. И такъ въ 1824 г. о. Веніаминовъ отправился на Алеутскіе острова, куда прибылъ моремъ благополучно и основалъ постоянное пребываніе на островѣ Ситхѣ, въ Новоархангельскѣ, гдѣ было Правленіе Американской Компаніи. Здѣсь прожилъ онъ болѣе 15 лѣтъ, разъѣзжая по островамъ въ байдарѣ, или кожанной лодкѣ. Онъ обратилъ множество Алеутъ въ христіанство, а въ межуткахъ сдѣлалъ часы для колокольни церковной. Въ Компаніи служилъ искусный слѣсарь; онъ много помогалъ самоучкѣ—механику въ работѣ часовъ. Для полнаго состава часовъ было нужно шесть колесъ. Вся важность заключалась въ томъ, что бы зубцы на колесахъ были правильно раздѣлены и вѣрно приходились по шестернямъ. Часы пошли хорошо, вѣроятно ходятъ и теперь. Послѣ того онъ сдѣлалъ для какой-то Американской кирки органъ и за работу получилъ хорошія деньги.

Вникая въ дѣло пропаганды, Веніаминъ тотчасъ понялъ, что причиною, мѣшающею успѣху—недостатокъ духовенства; увеличить же число его почти не возможно. Желающій получить санъ священника, долженъ ѣхать въ Иркутскъ за 6,000 верстъ—ближе епископа не было. О. Веніаминовъ составилъ проэктъ объ учрежденіи Камчатской епархіи. Проэктъ этотъ, вѣроятно, послалъ онъ по начальству—Иркутскому Архіепископу, гдѣ онъ, безъ сомнѣнія, очень долго пребывалъ въ покоѣ.

Въ 1839 г. о. Веніаминовъ отправилъ жену съ тещею въ Иркутскъ, а самъ помѣстился на кораблѣ Американской Ком-

паніи, плывшемъ въ Петербургъ, куда прибылъ благополучно и представилъ св. Синоду проэктъ свой, переговоривъ напередъ съ митрополитами: С.-Петербургскимъ Серафимомъ и Московскимъ Филаретомъ. Разсказы объ Алеутскихъ островахъ, дикихъ Американцахъ и о путешествіи моремъ, умѣлъ онъ передавать такъ замѣчательно, что каждый слушалъ его съ удовольствіемъ. Проэктъ его былъ одобренъ Синодомъ и представленъ Императору на утвержденіе. Покойный Царь не любилъ задерживать дѣла.

Однажды къ священнику Веніаминову пріѣзжаетъ флигель-адъютантъ и объявляетъ Высочайшее повелѣніе: явиться къ Его Величеству во столько-то часовъ. Разумѣется приказъ этотъ встревожилъ священника. Онъ спросилъ адъютанта: что это значитъ? но тотъ и самъ не зналъ причины. На завтра о. Веніаминовъ явился во дворецъ. Царь позвалъ его въ кабинетъ: «проэктъ вашъ Камчатской епархіи я утвердилъ; но кого назначить архіереемъ?» Священникъ отвѣчалъ: Духъ Святый вложитъ въ сердцѣ Вашего Величества святую мысль избранія. Государь, подумавъ нѣсколько, сказалъ: «Я хочу сдѣлать тебя Камчатскимъ архіереемъ». Священникъ отвѣчалъ: я весь въ повелѣніяхъ Вашихъ. Какъ Вамъ угодно, то и свято для меня. «Хорошо! передай мои слова митрополиту, а тамъ всё пойдетъ по порядку». Царь поклонился и Веніаминовъ вышелъ.

Митрополитъ уже зналъ о происходившемъ. Подай прошеніе въ монахи, въ которомъ скажи, что жена твоя умерла тогда-то, и отпѣта въ такой-то церкви.

Дѣло это уладилось вскорѣ. Въ первое воскресенье постригли его въ монахи, съ именемъ Иннокентія, во второе возвели въ санъ архимандрита, а въ третье хиротиновали въ епископа Камчатскаго и Алеутскаго. При нарѣченіи сказалъ онъ оригинальную проповѣдь.

Долго не вѣрилъ о. Иннокентій архіерейству своему. Долго спрашивалъ у себя: неужели я архіерей? Все представлялось ему сновидѣніемъ, и только на пути въ Сибирь увѣровалъ, что это не сонъ, а существенность. Пока тянулось дѣло его, успѣлъ онъ побывать въ Кіевѣ.

Пріѣхавъ въ Иркутскъ, объявилъ, что въ первое воскресенье будетъ служить въ церкви Благовѣщенія, въ которой началъ духовную службу. Весь городъ устремился въ эту церковь посмотрѣть на дьякона, превратившагося въ архіерея. Тѣснота была страшная, такъ что полиція не знала что и дѣлать. Это было 1840 года, весною. Въ числѣ зрителей былъ и я, невидавшій никогда о. Ивана. При входѣ въ церковь окинулъ онъ её своими глазами и пошелъ далѣе. Священники, бывшіе товарищи его, подходили къ нему за благословеніемъ: на лицахъ у нихъ замѣтна была зависть и удивленіе. Съ перваго взгляда замѣтны были у архіерея прѣлые глаза. Служилъ онъ просто, безъ жеманства, свойственнаго всѣмъ архіереямъ; это не понравилось Иркутской публикѣ. Потомъ, я былъ у него. Брата моего онъ зналъ прежде. Иннокентій оказался презанимательнымъ человѣкомъ. Онъ разсказывалъ мнѣ объ Алеутахъ и Калифорнскихъ Американцахъ, называлъ ихъ Адамами. Потомъ онъ былъ у насъ.

Въ Америкѣ онъ жилъ до генералъ-губернаторства Муравьева, разъѣзжая по своей обширной епархіи. Въ 1854 г., во время войны съ Англичанами и Французами, Иннокентій былъ въ портѣ Аянѣ, на берегу Охотскаго моря. Вдругъ показался англійскій корабль. Въ Аянѣ было нѣсколько дрянныхъ пушекъ для салютовъ и сигналовъ. Жители заблаговременно зарыли ихъ въ землю, а на ней посадили картофель. Англичане свели цѣлую военную команду на землю и пустились отыскивать пушки, грубо и дерзко поступали со всѣми, въ томъ числѣ и съ архіереемъ, но онъ сидѣлъ хладнокровно на стулѣ и коротко отвѣчалъ имъ чрезъ переводчика. Начальникъ ихъ безъ конвоя никуда не ходилъ. Ушли въ море Англичане, приплыли Французы. Эти были не то, что гордые и грубые Англичане, но люди мягкіе и вѣжливые. Мы знаемъ, говорили они, гдѣ ваши пушки; но Французы берутъ пушки только съ боя. Ушли и Французы, и съ тѣхъ поръ ни одинъ непріятельскій корабль не приближался къ берегамъ Аяна.

Когда Китайцы уступили генералъ-губернатору Амуръ, и онъ устроилъ Приморскую Область, не только безъ городовъ, но даже безъ деревень, да всѣхъ жителей насчитывалось едва

10,000 душъ; однако-жъ Муравьевъ основалъ, близъ устья рѣки Джеи, городъ Благовѣщенскъ. Сюда перезвалъ онъ епископа Иннокентія, и каждый годъ представлялъ его къ наградамъ. У него были: Анна, Александръ и Владиміръ, крестъ на клобукѣ. Даже сына архіерейскаго наградилъ камилавкою, крестомъ, Анною и Владиміромъ. Мирно текли дѣла Амурскаго архіерея; но фортуна еще не всѣ дары излила на него.

Скончался Московскій митрополитъ Филаретъ. Публика назначала на его мѣсто Ярославскаго Нила, какъ старшаго архіепископа, или Тверскаго Филофея. Наконецъ въ одной изъ газетъ явилось неожиданное извѣстіе, что Московскимъ митрополитомъ избранъ и утвержденъ Камчатскій архіепископъ Иннокентій. Всѣ ахнули отъ удивленія. Пошли толки объ этомъ предпочтеніи, но истинной причины не зналъ даже самъ Иннокентій. Ужъ конечно такая неожиданность поразила и новаго митрополита. Тутъ онъ окончательно увѣровалъ, что Духъ Святой пребываетъ на немъ, и что, по Его внушенію, Царь избралъ его въ этотъ высшій санъ на кафедру, гдѣ прежде его засѣдали митрополиты: Алексій, Платонъ и Филаретъ. Прежде назначенія митрополитомъ, Американская Компанія поднесла ему панагію, осыпанную бриллiантами; но чувствуя нужду въ деньгахъ, онъ просилъ замѣнить панагію деньгами, на что Компанія и согласилась. Когда же Царю угодно было пожаловать его саномъ митрополита, онъ рѣшился принять панагію.

Въ Иркутскъ пріѣхалъ онъ въ черномъ клобукѣ, отслужилъ, по обыкновенію, обѣдню у Благовѣщенія и отправился далѣе. Бѣлый клобукъ получилъ онъ въ Казани. Въ Москвѣ, въ Успенскомъ Соборѣ, сказалъ онъ рѣчь, удивившую всѣхъ простотою, свѣтлымъ умомъ и упованіемъ на промыслъ. Въ Троицкой Лаврѣ сказалъ братіи, что хотя онъ и монахъ; но монашеской жизни не знаетъ, обращаясь постоянно съ міромъ по дѣламъ епархіи, а потому не могу васъ учить, а васъ, братіе, прошу меня учить, и поклонился имъ въ землю. Монахи обомлѣли, поглядывали другъ на друга, и не одинъ изъ нихъ не нашелся отвѣчать ему.

Зрѣніе у него постоянно слабѣло; на глазахъ стали рости

катаракты, однако-жъ онъ служилъ, и каждую зиму пріѣзжалъ въ Петербургъ присутствовать въ Св. Синодѣ. Наконецъ катарактъ на одномъ глазѣ созрѣлъ. Въ Москвѣ сдѣлали ему операцію неудачно. Привязались лишаи, и глазъ вытекъ. Оставшимся глазомъ митрополитъ видѣлъ только свѣтъ. Во время службы по церкви водилъ его иподіаконъ. Евангеліе и молитвы читалъ наизусть. Въ 1877 г. оказалось у него сильное головокруженіе, а потому не смѣлъ служить, а въ 1878 г. не пріѣхалъ даже въ Петербургъ. Въ началѣ 1879 г. отнялись у него ноги такъ, что не могъ ходить, а по комнатѣ возили его въ креслахъ съ колесами. Болѣзнь, то усиливалась, то приливала. Въ послѣднее время оказалась у него водянка. Въ пятницу, чувствуя приближеніе смерти, созвалъ всѣхъ окружающихъ его, просилъ у нихъ прощенія, и каждаго благословилъ. Въ 4-мъ часу пріѣхали къ нему: генералъ-губернаторъ, полиціймейстеръ; но митрополитъ былъ уже безъ сознанія. Въ субботу, рано утромъ, скончался въ креслахъ. Тотчасъ дано знать объ этомъ въ Петербургъ, а 1 апрѣля напечатано о томъ въ „Голосѣ".

Митропотитъ былъ человѣкъ семейный; у него былъ сынъ, и, кажется, три дочери. Одна за священникомъ Муравскимъ, другая за священникомъ на Амурѣ, третья монахиней. Братъ священникомъ въ Камчаткѣ. Старшая сестра была замужемъ за крестьяниномъ въ деревнѣ Разводной, близь Иркутска. Отъ нея остались два сына. Митрополитъ всѣхъ ихъ поддерживалъ денежными пособіями. Каждую субботу раздавалъ онъ пособіе бѣднымъ, и на это выходило у него болѣе 6,000 р. въ годъ. Самъ же получалъ до 15,000 р. содержанія. Сынъ его протоіереемъ Новодѣвичьяго монастыря, имѣетъ дѣтей.

Умершаго одѣли въ сакисъ, омофоръ и митру, и прикрыли мантіею. Погребенъ въ Сергіевской Лаврѣ.

Покойный, какъ человѣкъ, безъ сомнѣнія имѣлъ худую и хорошую стороны; но въ этомъ рѣдко бываетъ равновѣсіе: одна сторона всегда перетягиваетъ другую. По наружности онъ былъ рослый и широкій мужчина, что выражало силу тѣлесную. Умъ свѣтлый и глубокій, память превосходную и соображеніе быстрое. Что напишетъ—любо читать. Указываемъ на книги и проповѣди, имъ написанныя. Послѣднее привѣт-

ственное слово, сказанное Императору Александру на пути въ армію, воскрешаетъ Филарета. Превосходно владѣлъ перомъ. Извѣстны три сочиненія его: 1) Записки объ островахъ Алеутскихъ, Колошахъ и проч. 2) Опытъ грамматики Алеутскаго языка, 3) Указаніе пути въ царство небесное. Все это написано просто, но умно. Любилъ современное чтеніе, хотя и называлъ его пустословіемъ. Слѣдилъ за политическими событіями. Утромъ докладывалъ ему секретарь дѣла, а вечеромъ сынъ читалъ ему газеты и журналы. Глубокой учености въ немъ не было; но свѣтлый умъ, изощренный опытомъ, замѣнялъ ее. Любовь имѣлъ ко всѣмъ одинаковую. Для каждаго посѣтителя онъ былъ дома, и только больной не принималъ никого. Всякую просьбу выслушивалъ со вниманіемъ, и рѣшалъ какъ Соломонъ. За то не любилъ ходатайствовать за другихъ. Боялся ли отказа, а съ тѣмъ вмѣстѣ и униженія, или другаго, что знаетъ Богъ. Не любилъ споровъ, даже религіозныхъ. Вообще былъ скроменъ, добръ и безъ малѣйшей гордости. Литургію служилъ просто, Петербургскія дамы съ удовольствіемъ читали его „Указаніе пути въ царство небесное". Въ обществѣ онъ былъ душою: говорунъ, весельчакъ и остроуменъ, безъ обиды и насмѣшки. Касательно религіи, совершенно преданъ былъ волѣ Божіей и вѣрилъ въ будущую жизнь. Богъ, говаривалъ покойный, далъ человѣку волю и страсти, поэтому я прошу Бога, чтобы далъ мнѣ силы направлять волю на добро. Вѣра есть даръ Божій и сила его. У человѣка столь свѣтлаго ума, религія была самая чистая, христіанская.

При вступленіи въ должность, сказалъ между прочимъ духовенству: послѣ такого митрополита, какъ Филаретъ, я не смѣю дѣлать перемѣнъ; но буду оканчивать неоконченное имъ. Въ Петербургскомъ Троицкомъ подворьѣ пристроилъ къ старой новую церковь, съ придѣломъ, на хорахъ, во имя Иркутскаго Святителя Иннокентія, а по Троицкому переулку огромный домъ, приносящій Лаврѣ 30,000 р.

Неожиданное для Россіи возведеніе въ санъ митрополита возродило зависть во всѣхъ надѣявшихся занять эту кафедру, появились насмѣшки надъ его слѣпотою. Творцемъ ихъ подозрѣвали одного изъ викаріевъ уже умершаго. Иннокентій

зналъ это, но былъ хладнокровенъ. Всѣмъ извѣстно, говорилъ онъ, что я не искалъ этого мѣста, не интриговалъ. На то была воля Царя!

Митрополитъ Филаретъ любилъ его душевно и говорилъ: «въ этомъ человѣкѣ что-то Апостольское». То же говорили и другіе епископы, хорошо знавшіе Иннокентія.

При всемъ духовномъ характерѣ и любви, покойный имѣлъ и враговъ—завистниковъ. Сверхъ того его укоряли въ слабости управленія. Доброта нерѣдко переходитъ въ слабость.

Пріемникомъ Иннокентія избранъ Макарій, архіепископъ Литовскій, въ дѣтствѣ такой же сирота, бурсакъ и студентъ, какимъ былъ нѣкогда Иннокентій.

Н. Щукинъ.

Разъясненіе причины: почему А. С. Пушкинъ написалъ посланія къ А. Ѳ. Орлову и П. Д. Киселеву.

Въ іюньской книжкѣ «Русской Старины» помѣщена статья: «А. С. Пушкинъ (1799 — 1837 г.) въ которой, между прочимъ, сказано, что Пушкинъ, въ 1818 году, послѣ предсказанія гадальщицы Кирхгофъ, въ театрѣ встрѣтился съ А. Ѳ. Орловымъ, который убѣждалъ его не оставлять службы при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, и не переходитъ въ гусары (о чемъ предъ этимъ у Пушкина была рѣчь съ П. Д. Киселевымъ; если же и поступить въ военную службу, то уже лучше въ конную гвардію.

Эти нѣсколько словъ, неимѣющіе почти никакого значенія въ общей статьѣ, служатъ важнымъ разъясненіемъ того: почему Пушкинъ написалъ посланіе къ А. Ѳ. Орлову такого рода:

Ты правъ Орловъ, я забываю
Свои гусарскія мечты
И съ Соломономъ повторяю:
Мундиръ и сабля — суеты!

О ты, который съ раннихъ дней
Вставая на военну муку
Усталымъ усачамъ верхомъ,
Преподаешь царей науку.

О ты, который съ горяча,
Свою воинственную руку,
Презрѣнной палкой палача,
Не обезславитъ съ горяча.

Нѣтъ сомнѣнія что, совѣтъ А. С. Пушкину переходить въ конную гвардію былъ сдѣланъ потому, что А. Ѳ. самъ носилъ мундиръ Коннаго полка.

О Павлѣ же Дмитріевичѣ Киселевѣ Александръ Сергѣевичъ отозвался такъ:

На генерала Киселева
Не положу своихъ надеждъ.
Онъ очень милъ, о томъ ни слова;
Но врагъ коварства и невѣждъ.

***

За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ:
До ночи слушать радъ его;
Но онъ придворный: обѣщанья, ему не стоятъ ничего!

Оба эти стихотворенія стали извѣстны, хотя не всѣмъ, только въ 1836 году.

Съ 1814 г. П. Д. Киселевъ состоялъ флигель-адъютантомъ Императора Александра I, и сопровождалъ его на конгрессъ въ Вѣну, а, на 29 году отъ роду, т. е. въ 1817 году, произведенъ въ генералъ-маіоры.

Такимъ образомъ теперь становится понятнымъ смыслъ, содержаніе и причина появленія стихотвореній.

Н. А. Лебедевъ.

24 іюня 1879 г.

Съ 1 іюля 1879 года будетъ выходить

НОВАЯ ДЕШЕВАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ, ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ.

Газета будетъ выходить ежедневно въ форматѣ нашихъ „большихъ“ газетъ, въ шесть столбцовъ плотнаго, убористаго, но четкаго шрифта.

Условія подписки — съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 іюля 1879 по 1 іюля 1880 года) 6 рублей; на полгода (съ 1 іюля 1879 по 1 января 1880 года) 4 рубля; на три мѣсяца (съ 1 іюля по 1 октября 1879 года) 3 рубля; на одинъ мѣсяцъ 1 руб. сер. *Безъ пересылки и доставки подписка не принимается.*

Приступая къ изданію новой ежедневной газеты, мы имѣемъ въ виду одну цѣль: принести, по мѣрѣ своихъ силъ, пользу нашему обществу. Къ достиженію этой цѣли мы пойдемъ путемъ спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ вопросамъ и явленіямъ современной жизни. Разработка вопросовъ, намѣченныхъ реформами настоящаго царствованія, займетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ нашей газетѣ, столбцы которой мы охотно открываемъ для каждаго честнаго слова и безпристрастнаго мнѣнія. Вопросы городскаго и земскаго самоуправленія, экономическій бытъ и нужды сельскаго и городскаго населеній, народное образованіе, положеніе духовенства — все это будетъ для насъ предметомъ самыхъ серіозныхъ заботъ и вниманія. Словомъ, наша газета будетъ по преимуществу органомъ интересовъ русской жизни. Мы не забудемъ также и нашихъ сектантовъ, знакомство съ которыми въ нашихъ глазахъ имѣетъ большое значеніе. Особенное вниманіе мы обратимъ на

провинцію, которая давно и настойчиво заявляетъ о своемъ существованіи, но до сихъ поръ мало находила участія со стороны столичной печати *). Такова въ общихъ чертахъ задача *Русскаго Курьера*.

Скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ изданія. Желая сдѣлать газету доступною для большинства русскихъ читателей, мы назначаемъ за годовое изданіе *Русскаго Курьера* съ доставкой на домъ въ столицѣ и пересылкою во всѣ города **шесть** рублей. Слѣдовательно наша газета почти **втрое дешевле всѣхъ „большихъ" газетъ**, а по формату (величинѣ листа и количеству матеріала) одинакова съ ними. Программа **Русскаго Курьера** слѣдующая: Постановленія и распоряженія правительства и движенія по государственной службѣ; придворныя извѣстія; телеграммы; обзоръ политическихъ событій, общественной жизни, и обсужденіе „вопросовъ дня"; военныя извѣстія; мнѣнія русской и иностранной печати по данному вопросу и сущность руководящихъ статей; иностранныя извѣстія по русскимъ и заграничнымъ источникамъ; извѣстія изъ славянскихъ земель. Жизнь Россіи; наши домашнія дѣла; корреспонденціи; народное образованіе; внутреннія извѣстія; судебная хроника; научныя извѣстія; литература; искуства и художества; театръ; музыка, историческія свѣдѣнія; мелкія извѣстія, случаи, анекдоты; биржевыя, желѣзно-дорожныя, торговыя и др. свѣдѣнія; справки и проч.

Имена извѣстныхъ уже читающей публикѣ литераторовъ и ученыхъ, изъявившихъ согласіе принять участіе въ нашей газетѣ, мы огласимъ въ непродолжительномъ времени. Считаемъ не лишнимъ упомянуть, что всѣ начинающія молодыя литературныя силы будутъ приняты нами съ полнымъ радушіемъ.

Первый № **„Русскаго курьера"** *выйдетъ 26 іюня.*

---

*) Въ виду послѣдняго обстоятельства, мы и обращаемся съ усердною просьбой ко всѣмъ провинціальнымъ дѣятелямъ о содѣйствіи.

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“

Годъ девятый.

Полное годовое изданіе журнала **„Семьи и Школы“** (подп. ц. съ перес. *двѣнадцать р.*) состоитъ изъ **двадцати двухъ** книгъ и **сорока** нумеровъ **„Педагогической хроники“**.

I. „Семейное чтеніе“ (*для дѣтскаго чтенія*) выходитъ ежемѣсячно (отъ 5 до 6 печатн. лист. въ 1/8), т. е. 12 книгъ въ годъ.

II. „Воспитаніе и обученіе“ (*для родителей и воспитателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля) съ добавленіемъ „*Педагогической хроники Семьи и Школы*“, выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ.

Подписная цѣна.

	На полный журналъ (22 кн. и 40 нум. „Педагогической хроники“.	Отдѣльно:	
		На книгу 1-ю „Семейное чтеніе“ 12 книгъ).	На книгу II-ю (Воспитаніе и обученіе“: 10 книгъ и 40 нум. „Пед. хроники“).
Въ С.-Петербургѣ безъ дост.	11 р. — к.	9 р. — к.	4 р. — к.
Въ С.-Петербургѣ съ доставкою.	11 » 50 »	9 „ 50 „	4 „ 50 „
Во всѣ мѣста имперіи.	12 » — »	10 „ — „	5 „ — „
За границу.	16 » — »	13 „ — „	7 „ — „

I. **Подписка** принимается въ конторѣ **„Семьи и Школы“**: С.-Пб. Васильевскій островъ, 15 линія, близь набережной, д. № 8, кв. № 20, или же адресуется просто: въ *С.-Петербургъ, въ контору* журнала „Семья и Школа“ *(адресъ почтамту извѣстенъ)*.

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“, иллюстратированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія, выходитъ ежемѣсячно по 10—12 листовъ in 8°, въ двухъ книгахъ и 40 нумерахъ еженедѣльныхъ добавленій къ книгѣ 2-й— подъ назв. **„Педагогическая Хроника** Семьи и Школы“, по слѣдующей программѣ:

Книга 1. **Семейное чтеніе** (12 книгъ въ годъ).

Чтеніе религіозно-нравственнаго содержанія. Разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр.

Занятія: игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія.

Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Книга 2. **Воспитаніе и обученіе** въ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ (10 книгъ въ годъ).

ОТДѢЛЪ I. **Педагогія, Дидактика и Методика.** Общія статьи педагогическаго содержанія. Воспитаніе домашнее

и общественное. Физическое воспитаніе и гигіена. Предметы и методы обученія. Учебныя пособія. Учебные матеріалы и принадлежности.

ОТДѢЛЪ II. **Критика и Библіографія** русскихъ и замѣчательнѣйшихъ изъ иностранныхъ сочиненій, изданій и пособій, соприкосновенныхъ съ учебно-воспитательнымъ дѣломъ.

ОТДѢЛЪ III. **Біографическіе очерки** педагогическихъ дѣятелей и статьи по исторіи педагогіи, съ приложеніемъ портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей, иностранныхъ и русскихъ.

Отдѣлъ математическій: 1) Самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; 2) Разработка тѣхъ или другихъ частей курса средне-учебныхъ заведеній, на научно-педагогическихъ основаніяхъ; 3) Историческія замѣтки; 4) Библіографія и т. п.

При книгѣ 2-й выходитъ добавленіе, въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ, подъ названіемъ.

„Педагогическая хроника Семьи и Школы“,
заключающая въ себѣ отдѣлы IV и V программы 2-й книги (Хронику и Смѣсь), а именно:

Правительственныя распоряженія, постановленія и жизнь учебныхъ и учебно-воспитательныхъ заведеній — правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ. Корреспонденція. Заявленія педагогическаго содержанія и всякаго рода объявленія о вновь выходящихъ книгахъ, учебныхъ пособіяхъ, матеріалахъ и проч.

Подписка продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе нумера, начиная съ перваго.

1—2

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный журналъ

литературный, научный и политическій

„ПРИРОДА и ЛЮДИ".

Предпринявъ съ 1878 года изданіе, съ цѣлью служить однимъ изъ органовъ для самообразованія и развитія, редакція, выборомъ статей и способомъ ихъ изложенія, старалась дать такой матеріалъ для чтенія, который бы удовлетворялъ потребностямъ лицъ, ищущимъ самообразованія и развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлью редакціи было дать ежемѣсячный журналъ, по возможности, за дешевую цѣну. Стараясь достигнуть этой цѣли и прислушиваясь къ голосу своихъ подписчиковъ, редакція съ 1879 г. дополняетъ журналъ политическимъ отдѣломъ, въ который войдетъ хроника внутренней жизни Россіи и политическая хроника европейской жизни. На первомъ планѣ, какъ и прежде, будутъ поставлены реальныя свѣдѣнія, касающіяся жизни человѣка, природы и ея явленій, а также и политической современной жизни. Вообще же, программа журнала будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Романы, повѣсти и разсказы оригинальные. II. Переводы иностранныхъ романовъ. III. Этнографическіе очерки народовъ, живущихъ въ Россіи, съ хромолитографіями и гравюрами, а также очерки различныхъ народовъ земнаго шара. IV. Очерки и картины природы. V. Естествознаніе. VI. Техника и разнаго рода производства, промыслы и занятія человѣка. VII. Свѣдѣнія по части изобрѣтеній и усовершенствованій, двигающихъ науку и улучшающихъ бытъ человѣка. VIII. Хроника внутренней жизни Россіи. IX. Политическая хроника европейской жизни. X. Путешествія по всѣмъ странамъ земнаго шара и новѣйшія географическія открытія. XI. Смѣсь, состоящая изъ статей разнообразнаго содержанія, мелкихъ разсказовъ, анекдотовъ и проч.

Подписчики на журналъ пользуются слѣдующею уступкою на капитальныя изданія редакціи.

1) ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ. Э. Реклю. За каждый томъ уплачиваютъ вмѣсто 8 р. по 6 руб., безъ пересылки. Вышли первые три тома.

Въ вышедшихъ книгахъ Сборника «Изумрудъ» помѣщены:

Братоубійца—Эли Бертэ.
Лейла—изъ турецкихъ нравовъ.
Король Англо-Саксовъ—Э. Бульвера.
Обелискъ Нерона—изъ временъ папы Сикста V.
Пиръ смерти—изъ временъ первой французской революціи.
Ночь въ Фонтенебло—изъ царствованія Людовика XVI.
Трагическая развязка—автора романа графъ де-Фуа.
Испорченная жизнь—Эли Бертэ.
Тайна индѣйскихъ офицеровъ—Миссъ Бреддонъ.
Поединокъ въ Гернейскомъ лѣсу—изъ слѣдственнаго дѣла Ліонеля Варлейга—Уильки Коллинза.
Фрегатъ Аркона—Бэра.
Опасная комната.
Почему я не сдѣлался адвокатомъ.
Подъ бичемъ чумной заразы (описаніе чумы, опустошившей югъ Франціи)—М. Лафонъ.
Игрушка фортуны.
Раскаяніе мстителя—изъ временъ короля Карла VI.
Казнь королевы Анны.

и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Иногородные, желающіе выписать этотъ годъ, остающійся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, могутъ еще получить его изъ конторы редакціи по 6 рублей за экземпляръ.

Примѣчаніе 1. Для новыхъ иногородныхъ подписчиковъ на 1879 годъ Редакція считаетъ возможнымъ сдѣлать уступку, а именно: вмѣсто слѣдуемыхъ за Сборникъ 1878 года шести рублей, они благоволятъ высылать только 4 рубля.

Примѣчаніе 2. Во избѣжаніе недоразумѣній, редакція считаетъ нужнымъ прибавить, что Сборникъ за 1878 годъ уступается только тѣмъ новымъ иногороднымъ подписчикамъ на 1879 годъ, которые вышлютъ деньги за оба года одновременно, т. е. 10 рублей.

Примѣчаніе 3. Сборникъ за 1878 годъ уступается только иногороднымъ подписчикамъ на 1879 годъ, а для Москвы цѣна остается таже, т. е. безъ доставки 5 руб., съ доставкою 5 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ Москвѣ въ конторѣ редакціи и книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, братьевъ Улитиныхъ, В. Д. Кашкина и Центральномъ.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно только къ издателю Сборника, адресуя требованія слѣдующимъ образомъ: въ г. Москву, въ контору редакціи сборника „Изумрудъ“, Редактору-Издателю Михаилу Николаевичу Воронову, на Тверской улицѣ, домъ № 280.

Редакторъ-Издатель **М. ВОРОНОВЪ**

2) ЗЕМЛЯ И ЕЯ НАРОДЫ. Фр. Гельвальда. За каждый изъ 4-хъ томовъ уплачиваютъ на 20% дешевле объявленной въ продажѣ цѣны безъ пересылки. Сочиненіе это вполнѣ окончено.

Оба означенныя сочиненія роскошно иллюстрированы лучшими французскими художниками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 12 книжекъ въ годъ 5 р. 50 коп., съ пересылкою 6 руб.

Подписка принимается исключительно въ картографическомъ заведеніи Г. Ильина, на углу Большой Мастерской ул. и Екатерингофскаго Пр., д. № 11—43. Въ С.-Петербургѣ.

1—3

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

на ежедневную политическую и литературную газету

„НОВОСТИ"

Съ 1-го іюля по 31-е декабря 1879 года.

(Третій годъ изданія подъ новою редакціею)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 8 РУБЛЕЙ.

	на 1 г. руб.	11 м. р.	к.	10 м. р.	к.	9 м. р.	к.	8 м. р.	к.	7 м. р.	к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ:	8	7	50	7	—	6	50	6	—	5	50
Съ пересылкою:	9	8	25	7	50	7	—	6	50	5	75

	на 6 м. р.	5 м. р.	к.	4 м. р.	к.	3 м. р.	2 м. р.	1 м. р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5	4	50	3	80	3	2	1
Съ пересылкою:	5	4	50	4	—	3	2	1

1—3

Подписывающіеся на весь 1879 г. получаютъ всѣ нумера съ 1-го января.

Письма и деньги адресуются: въ С.Петербургъ, въ редакцію газеты „НОВОСТИ" (адресъ почтамту извѣстенъ).

Газета „НОВОСТИ" выходитъ **безъ предварительной цензуры** ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующія за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило—не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всесторонней оцѣнки и освѣщенія, не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера, газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ-нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣдѣній, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ спеціальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ прочитавшій внимательно даже одинъ или два нумера газеты, можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутины, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе, выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляется безъ освѣщенія; что, при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстій, получаемыхъ редакціей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и корреспондентовъ, она имѣетъ возможность заимствованія изъ другихъ изданій подчинять самому строгому критическому выбору и пріурочивать къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою „Русская печать", Редакція не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точекъ зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою „Свѣтъ и Тѣни" наиболѣе выдающіяся явленія обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой практическій матерьялъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матерьяльный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты пріурочен ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ.

Основныя эпохи въ исторіи Англіи.

(Альфредъ великій.—Вильгельмъ завоеватель.—Великая Хартія).

Основныя эпохи въ исторіи Англіи обнимаютъ событія съ перваго исторического проявленія государственнаго строя Англіи до 1300 г.,—слѣдовательно тѣ событія, которыя составили сущность и форму всей дальнѣйшей государственной жизни Англіи. Все послѣдующее за этими эпохами, не смотря на яркость своихъ красокъ, служитъ только развитіемъ даннаго начала, не внося уже никакого новаго элемента. Сообразно съ такимъ значеніемъ описываемаго времени, въ предлагаемомъ трудѣ обращено преимущественное вниманіе на факты, имѣющіе вліяніе въ государственномъ развитіи, хотя бы эти факты, по отношенію къ своему времени, рѣзко и не выказывались. Въ большей подробности разсмотрѣны дѣятельность короля Альфреда, вліяніе и результаты норманнскаго завоеванія, борьба за Великую Хартію и на оборотъ только упомянуты почти перечнемъ различныя войны, возникшія изъ честолюбивыхъ стремленій, изъ правъ наслѣдованія.

Такъ какъ въ нашей исторической, вообще небогатой литературѣ, кажется, до сихъ поръ почти нѣтъ исторіи Англіи, кромѣ учебниковъ всеобщей исторіи, хотя не лишенныхъ серьёзныхъ достоинствъ и заслуженныхъ успѣховъ, но тѣмъ не менѣе недостаточныхъ по своему объему и способу изложенія, то настоящее сочиненіе не можетъ быть излишнимъ словомъ. Безъ

претензіи на самостоятельность изслѣдованій, авторъ воспользовался тѣми многочисленными спеціальными трудами, которыми такъ богаты иностранныя литературы, и съ которыми большинство нашего общества еще незнакомо. Въ заключеніе необходимо сказать еще одно слово.

Для избѣжанія безпрерывныхъ подстрочныхъ цитированій, не приносящихъ существенной пользы, такъ какъ знакомые съ исторической литературой могутъ сами, безъ труда и безъ указаній, повѣрить вѣрность изложенія, въ текстѣ настоящаго труда помѣщены ссылки только на тѣ сочиненія, которыя по чему-либо выдѣляются изъ общей массы.

ЧАСТЬ I.

Съ древнѣйшихъ временъ до Вильгельма завоевателя.

Глава I.

Свѣдѣнія о древнемъ населеніи Британіи.—Вторженія Саксовъ.—Гептархія.—Государи Эгбертъ (800—836) и Этельвульфъ (836—858).—Юность Альфреда.

По древнимъ преданіямъ островъ Британія назывался прежде стороною зеленыхъ холмовъ, медовымъ островомъ и затѣмъ Бритомъ (Bryt) или Придайномъ [1]). По естественному положенію своему онъ раздѣлялся на двѣ неравныя части, граничившимися рѣками Фордомъ и Клейдомъ: сѣверную, извѣстную подъ названіемъ Албенъ—страною горъ и южную, раздѣлявшуюся на двѣ части—западную Кимру и восточную Ллоёгръ.

Древнее же доисторическое населеніе Британіи, кельтическаго племени, составляли первичные поселенцы Камбры, пришедшіе съ восточныхъ окраинъ Европы, затѣмъ Логріяне, переселившіеся съ юго-западной части Галліи и, оттѣснивъ къ западу Камбровъ, занявшіе юго-восточную часть острова, и наконецъ Бритты, переселившіеся съ западной части Галліи,

[1]) Myvyrian archaiology of Wales, vol. II p. 57.

и занявшіе, вѣроятно, мѣстность къ сѣверу отъ Камбровъ и Логріанъ, между заливами Фордъ и Сольвейскимъ. Населенія эти составляли семейства или общества, управляемыя независимыми вождями, и имѣвшія каждое свой самостоятельный бытъ. Объ организаціи этихъ обществъ, народномъ характерѣ и судьбахъ ихъ не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Изъ легендъ, пѣсенъ и преданій, дошедшихъ до насъ и вѣроятно измѣненныхъ подъ вліяніемъ позднѣйшихъ поколѣній, можно получить только самое туманное понятіе о характерѣ населенія, его мечтательномъ настроеніи, воинственномъ, но не звѣрски жестокомъ духѣ и врожденномъ уваженіи семейственныхъ правъ. Вѣроятно, Бритты древняго періода ничѣмъ не отличались отъ дикарей, стоящихъ на самой низшей степени развитія.

Болѣе ясныя указанія относятся къ времени завоеванія острова римлянами. Послѣ блестящаго, но безслѣднаго вторженія въ Британію Юлія Цезаря, римское оружіе не появлялось тамъ до императора Клавдія. Въ царствованіе же этого послѣдняго государя римскіе легіоны, составленные частью изъ германцевъ, подъ предводительствомъ, сначала Авла Плавція, а потомъ Осторія Скапулы, покорили почти всю южную и сѣверо-западную стороны острова съ частью Уэльса [1]). Съ этого времени должно считать римское владычество окончательно утвердившимся. Подобно всѣмъ другимъ пограничнымъ отдаленнымъ провинціямъ, Британія платила ежегодную дань, доходившую до 3-хъ тысячь ливровъ серебра, управлялась намѣстниками, и, подобно всѣмъ другимъ, терпѣла отъ ненасытной алчности корыстолюбивыхъ римскихъ чиновниковъ. Вопіющія злоупотребленія послѣднихъ не разъ вызывали возстанія угнѣтенныхъ побѣжденныхъ, подавляемыя обыкновенно огнемъ и мечомъ.

Въ царствованіе Веспасіяна, съ назначеніемъ туда замѣчательнаго человѣка того времени Юлія Агриколы, въ управ-

---

[1]) Римскія пограничныя укрѣпленія простирались отъ устьевъ Клейда до устьевъ Форда и отъ залива Солвейскаго до устьевъ Тейна и состояли изъ двойнаго вала и стѣны съ башнями (Camden, Britannia, t. II. p. 648).

леніи Британіи произошла значительная перемѣна. Стараясь объ утвержденіи, на прочныхъ основаніяхъ, римскаго владычества въ этой провинціи, этотъ государственный мужъ все вниманіе свое употреблялъ на внутреннія распорядки, на установленіе добрыхъ отношеній между побѣдителями и побѣжденными, на правильное распредѣленіе повинностей и на бдительный надзоръ за дѣйствіями римскихъ чиновниковъ. Естественнымъ слѣдствіемъ разумныхъ мѣропріятій этого намѣстника было извнѣ расширеніе римской территоріи на сѣверѣ до Эдинбурга и Глазгова, внутри возрастающее развитіе народнаго благосостоянія.

Владычество римлянъ въ Британіи продолжалось болѣе двухъсотъ лѣтъ, но въ теченіи этого времени духъ римской колонизаціи мало привился къ туземцамъ. Историческіе источники не передаютъ никакихъ извѣстій объ общественныхъ сооруженіяхъ, зданіяхъ, водопроводахъ и т. п.; даже ни одинъ лѣтописецъ не носитъ британскаго имени. Со второй половины III вѣка римскіе императоры стали получать извѣстія о смѣлыхъ пиратахъ съ береговъ Эльбы, опустошавшихъ сѣверныя окраины имперіи. То были Саксы. Эти смѣлые пираты показали себя до такой степени опасными сосѣдями для провинціи Британіи, что мѣропріятія къ обузданію ихъ сдѣлались спеціальнымъ назначеніемъ особаго новаго магистрата comes littoris saxonici. Но когда Римъ, угрожаемый варварами, принужденъ былъ, для защиты себя, прибѣгнуть къ послѣднимъ силамъ своихъ цезарей, отозвать находившіеся въ провинціяхъ легіоны,—Бритты изъ первыхъ предоставлены были собственнымъ своимъ средствамъ и такимъ образомъ очутиться въ томъ же положеніи, въ какомъ были до присоединенія къ римскому міру, т. е. народомъ совершенно отрѣзаннымъ отъ всей вселенной, какъ выразился Виргилій: Toto divisos orbe Britanicos.

Въ отчаяніи, оставленные въ полномъ уединеніи, гонимые къ морю сѣверными сосѣдями Пиктами и Скотами [1]) и вновь

---

[1]) Первые населяли восточную часть Каледоніи, страны лѣсовъ,—берега нѣмецкаго моря, вторые же западную часть и сѣверо-запад-

отгоняемые отъ моря новыми врагами Саксами, напрасно умоляли они о помощи. Громъ разрушающейся имперіи заглушалъ ихъ жалобы; Бритты оставались только при своихъ силахъ. Любовь къ національной независимости, нѣкогда соединявшая и поддерживавшая ихъ въ борьбѣ съ Римомъ, подъ владычествомъ императоровъ изчезла. Отданные самимъ себѣ, они дѣлались болѣе легкой жертвой враговъ отъ раздѣленія и раздробленія своихъ силъ. Страна состояла изъ небольшихъ обществъ, слабыхъ и неустойчивыхъ, то иногда сливавшихся другъ съ другомъ, то вновь раздѣлявшихся еще на болѣе мелкія части или посредствомъ наслѣдственнаго раздѣла господствующихъ династій, или отъ предпріимчивости новыхъ претендателей. Даже въ мирное, спокойное время въ отношеніяхъ ихъ между собою было полное равнодушіе и не было единства. Они не умѣли видѣть общей опасности отъ враговъ, нападавшихъ на нихъ постепенно и поочередно. Разновременные набѣги Пиктовъ и Скотовъ [2]), гибельные для всѣхъ, но направляемые въ отдѣльности на какое либо общество, даже поддерживали такое несчастное положеніе. Эгоистичные и испорченные Бритты оказались воинами только для гражданской войны или для изолированной защиты каждой области.

Правда, они иногда выбирали изъ своихъ владѣтелей одного, облеченнаго высшею властью, имѣвшаго своей резиденціей Лондинъ-городъ кораблей, вокругъ котораго собирались на общее совѣщаніе всѣ остальные вожди, но эта власть была болѣе номинальная, и облеченный ею, по невозможности ли или по нежеланію направить ее къ общей защитѣ и къ уничтоженію взаимныхъ раздоровъ, пользовался ею только для преслѣдованія личныхъ эгоистичныхъ интересовъ. Бритты погибали.

Однако жъ одно время они считали себя спасенными (449 г.).

ный архипелагъ, отдѣляясь другъ отъ друга цѣпью Грампіанскихъ горъ. Пикты считались народомъ осѣдлымъ, обработывавшимъ землю и имѣвшимъ постоянныя жилища, Скоты же, какъ жители горъ, состояли изъ бродячихъ охотниковъ и пастуховъ.

[2]) Кромѣ случайныхъ набѣговъ, жители Каледоніи почти каждую весну переправлялись черезъ Клейдъ въ ивовыхъ лодкахъ, подбитыхъ кожами, и, нападая на пограничныя области, производили ужасныя опустошенія.

Къ морскимъ восточнымъ берегамъ Кента, къ тому мысу, гдѣ высаживались и римскіе легіоны, прибыли три корабля съ иностранцами, изгнанными изъ своего отечества, подъ предводительствомъ двухъ храбрыхъ братьевъ: Генгиста и Горзы. Вортигернъ или Гуортеврнъ, (Wortigern—Gurthevyrn), облеченный въ то время высшею властью всѣхъ силъ острова, тотчасъ же пригласилъ прибывшихъ и, при помощи ихъ, одержалъ рѣшительную и кровопролитную побѣду, положившую конецъ на долго вторженіямъ Пиктовъ и Скотовъ. Но въ этихъ новыхъ союзникахъ Бритты скоро узнали прежнихъ враговъ Саксовъ— людей съ длинными ножами. До этого времени въ отдаленныхъ набѣгахъ Саксы искали только опасности и добычи; Генгистъ и Горза напротивъ желали утвердиться въ Британіи. Изгнанные и принужденные искать новаго отечества, они основались на островѣ Таветѣ. Такое положеніе не могло продолжаться долго. Скоро надоѣло имъ спокойно пользоваться ограниченнымъ владѣніемъ. Они знали, защищая Бриттовъ, какъ легко побѣдить этотъ народъ, не способный защищать самого себя. Мечтая о бурной и отважной жизни, они воспользовались первыми возникшими внутренними гражданскими войнами, призвали себѣ на помощь и на раздѣлъ завоеваній братьевъ своихъ изъ Германіи, заключили міръ съ Скотами, прежде побѣжденными ими по приглашенію Бриттовъ, и—напали на послѣднихъ. Напрасно Бритты наконецъ теперь пытались соединиться и выказать противъ новой возникшей опасности энергію; каждое сраженіе, каковъ бы ни былъ его исходъ, уменьшало ихъ число. При полномъ отсутствіи внѣшнихъ подкрѣпленій и союзниковъ, самая побѣда ихъ ослабляла больше, чѣмъ пораженіе ослабляло Саксовъ, безпрерывно подкрѣпляемыхъ новыми борцами. Съ 457 года Генгистъ могъ, не увлекаясь воображеніемъ, принять титулъ короля Кента.

Отчаянныя усилія Бриттовъ, слишкомъ недостаточныя для отраженія Саксовъ, могли по крайней мѣрѣ еще обуздывать движеніе впередъ и сдерживать ихъ въ тѣсныхъ границахъ. Генгистъ не могъ продолжать дальнѣйшихъ завоеваній, не теряя первыхъ. Чтобы отодвинуть Бриттовъ еще дальше, и основать новое государство, необходимо было прибытіе изъ

Германіи новаго предводителя съ новой арміей; для охраненія каждой завоеванной области необходима была военная сила, постоянное войско и король; для овладѣнія всѣмъ островомъ надобно было Англо-Саксамъ сто двадцать пять лѣтъ и семь завоеваній. Начались послѣдовательныя и отдѣльныя эмиграціи съ континента. То не были свѣжія силы, присоединяющіяся къ прежнимъ торжествующимъ толпамъ, то было каждый разъ новое царство, исторгнутое отъ борющихся еще Бриттовъ. Наконецъ только Уэльсъ остался за прежними обитателями, только тамъ продолжалась отчаянная и упорная борьба за самостоятельность и независимость. Все же остальное въ 586 г. составило гептархію изъ королевствъ: Кента, Вессекса, Суссекса, Эссекса, Нортумберланда, Остъ-Англіи и Мерціи [1]).

Только черезъ два вѣка эти Саксія государства сли-

---

[1]) По основательному мнѣнію ученаго Тюрнера (Histoire des Anglo-Saxons, tome. pag. 190) правильнѣе было бы названіе Октархіи, такъ какъ королевство Нортумберландское образовалось изъ двухъ, долгое время существовавшихъ государствъ: Дейра и Берниція.

Что же касается до времени основанія Англо-Саксвихъ государствъ и ихъ территорій (по мѣстности нынѣшнихъ графствъ), то можно принять слѣдующія данныя:

Въ 457 году Юты, подъ предводительствомъ Генгиста, основали государство Кентъ, территорію котораго занимали графство Кентъ, островъ Wight и часть Гампшира, лежащая противъ острова.

Въ 500 г. Саксы, подъ предводительствомъ Эллы, основали царство Суссекса, составляющее графство Суссексъ.

Въ 519 г. Саксы, подъ предводительствомъ Кердика, основали королевство Вессекса, простирающееся отъ графства Сюррея, смежнаго съ Суссексомъ и Кентомъ до западныхъ границъ Англіи и заключающее въ себѣ такимъ образомъ графство Сюррей, остальную часть Гампшира, не занятую Ютами, Беркширъ, Вильтширъ, Сомерсетширъ и Девонширъ.

Въ 530 г. послѣднія шайки Саксовъ (имя предводителя неизвѣстно) утвердились на сѣверныхъ границахъ Кента и Вессекса и основали государство Эссекса, въ которомъ находились весьма важныя мѣстности Темзы и Лондона. Территорія этого царства обнимала графство Эссексъ, Мидльсексъ и южную часть графства Герфордъ.

Съ 527 года стали прибывать отряды Англовъ, которые соединясь образовали особое государство восточной Англіи, заключающее въ себѣ графства Норфолькское, Суфолькское, Кембриджское, островъ Ели и вѣроятно часть Бедфордшира.

Въ 547 г. новыя шайки Англовъ, подъ предводительствомъ Иди, высадились въ сѣверо-восточной части и основали государство Берницію, въ составъ котораго вошли Нортумберландъ и южная часть Шотландіи между Твидомъ и заливомъ Фортъ. Въ 560 г. новыя шайки

слились въ одно цѣлое. Ихъ исторія впродолженіи этого долгаго времени была точно также только темною сѣтью гражданскихъ войнъ, безъ связи и политической идеи, гдѣ видны только необъяснимыя своеволія удалыхъ варваровъ и ни одной серьёзной попытки къ объединенію саксокой расы. Мильтонъ говоритъ: удобнѣе слѣдить за сшибками стай коршуновъ и вороновъ въ воздушномъ пространствѣ, чѣмъ за борьбой и безплодными революціями Саксовъ въ теченіи слѣдующихъ двухъ вѣковъ (Milton, Prose-Works, v. III, p. 183).

Впрочемъ и въ этотъ печальный періодъ выдаются отрадныя явленія, характеризующія врожденное стремленіе Саксовъ къ установленію гражданскаго порядка. Король Нортумберланда Эдвинъ пытался возстановить дѣйствіе саксвихъ законовъ, потерявшихъ значеніе въ безпрерывной борьбѣ. Король Вессекса Инъ (688—726) издалъ новые законы, сообразные съ духомъ народа и времени, учредилъ школы для народнаго образованія и старался сблизить Бритговъ и Саксовъ посредствомъ брачныхъ отношеній.

Къ этому же времени относится утвержденіе христіанства, хотя первые слѣды христіанства относятся къ самымъ отдаленнымъ временамъ. Такъ по преданію сохранилось извѣстіе, будто еще апостолы Симонъ Зилотъ и Аристовулъ (кипрянинъ, братъ апостола Варнавы) проповѣдывали слово Божіе въ Британіи, что послѣдній тамъ погибъ мученической смертью, и что въ III и IV вѣкахъ христіанская вѣра имѣла уже тамъ

Англовъ основались къ югу отъ первыхъ, отъ границъ Берниціи до рѣки Гумбера, занимая территоріи Ланкастера, Іорка, Вестморленда, Кумберланда и графства Дургамъ. Это государство называлось Дейра. Берниція и Дейра впослѣдствіи слились въ одно государство Нортумбрію.

Наконецъ въ исходѣ 586 г. Англы заняли всю страну, граничившую къ сѣверу рѣкою Гумберомъ и государствомъ Дейра, къ западу Уэльсомъ, къ югу Саксскими государствами, къ юго-востоку и востоку восточной Англіей и моремъ. Такимъ образомъ въ составъ этого государства (Мерція) вошли: сѣверныя части Герфордшира и Бедфордшира, территоріи Нортамтона, Готингтона, Рютланда, графства Линкольнское, Нотингамское, Дерби, Честера, Стадфордшира, Сропшира, Ворчестершира, Герфордшира, Варвикшира, Лейчестершира, Глочестершира, Оксфордшира и графство Букингамское. Занимая центральную часть Англіи, Мерція должна была считаться, если не самымъ сильнымъ, то по крайней мѣрѣ самымъ большимъ по пространству изъ всѣхъ семи Англо-Саксскихъ государствъ.

довольно значительное число послѣдователей. Затѣмъ дальнѣйшее распространеніе христіанства прекратилось вслѣдствіе вторженій язычниковъ — Саксовъ, заставившихъ христіанъ — Бриттовъ удалиться частью въ горы Шотландіи, частью въ горы Уэльса. Здѣсь же, въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ, христіанство продолжало, хотя и медленно, развиваться, благодаря неутомимой ревности мѣстныхъ христіанскихъ проповѣдниковъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ св. Патрикій, проповѣдывавшій въ V вѣкѣ въ Ирландіи. Христіанская ревность этихъ апостоловъ-проповѣдниковъ всецѣло носила на себѣ характеръ окружающей ихъ суровой, туманной и скалистой мѣстности. Поученія ихъ полны самоотреченія; аскетическая жизнь ихъ, вся посвященная неутомимому и тяжелому труду, съ своей стороны оказала весьма благотворное вліяніе: дикая, пустынная земля обратилась въ плодородныя поля, а монастыри ихъ сдѣлались разсадникомъ основательнаго и серьёзнаго просвѣщенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое направленіе христіанскаго ученія у независимыхъ Бриттовъ не только отдаляло на долгое время мѣстное духовенство отъ духовенства римскаго, но даже поставило ихъ въ враждебныя отношенія.

Къ концу завоеванія Англо-Саксовъ папа римскій Григорій великій, заботясь о распространеніи слова Божія, обратилъ особенное вниманіе на Британію. Съ цѣлью имѣть благовѣстниковъ изъ туземцевъ, онъ распорядился обученіемъ нѣсколькихъ молодыхъ Англо-Саксовъ, а потомъ въ 597 году отправилъ въ Англію миссіонерами нѣсколько римскихъ монаховъ, въ числѣ которыхъ выдается имя венедиктинца Августина, впослѣдствіи перваго кентерберійскаго епископа, съ письмомъ къ христіанской супругѣ Кентскаго короля язычника Этельберта, королевѣ Бертѣ. Интересенъ и характеристиченъ разсказъ современной лѣтописи о первыхъ шагахъ миссіонеровъ въ Британіи. Запасшись переводчиками, миссіонеры, прибывъ въ Кентское королевство, послали сказать королю: „мы принесли тебѣ самую радостную вѣсть,—вѣсть о жизни вѣчной для тѣхъ, которые увѣруютъ словамъ нашимъ“. Вѣроятно подъ вліяніемъ убѣжденій жены, король не отнесся враждебно къ новымъ пришельцамъ. Мало того, остановивъ проповѣдни-

ковъ на островѣ Танетѣ, близь Кента, онъ отправился къ нимъ, самъ лично услышать предложенія христіанскихъ учителей, выбравъ однако жъ, изъ опасенія волшебства и чаръ, для совѣщаній мѣсто подъ открытымъ небомъ. Выслушавъ съ вниманіемъ новое ученіе, онъ сказалъ: «хороши слова и обѣщанія ваши, но для меня они совершенно новы, и я не могу сейчасъ же согласиться съ ними и оставить отцовскіе обычаи. Но какъ вы пришли къ намъ издалека съ добрымъ словомъ, то я не только не мѣшаю вамъ, но хочу принять васъ дружелюбно и снабдить васъ всѣмъ необходимымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не запрещаю вамъ присоединять къ своей вѣрѣ тѣхъ, которые пожелаютъ принять ее». Мѣстомъ для жительства миссіонеровъ назначено было Кентербери. Ревность римскихъ миссіонеровъ и умѣнье приноравливаться къ народнымъ понятіямъ [1]) сдѣлали то, что король Этельбертъ скоро, въ 597 году, крестился, и по его примѣру новое ученіе распространялось чрезвычайно быстро (Исторія церкви Мильнера History of the church of Christ by R—d Joseph Milner). Водвореніе христіанской религіи, кромѣ того, что установило непосредственныя отношенія съ Римомъ, сблизило народъ съ плодами развитой цивилизаціи, имѣло громадное политическое значеніе. Первые христіанскіе государи Англо-Саксовъ, предоставляя духовенству полную независимость во внутреннемъ управленіи дѣлами церкви и различныя права и льготы, тѣмъ подготовили ему впослѣдствіи рѣшительное вліяніе на судьбы государства. Та-

[1]) Доказательствомъ ловкаго умѣнья приноравливаться къ обстоятельствамъ можетъ служить напр. извѣстная нота римскаго двора къ начальникамъ новой миссіи въ Британіи Меликтію и Лауренсу. Въ этой нотѣ римскій первосвященникъ совѣтуетъ не истреблять языческихъ храмовъ, а окроплять ихъ святою водою и устраивать въ нихъ алтари съ положеніемъ въ нихъ мощей. Если такіе храмы выстроены хорошо, то было бы дѣломъ особенно полезнымъ обратить ихъ отъ діавольскихъ обрядовъ къ служенію истинному Богу тѣмъ болѣе, что народъ, вслѣдствіе уже одной своей привычки, пойдетъ туда охотнѣе. Точно также папа совѣтуетъ воспользоваться народнымъ языческимъ обычаемъ приношенія въ жертву быковъ, обративъ этотъ обычай въ христіанское торжество. Пусть народъ въ дни празднованія святыхъ строитъ, какъ и прежде, свои лиственные шалаши около храмовъ, приводитъ и убиваетъ быковъ во имя и славу Бога (Henrici Huntind Hist. lib. III p. 322).

кому вліянію еще болѣе содѣйствовало самостоятельное финансовое положеніе духовенства. Въ VIII вѣкѣ изъ Англіи отправлено было въ Римъ нѣсколько молодыхъ людей для образованія въ особо учрежденномъ училищѣ или академіи. На содержаніе этой академіи взимался самими епископами налогъ, извѣстный подъ названіемъ динарія св. Петра со всѣхъ домовъ, дававшихъ дохода болѣе 30 шилинговъ и составлявшій тридцатую часть всего дохода. Впослѣдствіи этотъ налогъ сдѣлался личнымъ доходомъ епископовъ.

Что же касается до развитія верховной власти, то вслѣдствіе особыхъ личныхъ семейственныхъ отношеній, она не могла получить твердости неограниченной силы. Семь троновъ гептархіи всѣ были наслѣдственными и передавались въ семействахъ первыхъ предводителей, но кромѣ этого общаго права династіи не было права первородства, ни права близости родства, опредѣляющаго порядокъ наслѣдованія. Черезъ это царствующее лицо не могло смотрѣть безъ тревоги на прочихъ членовъ фамиліи и не могло чувствовать себя въ безопасности отъ ихъ притязаній. Съ своей стороны эти члены находили себя обреченными по своему рожденію быть жертвами ревнивой зависти главы. Они не видѣли въ немъ права старшинства; склонные къ возстанію по внушенію честолюбія и въ интересѣ своей безопасности, обольщаемые двусмысленностью неполнаго и гибкаго начала наслѣдственности, они не переставали сновать вокругъ трона личные честолюбивые проэкты, казавшіеся имъ всегда законными и имѣвшими шансы на успѣхъ. Въ недрѣ общества еще неразвившагося, также какъ и въ недрѣ общества развращеннаго, упадающаго, довольно одного сомнительнаго права для вѣроятности успѣха смѣлой узурпаціи. Таково было положеніе верховной власти въ англо-сакскихъ государствахъ. Опасенія постоянно волновали умы государей, а возможность и легкость успѣха обольщали заговорщиковъ.

Отъ преступленій, совершенныхъ то тѣми, то другими, царствующія династіи быстро изчезали, такъ что въ началѣ IX столѣтія многочисленное потомство Кердика, перваго основателя царства Вессекса, состояло только изъ одного Эгбер-

та. Съ царствованія этого государя начинается собственно исторія Англіи, и съ этого времени самое имя ея начинаетъ получать права гражданства.

Пользуясь молодостью Эгберта, подданный его, Бритерихъ, овладѣлъ престоломъ Вессекса, а самъ Эгбертъ принужденъ былъ бѣжать. Въ продолженіи тринадцатилѣтней ссылки, этотъ энергичный и предпріимчивый государь образовалъ свой обширный умъ при дворѣ Карла великаго. По возвращеніи въ Англію послѣ смерти Бритериха (800), онъ вступилъ на наслѣдственный престолъ и, пользуясь спокойствіемъ своего отечества, старался подчинить себѣ остальныя государства. Нортумберландъ и Мерція признали его верховенство, хотя и сохранили своихъ государей и свои витенагемоты [1]). Всѣ мѣры Эгберта стремились къ объединенію англо-саксскихъ государствъ и къ упроченію единства. Вѣроятно онъ совершенно успѣлъ бы въ своемъ намѣреніи, если бы не отвлекали его заботы о безопасности государства отъ начавшихся вторженій Датчанъ.

Наслѣдовавшій Эгберту, слабый и безпечный Этельвульфъ (836—858) пользуется только славой быть сыномъ человѣка, начавшаго великій трудъ и отцомъ исполнившаго этотъ трудъ. Получивъ монастырское воспитаніе, онъ интересы духовныхъ лицъ ставилъ выше собственныхъ. Такъ онъ освободилъ вассаловъ духовенства отъ обязанности воинской службы, чѣмъ уменьшилъ свои оборонительныя средства, тогда какъ государство нуждалось въ нихъ болѣе, чѣмъ когда либо для отраженія опустошительныхъ набѣговъ Датчанъ, не встрѣчавшихъ серьёзной преграды. Въ 851 году въ первый разъ эти пираты провели цѣлую зиму на почвѣ Англіи.

Этельвульфъ женился на дочери Ослака, своего чашника. Такой бракъ, по понятіямъ того времени, не считался неравнымъ, такъ какъ при дворѣ саксскихъ королей, чашникъ всегда выбирался изъ самыхъ благородныхъ, а въ предкахъ юной Осберги, жены Этельвульфа, находились короли и даже боги. Древность рода, всегда имѣющая значеніе, пользуется еще

[1]) Витенагемоты составляли собранія, на которыхъ короли, съ благородными, обсуждали и рѣшали общественныя важныя дѣла.

большимъ вліяніемъ въ обществахъ молодыхъ, но уже устойчивыхъ и начинающихся развиваться. Поэтому и неудивительно, напримѣръ, встрѣтить наивное описаніе генеалогіи Альфреда великаго даже у такого серьёзнаго и основательнаго историка, какимъ былъ епископъ Ассеръ. Восходя отъ Альфреда къ Адаму, Ассеръ находитъ сорокъ три генераціи, какъ будто почтенный епископъ забылъ, что въ періодъ времени болѣе короткій, съ Авраама до нашего Спасителя Іисуса Христа, св. евангелистъ Матвѣй считаетъ сорокъ одно колѣно. Въ срединѣ генеалогіи Альфреда между именами историческими, какъ напр. Этельвульфа, начинавшаго перечень и именами библейскими, какъ напр. Адама, окончившаго линію, встрѣчаются имена Годена и Гелы, языческихъ саксскихъ боговъ. Народъ, не смотря на христіанскую вѣру, не могъ забыть своихъ прежнихъ идоловъ и водворяетъ ихъ въ своей отдаленной исторіи, въ семейства своихъ царей, какъ въ такихъ храмахъ, гдѣ почитаніе не можетъ считаться нечестіемъ.

Въ 849 году въ царскомъ жилищѣ Ваптагѣ, среди лѣсовъ Беркшира, гдѣ въ такомъ изобиліи произрастаетъ букъ, родился Альфредъ, величайшій государь того времени, имя котораго Англія, по справедливости, ставитъ въ основаніи своего политическаго существованія. Подробности о жизни и дѣятельности этого высокаго государственнаго мужа переданы въ краснорѣчивомъ разсказѣ его друга и учителя Ассера *).

Альфредъ былъ четвертымъ сыномъ Этельвульфа отъ Осберги. Эта благочестивая женщина, говоритъ лѣтописецъ, благородная по душѣ и по крови, зная съ какой недовѣрчивостью и непріязненностью смотрятъ Саксы на честолюбивыя стремленія супругъ своихъ королей, совершенно удалилась отъ общественныхъ дѣлъ, всецѣло предавшись обязанностямъ матери. Альфредъ рано проявилъ качества, привлекшія къ нему впослѣдствіи любовь всей Англіи. Онъ сдѣлался любимцемъ родителей и всѣхъ его окружающихъ. Король не могъ разставаться съ младшимъ сыномъ, надеждой трона и радостью

*) (Annales rerum gest. Alfredi M. aut. Asserio Menevensi, изд. Ф. Вейза Оксфордъ. 1722).

сердца. По наружности привлекательнѣе братьевъ, онъ рѣзко отличался отъ нихъ граціей языка и манеръ. Но что еще болѣе необыкновеннаго въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, и въ такомъ невѣждественномъ вѣкѣ, это страстный порывъ ума Альфреда и его преждевременное стремленіе къ ученію. Однажды Осберга, показывая своимъ четыремъ сыновьямъ прекрасный манускриптъ, гдѣ были вписаны древнія поэтическія произведенія Саксовъ, предложила его тому, кто скорѣе его выучитъ наизусть. Трое старшихъ братьевъ, считая себя неспособными на такую побѣду, или находя вознагражденіе слишкомъ недостаточнымъ за такой трудъ, не отвѣчали на предложеніе матери и продолжали обычныя игры. Альфреду было тогда не больше шести лѣтъ, и онъ былъ младшимъ изъ четырехъ сыновей Осберги. Желаніе ли показать вниманіе къ словамъ матери, или Богъ, невидимымъ вдохновеніемъ, внушилъ ему, какъ думаетъ Ассеръ, первый порывъ къ наукѣ, или великолѣпные рисунки, которыми начинался манускриптъ, пробудили его дѣтское наивное удивленіе, только ребенокъ схватилъ манускриптъ и побѣжалъ съ нимъ къ учителю съ просьбою читать ему громко поэтическія творенія. Онъ ихъ выучилъ, сказалъ матери и въ награду получилъ желаемый волюмъ. Среди IX вѣка у Саксовъ такое дитя съ такою жадностью къ книгѣ, сдѣлавшее такое громадное усиліе дѣтской памяти, конечно обѣщало въ будущемъ многое. Обыкновенно приписываютъ этому воспоминанію дѣтства особенное пристрастіе Альфреда, не покидавшее его во всю жизнь, къ сакской поэзіи. То были военныя и религіозныя пѣсни, въ которыхъ по очередно, а иногда и вмѣстѣ, прославлялись, то какой нибудь храбрый предводитель, смѣлый на войнѣ, несокрушимый въ схваткѣ, побивающій враговъ, то прославлялось всемогущество Божіе, создавшее лоно водъ, начертившее путь солнцу и лунѣ, одѣвшее землю свѣтомъ и зеленью. Какъ воинъ и христіанинъ, сколько по личному вкусу, столько же и по національному тщеславію, Альфредъ никогда и впослѣдствіи не покидалъ привычки читать и учить эти древнія, поэтическія произведенія на мѣстномъ народномъ языкѣ. Мало того, онъ обязывалъ не только своихъ дѣтей, но даже высшихъ лицъ

своего двора изучать пѣсни своихъ отцовъ. Безъ сомнѣнія, судя по себѣ, онъ надѣялся на дальнѣйшее движеніе, на то, что разъ вступивъ на новую дорогу, они пойдутъ по ней все дальше и дальше.

Но прежде, чѣмъ идти самому и путеводить другихъ, генію и волѣ Альфреда предстояло преодолѣть не мало препятствій. Даже свои собственныя знанія онъ пріобрѣлъ только позже и притомъ медленно. О жалость, говоритъ Ассеръ—эхо самыхъ задушевныхъ изліяній Альфреда, о жалость, по непростительному пренебреженію родителей и воспитателей, Альфредъ только въ 12 лѣтъ научился читать! Впослѣдствіи, когда Альфредъ самъ вознаградилъ потерянное время, и съ избыткомъ исправилъ невольные грѣхи юности, онъ съ глубокимъ сожалѣніемъ часто говаривалъ о потерянныхъ безплодно годахъ юности.

Затѣмъ Альфредъ, научившись читать, оставался на этомъ весьма продолжительное время. Онъ получилъ возможность продолжать свое образованіе только уже по восшествіи своемъ на престолъ. Но и это, повидимому, печальное обстоятельство повліяло впослѣдствіи плодотворно. Если бы Альфредъ провелъ всю свою юность въ ученіи, онъ не приготовился бы ко всѣмъ требованіямъ своего времени. Имѣя глубокое расположеніе къ литературнымъ занятіямъ, онъ весь отдался бы имъ; предавшись привлекательнымъ источникамъ знанія, онъ не приготовилъ бы себя къ дѣятельной жизни царя-воина. Образовавшись ранѣе, онъ былъ бы менѣе полезенъ своему народу, для котораго невѣдѣніе не было единственнымъ и главнымъ врагомъ. Ученіе свободное и по влеченію поглощаетъ всего человѣка, не оставляя мѣста общественнымъ интересамъ. Что сдѣлалось бы съ сакской расой, если бы Альфредъ, увлекаемый обаяніемъ науки, промѣнялъ тронъ и боевое поле на созерцательную монастырскую жизнь и далъ бы Англіи философа и писателя, лишивъ ее великаго короля.

Альфредъ сдѣлался королемъ прежде, чѣмъ выучился читать. Когда ему было четыре года, отецъ отправилъ его въ Римъ въ сопровожденіи многочисленнаго кортежа благородныхъ лицъ и служителей (853). Оказывая такое предпочтеніе

четвертому сыну въ ущербъ остальнымъ, Этельвульфъ безъ сомнѣнія дѣйствовалъ подъ вліяніемъ родительской нѣжности и религіознаго почтенія къ римской церкви, но конечно не предвидѣнія будущаго назначенія Альфреда. Какъ бы то ни было, но окружая дворомъ и торжественнымъ блескомъ, онъ просилъ папу собственноручно благословить дѣтскую головку любимца въ той самой метрополіи христіанства, гдѣ Карлъ великій искалъ короны западной имперіи. Папа Левъ IV, уважая благочестіе Этельвульфа, охотно исполнилъ желаніе отца, благосклонно принялъ Альфреда, далъ ему святымъ мѵропомазаніемъ титулъ короля и назвалъ его своимъ духовнымъ сыномъ. Благодарный Этельвульфъ не замедлилъ въ свою очередь предпринять путешествіе въ Италію, и въ этомъ путешествіи Альфредъ сопровождалъ отца. Народъ и духовенство римское любили Этельвульфа за его щедрую набожность. Король провелъ въ Римѣ цѣлый годъ (855—856). На возвратномъ пути король французскій Карлъ лысый весьма радушно принялъ при своемъ дворѣ высокихъ гостей. Осберги, матери Альфреда, въ это время не было уже въ живыхъ. Юдифь, обольстительная и кокетливая дочь Карла лысаго, возбудила въ Этельвульфѣ сильную страсть; подлѣ нея, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, онъ забывалъ о своемъ царствѣ и оставилъ Францію только послѣ свадьбы на принцессѣ Юдифѣ.

Эти далекія путешествія, безъ сомнѣнія, производили на Альфреда глубокое впечатлѣніе. Ему было тогда семь лѣтъ, возрастъ, когда умъ, какъ бы преждевременно ни былъ развитъ, еще не имѣетъ твердыхъ основаній, но между тѣмъ воображеніе съ жадностью воспринимаетъ всѣ представляющіяся явленія. Если Римъ того времени не былъ такъ великолѣпенъ, какъ теперь, если въ немъ не было ни купола св. Петра, ни Моисея Микель-Анджело, то тѣмъ не менѣе онъ былъ отечествомъ христіанства и хранилищемъ безсмертныхъ развалинъ. Все это обольщало взоры и наполняло дѣтскую душу. Эти первыя впечатлѣнія не остались безслѣдными для дальнѣйшаго болѣе зрѣлаго возраста. Римъ внушилъ ему нетерпѣливое желаніе изучать латынь. Изъ Рима вынесъ онъ воспоминаніе о первосвященникѣ, благословившемъ его; тамъ онъ видѣлъ

близко это торжественное всемогущество святаго престола и не оттого ли, впослѣдствіи, онъ былъ всегда ему вѣрнымъ союзникомъ. Пребываніе, хотя и не продолжительное, при дворѣ французскомъ, при мачихѣ, внучкѣ Карла великаго, имѣло также вліяніе на Альфреда; живость ума и пріятность манеръ уже тогда отличали французскую расу отъ сѣверныхъ народовъ, а эти же свойства отличали и Альфреда въ средѣ Саксовъ.

Въ Англіи между тѣмъ на путешествіе Альфреда и супружество Этельвульфа смотрѣли весьма подозрительно. Саксы роптали на продолжительное отсутствіе короля, на его набожность, вспомнившую въ Римѣ прежнее монашество, и на его любовь, забывшую во Франціи свои преклонныя лѣта. Кромѣ того былъ и другой поводъ неудовольствія: Юдифь болѣе честолюбивая, чѣмъ Осберга, желала раздѣлить тронъ, какъ раздѣляла ложе короля, носить подобно королю корону и участвовать въ дѣлахъ правленія. Хотя это было въ древнемъ германскомъ обычаѣ, но съ конца VIII вѣка пороки и преступленія королевы Эадбурги сдѣлали этотъ обычай ненавистнымъ. Стремленія Юдифи навлекли на нея сильное подозрѣніе *). Не только въ рядахъ высшаго класса и народа, но даже въ недрѣ семейства Этельвульфа смотрѣли на Юдифь и Альфреда съ полнымъ неудовольствіемъ. Такимъ образомъ старый король обязанъ своими несчастіями тѣмъ, кого онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ: молодой женѣ и младшему сыну.

Предпочтеніе Альфреду пробудило зависть остальныхъ сыновей Этельвульфа и возбудило безпокойство на счетъ будущаго раздѣла наслѣдства. Старшій изъ сыновей Этельбальдъ, во время отсутствія короля, произвелъ революцію, сдѣлавшуюся

*) Основательность подозрѣній совершенно оправдалась всею послѣдующею жизнью Юдифи. Послѣ кончины Этельвульфа, она вышла замужъ за пасынка Этельбальда, а по смерти послѣдняго продала свою вдовью часть въ Англіи и убѣжала съ фландрскимъ графомъ Балдуиномъ, имя котораго постоянно позорила развратною жизнью.

уже опасной ко времени возвращенія короля въ Англію. Добрый до слабости Этельвульфъ уступилъ и раздѣлилъ государство. Мятежный сынъ получилъ лучшую половину, оставивъ отцу только восточный округъ. Два года спустя (858) завѣщаніе Этельвульфа доказало всю неосновательность подозрительной зависти Этельбальда и безполезность преступнаго возстанія. Королевство, по завѣщанію, было раздѣлено равномѣрно, и всѣ затрудненія четвернаго раздѣла разумно предвидѣны. Впослѣдствіи рядъ событій передалъ въ руки Альфреда все наслѣдство отца. Этельбальдъ, Этельбертъ и Этельредъ умерли всѣ трое въ теченіи пятнадцати лѣтъ, а между тѣмъ Альфредъ въ это время возмужалъ, окрѣпъ и сдѣлался достойнымъ предводителемъ своего народа.

Предполагали, что Альфредъ не переживетъ своихъ братьевъ, или будетъ неспособенъ къ царствованію. Въ дѣтствѣ его постигла опасная болѣзнь, и отецъ посылалъ его въ Ирландію для излеченія молитвами и заботами знаменитой Модвены, благочестіе которой привлекало къ себѣ суевѣрную довѣрчивость Саксовъ. Не много позже, сила и огонь первой юности заставили Альфреда безпокоиться о другой опасности: кровь его текла бурнымъ ключемъ и сокрушала всѣ его цѣломудренныя стремленія. Тогда онъ тайно поднимался съ пѣніемъ пѣтуховъ, бѣжалъ къ церкви и, повергаясь ницъ предъ святыми мощами, молилъ у Бога, какъ милости, какой-нибудь болѣзни для исцѣленія его изнемогающаго духа, укращенія страстныхъ волненій.

Болѣзнь дѣйствительно пришла, но опаснѣе, чѣмъ онъ желалъ. Это была медленная изнурительная лихорадка, послѣдствіе тѣхъ самыхъ волненій, которыхъ Альфредъ такъ горячо желалъ укротить. Напрасно онъ боролся съ новымъ зломъ всѣмъ усиліемъ своей мужественной воли, напрасно, съ цѣлью развѣять лихорадку, садился на коня и бросался на охоту; онъ сдѣлался только лучшимъ охотникомъ Англіи, самымъ искуснымъ и счастливымъ во всѣхъ упражненіяхъ этой воинственной забавы, но ни охотничьи увлеченія, ни

здоровый трудъ не доставляли ему покоя. И теперь онъ молилъ Бога объ исцѣленіи, какъ прежде молилъ о болѣзни. Однажды, увлеченный охотой, онъ достигнулъ до Корнвалля, близъ Лискарда, гдѣ увидѣлъ деревню и церковь. Онъ вошелъ въ храмъ. Тамъ покоились мощи мѣстнаго святаго угодника Сенъ-Герира, имя многознаменательное для больнаго, такъ какъ во времена Альфреда, даже и въ настоящее время, на языкѣ мѣстнаго нарѣчія имя это имѣло одинаковое значеніе съ французскимъ guerir—исцѣлять. Альфредъ горячо просилъ заступничества святаго угодника. Онъ желалъ быть добрымъ христіаниномъ, какъ и великимъ королемъ. Для труда управленія ему надобны были и твердость тѣла, способнаго выносить долгіе походы и свободу ума, ослабѣвшую отъ продолжительныхъ страданій. Наконецъ медленная и изнурительная лихорадка, угрожавшая ему даже проказой и слѣпотой, стала уменьшаться, и Альфредъ могъ наслаждаться полною дѣятельностью возвращающихся силъ. Популярность Альфреда росла съ каждымъ днемъ.

Здоровью Альфреда угрожала однакожъ новая опасность. По достиженіи девятнадцати лѣтъ, при совершеніи бракосочетанія его съ Ельзвинной изъ царскаго дома Мерціи, въ срединѣ самаго брачнаго торжества, передъ собраніемъ благородныхъ гостей, его неожиданно охватилъ пароксизмъ страшной тоски и дрожанія членовъ, неразгаданнаго ни однимъ врачемъ (867). Одни объясняли порчей какого-нибудь таинственнаго врага, другіе называли этого врага сатаной, всегда завистливаго къ людямъ добродѣтельнымъ; нѣкоторые же, менѣе суевѣрные, объясняли это новое страданіе неожиданнымъ возвращеніемъ и метаморфозой прежняго недуга.

На этотъ разъ болѣзнь оказалась упорнѣе прежняго и преслѣдовала Альфреда до сороковаго года. Но тѣмъ не менѣе никогда интересы государства не страдали отъ немощей короля. Послѣ самаго жестокаго пароксизма одного часа покоя достаточно было Альфреду для возстановленія полнаго обладанія ума и обычнаго теченія работъ.

Глава II.

Характеръ Датчанъ. Вступленіе Альфреда на престолъ (871). Первые годы его царствованія. Борьба съ Датчанами; пораженіе и бѣгство короля (874—878). Народныя легенды. Етанденское сраженіе (878).

Англія не забыла заслугъ Альфреда, и народная благодарность на вѣчно присоединила къ его имени названіе великаго. Какъ много земныхъ владыкъ незаслуженно пользуются такимъ титуломъ при жизни, такъ мало—послѣ смерти: исторія скупѣе льстецовъ. Альфредъ получилъ это имя только послѣ XVI вѣка, когда Англія сама уже пользовалась достаточно развитой цивилизаціей.

Основой популярности Альфреда послужили Датчане. Память объ громадномъ ростѣ Датчанъ, жестокости и кровавыхъ битвахъ, живетъ еще въ наслѣдственныхъ преданіяхъ англійскихъ поселянъ. И теперь еще земледѣлецъ, найдя заржавленное оружіе, сломавъ плугъ о заросшую могилу, вечеромъ у домашняго очага разсказываетъ семейнымъ о найденныхъ остаткахъ датскаго гиганта.—Скрываясь между изгородей, въ полномъ невѣдѣніи своего знаменитаго происхожденія, скромно ростетъ низкорослый кустарникъ съ красными цвѣтами и плодами, и каждое малое дитя на англійскихъ дорогахъ назоветъ его датской кровью (Daneblood) и добавитъ, что онъ растетъ повсюду, куда нападали датскіе пираты. На югѣ и востокѣ Британіи, если вѣрить сельской археологіи, всѣ земляныя насыпи—остатки датскихъ валовъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые имѣютъ ясные слѣды сооруженій римскихъ лагерей. На сосѣдственныхъ высотахъ Эддингтона недавно еще показывали первые ретрашементы, устроенные Альфредомъ, когда онъ рѣшился завоевать свое государство, и даже теперь можно видѣть близь Уффингтона (Uffington), на берегахъ Беркшира изображеніе колоссальной лошади около трехъ сотъ футовъ длины, начертанное въ известковыхъ дюнахъ въ память побѣды, одержанной Альфредомъ близь того мѣста.

Народныя преданія, какъ живое дополненіе сказаній со-

временныхъ лѣтописцевъ, сохранили до сихъ поръ ясные слѣды глубокаго ужаса, испытаннаго нѣкогда отъ Датчанъ. Время, дѣйствительно, было страшное. Датчане, какъ орудіе таинственнаго возмездія, мстили за столѣтнее порабощеніе старой расы Бриттовъ. Теперь Англо-Саксы въ свою очередь терпѣли тоже, что нѣкогда заставляли терпѣть туземцевъ. Одинаковыя событія вызывали и одинаковую катастрофу.

Съ сѣвернаго моря пришли новые завоеватели. Родина ихъ Швеція, Норвегія, Данія и сосѣдственные острова. Ихъ легкія и гибкія барки пробѣгали по океану, не боясь ни волнъ, ни подводныхъ камней. Въ V вѣкѣ Сидоній Аполлинарій говорилъ о Саксахъ: мало того, что они знаютъ море, они родственны ему; они видятъ въ бурѣ залогъ безопасности и успѣха, такъ какъ въ такое время никто ихъ не ожидаетъ. Нѣтъ врага болѣе опаснаго: если они захватываютъ врасплохъ, они нападаютъ; если они встрѣчаютъ враговъ на готовѣ, они убѣгаютъ. Избѣжать ихъ преслѣдованія и на оборотъ настигнуть въ бѣгствѣ—дѣло совершенно невозможное. По смѣлости и отважности, по страстной привязанности къ морю, ихъ истинному отечеству, по искусству, пользоваться самою опасностью, по неестественной быстротѣ, драгоцѣнному качеству для корсаровъ, они въ пониманьи суевѣрныхъ умовъ считались за адскихъ выходцевъ. Всѣ эти черты краснорѣчиваго описанія Сидонія Аполлинарія саксскихъ пиратовъ встрѣчаются и у Датчанъ. Точно также они сначала думали только о грабежѣ. Ихъ называли саранчей балтійскаго моря, и это названіе ихъ характеризовало совершенно вѣрно; также какъ саранча они появлялись вмѣстѣ съ бурей, оставляя позади себя только обнаженную почву. Они любили и воспѣвали бурю, какъ вѣрную свою помощницу. Высадившись на берегъ рѣки и захвативъ лошадей, они появлялись прежде, чѣмъ населеніе могло испугаться и исчезали прежде, чѣмъ оно могло ободриться. По ихъ исчезновеніи можно было бы счесть самое появленіе за одинъ удушливый кошмаръ, если бы этотъ фактъ не оставлялъ неизгладимыхъ слѣдовъ въ сожженныхъ лѣсахъ, сараяхъ и домахъ окровавленныхъ и опустѣлыхъ.

Саксы были язычниками, когда нападали на обращенныхъ

уже Бриттовъ, Датчане были также язычниками, когда нападали на Саксовъ, сдѣлавшихся въ свою очередь христіанами. Оденъ, отецъ вселенной, Фрига его жена и Туръ ихъ сынъ были высшими существами древняго сакскаго олимпа; въ религіи новопришельцевъ имена и порядокъ родства тѣже самые. Торъ обоготворяется въ Норвегіи и Исландіи, Фрига въ Швеціи, Оденъ въ Даніи. Какъ Юпитеръ далъ Римлянамъ для эмблемы орла, такъ Оденъ далъ Датчанамъ эмблемой коршуна, сидящаго на его плечѣ и передающаго ему о людскихъ дѣяніяхъ. Вышитое чернымъ по красному штандарту изображеніе этой божественной птицы управляло сраженіемъ и возвѣщало ходъ его; распущенныя крылья означали побѣду, упавшія—пораженіе. Впрочемъ сражающіеся не боялись ни смерти, ни пораженія: не успѣхъ, а одна только храбрость, счастливая или несчастливая, заслуживала благоволенія Одена. Вальгала, рай, одинаковый у всѣхъ языческихъ народовъ сѣвера, состоялъ изъ воинственныхъ игръ и роговыхъ кубкахъ, наполненныхъ виномъ для самаго смѣлаго, сильнаго и хитраго въ продолженіи земной жизни. Одинаковыя божества вызывали и одинаковыя богослуженія: вся религія Датчанъ, въ IX вѣкѣ, какъ религія Саксовъ V вѣка, была воинственна и кровава. Когда народъ видитъ по ту сторону могилы только воздаяніе за силу, счастіе только въ безпрерывныхъ битвахъ, когда онъ получаетъ отъ боговъ только поощренія къ насилію, тогда естествено такой народъ долженъ увлекаться къ ужаснымъ злодѣйствамъ. Между датскими воинами въ особенности отличался одинъ священный отрядъ фанатиковъ, котораго звѣрство превосходило всякое воображеніе; воины этого отряда, считавшіе для себя лестнымъ сравненіе съ медвѣдями своихъ холодныхъ горъ, назывались bersekir (bear медвѣдь). Они воодушевлялись битвой; насыщенные сырымъ мясомъ, обнаженные, грызя щиты и завывая, какъ дикіе звѣри, они почерпали свои силы въ иступленіи; ослѣпленные неестественной маніей, они бросались съ поднятымъ оружіемъ на все попадающееся имъ, поражая все, даже деревья, скалы, иногда другъ друга; они глотали горячія угольи, они убивали съ энтузіазмомъ, наслажденіемъ, исторгали дѣтей отъ мате-

ринскихъ нѣдръ и перебрасывали ихъ концами копій; они останавливались въ своемъ чудовищномъ изступленномъ сладострастіи только съ истощеніемъ силъ, съ онемѣніемъ нервъ.

Ужасъ, внушаемый подобнымъ звѣрствомъ, удвоился, когда Датчане сдѣлались изъ пиратовъ завоевателями. Англо-Саксы не предвидѣли этой новой формы той же опасности. Ихъ враги сначала появлялись только немногочисленными и отдѣльными шайками. Предводитель каждой небольшой флотиліи не былъ королемъ, но простымъ воиномъ, котораго власть оканчивалась съ экспедиціей и который выбирался тѣмъ же экипажемъ за смѣлость, тѣлесную силу и искусство управлять флотиліей. Англо-Саксы знали, что Датчане необработывали собственныхъ полей своего отечества и презирали территоріяльныя богатства, предпочитали прибыль постояннаго грабежа наслѣдству, пріобрѣтенному безъ побѣды и опасности, и потому естественно не предполагали въ этихъ обитателяхъ морей рѣшимости когда-нибудь и гдѣ-нибудь остановиться и водвориться. Впрочемъ Англо-Саксы могли это предвидѣть, вспомнивъ свое прошедшее. Ихъ предки начинали также; предводимые простыми воинами, нападая небольшими шайками и останавливаясь на столько, чтобъ имѣть время собрать и уложить добычу. Но они кончили водвореніемъ въ странѣ, прежде ими опустошенной, и организованіемъ въ королевство. Разъ вступивъ на такую же дорогу, Датчане могли ожидать подобнаго же успѣха, еслибъ на пути своемъ не встрѣтили Альфреда и государства Вессекса. Въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ необходимъ былъ человѣкъ, котораго геній и преданность дѣлу подчинили бы себѣ волю народа, и этому человѣку необходима была точка опоры. Безъ содѣйствія этихъ двухъ силъ, недостававшихъ нѣкогда Британіи, сакская раса погибла бы.

Бритты погибли отъ разъединенности, и этимъ же недугомъ страдали теперь и Саксы. Датчане напоминали Англо-Саксовъ V вѣка, а Саксы IX вѣка напоминали Бриттовъ V вѣка. Что погубило Британію послѣ удаленія Римлянъ и сдѣлало легкимъ покореніе ея германскими выходцами, это то, что Британія сдѣлалась, по выраженію св. Іеронима, про-

винціею изобильною тиранами; почва ея проросла плевелами; двадцать честолюбцевъ безъ силы, двадцать троновъ безъ твердыхъ основаній истощили народъ и въ неумолкаемыхъ раздорахъ заглушали всякую надежду на общее спасеніе. Въ свою очередь и саксская гептархія страдала недостаткомъ единодушія, съ самаго основанія постепенно все болѣе и болѣе раздѣлялась и истощалась въ гражданскихъ войнахъ. Этельвульфъ не съумѣлъ продолжить трудъ Эгберта въ расширеніи своего государства и въ регулированіи другихъ; эти государства мало по малу изолировались и впадали въ прежніе раздоры, ослаблялись прежними внутренними революціями и усобицами; однимъ словомъ владали въ тѣ безпорядочныя отношенія, которыя подкапываютъ внутреннюю силу и увеличиваютъ внѣшнюю опасность. Осбергъ и Елла оспаривали Нортумбрію (865), король восточной Англіи направлялъ противъ этихъ двухъ соперниковъ датскую армію, не задолго до того высадившуюся въ Англіи. Точно также и Мерція, или по зависти и ненависти, или по беззаботности оставляла Нортумбрію истощаться внутренними смутами. И дѣйствительно тяжкія событія не замедлили привести къ позднему опыту.

Послѣ неудачной высадки въ предѣлахъ Нортумбріи морскаго короля Рагнара-Лодброка, попавшаго въ плѣнъ и убитаго королями Нортумбріи, въ слѣдующемъ же 866 году уже восемь морскихъ кораблей и двадцать ярловъ высадились на берегахъ восточной Англіи, откуда, опустошая и раззоряя окрестности, двинулись къ Іорку, главному городу Нортумбріи. Подъ стѣнами этого города послѣ ожесточенной битвы Англо-Саксы потерпѣли страшное пораженіе: Осбергъ былъ убитъ, а Элла, попавшій въ плѣнъ къ сыновьямъ Лодброга, въ отмщеніе за смерть отца—казненъ. Овладѣвъ за тѣмъ Іоркомъ, многими другими значительными городами, и вообще всей мѣстностью къ сѣверу отъ Гумбера, Датчане стали смотрѣть на свои завоеванія, какъ на мѣсто своей постоянной осѣдлости: они подѣлили между соучастниками пріобрѣтенныя земли, а туземное населеніе, доведенное до полурабства и лишенное поземельной собственности, стало работать на пользу новыхъ пришельцевъ. Утвердившись такимъ образомъ въ Нортумбріи, Датчане не остано-

вились на этомъ завоеваніи: вскорѣ шайки ихъ спустились по Гумберу до Линдеси, высадились на берегъ и направились къ югу, грабя города, а въ особенности монастыри и церкви. Застигнутый врасплохъ быстрымъ нападеніемъ Датчанъ, безпечный король восточныхъ Англовъ—Эдмундъ не только не могъ оказать хищникамъ серьезнаго сопротивленія, но даже самъ захваченъ былъ въ плѣнъ въ собственномъ своемъ жилищѣ и съ мучительными истязаніями—казненъ. Королевство восточныхъ Англовъ, какъ и Нортумбрія, сдѣлалось королевствомъ датскимъ. Король восточной Англіи не хотѣлъ предвидѣть того, что датская армія, переходя отъ побѣды къ побѣдѣ и завладѣвъ всей Нортумріею, могла наконецъ достигнуть и до него.

Оставалось одно только королевство Вессекса, понимавшее важность обстоятельствъ и близость опасности. Въ царствованіе Эгберта оно господствовало надъ другими, и тамъ благородный высшій классъ Саксовъ понималъ гибельныя послѣдствія внутреннихъ раздоровъ сосѣднихъ госурарствъ и необходимость прочнаго ихъ союза противъ общаго врага. Для достиженія этого результата необходимо было Вессексу нераздробляться. Возстаніе Этельбальда противъ своего отца едва не погубило всего. Завѣщаніе Этельвульфа, раздѣлявшее королевство между четырьмя сыновьями, казалось еще увеличивало зло; это завѣщаніе своей справедливостью, хотя и уничтожало зависть, возникшую въ королевскомъ семействѣ, но въ тоже время оно ближайшимъ послѣдствіемъ имѣло раздробленіе на четыре небольшія части того государства, которое одно только могло, по силѣ своей и по своему прошедшему, служить базисомъ будущаго прочнаго объединенія. Однакожъ Вессексъ избѣгнулъ участи его сосѣдей, и этимъ онъ обязанъ былъ здравому смыслу своего благороднаго высшаго класса и своихъ государей. Разумность однихъ и честное безкорыстіе другихъ дѣлали его единымъ и сильнымъ. Вмѣсто раздѣла королевства по завѣщанію отца, Этельбальдъ, Этельбертъ и Этельредъ наслѣдовали другъ другу по порядку возраста, болѣе юные поддерживали авторитетъ старшаго, умирающій передавалъ все свое отеческое наслѣдство, въ

полномъ составѣ, старшему изъ остающихся братьевъ. Такъ, когда Альфредъ остался изъ четырехъ братьевъ одинъ, его, а не сына Этельреда, возвели на престолъ. Разсказываютъ, что онъ уступилъ единодушнымъ настойчивымъ требованіямъ благороднаго сословія Вессекса не безъ большаго колебанія. Онъ былъ больной и считалъ себя покинутымъ Богомъ; онъ видѣлъ усиленіе Датчанъ и близкую возможность постояннаго водворенія ихъ въ Англіи; онъ ужъ сражался съ ними и по опыту зналъ свои средства; онъ зналъ, какъ мало можно основывать надежды на помощь другихъ саксвихъ государей. Альфреду было тогда двадцать два года.

Несмотря на молодость и на крайне затруднительное положеніе Англіи, во время восшествія Альфреда на престолъ, всѣ подданные возлагали на него полное довѣріе. Уже два года они видѣли его неутомимую заботу подлѣ брата и привыкли смотрѣть на него, какъ на будущаго короля. Его бракъ съ принцессой Мерціи былъ дѣломъ политическихъ соображеній и первымъ шагомъ сближенія царскаго рода Вессекса съ остальной гептархіей. Король Мерціи тотчасъ-же оцѣнилъ всю выгоду этого союза. При первомъ нападеніи Датчанъ (868) онъ пригласилъ къ себѣ на помощь новыхъ членовъ своего семейства, Альфреда и Этельреда. Послѣдніе поспѣшили соединить свои силы и двинулись къ стѣнамъ Нотингама. Съ обѣихъ сторонъ Саксовъ и Датчанъ силы были равны, и мало было надежды на успѣхъ рѣшительной битвы: если Саксы превосходили числомъ, за-то Датчане имѣли у себя неприступные ретраншементы. Заключенъ былъ миръ, и Мерція освободилась. Но король Мерціи Бюрредъ воспользовавшись безмѣздною помощью Этельреда, не считалъ себя обязаннымъ на подобную же услугу съ своей стороны; онъ не предвидѣлъ будущее и не понималъ даже въ видахъ собственныхъ интересовъ,—если не общей пользы, — необходимости прочнаго и вѣрнаго сплоченія Мерціи и Вессекса.

Такимъ образомъ, когда Датчане овладѣвъ Восточной Англіей и половиной Нортумбріи, двинулись противъ Этельреда, вся тяжесть войны пала на всѣми покинутый Вессексъ. Враги проникли до Рёдинга. Начиная думать о правильномъ и по-

слѣдовательномъ планѣ войны, они съумѣли искусно выбрать чрезвычайно крѣпкую позицію, которую еще болѣе укрѣпили. То былъ королевскій замокъ, защищаемый съ одной стороны рѣкой Темзой, съ другой притокомъ той-же рѣки маленькой рѣчкой Кенетъ. Оттуда они могли, съ помощью флота, безпрерывно производить неожиданные набѣги, захватывать припасы и скрываться въ случаѣ преслѣдованія. Одна только сторона оставалась доступной пѣшимъ войскамъ; но и эта сторона была вскорѣ укрѣплена валомъ. Впрочемъ Датчане, по мѣрѣ дальнѣйшаго распространенія своего въ странѣ, встрѣчали не разъ отчаянное сопротивленіе. Округъ Рёдингъ управлялся благороднымъ Саксомъ Этельвульфомъ. При вторженіи Датчанъ Этельвульфъ быстро призвалъ къ оружію всѣхъ сосѣднихъ жителей, ободрилъ свой незначительный отрядъ не бояться язычниковъ: «ихъ больше насъ, говорилъ онъ; но мы имѣемъ въ главѣ самого Іисуса Христа, сильнѣйшаго изъ всѣхъ». Его отважность имѣла полный успѣхъ. Датчане, послѣ продолжительной битвы, не смотря на превосходство своихъ силъ, потерявъ одного изъ главныхъ предводителей, принуждены были отступить, оставивъ Этельреду и Альфреду возможность прибыть на помощь. Послѣдніе, захваченные набѣгомъ Датчанъ врасплохъ, успѣли тѣмъ временемъ собрать армію въ одну недѣлю. Въ первомъ порывѣ возбужденнаго, отчаяннаго положенія, они разбивали и преслѣдовали всѣ отдѣльные отряды, выходившіе изъ Рединга, но въ то время, когда Саксы достигли уже самой цитадели, Датчане бросились на нихъ со всѣми своими силами изъ всѣхъ воротъ «какъ настоящіе волки», говоритъ Ассеръ, и борьба началась снова. Битва кончилась весьма печально для Саксовъ: они потеряли храбраго Этельвульфа, оказавшаго столько доблестныхъ заслугъ для общаго дѣла, и принуждены были къ быстрому отступленію.

Черезъ четыре дня Саксы менѣе рѣшительные, но уже въ бóльшемъ числѣ, снова рѣшились на нападеніе. Датчане, съ своей стороны, то же приготовились къ рѣшительной битвѣ. Начиная дѣйствовать тактически, Датчане образовали два корпуса: одинъ подъ начальствомъ двухъ королей, другой подъ начальствомъ группы жарловъ или графовъ. По прибытіи въ

Есседенъ (ясеневый холмъ), Саксы замѣтили это и рѣшились подражать такому распоряженію: условились Этельреду аттаковать королевскій отрядъ, а Альфреду, въ главѣ высшаго благороднаго класса и половины арміи, идти на графовъ. Датчане, предупредивъ Саксовъ въ выборѣ позиціи, установились въ боевомъ порядкѣ на возвышенности, гдѣ одиноко возвышающійся стволъ колючаго дерева служилъ имъ пунктомъ соединенія. Наскоро прибѣжавшая и построенная въ такомъже порядкѣ Сакская армія жаждала битвы. Выгодная позиція Датчанъ, ихъ грозная самоувѣренность и первый натискъ, начинали уже сильно безпокоить Альфреда, тогда какъ въ отрядѣ Этельреда не обнаруживалось никакого движенія. Этельредъ былъ въ палаткѣ, слушалъ обѣдню и молился. Не желая начинать битвы прежде окончанія божественной службы, онъ на настойчивые призывы брата рѣшительно объявилъ, что «ничто не заставитъ его уклониться отъ службы Богу для людскаго служенія». Между тѣмъ Датчане начали, по ихъ выраженію, пѣть обѣдню на копьяхъ. Альфреду оставалось на выборъ одно изъ двухъ: или биться безъ Этельреда, или отступить безъ битвы. Выборъ скоро рѣшенъ: онъ бросился какъ дикій, кровожадный вепрь, по выраженію Алера, и вокругъ одинокаго дерева датчанъ закипѣла кровавая, убійственная схватка. Къ счастію скоро подоспѣлъ Этельредъ съ запасными, свѣжими войсками, подкрѣпилъ нападающихъ и обезпечилъ успѣхъ смѣлой атаки Альфреда; онъ самъ убилъ короля Датчанъ, потерявшихъ кромѣ того еще пять графовъ. Побѣда была полная: Саксы преслѣдовали бѣглецовъ до Рёдинга всю ночь и слѣдующій день. Коршуну Одена стоило немало труда пересчитать тѣла, покрывавшія большую равнину Есидена.

Но какъ упорна была защита Саксовъ, такъ упорны и набѣги Датчанъ. Море безпрерывно снабжало ихъ новыми подкрѣпленіями. Спустя пятнадцать дней послѣ пораженія они были вознаграждены блестящимъ образомъ. Два мѣсяца позже Этельредъ былъ побѣжденъ и смертельно раненъ. Въ одинъ годъ армія Вессекса, безъ союзниковъ, съ большими потерями, чѣмъ успѣхомъ, выдержала восемь правильныхъ сраженій Такое злоупотребленіе силы, съ такою ничтожною выгодой

противъ опасности все болѣе и болѣе увеличивающейся, совершенно истощило это храброе несчастное королевство. Девятое сраженіе, вскорѣ послѣ смерти Этельреда, его погубило.

Такимъ образомъ Альфредъ, въ началѣ своего царствованія, для временной безопасности, принужденъ былъ просить мира. Датчане охотно согласились очистить Вессексъ, испытавъ какъ трудно было его завоеваніе. Оружіе ихъ обратилось на другія государства гептархіи. Мерція и Берниція еще не принадлежали имъ, хотя они очень хорошо сознавали легкость покоренія ихъ. Понимали и то, что овладѣвъ остальной Англіей, имъ легче будетъ имѣть дѣло съ самимъ Вессексомъ: съ 875 года они не имѣли противъ себя другаго врага кромѣ Альфреда. Слѣдующей весною борьба завязалась снова. Три датскихъ короля, прозимовавъ въ Кембриджѣ, произвольно разорвали заключенный миръ, тайно ночью сѣли на суда съ цѣлью высадиться въ графствѣ Дорсетъ. Альфредъ рѣшился сразиться съ ними на морѣ; его корабли встрѣтили шесть датскихъ судовъ, одно изъ нихъ взяли въ плѣнъ, а остальныхъ обратили въ бѣгство. Но этой побѣды не достаточно было для обузданія датчанъ. Они проникли въ страну и опустошили ее, укрываясь въ случаѣ опасности въ цитадели Варгамъ. Тогда больной и измученный Альфредъ, не для спасенія государства, въ чемъ онъ отчаявался, но для собственнаго своего отдохновенія, униженно просилъ мира и миръ былъ купленъ. Датчане, цѣною золота, обѣщали еще разъ удалиться. Но это было лживое отступленіе: правда, они выдали по выбору Альфреда заложниковъ, равно какъ и взяли отъ него; но этотъ залогъ не имѣлъ для нихъ никакой цѣнности. Нисколько не стѣснялись они казнью отдавныхъ заложниковъ, какъ и убійствомъ взятыхъ. Они произносили клятвы надъ святыми мощами, надсмѣхаясь надъ христіанами, воображавшими этимъ связать язычниковъ. Они не затруднялись даже освящать свои лживыя обѣщанія ложью, еще болѣе торжественною, возлагая на алтарь одинъ изъ своихъ священныхъ браслетовъ и произнося, по обычаю сѣверныхъ варваровъ надъ этимъ символомъ своей религіи, самыя ужасныя проклятія на нарушителей. Но ни клятвы, ни заложники, ни

алтарь Одена, ни останки мучениковъ, ничего не значили для Датчанъ, когда имъ представлялся случай ограбить какой-нибудь богатый монастырь, или распространить свои завоеванія. Въ самую ночь заключенія мира, показывая видъ мирнаго отступленія, они напали врасплохъ на Саксую кавалерію, разбили ее на голову, сѣли на лошадей и устремились въ Экстеръ. Остановившись тамъ въ сосѣдствѣ моря и на берегу рѣки, служившими быстрымъ, связующимъ путемъ, они воспользовались этой выгодой для установленія постоянныхъ и частыхъ сношеній съ тѣми изъ своихъ соотечественниковъ, которые опустошали континентъ. Славный предводитель Ролконъ, завоевавшій позже Нормандію, зимовалъ среди ихъ, и громъ ихъ подвиговъ, отзываясь вдали, ежедневно привлекалъ къ нимъ новыхъ авантюристовъ.

Альфредъ принужденъ былъ вновь взяться за оружіе; успѣхъ прошедшаго года на морѣ поощрилъ его къ постройкѣ новаго флота. Такъ какъ его подданные были еще неопытны дѣйствовать противъ Датчанъ въ трудныхъ и опасныхъ проходахъ, вдоль англійскихъ береговъ, то онъ вербовалъ пиратовъ и ввѣрялъ имъ свои длинные корабли и галеры. Этимъ пиратамъ онъ поручилъ, съ особенною бдительностью, охранять берега, перехватывать доставку съѣстныхъ припасовъ и всякое подкрѣпленіе, направленное къ Экстеру, и отважиться на битву, еслибъ они встрѣтили непріятельскій флотъ и находили себя достаточно сильными. Въ то же время самъ онъ, со всѣми пѣшими войсками, направился къ Экстеру и тѣсно обложилъ его. Запертые въ городѣ, Датчане обратились за помощью къ соотечественникамъ изъ Доргетшира: сто двадцать кораблей направились изъ Варгама для освобожденія осажденныхъ. Но море не оказало Датчанамъ своей обычной благосклонности; покрытое густымъ туманомъ, и волнуемое мартовскими бурями, оно, въ продолженіе четырехъ недѣль, носило по волнамъ датскій флотъ и совершенно разсѣяло его, такъ что флотъ Альфреда встрѣчалъ на пути своемъ только одни блуждающіе остатки. Ускользнувшіе отъ пиратовъ Саксскаго короля погибли у скалъ Шваневика.

Шансы войны измѣнились. Не видя прибытія, такъ долго

и нетерпѣливо ожидаемой помощи, экстерскіе Датчане, всегда расточительные на заложниковъ и клятвы, въ свою очередь предложили новый трактатъ. Побѣдитель, постоянно довѣрчивый Альфредъ, принялъ этотъ миръ, котораго онъ не долженъ былъ бы принимать даже побѣжденнымъ. Надобно было съ быстротой воспользоваться первымъ успѣхомъ и совершенно раздавить запертую въ Экстерѣ разбойническую шайку, хотя и многочисленную, но изнуренную лишеніями. Обладатель Экстера и Варгама, обладатель моря, освобожденный однимъ ударомъ въ нѣсколько дней отъ двухъ самыхъ сильныхъ враговъ, Альфредъ пріобрѣлъ бы свободное поле и обезпеченную будущность, но позволивъ Датчанамъ свободно удалиться и укрыться въ Мерціи, въ Глочестерѣ и Уэльсѣ, онъ далъ имъ новую силу. И дѣйствительно Датчане нашли тамъ флотъ, предводителя, новую армію, и весною слѣдующаго 878 года снова ворвались въ Вессексъ двумя отрядами болѣе страшные, чѣмъ когда-либо.

Одна часть прибыла моремъ изъ Деваншира. Графъ Одда, мѣстный начальникъ области, имѣлъ въ своемъ распоряженіи только нѣсколько вѣрныхъ слугъ Альфреда. Съ ними онъ бросился въ небольшую крѣпость, или лучше сказать четвероугольникъ, обведенный земляною насыпью. Это былъ то же своего рода термопильскій проходъ; тамъ они всѣ рѣшились умереть. Имъ недоставало воды, и это лишеніе побуждало къ частымъ и отчаяннымъ вылазкамъ. Защищаемымъ естественнымъ положеніемъ мѣстности съ трехъ сторонъ, Саксамъ оставалось охранять одну только незащищенную восточную сторону. Датчане рѣшили, или довести Саксовъ до крайности продолжительностью блокады, или раздавить числомъ эту отчаянную горсть. Они ошиблись. Однажды, съ первымъ проблескомъ разсвѣта, всѣ Саксы вышли изъ крѣпости и стремительно бросились на сонную армію, убили предводителя и множество Датчанъ, а остальныхъ преслѣдовали до самыхъ кораблей. Такъ они сдѣлались обладателями поля сраженія, говорятъ съ восторгомъ современные лѣтописцы, прибавляя, что тогда въ руки Саксовъ досталось и знаменитое знамя, выши-

тое въ одно утро дочерями Регнора Людброга для братьевъ: Ингвара и Уббы.

Такой исходъ долженъ былъ бы служить печальнымъ предзнаменованіемъ для Датчанъ. Но это былъ изолированный фактъ. Другая сильнѣйшая армія проникла въ Вессексъ сухопутно, завладѣвая страной безъ боя. Все покорялось, или бѣжало. Духовенство, особенно ненавидимое побѣдителями язычниками, увезло съ собою на другую сторону Ламанша святыню и богатства; остальные же, не имѣя ни времени, ни средствъ, ни мужества бѣжать отъ рабства, рѣшились обработывать для завоевателей разоренную почву отечества. Тогда то Альфредъ, понявъ безвыходность положенія, полное безсиліе народа, совершенное разрушеніе своего величія и надеждъ, рѣшился бѣжать... И никто въ Англіи, ни враги, ни бывшіе подданные, не знали убѣжища, гдѣ укрылся развѣнчанный король Вессекса.

Послѣ семилѣтняго царствованія Альфредъ бѣжалъ (878), и въ теченіе этого времени много исчезло надеждъ его первой юности, надеждъ, такъ славно исполнившихся впослѣдствіи. Ошибками онъ самъ приготовилъ себѣ громадныя несчастія, и самъ съумѣлъ поправить ихъ съ изумительнымъ искусствомъ. Природа щедро одарила его быстрымъ, вѣрнымъ взглядомъ и неутомимою дѣятельностью. Нѣсколько разъ, съ удивительной вѣрностью, онъ составлялъ планы защиты и энергически исполнялъ ихъ. Онъ первый понялъ необходимость преслѣдованія Датчанъ на собственной ихъ почвѣ, необходимость пресѣченія имъ неизсѣкаемыхъ подкрѣпленій. Сыны океана, какъ Литей, сынъ земли, Датчане могли быть побѣждены только стратагемой Геркулеса, лишеніемъ ихъ того элемента, который постоянно пополнялъ растрачиваемыя силы. Альфредъ это понялъ, и два счастливыхъ опыта доказали вѣрность этого взгляда. Но, для полнаго осуществленія, не доставало еще длиннаго ряда горькихъ опытовъ и неизбѣжныхъ послѣдствій собственныхъ ошибокъ. Вмѣсто продолженія пути, начертаннаго Эгбертомъ, Альфредъ, въ первые годы своего правленія, слѣдовалъ то же эгоистической и лукавой политикѣ въ отношеніи къ другимъ Сакскимъ государствамъ. Не смотря

на испытанную печальную опытность, онъ три раза заключалъ миръ съ Датчанами, не съ цѣлью отвобожденія Англіи, а съ единственнымъ намѣреніемъ, отбросить ихъ на своихъ сосѣдей, не съ цѣлью освобожденія своего государства онъ позволялъ врагамъ утверждаться въ его окрестностяхъ. Думая выиграть время, онъ только усиливалъ бурю. Или по безпечности, или по ослѣпленію, онъ не пользовался ни выгодами побѣды, ни уроками пораженія. Результатомъ оказалась невозможность ни мира, ни войны: враги овладѣли Вессексомъ, а Альфредъ, лишенный средствъ, потерялъ любовь подданныхъ.

Кромѣ ошибокъ, Альфреда привела къ гибели—непопулярность. Въ варварскія времена, когда государи почерпали силу больше отъ личныхъ заслугъ, чѣмъ отъ права, во времена войнъ, когда безпрерывно приходилось прибѣгать къ преданности народа, популярность короля становилась для правительства необходимостью. Въ дѣтствѣ Альфредъ пользовался еще незаслуженною любовью Саксовъ; позже же, его вступленіе на престолъ было желаемо горячо, и принято съ энтузіазмомъ. Но со времени вступленія, онъ не съумѣлъ сохранить ни трона, ни преданности народа. Его ошибки, непопулярность и несчастія ковались въ одной и той-же цѣпи; государство, дурно защищаемое, не любило своего государя и государь, не пользовавшійся любовью, не имѣлъ средствъ его защищать. Впрочемъ во всемъ этомъ виноватъ одинъ Альфредъ, въ чемъ соглашается и Ассеръ. Мы находимъ короля заслужившимъ свои несчастія, говоритъ Ассеръ, и вездѣ, гдѣ дѣло касается этого предмета, рѣчь его печальна и уклончива. Несправедливо было бы обвинять саксій народъ и оправдывать Альфреда, объяснять его непопулярность превосходствомъ его ума, личнымъ высокимъ развитіемъ, далеко опередившимъ народъ. Ассеръ, искренній другъ Алфреда, находитъ своего питомца достойнымъ божескаго наказанія, чего вѣрно не сказалъ бы, если бы находилъ вину только въ умѣ и образованіи питомца. Въ эту эпоху жизни, Альфредъ научно стоялъ не выше своихъ современниковъ. Онъ умѣлъ читать, зналъ саксую поэзію, хранилъ въ себѣ инстинкты и жажду знанія безъ сомнѣнія его отличавшія; но гораздо позже, когда уже возвратилъ

государство и расположеніе народа, онъ началъ учиться по-латыни, писать и собирать вокругъ себя образованныхъ людей. Въ эпоху-же паденія Альфредъ не имѣлъ права презирать своихъ подданныхъ за невѣжество, и не могъ быть ими презираемъ за литературныя и научныя занятія.

Его вина была важнѣе неудачныхъ политическихъ соображеній и недостатка средствъ защиты отъ Датчанъ. Покидая Альфреда, Саксы наказывали его, въ особенности за злоупотребленіе власти *). Разсказываютъ, будто онъ осудилъ, съ неслыханной жестокостью, нѣкоторыхъ судей, позволившихъ подкупить себя, или допустившихъ судебную ошибку; онъ велѣлъ ихъ повѣсить. По другимъ извѣстіямъ онъ въ первый періодъ своего царствованія очернилъ себя дурнымъ поведеніемъ. Самъ Ассеръ согласенъ съ этимъ, хотя и старается извинить юностью и вліяніемъ юношеской гордости. Альфредъ отвратилъ отъ себя своихъ подданныхъ. Когда они приходили къ нему съ мольбой о нуждахъ, о покровительствѣ противъ угнетенія сильныхъ, онъ отказывался ихъ выслушивать, помогать имъ: онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Святой Нео съ особенною строгостію осуждаетъ его за несправедливую тиранію и за высокомѣрную жестокость. Онъ говоритъ ему о Давидѣ, какъ примѣрѣ милосердія и царскаго уничиженія, и о Саулѣ, какъ печальномъ примѣрѣ царя, наказаннаго за гордость. То безжалостно пророчески, то отечески нѣжно, онъ говорилъ Альфреду: «зачѣмъ гордишься ты въ своей злобѣ? Зачѣмъ влагаешь власть въ дѣла неправосудія? Богъ возвысилъ тебя къ дѣламъ великимъ; но ты будешь низверженъ, ты будешь стертъ, какъ высокій колосъ. Гдѣ почва твоей гордости? Ты ее еще не потерялъ, но ты теряешь ее: ибо вскорѣ будешь лишенъ всего, да — всего, даже этой власти, которой суетное тщеславіе наполняетъ твою душу. Теперь, мое дорогое дитя, согласись меня выслушать, наклони твое сердце къ моимъ совѣтамъ. Откажись отъ зла, искупи

*) Ille vero noluit eos audire, nec aliquod auxilium impendébat, sed omnino eos nihili pendebat (Asserius, de Aelfredi rebus gestis; Camden, Angelica, Hibernica etc. p. 10).

его дѣлами милосердія и омой слезами покаянія». Альфредъ не вѣрилъ предсказаніямъ св. Нео до дня ихъ исполненія. Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ можно положительно заключить, что въ продолженіи первыхъ семи лѣтъ правленія, онъ не былъ ни царемъ благочестивымъ, правосуднымъ и милосерднымъ, ни царемъ разумнымъ въ своихъ предначертаніяхъ, и непоколебимымъ въ своихъ рѣшеніяхъ; однимъ словомъ тѣмъ, за что исторія называетъ его великимъ.

Въ каждомъ словѣ хроники Ассера проявляется живое, глубокое чувство. Одинъ изъ самыхъ первыхъ историковъ Альфреда, Ассеръ раскрываетъ его ощущенія и тайныя думы, говоритъ о страданіяхъ, о внутреннихъ колебаніяхъ, о развитіи спасительной христіанской вѣры въ душѣ любимаго имъ короля, излагаетъ размышленія и такія подробности, на которыхъ такъ ясно выражается присущность души самого Альфреда. Онъ знаетъ, когда и какъ всемогущество Божіе проникало въ эту душу, знаетъ насколько Альфредъ выработалъ несчастіями то истинное, живое благочестіе, которое, впослѣдствіи, проявилось и въ жизни его и въ сочиненіяхъ. Вотъ подлинныя слова Ассера, какъ примѣръ высокаго языка, заимствовавшаго духъ свой отъ общенія съ великимъ человѣкомъ и съ религіознымъ созерцаніемъ. «Богъ, говоритъ онъ, не надѣлилъ нашего государя только одними побѣдами и славой, но, по премудрой благости своей, соблаговолилъ, чтобы Альфредъ нѣсколько разъ былъ преслѣдуемъ и угнетаемъ врагами, испыталъ перемѣны счастія, униженъ нелюбовью подданныхъ, дабы научить его, что Онъ одинъ Господь, Владыка всего и всѣхъ, предъ Которымъ склоняется колѣно, Который держитъ въ Своихъ рукахъ сердца царей, Который унижаетъ сильныхъ и возвышаетъ слабыхъ, Который наказуетъ иногда своихъ вѣрныхъ служителей, чтобъ научить не отчаяваться въ божественномъ милосердіи въ страданіяхъ, и не гордиться величіемъ въ благоденствіи, но помнить всегда о Томъ, Кѣмъ существуютъ».

Тяжелыя бѣдствія, безъ сомнѣнія, разъяснили Альфреду важность его ошибокъ и укрѣпили къ будущимъ испытаніямъ. Увидѣвъ себя принужденнымъ уступить Датчанамъ поле сра-

женія и государство, онъ даже не зналъ куда направить свой путь. Безъ воиновъ, безъ надежной крѣпости, онъ могъ утаиться отъ преслѣдованія враговъ только совершеннымъ исчезновеніемъ. Ему необходимо было убѣжище сильное и скрытное; но онъ не зналъ такого убѣжища. Онъ бродилъ по лѣсамъ и пустыннымъ болотамъ, скрываясь въ заросляхъ, преслѣдуемый на каждомъ шагу новыми опасностями. Въ продолженіи нѣкотораго времени, Альфредъ не былъ даже королемъ безъ короны, полководцемъ безъ арміи: онъ былъ бѣглецомъ безъ пристанища и безъ цѣли.

Бродя по произволу случая, онъ наконецъ прибылъ въ глубину Сомерсетширскаго графства. Тамъ онъ увидѣлъ островъ, окруженный поросшими и стоячими водами, куда можно было проникнуть только на маленькихъ судахъ. Кусокъ земли, защищенный такимъ естественнымъ укрѣпленіемъ, около двухъ акровъ ширины, густо заросшій ольхами, обѣщалъ надежное убѣжище и полную безопасность. Альфредъ оцѣнилъ всю выгоду подобной мѣстности и проникнулъ въ островъ благородныхъ (Ethelingaia, теперь Athelney).

Здѣсь Альфредъ проводилъ самую униженную и бѣдную жизнь. Единственнымъ товариществомъ его было семейство пастуха *), въ хижинѣ котораго онъ поселился. Сначала онъ былъ принятъ, какъ заблудившійся путникъ, но въ концѣ нѣсколькихъ дней хозяинъ спросилъ его объ имени и цѣли прибытія на такой необработанный и почти необитаемый островъ. Альфредъ, желая полупризнаніемъ испытать вѣрность пастуха, назвалъ себя однимъ изъ главныхъ придворныхъ, оставшимся вѣрнымъ сторонѣ покинутаго короля и приведеннымъ туда Божіимъ промысломъ. При этомъ Альфредъ добавилъ, что онъ скрывается отъ мстительности побѣдителей и груснаго зрѣлища погибшаго отечества. Этотъ разсказъ живо затронулъ патріотизмъ и благочестіе стараго Сакса. Послѣдній обѣщался

*) Этотъ пастухъ (Деневульфъ) впослѣдствіи получилъ образованіе, и затѣмъ былъ назначенъ Винчестерскимъ епископомъ.

держать бѣглеца у себя и охранять подъ собственной своей отвѣтственностью.

Честный пастухъ не довѣрилъ тайны гостя даже женѣ своей, и тѣмъ невольно обрекъ его на тяжелыя испытанія.

Однажды въ воскресенье, какъ положительно разсказываетъ хроника, когда пастухъ увелъ свое стадо на пастбище, Альфредъ остался въ хижинѣ подлѣ очага, вычищая лукъ и стрѣлы. Онъ погрузился въ этотъ трудъ, или лучше сказать въ печальныя думы, навѣянныя видомъ оружія, такъ недавно опоры и надежды всего народа, а теперь осужденнаго къ скудному заработку ежедневной пищи. Жена пастуха, не подозрѣвая такихъ размышленій у дурно одѣтаго и лѣниваго гостя, поручила ему, выходя изъ дома, наблюдать, и по временамъ, по мѣрѣ нужды, переворачивать жарившіяся на горячей золѣ лепешки. Задержанная разными хлопотами по хозяйству внѣ хижины, возвратясь, она, къ крайнему своему неудовольствію, увидѣла лепешки свои подгорѣвшими. «Мужикъ, закричала она: о чемъ ты думаешь? Тебѣ унизительно переворачивать хлѣбъ? Ты не хочешь трудиться, а между тѣмъ хочешь ѣсть!» Альфредъ терпѣливо перенесъ заслуженные упреки. Впослѣдствіи, передавая друзьямъ разсказъ о своихъ приключеніяхъ, Альфредъ съ особенной признательностью и удовольствіемъ вспоминалъ объ урокѣ бѣдной поселянки, безсознательно совершившей тяжкое преступленіе оскорбленія величества.

Вскорѣ она узнала истину о величіи и несчастіи гостя, съ которымъ обходилась такъ грубо. Альфреда узнали нѣкоторые изъ его прежнихъ подданныхъ, преслѣдуемые подобно ему Датчанами и также искавшіе убѣжища на островѣ благородныхъ. Въ бѣдной лачугѣ нашли они неожиданно короля, послѣднюю опору и новую точку исхода національной свободы. Мало-по-малу вся королевская фамилія Вессекса, небольшое число воиновъ, избранныхъ изъ самыхъ вѣрныхъ и самыхъ храбрыхъ изъ благороднаго класса, тайно извѣщенные, незамѣтно сгруппировались въ Этелингенской колоніи. Альфредъ былъ человѣкомъ дѣла, которому не нужно большихъ заручекъ для великихъ рѣшеній. Съ тѣхъ поръ, какъ около него собралось нѣсколько человѣкъ, онъ рѣшился атаковать Датчанъ.

Это было предпріятіе трудное и смѣлое, но не отчаянное. Принимаясь за оружіе, Альфредъ имѣлъ нѣкоторую надежду на успѣхъ. Въ государствахъ завоеванныхъ и угнетенныхъ довольно одного очага въ какой-нибудь отдаленной провинціи, полнаго отваги и независимости, для возбужденія патріотизма въ цѣлой странѣ. Разсказы новоприбывшихъ оказывались благопріятными. Датчане, овладѣвъ Вессексомъ, дурно воспользовались побѣдой: они не умѣли организоваться при новомъ положеніи, не сливались ни съ народомъ, ни съ землевладѣльцами. То были прежнія шайки въ непріятельской странѣ, только изъ пиратовъ номадовъ они сдѣлались постоянными пиратами. Или остановила ихъ зима, или путь ихъ замедлилъ раздѣлъ добычи первыхъ завоеваній, или по временамъ они встрѣчали сопротивленіе, но дѣло въ томъ, что со времени побѣга Альфреда, они не подвинулись и на двадцать миль, не упрочивались и не думали организовать государства. Между тѣмъ Саксы, наоборотъ, имѣли достаточно времени одуматься. Безъ вождя, который могъ бы имъ дать единство и силу въ защитѣ отечества, они забывали прежнія свои неудовольствія на Альфреда; произвольныя и неправосудныя дѣла его блёднѣли, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе стирались изъ памяти народной. Таково было положеніе дѣлъ, переданное Альфреду: Датчане не умѣли утвердить своего владычества, а Саксы въ высшей степени возбуждены страданіями.

Для успѣха предпріятія Альфреду необходимо было, въ самомъ же началѣ, неожиданнымъ ударомъ, разстроить Датчанъ и пробудить энтузіазмъ въ массѣ народа. Но предварительно онъ рѣшился укрѣпить островъ благородныхъ, сдѣлать его болѣе доступнымъ для себя и болѣе неприступнымъ для враговъ. Съ этою цѣлію островъ соединенъ былъ съ твердой землей мостомъ, въ концѣ котораго король, и его сподвижники, построили двѣ оборонительныя башни. Тотчасъ же по укрѣпленіи острова, въ намѣреніи изслѣдовать и приготовить почву для предстоящей кровавой и отчаянной борьбы, Альфредъ открылъ военныя дѣйствія, не обнародовая еще своего имени и своего проэкта. Началась настоящая партизанская война,

полная засадъ, тайныхъ переходовъ по болотамъ и лѣсамъ, ночныхъ нападеній и быстрыхъ отступленій. Всегда впереди отряда Альфредъ дополнялъ его незначительность умною и дѣятельною смѣлостью. Онъ безпрерывно тревожилъ и разбивалъ отдѣльные датскіе отряды, не рѣшаясь рисковать на правильное сраженіе. Его цѣль была возбудить постепенно въ народѣ желаніе и надежду на освобожденіе, и между тѣмъ набирать себѣ новыя силы. Такимъ образомъ, въ продолженіи 6 мѣсяцевъ, съ невозмутимымъ терпѣніемъ и неутомимой дѣятельностью, Альфредъ съумѣлъ, то избѣгать, то подготовлять, то ускорять часъ открытой войны и рѣшительныхъ ударовъ.

Въ такомъ положеніи существованіе, казалось, тревожнымъ и необезпеченнымъ. Какъ не было мало число товарищей короля, но и этому числу часто не доставало съѣстныхъ припасовъ, которыхъ должно было искать или у Датчанъ, или у Саксовъ, покорныхъ Датчанамъ. Съ безропотною покорностію волѣ Божіей Альфредъ переносилъ всѣ испытанія. Монахи, описывающіе религіозную и политическую исторію Англіи IX вѣка, съ особеннымъ увлеченіемъ украшаютъ эту эпоху легендами. Одни говорятъ о св. Губертѣ, другіе о св. Нео; но и тѣ и другіе одинаково щедры на похвалы Альфреду. Однажды, оставшись дома одинъ съ мачихой и женой, когда на островѣ сталъ ощущаться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, онъ вспомнилъ о псалмахъ Давида: «вѣчный Богъ милосердъ и милостивъ, Онъ даровалъ жизнь боящимся его... Онъ превратилъ безводную пустыню въ бассейны воды, сухую степь оросилъ водными источниками, Онъ населилъ тамъ голодныхъ, и тамъ устроились цѣлые города». Между тѣмъ какъ Альфредъ съ вѣрою повторялъ утѣшительныя слова Священнаго Писанія, онъ увидѣлъ на порогѣ бѣднаго нищаго. Король принялъ этого нищаго, какъ самого Христа Спасителя, раздѣлилъ съ нимъ хлѣбъ и нѣсколько капель вина, послѣдніе остатки своей провизіи. Неизвѣстный вдругъ исчезъ. Альфредъ изумился странному видѣнію; но изумился еще болѣе, когда увидѣлъ хлѣбъ свой совершенно цѣлымъ, а почти пустую бутылку, вновь наполненною виномъ. Чудо было очевидное. Но Альфредъ еще болѣе убѣдился въ покровительствѣ неба, когда въ

слѣдующую ночь увидѣлъ во снѣ этого самаго нищаго. «Этотъ народъ и ты, сказалъ—нищій святой, искупили передъ Богомъ тяжкими страданіями свои прегрѣшенія; вы скоро пріобрѣтете: ты—свое могущество, а онъ—свою свободу. Для доказательства же моихъ словъ, я предсказываю тебѣ возвращеніе твоихъ товарищей, съ громадной добычей и тебѣ значительное подкрѣпленіе»... На другой день Альфредъ разсказалъ матери предсказанія святаго и услышалъ отъ нее разсказъ о такомъ же видѣніи и ей. Предсказаніе дѣйствительно сбылось. Альфредъ трижды протрубилъ въ рогъ, призывая своихъ друзей и вскорѣ увидѣлъ ихъ, согнувшихся подъ тяжестью сѣтей, съ такимъ уловомъ рыбы, котораго достаточно было бы для продовольствія цѣлой арміи, а вечеромъ пятьсотъ новыхъ воиновъ присоединились къ нему.

Милосердіе было не единственною добродѣтелью Альфреда, и не одни монахи были его панегеристами: народное воображеніе также принесло свою дань чудеснаго разсказа въ память смѣлаго и искуснаго воина. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ о томъ, какъ Альфредъ, желая съ точностью знать силу и позицію враговъ, проникнулъ въ ихъ лагерь подъ видомъ пѣвца съ арфой. Языкъ датскій былъ чрезвычайно сходенъ съ языкомъ Саксовъ: переодѣтый музыкантомъ, не бывъ узнаннымъ, онъ входилъ въ палатку датскаго короля, осматривалъ укрѣпленія, переходилъ отъ группы къ группѣ, вездѣ веселя и забавляя враговъ пѣснями, и вмѣстѣ съ тѣмъ расчитывая и соображая мѣстность для направленія удара*). Многіе оспариваютъ у Альфреда эту стратагему рыцаря пѣвца, указывая на подобный же случай съ однимъ датскимъ вождемъ Аллафомъ. Но, кажется, нѣтъ достаточнаго основанія отвергать достовѣрность такого поэтическаго сказанія, такъ близко подходящаго къ характеру Альфреда. Есть эпохи и люди, когда

*) Rex ipse fingens se esse jaculatorem assumta cithara, tentoria Danorum adiit. (Hist. Ingulf. Croyland. apud rer. anglic. Script. t. 1. p. 26 ed. Gale). Lingua Danorum anglianae coquelae vicina ést. (Ehrono logia rer. septentr. apud. Script. rer. danic. I. V, p. 26).

самая правдивая исторія становится грандіознымъ романомъ; голые факты кажутся баснословными; приходится или все отрицать, или все признавать.

Какъ бы то ни было, осматривалъ Альфредъ или нѣтъ лагерь враговъ, онъ рѣшился напасть на нихъ открыто въ началѣ мая 878 года. Съ этою цѣлью онъ разослалъ гонцовъ въ три ближайшія къ острову благородныхъ графства: Вильширское, Гамеширское и Сомерсэтширское, передать своимъ прежнимъ друзьямъ: «Альфредъ живъ, сборный пунктъ въ Сольводскомъ лѣсу у камня Эгберта... онъ будетъ тамъ и — пойдетъ на Датчанъ». При этомъ призывѣ велика была радость и ликованія; лѣсъ быстро наполнился Саксами, привѣтствовавшими другъ друга народными пѣснями и звукомъ оружія. Въ концѣ двухъ дней Альфредъ имѣлъ у себя постоянную армію, и золотой драконъ, украшавшій царское знамя Вессекса, могъ вновь подняться съ достоинствомъ. Датскій король Годрунъ имѣлъ только весьма неопредѣленныя свѣдѣнія объ этомъ уже значительномъ движеніи Саксовъ; онъ не зналъ ни числа возставшихъ, ни мѣста ихъ соединенія, ни имени вождя, ставшаго въ главѣ. Онъ удовольствовался только сборомъ воиновъ, а такъ какъ, по безпечности, укрѣпленія не поддерживались, то сами Датчане подготовили Альфреду рѣшительный успѣхъ, уничтожившій всѣ прежнія выгоды, успѣхъ, истребившій всѣхъ враговъ однимъ ударомъ.

Альфредъ приблизился къ датскому стану, находившемуся у Этандена на границахъ областей Вильтса и Соммерсета, и занялъ возвышенный холмъ, съ котораго еще разъ свободно обозрѣлъ поле сраженія и позицію противниковъ. Съ утра 12-го мая онъ двинулся, и вскорѣ расположился на равнинѣ Етанденской, гдѣ его спокойно ожидалъ Годрунъ. Ряды Саксовъ были сжаты, луки натянуты, передовой корпусъ покрытъ большими щитами. Альфредъ остановился только на минуту высказать войску нѣсколько словъ о томъ, что они идутъ на битву за себя и отечество, молить ихъ доказать, что они мужи и обѣщать имъ полную побѣду. Для ободренія не было нужды ни въ длинныхъ рѣчахъ, ни въ обильномъ краснорѣчіи: истина обстоятельствъ возбуждала общій энтузіазмъ. Самыя

простыя рѣчи, во имя отечества и свободы, особенно трогають и волнують сердца. При всей простотѣ своей они самыя естественныя и вліятельныя на поляхъ битвъ. Альфредъ спѣшилъ рукопашнымъ боемъ; онъ много расчитывалъ на неожиданность и первый порывъ. Стрѣлки первые открыли аттаку, а затѣмъ тотчасъ-же самъ Альфредъ, съ обнаженнымъ мечемъ, ввелъ въ дѣло всю армію. Датчане — храбрые воины, но они не имѣли времени устроиться, и ихъ личная, непобѣдимая храбрость не могла вознаградить отсутствія порядка и распорядительности. Въ главѣ саксьаго отряда въ особенности одинъ знаменосецъ оказывалъ чудеса храбрости, и кровавымъ слѣдомъ прорѣзывалъ самую средину враговъ. Указывая на него воинамъ, Альфредъ назвалъ его самимъ святымъ угодникомъ Нео, своимъ родственникомъ и ходатаемъ предъ Господомъ. Съ этихъ поръ Саксы, убѣжденные въ побѣдѣ, дѣйствительно побѣдили. Датчане бѣжали, оставивъ лошадей и стада; ихъ преслѣдовали и убивали въ громадномъ числѣ. Столько вытерпѣвъ притѣсненій и оскорбленій, Саксы не щадили и не набирали плѣнныхъ. Бѣглецы съ королемъ Годруномъ укрылись въ крѣпости Шипенгамской. Тамъ этотъ остатокъ датскаго войска надѣялся спастись, расчитывая на то, что Альфредъ, въ обаяніи счастливаго успѣха и завоеванія государства, отвлечется занятіями по внутреннимъ дѣламъ. Но практическій король не рисковалъ полученнымъ успѣхомъ. Онъ тотчасъ обложилъ крѣпость и, съ высоты своихъ стѣнъ, Датчане видѣли съ какой поразительной быстротой росли силы Альфреда и наоборотъ, какъ уменьшались ихъ собственныя. Четырнадцатидневная осада довела ихъ до крайности и истощила всѣ ихъ запасы; они просили пощады.

Въ три недѣли Етелингенскій Робинъ-Гудъ сдѣлался Альфредомъ королемъ Вессекса.

ГЛАВА III.

Мирный трактатъ съ Годруномъ (878). Новые набѣги Датчанъ. Пиратъ Гастингсъ (879—897).

Первое время правленія Альфредъ ознаменовалъ доказательствомъ политической мудрости. Онъ не обезпечилъ бы

успѣха, еслибъ пожелалъ слишкомъ широко воспользоваться побѣдой. Но съумѣвъ побѣдить опьяненіе счастія, какъ прежде побѣдить уныніе пораженія, онъ соразмѣрилъ мирныя условія съ дѣйствительною необходимостью и потребовалъ отъ Датчанъ только того, чего могъ получить. Годрунъ побѣжденъ, и Вессексъ свободенъ; но ни какія силы человѣческія не могли изгнать изъ остальной Англіи всѣхъ Датчанъ. Одни изъ нихъ, уже года три какъ сложили оружіе и принялись за плугъ, какъ напр. отряды Галфдерна въ Нортумбріи, отказавшіеся недавно присоединиться къ Годруну противъ Альфреда. Другіе, хотя и не водворились правильно, но тѣмъ не менѣе привыкли къ новому отечеству и очень хорошо знали его сообщенія, порты и богатства. Невозможно было расчитывать, чтобы, при выселеніи ихъ, самыя торжественныя клятвы могли удержать отъ новаго непріятельскаго вторженія уже въ бо́льшихъ силахъ. Альфредъ не желалъ, за выкупъ безопасности своего государства, отдавать другихъ Саксовъ постоянному грабежу, или оставлять на границахъ Вессекса блуждающія шайки, всегда вооруженныхъ бродягъ: двойная ошибка, которая такъ часто повторялась, и которая такъ дорого искупалась. Надобно было за одинъ разъ и примириться съ сосѣдствомъ Датчанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать ихъ не врагами. Альфредъ въ этомъ успѣлъ. Годрунъ рѣшился выдать отъ себя всѣхъ требуемыхъ отъ него заложниковъ, никого не получая въ обмѣнъ, что считалось тогда знакомъ особеннаго униженія и крайняго бѣдствія. Затѣмъ Альфредъ получилъ отъ Датчанъ еще болѣе полный знакъ покорности и болѣе вѣрную гарантію мира; онъ убѣдилъ ихъ принять христіанство, обѣщая свой союзъ и раздавая этой цѣною земли. Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ Етендёнскаго сраженія, Годрунъ явился въ средѣ Саксовъ съ тридцатью главными воинами креститься. Онъ получилъ имя Ательстана; крестнымъ отцомъ былъ Альфредъ. Восемь дней спустя, въ королевскомъ городѣ Вадморѣ, онъ принялъ бѣлыя одежды и покрывало, тогда необходимыя принадлежности новокрещенцевъ. Тамъ-же оба короля условились о границахъ территорій на югѣ теченіемъ Темзы до впаденія въ нее, не доходя Лондона, небольшой рѣчки Эн, на сѣверѣ и востокѣ

рѣкой Узъ и большой дорогой, устроенной еще бритами и усовершенствованной римлянами, извѣстной подъ названіемъ Wetlinga—street, и наконецъ тамъ же условились о законахъ, устанавливающихъ отношенія другъ народовъ. Альфредъ надѣялся, что товарищи Годруга въ восточной Англіи, Эгберта въ Берниціи и Гутреда въ странѣ Дейра, привязавшись къ почвѣ, будутъ ее защищать собственными средствами и образуютъ такимъ образомъ надежный оплотъ для Саксовъ отъ своихъ соотечественниковъ.

Событія оправдали надежды. Въ 879 году датскіе корабли, въ значительномъ числѣ, войдя въ Темзу, просили помощи Годруна, обѣщая ему обратное завоеваніе бывшихъ владѣній. Въ первый разъ Датчане сдержали клятву; Годрунъ не поддался ни чувству мщенія, ни врожденной воинской наклонности. Обезнадеженные отказомъ, новые пришлецы направились къ Фландріи, не отважившись на битву.

Примѣръ этого неудачнаго набѣга, слава Альфреда, его дѣятельность и оборонительныя средства, въ продолженіи многихъ лѣтъ спасали Саксовъ отъ всякой серьезной опасности. Съ другой стороны и у Датчанъ, утвердившихся въ Англіи, христіанство мало-по-малу пріобрѣтало ревностныхъ послѣдователей, а почва трудолюбивыхъ воздѣлывателей. Въ это же время начали уменьшаться значительныя морскія эмиграціи: Швеція, Норвегія и Данія не выставляли болѣе массами разбойничьихъ шаекъ; тамъ также паганизмъ потерялъ твердость, но онъ еще не замѣнился чистой вѣрой. Старыя нравы исчезали.... между скандинавскими племенами обнаружилось честолюбіе; вліятельные вожди не стремились искать новыхъ успѣховъ по другую сторону морей; но предпочитали основывать въ собственномъ отечествѣ мелкія государства, которыя постоянно раздирались усобицами; изъ ихъ остатковъ образовывались болѣе значительныя государства, то же въ свою очередь разрушавшіяся. Гражданскія войны занимали всѣ умы и руки. При такомъ положеніи дѣлъ, Англо-Саксы наконецъ получили возможность свободно вздохнуть. Опасность уменьшилась, но не исчесла. На сосѣдственныхъ моряхъ все еще постоянно появлялись флотиліи пиратовъ, безпокоившихъ берега и даже

проникавшихъ въ глубь страны; по окраинамъ владѣній Годруна безпрерывно блуждали безпорядочныя шайки отважныхъ бродягъ, готовыхъ подкрѣпить первую высадку. Въ 882 году Альфредъ, постоянно счастливый въ морскихъ сраженіяхъ, встрѣтилъ четыре датскихъ корабля. Онъ захватилъ два, а послѣ упорной битвы, принудилъ сдаться и остальные. Два года спустя также потребовался флотъ; датская армія долгое время опустошавшая континентъ, высадилась у береговъ Шотландіи и осадила Рочестеръ. Отчаянная оборона этого города, вынудившая осаждавшихъ къ постройкѣ укрѣпленій для собственной безопасности, дала возможность Альфреду вовремя прибыть со всѣми своими силами. При приближеніи его Датчане бѣжали, оставивъ начатыя укрѣпленія, лошадей и большую часть плѣнниковъ. Но въ то время, какъ они бѣжали къ Франціи, Альфреда отозвали къ берегамъ восточной Англіи противъ другихъ враговъ. Здѣсь, на морѣ, онъ поразилъ тридцать непріятельскихъ судовъ, и, удовлетворившись первымъ успѣхомъ, безпечно бросилъ якорь въ устьѣ рѣки, какъ вдругъ былъ снова окруженъ собравшимися Датчанами и — разбитъ. Впрочемъ за этимъ пораженіемъ послѣдовало нѣсколько побѣдъ, и наконецъ семилѣтній миръ совершенно оправдалъ политику, принятую съ Годрунамъ.

Со времени вторичнаго вступленія на престолъ, Альфреду приходилось защищать Англію только противъ армій, изолированныхъ и ненападавшихъ непосредственно на Вессексъ; даже съ перваго вступленія на престолъ, онъ всегда имѣлъ врагами вождей, стоящихъ много ниже его по военнымъ дарованіямъ. Но съ 892 по 897 годъ явилась громадная опасность, потребовавшая всѣхъ его силъ. Славный Гастингсъ, усыновленный питомецъ героя Регнара Лодброга, преемникъ его правъ и славы, тридцать лѣтъ державшій весь сѣверъ континента въ движеніи, въ 892 году остановился лагеремъ въ Булони. Гастингсъ тоже до сихъ поръ не встрѣчалъ себѣ равнаго противника: онъ считался ветераномъ пиратовъ, и, со смерти Годруна, его имя чтилось соотечественниками первымъ и единственнымъ, которое могло увлечь за собою массу отважныхъ авантюристовъ. Онъ прозимовалъ въ Англіи, и желая, послѣ бро-

дячей жизни, основать особое государство для себя по примѣру другихъ вождей, рѣшился аттаковать Альфреда. Триста тридцать кораблей, раздѣленныхъ на два флота, несли по волнамъ его искусно управляемую и распредѣленную армію. Гастингсъ расчитывалъ на поддержку бродячаго, и всегда склоннаго къ возмущенію, населенія датскихъ государствъ въ восточной Англіи и Нортрумбріи; что же касается до другихъ населеній болѣе спокойныхъ, то онъ расчитывалъ на ихъ помощь въ видѣ даже самой ихъ неподвижности. Послѣ смерти Годруна никто не пожелалъ бы помогать Альфреду или честно сдержать обязательства, заключенныя съ Саксами. Гастингсъ не хотѣлъ высадиться въ странѣ ужъ водворившихся Датчанъ, такъ какъ тѣ могли заподозрить его въ покушеніи на ихъ независимость, и отказать въ убыточномъ гостепріимствѣ безсмѣтнаго числа приведенныхъ пиратовъ. Напротивъ, высадившись въ странѣ Кента, онъ занялъ, съ самаго начала, плодородную мѣстность, гдѣ не могъ терпѣть недостатка. Избѣгая удаленія отъ естественныхъ союзниковъ, онъ назначилъ центръ войны въ ихъ непосредственномъ сосѣдствѣ съ цѣлью, или требовать отъ нихъ убѣжища, или содѣйствія, смотря по счастливымъ или несчастливымъ шансамъ войны. Притомъ же онъ могъ надѣяться возбудить въ нихъ задремавшую жажду завоеваній. Такимъ образомъ, опираясь вправо на датскія поселенія, влѣво на море, онъ раздѣлилъ свою армію на два корпуса, отдѣленныхъ другъ отъ друга пространствомъ не болѣе двадцати миль, и всегда готовыхъ, или запереть между собою врага, или соединиться для движенія впередъ.

Альфредъ тотчасъ понялъ опасность своего положенія и единственный шансъ спасенія. Его не безпокоило возмущеніе восточной Англіи: предоставивъ городамъ заботу защищать самихъ себя, довѣряя твердости ихъ укрѣпленій и преданности обывателей, онъ соединилъ всѣ свои регулярныя войска и двинулся къ Кенту (894). Тогда датскій герой увидѣлъ свой планъ разрушеннымъ и силы парализованными. Альфредъ занялъ позицію между лѣсомъ и рѣкой, откуда могъ одновременно воспрепятствовать соединенію обѣихъ непріятельскихъ отрядовъ и сообщаться имъ съ жителями восточной Англіи. Отсюда онъ

разослалъ, во всѣ стороны, отдѣльныя партіи, которыя оспаривали у датскихъ отрядовъ каждый клочекъ, жатву каждаго поля. Въ первый разъ еще Гастингсъ встрѣтилъ противника, одинаково искуснаго въ войнѣ тактической и партизанской. Онъ принужденъ былъ вооружиться терпѣніемъ, но и Альфредъ, съ своей стороны, неторопился. Наконецъ Гастингсъ прибѣгнулъ къ недостойной хитрости: онъ просилъ мира и, обѣщаясь оставить Англію, прислалъ въ заложники собственныхъ своихъ сыновей. Между тѣмъ, какъ Альфредъ въ порывѣ христіанскаго великодушія, отослалъ ихъ обратно, предварительно окрестивъ, Датчане неожиданно выступили въ походъ, намѣреваясь перейти Темзу и овладѣть Эсексомъ, гдѣ ожидали ихъ корабли. Эдуардъ, молодой сынъ Альфреда, начальствовавшій надъ войсками, оберегавшими юго-восточную часть королевства, первый получилъ извѣстіе объ этомъ движеніи; но не отважась на битву, тотчасъ же послалъ гонца къ Альфреду. Отецъ и сынъ успѣли соединиться и вовремя отрѣзать дорогу непріятелю. Рѣшительное сраженіе произошло при Фаригатѣ, гдѣ особенно отличился Эдуардъ. Язычники бѣжали въ полномъ безпорядкѣ, не искали брода, а переплывали рѣку въ плавь, увлекая за собою раненнаго короля. Альфредъ живо преслѣдовалъ ихъ и гналъ черезъ весь Есексъ. Бѣглецы остановились только на островѣ Мерсеѣ. Тамъ, при помощи ожидавшаго ихъ флота, они укрѣпились, но Альфредъ, не теряя времени, тотчасъ же овладѣлъ окрестностями и тѣсно окружилъ непріятеля. Осада затянулась. Замѣтивъ истощеніе своихъ продовольственныхъ запасовъ, и въ то же время скорое приближеніе срока службы дѣйствующихъ войскъ, Альфредъ поспѣшилъ домой за другой арміей, оставленною въ резервѣ. Онъ ужъ велъ её, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, заставившее его перемѣнить дорогу и планъ.

Подъ вліяніемъ убѣжденій бо́льшей части Датчанъ, жившихъ въ восточной Англіи и Нортумбріи, Гастингсъ рѣшился перенести войну въ тѣ пункты государства Альфреда, которые не такъ бдительно охранялись. Сорокъ кораблей направились обложить сильную крѣпость на сѣверной сторонѣ Девоншира; другой, болѣе многочисленный флотъ, угрожалъ Эк-

стеру. Альфредъ бросился на встрѣчу новыхъ враговъ. Впрочемъ для безопасности онъ оставилъ позади себя сильный отрядъ, назначенный, въ отсутствіе его, продолжать войну на востокѣ. Гастингсъ имѣлъ главную квартиру въ Бенфледѣ. Однажды, воспользовавшись отсутствіемъ Гастингса на фуражировку, войска, оберегавшія Весексъ, поддержанные отрядомъ лондонскихъ волонтеровъ, врасплохъ напали на Бенфледъ. Вся добыча, набранная Датчанами, была отнята; изъ ихъ кораблей одни сожжены, другія попались въ плѣнъ, жены и дѣти достались въ руки побѣдителей — Саксовъ. Между плѣнниками находились жена и сыновья Гастингса. Ихъ отослали къ Альфреду. Не разъ еще прежде упрекали Альфреда въ излишней довѣрчивости, такъ и теперь ему совѣтывали всѣ показать на семействѣ Гастингса примѣръ жестокаго возмездія. Но не поддаваясь подобнымъ внушеніямъ, Альфредъ, напротивъ, даровалъ свободу женѣ и сыновьямъ Гастингса, и даже наградилъ ихъ богатыми подарками.

Для дикаго пирата всѣ благодѣянія не имѣли никакой цѣны; онъ мечталъ только о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Флотъ, осаждавшій Екстеръ, и удаленный Альфредомъ отъ береговъ, соединился у юго-восточной части Есекса. Одинъ изъ потомковъ Рейнара Лодброга, Зигфертъ, привелъ въ подкрѣпленіе новый контингентъ, и наконецъ присоединилось множество бродячихъ разбойничьихъ шаекъ. Гастингсъ, увидѣвъ себя снова въ главѣ многочисленной арміи, смѣло вошелъ въ Мерцію и даже до рѣки Северна. Теперь онъ отказался отъ войны правильныхъ занятій и защитъ, такъ обманувшей его надежды и снова принялся за войну неожиданныхъ набѣговъ и опустошеній, обогатившую и прославившую его имя на континентѣ. Въ такой опасности саксое населеніе поднялось массами, такъ что Альфредъ, возвратившись изъ Девоншира, нашелъ себя въ достаточныхъ силахъ окружить флотъ и укрѣпленія Гастингса. Датчане были совершенно заперты, но не хотѣли сдаваться. Испытавъ, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, голодъ, заставившій ѣсть лошадиное мясо, они наконецъ рѣшились прорубиться сквозь тѣсно-окружавшее кольцо. Многіе изъ нихъ были убиты, многіе утонули, но большая

часть успѣла убѣжать и достигнуть оконечности полуострова Визгаля, гдѣ и укрылись за стѣнами Честера. Тамъ они зимовали, закончивъ годъ безпрерывныхъ походовъ, отчаянныхъ набѣговъ и проигранныхъ сраженій.

Весною 895 года Гастингсъ вошелъ въ Уэльсъ, сдѣлавъ обходное движеніе чрезъ Нортумбрію и восточную Англію, избѣгая такимъ образомъ владѣній Альфреда. Вскорѣ онъ поворотилъ въ Ессексъ и на островъ Мерсей, выбранный за точку соединенія, и который онъ расчитывалъ сдѣлать центромъ небольшаго государства. Въ слѣдующемъ году, не ожидая окончанія зимы, Гастингсъ двинулся вверхъ по Темзѣ съ флотомъ и занялъ позицію на берегу рѣчки Лея, немного сѣвернѣе Лондона. Когда наступило лѣто, саксскія войска осадили крѣпость, по обычаю устроенную Гастингсомъ, но на этотъ разъ Датчане съ успѣхомъ отразили осаждавшихъ, убивъ четырехъ саксскихъ начальниковъ. При приближеніи осени явился Альфредъ для защиты жатвы деревень, сосѣднихъ къ Лондону. Однажды, объѣзжая верхомъ берега Леи, съ цѣлью отыскать удобную позицію, откуда можно было бы аттаковать непріятеля, онъ замѣтилъ мѣстность, гдѣ русло рѣки могло быть запружено, и теченіе воды обращено безъ особеннаго труда въ другую сторону. Онъ тотчасъ же поставилъ армію къ работѣ, однихъ заставилъ рыть три канала, другихъ возводить двѣ оборонительныя башни для защиты земляныхъ работъ. Дѣйствительно, непріятель скоро увидѣлъ исчезновеніе рѣки, а флотъ свой на сушѣ. Тогда бросивъ флотъ, и покинувъ семейства на попеченіе соотечественниковъ восточной Англіи, Датчане направились къ сѣверу. Силы Гастингса истощались, энергія его слабѣла; проведя все слѣдующее лѣто (897) безъ движенія, онъ, на бывшемъ въ его распоряженіи флотѣ, переправился во Францію, гдѣ, отъ короля Карла простаго, получилъ во владѣніе земли Шартрской провинціи. Тамъ, пятнадцать лѣтъ спустя, Роллонъ, прибывшій для завоеванія Нормандіи нашелъ его мирнымъ жителемъ.

Гастингсъ не увелъ съ собою во Францію всѣхъ шаекъ, находившихся въ Англіи подъ его начальствомъ. По отъѣздѣ его покинутые имъ союзники изъ Нортумбріи и восточной Англіи

сѣли на легкія суда „эти морскія змѣи", и направились къ южной сторонѣ, до сихъ поръ щадимой пиратами. Основное правило Альфреда было: поражать врага собственнымъ его оружіемъ; освободившись отъ самаго опаснаго изъ враговъ Гастингса, онъ обратилъ всю дѣятельность, и весь свой изобрѣтательный умъ на усовершенствованіе флота. До сихъ поръ суда Саксовъ не имѣли ни прочной постройки, ни хорошихъ экипажей. Альфредъ совершенно преобразовалъ флотъ. По его указанію и плану построены новыя суда вдвое длиннѣе датскихъ, устойчивѣе, выше, быстрѣе на ходу и управляемыя уже не двадцатью, а шестнадцатью гребцами. Для образованія экипажей, онъ присоединилъ къ подданнымъ своимъ вольныхъ моряковъ торговаго флота, и даже пиратовъ, хорошо знакомыхъ съ англійскими берегами.

Приготовившись, Альфредъ вышелъ въ море. Шесть датскихъ кораблей находились на станціи при островѣ Вите, откуда опустошали весь берегъ до самаго Девоншира. Однажды, когда эта флотилія проникла въ небольшую бухту, и половина экипажа высадилась на берегъ и углубилась на материкъ для грабежа, девять саксхихъ кораблей показались у входа въ бухту и заградили проходъ. Часть Саксовъ направилась захватить оставленные корабли, а другая часть завязала съ другими битву. Два датскихъ экипажа вскорѣ были разбиты на голову; изъ третьго спаслось только пять человѣкъ, пытавшихся бѣжать. Къ несчастью, Саксы, забывъ въ пылу преслѣдованія мелководіе, морской отливъ и тяжесть своихъ судовъ,— сами сѣли на мель: три судна на правой и шесть на лѣвой сторонѣ рѣчнаго устья. Между тѣмъ три датскихъ экипажа, уходившіе для грабежа въ глубину страны, въ это время возвратились и увидѣли свои корабли теперь въ безопасности, а враговъ, раздѣленныхъ, задержаныхъ пескомъ, не въ состояніи двинуться и помогать другъ другу. Завязалась упорная кровавая схватка съ тремя саксхими кораблями, стоявшими на правой сторонѣ рѣки. Обѣ стороны теряли много людей; остальные Саксы, по словамъ хроники, рвали грудь и волосы, вида своихъ братьевъ въ опасности, а себя не въ состояніи помочь имъ. Исходъ борьбы былъ еще сомнителенъ, когда

Датчане, мечтавшіе не о побѣдѣ, а о спасеніи, воспользовались начавшимся морскимъ приливомъ и бѣжали. Напрасно Саксы пытались преслѣдовать; ихъ глубже сидящіе корабли встали на волну гораздо позднѣе. Съ своей стороны и экипажи датскихъ судовъ не могли уже держаться на морѣ: одна часть съ трудомъ возвратилась въ восточную Англію, а другая бросилась на берегъ, гдѣ, потомъ, была найдена повѣшенной мѣстными обывателями. Въ тоже лѣто (897) еще двадцать пиратскихъ судовъ, преслѣдуемыя Альфредомъ, погибли на тѣхъ же водахъ. Такимъ образомъ погибли послѣдніе враги, оставленные Гастингсомъ въ Англіи, и съ тѣхъ поръ Альфредъ, до самой смерти, не поднималъ оружія. Ему предстоялъ трудъ исцѣленія глубокихъ ранъ государства. Ужасная моровая язва, послѣдствіе чрезмѣрныхъ, долгихъ усилій, и жестокихъ лишеній, отнявъ отъ него нѣкоторыхъ изъ самыхъ задушевныхъ помощниковъ, сдѣлала эту задачу еще болѣе трудною. Но теперь Саксы вѣровали въ своего государя. Они сознавали на сколько обязаны ему побѣдой, его генію путеводному, всегда разумному въ исполненіи самыхъ смѣлыхъ, самыхъ трудныхъ предпріятій, его терпѣливой, неутомимой дѣятельности, его духу единства, дисциплины и бдительности, его управленію, кончившему борьбу съ такой славой. Альфредъ самъ вселилъ въ своихъ подданныхъ силу и тѣ качества, которыя привели къ общественному спасенію. На этотъ разъ успѣхъ былъ рѣшительный, и сакская раса, сплоченная и утвердившаяся, не подвергалась болѣе опасности быть поглощенной Датчанами.

Глава IV.

Правленіе Альфреда. Расширеніе его государства. Учрежденіе англодатскаго государства. Развитіе царской власти у Саксовъ. Военная организація.

Изъ всѣхъ помощниковъ, содѣйствовавшихъ Альфреду въ трудѣ возвышенія и организаціи сакской расы, самыми дѣятельными и дѣйствительными были тѣ же самые Датчане. Ходъ времени, завоеваніе Эгберта, память общаго происхож-

денія, несчастный опытъ бѣдствій гражданскихъ войнъ, не могли произвести сліянія въ одинъ народъ враждовавшихъ между собой англо-саксскихъ государствъ; сдѣлали это набѣги варваровъ. Опустошенія продолжительныхъ войнъ доказали всѣмъ Саксамъ, что ихъ надежды, ихъ усилія, должны быть общими, какъ были общими и ихъ страданія. Трудъ Альфреда былъ — поставить престолъ свой и народъ въ состояніе достаточно сильное для новыхъ опасностей. Мерція, Уэльсъ и Кентъ вскорѣ были присоединены къ Вессексу, и подпись Альфреда не была уже подписью короля западныхъ Саксовъ, а короля всѣхъ Саксовъ.

Присоединяя къ Вессексу другія государства, Альфредъ не принималъ на себя произвольныхъ распоряженій завоевателя, не касался до древнихъ остатковъ различныхъ организацій, насильная реформа которыхъ могла бы зажечь ненависть и зависть небольшихъ сосѣднихъ національностей. Напримѣръ, по происхожденію жители Вессекса были Саксы, а Мерціи—Англы; ни языкъ, ни законы не были общими въ обоихъ государствахъ. Мерція управлялась потомками своихъ государей, а потому, присоединяя Мерцію, Альфредъ заявилъ, что онъ будетъ управлять при ихъ посредствѣ. Онъ учредилъ званіе вице-короля Мерціи, въ которое назначилъ Ательреда, туземца и потомка первыхъ предводителей. Чтобъ привязать къ себѣ Ательреда тѣснѣе, не одной клятвой, Альфредъ выдалъ за него старшую дочь свою Ательфледу, которая, по древнему обычаю Мерціи, дѣлалась вице-королевой, равной своему мужу по достоинству и вліянію, присутствующею, подобно ему, на престолѣ при всѣхъ политическихъ разсужденіяхъ и подписывающею, какъ и онъ, всѣ акты правительства. Мерція продолжала имѣть свое собственное собраніе мудрыхъ мужей (Witenagemot), созываемое самимъ Ательредомъ, и рѣшающее свои мѣстные вопросы; но всегда обозначая въ началѣ своихъ рѣшеній „съ вѣдома и согласія короля Альфреда“. Такимъ образомъ удовлетворялись въ одно и тоже время и мѣстныя преданія независимости, еще вліятельныя въ Мерціи и потребность прочнаго единенія Саксовъ. Въ такомъ деликатномъ положеніи Ательредъ всегда оставался для Альфреда самымъ

вѣрнымъ и энергичнымъ слугою. Въ послѣднее вторженіе Датчанъ, когда Альфредъ уѣзжалъ на помощь Екстера, Ательредъ въ продолженіи года начальствовалъ вмѣсто его арміей, осаждавшей Гастингса. Жители Мерціи до такой степени привыкли смотрѣть на него, какъ на зятя короля и главнаго, самаго преданнаго его помощника, что, послѣ его смерти, они не выбирали другаго вождя, а единодушно вручили бразды управленія вдовѣ, дочери Альфреда, отличавшейся мужскимъ складомъ ума. Когда, въ свою очередь, умерла и Ательфледа, въ упрвленіе Мерціей вступилъ Эдуардъ, сынъ и наслѣдникъ Альфреда. Съ этихъ поръ Мерція совершенно слилась съ Вессексомъ.

По семейнымъ отношеніямъ Альфредъ соприкасался ко всѣмъ племенамъ, которыхъ обыкновенно смѣшиваютъ подъ общимъ именемъ Саксовъ, и изъ которыхъ каждое нѣкогда составляло особое государство. Если происхожденіе жены и супружество дочери привязывали его къ Англамъ Мерціи, то по благородной крови матери, онъ принадлежалъ Кенту. Здѣсь не предстояло Альфреду, какъ въ Мерціи, съ особенной осторожностью относиться къ живымъ, еще влiятельнымъ наслѣдственнымъ преданіямъ: соединеніе Вессекса и Кента началось уже давно. Жители этой послѣдней области привыкли принимать къ себѣ королемъ наслѣдника Вессекскаго престола. Въ правленіе послѣдняго брата Альфреда номинальное раздѣленіе двухъ государствъ совершенно пало, и, еще прежде вторженія Датчанъ, Альфредъ царствовалъ въ Кентѣ. Первая жертва грабителей, это несчастное населеніе Кента, изъ первыхъ, съ особенной горячностью, привѣтствовало возвращеніе Альфреда; въ верховной власти Альфреда оно видѣло всѣ свои надежды и единственный якорь спасенія.

Снова начиная и оканчивая прерванный трудъ Эгберта, трудъ сближенія различныхъ отраслей сакской расы, Альфредъ оказалъ своему отечеству громадную услугу. Но онъ не ограничился однимъ подражаніемъ предку, однимъ сближеніемъ трехъ вѣтвей одного и того же семейства. Потомки Бриттовъ всегда оставались для Саксовъ народомъ чуждымъ и непріязненнымъ, народомъ побѣжденнымъ, но непокорнымъ. Они тщательно

сохранили въ горахъ Уэльса не только свою независимость, но языкъ, нравы и обычаи предковъ; они выходили изъ своего убѣжища только съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ датскимъ грабителямъ противъ потомства саксniхъ узурпаторовъ и ни одинъ король послѣднихъ не могъ принудить ихъ сохранять миръ. Альфредъ успѣлъ и въ невозможномъ. Въ 885 году страна Уэльса раздѣлялась на пять независимыхъ и соперничествующихъ между собою княжествъ; непримиримая ненависть господствовала на этомъ незначительномъ пространствѣ. Изъ этихъ княжествъ одна Венедотія имѣла шесть государей. Шесть братьевъ, къ несчастью, тѣсно соединились между собою общимъ интересомъ грабежа; совокупныя силы ихъ отзывались слишкомъ разорительно для сосѣдей. Съ цѣлью обезопасить себя, княжества Дегнетія и Брекокъ первыя признали надъ собою власть Альфреда. Съ другой стороны Говель, Брешмаль и Фермаль, пограничныя съ Мерціей, выдерживали сильный натискъ вице-короля Ательреда, продолжавшаго съ ними упорную борьбу отъ лица Альфреда во имя порядка и мира, добровольнаго или вынужденнаго. Дѣло не дошло до крайности: Говель, Брешмаль и Фермаль скоро покорились, и признали надъ собою покровительство короля Вессекса. Наконецъ шесть государей Венедотіи, увидѣвъ себя совершенно изолированными и, встрѣтивъ въ авторитетѣ Альфреда рѣшительную силу, изъявили готовность стать подъ законы, принятые другими Бриттами. Старшій изъ нихъ, Амаро, лично явился при дворѣ Альфреда. Послѣдній принялъ его со всѣмъ уваженіемъ, должнымъ его рожденію, назвалъ его своимъ духовнымъ сыномъ, одарилъ великолѣпными подарками, оставилъ ему его подданныхъ и всѣ прерогативы, далъ ему титло вице-короля, какъ въ Мерціи для Ательреда.

При жизни Альфреда, Бритты не поднимали уже оружія противъ Саксовъ. Такимъ образомъ онъ вырвалъ у враговъ своихъ по ту сторону моря вѣрныхъ союзниковъ, всегда готовыхъ подать противъ него дѣйствительную помощь.

Водворяя Датчанъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Альфредъ не приготовлялъ-ли для себя въ будущемъ опасное положеніе? Не испыталъ ли онъ опасности отъ водворившихся Датчанъ во время борьбы

съ Гастингсомъ? Дѣйствительно, водвореніе Датчанъ въ Англія было всегда страшной грозой для Альфреда; но это была не ошибка. Онъ позволилъ то, чего не могъ избѣжать; онъ предпочелъ даровать то, въ чемъ не могъ отказать. Даруя на другой день побѣды тронъ Годруну, а его подданнымъ отечество, Альфредъ ставилъ себя въ весьма выгодное положеніе и получалъ право на благодарность. Онъ съумѣлъ заставить цѣнить себя, а должною строгостью уважать. Въ послѣднюю войну съ Датчанами онъ строго различалъ пришельцевъ изъ Франціи съ Гастингсомъ отъ Датчанъ восточной Англіи и Нортумбріи. Въ его глазахъ коренные товарищи Гастингса не были ему ничѣмъ обязаны, и нападая исполняли свое ремесло, а потому и Альфредъ относился къ нимъ человѣколюбиво и милостиво. Со стороны же Датчанъ, водворенныхъ имъ въ сосѣдствѣ своего государства, съ которыми былъ заключенъ торжественный союзъ, война была неблагодарностью и измѣной. Тотъ же король, который не хотѣлъ удержать, какъ плѣнниковъ и какъ заложниковъ сыновей Гастингса, приказывалъ вѣшать пиратовъ изъ восточной Англіи, опустошавшихъ берега Девоншира.

Позволяя Датчанамъ основать подлѣ себя государство, Альфредъ опережалъ современное и начиналъ трудъ, оконченный временемъ. По мнѣнію Альфреда, сношенія, постоянная торговля, путешествія и супружескія связи, ежедневныя сближенія по религіи и законамъ, лучше побѣдъ мало-по-малу умиротворяютъ народы, сливая ихъ. Трудъ этотъ, естественно, въ началѣ не разъ возмущался проблесками таившейся вражды. Альфредъ зналъ: какъ медленно и трудно совершалось сліяніе различныхъ саксскихъ народностей. Можно-ли же было ожидать болѣе быстраго и менѣе кроваваго сліянія Саксовъ и Датчанъ? Но онъ сдѣлалъ все для ускоренія и обезпеченія успѣха. Въ этомъ мирномъ завоеваніи, христіанская религія была его первымъ оружіемъ. Затѣмъ его постоянное стремленіе было сравнять законы датскіе и саксскіе, что такъ очевидно обнаруживается въ мирномъ трактатѣ съ Годруномъ въ 878 году. Напримѣръ, за убійство опредѣлялось одинаковое наказаніе въ обоихъ государствахъ, отчего судебные приговоры

становились болѣе правильными, цѣна выкупа за различныя преступленія опредѣлялась одинаково въ монетахъ датскихъ и саксскихъ. На сколько Альфредъ энергически напоминалъ Датчанамъ свою побѣду, и ихъ клятвы всякій разъ, когда они становились въ ряды его враговъ, на столько вообще онъ желалъ заставить ихъ забыть чужеземное происхожденіе и боевую неудачу, не налагая на нихъ слишкомъ тяжелыхъ условій, и распространяя на нихъ, также какъ на своихъ подданныхъ, одинаковое безпристрасное правосудіе. Ничего такъ не сближаетъ людей, какъ одинаковое богослуженіе и одинаковое подчиненіе законамъ. Усилія Альфреда не были потеряны, хотя самъ онъ видѣлъ только разсвѣтъ того блаженнаго дня, когда Англія сформировалась въ единое, сплоченное государство. Въ царствованіе Эдуарда, сына Альфреда, христіанская религія совершенно вытѣснила паганизмъ изъ мѣстъ водворенія Датчанъ, такъ что возникла потребность установленія организаціи и прерогативъ духовенства. Едва протекло тридцать три года по смерти Альфреда, какъ его внукъ Ательстанъ, подчинивъ окончательно своей власти Нортумбрію и восточную Англію, могъ назваться истиннымъ королемъ всѣхъ Саксовъ. Съ этого времени сліяніе обоихъ народовъ приняло послѣдовательное и естественное теченіе; спустя сто лѣтъ послѣ Альфреда, Англія уже управлялась, въ продолженіи двадцати шести лѣтъ, королями датскаго происхожденія съ согласія самихъ Саксовъ, и безъ особенныхъ потрясеній. Послѣ этихъ двадцати шести лѣтъ древняя царская саксская фамилія снова приняла въ свои руки правленіе, и это возвращеніе, какъ и удаленіе, не возмущало народнаго духа. Если такой двойной политическій переворотъ совершился безъ потрясеній, то это могло произойти не иначе, какъ вслѣдствіе совершившагося въ теченіи этого времени переворота въ умственномъ состояніи англо-саксскаго населенія.

Засѣвая для будущаго, Альфредъ въ то же время заботился и о настоящемъ. Необходимо было поставить Саксовъ въ положеніе безъ боязни ожидать отдаленнаго преобразованія Датчанъ. Альфредъ ввелъ въ своихъ государствахъ новую военную организацію, о которой у его предшественниковъ не

было и мысли, и которая, всецѣло, принадлежитъ его смѣлому, здравому смыслу. До сихъ поръ сакскіе короли, при приближеніи опасности, одновременно призывали подъ свое знамя всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе: королевскіе гонцы, держа стрѣлу и обнаженный мечъ, ходили по всѣмъ мѣстностямъ, провозглашая: „кто бы то ни былъ, въ городѣ-ли или внѣ города, кто не хочетъ слыть за человѣка ничтожнаго, пусть выходитъ изъ дома и вооружается“. Преимущество соединенія такимъ образомъ большихъ силъ, одновременно и въ данной мѣстности, не вознаграждало всѣхъ неудобствъ подобной системы. Самая бо́льшая часть страны обнажалась, поля оставались безъ обсѣмененій, жатвы высыхали на корню или, что случалось чаще, земледѣльцы, такъ неожиданно завербованные, покидали лагерь и возвращались къ полевымъ работамъ. Вмѣсто того, чтобы при наступленіи войны, вести въ дѣло эту недисциплированную, безпорядочную и импровизированную толпу, Альфредъ, воспользовавшись нѣсколькими годами отдыха, раздѣлилъ все мужское населеніе, способное быть подъ оружіемъ, на двѣ части: одна находилась подъ оружіемъ, а другая оставалась у своихъ мирныхъ занятій; потомъ, въ концѣ опредѣленнаго срока, воины дѣлались простыми гражданами и замѣнялись людьми другой части. Такимъ образомъ Альфредъ всегда имѣлъ одну армію всегда готовую, а другую въ резервѣ, обезпеченные жизненные припасы и повсюду въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, населеніе воинственное, опытное въ правильной службѣ, готовое принять на себя защиту каждой отдѣльной мѣстности, еслибъ войска, назначенные къ оборонѣ страны, потерпѣли какую-нибудь неудачу. Такимъ искуснымъ сбереженіемъ силъ сакскій король могъ противодѣйствовать роковому преимуществу враговъ, безпрерывно получавшихъ новыя силы извнѣ. Для дополненія своихъ приготовленій онъ, одновременно съ арміей, создалъ сильныя крѣпости. Лондонъ давно считался въ Англіи городомъ особенной важности. Въ лѣтописяхъ Тацита говорится о немъ, какъ значительномъ центрѣ населенія и коммерческой дѣятельности. Но Темза, путеводя негоціантовъ, проводила вмѣстѣ съ тѣмъ и пиратовъ. Альфредъ отстроилъ и улучшилъ

Лондонъ, затѣмъ учредилъ въ немъ, какъ и во всѣхъ главныхъ городахъ государства, гарнизонъ войскъ спеціальныхъ, всегда состоявшихъ подъ оружіемъ. Тамъ, гдѣ мало было городовъ, устроены цитадели. Такимъ образомъ укрѣпленъ островъ Этелингъ, счастливое положеніе котораго Альфредъ испыталъ лично. Благодаря этимъ совмѣстнымъ и одновременнымъ мѣропріятіямъ, нападеніе, начатое и соображенное самымъ искуснымъ образомъ, каково было нападеніе Гастингса, кончилось полной побѣдой Саксовъ.

Глава V.

Администрація и юстиція. Законы Альфреда и его отношенія къ церкви.

Геній и труды Альфреда принесли пользу и народу, и ему самому. Только въ правильно организованномъ государствѣ царская власть можетъ имѣть самостоятельное прочное значеніе. Въ первыя времена Гептархіи она бывала ограничиваема и поражаема со всѣхъ сторонъ. По преобладанію мѣстныхъ учрежденій, каждый альдермэнъ въ своемъ округѣ, въ сущности, былъ соперникомъ короля, каждый епископъ, на высотѣ своего духовнаго престола, равнялся военачальнику, сидѣвшему на тронѣ; но въ концѣ IX вѣка, наоборотъ, альдермэны сдѣлались только королевскими чиновниками; ихъ власть перестала быть наслѣдственной, за исключеніемъ Мерціи, гдѣ самый ходъ событій скоро уничтожилъ эту привиллегію. По законамъ Ина, царствовавшаго отъ 688 до 721 года, оскорбленія, нанесенныя королю, и оскорбленія, нанесенныя епископу, наказывались одинаково: въ томъ и другомъ случаѣ выкупъ ограничивался платежемъ ста двадцати стерлинговъ. Кромѣ того: въ области Кента воровства, совершенныя въ королевскихъ собственностяхъ, разсматривались менѣе важными, чѣмъ воровства, совершенныя въ имуществахъ духовенства. Альфредъ оставилъ таксу выкупа ста двадцати стерлинговъ, платимую ему за преступленія, совершенныя противъ него; но архіепископы получили право только на девяносто стерлинговъ, епископы же, пріуравненные къ альдермэнамъ, на шесть-

десятъ стерлинговъ. Въ то же время Альфредъ объявилъ неуклонное исполненіе закона, еще установленнаго древними Саксами, обязывавшаго къ строгому уваженію государя: одинъ изъ этихъ законовъ предоставлялъ королевской власти право осуждать простымъ распоряженіемъ собственной власти къ наказаніямъ самымъ строгимъ, даже къ смерти, всякаго, кто бы осмѣлился обнажить мечъ и смутить порядокъ, учрежденный въ царскихъ дворцахъ.

Переселившись на почву Британіи, Саксы, конечно, перенесли съ собою и весь свой общественный складъ *). Точно также, какъ и у всѣхъ остальныхъ германскихъ народовъ, у Саксовъ Британіи видно преобладаніе родоваго начала, системы круговой поруки, какъ мѣры охраненія общественнаго порядка и мѣстнаго самоуправленія. Точно также у Саксовъ британскихъ видно существованіе родовой мести, и затѣмъ платежа виры даже довольно продолжительное время (по закону Этельберта родня, убѣжавшаго убійцы, обязывалась платить половину виры **); но тѣмъ не менѣе событія насильственнаго завладѣнія отечествомъ Бритовъ должны были произвести значительное видоизмѣненіе. Ожесточенная борьба съ Бритами, и потомъ безпрерывныя междоусобія гептархіи, не могли не образовать новыхъ вліятельныхъ явленій. И дѣйствительно, со времени окончательнаго утвержденія Саксовъ на островѣ, отношенія родства уступаютъ постепенно новымъ отношеніямъ простаго сожительства и владѣнія землею; вмѣсто исключительнаго дѣленія племени на роды и семейства, мало по малу являются сельскія общины съ характеромъ преобладательнаго вліянія крупнаго землевладѣльца, какъ поручителя, отвѣтственнаго за общественный миръ и спокойствіе. Такому направленію весьма много способствовало и явленіе миграцій. Постоянныя междоусобныя войны и вторженіе пиратовъ порождали полную необезпеченность сельскаго труда, а съ тѣмъ

*) О древнемъ общественномъ бытѣ Англо-Саксовъ см. сочин. Георга Маурера Die freipflege München 1848, Stubbs'a constitutional Historyof Englaud part. и друг.

**) Thorpe The laus of king Aethelbirht, стат. 23.

вмѣстѣ создавали классъ людей безземельныхъ, живущихъ однимъ трудомъ рукъ своихъ въ различныхъ, соляныхъ и т. п. промыслахъ. Миграціи происходили большими, какъ это видно изъ источниковъ, обществами и вызывали особыя мѣры благотворительности, въ видѣ милостыней странникамъ: въ VII вѣкѣ архіепископъ Өеодоръ пишетъ: decimos non est legitimum dare nisi pauperibus et peregrinis (Stubbs Constitutional History c. 228). А такъ какъ эти миграціи съ своей стороны бывали поводомъ къ усиленію разбоевъ, грабежей и всякаго рода правонарушеній, то естественно должно было возникнуть стремленіе къ ограниченію свободнаго перехода, къ укрѣпленію свободнаго класса къ землѣ, съ установленіемъ отвѣтственности за общественный миръ и спокойствіе одного лица. Такое стремленіе вполнѣ опредѣленно выразилось въ мѣропріятіяхъ англосаксскихъ королей, и въ особенности Альфреда великаго, мѣропріятіяхъ, значительно усиливающихъ и утверждающихъ власть государя.

Альфредъ установилъ нововведеніе, имѣвшее весьма важное значеніе, облегчавшее и укрѣплявшее его прямую, непосредственную дѣятельность на всѣхъ точкахъ государства и на всѣ подробности общественной жизни. Желая уничтожить, говоритъ Гизо, злоупотребленія, вкравшіяся отъ безпорядковъ войны въ администрацію правосудія, онъ присвоилъ себѣ право выбора большей части судей, право, до сихъ поръ принадлежавшее собранію собственниковъ. Впрочемъ, это нововведеніе не казалось современникамъ нарушеніемъ правъ націи, и современные историки, напротивъ, хвалятъ Альфреда за дарованіе народу добрыхъ магистратовъ. Если отъ имени мѣстныхъ свободныхъ интересовъ не было ни одной жалобы на такое развитіе центральной власти, то не объясняется ли это тѣмъ, что необходимость перехода въ руки правительства сознавалась самимъ народомъ. Нѣкоторые приписываютъ Альфреду раздѣленіе Англіи на декуріи, центуріи и графства (десятки, сотни и ширы), и учрежденіе трехъ видовъ собраній, соотвѣтствующихъ этимъ территоріальнымъ раздѣленіямъ. Но это несправедливо. Напротивъ, счисленіе семей десятками, сотнями и званіе десятскихъ и сотскихъ (Tything-

mann) встрѣчается въ древности еще у первыхъ Саксовъ завоевателей. Мало того, нѣкоторыя части такого административнаго дѣленія уже выходили изъ употребленія, когда Альфредъ преобразовалъ и узаконилъ. «Въ первыя времена, говоритъ Гизо, въ каждомъ графствѣ, и въ каждомъ подраздѣленіи графства, составлялось собраніе собственниковъ, обсуживающихъ ихъ мѣстныя общественныя дѣла... Когда представлялся къ обсужденію процессъ, альдермэнъ посылалъ на самыя мѣста спора свободныхъ лицъ, изъ класса тяжущихся, для изслѣдованія фактовъ. Эти лица назывались ассессорами. Когда они возвращались съ полными свѣдѣніями, естественно они превращались въ судей даннаго процесса. Тяжущіеся обязывались доказывать свои права показаніями свидѣтелей... но по мѣрѣ того, какъ народонаселеніе увеличивалось и распространялось, когда потребности осѣдлой жизни развивались вмѣстѣ съ правильнымъ трудомъ, когда гептархія приближалась къ единству, народъ мало по малу покидалъ эти мѣстныя учрежденія, дѣятельность которыхъ безпрестанно отвлекала собственниковъ отъ ихъ частныхъ интересовъ. Къ тому же постоянныя войны еще болѣе ускоряли разрушеніе: собранія декурій и центурій, становившіяся все рѣже и малочисленнѣе, кончились полнымъ исчезновеніемъ народныхъ представителей, за исключеніемъ, вѣроятно, только самыхъ состоятельныхъ; иногда даже альдермэнъ судилъ безъ присутствія ассессоровъ. Принявъ на себя трудъ назначать самому судей въ каждой центуріи, и въ каждой декуріи, Альфредъ не лишалъ подданныхъ дорогаго для нихъ права; но принялъ на себя только обязанность, оставленную ими самими. Строго наказывая каждаго судью, рѣшившаго споръ безъ совѣщанія съ ассессорами, онъ подвергалъ подробному контролю своихъ чиновниковъ, давая такимъ образомъ приговорамъ новыхъ трибуналовъ туже санкцію, какую нѣкогда имѣли приговоры собраній. Сообразно потребностямъ, Альфредъ или пользовался старыми учрежденіями, или обходилъ ихъ, или возобновлялъ, или замѣнялъ. Изъ института ассессоровъ-совѣтниковъ судьи и свидѣтелей, вызываемыхъ самими спорящими сторонами, впослѣдствіи возникло жюри-судъ присяж-

ныхъ. Альфредъ не былъ, какъ это обыкновенно ошибочно думаютъ, основателемъ жюри; но онъ спасъ зародышъ, готовый зачахнуть, возстановляя Англо-Саксамъ ихъ древніе обычаи, изъ которыхъ развилось драгоцѣнное право каждому народу самому разсматривать преступленія своихъ членовъ.

Альфредъ не всецѣло, однакожъ, отдалъ народу и судьямъ заботу отправленія добраго правосудія: онъ самъ занимался съ неутомимой дѣятельностью и добросовѣстностію. «Онъ приказалъ отдавать себѣ подробный отчетъ о всѣхъ приговорахъ, произносимыхъ въ его государствѣ, говоритъ Ассеръ, и разсматривалъ ихъ. Если открывалъ какое-нибудь криводушіе, онъ освѣдомлялся безъ огласки или самъ, или чрезъ довѣренное лицо, о причинахъ, допущенныхъ судьями ошибокъ: были-ли они обмануты, или подкуплены? Собственый-ли интересъ, опасенія-ли вліятельныхъ лицъ, или корыстныя надежды ихъ извратили. Если послужило поводомъ къ ошибкѣ неосновательное знаніе фактовъ, то Альфредъ снисходительно упрекалъ ихъ въ невѣжествѣ. По истинѣ, говорилъ онъ имъ, я удивляюсь вашей непослѣдовательности. Вы приняли отъ Бога, и отъ меня, важную обязанность и званіе мудрыхъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ пренебрегаете изученіемъ, которое ведетъ къ мудрости. Вамъ остается теперь, или отказаться одинъ разъ навсегда отъ отправленія вашей обязанности, или посвятить себя изученію»...

На упреки Альфреда судьи всегда имѣли готовый отвѣтъ: двойная тяжесть власти административной и власти судебной, въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, становилась слишкомъ обремѣнительною; по мѣрѣ того, какъ увеличивалось народонаселеніе, дѣлалось невозможнымъ каждому дѣлу отдавать все время и все вниманіе. Альфредъ раздѣлилъ эти двѣ власти между двумя отдѣльными классами должностей, слабѣвшія отъ соединенія. Съ того времени образовались отдѣльные судьи для суда, и администраторы для управленія (герцоги, графы и виконты). Раздѣленіе Англіи на декуріи, центуріи и графства упрощало и облегчало взаимодѣйствіе различныхъ органовъ управленія. Это дѣленіе, говоритъ Гизо, было проводникомъ порядка и самой надежной полиціи..: Законъ требовалъ, чтобъ каждое

свободное лицо съ двѣнадцатилѣтняго возраста причислялось къ какой либо извѣстной ассоціаціи, которую онъ уже не могъ оставить безъ позволенія старшины. Иностранецъ не могъ оставаться у кого бы то ни было долѣе двухъ дней, иначе онъ подвергалъ отвѣтственности за свои дѣйствія своего хозяина; по истеченіи же нѣсколькихъ дней онъ долженъ былъ войти подъ наблюденіе какой-нибудь ассоціаціи. Когда одинъ изъ членовъ спеціальной ассоціаціи совершалъ преступленіе, то ассоціація обязывалась представить его къ суду. Въ случаѣ же его побѣга, ей предстояло, или доказать показаніями двѣнадцати или тринадцати свидѣтелей свое неучастіе въ побѣгѣ, или заплатить выкупъ, если немогла оправдаться свидѣтельскими показаніями. Въ этой непрерывной сѣти частной, самой бдительной полиціи, при спеціальныхъ трибуналахъ, назначенныхъ къ производству процессовъ, при постоянномъ вниманіи самого короля, преступники не могли укрываться отъ правосудія, ни побѣгомъ, ни послабленіемъ наказанія. Оттого и безпорядки, такъ быстро развившіеся у Англо-Саксовъ въ послѣдніе полвѣка, исчезли въ царствованіе самого же Альфреда. Народныя преданія передаютъ, какъ достовѣрное, факты, напоминающіе благословенную безопасность золотаго вѣка. Альфредъ, говорятъ они, для испытанія своихъ подданныхъ, приказывалъ бросать на перекресткахъ золотыя вещи, и онѣ оставались нетронутыми. Путешественникъ, обронившій на большой дорогѣ кошелекъ, возвращаясь черезъ мѣсяцъ по той же дорогѣ, находилъ его на томъ же мѣстѣ.

Для окончательнаго труда преобразованія юстиціи, Альфреду оставалось только собрать и регулировать самые законы, служившіе руководствомъ для судей. Онъ сдѣлалъ это. Передъ его глазами были различные законодательные сборники его предшественниковъ,—законы Кента, Мерціи и Вессекса. Онъ широко черпалъ изъ этихъ источниковъ; но когда предвидѣлась реформа, онъ часто колебался введеніемъ ея, опасаясь, какъ признавался самъ, замѣнить древніе законы, законами, которыхъ его преемники могли не одобрить. Впрочемъ онъ неограничивался однимъ сохраненіемъ и развитіемъ первобытнаго англо-саксকаго законодательства, иногда онъ вводилъ

новые элементы, достойные особеннаго замѣчанія. Саксы, овладѣвъ Англіей, наслѣдовали не римлянамъ, но туземцамъ-Бриттамъ, а поэтому они менѣе другихъ расъ варваровъ-завоевателей, подвергались вліянію римскихъ учрежденій. «Это народъ новый, говоритъ Гизо, жившій самобытно и развившій свою цивилизацію; національные нравы долгое время оставались совершенно цѣльными». Въ кодексѣ Альфреда въ первый разъ встрѣчаются, въ средѣ древнихъ тевтонскихъ обычаевъ, слѣды римскаго законодательства. Это нововведеніе поражаетъ съ первыхъ статей законовъ Альфреда: всякій за нарушеніе клятвы, или даннаго обѣщанія, долженъ быть подвергнутъ тюремному заключенію на сорокъ дней. Названія тюрьмы не было на англо-саксскомъ языкѣ, и оно заимствовано изъ латинскаго языка Carcer. Такимъ образомъ, до Альфреда, лишеніе личной свободы не входило ни въ законъ, ни въ языкъ Саксовъ, по крайней мѣрѣ объ этомъ видѣ наказанія не упоминается ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ первобытныхъ кодексовъ.

Законы Альфреда содержатъ еще другое заимствовавание, болѣе глубокое—изъ законовъ библейскихъ. Сборникъ начинается длиннымъ предисловіемъ, заимствованнымъ, какъ изъ стараго, такъ и изъ новаго завѣта, и перемѣшаннымъ размышленіями, которыми Альфредъ связываетъ заимствованныя мѣста и объясняетъ: почему они изложены въ главѣ саксkaго кодекса. Онъ говоритъ: Господь Богъ произнесъ эти слова: «я есмь Господь Богъ твой» и проч. Затѣмъ слѣдуютъ десять постановленій, какъ они читаются въ двадцатой главѣ Исхода, за исключеніемъ втораго, пропущеннаго, согласно рѣшенія втораго Никейскаго Собора. Потомъ излагаются съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями двѣ съ половиною главы Исхода, содержащія законы Моисея объ отношеніяхъ господина къ слугамъ, о наказаніи за убійство, воровство и другія тяжкія преступленія, о наблюденіи постовъ и праздниковъ. Это заимствованіе останавливается на словахъ: не клянитесь богами чуждыми, и пусть имя ихъ не произносится вашими устами «(Исх. XXIII,13) — и затѣмъ самъ Альфредъ добавляетъ:» таковы повелѣнія, которыя Всемогущій диктовалъ Моисею изъ собственныхъ устъ и приказалъ соблюдать. Единородный Сынъ

Господа Бога Христосъ, нашъ Спаситель, сошедшій на землю, объявилъ, что онъ пришелъ не уничтожать законы, но исполнять ихъ, во всемъ смыслѣ, научить милосердію и человѣколюбію. Послѣ страданій Его, ученики, прежде разсѣянія своего по всей землѣ для проповѣданія слова Божія, обратили къ истинному Богу множество людей. Затѣмъ апостолы посылали учениковъ въ Антіохію и Сирію распространять и утверждать ученіе Христа. Для вразумленія и назиданія, они, по временамъ, отправляли посланія, и вотъ посланіе, которое всѣ апостолы отправили въ Антіохію, Сирію и Киликію, страны нынѣ христіанскія. Засимъ приводится слово въ слово то короткое апостольское посланіе, о которомъ говоритъ Альфредъ, въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось въ Апостольскихъ Дѣяніяхъ (XV, 23—29). За посланіемъ приводится мѣсто изъ Евангелія св. Матвѣя (VII, 12), только не такъ точно изложенное, въ которомъ говорится: „не дѣлайте другому того, чего не пожелали бы себѣ. Пусть человѣкъ судитъ каждаго по правдѣ, и тогда не было бы нужды ни въ какомъ другомъ законѣ". Послѣ приведенной цитаты, Альфредъ снова начинаетъ говорить отъ своего имени, и оканчиваетъ это не большое изложеніе божественныхъ законовъ на землѣ слѣдующими словами: съ того времени, какъ столько народовъ увѣровали въ Христа, много соборовъ святыхъ епископовъ, и другихъ знаменитыхъ мудрецовъ, собиралось въ различныхъ странахъ, и въ особенности у народа сакскаго послѣ принятія имъ христіанской вѣры. Законъ милосердія, заповѣданный Спасителемъ, внушалъ этимъ святымъ мужамъ опредѣлить за всѣ проступки содѣяные, по отношенію къ подобнымъ себѣ смертнымъ, наказаніе въ платежѣ выкупа, но они не соблаговолили распространить это наказаніе на преступленія, содѣянныя противъ самого нашего Спасителя. Установленные различными соборами правила были вписываемы одни здѣсь, другія тамъ: вотъ почему я, король Вессекса, Альфредъ, приказалъ собрать ихъ и скопировать, что было согласно съ обычаями нашихъ отцевъ, и что показалось благимъ по моему разумѣнію. Конечно предисловіе это не изъято отъ неточностей. Нельзя не удивиться напр. встрѣтить въ книгѣ, предназначенной для Англо-Саксовъ слова,

спеціально относящіяся къ Іудеямъ. Могла ли Англія тогда имѣть больше виноградниковъ, чѣмъ теперь, а между тѣмъ Альфредъ незатруднился перенести изъ книгъ Моисея слѣдующее изрѣченіе: «если кто нибудь причинитъ опустошеніе въ винограднинкѣ, пуская скотъ пастись въ поля другаго, тотъ пусть отдастъ за это лучшій изъ своихъ виноградниковъ" (Исх. XXII, 5). Не странно ли видѣть объясненіе древнихъ германскихъ учрежденій о вознагражденіяхъ за различныя преступленія продуктомъ христіанства! Но если внимательно разсматривать даже самыя неточности и ошибки Альфреда, нельзя не признать въ немъ ума религіознаго, глубокаго и всесторонне обнимающаго предметы. Во всей законодательной дѣятельности его видно стремленіе къ сохраненію древнихъ саксихъ законовъ. Онъ беретъ въ примѣръ самого Бога, который не истребилъ, но дополнилъ откровенія Синая откровеніями Искупителя. Съ удивительной разумностью Альфредъ выбралъ мѣсто изъ Евангелія, согласующее древній законъ съ новымъ и внушающее народу уваженіе къ правосудію, исходящему отъ имени короля.

Впрочемъ къ санкціи Бога, Альфредъ присоединилъ и людское слово. Онъ говоритъ: «я показывалъ эти законы всѣмъ нашимъ мудрецамъ, и они одобрили ихъ къ непремѣнному исполненію». Мудрые люди (Witan), съ которыми совѣтывался Альфредъ, были герцоги, графы, значительные собственники, епископы, аббаты, собраніе которыхъ называлось Witenagemot и образовывало у Англо-Саксовъ съ королевскою властью совокупность центральныхъ учрежденій. Во времена Альфреда эти собранія были не такъ многочисленны, какъ въ началѣ. У Англо-Саксовъ, какъ и у бо́льшей части германскихъ народовъ, общественное собраніе составляло сходку всѣхъ свободныхъ людей—Тановъ (Thanes), поземельныхъ собственниковъ и Керловъ (Ceorls), людей лично свободныхъ, но безъ собственности, и водворенныхъ для обработки на землѣ Тановъ. Послѣ завоеванія, Керлы, недопущенные къ участію съ Танами въ раздѣлѣ земли, отнятой у Бриттовъ и оставшіеся въ прежнихъ условіяхъ временной, бѣдной свободы, въ большей части случаевъ вошли въ подчиненныя, служебныя отношенія и Witenagemot скоро сталъ составлять собраніе соб-

ственниковъ. Сами Таны раздѣлялись на два класса: Тановъ королевскихъ и Тановъ второстепенныхъ. Хотя права ихъ были равны, но первенство состоянія установило между ними большое различіе. По мѣрѣ того, какъ королевство Вессекса разширялось, для небогатыхъ собственниковъ становилось затруднительнымъ часто посѣщать общественныя собранія, и только одни самые значительные Таны могли бывать въ отдаленныхъ центрахъ соединенія. Во времена Альфреда только одна территоріальная аристократія являлась на призывъ короля и подавала мнѣнія по государственнымъ вопросамъ.

Предметы вѣдомства Witenagemot'а не были опредѣлены; не существовало опредѣленныхъ границъ, гдѣ оканчивалась его власть и гдѣ начиналась власть государя. Та и другая занимались вмѣстѣ всѣми дѣлами народа. Чтобъ съ положительною точностью опредѣлить вѣдомство Witenagemot'а, необходимо прослѣдить въ исторіи фактическія проявленія его дѣятельности. Извѣстны только три, можетъ быть четыре, случая, когда Альфредъ созывалъ Witenagemot Вессекса; четыре раза въ продолженіе царствованія Альфреда, вице-король Ательредъ созывалъ у себя Witenagemot Мерціи. Какъ ни скудны эти указанія, народныя преданія объ этихъ собраніяхъ, дошедшія до насъ, доказываютъ на сколько вѣдомство собраній было обширно и неопредѣленно: то епископъ, требовавшій въ собственность лѣсъ, захваченный различными свѣтскими лицами въ продолженіи безпорядковъ войны, то король датскій Годрунъ публично изъявляетъ покорность и заключетъ трактатъ, здѣсь Альфредъ спрашиваетъ у народныхъ старѣйшинъ утвержденія завѣщанія своего брата и мнѣнія объ администраціи королевскихъ доменъ, то онъ подвергаетъ на общественное сужденіе составленные имъ для народа законы, то Альфредъ совѣщается съ Мерційцами о возведеніи крѣпости; но, что всего поразительнѣе, среди такого неопредѣленнаго смѣшенія властей административной, политической и военной, видны самое полное согласіе короля, подданныхъ и духовенства, ревностное единодушное содѣйствіе и свободность взаимныхъ отношеній.

Между законами, предложенными Альфредомъ, разсмотрѣнными и принятыми съ такою довѣрчивостью Witenagemot'омъ, нѣкоторые, однакожь, могли не нравиться высшему англо-саксскому классу, если онъ былъ способенъ предвидѣть отдаленныя послѣдствія. Въ то время въ Англіи фактически почти не было средняго класса, обладающаго полной свободой, кромѣ свободы быть празднымъ, независимаго и сильнаго трудомъ, тогда какъ именно этотъ классъ, постоянно расширяясь принятіемъ новыхъ членовъ изъ низшихъ слоевъ общества, занимая среднее мѣсто между дворянствомъ и народомъ, съ несокрушимой силой двигаетъ ихъ впередъ по пути прогресса. Развитію этого живаго и дѣятельнаго элемента у Англо-Саксовъ временъ Альфреда, безъ сомнѣнія, препятствовало рабство. Несмотря на христіанство, рабство у нихъ не только существовало, но даже, можетъ быть, нигдѣ не было такъ тяжело, и нигдѣ оно не оказывало такого вреднаго вліянія въ политическомъ отношеніи. Классъ рабовъ значительно превосходилъ числомъ людей свободныхъ, и общественныя бѣдствія увеличивали его со дня на день; бѣдные родители продавали своихъ дѣтей, другіе ради пищи и сильнаго покровительства бросали свою собственность. Были округа, въ которыхъ не было ни одного свободнаго обывателя и гдѣ самое водвореніе лишало свободы, гдѣ, по старинному германскому выраженію, самый воздухъ дѣлалъ рабомъ. Виновный, не оплатившій вину свою выкупомъ, становился вещью истца или заплатившаго за него. Воръ, прелюбодѣй, человѣкъ, работавшій въ праздникъ, подвергались рабству. Ихъ называли рабами т. е. ими пользовались какъ почвой, къ которой они были укрѣплены, какъ животными, которыхъ водили на пастьбу. Ихъ вывозили на торгъ во Францію, Римъ, къ язычникамъ. Само духовенство вело эту неестественную торговлю, и общественное мнѣніе, чрезвычайно строгое къ нему за малѣйшую ошибку, безъ всякаго смущенія смотрѣло на такое безнравственное нарушеніе божественнаго закона.

Для выхода изъ условій рабства существовало только одно средство—отпущеніе, добрая воля господина, безкорыстіе умирающихъ, безпокоившихся о спасеніи души своей. Рабство

было жестокимъ наслѣдствомъ, переходившимъ отъ отца къ дѣтямъ. Заработанное ими имущество могло быть употребляемо только ими на уплату различныхъ пеней, или на расходы по жертвоприношеніямъ идоламъ, или на улучшеніе пищи, на покупку мяса, когда ихъ заставляли постись, или на вознагражденіе за различные проступки. Если рабы ничего не имѣли, то «платила ихъ собственная кожа»; если же они были богаты, то все-таки не могли выкупить своей свободы,—ихъ деньги выкупали только удары кнута. Законъ, изданный Этельбертомъ, старшимъ братомъ Альфреда, съ цѣлью облегчить сколько возможно тяжкія условія рабства, запретившій продажу рабовъ иностранцамъ, сдѣлалъ рабство еще болѣе опаснымъ для государства. Рабство росло, безпрерывно умножаясь, и если бы не разрѣжали его густоты вторженія Датчанъ, то количество его погубило бы государство.

Альфредъ не могъ прямо и открыто приступить къ уничтоженію древней и уже узаконенной неправды, не возбудивъ противъ себя упорнаго сопротивленія, одинаково вреднаго, какъ для самихъ рабовъ, такъ и для государства. Но съ обычной разумностью онъ частными, отдѣльными нововведеніями и собственнымъ примѣромъ, подготовилъ и облегчилъ путь необходимой реформѣ. Онъ предоставилъ рабамъ право передавать наслѣдникамъ по своему выбору все, что дано имъ было милосердіемъ Божіимъ или пріобрѣтено въ свободное время собственнымъ трудомъ. Это былъ большой шагъ впередъ. Тотъ, который начиналъ быть собственникомъ, тѣмъ самымъ готовился перестать быть собственностью. Другой законъ Альфреда объявлялъ, что если кто-нибудь покупалъ раба христіанина, то это рабство могло продолжаться только шесть лѣтъ, на седьмой же годъ онъ дѣлался свободнымъ и получалъ право на употребляемую имъ одежду, если же онъ былъ женатъ, то вмѣстѣ съ собой уводилъ и жену. Наконецъ Альфредъ писалъ въ своемъ завѣщаніи: Во имя Бога и святыхъ Его я завѣщаю всѣмъ моимъ наслѣдникамъ не воздвигать никакихъ препятствій пользованію свободой всѣхъ тѣхъ, которыхъ я освободилъ отъ рабства. Благородные мужи Вессекса нашли справедливымъ предоставить моей волѣ людей, принадлежащихъ

мнѣ, или оставить рабами, или сдѣлать свободными. Я даю имъ свободу. И во имя Бога живаго я требую, чтобъ никто не дѣлалъ имъ никакихъ утѣсненій, ни требуя отъ нихъ какого либо вознагражденія, ни заставляя ихъ принять осѣдлость и господина противъ ихъ воли.

Примѣръ, какъ и законы Альфреда, не замедлили оказать свое дѣйствіе: скоро добровольныя и законныя освобожденія возвратили свободнымъ классамъ ту убыль, которую прежде похищали различные случаи укрѣпленія въ рабство. Затѣмъ началось даже представленіе рабамъ права выкупа свободы. Всѣ, выходящіе изъ тяжкихъ и несчастныхъ условій рабства, дѣлались свободными работниками, небольшими фермерами или трудолюбивыми городскими обывателями, образуя такимъ образомъ то первое ядро средняго сословія, которое впослѣдствіи разросталось все болѣе и болѣе. Альфредъ содѣйствовалъ его возникновенію, не возбудивъ въ государствѣ даже зависти и неудовольствія благороднаго сословія.

Еще болѣе территоріяльной аристократіи оказало заслугъ духовенство, единодушно поддерживая Альфреда, тогда какъ оно въ развитіи государства теряло болѣе всѣхъ. Въ царствованіе Этельвульфа, набожность котораго часто впадала въ слабость, церковь господствовала въ государствѣ. Но изъ своего преобладанія она извлекала только средства къ обогащенію; духовенство, уклоняясь отъ прямаго назначенія паствы душъ и развитія ума, увлеклось временными обольщеніями и свѣтскимъ развратомъ. Альфредъ, ставя государство на первое мѣсто въ политическомъ строѣ, повидимому уменьшалъ значеніе церкви. Впрочемъ англо-саксское духовенство не видѣло этого, да въ дѣйствительности этого и не было. Вытерпѣвъ больше, чѣмъ кто либо отъ датскихъ вторженій, оно сознало необходимость единенія христіанства съ интересами короля. Кромѣ того личное благочестіе Альфреда было всѣмъ извѣстно, его почтеніе къ власти религіозной съ такой очевидностью выражалось въ тѣхъ же законахъ, которыми утверждалось уваженіе народа къ власти царской. Заставляя входить духовенство въ церковь, Альфредъ не нарушалъ правъ и не унижалъ его, напротивъ, онъ ставилъ его въ естественный центръ дѣятель-

ности и власти. Англо-саксская церковь также хорошо, какъ и Альфредъ, понимала единство ихъ интересовъ, и потому постоянно оказывала существенную поддержку. Ательредъ, архіепископъ Канторберійскій и примасъ Англіи, Верефредъ, знаменитый епископъ Ворчгестера, Племундъ, епископъ Мерціи, вызванные изъ Мерціи въ Вессексъ въ званіе королевскихъ капеллановъ, Ательстанъ и Веревульфъ считались самыми твердыми подпорами и всегдашними совѣтниками Альфреда. Церковь выиграла болѣе истиннаго достоинства и религіознаго вліянія при Альфредѣ, чѣмъ при Этельвульфѣ—расточительномъ благотворителѣ.

Даже щедрость Альфреда, относительно церкви, была не меньше щедрости отца. Онъ содѣйствовалъ къ развитію у Англо-Саксовъ стремленія къ монастырской жизни и для этого не щадилъ своего состоянія. Во время вступленія его на престолъ въ Англіи не существовало монастырей; всѣ они были разграблены, сожжены, а иноки разсѣяны. Альфредъ повсемѣстно возобновилъ монастыри. Въ воспоминаніе своего чудеснаго возстановленія, онъ построилъ на небольшомъ островѣ Этелингѣ монастырь одновременно съ крѣпостью. Въ Вестминстерѣ, сдѣлавшемся впослѣдствіи столицею англо-саксскаго королевства, начата съ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ великолѣпіемъ постройка другаго монастыря, окончаніе котораго послѣдовало уже послѣ смерти Альфреда. Въ тоже время по его приказанію и примѣру выстроилось нѣсколько женскихъ монастырей. Въ одинъ изъ нихъ Шафисбюри, въ Дорсетѣ, поступила настоятельницей Ательгифа, вторая дочь Альфреда. Болѣзненная и горбатая, съ юныхъ лѣтъ отказавшись отъ почестей, слѣдовавшихъ по рожденію, она заключилась въ кельѣ Шафисбюрійскаго монастыря, казну котораго обогатила богатыми дарами. Вслѣдствіе ея прибытія, этотъ монастырь вскорѣ сдѣлался любимымъ убѣжищемъ всѣхъ благородныхъ Саксовъ, желавшихъ посвятить себя Богу. Ея мать Елизавета основала въ Вестминстерѣ монастирь во имя Пресвятой Дѣвы, гдѣ предполагала она укрыть свою старость, если Богъ наложилъ бы на нее горе пережить Альфреда. Въ Мерціи вице-королева Ательфледа подражала благочестивой дѣятельности

своего семейства; она пожертвовала мощи святаго короля Освальда основанному въ Глочестерѣ монастырю св. Петра.

Слухъ объ этихъ многочисленныхъ учрежденіяхъ, богатыхъ вкладахъ и истинно царскихъ дарахъ не могъ не достигнуть до Рима и не привлечь къ саксскому монарху благоволенія святаго престола. Альфредъ желалъ болѣе близкихъ дружескихъ отношеній съ папой. Онъ не опасался властолюбія, которымъ папское могущество угрожало не одному государю континента. Національный элементъ у Англо-Саксовъ былъ слишкомъ твердъ и силенъ и не могъ поддаться чуждому вліянію. Римскіе каноны туда проникали постепенно и не въ полномъ объемѣ; религіозное богослуженіе совершалось на мѣстномъ нарѣчіи. Самое духовенство было національное: съ самаго своего обращенія Англо-Саксы имѣли епископами своихъ соотечественниковъ. Такимъ образомъ ни одинъ изъ папъ IX вѣка не пытались распространить на Англію своего произвольнаго голоса, такъ сильно тяготѣвшаго въ другихъ государствахъ. Самъ Іоаннъ VIII, горячо преслѣдовавшій властолюбивую политику на востокѣ и западѣ Европы, не думалъ обращаться на Англію, вѣроятно не считая себя для этого достаточно сильнымъ. Поэтому естественно Альфреду не казалась подозрительною предупредительная внимательность папы Мартина (882 — 884), приславшаго къ нему частицу Святаго Креста. Въ свою очередь въ 883 году Альфредъ поручилъ двумъ своимъ сановникамъ доставить въ распоряженіе первосвященника добровольную дань отъ себя и отъ своихъ подданныхъ. Онъ возобновлялъ свои приношенія ежегодно, а благодарный папа освободилъ отъ всякаго налога англо-саксскую школу, основанную въ Римѣ.

Глава VI.

Культура Англо-Саксовъ VIII вѣка. — Вліяніе вторженій пиратовъ.— Мѣры короля Альфреда къ распространенію образованія и искуествъ.— Послѣдствія этихъ мѣръ. — Смерть короля Альфреда.

Въ началѣ VIII вѣка умственный уровень Англіи стоялъ выше континента. Въ 596 году христіанскіе миссіонеры Гри-

горія великаго нашли тамъ положеніе дѣлъ совершенно установившемся. Въ теченіе послѣдующаго вѣка политической тишины, христіанство создало умственное движеніе и любовь къ изученію. Росли монастыри и школы; изъ ихъ сѣней разливалась и между свѣтскими жажда знанія древнихъ литературъ. Бэдъ достопочтенный, заслужившій личнымъ характеромъ и образованіемъ общее уваженіе, разсказываетъ (675—735), въ своей исторіи духовенства, объ обычаѣ, установившемся у Англо-Саксовъ, отправляться изъ всѣхъ ступеней общества, отъ самыхъ благородныхъ до самыхъ низшихъ въ Ирландію почерпать тамъ необходимыя знанія. Этой сосѣдственной и братской школѣ Англія обязана своими теологами, латинистами, гелленистами и даже поэтами. Къ этимъ мужамъ, о которыхъ съ такимъ горячимъ сочувствіемъ разсказываетъ Бэдъ, принадлежитъ Альдельмъ (656—709), основательно знавшій римское право, математику и астрономію, съ живымъ свободнымъ воображеніемъ, котораго яркія искры разсыпаны въ короткихъ, но полныхъ и сильныхъ стахахъ «панегирика Пресвятой Дѣвѣ». Изученіе греческаго языка слѣдовало за латинскимъ. Еще прежде Альдельма, аббата Мальмесбюррійскаго (683), въ Канторбери епископствовалъ (671) св. Θеодоръ, родомъ изъ Тарса Киликійскаго. Съ помощью монаха Андріана, Θеодоръ образовалъ множество профессоровъ, расточавшихъ повсюду свои познанія. Сохранился одинъ современный манускриптъ греческаго текста англо-саксками буквами молитвы: Отче нашъ иже еси на небеси. Этотъ любопытный отрывокъ доказываетъ ежедневное всеобщее употребленіе Новаго Завѣта. Въ корреспонденціи ск. Бонифація, англо-сакскаго апостола Германіи, повсюду разсыпаны гелленизмы. Прежде, чѣмъ сдѣлаться миссіонеромъ, Бонифацій въ своемъ отечествѣ былъ профессоромъ грамматики, краснорѣчія и поэзіи; онъ составилъ по лучшимъ римскимъ риторамъ извѣстный трактатъ о восьми частяхъ рѣчи.

Обѣ церкви англо-сакская и ирландская, враждебныя между собою, воодушевлялись одинаковымъ духомъ въ распространеніи просвѣщенія. Даже женщины въ этомъ общемъ движеніи занимали непослѣднее мѣсто. Ихъ монастыри были пол-

ни, и ихъ библіотеки изучались неменѣе усердно. Извѣстны имена Теклы, Кунильды и Бераты, матери и дочери, Едбурги, изучившей божественный законъ, Ліобы прекрасной, какъ ангелъ, увлекательной въ рѣчи, мудрой въ писаніи и канонахъ, родственницы и корреспондентки св. Бонифація, въ молитвахъ котораго она искала себѣ помощи и которому посвятила свои первые гекзаметры. Святыя жоны, полныя высокаго героизма, основывали повсюду, гдѣ они ниспровѣдывали, монастыри и церкви, изумляя христіанской смѣлостью и чистотой ученія дикихъ потомковъ Велледы.

Такимъ образомъ христіанство торжествовало надъ варварствомъ высотою ученія и сильнымъ вліяніемъ образованія. Англо-Саксы VIII вѣка стояли впереди другихъ народовъ Европы. Они собрали наслѣдство римлянъ и грековъ, тонувшее въ мракѣ, и освѣтили его новыми идеями вѣры. Самое большее число монастырей находилось въ архіепископствѣ Юркскомъ: около 750 года въ духовной, и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтской школѣ Іорка, римская наука въ трехъ главныхъ отдѣлахъ развивалась въ духѣ совершенно христіанскомъ. Между тѣмъ, какъ Альбертъ установлялъ остроумныя правила грамматики и риторики, другіе изощряли умъ свой въ изученіи юриспруденціи. Грамматика, краснорѣчіе и право,— вотъ основная программа школъ того времени. Альбертъ присоединилъ къ нимъ уроки поэзіи, астрономіи, естественной исторіи и математики. Потомъ онъ научилъ точному вычисленію пасхальныхъ оборотовъ и раскрылъ таинственный смыслъ священныхъ книгъ.

Такая дѣятельность не могла оставаться безплодной. Со второй половины VIII вѣка Англія въ свою очередь, какъ Ирландія, сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ ученыхъ и получила названіе острова святыхъ и потомъ рая наукъ. Изъ Фландріи и Фризіи стремились въ Іоркъ, и оттуда распространялось по континенту столько же докторовъ, сколько прежде миссіонеровъ и мучениковъ. Когда Галлія, подъ руководствомъ Карла великаго, вступила на путь образованія, ея лучшіе учители явились изъ Англіи. Но самымъ драгоцѣннымъ подаркомъ Англіи Карлу великому былъ Алкуинъ, умъ свѣтлый, дѣя-

тельный и развитой изъ всѣхъ современниковъ, не исключая и самаго Карла, вѣрный представитель интеллектуальнаго прогресса той эпохи, которую онъ опережалъ, но отъ которой не отдѣлялся. Карлъ великій открылъ въ Алкуинѣ лучшаго совѣтника и надежное орудіе своихъ предначертаній. Одна Англія могла произвести тогда втораго Беда. Среди своей плодотворной дѣятельности въ чуждой землѣ, Алкуинъ никогда не переставалъ быть Англо-Саксомъ въ душѣ. Онъ призывалъ къ себѣ на помощь въ Турскую школу своихъ лучшихъ учениковъ изъ школы Іорка и посылалъ переписчиковъ, обязанныхъ перевести на почву Галліи цвѣты Британіи. Даже въ самыхъ его произведеніяхъ, подъ щеголеватымъ лоскомъ элегантной латыни отчетливо выказывается родина автора, а въ звучныхъ виргиліевскихъ гекзаметрахъ слышится эхо саксокй рѣчи.

Послѣ Алкуина недолго Англія наслаждалась благодѣтельнымъ вліяніемъ церкви. Явились Датчане, и все исчезло. Все, что христіанство могло развить у осѣдлыхъ Англо-Саксовъ, все погибло въ самомъ непродолжительномъ времени. Безпрерывно возобновляющіеся набѣги поколебали самыя основныя учрежденія и ввели въ ихъ среду ужасный скандинавскій паганизмъ. Монастыри въ особенности привлекали къ себѣ Датчанъ, увѣренныхъ всегда найдти въ нихъ для грабежа—священные сосуды, а для поджога — груды книгъ. Духовенство страдало, вооружалось или бѣжало, но во всякомъ случаѣ не думало оживотворять религію, сдѣлавшуюся роковой для своихъ защитниковъ. Жизнь становилась необезпеченной, науки безъ воздѣлыванія; подъ гнетомъ безъ исходной борьбы понижался и уровень понятій.

Печально сравнивалъ Альфредъ безурядицу и невѣжество своего времени съ счастливымъ и высокимъ прогрессомъ образованія въ теченіи предшествующаго вѣка. «Я часто размышлялъ, писалъ онъ въ началѣ своего перевода пастырскаго посланія Григорія I, о свѣтскихъ и духовныхъ мудрыхъ мужахъ, такъ недавно жившихъ въ Англіи, о ревности, воодушевлявшей церковь на пути образованія и наукъ, о людяхъ, стремящихся сюда изъ чуждыхъ земель для пріобрѣте-

нія образованія, котораго теперь мы принуждены сами искать въ чуждыхъ странахъ, если еще осталось у кого нибудь охота. До такой крайнѣй степени достигло современное народное невѣжество, что въ началѣ моего царствованія оставалось очень мало людей по сію сторону Гумбера, которые могли бы понимать молитвы по англійски или объяснить по англійски латинскую басню, и вѣроятно не болѣе и по ту сторону Гумбера. Такое-же невѣжество господствовало и на югѣ отъ Темзы. Въ эту эпоху глубокаго упадка народнаго просвѣщенія Англо-Саксовъ, самъ Альфредъ, въ юности своей, несмотря на царственное свое призваніе, и на собственное страстное стремленіе къ ученію, оставался безъ наставника. Онъ умѣлъ хорошо читать на языкѣ своей матери, онъ расширялъ и укрѣплялъ свою память повтореніемъ каждый вечеръ какого нибудь отрывка изъ старыхъ поэмъ, существовавшихъ тогда въ англо-сакской литературѣ и выученныхъ имъ на изустъ, но онъ не зналъ латинскаго языка и немогъ предпринять никакого серьезнаго труда. Датскіе набѣги, погрузившіе въ нѣвежество его подданныхъ, непозволяли освободиться и ему самому. Всегда готовый и съ оружіемъ, онъ не имѣлъ ни свободнаго времени, ни способныхъ людей. Такъ продолжалось до 884 года, т. е. до тридцати пятилѣтняго его возраста.

Въ это время Датчане, побѣжденные на сушѣ и на морѣ, въ продолженіи семи лѣтъ нерѣшались рисковать на новые набѣги. Для государя, какъ и для государства, это отдохновеніе было истиннымъ счастіемъ. До сихъ поръ жаждущая дѣятельности душа Альфреда была полна одними военными заботами, теперь же миръ далъ его труду другое направленіе. Какъ только наступила возможность предаться изученію, пренебреженному въ дѣтствѣ, онъ призвалъ къ своему двору, еще невѣждественному и тревожному, образованныхъ людей, способныхъ быть ему руководителями, помощниками или орудіемъ. Не изъ одного почтенія къ церкви, и не въ видахъ интереса престола, онъ оказывалъ такую явную милость архіепископу Ательреду, епископамъ Верефриду и Племунду, капелланамъ Ательстану и Веревульфу. Онъ пользовался ими для пріобрѣтенія и распространенія между Англо-Саксами

образованія, представителями котораго тогда были эти люди. Ученый Верефридъ отличался основательнымъ знаніемъ священнаго писанія; Племундъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени. По смерти Ательреда (890) Альфредъ сдѣлалъ Племунда архіепископомъ Канторберійскимъ, примасомъ Англіи, что было непразднымъ, безплоднымъ титуломъ. Щедро вознаграждая за труды, довѣряя самыя трудныя церковныя должности, употребляя съ разными порученіями внѣ своего двора, Альфредъ, несмотря на дальность разстоянія, всегда поддерживалъ съ ними самыя короткія и частыя сношенія и нерѣдко призывалъ къ себѣ. Онъ всегда оставлялъ кого-нибудь подлѣ себя, говоритъ Ассеръ, и такъ долго какъ это возможно, безпрестанно требовалъ къ себѣ во всякій часъ дня, будилъ во всякій часъ ночи для бесѣды съ собой и для чтенія тѣхъ авторовъ, которыхъ онъ немогъ еще свободно понимать. Несмотря на физическія страданія и государственныя заботы, Альфредъ не переставалъ утомлять всѣхъ требованіями ненасытной любознательности.

Въ глубинѣ уэльской провинціи, у послѣднихъ границъ Британіи на западѣ, въ гористой мѣстности, защищенной отъ набѣговъ Датчанъ, въ монастырѣ св. Давида, жилъ въ то время человѣкъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи самымъ приближеннымъ сотрудникомъ научныхъ занятій Альфреда. Дѣйствительно, всѣ отношенія Альфреда и Ассера носятъ на себѣ характеръ честности, въ томъ и другомъ постоянно обнаруживается дружеская простота и взаимная довѣренность. Ассеръ въ разсказѣ своемъ не старается выдвинуться на счетъ достоинства ученика Альфреда. Если онъ говоритъ о полученныхъ подаркахъ, то не изъ тщеславія выказать себя придворнымъ любимцемъ и аббатомъ нѣсколькихъ монастырей, но съ чистосердечнымъ желаніемъ выставить великодушную щедрость государя. Если онъ говоритъ о преподаваемыхъ урокахъ, то не изъ кичливости своего знанія, но доказать любознательность и быстроту пониманія царственнаго ученика.

Въ IX вѣкѣ образованіе западнаго континента стояло несравненно выше. Имперія Карла великаго раздробилась, но неизмѣнилось данное направленіе. Италія и Германія поддер-

живали и умножали школы и библіотеки; въ особенности же во Франціи, послѣ смерти Людовика благочестиваго и умиротворенія политическихъ волненій, умственная дѣятельность, подъ покровительствомъ Карла лысаго, быстро двинулась впередъ. Туда, по словамъ одного современнаго поэта, эмигрировала вся Ирландія съ толпами философовъ, неимѣвшихъ безопаснаго убѣжища въ Англіи, опустошаемой Датчанами. Тамъ, въ литературныхъ трудахъ замѣчательныхъ современныхъ писателей, каковы напр. монахъ Готшалькъ, Лука Ферраскій, Грекъ Маннонъ, вырабатывались научныя понятія, плодотворная борьба философіи и эрудиціи.

По родственнымъ отношеніямъ и воспоминаніямъ дѣтства, Альфредъ постоянно интересовался дѣлами Франціи, и потому естественно побуждаясь высшими потребностями своего духа, онъ за средствами прежде всего обратился туда. По нѣкоторымъ преданіямъ, Альфредъ еще въ дѣтствѣ, проѣзжая Францію съ отцемъ, останавливался въ монастырѣ св. Оноре, гдѣ находился монахомъ извѣстный современный ученый Гримбальдъ. Принимая царственныхъ гостей съ самымъ любезнымъ гостепріимствомъ, Гримбальдъ произвелъ на дѣтскій умъ Альфреда живое и пріятное впечатлѣніе. Если разсказы объ этой встрѣчѣ и невѣрны, то во всякомъ случаѣ Гримбальдъ, какъ знатокъ литературы и всѣхъ духовныхъ наукъ, музыкантъ и пѣвецъ, не могъ не считаться драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для каждой церкви. И вотъ особое посольство, составленное изъ значительныхъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, отправилось къ Гримбальду съ приглашеніемъ переселиться въ Англію. Посольство успѣшно исполнило свое порученіе, и Гримбальдъ, по прибытіи, получилъ назначеніе находиться лично при королѣ, для отправленія богослуженія въ его присутствіи.

Не изъ одного эгоистичнаго желанія собственнаго образованія и не изъ тщеславнаго побужденія окружить себя блестящимъ ореоломъ образованія, когда народная масса тонула въ невѣжествѣ, Альфредъ приглашалъ изъ монастырскихъ келій передовыхъ дѣятелей науки; нѣтъ, онъ думалъ о болѣе существенныхъ и важныхъ интересахъ своихъ подданныхъ. Недовольствуясь призывомъ людей, пользующихся извѣстностью,

онъ въ тоже время желалъ имѣть у себя въ достаточномъ числѣ работниковъ второстепенныхъ. Вскорѣ монастырь, среди этелингенскихъ болотъ, населился священниками, діаконами и монахами, набранными по всюду на континентѣ, въ особенности изъ Францiи. Желая обезпечить дальнѣйшій успѣхъ своихъ мѣропріятій и видѣть въ нихъ не одну только счастливую случайность своего царствованія, готовую исчезнуть при первыхъ же неудачахъ его преемниковъ, Альфредъ выписалъ изъ Франціи, одновременно съ преподавателями, и юношей, предназначенныхъ получить образованіе въ Этелингѣ, и потомъ распространять его въ народной массѣ. Ассеръ лично видѣлъ между этими юношами—послушниками, прилежно изучающими науки у подножія алтаря, датское дитя, сына одного изъ грабителей и язычниковъ, и этотъ примѣръ, по словамъ Ассера, былъ непослѣднимъ.

Конечно всѣ эти мѣры и нововведенія, при появленіи своемъ, должны были встрѣтить упорное сопротивленіе. По словамъ Ассера, Англо-Саксы сначала мало были расположены слѣдовать примѣру Альфреда и трудиться во имя общаго блага. Въ продолжительной борьбѣ съ Датчанами, нравы ожесточились, но не смотря на раздраженіе страстей, Альфредъ не терялъ надежды. Громадныя услуги, оказанныя имъ Англо-Саксамъ въ борьбѣ съ пиратами, прочно утвердили авторитетъ его власти. Онъ былъ ихъ спасителемъ и оракуломъ. Но, и при всемъ томъ, онъ сознавалъ необходимость и важность собственнаго примѣра и вліянія. Онъ понималъ, что только авторитетъ его личнаго примѣра могъ побороть закоснѣлую лѣность. Король принялся за изученіе латыни. Ассеръ, Племундъ, Гримбальдъ, Жанъ старый Саксонецъ читали ему и объясняли авторовъ. Какъ только онъ былъ въ состояніи самъ оцѣнить сокровища древности, религіи и церкви христіанской, скрытыхъ въ латинскомъ языкѣ, онъ приступилъ къ переводу нѣкоторыхъ латинскихъ авторовъ на англо-саксскій языкъ, что послужило основаніемъ къ разработкѣ роднаго слова.

Побужденія и цѣль Альфреда опредѣленно изложены въ собственноручномъ его письмѣ: «я видѣлъ, писалъ онъ Вульф-

зижу, епископу Шербурнскому, еще не разграбленными и несожженными церкви всей Англіи, покрытыми богатыми украшеніями и полными книгъ. Въ нихъ жили служители Божіи, которые не извлекли изъ этихъ книгъ никакого плода, такъ какъ не было никого, кто могъ бы передать ихъ на отечественный языкъ. Отцы нашихъ отцовъ, по любви къ знанію, собирали эти богатства и оставили его намъ въ наслѣдство. Мы видимъ ихъ слѣды, но не можемъ за ними слѣдовать; мы потеряли ихъ знанія, также какъ и наслѣдство; мы даже не имѣемъ на столько твердой воли, чтобъ остановить на этомъ предметѣ все наше вниманіе, весь нашъ умъ. Размышляя объ этомъ, я не мало удивлялся, какъ эти разумные и ученые мужи, которыми гордилось наше отечество, и которые вполнѣ понимали великое значеніе этихъ книгъ, не подумали о переводѣ какой-нибудь части ихъ на отечественный языкъ. Но я тотчасъ же отвѣчалъ себѣ: вѣроятно эти достопочтенные мужи не предполагали въ своихъ потомкахъ такого полнаго невѣжества, такого низкаго паденія знанія, вѣроятно они считали труды перевода безполезными, такъ какъ съ развитіемъ изученія языковъ происходитъ и развитіе знаній. Мнѣ приходитъ на умъ, что сначала законъ Божій былъ изображенъ на еврейскомъ языкѣ, что потомъ греки, узнавъ его, перевели на греческій языкъ, затѣмъ римляне въ свою очередь перевели его на латинскій языкъ, и что наконецъ, впослѣдствіи, каждый христіанскій народъ перевелъ на свой собственный языкъ какую-нибудь часть изъ Священнаго Писанія. Поэтому, мнѣ кажется, было бы очень полезнымъ, если и ты согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, выбрать нѣкоторое число книгъ, разумѣется изъ наиболѣе необходимыхъ, и сдѣлать ихъ доступными всѣмъ, переведя на общепонятный языкъ. Такимъ образомъ мы достигли бы, безъ особеннаго затрудненія съ Божіей помощью и если продолжится миръ, того, чтобъ юношество нашего народа, а въ особенности дѣти богатыхъ и свободныхъ фамилій, принялись за изученіе своего языка и не посвящали своего времяни другимъ занятіяхъ, не выучившись англосакскому письму. Затѣмъ наставники могутъ преподавать латинскій языкъ тѣмъ, которые пожелаютъ бóльшихъ знаній и

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

ВЫХОДИТЪ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка продолжаетъ приниматься въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Я. Исакова**, Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „Историческая Библіотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1879.

№ 8. Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1879

СОДЕРЖАНІЕ № 8.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1879.

№ 8. Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168

1879

СОДЕРЖАНІЕ № 8.

1 Престолъ и монастырь **Ш—б—скаго.**

2 Воспоминанія изъ Кавказской военной жизни **Горюнова.**

3 Арсеній архіепископъ Элласонскій **Н. Оглоблина.**

4 Библіографическій указатель.

5 Матеріалы, замѣтки и новости.

6 Объявленія.

7 Основныя эпохи въ исторіи Англіи.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1879.

№ 8. Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168

1879

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Августа 1879 г.

ПРЕСТОЛЪ и МОНАСТЫРЬ.

(1689 г.).

ГЛАВА I.

Начальникъ стрѣльцовъ, окольничій Ѳедоръ Леонтьевичъ Шакловитый, казался особенно озабоченнымъ. Сидѣлъ онъ за своимъ рабочимъ столомъ, въ своемъ загородномъ домѣ, съ перомъ въ рукѣ и наклонивъ нѣсколько на бокъ красивую голову. Работа не спорилась. Вниманіе бывшаго Думнаго дьяка не поглощалось всецѣло, какъ бывало прежде, процессомъ писанія буквъ; взглядъ его, обыкновенно заботливо слѣдившій за красивымъ вычерчиваніемъ тогдашняго писанія, былъ теперь устремленъ какъ-то неопредѣленно, будто уходилъ въ себя, задавался внутреннимъ вопросомъ. Поэтому-то и неудивительно, если за отсутствіемъ руководителя, рука грамотея выводила вмѣсто буквъ странные узоры.

Съ послѣднихъ событій достопамятнаго 1682 года протекло пять лѣтъ. Въ эти пять лѣтъ многое пережилось, если не во всемъ укладѣ старой русской жизни, то по крайней мѣрѣ въ томъ пунктѣ, гдѣ сосредоточивались политическія движенія. Подавленіе втораго стрѣлецкаго бунта, мѣры, соображенныя правительницею и добросо-

вѣстно выполненныя новымъ стрѣлецкимъ начальникомъ, бывшимъ худороднымъ подъячимъ, прочно утвердили правительство царевны Софьи. Вмѣсто страннаго двоевластья царей, больнаго косноязычнаго Ивана и ребенка Петра Алексѣевичей, въ дѣйствительности существовала одна могучая власть царевны-правительницы, захватившей царское достояніе въ свои руки въ разрѣзъ съ существовавшимъ тогда взглядомъ на положеніе женщины. Но захватить—не значитъ еще удержать. Для удержанія и упроченія власти, кромѣ личныхъ качествъ, нужно и *право*, сознанное окружавшей средой. А этого-то права и недоставало царевнѣ.

Правда, до сихъ поръ ея правленіе имѣло еще нѣкоторый видъ права по болѣзни старшаго царя и малолѣтству младшаго, но это призрачное право не могло продолжаться долго. Жизнь Ивана Алексѣевича не обѣщала продолжительности, а малолѣтство Петра видимо должно было сократиться чрезвычайно быстрымъ развитіемъ здоровыхъ силъ ребенка. Какое же будущее ожидало царевну? Возвращеніе къ прежней затхлой, теремной жизни, или монастырское постриженіе? Отъ того и другаго отворачивались ея молодыя силы, то и другое казалось ей ужь невозможнымъ, какъ невозможно птицѣ жить въ водѣ, какъ невозможно рыбѣ нырять въ вольномъ воздухѣ. Самая смерть казалась привѣтливѣе ей, извѣдавшей обольщенія власти. Обладаніе властью всегда и во всѣ времена имѣло и имѣетъ на природу человѣка всемогущественное вліяніе—каково же должно быть это вліяніе на существо, достигшее власти усиліемъ *своей воли*, и притомъ же послѣ теремной жизни...

И вотъ царевна стала задумываться все болѣе и болѣе объ упроченіи за собой этой власти, о пріисканіи какихъ-нибудь, хоть бы призрачныхъ правъ на нее.

Раздумывалась Софья Алексѣевна, раздумывались преданные ея дѣлу бояре, объ томъ же раздумывался и теперь ближній ея человѣкъ, окольничій Ѳедоръ Леонтьевичъ Шакловитый, сидя за своимъ письменнымъ прибо-

ромъ. Только думы его никакъ не могли уловиться въ письменную форму: вмѣсто красивыхъ буквъ изъ подъ пера опытнаго дьяка выходили не то цвѣты, не то зданія, не то птицы, не то квадраты, не то треугольники какіе-то.

— Монахъ пришелъ къ тебѣ, Өедоръ Леонтьичъ, доложилъ вошедшій въ комнату караульный стрѣлецкій урядникъ Афанасій Ларіоновъ.

— Какой монахъ?

— Сил... Сил... имя-то мудреное. Мы зовемъ его лѣшимъ медвѣдемъ.

— Какой лѣшій медвѣдь!? съ досадой повторилъ вопросъ окольничій.

— Да вотъ что живетъ въ Андреевскомъ монастырѣ *).

— Дуракъ! Не смѣй обзывать такъ преподобнаго отца Сильвестра Медвѣдева. Проси его скорѣй сюда.

Вошелъ небольшаго роста плотный монахъ. На широкомъ, одутловатомъ лицѣ его на первый взглядъ бросалось выраженіе смиренія и благодушія, неладившееся съ лукавымъ огонькомъ, быстро бѣгавшихъ глазокъ, въ узкихъ разрѣзахъ прищуренныхъ вѣкъ. Съ сильною просѣдью густая окладистая борода и такіе же густые волосы, выбивавшіеся изъ подъ черваго клобука, придавали физіономіи нѣкоторую сановитость, скрывавшую отъ наблюденія сильно-развитую челюсть.

— Благослови, преподобный отче, съ оттѣнкомъ особеннаго благоговѣнія обратился къ вошедшему хозяинъ, низко кланяясь и протягивая руку подъ благословеніе.

— Да благословитъ Богъ тебя, доброе чадо, и домъ твой, отвѣчалъ тотъ нѣсколько пѣвучимъ голосомъ, осѣняя крестнымъ знаменіемъ хозяина и подавая ему для

*) Въ этомъ монастырѣ помѣщалась, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, основанная окольничимъ Өедоромъ Михайловичемъ Ртищевымъ въ 1665 г. Славяно-Греко-Латинская Академія, переведенная въ 1679 г. въ Заиконоспасскій монастырь.

поцѣлуя руку, предварительно помолившись передъ образами, стоявшими кіотѣ въ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ, украшенными драгоцѣнными камнями. Мелкими разноцвѣтными искрами горѣли драгоцѣнные камни, отражая мерцающій свѣтъ предъиконной лампадки.

— Милости прошу присѣсть сюда, преподобный отче, говорилъ хозяинъ, усаживая гостя въ переднемъ мѣстѣ у стола, и заботливо подкладывая за его спину подушку, вышитую хитрымъ узоромъ.

— Ужь нѣсколько дней собираюсь къ тебѣ, отче, продолжалъ хозяинъ;—каждый день собираюсь, да все не удосужился: дѣловъ много, а нужно бы тебя видѣть очень.

— И я объ тебѣ соскучился, Ѳедоръ Леонтьичъ; въ послѣдніе дни никто изъ нашихъ не забѣгалъ ко мнѣ.

— Не прикажешь-ли, отче, медку?.. Видишь какъ па̀ритъ, а въ жаръ-то онъ хорошо прохлаждаетъ, особливо послѣ пути.

Скоро искристый медъ зашипѣлъ въ объемистомъ кубкѣ.

— А какая нужда случилась во мнѣ, спросилъ отецъ Сильвестръ, отвѣдывая понемногу шипучаго напитка и прищуривая глазки.

— Да что, отче, все по старому дѣлу. Заботитъ оно больно нашу матушку государыню. Объ этомъ-то дѣлѣ я и хотѣлъ поговорить съ тобой.

— Давненько я государыню не удостоился видѣть, да какъ быть! Въ Успеньевъ постъ хворь накинулась, такъ мнѣ и не случилось побывать на Верху. Какое же дѣло-то это?

— Передъ тобой мнѣ скрываться нечего, отче; ты и самъ безъ меня все знаешь, знаешь каково положеніе нашей милостивицы. Вѣдь она и сама съ тобой частенько совѣтуется. Вотъ что: прихожу это-то я къ государынѣ, а на ней и лица нѣтъ, блѣдная такая и дрожитъ вся. Что, молъ, съ тобой приключилось, матушка государыня, спрашиваю я ее, а она какъ вскинетъ на меня очи да такъ и залилась слезами. „Не долго ужь видно мнѣ быть

съ вами, други мои, отвѣчала она мнѣ сквозь слезы, отымутъ васъ отъ меня вороги злые". Я допытываюсь и какъ бы ты думалъ, что узнаю?.. Сидѣла государыня за своими царскими дѣлами, какъ вдругъ грянетъ громъ, стекла даже зазвенѣли въ Палатѣ. Государыня къ окну, смотритъ, а небо такое синее да чистое, ни одного облачка не видно на немъ. Государыня и вспомнила тогда такой же громъ и въ такое же ясное время— помнишь пятнадцатаго-то мая? Вспомнила и испугалась. Опять видно кара будетъ, только отъ кого будетъ эта кара—неизвѣстно. Думаетъ такъ-то государыня, а къ ней и входитъ стряпчій и говоритъ: не извольте, молъ, безпокоиться государыня, это потѣшные конюхи царя Петра Алексѣича тѣшатся. Видишь, отче, они ужь и пушки завели. Ну долголь до бѣды съ такой забавой?

— Опасная забава, Өедоръ Леонтьичъ, совсѣмъ непригодная, вставилъ отецъ Сильвестръ, прихлебывая изъ кубка, а особенно въ рукахъ такихъ пьяныхъ озорниковъ и головорѣзовъ, какъ потѣшные.

— Вотъ государыня и говоритъ мнѣ: «видно, Өедоръ, вѣкъ мнѣ быть подъ опаской отъ мачихи да отъ сына ея. Горько мнѣ, а пуще горько за моихъ ближнихъ. Возмутъ пьяницы верхъ, пойдетъ все вверхъ дномъ, смута будетъ безъ конца; мнѣ будетъ тошно, а вамъ еще тошнѣй: изведутъ васъ въ корень конюхи». За чѣмъ, государыня, отвѣчаю я ей, доводить до этого, мы преже того сами ихъ изведемъ. Она выслушала меня, да такъ ласково улыбнулась и говоритъ: «на тебя-то я Өедоръ надѣюсь, да еще на двухъ-трехъ, а прочіе-то какъ? Сможете ли вы?.. Ты бы, Өедоръ, провѣдалъ у стрѣльцовъ какая будетъ отъ нихъ отповѣдь, еслибъ я вздумала вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ?

— Ну, что-жь, Өедоръ Леонтьичъ, говорилъ съ стрѣльцами?

— Сегодня вечеркомъ велѣлъ собраться сюда человѣкамъ тридцати стрѣлецкимъ урядникамъ. Поговорю съ ними, да не чаю отъ нихъ большаго проку. Народъ

нонѣ въ стрѣльцахъ не прежній—послушливый да смирный такой. Всѣхъ бойкихъ-то мы, вѣдь, повыметали.

— Да, народъ не прежній, задумчиво повторилъ Сильвестръ, забѣгаетъ онъ ко мнѣ въ монастырь частенько побесѣдовать. Съ такимъ народомъ ничего не подѣлаешь.

— Такъ вотъ, преподобный отче, я и хотѣлъ поговорить съ тобой, позаймовать отъ тебя ума-разума. Какъ тутъ быть?

— Времена трудныя, Ѳедоръ Леонтьичъ, больно трудныя. Надо намъ дѣйствовать съобща, дружно.

— Какъ дѣйствовать-то?

— Первое, Ѳедоръ Леонтьичъ, нужно зорко наблюдать за тамошнимъ дворомъ, что дѣлается у конюховъ-то.

— Это-то мы наблюдаемъ. Постельницы Натальи Кирилловны намъ передаютъ все въ точности. Разсказывали онѣ намъ, какъ обозлилась Наталья Кирилловна, когда узнала, что царевна въ грамотахъ стала писаться самодержицей на ряду съ братьями-государями. Даже не утерпѣла и высказала своимъ-то: «для чего учала она писаться съ великими государями обще? У насъ люди есть, и того дѣла непокинутъ». Кто же эти люди, и незамышляютъ-ли они чего? Для развѣдокъ я и подсылаю къ нимъ въ тайности моихъ молодцовъ наблюдать и передавать мнѣ. Разъ сказали они мнѣ, будто стольникъ Григорій Языковъ, при многихъ людяхъ, выболталъ: «государское имя царя Петра Алексѣича видимъ, а бить челомъ ему ни о чемъ не смѣемъ». Я и хотѣлъ допытать, что значатъ тѣ его рѣчи? Приводили его ко мнѣ стрѣльцы и пыталъ я его одинъ на одинъ крѣпко, да ничего не узналъ. Стоитъ въ одномъ: сказалъ-де зря, безъ всякаго умыслу. Такъ и выгналъ его изъ Москвы, пригрозивъ не болтать напредки подъ смертной казнью. Были у меня и другіе люди подъ пытаньемъ: Верховый дьяконъ дворцовой церкви Воскресенія Никифоръ, да еще татаринъ Обраимъ Доловадзинъ, частенько пришатывающійся къ Кириллѣ Полуэктовичу и къ кравчему Борису Алексѣичу, да и отъ нихъ тоже ничего не до-

пытался, хоть пыталъ и крѣпко, клалъ на плаху и грозилъ топоромъ. Вотъ сегодня не будетъ ли удачнѣй. Велѣлъ ночью привести сюда по близости, въ Марьину рощу, какого-то дворянина, примѣтнаго въ доброхотствѣ къ конюхамъ. Ужь я ли не стараюсь, отче; ничего, кажись, не упускаю изъ виду. Вотъ когда князь Михаилъ Алегуковичъ Черкаскій представлялъ Петру Новгородскихъ дворянъ, передъ Крымскимъ походомъ, такъ при имени князя Путятина что-то шепнулъ царю... я сейчасъ же послалъ гонца къ Василью Васильичу, чтобъ зорко смотрѣлъ за этимъ Путятинымъ.

— Все это хорошо, Өедоръ Леоньтьичъ, да все мало; надо принять и другія мѣры...

— Какія же?

— Мало-ль ихъ! Всякая хороша, если ведетъ къ цѣли— значитъ Богу угодна. Разумно дѣлаетъ царевна, по моему совѣту, что пріучаетъ народъ къ своему государствованію, заранѣе имянуясь самодержицею и приготовляясь къ вѣнчанію. Русскій народъ не любитъ новизны, и необходимо ему давать свыкнуться съ новыми порядками; но это не все...

— Что же еще-то?

— Нужно, продолжалъ Медвѣдевъ внушительнымъ тономъ, прищуривая и почти закрыкая глазки; нужно возбудить народъ, а главное стрѣльцовъ противъ нашихъ вороговъ.

— Да какъ возбудить?

Вотъ хоть бы письмецо написать какое-нибудь подметное, съ извѣстіемъ о смутныхъ замыслахъ потѣшныхъ. Это можетъ большую пользу принести: главное, отвратитъ народъ. А стрѣльцовъ можно раздражать какими нибудь стѣсненіими, или напримѣръ, истязаніями, причиняемыми будто-бы Нарышкиными... Развѣ нѣтъ у тебя между вѣрными людьми схожихъ, по облику, съ Львомъ Нарышкинымъ?.. Да ты понимаешь, какъ это сдѣлатъ! Не учить же тебя, Өедоръ Леонтьичъ!

— Понимаю, отче. У меня въ стрѣльцахъ есть одинъ молодецъ, схожій со Львомъ, а въ потемкахъ, такъ и совсѣмъ не разпознаешь.

— Понялъ, Өедоръ Леонтичъ?..... Ну, а когда начнется смута противъ конюховъ, такъ мудрено-ль въ смятеніи *принять* не однихъ потѣшныхъ или ближнихъ людей—Льва и Бориса, а и самую медвѣдицу съ сыномъ. Только помѣха будетъ большая отъ старика Іоакима.

— А развѣ старика, отче, нельзя также принять? Царевна не токмо-что стоять за него, она даже сама рада будетъ. Я знаю ее мысли..... и доподлинно говорю тебѣ, что Іоакиму при царевнѣ не быть.

— Да и самъ посуди, Өедоръ Леонтьичъ, какой Іоакимъ патріархъ! На такомъ мѣстѣ нужно человѣка ученаго и рѣчистаго, который бы твердо стоялъ за царевну, а старикъ едва грамотѣ знаетъ. Кого же царевна мѣтитъ назначить патріархомъ?

— Кого-жь, отче, какъ нѐ тебя! Ты разумомъ дошелъ и велерѣчіемъ. Всѣмъ извѣстно, какъ еще покойный государь батюшка Өедоръ Алексѣичъ тебя изволилъ самъ навѣщать, лично бесѣдовать... и посылалъ за тобой не за рѣдкость. А расположеніе-то царевны, къ тебѣ, ты и самъ знаешь какое. Она безъ твоего совѣта, почитай ничего не дѣлаетъ.

— Такъ.. такъ... Өедоръ Леонтьичъ; государыня меня жалуетъ. Да и тебя тоже прошу при случаѣ молвить обо мнѣ доброе словечко, а я въ долгу не останусь: буду за тебя радѣть всѣми силами.... А не знаешь ли, какъ мыслитъ объ этомъ князь Василій Васильичъ?

Напоминаніе о князѣ темнымъ облакомъ пробѣжало по красивому лицу бывшаго Думнаго дьяка.

— Отъ князя, отче, не скоро допытаешь правду, да и человѣкъ—то онъ не твердый. Вотъ хоть бы и на счетъ царевны. Гдѣ онъ показалъ ей преданность? Все мотаетъ, какъ бы вильнуть въ сторону. Разъ только онъ и проговорился. Закручинилась какъ-то царевна ужь очень сильно—забоялась за свое государствованіе... я

утѣшалъ ее. Тутъ только онъ и обмолвился: «для чего и прежде вмѣстѣ съ братьями ее (Наталью Кириловну) не уходили, ничего бы теперь и не было. Да и государыня-то, я тебѣ скажу, отче, по тайности, не такъ ужь къ нему благоволитъ, какъ прежде.

Отче Сильвестръ не отвѣчалъ, но лукаво мѣтнулись его глазки на хозяина, и едва замѣтная, насмѣшливая улыбка передернула углы рта.

— Засидѣлся, однако, я у тебя, Ѳедоръ Леонтьичъ, а у самого на дому есть нужное дѣльцо, говорилъ гость, поднявшись съ мѣста, и молясь передъ иконами.

Ѳедоръ Леонтьичъ снова почтительно подошелъ подъ благословеніе святаго отца и снова усердно облобызалъ его руку.

— Не смѣю удерживать тебя, святой отче, знаю, какъ время тебѣ дорого. Не забудь и меня грѣшнаго въ своихъ святыхъ молитвахъ.

ГЛАВА II.

Проводивъ преподобнаго отца Сильвестра, Шакловитый вышелъ на крыльцо, выходящее на дворъ, гдѣ кучками толпились стрѣльцы. На дворѣ собралось до тридцати урядниковъ четырехъ стрѣлецкихъ полковъ, между которыми находились пятисотенные: Ларіонъ Елизарьевъ и Василій Бурмистровъ, пятидесятники и пристава: Андрей Кондратьевъ, Обросимъ Петровъ, Алексѣй Стрижевъ, Афанасій Ларіоновъ, Борисъ Дмитріевъ и друг.

«Пятисотенные и пятидесятники стрѣлецкіе! Сами вы видите, какъ велика къ вамъ царская милость, а вся эта милость исходитъ только отъ одной нашей благовѣрной государыни, царевны Софіи Алексѣевны. Докажите же ей вашу предаиность, вашу готовность служить ей честно, нелицемѣрно, вашу готовность положить за нее животы свои. А доказать нонѣ вы можете челобит-

ною, чтобы ей, благовѣрной государынѣ, вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ. Если таково ваше желаніе, то напишите челобитную, я доложу ее царевнѣ, а потомъ подадимъ великимъ государямъ, когда они выдутъ на обновленіе лѣта (1 Сентября).

Рѣчь была коротка, но не убѣдительна. Видно было, что бывшій Думный дьякъ, борзый въ писаніи, не обладалъ даромъ элоквенціи, да и въ тонѣ его голоса не звучало той твердости и увѣренности, которыя такъ вліяютъ на неразвитые умы.

Вообще отношенія новаго начальника къ стрѣльцамъ нисколько не напоминали отношеній бывшаго начальника-князя Хованскаго. Бывало простыя слова покойнаго князя-товарища и такого же служаки, раздѣлявшаго нерѣдко труды походной жизни съ простыми людьми, прямо доходили до нехитрыхъ душъ стрѣльцовъ и звучали симпатичной струной. Не таковы были отношенія Шакловитаго. Бывшій подъячій обращался съ стрѣльцами холодно, высокомѣрно и строго. Между имъ и стрѣльцами не было ничего общаго. Они боялись, но не любили его.

— Какъ изволишь, не рѣшительно отвѣтили стрѣльцы на рѣчь начальника, а мы челобитной писать не умѣемъ.

— Это ничего, замѣтилъ имъ Ѳедоръ Леонтьичъ, челобитную я вамъ самъ напишу.

Рѣшеніе это видимо еще болѣе озадачило стрѣльцовъ.

— Да послушаетъ-ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ, заговорили они опасливо и съ явнымъ желаніемъ избавиться отъ предложенной чести.

— Если не будетъ слушать васъ, отвѣтилъ бывшій дьякъ, и отойдетъ отъ васъ на Верхъ, такъ вы задержите ближнихъ его людей, боярина Льва Кирилловича и кравчаго Бориса Алексѣича—тогда онъ остановится и ваше челобитье приметъ.

— Да патріархъ съ боярами откажутся вѣнчать царевну, послышались нѣкоторые болѣе смѣлые голоса изъ стрѣльцовъ.

— А что такое патріархъ? Запальчиво закричалъ Шакловитый, раздосадованный нерѣшительностью и колебаніемъ подчиненныхъ, не теперешній, такъ другой будетъ на его мѣстѣ, свято мѣсто пусто небудетъ! Любой изъ духовныхъ властей пойдетъ на его мѣсто, а если и откажутся, возмемъ простаго старца. Такая же честь будетъ и ему! А о боярахъ не тревожьтесь: всѣ они сохлое, зяблое дерево; только одинъ изъ нихъ постоитъ до времени, князь Василій Васильичъ.

Затѣмъ, отпуская стрѣльцовъ, Шакловитый наказывалъ:

— Когда воротитесь въ слободы призовите тихомолкомъ въ съѣзжія избы извѣстныхъ вамъ товарищей, въ небольшомъ числѣ, правовѣрныхъ, *старыхъ* и разумныхъ; поговорите съ ними накрѣпко, а что скажутъ они вамъ, донесите мнѣ. Челобитную же я приготовлю.

Для болѣе чувствительнаго убѣжденія, при отпускѣ каждый стрѣлецъ получилъ—по пяти рублей.

Сцена эта разочаровала Шакловитаго. Вмѣсто жданныхъ восторженныхъ изъявленій беззавѣтной готовности и преданности, въ отвѣтахъ стрѣльцовъ ясно проглядывало сомнѣніе, видимое нежеланіе вмѣшиваться не въ свое дѣло. Времена были не прежнія,—не прежніе были и люди.

Взбѣшенному дьяку—окольничему хотѣлость на комъ-нибудь сорвать раздраженіе.

Бабы, трусы, думалъ онъ про себя, провожая далеко неласковымъ взглядомъ уходящихъ стрѣльцовъ,—измѣнники, предатели, а можетъ и подкупленные потѣшными конюхами. Не изъ этихъ ли подкупателей—лиходѣевъ сидитъ у меня теперь въ тайникѣ? Душу у него вытяну, а допытаюсь о замыслахъ конюховъ...

— Эй!... Терентьичъ!

— Чего изволишь... отозвался выбѣжавшій изъ ближайшихъ службъ старшій домоправитель.

— Тотъ сидитъ въ тайникѣ?

— Сидитъ, батюшка Ѳедоръ Лоонтьичъ.

— Взять его сейчасъ туда... знаешь, въ Марьину... Я самъ допрошу его.

— Слушаю-съ, батюшка, а мастера брать съ собой?

— Взять.

Въ то время Марьина роща далеко не была такимъ избитымъ, расчищеннымъ и излюбленнымъ мѣстомъ общественныхъ гульбищъ, какъ въ настоящее время. Тогда это было дикое, глухое мѣсто, гдѣ могло удобно хоронить всякое преступленіе, оставаясь незримымъ Божескому свѣту въ густой, съ трудомъ проходимой чащѣ. По такому дорогому качеству роща эта и сдѣлалась любимымъ мѣстомъ допросовъ съ пристрастіемъ людей, преданныхъ юному царю Петру. Здѣсь пытали стольника Языкова, діакона Никифора, татарина Долокодзина и многихъ другихъ. Сюда же привели и новую жертву, какого-то дворянина, часто бывавшаго, по словамъ шпіона — стрѣльца, въ домахъ Льва Нарышкина и Бориса Голицына.

— Говори все, что знаешь, да говори правду, а не то допытаюсь пыткой, началъ свой допросъ Шакловитый. Бывалъ ты въ домахъ Льва Нарышкина и Бориса Голицына?

— Бывалъ... и не рѣдко. Дворецкій Нарышкинскій мнѣ кумъ, а милостникомъ у Бориса Алексѣича—братецъ моей супружницы.

— Разсказывай, что тамъ говорятъ о царевнѣ Софьи Алексѣевнѣ?

— Разговаривали мы о своихъ дѣлахъ, а о царевнѣ не слыхалъ я ни разу ни единого слова.

— Врешь... не будешь говорить доброй волей, такъ скажешь подъ пыткой... Что умышляютъ противъ царевны? Говорятъ-ли о скоромъ вѣнчаніи ея на царство?

— Ничего не говорили, ничего не слыхалъ, былъ отвѣтъ.

— Такъ принимайтесь, распорядился околничій.

Связаннаго по рукамъ дворянина раздѣли и, съ обнаженной спиной, положили ничкомъ на землю. Жертва би-

лась, сколько позволяли связанные члены. Служители стали держать за голову и за ноги.

— Мастеръ—за дѣло!

Заплечный мастеръ расправилъ свою плеть или, вѣрнѣе, кнутъ съ длинными ременьчатыми концами, постепенно съуживающимися до толщины тонкаго шнура. Ловко взмахнулъ онъ кнутомъ; тонкій ремень, опоясавъ въ воздухѣ изогнутую линію, съ свитомъ упалъ на обнаженную спину. Ярко багровый рубецъ рѣзко обозначился во всю ширину спины. Несчастный громко вскрикнулъ отъ боли.

— Скажешь теперь, что слышалъ у злодѣевъ?

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Бей!

Новый свистъ, и новая полоса легла подлѣ первой. За этимъ ударомъ слѣдовали другіе въ правильныхъ промежуткахъ. Отчаянные вопли и раздирающіе крики несчастной жертвы все болѣе и болѣе раздражали самовольнаго судью—палача и доводили его до самозабвенія. Скоро изъ подъ новыхъ ударовъ потекли кровавыя струйки; крики становились тише и глуше.

— Скажешь теперь?

— Ничего не знаю.

— Встань.

Несчастный пробовалъ приподняться; но силы ослабѣли, и онъ не могъ даже подняться на колѣни. Его подняли и держали служители.

— Не скажешь?

— Не вѣдаю.

— Мастеръ, долой два пальца съ каждой руки!

Палачъ мигомъ отхватилъ отъ рукъ по два пальца; кровь ручьями брызнула изъ порубленныхъ мѣстъ.

— Скажешь?

— Не вѣ... несчастный не въ силахъ былъ говорить.

— Не говоришь... такъ вырвать у него языкъ!

Служители схватили голову дворянина, раскрыли ротъ, и палачъ острымъ ножомъ вырѣзалъ языкъ. Кровь по-

лила изо рта. Весь окровавленный, исколѣченный несчастный лишился чувствъ, а можетъ быть и жизни.

Такъ ничего и не сказалъ.

А въ головѣ окольничаго все безумолку и безустанно слышатся снова Натальи Кирилловны «у насъ люди есть и того дѣла не покинутъ». Значитъ есть же, живутъ же подлѣ меня такіе люди и замышляютъ же они противъ насъ злое! Знать бы ихъ... всѣмъ бы урѣзалъ языки.... Да какъ тутъ узнаешь!

Между тѣмъ, какъ ретивый окольничій пыталъ и допытывался признаній въ такихъ замыслахъ, которыхъ въ дѣйствительности не было, выборные стрѣлецкіе, возвратившіеся въ свои слободы, стали исполнять данное имъ порученіе. Въ слободскихъ полковыхъ съѣзжихъ избахъ поочередно смѣнялись толпы за толпами. Рьяные пропагандисты стороны царевны Софьи Алексѣевны, между которыми выдавались Обросимъ Петровъ, Андрей Кондратьевъ и въ особенности пятидесятники Никита Гладкій, Кузьма Чермный и Алексѣй Стрижевъ, до хрипоты кричали о милостяхъ къ нимъ царевны, для которой слѣдовало изготовить челобитную о вѣнчаніи ея на царство. Но холодно принимали стрѣльцы дѣло царевны: иные колебались, иные на отрѣзъ отказывались отъ всякаго участья.

— Дѣло это великое и во все не подходное намъ, говорили они, не рука намъ вмѣшиваться въ государственныя распри, а можемъ мы только молить Бога объ устроеніи царства по его святой волѣ.

Такъ ли говорили стрѣльцы пять лѣтъ назадъ!

Охотниковъ подписать челобитную оказывалось мало.

Наступило и прошло новолѣтіе 1687 года, а Софья Алексѣевна на свое коронованіе не рѣшилась, и отложила его до ближайшаго будущаго, когда вѣрнѣе подготовятся мѣры и обезпечится успѣхъ. Каковы же были эти мѣры?

Мудрые совѣты преподобнаго отца Сильвестра упали на плодородную почву.

Вдругъ по всей Москвѣ разнеслась молва о подметномъ письмѣ. Пятисотенный Ларіонъ Елизарьевъ, возвращаясь въ стѣлецкую слободу, поднялъ на Лубянкѣ письмо, которое и принесъ къ своему начальнику Шакловитому. По прочтеніи этого письма оказалось, что въ немъ заключается только объявленіе народу, будто въ Казанскомъ соборѣ, за иконою Богоматери, имѣется другое письмо съ подробнымъ содержаніемъ. Дѣйствительно, на указанномъ мѣстѣ нашлось это другое письмо, четырехъ листовая тетрадь, написанная полууставомъ, вся наполненная самыми оскорбительными выраженіями о царевнѣ Софьи и съ призывомъ народа къ избіенію всѣхъ бояръ, ей преданныхъ.

Это письмо давало царевнѣ право казаться испуганной и принимать для своей защиты всевозможныя мѣры; но оно не затрогивало интересовъ стрѣльцовъ и не возбуждало ихъ противъ партіи царицы. Требовалось дѣйствовать и съ этой стороны.

И вотъ по улицамъ московскимъ стали совершаться странныя дѣла. Въ іюльскія ночи 1688 года стала разъѣзжать по улицамъ толпа всадниковъ, подъ предводительствомъ знатнаго боярина, на богатомъ конѣ и одѣтаго въ бѣлый атласный кафтанъ и боярскую шапку. Этотъ бояринъ, встрѣчая случайно попадавшихся ему стрѣльцовъ, и наѣзжая на стрѣлецкіе караулы при Мясницкихъ и Покровскихъ воротахъ, билъ ихъ нещадно обухами, чеканами и кистенями, забивая почти до смерти, причемъ приговаривалъ:

— Вотъ вамъ за братьевъ моихъ! Да погодите... еще будетъ хуже!

Во время такихъ истязаній сопровождавшіе боярина усовѣщевали его, говоря:

— Да полно тебѣ бить ихъ, Левъ Кириллычъ, итакъ умрутъ!

А когда изувѣченные и искалѣченные стрѣльцы при-

ходили въ стрѣлецкій приказъ съ жалобами, Шакловитый, осматривая эти раны, переломленные члены, отрубленные пальцы, показывая ихъ постороннимъ людямъ и выдавая лекарства изъ царской аптеки, съ глубокимъ соболѣзнованіемъ повторялъ:

— Жаль мнѣ васъ... будутъ и васъ таскать за ноги, какъ вы прежде таскали! Всѣхъ насъ переведутъ! меня высадятъ изъ приказа, стрѣльцовъ разошлютъ по разнымъ городамъ изъ Москвы. Кого имъ теперь бояться? Называютъ же Левъ Нарышкинъ и Борисъ Голицынъ нашу милостивую государыню дѣвкой, и хотятъ ее выгнать. Если же не будетъ нашей матушки, пропадемъ мы всѣ... А всѣмъ царствомъ мутитъ царица Наталья Кирилловна...

ГЛАВА III.

Преображенскій дворецъ въ настоящее время не существуетъ, и мѣсто, занимаемое имъ, нынѣ застроено городскими зданіями *); но въ XVII столѣтіи онъ считался любимымъ загороднымъ потѣшнымъ дворцомъ. Въ немъ-то, по извѣстіямъ разрядныхъ записокъ, въ 1677 году представлялись комедіи отсѣченія головы Олоферна и подвиги царя Артаксеркса, играли нѣмцы на органахъ, фіолахъ и другихъ струментахъ, и танцовали. Въ немъ-то покойный царь, Алексѣй Михайловичъ, любилъ проводить свободные часы въ потѣхѣ соколиной охотой.

И дѣйствительно красивое мѣстоположеніе села Преображенскаго вполнѣ оправдывало царское предпочтеніе. Широкія хлѣбныя поля, отдѣляя его отъ назойливой столичной суеты, невольно наводили мирное настроеніе на

*) Преображенское находилось на лѣвомъ берегу Яузы, за Сокольниками въ 7 верстахъ отъ Кремля. Въ настоящее время—2-й кварталъ Покровской части.

истомленную душу, а густая растительность и красивые пруды садовъ, окружающихъ самый дворецъ, цѣлили нанесенныя раны вѣчно-свѣжимъ, вѣчно-понятнымъ голосомъ природы. По смерти Алексѣя Михайловича, вдова его Наталья Кирилловна съ сыномъ, ребенкомъ Петромъ, во все время царствованія Ѳедора Алексѣевича, и потомъ правленія Софьи Алексѣевны, почти постоянно жила въ Преображенскомъ дворцѣ. Здѣсь, на привольномъ воздухѣ, свободно, безъ всякаго гнета, развивались богатырскія силы Петра. Почти совершенно не стѣсняемый книжнымъ ученіемъ, изсушающимъ силы ребенка въ затхлой атмосферѣ, молодой царь росъ внѣ всякихъ хитро-сплетенныхъ этикетныхъ путъ, какъ ростетъ всякое произведеніе природы при благопріятныхъ условіяхъ.

Не было недостатка въ ребяческихъ играхъ, такъ сильно вліяющихъ на организмъ человѣка. Юный государь окружилъ себя сверстниками изъ окрестныхъ мальчиковъ, игралъ съ ними въ войну и сдѣлалъ изъ нихъ для себя потѣшное войско. И это войско, эта ребяческая игра, мало по малу постепенно увеличиваясь и устроясь, стало принимать видъ постояннаго правильнаго военнаго строя. Изъ этихъ ребятишекъ образовались сначала рота, обученная иноземцами по артикулу съ болѣе быстрыми пріемами, потомъ изъ роты образовался полкъ, впослѣдствіи раздѣлившійся на два по имени двухъ селъ: Преображенскаго и Семеновскаго. Въ рядахъ потѣшныхъ простымъ солдатомъ служилъ и самъ царь Петръ, одинаково съ прочими рядовыми спалъ въ палаткѣ, учился барабанному бою, билъ зорю, отправлялъ по очереди караульную службу, копалъ и возилъ землю для сооруженій различнаго рода укрѣпленій, *служилъ* въ полномъ и дѣйствительномъ значеніи этого слова, и выслужился, къ крайнему его удовольствію, до чина сержанта.

Странна казалась эта служба старымъ русскимъ людямъ, непривыкшимъ видѣть своихъ царей простыми чернорабочими. И не разъ патріархъ, по совѣту бояръ, пытался отклонить молодаго государя отъ трудовъ, будто-

бы несоразмѣрныхъ съ его здоровьемъ, и каждый разъ получалъ рѣшительный отвѣтъ:

— Труды не ослабляютъ здоровья, а напротивъ укрѣпляютъ его. Въ забавахъ проходитъ не мало времени, однакожъ никто меня отъ нихъ не отстраняетъ, говорилъ Петръ.

Правительница почти никогда не бывала въ Преображенскомъ у мачихи. Долго она не обращала никакого вниманія на тамошнія забавы, съ презрѣніемъ отзываясь о потѣшныхъ конюхахъ, и можетъ быть такъ продолжалось бы еще не малое время, если бы вдругъ раздавшіеся выстрѣлы не указали опасности. А между тѣмъ еще задолго прежде, еще въ 1684 году, когда Петру было только 12 лѣтъ, можно было предвидѣть опасность. Въ этомъ году, при осмотрѣ московскаго пушечнаго двора, Петръ въ первый разъ увидалъ пушки, приказалъ стрѣлять изъ нихъ въ цѣль и метать бомбы; мало того, онъ даже самъ нацѣливалъ и прикладывалъ фитиль къ затравкѣ.

Живой, впечатлилельный, съ громадными способностями, съ ненасытной жаждой все знать, все испытать самому, Петръ въ отроческую пору практически *самъ* сталъ пополнять дѣтское воспитаніе, пренебреженное любовью матери. Сама царица Наталья Кирилловна хоть и получила въ домѣ воспитателя Матвѣева образованіе, но это образованіе ограничивалось одной внѣшней стороной, однимъ знаніемъ европейскаго обращенія. Потомъ удаленная отъ двора, озлобленная насильственнымъ отстраненіемъ себя отъ участія въ правленіи, она перенесла всѣ упованія, надежды и желанія на любимаго единственнаго сына. Лишь было бы весело и здорово дитя, а къ чему книжная мудрость?

И благодаря свободной деревенской жизни, это дитя росло не по годамъ, а по часамъ. Въ одинадцать лѣтъ Петръ казался пятнадцатилѣтнимъ, въ пятнадцать лѣтъ— взрослымъ юношей. Вмѣстѣ съ физическимъ развитіемъ росла и жажда умственнаго развитія, заставившая его

оборотиться отъ внѣшнихъ явленій къ книжному объясненію. При такомъ настроеніи каждое, повидимому, ничтожное обстоятельство могло служить, и дѣйствительно служило, поводомъ къ вопросамъ науки. Такъ разсказъ Якова Ѳедоровича Долгорукаго, при прощаніи его передъ поѣздкою во Францію посломъ, о какомъ-то бывшемъ у него, и потомъ затерявшемся забавномъ инструментѣ, посредствомъ котораго можно снимать отдаленныя разстоянія, возбудилъ любопытство царя и заставилъ его просить привезти такой инструментъ изъ-за границы. Инструментъ—забава (астрелябія, кокоръ—готовальня съ циркулями) былъ вывезенъ; но кто можетъ научить его употреблять? Самъ придворный докторъ Захаръ Гулстлу оказался невѣждой. Послѣ долгихъ поисковъ наконецъ нашелся учитель, не только знающій употребленіе привезенныхъ инструментовъ, но и вообще знатокъ наукъ математическихъ—Францъ Тиммерманъ.

Съ помощью учителя пятнадцатилѣтній Петръ принялся за ариѳметику, геометрію, фортификацію и артиллерію. Впослѣдствіи учитель оказался недальнимъ математикомъ, но все-таки онъ могъ показать путь, по которому предстояло идти. Скоро понималъ, соображалъ и выводилъ заключенія здоровый умъ государя, и отъ первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики (адиціо, субстракціо, мультипликаціо и дивизіо), онъ съ изумительной быстротой перешелъ къ болѣе высшимъ частямъ математики, понялъ теорію астрелябіи, узналъ какъ собирать, измѣрять поле, выучилъ всѣ иностранные термины, сообразилъ главныя основанія крѣпостныхъ сооруженій и научился вычислять направленіе полета бомбъ.

Разъ, въ ту же пору, обходя амбары въ селѣ Измайловѣ, Петръ увидалъ на льняномъ дворѣ, между разными остатками хлама дома дѣда своего Никиты Ивановича Романова, новый странный предметъ—поломанный ботикъ. На распросы государя Тиммерманъ объяснилъ, что это—ботикъ, на которомъ можно плавать на парусахъ нетолько по вѣтру, но и противъ вѣтра. Петръ заинтересовался.

Нашли мастера Карштена Бранта, который взялся исправить изломанный ботикъ, и скоро Петръ весь отдался новой забавѣ.

Начались нескончаемыя плаванія сначала по Яузѣ, а потомъ по Просяному озеру; но и первая и второй, по ограниченности пространства, оказались вскорѣ неудобными. Забаву перенесли на болѣе обширное Переяславское озеро, лежащее отъ Москвы въ 120 верстахъ. Здѣсь уже представилась возможность постройки болѣе обширныхъ судовъ, чѣмъ и занялись Карштенъ Брантъ, мастеръ Коршъ и другіе, при личномъ участіи царя. Такъ какъ постройка судовъ требовала примѣненій техническихъ знаній, то, при быстромъ соображеніи Петра, ему скоро стали знакомы основные законы практической механики.

Съ опытами кораблестроенія начались продолжительныя отлучки царя изъ села Преображенскаго къ сердечному горю матери. Правда, и въ Преображенскомъ кипучая, неутомимая дѣятельность не давала ея сыну оставаться въ тѣсныхъ стѣнахъ, но все-таки она знала, что дитя ея близко, что она можетъ во всякое время его видѣть, а съ такими отдаленными поѣздками, при такихъ щекотливыхъ отношеніяхъ съ сестрой-правительницей мало-ли что могло случиться! И сердце матери билось тревожно, и искало оно средствъ связать богатыря.

Средство найдено—женитьба. Царица избрала сыну невѣсту, дочь окольничаго Ѳедора Абрамовича Лопухина, изъ рода преданнаго ея партіи, хорошенькую, молоденькую Авдотью Ѳедоровну, воспитанную въ понятіяхъ того времени. Свадьбу отпраздновали 27 января 1689 года. Но средство оказалось дѣйствительнымъ не больше, какъ на одинъ мѣсяцъ. Еще не начали вскрываться рѣки, какъ страстный морякъ, бросивъ молодую жену, отправился въ Переяславль, гдѣ, на берегу Трубежа, строились для него новыя суда. Желая ускорить изготовленіемъ и спускомъ судовъ, Петръ лично принялся за топоръ. Ра-

бота закипѣла и къ вскрытію озера всѣ корабли, кромѣ самаго большаго, были окончены постройкой.

Неудалось, однакожъ, царю насладиться охотой. Мать царица и красавица жена письмо за письмомъ слали къ нему съ мольбами о скорѣйшемъ возвращеніи. Къ просьбамъ присоединилась и необходимость: по строго-соблюдаемому обычаю слѣдовало непремѣнно присутствовать на панихидѣ въ день кончины Ѳедора Алексѣевича, 27 апрѣля. Петръ поскакалъ въ Москву и едва поспѣлъ на панихиду. Но пробывъ въ Москвѣ не болѣе мѣсяца, онъ снова уѣхалъ на свое любимое озеро, хоть только взглянуть на свое дѣтище, такъ какъ предстояло снова скоро вернуться въ Москву къ вторичной панихидѣ въ день тезоименитства покойнаго брата—8 іюня.

По дорогѣ изъ Москвы къ селу Преображенскому, утромъ часу въ девятомъ, въ половинѣ іюня, ѣхалъ верховой, какъ видно по богатой одеждѣ и по дорогому коню, принадлежавшій къ числу царедворцевъ. Дорога, огороженная пряслами, пролегала изгибами, то западая лощиной, то выбѣгая на пологую возвышенность, и становилась совершенно ровной и открытой только недалеко отъ дворца. Ѣхалъ верховой не торопясь, какъ и подобаетъ немалому чину, осторожно выбирая тропы болѣе торныя, гдѣ и коню былъ ходъ поровнѣе и самому поспокойнѣе. Да и грѣшно было бы торопиться въ такое чудное время. Солнце хоть и высоко стояло въ небѣ, но еще не обдавало знойнымъ жаромъ. Воздухъ, освѣженный обильнымъ дождемъ минувшаго вечера, пропитанъ былъ ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ и недавно скошенной травы. Легко становилось на душѣ, и грудь съ жадностью вбирала живительный воздухъ.

Обогнувъ колокъ, острымъ угломъ выбѣжавшихъ на дорогу молодаго ельника и березъ, верховой оправился на сѣдлѣ, передернулъ уздечку и поѣхалъ живѣе. Ровная дорога прямой линіей лежала къ дворцу.

Верховаго замѣтили изъ дворца. У одного изъ открытыхъ оконъ сидѣли двѣ женщины за работой.

— Посмотри-ка, Авдотьюшка, говорила старшая изъ нихъ, царица Наталья Кирилловна, своей невѣсткѣ, кто-бы это ѣхалъ къ намъ изъ Москвы. Глаза-то мои стали непрежніе. Много изсушили ихъ слезы.

Молодая женщина отложила вышиванье въ сторону и посмотрѣла въ окно.

— Не знаю, матушка, кажется не изъ нашихъ. Еслибъ былъ кто изъ Апраксинскихъ, или изъ моихъ Лопухинскихъ, я бы сейчасъ узнала. Да... нѣтъ и не изъ нихъ.... Теперь вотъ я вижу весь обликъ — незнакомый какой-то.

— Если незнакомый, такъ стало отъ *той*... И блѣдное лицо старой царицы, по выраженію Софьинской партіи, медвѣдихи, стало еще блѣднѣе. Много перемѣнилась царица въ послѣдніе десять лѣтъ, много горя перенесла она. Живая, веселая, бойкая красавица стала подозрительной, угрюмой и озлобленной. Да и какъ было не озлобиться, какъ не зачерствѣть въ такихъ крутыхъ оборотахъ. Послѣ нѣжной ласки покойнаго мужа, для котораго она была свѣтлымъ лучемъ безпредѣльнаго счастія, наступило холодное невзгодное время совершенно чуждыхъ отношеній пасынка. Оттертая отъ власти, но окруженная родными, друзьями, она могла по крайней мѣрѣ спокойно радоваться ребенкомъ — сыномъ, пользоваться мирнымъ счастьемъ частной жизни; но и это продолжалось не долго. Больной пасынокъ прожилъ недолго. Съ его смертью снова улыбнулась ей жизнь, снова поманило радостное будущее, если не для себя, то—что еще двроже—для ребенка—сына, избраннаго царемъ. Только мелькнуло это время нѣсколькими днями. На глазахъ у нея погибли ужасной смертью всѣ ей близкіе люди и родные; сама же она, своими руками, должна была отдать на жертву любимаго, дорогаго брата и всѣ эти несчастія отъ кого, для кого они понадобились? Дѣло говорило само за себя ясно и положительно, оно опредѣленно указывало на лицо, воспользовавшееся ея несчастіями и нетолько воспользовавшееся, но даже намѣ-

ренно подготовившее ихъ. Думала ли красавица всемогущая царица, входя въ царское семейство, что въ падчерицѣ, въ этой золотушной некрасивой дѣвочкѣ, она не далѣе, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, встрѣтитъ врага неумолимаго, не отступающаго ни передъ какими-бы то ни было средствами, упорно гнѣтущаго, подрывающаго въ корнѣ все ее будущее.

Мудрено ли, что цвѣтущее здоровье надломилось, полныя розовыя щеки побледнѣли и осунулись, ласковые и лучистые глаза приняли выраженіе испуганной пытливости и подозрительности, роскошные волосы посѣдѣли, стройный, прямой станъ сгорбился, походка сдѣлалась нервная. Мудрено ли, что и теперь, при одномъ ожиданіи извѣстія отъ врага, рѣзскія морщины сложились на лбу, а губы помертвѣли и нервно задрожали. Мудрено ли, что неумолимая память моментально воспроизвела кровавыя картины прошлаго и, болѣзненно сжавъ сердце, прекратила его біеніе.

Чего хочетъ еще эта женщина, мелькнуло въ ея головѣ, моей смерти? Я не бѣгу отъ смерти. Нѣтъ... она жаждетъ смерти моего сына... онъ стоитъ на ея дорогѣ... нѣтъ, этого не будетъ... я закрою сына своимъ тѣломъ, приму на себя всѣ удары, пусть буду изорвана, истерзана, но онъ, мой милый, ненаглядный, спасется...

Ничто такъ не заразительно, какъ страхъ. Тревога матери перешла и къ молодой женщинѣ.

— Что съ тобой, матушка, ты дрожишь... помертвѣла?

— Ничего, дитя, пройдетъ. Гдѣ сынъ, мужъ твой? А больное воображеніе мигомъ нарисовало ряды копій вслѣдъ за всадникомъ, кровавую борьбу, и на этихъ копьяхъ разстерзанное, облитое кровью тѣло сына.

—Онъ, ты знаешь, матушка, вѣрно съ своими потѣшными. Чего ты боишься?

— Ничего, дитя, ничего. Такъ вспомнилось прошлое. Дай Богъ тебѣ не испытывать того, что перенесла я.

Богъ милостивъ, не бойся ничего. Успокойся, тебѣ въ твоемъ положеніи вредно...

Молодая женщина стыдливо потупилась.

— Ты не говорила мужу?

— Нѣтъ, матушка, да я и видѣла-то его только нѣсколько минутъ.

Оправившаяся отъ успуга, Наталья Кирилловна сама посмотрѣла въ окно. Верховой былъ уже очень близко, и она могла явственно разсмотрѣть его.

— Теперь я узнаю: это окольничій Нарбековъ, одинъ изъ ближнихъ людей той...

Между тѣмъ надѣлавшій столько тревоги верховой успѣлъ въѣхать на дворъ. Освѣдомившись, гдѣ царское семейство, онъ отдалъ коня привратнику, а самъ сталъ подниматься по лѣстницѣ во дворецъ.

— Передай матушкѣ-царицѣ, что, молъ, пріѣхалъ отъ государыни-царевны гонецъ, и желаетъ видѣть ее пресвѣтлыя очи.

Постельница передала порученіе старой царицѣ и получила разрѣшеніе ввести гонца въ комнату, гдѣ обѣ царицы занимались вышиваньемъ.

Окольничій Нарбековъ, войдя въ комнату, помолился передъ иконами и, держа передъ собой обѣими руками шапку, отвѣсилъ два низкихъ поклона обѣимъ царицамъ.

— Отъ царевны Софьи Алесѣевны? лаконически спросила Наталья Кирилловна.

— Точно такъ, матушка царица. Государыня царевна, Софія Алексѣевна наказала мнѣ повидать вашу царскую милость и спросить о вашемъ благополучномъ здравіи.

— Мы здоровы, слава Богу. Что еще?

— Еще государыня, царевна Софія Алексѣевна наказывала узнать о пребываніи его государской милости, царя Петра Алексѣевича.

— За чѣмъ знать объ этомъ царевнѣ? уже неровнымъ голосомъ спрашивала мать.

— Не вѣдаю, государыня.

— Больше ничего?

— Наказывала еще государыня царевна, Софія Алексѣевна доложить государю царю, Петру Алексѣевичу по нѣкоторымъ дѣламъ....

— По какимъ? я передамъ сыну.

— Прости, государыня, но мнѣ наказано самолично исполнить приказаніе царевны.

Гордая, недобрая улыбка пробѣжала по губамъ царицы Натальи Кирилловны.

— Ступай, окольничій, челядь тебѣ укажетъ, гдѣ царь.

Нарбековъ опять отвѣсилъ два низкихъ поклона царицамъ и вышелъ. У царскаго конюха онъ распросилъ, гдѣ можно было бы видѣть Петра.

— Ну это, ваша милость, не легкое дѣло. Царь батюшка Петръ Алексѣевичъ не любитъ сидѣть на одномъ мѣстѣ... теперь-то чай учится съ потѣшными. Недавно слышалъ трескотню барабанную.

— А въ которомъ мѣстѣ потѣшное ученіе?

— Да вотъ, какъ пойдешь на правую-то руку и пройдешь садовую огорожу, такъ и увидишь поле—тамъ и ученье.

Окольничій прошелъ по указанію конюха дорогу мимо садовой городьбы и вышелъ въ поле. Здѣсь, на широкомъ, ровномъ пространствѣ стояло нѣсколько отдѣльныхъ колоннъ Преображеновцевъ и Семеновцевъ по ротно и вольно. Офицеры столпились кучкой. Между ними выдѣлялись: завѣдывавшій ученіемъ, за болѣзнью полковника Юрія фонъ-Менгдена, маіоръ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ и молодой прапорщикъ. Въ этомъ прапорщикѣ, лѣтъ семнадцати, открытаго чрезвычайно красиваго лица, въ которомъ задорно играла здоровая кровь юности, окольничій безъ труда узналъ Петра. Да и мудрено было не узнать. Не смотря на полное пренебреженіе наружности, не смотря на холодъ, вѣтеръ, грязь и всякую непогоду, не смотря на грубую физическую работу, молодой царь отличался выдающеюся красотой. По словамъ Кемпфера, видѣвшаго

Петра на аудіенціи, когда послѣднему было шестнадцать лѣтъ, царь отличался плѣнительной наружностью: «еслибъ онъ былъ дѣвицей, то всѣ влюблялись бы въ нее.»

Окольничій степеннымъ шагомъ подошелъ къ молодому офицеру, снявъ шапку.

— Государь, царь батюшка, Петръ Алексѣевичъ, началъ онъ.

— Здѣсь нѣтъ царя, съ живостью перебилъ молодой человѣкъ; царь въ дворцѣ, а здѣсь прапорщикъ Преображенскаго полка.

— Прикажешь становиться въ ряды, господинъ полковникъ, и куда мнѣ становиться? обратился онъ къ командиру.

— При первой ротѣ Преображенскаго полка, лаконически распорядился маіоръ.

Кучка офицеровъ разошлась по рядамъ.

Ошеломленный окольничій Василій Савичъ не вѣрилъ глазамъ, не зналъ, что дѣлать. Не идти ли мнѣ во дворецъ, спрашивалъ онъ мысленно самъ себя; тамъ вѣдь царя нѣтъ, вѣдь я знаю его и самъ съ нимъ говорилъ. Приставать къ нему—не велѣлъ... да вонъ ужъ и команда началась. Лучше обожду здѣсь, и окольничій отошелъ къ сторонкѣ выжидать конца ученью.

Барабаны забили, раздались слова команды, и стройные ряды Преображеновцевъ и Семеновцевъ двинулись въ разныхъ направленіяхъ. Всѣ движенія исполнялись твердо и отчетливо, пріемы скоро и одновременно, любо смотрѣть было на безупречныя построенія, то растянувшіяся лентой, то скучивающіяся густой массой, то разсыпающіяся въ одиночку, то движущіяся медленнымъ шагомъ, то бѣгущія ровнымъ рядомъ. Молодой прапорщикъ, наравнѣ съ другими, выполнялъ по правиламъ артикула, передавалъ команду, отдавалъ честь передъ проходившимъ командиромъ, откликаясь его одобрительному отзыву. Смотря на эти легкія и быстрыя движенія, окольничій не могъ не залюбоваться ими и не могъ мысленно не

сравнить ихъ съ тяжелыми и неровными движеніями стрѣльцовъ.

Ученье кончилось. Потѣшные направились къ квартирамъ, въ полѣ оставались только маіоръ Бутурлинъ съ окружавшими его офицерами, въ числѣ которыхъ находился и молодой прапорщикъ. Маіоръ высказывалъ послѣднія замѣчанія, обращая вниманіе офицеровъ на тѣ неточности, о которыхъ не удобно было высказывать во фронтѣ. Вскорѣ всѣ почти офицеры удалились, остались командиръ и прапорщикъ.

— Ну, Иванъ Ивановичъ, спасибо. Вижу, не сложа руки сидѣли вы тутъ безъ меня. Спасибо — удружилъ. Лихо отхватывали по артикулу. И молодой прапорщикъ милостиво отпустилъ командира, поцаловавъ его въ лобъ.

— А... окольничій! ты здѣсь еще? сказалъ Петръ, оборотившись, и замѣтивъ Нарбекова. Ну, какъ показались тебѣ мои потѣшные?

— Знатная забава, ваша царская милость.

— Была забава, окольничій, а теперь служба, замѣтилъ, нѣсколько нахмуривая брови Петръ. Ну что у тебя? говори теперь.

— Государыня царевна, Софія Алексѣевна наказывала мнѣ освѣдомиться о благополучномъ здравіи твоей царской милости.

Легкая усмѣшка появилась на губахъ Петра.

— Потомъ наказывала государыня, продолжалъ невозмутимо ровно окольничій, освѣдомиться сколько изволитъ пробыть здѣсь твоя царская милость.

— Передай государынѣ сестрицѣ, самъ царь дескать не знаетъ: можетъ долго, а можетъ и скоро отбудетъ. А зачѣмъ-бы государынѣ царевнѣ знать?

— Государыня царевна приказывала... наказывала мнѣ... продолжалъ окольничій, какъ будто не замѣчая вопроса царя и затрудняясь выраженіемъ своего порученія — доложить тебѣ... узнать твое царское желаніе... Ратные люди вашего царскаго величества, послѣ неслы-

ханныхъ побѣдительствъ надъ агарянами, нынѣ возвращаются, и государыня, въ похваленіе за великіе подвиги начальныхъ людей, изготовляетъ имъ золотыя медали по достоинству каждаго. Такъ какъ изволишь на это государь батюшка?

— Ты правду упомянулъ, господинъ посолъ, о неслыханныхъ побѣдительствахъ. Ни я и никто другой изъ добрыхъ людей русскихъ не слыхалъ о побѣдительствахъ. а вѣдомо намъ всѣмъ, что Василій Голицынъ съ великими потерями прошелъ только по степи, за Перекопъ не осмѣлился перейдти, никакой сурьёзной баталіи не учинялъ, а растерявъ много людей и всякаго добра, возвращается съ великимъ срамомъ. Такъ за такія побѣдительства наказываютъ, а не награждаютъ. Такъ и передай государынѣ царевнѣ. Больше мнѣ нѣкогда. Прощай.

Отказъ положительный и ясный, выраженный суровымъ и раздражительнымъ тономъ, въ конецъ ѳзадачилъ Василія Савича. Съ полуоткрытымъ ртомъ, выпученнымъ недоумѣвающимъ взглядомъ провожалъ онъ быстро уходившаго царя, а въ головѣ смутно шевелилось: какъ же быть-то теперь, какъ съ такимъ отвѣтомъ воротиться къ царевнѣ; да она и на глаза не пуститъ.

Потомъ мало-по-малу опредѣленныя мысли стали складываться въ догадливомъ умѣ окольничаго и появились утѣшительныя соображенія: оно конечно, царь сказалъ, да мало ли что мальчикъ въ сердцахъ наговоритъ, а сдѣлается иначе... Лучше я пойду къ Борису Алексѣичу, разскажу ему... вѣдь срамъ Василія Васильча замараетъ весь родъ ихъ боярскій. Можетъ онъ найдетъ случай уладить дѣло...

И окольничій своимъ степеннымъ шагомъ пошелъ отыскивать Бориса Алексѣевича Голицына.

Между тѣмъ царь входилъ къ своимъ. Онъ казался очень взволнованнымъ, и это тотчасъ угадали обѣ женщины. Онѣ угадали бы сердцемъ, еслибы даже взгляды ихъ общаго любимца и не метали искръ; но ни та, ни другая не показали вида, будто не замѣтили.

— Ну что потѣшные? первая заговорила мать.

— Мои потѣшные молодцы. Посмотрѣла бы ты, матушка, на нихъ. Не то, что стрѣльцы. Да, куда стрѣльцамъ до нихъ! Они по выпровкѣ далеко выше и солдатъ иноземнаго строя. А каково стрѣляютъ въ цѣль! Знаешь, матушка, нашего конюха Сережку Бухвостова [1]), на что былъ уволенъ, а посмотри теперь какимъ молодцомъ вышколился. Да какъ палитъ: изъ пяти выстрѣловъ четыре раза въ цѣль. Да малоль такихъ... я не говорю ужъ объ Якишкѣ Воронинѣ иль Гришкѣ Лукинѣ... эти почти съ измалолѣтства у меня въ строю... попривыкли... Если Богъ будетъ милостивъ, такъ я изъ своихъ потѣшныхъ понадѣлую цѣлый строй.

По мѣрѣ того, какъ говорилъ царь, неудовольствіе исчезало, и радость быстро разливалась по оживленнымъ чертамъ.

— Да, спасибо Бутурлину, спасибо. Я чаялъ, что безъ меня въ этотъ мѣсяцъ они изнеряшились, а вышло онъ и вправду принялся за дѣло.

— Ты будешь еще принимать въ потѣшные?

— Всеконечно.

— Ну а какже стрѣльцы-то?

— Будутъ сокращаться, будутъ отправлять службу по украйнамъ. Найдется и имъ дѣло. Да какіе они солдаты—ловошники гулящіе.

— Боюсь я, Петруша, твоихъ затѣй. Будь остороженъ. Стрѣльцы—народъ буйный, пьяный, своевольный. Провѣдаетъ твои мысли та, такъ подговоритъ ихъ и подыметъ она опять смуту. Ты былъ ребенокъ, можетъ не помнишь, какъ погибли родимые...

— Нѣтъ, матушка, помню... все помню, какъ будто вчера на глазахъ, отвѣчалъ царь, и все лицо его поблѣднѣло и задрожало, какъ въ ту ужасную минуту, когда стоялъ онъ подлѣ матери и брата на Красномъ

---

[1]) Бухвостовъ числится первымъ русскимъ солдатомъ въ именахъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

крыльцѣ передъ разъяренными толпами стрѣльцовъ, нервно передернулись губы недоброй улыбкой, а въ глазахъ засверкало не гнѣвное, нѣтъ, а злобное чувство.

— Теперь времена не прежнія, продолжалъ онъ, нѣсколько успокоиваясь. Не бойся, матушка.

Но материнское сердце съумѣло скрыть въ самомъ себѣ всю накипѣвшую, острымъ ножемъ рѣжущую боль, только руки усиленнѣй принялись за вышиванье, да голова пониже опустилась къ работѣ. Зачѣмъ пугать, можетъ быть напрасно дорогаго сына и больную невѣстку?

— Да я было и забыла тебѣ сказать,—былъ здѣсь окольничій Нарбековъ. Видѣлъ ты его?

— Видѣлъ, и царь разсказалъ о предложеніи Софьи Алексѣевны и своемъ отказѣ.

— Петруша, Петруша, напрасно ты такъ сдѣлалъ, говорила умоляющимъ голосомъ мать. Ты знаешь, какъ близокъ князь Василій къ той... Теперь она озлобится и заведетъ большую... чуетъ мое сердце.

— Ты забываешь, матушка, мнѣ теперь не десять лѣтъ, и мы теперь не беззащитны, какъ тогда. Повѣрь, она сама остережется. Я совершеннолѣтній и не уступлю своихъ правъ. А на какомъ основаніи она самовластвуетъ?.. Да что съ тобой, Дуняша? Петръ замѣтилъ блѣдность жены.

— Ничего... такъ... пройдетъ...

— Да она больна, матушка! Пошли за докторомъ Захаромъ [1]).

— Нѣтъ, Петруша, нетревожься, отъ этой болѣзни не излечитъ Захаръ, а пройдетъ она сама собой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, успокоивала мать, улыбаясь.

— Да чѣмъ, чѣмъ больна-то она? нетерпѣливо продолжалъ допрашивать Петръ.

— Ну пущай она тебѣ сама скажетъ.

Царь подошелъ къ женѣ, горячо обнялъ ее и на-

---

[1]) Придворный докторъ Захаръ Гулетлу.

клонилъ къ ней голову. Авдотья Θедоровна, покраснѣвъ, шепнула ему на ухо.

Лицо Петра просвѣтлѣло. Еще крѣпче онъ обнялъ, еще любовнѣе онъ поцаловалъ ее. Новость, сказанная на ухо, отозвалась прямо въ сердцѣ. Семнадцатилѣтній юноша долженъ былъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ войдти въ новую роль—отца.

Но натура Петра не увлекалась чувствами, не могла ни минуты оставаться без дѣятельности. Онъ сталъ собираться.

— Куда ты? съ мольбой шептала жена.

— Пойду провѣдать нашего полковника — шибко заболѣлъ, сказывалъ Иванъ Иванычъ.

Долгимъ взглядомъ проводила жена мужа и засвѣтилось въ этомъ взглядѣ новое непривычное чувство оскорбленной женщины и будущей матери. Не того ждало ея любящее сердце...

ГЛАВА IV.

Въ Преображенскомъ занимались своимъ дѣломъ безъ интригъ и козней; въ сознаніи права тамъ твердо надѣялись на будущее и шагъ за шагомъ неуклонно подготовлялись къ нему.

Не то было въ Москвѣ, у Софьи. Она чувствовала, какъ каждый день, каждый часъ приближалъ неминуемое, рѣшительное столкновеніе права съ узурпаторствомъ, чувствовала опасность своего положенія и, не находя у себя никакой твердой основы, жадно брасалась и искала эту основу повсюду. Такое настроеніе отражалось и въ приближенныхъ. Безъ прочной почвы умъ человѣческій колеблется, желаетъ опереться гдѣ бы то ни было, на чемъ бы то ни было, хотя бы на сверхъ-естественое незримое содѣйствіе.

И вотъ дѣйствительно Софья, и ея совѣтники, прибѣгаютъ къ чародѣйству.

Въ то время славился чародѣйствомъ какой-то полякъ Дмитрій Силинъ, вызванный Софьей въ 1686 году пользовать отъ глазной болѣзни царя Ивана Алексѣича. Этотъ полякъ жилъ нѣсколько лѣтъ у Сильвестра Медвѣдева (который самъ считался тоже не послѣднимъ астрологомъ) и увѣрялъ всѣхъ въ знаніи имъ таинственныхъ зелій отъ различнаго рода болѣзней. Ему вѣрили и у него лечились даже такіе передовые люди, каковъ былъ, напримѣръ, князь Василій Васильичъ Голицынъ, не имѣвшій, впрочемъ, кромѣ мнительности, никакой болѣзни. Даже самъ Силинъ, призванный къ нему, нашелъ только одну болѣзнь, которую высказалъ безцеремонно: «любишь ты, князь, чужбинку». Для открытія такой болѣзни, конечно, нетребовалось никакихъ сверхъестественныхъ знаній.

Увѣрялъ еще полякъ въ своей способности глядѣть на солнце и читать въ нёмъ будущую судьбу человѣка. Вѣря въ его таинственное знаніе, Медвѣдевъ, по просьбѣ царевны, просилъ чародѣя узнать ее будущее. Два раза Силинъ ходилъ на Ивановскую колокольню поглядѣть на солнце, и оба раза возвращался съ неутѣшительными вѣстями: «у государей, разсказывалъ онъ, возвращаясь, царскіе вѣнцы лежали на головахъ, у князя Василья Васильича вѣнецъ мотался по груди и по спинѣ, а самъ князь былъ теменъ и ходилъ колесомъ; царевна Софья Алексѣевна казалась печальной и смущенной, Медвѣдевъ темнымъ, а Шакловитый повѣсилъ голову.» Таковы были предсказанія чародѣя, которому нетрудно было давать такія прорицанія, зная отъ Медвѣдева во всей подробности положеніе дѣлъ и отношенія дѣйствующихъ лицъ.

По словамъ поляка Шакловитый повѣсилъ голову, но онъ былъ не такая личность; онъ не могъ повѣсить голову, запугаться и отступить отъ своей цѣли. Напротивъ, не имѣя за собой никакихъ путей къ отступленію, онъ вѣрилъ въ себя, вѣрилъ въ царевну, обольщался самъ, обольщалъ и ее блестящими надеждами, которымъ всегда такъ вѣрится легко. Царевнѣ онъ льстилъ раз-

личными панегириками и рисовкой портретовъ, а себя обезпечивалъ содѣйствіемъ стрѣльцовъ.

Жилъ у Ахтырскаго полковника Ивана Перекреста домашнимъ учителемъ нѣкто Янъ Богдановскій, великій мастеръ по изготовленію торжественныхъ привѣтствій. Къ этому-то мастеру и обратился Ѳедоръ Леонтьичъ съ просьбой: построить великой государынѣ-царевнѣ достойную похвалу.

— А какую же похвалу написать? спросилъ недоумѣвающій педагогъ.

— А такую похвалу, разъяснилъ Ѳедоръ Леонтьичъ, что она, великая государыня, усмирила мятежъ, ревнительна къ построенію монастырей, милостива къ людямъ и премудра.

Педагогъ согласился, но замѣтилъ, что было бы еще лучше, еслибы къ похвалѣ приложенъ былъ портретъ царевны, и что это дѣло возможное, такъ какъ у полковника Перекреста имѣются двѣ мѣдныя доски, на которыхъ изображена ея персона, а въ Черниговѣ живетъ и мастеръ Тарасѣевичъ, умѣющій искусно печатать.

По распоряженію Шакловитаго доски Перекреста были доставлены, но оказались неудовлетворяющими цѣли, потому что на нихъ персона царевны изображалась не отдѣльно, а обще съ обоими царями. Вслѣдствіе этого Тарасѣевичу заказано было вырѣзать на другихъ доскахъ персону царевны одну, окруженную пышною арматурою, на подобіе портретовъ римскихъ императоровъ въ средѣ курфирстовъ, и съ символами власти.

Тарасѣевичъ принялся за работу, и вскорѣ имъ вырѣзаны были двѣ доски, изъ которыхъ на одной изображалась царевна Софья въ коронѣ, съ державою и скипетромъ и съ прописаніемъ вокругъ полнаго царскаго московскаго титула: «Софья Алексѣевна, Божіею милостью, благочестивѣйшая и самодержавнѣйшая великая государыня, царевна и великая княжна всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержица, Московская, Кіевская, Владимірская, Новогородская, царевна Казанская,

царевна Астраханская, царевна Сибирская, государыня Псковская, великая княжна Смоленская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ, государыня и великая княжна Новгорода низовыхъ земель, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлозерская, Удорская, Обдорская, Кондинская, всея сѣверныя страны повелительница и государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли Черкескихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ государей и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отечественныхъ величествъ государыня и наслѣдница и обладательница».

Затѣмъ кругомъ этой надписи вырѣзаны были аллегорическія изображенія качествъ царевны, какъ семи даровъ духа: разума, цѣломудрія, правды, надежды, благочестія, щедрости и великодушія, предназначенныхъ замѣнить собой семь курфирстовъ императорскихъ изображеній. Подъ портретомъ находились похвальныя вирши, въ которыхъ царевна пріуранивалась по славнымъ дѣламъ своимъ Семирамидѣ Вавилонской, Елизаветѣ Англійской, Пульхеріи Греческой и наконецъ высказывалось, что какъ Россія ни велика, а еще мала въ сравненіи съ мудростью царевны.

На другой доскѣ вырѣзано было изображеніе святаго мученика Ѳедора Стратилата, окруженное воинской арматурой.

Оттиски съ обѣихъ досокъ печатались на бумагѣ, тафтѣ, атласѣ, объяри и росходились въ обществѣ, а для того, чтобъ «такая же была слава великой государынѣ и за моремъ, какъ въ Московскомъ государствѣ», Шакловитый одинъ изъ оттисковъ отослалъ къ Амстердамскому Бургомистру Витсену съ просьбой снять съ него копію съ переводомъ виршей на латинскій и нѣмецкій языки и разослать по инымъ землямъ. Витсенъ исполнилъ просьбу, и нѣсколько такихъ оттисковъ было доставлено въ Москву.

Безъ всякаго сомнѣнія подобныя восхваленія нрави-

лись тщеславію молодой женщины; но кромѣ того въ нихъ скрывалось другое, болѣе практическое основаніе. Они пріучали народъ свыкаться съ именемъ Софьи, какъ съ именемъ самодержицы русской, пріучали смотрѣть на нее, какъ на достойную государыню, законную наслѣдницу престола, если какая-нибудь случайность доставитъ ей возможность наслѣдства.

Случайность... но откуда-жъ могла быть такая случайность? Естественнаго повода непредвидѣлось. Здоровье Петра казалось закаленнымъ и прочнымъ, а супружество съ молодой, красивой Лопухиной обѣщало обильное преемство. Но развѣ не могло возникнуть какое-нибудь непредвидѣнное, случайное обстоятельство, или, лучше сказать, развѣ нельзя подготовить это обстоятельство?.. а подготовкой требовалось спѣшить.... Скоро могло появиться потомство у Петра, тогда дѣло усложнялось.... Умъ царевны и предпріимчивость худороднаго окольничаго—надежные факторы.

И вотъ бывшій Думный дьякъ призываетъ къ себѣ и не разъ преданнаго ему стрѣльца Филиппа Сапогова и научаетъ: «какъ пойдетъ куда царь Петръ въ походъ, такъ брось ты на пути его ручную гранату, аль украдучись положи ее въ потѣшные сани, а если и это не удастся, такъ зажги нѣсколько дворовъ въ Преображенскомъ, а когда царь, по обычаю, выдетъ тушить, такъ тутъ въ общей суматохѣ можно его и принять.»

У Филиппа Сапогова недоставало, однакожъ, силы ни отказать рѣшительно начальнику, ни исполнить его порученіе. Такъ и проходило время.

За неудавшеюся попыткой одиночной случайности, оставалось болѣе вѣрное средство-дѣйствовать массой, какъ это и удалось пять лѣтъ тому назадъ. Необходимо было возбудить стрѣльцовъ противъ партіи *медвѣдихи* и въ общей смутѣ достигнуть вполнѣ своей цѣли. Возбудить же можно было угрозой злыхъ умысловъ царицы. Софья Алаксѣевна понимала это и приводила въ исполненіе съ обычной своей энергіей.

— Зачинаетъ царица съ братьями своими, и съ Борисомъ Голицынымъ, противъ меня бунтъ, да и патріархъ, вмѣсто того, чтобъ унимать, только мутитъ да потакаетъ имъ, лично говорила царевна нѣсколькимъ надежнымъ стрѣльцамъ, призваннымъ ночью къ Спасу на Сѣняхъ.

Стрѣльцы молчали, но бывшій подъячій поддержалъ царевну:

— А для чего бы, государыня, Льва Нарышкина и Голицына не принять? Можно бы принять и царицу; не великъ ея родъ, ходила въ Смоленскѣ въ лаптяхъ!

Какъ худородный подъячій, Шакловитый не могъ въ душѣ своей не придавать особеннаго значенія знатности рода и не видѣть въ худородности обстоятельства, значительно облегчающаго мятежъ.

Несмотря, однакожъ, на вызовъ начальника, стрѣльцы не вызывались *принять* и уклонялись отъ прямаго участія.

— Жаль мнѣ ихъ (Нарышкина, Бориса Голицына и Наталью Кирилловну), отвѣтила царевна, обращаясь къ стрѣльцамъ,—они и такъ Богомъ убиты.

— Какъ изволишь, государыня, такъ и дѣлай; воля твоя, говорили стрѣльцы, расходясь по домамъ.

Угрозы и застращиванія злыми умыслами Нарышкинскаго двора дѣйствовали плохо; оказывалась необходимость принимать болѣе сильныя средства: разжигать дурные инстинкты. Средство опасное, но время шло, а съ каждымъ днемъ опасность для царевны увеличивалась.

Такими опасными средствами были: вино и грабежъ.

И начали преданные начальнику стрѣльцкіе урядники зазывать сборища, поить виномъ, раздражать и манить золотыми прибытками.

— Вы теперь нуждаетесь да голодуете, внушалъ стрѣльцамъ Кузьма Гладкій, а вотъ будетъ ярмонка и станете вы боярскіе домы и лавки торговыхъ людей грабить и прибытки ихъ дуванить. Вотъ на Рязанскомъ подворьѣ, у боярина Ивана Васильича Бутурлина, хра-

нится шестьдесятъ чепей серебряныхъ; мы ихъ раздѣлимъ и вкладъ церковный положимъ.

Да и что намъ стоять за Нарышкинскихъ, продолжалъ онъ; царь съ ума спился, только тѣшится да играетъ, не то, что наша царевна... она непрестанно Бога молитъ.

Не обошли и патріарха, авторитетствомъ своей пастырской власти стоявшаго за законность.

— Какой онъ учитель, говорилъ о патріархѣ Гладкій, не велитъ послѣ аминя кланяться; доберусь же я до его пестрой рясы и уличу его. Вотъ только получу тетрадки отъ старца Сильвестра.

Задавшись или, вѣрнѣе сказать, всецѣло поглотившись замыслами противъ Нарышкинской партіи, какъ сама царевна, такъ и близкіе ей люди, не довѣряли противникамъ, были убѣждены въ такихъ же умыслахъ и у сторонниковъ Петра. Подъ этимъ убѣжденіемъ царевна постоянно уклонялась отъ личныхъ свиданій съ Петромъ, а когда эти свиданія становились необходимостью, то всегда окружала себя надежной стражей.

Такъ, во время посѣщенія царевною Преображенскаго, еще 1 августа 1688 года, по случаю водоосвященія на Яузѣ, ее провожалъ значительный отрядъ вооруженныхъ стрѣльцовъ. Размѣщая этотъ отрядъ, Шакловитый часть его поставилъ на кормовомъ дворѣ въ самомъ Преображенскомъ, а часть размѣстилъ въ рощахъ и оврагахъ кругомъ села. При этомъ онъ отдавалъ такой приказъ отряднымъ начальникамъ Филиппу Сапогову и пятисотенному Нифонту Чулошникову:

— Слушайте, если учинится въ хоромахъ крикъ, такъ вы будьте готовы и бейте всѣхъ, кого вамъ будутъ подавать изъ хоромъ.

Затѣмъ, обращаясь къ деньщикамъ своимъ—стрѣльцамъ Стремяннаго полка: Ѳедору Туркѣ, Михайлѣ Капранову и Ивану Троицкому, говорилъ:

— Когда на меня кинутся, рубите всѣхъ, кого ни попало и дайте тотчасъ же вѣсть всѣмъ остальнымъ, спрятаннымъ въ оврагахъ и лѣсахъ.

Дѣло обошлось, однакожъ, однимъ пустымъ страхомъ. Никакого покушенія не было.

Въ такомъ напряженномъ положеніи находились обѣ партіи. Взаимное раздраженіе ихъ доходило до крайнихъ предѣловъ, и для открытаго разрыва, для явной борьбы не доставало только какого-нибудь болѣе или менѣе крупнаго случая: этотъ случай выдался 8 іюля 1689 г. Съ этого роковаго дня, въ особенности съ возвращеніемъ князя Василія Васильича изъ Крымскаго похода, развязка драмы шла ускоренной быстротой.

Небо покрыто свѣтло-сѣрымъ покровомъ не густослоистыхъ облаковъ; дождя не было да и нельзя было ожидать его, но за то не было и удушливаго іюльскаго зноя. Колокола гудѣли въ Москвѣ, и народъ, всякаго сословія и званія, толпами валилъ къ Кремлю на крестный ходъ въ день праздника явленія Казанской Богоматери.

По обычаю въ Успенскомъ соборѣ служилъ литургію самъ патріархъ Іоакимъ, при многочисленномъ стеченіи народа и въ присутствіи всего царскаго семейства: обоихъ царей, царицъ и царевенъ. Литургія кончилась скорѣе обыкновеннаго, такъ какъ предстояло еще идти, съ иконами и хоругвями, въ Казанскій соборъ на Красную площадь. По окончаніи обѣдни, богомольцы стали поднимать кресты, иконы, и въ числѣ первыхъ царевна Софья Алексѣевна приняла къ себѣ икону «О Тебѣ радуется».

Прежде царевны никогда не участвовали въ ходахъ, и такая выходка, выводившая женщину изъ тѣни и ставившая ее на ровную стать съ мужчиной, какъ явное доказательство стремленія царевны, раздражила молодаго Петра.

— Неприлично тебѣ, сестра, идти съ нами въ крестномъ ходѣ; искони женщины не участвовали въ торжествахъ, сказалъ Петръ, останавливая сестру.

— Я знаю и безъ твоего указу, что мнѣ прилично, гордо отвѣчала царевна, и съ образомъ пошла впередъ.

Вспыхнулъ молодой царь, вышелъ изъ церкви, отошелъ къ сторонѣ и махнулъ рукой конюшему. Подвели лошадь и, вскочивъ на сѣдло, онъ быстро поскакалъ въ Коломенское.

Ссора брата съ сестрой не осталась незамѣченной. Она была подхвачена на лету, переходила отъ одного къ другому съ различными прибавленіями и прикрасами. На этотъ разъ общественное мнѣніе становилось на сторону царя—защитника старины.

— Зазорно дѣвицѣ изъ царскаго рода ходить во всевидѣнье всѣхъ, говорили одни.

— Быть недоброму, говорили другіе, подмѣтившіе злобные взгляды, какими обмѣнялись между собою братъ и сестра.

Это было первое явное столкновеніе.

Онъ хочетъ не только лишить меня власти, а по прежнему запереть въ теремъ. Нѣтъ этого не будетъ. Я или онъ—пьяный конюхъ, а мѣсто для насъ обоихъ тѣсно, думала царевна и рѣшилась дѣйствовать.

ГЛАВА V.

— Васенька, свѣтикъ ты мой ненаглядный! говорила Софья Алексѣевна, обнимая и горячо цалуя князя Василья, желанный ты мой! Сколько трудовъ ты безмѣрныхъ понесъ для меня, драгоцѣннаго здравія своего не жалѣючи.

Обнимала царевна возвратившагося изъ втораго Крымскаго похода своего перваго друга и оберегателя князя Голицына, неустанно обнимала его, цаловала и въ очи, и въ лобъ и въ уста но какъ-то порывисты и суетливы были эти ласки, и не было въ нихъ того, что такъ ясно сказывалось и безъ словъ, безъ всякаго напуска, въ прежнихъ ея ласкахъ.

Прошелъ годъ, какъ князь уѣхалъ побѣдительствовать надъ агарянами въ Крымъ, добывать себѣ лавровыхъ вѣнковъ и вѣчной благодарности отъ отечества. Годъ этотъ прошелъ не безслѣдно для женскаго сердца. Крѣпко кручинилась царевна, проводивъ своего друга въ опасный путь, много пролила слезъ на ночное изголовье, страстно молилась о его спасеніи, обходя богомольемъ пѣшкомъ окрестные монастыри, но — время лучшій и вѣрный врачъ. Мало-по-малу слезы становились менѣе обильными, рѣзкая боль въ сердцѣ смѣнилась тупою и тихою грустью, а жаркія молитвы все чаще и чаще обрывались думами и вопросами другаго рода. Образъ князя блѣднѣлъ и чаще вставалъ изъ-за-него другой образъ болѣе красивый, бьющій жизнью и энергіей, манившій долгими наслажденіями. И вотъ прежняя рознь въ характерахъ и взглядахъ, забытая было въ первое время разлуки съ княземъ, выдвигалась опредѣленнѣе и отодвигала прежнее счастье, хоть и вѣчно милое, въ безвозвратно прошедшее.

Молодое, еще не изжившее сердце не можетъ довольствоваться пережовываніемъ канувшаго въ вѣчность, оно жадно пользуется настоящимъ, неудержимо стремясь все впередъ, все дальше и дальше. А тутъ еще разрослись и окрѣпли иныя стремленія, не совсѣмъ ладившіяся съ прежними, и эти-то стремленія поддерживались, а можетъ быть и подсказывались новымъ образомъ. И вотъ, незамѣтно для самой себя, царевна постепенно отшатывалась отъ прошедшаго и отдавалась новому чувству.

Частыя, неизбѣжныя отношенія царевны и дьяка — виднаго Шакловитаго, невольно породили между ними короткость, перешедшую въ тѣсную связь ихъ общихъ интересовъ и матеріальной потребности жизни. Отъ новаго сближенія поблѣднѣлъ образъ князя, какъ дорогаго для сердца; но не поблѣднѣлъ этотъ образъ, какъ человѣка необходимаго, человѣка думы, человѣка — опоры ея общественнаго положенія. Да и не безъ борьбы совершилась перемѣна въ чувствахъ царевны. Часто описывая

Крымскому другу всѣ новости дня и величая его нѣжными словами *), она упрекала себя за измѣну, маскировала, пыталась обманывать сама себя; но упреки и раскаяніе скорѣе могутъ убить окончательно отлетающую жизнь, но не вдохнуть.

Въ такомъ положеніи засталъ молодую женщину пріѣздъ бывшаго любимца.

— Ахъ, касатикъ ты мой дорогой! Сколько натерпѣлась я безъ тебя, стосковалась какъ! продолжала царевна, а между тѣмъ внутри ея шептало: какъ перемѣнился онъ... гдѣ бѣлизна и атласность облика... загорѣлость, черствость, шероховатость... глаза какіе-то стали отцвѣтшіе, а вонъ и складки появились у глазъ и у рта... совсѣмъ обрюзгъ.

— Дорогая моя, отвѣчалъ на ласковыя рѣчи князь, внимательно всматриваясь изъ подъ полуопущенныхъ глазъ въ самую глубь души любимой женщины, спасибо тебѣ за ласку да за память. Не забывала ты меня цыдулами.

— И что ты, Васенька, денно и нощно молила Пресвятую матерь Божію за здравіе твое, за одолѣніе агарянъ окаянныхъ.

— Ну, вѣрно, молитвы твои, милая царевна, не дошли до Господа. Трудности превеликія приходилось преодолѣвать отъ самой натуры, отъ враговъ, да и отъ сво-

---

*) Доказательствомъ близкихъ отношеній царевны Софьи Алексѣевны съ княземъ Васильемъ Голицынымъ служитъ сохранившаяся ихъ переписка. Вотъ одно изъ этихъ писемъ: «Свѣтъ мой братецъ Васенька здравствуй батюшка мой на многія лѣта и паки здравствуй Божіею и пресвятыя Богородицы и твоимъ разумомъ и счастіемъ побѣдивъ агаряны... и мнѣ свѣтъ мой вѣры не имѣется што ты къ намъ возвратитца тогда вѣры поиму какъ увижю во объятіяхъ своихъ тебя свѣта моего. А што свѣтъ мой пишешь, што бы я помолилась, будто я вѣрна грѣшная предъ Богомъ и недостойна, однакоже дерзаю надѣяться на его благоутробіе, аще и грѣшная. Ей всегда того прошю, штобы свѣта моего въ радости видеть. Посемъ здравствуй свѣтъ мой о Христе на вѣки неищетные».

ихъ тайныхъ недоброжелателей. Не того чаялъ, отправляючись въ походъ.

— Что дѣлать, Васенька. Итакъ заслуги твои великія.

— Какія-жь, царевна? Не вижу я ихъ. Народу погублено много, а авантажа нѣтъ.

— Какого-жъ еще авантажа надо? Миръ заключенъ почетный, страхъ нагнанъ на враговъ, а плѣнныхъ сколько воротилъ съ неволи!

Князь не отвѣчалъ, и только горько улыбнулся.

— И всѣ такъ думаютъ, всѣ восхваляютъ твое усердіе безмѣрное, продолжала успокоивать царевна.

— Всѣ? Полно такъ-ли? Не обманывай понапрасну и себя и меня.

— Всѣ, всѣ, рѣшительно всѣ. Токмо вотъ у враговъ нашихъ общихъ ропотъ да козни. Ну да вѣдь ты знаешь, изъ злобы на меня.

— А вотъ кстати, царевна, скажи мнѣ: какъ ты съ братьями и съ мачихой? Я хоть и получалъ отъ тебя вѣсти, да все какъ-то выходило темно.

— Не хотѣлось мнѣ тебя, Васенька, огорчать только что съ пріѣзду твоего нашими дѣлами, да самъ заговорилъ. Старая съ сыномъ живетъ въ Преображенскомъ, женила его на Дунькѣ Лопухиной — думала остепенить. Да гдѣ тутъ его остепенишь! Слышала я, будто и жену то бросилъ совсѣмъ. Съ озорниками живмя живетъ, пьянствуетъ, беззаконничаетъ, срамъ на все наше государство.

— А братъ Борисъ, вѣдь, при немъ? чего онъ смотритъ?

— Борисъ твой и самъ пьетъ горькую, да и то сказать, развѣ тотъ послушаетъ кого, когда и мать и жену не слушаетъ. Вотъ всю нынѣшнюю весну почитай на Переяславскомъ въ мастеровые записался, съ холопьями топоромъ рубилъ. Царское-ли это дѣло? Какому примѣру поучается, какое будетъ уваженіе къ нему? Да вотъ самъ увидишь.

— А изъ родовитыхъ кто къ нему ближе? Чаю забрали Лопухинскіе?

— Нѣтъ, не слышно. Онъ больше къ подлому народу. Жену-то жаль. Вотъ Ѳедя... Ѳедоръ... поспѣшила поправиться правительница, невольно смутившись,—разсказываютъ будто беремѣнна...

— Какой Ѳедоръ?

— Леонтьичъ... Шакловитый, стрѣлецкій начальникъ, ближній твой человѣкъ, ты мнѣ и привелъ его.

— Какъ не знать, самый задушевный благопріятель мой. Не оставлялъ меня и въ Крыму. Спасибо. Въ тонѣ голоса князя просвѣчивала сквозь обычную мягкость будто горькая иронія, которую не могла не замѣтить и молодая женщина.

— А какъ я тебя, Васенька, ждала! Кажется, всѣ глаза проглядѣла, начала царевна, круто обрывая прежній разговоръ. Подарокъ тебѣ приготовила, сейчасъ принесу.

Софья Алексѣевна вышла въ спальню и вынесла оттуда свертокъ, тщательно завернутый въ тафту.

Князь развернулъ свертокъ: это былъ его портретъ съ виршами сочиненія самой царевны. Онъ прочиталъ:

«Камо бѣжиши, воине избранный!
Многажды славне, честію вѣнчанный,
Трудовъ сицевыхъ и воинской брани
Вѣчно ты славы дотекше, престани.
Не ты, но образъ князя преславнаго
Во всякихъ странахъ. зде начертаннаго,
Отнынѣ будетъ славою сіяти,
Честь Голицыновъ вездѣ прославляти.

— Спасибо, ненаглядная царевна, за презентъ. Дорогъ онъ моему сердцу, говорилъ князь Василій горячо цалуя молодую женщину, только будь же добра до конца и подари мнѣ свое изображеніе.

— Да у меня.... Вася.... У меня... нѣтъ, такъ чтобъ схожаго....

— Какъ нѣтъ? А мастеръ Тарасевичъ достаточно изобразилъ твою персону.

— Не понравилось мнѣ, Вася, его изображеніе да и мало ихъ было... я, кажется велѣла уничтожить....

— Не уничтожили ихъ, царевна, а разослали по иностраннымъ землямъ, а не токмо у себя дома.

— Если разослали иль раздавали, такъ безъ моего вѣдома, Вася, а для тебя я велю вновь изобразить.

— Не трудись, царевна, зачѣмъ? Есть у меня... прислали мнѣ въ Крымъ твое-то изображеніе, и не мало я скорбѣлъ тамъ... Скажи мнѣ только по правдѣ: кто изображенъ на другой сторонѣ твоей персоны....

— Будто не знаешь, Васенька, не узналъ эмблеммы Московской...

— Эмблемму-то Московскую я знаю, да не призналъ ее въ изображеніи. Эмблемма Московская—святой великомученикъ Георгій, а изображенъ, кажется, Ѳеодоръ Стратилатъ.

— Будто забылъ, Вася, вѣдь святой Георгій убилъ змія, пожиравшаго....

— Правда твоя, но Георгій убилъ его копіемъ, какъ и обозначается въ эмблеммѣ, а въ твоемъ изображеніи убіеніе мечомъ, какъ приписывается Ѳедору Евхаитскому.

— Не домекнулась я тогда, не обратила вниманія. Чудно мнѣ, что и ты такъ принимаешь....

— Эхъ, царевна, царевна... знаю я все, все, что здѣсь безъ меня творилось... Дурные люди тебя наущаютъ, напрасно ты ихъ приблизила къ себѣ и слушала....

— Князь Василій! Я не ребенокъ. Знаю я куда иду и тѣхъ, кто меня окружаетъ. Умѣю отличить людей мнѣ истинно преданныхъ отъ фальшивыхъ, горячо заговорила молодая женщина, но вслѣдъ же затѣмъ въ голосѣ

ея новая перемѣна, и опять зазвучала въ немъ прежняя заискивающая нѣжность. Она продолжала:

Что это, Вася, за бесѣда такая странная, первая послѣ твоего возвращенія. Вѣрно тебѣ наговорили лихіе люди незнай чего... Вотъ отдохнешь, увидишь самъ. Ты всегда былъ мнѣ единственнымъ другомъ и будешь имъ... Раздраженъ ты, вижу я. Отдохни и приходи ко мнѣ. Мнѣ нужно съ тобой о многомъ...

—Отдохнуть мнѣ нужно, правда твоя, царевна. только поможетъ ли отдыхъ? Прощай, дорогая моя! Когда и гдѣ мы свидимся—Богъ вѣсть... Надоѣдать тебѣ не буду... да и не къ чему...

И князь какъ-то странно съ несвойственной торопливостью поцаловавъ руку правительницы, вышелъ.

Тупымъ взглядомъ проводила бывшаго любимца царевна Софья Алексѣевна и долго стояла, точно застывшая. Проснулось-ли въ ней прежнее чувство, или только боль съ какою провожается пращальный привѣтъ на всегда отлетѣвшему прошедшему? Трудно анализировать человѣческое сердце, а женское въ особенности.

Ожидала она его — вотъ онъ воротится.... нельзя же такъ вдругъ все порвать, все, что такъ крѣпко, такъ неразрывно связывало ихъ такъ долго. Но онъ не воротился, и послѣдній звукъ его шаговъ какихъ-то неровныхъ постепенно стихалъ и наконецъ совершенно замолкъ въ коридорахъ.

Почти безсознательно перешла молодая женщина въ сосѣдній покой, гдѣ ожидалъ ее сидѣвшій безцеремонно бывшій—дьякъ Шакловитый.

— Что, милая, видѣла его? что онъ? забрасывалъ вопросами дьякъ.

— Ничего... странно протянула она.

— Ну, такъ я и ожидалъ... отъ князя и ожидать нечего... зяблое дерево.. говорилъ, успокоивая царевну Ѳедоръ Леонтьичъ, еслибъ и зналъ онъ.... да куда ему знать...

— Знаетъ онъ, Ѳедя, все знаетъ, хоть и не сказалъ

онъ мнѣ этого прямо, да вижу я, чувствую это, Ѳедя... Потеряла я его... Теперь одинъ ты у меня остался изъ ближнихъ и преданныхъ стоять за меня, продолжала молодая женщина, порывисто обхватывая руками шею любимца; слезы обильными струями бороздили встревоженное лицо и падали на дорогой парчевой кафтанъ красиваго дьяка.

— Полно, моя милая, ненаглядная, не бойся ты его. Слабый онъ человѣкъ и не любилъ онъ тебя никогда. Обойдемся и безъ него. Можетъ и лучше еще.... не будетъ помѣхой...

Ошеломленнымъ и разбитымъ вышелъ князь Василій Васильевичъ изъ терема царскаго и пошелъ безъ цѣли, не понимая куда и зачѣмъ онъ идетъ. Странное явленіе переживалъ онъ.

Давно, много лѣтъ назадъ судьба связала его съ царевной. Не страстное и неодолимое чувство увлекало его тогда—нѣтъ, скорѣе тщеславіе, гордость, самодовольствіе обладать сердцемъ молодой дѣвушки, если и не особенно красивой, то высоко стоящей положеніемъ, умомъ и образованіемъ. Но годы шли и привязанность князя крѣпла. Умъ царевны съумѣлъ закрѣпить за собой вліяніе; постепенно и совершенно незамѣтно для самаго князя она дѣлалась для него все болѣе и болѣе необходимѣе и дороже.

До какой степени укоренилась привязанность въ его сердцѣ — въ первый разъ высказалось князю во время перваго Крымскаго похода, но еще болѣе и еще больнѣе во время втораго.

Огорченный неудачнымъ ходомъ военныхъ операцій, общей разладицей, подозрительнымъ отношеніемъ союзника гетмана, онъ искалъ отрады въ письмахъ царевны, выдвинутаго и облагодѣтельствованнаго имъ Шакловитаго и другихъ доброжелателей. И тутъ у него въ первый разъ шевельнулось сомнѣніе; какимъ рѣзкимъ холодомъ сказалась фальшь въ ласковыхъ рѣчахъ царевны. Почему и отчего? онъ и самъ не понималъ. Было

ли это отъ необъяснимаго провидѣнія чувства, или отъ темныхъ намековъ благопріятелей. Ему такъ неудержимо захотѣлось бросить все и скакать туда къ ней... опасность потерять которую обратила повидимому спокойную привязанность въ страсть.

Но бросить было нельзя. Не было лица, которому можно было бы сдать такое важное порученіе; громадное, неустроенное сбродное войско, при возникшахъ козняхъ и раздорахъ начальниковъ, могло погибнуть и возложить на него отвѣтственность за сотни тысячъ душъ. Предстояло одно средство: кончить войну во что бы то ни стало, хоть и не съ выгодой, хоть по крайней мѣрѣ безъ большаго позора. И вотъ князь ухватился за первый попавшійся случай и завязалъ переговоры о мирѣ. Долго, безконечно—долго тянулись эти переговоры; но онъ упорно держался за нихъ, какъ будто то было единственный исходъ. Онъ понималъ, что такая ничѣмъ необъяснимая жажда мира могла объясняться оскорбительно для него самого, его трусостью, неспособностью и наконецъ подкупомъ. Ему все равно, лишь бы скорѣе.

Наконецъ миръ заключенъ, и князь поскакалъ въ Москву, а по пріѣздѣ туда—къ царевнѣ.

Разстроеннымъ и потеряннымъ шелъ князь Василій по улицамъ Московскимъ отъ Софьи Алексѣевны. Ни одной опредѣленной мысли въ головѣ, только чувство боли, будто оборвалось что-то и порвалось такое, отчего и жить казалось лишнимъ, и цѣли никакой не оставалось.

Послѣ долгаго физическаго утомленія мысль стала высвобождаться отъ подавляющаго гнета и складываться вопросомъ о будущемъ. Казалось бы ничего особеннаго не случилось, никакого еффектнаго обстоятельства, одинъ обыкновенный разговоръ, а между тѣмъ этотъ ничего незначущій разговоръ измѣнилъ все существо человѣка, лишилъ будущности, отнялъ у жизни всякое значеніе. Этотъ разговоръ ясно показалъ князю, что онъ сталъ лишнимъ для любимой женщины, что другой всталъ въ

ея сердцѣ на его мѣстѣ. И кто же этотъ другой? Ничтожный, имъ же выведенный худородный подъячій, безъ способностей, безъ образованія. Жолчь кипѣла, душила, останавливала дыханіе. Скорѣе отшатнуться; бросить ту, около которой для него ужъ нѣтъ мѣста, но куда идти? къ ея врагамъ? Нѣтъ—это дорога перемѣтчиковъ, а не князей Голицыныхъ.

Остается одинъ исходъ—отрѣшиться отъ всякой дѣятельности.....

(*Продолженіе въ слѣдующемъ №*)

ВОСПОМИНАНІЯ

изъ Кавказской военной жизни.

Разсказъ I-й.

Производство мое въ офицеры. — Мои при этомъ думы и надежды. — Пріѣздъ въ Штабъ полка, и встрѣченныя препятствія. — Пріисканіе квартиры, и прогулка на р. Терекъ. — Нѣсколько словъ о кордонной службѣ. — Устройство на новой квартирѣ. — Заповѣдь генерала Алексѣя Петровича Ермолова. — Покупка мною лошади. — Поѣздка въ лѣсъ, на рубку торкаловъ, и охота за кабаномъ. — Описаніе нѣкоторыхъ обычаевъ и занятій казаковъ. — Масляница, игра изъ-за поцалуя. — Великій постъ, его мѣстныя требованія. — Бывшія первыя при мнѣ тревоги.

Въ 1840 году я былъ выпущенъ, по экзамену, изъ Кадетскаго Корпуса съ произведствомъ въ корнеты и по собственному желанію назначенъ въ Казачій полкъ, расположенный на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Совершившаяся въ этомъ году, хотя и прискорбная по своимъ послѣдствіямъ, экспедиція къ аулу Дарго *), чтеніе въ Петергофскомъ лагерѣ о ней реляцій съ исчисленіемъ подвиговъ, извѣстныхъ въ то время героевъ (въ особенности подвиговъ гене-

*) Въ этой экспедиціи мы потеряли убитыми генераловъ: Пассека, Фока, Бибикова, Бенкендорфа и другихъ, много полезныхъ служакъ Кавказа.

ралъ-маіора Пассека, имя котораго произносилось съ общимъ восторгомъ между всѣми нашими товарищами), производили въ душѣ моей особенное радостное настроеніе, и хотя мнѣ въ то время не было еще и 18 лѣтъ. но я былъ весьма доволенъ своимъ назначеніемъ на службу на Кавказъ, а тѣмъ болѣе въ Кавказское линейное Казачье войско. Конечно, какъ молодой юноша, я не былъ въ то время знакомъ, ни съ обстановкой боевой жизни, ни съ житейскими, ежедневными потребностями. Моей молодой фантазіи представлялось, что жизнь моя, на новомъ поприщѣ службы, конечно, съ небольшими измѣненіями, пойдетъ такимъ же порядкомъ, какъ шла и въ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ я ни о чемъ ровно не заботился. Я полагалъ, что и въ настоящей моей службѣ потребуется отъ меня только личная храбрость, мужество и святое исполненіе приказаній начальства: остальное все я предоставлялъ въ умѣ своемъ заботамъ своего ближайшаго начальства, которое, я полагалъ, обязано дать должныя наставленія молодому офицеру.

Болѣе шести лѣтъ совершенно замкнутой жизни, конечно, лишали каждаго изъ насъ, (вновь выпущеннаго изъ Корпуса офицера), всякой возможности имѣть понятіе о ежедневныхъ потребностяхъ жизни человѣка, и, конечно, сопряженныхъ съ нею законахъ экономіи.—Я надѣялся встрѣтить въ своемъ ближайшемъ начальникѣ (т. е. полковомъ командирѣ) такую же заботливость и участіе о положеніи своихъ подчиненныхъ, какая была со стороны нашихъ воспитателей.

Не могу безъ удовольствія вспомнить о томъ, что цѣль воспитанія нашего, преимущественно, клонилась къ развитію въ насъ истиннаго патріотизма, любви къ родинѣ и ея славѣ.

Совершенно понятно, что воодушевленная подобными правилами, большая часть воспитанниковъ просилась на службу на Кавказъ, гдѣ скорѣе всего предстояла возможность воспользоваться примѣненіемъ къ дѣлу нашихъ вѣрованій и убѣжденій.

Блестящій мундиръ, и приспособленное къ нему вооруженіе, вполнѣ удовлетворяли молодое самолюбіе. Когда я надѣлъ свой парадный костюмъ, то мнѣ казалось, будто весь свѣтъ, все окружающее меня, должны обращать все свое вниманіе и сочувствіе ко мнѣ, молодому юношѣ. Сознаюсь, что я не чувствовалъ, какъ говорится, ногъ подъ собою, когда въ первый разъ, въ полной парадной формѣ, шелъ по Невскому проспекту. Я полагалъ, что всѣ проходившіе мимо меня, и даже проѣзжавшіе въ экипажахъ, интересовались моей личностью. Я жилъ въ тѣ минуты въ какомъ-то особенномъ мірѣ, полномъ самыхъ сладкихъ надеждъ и весьма далекихъ отъ той горькой дѣйствительности, съ которою пришлось встрѣтиться впослѣдствіи. Отецъ мой, умершій за годъ до моего производства въ офицеры, имѣлъ въ Петербургѣ только одного родственника — зятя (занимавшаго довольно значительную государственную должность). Къ нему-то первому я и отправился, въ полной увѣренности, что встрѣчу съ его стороны восторгъ и полное сочувствіе. Но увидѣвшись съ нимъ, я замѣтилъ съ его стороны явное ко мнѣ соболѣзнованіе. Онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на меня, и тотчасъ же сказалъ, что я сдѣлалъ самый опрометчивый шагъ въ своей жизни, поступивъ на службу въ Казачій полкъ, гдѣ я долженъ, по его мнѣнію, потерять всю свою карьеру. По молодости, я не могъ понять въ то время: въ чемъ именно заключается смыслъ его такого печальнаго мнѣ предсказанія; я думалъ, что при честности правилъ жизни, при прямотѣ характера и строгомъ исполненіи служебныхъ обязанностей, отъ меня болѣе ничего не потребуется. Я совершенно не былъ знакомъ съ интригами и завистью, которыя играютъ первенствующую роль въ каждомъ какомъ бы то ни было обществѣ. Я былъ простъ и довѣрчивъ. Я полагалъ, что и въ дѣйствительной жизни все дѣлается такъ, какъ дѣлалось у насъ, въ Корпусѣ, гдѣ малѣйшая ложь считалась безчестіемъ и возбуждала въ общей средѣ полное презрѣніе и негодованіе. Но болѣе всего у насъ преслѣдовались

наговоры другъ на друга; такихъ товарищей избѣгали и они, можно сказать, пользовались постояннымъ отъ всѣхъ и во всемъ отчужденіемъ. Съ такими воззрѣніями, и безъ всякаго понятія о горькой дѣйствительности предстоявшей мнѣ жизни, я надѣялся въ будущемъ самыхъ блестящихъ для себя результатовъ, и только чрезъ нѣсколько лѣтъ пришелъ къ совершенному разочарованію.

Не буду описывать подробности своей поѣздки, такъ какъ описаній путей и поѣздокъ на Кавказъ слишкомъ много, и я опасаюсь наскучить повтореніемъ одного и того же. Предметы, встрѣчаемые на пути по кавказской дорогѣ, до того общеизвѣстны и однообразны, что описаніе ихъ можетъ даже дать подозрѣніе на заимствованіе изъ чужихъ сочиненій; а потому я просто скажу, что такъ или иначе, съ приключеніями или безъ приключеній, но въ концѣ января мѣсяца 184 * года я пріѣхалъ въ ст. Червленную, штабъ *** казачьяго полка. Конечно, прежде всего я подъѣхалъ къ станичному правленію, изъ котораго тотчасъ выслали десятскаго (казака-малолѣтка), отвести мнѣ квартиру по неимѣнію въ станицѣ для жилья ни гостинницы, ни постоялаго двора для пріѣзжающихъ.

Станица весьма обширна, въ длину около двухъ верстъ, и въ ширину тоже около версты. Она расположена въ видѣ прямаго четыреугольника и обнесена кругомъ сплошнымъ плетневымъ витымъ заборомъ, наверху котораго натыканъ, въ огромномъ количествѣ, колючій тернъ, а передъ плетнемъ вырыта кругомъ глубокая канава. Со всѣхъ четырехъ сторонъ сдѣланы въѣздныя досчатыя ворота, у которыхъ въ то время тоже находились въ постоянномъ караулѣ по три казака-малолѣтка. Станица расположена на р. Терекѣ, который отстоитъ отъ нея на разстояніи тоже версты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и болѣе. Она расположена правильными прямыми и широкими улицами, съ такими же переулками. Постройка домовъ отличалась приличнымъ видомъ, чистотою, опрятностью, и производила на взглядъ самое пріятное впечатлѣніе. Промежутокъ пространства между ста-

ницей и рѣкою занять плодоносными виноградными садами, которые, искони-вѣковъ раздѣлены между казаками и переходятъ во владѣніе не иначе, какъ по правамъ наслѣдства.

Получивъ въ провожатые десятскаго, который сѣлъ тотчасъ рядомъ съ ямщикомъ, я поѣхалъ, при звонѣ колокольчика, по прямымъ улицамъ. Проѣхавъ по большой улицѣ, мы выѣхали на довольно просторную площадь, гдѣ, въ одной сторонѣ, виднѣлся большой деревянный двухъэтажный домъ съ балкономъ. Я спросилъ десятскаго, чей это домъ? Полковаго командира, отвѣтилъ онъ. Наискосокъ отъ этого дома виднѣлась полковая гауптвахта. Объ этомъ можно было догадаться, увидѣвъ ходившаго впереди часоваго казака съ обнаженною шашкою. Съ боку гауптвахты помѣщалось полковое правленіе, изъ котораго шли распоряженія, собственно по гражданскому быту казаковъ. Въ этомъ правленіи, кромѣ предсѣдателя (въ лицѣ полковаго командира), были еще засѣдатели, назначаемые изъ мѣстныхъ казачьихъ офицеровъ и урядниковъ, которые и заправляли всѣми дѣлами. Во все время службы моей въ томъ полку, я не видѣлъ ни одного разу, чтобы полковой командиръ зашелъ въ правленіе, хотя тамъ было для него приготовлено предсѣдательское кресло. На столѣ въ правленіи стояло зерцало, покрытое синимъ чехломъ. На площади тоже виднѣлось нѣсколько деревянныхъ лавокъ, въ дверяхъ которыхъ видны были армянскія фигуры въ обшитыхъ серебряными галунами черкескахъ, при шелковыхъ бешметахъ, съ серебрянымъ подъ чернью кинжаломъ, висящимъ на кожанномъ черномъ поясѣ, съ такими же серебряными пуговицами.

Проѣхавъ площадь, ямщикъ повернулъ направо въ переулокъ, и мы скоро подъѣхали къ очень чистенькому, деревянному домику. Остановившись около него у воротъ, десятскій соскочилъ съ повозки и побѣжалъ къ окну дома. Стукнувъ три раза въ окно рукою, онъ громко прокричалъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.

Аминь! отозвался голосъ въ домѣ. Спустя немного времени поднялось окошко, и изъ него показалась любопытная женская головка, о чемъ-то шопотомъ спросившая моего десятскаго. Окно затворилось, десятскій подошелъ къ воротамъ, и вскорѣ послышался звукъ отъ снимаемаго съ воротъ затвора, а наконецъ отворились и самыя ворота.

Въѣхавъ въ опрятный чистый дворъ, повозка остановилась у крыльца, деревянный помостъ котораго, какъ видно, былъ недавно только тщательно вымытъ. Я всталъ и вошелъ на крыльцо, а ямщикъ съ должною ревностью сталъ поспѣшно складывать на крыльцѣ мой багажъ. Кто отворилъ намъ ворота—неизвѣстно; нигдѣ никого было не видно, а двери на крыльцѣ въ домъ были наглухо заперты. Я попробовалъ постучать, но отвѣта не было. Десятскій тоже ушелъ.

Мое положеніе дѣлалось страннымъ; я сталъ теряться въ догадкахъ—что мнѣ дѣлать; но на выручку явился ямщикъ, привезшій меня, и обратившійся ко мнѣ за непремѣннымъ и законнымъ полученіемъ на водку. Видя меня напрасно стучавшаго въ дверь, онъ безцеремонно обратился ко мнѣ съ словами: Ты, ваше благородіе, ничего такъ съ ними не подѣлаешь. Это все народъ не нашъ православный, а *сталовѣры*; безъ молитвы, они тебя не впустятъ, хоть стучи до вечера. А ты вотъ постучи три раза, и потомъ проговори скоренько: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ, тогда они тебѣ и отворятъ. Нечего дѣлать, думаю себѣ, что городъ—то норовъ, что народъ—то обычай; вѣрно съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не попадешь. Постучавъ три раза, я скороговоркой произнесъ молитву, и тотчасъ-же услышалъ «Аминь».

Не больше, какъ черезъ минуту были отворены двери, и я мелькомъ увидѣлъ женщину, уходившую въ смежную съ сѣнцами комнату. Я вошелъ въ сѣнцы, они поразили мой взглядъ чистотой и порядкомъ. Вся стѣна противъ двери была симметрически и даже роскошно убрана по-

душками, перинами, одѣялами, коврами и другими необходимыми хозяйственными, а также и военными принадлежностями, которые были сложены въ систематическомъ порядкѣ. Два окна, бывшія въ сѣнцахъ, были заперты наглухо ставнями такъ, что если бы вновь затворить двери на дворъ, то было бы совершенно темно. Я попросилъ ямщика перенести въ сѣнцы принадлежавшія мнѣ вещи, которыя и были положены къ пустопорожней стѣнѣ.

По отъѣздѣ ямщика, я самъ притворилъ за нимъ ворота и остался совершенно одинъ. Можно представить положеніе человѣка, которому указана законная квартира, но въ ней нѣтъ ни кровати, ни стола, только одна скамейка (прибитая къ стѣнѣ доска) для сидѣнья, и кромѣ того нѣтъ ни одного живаго существа, у котораго бы можно было что-нибудь спросить. Сколько требовалось терпѣнья переносить подобное испытаніе, особенно при энергіи и пылкости 18-ти-лѣтняго юноши. Я сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, надѣясь звукомъ шаговъ обратить на себя должное вниманіе хозяевъ, но и этотъ маневръ не удался; таже мертвая тишина.

Наконецъ я потерялъ терпѣнье и рѣшился потихоньку отворить двери въ комнату, подъ предлогомъ попросить воды. Я отворилъ тихо дверь, и глазамъ моимъ представилась огромная чистая комната, съ русскою печью, находившеюся вблизи самыхъ дверей, отъ которой вѣяло ощутительною теплотою. Деревянныя стѣны этой комнаты были тщательно вымыты и лоснились. Въ переднемъ углу стоялъ столъ, покрытый бѣлоснѣжной скатертью. Надъ столомъ, на стѣнѣ, было развѣшано множество образовъ, и всѣ до одного старинной живописи. Кромѣ того было навѣшано множество образовъ съ отлитыми на нихъ изображеніями разныхъ святыхъ; нѣкоторые изъ нихъ были даже складные. По обоимъ сторонамъ передняго угла комнаты были прибиты къ стѣнѣ (въ вышину отъ деревяннаго пола), не выше аршина, двѣ широкія деревянныя скамьи для сидѣнья; а на лѣвой сто-

ронѣ, отъ печки до стѣны, устроенъ былъ деревянный помостъ, вѣроятно, для ночнаго ложа. Въ комнатѣ было четыре окна: два изъ нихъ на улицу и два внутрь двора. У одного изъ оконъ сидѣла закутанная съ головы до ногъ женщина, занятая какимъ-то шитьемъ. Она не обратила на меня никакого вниманія и молча продолжала работать. Я обратился къ ней съ словами: «хозяюшка! будьте добры, нельзя ли у васъ достать напиться водицы?»

Моя непривѣтливая хозяйка, на вопросъ мой, не соблаговолила даже повернуть головы и отвѣчала: воды захотѣлъ? Возьми, вонъ подъ лавкой стоитъ особая глиняная кружка и особое ведро. Въ немъ есть, кажись, вода и напейся. Вѣдь руки-то у тебя еще чай не отсохли.

Подобный привѣтъ не обѣщалъ въ будущемъ ничего утѣшительнаго. Но дѣлать было нечего. Я заглянулъ подъ скамью и увидѣлъ стоявшее подъ нею ведро, а подлѣ него кружку, взявъ которую, почерпнулъ воды и напился.

— Хозяюшка! снова я обратился къ ней; меня поставили къ вамъ на квартиру, гдѣ же мнѣ расположиться?

— Я тебѣ отворила сѣнцы; чего тебѣ еще нужно? отвѣтила она довольно сердито.

Волей-неволей пришлось мириться съ подобнымъ положеніемъ. Я возвратился въ сѣнцы и сталъ приводить въ порядокъ свои вещи. Время было уже къ вечеру и я, закусивъ немного изъ дорожной сумки, легъ спать на устроенной мною полу-постели.

Невыносимая тоска овладѣла мною; я живо почувствовалъ сиротство и одиночество, и слезы невольно навертывались на глазахъ моихъ. Въ Корпусѣ мы всѣ рвались на свободу; намъ было душно, нестерпимо въ томъ воздухѣ, и вотъ теперь я на полной свободѣ, а сердце мое щемитъ и ноетъ.

Наконецъ я забылся и заснулъ. Когда я проснулся, съ восходомъ солнца, то на дворѣ услышалъ шумъ человѣческой жизни. Я обрадовался, поспѣшно одѣлся и тотчасъ же вышелъ на крыльцо. На дворѣ я увидѣлъ

казака, сѣдлавшаго лошадь, и женщину, доившую привязанную у плетня корову. Женщина была, по обыкновенію, закутана; только для глазъ было оставлено небольшое открытое пространство. Сверхъ рубашки на ней былъ надѣтъ пестрый ситцевый бешметъ, который граціозно обрисовывалъ ея тонкую талью, на ногахъ надѣты сафьяновыя красныя чивяки, это въ родѣ башмаковъ. Казакъ же былъ одѣтъ въ черкеску бѣлаго цвѣта, блиставшую спереди хозырями (т. е. патронами), покрытыми серебряными, подъ чернью, гайками. Надѣтые на немъ кинжалъ, шашка и пистолетъ за поясомъ, имѣли на себѣ точно такія же серебряныя украшенія. На ногахъ надѣты разукрашенныя наголицы, обшитыя серебрянымъ галуномъ и также сафьянныя чивяки. Все это было въ обтяжку, такъ что въ общемъ обрисовывало чрезвычайно изящную фигуру. Увидѣвъ меня, онъ равнодушно взглянулъ и потомъ, казалось, сосредоточилъ все свое вниманіе на уборкѣ своей лошади. Досадно мнѣ было встрѣтить къ себѣ подобное равнодушіе; мнѣ казалось страннымъ: какъ осмѣливается даже простой казакъ не оказывать должнаго вниманія къ новому офицеру, пріѣхавшему къ нимъ на службу. Подобное пренебреженіе было крайне прискорбно для моего самолюбія, хотя я и утѣшалъ себя тѣмъ, что внѣ службы невозможно требовать къ себѣ особеннаго почтенія. Я спустился съ крыльца и подошелъ къ казаку съ вопросомъ:

— Вы хозяинъ этого дома?

— Я, отвѣчалъ онъ, продолжая убирать лошадь.

— Я просилъ бы васъ указать мнѣ: какъ бы удобнѣе устроиться у васъ на квартирѣ; я бы вамъ былъ за то весьма благодаренъ.

— Намъ изъ вашихъ благодарностей шубы не шить; мы въ нихъ не нуждаемся. Вамъ указана комната, и устраивайтесь въ ней, какъ знаете. Сказавъ это, онъ оставилъ меня и пошелъ въ плетеный сарай, гдѣ, вѣроятно, ставится на ночь его лошадь.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Со мной даже не хотѣли

разговаривать. Я возвратился обратно въ сѣнцы, вошелъ въ хозяйскую комнату, и, почерпнувъ кружкой воды, вышелъ на крыльцо, гдѣ самъ, безъ чужой помощи, коекакъ умылся. Потомъ одѣвшись въ полную парадную форму, вышелъ съ квартиры явиться къ полковому командиру.

Но прежде чѣмъ зайти къ нему, я вошелъ, на площади, въ армянскую лавочку и попросилъ хозяина: нельзя ли мнѣ достать у него стаканъ чая.

Всего стоитъ полмонета (пятьдесятъ копѣекъ); изволь, будешь кушать! отвѣчалъ хозяинъ лавки.

Я велѣлъ подать себѣ чаю и, въ ожиданіи, присѣлъ на стойкѣ (мѣсто, гдѣ отпускаются изъ лавки товары). Около получаса я ждалъ, и въ это время успѣлъ узнать отъ торгующаго армянина, что въ здѣшнемъ мѣстѣ званіе офицера ничего не значитъ. Что здѣсь казакъ, урядникъ и офицеръ—равны между собою. Что вся рѣшительно станица старообрядцы, люди съ достаткомъ, и ни въ чемъ не нуждаются; вообще пренебрегаютъ всѣми, кто только не принадлежитъ къ ихъ вѣрѣ. Напившись чаю, отправился въ домъ полковаго командира.

При входѣ я увидѣлъ сидѣвшаго въ прихожей казака, а подлѣ него низенькаго роста, при тучномъ объемѣ тѣла, сѣдаго съ лысиной армянина. Одѣтъ онъ былъ въ черкеску чернаго хорошаго сукна, обшитую широкимъ серебрянымъ галуномъ; кинжалъ, покрытый весь серебромъ подъ чернью, былъ вызолоченъ. Это былъ, какъ впослѣдствіи оказалось, камердинеръ полковаго командира и носилъ прозвище Бирона. Услышавъ такое громкое историческое имя, я недоумѣвалъ: какимъ образомъ, между казаками, придумано было дать такое прозвище служащему въ лакеяхъ армянину? Но такъ какъ всякая кличка дается вслѣдствіе какихъ-либо извѣстныхъ причинъ, то подобное названіе было дано ему, вѣроятно, не безъ основанія. Впослѣдствіи, когда и я называлъ его Бирономъ Семенычемъ, то онъ не только не обижался, но даже всегда самодовольно улыбался.

Биронъ, спросивъ чинъ и фамилію мою. пошелъ на-

право въ дверь съ докладомъ, и почти тотчасъ же отворилъ ее. Я вошелъ въ комнату, которая, какъ оказалось впослѣдствіи, была кабинетомъ полковаго командира. На мягкомъ диванѣ я увидѣлъ сидѣвшую, поджавъ ноги (поазіатски), небольшую фигуру. Передъ диваномъ стоялъ столъ. на столѣ самоваръ и передъ самою фигурою виdѣнъ былъ стоявшій налитымъ полный стаканъ чая. Фигура эта была одѣта въ красномъ шелковомъ бешметѣ, обшитомъ на воротникѣ и по краямъ распашки до пояса, блестящимъ серебрянымъ галуномъ. Никакихъ знаковъ отличія на немъ видно не было. Повидимому, онъ казался низенькаго роста, огромная лысина ясно говорила, что это человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ. Длинные усы, а при нихъ суровое выраженіе лица, произвели на меня съ перваго взгляда самое непріятное впечатлѣніе. Я поклонился ему и проговорилъ по формѣ: честь имѣю явиться и проч. Онъ съ насмѣшкой окинулъ меня ироническимъ взглядомъ и обратился съ вопросомъ:

— Для какой надобности васъ назначили ко мнѣ въ полкъ?

При такомъ вопросѣ я сконфузился, но смѣло отвѣтилъ: «для службы».

Онъ разсмѣялся и потомъ, продолжая сидѣть, сказалъ мнѣ: службы для васъ у меня еще не приготовлено. Я подумаю, какъ это устроить, а теперь, можете себѣ отправляться.

Я рѣшился спросить: позвольте узнать, г. маіоръ, когда прикажете мнѣ явиться къ вамъ?

Онъ нахмурился и отвѣчалъ: я вамъ сказалъ, что подумаю. Странные эти господа тамъ живутъ въ Петербургѣ; присылаютъ сюда мальчиковъ, а ты изволь придумывать для нихъ службу. Потомъ, обратившись ко мнѣ съ серьезнымъ видомъ, почти повелительнымъ голосомъ сказалъ: можете идти.

Я былъ въ какомъ-то хаосѣ и не понималъ, что вокругъ меня происходитъ. Вчерашняя сцена на квартирѣ, сегодня на пріемѣ у полковаго командира, совер-

шенно сбивали меня съ толку; нигдѣ не хотятъ со мной говорить, ничего не желаютъ объяснить молодому человѣку, выпущенному на свѣтъ послѣ шестилѣтней замкнутой жизни. И неужели это люди, которымъ, по закону, ввѣряется судьба многихъ подчиненныхъ. Никакого участія, ни вниманія къ судьбѣ молодаго юноши, который по совершенному невѣдѣнію, имѣя самыя честныя стремленія, искалъ добросовѣстной службы и труда, и съ перваго шагу ему въ томъ отказываютъ. Понуривъ голову, съ разбитымъ сердцемъ, я возвратился на квартиру, переодѣлся и тотчасъ же вышелъ, вновь почувствовавъ жгучую, невыносимую тоску.

Мнѣ пришла мысль бѣжать изъ такого негостепріимнаго пріюта; но куда? по какому праву? я самъ не могъ дать себѣ въ томъ отвѣта.

Я повернулъ изъ квартиры направо и, увидѣвъ на разстояніи не болѣе полуверсты плетневую огорожу, пошелъ прямо къ ней, а потомъ, повернувъ налѣво, увидѣлъ растворенныя ворота, и возлѣ нихъ казака-часоваго. Я подошелъ къ воротамъ и спросилъ часоваго: куда ведетъ эта дорога?

— Къ винограднымъ садамъ и на рѣку, отвѣтилъ онъ мнѣ.

Я пошелъ черезъ ворота, но онъ предупредилъ меня: --Ваше благородіе, безъ оружія ходить туда не слѣдуетъ; чеченцы пошаливаютъ, въ плѣнъ забираютъ. Я указалъ ему на висѣвшій у меня на поясѣ кинжалъ. Мнѣ есть чѣмъ защититься.

— Кинжалъ ровно ничего не значитъ; у насъ безъ винтовки и мамуки *) туда не ходятъ. Я ничего ему не отвѣтилъ и быстро вышелъ за ворота. Передъ глазами моими открылась зеленая поляна, шириною болѣе двухсотъ шаговъ, а позади ея сплошной черный лѣсъ. Я

*) Мамуками тамъ называются женщины-казачки.

шелъ по утоптанной проѣзжей дорогѣ, которая вела прямо въ лѣсъ.

Погода стояла чрезвычайно теплая, хотя это было въ концѣ января мѣсяца. Солнце своими лучами значительно нагрѣвало воздухъ. Я вошелъ въ лѣсъ, и какое-то незнакомое чувство стало тревожить меня. Я вспомнилъ слова часоваго-казака о «чеченцахъ», и невольно призадумался.

Если, и въ самомъ дѣлѣ, я наткнусь на нихъ? Пока я что-нибудь сдѣлаю кинжаломъ, меня подстрѣлятъ какъ птичку, и я не въ состояніи буду защитить себя. Я досадывалъ на себя, почему не взялъ съ собою форменный пистолетъ, но онъ, все равно, служилъ бы для меня лишнею тягостью, потому что не былъ заряженъ, да я еще не зналъ, гдѣ достать и пороху! Вернуться, подумалъ, назадъ; но что скажетъ обо мнѣ часовой, «э, братъ, струсилъ вѣрно?» Положеніе мое становилось щекотливымъ, и я, войдя въ лѣсъ, пошелъ гораздо медленнѣе и зорко вглядывался въ окружавшіе меня предметы. Малѣйшій шорохъ, перелетъ птицы, и я невольно вздрагивалъ, останавливался и прислушивался; но, несмотря на овладѣвавшую мною постепенно робость, я двигался впередъ. Перейдя небольшое пространство, я вступилъ въ виноградные сады. Глазамъ моимъ представились чисто черныя поляны и раскиданныя по нимъ изрѣдка фруктовыя деревья. Виноградныхъ лозъ въ то время еще было не видно, по той причинѣ, что они на зиму бываютъ зарыты въ землю, и выкапываются изъ нея не раньше первыхъ чиселъ марта мѣсяца.

Иду себѣ этими садами и думаю: что долженъ буду дѣлать въ случаѣ нападенія? Вдругъ раздался звукъ и хлопанье; я вздрогнулъ, испугался не на шутку и схватился невольно за рукоятку кинжала. Но тревога была совершенно напрасна; я увидѣлъ подымавшагося медленно къ верху и бившаго крыльями золотистаго пѣтуха (впослѣдствіи я узналъ, что это былъ фазанъ).

Мнѣ досадно было на самого себя за свою трусость

и малодушіе; я пошелъ по дорогѣ быстрѣе. Наконецъ я вышелъ на песчаный берегъ, и передо мной открылась величественная картина. Съ изумительною быстротою катился Терекъ; въ этомъ мѣстѣ рѣка эта имѣла ширины до ста саженъ. Мутная, темно-синяго отлива, вода своимъ теченіемъ производила издали слышимый шумъ. Противоположный берегъ рѣки прямо былъ совершенно чистъ; на немъ не видно было никакой растительности, а налѣво раскидывался чеченскій аулъ (мирный, какъ потомъ я узналъ). Тотъ берегъ былъ значительно возвышеннѣе и отличался крутизною спуска, между тѣмъ какъ берегъ, на которомъ находился я, былъ покрытъ наносами песку и совершенно плоскъ. Далѣе, за берегомъ рѣки, виднѣлись горныя возвышенности, вершины которыхъ были покрыты лѣсами снѣговыхъ горъ, по бокамъ которыхъ виднѣлась бѣлая пѣна. Ни одной птицы на всемъ протяженіи рѣки.

Походивъ немного по берегу, я вернулся назадъ и замѣтно повеселѣлъ. Я думалъ, съ какимъ уваженіемъ долженъ посмотрѣть на меня часовой, сдѣлавшій мнѣ предостереженіе объ опасности моей прогулки.

Опасность дѣйствительно была. Спустя нѣсколько дней на этой самой дорогѣ были взяты въ саду въ плѣнъ двѣ женщины-казачки и уведены въ горы.

Физическая потребность человѣка быстро возвращаетъ его изъ объятій сладкой фантазіи къ горькой дѣйствительности: такъ было и со мной. Возвратившись на квартиру, я почувствовалъ сильный голодъ; но вотъ бѣда—съѣстнаго ничего не было: запасы всѣ вышли еще вчера. Пришлось опять идти въ лавочку къ армянину, напоившему меня чаемъ. Хотя я немного усталъ отъ прогулки къ Тереку, но чувство голода заставило отбросить лѣнь и отправиться.

Когда я пришелъ въ лавку, хозяинъ ея—армянинъ, сидѣлъ на табуреткѣ, поджавши ноги и держа въ зубахъ трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, изъ которой съ важностью выпускалъ струи табачнаго дыма. На привѣтствіе мое, онъ отвѣчалъ едва замѣтнымъ кивкомъ.

Я обратился къ нему съ просьбою указать мнѣ мѣсто гдѣ-бы я могъ поѣсть чего-нибудь горячаго.

Монетъ *) есть—кушать есть; монетъ нѣтъ—кушать нѣтъ, отвѣтилъ армянинъ.

Я попросилъ его меня накормить, и обѣщался заплатить.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери и, сказавъ что-то по армянски, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ: садысь! Я сѣлъ опять на прилавокъ. Тогда онъ снова обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты зачѣмъ пришелъ сюда, въ станицу?

— Присланъ на службу изъ Петербурга.

— Зачѣмъ?

— Служить.

— Кто тебя посылалъ?

— Начальство.

— А зачѣмъ?

— Повторяю, чтобы служить.

— Не карошъ твоя будетъ, не карошъ. Такой дитя, посылаитъ Капкасъ; это больно не карошъ.

Воспользоваться открывшеюся словоохотливостью армянина было моею завѣтною мыслью. Я попросилъ его направить меня, какъ-бы лучше устроиться для жительства въ станицѣ, впредь до пріисканія мною другихъ мѣръ къ улучшенію своего настоящаго положенія. Лавочникъ посмотрѣлъ на меня съ чувствомъ сожалѣнія и объяснилъ, что въ станицѣ живутъ вдовы-казачки, которыя, за деньги, принимаютъ къ себѣ и постороннихъ жильцовъ, что для меня будетъ гораздо удобнѣе помѣститься у нихъ на квартирѣ, чѣмъ жить на отведенной для постоя. При этомъ онъ сказалъ имена этихъ вдовъ, и въ какой части станицы я могу отыскать ихъ.

По прошествіи нѣсколько времени отворилась дверь и довольно красивая армянка вошла въ лавку, съ глубокою тарелкою въ одной рукѣ, съ кускомъ хлѣба и серебряною ложкою въ другой. Поставивъ на прилавокъ тарелку и положивъ подлѣ нея хлѣбъ и ложку, она тотчасъ же скрылась.

*) Монетъ значитъ рубль.

Хотя первый разъ въ жизни мнѣ пришлось обѣдать такимъ образомъ, но я покорился этому и принялся кушать. Кушанье, поданное мнѣ, состояло изъ чечевичной похлебки, въ излишествѣ приправленной стручковымъ перцемъ. Ротъ мой жгло невыносимымъ образомъ, слезы невольно навертывались на глазахъ; но чувство голода вынуждало ѣсть и это отвратительное кушанье, послѣ котораго мнѣ подали кусокъ вынутой изъ похлебки вареной баранины, а къ ней огурецъ, пропитанный тоже перцемъ. Удовлетворивъ томившему меня голоду, я попросилъ воды; но армянинъ предложилъ мнѣ выпить чихиря (это мѣстное виноградное вино). Я сначала было отказался; но хозяинъ объявилъ, что вино «оченно карошъ». Страшное жженіе во рту и горлѣ отъ дѣйствія стручковаго перцу вынудило меня согласиться на его предложеніе. Мнѣ принесли цѣлый жестяной ковшъ, и хозяинъ объявилъ, что это стоитъ только одинъ шахръ (5 коп. сер.). Несмотря на то, что я былъ совершенно непривыченъ къ питью вина, я выпилъ залпомъ дочиста весь этотъ ковшъ, который вмѣщалъ въ себѣ не менѣе двухъ бутылокъ.

Когда я спросилъ хозяина, что слѣдуетъ ему за кушанье, онъ, безъ церемоніи, отвѣтилъ, только два абаза (40 коп. сер.). Я вынулъ изъ кошелька 45 коп. и вручивъ ихъ ему, простился съ нимъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что приглашалъ меня заходить къ нему и на слѣдующее время. Выйдя изъ лавки, я тотчасъ отправился отыскивать вдовъ-казачекъ, у которыхъ надѣялся найти себѣ пріютъ; но такъ какъ живущій въ станицѣ народъ совершенно неразговорчивъ, то порѣшилъ прежде всего зайти въ станичное правленіе попросить въ немъ десятскаго для указанія пути. Въ станичномъ правленіи я засталъ дежурнаго урядника, который тотчасъ исполнилъ мою просьбу. Заручившись десятскимъ, я отправился сначала къ извѣстнѣйшей въ то время знаменитости станицы — Дунькѣ Догадихѣ: это была довольно замѣчательная въ то время женщина, хотя ей было уже за тридцать лѣтъ. Она была высокаго роста, бюстъ ея бросался въ глаза

всякому. При рѣдкой стройности стана, необыкновенной бѣлизнѣ цвѣта кожи, голубыхъ на выкатѣ глазахъ, при черныхъ, какъ смоль, волосахъ, эффектъ былъ поразительный. Мнѣ первый разъ въ жизни пришлось увидать такую женщину. Войдя къ ней, я казался встревоженнымъ и изумленнымъ; я никогда не предполагалъ, что могу встрѣтить между простыми казачками типы такой изящной красоты. Впослѣдствіи, когда я болѣе ознакомился съ обществомъ я встрѣчалъ казачекъ еще красивѣе ея; но подобнаго впечатлѣнія уже не испытывалъ.

Догадиха, спустя года два послѣ моей съ нею встрѣчи, вышла замужъ за доктора, и сдѣлалась настоящей свѣтской дамой.

Я обратился къ Догадихѣ съ просьбою: не можетъ ли она принять меня къ себѣ на квартиру? но такъ какъ назначенная ею за квартиру цѣна превышала находившіяся въ моемъ распоряженіи средства, то я долженъ былъ оставить ее и пуститься съ десятскимъ на дальнѣйшіе поиски. Послѣ довольно долгихъ и утомительныхъ переходовъ по станицѣ, я наконецъ отыскалъ для себя довольно сносную квартиру у вдовы Акулины Зиминой, которую хотя нельзя было назвать красавицей, но для меня это было безразлично; я былъ радъ, что успѣлъ устроить себя. Новая хозяйка моя оказалась разговорчивѣе и внимательнѣе ко мнѣ противъ другихъ, съ которыми мнѣ приводилось торговаться.

На другой день я рѣшилъ переѣхать къ Зиминой; но опять встрѣтилась бѣда: въ цѣлой станицѣ невозможно было найти телѣги или повозки для перевозки моего багажа. Снова обратился къ содѣйствію десятскаго и, за приличное вознагражденіе, на другой день уже помѣстился на новомъ мѣстѣ жительства. Устроившись съ своими вещами, я побѣжалъ въ лавку къ знакомому мнѣ армянину и купилъ у него маленькій складной самоварчикъ. Чай и сахаръ у меня еще оставались въ экономіи отъ дорожнаго пути. Сердце мое стало спокойнѣе. Хозяйка всегда охотно отвѣчала на мои вопросы. Кушанье

хотя она приготовляла для меня самое обыкновенное; но оно стоило наполовину дешевле чечевичной похлебки съ стручковымъ перцемъ, а чихирь (вино) покупала ведрами отъ 15 до 20 коп. за ведро; жизнь моя потекла обыкновеннымъ порядкомъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что вся казачья служба, преимущественно, сосредоточена на кордонахъ или постахъ, расположенныхъ преимущественно у бродовъ черезъ рѣку Терекъ. На нѣкоторые кордоны назначаются въ караулъ офицеры, а на другіе большею частью урядники. Назначеніе на подобный караулъ сопряжено было (какъ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ впослѣдствіи) съ небольшими матеріальными выгодами, которыя состояли въ слѣдующемъ, напримѣръ: на кордонѣ полагалось въ караулѣ 25 казаковъ; но ихъ находилось налицо едва ли половина, а недостающее количество отпускалось на домашнія работы, конечно недаромъ.

Казакъ былъ всегда готовъ заплатить за то, что бы ему дали возможность уѣхать домой по той простой причинѣ, что ему трудно было пріискать работника, необходимаго при осѣдломъ хозяйствѣ. Кромѣ дома въ станицѣ, каждый казакъ имѣлъ еще другой поселокъ на хуторахъ. Хутора эти отстояли отъ станицы на разстояніи 25—30 верстъ отъ рѣки Терека, и были менѣе опасны отъ внезапныхъ нападеній чеченцовъ, которые рѣдко рисковали дѣлать набѣги внутрь страны. Впрочемъ не отвергаю, что нѣсколько разъ, во время моей службы, случались и на хутора нечаянныя нападенія, при которыхъ были убитые и взятые даже въ плѣнъ. У казаковъ побогаче бывали работники; но они нанимались преимущественно изъ кочующихъ въ степяхъ вблизи хуторовъ— калмыковъ или нагайцевъ; русскіе же крестьяне въ то время въ станицахъ считались за большую рѣдкость и нанять ихъ въ услуженіе, по дороговизнѣ просимой ими цѣны, не было никакой возможности. Такимъ образомъ осѣдлое хозяйство казака раздѣлено было на двѣ части: одна при станицѣ, гдѣ обыкновенно оставалась жена, на

которой, кромѣ присмотра въ домѣ, лежали хлопоты и работы въ виноградникѣ, который въ жизни казака составлялъ главную отрасль его дохода; другая часть хозяйства была на хуторахъ. Послѣднее состояло преимущественно въ скотоводствѣ, хлѣбопашествѣ, но было развито мало. Оно заключалось, по большей части, въ посѣвахъ проса и батмановъ *). Рѣдко кто изъ казаковъ занимался посѣвами другихъ хлѣбовъ.

При подобныхъ условіяхъ, весьма естественно, каждый казакъ-хозяинъ былъ готовъ уплатить за увольненіе отъ лежавшей на немъ обязанности службы. Входя въ положеніе начальствующихъ офицеровъ, получавшихъ въ мѣсяцъ только 6 р. 25 к., нельзя строго отнестись къ полученію подобнаго непозволительнаго дохода. Подобный доходъ служилъ единственнымъ средствомъ матеріальнаго существованія офицеровъ. Слава Богу, время подобныхъ поборовъ уже прошло; но я считалъ справедливымъ выставить это на видъ въ томъ смыслѣ, что служба офицеровъ на кордонахъ составляла, какъ-бы сказать, нѣкоторымъ родомъ—аренду, получить которую зависѣло болѣе, какъ я узналъ впослѣдствіи, отъ ходатайства о томъ у полковаго командира камердинера его—Бирона Семеновича, который, между всѣми казачьими офицерами, пользовался необыкновенною популярностью.

Офицеры, наряжаемые въ кораулъ на кардоны, иногда были не смѣняемы по году и болѣе, и они это несчитали тягостью. — Обязанность ихъ службы состояла въ томъ, чтобы на извѣстной ввѣренной имъ дистанціи слѣдить за переправой непріятельскихъ партій чрезъ р. Терекъ въ наши предѣлы, для чего офицеръ, или начальникъ кордона, обязанъ былъ содержать, на протяженіи рѣки, безпрестанные разъѣзды, и о замѣченной непріятельской переправѣ доносить особенными нарочно-посланными; при чемъ по всей кордонной линіи зажигались

*) Батманъ или бахча.

маяки (это на длинномъ деревянномъ шестѣ привязанные пуки соломы),—и тогда уже производилась общая тревога въ станицахъ, изъ которыхъ скакали на объявленное мѣсто всѣ казаки, имѣвшіе лошадей и способные владѣть оружіемъ, безъ всякаго строя, не ожидая ни какихъ особыхъ приказаній.

Если случалось, что тревога оказывалась въ близи станицы, то выходили или выбѣгали на тревогу и женщины, которыя надѣвали тоже на себя черкески, на голову папахи *), а черезъ плечо винтовку. Повѣрить настоящую численность караула на кордонахъ ни одному инспектору не было никакой возможности. На вопросъ: гдѣ же казаки? получался законный отвѣтъ: въ разъѣздахъ по кордонной линіи.

Да, впрочемъ, и инспекторовъ для подобной ревизіи никогда не назначалось, да и не было въ томъ надобности; развѣ подобные вопросы дѣлались при слѣдствіи, назначаемомъ начальствомъ иногда при сдѣланной явной оплошности, прорыва черезъ кордонную линію непріятельской партіи; но дѣла эти оставались большею частью безъ послѣдствій. Слѣдовательно, при подобной обстановкѣ, кордонная служба была для меня совершенно невозможна, такъ какъ я не былъ посвященъ въ тайны, сопряженныя съ источниками извлекаемыхъ изъ нея матеріальныхъ выгодъ.—Кромѣ меня, офицеровъ, получившихъ въ то время хотя не большое образованіе, въ полку не было. Всѣ офицеры были изъ казачьяго сословія, произведены большею частью за отличіе въ военныхъ дѣлахъ, не имѣли понятія ни о какихъ ученыхъ занятіяхъ; нѣкоторые даже не умѣли читать и писать, а другіе съ большимъ трудомъ, въ случаѣ надобности, подписывали свои: чинъ и фамиліи. — Мнѣ случалось самому, по просьбѣ такихъ офицеровъ, писать за нихъ рапорты и собственноручно расписываться.

*) Папаха—казачья шапка.

Офицеры полка были уже пожелыхъ лѣтъ, и въ свободное отъ службы время занимались своими хозяйственными дѣлами, на равнѣ съ простыми казаками.— Чинопочитанія, которое въ то время такъ строго спрашивалось у насъ въ кадетскихъ корпусахъ, между ними совершенно не было; мнѣ случалось видѣть, какъ иногда офицеръ былъ въ явной зависимости отъ подчиненнаго ему казака, который, даже на службѣ, не стѣснялся его заслуженнымъ званіемъ, и обращался съ нимъ за панибрата.—При такихъ обстоятельствахъ всякое требованіе дисциплины разрушило бы ту патріархальную связь, которая искони вѣковъ, какъ святыня, сохранялась въ ихъ кругу. Вслѣдсвіе подобнаго укоренившагося обычая казаки смотрѣли и на посторонняго офицера съ такимъ же равнодушіемъ и безцеремонностью.

Кстати приведу этому живой фактъ: мнѣ случилось одинъ разъ быть на тревогѣ. Я прискакалъ уже въ то время, когда шла огнестрѣльная перепалка. Казаки были разсыпавшись по полю, и по одиночкѣ подскакивали къ ретировавшимся чеченцамъ и стрѣляли. Все это дѣлалось безъ команды, можно даже сказать въ родѣ игрушки, какъ бы на охотѣ.—Не слышавши еще свиста пуль, весьма естественно, я былъ ошеломленъ подобнымъ зрѣлищемъ въ первый разъ въ жизни, и легко можетъ быть даже во мнѣ явилась робость, а потому я медленной рысью, вынувъ свою винтовку изъ чехла, подъѣзжалъ къ цѣпи, гдѣ казаки заряжали ружья.—Вдругъ лошадь моя понесла меня во весь карьеръ къ непріятельской цѣпи; первымъ моимъ движеніемъ, конечно, были испугъ и изумленіе; я старался было удержать ее, притянувъ къ груди уздечку; но въ это время раздался голосъ съ боку, «*не робейте, берите скорѣе винтовку на прицѣлъ и стрѣляйте въ кого-нибудь*. Въ это время сказавшій мнѣ это казакъ ловко проскакалъ еще шаговъ двадцать впередъ меня въ сторону, и мгновенно выстрѣливъ, пронесся мимо меня, какъ *ни въ чемъ не бывало* (казацкое выраженіе). Я то же машинально вы-

стрѣлилъ и, повернувъ лошадь назадъ, поскакалъ во весь карьеръ за нимъ. Оказалось, что казакъ, замѣтивъ мою первую нерѣшимость въ бою, безъ церемоніи подъѣхалъ тихонько сзади къ моей лошади, ударилъ ее по заду нѣсколько разъ нагайкою, и, конечно, лошадь отъ боли прямо помчала меня впередъ.

Подобная картина казачьей корпораціи давала мнѣ понять: чтобы найти какое-нибудь занятіе для своей дѣятельности мнѣ необходимо отбросить въ сторону привычки полученнаго воспитанія, забыть свои преимущества, свое родовое происхожденіе (которое въ то время цѣнилось на вѣсъ золота), и, если я не желаю совершенно умереть отъ скуки и одиночества, искать сближенія того общества, въ который кинула меня судьба.

Мимоходомъ скажу, что проѣздомъ черезъ Москву знакомые посовѣтывали мнѣ заѣхать и явиться къ старому уважаемому герою—ветерану Кавказа, бывшему главнокомандующему генералу Алексѣю Петровичу Ермолову; онъ жилъ тогда на Пречистенкѣ. Никогда не забуду напутственныхъ словъ, которыми провожалъ меня маститый старецъ. — «Если ты десять лѣтъ прослужишь на Кавказѣ, говорилъ онъ мнѣ, не сдѣлаешься пьяницей и картежникомъ, да не женишься при томъ еще на распутной женщинѣ, то я тогда только скажу, что ты порядочный человѣкъ».

Сознаюсь, что во все время службы моей на Кавказѣ я никогда не забывалъ этихъ словъ; но вполнѣ опровергнуть пророчество по обстановкѣ въ то время моей жизни не было никакой возможности, и я, на новой квартирѣ, сначала по предложенію своей хозяйки, а потомъ уже и по привычкѣ выпивалъ необыкновенное количество вина.

Устроившись возможнымъ образомъ на квартирѣ, самою насущною заботою для меня было пріобрѣтеніе верховой лошади, которая не только-что доставляла пріятное развлеченіе для дневной прогулки, но и составляла существенную необходимость. Разъ случилась въ станицѣ тревога, а я оставался празднымъ зрителемъ, не имѣя

лошади, на которой могъ бы поскакать вмѣстѣ съ другими. Да мнѣ казалось, что и самыя женщины, а въ особенности моя хозяйка, съ сожалѣніемъ смотрѣли на мое пѣшее положеніе. Были-бы деньги въ карманѣ, а купить всегда все возможно.—Въ станицѣ этой, особенно по раннимъ утрамъ, собирались для торговли базары, на которыхъ можно было встрѣтить мирныхъ чеченцевъ. Я воспользовался этимъ и предложилъ одному изъ нихъ снабдить меня лошадью, и на другой же день мнѣ была доставлена лошадь, даже съ сѣдломъ.

Я заплатилъ за нее 50 монетъ (50 р. с.) и былъ, можно сказать, цѣлый тотъ день въ неописанномъ восторгѣ. Но и тутъ опять встрѣтилось затрудненіе. Пріѣхавъ на ней на квартиру къ хозяйкѣ, я узналъ, что помѣстить мою лошадь не куда, такъ какъ при дворѣ не было конюшни, а только одинъ хлѣвъ для коровы. Это затрудненіе я кое-какъ уладилъ, надбавивъ хозяйкѣ цѣну за квартиру, и она согласилась уступить для моей лошади половину хлѣва *). Потомъ необходимо было купить сѣна и овса. Послѣдній продавался въ армянскихъ лавкахъ; но сѣна достать было гораздо труднѣе, потому что казаки заготовляли его собственно для своихъ лошадей, но ни какъ не на продажу. Послѣ долгихъ хлопотъ, хотя въ три-дорога, но однакожъ мнѣ привезли, во дворъ одну арбу сѣна, и наконецъ самый тяжелый, но необходимый вопросъ состоялъ въ уходѣ за купленною лошадью. Я былъ одинъ и не имѣлъ прислуги, хотя по закону и имѣлъ на нее право.—Нечего дѣлать, въ этотъ день я съ охотою самъ ухаживалъ за своею лошадью; сбѣгалъ даже за овсомъ и напоилъ ее нѣсколько разъ.

Отъ радости я всю ночь даже спалъ безпокойнымъ образомъ, и, просыпаясь нѣсколько разъ, бѣгалъ въ хлѣвъ, гдѣ стояла моя лошадь, и поминутно подкладывалъ ей

*) Хлѣвъ—плетеный сарай.

корму.—На другой день, въ виду такого знаменательнаго происшествія въ моей жизни, я опять отправился къ полковому командиру, которому сообщивъ объ этомъ, просилъ, чтобы онъ дозволилъ мнѣ воспользоваться слѣдуемою мнѣ казенною прислугою.—Онъ встрѣтилъ меня такъ же холодно-равнодушно, и предложилъ подать ему о просьбѣ моей форменный рапортъ, сказавъ, что онъ представитъ его по начальству, съ своимъ ходатайствомъ о назначеніи мнѣ деньщика.

Повелительное «можете идти» лишало меня всякой возможности вступить съ нимъ въ какія-либо объясненія; я вышелъ и крайне недовольный самъ за неудачный исходъ моей просьбы пошелъ въ полковое правленіе, написалъ требуемый рапортъ, отдалъ его секретарю для передачи по принадлежности и возвратился на квартиру въ самомъ раздосадованномъ состояніи. Хозяйка моя, вѣроятно замѣтивъ мое печальное настроеніе, обратилась ко мнѣ съ утѣшеніемъ, объяснивъ, что видя, какъ трудно мнѣ ухаживать за купленною лошадью, она предложила своему племяннику казаку-малолѣтку, убирать ее, и онъ согласился за вознагражденіе трэхъ монетъ въ мѣсяцъ.

Разумѣется я съ радостью и благодарностью принялъ предложеніе. Такимъ образомъ, я сдѣлался уже настоящимъ казакомъ, а такъ какъ офицеры, да и высшіе начальники, форменной одежды никогда не носили, то и я обзавелся простой черкеской, а также и другими принадлежностями для костюма, общеупотребительными между казаками. Въ концѣ февраля всѣ жители выѣзжаютъ изъ станицы для рубки таркаловъ (это родъ длинныхъ палокъ), которые вбиваютъ въ землю, для привязки виноградныхъ лозъ.

Рубка таркаловъ составляетъ эпоху или своего рода событіе, потому что въ этотъ день выѣзжаютъ изъ станицы въ лѣсъ всѣ, даже и дѣти. Это бываетъ только одинъ разъ въ году, послѣ чего рубка въ лѣсу запрещается.

Я приглашенъ былъ хозяйкою ѣхать въ лѣсъ и по-

смотрѣть на торжество, происходящее при этомъ. Съ раннимъ утромъ у воротъ станицы стояла уже цѣлая колонна запряженныхъ волами арбъ, въ которыхъ сидѣли женщины; изъ нихъ нѣкоторыя съ дѣтьми. Мужчины всѣ были верхами, при полномъ вооруженіи, составляя родъ воинскаго конвоя, въ обезпеченіе отъ опасности, при случайномъ нападеніи хищниковъ. Съ восходомъ солнца ворота растворились, и колонна двинулась. Впереди колонны ѣхали въ кучѣ верхами казаки, а за ними по дорогѣ тянулся, можно сказать, нескончаемый рядъ арбъ съ волами. Подъѣхавъ къ назначенному уже заранѣе мѣсту въ лѣсу (это было на берегу Терека), ѣхавшіе верхами пріостановились, и, въ ожиданіи подъѣзда отставшихъ арбъ, спѣшились и слѣзли съ лошадей. Не прошло и получаса, какъ стали подъѣзжать къ намъ арбы, и когда они всѣ собрались, то атаманъ скомандовалъ «въ лѣсъ». Тотчасъ казаки повскакали на лошадей, и, съ топорами въ рукахъ, кинулись въ разныя стороны лѣса занимать участки для необходимой рубки. Кто успѣлъ ранѣе занять мѣсто, тотъ ему былъ и хозяинъ, и никто изъ другихъ не имѣлъ права уже рубить на занятомъ однимъ хозяиномъ пространствѣ. Выждавъ арбу, на которой ѣхала хозяйка моей квартиры, я вмѣстѣ съ нею отправился въ глубину лѣса. Проѣхавъ съ версту, а можетъ быть и болѣе, мы наконецъ остановились на одной полянѣ. Хозяйка моя имѣла родныхъ племянниковъ, которые вызвались ей помочь въ подобной работѣ. Остановившись, я слѣзъ съ лошади, и, привязавъ ее къ арбѣ, отправился вмѣстѣ съ казаками въ чащу лѣса. Не желая оставаться празднымъ зрителемъ работы, я сталъ стаскивать въ кучу нарубленные казаками таркалы. Это былъ мой первый въ жизни физическій трудъ, о которомъ до этого времени я не имѣлъ даже понятія.

Непривычка и неумѣнье, какъ взяться за дѣло, конечно, дѣлали меня смѣшнымъ въ глазахъ привыкшихъ къ подобной работѣ казаковъ, и хотя я замѣтилъ это,

но самолюбіе не позволяло мнѣ оставить работу. — Я видѣлъ, что мнѣ не было необходимости прибѣгать къ ней, но мучительная тоска бездѣйствія принуждала меня учиться и испытать на себѣ силу физическаго труда. Я съ усердіемъ работалъ, и часа черезъ два натаскалъ порядочную кучу, такъ что заслужилъ одобреніе отъ рубившихъ лѣсъ казаковъ.

Конечно, никто изъ нихъ не зналъ, что я работалъ подобнымъ образомъ первый всего разъ, но съ этихъ поръ я началъ пріобрѣтать расположеніе къ себѣ окружавшихъ меня казаковъ. Во время отдыха я уже пользовался ихъ разговорами, распросами, и со стороны ихъ не видѣлъ того отчужденія, которое встрѣтилъ при первомъ съ ними знакомствѣ. Хозяйкѣ моей весьма понравилась моя безцеремонность, и она иногда обращалась ко мнѣ съ шуточками, въ родѣ того: смотри-ка, какой онъ хозяинъ, давно-бы пора женить его» или «вишь зарумянился сердечный отъ труда-то, какъ маковъ цвѣтъ! любая-бы молодица залюбовалась имъ».

Весьма естественно, что подобныя, хотя и плоскія остроты, но пріятно дѣйствовали на мое самолюбіе. Въ полдень мы оставили работу и сѣли всѣ вмѣстѣ въ кружокъ обѣдать. Такъ какъ обѣдъ состоялъ изъ напеченныхъ заранѣе пироговъ и крутой посты *), которая рѣзалась ножемъ на пласты, а жидкихъ кушаньевъ не было, то поэтому только я и былъ допущенъ ѣсть въ ихъ средѣ.— Они обыкновенно ѣдятъ всѣ изъ одной чашки, а посторонняго лица, не ихъ вѣры, въ свою чашку ѣсть не допускаютъ, а даютъ особую посуду, которая между ними носитъ названіе *поганой*. — Если-бы въ какомъ-нибудь случаѣ, кто изъ нихъ нечаянно покушалъ или напился изъ поганой чашки, то онъ то же считается отверженнымъ изъ ихъ среды, и обязанъ ѣсть отдѣльно до тѣхъ поръ, пока не получитъ разрѣшительной молитвы въ

*) *Поста*—такъ называется между ними до крута сваренная изъ пшена каша.

подобномъ грѣхѣ отъ своего духовнаго пастыря, который носилъ между ними званіе не священника, а уставщика.—Въ бытность мою въ томъ полку, при проходѣ черезъ станицу однаго донскаго полка, одинъ изъ донскихъ казаковъ опознаґъ въ станичномъ духовномъ уставщикѣ бѣглаго донскаго казака, и конечно заявилъ о томъ своему начальству. Согласно донесенія было сдѣлано распоряженіе объ арестованіи виновнаго.

Для законнаго арестованія виновнаго уставщика былъ высланъ въ станицу баталіонъ солдатъ при 2-хъ орудіяхъ (пушкахъ).

Казаки, конечно, не вѣрили истинѣ, и подозрѣвая, что распоряженіе это сдѣлано собственно для стѣсненія ихъ вѣры и обычаевъ, воспротивились всѣми мѣрами въ выдачѣ своего духовника. Но такъ какъ возставать имъ открыто было невозможно, потому что подобное дѣйствіе влекло за собою наказаніе по военно-уголовнымъ законамъ, то на защиту уставщика явились бабы, вооруженныя самымъ разнообразнымъ образомъ: винтовками, ухватами, кочергами, палками и т. п. Съ самаго утра былъ окруженъ ими домъ, въ которомъ проживалъ ихъ духовникъ (бѣглый казакъ).

Мужчины же стояли особой кучей въ сторонѣ, и съ ними сначала шли переговоры о выдачѣ виновнаго добровольно, но никакія увѣщанія не имѣли успѣха.

Точно также и вооруженныя бабы слышать ничего не хотѣли, рѣшившись отстоять своего духовника силою. Тогда рѣшено было, чтобы избѣжать кровавыхъ сценъ, показать взбунтовавшимся бабамъ, что если онѣ будутъ еще сопротивляться, то прибѣгнутъ къ силѣ.

Вслѣдствіе этого выдвинуты были на позицію два орудія, заряженные холостыми зарядами, но и подобная угроза не имѣла никакого успѣха.

Видя, что никакія мѣры не помогаютъ, увѣщанія не дѣйствуютъ, между тѣмъ необходимо безъ кровопролитія исполнить приказаніе начальства объ арестѣ уставщика, начальникъ отряда распорядился выстрѣлить изъ

орудій вверхъ по толпѣ собравшихся и бунтующихъ женщинъ, полагая, что подобная мѣра заставитъ ихъ разбѣжаться по домамъ. Достойна памяти картина, представившаяся моимъ глазамъ, послѣ сдѣланныхъ вверхъ по толпѣ женщинъ двухъ холостыхъ выстрѣловъ. Вмѣсто того, чтобы бѣжать по домамъ, онѣ разъяренныя бросились прямо на пушки и вступили въ рукопашный бой, какъ съ артиллерійскою прислугою, такъ равно и съ находившимися въ прикрытіи солдатами. Конечно бой продолжался нѣсколько минутъ съ особо-отдѣленнымъ конвоемъ; во время этой схватки уставщикъ былъ арестованъ, женщины нѣкоторыя были то же связаны, а другія, видя свое безсиліе, отступили и, собравшись въ кучу, ругали всевозможнымъ образомъ стоявшихъ по прежнему въ кучѣ казаковъ, которые во всей этой схваткѣ были, какъ и я, праздными зрителями.

Я разсказалъ этотъ случай для того, чтобы указать: какой геройскій духъ и безстрашное мужество существовали въ то время между казачками; онѣ ровно никого и ничего не боялись, а самое безцеремонное и нестѣснительное обращеніе было для нихъ настоящею существенною потребностью; только при подобномъ условіи можно было снискать съ ихъ стороны истинное къ себѣ участіе. Боязнь отчужденія заставила меня вглядываться и изучать характеры и обычаи той среды людей, въ которую кинула меня судьба. Книгъ для занятій или чтенія никакихъ не было, товарищей, кромѣ казаковъ, въ виду не было; другихъ развлеченій какихъ-нибудь найти было невозможно, службы рѣшительно никакой не назначали, по неволѣ пришлось искать занятій и развлеченія въ черной работѣ.

День, проведенный мною въ лѣсу на работѣ, прошелъ для меня незамѣтно, и я остался доволенъ самъ собою, въ особенности тѣмъ, что познакомился съ казаками, которые безъ стѣсненія говорили со мною. Я уже безъ затѣнчивости дѣлалъ имъ нѣкоторыя вопросы.

Часамъ къ четыремъ работа была окончена, стали

нагружать на арбы срубленные таркалы и выпроваживать ихъ на дорогу изъ лѣсу; казаки же оставались верхами до тѣхъ поръ, пока не выѣхала послѣдняя арба. Тогда мы то же выѣхали изъ лѣсу, собравшеюся уже кучею.

На обратной дорогѣ въ станицу намъ удалось встрѣтить огромнаго кабана. Въ одно мгновеніе всполошились всѣ казаки, и, выхвативъ изъ чехловъ винтовки, поскакали во весь карьеръ за приманчивой добычей.

Отставать было неловко, и я то же поскакалъ вмѣстѣ съ ними.

Поминутно раздавались выстрѣлы, но сильное животное не поддавалось. Мы старались всѣми силами не допустить его убѣжать въ лѣсъ, и поэтому часть изъ насъ, въ которой находился и я, расположились по опушкѣ лѣса, а другая часть преслѣдовала и стрѣляла по животному, которое получило болѣе десяти ранъ, но съ необыкновенною быстротою увертывалось отъ нападенія. Истекая кровью, оно бросалось въ котлобани (такъ называются между казаками ямы, наполненныя водою) и, искупавшись въ ней, пускалось вновь и, не смотря на полученныя раны, ушло-таки въ лѣсъ.

Мы поѣхали въ лѣсъ, надѣясь отыскать израненное животное послѣдамъ текшей изъ него крови, но доѣхавъ до Терека, кромѣ наполненныхъ кровью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, котлобанъ, мы болѣе ничего не нашли. Казаки послѣ разсказывали, что будто-бы въ кабана этого попало до пятнадцати пуль, но такъ какъ кожа его пропитана вся древесною смолою, то нанесенныя ему раны не могли быть смертельны.

Конечно, труденъ во всемъ только первый шагъ, а потомъ дѣло пойдетъ, какъ говорится, по маслу. Такъ было и со мной. Послѣ моего знакомства въ лѣсу съ казаками, жизнь моя пошла гораздо веселѣе, и казаки, встрѣчаясь со мной, безцеремонно кланялись, протягивали мнѣ руку, а иногда безъ обиняковъ просили меня зайти къ нимъ выпить домашняго чихиря, который,

для хорошаго гостя, подправлялся иногда медомъ и назывался у нихъ потому сыченымъ.

Наступила масляница. Въ праздничные дни всѣ дѣвицы и молодыя казачки послѣ обѣда собираются въ кружки, и въ хорошую погоду выходятъ гулять за станицу, большею частью къ лѣсу, на поляну, находящуюся между р. Терекомъ и станицею.

По обыкновенію они бываютъ закутаны, но прійдя на извѣстное сборное мѣсто, они раскрываютъ свои лица. Каждая изъ нихъ, имѣя въ рукахъ платокъ или хустку, съ узломъ отъ фунта до двухъ подсолнечныхъ или арбузныхъ сушеныхъ семянъ, щелкаетъ, разговаривая между собою. Въ это время подходятъ къ нимъ молодые казаки, и привѣтствіе обыкновенно начинается съ просьбы объ одолженіи семячекъ. Иногда встрѣчаются отказы съ жестокими выраженіями, въ родѣ: *лобъ широкъ, носъ не выросъ, на зубахъ мозоли натрешь, волоса опухнутъ* и тому подобное. Получивъ подобный отвѣтъ, всякій догадывается, что это значитъ: я вамъ не сочувствую, или проваливай отъ меня подальше; кому же сочувствуютъ, то, при первомъ предложеніи, для того раскрывается платокъ и предлагается самому получить семячекъ, *«сколько угодно»*.

Иногда въ подобныхъ кружкахъ составляются танцы, при музыкѣ. Инструментъ, на которомъ играютъ, состоитъ изъ мѣднаго таза, по которому бьютъ рукою, и онъ издаетъ равномѣрные звуки въ тактъ. На масляницѣ же всѣ дѣвицы и молодыя казачки выходятъ въ поле, имѣя каждая въ рукахъ величиною болѣе сажени хворостину. Молодыя же казаки выѣзжаютъ джигитовать верхами и, гарцуя кругомъ прекраснаго пола, подскакиваютъ внезапно къ нимъ; но аттакованныя отбиваются хворостинами и бьютъ сѣдока съ лошадью по чемъ ни попало. Если казакъ бывалый, то онъ перетерпитъ боль, и если успѣетъ при этомъ схватить милый для себя предметъ, то оборона мгновенно останавливается; тогда схваченная женщина или дѣвица должна публично поца-

ловать героя, взявшаго ее съ боя. Это игра *изъ за поцѣлуя,* который обыкновенно и служитъ вознагражденіемъ за полученные удары хворостиною. Но удача въ поцѣлуѣ бываетъ заранѣе условлена. Женщина заранѣе видитъ аттакующаго, и если къ ней приближается предметъ, къ которому она не равнодушна, то хотя со стороны ея подругъ и сыплются удары на нападающаго, но они не такъ сильны и жестоки, какъ бываютъ тогда, когда не встрѣчается сочувствія.

Я считалъ за преступленіе не поѣхать на подобное удовольствіе.

Получить поцѣлуй, а тѣмъ болѣе отъ хорошенькой казачки, я считалъ щедрою наградою за удары хворостинами.—Я былъ простъ, и полагалъ, что тамъ играетъ главную роль присутствіе духа и мужество, а не другія какія-нибудь причины. Видя нѣкоторыхъ казаковъ, получившихъ желаемую награду, и не желая показаться въ ихъ глазахъ трусомъ, я, вмѣстѣ съ другими, поскакалъ то же въ аттаку; но лошадь моя, встрѣченная ударами хворостинъ, взвилась на дыбы, при чемъ я чуть-чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла; лошадь повернула назадъ во весь карьеръ, а на нее, какъ и на мою спину, посыпался не одинъ десятокъ ударовъ, при громкомъ смѣхѣ и восторгѣ оборонявшихся. Три раза я такимъ образомъ бросался въ аттаку, и три раза такая же неудача. Кромѣ ощутительной боли въ спинѣ, меня болѣе всего раздрожало чувство оскорбленнаго самолюбія. Я раздосадованный уже хотѣлъ ѣхать на квартиру, какъ ко мнѣ подъѣхалъ одинъ изъ племянниковъ моей хозяйки, съ которымъ я былъ вмѣстѣ на работѣ въ лѣсу. Онъ обратился ко мнѣ: «что братъ! вѣрно здѣсь труднѣе работа, чѣмъ была въ лѣсу?—Но ничего дастъ Богъ и здѣсь сладимъ. Ты только бьешъ не въ ту сторону, куда-бы слѣдовало. Вотъ поѣдемъ-ка со мной вмѣстѣ, я тебя научу, какъ сдѣлать.» Я поѣхалъ рядомъ съ нимъ.—Шагахъ въ двадцати разстоянія отъ кружка объѣхали съ нимъ его. При этомъ онъ мнѣ указалъ на одну ка-

зачку сказавъ: «вотъ мы отъѣдемъ неподалеку, да и пустимся оба вмѣстѣ съ тобою во всю прыть, а ты прямо скачи на нее, и лови; я знаю—будетъ успѣхъ».

Желанье доказать свою молодую удаль заставило меня попытать еще въ послѣдній разъ счастья.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. При послѣдней аттакѣ, я уже не встрѣтилъ такихъ сильныхъ ударовъ, какіе получилъ въ первые три раза, и поцалуй Васенки (Василисы) былъ для меня такою наградою, что я даже въ ту минуту забылъ и боль, а со стороны казаковъ встрѣтилъ полное сочувствіе къ совершенному мною подвигу.

Удовольствіе это *изъ за поцалуя* продолжается цѣлые три дня, пятницу, субботу и воскресенье сырной недѣли. Въ слѣдующіе два дня, хотя я и учавствовалъ на этихъ увеселеніяхъ, мнѣ было гораздо легче: мы уже дѣлали нападеніе гуртомъ, по нѣсколько казаковъ разомъ, и такимъ образомъ наносимые, при оборонѣ, удары были разъединены. Насталъ великій постъ, и станица сдѣлалась какъ-бы мертвою.

Наступили тоска и однообразіе, при невозможности достать что-либо для продовольствія. Казаки, по старой вѣрѣ своей, въ это время подвергаютъ себя самому строгому воздержанію.

Они не дозволяютъ себѣ въ постъ ѣсть не только рыбы, даже и постнаго масла, исключая дней, въ которые разрѣшаются елей и вино церковнымъ уставомъ, и о чемъ заблаговременно имъ объявляется духовникомъ. Пришлось, чтобы не потерять пріобрѣтеннаго къ себѣ расположенія, подражать принятымъ въ этомъ отношеніи ихъ правиламъ, и такимъ образомъ, кромѣ корнеплодныхъ растеній, мнѣ за весь постъ не приходилось ѣсть ничего другаго. Преимущественное же кушанье, которымъ я пользовался, можно сказать ежедневно, это была рѣдька съ солью и печеная свекла (бураки), которыя были любимымъ моимъ кушаньемъ.

На второй недѣлѣ поста ночью ударили въ колоколъ на тревогу. Я въ это время спалъ и былъ разбуженъ

хозяйкою. Я вскочилъ съ постели и сталъ проворно одѣваться. Одѣвшись, я поспѣшилъ за сѣдломъ, чтобы осѣдлать скорѣе лошадь, но не нашелъ его на мѣстѣ. Тогда выбѣжавъ на крыльцо, я увидѣлъ около него лошадь свою, уже осѣдланную, которую держала въ рукахъ за узду моя хозяйка. У казаковъ такой заведенъ порядокъ, что во время тревоги, пока мужъ одѣвается, жена въ это время обязана осѣдлать и приготовить для него лошадь. Хотя я не состоялъ въ подобныхъ отношеніяхъ къ своей хозяйкѣ, но она сочла обязанностью помочь мнѣ въ этомъ случаѣ. Встрѣтивъ подобную неожиданную любезность, я отъ души поблагодарилъ за нее хозяйку, вскочилъ на лошадь и поскакалъ на площадь къ гауптвахтѣ, возлѣ которой находился колоколъ, въ которой звонили на тревогу. Возлѣ гауптвахты я уже никого не засталъ, а потому, спросивъ у часоваго гдѣ тревога, пустился въ догонку за товарищами.

Я упомянулъ, что казаки собираются на тревогу по одиночкѣ, кто какъ успѣетъ, и, спросивъ въ какомъ мѣстѣ тревога, безъ команды, не дожидаясь даже начальника, то же поодиночкѣ летятъ на встрѣчу опасности, будучи вполнѣ увѣрены, что опоздавшіе товарищи поспѣютъ вовремя на помощь, и ихъ не выдадутъ. Они никогда не спрашивали о численности хищниковъ и о распоряженіяхъ по сему начальства.

Они въ то время не были организованы въ сотни, или другія какія-либо части, и не имѣли особо назначеннаго начальника. Обыкновенно въ перестрѣлкахъ командовалъ иногда и простой старый казакъ, болѣе опытный и бывшій въ бояхъ, а бывшіе въ то время въ рядахъ офицеры безпрекословно исполняли его распоряженія. Вслѣдствіе такихъ, изъ-стари заведенныхъ порядковъ, конечно, я своею личностью представлялъ ничего незначущую единицу. Для полковаго командира было безразлично, скакалъ ли я на тревогу или нѣтъ; онъ не обращалъ на меня рѣшительно никакого вни-

манія. Вся моя привиллегія заключалась въ томъ, что меня не имѣли права назначить на службу на кордонъ, или поставить куда-нибудь часовымъ; впослѣдствіи, впрочемъ, онъ придумалъ для меня службу, и меня стали назначать дежурнымъ по полку, разъ въ недѣлю; до того же обязанность эту исполняли урядники. Подобное распоряженіе послѣдовало вслѣдствіе того, что къ полку прибыли еще прикомандированные офицеры, изъ мѣстныхъ чеченцевъ и кумыховъ. Тревога, на которую вызвали насъ, оказалась на степныхъ хуторахъ, и такъ какъ мнѣ совершенно незнакома была туда дорога, то я подождалъ подъѣзжавшихъ ко мнѣ казаковъ, и, вмѣстѣ съ ними, поскакалъ на мѣсто происшествія. Скачка наша оказалась совершенно безполезною, такъ какъ до нашего пріѣзда задолго уже все кончилось. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: когда стемнѣло, нѣсколько хищниковъ подобрались къ хуторамъ и хотѣли угнать изъ загоновъ скотину; ихъ замѣтили, сдѣлали тотчасъ тревогу, и, не зная сколько ихъ именно, послали нарочнаго казака, съ извѣщеніемъ о томъ въ станицу.

Хищники, увидя себя открытыми, конечно, тотчасъ подались обратно въ степь, а казаки, бывшіе при хуторахъ, преслѣдовать ихъ не рѣшились; такимъ образомъ неизвѣстно было какимъ путемъ они направились. Подоспѣвшіе на выручку казаки собрались въ кучу, распросили обо всемъ подробно и рѣшили подождать разсвѣта, чтобы по слѣдамъ на пескѣ отъ копытъ лошадей можно было опредѣлить: какою дорогою скрылись нападавшіе? Рѣшено было сначала выводить изнурившихся лошадей, потомъ дать имъ корму, и, съ разсвѣтомъ, пуститься въ преслѣдованіе. Такъ какъ я уже ознакомился съ казаками, то они были такъ ко мнѣ внимательны, что пока я вываживалъ свою лошадь, принесли

---

*) *Сумки* по бокамъ сѣдла называются тороками.

мнѣ даже охабку сѣна, но я на всякій случай имѣлъ у себя про запасъ, въ торокахъ у сѣдла, немного овса. Выводивъ свою лошадь, я поставилъ ее вмѣстѣ съ казачьими къ яслямъ въ загонѣ, привязалъ за плетень и, вскинувъ на себя бурку, вышелъ оттуда къ собравшимся казакамъ поговорить. Кто-то сказалъ: «что попусту разсказывать, давайте спать, а то завтра рано вставать». Казаки стали расходиться, и я пошелъ за ними; нѣкоторые пошли въ хуторскія хаты, а нѣкоторые на лужайку, находившуюся вблизи загона. На этой лужайкѣ, покрытой уже небольшою зеленью, многіе изъ нихъ, завернувшись въ бурки, легли на землю и тотчасъ заснули. Я грѣшный послѣдовалъ то же ихъ примѣру.

Я сильно былъ утомленъ этой поѣздкой, а потому, какъ только легъ на землю, то успокоился богатырскимъ сномъ и, конечно, проспалъ бы можетъ быть долго, если бы не былъ разбуженъ товарищами, которые говорили, что насилу растолкали меня.

Безъ подушки, матраца, на голой землѣ, мнѣ спалось такъ хорошо и спокойно, что проснувшись, я уже не чувствовалъ никакой усталости; силы мои вновь возстановились. Вскочивъ на ноги, я первымъ дѣломъ бросился къ лошади, чтобы напоить ее; но услужливые и опытные товарищи прежде меня догадались объ этомъ, и, вмѣстѣ съ своими, увели ее на водопой; по крайней мѣрѣ я уже не нашелъ ея «на мѣстѣ». Еще не разсвѣтало, но взошедшая съ востока звѣзда (*зарница*) предвѣщала приближеніе утренней зари. Казаки не имѣли въ то время часовъ, а обыкновенно опредѣляли время, днемъ по солнцу, по ночамъ же—по положенію звѣзды (называемой между ними *сажарами*). И опредѣленія ихъ были всегда математически вѣрны. Наконецъ, привели съ водопоя лошадей и стали собираться въ кучи; началась поправка сѣделъ и подтягиванье подпругъ.

Раздалась команда: «садись!» и мы, вскочивъ на лошадей, поѣхали шагомъ. Впереди ѣхалъ вожатый атаманъ, конечно, изъ самыхъ старыхъ боевыхъ казаковъ,

а остальные за нимъ. Стало разсвѣтать. Казаки стали пристально вглядываться въ землю, чтобы увидѣть конскій слѣдъ. Они до того пріучились къ подобному дѣлу, что по слѣду лошади на пескѣ, съ точностью опредѣляли промежутокъ времени, въ которомъ была на подобномъ слѣдѣ нога лошади. Мы отъѣхали уже версты четыре отъ хутора, какъ нѣкоторые казаки отдѣлились въ сторону, и поѣхали отдѣльно отъ насъ. Стало восходить солнце, какъ одинъ изъ ѣхавшихъ въ сторонѣ казаковъ, остановившись, снялъ шапку и сталъ махать намъ. Разомъ мы всѣ пустились къ нему на рысяхъ. Оказалось, что онъ напалъ на слѣдъ; оставалось только опредѣлить дальнѣйшее направленіе и время, въ которое онъ послѣдовалъ.

Старшіе казаки, немного потолковавъ между собою, поѣхали крупной рысью; мы, конечно, то же за ними. Проѣхавши такимъ образомъ верстъ около десяти, мы наткнулись на чистые пески, но слѣда на нихъ не-оказалось. Опять пришлось отыскивать. Тотчасъ было командировано, по разнымъ направленіямъ, нѣсколько казаковъ, которые поскакали для розысковъ. Около четверти часа мы стояли на мѣстѣ въ ожиданіи, пока наконецъ удалось одному казаку напасть на слѣдъ. Поданъ условленный сигналъ, и мы поскакали. Подскакавъ на найденное мѣсто, вожаки наши слѣзли съ лошадей и стали опредѣлять время, въ какое были на этомъ мѣстѣ хищники. Рѣшили, что не болѣе, какъ два часа назадъ. Такъ какъ отъ этого мѣста было только два пути для переправы на бродахъ по Тереку, то команда наша раздѣлилась на двѣ части, которыя и поскакали каждая отдѣльно на предназначенный заранѣе бродъ.

Чтобы догнать непріятеля необходима была неимовѣрная быстрота бѣга за нимъ, а потому мы поскакали во весь карьеръ.

Часу въ одиннадцатомъ утра мы уже подскакали къ Тереку, гдѣ застали на пескѣ свѣжіе слѣды, пере-

переправлявшейся въ недавнемъ времени черезъ рѣку партіи, число которой опредѣлили въ 12 человѣкъ. Но на той сторонѣ рѣки никого не было видно. Нѣкоторые изъ казаковъ предлагали переправиться въ бродъ по слѣдамъ хищниковъ, но атаманъ остановилъ ихъ, сказавъ, что можно легко наткнуться на засаду, чему бывали неоднократные примѣры.

Постоявъ нѣсколько минутъ у берега, и напоивъ лошадей, мы, на полныхъ рысяхъ, поѣхали назадъ въ станицу. Истомленный и разбитый, я возвратился на квартиру и былъ крайне недоволенъ неудачной погоней.

Впослѣдствіи, я по немножку удерживалъ свое рвеніе и выѣзжалъ только на тревогу, когда случалась она или на самой кордонной линіи, или вблизи станицы; но на тревоги, происходившія на хуторахъ, не ѣздилъ. Да и ни одна изъ нихъ, во все время, не принесла никакихъ существенныхъ результатовъ.

Въ этотъ годъ Пасха Христова была въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ продолженіи всей святой недѣли у насъ случилось 11 тревогъ, и ни на одну изъ нихъ не скакали казаки менѣе 15 верстъ разстоянія, такъ что лошади у казаковъ были совершенно измучены, и имъ принуждены были пускать кровь для облегченія.

Изъ 11 тревогъ я участвовалъ только въ 3-хъ, потому что послѣ 3-й тревоги уже вынужденъ былъ, по совѣту старыхъ казаковъ, пустить кровь своей лошади. Изъ всѣхъ 11 тревогъ ни одна не увѣнчалась успѣхомъ. Даже не сдѣлано было ни одного выстрѣла! Такая, совершенно напрасная гонка лошадей истощаетъ, не только ихъ физическія силы, но дѣйствуетъ чрезвычайно вредно и на матеріальное состояніе казаковъ. Послѣ такой усиленной гоньбы, лошади обыкновенно теряютъ силу въ ногахъ и оказываются негодными къ службѣ, вслѣдствіе чего, казакъ вынужденъ сбыть, то есть продать, лошадь за безцѣнокъ, и купить себѣ другую; но ему не отпускается на это никакого вознагражденія,

которое выдается отъ казны только за убитыхъ въ бою лошадей.

Меня всегда поражала постоянная готовность казака къ бою и къ встрѣчѣ опасности. Казака въ этомъ случаѣ руководитъ не желаніе полученія за то награды, нѣтъ, въ казакѣ нѣтъ подобнаго честолюбія; въ его головѣ единственная мысль не отстать отъ товарища, и если придется сразиться или умереть, то въ такомъ случаѣ умереть не иначе, какъ въ кругу своихъ товарищей. Не было примѣра, чтобы казаки бросили на полѣ битвы тѣло убитаго товарища и не привезли бы его домой въ станицу.

Въ то время офицерскихъ плечевыхъ погоновъ не существовало. Кромѣ эполетъ, никакихъ другихъ знаковъ отличія въ чинахъ не существовало. А такъ какъ офицеры и казаки одѣты были одинаково, въ простыхъ черкескахъ, то и различить: кто офицеръ, кто казакъ между ними, не было никакой возможности. Даже никто изъ офицеровъ не надѣвалъ на себя и другихъ знаковъ отличія, т. е. крестовъ; это все принадлежало единственно мундирной одеждѣ, которую преимущественно надѣвали при парадахъ, или представленіи начальству, что случалось разъ или два въ годъ не болѣе; а потому не являлось и никакой между ними зависти къ заслугамъ другихъ. Эта отличительная черта характера— исполненіе долга службы, вслѣдствіе непремѣнной обязанности, а не въ виду полученія за то какой-либо награды, и заставляла уважать каждаго изъ нихъ.

Да и вообще, не смотря на неполученіе образованія, обращеніе ихъ, какъ между собою, такъ и съ посторонними лицами, было спокойно-важно и отражалось нѣкоторою гордостью; каждый изъ нихъ былъ проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства и дорожилъ болѣе всякихъ наградъ своею собственною честью.

Горюновъ.

Арсеній архіеп. Элассонскій и его „описаніе путешествія въ Московію.“

(1588—89 гг.)

Одно изъ крупныхъ событій русской исторіи конца XVI вѣка—*учрежденіе Московскаго патріаршества*,—недостаточно изслѣдовано въ нашей исторической литературѣ. Такъ, напр., до сихъ поръ еще нельзя дать рѣшительнаго отвѣта на вопросы: что́ вызвало это событіе? каково было участіе въ немъ Бориса Годунова, царя Ѳеодора, м. Іова, п. Іереміи и другихъ лицъ? какими мотивами руководились эти лица, стремясь къ учрежденію Московскаго патріаршества? какъ относилось къ этому стремленію греческое духовенство? и пр. и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что рѣшеніе этихъ и многихъ другихъ вопросовъ было бы весьма желательно для уясненія истины. Въ этихъ видахъ мы и рѣшились обратить вниманіе изслѣдователей русской старины на одинъ *малоизвѣстный* иностранный памятникъ, заключающій въ себѣ интересный матеріалъ для исторіи учрежденія въ Россіи патріаршества. Этотъ памятникъ—сочиненіе *Арсенія архіеп. Элассонскаго*: «Descriptio itineris in Moscoviam.» Арсеній ар. Элассонскій, спутникъ п. Іереміи II, описываетъ въ этомъ сочиненіи свое путешествіе въ Москву и пребываніе въ ней въ 1588—89 гг. Хотя этотъ памятникъ давно извѣстенъ нашимъ историкамъ, начиная съ Карамзина, но до сихъ поръ о немъ встрѣчались только отрывочныя упоминанія, и пользованіе имъ было самое незна-

чительное. Полнаго изслѣдованія объ этомъ памятникѣ *не было*; не было, даже, *полнаго* перевода его на русскій языкъ. Въ этихъ видахъ представимъ здѣсь 1) *біографію* арх. Арсенія, 2) *библіографію* „Descriptio" и 3) *переводъ* его.

I.

Біографія Арсенія, архіеп. Элассонскаго.

Невозможно представить полнаго очерка жизни и дѣятельности Арсенія Элассонскаго, такъ какъ историческія извѣстія о немъ слишкомъ скудны и отрывочны. Скудость этихъ свѣдѣній обнаруживается съ перваго шага. О жизни Арсенія въ Греціи извѣстно только то, что онъ былъ *сынъ* благочестиваго *пресвитера,* который имѣлъ столь же благочестивое семейство: изъ четырехъ сыновей его трое, въ числѣ ихъ и Арсеній, поступили въ монашество и достигли степени епископской, а послѣдній былъ пресвитеромъ» (см. брошюру г. *Г. Воскресенскаго*: «Арсеній, архіепископъ Суздальскій», стр. 1, Владиміръ, 1856). Другихъ свѣдѣній о жизни Арсенія въ Греціи не встрѣчается ни въ греческихъ извѣстіяхъ о немъ, на сколько они были намъ доступны, ни, тѣмъ болѣе, въ русскихъ источникахъ. Только въ одномъ источникѣ мы встрѣтили немало свѣдѣній о жизни Арсенія въ Греціи: *А. В. Старчевскій* въ предисловіи ко II тому своего сборника: „Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI" (Berlin, 1841—42), въ которомъ помѣщено и «Descriptio» Арсенія, сообщаетъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о жизни его въ Греціи [1]).

«*Арсеній*, писатель XVI столѣтія, былъ архіепископомъ *въ Мальвазіи*, на полуостровѣ Мореѣ. Онъ находился *въ тѣсной дружбѣ* съ папою *Павломъ III* и посвятилъ ему свои „Комментаріи на Еврипида"; но, обнаруживъ *склонность къ папизму*, былъ отрѣшенъ отъ служенія патріархомъ Константинопольскимъ и навлекъ на себя порицанія православныхъ. Кромѣ сказанныхъ комментаріевъ, онъ писалъ на греческомъ языкѣ «апофегмы» и собралъ многія мѣста изъ Стобея. Также

были изданы въ Римѣ его стихотворенія и разныя повѣствованія; такъ же и «апофегмы», а „Комментаріи на 7 Еврипидовыхъ трагедій„—въ Венеціи, *въ 1534 году»* [2]).

Таковы извѣстія г. Старчевскаго объ Арсеніѣ. Но ни одной черты изъ этихъ извѣстій мы не можемъ отнести къ Арсенію Элассонскому. Г. Старчевскій впалъ здѣсь въ ошибку: онъ смѣшалъ *Арсенія Элассонскаго*, жившаго во второй половинѣ XVI вѣка и въ первой четверти XVII вѣка—съ *Арсеніемъ* архіепископомъ *Монемвасійскимъ*, или Мальвазійскимъ [3]), жившимъ раньше, именно—въ концѣ XV вѣка и первой половинѣ XVI вѣка. Арсеній Манемвасійскій—лицо, довольно извѣстное въ исторіи греческой церкви и своими разнообразными учеными трудами, и своею «склонностію къ папизму». О немъ можно встрѣтить не мало свѣдѣній въ сочиненіяхъ по исторіи греческой церкви, напримѣръ у извѣстнаго историка XVI вѣка *Март. Крузія* [4]), у историка XVII вѣка *Филиппа Кипрскаго* [5]) и у *Мелетія, мит. Аѳинскаго* [6]). Во всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ объ Арсеніѣ Монемвасійскомъ нѣтъ ни одной черты, кромѣ имени, которая бы относилась къ Арсенію Элассонскому. Если бы Арсеній Монемвасійскій и Арсеній Элассонскій—были одно и тоже лицо, въ такомъ случаѣ, конечно, мы встрѣтили бы у вышеупомянутыхъ историковъ извѣстія о пребываніи Арсенія въ Россіи, о его участіи въ учрежденіи Московскаго патріаршества, о его «Descriptio itineris in Moscoviam», и пр. А между тѣмъ, ни одинъ изъ этихъ историковъ ничего подобнаго не говоритъ, разсказывая объ Арсеніѣ Монемвасійскомъ. Понятно, послѣ этого, что эти два Арсенія—двѣ отдѣльныя личности. Странно, поэтому, какъ г. Старчевскій не обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему издателей «Descriptio» —ни *итальянскіе издатели* 1749 г., ни *Бекманъ*, ни *Вихманнъ* —никто изъ нихъ не сообщаетъ объ Арсеніѣ Элассонскомъ этихъ интересныхъ свѣдѣній.

Другіе изслѣдователи не впадаютъ въ подобную ошибку. Такъ, современный греческій историкъ *г. Саѳа*, въ своей „Νεοελληνικη Φιλολογια“, говоритъ объ Арсеніѣ Монемвасійскомъ и Арсеніѣ Элассонскомъ—какъ о двухъ совершенно отдѣль-

ныхъ личностяхъ [7]). О жизни Арсенія Элассонскаго въ Греціи, г. Сафа, соотечественникъ Арсенія, не сообщаетъ никакихъ извѣстій, конечно—потому, что не могъ ихъ собрать.

Единственно достовѣрнымъ фактомъ изъ жизни Арсенія въ Греціи можно признать только тотъ, что онъ былъ *архіепископомъ Элассонскимъ и Демоникскимъ*.

Городъ *Элассона* [8]) находится въ старой Θессаліи, недалеко отъ города *Лариссы*, у юго-западной подошвы Олимпа [9]). Этотъ—«одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Θессаліи», въ настоящее время не представляетъ ничего замѣчательнаго и скорѣе можетъ быть названъ деревнею, чѣмъ городомъ [10]). Но во 2 половинѣ XVI в. онъ былъ такъ значителенъ, что въ немъ находилась каѳедра греческаго епископа. Элассонская епархія входила въ составъ Ларисской митрополіи [11]) и была соединена въ одну съ епархіею *Демоникскою* (*Demonici*) [12]). Во 2 половинѣ XVI в. Элассонская и Демоникская каѳедра является архіепископіей [13]).

Въ этой-то епархіи, во 2 половинѣ XVI в., былъ архіепископомъ нашъ Арсеній. Нельзя указать опредѣленно—въ какіе именно годы онъ занималъ эту архіепископію. Но приблизительно это время можно опредѣлить такъ: *въ 1585 г.* Арсеній былъ посланъ въ Москву *п. Θеолиптомъ* [14]) и съ этого времени уже не могъ занимать каѳедры въ Элассонѣ, такъ какъ съ 1585 и до конца жизни онъ жилъ въ Россіи, откуда только одинъ разъ ѣздилъ въ Грецію и то—на самое короткое время. Итакъ 1585 годъ—крайній срокъ, до котораго Арсеній могъ быть Элассонскимъ архіепископомъ. Съ котораго же года началось его святительское служеніе здѣсь? Въ 60-хъ годахъ XVI столѣтія Элассонскими архіепископами были: *Іоасафъ* и *Неофитъ* [15]). Не считая Арсенія преемникомъ Неофита (такъ какъ не имѣемъ на это никакихъ данныхъ), мы позволяемъ себѣ сдѣлать тотъ выводъ, что Арсеній занималъ Элассонскую каѳедру въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ XVI в.

Что Арсеній, дѣйствительно, занималъ каѳедру въ Элассонѣ и Демоникѣ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ это единогласно утверждаютъ—и самъ Арсеній, и всѣ русскія и греческія извѣстія о немъ. Не приводимъ этихъ

свидѣтельствъ, весьма многочисленныхъ, чтобы избѣжать повтореній, такъ какъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы будемъ встрѣчаться съ ними. Приведемъ здѣсь только слѣдующее любопытное извѣстіе:

Отъ извѣстнаго нашего путешественника по востоку *еп. П—ія* мы получили указанія на слѣд. два факта, добытые имъ во время своей поѣздки въ Элассонъ, въ концѣ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія. 1) Въ Элассонскомъ монастырѣ «Панагіѣ» [16]) хранится *серебренное блюдо съ драгоцѣннымъ камнемъ* по срединѣ и съ надписью, что оно прислано туда *изъ Россіи архіеп. Арсеніемъ, бывшимъ архіепископомъ Элассонскимъ.* 2) Въ монастырѣ «св. Діонисія», [17]) лежащемъ на Олимпѣ, вблизи Элассона, хранится нѣсколько *иконъ московскаго письма*, присланныхъ туда *изъ Россіи архіеп. Арсеніемъ.*

Эти факты подтверждаютъ, что Арсеній, дѣйствительно, былъ архіепископомъ Элассонскимъ. Иначе чѣмъ объяснить присылку имъ даровъ въ монастыри Элассонской епархіи?

Въ 1585 году Арсеній былъ посланъ Константинопольскимъ патр. Θеолиптомъ въ Россію, за милостынею [18]) и, съ этихъ поръ начинается его странническая жизнь въ Россіи, пока онъ окончательно не поселился въ ней.

Съ 1585 года свѣдѣнія о жизни Арсенія становятся болѣе подробными, но все таки—отрывочными и неполными.

Первое хронологическое упоминаніе объ Арсеніѣ мы находимъ подъ 1585 годомъ, въ грамотѣ Константиноп. патріарха *Θеолипта II*, отъ 27 мая, посланной съ аθонскимъ старцемъ *Нифонтомъ* [19]) къ царю Θедору Ивановичу. Извѣщая послѣдняго о нуждахъ Константинопольской церкви, патріархъ, между прочимъ, писалъ царю, «что отправляетъ къ нему, съ посломъ царскимъ, двухъ вѣрныхъ и добрыхъ своихъ сослужебниковъ: честнаго архіепископа Элассонскаго *Арсенія* и другаго, епископа Дирахійскаго *Паисія*...» [20]) Эту грамоту повезъ въ Москву старецъ Нифонтъ, а вслѣдъ за нимъ отправились туда посланники патріарха: Арсеній и Паисій—еп. Диракійскій, вмѣстѣ съ царскимъ посломъ *Борисомъ Благимъ.*

Подробности этой первой поѣздки Арсенія въ Россію неизвѣстны. Времени прибытія его въ Москву нельзя въ точности опредѣлить. Но можно предположить, что выѣхавши изъ Константинополя въ іюнѣ 1585 г., Арсеній прибылъ въ Москву въ концѣ того же года, или началѣ слѣдующаго [21]). Извѣстно, что цѣль поѣздки Арсенія была вполнѣ достигнута: онъ получилъ отъ Ѳедора Ивановича значительную милостыню на Константиноп. церковь. Въ 1586 г., когда Антіохійскій патріархъ *Іоакимъ* отправился въ обратный путь изъ Россіи, съ нимъ была послана грамота къ Констант. патріарху Ѳеолипту, въ которой сказано, что съ Арсеніемъ Элассонскимъ было послано патріарху «милостыни—*двѣсти рублей*; *архіепископу же* [22]) и бывшимъ съ нимъ роздано по рукамъ *475 рублей*» [23]).

Арсеній и Паисій выѣхали изъ Москвы въ февралѣ или мартѣ 1586 г. [24]). Куда же они отправились?—Главный путь изъ Москвы въ Грецію лежалъ чрезъ Литву и южную Россію. Этимъ путемъ отправился и Арсеній. Но, пріѣхавъ въ Литву, онъ здѣсь и остался, а на родину не поѣхалъ. Это подтверждается слѣд. извѣстіями. Во время втораго пріѣзда Арсенія въ Москву, въ 1588 году, съ п. *Іереміею II*, когда на первой аудіенціи у царя были поднесены дары патріарху и монемвасійскому митрополиту І*ерофею*, Арсенію „не дано жалованья отъ царя,“ говорится въ „Статейномъ Спискѣ“ „ибо однажды онъ былъ уже въ Москвѣ и тогда дарована ему богатая милостыня отъ царя *Іоанна Васильевича*, [25]); но съ тѣхъ поръ, *проживая въ землѣ Литовской*, *не возвращался онъ въ свою церковную область*“ [26]). Второе свидѣтельство. Спутникъ Арсенія—митр. Іероѳей говорилъ въ Москвѣ п. Іереміи, по поводу желанія царя учредить въ Россіи патріаршество — слѣдующее: „мы втроемъ ничего не можемъ сдѣлать, да при томъ одинъ изъ насъ, архіепископъ Элассонскій Арсеній, не имѣетъ каѳедры и *замедлилъ въ Литвѣ и возвратился въ Россію съ патріархомъ*“ (Іереміею) [27]).

Невольно является вопросъ: какъ Арсеній поступилъ съ милостынею, которую долженъ былъ доставить въ Константинополь? Нѣтъ сомнѣнія, что эта милостыня была доставлена

по назначенію спутникомъ Арсенія — еп. Паисіемъ. Высокая нравственность Арсенія, о которой у насъ составилось убѣжденіе, основанное на фактахъ [28]), не позволяетъ намъ заподозрить Арсенія въ какомъ либо нечестномъ поступкѣ, въ родѣ, напр., утайки денегъ. Притомъ, если бы это случилось, то послѣдующія отношенія Арсенія къ іерархамъ греческой церкви, напр. къ Іереміи II, были бы другаго рода: тогда не могло бы быть замѣчаемой нами близости въ этихъ отношеніяхъ. Наконецъ, нужно имѣть въ виду, что если бы Арсеній утаилъ дары русскаго царя, то онъ не посмѣлъ бы отправиться черезъ два года въ Москву и, затѣмъ, остаться въ ней навсегда.

Переходимъ, теперь, къ довольно интересному періоду изъ жизни Арсенія въ Россіи, именно — ко времени занятія имъ должности *учителя въ Львовской братской школѣ*.

Извѣстно, что Львовское братство учредило у себя школу въ маѣ 1586 года, какъ свидѣтельствуетъ г. *Зубрицкій*. [29]) *Первымъ* учителемъ этой школы былъ нашъ Арсеній. Онъ прибылъ во Львовъ въ іюнѣ 1586 года, какъ свидѣтельствуетъ „извѣщеніе“ (предисловіе) къ изданной во Львовѣ въ 1588 г. „Еллинословенской грамматикѣ“. [30]) Тамъ сказано: „...пріиде святѣйшій патріархъ великія Антіохіи... Киръ Іоакимъ, въ богохранимый градъ Львовъ, *року 1586... Въ то же лѣто мѣсяца іюнія*... пріиде митрополитъ [31]) Димонитскій и Элассонскій, *Киръ Арсеніе*, иже школьное ученіе начениe... [32]) Мы охотно вѣримъ этому свидѣтельству, какъ близкому къ тому времени, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь [33]). Притомъ эта „Грамматика“ издана учениками Арсенія, подъ его личнымъ руководствомъ (какъ увидимъ ниже.) [34])

Итакъ, *въ іюнѣ* 1586 г. Арсеній прибылъ во Львовъ и сдѣлался учителемъ братской школы.

Всѣ имѣющіеся у насъ источники единогласно утверждаютъ, что Арсеній присланъ во Львовъ патріархомъ Константинопольскимъ Іереміею II. [35]) Такъ, въ предисловіи къ „Еллинословенской грамматикѣ“ (Львовъ, 1588) сказано: „въ тоже лѣто (1586), мѣсяца іюнія, *отъ вселенскаго патріарха экзаршески пріиде... Киръ Арсеніе*...“ [36]) Авторъ „Пересгроги“, [37])

перечисляя услуги, оказанныя Іереміею II южнорусской церкви, говоритъ: *„тотъ же* (т. е. *Іеремія II*)... *чрезъ* митрополита [38]) Элассонскаго и Димонискаго *Арсенія* чрезъ двѣ лѣтѣ *«училъ»*. [39]) Въ другомъ мѣстѣ «Перестроги» авторъ ея приводитъ рѣчь какого-то «отъ благовѣрныхъ единаго съ братства Львовскаго», который, перечисляя заслуги греческихъ іерарховъ, говоритъ: и... не Арсеній ли митрополитъ... во Львовѣ, *отъ патріарха пріѣхавши*, училъ двѣ лѣтѣ?" [40]) *Пр. Филаретъ* также утверждаетъ, что Арсеній присланъ во Львовъ п. Іереміею II. [41]) Очевидно, что это дѣло устроилось не безъ согласія Арсенія. Всего естественнѣе предположить, что когда во Львовѣ начали устраивать школу, то обратились къ проѣзжавшему въ то время черезъ южную Россію Арсенію, о которомъ, вѣроятно, слышали, какъ о человѣкѣ ученомъ. Греческій историкъ *Сафа* именно такъ и говоритъ, что *„по предложенію русскаго епископа Гедеона* [42]) *и по благословенію* (προτροπήν) п. Іереміи, возвращавшійся (ἐπανέλθων) [43]) Арсеній принялъ на себя преподаваніе греческаго языка въ новой Львовской школѣ". [44]) Получивъ согласіе Арсенія, братство, или самъ Арсеній—обратились къ Іереміи, за его «благословеніемъ», какъ выразился Сафа. Іеремія одобрилъ избраніе Арсенія, съ которымъ онъ могъ познакомиться въ бытность свою митрополитомъ *Ларисскимъ*, вѣдомству котораго была подчинена Элассонская архіепископія—мѣсто прежняго служенія Арсенія. [45])

Должность учителя Львовской братской школы Арсеній проходилъ въ теченіе *почти двухъ лѣтъ*. Какого же рода была его дѣятельность здѣсь?

Въ „извѣщеніи" къ „Еллинословенской грамматикѣ" неопредѣленно сказано: „пріиде... Киръ Арсеніе, иже *школьное ученіе* начеише"... [46]) Также неопредѣленно выразился въ одномъ мѣстѣ и авторъ „Перестроги": патріархъ Іеремія „чрезъ... Арсенія чрезъ двѣ лѣтѣ *училъ*". [47]) Но въ другомъ мѣстѣ онъ опредѣленно указываетъ предметы, которымъ обучалъ Арсеній: *„грамматику грецкую* и съ *словенскимъ писмомъ* не Арсеній ли... училъ двѣ лѣтѣ?" [48]) Тѣ же предметы

обученія указываетъ и г. Д. Зубрицкій: „Арсеній училъ по *гречески* и по *славянски*". [49])

Въ „порядкѣ школьномъ, или уставѣ ставропигійской школы въ Львовѣ 1586 года", [50]) въ § 12 указаны слѣдующіе предметы обученія: „повиненъ будетъ дидаскалъ учити и на писмѣ имъ (ученикамъ) подавати отъ *грамматики*, *реторики*, *діалектики*, *мусики* и отъ прочихъ *внѣшнихъ поетовъ* и отъ святаго *еванелія*, отъ *книгъ апостольскихъ*". [51]) Въ § 10 сказано: „учитися маютъ (ученики) дробнѣ, *псалтыри* или *грамматики* зъ розвязованямъ ей". [52]) Въ § 11 говорится: „по обѣдѣ хлопци маютъ *писати*, сами на таблицахъ каждый *свою науку* выданую имъ отъ дидаскала, кромѣ малыхъ, которымъ самъ виненъ будетъ дидаскалъ писати". [53])

И такъ, параграфы „Устава" не противорѣчатъ извѣстіямъ „Перестроги" и „лѣтописи Львовскаго братства" о предметахъ обученія въ Львовской школѣ. Въ параграфѣ 12 „Устава" *главнымъ предметомъ* обученія названа *грамматика*. Она же указана и въ § 10. „Писанье" каждымъ ученикомъ „своей науки" (§ 11) относится, конечно, къ грамматикѣ. Что касается указанныхъ въ § 12 *реторики*, *діалектики*, *мусики* [54]) и „прочихъ *внѣшнихъ поетовъ*", [55]) то всѣ эти отдѣлы „словесности" въ то время носили общее названіе „грамматики". [56]) Евангеліе, книги апостольскія и псалтырь—были основою всякаго тогдашняго обученія, а потому, и авторъ „Перестроги", и авторъ „Лѣтописи Львовскаго братства" считали совершенно излишнимъ упоминать о нихъ.

Замѣчательно, что въ „Уставѣ" не сказано—о грамматикѣ *какого языка* идетъ въ немъ рѣчь? Но именно это умалчиваніе и заставляетъ думать, что рѣчь идетъ о грамматикѣ *славянскаго языка*: Подробности грамматическихъ пріемовъ, о которыхъ говоритъ § 9 (см. *56 примѣчаніе*) утверждаютъ насъ въ этой мысли. Такіе пріемы, какъ разсказъ и разсужденіе о прочитанномъ, врядъ ли могли дѣлать „дѣти" на греческомъ языкѣ. Но почему въ „Уставѣ" ничего не сказано о преподаваніи *греческаго языка*, которымъ, какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, несомнѣнно занимался Арсеній въ Львовской школѣ? Вѣроятно—потому, что „Уставъ" написанъ

въ то время, когда братство ограничивалось преподаваніемъ въ своей школѣ одного славянскаго языка.

Пр. Филаретъ говоритъ, что предметами ученія въ Львовской школѣ были „языки—греческій, славянскій, русскій (?), діалектика и реторика“ [57]). Но онъ основываетъ свое свидѣтельство на грамотѣ митр. *Михаила* отъ *1592 года*, данной Львовскому училищу. [58]) Но въ 1592 г. Арсенія уже не было во Львовѣ. Слѣд., эта программа школьнаго ученія не относится ко времени Арсенія.

Что Арсеній взялся за преподаваніе *славянскаго языка*— въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: живя въ Греціи, гдѣ всегда было не мало славянъ и готовясь къ поѣздкѣ въ Россію, Арсеній могъ довольно основательно изучить славянскій языкъ. Путешествіе въ Россію увеличило его знакомство съ нимъ. Но здѣсь является интересный вопросъ: *не славянинъ ли Арсеній?* Наше предположеніе имѣетъ нѣкоторое основаніе: кромѣ того факта, что Арсеній преподавалъ во Львовѣ *славянскій языкъ*, можно указать еще и на то обстоятельство, что Арсеній *добровольно* остался въ Россіи. Конечно, въ Россіи нерѣдко оставались и греки, и другіе иностранцы, но несомнѣнно, что славянину было *естественнѣе* остаться въ ней, чѣмъ греку.

Другихъ фактовъ изъ Львовской жизни Арсенія мы не знаемъ. Но за то можемъ указать на *плоды* его учительской дѣятельности.

М. А. Максимовичъ, въ статьѣ „Книжная старина южнорусская“, гл. III, [59]) свидѣтельствуетъ, что первымъ изданіемъ Львовской братской типографіи была „грамматика доброглаголиваго Еллинословенскаго языка. *1591*, въ 8°. [60]) *Пр. Филаретъ*, основываясь на „Описаніи книгъ Толстаго“ г. *Строева* (стр. 64) также утверждаетъ, что эта грамматика издана въ *1591 году*, но даетъ ей другое названіе, именно: „грамматика, сложена отъ различныхъ грамматикъ, спудеями, иже въ Львовской школѣ. Въ друкарни братской [61]) О. *Флеровъ* указываетъ на грамматику съ заглавіемъ, приводимымъ у Строева и, согласно съ нимъ, относитъ ее къ *1591 г.* [62]) Наконецъ, г. *Д. Зубрицкій*, въ брошюрѣ „Historyczne Bada-

nia o drukarniach Rusko-Słwoiańskich w Galicyi" (Lwow, 1836, стр. 15—16), относитъ эту грамматику также къ *1591 г.* и даетъ ей такое заглавіе: „Grammatiką dobrohlaholiwaho Ellino-slowenskaho iazika, sowerszennaho iskustwa osmi czastei slowa ko nakazaniu mnohoimenitomu Rossyiskomu rodu wo Lwowi w drukarni bratskoi roku 1591".

И такъ, всѣ эти лица относятъ грамматику къ *1591 году*. Но одни изъ нихъ даютъ ей одно названіе, другіе—другое. Это разнорѣчіе заставляетъ думать, что здѣсь разумѣются *двѣ различныя* грамматики.

Наше предположеніе оказывается вѣрнымъ. Еще г. Зубрыцкій, въ вышеуказанной своей брошюрѣ (стр. 16), приводитъ свидѣтельство нѣкоего г. *І. Дзержковскаго* (*Iózef Dzierzkowski*) — о томъ, что послѣдній нашелъ два изданія упоминаемой грамматики: одно—*in quarto*, другое—*in octo* и, что оба эти изданія вышли *въ одномъ году*. Г. Зубрыцкій справедливо замѣчаетъ, что потребность въ грамматикѣ не могла быть такъ велика, чтобы вызвать появленіе 2-хъ изданій въ одномъ году. [63]) Но онъ не рѣшаетъ вопроса—какимъ образомъ явились эти два изданія? Вопросъ рѣшается просто.

Въ „Актахъ Зап. Рос.", т. IV, подъ № 4 находимъ: „Посланіе Виленскихъ православныхъ граждaнъ Львовскому братству, съ благодарностью за доставленіе вновь изданной онымъ Славяно-греческой грамматики"... Въ „Посланіи" читаемъ: «посласте намъ начало, преображеніе святыхъ *писаній грамматическихъ языка греческаго и словеньскаго*, наказующе ны да пріймемъ со благоразуміемъ»... [64]) Въ датѣ грамоты говорится: «писанъ у Вильни, въ лѣто по воплощеніи Спаса нашего *1588, мѣсяца мая 28 дня*» [65])

Это свидѣтельство положительно говоритъ, что *въ маѣ 1588 г.* уже существовала изданная во Львовѣ Еллинославянская грамматика. Не отвергая вышеуказанныхъ свидѣтельствъ о томъ, что и въ 1591 г. явилась тамъ же и такая же грамматика, мы приходимъ къ тому же заключенію, къ какому пришелъ и авторъ „Примѣчаній" къ IV тому «Акт. Зап. Рос.», именно,» что *изданіе 1691 года* есть «*изданіе позднѣйшее*, и, можетъ быть, *вовсе новое*» [66]).

Но изъ вышеуказанныхъ извѣстій о грамматикѣ Львовской мы признаемъ, что только гг. Максимовичъ и Зубрыцкій говорятъ о грамматикѣ, изданной въ 1591 г. Остальныя же свидѣтельства касаются грамматики перваго изданія, т. е.— 1588 года. Основываемся на слѣдующемъ соображеніи. Мы уже упомянули, что по словамъ г. Зубрыцкаго—нѣкто г. *Дзержковскій* указываетъ на 2 изданія грамматики: одно: — *in quarto*, другое—*in octo*. Г. Максимовичъ указываетъ на изданіе «въ 8» (in octo), озаглавливая его такъ: „Грамматика доброглаголиваго Еллинословенскаго языка. 1591, въ 8". Г. Зубрыцкій не указываетъ формата извѣстнаго ему изданія. Но, такъ какъ онъ озаглавливаетъ его одинаково съ Максимовичемъ, то, слѣд. и онъ говоритъ объ изданіи in octo. Изданіе, о которомъ говоритъ Строевъ (а со словъ его—пр. Филаретъ и о. Флеровъ), носитъ другое заглавіе, именно: «Грамматика, сложена отъ различныхъ грамматикъ». Какого формата это изданіе—Строевъ не указываетъ, но нужно думать, что оно, какъ отличное отъ предъидущаго, и есть именно изданіе *in quarto*. Такъ какъ изданіемъ 1591 года несомнѣнно было то, о которомъ говорятъ гг. Максимовичъ и Зубрыцкій и, такъ какъ по справедливому замѣчанію Зубрыцкаго — въ одномъ году не могло явиться двухъ изданій, такъ какъ, наконецъ изъ «Посланія Виленскаго братства» мы знаемъ, что въ 1588 г. уже существовала грамматика,—то, несомнѣнно, что упоминаемая Строевымъ «грамматика, сложена отъ различныхъ грамматикъ» и есть, именно, *изданіе 1588 года in quarto*. Указаніе же г. Строева на 1591 годъ, какъ на годъ изданія этой первой грамматики, должно считаться ошибкою.

Кѣмъ издана грамматика 1588 года? Полное ея заглавіе такое: «грамматика, сложена отъ различныхъ грамматикъ *спудеями, иже въ Львовской школѣ*» [67]). Итакъ, сама грамматика свидѣтельствуетъ, что она издана спудеями (учениками) Львовской школы. Мы знаемъ, что 28 мая 1588 г. эта грамматика явилась уже въ Вильнѣ; слѣд. во Львовѣ она вышла въ свѣтъ *раньше*, напр. въ *апрѣлѣ* того же года.

Въ своемъ „Descriptio" Арсеній говоритъ, что онъ выѣхалъ изъ Львова въ началѣ мая 1588 года. [68]) Слѣд., въ апрѣлѣ,

когда по нашему мнѣнію вышла во Львовѣ грамматика,— *Арсеній былъ еще во Львовѣ.*

Мы знаемъ, наконецъ, что Арсеній *два года* былъ учителемъ греческаго и славянскаго языковъ въ Львовской братской школѣ.

Сопоставляя всѣ эти факты, не трудно убѣдиться въ томъ, что 1) грамматика, изданная во Львовѣ въ 1588 г., *составлена учениками нашего Арсенія*; 2) что она *составлена подъ руководствомъ Арсенія*; 3) что она и *напечатана подъ надзоромъ Арсенія.*—Ораторъ, рѣчь котораго приводитъ авторъ „Перестроги“,—прямо говоритъ: «...не Арсеній ли... во Львовѣ... училъ двѣ лѣтѣ? И *яко грамматику черезъ своихъ учневъ зъ друку выдалъ*» („Ак. Зап. Рос.,“ IV, 222). Итакъ, это былъ трудъ не столько учениковъ Арсенія, сколько его самого.

Плоды дѣятельности Арсенія не ограничились одною „грамматикою“ 1588 года. Мы уже знаемъ, что *въ 1591 г.* вышло *2 изданіе* этой грамматики. Г. Зубрицкій свидѣтельствуетъ, что и это 2 изданіе принадлежитъ также ученикамъ Львовской школы [69]), которые, несомнѣнно, были *учениками Арсенія.* Затѣмъ, *въ 1593 г.* вышло во Львовѣ сочиненіе: «Господина Мелетія святѣйшаго папы Александрійскаго, о христіанскомъ благочестіи къ іудеомъ отвѣтъ *афчг* (1593). Во Львовѣ вдруи карнбратской» [70]). Это сочиненіе напечатано двумя текстами *греческимъ* и *славянскимъ*, т. е.—помѣщенъ греческій оригиналъ, съ славянскимъ переводомъ. Въ „послѣсловіи“ сказано: «сія книжица... благодатію же Божіею, *отъ еллинскаго на словенскій языкъ спудеими школы нашея преложивше*, въ общую пользу російскому роду нашему еллински и словенски, изобразихомъ». На слѣд. страницѣ это „послѣсловіе“ переведено на греческій языкъ, что доказываетъ хорошее знаніе львовскими «спудеями» этого языка.

Мы не можемъ утверждать положительно, чтобы и этотъ трудъ былъ совершенъ учениками Арсенія; но, кажется, не сдѣлаемъ натяжки, если признаемъ, что «Отвѣтъ къ іудеомъ» принадлежитъ *ученикамъ учениковъ Арсенія.* Слѣд. и въ этомъ трудѣ можно видѣть слѣды дѣятельности Арсенія. На эту заслугу Арсенія очень ясно указалъ ораторъ, рѣчь котораго

приведена въ „Перестрогѣ". Упомянувъ о „Грамматикѣ" Арсенія, ораторъ прибавляетъ: «*и тогда* въ друкарня грецкого и словенского писма *розмножилося*» [71]). Укажемъ еще на слѣдующіе факты: въ 1589 г. преемникъ Арсенія по школѣ— *учитель Кирило* (по всей вѣроятности—*ученикъ Арсенія* «говорилъ *апологію „по гречески"* на соборѣ въ *Тарнополѣ* подъ предсѣдательствомъ п. Іереміи II [72]). Такъ велики были успѣхи учениковъ Арсенія.

Арсеній учительствовалъ во Львовѣ *почти два года.* Такъ говорятъ—и авторъ „Перестроги" [73]), и «извѣщеніе къ грамматикѣ» 1588 года. [74]) Самъ Арсеній свидѣтельствуетъ, что онъ выѣхалъ изъ Львова *въ началѣ мая 1588 г.* [75]) А такъ какъ онъ пріѣхалъ туда въ іюнѣ 1586 года, то, слѣд., онъ прожилъ во Львовѣ 1 годъ и 11 мѣсяцевъ.

Выѣхавши изъ Львова, Арсеній отправился въ *Замостье* [76]), на свиданіе съ проѣзжавшимъ тогда въ Москву Константинопольскимъ патріархомъ Іеремією II. Изъ Замостья Арсеній поѣхалъ съ патріархомъ въ Москву. Объ этомъ путешествіи его въ Москву, и о пребываніи тамъ, не будемъ здѣсь говорить, такъ какъ обо всемъ этомъ разскажетъ (нѣсколько ниже) самъ авторъ «Descriptio».

Перейдемъ прямо ко времени 2-го выѣзда Арсенія изъ Москвы.

Во 2-ю свою поѣздку въ Москву Арсеній прибылъ туда 13 іюля 1588 г. [77]), а выѣхалъ изъ нея *19 мая 1589 года*, какъ говоритъ «Статейный списокъ о пріѣздѣ п. Іереміи II» [78]). Съ 1589 года и до времени 3-го пріѣзда Арсенія въ Москву, въ *1592 году*, т. е. за $2^1/_2$ года,—мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о жизни Арсенія. Зная, что онъ выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ п. Іереміею, мы не можемъ рѣшить: поѣхалъ ли онъ съ нимъ на родину, или остался въ южной Россіи, съ которою былъ уже знакомъ? Но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ первое предположеніе. Если бы Арсеній остался въ южной Россіи, то о его пребываніи тамъ сохранились бы какія-нибудь извѣстія въ южнорусскихъ источникахъ: прожить эти три года безъ всякаго дѣла Арсеній не могъ: его присутствіе въ Литвѣ было бы замѣчено.

Наше предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующемъ обстоятельствѣ...

Въ «Трудахъ Кіев. Д. Ак.» (1865, октябрь) помѣщено „Дѣяніе Констант. собора *1593 года*“, извлеченное *пр. Порфиріемъ* (бывшимъ епископомъ *Чигиринскимъ*) „изъ греческой рукописи, хранящейся въ библіотекѣ св. обители Синайской“ [79]). Изъ этой же греческой рукописи извлечено и то „предисловіе“, которое помѣщено предъ актомъ „Дѣянія“. Это-то предисловіе и представляетъ для насъ интересъ. Оно подписано такъ: «Смиренный архіепископъ елассонскій и димоникскій *Арсеній*». Оно, несомнѣнно, принадлежитъ нашему Арсенію. Кромѣ подписи, въ этомъ убѣждаетъ и содержаніе предисловія. Оно говоритъ о предметѣ, слишкомъ близкомъ и знакомомъ Арсенію, именно—о избраніи и поставленіи перваго русскаго патріарха. Наконецъ, общій характеръ этой замѣтки и даже отдѣльныя выраженія ея весьма напоминаютъ „Descriptio» Арсенія.—Выписываемъ это «предисловіе», какъ принадлежащее перу Арсенія.

«Въ царствованіе Ѳедора Іоанновича, благочестивѣйшаго великаго царя всея великія Россіи, и благочестивой его царицы Ирины, первымъ святѣйшимъ патріархомъ великороссійскимъ въ Москвѣ поставленъ былъ Іовъ, прежній митрополитъ сего города. Онъ принялъ высочайшую благодать патріаршества отъ святѣйшаго патріарха константинопольскаго Іереміи, по разсужденію и избранію великороссійскихъ архіереевъ, вмѣстѣ съ которыми присутствовали всепреподобнѣйшій митрополитъ монемвасійскій *Іероѳей*, и смиренный архіепископъ елассонскій и димоникскій *Арсеній*, въ 7096 лѣто отъ созданія міра, отъ рожденія же Христова 1588 [80]), когда было великое собраніе и литургія въ всечестномъ и именитомъ храмѣ Пречистыя Богородицы, что близъ царскихъ палатъ, который почтили и назвали патріаршимъ, въ 26 день мѣсяца января, въ который было и производство *κυρ* Іова въ патріарха. Тогда служили литургію всѣ архіереи, архимандриты и игумены великороссійскіе со святѣйшимъ патріархомъ константинопольскимъ *κυρ* Іереміею, въ присутствіи благочестивѣйшаго великаго царя всея великія Россіи, Ѳедора Іоанновича, окру-

женнаго вельможами и боярами его. По окончаніи литургіи всѣ прославили Бога, титуловали и многолѣтствовали царя, благодарили п. Іеремію, и новому патріарху пѣли, ис поллà éти дéспота. Затѣмъ всѣ отправились въ большую трапезу царя, тутъ угобжены (?) были всѣми благами и, прославивъ Бога и многолѣтствовавъ царя, возвратились домой».

Какъ очутилась эта замѣтка Арсенія въ рукописи Синайскаго монастыря? Нельзя думать, чтобы она находилась и на подлинномъ актѣ „Дѣянія Конст. собора 1593 года". Тамъ она не имѣла бы никакого смысла, такъ какъ по характеру своему чужда всякой оффиціальности. Да и притомъ, Арсеній не могъ учавствовать въ этомъ соборѣ, такъ, какъ уже въ 1592 г. онъ былъ въ Москвѣ. Естественнѣе всего полагать, что владѣлецъ означенной рукописи, переписавши для себя «дѣяніе», счелъ интереснымъ переписать и эту замѣтку Арсенія, какъ касающуюся того же предмета. Откуда это лице переписало ее—не можемъ сказать; но несомнѣнно, что не изъ „Descriptio", потому что, хотя нѣкоторыя фразы и напоминаютъ «Descriptio», но въ цѣломъ своемъ составѣ эта замѣтка не есть выписка изъ него. Можно предположить, что самъ Арсеній прислалъ эту замѣтку владѣльцу означенной рукописи. Наконецъ рождается догадка: не Арсенію ли *принадлежала* и самая рукопись, хранящаяся нынѣ въ Синайскомъ монастырѣ? не проживалъ ли онъ самъ въ это время въ Синайскомъ монастырѣ?—Но какъ бы то ни было, а эта замѣтка намекаетъ на то, что Арсеній былъ въ Греціи между 1589 и 1592 годами.

Въ «Снош. Росс. съ Вост.» (ч. I) мы находимъ извѣстіе, утверждающее, что будто-бы Арсеній находился въ Москвѣ *въ 1590 году*. Именно, описывая пріемъ у п. Іова—митрополита Тырновскаго *Діонисія*, авторъ говоритъ: „по правую сторону отъ патріарха сидѣли архіепископы: Вологодскій Іона и Элассонскій *Арсеній*" [81]). Это извѣстіе мы считаемъ ошибкою—или самого автора, или его источниковъ, такъ какъ всѣ русскія извѣстія единогласно свидѣтельствуютъ, что Арсеній, выѣхавши изъ Москвы въ 1589 г., вмѣстѣ съ Іеремією, снова

прибылъ въ Москву только *въ 1592 году*. Вотъ эти свидѣтельства.

„Новый лѣтописецъ", изданный *кн. М. Оболенскимъ*, въ главѣ 47, подъ *7100* (*1592*) годомъ говоритъ: «О пріѣздѣ Арсенія епископа [82]) Галасунскаго [83]). *Того жъ году* пріѣде къ Москвѣ епископъ Галасунскій *Арсеній*, иже послѣди архіепископъ былъ въ Суздали, тамо и скончася» [84]). Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ говорятъ о пріѣздѣ Арсенія въ Москву въ 1592 г.—«Русская лѣтопись по Никонову списку» ч. VIII [85]) и „Лѣтопись о многихъ мятежахъ" [86]). Мы имѣемъ возможность еще точнѣе опредѣлить время 3-го пріѣзда Арсенія въ Москву. Въ «Доп. къ акт. ист.», т. I, подъ № 137 помѣщена „Настольная грамота Новгород. митрополиту *Варлааму*". Эта грамота, данная п. Іовомъ и духовенствомъ *6 марта 1592 года*, свидѣтельствуетъ, что на соборѣ русскихъ іерарховъ, избравшихъ и рукоположившихъ Варлаама въ санъ митрополита, *присутствовалъ*, между прочимъ, *и нашъ Арсеній* [87]). Если же *6 марта* 1592 г. Арсеній уже учавствовалъ на соборѣ русскихъ святителей, то, слѣд., онъ прибылъ въ Москву въ началѣ 1592 г.—въ *январѣ* или *февралѣ*.

Пріѣхавъ въ Москву въ 3-й разъ въ 1592 г., Арсеній остался теперь навсегда въ Россіи, и болѣе уже не видѣлъ своей родины. Живя сначала въ Москвѣ, потомъ въ Суздалѣ, Арсеній провелъ въ Россіи весьма знаменательные годы конца XVI и 1 четверти XVII столѣтія. Въ извѣстіяхъ объ этой эпохѣ имя Арсенія встрѣчается не рѣдко. Прослѣдимъ эти извѣстія.

Когда въ 1589 г. Арсеній прощался на отпускной аудіенціи съ царемъ Θеодоромъ, послѣдній сказалъ ему: «твердо надѣйся, что я никогда не оставлю тебя безъ помощи: многіе города съ ихъ областями я поручу тебѣ, и ты будешь управлять ими въ качествѣ епископа». [88]) Этотъ отвѣтъ царя былъ, конечно, отвѣтомъ на просьбу самого Арсенія—остаться въ Россіи. Самъ Арсеній прямо не говоритъ объ этомъ; но въ одномъ мѣстѣ «Descriptio» заключается очень ясный намекъ на то, что подобная просьба дѣйствительно существовала со стороны Арсенія. Именно, въ своей прощальной рѣчи

къ ц. Θеодору Арсеній выразился такъ: «...каждый день видя собственными глазами твою благосклонность и милосердіе, я ради нихъ *удалился* отъ близкихъ мнѣ соотечественниковъ и отъ своей должности» [89]). Получивши въ 1589 г. разрѣшеніе отъ ц. Θедора—остаться въ Россіи и, отправившись провожать п. Іеремію, Арсеній, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не вернулся тогда же въ Москву, но только въ 1592 году. Но когда, въ этомъ году, онъ прибылъ въ Москву, царь Θеодоръ не исполнилъ своего обѣщанія, т. е.—не далъ ему въ управленіе «многихъ городовъ съ ихъ областями». Обѣщаніе это было исполнено уже Михаиломъ Θедоровичемъ, когда Арсеній, въ 1614 г., получилъ *Суздальскую* каѳедру.

До назначенія же въ Суздаль Арсеній былъ *архіепископомъ Московскаго Архангельскаго собора* [90]). Годъ назначенія его къ этому собору въ точности неизвѣстенъ. Въ «Настольной грамотѣ» данной въ *1592 г.* Новгородскому митрополиту Варлааму, Арсеній называется еще *Элассонскимъ* архіепископомъ [91]). Въ „Ист. Росс. іер." говорится, что «Арсеній, архіепископъ Галасунскій, родомъ грекъ, *съ 1599* года» опредѣленъ къ Архангельскому собору. Но это извѣстіе мы считаемъ ошибочнымъ, основываясь на слѣдующемъ. Въ „грамотѣ утвержденной — объ избраніи царемъ Б. Θ. Годунова", помѣченной *1 августа 1598 г.*, Арсеній въ самомъ текстѣ грамоты названъ такъ: «Арсеней Архіепископъ *Архангельски*», [93]) а подъ грамотою онъ подписался прежнимъ своимъ званіемъ—«Архіепископомъ *Геласонскимъ*» [94]). Но это ничего не значитъ, такъ какъ Арсеній во все время своего служенія при Архангельскомъ соборѣ назывался и подписывался различно—то «Галасунскимъ», то «Архангельскимъ» архіепископомъ. И такъ, *уже въ 1598 г.* Арсеній былъ архіепископомъ Архангельскаго собора. Но нельзя думать, чтобы именно въ этомъ году Арсеній былъ *и опредѣленъ* къ собору: опредѣленіе должно было состояться *раньше*. Арсеній прибылъ въ Москву въ 1592 году. Трудно допустить, чтобы до 1598 г., т. е. въ продолженіе *6 лѣтъ*, онъ оставался въ Москвѣ безъ всякой должности.

Въ чемъ состояли *обязанности* Арсенія при Архангельскомъ соборѣ? Каталогъ архіереевъ, бывшихъ при этомъ со-

борѣ, авторъ „Ист. Рос. іер." озаглавливаетъ такъ: „Преосвященные, бывшіе при Московскомъ Архангельскомъ соборѣ *для поминовенія по усопшихъ* великихъ князьяхъ и царяхъ, почивающихъ въ ономъ соборѣ» [95]). Также опредѣляетъ эти обязанности и одинъ современный актъ. Въ „Акт. ист. т. II, подъ № 355 помѣщена „Записка о царскомъ дворѣ, церковномъ чиноначаліи, придворныхъ чинахъ и пр.", составленная въ 1610—13 г., «по вызову польскаго правительства, чтобы ознакомить юнаго королевича *Владислава* съ учрежденіями и обычаями русскихъ" [96]). Составитель этой «Записки», упомянувъ сначала о патріархѣ и его обязанностяхъ, такъ продолжаетъ объ Арсеніѣ: „да на Москвѣ же *безотступно живетъ у царьскихъ гробовъ*, у Архангела, архіепископъ Еласунскій, изъ грекъ, и *служитъ завсегды по родителѣхъ государьскихъ*" [97]). И такъ, обязанности Арсенія, какъ архіепископа Архангельскаго собора, заключались въ служеніи въ царской усыпальницѣ, которою служилъ тогда Архангельскій соборъ. Вообще, на эту должность нужно смотрѣть—какъ на почетное только званіе, а не какъ на учрежденіе, вызванное необходимостію. Въ этомъ убѣждаетъ насъ списокъ архіереевъ этого собора [98]). Этотъ списокъ началъ нашъ Арсеній, а кончилъ *Аѳанасій*, митрополитъ Грузинскій, въ 50-хъ или 60-хъ годахъ XVIII вѣка. Всѣхъ архіереевъ было 11 и — 6 изъ нихъ были иностранцы: 1 грекъ (Арсеній), 1 сербъ и 4 грузина. Отсюда можно заключить, что эта должность давалась преимущественно иноземцамъ, пріѣзжавшимъ въ Россію и не получавшимъ покуда своей эпархіи. Въ этомъ убѣждаетъ и то обстоятельство, что эта должность не была постоянною, но существовала съ большими перерывами.

Посмотримъ, теперь, на участіе Арсенія въ современныхъ русскихъ событіяхъ. Замѣтимъ напередъ, что участіе его въ этихъ событіяхъ было несравненно дѣятельнѣе; чѣмъ какимъ представляется оно по дошедшимъ до насъ скуднымъ извѣстіямъ.

При жизни Ѳедора Ивановича мы не встрѣчаемъ объ Арсеніи никакихъ извѣстій. Изъ жизни же его, въ царствованіе *Бориса*, извѣстенъ только одинъ фактъ: участіе его въ избра-

ніи Бориса на царство, что доказываетъ подпись Арсенія на избирательномъ актѣ [99]). Но въ какой мѣрѣ онъ содѣйствовалъ избранію Бориса и, вообще, какія были его отношенія къ послѣднему, не можемъ рѣшить, по отсутствію данныхъ.

За время царствованія *Лжедимитрія I* имя Арсенія мы встрѣтили въ 2 современныхъ актахъ. 1) Въ іюнѣ 1605 года была составлена «Поименная роспись духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ», изъ которыхъ долженъ былъ составляться „Совѣтъ (Rada) его Цесарской милости". Въ числѣ духовныхъ особъ, II-е мѣсто занимаетъ «Архіепископъ Архангельскій» («Arcibiskup Archangelski») [100]). Извѣстно, что эта «Роспись» была только проэктомъ, не осуществившимся на дѣлѣ. 2) Второе извѣстіе говоритъ о фактическомъ участіи Арсенія въ одномъ современномъ событіи, именно — въ коронованіи на царство *Марины*, въ 1606 г. Въ церемоніалѣ этого обряда [101]) находимъ указаніе на то, что Арсеній занималъ не послѣднее мѣсто при совершеніи этого обряда [102]).

Въ царствованіе *В. И. Шуйскаго* встрѣчаемъ участіе Арсенія въ одномъ только современномъ событіи, именно—въ соборѣ 1607 года, по поводу „всенароднаго покаянія", придуманнаго Шуйскимъ для поддержанія своего колеблющагося трона [103]). Для совѣщанія объ этомъ предпріятіи царь, въ февралѣ 1607 года [104]), пригласилъ къ себѣ находившихся тогда въ Москвѣ „властей" [105]). Въ числѣ этихъ «властей» былъ и «Арсеній Архіепископъ Архангельскій» [106]). Участіе его въ этомъ дѣлѣ, задуманномъ Шуйскимъ, не даетъ намъ права заключать о близости Арсенія къ царю: Арсеній участвовалъ въ немъ по волѣ царя и, собственно потому, что находился тогда въ Москвѣ.

О дѣятельности Арсенія *въ безгосударственное время*, наступившее послѣ низверженія Шуйскаго, не имѣемъ никакихъ извѣстій до 1611 года, когда онъ является въ осажденномъ Кремлѣ.

Въ октябрѣ 1611 г., бояре, составлявшіе Московскую думу, (партія *Мстиславскаго*, *Салтыкова* и другихъ приверженцевъ кандидатуры польскаго королевича или короля), и осажденные вмѣстѣ съ поляками въ Кремлѣ, поняли, «что только неме-

дленное прибытіе короля или королевича съ войскомъ можетъ спасти ихъ» [107]). Поэтому было отправлено новое посольство къ Сигизмунду „для убѣжденія королевича къ скорому пріѣзду въ Москву и для постановленія договора о всѣхъ статьяхъ, недоконченныхъ прежними послами“ [108]). Этому посольству, состоявшему изъ *кн. Ю. Н. Трубецкаго*, *М. Г. Салтыкова-Морозова* и думнаго дьяка *Янова*, даны были три „вѣрющія грамоты“ (отъ 5 и 6 октября) къ Сигизмунду, Владиславу и къ польскимъ вельможамъ [109]). Эти-то грамоты и представляютъ интересъ по отношенію къ Арсенію.

Грамота бояръ къ Сигизмунду начинается такъ: „Наяснѣйшему великому государю Жигимонту III... великаго московскаго государства, *вачаи государские богомолцы*, *Арсенеи Архіепископъ Архангелскои*, и архимариты и игумены и весь освященный соборъ, и *ваши государские вѣрные подданные*, бояре, и околничие, и дворяне и дьяки думные, *Федоръ Мстиславскои съ товарищи*, и приказные люди, и... челомъ бьютъ“ [110]).

Вторая грамота — къ Владиславу, написана также *отъ имени Арсенія*, «со всѣмъ освященнымъ соборомъ» и—отъ имени бояръ и кн. Ѳ. Мстиславскаго, «съ товарыщи» [111]). Третья грамота—къ польскимъ вельможамъ, написана только отъ имени бояръ и князя Ѳедора Мстиславскаго, «съ товарыщи» [112]).

На основаніи двухъ первыхъ грамотъ мы дѣлаемъ такой выводъ: *въ октябрѣ 1611 года* Арсеній находился въ Москвѣ, вмѣстѣ съ осажденными поляками и, *во главѣ* боярской думы, послалъ посольство къ Сигизмунду для приглашенія въ Москву Владислава.

Для объясненія участія Арсенія въ этомъ событіи необходимо, напередъ, рѣшить слѣд. вопросы: *когда* Арсеній очутился въ осажденномъ Кремлѣ? *зачѣмъ* онъ здѣсь остался? какая была его *роль* здѣсь?

Намъ извѣстно, что Арсеній, какъ архіепископъ Архангельскаго собора, находившагося въ Кремлѣ, долженъ былъ жить при соборѣ «неотступно», чтобы служить тамъ „завсегды по родителѣхъ государскихъ» [113]). Отсюда можно заключать,

что Арсеній *никогда* не оставлялъ Кремля. Слѣд., когда въ 1610 г. Кремль былъ занятъ поляками, Арсеній не оставилъ своего поста—Архангельскаго собора, но продолжалъ служить тамъ по прежнему. Слѣд., онъ остался здѣсь потому, что этого требовали его обязанности, его долгъ. Въ „Прологѣ" [114]) говорится, что Арсеній удержанъ былъ въ осадѣ «*нуждею*», т. е. здѣсь выражена та мысль, что Арсеній, оставшись въ Кремлѣ съ поляками, не былъ въ единомысліи съ ними, такъ какъ онъ не по сочувствію къ нимъ остался здѣсь, но по необходимости—по долгу своей службы.

Какая же была роль Арсенія въ Кремлѣ? Судя по вышеуказаннымъ грамотамъ 1611 г. можно думать, что Арсеній принадлежалъ въ Кремлѣ къ партіи Салтыкова, Мстиславскаго и другихъ, партіи, желавшей возведенія на Московскій престолъ королевича Владислава. Такой выводъ можно было бы сдѣлать, если бы мы имѣли нѣсколько свидѣтельствъ, подобныхъ этимъ грамотамъ. Но на основаніи единичнаго факта нельзя строить такого вывода. Появленіе же имени Арсенія на указанныхъ грамотахъ — легко объясняется. Эти грамоты явились уже послѣ низложенія и заключенія *п. Гермогена* [115]). Слѣд., для приданія большей цѣнности своимъ грамотамъ, московскіе бояре уже не могли воспользоваться его именемъ. Да притомъ, *г. Соловьевъ* справедливо замѣчаетъ, что патріархъ „ни въ какомъ случаѣ не согласился бы подписать грамоту, гдѣ бояре называли себя вѣрными подданными Сигизмунда". [116]) Лжепатріарха *Игнатія* тогда уже не было въ Москвѣ; «въ челѣ кремлевскаго духовенства оставался Арсеній—грекъ [117]). Его-то именемъ и воспользовались московскіе бояре, чтобы показать свое желаніе — желаніемъ и духовенства. Очень возможно, что они, не спрашивая согласія Арсенія, внесли его имя въ грамоты и принудили его подписаться подъ ними. [118]) Такія насилія встрѣчались тогда сплошь и рядомъ.

Но если мы признаемъ шаткими эти доводы и согласимся, что Арсеній *добровольно* подписался на этихъ грамотахъ, то здѣсь не будетъ большой вины со стороны Арсенія. Онъ былъ иностранецъ и, потому, не понимая надлежащимъ образомъ интересовъ русскаго народа, могъ совершенно искренне желать

кандидатуры королевича Владислава. Онъ не могъ питать къ полякамъ той ненависти, какую питалъ къ нимъ природный русскій. Къ вопросу о московскомъ престолонаслѣдіи онъ могъ, какъ чужеземецъ, относиться совершенно индиферентно.

Будучи даже болѣе близкимъ къ русскимъ интересамъ, Арсеній при всемъ томъ могъ желать кандидатуры королевича. Вездѣ находя смуты, неустройства, «шатаніе», рознь, онъ, естественно, желалъ видѣть на ихъ мѣстѣ—покой и порядокъ. Не будучи глубокимъ политикомъ и, главное, не будучи русскимъ человѣкомъ, онъ могъ думать, что для достиженія желаннаго покоя и порядка, необходимъ *какой-нибудь царь*, напр. Владиславъ. Въ немъ онъ могъ видѣть надежду на умиротвореніе изнуренной земли. Не будучи русскимъ, онъ не могъ понять, что вся надежда въ избраніи—*не какого-нибудь царя*, *но—русскаго царя*, указаннаго всею землею, а не толпою заговорщиковъ...

Переходимъ, теперь, ко времени окончанія осады и взятія Кремля (октябрь—ноябрь 1612 г.), когда имя Арсенія снова появляется въ современныхъ извѣстіяхъ.

Въ концѣ августа 1612 г. соединенными усиліями ополченій *Пожарскаго* и *Трубецкаго* гетманъ *Ходкевичъ* былъ отраженъ отъ Москвы и отступилъ къ Можайску. Съ этого времени и до конца октября подъ Москвою не происходило ничего замѣчательнаго. Но дѣло видимо близилось къ концу и клонилось въ пользу русскихъ. Положеніе осажденныхъ поляковъ и русскихъ было ужасное, вслѣдствіе страшнаго голода [119]). Въ это время находился въ Кремлѣ и нашъ Арсеній. Подобно всѣмъ осажденнымъ, и онъ не былъ застрахованъ отъ всѣхъ ужасовъ осады, и его жизнь была здѣсь слишкомъ тяжела. Въ «Иномъ сказаніи о самозванцѣ» читаемъ: „Галасунскому архіепископу бывшю во осадѣ въ Кремли со окаянными поляки и нѣмцы, и *всѣми потребами обнищавшу*, *весь домъ его поляки разграбиша и вся имѣнія его и запасы поимаша*, архіепископъ же *гладомъ помирая* и уже...“ и проч. [120]).

Къ этому времени, именно къ 21 октября 1612 года, современныя сказанія относятъ *явленіе Арсенію св. Сергія*.

Мы имѣли подъ руками слѣд. сказанія объ этомъ явлені :

1) „Прологъ" на 22 октября, статья: «Въ той же день празднуемъ Пресв. Богородицѣ, избавленія ради отъ ляховъ»; 2) «Сказаніе о житіи и о чюдесѣхъ препод. и богоносн. отца Сергія», статья: «О явленіи чюдотворца Сергія Галасунскому архіепископу Арсенію» [121]); 3) «Иное сказаніе о самозванцахъ», статья: „О явленіи Сергія чудотворца на Москвѣ во осадѣ Галасунскому архіепископу Арсенію, и о взятіи у поляковъ града Китая» [122]). Всѣ эти источники почти согласно разсказываютъ объ этомъ явленіи. Нѣсколько разнится отъ другихъ только сказаніе „Пролога". Мы приведемъ начало разсказа по «иному сказанію о самоз»., а конецъ—по «прологу».

Упомянувъ о тяжеломъ положеніи Арсенія въ Кремлѣ [123]), лѣтописецъ такъ разсказываетъ о самомъ явленіи Арсенію св. Сергія: „архіепископъ же (Арсеній) гладомъ помирая и уже живота своего отчаявшуся и отходную ему проговорившу, лежащу ему въ кѣліи *со единымъ старцомъ килеинникомъ* своимъ *является* ему великіи въ чудѣсехъ *Сергіи*, пришедъ къ келіи тихо молитву сотворь. Архіепископъ жъ отъ *зелныя немощи* едва отвѣтъ даетъ — аминь; и абіе входитъ въ келію его преподобн. Сергіи и свѣтъ въ кѣліи возсія, и глагола ему св. Сергій: Арсеніе се убо Господь Богъ молитвъ ради всенепорочныя Владычицы нашея Богородицы и великихъ ради святителей Петра и Алексѣя и Іоны, да и азъ грѣшный съ ними же ходатай быхъ, *заутра градъ Китай предаетъ въ руцѣ христіяномъ и враговъ нашихъ вскорѣ всѣхъ низложитъ и изъ града изъ вержетъ* [124]). Архіепископъ же Арсеній очи свои возвѣдъ и яснѣ видитъ близъ одра его стояща великаго Сергія чудотворца и познавъ его и едва ставъ на ногу поклонися ему; онъ жъ невидимъ бысть отъ очію его»... [125]). Далѣе читаемъ въ «Прологѣ»: «пронесеся же вскорѣ видѣніе сіе *въ слухи благочестивыхъ воеводъ* и всего православнаго россійскаго *воинства*. И абіе благонадежно бывше *по словеси св. Сергіа*, и вооружившеся приступиша ко граду, и вскорѣ *взяша градъ Китай* мѣсяца октоврія въ 22 день» [126]). Въ заключеніе «Прологъ» замѣчаетъ, что со времени этого событія *уставиша праздникъ праздновати пресвятыя Богородицы*, мѣсяца *октоврія въ 22 день*, в оньже преславная по-

бѣда и заступленіе Богоматерними молитвами бысть, на воспоминаніе предбудущимъ родомъ, во славу Христа Бога».

Послѣ взятія русскими Китая, 22 октября, поляки продержались въ Кремлѣ еще мѣсяцъ. Доведенные голодомъ до отчаянія, они сдали, наконецъ, Кремль *27 ноября* [127]). Въ торжествахъ этого великаго дня принималъ участіе и Арсеній.

27 ноября ополченія Пожарскаго и Трубецкаго, собравшись въ двухъ различныхъ мѣстахъ Москвы, и взявши кресты и образа, двинулись въ Китай-городъ и «сошлись у лобнаго мѣста», разсказываетъ г. Соловьевъ, «гдѣ Троицкій архимандритъ *Діонисій* началъ служить молебенъ, и вотъ изъ Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ, изъ Кремля показался другой крестный ходъ: *шелъ Галасунскій* (Архангельскій) *архіепископъ Арсеній съ Кремлевскимъ духовенствомъ и несли Владимірскую*: вопль и рыданія раздались въ народѣ, который уже потерялъ было надежду когда либо увидать этотъ дорогой для москвичей и всѣхъ русскихъ образъ. Послѣ молебна войско и народъ двинулись въ Кремль»... [128]).

Первымъ дѣломъ вождей народнаго ополченія, послѣ очищенія Москвы отъ поляковъ, было *избраніе царя* по желанію всей земли. Выборъ народа палъ на Михаила Өедоровича Романова. Въ этомъ великомъ событіи не могъ не принять участія и нашъ Арсеній. Это участіе доказывается *подписью* его на „грамотѣ, утвержденной о избраніи Михаила Өеодоровича... [129]) На этой грамотѣ, писанной 11 мая 1613 г., Арсеній подписался такъ: „смиренный Арсеній, Божіею милостію, Архіепископъ Архангельскій“. [130]).

Живя въ это время въ Москвѣ, Арсеній, естественно, принималъ участіе и въ другихъ событіяхъ по поводу избранія царя, напр. — въ *встрѣчѣ* его, происходившей 2 мая [131]). «Иное сказаніе о самозв.» свидѣтельствуетъ, что Арсеній, вмѣстѣ съ другими лицами, встрѣчалъ царя «близъ царствующаго града Москвы» [132]). 11 іюля происходило *царское вѣнчаніе*, въ которомъ участвовалъ и Арсеній. О немъ упоминается въ двухъ мѣстахъ «чина вѣнчанія» [133]). Въ первое время, по избраніи Михаила, дѣлами государства завѣдывала дума. *Въ дѣлахъ* этой *думы* принималъ участіе и Арсеній,

что доказывается его подписями на 2-хъ современныхъ грамотахъ, именно—1) на «Соборной грамотѣ россійскаго духовенства *Строгановымъ*»... [134]), и 2) на «жалованной грамотѣ» (январь 1614 г.) духовенства и бояръ *кн. Д. Т. Трубецкому*—за заслуги его въ смутное время [135]).

Переходимъ къ новой эпохѣ въ жизни Арсенія—къ *назначенію его на Суздальскую каѳедру*.

Въ каталогѣ Суздальскихъ архіереевъ, помѣщенномъ въ «Ист. Росс. іер.», подъ № 23, читаемъ слѣд.: „*Арсеній опредѣленъ* изъ греческихъ *Гамусинскихъ епископовъ въ 1584 году*. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ послѣ былъ архіепископомъ [136]). Преемникомъ Арсенія называется, далѣе (подъ № 24), *Іовъ—съ 1589 года*. И такъ, авторъ «Ист. Р. іер.» полагаетъ, что Арсеній Элассонскій занималъ Суздальскую каѳедру *съ 1584 по 1589 г.* Но, зная предъидущую жизнь Арсенія, мы положительно утверждаемъ, что это извѣстіе «Ист. Р. іер.» *лишено* всякаго историческаго *основанія*.

Когда же Арсеній былъ назначенъ на Суздальскую каѳедру?

Въ «Ист. Р. і.», въ спискѣ Суздальскихъ владыкъ, подъ № 28 читаемъ: «*Арсеній, хиротонисанъ 1613*» [137]). Здѣсь несомнѣнно разумѣется нашъ Арсеній. Но и это извѣстіе страдаетъ неточностями: 1) Арсеній не могъ быть *хиротонисанъ* на Суздальскую каѳедру, такъ какъ передъ тѣмъ онъ былъ уже нѣсколько лѣтъ архіепископомъ Архангельскаго собора. Да и пріѣхалъ онъ въ Россію уже въ санѣ архіепископа. Слѣд., вмѣсто «хиротонисанъ» нужно поставить здѣсь—«назначенъ». 2) Арсеній назначенъ въ Суздаль не въ 1613 г., а *позже*. Существуютъ еще 4 извѣстія, указывающія на 1613 г., какъ на годъ назначенія Арсенія въ Суздаль. Это свидѣтельства—1) списка Суздальскихъ архіереевъ, помѣщеннаго въ «Ж. М. Н. П.», 1852, ч. LXXV [138]); 2) «историческаго собранія о богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ», составленнаго (въ 1754 г.) ключаремъ Суздальскаго собора *Ананіею Ѳедоровымъ* [139]) 3); «каталога учиненнаго... при преосв. *Тихонѣ* еп. Суждальскомъ... о прежде бывшихъ въ Суждалѣ преосвященныхъ» [140]), и 4) «Иного сказанія о самозванцахъ». [141])

Но всѣ эти свидѣтельства совершенно неосновательны. Мы знаемъ, что *въ маѣ 1613 года* Арсеній былъ еще архіепископомъ Архангельскаго собора: такъ онъ подписался на грамотѣ о избраніи Михаила Ѳедоровича [142]) и на грамотѣ къ Строгановымъ [143]). При Архангельскомъ же соборѣ Арсеній состоялъ и *въ январѣ 1614 года*, что доказываетъ подпись его на «жалованной грамотѣ», данной, въ январѣ 1614 г., кн. Д. Т. Трубецкому [144]). Въ 1613 и 1614 г. Суздальскимъ архіепископомъ былъ еще предшественникъ Арсенія—*Герасимъ*: онъ упоминается Суздальскимъ архіепископомъ *въ сентябрѣ 1614 г.*, когда онъ, вмѣстѣ съ *кн. Б.* М. *Лыковымъ*, былъ отправленъ къ атаманамъ казаковъ и къ «воровскимъ людямъ» уговорить ихъ, чтобы «они отъ воровства отстали и крови крестьянской не проливали и городовъ и уѣздовъ не воевали» [145]). Затѣмъ мы не встрѣчаемъ дальнѣйшихъ извѣстій о Герасимѣ. Можно, поэтому, думать, что онъ скончался вскорѣ послѣ своего посольства къ казакамъ. Преемникомъ его былъ Арсеній. И такъ, необходимо признать, что Арсеній *назначенъ на Суздальскую архіепископію въ концѣ 1614 г., или началѣ 1615 г.* Болѣе точнаго указанія не можемъ сдѣлать. Въ первый разъ онъ упоминается, какъ архіепископъ Суздальскій, въ грамотѣ *1617 года* [146]).

Въ «Соборной грамотѣ Росс. духовенства Строгановымъ», писанной въ маѣ 1613 г., Арсеній подписался такъ: «Смиренный Арсеній, Божіею милостію, Архіепископъ Архангельскій и *Тверскій и Кашинскій*» [147]). Отсюда видно, что въ 1613 г. Арсеній былъ назначенъ въ *Тверь*; но, по какимъ-то неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, это назначеніе *не состоялось*. Это подтверждается тѣмъ, что въ «Ист. Рос. іер.», въ спискѣ тверскихъ іерарховъ, передъ *Пафнутіемъ* (хиротонисанъ въ 1608 г.) стоитъ (безъ №) „*Арсеній II сомнительный*“ [148]). Слѣд. и авторъ „И. Р. І.“ имѣлъ указанія на какія-то отношенія какого-то Арсенія къ тверской архіепископіи. Имѣя въ виду вышеуказанное свидѣтельство «Соборной грамоты Строгановымъ», можно допустить, что здѣсь разумѣется нашъ Арсеній.

Относительно дѣятельности Арсенія въ Суздалѣ прихо-

дится довольствоваться весьма немногими и отрывочными фактами. Перечислимъ эти факты.

1) Въ «Актахъ Ист.», т. I, подъ № 200 помѣщена «Жалованная грамота Суздальскому епископу *Варлааму, о архіерейскихъ вотчинахъ»*. Эта грамота, данная Иваномъ Васильевичемъ IV, въ 1578 г., освобождала вотчины Суздальской каѳедры отъ многихъ государственныхъ и земскихъ повинностей. Послѣ грамоты Ивана IV слѣдуютъ, подъ тѣмъ же № 200, «подтвердительныя записи» слѣдующихъ царей, данныя преемникамъ еп. Варлаама. 4-я и 5-я «подтвердительныя записи» даны *архіеп. Арсенію, въ 7125 (1617)* году. Эти «записи», не дававшія Суздальской каѳедрѣ никакихъ новыхъ правъ, но подтверждавшія только прежнія права, были выданы царемъ *по просьбѣ* Арсенія. 2) Въ первыхъ годахъ XVII ст. Суздальскимъ архіепископомъ былъ *Герасимъ* (не предшественникъ Арсенія, а другой). Неизвѣстно по какому случаю онъ находился въ Москвѣ въ 1605 г., когда ею овладѣлъ Лжедимитрій I. «Поляки взяли его въ плѣнъ; принуждали, чтобы онъ послалъ грамоты въ свою паству съ повелѣніемъ—молиться за самозванца. Святитель не согласился. Его посадили подъ стражу въ Чудовъ монастырь» [149]), гдѣ онъ умеръ и погребенъ. Память Герасима уважалась суздальцами: они желали имѣть у себя его останки. Арсеній принялся за это дѣло и выхлопоталъ у царя разрѣшеніе—*перевезти тѣло Герасима* въ Суздаль. Въ какомъ году это происходило—неизвѣстно, такъ какъ указаній на это мы не нашли въ «Ист. собраніи о градѣ Суждалѣ», откуда заимствуемъ это извѣстіе [150]).

3) Послѣдніе годы своей страдальческой жизни несчастная *Ксенія Борисовна Годунова* (въ иночествѣ *Ольга*) провела въ Суздальскомъ Покровскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ и скончалась *30 августа 1622 г.* [151]). «Передъ смертію она била челомъ царю, чтобъ позволилъ *похоронить* ее въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ вмѣстѣ съ отцемъ и матерью.—Царь исполнилъ просьбу» [152]). Этотъ послѣдній печальный долгъ царственной фамиліи Годуновыхъ пришлось выполнить Арсе-

нію: онъ перевезъ тѣло Ксеніи въ Москву. За это дѣло Арсеній взялся по царскому повелѣнію, какъ показываетъ «царская грамота (1622 г.)» [153]).

4) Укажемъ, наконецъ, на нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ *объ отношеніяхъ Арсенія къ мѣстной святынѣ*, которою такъ богатъ древній Суздаль. Въ 3 главѣ 3 част, «Ист. собранія о градѣ Суждалѣ», гдѣ собраны доказательства святости мѣстныхъ святителей *Өедора* и *Іоанна*, первымъ доказательствомъ поставлено то, что память этихъ святителей всегда праздновалась Арсеніемъ [154]). Второе доказательство—то, что Арсеній (какъ и другіе суздальскіе архіереи) оканчивалъ «*свои писанія* (съ коихъ имѣются многія отпуски) къ разнымъ персонамъ» писанныя [155]) такимъ образомъ: «а милость Божія и пречистыя Богородицы, и великихъ святителей и чудотворцевъ Іоанна и Өеодора Суждальскихъ да будетъ» [156]). Сюда же относится и то обстоятельство, что Арсеній по повелѣнію п. Филарета «прилежно и достовѣрно испытывалъ» *о чудесахъ*, бывшихъ въ Суздалѣ отъ мѣстной *иконы Казанской Богоматери* и, собравъ эти свидѣтельства, отправилъ ихъ къ патріарху [157]).

Живя въ Суздалѣ, Арсеній принималъ иногда участіе и въ современныхъ общерусскихъ событіяхъ. Такъ, извѣстно, что онъ—1) участвовалъ *на соборѣ 1618 г.*, учрежденномъ по дѣлу Троицкаго архимандрита *Діонисія* и его сотрудниковъ по исправленію печатныхъ книгъ ([158]); 2) въ *январѣ 1619 г.* находясь въ Москвѣ, Арсеній участвовалъ въ избраніи и рукоположеніи священно-инока *Іосифа* въ санъ архіепископа Рязанскаго ([159]); 3) въ *іюнѣ 1619 года* Арсеній принималъ участіе въ пріемѣ и поставленіи Филарета Никитича въ санъ патріарха всероссійскаго [160]).

О годѣ смерти Арсенія существуютъ разнорѣчивыя показанія. «Ист. Р. Іер.» утверждаетъ, что онъ умеръ въ *1624 г.* [161]). Списокъ суздальскихъ архіереевъ, помѣщенный въ Ж. М. Н. П.», 1852, ч. LXXV [162]), годомъ смерти Арсенія называетъ *1629 годъ*. «Каталогъ учиненный... при пр. Тихонѣ... о прежде бывшихъ въ Суждалѣ преосвященныхъ [163]) свидѣтельствуетъ, что Арсеній умеръ въ *1634 году*.

Извѣстіе «Ист. Р. І.» должно быть отвергнуто потому, что въ 1624 году Арсеній былъ *еще живъ*. Въ этомъ году, какъ свидѣтельствуетъ *гр.* М. *Толстой*, Арсеній *пожертвовалъ* въ Суздальскій Ризположенскій женскій монастырь—*мѣдный ковшикъ*, который и теперь тамъ хранится [164])—2-е указаніе также лишено основаній: Арсеній не могъ быть Суздальскимъ архіепископомъ въ 1629 году, потому что, уже въ 1628 году, мы встрѣчаемъ суздальскимъ архіепископомъ *Іосифа*, преемника Арсенія [165]). Понятно, послѣ этого, что 3-е указаніе совершенно неосновательно.

Въ какомъ же году умеръ Арсеній? Мы видѣли, что въ 1624 г. онъ былъ живъ. А въ *1626 г.* мы не находимъ уже Арсенія въ числѣ русскихъ святителей. Въ этомъ году, во время страшнаго Московскаго пожара 3 мая сгорѣла на Патріаршемъ дворѣ «Настольная грамота», данная въ 1619 г. п. Θеофаномъ и русскими святителями—п. Филарету [166]). Тогда была составлена новая «Утвердительная грамота» п. Филарету [167]). Это былъ документъ первостепенной важности, а потому онъ былъ подписанъ *всѣми наличными русскими святителями* [168]). Но между этими подписями мы *не находимъ подписи* Суздальскаго и Тарусскаго архіепископа *Арсенія*. Чѣмъ это объясняется?—болѣзнію, невозможностью пріѣхать въ Москву и т. п.—нельзя, потому что по этому дѣлу не было созываемо собора въ Москвѣ, а просто была составлена грамота и разсылалась для подписи тѣмъ святителямъ, которыхъ не было тогда въ Москвѣ. Если бы Арсеній былъ живъ въ маѣ 1626 г., если бы онъ даже былъ боленъ въ это время, то и тогда онъ подписалъ бы эту грамоту, какъ документъ слишкомъ важный. Но такъ какъ мы не видимъ на немъ подписи Арсенія, то естественно заключить, что въ маѣ 1626 г. его уже не было въ живыхъ. И такъ, Арсеній *умеръ въ 1625 году*, или въ началѣ 1626 г., послѣ 12-тилѣтняго святительствованія въ Суздалѣ. На этотъ годъ кончины Арсенія указываетъ и «Ист. собр. о градѣ Суждалѣ» [169]). Онъ умеръ *29 апрѣля* [170]).

«Ист. собр. о гр. Сужд.» говоритъ, что Арсеній «положенъ бысть въ Суждальской соборной церкви у западнаго лѣваго столба» [171]). *Гр. М. Толстой* прибавляетъ, что онъ

погребенъ у *лѣвой стороны* этого столба [172]). Но изъ плана Суздальскаго собора, приложеннаго къ «Истор. собр. о гр. Суж.», видно [173]), что гробъ Арсенія находится у *правой стороны* столба.

Исторія Арсенія въ Суздалѣ не кончилась съ его смертію. Въ *1668 г.* Суздальскій архіепископъ *Стефанъ* доносилъ *п. Іосафу*, что на гробѣ Арсенія *осыпался* кирпичный сводъ и земля, такъ что видѣнъ самый гробъ, и потому «подлѣ тоя гробницы *непочиня стоять нельзя*» [174]). На это донесеніе п. Іосафъ отвѣчалъ, что послѣ совѣщанія съ царемъ и патріархами — *Паисіемъ* Александрійскимъ и *Макаріемъ* Антіохійскимъ, рѣшено — *освидѣтельствовать* гробъ Арсенія, для какой цѣли и посылается въ Суздаль чудовскій архимандритъ *Іоакимъ* [175]). Произведя освидѣтельствовоніе, архіеп. Стефанъ отвѣчалъ патріарху, что онъ съ архим. Іоакимомъ «*мощи Арсенія* архіепископа *досматривали*, и тѣ мощи въ новой гробъ преложили и поставили на прежнемъ мѣстѣ» [176]).

Гр. М. Толстой прибавляетъ, что «мощи обрѣтены *нетлѣнными*» [177]). Но авторъ «Ист. собранія»... не говоритъ этого, если не считать намекомъ на это обстоятельство того, что онъ называетъ тѣло Арсенія «мощами». Онъ прибавляетъ только дальше, что архіеп. Стефанъ и архим. Іоакимъ совершили 28 апрѣля (канунъ дня кончины Арсенія) того же года литургію и панихиду надъ «мощами его; а въ іюлѣ того же года была устроена надъ гробомъ Арсенія деревянная «гробница» [178]). Можно думать, что гр. Толстой основывался въ этомъ случаѣ на *мѣстномъ преданіи*, что свидѣтельствуетъ о глубокомъ уваженіи суздальцевъ къ памяти Арсенія.

Существуютъ и другія доказательства того, что въ Суздалѣ жила (въ XVIII вѣкѣ) память объ Арсеніи, какъ *о человѣкѣ святой жизни*. Эти свидѣтельства мы заимствуемъ изъ «Ист. собранія о градѣ Суждалѣ».

Во первыхъ, авторъ этого памятника вездѣ, гдѣ только приходится ему говорить объ Арсеніи, называетъ его — то «святителемъ» (стр. 46—47, 154, 201), то «святымъ» (203 с. даже — «чудотворцемъ» (34 с.). Замѣчательно, что послѣдній

эпитетъ данъ Арсенію архіеп. Стефаномъ, свидѣтельствовавшимъ тѣло его. Подобное благоговѣніе къ памяти Арсенія питали и другіе суздальскіе архіереи. Напр. въ 1756 г. митрополитъ *Сильвестръ*, обративъ вниманіе на гробницу *«великаго святителя»* Арсенія, велѣлъ устроить надъ нею желѣзную рѣшетку — *«да не попираемо будетъ* то мѣсто народомъ» (153 с.). *«И нынѣ* то мѣсто» — прибавляетъ авторъ — *«всѣмъ* есть *знаемо» (ibid)*. Слѣдовательно, память объ Арсеніи жила не только у людей книжныхъ, но и въ народѣ.

Мы имѣемъ еще болѣе сильное доказательство того, что суздальцы относились къ Арсенію, какъ къ человѣку святому. Это—существованіе въ Суздалѣ, и окрестностяхъ его, *иконъ съ ликомъ Арсенія.* Авторъ «Ист. собранія»... насчитываетъ *пять* извѣстныхъ ему иконъ съ изображеніемъ Арсенія (33—34 стр.). Одна изъ этихъ иконъ была написана въ 1668 году, тотчасъ послѣ освидѣтельствованія гроба Арсенія [179]). Такъ ли относятся суздальцы и теперь къ Арсенію—мы не знаемъ. Но, имѣя въ виду, что гр. М. В. Толстой (посѣтившій Суздаль въ 1868 году) передаетъ мѣстное преданіе о томъ, что при освидѣтельствованіи гроба Арсенія въ 1868 г. тѣло его найдено *нетлѣннымъ* [186]),—можно предположить, что и въ настоящее время суздальцы относятся къ Арсенію, какъ къ святому человѣку.

Для полноты очерка жизни Арсенія необходимо сдѣлать *характеристику умственной и нравственной личности его* — насколько это будетъ возможно при скудости и отрывочности нашихъ извѣстій о немъ. Кромѣ извѣстныхъ намъ фактовъ изъ жизни Арсенія, мы должны имѣть въ виду и „Descriptio" потому, что для характеристики писателя, сочиненія его могутъ представлять богатый матеріалъ. Но «Descriptio» написано съ замѣчательною *объективностію*: личность автора проглядываетъ въ немъ весьма рѣдко и то—въ двухъ-трехъ словахъ. Положимъ, нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ писателю, который менѣе всего занятъ собою,—нельзя не видѣть въ этомъ черты его высокаго благородства; но въ данномъ случаѣ, при скудости другихъ матеріаловъ, нельзя и не

пожалѣть о томъ, что Арсеній слишкомъ объективенъ въ своемъ сочиненіи.

Современный греческій историкъ *Сафа* называетъ Арсенія *«ученымъ* (λόγιος) архіепископомъ» ([181]). Г. *Терновскій* говоритъ о немъ, что онъ извѣстенъ «своею *образованностію* и литературными произведеніями" ([182]). Дѣйствительно, объ Арсеніи можно сказать, что онъ былъ—если не «ученымъ», то, несомнѣнно, „образованнымъ» человѣкомъ. Мы знаемъ, что Арсеній въ продолженіе 2 лѣтъ былъ учителемъ Львовской братской школы, гдѣ преподавалъ греческій и славянскій языки. Въ какомъ бы объемѣ онъ ни читалъ тамъ эти предметы, во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ обладать и извѣстною долею знаній и педагогическими способностями. А что у него было то и другое—это ясно доказывается тѣми *плодами,* какіе принесла дѣятельность его во Львовѣ (см. выше). Еще съ большимъ правомъ мы должны назвать Арсенія человѣкомъ образованнымъ, если обратимъ вниманіе на то, что онъ, будучи грекомъ, преподавалъ *славянскій языкъ.* Доказательствомъ образованности Арсенія служитъ, наконецъ, его «Descriptio». Правда, это сочиненіе не можетъ быть названо замѣчательнымъ въ стилистическомъ отношеніи; но, тѣмъ не менѣе, въ немъ не мало достоинствъ [183]). Оно написано очень живо; въ авторѣ замѣчается большая наблюдательность. Тонъ всего сочиненія—мягкій, ровный, спокойный. Отличительная черта его—объективность. Авторъ говоритъ о себѣ лишь на столько, на сколько онъ участвовалъ въ описываемыхъ событіяхъ. И въ послѣднихъ случаяхъ онъ говоритъ о себѣ всегда скромно и просто. Сочиненіе не безъ недостатковъ, конечно; но они — внѣшняго характера, напр. отсутствіе хронологіи, повторенія фразъ, даже цѣлыхъ періодовъ и т. п.

Первая черта *нравственной личности* Арсенія—необыкновенная *скромность,* смиреніе. Оно проглядываетъ въ каждой строкѣ его «Descriptio»—въ отзывахъ какъ о себѣ, такъ и о другихъ. Самого себя онъ называетъ „смиреннымъ" «малѣйшимъ изъ всѣхъ» (omnium minimum), «презрѣннѣйшимъ грѣшникомъ» (peccatorem abjectissimum), и т. п. Отзывы

его о другихъ лицахъ, далекихъ для него — весьма почтительны. Напр., царя *Θеодора* онъ величаетъ—«знаменитѣйшимъ», «величайшимъ, могущественнѣйшимъ» и проч.; царицу *Ирину* «прекраснѣйшею, богобоязненною, благочестивѣйшею» и т. п. Также почтительны его отзывы о *Б. Годуновѣ*, посольскомъ дьякѣ *Анд. Щелкаловѣ*, польскомъ канцлерѣ *Янѣ Замойскомъ* и др. Мы могли бы заподозрить искренность всѣхъ этихъ эпитетовъ, такъ какъ понимаемъ ихъ преувеличенность,—если бы имѣли доказательства близости Арсенія къ этимъ лицамъ, и если бы видѣли, что привязанность его къ нимъ была награждена. Эта почтительность выраженій Арсенія объясняется единственно главною чертою его характера—смиреніемъ. Еще почтительнѣе отзывается онъ о людахъ близкихъ себѣ, напр.: *Іеремію II* онъ называетъ—«великимъ мужемъ, божественнымъ, вторымъ подобіемъ Іова и пророка Іереміи» и т. п.

Также часто проглядываетъ въ «Descriptio» и «другая черта характера Арсенія—*простота* души старчески-юной, наивной. Особенно рѣзко она проглядываетъ тамъ, гдѣ Арсеній описываетъ роскошь и великолѣпіе царскихъ палатъ въ Москвѣ. богатые наряды царя, царицы, придворныхъ и проч. Здѣсь нѣтъ конца его дѣтски-наивному изумленію...

Третья черта его личности—необыкновенная *мягкость* характера. Общій тонъ «Descriptio» — *довольство* рѣшительно всѣмъ. Онъ доволенъ и путешествіемъ по Польшѣ, тамошними пріемами, и поѣздкою въ Москву, пріемами, ласкою и щедростію царя и царицы и пр., и пр. [184]). Очень характеристично слѣд. проявленіе его мягкости: когда Арсеній, на аудіенціи у царицы, выслушалъ горячую рѣчь Ирины, въ которой она просила святителей молиться о дарованіи ей наслѣдника, на него эта страстная мольба произвела такое сильное впечатлѣніе, что онъ *заплакалъ*. Нигдѣ мы не встрѣчаемъ рѣзкаго отзыва Арсенія о комъ-либо. Замѣчательно также, что онъ сохранилъ хорошія воспоминанія о всѣхъ мѣстахъ своей дѣятельности. Въ Элассонъ, напр., онъ посылаетъ цѣнные подарки. О Львовѣ нигдѣ не отзывается дурно. При Архангельскомъ соборѣ онъ служитъ около 20 лѣтъ и—не

жалуется на такую узкую сферу дѣятельности. Получивъ назначеніе въ Суздаль, онъ живетъ здѣсь до самой смерти, не проситъ никуда въ другое мѣсто, не ищетъ ничего новаго. Вездѣ онъ доволенъ своимъ положеніемъ, со всѣми уживается.

Нельзя не обратить вниманія и на то, что никто, сколько намъ извѣстно, не сдѣлалъ дурного отзыва объ Арсеніи. Мы знаемъ одни хорошіе отзывы о немъ, напр. Константинопольскаго патріарха *Ѳеолипта*, Александрійскаго патріарха *Сильвестра* (см. выше) и проч.

Таковъ былъ характеръ Арсенія. Этому характеру вполнѣ *соотвѣтствовала и его жизнь*. Мы не знаемъ въ жизни Арсенія ни одного такого поступка, за который можно было бы упрекнуть его, который бы легъ на него грязнымъ пятномъ, а между тѣмъ онъ жилъ въ Россіи въ то время, когда—по мѣткому выраженію старицы Мароы—„всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ *измалодушествовались*" [185]), когда — по другому характерному выраженію современника—«*не было истины ни въ комъ*: ни въ патріархѣ, ни въ народѣ, ни въ церковномъ чинѣ» [186]). При своемъ характерѣ—мягкомъ, добромъ—Арсеній не могъ кинуться въ водоворотъ политическихъ страстей. У него лежало сердце къ одному дѣлу — служенію церкви. Ревность его къ своему служенію рѣзко проявилась въ смутное время. Въ тяжолое для Москвы время 1611—12 гг., когда Москвою овладѣли и господствовали въ ней поляки, Арсеній остался вѣрнымъ стражемъ того поста, на который былъ поставленъ церковною властію: онъ не оставилъ своего Архангельскаго собора. Доказательствомъ безукоризненной жизни Арсенія служитъ, наконецъ, то обстоятельство, что послѣ своей смерти онъ чествуется въ Суздалѣ, какъ святой человѣкъ.

Вообще личность Арсенія представляется довольно свѣтлою, симпатичною... Если мы ничего почти не сказали о недостаткахъ Арсенія, то вовсе не изъ желанія скрыть ихъ, а единственно потому, что дошедшіе до насъ источники ничего не говорятъ о нихъ.

Мы кончили біографію Арсенія. Нашъ разсказъ нельзя назвать полнымъ очеркомъ его жизни. Такого очерка невоз-

можно составить теперь, при существующихъ весьма скудныхъ матеріалахъ. Мы не думаемъ, однако, чтобы на родинѣ Арсенія—въ Греціи и, особенно, въ Элассонѣ, не осталось никакихъ слѣдовъ его дѣятельности, никакихъ указаній на его тамошнюю жизнь. Точно также должны были сохраниться слѣды его жизни во Львовѣ. Не безслѣдно, думаемъ, протекло и его 20-ти лѣтнее служеніе Архангельскому собору. Но самый богатый матеріалъ долженъ былъ остаться въ Суздалѣ, гдѣ онъ прожилъ около 12 лѣтъ [187]). Только собравши весь этотъ матеріалъ можно будетъ представить полный очеркъ жизни и дѣятельности Арсенія Элассонскаго.

II.

Библіографія «Descriptio itineris in Moscoviam.»

Что́ «Descriptio itineris in Moscoviam» написано Арсеніемъ архіеп. Элассонскимъ, а не кѣмъ либо другимъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Никогда этотъ вопросъ не возбуждалъ сомнѣній и—никто (кромѣ г. Старчевскаго) не приписывалъ принадлежность «Descriptio», какому-либо другому лицу. Всѣ издатели «Descriptio» и всѣ лица, упоминавшія о немъ, единогласно приписываютъ „Descriptio“ Арсенію Элассонскому. Не будемъ приводить свидѣтельствъ этихъ лицъ, но только укажемъ на такіе авторитеты, какъ *Бекманъ*, *Вихманнъ*, *Аделунгъ*, *А. Н Муравьевъ* («Сношенія Росс. съ Вост.» ч. I), *пр. Филаретъ*, *Сафа* и др.

Когда написано Арсеніемъ «Descriptio»? Ни въ самомъ «Д—о», ни въ извѣстіяхъ о немъ, нигдѣ мы не нашли рѣшенія этого вопроса. Одинъ только г. *Старчевскій* говоритъ, что „D—о“ написано Арсеніемъ «по возвращеніи изъ Россіи» [188]). Правда, мы знаемъ, что Арсеній могъ быть въ Греціи между 1589 и 1592 гг.; но нельзя согласиться, чтобы именно въ это время было написано имъ «D—о»: нужно полагать, что оно написано гораздо *позже* этого времени.

1) Главный предметъ „D—о“ разсказъ объ учрежденіи

патріаршества въ Россіи. Но какъ описано Арсеніемъ это событіе? Прежде всего мы замѣчаемъ въ описаніи, какъ этого главнаго событія, такъ и другихъ подобныхъ обстоятельствъ— полнѣйшее *отсутствіе хронологіи*. Мы встрѣчаемъ въ „D—o" только 3 точныя хронологическія указанія: 1 мая 1588 г.— день, въ который Арсеній получилъ во Львовѣ письмо отъ Іереміи; 20 мая того же года — одинъ изъ дней пребыванія Арсенія въ Замостьѣ; 26 января 1589 г. — день поставленія Іова въ санъ патріарха. При указаніи же времени событій Арсеній выражается очень неопредѣленно: „черезъ 10 дней", „по истеченіи опредѣленнаго времени", „по прошествіи дней, недѣль" и т. п. 2) Далѣе, мы замѣчаемъ въ „D—o" рѣдкое упоминаніе собственныхъ именъ. Мы встрѣчаемъ только слѣд. имена: *ц. Ѳеодръ*, *ц. Ирина*, *п. Іеремія*, *п. Іовъ*, *Борисъ* (Годуновъ), *А. и В. Щелкаловы*, польскій канцлеръ *Іоаннъ* (Замойскій), митр. *Іероѳей*, архидіаконъ *Леонтій* и—только. А между тѣмъ, Арсенію приходилось встрѣчаться въ это время съ очень многими лицами, а съ нѣкоторыми и сходиться очень близко, но о большинствѣ встрѣчавшихся ему лицъ онъ глухо говоритъ: „епископы", „бояре", „военачальники", „казначей", „великій протопопъ" и т. п. 3) Наконецъ, сравнивая разсказъ Арсенія объ учрежденіи патріаршества съ русскими извѣстіями, мы видимъ, что нѣкоторыя событія *пропущены* Арсеніемъ, другія *измѣнены*. — Всѣ эти недостатки «D—o» ясно показываютъ, что оно написано Арсеніемъ *долго спустя* послѣ описываемыхъ событій, *когда память стала измѣнять ему*.

Объ одномъ только событіи Арсеній говоритъ очень подробно и точно. Это—объ обрядѣ *поставленія Іова* въ санъ патріарха.

Не приходилось ли Арсенію послѣ поставленія п. Іова вторично видѣть этотъ обрядъ? Мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что Арсеній участвовалъ въ поставленіи *п. Гермогена*; но въ этомъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ въ то время (1606 г.) Арсеній жилъ въ Москвѣ. При совершеніи этого-то поставленія онъ и *возобновилъ свои воспоминанія* объ обрядѣ поставленія п. Іова.—Поставленіе п. Гермогена про-

исходило *въ 1606 году*. Отсюда мы дѣлаемъ тотъ выводъ, что „D—o" написано Арсеніемъ *послѣ 1606 года*.

Если этотъ выводъ вѣренъ, то *мѣстомъ* написанія „D—o" должно признать *Москву*, такъ какъ въ 1606 г. Арсеній былъ еще архіепископомъ Архангельскаго собора.

Для чего и для кого написано „D—o"?—Г. *Терновскій* говоритъ, что „D—o" „носитъ *болѣе оффиціальный характеръ*" [189]). Трудно согласиться съ такимъ мнѣніемъ: „Д—o" нимало не походитъ на официальный документъ. Мы уже говорили, что въ „D—o" нѣтъ почти никакой хронологіи и, что въ немъ замѣчаются нѣкоторые пропуски: то и другое не было бы допущено въ офиціальномъ документѣ. Кромѣ того, мы знаемъ, что „D—o", какъ свидѣтельствуетъ г. *Сафа* («Νεοελλ. Φιλολογ. 206»), написано *стихами*: а стихотворное изложеніе не терпимо въ офиціальномъ документѣ. Итакъ, „D—o" есть сочиненіе совершенно *частнаго характера*. Начало его напоминаетъ—какъ бы письмо къ какому-то лицу: „*Scias velim, frater*, quod die " и пр. Подобныхъ фразъ, выражающихъ обращеніе автора къ опредѣленному лицу, не встрѣчаемъ болѣе въ «D—o». Но и одной этой фразы вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что *«D—o» написано къ какому-то, неизвѣстному намъ, лицу съ тою цѣлью*, чтобы познакомить его съ описываемыми событіями.

Гдѣ находится *оригиналъ* этого сочиненія? *Вихманнъ*, въ своемъ предисловіи къ „D—o" говоритъ: «*кодексъ* (codex) этого путешествія... находился въ Туринѣ» [190]). Но неизвѣстно что онъ разумѣетъ здѣсь подъ словомъ „codex"?—подлинникъ, или копію, списокъ? *Аделунгъ* говоритъ опредѣленно: „*неизвѣстно, гдѣ хранится оригиналъ* этого... документа" [191]). Другіе издатели «D—o» выражаются въ томъ же смыслѣ. Затѣмъ Аделунгъ говоритъ, что *въ Туринѣ* существуетъ *копія* „D—o"—„*единственная*, сколько извѣстно до сихъ поръ [192]). Почему этотъ *Туринскій манускриптъ* «D—o» считаютъ копіею, а не подлинникомъ, Аделунгъ не объясняетъ.

Туринская копія (а слѣд. и оригиналъ) написана на *новогреческомъ языкѣ*, какъ говорятъ итальянскіе издатели «D—o» [193]), Вихманнъ (стр. 57), Аделунгъ (стр. 382) и друг. По сви-

дѣтельству *Сафы*—«D—о» написано «въ *15-ти сложныхъ* (*δεκαπεντα συλλαβον*) *стихахъ*» [194]). Итальянскіе издатели говорятъ, что рукопись написана «не особенно старательно», что рѣчь изобилуетъ многими варварскими словами» (vocibus barbaris) [195]). Особенно интересныя свѣдѣнія о Туринскомъ манускриптѣ сообщаетъ извѣстный библіографъ *С. А. Соболевскій*, видѣвшій манускрипъ въ 1848 г. Онъ говоритъ: «рукопись эта, по величинѣ, равняется книгѣ *въ 12 долю листа* нашего времени, писана на бумагѣ, почеркъ четкой... На бѣлыхъ листахъ, въ началѣ и въ концѣ книги, написаны разными почерками имена прежнихъ ея владѣтелей, разныя замѣчанія, числа и годы и пр.» [196]). Наконецъ, итальянскіе издатели сообщаютъ, что эта рукопись (chartaceus codex) находится въ Туринской королевской библіотекѣ, подъ „№ CCCXXXVII в. 1. 5.“ и состоитъ изъ 57 листовъ [197]). Они же относятъ рукопись *къ концу XVI вѣка* (circa finem saeculi XVI) [198]), а г. Соболевскій говоритъ, что почеркъ рукописи «*конца XVI*, или *начала XVII вѣка*» [199]). Мы полагаемъ (см. выше), что „D—о“ написано Арсеніемъ послѣ 1606 года; слѣд., наше мнѣніе не разногласитъ съ показаніемъ г. Соболевскаго.

Еще одинъ вопросъ относительно Туринскаго манускрипта—о мѣстѣ его нахожденія. Вихманнъ говоритъ (стр. 57), что Туринскій манускриптъ „*находился* предъ завоеваніемъ Французами Италіи [200])—въ Туринѣ“. Слѣд., въ то время, когда Вихманнъ писалъ это (1820 г.), манускрипта *уже не было* въ Туринѣ. Тоже утверждаетъ и Аделунгъ, но прибавляетъ и новое—именно, онъ говоритъ (стр. 382), что рукопись „*принадлежала прежде* Туринской королевской библіотекѣ... Во время же революціи, когда Туринъ былъ взятъ Французами, рукопись была отослана *въ Парижъ, гдѣ и находится теперь* [201]), также въ королевской библіотекѣ“. Но это свидѣтельство Аделунга оказывается ошибочнымъ. Г. Соболевскій, посѣтившій Туринъ въ 1878 г., *нашелъ* въ тамошней королевской библіотекѣ означенный *манускрипть* „*D о*“. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этомъ: «*Въ 1848 г*, осенью, находясь въ Туринѣ, *я нашелъ* въ тамошней королевской библіотекѣ, и не безъ малаго труда, *рукопись сочиненія Арсенія* Эласонскаго...

Я имѣлъ намѣреніе скопировать весь этотъ манускриптъ на прозрачной бумагѣ; но какъ въ нетопленной библіотекѣ было очень холодно, а для взятія на домъ требовались просьбы и время, то, въ ожиданіи желаемаго разрѣшенія, *я списалъ только первую страницу манускрипта*, и находящіяся на немъ приписки. Тутъ начались военныя дѣйствія съ Австріей, посольство наше выѣхало изъ Турина и я, не получивъ разрѣшенія взять этотъ памятникъ на домъ, долженъ былъ уѣхать. Списанные мною листки съ означеніемъ № рукописи переданы были мною М. *П. Погодину*. Гдѣ они теперь—не знаю» [202]). Нельзя, однакожъ, думать, чтобы Аделунгъ сообщилъ свое извѣстіе безъ всякихъ основаній. Можно предположить, что рукопись «D—o», дѣйствительно, нѣкоторое время, именно съ французской революціи, находилась въ Парижѣ, а потомъ снова возвращена въ Туринъ, гдѣ и находится теперь.

Перейдемъ къ обозрѣнію *изданій* и *переводовъ* «Descriptio».

1) Первое изданіе «D—o»—*итальянское 1749 года*. Издатели его говорятъ, что до нихъ «*не было издаваемо* это сочиненіе и никогда объ этомъ авторѣ (Арсеніѣ) не было сдѣлано никакого упоминанія» [203]). Объ этомъ изданіи говорятъ—Вихманнъ (с. 57), Аделунгъ (с. 382) и Сафа (с. 206). Первые два называютъ это изданіе «дорогимъ и рѣдкимъ». Оно принадлежитъ тремъ итальянскимъ ученымъ—*Пазино* (Pasinus). *Ривотелла* (Rivautella) и *Берта* (Berta). Въ 1749 г. они издали «Codices manuscripti Bibliothecae Taurinensis Athenaei» (Taurini, I и II, больш. in folio). Въ I томѣ, на стр. 433—439, помѣщено «Descriptio»—*въ новогреческомъ оригиналѣ* и *съ латинскимъ переводомъ* его. По замѣчанію Вихманна—рукопись издана здѣсь «вполнѣ». Къ «Д—о» издатели предпослали свое предисловіе на латинскомъ языкѣ [204]).

Вихманнъ ничего не говоритъ о достоинствахъ этого изданія. Аделунгъ ничего также не говоритъ объ изданіи новогреческаго текста; но о латинскомъ переводѣ его замѣчаетъ тоже, что замѣтили сами издатели его. Они говорятъ, что рѣчь новогреческаго текста изобилуетъ „многими варварскими (т. е. русскими) словами, значенія которыхъ мы не могли понять. Поэтому... нѣкоторыя *греческія слова не довольно ясно*

прочтены нами, или—*переведены общими латинскими выраженіями*" [205]). Г. *Соболевскій* замѣчаетъ, что самый новогреческій текстъ прочтенъ и напечатанъ первыми издателями весьма неисправно: «издатели—говоритъ онъ,—каталога Туринской библіотеки *напечатали текстъ памятника очень небрежно*: ибо, по сличеніи переписанной мною *первой страницы* съ печатнымъ текстомъ, нашлось *нѣсколько ошибокъ и даже пропущенныхъ словъ*; сверхъ того они сами... признаются, что многихъ словъ не поняли; это вѣроятно или русскія слова, писанныя греческими буквами, или выраженія греко-россійскаго церковнаго обряда» [206]). Можно, поэтому, судить, какъ неисправно было это первое изданіе, если на одной первой страницѣ нашлись такіе крупные недостатки. Причину такой неисправности итальянскихъ издателей Сафа объясняетъ слѣд. образомъ: «изданіе греческаго текста сдѣлано не точно (*αὐλία*) и наполнено многими значительными (*ὅσων*) недостатками: издатели... *принявши это сочиненіе за прозаическое*, такимъ и помѣстили его въ каталогѣ, *вопреки раздѣленію его на 15-тисложныя строфы*» [207]).

2) Въ *1809 году* изданъ *Бекманомъ латинскій переводъ* «Descriptio». Аделунгъ говоритъ слѣдующее объ этомъ изданіи: «такъ какъ каталогъ Туринской библіотеки сдѣлался очень рѣдкимъ и дорогимъ, то со стороны Бекмана (Beckman) было большою заслугою, что онъ сообщилъ довольно подробное *извѣстіе* (*Nachricht*) объ этомъ путешествіи Арсенія» [208]). Но Вихманнъ (с. 57) и Сафа (с. 206) утверждаютъ, что Бекманъ издалъ—не „извѣстіе" (Nachricht) о «D—о», а *полный латинскій переводъ* его. Это была перепечатка латинскаго перевода итальянскихъ издателей; слѣд. и изданіе Бекмана страдаетъ тѣми же недостатками. Оно носитъ такое заглавіе: «Literatur der ältern Reisebeschreibungen». Латинскій переводъ «D — о» помѣщенъ здѣсь въ I томѣ — статья 3, стр. 404—420 [209]).

3) Слѣдующее изданіе принадлежитъ *Б. фонъ Вихманну* [210]). Въ *1820 г.* онъ издалъ «Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur ältern Geschichte und Kentniss des Russischen Reichs» (I B., Berlin, 8⁰). Въ этомъ сборникѣ

3-ею статьею помѣщено, на стр. 60—122, «Descriptio» Арсенія. Здѣсь помѣщенъ — такъ какъ и у Бекмана,—латинскій переводъ «D—o», сдѣланный итальянскими издателями. Вихманнъ перепечаталъ его безъ всякихъ поправокъ по оригиналу. Къ переводу онъ предпослалъ свое небольшое предисловіе (с. 57) и предисловіе итальянскихъ издателей (с. 59—60). На поляхъ «D—o» стоятъ цифры страницъ итальянскаго изданія (433—469 стр.) [211]).

4) Въ *1841—42 г.* вышелъ въ свѣтъ сборникъ г. *А. В. Старчевскаго*—«Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI» (V, I et II, Berolini et Petropoli, in—4, Lexicon—octav format). Во II томѣ, подъ № 10 помѣщено «Arsenii Elassonis Archiepiscopi, iter in Moscoviam». Слѣд., здѣсь снова встрѣчаемъ латинскій переводъ «Д—o». Онъ перепечатанъ Старчевскимъ изъ итальянскаго изданія, или изъ Вихманна, но не изъ Бекмана, такъ какъ Старчевскій въ своемъ предисловіи не упоминаетъ о послѣднемъ [212]). Предисловіе Старчевскаго къ „D—o" наполнено такими грубыми ошибками (см. о нихъ выше —въ „біографіи"), что не заслуживаетъ никакого вниманія.

5) Въ *1857 г.* появился *французскій переводъ «D — o»*, сдѣланный о. іезуитомъ *кн. Ав. Голицынымъ*. Онъ носитъ такое заглавіе: «Document relatif au Patriarcat Moscovite, 1859» (Paris, 1857, 1 v., in 16, 96 pag.). Съ какого текста— греческаго или латинскаго—сдѣланъ этотъ французскій переводъ и каковы его достоинства,—г. М. *Полуденскій* (у котораго заимствуемъ это извѣстіе) не объясняетъ [213]). Объ этомъ переводѣ упоминаетъ Сафа (стр. 206).

6) О послѣднемъ—*греческомъ* изданіи „D—o" мы узнаемъ изъ свидѣтельства Сафы. Упомянувъ, что итальянскіе издатели надѣлали много ошибокъ вслѣдствіе того, что приняли «Д—o» за прозаическое произведеніе, тогда какъ оно написано стихами, Сафа продолжаетъ: «въ *1859 году* к. *σπυρίδων Ζαμέλιος, исправивши и возстановивши стихотворный размѣръ издалъ твореніе Арсенія*, на которое онъ смотритъ не какъ на положительный образецъ поэтическаго вдохновенія, или повѣствовательнаго искусства автора, но какъ на серьезное историческое воспоминаніе» [214]). Это изданіе носитъ такое

заглавіе: „Καθιδρυσις Πατριαρχειου ἐν Ῥωσσια“. И такъ, изданіе г. *К. С. Заммеліоса* есть *критическое*. Нельзя, поэтому, не пожалѣть, что мы не могли воспользоваться имъ.

Это было послѣднее изданіе «D—o» въ цѣломъ его составѣ. Далѣе идутъ болѣе или менѣе обширныя *обозрѣнія* его. Изъ *иностранныхъ* мы знаемъ только обозрѣніе *Аделунга*, Оно помѣщено въ «Kritisch-Literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700» (B. I, SPB. und Leipzig, 1846, № 96, стр. 379—401). Содержаніе «D—o» передано здѣсь довольно подробно. Но для насъ имѣютъ особенную цѣнность *примѣчанія* (отчасти—историческаго, но больше—филологическаго содержанія), которыми Аделунгъ снабдилъ свой трудъ. Это обозрѣніе сдѣлано по латинскому переводу итальянскаго изданія, при чемъ г. Аделунгъ замѣчаетъ, что онъ *исправлялъ* латинскій текстъ по новогреческому оригиналу (того же изданія).

Въ Россіи напечатаны слѣд. обозрѣнія „Descriptio“:

1) Первое—сколько намъ извѣстно—обозрѣніе было помѣщено въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ *1788 года* (м. сентябрь, стр. 174—177). Мы не имѣли подъ руками этого журнала, но пользовались полною выпискою изъ него, помѣщенною въ *рукописи Кіево-Софійской библіотеки*: «собраніе разныхъ выписокъ». Редакторъ „С.-Петербургскаго Вѣстника“, упомянувъ въ своемъ предисловіи о латинскомъ переводѣ «D—o», сдѣланномъ итальянскими издателями, продолжаетъ: съ этого-то латинскаго перевода, «*выписавъ сократительно* знатнѣйшія произшествія г. *Бакмейстеръ*... сообщилъ ихъ намъ на нѣмецкомъ языкѣ для помѣщенія въ с.-петербургскомъ нѣм. жур., который мы *переведъ* (?) *на россійской языкъ*, читателямъ вашимъ сообщаемъ». Этотъ переводъ обозрѣнія, сдѣланнаго *Бакмейстеромъ*, носитъ такое заглавіе: «О установленіи патріаршества въ Россіи; выписано изъ поденной записки [215]) архіеп. Арсенія, бывшаго съ греческимъ патріархомъ Іеремѣемъ въ Москвѣ во время царствованія царя Θеодора Іоанновича». Обозрѣніе начинается съ пріѣзда п. Іереміи въ Смоленскъ. Оно ведется довольно подробно и близко къ подлиннику. Составитель употребляетъ нерѣдко цѣлыя выраженія Арсенія. Это обозрѣніе значительно меньше обозрѣнія Аделунга.

2) Въ «Вѣстникѣ Европы» *1820 года*, №№ 22 (стр. 122—128) и 23 (стр. 205—211) помѣщено обозрѣніе «D—о» по изданію Вихманна. Это обозрѣніе составлено очень коротко, значительно меньше предъидущаго. По мѣстамъ встрѣчаются буквальныя выписки изъ «D—о». Обозрѣніе начинается съ пріѣзда Іереміи въ Москву.

3) Въ «Библіографическихъ запискахъ», *1858 года*, № 3, въ статьѣ: «Матеріалъ для исторіи учрежденія патріаршества въ Россіи» М. *Полуденскаго* (стр. 76—81), сдѣлано обозрѣніе «D—о» по французскому переводу *кн. А. Голицына*. Это обозрѣніе—самое короткое; довольно подробно изложенъ только путь Арсенія изъ Львова до Смоленска. Къ обозрѣнію приложена *замѣтка С. Соболевскаго* о Туринскомъ манускриптѣ и итальянскомъ изданіи «D—о» (стр. 81), которою мы уже пользовались.

4) Въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. Р.», *1863 года*, № 2, помѣщено въ русскомъ переводѣ г. Клеванова—обозрѣніе *Аделунга*.

Затѣмъ, *немногія выписки* изъ «D—о» встрѣчаемъ въ слѣд. сочиненіяхъ: 1) «Сношенія Россіи съ Востокомъ» *А. Н. Муравьева*, ч. I, гл. IV, стр. 193—224; 2) «Исторія государства Россійскаго», *Н. М. Карамзина*, т. X, стр. 110—116 и примѣчанія къ X тому: 205-ое, 215-е, 216-е, 217-е; 3) «Домашній бытъ русскихъ царицъ XVI и XVII вв.», *И. Забѣлина*, стр. 358—363; 4) «Учрежденіе въ Россіи патріаршества», *А. П. Зернина* [216]), стр. 22—23.

Предлагаемый ниже *переводъ «Descriptio» на русскій языкъ* сдѣланъ нами съ латинскаго перевода его, помѣщеннаго въ сборникѣ Вихманна. Другихъ изданій мы не нашли. Мы уже знаемъ, что этотъ латинскій переводъ «D — о» сдѣланъ итальянскими издателями съ *неправильнонрочтеннаго* ими новогреческаго оригинала. Слѣд., всѣ *ошибки* (пропуски, вставки, неточности и пр.) латинскаго перевода *остались и въ нашемъ*.

Замѣтимъ еще, что мы старались переводить «Descriptio» какъ можно *буквальнѣе*, чтобы, съ одной стороны, соблюсти *точность* во всѣхъ подробностяхъ разсказа, а съ другой, чтобы удержать самый *складъ рѣчи* автора.

(*Окончаніе будетъ*)

Библіографическій указатель.

Романъ и исторія, направленные на одинъ сюжетъ.

«Іоаннъ Антоновичъ» 1740—1764. «Русская Старина» іюнь и іюль 1879 г.).

«Мировичъ» историческій романъ Г. П. Данилевскаго («Вѣстникъ Европы» (іюнь и іюль).

Въ іюньской и іюльской книжкахъ «Русской Старины» помѣщено продолженіе интересной статьи объ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ, начавшейся еще въ первыхъ мѣсяцахъ текущаго года и о которой мы уже говорили. Темнаго вопроса о «Кексгольмскомъ узникѣ» статья автора, конечно, не рѣшаетъ (потому что это при наличномъ числѣ документальныхъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ невозможно), но статья даетъ много матеріала, ставитъ много вопросовъ, весьма затрогивающихъ любопытство у каждаго любознательнаго читателя. Можно сказать, что въ текущій годъ вопросу объ Іоаннѣ Антоновичѣ посчастливилось: онъ выступилъ на очередь, тѣмъ болѣе, что новое освѣщеніе его было подготовлено статьями предшествовавшихъ годовъ, помѣщавшимися въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, и, между прочимъ, въ той же „Русской Старинѣ" (сообщенія Чумикова, Авенаріуса и проч.). Важнымъ затрудненіемъ къ выясненію этого вопроса служитъ то, что сказанія объ этомъ предметѣ иностранцевъ *Гельбига*

Кастера, *Сальдерна*, имѣвшихъ въ то время отношенія къ Россіи, не заслуживаютъ довѣрія, отличаясь лживостью и тенденціозностью, къ сожалѣнію свойственными большей части иностранныхъ писателей о Россіи. Будь гг. въ родѣ Гельбига, Кастеры и Сальдерна добросовѣстны, какъ помогли бы выясненію вопроса ихъ сказанія!.. Книга Гельбига даже и заглавіе-то носитъ крайне тенденціозное и не возбуждающее никакого довѣрія «Die Rusiche Gunstlinge» (Русскіе временщики).

Весь ходъ Шлиссельбургскаго дѣла, во всѣхъ подробностяхъ, сдѣлался извѣстенъ посламъ и полномочнымъ министрамъ иностранныхъ державъ, находившихся при нашемъ дворѣ, и объ этомъ, помимо офиціальныхъ донесеній своимъ кабинетамъ, они сообщили имъ много свѣдѣній, собранныхъ подъ рукою. Нѣкоторые изъ нихъ высказывали особыя догадки, предположенія о косвенномъ участіи правительственныхъ лицъ въ заговорѣ Мировича. Однако же никто изъ нихъ не осмѣливался открыто нападать въ этомъ отношеніи на императрицу; но это послѣднее не замедлили сдѣлать иностранные памфлетисты и біографы убитаго принца. Изъ массы подобныхъ памфлетовъ особенно замѣчателенъ озаглавленный: «*Собраніе документовъ, относящихся до смерти принца Ивана*» Recueil de piéces concernant la mort du prince Iwan etc. A Londres aux depens de la Compagnie 1765). Далѣе слѣдуетъ новый памфлетъ («Remarques d'un anglais libre.») и, наконецъ, отвѣтъ русскаго не свободнаго слишкомъ свободному англичанину («Résponse d'un russe qui n'est pas libre à un anglais qui l'est un peu trop»). «Свободный англичанинъ» ожесточенно нападаетъ на великую императрицу, Екатерину II, и даже, еще не довольствуясь этимъ, высказываетъ опасенія за жизнь цесаревича Павла Петровича, который, по мнѣнію «свободнаго англичанана», могъ легко пасть жертвою своей честолюбивой и властолюбивой матери. Отвѣтъ русскаго англичанину отличается сдержанностью: фактически опровергая клевету, возводимую на его государыню, русскій обращаетъ общественное вниманіе на дерзкаго „памфлетиста", который благоразумно скрылъ свое имя и вполнѣ заслуживаетъ призыва

на судъ". Упоминая о тупоумiи принца Іоанна, въ чемъ при посѣщеніи его вполнѣ убѣдились и императоръ Петръ III и вельможи, его сопровождавшіе, русскій говоритъ, что Иванъ не былъ рожденъ, чтобы царствовать. Между колыбелью и престоломъ возникла непреодолимая преграда. И по какому праву онъ могъ бы имѣть притязанія на престолъ? За отсутствіемъ своихъ правъ, какія добродѣтели могъ бы онъ заявить? Обиженный природою, лишенный способности мыслить, могъ ли онъ взять скипетръ, который былъ бы только бременемъ для его слабости, или, вѣрнѣе, игрушкою, орудіемъ его слабоумныхъ забавъ, и бѣдствій народа, многочисленнѣйшаго въ Европѣ *).

Тонъ отвѣта, въ отношеніи стиля, отличается строгостью, приличіемъ. Отвѣтъ проникнутъ негодованіемъ, однако же чуждъ рѣзкихъ выходокъ противъ личности памфлетиста. По убѣжденію автора статьи *«Русской Старины»* самый слогъ статьи обличаетъ, что она написана рукою женщины. Авторъ высказываетъ даже предположеніе, что «отвѣтъ» былъ написанъ, или княгинею Е. Р. Дашковою, или самою императрицею Екатериною. Послѣднее предположеніе тѣмъ болѣе представляется правдоподобнымъ, что нападки „англичанина" были вдвойнѣ оскорбительны, какъ государынѣ, такъ и матери; онѣ не могли пронестись безслѣдно мимо слуха императрицы.

Въ послѣдній разъ имя Мировича было упомянуто въ напечатанномъ во всеобщее свѣдѣніе (С.-Петерб. Вѣдомости № 92, 16 ноября) манифестѣ такого содержанія:

«Божіею милостію, мы Екатерина II, императрица и самодержица Всероссійскаа, и проч., и проч., и проч.

«Арміи нашей пѣхотному Смоленскому полку всемилостивѣйше объявляемъ:

«Мы, по правосудію Нашему ко всѣмъ вѣрноподаннымъ не можемъ безъ чувствительнаго Намъ сожалѣнія понимать сколько великое уныніе навели Смоленскому полку бывшій того же полка офицеръ, бунтовщикъ Мировичъ, и команда, стоящая съ симъ злодѣемъ въ Шлиссельбургской крѣпости

---

*) «Iwan n'etait pas né pour regner. Tout eléva d'abord entre le thrône et le berceau de ce prince une barriere inaccessible et c.

на караулѣ, черезъ свою измѣну, Намъ и Отечеству внедавнѣ оказанную: но какъ преступленіе, учиненное злосердіемъ одного, не можетъ вредить другихъ, никакого участія въ томъ не имѣвшихъ, то мы вѣдая, сколь храбро во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ сей полкъ по нашимъ регуламъ военнымъ всегда поступалъ, и сколь исправно онъ нынѣ соблюдаетъ дисциплину военную, восхотѣли оный обнадежить нынѣ, какъ и всегда, Нашею Императорскою милостію, вслѣдствіе чего и повелѣваемъ, чтобы отнюдь ни кто никогда не дерзалъ оного порицать сею Мировичскою измѣною, а ежели кто противно сему учинитъ, тотъ, яко преступникъ сего высочайшаго повелѣнія, не избѣгнетъ нашего гнѣва и достойнаго за то наказанія. Екатерина (М. П.) Дано въ С.-Петербургѣ, государствованія нашего въ третье лѣто, сентября 10 дня 1764 г. Печатано при сенатѣ ноября 6.»

Послѣ многократныхъ допросовъ, Мировичъ, признанный виновнымъ въ государственной измѣнѣ, сентенціею сената былъ приговоренъ къ смертной казни *четвертованіемъ*. Императрица, однако, смягчила жестокій приговоръ, присудивъ виновнаго къ «обезглавленію». Прочіе преступники, сообщники Мировича, въ числѣ 62, раздѣленные, по степени виновности, на категоріи, были наказаны шпицрутенами и батогами,— большею частью нещадно, — и сосланы въ каторгу или въ отдаленные команды и гарнизоны. Вообще участники въ преступленіи палками и шпицрутенами надѣлены были щедро. Максимумъ палочныхъ ударовъ составлялъ 12,000, минимумъ шпицрутеновъ 1,000.

Свой вкладъ на освѣщеніе этого темнаго предмета положилъ и профессоръ Соловьевъ. Въ XXV т. его исторіи находится извѣстіе, подтверждающее разсказы иностранцевъ объ отправленіи Іоанна Антоновича въ Кексгольмъ. Именно: Екатериною II, на другой же день послѣ ея воцаренія, 29 іюня 1762 г., данъ былъ маіору Силину слѣдующій указъ изъ Петергофа: „Вскорѣ по полученіи сего имѣете, если можно того же дня, а по крайней мѣрѣ на другой день, *безимяннаго колодника*, содержащагося въ Шлиссельбургской крѣпости, подъ вашимъ смотрѣніемъ, вывести сами изъ оной въ Кекс-

гольмъ, а въ Шлиссельбургѣ, въ самой оной крѣпости, очистить внутренней крѣпости самые лучшіе покои и прибрать, по крайней мѣрѣ по лучшей опрятности, которые приготовивъ содержать до указу.“ Послѣ этого повелѣнія императрицы, Силинъ донесъ изъ деревни Мордя, находящейся въ 30-ти верстахъ отъ Шлиссельбурга, что ихъ съ арестантомъ разбило бывшею на Ладожскомъ озерѣ бурею, и что они находятся именно въ означенной деревнѣ, въ ожиданіи другихъ судовъ изъ Шлиссельбурга для дальнѣйшаго слѣдованія въ Кексгольмъ. Далѣе проф. Соловьевъ указываетъ, что Іоаннъ Антоновичъ былъ отвезенъ обратно въ Шлиссельбургъ, въ прежнее помѣщеніе, назначенное было для Петра III. И вотъ, на основаніи этого, можно считать несомнѣннымъ пребываніе І. Антоновича въ Кексгольмѣ, ибо оно подтверждается *двумя русскими* документами: а) указомъ Екатерины II Силину и б) донесеніемъ послѣдняго императрицѣ. Теперь, для дальнѣйшаго разрѣшенія этой проблемы въ нашей исторіи, намъ слѣдовало бы имѣть по крайней мѣрѣ еще хотя *одно* документальное доказательство о *возвращеніи* І. Антоновича въ Шлиссельбургъ, но покамѣсть *никакого* такого документальнаго доказательства не существуетъ.

Затѣмъ нужно замѣтить, что проф. Брикнеръ въ своей замѣчательной монографіи «Іоаннъ Антоновичъ» упоминаетъ о пребываніи молодаго принца въ Кексгольмѣ, на основаніи трехъ иностранныхъ писателей. Далѣе руководствомъ къ уясненію этого предмета можетъ служить и статья М. И. Семевскаго, «*Іоаннъ VI Антоновичъ*», помѣщенная, впрочемъ, уже давно (въ 1866 г.) въ Отечественныхъ Запискахъ. Мы знаемъ, что г. Семевскій уже давно занимается между прочимъ разработкою разныхъ фактовъ, освѣщающихъ эпоху Анны Леопольдовны. Еще въ 60-хъ годахъ онъ помѣстилъ (въ «Русск. Вѣстникѣ)» статью о Лопухиной и Бестужевой, задававшихся освобожденіемъ І. Антоновича, и подпавшихъ позорному истязанію кнутомъ чрезъ палача и отрѣзанію языковъ.

Бюшингъ въ своемъ магазинѣ *) тоже даетъ объ этомъ

*) IV, 532.

предметѣ нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣнiй. Изъ Бюшинга мы узнаемъ, напримѣръ, что принцъ I. Антоновичъ былъ перевезенъ изъ Кексгольма въ Шлиссельбургъ въ годъ восшествiя на престолъ Екатерины II, т. е. 1762 г., гдѣ до того времени онъ находился по повелѣнiю Петра III. Въ этотъ же годъ переселенiя въ Шлиссельбургъ Екатерина полюбопытствовала видѣть узника, и о свиданiи съ нимъ упомянула въ своемъ манифестѣ о восшествiи на престолъ. Затѣмъ послѣдовалъ заговоръ Петра Хрущова и Семена, Ивана и Петра Гурьевыхъ, имѣвшiй цѣлiю освобожденiе I. Антоновича. Преступники понесли должное наказанiе, и вотъ именно эта преступная попытка и имѣла весьма жестокiя послѣдствiя для узника, потому что императрица съ этого времени отмѣняетъ свои прежнiя повелѣнiя, клонившiяся къ облегченiю его участи и возобновила жестокiя «инструкцiи приставникамъ», данныя еще при Елисаветѣ Петровнѣ.

Теперь намъ нужно обратиться къ послѣднему, весьма удачному,—по крайней мѣрѣ со стороны формы,—произведенiю г. Г. Данилевскаго, трактующему этотъ предметъ въ романической формѣ и печатающемуся въ «Вѣстникѣ Европы».

Съ точки зрѣнiя г. Данилевскаго, мотивъ преступленiя Мировича—вовсе не тотъ, какимъ онъ можетъ представляться историку. Мотивъ этотъ, понятно, идеализированъ. Causa movens, сдѣлавшая Мировича государственнымъ преступникомъ, по г. Данилевскому, есть любовь. Послѣднею же чего нельзя оправдать? И за тѣмъ, какъ обработанный какимъ либо талантливымъ французскимъ романистомъ, вопросъ о «жертвѣ» или «загадки Тампля» (Temple) привлекъ бы глубокое участiе читателя къ этой жертвѣ, поразивъ и потрясши его душу ужасомъ и состраданiемъ, какъ въ трагедiяхъ Эсхила,—такъ точно и здѣсь, при обработкѣ этого предмета романическимъ путемъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о степени художественнаго и даже просто беллетристическаго и романическаго дарованiя г. Данилевскаго. Предметъ, взятый имъ, могъ быть трактованъ романически болѣе удачно, болѣе глубоко, если бы взялся за это болѣе крупный талантъ, напримѣръ талантъ В. Гюго, Вальтеръ-Скотта и другихъ европейскихъ талантовъ;

но даже изъ нашихъ отечественныхъ талантовъ гг. Тургеневъ или Достоевскій тотъ же самый сюжетъ трактовали бы несомнѣнно глубже. Подъ ихъ перомъ вышла бы уже потрясающая трагедія, не чета нѣсколько не искусному, дѣланному и даже скучному, утомительному «драматизму» г. Данилевскаго, особенно тамъ, гдѣ о страданіяхъ Браунгшвейгской фамиліи вообще, и принца Іоанна въ частности, разсказывается устами Ломоносова. Тутъ уже драматическое изображеніе становится нѣсколько „забавнымъ".

Не смотря на проявляющуюся во многихъ мѣстахъ утомительность, трагическія, потрясающія черты жестокости заключенія принца Іоанна, въ романѣ г. Данилевскаго все-таки есть. Еслибы они не обрисовывались словами г-жи Поликсены Пчелкиной или самого Ломоносова, дѣло отъ этого, намъ кажется, еще болѣе выиграло бы. Достаточно было бы описать сцены свиданія съ заключеннымъ принцемъ Петра III, императрицы Елисаветы и самого Мировича.

Вотъ, напримѣръ, какъ изображаетъ г. Данилевскій сцену свиданія заключеннаго съ императоромъ Петромъ Ѳедоровичемъ (Петромъ III).

— Но какъ же! tausend Teufel!.. восклицаетъ Петръ III во время предварительнаго разговора съ главнымъ приставомъ при Шлиссельбургской штатс-тюрьмы Чурмантѣевымъ,—сердито топнувъ ногою. Какъ же твой коммендантъ доносилъ, все Шуваловымъ на угоду — Slavische pack!.. увѣрялъ, что принцъ слабоуменъ и вообще выглядитъ, точно звѣрь лѣсной!..

— Какъ не быть звѣремъ, коли выведутъ изъ терпѣнія, покосившись на помощниковъ сказалъ Чурмантѣевъ: взбаломутитъ его каждая прижимка—зоветъ всѣхъ еретиками, шептунами, самъ плачетъ, говоритъ нѣмо, невнятно, и такъ отъ смуты косноязыченъ, что и привычнымъ въ силу его разумѣть. Да и не всѣмъ открываетъ свои способности...

— Скрытенъ? O!, я угадалъ!... Der Nagel auf dem Kopf getroffen!... Гвоздемъ въ центрумъ попалъ! Ну, а когда тихъ?...

— Въ тихости весело и кротко такъ смѣется и, дерзаю доложить, на прикладъ,—даже становится забавенъ... веселъ,

надѣется на все и прыгаетъ, аки малый ребенокъ... а то строитъ рожи.

— Кто его здѣсь дразнитъ? говори! — поглядѣвъ вокругъ, произнесъ государь.

— Не усмотришь за всѣми, больше солдаты съ галлереи, произнесъ Чурмантѣевъ, а бываетъ кто и выше, не стерпитъ... старается доказать, какова онъ для всѣхъ высокая, важная персона...

— И чтожъ ты ему на это? спрашиваетъ Петръ Өедоровичъ.

— Говорю, полноте, сударь: все то вранье! И лучше вамъ такой пустоши не думать и впередъ не врать..: Куда!... Весь почернѣетъ отъ гнѣва, клянется, дрожитъ... Звѣри вы, говоритъ, колдуны и еретики!... Мучите меня... И Господь васъ за невиннаго страдальца разразитъ и прахъ вашъ по вѣтру развѣетъ...“

Но вотъ въ какихъ чертахъ описывается самый разговоръ, Петра III съ заключеннымъ:

— Зовите его, сказалъ, не сходя съ своего мѣста, государь.

Чурмантѣевъ крикнулъ арестанта. Иванъ Антоновичъ вышелъ изъ за ширмы. Видъ блестящей государевой свиты его ослѣпилъ. Онъ зашатался, чуть не упалъ и, озираясь, какъ пойманный, жалкій звѣрекъ, смѣшнымъ и неловкимъ движеніемъ, попятился назадъ за перегородку.

— Не опасайтесь, сударь! дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Петръ Өедоровичъ—я къ вамъ посланъ отъ самого государя. Подойдите ближе; смѣлѣй... вотъ такъ... Ну!.. скажите, что нибудь вамъ въ этихъ мѣстахъ не достаетъ? Скажите! Ваши слова приму не инако, какъ съ должнымъ вниманіемъ...

Но заключенный, въ отвѣтъ, ступилъ шагъ впередъ, протянулъ руки.

О, о!.. началъ онъ, не спуская глазъ съ Петра, я... я...

«Онъ упалъ передъ нимъ на колѣни.

«Лицо узника страшно поблѣднѣло; губы исказились отъ усилій проронить слово. Рѣчь отказывалась ему служить.

Языкъ коснѣлъ. Кровь молотомъ стучала въ голову. Онъ озирался на всѣхъ и не вставалъ.

«Просите, просите милостей! шептали стоявшіе вокругъ.

— Я не тотъ, за кого... Душно! проговорилъ узникъ: тутъ вовсе душно—воздуху нѣту-ти... продолжалъ онъ скороговоркой, сдерживая рукою, дрожавшій, какъ въ лихорадкѣ, подбородокъ: повидать бы небушко... зелень тоже... Походить бы по землѣ, по цвѣтамъ!.. Отъ всего за то... все отдамъ... Я ихъ прошу, а они... подло!...

«Онъ не могъ говорить далѣе, робѣлъ и дико на всѣхъ смотрѣлъ».

Эти вотъ именно строки, какъ и много другихъ при описаніи тюрьмы заключеннаго принца, при дальнѣйшемъ описаніи разговора Петра III съ заключеннымъ, при разговорѣ, приведенномъ еще выше императрицы Елизаветы съ несчастнымъ опальнымъ, эти строки написаны съ страшною истиной. Психологически и исторически вѣрнымъ представляется здѣсь то, что несчастный принцъ Иванушка долженъ былъ знать свое высокое происхожденіе... Онъ узналъ о своемъ высокомъ происхожденіи отъ людей, которые не ожиданно проболтались. Таковъ ужъ законъ человѣческой природы, что она ни какой тайны не съумѣетъ сдержать, не смотря на строгое запрещеніе, и уже по самому мотиву состраданія и жалости, всегда даетъ знать объ этой тайнѣ лицу, страдающему и составляющему жертву. Это какой-то вѣчный законъ возмездія въ исторіи. Г. Данилевскій чуткимъ художническимъ инстинктомъ понялъ, что и Иванушка долженъ былъ знать, или хотя догадываться о своемъ происхожденіи. Не будь этого, романъ потерялъ бы свой драматическій интересъ, да и едва ли приблизился бы къ исторической истинѣ. Уже оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что принцу несомнѣнно могли на счетъ тайны проболтаться люди, съ которыми онъ встрѣчался во время своихъ странствій, надо уже предположить безусловное идіотство въ принцѣ, если допустить, что самъ онъ уже ни о чемъ не могъ догадываться. Но въ какой формѣ выражалось его негодованіе на несправедливость и жестокость своихъ преслѣдователей—это уже другой вопросъ.

Онъ могъ бредить, какъ помѣшанный, онъ могъ выражать бѣшенство и отчаяніе въ кривляньяхъ и разныхъ жестахъ; могъ сыпать текстами изъ Св. писанія, какъ это онъ и дѣлаетъ у г. Данилевскаго, и что намъ кажется въ такой же мѣрѣ натянутымъ, какъ и манера Ломоносова говорить одами переложенными въ прозу въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ... Но вотъ вопросъ: гдѣ и когда Иванушка могъ узнать, что онъ человѣкъ высокаго происхожденія, гдѣ объ этомъ ему проболтались? У г. Данилевскаго І. Антоновичу сообщаютъ о его происхожденіи (изъ жалости) одинъ караульный солдатъ, или жена раненбургскаго пристава Миллера. Объ этомъ разсказываетъ Мировичу Ломоносовъ. О посѣщеніи Іоанна Антоновича Петромъ III въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, въ мартѣ 1762 г. разсказываетъ Сальдернъ *). Этотъ авторъ, разумѣется, съ извѣстной тенденціей, изображаетъ узника вполнѣ владѣвшимъ умственными способностями. Г. Данилевскій, очевидно, пользовался и разсказомъ Сальдерна; но уже вслѣдствіе одного художническаго чутья у него І. Антоновичъ не могъ выйдти «съ вполнѣ развитыми умственными способностями». Мы видѣли въ приведенной выдержкѣ, какъ обрисовывается интеллектуальное и моральное состояніе узника у г. Данилевскаго.

Изъ обнародованныхъ до сихъ поръ документальныхъ свѣдѣнія о героѣ романа Мировичѣ, въ періодѣ его пребыванія съ отцомъ въ Сибири и обученія у нѣкоего «несчастливца» Сильвестровича, г. Данилевскій сдѣлалъ довольно искусное употребленіе. Свѣдѣніе о пребываніи В. Мировича въ Сибири и ученьѣ у Сильвестровича, какъ извѣстно, обнародовано въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1871 г. протоіереемъ О. А. Сулоцкимъ. По словамъ протоіерея *Сулоцкаго* школа Сильвестровича была или по крайней мѣрѣ называлась „нѣмецкою". Въ 1750 г. въ школѣ у Сильвестровича училось 8 человѣкъ, въ томъ числѣ *двое* молодыхъ *Андреевыхъ* и 3-й Василій Мировичъ, герой романа г. Данилевскаго. Далѣе, въ сообщеніи протоіерея говорится, что В. Мировичъ, хотя и отличался предъ товарищами большими способностями, но

---

*) *Saldern* „Histoire de la vie de Pierre III".

былъ «страшный забіяка, мальчикъ дурныхъ наклонностей» и «худыхъ правилъ», такъ что, подъ конецъ, началъ дѣлать и учителю своему большія досады и выказывать грубости. Сильвестровичъ такъ и не могъ его исправить. Эти-то неромантическія и не привлекательныя черты своего героя г. Данилевскій стушевалъ, смягчилъ и исправилъ, что называется «средними» штрихами, не слишкомъ мягкими и не слишкомъ жосткими. Да и дѣйствительно, въ этомъ смягченіи гораздо больше неромантической только, но и исторической правды. Дѣйствительно — это уже слишкомъ старо и наивно: класть чорныя краски даже на дѣтство тѣхъ лицъ въ исторіи, которыя сдѣлались «несчастными» и «злодѣями». Это еще простодушнѣе, чѣмъ довѣріе къ партіи враждебной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одержавшей верхъ въ борьбѣ. Шиллеръ въ своей „Исторіи 30-тилѣтней войны" геніально замѣтилъ, что мы никогда не будемъ имѣть истиннаго понятія о Валленштейнѣ, потому что его исторію, какъ и исторію многихъ значительныхъ людей, написала сломившая его могущество партія. Она клала краски, какъ хотѣла, распоряжалась фактами, какъ знала. Не хотѣла она, разумѣется, одного — чтобы въ общемъ колоритѣ не выступили свѣтлыя стороны характера, которыя ей нужно было очернить. Вотъ смягченію, стушовыванію этой, такъ сказать, „исторической закарузлости" и способенъ содѣйствовать романъ въ исторіи, если только существенныя черты, канва романа, вѣрны въ смыслѣ историческомъ. И вотъ почему не говоря ни о какихъ „дурныхъ наклонностяхъ" въ мальчикѣ — Мировичѣ, г. Данилевскій высказалъ гораздо больше правды, сравнительно съ массою, хотя бы и обстоятельныхъ сообщеній (въ родѣ сообщенія „Тобольскихъ Губ. Вѣдомостей"), когда представилъ слѣдующую характеристику дѣтства Мировича:

„Мальчикъ подросталъ (въ Сибири) при отцѣ. Зимой Вася учился на хуторѣ у дьячка, лѣтомъ помогалъ отцу у пчелъ, носилъ ему въ лѣсъ обѣдать и ужинать; плелъ корзины, строгалъ бабамъ ложки и веретена, игралъ на дудкѣ и торбанѣ. Кто-то забросилъ въ рѣку сѣраго щенка. Вася съ плачемъ кинулся чуть не утонулъ; но успѣлъ его спасти и выростилъ".

Характеристика прекрасная, не смотря на свою простоту, и изъ этой характеристики, какъ изъ зерна, у автора довольно послѣдовательно развивается прямодушный, сострадательный, способный къ сильнымъ порывамъ характеръ Мировича. Но что бы живая рѣчь Мировича была такова, какую ему влагаетъ въ уста авторъ—въ этомъ можно сильно сомнѣваться. Таже неудачная утрировка и съ живою рѣчью Ломоносова.

Но теперь еще другой вопросъ: зачѣмъ было выводить Ломоносова? Составлялъ-ли онъ логическую необходимость въ канвѣ романа? Авторъ, очевидно, поддался искушенію вывесть этотъ великій характеръ для большей рельефности изображенія эпохи, какъ это дѣлалъ съ такимъ колосальнымъ успѣхомъ Вальтеръ-Скоттъ. Затѣмъ, у г. Данилевскаго Ломоносовъ тономъ авторитета разсказываетъ что знаетъ объ Іоаннѣ Антоновичѣ—задача благодарная, но трудная, требующая таланта сильнаго, такъ сказать Вальтерскотовскаго. Какія вещи говоритъ у нашего автора Ломоносовъ и какъ говоритъ!.. У г. Данилевскаго Ломоносовъ просто-напросто перелагаетъ свои напыщенныя похвальныя слова Елизаветѣ и Петру въ прозу... Не ужели это живой языкъ Ломоносова? Письменный языкъ Ломоносова мы всѣ знаемъ, но какова была его живая рѣчь — это ужь вопросъ другой. Несомнѣнно здѣсь только одно, что живая рѣчь геніальнаго рыбаря была вовсе не такова, какую навязываетъ ему авторъ. Нельзя читать безъ улыбки хотябы слѣдующихъ словъ, которыми у г. Данилевскаго Ломоносовъ поучаетъ Мировича:

— „Чай, знаешь дѣла-то великаго Петра?. Что въ Римѣ въ двѣсти лѣтъ, отъ первой пунической войны до Августа, всѣ эти Сципіоны, да Суллы, да Катоны сдѣлали, то онъ въ свою „токмо жизнь, онъ одинъ въ Россіи совершилъ". Это ужь просто буквальной переводъ одного мѣста въ концѣ изъ трескучаго Ломоносовскаго похвальнаго слова Петру Великому... И такихъ мѣстъ много. Даже тамъ, гдѣ выраженія Ломоносова, повидимому, просты, живы, энергичны — они, все-таки, скорѣе напоминаютъ языкъ соврзменнаго намъ С. В. Максимова, чѣмъ Ломоносова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это сходство дѣлается даже слишкомъ рельефнымъ. Степенности у Ломо-

носова тоже представляется весьма мало. Онъ постоянно у г. Данилевскаго возбужденъ, пьянствуетъ, кричитъ, ругается. Читатель во многихъ мѣстахъ долженъ даже непремѣнно подразумѣвать не печатныя слова, которыми уже несомнѣнно должна пересыпаться подобная рѣчь. Нѣтъ, подобные безцеремонные штрихи или мазки, сильно уродуютъ портретъ. Работа выходитъ топорная... Однако — портретъ все-таки есть, и г. Данилевскому Ломоносовъ удался все-таки лучше, чѣмъ кому-нибудь другому, изъ всѣхъ существовавшихъ когда-либо литературныхъ набросковъ портрета этого великаго человѣка. Въ этомъ отношеніи можетъ поспорить съ г. Данилевскимъ развѣ г. Ксенофонтъ Полевой, у котораго портретъ Ломоносова нарисованъ смѣлою и увѣренною рукою, хотя и не законченно.

Надо, однако, замѣтить, что мы вправѣ отъ произведенія г. Данилевскаго требовать, какъ отъ романа, только психологической вѣрности или вѣроятности. Уже по напечатаннымъ двумъ частямъ романа можно сдѣлать такое сужденіе. Разрѣшенію же вопроса о судьбѣ I. Антоновича суждено, можетъ быть, оставаться на долго отсроченнымъ, если не на всегда. Это покуда такая же загадка въ нашей исторіи, какъ у французовъ загадка о тампльскомъ узникѣ (L'enigme du Temples).

Матеріалы, замѣтки и новости.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о бывшемъ при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ 1740 году большомъ народномъ маскарадѣ по случаю побѣдъ, одержанныхъ надъ Турками.

(Сообщено Н. В. Калачовымъ).

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ дѣлахъ Московской Губернской Канцеляріи имѣется дѣло 1739 года, озаглавленное на обертке такъ: «**Отправа въ Сантпетербурхъ ко двору Ея Императорскаго Величества, для забавной свадьбы людей и прочаго**» *).

Содержаніе дѣла слѣдующее:

Имянной указъ (копія) Московскому вице-губернатору князю Юсупову 1739 года 5 декабря.

«Указъ Нашему Дѣйствительному Камергеру и Московскому вице-губернатору князю Юсупову.

«Понеже при Дворѣ Нашемъ пріуготовляется для предбудущей нѣкоторой забавной свадьбы маскарадъ, въ которой потребно выбрать изъ Калужскаго или Алексинскаго уѣздовъ деревенскихъ восемь бабъ молодыхъ и столькожъ мужей ихъ, умѣющихъ плясать, которые бы собою были не гнусны,

---

*) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Дѣло Моск. Губернской Канцеляріи № 2386.

да около Москвы набрать изъ пастуховъ шесть человѣкъ молодыхъ людей, которые бъ умѣли на рошкахъ играть; того ради, по полученіи сего, имѣете вы немедленно туда послать нарочныхъ и велѣть такихъ мужиковъ и бабъ, безъ замедленія выбрать, и на всѣхъ на нихъ сдѣлать изъ казенныхъ денегъ платья по ихъ обыкновенію лучшее, а именно: мужикамъ кафтаны изъ «обинковаго» бѣлаго сукна, и, вмѣсто полукафтанья короткіе кожаны, (sic), а штаны пестрединныя; пастухамъ кафтаны изъ краснаго сукна, называемаго яренка, полукафтанья крашенинныя пестрыя, а штаны кумашныя красныя съ подкладкою, а бабамъ, какъ верхнюю, такъ и нижнію одежду и убранство, сдѣлать изъ сукна, кумачю и изъ прочаго, что потребно и прилично къ ихъ обыкновенію, и сдѣлавъ имъ такое платье и давъ, сколько надлежитъ, на проѣздъ кормовыхъ денегъ, отправить на подводахъ въ Санктъ Питербургъ ко Двору Нашему, и, конечно бъ, оные привезены были къ будущему генварю мѣсяцу; такожъ сыскавъ меделянскихъ 15 хорошихъ собакъ, которыя бъ, какъ для того маскарада, такъ и травли звѣрей, были способны, да заказать сдѣлать изъ перьевъ пѣтуховыхъ разными натуральными цвѣтами, какъ плюмажами, полутораста плюмажей не самою чистою работою, да особливо набрать пѣтуховыхъ же большихъ изъ хвостовъ перьевъ разныхъ цвѣтовъ до ста пучковъ, чтобъ въ каждомъ было по пятидесяти перьевъ, какія случатся, и которые изъ нихъ бѣлые, тѣхъ по нѣскольку пучковъ окрасить синею, красною и желтою красками; колокольчиковъ разныхъ рукъ купить, или заказать сдѣлать до тысячи, да свирелей деревянныхъ, что простые мужики играютъ, до ста, дудокъ глиняныхъ пятьдесятъ, рылей и гутковъ по тритцати, волынокъ тритцать же, и потомужъ, какъ означенныхъ собакъ, такъ и все вышеписанное прислать къ вышепоказанному жъ времени не отложно, и повѣлеваемъ вамъ учинить о томъ по сему Нашему указу».

«У подлинной подкрѣпленъ тако:

«По Ея Императорскаго Величества указу:

Андрей Остерманъ.
К. Алексѣй Черкасской.
Артемій Волынской.

„Декабря 5 дня 1739 года“.

Вслѣдствіе этого указа посланы были изъ Губернской Канцеляріи, 11 декабря 1739 года, нарочные, въ Калугу капралъ ИванъЕрголинъ, а въ Алексинъ—вахмистръ Александръ Янковъ, коимъ дана была таковая инструкція:

По указу Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, изъ Московской Губернаменской Канцеляріи капралу Ивану Ерголину

ИНСТРУКЦІЯ.

„Ѣхать тебѣ въ Калугу и чинить нижеслѣдующее:

1.

„Посланный съ тобою Ея Императорскаго Величества указъ, по пріѣздѣ въ Калугу, подать воеводѣ тогожъ часа, и, по подачѣ, по силѣ онаго указу, требовать тебѣ къ отправѣ въ Санктъ-Питербургъ, ко Двору Ея Императорскаго Величества, деревенскихъ восемь бабъ молодыхъ и столькожъ мужей ихъ, умѣющихъ плясать, которые бъ собою были не гнусны, да кормовыхъ на каждаго по три копѣйки на день, и чтобъ оныя бабы и мужики отъ воеводы отправлены были по пріѣздѣ твоемъ конечно чрезъ два дни".

2.

„Коль скоро оные бабы и мужики, съ кормовыми деньгами съ тобою отправлены будутъ, то взявъ тебѣ на почтовыя подводы указныя прогонныя деньги, ѣхать въ Москву со всякимъ поспѣшеніемъ, а пріѣхавъ, тѣхъ бабъ и мужиковъ объявить въ губернаменской канцеляріи немедленно".

3.

„Будучи тебѣ въ той посылкѣ, обидъ и налоговъ никому отнюдь не чинить, опасаясь за то суда и истязанія по военному артикулу неотложно".

Такая же инструкція дана была и вахмистру Янкову для поѣздки въ Алексинъ.

Въ то же время, 11 декабря, изъ Губернской Канцеляріи

сообщено было промеморіями въ Главную Дворцовую Канцелярію, въ Ямскую Контору и Дворцовую Конюшенную Канцелярію съ требованіемъ, чтобъ „повелѣно вѣдомства ихъ въ ближнихъ деревняхъ и въ ямскихъ слободахъ пастуховъ, сколько сыскаться можетъ, умѣющихъ въ рожки играть, прислать въ Губернаменскую Канцелярію немедленно“.

О заготовленіи же тѣмъ людямъ одежды, тѣхъ же деревенскихъ игральныхъ инструментовъ, какъ то: гутковъ, свирѣлей, дудокъ, равно какъ плюмажей разныхъ цвѣтовъ изъ пѣтушиныхъ перьевъ и колокольчиковъ, сообщено было въ Московскую Ратушу, съ тѣмъ, чтобы все это было изготовлено отъ Ратуши къ требуемому сроку на казенныя деньги изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ.

Но не легко было вышеноименованнымъ учрежденіямъ исполнить требованіе Губернской Канцеляріи. Калужскій воевода замедлилъ выполненіемъ предписаннаго, и потому ему вторично 21 декабря посланъ былъ нарочный съ указомъ на двухъ почтовыхъ подводахъ, для провоза требуемыхъ „*бабъ съ ихъ мужьями въ самой скорости, съ полученія указа того же числа*“, и съ требованіемъ отъ воеводы отвѣта, для чего по преждепосланному указу не присланы были отъ него тѣ люди.

16 декабря 1739 года изъ Алексина прислалъ воевода собранныхъ въ Алексинскомъ уѣздѣ въ помѣщичьихъ вотчинахъ восемь крестьянокъ, и столько же ихъ мужей, умѣвшихъ „*плясать по крестьянскому обыкновенію*“, коимъ, на проѣздъ до Москвы, даны были отъ Алексинской Воеводской Канцеляріи, изъ неокладныхъ доходовъ, кормовыя деньги на одинъ день по три копѣйки на человѣка, да подъ нихъ, на девять почтовыхъ лошадей, да присланному за ними вахмистру на одну лошадь, итого на 10 лошадей отъ Алексина до Москвы указныя прогонныя деньги, по 1 деньги на версту, шесть рублей 50 копѣекъ, а всего съ кормовыми 6 руб. 98 коп.; причемъ воевода объяснилъ въ доношеніи, что медленность въ присылкѣ тѣхъ крестьянъ произошла «за нескорымъ ихъ собраніемъ, и за неимѣніемъ при Алексинской Канцеляріи солдатъ ни одного человѣка», потому что бывшіе при Канцеляріи 12

человѣкъ отставныхъ солдатъ были всѣ въ разсылкѣ по разнымъ дѣламъ.

24 декабря доставлены были изъ Калуги посланные 16 человѣкъ крестьянскихъ женщинъ и ихъ мужей, при рапортѣ отъ тамошняго воеводы, съ изъясненіемъ, что тѣ люди до сихъ поръ не были сысканы, а какъ скоро найдены были, тотчасъ были присланы, а тѣ 16 человѣкъ набраны были изъ уѣздовъ: Калужскаго, Козельскаго и Мещовскаго.

Такое же затрудненіе было при отысканіи пастуховъ, умѣющихъ играть въ рожки. Дворцовая Канцелярія, по неоднократнымъ требованіямъ, 15 декабря «прислала пастуховъ только четыре человѣка, да и тѣ, присланные четыре человѣка, явились весьма престарѣлые и къ посылкѣ негодные»; и потому Губернская Канцелярія, отославъ престарѣлыхъ пастуховъ обратно въ Дворцовую Канцелярію, требовала, что бы требуемыхъ 22 декабря снова пастуховъ изъ близкихъ дворцовыхъ селъ и деревень собрать всѣхъ, сколько оныхъ сыскаться можетъ, и, выбравъ изъ нихъ годныхъ, прислать въ Губернскую Канцелярію непремѣнно къ 22 декабря, съ предъувѣдомленіемъ, что ежели къ назначенному числу не будутъ присланы тѣ пастухи, то отъ Губернской Канцеляріи представлено будетъ о томъ въ контору Правительствующаго Сената, такъ какъ для отправы тѣхъ пастуховъ въ Петербургъ *„осталось время самое кратчайшее“*.

А какъ отъ Дворцовой Конюшенной Канцеляріи и Ямской конторы еще не было никакого увѣдомленія, то того же 21 декабря, къ нимъ снова послано такое же требованіе и съ тѣмъ же предупрежденіемъ. Независимо отъ сего, на случай, если и тогда отъ сихъ мѣстъ не присланы будутъ пастухи, такое же требованіе послано было въ Коллегію Экономіи. Но и по 22 декабря ни откуда не доставлено было пастуховъ, умѣвшихъ играть въ рожки, къ большему затрудненію Губернской Канцеляріи. Дворцовая Канцелярія 22 декабря извѣстила ее, что по донесеніямъ управителей дворцовыхъ подмосковныхъ селъ: Измайлова, Троицкаго-Голенищева, Коломенскаго и Братовщина съ приписными къ нимъ селами и волостьми, пастуховъ, кромѣ прежде присланныхъ четырехъ

человѣкъ, въ вѣдомствѣ ихъ не имѣется. Такъ же Ямская Контора 22 декабря увѣдомила, что призванные въ Ямскую Контору выборные и старосты московскихъ ямскихъ пяти слободъ сказкою показали подъ штрафомъ, что у нихъ, въ тѣхъ слободахъ и въ приписныхъ деревняхъ, пастуховъ, умѣющихъ въ рожки играть, никого не имѣется. Наконецъ тоже самое отвѣчала и Дворцовая Конюшенная Канцелярія, что по доношеніямъ управителей селъ: Хорошева и Пахрина, пастуховъ умѣющихъ играть на рожкахъ въ названныхъ селахъ, нѣтъ. Тогда Губернская Канцелярія, чтобы не лишиться и послѣднихъ, того же дня послала въ Дворцовую Канцелярію дневальнаго копіиста Шапошникова, съ промеморіею, чтобы и оные прежде посыланные четыре человѣка, если кромѣ ихъ другихъ никого не сыскано, *«присланы были того же числа неотмѣнно»*; каковые люди снова сысканы были и тогда же препровождены въ Губернскую Канцелярію.

Въ добавокъ къ нимъ, того же 22 декабря, присланы были изъ Коллегіи Экономіи двое пастуховъ.

Успѣшнѣе шло, и меньше стало хлопотъ приготовленіе костюмовъ и одежды, сельскихъ музыкальныхъ инструментовъ и прочаго, такъ какъ на это требовались только деньги, кои велѣно было употребить изъ казны.

Одновременно съ посылкою нарочныхъ въ Калугу и Алексинъ для сыску крестьянъ и крестьянокъ, умѣвшихъ плясать, а также съ требованіемъ отъ дворцовыхъ Главной Канцеляріи и Конюшенной Канцеляріи и Ямской Конторы о присылкѣ пастуховъ, умѣвшихъ играть въ рожки, именно 11-го декабря 1739 года, Губернская Канцелярія послала указъ въ Московскую Ратушу, съ прописаніемъ вышеупомянутаго Высочайшаго указа отъ 10 декабря, съ тѣмъ, чтобы Ратуша исполнила непремѣнно въ теченіи четырехъ дней все въ немъ прописанное, какъ то сдѣлать на восемь человѣкъ крестьянъ кафтаны изъ *„обинковаго“* бѣлаго сукна, а вмѣсто полукафтанья короткіе „кожаны“, а женщинамъ, какъ верхнюю, такъ и нижнюю одежду, и прочее убранство, изъ сукна кумачнаго и прочее, что *„потребно и прилично по ихъ обыкновенію“*, а пастухамъ кафтаны изъ краснаго сукна, называемаго яренка, полукаф-

танья крашенинныя пестрыя, а штаны кумачныя красные; кромѣ того купить свирѣлей деревянныхъ, что «простые мужики играютъ» около 100, дудокъ глиняныхъ 50, «*рылей*» и «*гудковъ*» *) по 30, волынокъ 30 же, да заказать и сдѣлать изъ пѣтушиныхъ перьевъ до 150 плюмажей, и 100 пучковъ пѣтушиныхъ же большихъ изъ хвостовъ перьевъ, да колокольчиковъ разной величины до 1,000; и всѣ эти вещи купить или исправить на казенныя деньги изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ.

Вслѣдствіе того въ Ратушѣ, къ заготовленію всего вышеупомянутаго, назначены были выборные изъ московскаго купечества, купцы: Андрей Малышевъ и Ефимъ Денисовъ, которые, аккуратно исполнивъ все требованіе къ назначенному сроку, представили въ Губернскую Канцелярію при реестрѣ за своимъ подписомъ, исключая рылей, коихъ доставлено только двадцать пять за неимѣніемъ въ Москвѣ и въ ближнихъ селахъ и деревняхъ мастеровъ **).

Относительно же собакъ, коихъ повелѣно прислать ко двору въ томъ Имянномъ указѣ, изъ дѣла не видно, кому Губ. Канцелярія поручила ихъ доставить. Въ дѣлѣ только имѣется реестръ доставленнымъ въ ту Канцелярію 15-ти собакамъ, набраннымъ у московскихъ живодеревъ, подписанный капитаномъ Михаиломъ Добрецовымъ.

Наконецъ къ 24 декабря 1739 года всѣ требовавшіеся люди, для нихъ разныя принадлежности и животныя, были въ Губернской Канцеляріи собраны на лицо, а именно 8 чел. изъ Алексинскаго уѣзда и изъ Калужскаго, Козельскаго и Мещовскаго уѣзда 16-ть человѣкъ, изъ нихъ выбраны были для отправки восемь паръ мужей и женъ ихъ. Въ этотъ день много было ей хлопотъ. Надлежало, для немедленной отправки ихъ въ Петербургъ, сдѣлать окончательныя распоряженія. Для

---

*) «*Рыли*» и «*Гудки*»—струнные инструменты.

**) Впослѣдствіи, 17 генваря 1740 года и остальныя 5 рылей доставлены были тѣми выборными въ Губ. Канцелярію, отъ коей въ то же число посланы были въ Кабинетъ Ея Величества чрезъ почту при всеподданнѣйшемъ доношеніи.

этого Канцелярія тогоже 24 числа декабря: 1) отнеслась промеморіею въ военнопоходную канцелярію бывшаго въ то время главнокомандующимъ въ Москвѣ графа Семена Андреевича Салтыкова о присылкѣ въ оную къ 25 декабря *„для провожанія“* до Петербурга означенныхъ людей и собакъ и прочихъ предметовъ одного оберъ-офицера, одного унтеръ-офицера и рядовыхъ *„какъ за людьми, а паче для обереженія собакъ, по крайней мѣрѣ пятнадцать человѣкъ“*. 2) Въ тоже время Губ. Канцелярія дала указъ своему приходрасходчику выдать, на всѣхъ отправляемыхъ въ Петербургъ, прогонныя деньги; но приступая къ расчету: по сколько слѣдуетъ выдать на почтовую подводу за каждую версту до Петербурга, Канцелярія не имѣла у себя свѣдѣній: сколько считается верстъ отъ Москвы до Петербурга, по причинѣ истребленія дѣлъ пожаромъ; спрошенная ею Ямская Контора отвѣчала, что прогонныя деньги на почтовую подводу платятся отъ Москвы до Новагорода, на 557 верстъ, по одной деньгѣ, а отъ Новгорода до Петербурга, на 197 верстъ, по 1 копѣйки на версту. Сообразно сему велѣно приходорасходчику выдать, изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ на 46 подводъ указныхъ прогоновъ 121 р. 67 к., да на прокормъ 22 крестьянкамъ и настухамъ отъ Москвы до Петербурга по 5 копѣйки каждому на день, всего на 16 дней 10 р. 12 копѣекъ, да на прокормъ 15 собакъ по 2 рублю на собаку, итого 15 рублей, всего 146 рубл. 79 копѣекъ.

3) Наконецъ Губ. Канцелярія въ тоже 24 декабря промеморіею потребовала отъ Ямской Конторы: прислать въ оную непремѣнно къ 25 декабря 46 необходимыхъ, для отправки въ Петербургъ людей, подводъ 25 декабря 1739 года состоялась отправка въ Петербургъ ко Двору Ея Величества вышепомянутыхъ мущинъ и женщинъ, съ потребными для нихъ предметами, подъ командою присланнаго изъ Канцеляріи Московскаго главнокомандующаго, Драгунскаго прапорщика Андрея Первушина, съ 15 ю солдатами при одномъ унтеръ-офицерѣ.

Весь поѣздъ, какъ сказано, состоялъ изъ 46 подводъ, распредѣленныхъ такимъ образомъ: прапорщикъ Первушинъ на двухъ подводахъ, унтеръ-офицеръ на одной подводѣ, и 10 под-

водъ для 15-ти рядовыхъ, бабы на 8 подводахъ въ двѣ лошади, мужики на 6 подводахъ, потомъ на 4 подводахъ вещи, наконецъ собаки, каждая на особой подводѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ изъ такъ называемыхъ живодеровъ *).

При семъ конвоировавшему офицеру отъ Губернской Канцеляріи выданы были, какъ прогонныя на проѣздъ деньги для содержанія, такъ и кормовыя для содержанія въ дорогѣ людей и собакъ, вышеизчисленныя 146 рублей 79 копѣекъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дана была инструкція, какъ поступать въ пути, слѣдующаго содержанія:

1) По полученному 10 декабря 1739 года изъ Кабинета Именному указу велѣно «для нѣкоторой забавной свадьбы къ маскараду» выбрать изъ Калужскаго и Алексинскаго уѣздовъ восемь молодыхъ женщинъ, съ ихъ мужьями, умѣющихъ плясать; да набрать изъ пастуховъ, шесть человѣкъ умѣющихъ играть на рожкахъ и сдѣлать на нихъ одежду, да прислать же 15 меделянскихъ хорошихъ собакъ, да сдѣлать болѣе двухъ сотъ плюмажей и набрать пучковъ изъ разноцвѣтныхъ пѣтушиныхъ перьевъ, колокольчиковъ до 1000, и наконецъ сдѣлать, или купить, разныхъ сельскихъ инстументовъ, „во что простые мужики играютъ", и все это отправить въ С.-Петербургъ ко Двору Ея Императорскаго Величества непремѣнно къ будущему генварю мѣсяцу.

2) И потому Ея Императорскаго Величества Имянному указу означенные люди и инструменты и собаки, по сообщенному при сей инструкціи реестру, посланы въ Петербургъ съ вами.

3) Тѣхъ людей и вещи и собаки за конвоемъ своимъ до Петербурга везти на данныхъ вамъ ямскихъ подводахъ со всякимъ поспѣшеніемъ, денно и нощно, чтобъ какъ возможно прибыть вамъ въ Петербургъ къ генварю мѣсяцу 1740 года.

4) Будучи въ пути имѣть вамъ примѣрное смотрѣніе, чтобъ и бабамъ никакой „*изневоги*" (sic) не было, и отправленные съ вами инструменты, и прочія вещи, довезены были,

*) Живодеры — особый цехъ промышленниковъ, спеціально занимающихся снятіемъ шкуръ съ домашнихъ животныхъ, а частію выдѣлкою изъ снятыхъ шкуръ мѣховъ.

конечно, въ цѣлости безъ всякаго поврежденія, а собаки съ живодерами кормлены были съ довольствомъ, и накрѣпко смотрѣть, чтобъ собаки отъ неприсмотру не разбѣжались, и какимъ либо образомъ повреждены не были и отъ безкормицы отнюдь не исхудали.

5) Дано вамъ изъ Губернской Канцеляріи на платежъ до Петербурга прогоновъ на 46 ямскихъ подводъ 121 рубль 76 копѣекъ, а на дачу отправленнымъ людямъ по 3 копѣйки на день, всего на 16 дней, съ 26 декабря по 10-е генваря 10 рублей 12 копѣекъ, да на прокормъ собакамъ, на каждую по 1 рублю, а всего 146 рублей 79 копѣекъ, а что изъ денегъ издержано будетъ, записывать въ данну вамъ изъ Губернской Канцеляріи книгу.

6) По пріѣздѣ въ Петербургъ посланное съ вами доношеніе въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества подать немедленно, и привезенныхъ людей, вещи и собакъ сдать по росписи, кому приказано будетъ, и въ принятіи ихъ взять росписку и потомъ, обратно ѣхать въ Москву немедленно, и пріѣхавъ расходную книгу, оставшіяся отъ расходу деньги, представить при доношеніи въ Губернскую Канцелярію.

7) „Въ прочемъ поступать вамъ, какъ доброму и честному офицеру надлежитъ, и за солдатами того смотрѣть, а ежели слабымъ вашимъ присмотромъ что будетъ пренебрежено и утрачено, и за недовольнымъ кормомъ изъ собакъ учинится хотя малый упадокъ, оное взыщется на васъ съ немалымъ штрафомъ и истязаніемъ неотмѣнно“.

Ему же, какъ сказано выше, поручено было подать въ Кабинетъ Ея Величества доношеніе отъ Губернской Канцеляріи за подписомъ Маковскаго вице-губернатора князя Юсупова, съ приложеніемъ реестра посланнымъ людямъ, вещамъ и собакамъ.

Въ томъ рееестрѣ значились отправлены въ Петербургъ ко Двору.

1. Люди.

Алексинскаго уѣзда.

Вотчины Крутицкаго архіерея, деревни Инышиной Кондратій Алексѣевъ и жена его Авдотья Ермолаева.

Вотчины Ѳодора Беклемишева, деревни Шелепиной Афанасій Яковлевъ и жена его Афимья Антонова.

Вотчины вдовы Авдотьи Давыдовой, деревни Хотмановой Карпъ Ивановъ и жена его Екатерина Антонова.

Вотчины князя Михаила Михаиловича Голицына, села Широносова Иванъ Михайловъ и жена его Степанида Дементьевна.

Калужскаго уѣзда.

Графа Михаила Гавриловича Головкина, деревни Животникиной, Тимофей Анисимовъ и сестра его Дарья Анисимова, жена крестьянина того же помѣщика Терентія Антонова.

Козельскаго уѣзда:

Вотчины князя Мих. Мих. Голицына, деревни Жердевой Ѳетисъ Панфиловъ и жена его Акулина Артемьева.

Вотчины его же, князя Голицына, деревни Корняковой Калина Кузьминъ и жена его Аксинья Самсонова.

Вотчины прапорщика Ивана Осипова Лаврова, деревни Слободки Григорій Кондратьевъ и племянница его Мавра Митрофанова, жена того же помѣщика крестьянина Ивана Андреева.

Пастухи.

Московскаго уѣзда дворцовыхъ селъ: села Аникеева Семенъ Володиміровъ, села Измайлова Макаръ Степановъ, села Озерецкаго Осипъ Ѳедоровъ Галда, того же села деревни Старой Егоръ Ивановъ Пановъ, приселка Щитникова Терентій Прокофьевъ; Синодальной вотчины, села Пушкина, Максимъ Трофимовъ Козловъ *).

2) На людей уборы:

На 8 мужиковъ:

Кафтановъ бѣлыхъ обинковыхъ	8
Кожановъ козлиныхъ	8

*) Изъ Синодальныхъ вотчинъ присланы были въ Губ. Канцелярію, какъ было сказано, двое; вышеозначенный Козловъ и Леонтій Ильинъ Дубининъ; но послѣдній не былъ посланъ въ Петербургъ, но почему, въ дѣлѣ указаній не имѣется, а вмѣсто его отправленъ дворцовый крестьянинъ.

Штановъ пестрядинныхъ 8
Шапокъ красныхъ русскихъ 8
Кушаковъ красныхъ 8
Рукавицъ бараньихъ съ варги 8
Чулковъ русскихъ. 8
Рубахъ русскихъ по 1 парѣ 16
Анучь суконныхъ 8
Лаптей. 8

На 8 бабъ:

Сорокъ шитыхъ золотомъ и съ тесмами и съ кумачомъ 8
Подзатыльниковъ, шитыхъ мишурою съ кистьми бисерными и бахрамою шелковою 8
Платковъ покрывальныхъ на головы съ строчками . . 8
Перловъ половинчатыхъ съ бисеромъ 8
Серегъ мѣдныхъ луженыхъ съ камушками 8
Рубахъ русскихъ съ рукавами долгими и съ кумачемъ 8
Рубахъ такихъ же, безъ кумача 8
Нагрудниковъ байковыхъ красныхъ, съ тесьмами гарусными и съ нашивками шелковыми 8
Понявъ, изъ сукна и изъ кумачу, съ покромьми и съ тесьмами 8
Сукней сукна синяго съ кумачомъ и съ шелковыми нашивками и съ покромьми 8
Покромей на поясы красныхъ 8
Чулковъ русскихъ 8
Анучь суконныхъ 8
Лаптей 8

На шесть пастуховъ:

Кафтановъ, за неимѣніемъ въ Москвѣ яренка, изъ сукна и изъ байки 6
Полукафтаньевъ крашенинныхъ сѣрыхъ съ подкладкою 6
Штановъ кумачныхъ съ подкладкою 6
Шапокъ суконныхъ русскихъ зеленыхъ 6
Рукавицъ бараньихъ съ варгами 6
Кушаковъ шерстяныхъ жолтыхъ 6

Рубахъ русскихъ 12
Чулковъ русскихъ 6
Анучь суконныхъ 6
Лаптей 6
Плюмажей натуральныхъ разныхъ цвѣтовъ 150
Пучковъ изъ хвостовыхъ долгихъ перьевъ, натуральныхъ и крашеныхъ 100
въ каждомъ пучкѣ по 50 перьевъ.

3. Инструментовъ.

Колокольчиковъ разныхъ рукъ:

Большихъ	110
Среднихъ	100
Полусреднихъ	501
Малыхъ	190
Съ язычками	99
итого	1000

Свирѣлей деревянныхъ 100
Дудокъ глиняныхъ 50
Рылей 25
а остальныхъ 5-ть рылей, въ указное число, за неимѣніемъ въ Москвѣ мастеровъ и въ ближнихъ селахъ и деревняхъ, сыскать было не можно *).

Гутковъ 30
Къ рылямъ и гуткамъ струнъ 100
Волынокъ 30

4. Собакъ 15

Въ томъ числѣ порознь признаками взяты:

Живодера Петра Шамша:
- Половщхъ 2
- Кобель муронѣгъ 1
- Кобель мурой 1

*) Недостававшія пять рылей впослѣдствіи были изготовлены, и 17 Генваря 1740 года, отосланы были, чрезъ почту, въ Кабинетъ Ея Величества при доношеніи.

Питейныхъ сборовъ Компанейщика Ивана Мушникова	Кобель дымчатой	1
	Сукъ: черноры лая	—
	желтая	1
Компанейщика же питейнаго, Михаила Гусятникова.	Кобель желтый чернорылой	1
	Сука половая съ лысиной	1

Живодера Кузмы Сосина: кобелей черныхъ 2

Купца Филипа Кирилова: кобель половой 1

Живодера Никиты Петрова: кобель чубарый чернорылой, корноухъ 1

Вотчиной коллегіи подъячаго Александра Өедорова: кобель желтый чернорылый 1

Живодера Андрея Васильева: кобель сѣропѣгой . . . 1

Дворцоваго крестьянина Ивана Абуна: кобель дымчатой съ лысиной 1

Къ тѣмъ собакамъ живодеровъ записныхъ: Садовой большой слободы Иванъ Логиновъ и Кожевницкой полусотни Иванъ Афанасьевъ.

При дѣлѣ еще имѣется копія съ указа изъ Кабинета 26 генваря 1740 года Московскому вице-губернатору о присылкѣ въ Петербургъ еще колокольчиковъ 4000, слѣдующаго содержанія:

„Указъ Нашему Дѣйствительному Камергеру и Московскому вице-губернатору князю Юсупову".

„Потребно для пріуготовляющагося здѣсь маскарада 4000 колокольчиковъ съ язычками трехъ рукъ, такимъ же, каковы отъ васъ предъ симъ присланы были. Того ради, по полученіи сего, имѣете вы приказать тотчасъ показанное число колокольчиковъ искупить и прислать сюда, а для привозу оныхъ посланъ съ симъ Нашимъ указомъ Лейбъ-Гвардіи Нашей солдатъ Игнатій Свистуновъ, котораго, по пріѣздѣ его въ Москву, болѣе половины дня отнюдь не держать и отправить его съ тѣми колокольчиками сюда на почтѣ, и велѣть ѣхать со вся-

кимъ поспѣшеніемъ; такожъ ежели изъ Саратова, по силѣ посланнаго туда Нашего Указа, привезены въ Москву играчьи тулупы (sic), то ихъ потомужъ на почтѣ сюда отправить, и приказать везти съ поспѣшеніемъ. И повелѣваемъ вамъ учинить по сему нашему Указу.

На подлинномъ подписано: «По Ея Императорскаго Величества указу»:

Андрей Остерманъ.
К. Алексѣй Черкасскій.
Артемій Волынскій.

Генваря 26 дня
1740 года.

Вышепомянутый солдатъ Игнатій Свистуновъ прибылъ въ Москву съ тѣмъ указомъ 29 генваря въ 9 часовъ по полуночи, и отправленъ обратно въ Петербургъ по полудни въ 4-мъ часу, и съ нимъ отправлены колокольчики при реестрѣ и съ доношеніемъ отъ вице-губернатора, въ коемъ сказано, что колокольчиковъ посылается не 4000, „*но сколько во Москвѣ во всѣхъ лавкахъ сыскаться могло*,“ съ присовокупленіемъ, что изъ Саратова тулупы еще не привезены.

Въ приложенномъ же реестрѣ значилось слѣдующее число посланныхъ колокольчиковъ:

Большой руки,	полуфунтовыхъ	136
Средней „	четверть фунтовыхъ	309
Малой „	осмой доли фунтовыхъ	232
	итого . . .	677

Наконецъ изъ дѣла видно, что всѣ вышеозначенные крестьяне и крестьянки, 22 человѣка, посланные въ Петербургъ, для нѣкоторой забавной свадьбы, по окончаніи, обратно препровождены были изъ Петербурга въ Московскую Губернскую Канцелярію 1840 года 7 марта, для отпущенія ихъ въ домы свои по прежнему, съ капраломъ Свіяжскаго полка Иваномъ Миріевскимъ.

«НОВОСТИ».

(Матеріалъ для исторіи Библіографіи).

Подъ названіемъ: «Новости» въ наше время издается газета; но 80 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1799 году, подъ такимъ же названіемъ издавался „журналъ“, въ которомъ осмѣянъ былъ романъ, автора басенъ и мелкихъ стихотвореній, Александра Ефимовича *Измайлова.* Покойный А. Ѳ. Воейковъ, посадивъ Измайлова въ свой сумасшедшій домъ, сказалъ объ немъ:

Вотъ Измайловъ, авторъ басенъ.
Онъ пищитъ мнѣ: я согласенъ.
Я писатель не для дамъ.
Мой предметъ: носы съ прыщами.
Ходимъ съ музою въ трактиръ.
Водку пить—ѣсть лукъ съ сельдями;
Міръ квартальныхъ—вотъ мой міръ!

Романъ Измайлова назывался: «Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и общества». Написанный въ сатирическомъ родѣ, онъ пользовался заслуженною въ то время славою; но журналъ «Новости»—издававшійся Петромъ Ивановичемъ *Голубковымъ* — посягнулъ, въ одной изъ *четырехъ* вышедшихъ книжекъ, на его раскритикованіе, чѣмъ и ознаменовалъ свое достоинство, оставивъ о томъ потомству память, а самъ прекратилъ свое существованіе: пятой книжки журнала: «Новости» уже не выходило.

Н. А. Лебедевъ.

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“

Годъ девятый.

Полное годовое изданіе журнала „Семьи и Школы“ (подп. ц. съ перес. *двѣнадцать р.*) состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ „Педагогической хроники“.

I. „Семейное чтеніе“ (*для дѣтскаго чтенія*) выходитъ ежемѣсячно (отъ 5 до 6 печатн. лист. въ 1/8), т. е. 12 книгъ въ годъ.

II. „Воспитаніе и обученіе“ (*для родителей и воспитателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля) съ добавленіемъ „*Педагогической хроники Семьи и Школы*“, выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ.

Подписная цѣна.

На полный журналъ (22 кн. и 40 нум. „Педагогической хроники“.	Отдѣльно: На книгу I-ю „Семейное чтеніе“ 12 книгъ).	На книгу II-ю (Воспитаніе и обученіе“: 10 книгъ и 40 нум. „Пед. хроники“).
Въ С.-Петербургѣ безъ дост. 11 р. — к.	9 р. — к.	4 р. — к.
Въ С.-Петербургѣ съ доставкою. 11 » 50 »	9 „ 50 „	4 „ 50 „
Во всѣ мѣста имперіи. . . . 12 » — »	10 „ — „	5 „ — „
За границу. 16 » — »	13 „ — „	7 „ — „

1. **Подписка** принимается въ конторѣ „**Семьи и Школы**“: С.-Пб. Васильевскій островъ, 15 линія, близь набережной, д. № 8, кв. № 20, или же адресуется просто: въ *С.-Петербургъ, въ контору* журнала „Семья и Школа“ (*адресъ почтамту извѣстенъ*).

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“, иллюстрированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія, выходитъ ежемѣсячно по 10—12 листовъ in 8°, въ двухъ книгахъ и 40 нумерахъ еженедѣльныхъ добавленій въ книгѣ 2-й — подъ назв. „**Педагогическая Хроника** Семьи и Школы“, по слѣдующей программѣ:

Книга 1. **Семейное чтеніе** (12 книгъ въ годъ).

Чтеніе религіозно-нравственнаго содержанія. Разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр.

Занятія: игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія.

Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Книга 2. **Воспитаніе и обученіе**

въ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ (10 книгъ въ годъ).

ОТДѢЛЪ I. **Педагогія, Дидактика и Методика**. Общія статьи педагогическаго содержанія. Воспитаніе домашнее и общественное. Физическое воспитаніе и гигіена. Предметы и методы обученія. Учебныя пособія. Учебные матеріалы и принадлежности.

ОТДѢЛЪ II. **Критика и Библіографія** русскихъ и замѣчательнѣйшихъ изъ иностранныхъ сочиненій, изданій

и пособій, соприкосновенныхъ съ учебно-воспитательнымъ дѣломъ.

ОТДѢЛЪ III. **Біографическіе очерки** педагогическихъ дѣятелей и статьи по исторіи педагогіи, съ приложеніемъ портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей, иностранныхъ и русскихъ.

Отдѣлъ математическій: 1) Самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; 2) Разработка тѣхъ или другихъ частей курса средне-учебныхъ заведеній, на научно-педагогическихъ основаніяхъ; 3) Историческія замѣтки; 4) Библіографія и т. п.

При книгѣ 2-й выходитъ добавленіе, въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ, подъ названіемъ.

„Педагогическая хроника Семьи и Школы“, заключающая въ себѣ отдѣлы IV и V программы 2-й книги (Хронику и Смѣсь), а именно:

Правительственныя распоряженія, постановленія и жизнь учебныхъ и учебно-воспитательныхъ заведеній — правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ. Корреспонденція. Заявленія педагогическаго содержанія и всякаго рода объявленія о вновь выходящихъ книгахъ, учебныхъ пособіяхъ, матеріалахъ и проч.

Подписка продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе нумера, начиная съ перваго.

1—1

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный журналъ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

„ПРИРОДА и ЛЮДИ".

Предпринявъ съ 1878 года изданіе, съ цѣлью служить однимъ изъ органовъ для самообразованія и развитія, редакція, выборомъ статей и способомъ ихъ изложенія, старалась дать такой матеріалъ для чтенія, который бы удовлетворялъ потребностямъ лицъ, ищущихъ самообразованія и развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлью редакціи было дать ежемѣсячный журналъ, по возможности, за дешевую цѣну. Стараясь достигнуть этой цѣли и прислушиваясь къ голосу своихъ подписчиковъ, редакція съ 1879 г. дополняетъ журналъ политическимъ отдѣломъ, въ который войдетъ хроника внутренней жизни Россіи и политическая хроника европейской жизни. На первомъ планѣ, какъ и прежде, будутъ поставлены реальныя свѣдѣнія, касающіяся жизни человѣка, природы и ея явленій, а также и политической современной жизни. Вообще же, программа журнала будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Романы, повѣсти и разсказы оригинальные. II. Переводы иностранныхъ романовъ. III. Этнографическіе очерки народовъ, живущихъ въ Россіи, съ хромолитографіями и гравюрами, а также очерки различныхъ народовъ земнаго шара. IV. Очерки и картины природы. V. Естествознаніе. VI. Техника и разнаго рода производства, промыслы и занятія человѣка. VII. Свѣдѣнія по части изобрѣтеній и усовершенствованій, двигающихъ науку и улучшающихъ бытъ человѣка. VIII. Хроника внутренней жизни Россіи. IX. Политическая хроника европейской жизни. X. Путешествія по всѣмъ странамъ земнаго шара и новѣйшія географическія открытія. XI. Смѣсь, состоящая изъ статей разнообразнаго содержанія, мелкихъ разсказовъ, анекдотовъ и проч.

Подписчики на журналъ пользуются слѣдующею уступкою на капитальныя изданія редакціи.

1) ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ. Э. Реклю. За каждый томъ уплачиваютъ вмѣсто 8 р. по 6 руб., безъ пересылки. Вышли первые три тома.

достигнуть болѣе высокихъ степеней. Обдумавъ все это, я выбралъ книгу, извѣстную подъ латинскимъ названіемъ Pastoralis. Окружающіе меня мудрые мужи мнѣ объяснили ее, и когда основательно понялъ сущность, я перевелъ ее на англо-саксkiй языкъ, то буквально, то передавая только смыслъ, совершенно понятный и усвоенный мною.

Въ исторіи невстрѣчается другаго примѣра, даже не исключая и Карла великаго, такого глубокаго и практичнаго пониманія современной потребности. Акты Карла великаго въ пользу цивилизаціи, говоритъ Гизо, не представляютъ ничего подобнаго, не имѣютъ никакой систематической формы—это акты изолированные, безъ связи, то объ основаніи нѣкоторыхъ школъ, то о мѣрахъ, необходимыхъ для развитія духовныхъ наукъ, и наукъ связанныхъ съ ними, то общія наставленія объ образованіи духовнаго и свѣтскаго сословій, чаще ревностная протекція людямъ извѣстнымъ, которыми такъ любилъ окружать себя Карлъ. Правда, еще въ 787 году Карлъ обращался циркулярно къ епископамъ своей имперіи о мѣрахъ побужденія къ образованію; но, какъ говоритъ Амперъ, упоминающій объ этомъ циркулярѣ, этотъ послѣдній циркуляръ изложенъ темнымъ варварскимъ языкомъ и полонъ самыхъ софистическихъ аргументовъ. Вѣроятно никто изъ получившихъ его не придалъ ему никакого значенія, и даже не понялъ смысла. Напротивъ Альфредъ, какъ видно изъ предисловія, опредѣленно намѣтилъ свою цѣль, отчетливо понималъ то, чего желалъ, и никто не могъ ошибаться. Твердымъ и вѣрнымъ взглядомъ, изобрѣтательною и практическою рѣшимостью, онъ ясно указалъ цѣль и дорогу. Теперь дѣло шло не о привлеченіи людей образованныхъ, а о прочномъ водвореніи образованія и, въ этомъ случаѣ расширеніе изученія древнихъ языковъ, и увеличеніе школъ, становились мѣрами слабыми и отдаленными. Альфредъ желалъ, съ перваго же раза, создать новую національную литературу. Не изящную красоту выраженій и щеголеватую важность латыни онъ желалъ передать своему народу, но самую сущность дѣла, мысль, факты, исторію, философію, даже религію. До него языкъ Цицерона и св. Августина считался мѣриломъ познаній. Правда;

еще Карлъ великій высказалъ, что можно просить Бога на всякомъ языкѣ и распорядился собраніемъ древнихъ, варварскихъ пѣсенъ для передачи потомству, далъ исчисленію времени германскія названія и даже приступилъ къ французской грамматикѣ; правда, что къ концу его царствованія въ 813 году Реймскій и Турскій соборы обязали епископовъ переводить богослужебныя книги на простонародный туземный языкъ для поученія народа, съ трудомъ понимавшаго латинскихъ писателей; но въ этихъ мѣрахъ можно видѣть только черты изолированныя, одно стремленіе Карла, а въ актахъ соборныхъ религіозную политику, концессію съ невѣжествомъ массъ, но не видно намѣренія твердаго, зрѣло обдуманнаго, практической борьбы съ невѣжествомъ и рѣшительной мѣры къ разработкѣ отечественнаго слова. Не смотря на эти факты, по мнѣнію Карла, и его ученыхъ современниковъ, народное образованіе должно заключаться въ возстановленіи римской цивилизаціи. Культура, ума въ глазахъ ихъ оставалась латинской,— и въ этомъ упрекать ихъ было бы несправедливо. Германскіе языки, принесенные варварами, не имѣли такихъ крѣпкихъ корней на почвѣ континента, какъ языкъ англо-саксскій въ Англіи. Франки наслѣдовали въ Галліи римлянамъ непосредственно, тогда какъ Англо-Саксы, водворяясь въ Великобританіи, не имѣли дѣла съ римлянами, слѣды которыхъ уже стирались, а съ Бриттами, Пиктами и Скоттами. Отсюда устойчивость и твердость языка и законовъ Англо-Саксовъ, между тѣмъ какъ на континентѣ они перемѣшались. Бедъ, Теодоръ, Адріенъ и Альбертъ не сознавали этого различія, не давали ему никакого значенія, а потому, послѣ вторженія Датчанъ, отъ ихъ дѣятельности не оставалось никакого слѣда. Они вводили латинскую культуру ума у Англо-Саксовъ, не натурализируя ея, а слѣдовательно Альфредъ первый сознаъ важность англо-сакской основы.

Принимаясь за трудъ, Альфредъ, конечно, нашелъ родной языкъ свой варварскимъ, хотя и богатымъ поэтическими красотами; но тѣмъ не менѣе онъ воспользовался имъ, какъ общедоступнымъ орудіемъ, значительно облегчившимъ дальнѣйшій трудъ и развитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждалъ

въ будущемъ живучесть насажденныхъ сѣмянъ и ограждалъ ихъ отъ вреднаго вліянія будущихъ переворотовъ и волненій. Онъ открылъ англо-саксскому языку новую эру, облекая въ него вѣчно здоровыя, животворныя мысли. Въ этомъ заключается оригинальная заслуга Альфреда, печать его генія, и если называютъ царствованіе Карла великаго возрожденіемъ, то было бы справедливо назвать царствованіе короля Альфреда перерожденіемъ.

Начертавъ свой путь, король не удалялся отъ него. Обыкновенно приписываютъ перу его множество литературныхъ трудовъ: переводъ бо́льшей части латинскихъ авторовъ, библіи, псалмовъ—по свидѣтельству Вильгельма Мальмесбирійскаго,— и даже сочиненіе исторіи Англіи — по свидѣтельству поэта XII вѣка Жефруа Жемара; но всѣ эти свидѣтельства легко могутъ быть оспариваемы. Къ подлиннымъ трудамъ, принадлежность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, относятся: переводъ пастырскаго посланія Григорія, объемистый отрывокъ изъ размышленій св. Августина (подъ названіемъ собранныхъ цвѣтовъ), исторія Беда, Ороза, и затѣмъ переводъ сочиненія Боэція объ утѣшеніи Философіи.

Внимательно разсматривая его произведенія, невозможно съ точностью опредѣлить сумму его собственныхъ познаній и цѣнность его ума; но во всякомъ случаѣ его труды имѣютъ полное право на названіе самородныхъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ сокращаетъ оригиналъ на нѣсколько главъ, въ другомъ самопроизвольно дополняетъ, то прибавляетъ отъ себя нѣсколько страницъ. Передъ его глазами постоянно его народъ, время автора, и онъ остроумно старается принаровиться къ тому и другому. Онъ болѣе воспитатель, чѣмъ ученый. Прежде всего онъ хочетъ быть понятнымъ, объяснить текстъ и при всякомъ удобномъ случаѣ разсказать какъ можно болѣе фактовъ. Когда у Ороза вопросъ коснулся экспедиціи Цезаря въ Англію, король оказался компетентнѣе автора; онъ знаетъ страну, какъ человѣкъ, защищавшій ее на каждомъ шагу; ему вполнѣ извѣстны народныя преданія и еще ясные слѣды развалинъ римскаго лагеря; онъ указываетъ на берега Темзы, близъ Валлингфордскаго брода, какъ на мѣсто, гдѣ Цезарь одержалъ

послѣднюю побѣду надъ Бриттами. Когда какое-нибудь латинское слово не можетъ быть съ точностью передано по англо-саксски, онъ цитируетъ это слово и дополняетъ тождественнымъ англо-саксскимъ словомъ; когда же тождественнаго слова не достаетъ, а народное понятіе не представляетъ возможности выразить сравненіемъ, тогда онъ останавливается на подробныхъ объясненіяхъ.

Конечно въ его переводахъ встрѣчаются иногда грубыя ошибки. Виргилій называется ученикомъ Гомера, Улисъ королемъ Итаки и Ретіи, Фабрицій переводится знаменитымъ кузнецомъ; но всѣ эти погрѣшности совершенно исчезаютъ передъ громадностью заслугъ, передъ той живой, отеческой заботой, съ которой Альфредъ старается утилизировать свои произведенія, сдѣлать ихъ доступными простому народу, для котораго единственно и трудился. Самъ Альфредъ не придавалъ своимъ трудамъ значенія непогрѣшительнаго авторитета, какъ это видно изъ его благородныхъ заключительныхъ словъ къ сочиненію Боэція: «и теперь Альфредъ умоляетъ именемъ Бога всѣхъ тѣхъ, которые пожелаютъ прочитать его книгу; онъ проситъ ихъ молиться за него и не осуждать, если они поймутъ автора лучше, чѣмъ онъ его понялъ; каждый человѣкъ долженъ, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, говорить то, что онъ можетъ сказать, и дѣлать то, что онъ можетъ сдѣлать».

Во времена развитой цивилизаціи, когда каждый дышетъ воздухомъ, насыщеннымъ наукой, тысячи понятій сознаются и усвоиваются безъ особеннаго труда. Оттого обыкновенно съ презрѣніемъ относятся къ невѣжеству древнихъ эпохъ и къ мудрецамъ того времени. Гордые и неблагодарные потомки забываютъ скольких тяжкихъ усилій стоило предкамъ то немногое, что они знали, и что были бы ихъ потомки, если бы ихъ упорные, настойчивые труды, ихъ маленькія открытія, ихъ даже ошибки и заблужденія не предшествовали и не привели бы науку такой, какой намъ досталась.

Король Альфредъ неутомимо продолжалъ и развивалъ дѣло народнаго образованія, и еще при своей жизни видѣлъ, какъ любовь къ образованію постепенно пріобрѣтала твердую почву. «По милости Божіей, писалъ король, мы имѣемъ теперь

не одного хорошаго наставника въ нашихъ церквахъ и мы постараемся для нихъ найдти добрыхъ учениковъ». Для личнаго наблюденія за дѣломъ воспитанія онъ учредилъ школу въ собственномъ дворцѣ, гдѣ сыновья его служили примѣромъ сверстникамъ-дѣтямъ, набраннымъ во всѣхъ частяхъ государства, какъ изъ знатныхъ, такъ и изъ скромныхъ семействъ. Тамъ ихъ учили чтенію и письму на англо-саксскомъ и латинскомъ языкахъ. Съ особенною благосклонностью относился къ нимъ король, нѣжно заботился о развитіи въ нихъ добрыхъ началъ, часто самъ преподавалъ уроки, и съ гордостью замѣчалъ, какъ любовь къ образованію проникала въ юные умы. Видя прогрессъ молодыхъ людей и милости къ нимъ государя, всѣ подданные стали соревновать другъ передъ другомъ. Судьи, графы, королевскіе чиновники нали напередъ: какимъ горькимъ упрекамъ подвергнутся, если въ отправленіи обязанностей допустятъ невѣжество. Такимъ образомъ принялись за науку и незнавшіе грамоты съ молодости. Трудны были усилія послѣднихъ, такъ какъ возрастъ и застарѣлая умственная ржавчина ставила имъ особенныя преграды. Только твердая воля могла заставить ихъ познакомиться съ содержаніемъ тѣхъ книгъ, которыхъ государь ихъ называлъ сокровищемъ, а для нихъ казавшихся простою вещью, бѣлымъ полемъ съ черными рисунками.

Но кромѣ научнаго образованія, которое по существу своему есть продуктъ индивидуальной воли, состояніе культуры человѣческаго общества данной эпохи еще яснѣе выражается въ большемъ или меньшемъ, въ томъ или другомъ, развитіи искусствъ. Подъ мечемъ пиратовъ, губившимъ жизнь и свободу, погибли и тѣ немногія произведенія искусствъ, которыхъ могла произвести современная жизнь. Огонь и мечь, все разрушая, не оставляли слѣдовъ, а въ такомъ положеніи человѣкъ можетъ думать только о насущныхъ потребностяхъ животной жизни. Только съ установленіемъ спокойствія, съ обезпеченіемъ жизни и ея органическихъ нуждъ, является потребность въ болѣе утонченномъ проявленіи человѣческаго духа. Такое спокойствіе и сильную помощь доставило царствованіе короля Альфреда. Привлеченные его славой и жадной дѣя-

тельностью, благосостояніемъ и расширеніемъ Вессекса, иностранцы по собственному побужденію прибывали къ его двору. Не только изъ государствъ сосѣдственныхъ, недавно враждебныхъ, но даже изъ странъ, считавшихся въ то время весьма отдаленными, приходили къ нему, какъ къ естественному и общему покровителю Франки, Фризы, Арморійцы, Скотты, Бритты, жители Уэльса, даже Датчане, люди всѣхъ сословій и различныхъ расъ, иногда самые благородные въ своей родинѣ, но въ особенности работники, мастера искусные и извѣстные на родинѣ, хотя послѣдніе большею частью по приглашенію самого короля. Артисты всѣхъ родовъ находили въ немъ не только щедраго хозяина, но всегда судью, способнаго и готового справедливо цѣнить ихъ труды. Даже въ то время, когда его умъ былъ занятъ устройствомъ флота для отраженія морскихъ набѣговъ Датчанъ, онъ заботился о возстановленіи развалинъ, и отъ плотниковъ переходилъ къ архитекторамъ. Для постройки кораблей онъ самъ сочинялъ новые планы; вообще всѣ зданія, выстроенныя имъ, по выраженію Ассера, были удобнѣе и роскошнѣе прежнихъ. Въ Шефсбюри, по всей вѣроятности, основанъ былъ цѣлый городъ (880), а не одинъ монастырь, и это было въ первый годъ мира еще тревожнаго и невѣрнаго. Царскія резиденціи дѣлаются достойнѣе новаго блеска Вессекской короны; загородные дворцы перенесены на лучшія мѣста и выстроены изъ отесаннаго камня. Альфредъ лично руководствовалъ работой и составлялъ украшенія: золото и серебро блестѣли въ парадныхъ комнатахъ. Вѣроятно не безъ вліянія остались видѣнныя имъ въ дѣтствѣ во время путешествій величіе и богатство римскихъ монументовъ.

Встрѣчаются много манускриптовъ и монетъ времени короля Альфреда. Съ начала VIII вѣка у Англо-Саксовъ калиграфія составляла одну изъ самыхъ серьезныхъ отраслей искусствъ, и выставила не одно прекрасное произведеніе, послужившее оригиналомъ для послѣдующихъ копій. Въ манускриптахъ IX вѣка видно письмо простое и плавное съ украшеніемъ начала каждой главы. Въ эту эпоху ни одинъ монастырь континента не имѣлъ такихъ искусныхъ живописцевъ художниковъ, какъ Аббатъ Гидъ, для группировки массъ листьевъ,

установки легкихъ драпировокъ, проведенія изящныхъ спиралей и тысячи узловъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Кругомъ заглавныхъ буквъ рисовались черной краской драконы, чудовища въ формѣ птицъ и человѣческія фигуры въ различныхъ положеніяхъ.

Монетъ съ изображеніемъ и именемъ Альфреда встрѣчается много, но чеканка ихъ, по несовершенству, не можетъ дать никакого, даже приблизительнаго понятія о чертахъ оригинала. На однихъ монетахъ носъ почти незамѣтный и вздернутый, на другихъ орлиный или лошадиный, глаза, то круглые, то продолговатые, то косые, то кривые. Но если король Альфредъ и не имѣлъ искусныхъ работниковъ, то тѣмъ не менѣе онъ давалъ имъ немалую работу. Такъ какъ на бо́льшей части монетъ его времени обозначались названіе города, мѣста чеканки и имя гравировавшаго мастера, то можно судить о количествѣ мастерскихъ, основанныхъ королемъ (въ Глочестерѣ, Линкольнѣ и др.) и числѣ рукъ, занятыхъ работой. Послѣднихъ насчитываютъ до пятидесяти. Въ монетахъ Альфреда видно стремленіе къ подражанію римскимъ монетамъ. Англо-сакской пенни соотвѣтствовалъ квинарію или полудинарію императорскому, какъ онъ чеканился во времена отъ Аркадія и Гонорія до Юстина. Между тѣмъ какъ на бо́льшей части другихъ англо-сакскихъ монетахъ видны только имена безъ изображеній, на пенни короля Альфреда изображеніе головы, увѣнчаной діадемой—очевидное подражаніе императорскимъ монетамъ.

Англо-сакскіе ювелиры съ начала VII вѣка славились на всемъ континентѣ; они составляли школу, и произведенія ихъ, высоко цѣнимыя модой, далеко развозились въ видѣ контрабанды. У самого Альфреда была драгоцѣнность, вполнѣ дѣлавшая честь англо-сакскому искуству: это кусокъ полированнаго кристалла, овальной формы, съ миніатюрнымъ мозаичнымъ эмальированнымъ зеленымъ и желтымъ цвѣтомъ изображеніемъ сидящаго коронованнаго человѣка, съ цвѣткомъ лиліи въ каждой рукѣ. Кристалъ обрамленъ золотой оправой рѣзной работы. Мозаичное изображеніе сидящаго человѣка означаетъ вѣроятно Св. Нео, если не Господа; но во всякомъ случаѣ не

Альфреда. Кругомъ кристалла золотыми буквами начертана слѣдующая надпись: Alfred mec heht geuyrcan (Альфредъ приказалъ меня сдѣлать). Эта драгоцѣнность найдена была, по прошествіи восьми сотъ лѣтъ, въ 1693 году въ мѣстности, пригараниченной къ острову благородныхъ—тайному убѣжищу бѣглеца.

Нельзя не удивиться такой громадной дѣятельности одного человѣка. Безъ сомнѣнія въ своей непродолжительной жизни король Альфредъ относился къ времени съ особой бережливостью. Изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній видно, что онъ не расточалъ часовъ ни днемъ, ни ночью, распредѣливъ ихъ слѣдующимъ образомъ: одна треть посвящалась работамъ государственнымъ, другая заботамъ священнымъ, куда относились богослуженіе, молитва и дѣятельность по образованію подданныхъ, остальная треть принадлежала сну, употребленію пищи и тѣлеснымъ упражненіямъ, такъ какъ отъ юности у него постоянно оставалось пристрастіе къ охотѣ и лошадямъ.

Точно также король сохранялъ строгую экономію и въ деньгахъ. Онъ раздѣлялъ свои доходы на двѣ части: первую употреблялъ во имя Бога, другую назначалъ на земные интересы народа. Четверть первой половины раздѣлялась бѣднымъ, изъ какой бы страны они ни были, затѣмъ подобная же сумма назначалась двумъ основаннымъ имъ монастырямъ, третья часть на содержаніе основанной въ его дворцѣ школы и наконецъ послѣдняя четверть первой половины отсылалась въ пособіе разнымъ монастырямъ Мерціи, Вессекса, иногда даже отдаленнымъ церквамъ Корнвалиса, Уэльса, Нортумбріи, Ирландія, Арморіи и Франціи. Другая половина доходовъ раздѣлялась только на три части; одна треть для работниковъ и ремесленниковъ, трудившихся подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, другая для иностранцевъ, явившихся къ его двору, наконецъ остальная часть служила на содержаніе воиновъ и служителей, по ихъ заслугамъ и должностямъ.

Вся система управленія носила печать точности и порядка. Благородные, состоявшіе лично при немъ, образовывали три отдѣленія, изъ которыхъ каждое, въ свою очередь, оставалось подлѣ короля въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, и затѣмъ

остальные восемъ мѣсяцевъ могло свободно заниматься своими частными и семейными дѣлами. Альфредъ избѣгалъ, для пользы двора, отдѣлять отъ народа лучшій его элементъ; напротивъ, поддерживая дружескія и частныя отношенія благороднаго класса и самодержавной власти, онъ сохранялъ такія же отношенія между благороднымъ классомъ и народомъ.

Къ времени короля Альфреда относится извѣстное путешествіе Вульфстана. Имѣя необходимость въ подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣніяхъ о моряхъ и берегахъ сосѣднихъ къ Англіи, родины пиратовъ, онъ поручилъ мореплавателю Вульфстану изслѣдовать берега Балтійскаго моря, Эстоніи, Ливоніи, Курляндіи и Пруссіи. Вульфстанъ доставилъ ему вѣрное географическое описаніе положенія, произведеній, народовъ, нравовъ жителей всѣхъ странъ, которыхъ онъ объѣзжалъ. Другой путешественникъ сообщилъ королю болѣе подробныя и положительныя свѣдѣнія о странахъ, еще менѣе извѣстныхъ. Гаральдъ Гарфагеръ, король съ прекрасными волосами, обладавшій южными провинціями Норвегіи и Шведскими пограничными областями, полюбивъ гордую Гиду, рѣшился, для полученія ея руки, завоевать остальную Норвегію. Побѣды его заставили удалиться изъ отечества одного благороднаго Галоголандца (нынѣ Финмаркская провинція), богатаго собственника, смѣлаго моряка Отера. Послѣдній водворился въ королевствѣ Альфреда и передалъ ему точныя извѣстія о своемъ отечествѣ и о своихъ путешествіяхъ. Владѣнія Отера занимали послѣднія обитаемыя земли сѣверной Норвегіи. Онъ былъ богатъ, имѣлъ по крайней мѣрѣ двадцать штукъ рогатаго скота, двадцать барановъ, двадцать свиней, нѣсколько лошадей для небольшой обработки земли, и шесть сотъ оленей, изъ которыхъ шесть, пріученныхъ къ ловлѣ дикихъ оленей, считались высокой цѣнности. Финны платили ему значительную дань; онъ охотился за моржами, зубы которыхъ доставляли ему превосходную кость, а кожа прекрасный матеріалъ для карабельныхъ снастей; онъ охотился также за китами, величина которыхъ, по его словамъ, иногда достигаетъ ста футовъ. Разсказы Отера имѣли достовѣрный авторитетъ, какъ слова очевидца, объѣхавшаго южные и сѣверные берега Норвегіи, датскій архи-

пелагъ и проникнувшаго даже въ Бѣлое море до устьевъ Двины, гдѣ находится теперь Архангельскъ.

Король Альфредъ умеръ 28 октября 901 года 52 лѣтъ. Его духовное завѣщаніе полно выраженій деликатныхъ и нѣжныхъ чувствъ. Онъ завѣщалъ супругѣ своей Елизаветѣ виллу Вантагъ и равнину Етендюнскую, т. е. домъ, гдѣ родился, и поле сраженія, гдѣ вновь завоевалъ государство. Слова, высказанныя имъ на смертной постелѣ, характеристично выражаютъ его сердечныя убѣжденія. Сынъ мой, сказалъ онъ Эдуарду, подойди ко мнѣ и выслушай нѣсколько добрыхъ уроковъ. «Я чувствую приближеніе смерти, и намъ должно разстаться. Я иду въ другой міръ—и ты наслѣдуешь мнѣ. Умоляю тебя, мое дорогое любимое дитя, старайся быть добрымъ господиномъ и добрымъ отцомъ для народа. Облегчай бѣдныхъ, поддерживай слабыхъ, и всѣми средствами старайся исправить виновныхъ. Потомъ, сынъ мой, въ царствованіи своемъ строго исполняй законы, и тогда Господь тебѣ поможетъ».

Двадцатидевятилѣтнее царствованіе короля Альфреда составляетъ эпоху въ исторіи Англіи, не эпоху положительнаго преобразованія или внесенія какого-либо новаго элемента, но сплоченія, развитія и осуществленія, въ опредѣленной формѣ, сознанія народнаго единенія. Вся нервная, возбужденная дѣятельность этого чрезвычайно умнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ практичнаго государственнаго человѣка, есть органическій процессъ воспроизведенія жизненныхъ силъ народа его времени. Деликатное отношеніе къ существующему, сознаніе въ прочности только того, что согласно съ природой народа, сдѣлало всѣ мѣропріятія его устойчивыми и вліятельными на послѣдующія событія. Въ природѣ Англо Саксовъ—чувство привязанности къ законности, свободѣ, къ уваженію правъ другихъ и къ подозрительному охраненію своихъ. Альфредъ понималъ это чувство, онъ не воспользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ, громаднымъ авторитетомъ освободителя, не старался развить неограниченный монархическій принципъ, напротивъ, всѣми мѣрами утверждалъ существующій государственный строй. Въ области управленія дѣйствовали три элемента: на-

родъ, высшій классъ и верховная власть, безъ перевѣса котораго либо изъ нихъ. Такое стройное сочетаніе элементовъ, живучее народнымъ духомъ, перешло по всей исторіи Англіи до настоящаго времени, не смотря на политическія бури и революціи. Точно такое и въ области правосудія его несправедливо было бы считать нововводителемъ, основателемъ суда присяжныхъ, но разумнымъ органпзаторомъ существующаго, установителемъ формы болѣе соотвѣтсвующей современнымъ потребностямъ.

ГЛАВА VIII.

Преемники короля Альфреда до завоеванія Англіи Норманнами.

Альфреду наслѣдовалъ сынъ его *Эдуардъ I*, при жизни отца раздѣлявшій труды его по отраженію датскихъ пиратовъ, а по смерти продолжавшій слѣдовать по начертанному пути. Вскорѣ, по вступленіи на престолъ, явился претендентъ въ лицѣ двоюроднаго брата, сына Этельреда, оспаривавшій право его на корону Англіи. Впрочемъ собраніе старѣйшинъ не только отвергнуло права претендента, но даже самого его присудило къ изгнанію; тогда Этельвальдъ бѣжалъ изъ Вимборна къ Датчанамъ Нортумбріи, сдѣлался язычникомъ и начальникомъ пиратовъ. Скоро, въ одной изъ схватокъ Англо-Саксовъ съ Датчанами, Этельвальдъ былъ убитъ, а Эдуардъ, перейдя въ наступленіе, овладѣлъ всѣмъ восточнымъ берегомъ отъ устьевъ Темзы до Бостонскаго залива, оттѣснилъ внутрь страны и построилъ оборонительныя укрѣпленія до Гумбера. Кромѣ этой усобицы, Эдуардъ велъ войны съ Норманнами, по временамъ вторгавшимися изъ сѣверной Франціи, съ жителями: Уэльса, Пиктами и Скоттами. Всѣ эти войны, благодаря порядку, установленному Альфредомъ, имѣли для Эдуарда весьма счастливый исходъ: Мерція окончательно присоединилась къ Англіи, а короли Нортумбріи, Уэльса и Шотландіи признавали себя вассалами англійской короны.

По смерти Эдуарда, въ 924 году, вступилъ на престолъ

сынъ его *Ательстанъ*, — знаменитый боецъ даже той эпохи сѣвера, когда воинскіе подвиги считались необходимыми доблестями мужей. Царствованіе его ознаменовалось упорной войной почти со всѣми сосѣдями, встревоженными все болѣе и болѣе усиливающимся могуществомъ южныхъ Англо-Саксовъ. Первый поводъ подала Нортумбрія, король которой Сигтрикъ, снова сдѣлавшись язычникомъ, прогналъ отъ себя жену свою, сестру Ательстана, за что послѣдній немедленно двинулся въ его владѣнія, захватилъ ихъ и изгналъ оттуда сыновей умершаго передъ тѣмъ Сигтрика. Одинъ изъ этихъ изгнанниковъ Олафъ убѣжалъ къ своимъ соотечественникамъ Датчанамъ Ирландіи, собралъ значительное войско и высадился на берега Англіи. Къ нему присоединились: Константинъ — одинъ изъ значительнѣйшихъ шотландскихъ королей, Евгеній—глава кумберлендскихъ Бриттовъ и Эрихъ—кровавая сѣкира, предводитель Датчанъ. Союзное войско числомъ далеко превышало Англо-Саксовъ, но малочисленность послѣднихъ искупалась энергіей и распорядительностью Ательстана, и его брата Эдмунда. Кровопролитная битва произошла въ мѣстности источниковъ Брунанбургъ, къ сѣверу отъ Гумбера, и кончилась рѣшительнымъ пораженіемъ союзниковъ и полнымъ утвержденіемъ власти Ательстана почти надъ всей Англіей. Въ дѣлахъ внутренняго управленія Ательстанъ, слѣдовалъ политикѣ дѣда и отца. Въ современныхъ лѣтописяхъ нѣтъ ниодного указанія на стремленіе его къ расширенію верховной власти, и къ измѣненію правительственнаго организма. Изъ законоположеній его царствованія замѣчательно постановленіе, служащее къ поощренію торговли, по которому каждый купецъ, совершившій три морскія путешествія, возводился въ званіе тана.

Пятилѣтнее царствованіе молодаго *Эдмунда*, брата Ательстана (941 — 946), замѣчательно двумя мѣрами: выселеніемъ всѣхъ Датчанъ изъ англо-сатскихъ владѣній, за исключеніемъ Нортумбріи и восточной Англіи, и назначеніемъ за разбой смертной казни, вмѣсто прежде существовавшихъ платежей штрафа. При немъ Олафъ, сынъ Сигтрика, бѣжавшій послѣ Брунанбургскаго пораженія опять въ Ирландію, снова явился

въ Нортумбріи и провозгласилъ себя королемъ; но при первомъ извѣстіи о выступленіи въ походъ короля Эдмунда, сами Датчане отреклись отъ него, и съ готовностью приняли правителя отъ руки Эдмунда. Впрочемъ, всѣ политическія мѣры этого царствованія относятся къ дѣятельности аббата Туркетула, родственника королевскаго дома, человѣка искуснаго и опытнаго, но не личности пылкаго и безразсуднаго короля.

Въ царствованіе Эдреда, брата Эдмунда (946 — 955), все внутреннее управленіе государственными дѣлами сосредоточилось въ рукахъ преемника Туркетула, аббата св. Дунстана, одареннаго высокими нравственными достоинствами и умомъ весьма замѣчательнымъ. Къ сожалѣнію его суровая монашеская жизнь, совершенно расходившаяся съ распущеннымъ придворнымъ бытомъ, часто ставила его въ непріязненныя отношенія къ правительству, и послужила поводомъ къ удаленію отъ двора. Въ это время Нортумбрія, до сихъ поръ еще сохранявшая наружную независимость, потеряла окончательно свое королевское достоинство и раздѣлилась на нѣсколько областей. Пространство отъ Гумбера до Тиссы вошло въ составъ Іоркской области, а остальное до Твида, подъ общимъ названіемъ Нортумбріи, подраздѣлилось на нѣсколько частей: Кумберланда, близъ Сольвейскаго залива, горная западная сторона и собственно Нортумбрія между рѣками Тайномъ и Твидомъ по берегамъ моря. Каждая область поступила въ управленіе ярна, графа, областнаго правителя, подъ вѣдѣніемъ которыхъ состояли префекты шировъ shire-reves и альдермены. Бо́льшая часть Датчанъ приняли христіанство, получили въ собственность поземельные участки и сдѣлались гражданами Англіи.

Но въ этомъ расширеніи государства заключались и зародыши его ослабленія. Присоединенныя завоеваніемъ области, такъ недавно пользовавшіяся самостоятельностью, конечно не могли еще забыть своего прежняго, независимаго положенія, и для возвращенія его не могли не воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ. Между тѣмъ къ несчастью и личныя качества послѣдующихъ государей нерѣдко подавали поводъ къ возбужденію внутреннихъ смутъ и волненій. Легко-

мысліе правителей и развратъ двора не могли не отвратить отъ себя симпатіи англійскаго народа, но природѣ своей особенно чтившаго нравственную чистоту брака. Къ тому же послѣдующіе государи, увлекаясь порывами страстей, нерѣдко дѣйствовали самопроизвольно и переступали границы верховной власти.

По смерти Эдреда, аббатъ Дунстанъ, и Одонъ архіепископъ Кентерберійскій, возвели на престолъ юнаго *Эдви*, сына Эдмунда. Личный характеръ этого легкомысленнаго и чувственнаго государя весьма тяготился опекой такого суроваго прелата, какимъ былъ Дунстанъ. Современные историки передаютъ разсказъ, характеризующій наклонности молодаго монарха и нравы того времени. Король Эдви, женатый на близкой родственницѣ Ельгивѣ, по красотѣ своей имѣвшей на него сильное вліяніе, въ самый день коронаціи оставилъ залу собранія, почетныхъ государственныхъ лицъ и отправился къ женѣ. Гости оскорбились, и аббатъ Дукстанъ пошелъ отыскивать хозяина къ Ельгивѣ. «Онъ нашелъ прелюбодѣйную жену, говоритъ монахъ Осбернъ, ея мать и короля на ложѣ разврата. Тогда онъ стащилъ короля, и, надѣвъ ему на голову корону, привелъ въ собраніе тановъ». Негодуя на строгость Дукстана, Эдви потребовалъ отъ него отчета за все время управленія въ царствованіе Эдреда, а когда тотъ отказался исполнить требованіе, изгналъ изъ государства. Дунстанъ, поселился въ Гентѣ, гдѣ и жилъ все время до новаго переворота. Между тѣмъ народное неудовольствіе на дѣйствія короля возростало все болѣе и болѣе, и наконецъ разразилось открытымъ возмущеніемъ, направленнымъ, впрочемъ, исключительно противъ Ельгивы. Послѣдняя бѣжала, но была схвачена жителями сѣвера, и казнена самымъ мучительнымъ образомъ. Убійство ея приписывали Одону, архіепископу Кентерберійскому, датчанину по происхожденію и пирату по ремеслу, вступившему въ монашество, и достигшему архіепископской кафедры по связямъ и политическимъ видамъ. Наконецъ партіи, смуты и волненія заставили Эдви раздѣлить государство и уступить области къ сѣверу отъ Темзы тринадцатилѣтнему брату своему Едгару.

По смерти Эдви (959) *Эдгаръ*, сдѣлался государемъ всей

Англіи. Первымъ дѣломъ новаго правительства было вызвать аббата Дунстана, ставшаго съ этого времени правителемъ государства съ принятіемъ сана архіепископа Кентерберійскаго и соединеннаго съ нимъ достоинства примаса. Благодаря опытности, испытанной въ предшествующее царствованіе, отношенія его къ двору сдѣлались гораздо мягче. Легкомысленныя и развратныя наклонности государя не подвергались болѣе прежнему, строгому и суровому обличенію, и вызывали вмѣшательство одни предосудительныя, слишкомъ уже соблазнительныя дѣйствія. Такъ прелатъ наложилъ на государя тяжелое покаяніе, запретивъ надѣвать корону въ теченіи семи лѣтъ за похищеніе изъ монастыря монахини, что, по понятіямъ того времени, считалось однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій. Оставляя Эдгара въ покоѣ отдаваться необузданнымъ порывамъ, архіепископъ всю дѣятельность свою обратилъ на государственныя дѣла, гдѣ его неоспоримо-высокія способности оказали несомнѣнную пользу. Кромѣ успѣшныхъ отраженій пиратовъ, и сохраненія добрыхъ отношеній съ недавно завоеванными областями, Англія обязана ему значительнымъ развитіемъ внутренняго благосостоянія, расширеніемъ торговли и улучшеніемъ различныхъ отраслей частнаго хозяйства. Къ сожалѣнію къ этимъ благотворнымъ мѣрамъ примѣшались и мѣры, имѣвшія, впослѣдствіи, вредное вліяніе. По своимъ строгимъ, суровымъ монашескимъ убѣжденіямъ, Дунстанъ всѣми силами старался возвысить черное духовенство, поставить его независимымъ и первенствующимъ, ввѣрить ему всѣ высшія должности и ввести безбрачную жизнь, постепенно стѣсняя духовенство бѣлое.

По смерти Эдгара (975), на престолъ возведенъ былъ Дунстаномъ самопроизвольно *Эдуардъ* святой, сынъ первой жены Едгара, непризнававшейся, впрочемъ, никогда законной супругой, тогда какъ у второй жены, властолюбивой и предпріимчивой Ельфриды, было двое сыновей. Въ кратковременное царствованіе этого государя, кромѣ придворныхъ интригъ партій и козней, не встрѣчается ни одного крупнаго государственнаго событія, если не считать такимъ отмѣны нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ противъ бѣлаго духовенства, и возвращенія

ему отнятыхъ должностей и приходовъ. Эта отмѣна произведена по настоянію Ельфриды, интриговавшей противъ Дунстана.

Эдуардъ умерщвленъ въ 979 году, а на престолъ Англіи вступилъ сынъ Едгара и Ельфриды-*Этельредъ II*. При такомъ рѣшительномъ преобладаніи партіи Ельфриды, Дунстанъ совершенно удалился отъ дѣлъ, и, по истеченіи девятилѣтней уединенной жизни, умеръ въ 988 году.

Этельредъ II оказался однимъ изъ самыхъ неспособнѣйшихъ государей. Лѣнивый, безпечный, весь преданный нѣгѣ, придворной жизни, онъ отстранился отъ народа, не понималъ его характера и потребностей. Въ царствованіе его совершились два событія, имѣвшія гибельное вліяніе на судьбы государства: бракъ его съ нормандкой Эммой, сестрой Ричарда II, герцога Нормандскаго, и усилившіяся вторженія Датчанъ. Безъ сомнѣнія цѣль брака была обезпечить помощь союзника изъ-заморя, но эта цѣль нетолько не достиглась, а напротивъ привела къ совершенно противоположному послѣдствію. Вмѣстѣ съ нормандкой прибыли толпы искателей счастья, жадныхъ до выгодъ, для которыхъ интересы народа не имѣли никакого значенія. Получая отъ короля въ обладаніе замки и крѣпости, окружая его тронъ густой толпой, льстивые, интригующіе между собой, новые пришлецы, чуждые сами новому отечеству, ставили въ отчужденное положеніе и корону. Между тѣмъ ходъ событій требовалъ особыхъ и безкорыстныхъ напряженій народныхъ силъ. Высадки пиратовъ, никогда почти совершенно непрекращавшіяся, приняли въ это время громадные размѣры. Въ 988 году семь судовъ пиратовъ пристали къ берегамъ Кента, и опустошили островъ Танетъ; затѣмъ другіе три корабля остановились у южныхъ береговъ Соутамтона, точно также опустошая окрестности. На восточномъ берегу бродячія шайки, завоевывая мѣстность, постепенно проникали во внутренность страны, наводя тревогу даже на Лондонъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи король созвалъ собраніе, на которое явились только епископы и придворные. Разумѣется такой составъ собранія дѣйствовалъ сообразно съ желаніемъ и вкусомъ короля, предположивъ удалить Датчанъ

денежной уплатой. Извѣстно, что на содержаніе войскъ, охранявшихъ береговыя мѣстности, по временамъ собирался съ народа особый сборъ, подъ названіемъ датскихъ денегъ danegheld; изъ этихъ-то денегъ предложили Датчанамъ десять тысячь ливровъ, подъ условіемъ немедленнаго удаленія изъ Англіи. Получивъ выкупъ, Датчане дѣйствительно удалились, но ненадолго. Года черезъ два новый датскій флотъ поднялся по Гумберу, опустошая оба его берега; къ пиратамъ присоединились и Датчане, жившіе въ Нортумбріи. Затѣмъ въ устье Темзы вошелъ болѣе значительный флотъ, состоящій изъ восмидесяти кораблей, подъ предводительствомъ двухъ королей—Олафа Тригвасона и Свенона счастливаго. Опасность приняла грозные размѣры, такъ какъ въ дѣйствіяхъ вождей обнаруживалось уже не одно желаніе обогатиться грабежемъ. При высадкѣ на землю оба короля утвердили на берегу копье въ знакъ полнаго обладанія надъ мѣстностью. Но и теперь, при такихъ опасныхъ обстоятельствахъ, требовавшихъ энергическихъ мѣръ, Этельредъ снова прибѣгнулъ къ своему обычному средству — откупу. За очищеніе страны Датчане потребовали уплаты двадцати четырехъ тысячь ливровъ. Неспособный Этельредъ собралъ съ раззоренныхъ подданныхъ и эту сумму. Датчане удалились; но такъ поставленный вопросъ не могъ оставаться въ спокойномъ положеніи. Въ народѣ не было преданности къ царствующей династіи: безпрерывные поборы государя, и его любимцевъ, раззоряли его, а самопроизвольныя нарушенія предѣловъ верховной власти оскорбляли врожденное чувство законности и права. Конечно, прежде всего народное раздраженіе должно было разразиться надъ непосредственной причиной своихъ бѣдствій, т. е. надъ грабителями-пиратами, и оно разразилось самымъ дикимъ и варварскимъ образомъ. Составился заговоръ, въ которомъ приняли участіе даже королевскія должностныя лица, съ цѣлью истребить всѣхъ Датчанъ, оставшихся въ предѣлахъ государства, за исключеніемъ Нортумбріи и восточной Англіи. Дѣйствительно въ назначенный день, 13 ноября 1002 года, почти всѣ Датчане, ихъ жены и дѣти, измѣннически перерѣзаны; успѣло спастись только весьма незначительное число. Такое безумное престу-

пленіе только и можетъ быть объяснено народнымъ раздраженіемъ, требовавшимъ крови и жертвъ. Только крайнее ослѣпленіе могло не видѣть грознаго будущаго, неумолимаго возмездія, какъ отъ Датчанъ Нортумбріи и восточной Англіи, такъ и отъ короля Свенона, вождя убитыхъ. Въ эту эпоху сношенія Саксовъ и Скандинавовъ, потерявъ характеръ случайности, установились постоянными и близкими. Система управленія и многое изъ законодательства Англо-Саксовъ всецѣло перешли на скандинавскую почву, христіанство въ Скандинавіи распространялось саксскими миссіонерами (двадцать лѣтъ спустя при Олафѣ святомъ), королевская стража Англіи состояла изъ Датчанъ, а всѣ занимавшіеся выдѣлкою металловъ въ Скандинавіи были Англо-Саксы.

Слухъ о безчеловѣчномъ убійствѣ Датчанъ скоро достигнулъ до соотечественниковъ, и въ 1003 году на берегахъ Англіи находилось уже многочисленное войско Свенона. Въ короткое время оно овладѣло всѣми юго-восточными областями отъ устьевъ Узы до Соутамтонскаго залива. Народъ страдалъ; избѣгнувшіе раззоренія отъ Датчанъ, раззорялись отъ поборовъ королевскихъ чиновниковъ *). Вмѣсто смѣлаго и рѣшительнаго отпора врагамъ, слабодушный Этельредъ продолжалъ обогащать ихъ покупками дорогой цѣной перемирій. Въ такомъ положеніи находились дѣла до 1013 года, когда невыносимая тягость поборовъ и злоупотребленій заставила Англо-Саксовъ искать себѣ защиты у тѣхъ же самыхъ завоевателей. Многія центральныя области, Оксфордъ и Винчестеръ, добровольно признали власть Датчанъ — и затѣмъ Свенонъ,

*) До какой низкой степени упала цивилизація того времени видно изъ слѣдующаго извѣстія одной современной лѣтописи: въ Бристолѣ существовалъ обычай покупать мужчинъ и женщинъ во всѣхъ частяхъ Англіи и вывозить ихъ въ Ирландію, гдѣ они продавались съ барышемъ. Покупатели для болѣе выгодной перепродажи обыкновенно дѣлали беременными молодыхъ женщинъ. На рынкахъ находились цѣлые ряды самой красивой молодежи обоего пола съ связанными руками, и ежедневно выставляемыхъ на продажу... Продавали, какъ рабовъ, самыхъ близкихъ родныхъ и даже собственныхъ дѣтей. „Pictoral history, 1,270. Жизнь св. Вульстона епископа".

пройдя западной стороной до залива, куда впадаетъ Севернъ, безспорно принялъ титло короля Англіи. Этельредъ долженъ былъ бѣжать сначала на островъ Вайтъ, а оттуда къ брату своей жены—герцогу Нормандіи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1014 году, Свенонъ скоропостижно умеръ, оставивъ двухъ сыновей: Канута великаго и Гаральда, рожденныхъ отъ польской княжны христіанки. Изъ нихъ въ Англіи находился только одинъ Канутъ, бывшій въ моментъ смерти отца, съ заложниками и деньгами Англичанъ, въ сторонѣ, прилежащей Гумберу. Тотчасъ же провозглашенный Датчанами вождемъ, Канутъ спѣшилъ возвратиться въ отечество, какъ по желанію войска, такъ и для раздѣла наслѣдства. По взаимному между братьями условію на часть Гаральда досталась Данія, а Кануту англійскія владѣнія, для окончательнаго завоеванія которыхъ Гаральдъ обязался доставить войско и флотъ. И дѣйствительно, въ 1015 году, флотъ изъ 200 кораблей высадилъ на берега Англіи 16-ти тысячное войско Канута. Между тѣмъ, во время его отсутствія, Англичане завели сношенія съ Этельредомъ, находившимся въ Нормандіи, приглашая его къ себѣ, если только управленіе его будетъ по закону. Этельредъ сначала отправилъ сына своего Эдуарда съ торжественнымъ обѣщаніемъ строго исполнять на будущее время свои обязанности и затѣмъ, по заключеніи клятвеннаго союза, подкрѣпленнаго заложниками, явился и самъ.

Такимъ образомъ въ Англіи существовали двѣ власти: Датчанъ и туземной королевской династіи. Не возможно опредѣлить съ точностью пространство владѣній той и другой; вѣроятно оба владѣнія и теперь раздѣляла прежняя большая дорога Westlinga—Street. Конечно Канутъ не могъ оставаться довольнымъ подобнымъ раздѣломъ, и потому не медленно по высадкѣ начались военныя дѣйствія. Война продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ, и Этельредъ теперь впервые выказалъ энергію, достойную лучшихъ дней.

Весною 1016 года Этельредъ умеръ. Ему наслѣдовалъ его незаконнорожденный сынъ *Эдмундъ* желѣзный бокъ—неустрашимый и энергическій воинъ блестящей эпохи Англо-Саксовъ.

Послѣ пяти выигранныхъ битвъ, онъ оттѣснилъ Датчанъ отъ Лондона, заставилъ Канута признать его королемъ и раздѣлить англійскія владѣнія. Заключенъ былъ миръ: короли назвались братьями, и границей обоихъ владѣній назначена Темза. Въ 1017 году Эдмундъ былъ умерщвленъ, и современники приписывали его смерть участію Канута и измѣнника Эдрика, владѣтеля Мерціи.

Неизвѣстно въ какой мѣрѣ принималъ участіе въ убійствѣ Эдмунда король Канутъ, но извѣстно, что вся выгода пала на его долю. Отчасти угрозами, страхомъ, отчасти лестными обѣщаніями, *Канутъ* достигнулъ того, что по смерти Эдмунда онъ провозглашенъ былъ единымъ королемъ Англіи. На участіе въ убійствѣ указываютъ, нѣкоторымъ образомъ, совершенныя имъ въ началѣ царствованія злодѣйства. Кто принесетъ мнѣ голову врага, говорилъ онъ, тотъ будетъ мнѣ дороже роднаго брата. Многіе изъ Англо-Саксовъ, преданныхъ дѣлу своей королевской династіи, изгнаны или убиты. Вѣроятно такая же участь постигла бы сыновей Этетьреда и Эдмунда, но къ счастью первые (Альфредъ и Эдуардъ) находились при дворѣ герцога Нормандскаго, а вторые, сосланные Канутомъ къ сводному брату его королю Швеціи, удалились оттуда къ двору короля Венгерскаго. Обезпечивъ себя такимъ образомъ отъ вмѣшательства законныхъ претендентовъ, Канутъ употреблялъ всѣ мѣры утвердить и упрочить власть свою въ Англіи. Зная врожденное стремленіе Англичанъ къ законности, онъ желалъ придать и своему царствованію видъ законнаго права на престолъ. Съ этою цѣлью онъ женился на вдовѣ покойнаго Этельреда, королевѣ Эммѣ. Что бракъ этотъ былъ дѣломъ исключительно политическихъ соображеній, это доказывается постояннымъ сожительствомъ Канута съ любовницей его Альфгивой, имѣвшей громадное вліяніе, какъ лично на него, такъ и на государственныя дѣла, и даже подписывавшей на указахъ свое имя вмѣстѣ съ именемъ короля.

Въ 1018 году, по смерти Гаральда, Канутъ присоединилъ къ своему удѣлу и Данію, но главною заботою его дѣятельности постоянно оставалась Англія. Здѣсь, во всѣхъ его дѣйствіяхъ, видно твердое желаніе упрочить власть за собой и

своимъ родомъ. Такъ почти всѣ законы, изданные Канутомъ, относились или до увеличенія военныхъ силъ, или до упроченія королевской власти. И вѣроятно при томъ гибкомъ, обширномъ умѣ, при томъ умѣньи пользоваться обстоятельствами, которыми въ высшей степени владѣлъ Канутъ, онъ достигнулъ бы своей цѣли, еслибъ царствованіе его продолжалось долѣе и наслѣдники владѣли дарованіями отца. При немъ Англія сохраняла свои государственное учрежденіе, законы и обычаи; мало того, даже всѣ ея учрежденія принимались за образецъ и вводились въ другихъ государствахъ Канута. Онъ не отличалъ Датчанъ отъ Саксовъ, старался сблизиться съ послѣдними и пріобрѣсти ихъ преданность. Объѣзжая различныя области, вездѣ выслушивалъ лично жалобы и совершенно безпристрасно рѣшалъ споры Англо-Саксовъ съ Датчанами. Такъ какъ въ странѣ еще бродили, по временамъ, шайки датскихъ пиратовъ, то онъ не жалѣлъ расходовать значительныя суммы на отправку этихъ людей обратно въ отечество, удержавъ у себя на службѣ только отрядъ отборныхъ воиновъ, считавшихся его стражей, подъ названіемъ дворцовыхъ людей Thingamanna. Для нихъ составлено было особое положеніе витерлагерстъ, и они пользовались нѣкоторыми преимуществами, самоуправленіемъ, самосудностью и т. п. Оставшихся Датчанъ сближалъ брачными отношеніями съ англійскимъ народомъ. Въ духѣ сакской народности, Канутъ являлся ревностнымъ христіаниномъ, возобновлялъ церкви, одѣлялъ обители и монастыри, выстроилъ часовню на мѣстѣ погребенія Эдмунда короля Вест-Англіи, считавшагося уже полтора вѣка мученикомъ за вѣру. Наконецъ въ 1030 году предпринялъ, съ сумкою на плечѣ и длинной палкой въ рукѣ, путешествіе въ Римъ для поклоненія гробницамъ святыхъ Апостоловъ. Подобно англо-сакскимъ королямъ, онъ возобновилъ платежъ римскому престолу обычиой дани динарій св. Петра, прекратившагося въ послѣднее безпорядочное время. Значеніе платежа этой дани уже далеко измѣнилось. Вносъ динарій первыми сакскими королями носилъ въ себѣ чисто религіозный характеръ, безъ всякаго политическаго оттѣнка, тогда какъ теперь этотъ взносъ необходимо долженъ былъ служить поводомъ къ отно-

-шеніямъ государственнымъ. Въ теченіе IX вѣка власть римскаго двора получила новое видоизмѣненіе: въ это время не только небольшіе города Италіи, но даже цѣлыя области признали надъ собою власть римскаго первосвященника, какъ власть владѣтеля свѣтскаго, а потому и достояніе или динаріи св. Петра должны были послужить знакомъ подчиненія, зависимости, давшей возможность римскому двору вмѣшиваться во внутреннія дѣла государства.

Во время пребыванія въ Римѣ, Канутъ выхлопоталъ уменьшеніе пошлины за утвержденіе въ епископскомъ званіи и хлопоталъ у императора Конрада II и короля Верхней Бургундіи Рудольфа III уменьшенія сборовъ, взимавшихся въ ихъ государствахъ съ богомольцевъ. Въ 1030 году оружіе Канута присоединило къ его владѣніямъ Норвегію, и такимъ образомъ король Канутъ дѣйствительно имѣлъ полное право назваться императоромъ сѣвера. Въ войнахъ съ Норвегіей и владѣтелями Шотландіи и Кумберланда участвовали многіе изъ Англичанъ, между которыми особенно выдѣлялся Годвинъ, сынъ Уильфнота. Сынъ пастуха Англо-Сакса, случайно оказавшій услугу одному изъ предводителей пиратовъ во время войны Датчанъ съ Эдмундомъ желѣзнымъ бокомъ, Годвинъ поступилъ на службу къ Датчанамъ, и скоро замѣчательными дарованіями и мужествомъ занялъ между ними видное мѣсто. За побѣду, одержанную Норвежцами, онъ возведенъ былъ въ званіе ярла и назначенъ правителемъ области бывшаго Вессекскаго королевства. Съ этихъ поръ Годвину суждено было играть рѣшительную роль въ судьбѣ отечества.

Король Канутъ умеръ въ 1035 году, и со смертью его рушилась созданная имъ имперія сѣвера. Впрочемъ она и не могла не разрушиться, какъ не имѣвшая въ себѣ органическаго единенія. Трудъ сплоченія ея составныхъ частей не могъ совершиться въ кратковременный періодъ царствованія Канута, а въ наслѣдникахъ его не было ни предпріимчиваго ума, ни глубокаго политическаго такта.

Послѣ Канута осталось три сына: Гардеканутъ (Канутъ смѣлый или храбрый) отъ Эммы, Свенонъ младшій (бывшій

правитель Норвегіи, изгнанный оттуда сыномъ Олафа святаго, умершій въ 1016 году) и Гаральдъ заячья лапа—оба сыновья отъ Эльфгивы .Согласно воли Канута наслѣдовать долженъ былъ Гардеканутъ, но такъ какъ онъ находился въ Даніи по дѣламъ Норвегіи, то относительно избранія въ короли Англіи возникли несогласія. Годвинъ и англо-саксская партія признали королемъ Гардеканута, а Датчане, нуждавшіеся въ немедленномъ личномъ присутствіи короля, провозгласили Гаральда. Можетъ быть предпочтеніе Датчанъ основывалось на томъ, что Гаральдъ былъ сыномъ соотечественницы ихъ, дочери одного датскаго графа. Какъ бы то ни было, но образовались двѣ партіи: одна, въ главѣ которой находились Эмма, Годвинъ и мѣстная англо-саксская аристократія, занимала юго-западныя области, а партія Гаральда, т. е. Датчанъ, занимала Лондонъ и сѣверныя области. Гаральдъ короновался въ Лондонѣ, а южное населеніе присягнуло Гардекануту. Впрочемъ дѣйствіями послѣдней партіи руководило не преданность къ Гардекануту, а желаніе противодѣйствовать Датчанамъ. Это видно изъ того, что къ этому времени относятся первыя сношенія Англо-Саксовъ съ потомками своей царствующей династіи, сыновьями Этельреда, сношенія начавшіяся печальной катастрофой. По извѣстіямъ современниковъ, королева Эмма пригласила сыновей Этельреда прибыть въ Англію, чего желало будто бы все туземное населеніе. Вслѣдствіе этого приглашенія, младшій изъ братьевъ Альфредъ, въ сопровожденіи 600 нормандскихъ дружинниковъ, высадился у Дувра и пошелъ, не встрѣчая сопротивленія, къ южному берегу Темзы. Но или самъ Альфредъ лично какимъ-нибудь необдуманнымъ дѣйствіемъ возбудилъ противъ себя Годвина и другихъ вождей Саксовъ, или испугала ихъ алчность окружавшей Альфреда нормандской дружины; но дѣло въ томъ, что изъ Саксовъ никто не примкнулъ къ отряду претендента, а преданные люди Гаральда подстерегли его въ г. Гюльдфордѣ, напали врасплохъ, захватили, связали, подвергли ужаснымъ мученіямъ и казнили девять человѣкъ изъ десяти. Самого Альфреда, перевезеннаго на островъ Эли, въ центръ датскихъ владѣній, судили, какъ нарушителя мира, и приговорили къ ослѣпленію. Отъ мученій и увѣчья Альфредъ

вскорѣ умеръ. Многіе обвиняютъ Эмму въ прямомъ соучастіи этого злодѣйства, но это обвиненіе основали только на одной народной молвѣ, какъ это видно изъ словъ Вильгельма Мальмесбюрійскаго. Правда, нѣкоторымъ потвержденіемъ служитъ полное безучастіе Эммы къ плѣнному, а еще болѣе то, что изгнанная изъ Англіи, она удалилась не въ Нормандію, гдѣ находился другой сынъ ея—Эдуардъ и родственный домъ брата, а во Фландрію, и потомъ къ Гардекануту.

Правленіе Гаральда не было продолжительно; онъ умеръ въ 1039 году. Между тѣмъ Гардекануть, покончивъ дѣла съ Магнусомъ норвежскимъ мирнымъ договоромъ, въ силу котораго они признавали взаимно другъ друга наслѣдниками послѣ смерти, снарядилъ значительный флотъ и направился къ берегамъ Англіи. Здѣсь онъ узналъ о смерти брата Гаральда, и первымъ дѣломъ его было приказать вырыть трупъ брата и обезглавленнымъ бросить въ Темзу. Впослѣдствіи, найденный рыбаками трупъ похороненъ былъ въ Лондонѣ.

По этому звѣрскому поступку можно было бы составить понятіе о Гардекапутѣ, какъ о человѣкѣ до крайности мстительномъ и кровожадномъ; но, какъ видно изъ всѣхъ его послѣдующихъ дѣйствій, онъ не былъ такимъ. Вѣроятно, безчеловѣчное распоряженіе, относительно трупа брата, было вызвано раздраженіемъ отъ подстрекательствъ Эммы. Но если онъ не былъ звѣремъ, то былъ въ высшей степени жаднымъ и скупымъ. Въ его царствованіе Англія страдала въ полной мѣрѣ отъ чрезмѣрныхъ поборовъ. Чиновники грабили народъ, грабили все, что могли захватить, грабили для себя, грабили для короля. Иногда эти грабежи возбуждали народъ къ открытому сопротивленію. Въ Ворчестерѣ жители убили двухъ сборщиковъ, а когда Датчане, правители Мерціи и Нортумбріи, Леофрикъ и Сивардъ выступили противъ нихъ, народъ укрѣпился на одномъ изъ островов Саверны и мужественно выдержалъ осаду. Въ отмщеніе Датчане раззорили и сожгли Ворчестеръ. Этотъ эпизодъ совершенно характеризуетъ правленіе Гардеканута. Онъ не касался, не уничтожалъ, ни вольностей народныхъ, ни учрежденій; онъ былъ скрягой, обиравшимъ все и всѣхъ. Разумѣется въ этомъ дѣлѣ ему были помощниками и исполнителями соо-

течественники Датчане и—народъ не могъ не ненавидѣть ихъ.

Гардеканутъ умеръ (1042) скоропостижно на свадебномъ пиру, не оставивъ наслѣдниковъ. По его смерти организовалась англо-саксская партія, сильная духомъ единства и общимъ желаніемъ освободиться отъ угнетенія Датчанъ. И дѣйствительно въ это время страданія туземцевъ превосходили всякую мѣру терпѣнія. Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ видно, что ни жизнь, ни имущество Сакса не были обезпечены: домъ его служилъ даровымъ пріютомъ для Датчанина, также какъ столъ, постель и все, что было въ домѣ. Датчанинъ занималъ почетное мѣсто и въ присутствіи его хозяинъ самъ не могъ, ни сѣсть, ни съѣсть, ни выпить. Мало того, гость, по прихоти своей, могъ безнаказанно оскорблять жену, дочь или служанку хозяина. Имѣя въ главѣ сильнаго графа Годвина и его сыновей, пользуясь сочувствіемъ народа, сакская партія оттѣснила датскія военныя силы и принудила ихъ удалиться изъ Англіи. Затѣмъ большой совѣтъ, собранный въ Галлинъ-Гамѣ опредѣлилъ отправить гонца къ единственному законному наслѣднику англо-саксской расы Эдуарду, сыну Этельреда, жившему въ Нормандіи, съ увѣдомленіемъ объ избраніи его въ короли подъ условіемъ, однакожъ, не привозить съ собой большаго числа Норманновъ.

Дѣйствительно *Эдуардъ*, прибывъ въ сопровожденіи весьма незначительной свиты изъ Норманновъ, тотчасъ же провозглашенъ былъ королемъ и коронованъ въ большой Винчестерской церкви. Послѣ столькихъ политическихъ смутъ, отразившихся на благосостояніи народа, наконецъ Англія могла успокоиться на нѣсколько лѣтъ. Скандинавскіе короли, занятые своими дѣлами, не могли имѣть завоевательныхъ стремленій, а Эдуардъ III—типъ государей миролюбивыхъ, слабыхъ и нерѣшительныхъ, прозванный, по монашеской жизни, исповѣдникомъ, только и мечталъ о невозмутимомъ спокойствіи. Освобожденный отъ датскаго тяготѣнія англо-саксскій элементъ явился во всей своей первоначальной чистотѣ, сбросилъ всю примѣсь, введенную чуждыми завоевателями и возстановилъ всѣ древнія учрежденія, законы и обычаи. Поэтому, хотя при Эдуардѣ и не было издано никакого новаго уложенія, но тѣмъ неменѣе въ народныхъ умахъ прочно укоренилось убѣжденіе въ законодательной его дѣятельности

и изъ рода въ родъ переходило преданіе о добрыхъ законахъ короля Эдуарда. Съ возстановленіемъ мира уменьшились злоупотребленія и уничтожились нѣкоторые налоги, какъ напр. сборъ датскихъ денегъ, сбиравшихся постоянно въ продолженіе болѣе 30-ти лѣтъ, сборъ динарій Св. Петра и. т. п.

Таково было состояніе государства, созданное положеніемъ внѣшнихъ отношеній совершенно помимо участія государя. Что же касается лично до него, то онъ оказался даже неспособнымъ къ обузданію раздоровъ подлѣ себя. У трона образовались двѣ партіи: норманнская и англо-саксская, оспоривавшія другъ у друга рѣшительное вліяніе въ государственныхъ дѣлахъ. Правда, Эдуардъ привезъ съ собою очень мало Норманновъ, но тотчасъ же послѣ воцаренія началось настоящее переселеніе. Воспитанный въ чуждой странѣ, въ средѣ болѣе развитой, съ другими нравами и обычаями, Эдуардъ оставался чуждымъ своему народу и наоборотъ симпатичнымъ ко всѣмъ тѣмъ, которые были близки къ нему во время его несчастія, и дѣлили его незавидную долю. Понятно, что эти выходцы находили у него благосклонный пріемъ и доходныя мѣста. Рыцари получали замки и крѣпости, простое духовенство мѣста епископовъ и высшихъ достоинствъ. Бывшіе учители его Робертъ, монахъ изъ Юміеты, и Вильгельмъ сдѣлались первый—епископомъ Кентерберійскимъ, а второй—епископомъ Лондонскимъ. Около трона сплотился непроницаемый рядъ чужеземцевъ, презиравшихъ все туземное. Явное предпочтеніе короля къ новымъ лицамъ, въ ущербъ своему родному, не могло не оскорбить партію Саксовъ. Въ главѣ послѣдней, какъ извѣстно, находился графъ Годвинъ съ сыновьями, ставшихъ руководителями новаго царствованія. Обязанный короной Годвину, Эдуардъ женился на дочери—его Эдифѣ или Эдельсвитѣ, дѣвушкѣ замѣчательной красоты и прекраснаго характера. Неизвѣстно каковы были побужденія брака: было ли то чувство благодарности, политическій ли расчетъ обезпечить свою сторону родствомъ съ сильнымъ лицомъ, или сердечная склонность, но извѣстно, что король не чувствовалъ душевнаго расположенія къ семейству свекра, оскорблялся его рѣзкими выходками противъ льстивыхъ норманскихъ царедворцевъ и охотно выслушивалъ сплетни

послѣднихъ о тайныхъ будто-бы честолюбивыхъ замыслахъ Годвина. Вскорѣ представился случай къ явному разрыву.

Гостившій у короля Эдуарда—зять его, Евстафій булонскій, женатый на сестрѣ короля вдовѣ Готье де-Манта, на возвратномъ пути въ отечество имѣлъ несчастное столкновеніе съ гражданами Дувра. При этомъ случаѣ убито было до 19 чел. Булонцевъ. Хотя въ столкновеніи виноваты были сами Булонцы нахальнымъ и дерзкимъ обращеніемъ съ гражданами, но тѣмъ не менѣе Эдуардъ, неразобравъ дѣла, принялъ сторону зятя и приказалъ Годвину строго наказать жителей Дувра. Но вмѣсто точнаго исполненія, Годвинъ предложилъ королю разобрать споръ законнымъ порядкомъ. Раздраженный явнымъ ослушаніемъ, и подстрекаемый наушничествомъ своихъ приближенныхъ совѣтниковъ норманновъ, Эдуардъ приказалъ Годвину самому явиться къ суду передъ большой совѣтъ въ Глочестерѣ. Тогда Годвинъ поднялъ ополченіе въ мѣстности къ югу отъ Темзы, старшій его сынъ Гарольдъ въ мѣстности восточнаго берега между Темзой и Бостонскимъ заливомъ, а второй сынъ—Свенонъ въ мѣстности береговъ Саверны. Эти ополченія, соединившись у Глочестера, просили у государя суда надъ Евстафіемъ, товарищами его, а также и надъ другими Норманнами и Булонцами, бывшими въ Англіи. Просьба эта казалась современникамъ справедливой до такой степени, что выступившіе, по приказанію короля, противъ Годвина правители Нортумбріи и Мерціи Сивардъ и Леофрикъ, медлили, роптали и наконецъ предложили королю объявить перемиріе и разобрать дѣло въ большомъ совѣтѣ въ Лондонѣ. Эдуардъ уступилъ, и Годвинъ, считая себя въ полной безопасности, распустилъ ополченіе.

ЧАСТЬ II.

От Вильгельма завоевателя до борьбы за великую хартію *).

(1027—1087).

ГЛАВА I.

Герцогство Нормандское. Юность Вильгельма завоевателя.

Въ исходѣ IX столѣтія король Гаральдъ Гарфагеръ (прекрасноволосый) подчинилъ своей власти почти всю Норвегію. Изгнанные изъ родины его оружіемъ, мелкіе владѣтели, становясь морскими пиратами, безпрерывными набѣгами тревожили спокойствіе или своего отечества, или прибрежья другихъ государствъ. Въ видахъ обезпеченія общаго спокойствія, Гаральдъ строго запретилъ пиратство; сильнымъ флотомъ преслѣдовалъ удальцовъ и безпощадно топилъ корабли ихъ. Въ этихъ же видахъ король запретилъ употребленіе общеизвѣстнаго въ то время обычая страндхугъ, заключающагося въ томъ, что корабельный экипажъ, въ случаѣ недостатка запасовъ, имѣлъ право даже силой отбирать съѣстные припасы у прибрежныхъ жителей. Подъ предлогомъ этого обычая, пираты грабили мирныхъ обитателей, захватывали ихъ стада и имущества, проникая даже во внутрь страны.

Разъ въ пользованіи такимъ насильственнымъ поборомъ обвиненъ былъ Ральфъ, сынъ Рогнвальда, любимца и первостепеннаго ярла короля. Желая ли показать себя безпристрастнымъ или дать болѣе внушительный примѣръ для другихъ, только король, несмотря на просьбы матери обви-

*) Событія завоеванія Англіи подробно изложены въ извѣстномъ сочиненіи: Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands par A. Thiery.

няемаго, подвергнулъ его обычному суду, который и присудилъ Ральфа къ изгнанію. Обвиненный снарядилъ корабль и отправился искать счастья за моремъ. У Гебридскихъ острововъ, изъ тамошнихъ поселенцевъ Датчанъ, присоединилось къ нему нѣсколько шаекъ, каждая подъ предводительствомъ самостоятельнаго вождя. Ихъ соединенный флотъ обогнулъ Англію, ограбилъ по пути берега Галліи по устью Шельды и вошелъ въ Сену, по которой поднялся до Юміеса близь Руана, опустошая окрестности. Въ надеждѣ спасти городъ свой отъ раззоренія, неминуемаго при осадѣ, и ненадѣясь на помощь короля французскаго, Руанцы добровольно сдались подъ условіемъ безопасности жителей и ихъ имуществъ. Избравъ Руанъ исходной точкой опоры, Норманны, какъ ихъ называли во Франціи, съ главными силами поднялись вверхъ по Сенѣ до впаденія рѣки Эры, гдѣ и остановились въ укрѣпленномъ лагерѣ въ ожиданіи приближенія непріятельскаго войска. Дѣйствительно вскорѣ на правомъ берегу Эры расположилось французское войско, собранное наконецъ королемъ Карломъ простымъ. Произошла битва, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Французовъ *). Эта побѣда доставила Норманнамъ возможность уже безъ сопротивленія подвигаться впередъ и наконецъ осадить, хотя и безуспѣшно, самый Парижъ. Затѣмъ по взятіи городовъ Байе, Эвре и другихъ, завоеваніе охватило большую часть территоріи, извѣстной подъ названіемъ Нейстріи. Французскій король оказался безсильнымъ.

Обладаніе страной, щедро одаренной природой, съ лучшимъ климатомъ, съ болѣе благопріятными условіями, естественно казалось Норманнамъ привлекательнѣе возвращенія на скудную и холодную почву родины. Они рѣшились на прочное водвореніе, какъ это видно изъ ряда послѣдующихъ дѣйствій: такъ шайки прежде дѣйствовавшія самостоятельно подъ начальствомъ своихъ вождей, теперь соединились и вы-

*) Въ войскѣ французскомъ находился между вассалами и графъ де-Шартрскій, бывшій датскій пиратъ Гастингсъ, но онъ оставилъ войско до начала битвы и неизвѣстно куда скрылся.

брали одного вождя короля Ральфа, Ролла или Роллона. Прежде они разоряли и грабили такъ, что послѣ ихъ нападенія не слышалось даже и лая собакъ, теперь въ районахъ ихъ владѣній утвердилась полная безопасность, спокойное пользованіе каждаго произведеніями своего труда. Но установляя безопасность на своей территоріи, Норманны тѣмъ не менѣе продолжали грабить и разорять сосѣднія земли. Безъ силъ защитить своихъ подданныхъ отъ безпощадныхъ набѣговъ, Карлъ простой, по совѣту бароновъ, рѣшился купить миръ единственнымъ, оставшимся у него средствомъ— формальнымъ признаніемъ территоріальнаго владѣнія Норманновъ. Въ этомъ смыслѣ начались переговоры чрезъ посредство Руанскаго архіепископа. Послѣ многихъ переговоровъ, согласились заключить договоръ на слѣдующихъ условіяхъ: Ральфъ обязался принять христіанство, признать себя вассаломъ короля французскаго въ качествѣ герцога, за что получалъ въ супружество дочь Карла простаго—Гизелу и владѣніе пространствомъ между Бретанью и рѣкою Эрою. Такимъ образомъ основалось герцогство Нормандское.

Интересенъ и характеристиченъ разсказъ современниковъ о подробностяхъ заключенія договора. Мѣстомъ личнаго свиданія королей выбрано было селеніе Сенъ-Клеръ на Энтѣ. Оба государя, въ сопровожденіи многочисленныхъ свитъ, расположились раздѣльно по обѣимъ берегамъ рѣки. Въ назначенный день Ральфъ или Роллонъ явился къ королю Карлу и, вложивъ свои руки въ его руки, высказалъ слѣдующую рѣчь: Отнынѣ я вамъ клянусь вѣрно охранять вашу жизнь, тѣло и вашу королевскую честь. Въ отвѣтъ на это Карлъ и бароны почтили Норманна титломъ графа и также поклялись въ безопасности его жизни, тѣла, чести и въ охраненіи уступленной области. По окончаніи этой церемоніи, Французскіе бароны потребовали отъ Норманна исполненія установленнаго въ этихъ случаяхъ обряда, т. е. стать на колѣни предъ королемъ и поцаловать его ногу. Никогда ни передъ какимъ человѣкомъ не преклоню колѣни, отвѣчалъ Роллонъ, и ни у кого не поцалую ноги. Но такъ какъ бароны продолжали настаивать, то онъ съ наивнымъ простодушіемъ прика-

залъ исполнить этотъ обрядъ одному изъ своихъ воиновъ. Исполняя приказаніе, норманскій воинъ подошелъ къ королю, наклонился и, не сгибая колѣнъ, такъ высоко поднялъ ногу короля, что тотъ, потерявъ равновѣсіе, опрокинулся и упалъ, при общемъ хохотѣ Норманновъ. Впрочемъ, случай этотъ не имѣлъ дурныхъ послѣдствій.

Первымъ дѣломъ Роллона (по святомъ крещеніи Роберта), по признаніи самостоятельности его владѣнія, было раздѣлить землю по шнуру между своими товарищами, при чемъ города, селенія и поземельные участки поступили въ собственность каждаго, смотря по важности происхожденія и занимаемаго въ войскѣ мѣста. Затѣмъ послѣдовательнымъ рядомъ разумныхъ законовъ Робертъ водворилъ въ новомъ герцогствѣ порядокъ и безопасность, развилъ земледѣльческую промышленность, возстановилъ разрушенные города и защищалъ ихъ отъ нападенія пиратовъ. Мѣры эти имѣли полный успѣхъ, населеніе увеличивалось постояннымъ наплывомъ изъ другихъ мѣстностей Франціи, раззоренныхъ безпрерывными усобицами вассаловъ. Значеніе герцогства росло, и хотя Нормандія считалась вассальнымъ владѣніемъ, но вся зависимость ограничивалась только внѣшней обрядностью.

Владѣнія герцоговъ Нормандіи простирались къ сѣверу до р. Брель, къ востоку до впаденія Оазы въ Сену, а къ юго-западу до р. Коэнолъ. Населеніе всей этой мѣстности извѣстно было подъ общимъ названіемъ Норманновъ, хотя въ дѣйствительности Норманнами было только высшее благородное сословіе поземельныхъ собственниковъ, потомковъ скандинавскихъ завоевателей, къ которымъ туземные владѣльцы и простое населеніе поступили или арендаторами или крѣпостными. Всѣ Нормaны считались свободными и пользовались значительными правами, не могли облагаться никакими сборами, безъ своего согласія, имѣли исключительное право охоты, и произведенія ихъ владѣній освобождались отъ платежа всякихъ пошлинъ.

Вслѣдъ за Роллономъ приняла крещеніе большая часть его товарищей; только незначительная часть фанатически преданная религіи и нравамъ своей родины, недовольная,

озлобленная новымъ положеніемъ дѣлъ въ Руанѣ, удалилась въ Бойе, гдѣ долго еще сохранялись датскій языкъ, скандинавскіе обычаи и упорная вражда къ герцогамъ Нормандскимъ. За исключеніемъ этой небольшой мѣстности, вся Нормандія приняла иной видъ. Дворъ герцоговъ образовался по образцу двора французскаго; дикіе нравы пиратовъ, уступивъ вліянію мягкой мѣстной природы, смягчились, придавъ отъ себя живую силу дальнѣйшему развитію; французскій языкъ привился такъ быстро, что второй герцогъ Нормандіи долженъ былъ для обученія сына датскому языку посылать его въ Байе. Нормандцы, говоритъ Тэнъ, быстро и легко усвоили себѣ французское воспитаніе. Они первые во Франціи привели въ систему французскій языкъ, установили его правила, писали на немъ такъ хорошо, что мы до сихъ поръ понимаемъ ихъ законы и поэмы. Въ полтора столѣтія ихъ культура такъ подвинулась, что они считали Саксовъ безграмотными и грубыми. (Разв. полит. и гражд. своб. Англіи стр. 80).

Таково было положеніе герцогства, когда ходъ событій соединилъ судьбу Нормандіи съ судьбою Англіи въ лицѣ Вильгельма завоевателя, седьмаго герцога Нормандіи *).

Однажды (1027 г.) добрый герцогъ Нормандіи Робертъ, возвращаясь съ охоты, увидѣлъ на берегу ручья, близь Фалеза, молодую дѣвушку съ подругами, полоскавшую бѣлье. Полуприподнятыя юбки открывали у молодой дѣвушки прекрасныя ножки, такой бѣлизны, какой могли позавидовать и молодой снѣжокъ и цвѣты бѣлой лиліи. Очарованный герцогъ влюбился. Арлета (романское искаженіе датскаго имени Гарлевы), дочь кожевника, была дѣвушка разумная и привѣтливая, смѣлая и прелестная, блондинка съ очаровательнымъ личикомъ и восхитительными добрыми глазками. Красота ея затмѣвала всѣхъ дѣвушекъ—красавицъ Нормандіи. Герцогъ во что бы то ни стало пожелалъ взять ее къ себѣ.

*) Вотъ хронологическій порядокъ герцоговъ: Ролловъ или Робертъ (до 931 г.), Вильгельмъ I (931—942), Ричардъ I (942—996), Ричардъ II (996—1027), Ричардъ III (1027—1028) и Робертъ отецъ Вильгельма завоевателя (1028—1035).

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

ВЫХОДИТЪ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка продолжаетъ приниматься въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Я. Исакова,** Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „Историческая Библіотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1879.

№ 9. Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1879

СОДЕРЖАНІЕ № 8.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1879.

№ 9. Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. Сущинскаго.

Екатерининскій каналъ 168.

1879

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ Редакціи имѣется небольшое количество экземпляровъ «Исторической Библіотеки» изданія 1878 года. Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к. съ пересылкою 8 рублей. Для подписчиковъ же 1879 года—7 руб. съ пересылкой, и 6 руб. безъ пересылки.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Августа 1879 г.

ПРЕСТОЛЪ и МОНАСТЫРЬ.

(1689 г.).

ГЛАВА VI.

Не ошибся разсчетомъ достопочтенный Василій Савичъ Нарбековъ. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ и сама царица Наталья Кирилловна стали дѣятельно хлопотать за Василья Васильевича. Но царь упорно стоялъ въ своемъ рѣшеніи, и только самыя усиленныя настоянія и просьбы могли вынудить у него согласіе на раздачу предположенныхъ царевной наградъ. Когда же Василій Васильевичъ, съ товарищами своими по Крымскому походу, явились въ Преображенское благодарить царя за награды, онъ рѣшительно отказался принять ихъ.

Такое открытое неудовольствіе Петра раздражило правительницу, но не особенно огорчило Крымскихъ героевъ, и по самому Василью Васильевичу оно скользнуло, не въѣдаясь больной раной. Въ душѣ князь не могъ не сознавать вины своей въ неудачномъ походѣ. Съ израненными сердцемъ и самолюбіемъ, онъ, съ возвращенія въ Москву, сталъ постоянно отклоняться отъ непосредственнаго участія въ закипѣвшей борьбѣ. Въ современ-

ныхъ лѣтописяхъ вовсе не встрѣчается имени Василья Васильевича, развѣ только какъ одно сухое упоминаніе, что въ сборищѣ-де былъ и Василій Васильевичъ, да записанъ еще одинъ приказъ его (въ первыхъ числахъ августа) дежурному полковнику по стѣнному караулу Нормацкому о томъ, чтобъ ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣлгородѣ запирались въ первый часъ ночи, а отпирались за часъ до разсвѣта.

За то съ этого времени на первый планъ выступаетъ дѣятельность Өедора Леонтьича, почти единственнаго бойца правительницы. Но безъ большаго ума, безъ такта, только съ большимъ запасомъ дерзости худороднаго человѣка, могъ-ли онъ быть ей особенно полезнымъ?

По уму и образованію ставъ въ главѣ поступательнаго движенія къ цивилизаціи, Софья Алексѣевна увидѣла себя совершенно одинокой, безъ всякой опоры. Почти всѣ боярскіе роды миловались съ стариной и, если не явно, то тайно всѣ держались стороны Петра, первые шаги котораго ступали по старинной почвѣ обычая. Новыхъ людей не было; ихъ могло подготовить только время или желѣзная воля богатыря. Поэтому, когда борьба имѣла видъ семейной распри, козней, боярскихъ интригъ, царевна находила большую поддержку, но когда выдвинулось государственное дѣло, тогда она увидѣла подлѣ себя только одного худороднаго. Не могла не видѣть царевна своего отчаяннаго положенія, не имѣвшаго никакихъ шансовъ на успѣхъ; но власть слишкомъ обаятельна и отказаться не только отъ полнаго объема ея, но даже и отъ части, не могутъ и сильные умы. Овладѣвъ властью дорогой цѣной, насыщаясь ея упоеніемъ впродолженіи многихъ лѣтъ, могла ли она уступить безъ борьбы и кому же уступить—мальчишкѣ, пьяницѣ, конюху?

Правительница рѣшилась на борьбу, рѣшилась употребить всѣ какія бы то ни было средства. Притомъ же, если на ея сторонѣ не было аристократическихъ родовъ, то она могла расчитывать на преданность всемогущихъ стрѣльцовъ. Начальникъ ихъ, красавецъ Өедоръ Леонтьичъ,

дѣлается ея неразлучнымъ спутникомъ, постояннымъ думцемъ. Съ этого времени онъ ужъ почти совершенно переселился въ дворецъ: день проводитъ въ Золотой Палатѣ, а ночь въ Грановитой... Вмѣстѣ съ этимъ одновременно правительница ужь не пропускала случая самой лично говорить съ стрѣльцами, ласкать ихъ, дарить и всѣми средствами приманивать на свою сторону.

Въ день праздника Пресвятой Богородицы Одигитріи Смоленской (28 іюля) царевна совершала пѣшій походъ ко всенощной въ Новодѣвичій монастырь, въ сопровожденіи пятисотенныхъ и пятидесятниковъ всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ. Выйдя изъ церкви по окончаніи службы, часу въ четвертомъ ночи, она подозвала къ себѣ стрѣльцовъ и стала имъ высказывать:

— Итакъ бѣда была, да Богъ охранилъ, а нынѣ опять бѣду начинаетъ мачиха Наталья Кирилловна. Скажите: любы-ли мы вамъ? если любы, вы за насъ стойте, а если не любы, такъ я съ братомъ Иваномъ покинемъ государство.

— Воля твоя, государыня, отвѣчали стрѣльцы, а мы готовы исполнять, что прикажешь.

Царевна, казалось, осталась довольной готовностью стрѣльцовъ.

— Такъ ждите повѣстки, заключила она.

Но эта готовность была не искренняя и далеко не единодушная. Такъ, когда на другой день рьяные сторонники Софьи Алексѣевны: Андрей Кондратьевъ, Ларіонъ Елизарьевъ, Никита Гладкій, Егоръ Романовъ, Обросимъ Петровъ и урядники объявили по слободамъ приказъ Шакловитаго приготовить по 50 и по 100 человѣкъ отъ каждаго полка для избіенія князя Бориса Голицына, Льва Нарышкина съ братьями, и другихъ преданныхъ Петру бояръ, замыслившихъ будто извести царевну, стрѣльцы рѣшительно отказались.

— Если въ томъ ихъ есть вина, говорили они, то пусть намъ объявитъ Думный дьякъ о томъ царскій указъ,

и мы тогда виновнаго возьмемъ, а безъ указу ничего дѣлать не будемъ, хоть многажды бей въ набатъ.

Не по плечу оказался Өедоръ Леонтьичъ покойному Ивану Михайловичу, не могъ сравняться простой худородный, возбудившій противъ себя подчиненныхъ надмѣнностью выскочки, съ хитроумнымъ бояриномъ; но если не было ловкаго умѣнья того, то за то больше стойкости и упорства.

Не останавливаясь отъ неудачь, приверженцы правительницы, а въ особенности одинъ изъ нихъ, Алексѣй Стрижовъ, не уставалъ зазывать къ себѣ пятисотенныхъ, пятидесятниковъ и другихъ стрѣльцовъ, поить ихъ и возбуждать.

— Государынѣ царевнѣ смерть приходитъ, говорилъ имъ Алексѣй Стрижевъ, хотятъ ее убить, а безъ нея стрѣльцамъ житья не будетъ.

— Что-жъ дѣлать-то, былъ отвѣтъ, надобно просить обоихъ государей о розыскѣ.

— Зачѣмъ просить? продолжалъ обыкновенно Стрижевъ, какъ только объявится — стачка будетъ. Намъ, вѣдь, извѣстны злодѣи царевны! Пусть только она укажетъ, а мы ихъ примемъ.

Такія смутныя рѣчи высказывались не тайкомъ гдѣнибудь, при запертыхъ дверяхъ да съ оглядкой, а явно, открыто, при всякомъ удобномъ случаѣ. Объ нихъ говорили въ городѣ, объ нихъ говорили встревоженные торговые люди, слобожане, и потому не удивительно, что они наконецъ достигли и до Преображенскаго. Страшно напугала предстоявшая смута изстрадавшую, болѣзненную старую царицу—мать и беремѣнную молодую, и удержала она милаго для нихъ Петра отъ отлучекъ на излюбленное Переяславское озеро. Выжидательное, страдательное положеніе томило огневую душу Петра.

Не могъ выдержать долго онъ бездѣйствія, и въ первыхъ же числахъ августа сдѣлалъ распоряженіе схватить главнаго распространителя смутныхъ рѣчей Стрижева и доставить его къ нему въ Преображенское. Но Шакловитый не позволилъ взять его, отзываясь неимѣніемъ

приказанія отъ царевны. Такое дерзкое ослушаніе раздражило Петра, и онъ, не задумываясь, приказалъ схватить самого Шакловитаго. На этотъ разъ приказаніе было исполнено. Солдаты изъ потѣшныхъ уловчились захватить Ѳедора Леонтьича въ Измайловѣ и арестовать. Страшная буря поднялась тогда со стороны правительницы. Гонецъ за гонцомъ летѣли въ Преображенское съ самыми настоятельными требованіями.

Подъ вліяніемъ слезъ испуганныхъ матери и жены, Петръ отмѣнилъ распоряженіе и освободилъ стрѣлецкаго начальника, но эта рѣшительная мѣра показала правительницѣ: какъ дорого время и какъ каждый день и каждый часъ увеличиваютъ силу стороны брата, стороны права, и какъ настоятельно скорѣе и рѣшительнѣе приступить къ развязкѣ. А между тѣмъ для этого-то момента у нея и не оказывалось способнаго лица. Василій Васильевичъ видимо отшатнулся. Отъ боли-ли обманутой сердечной привязанности, отъ оскорбленнаго-ли самолюбія, отъ природной-ли осторожности или отъ сознанія неминуемаго проигрыша дѣла царевны, а можетъ быть и отъ всѣхъ этихъ условій втѣстѣ, но только онъ почти совершенно пересталъ принимать участіе, да и показывался при дворѣ не надолго. На Ѳедора Леонтьича тоже плохая надежда, хоть и по другой причинѣ. У этого рвенія было много, да толку мало. Изъ красивой головы бывшаго подъячаго нельзя было выжать ни одного тонкаго соображенія, нельзя было выкроить ни одной ловко придуманной интриги. Онъ не съумѣлъ даже пріобрѣсти себѣ вліятельнаго положенія не только между родовитыми людьми, но даже и между своими стрѣльцами. Оставался Медвѣдевъ. У этого, конечно, не было недостатка въ изворотливости, но онъ былъ монахъ, жилъ въ монастырѣ и слѣдовательно не могъ принимать непосредственнаго участія.

Царевнѣ оставалось дѣйствовать самой и одной, и она стала дѣйствовать, надѣясь только на свои силы.

4 августа ея истопникомъ Евдокимовымъ приведены

были къ ней къ палаткѣ церкви Ризъ-Положенія стрѣльцы: Елизарьевъ, Гладкій и другіе двое. Убѣдительно, съ полными слезъ глазами, жаловалась она имъ словами простыми, но способными дѣйствовать на нехитрые умы:

— Житья мнѣ больше нѣтъ отъ Бориса Голицына и Льва Нарышкина: государя Петра они совсѣмъ споили, братомъ Иваномъ небрегутъ, даже и комнату его завалили дровами, а меня прозываютъ дѣвкою, какъ будто бы я вовсе не дочь царя Алексѣя Михайловича; князю Василью Васильичу грозятся голову срубить, а ужъ онъ ли не сдѣлалъ добра: и польскій миръ заключилъ и доспѣлъ выдачи нашихъ православныхъ съ Дона. Радѣла я о царствѣ, берегла и хранила, что было моей мочи, а они все въ разныя стороны тащатъ. Скажите: можно ли на васъ надѣяться? Годны ли мы вамъ? Если не годны, то пойдемъ мы сь братомъ Иваномъ искать себѣ гдѣ-нибудь кельи...

Разумѣется на такія рѣчи стрѣльцы отвѣчали изъявленіями преданности.

Подобные приводы истопникомъ Евдокимовымъ или истопникомъ Осиповымъ отдѣльныхъ небольшихъ партій стрѣльцовъ, то къ церкви Ризъ Положенія, то къ церкви Воскресенія Христова, то въ собственные покои царевны, въ послѣдніе дни участились. Всѣ выходили отъ нея восхищенные, подъ обаяніемъ ея краснорѣчія, привѣтливости и доступности. Не мало способствовали возбужденію и подарки, рублей по двадцати пяти, которыми одѣляла царевна каждаго приходившаго стрѣльца.

Правительница располагала достаточнымъ числомъ преданныхъ, готовыхъ беззавѣтно выполнять ея волю, но этимъ все и ограничивалось. Не было руководителя, не было плана съ ясно опредѣленнымъ образомъ дѣйствія, съ строго обдуманными деталями, съ предвидѣніемъ всѣхъ возможныхъ случайностей. Царевна говорила рѣчи, увлекавшія единичныхъ лицъ, стрѣльцы получали подарки, пили, буянили...

Наконецъ найдя себя достаточно заручившейся преданностью стрѣльцовъ, царевна назначила днемъ исполненія своей цѣли 7 августа.

ГЛАВА VII.

Въ исходѣ одинадцатый часъ; наступила ночь на 8 августа, но, несмотря на такое позднее время, въ Кремлѣ оживленное движеніе. Изъ Лыкова и Житнова дворовъ, что близь Боровицкаго моста, доносятся говоръ, смѣхъ и крики. Тамъ гуляютъ, распивая вино изъ царскихъ погребовъ, стрѣльцы изъ полковъ Рязанова, Жукова и Ефимьева. Съ завистью прислушивается къ этому веселому говору стрѣлецкій отрядъ, поставленный у дворцовой лѣстницы, ожидая и себѣ такого же угощенія.

Не вдалекѣ отъ этого кораульнаго отряда бесѣдовало трое стрѣлецкихъ начальниковъ: полковники Петровъ, Цыклеръ и подполковникъ Черный. Петровъ и Черный сидѣли на скамьѣ у стѣны, близь воротъ, Цыклеръ стоялъ передъ ними, по временамъ запахиваясь отъ пробиравшаго свѣжаго, ночнаго вѣтра.

— Что стоишь-то, Иванъ Данилычъ, ноги, чаю, свои—не жалко? Можетъ придется и долго... говорилъ Петровъ Цыклеру, очищая ему мѣстечко на скамьѣ подлѣ себя.

— Присяду, какъ устану. Боюсь, какъ сяду, засну.

— И то правда. Да не знаешь-ли, Иванъ Данилычъ,—ты, вѣдь, любишь все обстоятельно разузнать—зачѣмъ насъ сюда привели?

— Говорилъ мнѣ вѣстовой Ѳедора Леонтьича, урядникъ Андрюха Кондратьевъ, будто царевна желаетъ совершить ночной походъ на богомолье въ Донской монастырь. Она, вишь, боится безъ надежной охраны... Намеднись, какъ ходила въ Дѣвичій, у нея на глазахъ зарѣзали конюха.

— Такъ ради опаски собираютъ почитай изъ всѣхъ

полковъ по сту, да какое по сту, чай больше.... Вонъ какая громада, продолжалъ Петровъ, указывая на дворы Лыковъ и Житновъ, на отряды у лѣстницы и у заднихъ дворцовыхъ воротъ. Полно, братъ, не хитри. Ты все знаешь, да не хочешь говорить... Скрытная душа, прямо боярская.

Цыклеръ съёжился. Какимъ образомъ товарищи узнали объ условіи, назначенномъ имъ боярину Милославскому при первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ (о которомъ бояринъ, не смотря на свое обѣщаніе, послѣ успѣха, казалось, совершенно забылъ)—неизвѣстно, но только съ тѣхъ поръ такъ и осталось за нимъ прозвище боярская душа.

— Я такой же бояринъ, какъ ты, сердито огрызнулся Цыклеръ, а слыхалъ я, правду сказать, отъ Евдокимова, будто ноне по утру объявилось на Верху подметное письмо, извѣщавшее, что въ эту ночь потѣшные нагрянутъ на дворецъ убить царя Ивана и нашу царевну... А правда-ли, я почемъ знаю!

Разговоръ оборвался. Каждому не хотѣлось высказывать своихъ тайныхъ предположеній и надеждъ.

Въ это время какой-то стрѣлецъ бѣжалъ по направленію отъ Ивановской колокольни къ Спасской башнѣ.

— Э... да это Гладкій Никитка, заговорилъ снова Петровъ. Эй, Гладкій, поди сюда!

Стрѣлецъ подбѣжалъ.

— Отдохни маленько... вишь упарился. Куда бѣжишь, по какому дѣлу?

Стрѣлецъ едва переводилъ духъ.

— Скажи намъ, зачѣмъ мы здѣсь? Ты, вѣдь, съ Ѳедоромъ Леонтьичемъ чашка и ложка, продолжалъ допрашивать Петровъ.

— Не время отдыхать; работы много. Сейчасъ все приготовилъ къ набату на Ивановской, а теперь бѣгу подвязывать къ языку на Спасской...

— Развѣ и въ правду ждете потѣшныхъ?

— Какое ждете! мы сами пойдемъ туда, конечно не

все: одни пойдутъ туда, а другіе останутся здѣсь покончить съ Нарышкинскими да Лопухинскими, попугать Іоакимку стараго, да пошарить по боярскимъ хоромамъ и по лавкамъ изъ Нарышкинскихъ... Да нѣкогда мнѣ. Улажу на Спасской, поѣду на Лубянку посмотрѣть изготовился ли Стремянной полкъ. Приказалъ Ѳедоръ Леонтьичъ.

Стрѣлецъ убѣжалъ.

Все время разговора полковниковъ съ Никитой Гладкимъ, невдалекѣ, вслушиваясь въ ихъ рѣчи, стоялъ какой-то стрѣлецъ. На него разговаривающіе не обращали вниманіе,—всякому, вѣдь, хотѣлось знать,—да еслибъ и замѣтили его, то, конечно, ни въ чемъ не заподозрили бы. То былъ пятидесятникъ, стрѣлецъ Дмитрій Мелновъ, одинъ изъ завѣдомо-преданныхъ людей царевны.

Послѣ торопливаго ухода Гладкаго, изчезъ и Мелновъ.

Долго сидѣли полковники, молча обдумывая и соображая про себя полученныя вѣсти. Наконецъ первымъ заговорилъ Кузьма Чермный, молчавшій до сихъ поръ:

— Не знаю, какъ вы, товарищи, а я радъ. Наконецъ-то наша царевна рѣшилась покончить... По моему бы давно пора извести весь этотъ злой корень Нарышкинскій. Покамѣсть не примемъ старой медвѣдицы съ дѣтенышемъ, не будетъ намъ покоя.

Товарищи не отвѣчали, а Кузьма Чермный, поднявшись съ скамьи, сталъ собираться.

— Куда? спросилъ его Петровъ.

— Хочу посмотрѣть на Житномъ своихъ молодцовъ, какъ они тамъ веселятся за царскимъ виномъ, да кстати порадую и вѣсточкой; надо ихъ приготовить, какъ слѣдуетъ.

— А ты, Иванъ Данилычъ, какъ думаешь, спрашивалъ Петровъ Цыклера, провожая глазами уходившаго Чермнаго.

— Незнаю... незнаю... Мое дѣло исполнять, что при-

кажутъ. Только люди нынѣ не прежніе... врядъ ли удастся, а впрочемъ...

— Эхъ, Иванъ Данилычъ, виляешь ты, братъ, боярская душа.

Между тѣмъ подслушавшій извѣстіе Гладкаго, пятидесятникъ спѣшилъ къ Стремянному полку на Лубянку.

Ѳедоръ Леонтьичъ считалъ самыми преданными себѣ людьми своихъ деньщиковъ Ѳедора Турку, Ивана Троицкаго и Михаила Капранова и—жестоко ошибался. Характеръ стрѣлецкаго начальника не могъ внушить безпредѣльной преданности. Близко стоящіе къ нему люди и выносившіе на себѣ его надмѣнное, а подчасъ и жестокое обращеніе, болѣе другихъ не могли любить его. Имъ припоминался образъ бывшаго начальника князя Хованскаго, добраго, ласковаго, симпатичнаго имъ, и отъ этого сравненія худородный человѣкъ казался имъ еще болѣе непріятнымъ. Живо въ памяти у стрѣльцовъ врѣзалась его безпощадная суровость при самомъ вступленіи въ должность къ тѣмъ, которые такъ горячо стояли за дѣло царевны.

Правда, Ѳедоръ Леонтьичъ не жалѣлъ царской казны на безпрерывныя денежныя выдачи своимъ приближеннымъ, но преданность не покупается деньгами. Напротивъ того, отъ подкуповъ отвращается нравственное чутье, заставляетъ смотрѣть подозрительно. Можетъ быть именно вслѣдствіе такихъ-то подкуповъ, у стрѣльцовъ и возникъ вопросъ: справедлива-ли сторона царевны и не возьмутъ-ли они на свою душу страшнаго, ничѣмъ несмываемаго грѣха, отстраняя права царя Петра. А какъ только могъ возникнуть подобный вопросъ, рѣшеніе его не могло быть сомнительнымъ. По русскому взгляду того времени женское государствованіе казалось страннымъ, неестественнымъ явленіемъ, а насильственное устраненіе, еще можетъ быть и съ убійствомъ, *законнаго царя* такимъ грѣхомъ, котораго не замолишь ни въ сей жизни, ни въ будущей. И вотъ въ той самой средѣ, на которую исключительно опиралась царевна, явилось движеніе

тайное, но тѣмъ не менѣе неудержимое въ пользу Петра.

Въ домѣ пятисотеннаго Стремяннаго полка Ларіона Елизарьева, самаго приближеннаго и довѣреннаго стрѣльца Софьи Алексѣевны, такъ часто бывавшаго у нея на Верху, всегда сопровождавшаго ее въ походахъ, постояннаго слушателя ея жалобъ на враждебную партію, стали собираться стрѣльцы, рѣшившіеся тайно поддерживать царя. И то были не одни простые, рядовые стрѣльцы, но поставленные впереди, и уже потому имѣющіе болѣе или менѣе нравственное вліяніе на другихъ: пятидесятники Дмитрій Мелновъ, Ипатъ Ульфовъ, десятники: Яковъ Ладогинъ, Михаилъ Ѳеоктистовъ, Иванъ Троицкій, Ѳедоръ Турка и Михаилъ Капрановъ.

Замѣтивъ лихорадочное волненіе въ послѣднее время у своего начальника, учащенное зазываніе и спаиваніе стрѣльцовъ и получивъ наконецъ приказъ о сборѣ 7 августа въ Кремль стрѣлецкихъ отрядовъ, новое тайно протестующее общество рѣшилось и съ своей стороны дѣйствовать неотложно. Оно-то и послало Дмитрія Мелнова въ Кремль для развѣдокъ.

Почти заморивъ коня и самъ едва переводя духъ отъ волненія, Мелновъ прискакалъ прямо къ избѣ Елизарьева.

— Въ Кремлѣ видимо-невидимо собрано народу, порывисто и задыхаясь разсказывалъ Мелновъ товарищамъ, однихъ посылаютъ въ Преображенское, а другихъ оставляютъ здѣсь кончать съ ближними царскими. Самъ я слышалъ отъ Гладкаго. Онъ сейчасъ и самъ сюда прибѣжитъ.

— Такъ пора и намъ приниматься за дѣло, сказалъ Елизарьевъ; пойдемте первое въ церковь, поклянемтесь не выдавать другъ друга и отстоятъ царя.

Отперли ближайшую церковь во имя преподобнаго о. Ѳеодосія на Лубянкѣ. Приходскій священникъ, пріятель Елизарьева, вынеся святое евангеліе съ животво-

рящимъ крестомъ, отобралъ отъ нихъ добровольную клятву.

— Ну теперь съ Богомъ начнемте. Ты, Мелновъ, съ Ладогинымъ, распорядился Елизарьевъ, поѣзжайте, какъ можно скорѣй,—лошадей не жалѣйте,—въ Преображенское и разскажите самому государю обо всемъ. Пусть соберетъ своихъ.... а мы останемся здѣсь, и какъ начнется свалка—ударимъ съ тыла.

Мелновъ и Ладогинъ ускакали.

Вскорѣ, по отъѣздѣ гонцовъ, прибѣжалъ на Лубянку и Никита Гладкій отдать послѣднія распоряженія начальника Стремянному полку. Къ немалому удивленію, вмѣсто сбора всего полка, или по крайней мѣрѣ не менѣе трехъ сотъ человѣкъ, какъ было указано, онъ увидѣлъ около пятисотеннаго Елизарьева только незначительную кучку стрѣльцовъ.

— Отчего полкъ не собранъ? У насъ тамъ все готово, а вашего приказа нѣтъ! кричалъ онъ,—скорѣй скликайте по слободамъ да слушайте набату. Что вамъ велятъ дѣлать, то и дѣлайте.

И онъ снова убѣжалъ въ Кремль. Вслѣдъ за нимъ отправился туда и Елизарьевъ съ товарищами, а полкъ все таки остался не собраннымъ.

Пробила полночь на башенныхъ часахъ Кремля. Одолѣваетъ сонъ здороваго человѣка. Напрасно силится онъ бороться съ дремотой, съ усиліемъ таращитъ глаза, пытается завести голосомъ знакомую пѣсню, — напрасно: отяжелѣвшія вѣки опускаются, голосъ обрывается, въ головѣ становится смутно и туманно. Разставленные у стѣнныхъ заставъ и у царскихъ теремовъ караульные сладко дремлютъ, опершись на воткнутые бердыши. По временамъ даже и храпъ проносится въ свѣжемъ, чуткомъ, ночномъ воздухѣ. Тише становится нестройный говоръ на дворахъ Лыковомъ и Житномъ.

На Верху не спятъ. Съ послѣднимъ звукомъ полночнаго боя часовъ, тамъ особенное движеніе. Забѣгали огоньки по всѣмъ покоямъ, и на освѣщенномъ фонѣ

оконъ то и дѣло мелькаютъ тѣни. Быстро сбѣжали дежурные стряпчіе съ дворцовой лѣстницы, разбудили ближайшихъ часовыхъ и побѣжали на Лыковъ и Житный. Изготовляйтесь въ походъ, говорили они дремавшимъ стрѣльцамъ.

— Да куда? сонно спрашиваютъ тѣ, отряхаясь и протирая кулаками отяжелѣвшія вѣки.

— За царевной. Она сама изволитъ идти, а куда пойдетъ, сами увидите.

Ждать оставалось не долго. Не успѣли стрѣльцы выстроиться какъ слѣдуетъ въ ряды, какъ сама царевна сошла съ Верху на площадь, въ сопровожденіи вѣрнаго своего Ѳедора Леонтьича и окольничаго Нарбекова. Лицо царевны спокойно, только обычныя складки глубже засѣли на лбу, нервы подергиваются у рта, бѣлилы и румяны скрываютъ блѣдность, а опущенныя вѣки тревожное выраженіе. Мѣрной и плавной, обычной своей грузной походкой съ перевальцемъ, сошла она на площадь и своимъ обычнымъ же ровнымъ голосомъ распорядилась.

— Прикажи, Ѳедоръ Леонтьичъ, стрѣльцамъ слѣдовать за нами къ Казанскому.

Приказаніе передано. Къ Казанскому, къ Казанскому... повторялось съ недоумѣніемъ на разные тоны въ рядахъ. Царевна хочетъ молиться, какъ это дѣлалось ею и прежде обычно, но зачѣмъ насъ-то всѣхъ подымать? Царевна бывало ходила прежде и въ долгій путь, подъ охраной только нѣсколькихъ стрѣльцовъ, а теперь и весь путь-то рукой подать, спрашивали нѣкоторые недогадливые стрѣльцы.

— А намъ, Ѳедоръ Леонтьичъ, прикажешь слѣдовать за тобой? спрашивали Шакловитаго его деньщики Турка Троицкій и Капрановъ.

— Вамъ-то? Да... я и забылъ. Вы поѣзжайте скорѣй къ Преображенскому, остановитесь тамъ въ тайности въ скрытыхъ мѣстахъ и высматривайте: гдѣ стоятъ часовые... гдѣ скрытнѣе подходы... гдѣ царь... не уѣхалъ-ли

онъ куда... А когда мы туда подойдемъ, такъ укажите дорогу.

Деньщики уѣхали, а оставшіеся двинулись въ походъ.

Подлѣ царевны шелъ Ѳедоръ Леонтьичъ, а позади окольничій Нарбековъ.

— Распорядился-ли ты, Ѳедоръ Леонтьичъ, какъ слѣдуетъ? Въ Преображенскомъ потѣшные. Чаю и караулы держутъ... готовы ли стрѣльцы вслучаѣ чего...

— Готовы, государыня, я ручаюсь за нихъ. Лишь бы только намъ захватить врасплохъ, успокоивалъ худородный, но въ голосѣ его не звучало той твердой увѣренности полководца, обдумавшаго во всѣхъ подробностяхъ планъ, которая такъ ободряетъ подчиненныхъ.

Въ нашемъ дѣлѣ нужна великая опытность, а не свѣдущь ты, мой милый Ѳедя, въ ратномъ искусствѣ, думала про себя царевна; ну, а если не удастся... сдѣлаетъ какую поруху...

— Ѳедя, а знаешь ты, гдѣ стоитъ снарядъ у конюховъ? можетъ дойдетъ и до огненнаго боя... проговорила царевна уже громко.

— Сейчасъ послалъ, царевна, деньщиковъ моихъ Ѳедьку съ Ивашкой разузнать, все осмотрѣть.

— Сейчасъ только, Ѳедя? Да чего-жъ они увидятъ ночью-то?

— Неуспѣлъ... дѣловъ было много—въ кажную малость входишь.

И это онъ называетъ малостью... все, все отъ этого зависитъ... эхъ Ѳедя... Ѳедя... думала про себя царевна.

— А знаешь что, Ѳедя, начала она громко, но, не договаривъ начатой рѣчи, только спросила: отчего князя Василья нѣтъ?

Незнаю... слышалъ, вѣдь, онъ о походѣ, а не прибылъ... мнѣ ему не кланяться...

— А развѣ тебѣ зазорно — и мысленно прибавила царевна худородному—поклониться князю Василью?

— Ничего, что зазорно, да толку въ томъ не вижу, оборвалъ уже съ видимой досадой Шакловитый.

— Видишь что... Ѳедя, начала снова царевна почти заискивающимъ голосомъ, послѣ непродолжительнаго молчанія, женщина я и боюсь всего... Василій Васильичъ пріобыкъ къ ратному дѣлу, знаетъ пріемы и подходы... намъ онъ человѣкъ нужный...

— Хорошо, царевна, будь по твоему. Пошлю за нимъ.

— Эй, Оброська Петровъ! поѣзжай сейчасъ къ князю Василью Васильичу и передай ему, что моль царевна идетъ къ Казанской и зоветъ его сейчасъ къ себѣ, — приказалъ Ѳедоръ Леонтьичъ одному изъ провожавшихъ—да смотри торопись, кричалъ онъ вслѣдъ убѣжавшему стрѣльцу.

Остальную дорогу шли молча. Переходъ до Казанскаго собора не длиненъ. Скоро подошли къ церкви, вызвали священника и вошли въ храмъ: царевна, Шакловитый и окольничій Нарбековъ. Затеплили свѣчи въ одномъ изъ придѣловъ, въ которомъ царевна приказала отслужить напутсвенный молебенъ.

Прибылъ и гонецъ, но только ни съ чѣмъ.

— До князя меня не допустили, докладывалъ онъ; нездоровъ дескать, и докладывать къ нему вовсе неходили. Неприказывалъ.

Софья Алексѣевна видимо встревожилась.

— Ѳедя, вѣрно стрѣлецъ не съумѣлъ передать. Побывай ты самъ у князя... попроси ты самъ... сдѣлай это для меня...

Ѳедоръ Леонтьичъ молча вышелъ изъ церкви.

Тускло горятъ тонкія восковыя свѣчи, освѣщая только темные лики мѣстныхъ иконъ, отбрасывая подъ своды свѣтлыя полосы и сгущая за ними еще болѣе ночную темь. Торжественно и тихо. Странно отдаются подъ сводами почти въ полголоса произносимыя молитвы священникомъ. Тепло, съ обильными потоками слезъ, молилась царевна, испрашивая на свое дѣло покровительство и помощь Заступницы Богоматери, какъ на дѣло святое и правое.

Не для себя подъяла я трудъ, беззвучно складыва-

лись слова молитвы, а для пользы и счастія милліоновъ народа. Только я могу сдѣлать народъ счастливымъ, просвѣтить его, дать ему миръ, спокойствіе и безопасность. Много я сдѣлала, много я сдѣлаю, въ чемъ беру въ свидѣтели Бога, и не пожалѣю я ни здоровья, ни жизни своей. Могу ли я покинуть царство на руки пьяницъ и развратниковъ. Что сдѣлается съ нимъ? Конечная гибель и раззоренье... Не должна ли я пожертвовать двумя, тремя жизнями для спасенія всѣхъ?

Царевна была убѣждена въ необходимости себя для государства. Какъ бы ни была странна и дика иная мысль, но когда мы стараемся убѣдить себя въ ея вѣрности, когда смотримъ на нее съ одной точки зрѣнія, безпрерывно освѣщаемъ желаемымъ намъ колоритомъ, эта мысль становится для насъ непреложной истиной. Да и можно ли было назвать странной или дикой мысль царевны? Не была ли дѣйствительно она права при томъ состояніи государства? Въ царскомъ семействѣ не была ли Софья Алексѣевна одна, способная править въ смутное время неурядицъ? Около Нарышкинскаго двора собралась старая партія бояръ Лопухиныхъ, Апраксиныхъ, Шереметевыхъ и другихъ, грудью стоявшихъ за старые порядки, открещивающихся отъ всякой новизны, какъ отъ навожденія антихриста. Правда, молодой царь Петръ проявлялъ энергическую, живую и боевую силу, но неизвѣстно куда еще будетъ направлена та сила, а въ настоящее время она расходовалась только, по словамъ приближенныхъ къ правительницѣ лицъ, на пьянство да дебоши.

Торопливые шаги послышались на паперти, и вслѣдъ затѣмъ порывисто скрипнула дверь въ самой церкви. Чьи эти шаги?.. Да... точно... шаги одного... Забыта молитва и съ томительнымъ напряженіемъ, оборотившись ко входу, царевна старалась признать входившаго. Скоро изъ мрака вырисовалась стройная фигура Шакловитаго.

— Что? только и могла сказать царевна. Сердце ея колотилось до физической боли, дыханіе спиралось.

— Небудетъ. Передавалъ твое приказаніе, госуда-

рыня, говорилъ и отъ себя. Все одно: обходились, говоритъ, безъ меня, обойдетесь и теперь. Сталъ ненужнымъ человѣкомъ, такъ нечего и ввязываться...

— Такъ какъ же, Ѳедя?

— Ничего, обойдемся и безъ него.

— Нѣтъ, Ѳедя, не обойдемся. Онъ бывалый, умѣетъ всѣ воинскія хитрости. Помнишь-кто меня выручилъ послѣ раскольническихъ смутъ? Онъ всѣмъ дѣломъ заправлялъ во всѣхъ походахъ къ Сторожамъ и къ Троицѣ. Безъ него необойдемся... На удачу ходить нельзя. Если не успѣхъ—что тогда? Твоя голова да и моя неудержатся... Лучше отложить до другаго времени, а между тѣмъ склонить его на свою сторону.

— Какъ изволишь, царевна; воля, конечно, твоя, а по моему прямо бы идти къ Преображенскому.

— Ахъ, Ѳедя, вѣдь ты и въ стрѣльцахъ-то неувѣренъ.

— Да въ чемъ же увѣряться-то. Приказалъ идти, они пойдутъ.

Царевна горько улыбнулась.

— Нѣтъ, лучше отложу на день иль два, а завтра поговорю сама съ княземъ.

Подумала царевна, какъ будто на минуту ушла въ себя въ нерѣшимости, пристально взглянула на Ѳедора Леонтьича, и съ нервнымъ движеніемъ пошла къ выходу.

Выйдя на площадку, она велѣла подозвать къ себѣ стоявшихъ на площади стрѣльцовъ.

Утренній свѣтъ начиналъ пробиваться, выдѣляя изъ темнаго фона вершины колоколенъ и башенъ, едва замѣтно рѣдѣла темь и внизу; можно было распознавать очертанія ближайшихъ предметовъ. Во дворцѣ зазвучалъ колоколъ къ заутрени.

— Спасибо за службу, мои вѣрные стрѣльцы, обратилась она къ надвинувшемуся отряду; еслибы я не опаслась, всѣхъ бы насъ извели нонѣшнею ночью потѣшные конюхи. Идите по слободамъ, да будьте готовы, когда васъ повѣщу... А ты, Василій Савичъ, обратилась она къ окольничему Нарбекову, стоявшему въ отдаленіи и все

время молчавшему, поди къ моему истопнику Евдокимову, возьми отъ него припасенные три мѣшка и раздай каждому стрѣльцу по рублю.

Безпорядочной толпой бросились вслѣдъ за Нарбековымъ стрѣльцы, а Софья Алексѣевна, въ сопровожденіи Шакловитаго, тихо направилась къ Верху.

Василій любитъ меня и ревнуетъ къ Ѳеди, думала она, а если любитъ, такъ сдѣлаетъ по моему. Неудалось сегодня, удастся завтра. И успокоенная она стала всходить по дворцовой лѣстницѣ.

— Ваша милость! Ваша милость! Ѳедоръ Леонтьичъ! кричалъ снизу съ площади торопливый голосъ стрѣльца. Ѳедоръ Леонтьичъ, оставивъ на Верху царевну, поспѣшилъ сойдти съ крыльца.

— А.. Ѳедька ты изъ Преображенскаго? Что тамъ?

— Въ Преображенскомъ великая суматоха... царя Петра согнали оттуда... ускакалъ...

— Куда?

— Не вѣдаю. Видѣлъ самъ, а спросить было не можно. Ускакалъ одинъ, а за нимъ уѣхали мать и супружница.

— Давно уѣхали?

— Да часа четыре будетъ. Я нарочно помедлилъ въ овражкѣ; хотѣлось узнать, что дальше будетъ и доложить твоей милости.

— А отчего въ Преображенскомъ идетъ смута?

— Не вѣдаю. Только гонцы такъ и шныряютъ изъ дворца къ Преображенскому и Семеновскому. То-ли сбираются куда...

— Вольно-жъ сбѣсясь бѣгать, замѣтилъ подумавъ Ѳедоръ Леонтьичъ и отправился доложить вѣсти царевнѣ.

— Но церевна приняла эти вѣсти иначе. При перныхъ же словахъ лицо ея поблѣднѣло и задрожали ноги.

Намъ измѣнили... измѣнили... все пропало... все... шептали поблѣднѣвшія губы.

ГЛАВА VIII.

Не жалѣя лошадей и рискуя сломать себѣ головы, скакали въ темную ночь къ Преображенскому Мелновъ и Ладогинъ. Чрезъ какіе-нибудь полчаса они были уже у загороднаго потѣшнаго дворца, но тутъ-то именно и возникли главныя затрудненія. Темно кругомъ дворца, все спало глубокимъ, не пробуднымъ сномъ, а между тѣмъ время дорого, каждая потерянная минута могла стоить жизни.

Сойдя съ лошадей и ощупью отыскавъ ворота, Мелновъ и Ладогинъ что было силы забарабанили въ запертую калитку. Громко раздался въ ночной тишинѣ нетерпѣливый стукъ и при первыхъ ударахъ разбудилъ всѣхъ дворовыхъ собакъ. Поднялся оглушительный лай всевозможныхъ голосовъ, разбудившій наконецъ и вороотнаго сторожа. Послышался скрипъ двери, тихіе шаги босыхъ ногъ и наконецъ человѣческій голосъ, унимавшій собакъ, бѣгавшихъ около воротъ.

— Чего стучите? Кого надо-ть?

— Отвори калитку да веди насъ скорѣй къ царю!

— Прытки больно! Царь почиваетъ, будить не указано для всякаго. Да цыцъ... вы, проклятые псы, унималъ голосъ собакъ.

— У насъ дѣло есть... смертное дѣло... отвори скорѣй, умоляли стучавшіе.

— Да кто вы? откуда?

— Стрѣльцы... изъ Москвы.

— Стрѣльцы!? Ну такъ для васъ и подавно не отопру. Мало васъ здѣсь шатается озорниковъ. Почитай дня не пройдетъ безъ озорства. Кто поджигаетъ-то? Чай не вы!

— Да отвори, Христа ради. Мы къ царю съ словомъ и дѣломъ. Спасти его.

— Знамо теперь такъ говорите, а только отопри — бѣда.

— Неотопрешь — будешь въ отвѣтѣ въ великой бѣдѣ.

— Царя поднимать для васъ не буду, а развѣ что Бориса Алексѣича...

— Ну хоть Бориса Алексѣича. Только скорѣй, ради Бога.

— Да сколько васъ?

— Двое.

— Двое. А можетъ васъ тутъ видимо-невидимо.

— Отопрешь—такъ узнаешь. Скорѣй! Скорѣй! торопили голоса.

— Знамо узнаю, да поздо будетъ узнавать-то. А какъ васъ прозывать?

— Про то мы сами скажемъ царю, аль Борису Алексѣичу. Отоприжъ, а не то мы станемъ въ окна царскія стучать.

— Ладно, сейчасъ, и старикъ пошелъ къ дворцовымъ покоямъ, но предварительно завернулъ въ свою каморку.

— Встань-ка, Парфенка, да обѣги тишкомъ задами на улицу, посмотри сколько тамъ человѣкъ у воротъ, говорятъ они двое, а можетъ и больше. Да обѣги зорко: не спрятаны ли гдѣ по близости. Вѣстимо что за люди стрѣльцы.

Парфенка — мальчишка лѣтъ двѣнадцати, довольный порученіемъ, мигомъ набросилъ кафтанишко и пустился по задворкамъ, а сторожъ пошелъ будить ближняго человѣка, князя Бориса Алексѣевича.

Не скоро добудились князя Бориса, заснувшаго крѣпкимъ сномъ послѣ вечерняго кутежа; но когда онъ узналъ въ чемъ дѣло, вечерній туманъ мигомъ разсѣялся и беззаботный кутила негаданно, можетъ быть и для самого себя, вдругъ сдѣлался предусмотрительнымъ даровитымъ вожакомъ.

Распросивъ толково въ немногихъ словахъ Мелнова и Ладогина о сборищѣ въ Кремлѣ, о приготовленіяхъ Шакловитаго къ ночному походу въ Преображенское, Борисъ Алексѣичъ быстро сообразилъ и намѣтилъ весь

будущій планъ дѣйствій. Живо онъ еще помнилъ положеніе дѣлъ 1682 года, подобное настоящему, когда они бѣгали изъ Воздвиженскаго къ Троицѣ, когда они такъ ловко избѣжали опасности, благодаря распорядительности Василья Васильевича. Точно также и теперь другаго выхода не было, но только новыя усложненія придавали еще болѣе остроты, еще болѣе не позволяли терять напрасно времени.

Отпустивъ Мелнова и Ладогина съ секретнымъ наказомъ своимъ людямъ не упускать ихъ изъ виду, Борисъ Алексѣевичъ поспѣшилъ къ царскимъ покоямъ. По пути безцеремонно толкнувъ спавшую постельницу старой царицы и приказавъ ей сбираться въ дорогу какъ можно скорѣй, онъ вошелъ въ опочивальную молодыхъ царя и царицы. При свѣтѣ передъ иконной лампадки въ переднемъ углу, Борисъ Алексѣевичъ прямо подошелъ къ двуспальной постели, на которой, откинувши богатырскую руку, съ разнообразнымъ всхрапываніемъ, утомившись неустанной физической работой, спокойно спалъ молодой Петръ, подлѣ хорошенькой царицы Евдокіи.

— Спасайся, государь, стрѣльцы идутъ въ Преображенское, сказалъ кравчій, дотрогиваясь до свѣсившейся руки Петра.

Съ дикимъ, блуждающимъ взглядомъ мгновенно вскочилъ государь. Какъ въ высшей степени нервная натура, онъ при самомъ глубокомъ снѣ сохранялъ удивительную чуткость; разбудить его достаточно бывало не только одного прикосновенія, но даже не очень значительнаго шума подлѣ него. Страшное впечатлѣніе произвело извѣстіе князя Бориса. Съ быстротой электрической искры пробѣжало оно по всему его организму и передернуло. Безсвязно въ головѣ замелькали представленія: стрѣльцы здѣсь... кровь... кровь... рѣзня... всѣхъ, и подъ страшнымъ давленіемъ этихъ неопредѣленныхъ представленій, онъ рванулся къ двери и выбѣжалъ. Съ изумительной быстротой пронеслась его колоссальная фигура въ одной

ночной рубашкѣ по всѣмъ покоямъ, слетѣла съ лѣстницы на дворъ и скрылась въ ближайшей рощѣ.

Оставивъ молоденькую царицу протирать сонныя глазки, а захвативъ только лежавшее подлѣ кровати платье Петра, Борисъ Алексѣевичъ вслѣдъ за Петромъ бросился догонять его, кубаремъ скатился съ лѣстницы и, успѣвъ только крикнуть стоявшему на дворѣ оторопѣлому конюху вывести самую лучшую лошадь, самъ точно также скрылся въ той же рощѣ.

— Пресвятая мати Богородица! Царь-то съ ума рехнулся, бормоталъ про себя конюхъ, выводя изъ конюшни самую добрую лошадь и ведя ее къ рощѣ. Вотъ оказія-то!

На знакомый окликъ князя Бориса въ рощѣ Петръ откликнулся и подбѣжалъ къ нему. Ночной свѣжій воздухъ обвѣялъ голову, и процессъ мышленія сталъ принимать форму. Князь одѣлъ его и разсказалъ все, что самъ узналъ отъ Мелнова и Ладогина.

— Что дѣлать? спросилъ Петръ, сдерживая пронимавшую его дрожь отъ расходившихся нервъ и ночнаго воздуха.

— Опасности еще нѣтъ, государь, но нельзя терять времени. Здѣсь противъ силы удержаться нельзя. Садись на лошадь и поѣзжай къ Троицѣ, а я сейчасъ же за тобой привезу мать и жену и прикажу всѣмъ потѣшнымъ ѣхать туда-жъ. Въ Троицѣ за стѣнами мы безопасны... а тамъ, что Богъ дастъ... подумаемъ.

Поѣзжай осторожно; дорогу, хоть и знаешь, да вѣдь темно, можешь сбиться или спасть съ лошади. Смотри лошадь не горячи, продолжалъ князь, успокоивая Петра и снабжая его наставленіями, конь добрый. При понуканьи въ такую темь пуще утомишь, а дорога дальняя. Ну прощай. Господь да благословитъ тебя, заключилъ онъ, перекрестивъ Петра и на прощаньи поцаловавъ его въ лобъ. Жди насъ въ Троицѣ.

Лошадь, дѣйствительно, оказалась доброю. Она, повидимому, поняла наставленія князя Бориса и понесла

сѣдока почти безъ участія его по дорогѣ къ Троицѣ, то рысью, то вскачь, то въ трудныхъ мѣстахъ и шагомъ, искусно выбирая болѣе удобную дорогу. Минуты шли за минутами, часы за часами. Едва замѣтная полоска на востокѣ становилась все явственнѣе, все ширилась и наконецъ обняла чуть-ли не весь небесный сводъ. Вотъ и снопъ свѣтовыхъ лучей полился оттуда и озарилъ всю окрестность блескомъ и жизнью. Закопошились люди въ сельскихъ поляхъ созрѣвшихъ хлѣбовъ и, сбрасывая ночную дрему, принимались съ серпомъ за тяжелую, страдную работу. И не одна жница выроняла изъ рукъ срѣзанный снопъ, слѣдя съ удивленіемъ за стройнымъ всадникомъ юношей безъ шапки, утерянной видно гдѣ-нибудь на дорогѣ, съ развѣвающимися по вѣтру черными кудрями, съ неопредѣленнымъ и жадно устремленнымъ взглядомъ впередъ.

Наконецъ послѣ пятичасоваго пути на горизонтѣ отчетливо вырѣзались бѣлыя стѣны и башни Троицкаго монастыря. Еще одно послѣднее усиліе и Петръ у монастырскихъ воротъ. Да и пора было: и всадникъ едва держался и конь выбивался изъ послѣднихъ силъ, безпрестанно спотыкался и перепадалъ.

Утренняя служба кончилась; монахи и послушники выходили изъ храма, когда Петръ въѣзжалъ на монастырскій дворъ, проѣхавъ такимъ образомъ верхомъ въ ночное время, въ продолженіи пяти часовъ, около шестидесяти верстъ. Не скоро признали монахи въ этомъ истомленномъ, блѣдномъ и нервно-искаженномъ лицѣ бойкаго молодаго государя. Съ изумленіемъ и какимъ-то испугомъ обступили монахи Петра, взяли подъ узцы его измученную лошадь и подвели ее къ крыльцу кельи настоятеля отца Викентія, котораго предупредить бросились нѣсколько послушниковъ. Петръ какъ-будто не узнавалъ никого, позволилъ снять себя съ лошади и на рукахъ отнести въ келью настоятеля.

Отецъ Викентій, только-что было расположившійся отдохнуть послѣ утренни и съ благодушіемъ напиться

чайку, перетревожился, затормошился и встрѣтилъ Петра уже только на порогѣ своей кельи. Но еще болѣе спутался почтенный отецъ, когда услыхалъ отъ Петра дико вылетавшія съ глухимъ стономъ слова: спаси меня отецъ... меня хотятъ убить... за мной гонятся...

— Успокойся, государь; здѣсь у меня въ обители ты въ безопасности, успокоивалъ о. Викентій, распоряжаясь между тѣмъ отсылкой лишнихъ любопытныхъ, кого съ приказаніемъ запереть монастырскія ворота и всѣ выходы, кого по разнымъ домашнимъ надобностямъ. И только съ немногими оставшимися, на скромность которыхъ могъ положиться, отецъ Викентій сталъ хлопотать около Петра, раздѣлъ его, уложилъ въ постель и предложилъ испить освѣжающаго чайку.

Перемѣна положенія, быстрый переходъ отъ ѣзды къ постели, произвели реакцію въ организмѣ. Нервное напряженіе разразилось страшной истерикой. Петръ зарыдалъ сильно, неудержимо, какъ умѣютъ рыдать въ наше время женщины въ необходимыхъ случаяхъ. Прерывающимся отъ спазматическихъ рыданій голосомъ, онъ разсказалъ отцу Викентію то немногое, что могъ знать, и что успѣлъ передать ему при прощаніи князь Борисъ.

Съ окончаніемъ истерическаго припадка государь почувствовалъ облегченіе и скоро заснулъ глубокимъ сномъ. Отецъ Викентій, осторожно прибравшись, вышелъ изъ комнаты, оставивъ въ сосѣднемъ покоѣ, на всякій случай, надежнаго старца, и пошелъ кругомъ своихъ владѣній лично наблюсти за исполненіемъ своихъ распоряженій: заперты ли ворота, имѣется ли при нихъ стража и замкнуты ли другіе боковые входы. Озабоченный видъ настоятеля отразился на всемъ монастырскомъ строѣ; все засуетилось, объ чемъ-то захлопотало; но все дѣлалось шепотомъ, таинственно, съ многознаменательнымъ кивкомъ на келью отца Викентія.

Не успѣлъ отецъ Викентій обойдти всѣхъ своихъ владѣній, какъ прибѣжалъ къ нему монастырскій при-

вратникъ съ извѣстіемъ, что на дорогѣ изъ Москвы показалось нѣсколько колымагъ.

— А воинства, отецъ Варсонофій, не примѣтилъ при оныхъ колымагахъ? спросилъ настоятель.

— Скачутъ только нѣсколько вершниковъ около колымагъ, святой отче, а больше никого изъ сторожевой башни не видно во всю дорогу.

Должно быть царицы, подумалъ настоятель и приказалъ вслухъ: ты отецъ Варсонофій, прежде, чѣмъ отпирать вороты, окликни, и если пріѣзжіе будутъ царицы Наталья Кирилловна и царица Евдокія, то неупустительно дай мнѣ знать, да скажи, чтобъ изготовлены были царскіе покои.

Отецъ Варсонофій побѣжалъ исполнять, а отецъ Викентій тихо побрелъ къ своему жилью, раздумывая и передумывая разнаго рода комбинаціи.

Вотъ притча-то, думалъ онъ; значитъ у государя съ царевной споръ: либо онъ, либо она, а обоимъ вмѣстѣ не быть. Какъ же намъ тутъ быть? Царевна жена преизрядная, преисполненная книжной премудрости и милостливая то-жь. Отъ нее монастырю тепло, а каковъ-то еще будетъ Петръ — незнаемъ. Знаемъ только, что любитъ выпить да къ заморскимъ порядкамъ и проходимцамъ — забулдыгамъ привязчивъ. Да... нельзя жъ и его отстранять, вѣдь царь законный, вѣнчанный... Какъ тутъ рѣшить?

Да рѣшать отцу Викентію и не пришлось. Черезъ нѣсколько минутъ въѣхали на дворъ колымаги; изъ нихъ вышли царицы Наталья Кирилловна съ дочерью, молодая Евдокія и князь Борисъ Алексѣичъ. Царицы, успокоившись отъ отца Викентія на счетъ Петра, отправились въ царскіе терема, въ сопровожденіи настоятеля, а князь Борисъ тотчасъ же распорядился двумъ вершникамъ смѣнить лошадей и направиться по Московской дорогѣ для развѣдокъ и извѣщенія въ случаѣ появленія преданныхъ царевнѣ стрѣльцовъ, а остальнымъ вершникамъ стать у воротъ на стражѣ. Такимъ образомъ власть надъ монастыремъ фактически перешла отъ отца Викентія къ

князю Голицыну, вступившему въ ту же роль, какую исполнялъ братъ его, Василій Васильевичъ семь лѣтъ тому назадъ.

Томительно провело царское семейство первые часы своего пребыванія въ Троицѣ, все ожидая погони, все вздрагивая и замирая при каждомъ внѣшнемъ звукѣ; но вмѣсто погони вскорѣ прибылъ отрядъ налетовъ, подъ предводительствомъ преданнаго Нарышкинской сторонѣ пятисотеннаго Бурмистрова, затѣмъ Преображенцы, Семеновцы, Сухаревскій стрѣлецкій полкъ, а за ними передъ вечеромъ стали наѣзжать ближніе Натальи Кирилловны бояре и придворные. А наконецъ послѣ нихъ уже передъ сумерками прибылъ капралъ потѣшныхъ Лука Хабаровъ, пробравшійся проселочными дорогами изъ Преображенскаго съ пушками, мортирами и боевыми снарядами [1]).

И вотъ съ Петромъ совершился переворотъ, какъ съ сказочнымъ принцемъ. Уснулъ онъ бѣднымъ бѣглецомъ, проснулся сильнымъ монархомъ полночнаго царства, въ средѣ придворныхъ, подъ охраной воинской.

---

[1]) Почти всѣ наши и иностранные историки Сегюръ, Штелинъ, Галемъ и другіе краснорѣчиво разсказываютъ очень эффектное происшествіе, случившееся съ Натальей Кирилловной въ Троицкомъ монастырѣ. Они говорятъ, что будто, когда царь съ матерью укрывались въ алтарѣ одной изъ церквей Троицкаго монастыря, туда ворвалась толпа стрѣльцовъ, рѣшившихся убить ихъ; но что будто бы при самомъ исполненіи злодѣи остановились, пораженные царственнымъ величіемъ государя.

Подобнаго случая не бывало. Происхожденіе его объясняется увлеченіемъ народной фантазіи, какъ вообще въ представленіяхъ богатырскихъ типовъ. Во время перваго стрѣлецкаго бунта Петръ и Наталья Кирилловна находились въ Москвѣ, во время втораго бунта, т. е. послѣ казни князей Хованскихъ, Петръ съ Натальей Кирилловной находились въ Лаврѣ вмѣстѣ съ Софьей Алексѣевной и стрѣльцы приходили туда съ повинной, наконецъ въ смутѣ 1689 г. стрѣльцы тоже не могли быть въ монастырѣ, такъ какъ объ отъѣздѣ Петра правительница узнала только спустя нѣсколько часовъ, а слѣдовательно стрѣльцы никакъ не могли опередить потѣшныхъ и налетовъ.

Весело проснулся молодой царь, освѣженный цѣлительнымъ сномъ, и радостно поздравилъ его князь Борисъ Алексѣевичъ. Правда, опасность еще не миновалась: въ Москвѣ господствовала царевна, управлявшая значительно превышавшимъ численностью отрядомъ стрѣльцовъ и солдатскихъ полковъ; но тѣмъ не менѣе, хотя не съ многочисленнымъ, но съ твердымъ и хорошо обученнымъ войскомъ и притомъ же въ стѣнахъ, способныхъ выдержать даже продолжительную осаду, Петръ могъ смѣло и рѣшительно выставить свое право, признаваемое всѣмъ земствомъ Московскаго государства.

Рѣшеніе не могло быть сомнительно, и вопросъ сводился лишь къ тому: какимъ путемъ подойти къ этому рѣшенію, какими воспользоваться средствами? И въ этомъ отношеніи во всемъ блескѣ выказались находчивость и талантливость пестуна и кравчаго Петра. Искусно и ловко распросивъ во всей подробности явившихся въ Лавру стрѣльцовъ: Ларіона Елизарьева, сотеннаго Михаила Ѳеоктистова, пятидесятника Ульфова, десятниковъ Турка, Капранова и Троицкаго и наконецъ полковника Цыклера обо всѣхъ приготовленіяхъ и намѣреніяхъ Софьи и о состояніи умовъ стрѣльцовъ, онъ вѣрно оцѣнилъ положеніе дѣлъ и повелъ переговоры въ сознаніи своей силы—твердо, но безъ задора.

ГЛАВА IX.

Государь со всей семьей и потѣшными убѣжалъ ночью изъ Преображенскаго, но куда? зачѣмъ? отъ кого? отъ стрѣльцовъ? его хотѣли убить? задавали другъ другу вопросы шепотомъ и съ оглядкою Москвичи утромъ 8 августа. Видно новая смута! Чѣмъ все что кончится? спрашивалъ каждый и невольно осуждалъ правительницу. А что въ это время передумала и перечувствовала сама правительница?

Извѣстіе деньщиковъ Шакловитаго объ отъѣздѣ Петра

поразило ее. Она мгновенно поняла, что этотъ отъѣздъ ставитъ вопросъ о власти на открытую очередь къ рѣшенію и исключаетъ возможность всякихъ случайностей... а въ открытой борьбѣ сторона женщины почти всегда оказывается слабой.

Утомленная безсонной ночью, правительница думала, воротившись изъ Казанскаго похода, освѣжить свои силы сномъ; но возбужденные нервы не давали отдыха: съ усиліемъ закрытые глаза открывались, руки метались безпокойно, въ головѣ толпились и скрещивались тосячи представленій безсвязныхъ, смутныхъ, противурѣчивыхъ. Кровь била въ виски, широкой волной заливала сердце и ярко окрашивала лобъ, глаза, щеки и шею. Порывисто сбросилась она съ постели и быстро заходила по комнатѣ.

— Мавра! крикнула она постельницу, замѣнившую Радимицу Өедору Семеновну, ужъ давно вышедшую замужъ за кормоваго иноземца Озерова и недавно уѣхавшую съ мужемъ въ новопожалованныя помѣстья, — Мавра! позови ко мнѣ деньщика Турку!

Явился Турка. Царевна приказала ему снова разсказать все подробно о выѣздѣ брата, но узнать положительно и отчетливо и теперь все-таки не могла. Несвязно и глухо тотъ передалъ только свои наблюденія съ ночнаго поста: какъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего зажглись огни въ Преображенскомъ дворцѣ, какъ закопошились тамъ люди, забѣгали къ потѣшнымъ, какъ запрягали лошадей, укладывались и выѣзжали.

— А куда выѣхали, заключилъ немногосложный разсказъ Турка, не у кого и нѣкогда было допытываться, торопились сюда съ вѣстями, да лошадь сшибла въ дорогѣ... запоздали.

— Васъ на посту былъ не одинъ человѣкъ: одинъ могъ оставаться и слѣдить куда ѣдутъ, а другой ѣхать сюда.

— Недомекнулись, царевна; въ разныхъ мѣстахъ были, не сговорились.

— А въ которомъ часу уѣхали?

— Часовъ-то мы незнаемъ, царевна. Днемъ — по солнышку, а ночью, особливо въ дорогѣ, кто разберетъ. Скоро разсвѣтать стало.

— Ступай и сейчасъ разузнай, куда уѣхали изъ Преображенскаго.

— Предатели... бросила вслѣдъ уходившему царевна. Я ли не ласкала ихъ, не награждала, не одаряла, а чѣмъ платятъ они мнѣ? измѣной... предательствомъ...И на такихъ-то людей расчитывалъ Ѳедоръ...вздумалъ царствовать... прямой худородный... невольно, съ горькой ироніей и презрительно вырвалось у царевны.

Точно будто въ отвѣтъ на зовъ въ дверяхъ показалась красивая фигура Ѳедора Леонтьича.

— Ступай, Ѳедоръ, если нужно будетъ позову тебя, досадливо проговорила она, нетерпѣливо махнувъ рукой. Ѳедоръ Леонтьичъ исчезъ.

Молодая женщина переживала переворотъ. Вся занятая, всей своей плотью и кровью важностью совершающихся событій, она круто высвобождалась изъ подъ обаянія чувственности, и какъ мелокъ, какъ ничтоженъ показался ей тогда вчерашній любимецъ, ничего не давшій ей, кромѣ страстныхъ ласкъ.

— Мавра! позови ко мнѣ, какъ только явится Турка.

— Воротился онъ, государыня, и ждетъ твоего приказа.

— Узналъ? спросила она, оборачиваясь къ входившему стрѣльцу.

— Узналъ, государыня. Царь Петръ Алексѣевичъ уѣхалъ изъ Преображенскаго верхомъ въ полночь къ Троицѣ, вслѣдъ за нимъ отправились туда обѣ царицы и князь Борисъ Алексѣичъ съ потѣшными и налетами, а на разсвѣтѣ выѣхалъ туда-жъ и весь боевой снарядъ.

— Какъ? и огненный бой перевезли?

— Перевезли...

— И я объ этомъ узнаю только теперь, когда нѣтъ

возможности... нѣтъ средствъ. Ступай вонъ! крикнула она стрѣльцу.

Къ Троицѣ... конечно туда... сама же показала дорогу... сама научила... Семь лѣтъ князь Василій...

— Мавра! позвала она снова постельницу — пошли за Василіемъ Васильевичемъ

И теперь въ новую критическую пору своей жизни молодая женщина снова обратилась къ забытому старому другу, къ тому, кто первый научилъ ее правиламъ политической мудрости. Съ нетерпѣніемъ она ждала его.

Въ дверяхъ появился князь Василій. Съ лихорадочнымъ волненіемъ бросилась къ нему на встрѣчу молодая женщина и—остановилась.

— Князь Василій, прошептала она, я ждала...

— Поздо, государыня, отвѣчалъ онъ тихимъ, но не прежнимъ ровнымъ, а надорваннымъ голосомъ.

Глаза ихъ встрѣтились, и многое прочитали они другъ у друга, многое, что не высказывается словами. Страшно измѣнился князь Василій съ возвращенія изъ Крымскаго похода, сталъ почти неузнаваемъ. Загорѣлый, но все-еще мягкій и пріятный цвѣтъ лица принялъ желчно-буроватую черствую тѣнь, черты сдѣлались рѣзскими, носъ заострился и выдался, глубокія складки избороздили лобъ и очертили ротъ, сжатый въ холодную усмѣшку, а изъ полуопущенныхъ вѣкъ вырывались не прежніе бархатные ласкающіе лучи, а какой-то пристальный, тревожный и все-подозрѣвающій взглядъ. Этотъ-то стальной взглядъ и остудилъ порывъ молодой женщины, бросившейся было къ нему, правда подъ вліяніемъ чувства самохраненія, но не прежняго сердечняго увлеченія, котораго не было да и не могло быть. Человѣкъ не отрыгаетъ, не пережевываетъ дважды одного и того же чувства.

— Я позвала тебя, князь, для совѣта... и какъ ми... постояннаго, вѣрнаго слугу... начала снова Софья Алексѣевна, овладѣвъ собой.

— Государыня, Голицыны всегда были вѣрными слугами... никогда не измѣняли.

— Ты знаешь, продолжала царевна, какъ будто не замѣчая ѣдкаго упрека, все, что случилось... изъ Преображенскаго бѣжали въ эту ночь... Что теперь дѣлать? Да садись сюда, князь, къ столу... подумаемъ, какъ бывало прежде...

И опять они сидѣли также близко, какъ въ былое время. Таже женщина, съ такимъ же довѣріемъ обращалась къ нему, и недавнее тяжело пережитое стало уходить изъ памяти князя. Теплое, ласкающее что-то облило его, и въ голосѣ его отвѣта зазвучала прежняя сердечная мягкость.

— Ты напомнила, царевна, о прежнемъ, и я начну говорить съ прежняго, говорить правду, какую ты давно не слыхала, да можетъ и не услышишь больше никогда. Только о себѣ ничего не скажу...

Послѣ покойнаго братца твоего, Ѳедора Алексѣевича, ты помнишь какое осталось во всемъ нестроенье, а изъ всего царскаго семейства, кромѣ тебя, никого небыло, кто бы могъ управлять всѣмъ царствомъ. Ты по разуму своему и по образованію могла заправлять всѣми дѣлами, и ты стала царствовать — какимъ путемъ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ—лишь бы царство не теряло да народу легче стало. Многое ты сдѣлала, но еще больше не могла успѣть — подготовки не было прочной, надо было начинать. Но твое царствованіе было временное, царевна, только до возраста царя. Такъ всѣ думали, такъ думала и ты сама. Во время отлучекъ моихъ въ Крымъ, ты измѣнилась... Тебѣ стали нашептывать преступныя мысли. Люди недостойные изъ желанія угодить, а можетъ и изъ своей корысти, потворствовали твоей слабости, но повѣрь, царевна, людей этихъ немного, и они только зачернятъ тебя, а пользы не съумѣютъ сдѣлать. Эти люди поставили тебя въ рознь съ братомъ, въ такую рознь, что нѣтъ вамъ общей дороги... А такъ какъ ты не въ силахъ брату переступить дорогу, то лучше, по моему

мнѣнію, царевна, тебѣ самой отказаться... Поѣзжай куда нибудь, хоть въ Польшу напримѣръ, я за тобой поѣду... и можешь ты быть тамъ спокойной и счастливой...

Софья Алексѣевна задумалась, но не на долго... Она слишкомъ втянулась въ самовластную сферу, въ ту сферу, откуда почти нѣтъ добровольнаго выхода.

— Бѣжать! отъ кого? Отъ пьянаго конюха? Отъ женщины, мучившей меня съ дѣтства? И ты совѣтуешь мнѣ... оставить царство и мой народъ, для котораго я столько сдѣлала и сдѣлаю, на руки всякому сброду... никогда! Лучше борьба на жизнь и на смерть...

— Повѣрь, государыня, и борьбы не будетъ, продолжалъ князь упавшимъ голосомъ.—У тебя нѣтъ силы. Тебя принудятъ сдѣлать то, что теперь ты бы сдѣлала добровольно и въ чемъ были бы тебѣ благодарны.

— Ошибаешься, князь, я не одинока и принудить меня не легко... Ну, а другаго средства, по твоему, вовсе нѣтъ?

— Есть... Только это все одно, что броситься въ пропасть... Если вѣришь въ свою силу, то собери рать и поди открыто на осаду къ Троицѣ. Только въ этомъ я тебѣ не слуга, да и мало ихъ будетъ, кромѣ пьяныхъ... И ихъ и себя погубишь...

— Лучше гибнуть, чѣмъ бѣжать... а можетъ еще и уладится... подумаю... Если бы у меня были только твердыя руки, на которыя могла бы положиться... а то одна... и всегда буду одна... Неужели ты, князь, думаешь, что отстраняясь отъ меня, ты спасешься, что тебя пощадятъ?

— Не знаю, что со мной будетъ, государыня, да для меня теперь все равно...

Разговоръ оборвался.

— Прощай, Василій, увидимся ли мы?.. Спасибо за прежнее... и Софья протянула ему руку.

Горячо поцаловалъ протянутую руку Василій Васильевичъ. Сердце говорило ему, что это было послѣднее цѣлованіе.

Сколько ни думала правительница, но ни къ какому выводу не подошла. На другой день утромъ (9 августа) прискакалъ гонецъ изъ подъ Троицы отъ царя Петра и, какъ есть запыленный съ дороги, приведенъ былъ прямо въ покои правительницы.

— Здоровъ-ли братъ мой? спросила царевна съ тѣмъ самообладаніемъ, съ тѣмъ видомъ наружнаго спокойствія, которыя она такъ умѣла брать на себя при пріемахъ въ минуты самаго тревожнаго волненія.

— Царь и государь батюшка, Петръ Алексѣевичъ, Божіею милостью живъ и здоровъ и приказывалъ мнѣ, рабу своему, спросить у братца своего царя и государя, Ивана Алексѣевича, и у тебя, государыня: для какой надобности собрано было такое множество ратныхъ людей въ Кремлѣ, въ ночи третьяго дня? говорилъ гонецъ, отвѣшивая обычный земной поклонъ.

— Въ разъѣздахъ своихъ да превеликихъ трудахъ и заботахъ царь, видно, забылъ, что я по обычаю ночью хаживаю помолиться святымъ угодникамъ. Днемъ бываетъ недосужно. Такъ вотъ и третьяго дня я собиралась на богомолье въ Донской монастырь, а ратные люди снарядились сопровождать меня ради опаски. Недавно итакъ при моихъ глазахъ человѣка зарѣзали на Дѣвичьемъ. Людей было снаряжено не много... вѣрно братцу вѣсти перенеслись невѣрныя. Отъ кого такія вѣсти?

— Не вѣдаю, государыня, и твой наказъ передамъ въ точности. Теперь увидать бы мнѣ позволь государя Ивана Алексѣевича.

— Увидѣть нельзя, отвѣчала царевна, голова у него болитъ,—допускать къ себѣ никого не велѣлъ.

— А отчего братецъ съ такой великой поспѣшностью вдругъ собрался къ Троицѣ? продолжала царевна послѣ небольшаго молчанія; его внезапный отъѣздъ привелъ въ смущеніе все государство и Москву...

— Не вѣдаю, государыня, ничего не вѣдаю. Государь ничего наказывать не изволилъ.

Видя, что отъ гонца ничего добиться нельзя, правительница поспѣшила его отпустить.

У Петра люди есть... они рѣшились дѣйствовать и пробуютъ силу, думала она по уходѣ гонца, а я... надобно же на что-нибудь рѣшиться... Не идти-ль на Троицу? У Петра только потѣшные конюхи, а у меня восемнадцать стрѣлецкихъ полковъ. Да и въ самомъ монастырѣ развѣ не найду пособниковъ? Неужто отецъ Викентій забылъ мои благодѣянія! Посмотримъ еще...

Но это были только мечты, разлетѣвшіяся отъ суровой дѣйствительности. Въ сосѣдней комнатѣ послышались торопливые шаги, и къ ней, безъ доклада, почти вбѣжалъ Ѳедоръ Леонтьевичъ. На блѣдномъ, встревоженномъ лицѣ его ясно можно было читать испугъ и отчаяніе.

— Спаси, государыня, спаси... о твоей пользѣ радѣлъ я...

— Что съ тобой, Ѳедоръ Леонтьичъ, чего испугался?

— Бѣда надъ моей головой, государыня; деньщики мои, на вѣрность которыхъ я надѣялся, которымъ вѣрилъ, передъ которыми не скрывался, убѣжали къ Троицѣ... къ царю Петру...

Какъ ни была испугана сама правительница такимъ серьезнымъ извѣстіемъ, но не могла удержаться отъ презрительной улыбки и ѣдкаго слова.

— Хорошъ ты воинъ, Ѳедоръ Леонтьичъ, коли своихъ деньщиковъ растерялъ до брани. Ступай и успокойся. Царевна Софья не выдаетъ своихъ слугъ.

Извѣстіе дѣйствительно могло заставить растеряться и не такую голову, какая была у Ѳедора Леонтьича. Побѣгъ Елизарьева, Капранова, Троицкаго и Турки съ одной стороны выказывалъ, какъ шатка была преданность стрѣльцовъ, какъ мало можно было полагаться на нихъ въ открытой борьбѣ, а съ другой стороны доставлялъ противной сторонѣ всѣ свѣдѣнія, всѣ подробности плановъ и дѣйствій Шакловитаго и царевны.

Не успѣла опомниться Софья Алексѣевна отъ этого удара, какъ доложили ей о прибытіи новаго гонца изъ

подъ Троицы. Съ этимъ гонцемъ Петръ уже требовалъ присылки къ себѣ полковника Стремяннаго полка Ивана Цыклера съ пятидесятью стрѣльцами.

Не мало удивило это требованіе царевну Софью. Она помнила услуги Цыклера въ дѣлѣ 1682 г. и считала его за одного изъ самыхъ преданныхъ себѣ людей. Погубить хочетъ его, подумала она, и первымъ движеніемъ ея было не выдавать полковника; но не значило ли это подтвердить всѣ доносы на нея? И она рѣшилась лучше спросить самого Цыклера.

— Братъ Петръ требуетъ тебя къ себѣ съ пятидесятью стрѣльцами, обратилась она къ вошедшему Цыклеру, какъ думаешь?

— Воля твоя, государыня, а я готовъ, отвѣчалъ онъ спокойно.

— Я всегда цѣнила твою вѣрную службу, Иванъ Данилычъ. Сообрази: братецъ Петръ Алексѣичъ можетъ быть не доволенъ тобой, можетъ... повѣрить клеветникамъ на тебя. Насказали ему, вѣдь, и на меня.

— Я открою, государыня, царю всю напраслину. Доложу ему, какъ злые люди мутятъ.

Цыклеръ былъ отпущенъ. Правительница и не подозрѣвала предательства Цыклера, не знала, что дня за два онъ наказывалъ одному изъ перебѣжчиковъ-стрѣльцовъ просить царя о вытребованіи его къ себѣ, заявляя готовность раскрыть всю истину о замыслахъ царевны и Шакловитаго.

Сильно скребло на душѣ его неудавшееся боярство.

ГЛАВА X.

Прошло нѣсколько дней. Не сила Петра, не потѣшные его и какой-нибудь Сухаревскій полкъ пугали правительницу, а собственное безсиліе, не имѣніе способнаго, энергическаго руководителя, нерѣдко обнаруживающаяся нежизненность ея власти не только въ народѣ, но даже

въ средѣ самой преданной ей, въ средѣ стрѣльцовъ. При такомъ, положеніи открытая борьба становилась слишкомъ рискованной. Она видѣла это и рѣшилась на примиреніе.

Для меня время дорого, думала она; мое правленіе еще не успѣло укорениться. Чѣмъ долѣе оно продержится, тѣмъ болѣе увидятъ куда я иду, чего хочу, сколько я желаю добра народу и сколько я могу его сдѣлать. Оцѣнятъ... и моя власть будетъ прочна. Пусть братецъ съ потѣшными пьянствуетъ и забавляется; они сами мнѣ очистятъ дорогу. Да... сближеніе необходимо, и я должна его добиться. Но какъ? Какъ утишить озлобленіе, какъ оправдаться? Впрочемъ... гдѣ-жь противъ меня улики? Наговоры бѣглыхъ, да можетъ еще изъ подъ пытки— развѣ доказательства? Да и они что могутъ сказать? Развѣ то, что я береглась отъ озорства потѣшныхъ... хотѣла защищаться... Еслибъ я хотѣла погибели Нарышкиныхъ, развѣ я стала бы ждать столько лѣтъ? Еслибъ я только увидалась... я уговорила бы воротиться сюда... Послать... но кого?

И въ умѣ правительницы перебирались бояре, но подходящаго долго не отыскивалось: то или склоненъ къ партіи Нарышкиныхъ, то слишкомъ простъ или нерѣчистъ, не выскажетъ всего какъ слѣдуетъ. Наконецъ выборъ ея остановился на бояринѣ князѣ Иванѣ Борисовичѣ Троекуровѣ.

Призвавъ его къ себѣ на Верхъ, она съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ жаловалась на поступки брата, съ ея стороны ничѣмъ невызванные, яркими красками описывала бѣдствія, къ которымъ ведетъ такая рознь, изъявляла полную готовность къ примиренію, и наконецъ поручила ему уговорить брата воротиться.

— А услуги твоей, бояринъ, я вѣкъ не забуду, заключила она, отпуская его.

Рѣшившись достинуть всѣми средствами примиренія, правительница въ тоже время принимала дѣятельныя мѣры къ охраненію себя. Безпрерывныя перешатыванія

стрѣльцовъ изъ Москвы къ Троицѣ развивали между ними настроеніе, совершенно противуположное ея видамъ, служа живымъ проводникомъ интересовъ царя Петра. Для пресѣченія свободнаго сообщенія правительница распорядилась поставить сильныя заставы по Троицкой дорогѣ, усилить городскіе караулы и приказала въ случаѣ появленія какихъ писемъ изъ похода, т. е. изъ подъ Троицы, въ полкахъ, письма тѣ, не распечатывая, доставлять къ ней на Верхъ. Но не смотря на принятыя мѣры, пересылки случались не рѣдко.

14 августа отъ Петра княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ присланы были грамоты во всѣ стрѣлецкіе полки и въ оба солдатскіе, Гордона и Захарова, съ наказомъ явиться въ Троицкій монастырь полковникамъ, урядникамъ и по десяти стрѣльцовъ отъ каждаго полка къ 18 августа «для великаго государственнаго дѣла.» Посланные съ этими грамотами были схвачены на заставахъ и представлены къ Софьѣ Алексѣевнѣ, но однако нѣкоторые изъ нихъ успѣли пробраться тайкомъ и передать грамоты въ съѣзжія избы. По этому поводу правительница призвала къ себѣ полковниковъ съ выборными и строго запретила имъ вмѣшиваться въ ссору ея съ братомъ и къ Троицѣ не ходить. Запрещеніе это ставило въ затруднительное положеніе полковниковъ, заставляло ихъ оказать явное непослушаніе царской волѣ.

— Отчего бы намъ не идти, говорили они между собой, развѣ черезъ это будетъ какая государству поруха?

Эти слова были тотчасъ переданы правительницѣ, и она снова вышла къ нимъ, но ужъ съ грознымъ словомъ:

— Если кто соберется идти къ Троицѣ, тому велю отрубить голову.

Полковники остались, какъ остался и солдатскій Бутырскій полкъ генерала Гордона.

Прошло еще два дня томительнаго ожиданія. Изъ Троицы неслышно никакихъ вѣстей, даже поѣхавшій туда бояринъ Иванъ Борисовичъ словно умеръ. Истомившись отъ нетерпѣнія, Софья Алексѣевна уговорила

брата Ивана Алексѣевича послать къ Троицѣ своего дядьку, всѣми уважаемаго, стараго боярина, князя Петра Ивановича Прозоровскаго съ тою же цѣлью склонить Петра воротиться въ Москву. Прозоровскаго провожалъ духовникъ Петра-протоіерей Меркурій. Но и эта попытка не удалась: на другой же день Прозоровскій воротился въ Москву ни съ чѣмъ.

Тогда правительница вспомнила о старинномъ и забытомъ ею печальникѣ и миротворцѣ всѣхъ княжескихъ смутъ и раздоровъ—патріархѣ Іоакимѣ. И она обратилась къ нему. Краснорѣчиво, и съ блестѣвшими на полуопущенныхъ рѣсницахъ слезами, жаловалась она ему, какъ злые люди встали между нею и братомъ, наговорили ему Богъ знаетъ что на нее, невиновной ни въ чемъ, и нѣтъ человѣка, который бы позаботился о примиреніи ихъ и объ устроеніи царства. Старикъ размягчился и, несмотря на хворь свою, собрался и поѣхалъ къ Троицѣ. Уѣхалъ онъ утромъ 18 августа и, по уговору съ Софьей, надобно было ждать его возвращенія либо на другой, либо на третій день. Прошли другой, третій и четвертый дни, а патріарха нѣтъ. Значитъ онъ такъ тамъ и остался. И этотъ обманулъ меня, думала она, и жаловалась стрѣльцамъ:

— Послала я патріарха для примиренія съ братомъ, а и онъ обманулъ, уѣхалъ въ походъ, живетъ тамъ и къ Москвѣ не ѣдитъ.

А между тѣмъ съ каждымъ днемъ все назойливѣе и назойливѣе возникалъ вопросъ: что дѣлать? Нельзя же вѣчно оставаться въ такомъ положеніи... Гдѣ и въ комъ искать? Къ Шакловитому и обращаться не стоитъ, она узнала его пустоту. Василій Васильевичъ отстраняется и хоть по призыву ея бываетъ на Верху, но видимо опустившійся, безъ воли и энергіи. Пыталась было она, по совѣту его, переманить стрѣльцовъ Сухаревскаго полка изъ Троицы въ Москву, расчитывая, что если перебѣгутъ они, то перебѣгутъ за ними и другіе, а тогда и царь Петръ долженъ будетъ воротиться по не-

волѣ и съ ней помириться. Подсылалъ Шакловитый къ женамъ Сухаревцевъ, оставшимся въ Москвѣ, съ наказомъ уговаривать своихъ мужей воротиться.—Иначе, говорили подосланные, и ваши мужья погибнуть въ неравномъ бою, такъ какъ у Петра только одинъ полкъ, а у царевны девятнадцать, погибнете и вы, и все ваше имущество разграбится. Сухаревскія стрѣльчихи испугались, посылали гонцовъ за гонцами къ мужьямъ, но тѣ плотно засѣли въ Троицѣ и не двигались.

Прибѣгали и къ чародѣйству. Преданные Софьи Стрижевъ, Гладкій и Чермный живмя жили въ кельи у Медвѣдева все съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: что дѣлать и что будетъ?

— Не бойтесь, обыкновенно ободрялъ ихъ отецъ Сильвестръ, какъ будто и будетъ брать верхъ сторона Петра, но не надолго, много, много дней на десять, а тамъ опять укрѣпится рука государыни-царевны. Надобно перетерпѣть...

Но пророчество, видимо, не сбывалось, и рука правительницы не только не укрѣплялась, а напротивъ слабѣла съ каждымъ днемъ. Такъ вторичныя грамоты, присланныя княземъ Борисомъ, отъ имени Петра, изъ Троицкаго монастыря въ Москву въ стрѣлецкія слободы, въ гостиныя сотни, дворцовыя слободы и черныя сотни, съ приказаніемъ полковникамъ и урядникамъ съ десятью стрѣльцами отъ каждаго полка, старостамъ и выборнымъ съ десятью теглецами отъ каждой слободы и сотни, явиться безъ мотчанія и оплошки къ Троицѣ, подъ угрозой смертной казни за ослушаніе, не были уже задержаны на заставахъ, а доставлены безпрепятственно по назначенію.

Грамоты произвели ожидаемое дѣйствіе. Полковники Нормацкій, Спиридоновъ, Дуровъ, Сергѣевъ и Нечаевъ съ пятью стами урядниковъ, и множествомъ стрѣльцовъ, тотчасъ же собрались и безъ разрѣшенія отправились къ Петру. Но еще болѣе чувствительнымъ для правительницы ударомъ была перебѣжка 29 августа къ Тро-

цѣ двухъ братьевъ Сапоговыхъ, стрѣлецкихъ капитановъ Ефимьева и Рязанова полковъ. Какъ самые преданные и дѣятельные люди Софьиной стороны, участвовавшіе во всѣхъ ея замыслахъ, нѣкогда ѣздившіе съ подъячимъ Шонинымъ по улицамъ Московскимъ, подъ видомъ Льва Нарышкина, увѣчить стрѣльцовъ, они могли быть самыми опасными свидѣтелями.

Видя, какъ близкіе къ ней люди бѣжали отъ нея, кто съ доносомъ въ Троицу, кто спасаясь въ окрестныя села и деревни, царевна быстро рѣшилась на послѣднее средство: ѣхать самой къ брату и помириться. Много труда стоило ей это рѣшеніе, нужно было большое усиліе воли сломить свою гордость, но она по крайней мѣрѣ убаюкивала себя несомнѣннымъ и все вознаграждавшимъ успѣхомъ. Съ полной увѣренностью собралась царевна и 29 августа выѣхала изъ Москвы въ походъ, почти безъ всякой свиты. Какъ мала была партія ея въ это время, можно видѣть изъ того, что въ числѣ провожавшихъ ее современный лѣтописецъ называетъ только князей: Василія и Андрея Голицыныхъ, Шакловитаго, Неплюева, Змѣева и Нарбекова. Эти лица проводили уѣзжавшую до загороднаго дома Шеина, гдѣ она отпустила ихъ, милостиво пожаловавъ имъ на прощаньи свою руку.

Доѣхавъ до села Воздвиженскаго (въ 10 верстахъ отъ Троицы), столько памятнаго ей по катастрофѣ съ князьями Хованскими, она приказала остановиться отдохнуть и приготовиться къ переѣзду въ монастырь. Не успѣли расположиться какъ слѣдуетъ на отдыхъ, какъ доложили о пріѣздѣ гонца отъ царя Петра, комнатнаго стольника Ивана Ивановича Бутурлина.

Царевна поторопилась допустить его къ себѣ.

— Государь царь, батюшка Петръ Алексѣевичъ наказывалъ мнѣ доложить тебѣ, царевна, чтобы ты въ монастырь не ходила.

— Братецъ приказывать мнѣ не можетъ, вся вспых-

нувъ, отвѣчала царевна и приказала челяди послѣ трапезы готовиться къ отъѣзду.

Отдохнувъ и перекусивъ, царевна стала собираться снова продолжать походъ, когда доложили о новомъ гонцѣ изъ Троицы, ужъ о бояринѣ и князѣ Иванѣ Борисовичѣ. Раздражительно прозвучало это имя въ ушахъ Софьи Алексѣевны. Не она ли такъ довѣрчиво посылала его отъ себя къ брату, и не онъ ли, не только не далъ отъ себя никакой отповѣди, но даже и самъ остался тамъ у ея врага.

Бояринъ вошелъ и отдалъ обычный поклонъ, но подозрительно смотрѣвшей на него Софьѣ почудилось во всемъ обликѣ боярина какое-то дерзкое выраженіе: будто въ самомъ встряхиваніи волосъ, послѣ поклона, скрывалась наглость.

— Здравствуй братцевъ посолъ, князь Иванъ Борисовичъ, обратилась она къ нему съ насмѣшкой, что передать ты хочешь теперь отъ братца?

— Государь Петръ Алексѣевичъ указалъ мнѣ не пускать тебя, царевна, въ монастырь, рѣзко отчеканилъ бояринъ.

— Не-пускать? Меня? Твою государыню? Не посмотрю я ни на тебя, ни на братца...

— Государь приказалъ мнѣ предупредить тебя, что если ты, царевна, съ упорствомъ придешь въ монастырь, то съ тобою поступлено будетъ не честно.

— Ступай вонъ, холопъ! вскрикнула правительница, ужъ не сдерживаясь больше отъ душившаго гнѣва.

Кровь ключемъ била и стучала въ вискахъ, все тѣло нервно дрожало, сердце замирало отъ такого неслыханнаго дерзкаго оскорбленія гордости, свыкшейся съ самовластіемъ. О никогда, никогда не забудетъ она этого перваго тяжкаго удара... И во всю обратную дорогу въ Москву она ужъ не думала о примиреніи. Голова ея работала усиленно, тысячи плановъ создавались, уничтожались другими и снова возникали; но въ концѣ концевъ все-таки не выработалось, да и не могло выработаться

отъ самой страстности увлеченія, никакого холодно обдуманнаго содержанія.

Ночью на 1-е сентября уже воротилась она въ Кремль, не ощущая отъ нервнаго возбужденія никакой усталости отъ дальняго похода. При выходѣ изъ экипажа, она тутъ же отдала приказъ вѣрному своему истопнику Евдокимову собрать къ себѣ на Верхъ всѣхъ стрѣльцовъ, стоявшихъ на караулѣ въ Кремлѣ, и позвать преданныхъ Обросима Петрова съ товарищами. Какъ скоро собрались они, она вышла къ нимъ вся встревоженная и раздраженная.

— Въ Воздвиженскомъ чуть не застрѣлили меня, обратилась она къ нимъ съ нервной порывистостью, наскакали на меня люди съ самопалами и луками и насилу я скрылась отъ нихъ и прибѣжала къ Москвѣ въ пять часовъ. Нарышкины съ Лопухинскими затѣяли извести царя Ивана Алексѣевича и меня вмѣстѣ съ нимъ. Сама я соберу полки и буду говорить съ ними... А вы къ Троицѣ не уходите, а мнѣ послужите... Я вамъ довѣряю, да и какъ же мнѣ не вѣрить вамъ, моимъ старымъ слугамъ... А пожалуй и вы побѣжите? Лучше поклянитесь мнѣ и поцалуйте крестъ.

Верховая сѣнная дѣвушка принесла крестъ, а царевна, взявъ его, сама стала приводить къ присягѣ стрѣльцовъ.

— Если же не исполните клятвы и побѣжите, продолжала она, то животворящій крестъ на васъ взыщетъ. Прелестныя жъ письма, какія будутъ изъ подъ Троицы, приносите ко мнѣ, не читая.

Отобравъ клятву отъ стрѣльцовъ, правительница воротилась къ себѣ на Верхъ, немного успокоилась и легла. Не долго продолжался, однако, этотъ отдыхъ. Часа черезъ два или три ея легкую дрему прервалъ необычный гулъ на площади. Сотни голосовъ кричали, перебивая и покрывая другъ друга, сливаясь въ одной трескучей волнѣ. По временамъ изъ этого неопредѣленнаго, глухаго гула вдругъ выдѣлялся отдѣльный звукъ топота лошади или лязгъ оружія.

— Что это? Кто? Потѣшные? Снова встревожилась Софья Алексѣевна. Ѳедоръ! Марѳа! бѣгите, узнайте, что тамъ...

Постельница бросилась внизъ и вскорѣ воротилась, въ сопровожденіи дьяка стрѣлецкаго приказа Кириллы Алексѣева. Дьякъ держалъ бумагу.

— Полковникъ Нечаевъ съ стрѣльцами прибыли изъ Троицы, докладывалъ дьякъ, и отдалъ мнѣ царскую грамоту на Красномъ крыльцѣ подъ шатромъ.

— Пріѣхалъ? и полковникъ Айгустовъ пропустилъ его на большой заставѣ?

— Не знаю, государыня; видно объѣхали проселкомъ. Вотъ и царская грамота.

Царевна почти вырвала изъ рукъ дьяка грамоту. Много пережила она въ эти дни, посмѣнно переходя изъ одного скорбнаго ощущенія къ другому.

Исказилось лицо ея при взглядѣ на грамоту, помертвѣвшія губы беззвучно шевелились, какъ будто складывая слова, широко раскрытые глаза упорно впивались въ бумагу, но безъ яснаго, послѣдовательнаго сознанія. Она не могла читать, но смыслъ грамоты поражалъ общимъ своимъ колоритомъ. Въ ней, послѣ короткаго изложенія всего хода преступныхъ попытокъ Шакловитаго, заключалось воззваніе Петра о поимкѣ его и его сообщниковъ, для доставленія къ Троицѣ. Въ грамотѣ не упоминалось о правительницѣ; но тѣмъ не менѣе она ясно понимала все значеніе грамоты, она читала между строкъ другія слова—слова собственнаго приговора.

— Какъ осмѣлился ты явиться сюда съ такимъ порученіемъ? спросила она Нечаева, болѣе не сдерживаясь.

— Не своей волей явился, государыня, а по приказу царя Петра Алексѣича.

— А... протянула царевна, его приказа ослушаться нельзя, а моего можно?... Можно бѣгать отъ своей государыни? Такъ я въ тебѣ, какъ сулила, накажу измѣнника и перебѣжчика. Отрубить ему голову... рѣшила она, и оставя испуганнаго полковника на Верху, сама

прошла мимо на лѣстницу, спустилась и, подойдя къ толпившимся внизу стрѣльцамъ, съ увлеченіемъ говорила:

— Троицкія грамоты по сказкѣ отъ воровъ писаны. За что-жъ мнѣ по напраснымъ навѣтамъ выдавать людей добрыхъ и вѣрныхъ? Станутъ ихъ мучить, пытать, и они отъ той пытки напрасно оговорятъ другихъ: девять оговорятъ девятьсотъ. Не лучше-ль было бы извѣтчиковъ доставить въ Москву и розыскивать здѣсь. Я и сама хотѣла, ради истины, присутствовать при розыскѣ и ходила къ Троицѣ, но злые люди разсорили меня съ братомъ, наговорили ему объ умыслахъ, которыхъ не было, очернили людей добрыхъ, какъ вотъ Ѳедора Леонтьича, у котораго на умѣ только одно благо государства. Недопустилъ меня братъ, отвергъ, и воротилась я со стыдомъ и срамомъ. А я ли не радѣла о государствѣ: семь лѣтъ правила, усмирила мятежъ и нестроеніе, учинила вѣчный и славный миръ съ сосѣдними народами и прибытковъ большихъ добыла... Не была ли я къ вамъ всегда милостива, не награждала ли я васъ всегда щедро? Докажите-жь вы мнѣ теперь свою преданность и не вѣрьте лживымъ навѣтамъ. Не головы Ѳедора Леонтьича хотятъ враги, а моей собственной и брата Ивана. За вѣрную службу обѣщаю вамъ новыя милости и награды, но... горе ослушникамъ! Если и убѣгутъ они къ Троицѣ, то жены и дѣти ихъ останутся здѣсь.

Въ финалъ царевна отдала стрѣльцамъ одинъ изъ дворцовыхъ погребовъ.

Шумно бросились они на доровое угощеніе, а между тѣмъ Софья обратилась къ массамъ народа, толпившимся на площади въ ожиданіи обычнаго празднованія новаго года 1-го сентября, съ такою же рѣчью. Три часа говорила правительница на площади, съ утра до самаго полудня. Только стальные нервы молодой женщины могли вынести утомленіе пути, по состоянію дорогъ того времени не малое, острую боль отъ оскорбленія, безсонную ночь, тревогу, и быть въ состояніи такъ милостиво, такъ любезно бесѣдовать съ приглашенными ею съ площади

начальными людьми. Даже самого Нечаева она обласкала, и онъ, наравнѣ съ другими, былъ пожалованъ чаркой вина изъ рукъ царя Ивана Алексѣевича.

Галдѣли, кричали, обнимались и клялись душу свою положить за царевну стрѣльцы, распивая медъ и разное вино изъ дворцоваго погреба; но на другой же день, отрезвившись, ихъ головы заработали другое.

Какъ намъ ослушаться законнаго, прирожденнаго государя, говорили они между собою; царевна хоть и милостива къ намъ, да вѣдь она только временно, покуда царь былъ дѣтескъ, а то править царствомъ дѣло не бабье. По слабости женской она можетъ и ворамъ наровить, а мы за воровъ стоять не хотимъ и по сыскѣ ихъ должны исполнить по указу. И тѣ же самые стрѣльцы, съ примѣрнымъ усердіемъ, стали ловить и отсылать къ Троицѣ, безъ вѣдома государыни, всѣхъ ей преданныхъ слугъ. Такимъ образомъ схвачены были и отправлены въ монастырь: Дементій Лаврентьевъ, Егоръ Романовъ, Иванъ Муромцевъ, Андрей Сергѣевъ, Кузьма Черный и наконецъ пятидесятникъ Ефимьева полка Обросимъ Петровъ, самый главный и довѣренный слуга царевны и Шакловитаго.

Не легко было захватить энергичнаго Обросима. Окружили было его стрѣльцы въ своей съѣзжей избѣ Ефимьева полка, но онъ отбился саблей, очистилъ дорогу, ушелъ къ себѣ на дворъ, а оттуда перешелъ и укрылся въ погребѣ пріятеля пономаря церкви апостола Филиппа. Просидѣвъ тамъ нѣсколько дней, Обросимъ соскучился и вышелъ повидаться съ знакомымъ стрѣльцомъ въ лѣсномъ ряду. Тутъ-то стрѣльцы захватили его, скрутили и отвезли прямо къ Троицѣ. Поимка его наносила самый чувствительный ударъ дѣлу царевны, такъ какъ показанія его могли раскрыть всѣ таившіяся еще подробности.

Между тѣмъ какъ стрѣльцы измѣняли своей благодѣтельницѣ, она сама, не зная еще во всемъ объемѣ ихъ измѣны, мечтала о борьбѣ съ братомъ, даже надѣялась, если не на перевѣсъ, то по крайней мѣрѣ на вы-

годное примиреніе. Въ полдень (5-го сентября) она, по обыкновенію, занималась дѣлами, выслушивая доклады думнаго своего совѣтника Ѳедора Леонтьича. Рѣзко измѣнилась царевна въ послѣднее время, измѣнилась до того, что не видѣвшій ее какихъ-нибудь два мѣсяца почти не признавалъ въ ней цвѣтущую здоровьемъ и силой молодой женщины. Бурыя желчныя пятна сквозили въ лицѣ черезъ довольно уже плотный слой бѣлилъ и румянъ, пухлыя, нѣсколько одутловатыя щеки опали, не ложилась морщинка, какъ бывало, складкой между бровями, а цѣлая сѣть ихъ глубоко бороздила весь лобъ и забиралась подъ вѣки, къ вискамъ и рту, въ волосахъ, не смотря на ихъ русый цвѣтъ, протягивались серебристыя нити, нѣкогда и еще такъ недавно глубокій и привѣтливый взглядъ принялъ какое-то быстро-мѣняющееся выраженіе, то холодно-суровое, то пугливо-безнадежное. Съ наружностью измѣнился и характеръ. Изъ сдержанной, обдумчивой, она сдѣлалась раздражительной, порывистой и жестокой. Во всѣхъ ея движеніяхъ нельзя было примѣтить никакого слѣда мягкой, женственной натуры. Синяки на всѣхъ частяхъ тѣла сѣнныхъ дѣвушекъ ясно говорили, какъ часто госпожа была недовольна ихъ мѣшкотой и неловкостью.

Царевна съ вниманіемъ читала бумагу, написанную красивымъ почеркомъ докладчика, плодъ его дьячаго краснорѣчія. Въ этой бумагѣ заключалась сказка или воззваніе отъ имени царевны ко всѣмъ чинамъ Московскаго государства. Послѣ витіеватаго предисловія о государствованіи царей Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича, о событіяхъ воцаренія Ивана и Петра, о воспріятіи правленія благовѣрной царевной Софьей Алексѣевной по слезному челобитью всего россійскаго народа, послѣ всего этого пространнаго вступленія, правительница жаловалась народу на Нарышкиныхъ: будто они ругаются государскому имени, вовсе не ходятъ къ рукѣ ея царевны и царя Ивана, завели особыхъ потѣшныхъ конюховъ, отъ которыхъ многимъ людямъ чинятся

обиды и утѣсненія, о чемъ она, царевна, неоднократно жаловалась царю Петру, и что наконецъ они Нарышкины даже забросали дровами комнаты царя Ивана Алексѣевича и въ конецъ поломали царскій вѣнецъ.

Прочитавъ грамоту, правительница, видимо, осталась ею довольна и даже милостиво протянула къ докладчику руку. Такой милости въ послѣдніе дни рѣдко удостоивался бывшій дьякъ. Вообще отношенія ихъ, послѣ праздника Преображенія, замѣтно приняли другой характеръ. Кромѣ того, что наклонности и взгляды худороднаго, перелившаго въ новую форму прежнюю закваску, не могли не возбудить презрѣнія въ царственной молодой женщинѣ, послѣднія серьезныя событія, съ вопросами о жизни и смерти, не могли не оторвать ее отъ чувственной стороны...

— Грамоту эту разошли, Ѳедоръ Леонтьичъ, проговорила благосклонно царевна. Да изготовленъ ли указъ въ окрестные города и уѣзды о томъ, чтобъ по прежнему всѣ денежные и хлѣбные сборы доставляли-бъ сюда въ Москву, а не смѣли-бъ слушаться наказовъ Петра и не везли бы ничего къ Троицѣ.

— Указъ готовъ, государыня, и разошлется немедля.

— Хорошо. Теперь больше заниматься не буду.

По оканчаніи занятій въ послѣднее время Софья Алексѣевна тотчасъ же отпускала докладчика, вообще она старалась не длить своихъ аудіенцій съ нимъ. Но Ѳедоръ Леонтьичъ теперь не уходилъ, нерѣшительно переминаясь.

— Ты еще хочешь о чемъ-нибудь доложить?

— Стрѣльцы чинятъ большое воровство, государыня. Твоихъ наказовъ не слушаютъ, къ Троицѣ перебѣгаютъ, всѣхъ твоихъ сподручниковъ ловятъ и переводятъ туда...

— Ты лжешь, Ѳедоръ Леонтьичъ, клевещешь на моихъ вѣрныхъ и старыхъ слугъ... Кого они схватили?

— Да вчера схватили Кузьму Чермнаго... Андрея Сергѣева и...

— Чермнаго... схватили... машинально повторила

царевна упавшимъ голосомъ, какъ будто дѣло касалось до лицъ ей совсѣмъ и незнакомыхъ.

— Схватили и увезли, государыня. Увезли и Петрова.

— И Петрова? повторила она тѣмъ же голосомъ.

— И Петрова, государыня.

Софья Алексѣевна какъ будто застыла.

— Стрижевъ и Кондратьевъ, на-дняхъ бѣжавшіе было съ отцомъ Сильвестромъ, началъ снова, послѣ небольшаго молчанія, передавать новости Ѳедоръ Леонтьичъ, вчера воротились сюда во дворецъ къ тебѣ, государыня, молили Евдокимова спрятать ихъ здѣсь. Евдокимовъ спрашивалъ меня... я не велѣлъ...

— Ты не велѣлъ?.. понятно... а я велю...

— Помилуй, государыня, теперь каждому изъ насъ только до себя...

— Тебѣ... да... но не мнѣ... Я, если не въ силахъ защитить, такъ хоть укрою... укрою... повторяла она, почти безсознательно, потирая рукой лобъ, какъ будто сбирая разбродившіяся мысли. Прикажи псаломщику Муромцеву запереть ихъ въ церкви Распятія Господня... или нѣтъ... постой... церковь обшарятъ... лучше въ тайникъ спрятать... какъ было тогда... только не имъ теперь... а мнѣ... Въ какой тайникъ спрятать?.. я подумаю... а теперь пусть Евдокимовъ отведетъ ихъ въ мою мыльную... тамъ надежно... искать не будутъ...

— Слушаю, государыня, да вотъ ужъ и объ себѣ хотѣлъ доложить...

— Объ себѣ? что... тоже прятаться?

— Моей головы, государыня, пуще всего домогаются. Мнѣ и укрыться трудно — вездѣ найдутъ. Велѣлъ было я моему подъячему, двоюродному братцу Семену Надѣину, спросить въ подмосковной деревнѣ у доброхота моего Перфилья Лямина: не мочно ли въ лѣсу у него поставить келью, гдѣ бы я укрылся. Перфилій говоритъ: лѣсу де много и прожить мочно. Такъ я и велѣлъ у дворцовой лѣстницы держать на готовѣ лошадь, а у Дѣвичьяго коляску.

— И хорошо... бѣги!

— Бѣжать-то опасно, государыня. По всему Кремлю бродятъ стрѣльцы. Пожалуй, чего добраго, признаютъ...

— Выбери ночь потемнѣе.

Ѳедоръ Леонтьичъ вышелъ. Царевна, казалось, незамѣтила его ухода. Она не могла думать, соображать; точно камень свалился на голову, точно громъ небесный оглушилъ ее. Какія-то отдѣльныя, неясныя представленія бродили въ головѣ... она силилась придать имъ окраску, форму и—не удавалось.

Да и не было времени оглянуться сознательно. Тотчасъ послѣ ухода Шакловитаго, въ дверяхъ, безъ зова, явилась блѣдная, разстроенная фигура Ѳедоры Калужиной, любимой комнатной дѣвушки Софьи Алексѣевны.

— Матушка, государыня, спаси насъ! Защити Пресвятая Богородица! выкрикивала дѣвушка визгливымъ и отчаяннымъ голосомъ.

— Что еще? безучасно, равнодушно спросила царевна.

— Стрѣльцы навалили вездѣ... вся площадь и дворъ полны... здѣшніе всѣ, да и изъ подъ Троицы...

— Зачѣмъ?

— Позволь, государыня, изымать Ѳедьку Шакловитаго. Царь Петръ Алексѣевичъ прислалъ насъ и накрѣпко наказалъ доставить его къ Троицѣ, отвѣчалъ, вмѣсто Калужиной, полковникъ Спиридоновъ, отстраняя дѣвушку и входя въ покой. За плечами Спиридонова виднѣлись головы другаго полковника Сергѣева и стрѣльцовъ. Говоръ и шумъ слышались въ сосѣднихъ покояхъ и переходахъ.

— Петръ Алексѣевичъ велѣлъ, а царь-братъ Иванъ Алексѣевичъ запрещаетъ, и строго взыщетъ съ ослушниковъ, строго и холодно сказала царевна, подите спросите у братца...

Спиридоновъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ воротился смущенный.

— Что царь Иванъ Алексѣевичъ?

— Онъ изволилъ сказать, что самъ прибудетъ къ

Троицѣ, и что хотя за Ѳедьку Шакловитаго не стоитъ, буде онъ виноватъ, но выдастъ его только тогда, когда пріѣдетъ за нимъ бояринъ, Петръ Ивановичъ Прозоровскій.

— Вотъ такъ и передайте Петру Алексѣевичу.

Полковники переглянулись между собой. Переминаясь и незная на что рѣшиться, они постояли, постояли, но затѣмъ стали выходить.

Гроза на этотъ разъ миновала Ѳедора Леонтьича, но не надолго. Наказы за наказами, все страшнѣе и грознѣе присылались изъ Троицы; стрѣльцы, никогда не любившіе начальника за надмѣнность, роптали и волновались.

— Не отвѣчать же намъ всѣмъ за него, измѣнника, вора, говорили они громко, не стѣсняясь; не выдаютъ, такъ силой добудемъ...

И вотъ караулы денные и нощные усилились около дворца, и не стало возможности не только Ѳедору Леонтьичу, а и самому малому звѣрку перебѣжать оттуда непризнаннымъ.

На другой день, съ утра, волненіе между стрѣльцами увеличилось. Посланные отъ Петра полковники: Нечаевъ, Спиридоновъ и Сергѣевъ, ошеломленные съ перваго раза отказомъ старшаго царя, потомъ одумались. Царь-то Иванъ, думали они, не въ своемъ разумѣ, все дѣлаетъ по волѣ царевны, а какъ царевны не будетъ, и онъ стоять за Ѳедьку не станетъ... а мы тогда будемъ въ отвѣтѣ. И рѣшили они на другой день исполнить непремѣнно приказъ Петра.

Теперь, при сложившихся обстоятельствахъ, арестованіе стрѣлецкаго начальника не выдвигало никакихъ затрудненій. Энергія Софьи Алексѣевны сломилась. Покинутая всѣми, разбитая въ своихъ вѣрованіяхъ, обманутая въ довѣрчивости на преданность и благодарность окружающихъ, она въ эти моменты, казалось, ничего не чувствовала, какъ будто всѣ нервы парализовались, только

отражая внѣшнее, но не передавая и не возбуждая никакихъ ощущеній.

Безсознательно увидѣла она входившихъ къ себѣ, какъ и наканунѣ, тѣхъ же стрѣльцовъ, безсознательно выслушала опять ту же просьбу о выдачѣ имъ измѣнника Шакловитаго, и безсознательно выговорила: дѣлайте, какъ хотите!

Слышала она потомъ шепотъ и шумную бѣготню въ сосѣднихъ покояхъ вслѣдъ за уходомъ полковниковъ, стукъ и возню въ своей опочивальнѣ, гдѣ укрывался красивый Ѳедоръ Леонтьичъ; слышала все это и ни на что не отозвалась. Только когда до ея слуха долетѣлъ подавленный, глухой крикъ слишкомъ знакомаго голоса, а потомъ странное шуршаніе, какъ будто волочили что-то грузное мимо ея комнаты, кокою-то рѣзкою болью кольнуло въ ея сердцѣ, да и то почти мимолетно. По прежнему сидѣла она застывшая, окаменѣлая... не шевельнулась, не встала, не встала посмотрѣть что дѣлалось съ тѣмъ, кого она прежде, хоть и чувственно и животно, но все-таки любила.

А между тѣмъ Ѳедоръ Леонтьичъ въ синякахъ, съ связанными и закрученными назадъ руками, лежалъ плашмя на днѣ телѣги, прыгавшей по тряской дорогѣ къ Троицѣ, стукаясь при каждомъ толчкѣ то затылкомъ, то висками. Не весела была ему дорога, но еще болѣе не веселымъ представлялось будущее.

ГЛАВА XI.

На слѣдующій же день началось слѣдствіе. Въ одномъ изъ царскихъ покоевъ Сергіево-Троицкаго монастыря изготовлена была допросная камера съ обычными принадлежностями слѣдственнаго процесса. Допросы должны были производиться, какъ они уже производились нѣсколько дней, съ самаго начала перебѣжки стрѣльцовъ,

довѣренными лицами Петровской партіи, между которыми выдѣлялись въ особенности князь Борисъ Алексѣичъ Голицынъ, бояринъ Борисъ Васильевичъ Бутурлинъ, бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, Ѳедоръ Абрамовичъ Лопухинъ и князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ. Большею частью при допросахъ присутствовалъ самъ Петръ, къ крайнему неудовольствію Бориса Алексѣевича.

— Никто въ своемъ дѣлѣ не судья, не разъ говаривалъ онъ молодому царю, и не слѣдъ юношѣ мѣшать старикамъ.

Но возбужденное состояніе увлекало Петра, и заставляло его принимать личное участіе въ допросахъ.

Главная обязанность производства допросовъ лежала на князѣ Троекуровѣ, какъ человѣкѣ опытномъ въ такомъ дѣлѣ, разсудительномъ и умѣющемъ выслѣживать истину въ разнорѣчивыхъ и неопредѣленныхъ показаніяхъ.

Утромъ 7 сентября въ слѣдственную камеру ввели связаннаго Ѳедора Леонтьича и поставили передъ боярами, сидѣвшими за столомъ, на этотъ разъ безъ участія Петра. Трудно было узнать въ этомъ изможженномъ, всклокоченномъ и грязномъ оборванцѣ красиваго, стройнаго дьяка; только и напоминали его большіе, темные, блестѣвшіе глаза, казавшіеся еще больше отъ осунувшихся щекъ.

Послѣ обычнаго увѣщанія говорить правду, ничего не скрывать и не покрывать никого, кто бы ни были виновные, такъ какъ только чистосердечное и полное раскаяніе и раскрытіе всѣхъ обстоятельствъ могутъ преклонить къ милости государя, князь Троекуровъ поставилъ первымъ вопросомъ: съ какой цѣлью днемъ и въ ночь на 8 августа собрано было въ Кремлѣ такое большое количество вооруженныхъ стрѣльцовъ?

На этотъ вопросъ Шакловитый отвѣчалъ, что стрѣльцовъ собирали и прежде для охраны, изъ опаски озорства потѣшныхъ конюховъ, на которыхъ поступали многія жалобы, и что 7 августа наряжено было въ Кремль

сто другое стрѣльцовъ для сопровожденія царевны въ походъ въ Донской монастырь. Когда же нашлось на Верху письмо, объявлявшее объ умыслѣ потѣшныхъ напасть на дворцовыя хоромы въ ночь на 8 августа, то царевна въ походъ не пошла, а приказала стрѣльцовъ оставить въ Кремлѣ и на ночь.

На второй же вопросъ: съ какой цѣлью собирались стрѣльцы на Лубянкѣ, и посылались развѣдчики къ Преображенскому, Ѳедоръ Леонтьичъ заперся, отрицая положительно сборъ стрѣльцовъ, посылку лазутчиковъ и всякую мысль о нападеніи на Преображенское. Точно также онъ отрекся и отъ подговоровъ убить царицу Наталью Кирилловну и царя Петра. Только въ одномъ сознался онъ, именно въ томъ, что года за два по приказу царевны разузнавалъ у стрѣльцовъ: согласны ли они будутъ на вѣнчаніе ея царскимъ вѣнцомъ, но что и эту мысль онъ покинулъ, оставивъ челобитную у себя, никому, кромѣ двухъ или трехъ лицъ, ея не читая.

Для очной ставки позваны были извѣтчики-стрѣльцы. Изъ нихъ: Филиппъ Сапоговъ упорно уличалъ своего бывшаго начальника въ нерѣдкомъ подговорѣ его убить царя Петра и Наталью Кирилловну, Кузьма Черный и Обросимъ Петровъ въ подговорѣ стрѣльцовъ зажечь Преображенское и въ пожарной суматохѣ убить Наталью Кирилловну, а деньщики Турка и Троицкій въ постоянномъ возбужденіи неудовольствія между стрѣльцами противъ Нарышкинскаго двора. На всѣ эти улики Шакловитый твердилъ одно: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ничего не мыслилъ, ничего не приказывалъ.

По окончаніи очныхъ ставокъ, подсудимыхъ отвели на монастырскій воловій дворъ, гдѣ находился застѣнокъ. Здѣсь, ввиду орудій пытки, въ присутствіи тѣхъ же бояръ, за исключеніемъ князя Бориса Алексѣича, вообще неодобрявшаго употребленія пытокъ, произведенъ былъ новый допросъ. Шакловитый показалъ: помнится будто слова зажечь въ Преображенскомъ говорилъ, но безъ умысла на жизнь великаго государя, про царицу

же Наталью Кирилловну можетъ и говорилъ, но только норовя стрѣльцамъ, или для утѣшки царевны Софьи Алексѣевны, когда та печалилась.

Подвергнули пыточнымъ допросамъ сначала извѣтчиковъ Обросима Петрова и Кузьму Черннаго, подтвердившихъ слово въ слово свои прежнія показанія, а потомъ подняли на дыбу и Ѳедора Леонтьича, при чемъ ему дано пятнадцать ударовъ [1]). При этомъ допросѣ онъ во всемъ, что ни доводили на него извѣтчики, повинился.

Допросъ кончился, и бояре разошлись. Бояринъ Троекуровъ отправился къ Борису Алексѣичу передать результатъ слѣдствія.

— Сознался? спросилъ Борисъ входившаго Троекурова, замѣтивъ его сіяющее лицо.

— Сознался... добровольно... почти... только и успѣли поднять да положить съ пятнадцать... А ты вотъ недоволенъ, князь Борисъ Алексѣичъ, говорилъ Троекуровъ съ удивленіемъ, и какъ будто съ упрекомъ, смотря на сморщенное лицо Голицына.

— Не люблю я, Иванъ Борисовичъ, пытокъ. Мало-ль что можетъ насказать человѣкъ подъ кнутомъ? По-

---

[1]) Самой употребительной пыткой была у насъ *дыба* или виска, существовавшая еще у римлянъ для рабовъ, подъ названіемъ *equuleus*. Въ этой пыткѣ допрашиваемому крѣпко связывали руки назадъ веревкой, другой конецъ которой перекидывался черезъ блокъ, утвержденный къ потолку, а къ подошвамъ ногъ привязывалась горизонтально деревянная доска. Свободнымъ концемъ веревки, черезъ блокъ, пыточный поднимался къ верху, и въ то же время на доску становился палачъ. При поднятіи кости рукъ хрустѣли, выходили изъ составовъ и нерѣдко ломались, такъ какъ находившійся на доскѣ палачъ подпрыгиваніемъ усиливалъ вывихи, кожа лопалась, жилы вытягивались и рвались. Кромѣ того по голой спинѣ жертвы наносились удары кнутомъ до такой степени сильно, что кожа отдѣлялась лоскутьями. Если же пытка производилась съ особеннымъ *пристрастіемъ*, то по спинѣ, послѣ ударовъ, трясли зажженнымъ вѣникомъ. По окончаніи пытки, палачъ снова вправлялъ кости, съ особенной силой дергая руки несчастнаго впередъ.

пожалуй оговорить и мать и отца... Вотъ еслибъ онъ сознался добровольно... на письмѣ... Большое бы тебѣ сказали спасибо.

— Можно... и безъ кнута... проговорилъ Троекуровъ, раздумывая. Только пусть не мѣшаютъ мнѣ... пусть я одинъ буду допрашивать.

— Хорошо, Иванъ Борисовичъ, завтра одинъ допрашивай.

— Еще забылъ тебя спросить, Борисъ Алексѣичъ, не слыхалъ ли ты: кто будетъ стрѣлецкимъ начальникомъ послѣ Өедора Леонтьича?

Намекъ былъ слишкомъ ясенъ, и не могъ не догадаться князь Борисъ.

— Не слыхалъ еще... не говорилъ государь... а полагаю, что тебя назначатъ. Рука у тебя твердая, поноровки недастъ.

— На меня, князь, положиться можно. Неприхвостень какой-нибудь худородный. Не пойду, какъ Өедька, съ братцемъ твоимъ... Да вотъ кстати о твоемъ братцѣ. Какъ ты мыслишь, если Өедька его будетъ оговаривать?

— Оговаривать, Иванъ Борисовичъ? мало-ль кто вздумалъ бы оговаривать! Брата я знаю коротко... ни на какое безчестное дѣло онъ неспособенъ. Да чаю я, что онъ и самъ подъѣдетъ къ Троицѣ, давно бы былъ, еслибъ не хворь...

— Вѣрю, князь, и самъ знаю, да говорятъ-то больно много о немъ... Вчера говоритъ мнѣ Левъ Кириллович, что, молъ, мы все пытаемъ Өедьку, а корень оставляемъ, извѣстно—чьей головой жила сестрица...

— У Софьи Алексѣевны своя голова не хуже чужой—не занимать стать другой. Пустое говорятъ.

— Пустое, Борисъ Алексѣичъ, по зависти. Понимаю я это, да рука-то у нихъ сильна... За братцемъ Львомъ Кирилловичемъ тоже говоритъ и сама старая царица, а тамъ Лопухинскіе... мало-ль ихъ... Вѣдь князья Голицыны у многихъ, какъ бѣльмо...

— Э, Иванъ Борисовичъ, на всякое чиханье не на-

здравствуешься. Пусть говорятъ, лишь бы только царь жаловалъ.

— Что и говорить, Борисъ Алексѣичъ, царь тебя любитъ. Извѣстно, противъ тебя не пойдетъ. Я и сказалъ такъ... ради твоей опаски... чтобъ чужія уши не слыхали...

— Не услышатъ, Иванъ Борисовичъ, не бойся. Своихъ секретовъ у меня нѣтъ, своихъ словъ не сдерживаю, а чужихъ не передаю, успокоивалъ князь Борисъ Алексѣичъ, улыбаясь своими веселыми голубыми глазами.

На другой день утромъ слѣдственная камера измѣнилась. Вмѣсто совѣта боярскаго и длиннаго неизбѣжнаго стола, покрытаго сукномъ, засѣдалъ только одинъ Иванъ Борисовичъ, да и засѣдалъ-то онъ не какъ судья съ приличной важностью, а просто, какъ добрый бояринъ дома у себя въ благодушномъ расположеніи духа. Передъ нимъ не длинный судейскій столъ, а другой гораздо меньше, покрытый салфеткой, на которомъ, вмѣсто роковой чернильницы съ бумагами, красовался графинчикъ съ добрымъ виномъ. Совсѣмъ другой видъ. По комнатѣ носился не холодный запахъ смерти, а ароматъ вкусныхъ яствъ, поставленныхъ гдѣ-то въ сосѣднемъ покоѣ.

Въ камеру ввели Ѳедора Леонтьича изнуреннаго, страшно измѣнившагося даже со вчерашняго дня, но глаза его казались еще больше, еще жизненнѣе, еще больше блестѣли затаенной злобой.

— Здравствуй, Ѳедоръ Леонтьичъ, ласково обратился къ нему Иванъ Борисовичъ, показывая на стулъ недалеко отъ себя. Извини, потревожилъ. Хотѣлось мнѣ поговорить съ тобой съ глазу на глазъ подушевно.

Ѳедоръ Леонтьичъ молча опустился на стулъ.

— Видишь что... Ѳедоръ Леонтьевичъ... вчера ты сознался...

— Ни въ чемъ я, князь, не винился и не въ чѣмъ

мнѣ виниться. А что, можетъ, вчера болталъ, такъ на дыбѣ, да подъ кнутомъ. Извѣстно, вы всѣ кровопійцы...

— Сознался... продолжалъ Троекуровъ, какъ будто и не слыша опровержeній подсудимаго, и показанія твои согласны съ показаніями другихъ и обстоятельствами дѣла. Стало виновенъ и подлежишь лишенію жизни; но мнѣ жаль тебя... Вспомнилъ я, Ѳедоръ Леонтьичъ, твое прежнее обходительство и захотѣлось помочь тебѣ... облегчить чѣмъ-нибудь... Посуди самъ: сторона Петра взяла верхъ, свои братья стрѣльцы вамъ всѣ измѣнили, царевнѣ больше не встать, и держаться тебѣ за нее нечего. Разскажи все по душѣ, какъ было, ничего нескрывая, можетъ царь и смилуется.

— Милости мнѣ ждать отъ него нечего, порывисто оборвалъ подсудимый.

— Конечно, гнѣвъ на тебя великъ, продолжалъ Троекуровъ невозмутимо и, ласково посматривая на подсудимаго, нечего таить, но видя твою правду и чистосердечность, можетъ внять твоимъ мольбамъ, можетъ помиловать. Зажилъ бы тогда припѣваючи на свободѣ въ вотчинѣ своей... Достатку у тебя, слава Богу, довольно... утѣхъ много... разныхъ... тѣломъ бы набрался, а то посмотри какой теперь... ослабѣлъ бѣдняга... Подкрѣпись хоть стопочкой.

И бояринъ, прежде наливъ себѣ стопочку душистаго вина, опорожнилъ ее, а потомъ предложилъ Ѳедору Леонтьевичу.

Тотъ протянулъ сначала нерѣшительно дрожавшую руку, потомъ вцѣпился въ стаканчикъ и жадно выпилъ. Пріятная теплота разлилась по всѣмъ жиламъ истощеннаго организма, живѣе погнала кровь къ сердцу и къ головѣ, возникли жизненныя, обольстительныя представленія различныхъ утѣхъ, какое-то сладкое ощущеніе охватило всѣ нервы. Но вмѣстѣ съ оживленіемъ еще настойчивѣе заговорили насущныя потребности организма. Два дня Ѳедоръ Леонтьичъ ничего не ѣлъ, голодъ немилосердно сосалъ, терзалъ, доводилъ до изступленія, и

теперь это новое искусственное оживленіе вызвало еще болѣе невыносимыя муки. А въ добавокъ еще этотъ сладко щекотавшій обонявіе запахъ отъ яствъ!

Иванъ Борисовичъ!... я... два дня ничего не ѣлъ!...

— Два дня! Ахъ бѣдняга... бѣдняга! Какъ же ты, думаю, проголодался-то... Два дня! Ну ужъ намылю же я голову отцу Павлу! Видишь что... Ѳедоръ Леонтьичъ, народу теперь собралось много, рукъ не достаетъ кормить, да и продовольствіе-то на исходѣ... Вездѣ такой безпорядокъ... Будь покоенъ, я распоряжусь...

— Мнѣ теперь, Иванъ Борисовичъ... теперь дай ѣсть, шепотомъ молилъ Шакловитый, а тамъ... послѣ, можетъ, и ненужно будетъ, прибавилъ онъ съ грустной улыбкой.

— Теперь, Ѳедоръ Леонтьичъ! Такъ я велю подать тебѣ, что у меня тамъ изготовлено. Бояринъ пошелъ было уже приказывать, но на дорогѣ остановился.

— Да какъ же, Ѳедоръ Леонтьичъ, а ты хотѣлъ показаніе-то написать... Послѣ обѣда несподручно.

— Напишу, князь, все напишу, давай мнѣ бумагу и перо. Только, ради Христа, прикажи принести мнѣ хоть хлѣба.

— Сейчасъ, сейчасъ, заторопился Троекуровъ, вотъ тебѣ бумага и перо. Пиши, голубчикъ, съ Богомъ, а какъ напишешь, такъ тебѣ сейчасъ и обѣдъ готовъ.

И Ѳедоръ Леонтьичъ сталъ писать свое послѣднее предсмертное показаніе, *) въ которомъ высказалъ почти тоже: что умысла на жизнь царя Петра у него никогда не было, что если носились слухи о близкой его кончинѣ, то ему неизвѣстно кѣмъ, и съ какой цѣлью, разсказывались эти слухи, что объ убійствѣ царицы Натальи Кирилловны бывали у него рѣчи съ Кузьмой Чермнымъ, но по почину послѣдняго, что объ этомъ зналъ

*) Это показаніе хранится въ подлинномъ розыскномъ дѣлѣ.

также и Василій Васильевичъ Голицынъ, что о поджогѣ въ Преображенскомъ дѣйствительно упоминалось, что стрѣльцы собирались неоднократно ради опаски, но не для бунта, о чемъ знавалъ и Василій Васильичъ, что включать во всѣ акты имя царевны, какъ самодержицы, онъ началъ не ранѣе полученія о томъ памяти изъ Посольскаго приказа, и что, наконецъ, вѣнчанія царевны царскимъ вѣнцомъ ни онъ, ни Голицынъ ей не совѣтывали.

Съ лихорадочной живостью написалъ это показаніе Шакловитый и подалъ его Ивану Борисовичу. Князь прочиталъ толкомъ, съ разстановкой, взвѣшивая каждое слово и немножко хмурясь.

— Говорилъ бы о себѣ, Өедоръ Леонтьичъ, каялся-бы, да просилъ милости, а тутъ другихъ оговариваешь. Другимъ будетъ своя линія. Ну, да ужъ нечего дѣлать написалъ... Вотъ сейчасъ подадутъ тебѣ кушать, а меня извини; мнѣ недосужно, надобность сходить къ благопріятелю, сказалъ Иванъ Борисовичъ, складывая показаніе въ карманъ кафтана и собираясь уходить.

Князь вышелъ, а Өедору Леонтьичу подали его послѣдній въ жизни обѣдъ, вкусный и обильный различнаго рода яствами: поросятиной, гусятиной, солониной въ разнообразныхъ приготовленіяхъ и наконецъ съ фруктами.

Иванъ Борисовичъ отправился между тѣмъ къ князю Борису Алексѣевичу, у котораго должны были собраться и всѣ члены боярскаго суда надъ Шакловитымъ. Въ это время бояре еще не прибыли, а Борисъ Алексѣичъ молча суетился по комнатѣ, прибирая все нужное для совѣта и убирая все излишнее по домашности.

— Вотъ, Борисъ Алексѣичъ, и собственноручное показаніе Өедьки безъ пытки и не подъ кнутомъ, говорилъ Троекуровъ, подавая показаніе Голицыну.

Князь взялъ бумагу и сталъ внимательно читать.

Не по мысли ссылка на братца, думалъ про себя Троекуровъ, да какъ тутъ быть-то... Оно, конечно, можно было бы понагнуть Өедьку какъ слѣдуетъ... такъ неу-

годишь Льву Кириллычу съ сестрицей, а вѣдь они сила...

— Новаго тутъ ничего ненаписано, замѣтилъ князь Голицынъ, складывая бумагу Троекурова; вотъ соберутся всѣ—прочитаемъ... потолкуемъ:

Скоро собрались всѣ члены, и засѣданіе открылось. Пришелъ и самъ Петръ.

Прочитавъ показаніе, Иванъ Борисовичъ предложилъ на общее обсужденіе вопросъ: слѣдуетъ ли подвергать подсудимаго новому допросу, или же приступить къ суду надъ нимъ?

Всѣ почти бояре согласились съ безполезностью дальнѣйшихъ допросовъ Шакловитаго, и всѣ единогласно нашли по даннымъ показаніямъ подсудимаго достойнымъ смертной казни. Только Левъ Кирилловичъ не остановился на одномъ обвиненіи, а пошелъ дальше.

— Что вору Ѳедькѣ отсѣкутъ голову—справедливо, и я въ томъ не спорю; но, вѣдь, онъ не одинъ, можетъ за нимъ таятся другіе еще больше виновные. Вотъ хоть Василій Васильевичъ Голицынъ. Ѳедька ссылается на него въ подговорѣ извести мою сестрицу, царицу Наталью Кирилловну, по приказанью Василья собирались стрѣльцы въ Кремлѣ, и память о самодержавствѣ царевны первоначально была изъ Посольскаго приказа. Нельзя-жъ все это оставить. По моему, надо бы Ѳедьку пытать крѣпко, и распросить объ участіи другихъ подробно.

— Показанія Ѳедьки одинаковы — подъ пыткой и безъ пытки, стало сказать новаго ничего не можетъ. Развѣ въ мученіяхъ зачнетъ клепать на всѣхъ и каждаго безъ разбора, такъ такимъ наговорамъ вѣры имѣть не слѣдъ. Не вѣрю я даже и всему тому, что онъ и написалъ-то себя оправляя. А что ты, бояринъ Левъ Кирилловичъ, намѣтки дѣлаешь на князя Василья Васильича-то неправда, и давно бы онъ былъ здѣсь, еслибъ не

лежалъ хворый въ Медвѣдковѣ. Князья Голицыны искони не были измѣнниками, и съ Божіей помощью не будутъ. Знаю я брата Василья — невиноватъ онъ ни въ чемъ, развѣ въ несчастіи... такъ въ этомъ пусть Богъ его судитъ, а не мы. Заслугъ онъ оказалъ не мало, не то-что какіе-нибудь выскочки... говорилъ Борисъ Алексѣевичъ бурливо и азартно горячась.

Левъ Кирилловичъ тоже вскипѣлъ, и дѣло приняло бы острый оборотъ, еслибы не находчивый Иванъ Борисовичъ. Услыхавъ крупную рѣчь князя Бориса, и замѣтивъ затруднительное положеніе Петра, уважавшаго Льва Кирилловича, какъ дядю, и сердечно любившаго стараго пестуна, онъ поспѣшилъ вмѣшаться въ споръ успокоительной рѣчью.

— Судить и рядить, бояре, намъ самовольно никого не слѣдъ безъ царскаго указу, а отъ государя слова о князѣ Васильѣ Васильичѣ мы не слыхали, стало и говорить о немъ не приходится. Рѣчь теперь наша, бояре, должна быть одна: подлежитъ-ли за воровство свое Ѳедька Шакловитый смертному убивству?

На этотъ категорическій вопросъ всѣ члены-бояре отвѣчали однимъ утвердительнымъ «повиненъ».

— Такъ и приговоръ напишемъ, только не соизволишь-ли, государь, доложилъ князь Троекуровъ, обращаясь къ Петру, прежде сослаться съ государемъ братцемъ Иваномъ Алексѣевичемъ?

— Всенепремѣнно, отвѣчалъ Петръ, я напишу къ нему самъ, а до его указа приговора не исполнять.

Засѣданіе кончилось, и бояре поднялись съ своихъ мѣстъ. Въ это время вошелъ стряпчій съ докладомъ, что передъ монастырскими воротами остановились и просятъ дозволенія въѣхать князь Василій Васильичъ Голицынъ съ сыномъ Алексѣемъ Васильичемъ, окольничіе Неплюевъ и Змѣевъ, думный дворянинъ Косоговъ и думный дьякъ Украинцевъ.

Бояре переглянулись между собой; на всѣхъ лицахъ выразилось напряженное выжиданіе.

— Пусть Украинцевъ не медля явится сюда, а прочимъ сказать, ожидать моего указу на посадѣ, отчетливо, послѣ небольшаго раздумья, высказалъ Петръ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ВОСПОМИНАНІЯ

изъ Кавказской военной жизни.

Разсказъ 2-й.

Еще новая тревога.—Извѣстіе о походѣ въ Кабарду.—Возвращеніе казаковъ и разсказъ объ этомъ походѣ.—День 24 мая.—Насмѣшка надо мною маіора и отказъ въ моей просьбѣ. — Мои новыя впечатлѣнія. — Огнестрѣльное дѣло 24 мая.—Помѣщеніе раненыхъ въ госпиталь и ихъ леченіе. — Придуманная Бирономъ на меня клевета. — Мое отчаянное по этому случаю положеніе.—Письмо мое къ князю Воронцову.—Прибытіе ко мнѣ деньщика Андрея Иванова, его странное обхожденіе со мною.—Дуэль Фридерици съ полковникомъ.—Питье вина изъ турьяго рога. — Встрѣча съ товарищемъ Либгольдомъ. — Разговоры мои у хозяйки квартиры. — Нравственное понятіе жителей о любви. — Приходъ въ станицы на квартиры роты Прагскаго полка.—Новые мои товарищи. — Появленіе холеры. — Наша ночная шутка.—Молебенъ и пѣніе въ старообрядческой часовнѣ.—Моя поѣздка по болѣзни въ крѣпость Грозную. — Извѣстіе о прибытіи полковника Ильинскаго на слѣдствіе, по письму моему къ князю Воронцову. — Мое прикомандированіе на службу къ 2-му Лабинскому Казачьему полку.

Не прошло и нѣсколько дней нашего отдыха, какъ набатный колоколъ вызвалъ насъ вновь на тревогу. По обыкновенію подскакавъ къ гауптвахтѣ спросить: куда отправиться, я увидѣлъ кучу собравшихся возлѣ нея казаковъ и подъѣхавшаго къ нимъ полковаго командира. Приблизившись къ нему, я вѣжливо поклонился.

Увидѣвъ меня, суровый маіоръ обратился ко мнѣ

съ словами: «насъ требуютъ въ Грозную, вѣроятно, мы завтра возвратимся домой; вы же назначаетесь мною дежурнымъ по полку, оставайтесь здѣсь и ожидайте моихъ дальнѣйшихъ приказаній. Если будутъ подъѣзжать на тревогу еще казаки, то прикажите имъ слѣдовать на Николаевскую переправу, а оттуда по дорогѣ на Грозную».

Отдавъ мнѣ приказаніе, онъ повернулъ лошадь и поѣхалъ медленной рысью, а за нимъ двинулась и куча собравшихся на тревогу казаковъ.

Непріятно на меня подѣйствовало приказаніе полковаго командира. Просясь на службу на Кавказъ, я не думалъ, что меня будутъ оставлять сиднемъ въ станицѣ и лишать всякой возможности встрѣтиться лицомъ съ картинами разнообразной боевой жизни.

Сердце мое было уязвлено подобнымъ распоряженіемъ; но долгъ службы и дисциплина вынуждали меня безпрекословно повиноваться. Когда все тронулось въ походъ, у меня невольно показались на глазахъ слезы, я представлялъ въ умѣ своемъ: гдѣ же эта свобода, о которой мечтали мы въ кругу бывшихъ товарищей, къ чему пригодилось наше рвеніе въ самопожертвованію собою на пользу службы, когда всякій нашъ шагъ жизни зависитъ отъ чужаго произвола, который дѣлаетъ вамъ препятствіе съ какимъ-то затаеннымъ разсчетомъ.

Сначала я думалъ ослушаться и, вопреки приказанію, поѣхать въ слѣдъ за отъѣзжавшими товарищами; но мысль, что на меня возложено исполненіе служебной обязанности, остановила оскорбленные порывы. Что если что-нибудь случится, тогда я буду кругомъ виноватъ. Мнѣ отдано приказаніе передъ фронтомъ. Меня, весьма естественно, предадутъ суду, а защитить меня некому. Я находился въ сильномъ волненіи и терялся въ догадкахъ. Я задавалъ себѣ вопросы: за что поступаютъ со мною такимъ безбожнымъ образомъ, кому я что сдѣлалъ? за что у меня отнимаютъ случай къ привычкѣ боевой жизни и оказать отличіе?

Обязанность дежурства по полку, назначенная для

меня въ то время, служила только предлогомъ дать мнѣ какое нибудь служебное занятіе, но суть дѣла состояла собственно въ томъ, чтобы я не проникъ въ тайны распоряженій и дѣйствій, совершавшихся подъ управленіемъ немилостиваго ко мнѣ маіора,—это самое и требовало моего повсюду устраненія. Въ нашемъ полку офицеровъ—воспитанниковъ учебныхъ заведеній вовсе не было, и потому при первомъ моемъ появленіи полковой командиръ, который самъ прошелъ воинскую школу съ нижняго чина еще, какъ говорили у насъ, въ Аракчеевскія времена, конечно смотрѣлъ на меня 18 лѣтняго юношу, явившагося къ нему прямо въ эполетахъ, весьма подозрительнымъ образомъ и принималъ въ отношеніи меня всевозможныя мѣры предосторожности. При гауптвахтѣ содержались арестованные, и въ случаѣ ихъ побѣга, конечно, я могъ остаться страдательнымъ лицомъ.

Я подъѣхалъ къ гауптвахтѣ. Сойдя съ лошади, я зашелъ туда, осмотрѣлъ находившихся въ ней арестантовъ, отдалъ необходимыя приказанія караульному урядникy и, вышедши изъ нея, поѣхалъ шагомъ на квартиру въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Хозяйка моя удивилась скорому моему возвращенію, и я ей откровенно разсказалъ о моемъ горѣ. Бѣдная женщина, по понятіямъ своимъ, не могла сообразить, какъ можно горевать въ такомъ случаѣ, когда безъ всякаго интереса, освобождаютъ отъ обязанности боевой службы, что для простаго казака невозможно безъ матеріальнаго пожертвованія.

Въ станицѣ—тишь невозмутимая; кромѣ женщинъ, стариковъ и казаковъ-малолѣтковъ, да еще нѣкоторыхъ лицъ, состоявшихъ при опредѣленныхъ обязанностяхъ, никого не осталось. А такъ какъ всякое изъ этихъ лицъ было занято дѣлами по своему хозяйству, сосредоточенному въ виноградникахъ, то станицу можно было считать повально вымершею, кое-гдѣ только можно было встрѣтить какіе нибудь признаки человѣческой жизни. Подобное положеніе продолжалось болѣе двухъ недѣль;

на третій день намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Шамиль съ скопищами своего войска двинулся въ походъ на Кабарду, и наши казаки, въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Фрейтага, двинулись туда же по слѣдамъ его. Когда возвратятся наши изъ похода, было неизвѣстно.

Тоска и невыносимая скука овладѣли мною. Читать рѣшительно нечего, книгъ никакихъ, газетъ въ то время тоже никто не получалъ, да и о выпискѣ ихъ, или какихъ нибудь журналовъ, не имѣли ровно никакого понятія.

Подобная жизнь походила на наказаніе, на ссылку, на одиночное заключеніе. И приходилось жить такою жизнью молодому юношѣ, пропитанному самыми пылкими и восторженными чувствами. Это переживаемое время для меня показалось цѣлою вѣчностью. Я задавалъ себѣ вопросы: неужели въ подобной жизни люди могутъ находить какое-нибудь удовольствіе?

Я спрашивалъ самъ себя, для какой же цѣли меня учили, воспитали, ухаживали за мною?—Кому я приношу пользу? Я не понимаю, какимъ образомъ я въ то время не помѣшался. Отлучиться гулять, идти въ виноградники я не имѣлъ права, какъ дежурный по полку;—всякую минуту могло что нибудь случиться, а на мнѣ лежала обязанность сдѣлать надлежащее во всемъ распоряженіе. Но на бѣду мою ничего не случалось, все было тихо и спокойно. Какъ я пережилъ это долгое время и не заболѣлъ! Черезъ двѣ слишкомъ недѣли казаки наши возвратились наконецъ домой, нагруженные разнымъ имуществомъ. Я воскресъ, ожилъ, обрадовался; слава Богу, услышу новости.

Много разсказывали разныхъ курьезовъ про экспедицію эту въ Кабарду, но всѣмъ вѣстямъ довѣряться слѣпо было нельзя.

На другой день, послѣ прихода въ станицу казаковъ, я отправился въ гости къ одному почтенному есаулу, человѣку прямаго и самаго честнаго характера. Онъ не любилъ говорить напрасно, и сказанному имъ слову мож-

но было вполнѣ довѣриться. Послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленія съ благополучнымъ возвращеніемъ, добрый мой знакомый есаулъ повелъ рѣчь слѣдующимъ образомъ:

«Вотъ, братецъ ты мой, какъ тебѣ извѣстно, полетѣли мы на полныхъ рысяхъ въ Грозную. День-то, ты знаешь, въ то время былъ жаркій, и мы почти всѣ, кромѣ буровъ, съ собою ничего теплаго не захватили, значитъ, надѣялись на другой день вернуться обратно. Пріѣзжаемъ въ Грозную, думаемъ: ну слава Богу, теперь отдохнемъ, и лошадки наши. Анъ—не тутъ-то было, приказано, говорятъ, сейчасъ же слѣдовать на р. Сунжу и присоединиться къ отряду генерала Фрейтага. Насъ всѣхъ немного покоробило, но нечего дѣлать, воля такая начальства, исполнять нужно. Напоивъ лошадей, мы тронулись въ путь. Время было уже темнымъ вечеромъ. Къ разсвѣту мы догнали отрядъ у станицы Ассинской, изъ которой, отдохнувъ немного, пошли уже вмѣстѣ всѣ, то есть и пѣхота и артиллерія была съ нами. Мы шли прямо по слѣдамъ Шамиля, придемъ на ночлегъ или на отдыхъ, а онъ смотри только что ушелъ передъ нами, застаемъ даже не потухшіе еще огни его лагеря. Вотъ такъ, на другой или на третій день, хорошо не припомню, часа за два до заката солнца, подходя къ Тереку, мы увидѣли мирной аулъ, который измѣнилъ намъ и передался Шамилю. Вотъ, братецъ ты мой! намъ отдали приказаніе построиться въ боевую линію, пѣхоту развернули фронтомъ, въ промежуткахъ между нею помѣстили орудія, а нашу кавалерію по обоимъ флангамъ, по бокамъ значитъ.

Вотъ, знаешь, и выстроили насъ такимъ-то образомъ и объявили, что мы десвать сейчасъ будемъ брать аулъ штурмомъ. Мы конечно рады, намъ все равно. Вотъ мы выстроились, намъ дали немного отдохнуть, потомъ подали сигналъ, и пошла впередъ пѣхота развернутымъ фронтомъ, съ барабаннымъ боемъ и музыкою, а мы шагомъ за нею. Смотримъ впередъ, а изъ аула никого не-

видать, какъ будто все мертво. Не доходя шаговъ двѣсти до аула, намъ крикнули ура! и мы въ него бросились. И что же, братецъ ты мой, мы встрѣтили? ни одной живой души, но за то кучу перепуганныхъ куръ и индюшекъ. Вотъ съ ними и началось настоящее сраженіе. Запасовъ съѣстныхъ мы съ собою никакихъ не взяли, и аттака на этихъ лакомыхъ звѣрей была какъ нельзя кстати нашему голодному брюху.

Пожива была самая необходимая, ѣсть было нечего, купить было невозможно, да и негдѣ.

Кончилась штурма аула, мы его зажгли, и вышедши изъ него, стали не въ далекѣ ночнымъ бивуакомъ.

Тутъ у насъ началась стряпня, я тебѣ доложу, на славу. За цѣлыхъ три дня наѣлись мы, а то знаешь, все были на *«сыромятку»* *).

На другой день съ разсвѣтомъ опять поплелись въ путь, и такимъ-то образомъ цѣлые шестнадцать дней мы бѣгали за Шамилемъ. Въ одинъ день, на закатѣ солнца, мы нагнали его. Глядимъ, а онъ расположился на ночлегъ лагеремъ. Намъ приказали тоже остановиться. И мы точно также расположились лагеремъ-же. У Шамиля костры горятъ, и у насъ тоже. У насъ горнисты и барабанщики играютъ вечернюю зорю, и у него также, просто, братъ, разсказывать тебѣ, такъ чудеса выходятъ. Вотъ мы и ждемъ, что-то будетъ. Совсѣмъ уже смеркло, какъ намъ отдаютъ приказаніе: къ разсвѣту занять такія-то и такія-то позиціи; значитъ съ раннимъ утромъ нашъ отрядъ пойдетъ на него штурмою. Ну, слава Богу, думаемъ, наконецъ дождались конца, авось заполонимъ окаяннаго. А то, вѣришь-ли, гонялись сколько сутокъ, не могли догнать проклятаго, все обманывалъ да увертывался, какъ хищный звѣрь какой. Да признаться сказать, и оборвались-то мы порядкомъ, вышли-то въ походъ на легкѣ, безъ сапогъ, въ однихъ чивякахъ. Живо

*) Сыромяткою называются съѣстные припасы, взятые съ собою въ походъ изъ дома.

истаскались они, и мы остались босыми; днемъ еще ничего, а по холоднымъ утренникамъ да и ночью босая нога зябнетъ въ желѣзныхъ стременахъ, да такъ нестерпимо, что просто не доставало нашей моченьки. Мы обворачивали свои ноги въ разныя тряпки и обвязывали ихъ шнурками, вотъ въ чемъ состояла наша обувь. Вотъ мы всѣ и обрадовались, думаемъ... недалеко, на утро будетъ конецъ и пожива. У насъ, знаешь, огни горятъ, а у Шамиля еще пуще нашего. Я, поѣмши, прилегъ маненько заснуть, только слышу будятъ меня. Протираю съ просонья глаза, а уже свѣтъ Божій показался. Мнѣ кричатъ: *«велѣно скорѣе на коней. Шамиль, говорятъ, бѣжалъ»*. Я смотрю впередъ, огни горятъ, и какъ будто все на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Но нечего дѣлать, я вскочилъ, перекрестился по христіански, да скорѣе къ лошади. А тутъ адъютантъ и кричитъ мнѣ: Константинъ Ѳедоровичъ! возьмите скорѣе казаковъ, да скачите въ разъѣздъ. Шамилька удралъ, приказано узнать по какой дорогѣ. Какъ узнаете, тотчасъ же дайте знать намъ, а сами слѣдуйте за нимъ въ погоню, по его слѣдамъ. Разспрашивать болѣе тутъ было нечего, я вскочилъ на лошадь, скомандовалъ своей партіи казаковъ «за мной», и мигомъ посвакалъ къ непріятельскому лагерю. Подъѣзжаемъ, горящихъ костровъ видимое множество, а хоть бы тебѣ одна человѣческая душа на поживу, ничего нѣтъ, да и языка *) гдѣ бы достать нельзя было.

Болѣе получаса разсыпанные мои казаки искали слѣдовъ, которыхъ было множество, но куда они окончательно направились, съ разу опредѣлить было нельзя. Наконецъ верстахъ въ 4-хъ далѣе мы напали на настоящую дорогу; оказалось, что Шамиль отправился обратно на Терекъ и Сунжу, по направленію къ себѣ домой. Я тотчасъ же отправилъ въ отрядъ съ этимъ

---

*) Языка достать, казачье выраженіе, значитъ спросить какого нибудь человѣка.

извѣстіемъ нарочнаго казака, а самъ съ командою на полныхъ рысяхъ поспѣшилъ въ погоню за отступавшими.

Мы сдѣлали около 40 верстъ и, не доѣзжая 5 верстъ до рѣки Терека, увидѣли переправляющагося въ бродъ Шамиля. Насъ было человѣкъ не болѣе ста, а потому было бы безумно броситься въ драку съ его многочисленными полчищами, больно ужъ ихъ много показалось. А потому я приказалъ спѣшиться, то есть слѣзть съ лошадей, въ ожиданіи, когда подойдетъ къ намъ главный отрядъ. Время было около обѣда, то есть часовъ двѣнадцать дня. Прошло послѣ того около часа времени, какъ по дорогѣ стало намъ видно облако пыли, мы сейчасъ же догадались, что эта должна быть посланная впередъ изъ отряда кавалерія. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени она подъѣхала къ намъ; начальникъ ея обратился во мнѣ съ вопросомъ: «Какъ дѣла»? Я отвѣтилъ: какъ видите, сдѣлать ничего невозможно. Въ это время Шамиль съ своими полчищами уже переправился на другую сторону рѣки Терека, а для прикрытія выдвинулъ свои орудія, такъ что всякая аттака съ нашей стороны была бы безполезна, и кромѣ явнаго урона, убитыми или ранеными, не принесла бы болѣе ничего для насъ утѣшительнаго.

Начальникъ кавалеріи въ слѣдствіе этого приказалъ остановиться, слезть съ лошадей и ожидать, пока подойдетъ главный отрядъ съ пѣхотой и артиллеріей. Между тѣмъ Шамиль не сталъ дожидаться, и мы видѣли, какъ онъ съ своими войсками потянулся по направленію къ Черным горамъ.

Увидѣвъ его движеніе, начальникъ кавалеріи приказалъ и намъ тотчасъ же слѣдовать по направленію отступавшаго непріятеля, но когда мы подошли къ Тереку, то Шамиля и его полчищъ совершенно видно не было. Мы, конечно, остановились здѣсь. Часамъ къ 5-ти по полудни подошелъ и весь главный отрядъ. Всему отряду не удалось даже и видѣть хвоста ушедшаго непріятеля.

Такъ-то, братецъ ты мой, была птичка въ рукахъ, и за хвостъ ужъ хватали, да канальская выскользнула изъ рукъ, улетѣла опять въ свои края, только напрасно 16 дней гонялись за ней, лошадей напрасно помучали, заключилъ онъ. Ну а теперь, братецъ ты мой, за все эфто слѣдуетъ намъ съ тобой выпить по доброй чашкѣ чахиря.

И онъ налилъ его изъ принесеннаго глинянаго кувшина въ большую деревянную чашку, а для меня въ особую. Отказаться отъ подобнаго угощенія значило оскорбить его, и хотя было еще раннее утро, но я принужденъ былъ выпить до дна поднесенную чашку.

Всего только и осталось вспомянуть этотъ проклятый походъ, продолжалъ Константинъ Өедоровичъ, двумя, братецъ, коврами, которые мнѣ достались при дележѣ добычи. Разъ какъ-то мы увидѣли, что вблизи опушки лѣса тянутся арбы. Насъ немедленно послали разузнать, что это такое? Вотъ мы и поскакали. Это были отставшія арбы домашняго скарба мирныхъ кабардинцевъ, передавшихся Шамилю. Какъ увидѣли они насъ, скачущихъ на нихъ, такъ, братецъ ты мой, побросали все, а сами ушли въ лѣсъ. Конечно, намъ ихъ и не нужно было, мы сейчасъ же завладѣли арбами съ волами и всѣмъ имуществомъ, и препроводили ихъ къ своему отряду.

Вотъ изъ этого-то захвата на мою долю и упало два коврика, да посмотри какіе важные, при этомъ онъ отворилъ двери въ сѣнцы своего дома и указалъ мнѣ на нихъ.

Дѣйствительно ковры были весьма хороши, и даже пригодились-бы подъ случай и мнѣ грѣшному. Я спросилъ его: не ужели во все это время вы не имѣли никакой ружейной перестрѣлки?

— Рѣшительно, братецъ, никакой, кромѣ того, какъ штурмовали аулъ съ курями и индюшками, тутъ пришлось мнѣ два раза выстрѣлить, и въ оба раза повалить

по индюку, — и вкусная показалась намъ въ то время птица эта.

Просидѣвъ въ гостяхъ у Константина Ѳедоровича часовъ около двухъ и поблагодаривъ его за добрый разсказъ, я отправился домой. Мрачное настроеніе духа у меня замѣнилось веселостью, и я вскорѣ позабылъ о томъ неудовольствіи, которое я испытывалъ на себѣ, по случаю отстраненія меня отъ похода въ Кабарду. Въ свободные отъ дежурства по полку дни я отправлялся на прогулку въ виноградные сады, гдѣ въ то время шла самая дѣятельная работа. Къ скукѣ и однообразію я сталъ понемногу привыкать, да и ничего, впрочемъ, въ виду не представлялось, какъ только покориться выпавшей долѣ.

Такимъ образомъ время протянулось до 24 мая. Этотъ роковой для меня день въ моей жизни забыть чрезвычайно трудно, такъ какъ онъ служилъ, можно сказать, завязкою тяжелой драмы моихъ дальнѣйшихъ испытаній.

Часу въ 5-мъ утра въ этотъ несчастный для меня день раздался набатный колоколъ. По обыкновенію въ нѣсколько минутъ мы уже собрались на опредѣленномъ мѣстѣ возлѣ гауптвахты, но я въ этотъ день былъ настоящимъ дежурнымъ по полку, а потому рѣшился просить маіора дозволить мнѣ отправиться на тревогу вмѣстѣ съ другими, такъ какъ прошлый разъ я былъ оставленъ имъ совершенно не въ очередь, да и въ 9 часовъ долженъ былъ получить законную смѣну. Поэтому я подъѣхалъ къ маіору и передалъ ему о томъ мою просьбу.

—Я это предвидѣлъ, отвѣчалъ онъ сурово. Ну, куда вы лезете! какую вы можете принести пользу? Еще на губахъ молоко не обсохло, а то-же надѣется быть воиномъ! обратился онъ съ усмѣшкой къ другимъ, находившимся вокругъ его.

— Вотъ что, г. корнетъ-съ, извольте оставаться здѣсь, на своемъ мѣстѣ, да исполнить слѣдующее мое прика-

заніе. Я получилъ отъ начальника фланга приказаніе немедленно собрать казаковъ и слѣдовать съ ними черезъ Амираджіюртовскую переправу въ укрѣпленію Герзель-аулъ, вблизи котораго находится наблюдательный отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Майделя, и присоединиться къ нему. А потому-съ, какъ будутъ прибывать сюда на тревогу казаки, такъ извольте направлять ихъ по указанной мною вамъ дорогѣ; они хорошо знаютъ ее. До свиданія!

Съ этими словами онъ повернулъ свою лошадь и тотчасъ поѣхалъ крупною рысью. Я стоялъ пораженный, какъ громомъ; самолюбіе мое было оскорблено, уязвлено. Слова: *на губахъ молоко не обсохло*, *надѣется быть воиномъ*, продолжали звенѣть въ моихъ ушахъ.

Въ первый разъ въ жизни я ощутилъ въ себѣ какое-то незнакомое мнѣ чувство, которому опредѣлить названіе я въ то время не могъ. Я находился въ такомъ ожесточеніи, что если бы мнѣ позволили въ то время задушить ненавистнаго маіора, я бы кажется исполнилъ это съ величайшимъ для меня наслажденіемъ.

Благодарю въ настоящее время судьбу, случайно отклонившую меня отъ преступленія. Можно заключить изъ этого, какія иногда ничтожныя причины бываютъ поводомъ самыхъ ужасныхъ необдуманныхъ преступленій, отъ которыхъ человѣкъ за моментъ забывчивости теряетъ всю свою будущность. Въ подобныхъ случаяхъ не человѣкъ бываетъ виною преступленія, а столкновеніе и сцѣпленіе обстоятельствъ жизни, въ которыхъ онъ лишается надъ собою самообладанія.

Но въ то блаженное время не входили въ разборъ обстоятельствъ дѣла, вовлекшихъ человѣка въ преступленіе, а брали главною оцѣнкою только его совершеніе; но почему оно сдѣлано, въ слѣдствіе какихъ побудительныхъ къ тому причинъ, до этого никому не было никакого дѣла.

Вы убили другаго, признаете себя въ томъ виновнымъ—и дѣлу конецъ. Детали: какъ, и въ слѣдствіе чего

вы это сдѣлали, ни для кого не нужны. У всякаго—убѣжденіе, что вы обязаны были въ этомъ случаѣ самообладать собою, то есть обладать такою силою воли надъ собою, которая можетъ только принадлежать не смертному человѣку, созданному со страстями, а непогрѣшимому божеству. Цѣлый день прошелъ для меня въ самомъ томительномъ положеніи, я не могъ успокоиться, чувства мои волновались, я сердился на самого себя, какъ я могъ вынести нанесенную публично обиду и перенести оскорбленіе? Нервы были раздражены; я вздрагивалъ, какъ будто чувствовалъ, что начинаю жить новою жизнью, для меня совершенно незнакомою.

Я видѣлъ въ лицѣ маіора не начальника, а какого-то ненавистнаго звѣря.

Это была единственная такая личность, изъ всѣхъ всрѣчавшихся на всемъ поприщѣ моей долголѣтней службы. Я имѣлъ послѣ того много начальниковъ, но, сознаюсь, никогда не встрѣчалъ со стороны ихъ къ себѣ тѣхъ несправедливыхъ притѣсненій, какія вытерпѣлъ отъ неблагосклоннаго ко мнѣ маіора. Главною причиною, какъ я уже говорилъ, была ненависть его ко всѣмъ образованнымъ молодымъ офицерамъ. Такихъ выскочекъ, по его понятіямъ, необходимо было жать, благо власть въ его рукахъ, пускай де испытаетъ, что я начальникъ и все въ моей собственной волѣ. Съ подобными взглядами на жизнь, можно было встрѣтить много начальниковъ, и много молодыхъ неопытныхъ людей сдѣлались жертвою ихъ произвола и самовластія. Въ настоящее время есть судъ общества офицеровъ, но въ то время судъ этотъ представляла единичная личность, облеченная въ титулъ начальника, то есть непогрѣшимаго. Для того, чтобы заслужить къ себѣ расположеніе начальствующаго лица, необходимо было быть знакомымъ съ навыкомъ особой жизни, какой требовали мѣстныя обстоятельства; только тогда можно было получить довѣріе и вниманіе отъ своего начальника. Главными же путями къ тому служили—лесть и пронырство. Конечно, при подобной об-

становкѣ жизни моей, въ виду не предстояло никакой утѣшительной перспективы. Я видѣлъ, что я осужденъ на какую-то неподвижность, что мнѣ не хотятъ дать, да и не дадутъ впередъ, дальнѣйшаго хода. Въ этомъ состояніи духа я вспомнилъ, что Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ командуетъ одинъ хорошій знакомый моего покойнаго отца, котораго я зналъ еще бывши мальчикомъ. Не могу умолчать о случаѣ, который врѣзался въ моей памяти съ именемъ этого знакомаго командира полка. Это было въ лагеряхъ; мой отецъ былъ командиромъ артиллерійской бригады. Лагерь отстоялъ въ пяти верстахъ отъ города, и обыкновенно послѣ обѣда, и въ особенности къ вечеру, все интеллигентное общество города собиралось у отца въ лагерѣ. Въ немъ были устроиваемы отцемъ разныя увеселенія: фейверки, пусканіе разныхъ змѣй, стрѣльба въ цѣль и т. под.

Въ одинъ прекрасный вечеръ происходила стрѣльба въ цѣль, при которой и я присутствовалъ зрителемъ. Нынѣшній командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка состоялъ въ то время адъютантомъ при генералъ-губернаторѣ и, пріѣхавъ въ гости къ отцу, былъ тоже участникомъ этого удовольствія. Какъ теперь смотрю я на него, беретъ онъ пистолетъ въ руки, становится на мѣсто, прицѣливается, спускаетъ курокъ... осѣчка, онъ опускаетъ пистолетъ перпендикулярно землѣ, раздается выстрѣлъ, и пуля пробиваетъ ему ступню правой ноги на вылетъ. Этотъ случай и пособилъ мнѣ запомнить его имя, отчество и фамилію; у отца много собиралось гостей, но я никогда не интересовался знать ихъ, я не понималъ въ то время, что связи и знакомства играютъ первенствующую роль въ жизни.

Вспомнивъ объ этомъ знакомомъ, я тотчасъ же написалъ къ нему письмо, въ которомъ, припомнивъ его короткое знакомство съ отцомъ, просилъ его, нельзя-ли меня перевести въ командуемый имъ полкъ. Не имѣя до того времени переписки ни съ кѣмъ и не понимая, что и на переписку со старшими существуютъ тоже узако-

ненныя правила и формы, я по простотѣ души началъ письмо словами: почтеннѣйшій и добрѣйшій Александръ Осиповичъ! (такъ звали его). И была же мнѣ изрядная головомойка за это письмо. Александръ Осиповичъ не оставилъ безъ вниманія моего письма; онъ изъявилъ желаніе на мое поступленіе въ его полкъ, но только письмо ко мнѣ начиналось словами: по какому праву вы осмѣлились назвать меня почтеннѣйшимъ? потомъ опять, по какому праву вы смѣли называть меня добрѣйшимъ? и за тѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ нравоученій, который обрисовывался высокимъ положеніемъ начальника надъ ничтожествомъ мелкаго офицера. Получивъ подобный отвѣтъ, я уже не безпокоилъ впередъ многоуважаемаго Александра Осиповича и отказался отъ желанія служить подъ его начальствомъ. Обращаюсь къ разсказу.

На другой день намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что маіоръ, въ сопровожденіи 82 казаковъ и съ ними 7 офицеровъ, попалъ въ непріятельскую засаду, и что обязанъ спасеніемъ отряду, подъ начальствомъ Майделя, слѣдившему за непріятельской партіей. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: пріѣхавъ на Амиръ-аджіюртовскую переправу, маіоръ переправился первымъ въ числѣ около 40 человѣкъ и, оставивъ командованіе надъ остальными казаками старшинѣ Камкову, приказалъ ему слѣдовать за нимъ, по дорогѣ къ мирному аулу, который забрала непріятельская партія; а зауряд-хорунжему Грунянину приказалъ съ десятью казаками слѣдовать, въ прикрытіи двухъ конныхъ орудій, по дорогѣ на Герзель-аулъ, и присоединиться къ отряду Майделя.

Маіоръ со своею командою поскакалъ впередъ. Проскакавъ версты двѣ около берега, онъ увидѣлъ тянувшіяся вдали, безъ всякаго прикрытія, арбы съ имуществомъ мирнаго аула, уходившаго въ горы. Жажда легкой добычи увлекала, а недавній походъ въ Кабарду служилъ порукою, какъ легко достается нажива. Между тѣмъ онъ и не подозрѣвалъ, что это было сдѣлано непріятелемъ съ цѣлью завлечь хищниковъ въ засаду. Отъ рѣки Терека

шла глубокая балка или оврагъ въ такомъ косвенномъ направленіи, что скачущимъ по берегу не возможно было видѣть скрывшагося въ ней непріятеля до тѣхъ поръ, пока они не въѣдутъ въ ея устье, впадающее крутыми возвышенностями въ рѣку.

Старшина Камковъ, переправившись, тоже поскакалъ въ слѣдъ за маіоромъ, который, спустившись въ балку, увидѣлъ превышавшую въ трое численностью непріятельскую засаду, но которая была въ такомъ положеніи, что, находясь на возвышенности, отрѣзывала всякій путь отступленія его командѣ.

Маіоръ, увидѣвъ это, повернулъ въ разсыпную тотчасъ назадъ, надѣясь спастись бѣгствомъ, но Камковъ бросился прямо къ нему на встрѣчу и, обнаживъ шашку, прямо объявилъ ему, что изрубитъ его, если онъ въ ту же минуту не остановится на мѣстѣ.

Маіоръ повиновался; тогда Камковъ приказалъ казакамъ спѣшиться, то есть слезть съ лошадей, и устроилъ каре. Между тѣмъ непріятель сталъ окружать казаковъ со всѣхъ сторонъ; казаки подпустили его на разстояніи шаговъ ста, и затѣмъ началась огнестрѣльная перестрѣлка. Непріятель тоже спѣшился. Къ счастью выручилъ случай: у одного казака изъ команды Камкова еще въ дорогѣ лопнула седѣльная подпруга, и онъ, остановившись, сталъ эту подпругу перевязывать. Въ это самое время случилось нападеніе чеченцевъ на казаковъ, и казакъ это видѣлъ. Его, какъ одиночную личность, непріятель не замѣтилъ, такъ какъ онъ находился на весьма почтительномъ разстояніи.

Этотъ самый казакъ тотчасъ же поскакалъ назадъ, на Амиръ Аджіюртовскую переправу и далъ знать о случившемся Груняшину.

Груняшинъ, зная, что по направленію къ укрѣпленію Герзель аулу находится на походѣ отрядъ, подъ начальствомъ Майделя, оставивъ два порученныя ему конныя орудія въ Атиръ Аджіюртовскомъ укрѣпленіи, самъ съ 10 казаками поскакалъ по дорогѣ на Герзель

аулъ въ надеждѣ найти какую-либо помощь. Чтобы отыскать отрядъ Майделя, ему необходимо было проскакать отъ 15 до 20 верстъ, слѣдовательно на это требовался и соотвѣтственный промежутокъ времени. Теперь обращусь къ описанію огнестрѣльнаго дѣла, происходившаго между казаками и чеченцами.

Какъ только открылась перестрѣлка, то бѣлая лошадь, находившаяся подъ маіоромъ, была убита на повалъ, и конечно упала; маіоръ упалъ съ нею, объявивъ всѣмъ, что онъ раненъ въ голову. Въ это время было некогда подавать помощь раненымъ, а всѣ средства были обращены на самооборону, а потому на рану маіора никто даже не обратилъ вниманія до самаго окончанія дѣла. Старшина Камковъ вслѣдствіе этого, какъ старшій, принялъ на себя главное начальство.

Перестрѣлка шла оживленная; казаки стояли прикрытыми за лошадьми, отчего большая часть изъ нихъ были ранены по ногамъ, которыя служили цѣлью для непріятеля, такъ какъ промежутокъ между ногами лошадей оставался открытымъ. Такимъ образомъ перестрѣлка продолжалась уже болѣе часа, большая часть казаковъ была переранена, но и раненые, они заряжали ружья и отстрѣливались. Однако не видя ни откуда помощи, они замѣтно стали упадать духомъ. На ихъ счастье находился въ средѣ ихъ одинъ мѣстный землевладѣлецъ Акимъ Акимовичъ Хохтатовъ, который по тревогѣ выѣхалъ изъ простаго любопытства на Амиръ Аджіюртовскую переправу, и для препровожденія времени отправился вмѣстѣ съ казаками посмотрѣть на уходившій въ горы мирный аулъ. Онъ былъ въ обыкновенной цивильной одеждѣ, безъ всякаго вооруженія, только съ однимъ хлыстикомъ, взятымъ для понуканья верховой лошади.

Въ то время, какъ казаки перераненные стали замѣтно терять бодрость духа, Акиму Акимовичу потребовалось выйти изъ каре по обыкновенной для всякаго смертнаго необходимости, о чемъ онъ и объявилъ, прося его пропустить между лошадей. Это возбудило общее

вниманіе; его уговаривали не выходить, а оставаться подъ защитой каре, но на Акима Акимовича не подѣйствовали никакія убѣжденія, и онъ прехладнокровно вышелъ изъ рядовъ, прямо подъ выстрѣлами непріятеля, и конечно исполнилъ то, что требовала его природа. На него было направлено въ это время куча непріятельскихъ выстрѣловъ, но къ удивленію всѣхъ, онъ остался цѣлъ и невредимъ, и спокойно вошелъ обратно въ каре.

Подобный эпизодъ, конечно, возбудилъ общій смѣхъ и восторгъ между защищавшимися казаками, и весьма естественно послужилъ къ возстановленію упадавшей ихъ бодрости духа. Наконецъ услышанъ былъ гулъ пушечнаго выстрѣла, который служилъ сигналомъ помощи. Груняшинъ, отыскавъ отрядъ Майделя, объявилъ ему о настоящемъ несчастіи казаковъ. Самъ Майдель давно слышалъ ружейную перестрѣлку, но думая, что это больше ничего, какъ приманка попасть въ засаду, остановился на мѣстѣ до полученія вѣрнаго о томъ извѣстія. Когда объявили, что аттакованъ маіоръ съ казаками, то войска объявили, что его не слѣдуетъ выручать, такъ какъ онъ самъ умышленно не выручилъ ихъ полка, подполковника Ронжевскаго, который и былъ убитъ со всею своею командою.

Но такъ какъ Груняшинъ представилъ на видъ, что кромѣ маіора погибаютъ съ нимъ совершенно другіе, невинные въ томъ люди, то отряду приказано было тотчасъ же двинуться на выручку, и по просьбѣ Груняшина былъ данъ вѣстовой выстрѣлъ изъ орудія.

Отрядъ Майделя поспѣшилъ на встрѣчу бѣглымъ шагомъ; все дѣло это, съ проволочками, заняло отъ начала до конца почти два часа времени.

Когда показался на виду наступавшій отрядъ Майделя, да еще при артиллеріи, чеченцы не заблагоразсудили вступать въ новый бой, и тотчасъ же отступили. Изліяніямъ радости и восторга не было бы кажется конца, еслибы участь раненыхъ не потребовала должнаго къ себѣ вниманія. Маіоръ мгновенно воскресъ и ока-

зался нераненымъ, а совершенно здоровымъ; только верхъ его папахи оказался дѣйствительно прострѣленнымъ. Пролежавъ все время боя за вѣрнымъ щитомъ убитой своей лошади, онъ въ настоящее время вновь принялъ командованіе, при чемъ обнималъ и цаловалъ Грунашина, называя его своимъ спасителемъ. Убитыхъ оказалось всего пять человѣкъ, двое тяжело раненыхъ (они въ послѣдствіи умерли отъ ранъ), остальные казаки были ранены большею частью въ ноги; изъ лошадей остались неранеными только одна изъ 89-ти. Маіоръ, семь казаковъ и Хохтатовъ—тоже изъ 89-ти. Конечно сейчасъ же были приняты мѣры къ перевозкѣ раненыхъ въ ближайшій госпиталь, но замѣчательно, что хотя раненые казаки и помѣстились въ госпиталѣ, но рѣшительно ни одинъ изъ нихъ не довѣрился лечить себя нашимъ мѣстнымъ докторамъ, а съ общаго согласія выписали чеченскихъ докторовъ изъ Андреевскаго аула кумыкскихъ владѣній — и они всѣ, до одного казака, были вылечены безъ ампутацій, несмоpя, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли по три и по четыре раны, съ раздробленіемъ костей. На другой день послѣ этого дѣла возвратился и маіоръ въ станицу. Узнать его было трудно; изъ насмѣшливаго онъ сдѣлался надмѣннымъ и гордымъ; когда я явился къ нему съ рапортомъ о благополучіи, то онъ отнесся ко мнѣ съ явнымъ пренебреженіемъ.

Черезъ двѣ недѣли сдѣлалось извѣстнымъ, что маіоръ за это дѣло награжденъ чиномъ подполковника, потомъ полковника и орденомъ св. Георгія 4-го класса.

Спустя мѣсяцъ присланъ былъ живописецъ для снятія портретовъ со всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ 24 мая.

Въ донесеніи было сказано, что казаки порѣзали кинжалами своихъ лошадей, устроили изъ нихъ баррикады, и такимъ образомъ защищались около двухъ часовъ противъ двухтысячной партіи чеченцовъ.

Конечно пересчитать число непріятеля трудно, но оставался самый живой вопросъ, если казаки были за-

щищены баррикадами, то какимъ же образомъ они всѣ, безъ исключенія, поранены были по ногамъ? Въ какомъ же положеніи находились во время боя ихъ ноги? Неужели поднятыми къ верху изъ за лошадей? — Мнѣ кажется, нѣтъ непріятнѣе впечатлѣнія, когда хорошо знаешь истину дѣла и видишь, какъ искажаютъ ее въ глазахъ живыхъ свидѣтелей. Особенно, если дѣйствующимъ лицомъ является личность, явно вамъ враждебная. Тогда, конечно, подобный поступокъ его является въ болѣе преувеличенномъ размѣрѣ.

Прочитавъ въ Инвалидѣ донесеніе объ этомъ дѣлѣ и зная его настоящую суть, я приходилъ въ ужасъ, какъ можно такъ безбоязненно и открыто обманывать на свѣтѣ божіемъ, а тѣмъ болѣе высшія власти! Неужели подобныя дѣйствія остаются безнаказанными? — и никому не будетъ надобности обнаружить истину дѣла? Неужели этотъ обманъ, такъ и долженъ умереть и быть переданъ за настоящій фактъ въ жизнь исторической эпохи того времени? Гдѣ-же на свѣтѣ истина тѣхъ справедливыхъ идеальныхъ надеждъ и радужныхъ грезъ о подвигахъ героевъ? Горькая дѣйствительность видимымъ фактомъ разбивала въ прахъ послѣ этого всякое довѣріе. Чему вѣрить: собственнымъ ли глазамъ или печатаннымъ публично признаваемымъ фактамъ? Въ молодости нравственное чувство владѣетъ всецѣло всѣмъ существомъ, и никакія постороннія вліянія не въ состояніи поколебать прямую неиспорченную совѣсть молодаго человѣка.

Для меня казалось это страннымъ, преступнымъ. Какимъ бы образомъ я смѣлъ приписывать себѣ подвиги, которыхъ не было, а тѣмъ болѣе заявлять о нихъ публично. Я полагалъ, что подобнымъ поступкомъ я долженъ бы заслужить отъ всего окружающаго меня полное къ себѣ презрѣніе. Моя молодая фантазія постоянно рисовала въ воображеніи героевъ, которымъ я сочувствовалъ, которыми восхищался, и вотъ своими собственными глазами я вижу типъ одного изъ такихъ же описанныхъ героевъ. Наступаетъ жалкое разочарованіе, въ душѣ

является невольное сомнѣніе, да и тѣ герои, которые приводили меня въ восторгъ, можетъ быть были подобны настоящему маіору. Въ эту минуту я почувствовалъ, что вѣра въ истину и справедливость поколебалась во мнѣ, что подвиги, расписываемые на бумагѣ, и подвиги, совершающіеся на самомъ дѣлѣ, двѣ совершенно разнородныя вещи, не имѣющія между собою никакой справедливой и законной связи. Бывая послѣ того между казачьими офицерами, я въ разговорахъ не скрывалъ чувствъ моихъ. Я не боялся за себя, я говорилъ сущую правду, и въ достовѣрности фактовъ могъ ручаться цѣною своей жизни. Я не думалъ, чтобы мои слова могли дойти до уха вновь произведеннаго полковника, да наконецъ былъ увѣренъ, что при правотѣ дѣла, не я, а онъ долженъ былъ опасаться меня по той причинѣ, что если разберутъ по закону суть дѣла, то весьма естественно я буду правъ, а онъ виноватъ. Я въ то время жилъ чистыми чувствами и не обладалъ тѣмъ холоднымъ умомъ, который является у человѣка только въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Это и послужило моею гибелью въ послѣдствіи.

Я разговаривалъ про дѣло 24 мая, безъ всякой задней мысли. Я не подозрѣвалъ, что въ зрѣлыхъ людяхъ можетъ возникнуть противъ меня оппозиція. Я думалъ, что подобный разговоръ между товарищами пройдетъ самъ собою, не оставивъ никакихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что я далекъ былъ отъ мысли когда либо обнаружить настоящую суть дѣла, такъ какъ это совершенно не входило въ кругъ возложенныхъ на меня служебныхъ обязанностей. Я бы и въ настоящее время прошелъ бы молчаніемъ это дѣло, еслибы оно не имѣло пагубнаго вліянія на всю мою послѣдующую жизнь.

Но не такъ отнесся къ моимъ разговорамъ виновникъ дѣла 24 мая. Чувство самосохраненія заговорило въ немъ, и онъ принялъ въ отношеніи меня такія постыдныя мѣры, которыя я считалъ бы преступленіемъ для себя, тѣмъ болѣе, что мѣры эти клонились къ обезчещенію и явной гибели человѣка, виновнаго единствен-

но въ неосторожномъ высказываніи убѣжденій пылкой, честной молодой души. Помощникомъ ему въ томъ явился его камердинеръ, извѣстный армянинъ, Биронъ Семеновичъ. Изобрѣтательность его въ этомъ случаѣ соотвѣтствовала тѣмъ понятіямъ о жизни, въ которыхъ приходилось ему постоянно вращаться.

Имѣя весьма дружественныя отношенія съ казаками, Биронъ уговорилъ одного изъ нихъ подать на меня прошеніе, что будто бы я укралъ у него деньги, въ количествѣ 65 рублей. Казаки, очень хорошо увѣренные въ сильной поддержкѣ во всемъ Бирона Семеновича, понимали, что если кому онъ захочетъ отомстить, то съумѣетъ это сдѣлать. Это своего рода врожденная азіятская мстительность. Къ моему несчастію, мнѣ случайно пришлось встрѣтиться съ Биронамъ въ лавочкѣ, и онъ мнѣ ни съ того ни съ сего, какъ говорится, наговорилъ кучу дерзостей, въ слѣдствіе которыхъ я принесъ на него жалобу полковому командиру, который, хотя и далъ мнѣ слово взыскать съ него,—но это обѣщаніе было совершенно напрасно: не онъ управлялъ Бирономъ, своимъ камердинеромъ, а Биронъ управлялъ имъ.

Жалоба моя весьма естественно раздразнила Бирона, этого временщика, и онъ рѣшился во чтобы то ни стало отомстить мнѣ. Не умѣя придумать въ головѣ своей что-либо подходящее къ обвиненію меня, болѣе правдоподобное, ему пришла мысль сдѣлать изъ меня уличнаго карманнаго вора. Между болѣе серьезными людьми, конечно, онъ не нашелъ бы поддержки своему безумному замыслу, но въ простомъ казакѣ, совершенно не понимавшемъ важности подобнаго, гнуснаго, голословнаго обвиненія, при своемъ неограниченномъ на нихъ вліяніи, онъ имѣлъ совершенный успѣхъ.

Въ лицѣ полковаго командира я тоже замѣтилъ съ нѣкотораго времени перемѣну въ обращеніи со мною. Повидимому онъ избѣгалъ встрѣчи со мною, и когда это случалось, то онъ не могъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза, и постоянно отъ меня отворачивался. Не чув-

ствуя себя ни въ чемъ виновнымъ, я не обращалъ на это должнаго вниманія.

Такимъ образомъ прошло болѣе двухъ мѣсяцовъ отъ 24 мая, какъ однажды рано утромъ является казакъ съ приказаніемъ отъ полковаго командира немедленно явиться къ нему. Я никогда не заставлялъ себя долго ждать, и теперь, одѣвшись проворно, тотчасъ же отправился къ нему. Войдя въ его квартиру, я замѣтилъ, что меня уже ожидали, а самодовольная улыбка на лицѣ камердинера дала мнѣ понять, что для меня готовилось что-то особенно непріятное.

Камердинеръ отворилъ мнѣ двери, и я вошелъ. Полковой командиръ, одѣтый по формѣ, чего съ нимъ прежде неслучалось, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Увидѣвъ меня, онъ обратился ко мнѣ съ словами: на васъ подана мнѣ жалоба.—Я спросилъ его: позвольте узнать, въ чемъ она заключается? При этомъ я старался глядѣть ему въ глаза, но онъ видимо избѣгалъ моего взгляда.

На вопросъ мой, въ чемъ заключается мое обвиненіе, онъ объявилъ: я не рѣшаюсь, я даже несмѣю вѣрить обвиненію, которое на васъ сдѣлано, но, какъ начальникъ, я обязанъ былъ принять и дать ему надлежащій законный ходъ. Я увѣренъ, я вполнѣ убѣжденъ, что вы не виноваты, но на мнѣ лежитъ непремѣнная обязанность соблюсти требуемую формальность закона. Сущность дѣла вы можете узнать въ полковомъ правленіи, я приказалъ дать вамъ прочесть поданное на васъ мнѣ прошеніе, и приказалъ тоже нарядить слѣдствіе; вамъ, какъ совершенно правому человѣку, мнѣ кажется, нечего тревожиться. Можете идти въ полковое правленіе, и въ немъ вы узнаете все, что вамъ необходимо.

Поклонившись, я вышелъ изъ его квартиры и тотчасъ же отправился въ полковое правленіе. Секретарь, на предложеніе мое показать мнѣ поданное на меня прошеніе, тотчасъ же вручилъ мнѣ его съ какою-то двусмысленной улыбкою. Когда я сталъ читать это прошеніе, я не вѣрилъ собственнымъ глазамъ моимъ. Я

полагалъ, что все это происходитъ не на яву, а во снѣ, какъ будто кошмаръ давилъ меня. Отъ ужаса и негодованія мнѣ захватывало духъ, и я, какъ ошеломленный, недочитавъ выдуманной на меня безграмотной и низкой клеветы, потерялъ чувства и упалъ. Долго ли продолжался обморокъ я не знаю, но очнувшись, сидя уже въ креслѣ, сначала я не могъ сообразить, что со мною случилось, а припоминая не хотѣлъ вѣрить дѣйствительности случившагося.

Положеніе мое было ужасно и невыносимо; мнѣ казалось, что самыя стѣны смотрятъ на меня подозрительно. Мнѣ совѣстно было даже взглянуть на нихъ, а не только въ глаза людей, которые окружали меня въ то время. Сознавъ горькую дѣйствительность, свою незаслуженную пытку, я зарыдалъ, какъ ребенокъ. Слова: воръ, укралъ деньги, какъ лезвіемъ кинжала рѣзали и безъ того больное сердце мое. Я вспоминалъ, не сдѣлалъ ли я какого нибудь зла кому нибудь? За что мнѣ предлагаютъ такое постыдное и ужасное мщеніе? За что возводятъ на меня голословную, безсмысленную клевету? У казака пропали будто бы изъ запертаго сундука деньги, замки оказались цѣлы, но будто-бы свидѣтели видѣли меня проходившимъ мимо его дома, и потому онъ предполагаетъ, что пропавшіе у него деньги взяты непремѣнно мною.

Нелѣпость обвиненія видна сама собою, и порядочный честный начальникъ развѣ допустилъ бы принять подобную жалобу, а тѣмъ болѣе на офицера. Но его собственное самосохраненіе, по дѣлу 24 мая, требовало непремѣннаго принятія въ отношеніи меня мѣръ, клонившихся къ поколебанію мнѣнія о честности моихъ правилъ въ глазахъ начальства на случай, еслибы я пожелалъ обнаружить истинные факты дѣла 24 мая. Успокоившись немного, я всталъ и подошелъ къ секретарю.

— Не боитесь вы Бога принимать такія нелѣпыя обвиненія? сказалъ я ему.

— Что прикажете дѣлать, отвѣчалъ онъ мнѣ, я лицо подчиненное, я докладывалъ полковнику, я видѣлъ, что это безсмыслица, но согласитесь, не въ моей волѣ назначить или неназначить законное слѣдствіе. Я въ этомъ дѣлѣ рѣшительно не причемъ.

Я спросилъ его: посовѣтуйте по крайней мѣрѣ, что мнѣ дѣлать въ настоящемъ случаѣ?

— Я вотъ и совѣтывать-то ничего не могу, вы можете хорошо понимать, что дѣло подчиненнаго состоитъ собственно въ томъ, чтобы безпрекословно исполнять волю начальника; не я, а онъ имѣетъ отвѣтственность за все, по закону. Но я думаю, не мѣшало бы вамъ сходить лично къ полковнику и объясниться съ нимъ объ этомъ.

Я тотчасъ же отправился. Въ прихожей я опять встрѣтилъ фигуру камердинера съ лицомъ, сіяющимъ самою злорадостною улыбкою. При входѣ моемъ, онъ тотчасъ же обратился ко мнѣ, съ словами: что вамъ угодно? Я отвѣтилъ, что желаю видѣть полковника.—Они изволили сказать, что васъ не желаютъ принимать. Имъ нѣтъ времени заниматься съ вами пустяками, добавилъ онъ.

Что мнѣ оставалось дѣлать?

Войти безъ доклада—сочтутъ за дебоширство, и тогда я буду вполнѣ виновенъ. Да наконецъ могла выйти драка, и съ кѣмъ же? съ прислугою. Опять безчестіе и оскорбленіе чувства собственнаго достоинства. Необходимо было покориться силѣ безумнаго произвола.—Я вышелъ и пошелъ на свою квартиру, безпрестанно спрашивая самого себя: личныхъ объясненій не принимаютъ.... жаловаться? — но кому? кто меня знаетъ? кому какое до меня дѣло? Кто обратитъ вниманіе на жалобу мелкаго неизвѣстнаго офицера, и къ чему можетъ привести она? Всѣ эти вопросы кружились въ моей головѣ. Я удивляюсь, какъ мозги мои въ то время не лопнули отъ напряженія волновавшихъ мыслей моихъ. Наконецъ, по долгомъ размышленіи, я рѣшил-

ся написать рапортъ къ новому полковнику, въ которомъ, изложивъ всю безсмысленность и нелѣпость взведенной на меня клеветы и указавъ на всѣ несправедливыя притѣсненія, которыя встрѣчаю отъ него, я формально просилъ его должнаго вниманія къ моему невыносимому положенію. При чемъ прибавилъ, что нанесенное мнѣ подобною клеветою оскорбленіе лично касается и его самого, какъ равнаго мнѣ офицера, носящаго со мною одинаковый мундиръ и эполеты, а наконецъ и дворянское званіе, которое не допускаетъ въ средѣ своей дворянъ, съ подобными пороками. Взаключеніе я требовалъ немедленнаго и скораго слѣдствія и преданія суду казака, виновнаго въ подобномъ оскорбительномъ для офицера совершенно голословномъ обвиненіи.

Этотъ рапортъ мой, какъ и слѣдовало ожидать, найденъ былъ дерзостью; конечно по нему не сдѣлали никакого распоряженія, сочли его вызовомъ на борьбу съ непогрѣшимою волей начальства, но однакожъ сохранили его на случай, какъ документъ, собственноручно написанный мною, яко бы въ дерзкомъ и мятежномъ духѣ. Узнавъ объ этомъ, я не успокоился, но сталъ тоже принимать должныя мѣры къ самообoронѣ отъ подобныхъ несправедливыхъ и оскорбительныхъ навѣтовъ.

Я рѣшился обратиться съ жалобою къ намѣстнику князю М. С. Воронцову, въ которой, изложивъ нанесенное мнѣ невинно оскорбленіе, просилъ его отеческой къ себѣ защиты. Долго ходила по мытарствамъ переписка съ этою жалобою, и только черезъ десять мѣсяцевъ я узналъ, что полковнику М. С. Ильинскому предписано было произвесть по ней формальное слѣдствіе. Но враги мои не дремали. Сочинивъ одну нелѣпую исторію, они неудовольствовались, имъ было мало. Они выдумали точно такую же вторую, но только съ маленькими измѣненіями: они не нашли другаго казака, который бы рѣшился посягнуть на подобную

постыдную клевету, потому что, когда сдѣлалась гласною эта исторія, то между казаками распространился даже слухъ, что казакъ, подавшій на меня прошеніе, съ обвиненіемъ въ кражѣ у него денегъ, если не докажетъ этого фактами, то будетъ судимъ, лишенъ правъ и сосланъ. Въ слѣдствіе подобныхъ разсужденій, весьма естественно, не нашлось охотниковъ между ними посягнуть на клевету. Но Биронъ Семенычъ не дремалъ и подговорилъ одного крестьянина, какъ значится въ формулярномъ о службѣ моей спискѣ, Рязанской губерніи Кленшина, котораго я вовсе не зналъ, да даже и не видѣлъ по настоящее время въ глаза, что я будто бы укралъ у него 400 р. 80 коп. ассигнаціями.

Поданное имъ на меня по этому случаю прошеніе, мнѣ не объявляли, но хранили въ добавокъ къ первому взведенному на меня обвиненію, чтобы указать, что не одинъ казакъ, но даже и крестьянинъ имѣетъ на меня подозрѣніе въ такомъ же ужасномъ порокѣ. Я не знаю, какъ на другихъ, но на меня подобная клевета дѣйствовала самымъ ужасающимъ образомъ: я возненавидѣлъ людей, свою жизнь, самого себя. Я запирался у себя дома, избѣгалъ встрѣчи съ людьми, или уходилъ въ степь, въ лѣсъ, и тамъ оставался по цѣлымъ днямъ совершенно одинъ. Мнѣ казалось, что все должно смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, отъ меня отварачиваться, избѣгать со мною всякихъ сношеній. Я объявленъ на бумагѣ преступникомъ, карманнымъ воромъ, несъ на себѣ нравственное истязаніе, страдалъ душою и сердцемъ, и не видѣлъ въ будущемъ даже конца своему незаслуженному испытанію. Мнѣ было въ то время едва 19 лѣтъ отъ роду. Неоднократно находили на меня минуты, въ которыя являлась мнѣ мысль о самоубійствѣ, я думалъ застрѣлиться или повѣситься, чтобъ разомъ покончить страданіе. Но обдумывая подобное преступленіе, я хорошо понялъ, что самоубійствомъ отврою дорогу къ полной побѣдѣ палачей моихъ. Никому не будетъ извѣстна истина, въ слѣдствіе которой я убью самъ себя, хотя бы и оставилъ

какую нибудь записку. Я здѣсь для всѣхъ чужой, развѣ рѣшится кто нибудь раскрывать и доказывать причины, побудившія, меня сдѣлать подобное преступленіе? Развѣ не скроютъ, не уничтожутъ моей записки, и не выставятъ мое самоубійство явнымъ подтвержденіемъ обвиненія? Наконецъ, что за молодушіе отчаяваться и убивать себя изъ-за нелѣпаго и безразсуднаго обвиненія, которое понятно всякому здравомыслящему человѣку. Мнѣ объявили борьбу, меня обвиняютъ невинно, хотятъ изъ видовъ своего честолюбія погибели человѣка, въ такомъ случаѣ не достойнѣе ли идти прямо грудью на встрѣчу опасности и наглому обвиненію, чѣмъ служить къ явному торжеству враговъ моихъ.

Но я одинъ, безъ покровительства, безъ протекціи, совершенно не кому поддержать меня въ такой неравной борьбѣ. Время однакожъ летѣло, и уязвленное сердце мое стало понемногу оправляться, хотя чистыя мечты мои о герояхъ замѣнились горькою дѣйствительностью совершившихся фактовъ. Молодость брала свое. Я понемногу сталъ относиться равнодушнѣе къ своему положенію, и жизнь моя незамѣтно вошла въ свою обычную колею, тѣмъ болѣе, что дѣло это какъ бы замерло, ничего о немъ было не слышно, да и знакомые мнѣ офицеры, встрѣчаясь со мною, не показывали даже и виду нерасположенія. Какъ будто что-то было, но все прошло, и прежнія непріятности не вернутся обратно. Я тоже забывалъ пережитыя мною страданія, и даже надѣялся, что изъ этихъ кляузъ ничего серьезнаго выйти не можетъ.

Между тѣмъ я уже сталъ разсчитывать каждый шагъ свой, сталъ осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и, кромѣ знакомства съ равными себѣ офицерами, избѣгалъ всякаго столкновенія съ казаками низшаго званія, боясь быть вновь оскорбленнымъ. Однимъ словомъ, избѣгалъ всякаго случая, гдѣ бы могъ встрѣтить какую-либо непріятность.

Стали поспѣвать фрукты, наконецъ поспѣлъ и виноградъ; ежедневная прогулка въ сады сдѣлалась для меня самымъ пріятнымъ временемъ. Я понемногу забывалъ случившееся и пережитое мною горе. Физическій трудъ, которому я съ охотою посвятилъ себя, при снятіи плодовъ и обрѣзываніи винограда въ саду хозяйки, много способствовалъ къ возстановленію потрясенныхъ силъ.

Я былъ опять счастливъ; веселость и беззаботность характера снова возвратились ко мнѣ, но я избѣгалъ встрѣчи съ полковникомъ. Я возненавидѣлъ его всѣми силами невинной души моей.

Я не могъ забыть никогда нанесеннаго мнѣ оскорбленія чести и не ручался за себя, если бы мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ гдѣ нибудь на единѣ. Я даже не считалъ для себя это преступленіемъ, до того нанесенная рана была чувствительна.

Но благодарю небо, не представившее мнѣ къ тому случая, да и самъ полковникъ, кажется, тоже сталъ избѣгать встрѣчи. Это стало ясно: прежде этой исторіи меня черезъ извѣстное время наряжали дежурнымъ по полку, а послѣ случившагося непріятнаго происшествія прекратили даже нарядъ. Такимъ образомъ я жилъ въ станицѣ, какъ совершенно постороннее лицо, не неся на себѣ рѣшительно никакой обязанности по службѣ, получая однакожъ за нее жалованье.

Въ концѣ сентября выслали мнѣ изъ Линейнаго баталіона деньщика Андрея Иванова, человѣка еле живаго и больнаго перемѣжающейся лихорадкою. Онъ похожъ былъ не на человѣка, а на человѣческій скелетъ, обтянутый желтою кожею, но, несмотря на это, прибытію деньщика Андрея я сильно обрадовался.

Испытавъ на самомъ себѣ не мало несправедливостей, я съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ его страдательному положенію. Онъ былъ изъ поколѣнія мордвовъ, Саратовской губерніи, Хвалынскаго уѣзда, деревни Чу-

вашскія кулатки, и даже чрезвычайно плохо говорилъ по русски.

Извѣстно, какихъ въ то время назначали изъ войскъ деньщиковъ, особенно для неизвѣстныхъ офицеровъ и въ другой совершенно родъ войскъ. Обыкновенно удаляли людей, какъ говорится, дышащихъ на ладонъ. Со дня прибытія ко мнѣ Андрея, не ему приходилось служить мнѣ, а мнѣ пришлось ухаживать за нимъ.

Я счелъ святою обязанностью употребить всѣ свои усилія, возвратить къ жизни умирающаго. Имѣвшіеся при мнѣ хинные порошки послужили спасительнымъ для него средствомъ. По прошествіи двухъ недѣль, моего Андрея уже узнать было нельзя, силы замѣтно стали возвращаться къ нему, чай и одинаковая пища со мною много способствовали къ возстановленію его слабаго здоровья. Только отъ заваловъ, пріобрѣтенныхъ лихорадкою, онъ не могъ долгое время ходить скорымъ шагомъ. Но ѣзда на моей верховой лошади къ р. Тереку, а иногда и по станицѣ, уничтожили вскорѣ и эту болѣзнь. Мой Андрей совершенно поправился и сталъ ужъ настоящимъ моимъ слугою.

Хозяйкѣ моей квартиры онъ умѣлъ всегда и во время услужить, и она была отъ него, можно сказать, безъ души. Онъ былъ по природѣ весьма оригиналенъ, маленькаго роста, немного сгорбленный, съ порядочными на лицѣ морщинами, небольшой на лбу лысиной, маленькими, но живыми сѣрыми глазами. Онъ представлялъ собою самую неуклюжую человѣческую фигуру, но между тѣмъ былъ самыхъ рѣдкихъ достоинствъ, необыкновенно трудолюбивъ, а главное честенъ. Ему въ то время было около 45 лѣтъ. Онъ прослужилъ у меня болѣе шести лѣтъ, и кромѣ какъ добромъ, мнѣ грѣхъ помянуть его чѣмъ нибудь другимъ.

Онъ отданъ былъ въ солдаты сорока лѣтъ отъ роду и оставилъ на родинѣ жену и сына, которому было

въ то время 12 лѣтъ. Взглянувъ на него, я увѣренъ, что ни одинъ бы изъ офицеровъ не рѣшился принять его къ себѣ въ деньщики, особенно при томъ языкѣ, которымъ говорилъ онъ. Напримѣръ, если ему нужно было о чемъ нибудь спросить меня, то онъ всегда обращался ко мнѣ съ словами: «эй! ты, ваше благородіе», и никакія мои увѣщанія и даже просьбы были не въ состояніи заставить говорить мнѣ вы. Онъ прямо, наивно говорилъ: „ты хотя меня убей, ваше благородіе, или засѣки меня розгами, но право говорить такъ не могу, не умѣю. Воля твоя, дѣлай, что хошь со мною.

Когда я служилъ уже въ пѣхотномъ полку, къ намъ пріѣхалъ дѣлать смотръ бригадный генералъ. Адъютантъ его былъ мнѣ товарищъ и хорошій знакомый, а потому онъ прямо заѣхалъ ко мнѣ на квартиру и остановился у меня.

Ложась вечеромъ спать, я отдаю приказаніе Андрею, чтобы къ шести часамъ утра было вычищено мнѣ и гостю парадное платье, былъ бы готовъ непремѣнно самоваръ, и ежели я не проснусь самъ, до того времени, то разбудить меня. Стѣнные часы висѣли на стѣнѣ, и я научилъ его узнавать по нимъ время. На утро Андрей всталъ рано, перечистилъ какъ слѣдуетъ платье, потомъ, не посмотрѣвъ на часы, поставилъ самоваръ, и когда онъ закипѣлъ, засыпалъ чаю и заварилъ. Исполнивъ это, онъ посмотрѣлъ на часы (была только половина шестаго), покачалъ головою, почесалъ лѣвою рукою въ затылкѣ и, подойдя тихонько къ моей кровати, сталъ меня будить. Я поднялъ голову, съ вопросомъ: что тебѣ нужно?

— Такъ ничиво, отвѣтилъ онъ, только ты спи скорѣе, ваше благородіе, полчаса остается тебѣ спать-то.

Товарищъ мой, въ то время уже не спавшій, услыхавъ подобный совѣтъ Андрея, разразился громкимъ

хохотомъ, а мой Андрей какъ ни въ чемъ не бывало, даже не улыбнувшись, вышелъ изъ комнаты.

Послѣ я его спрашивалъ: скажи мнѣ, Андрей, какъ это можно спать скорѣе?

— Что-жъ подѣлашь, ваше благородіе, платье твое и его перечистилъ, самоваръ заварилъ, смотрю выкипитъ, какъ думаю поправить дѣло, вотъ и пришелъ просить тебя, ваше благородіе, поторописься скорѣе спать.

Но за то оставьте деньги, или даже дорогія вещи, будетъ сидѣть цѣлый день въ вашей квартирѣ не ѣвши, но ни за что не оставитъ ее, безъ вашего дозволенія. Міръ и покой вѣчный да будетъ праху этого честнаго слуги.

Осенью къ нашему полку былъ прикомандированъ штабсъ-ротмистръ гусарскаго полка Фридерици, который познакомился со мною. Особенной дружбы между нами не было, но между нимъ и полковникомъ то же произошелъ разладъ. Полковникъ тоже видимо не благоволилъ къ нему, а Фридерици не хотѣлъ уступить своихъ правъ. Происшедшія между ними недоразумѣнія довели дѣло до дуэли. Эта вещь была даже внѣ всякихъ понятій офицеровъ нашего полка.

Въ одинъ день утромъ является ко мнѣ Фридерици, въ совершенно нетрезвомъ положеніи, съ просьбою быть его секундантомъ на дуэли съ полковникомъ. Хотя я понималъ, что въ правилахъ чести не слѣдовало отказывать въ подобномъ случаѣ своему товарищу; но видя его въ такомъ видѣ, я подъ предлогомъ болѣзни отклонилъ отъ себя эту обязанность.

Не смотря на мой отказъ, дуэль однакожъ состоялась. Фридерици, какъ и слѣдовало ожидать, явился на мѣсто дуэли въ совершенно пьяномъ видѣ; первый выстрѣлъ былъ уступленъ ему, какъ обиженному, но подобная уступка была не опасна, такъ какъ Фридерици, не только не въ состояніи былъ держать правильно пистолетъ въ рукахъ, но даже самъ не могъ стоять, какъ

слѣдуетъ на ногахъ. Разумѣется онъ далъ промахъ, полковникъ же, какъ истинный герой, выстрѣлилъ послѣ него прямо на воздухъ. Тѣмъ дуэль и кончилась. Куда, послѣ этой дуэли, исчезъ храбрый Фридерици, для меня осталось неизвѣстнымъ. Это мнѣ разсказывалъ Груняшинъ, бывшій секундантомъ на дуэли.

Груняшинъ былъ тоже, какъ выражались, выпить не дуракъ. Однажды мнѣ пришлось быть съ нимъ у одного изъ товарищей, тоже любившаго пропустить. Надо мной стали оба они подтрунивать, что какой де я питокъ, и мѣднаго гроша не стою. Конечно нѣтъ ничего легче, какъ затронуть самолюбіе молодаго человѣка. Весьма естественно я сталъ ихъ оспаривать и силился доказать, что я хоть и молодъ, но ни въ какомъ случаѣ отъ товарищей не отстану. Такимъ образомъ рѣшено было между нами тремя испытать кто больше выпьетъ вина (чихиря).

Уговоръ былъ сдѣланъ, каждому пить по очереди залпомъ изъ турьяго рога, оправленнаго въ серебро, вмѣстимость котораго равнялась полторы квартамъ, т. е. $^{1}/_{10}$ ведра.

Очередь первому пить вино предстояла мнѣ. Нечего дѣлать: съ волками жить, по волчьи выть, податься назадъ было стыдно. Налили рогъ въ первый разъ, и я съ удовольствіемъ выпилъ его, вино было весьма пріятное. Послѣ меня пошла круговая, наконецъ очередь дошла опять до меня, я перекрестился и выпилъ второй рогъ залпомъ. Казалось, какъ будто ничего особеннаго, но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ въ головѣ моей немного зашумѣло, а въ глазахъ какъ будто затуманило, но я находился въ полномъ сознаніи своихъ чувствъ.

Прошло еще нѣсколько времени, и вотъ новая очередь за мною. Я почувствовалъ, что этотъ рогъ подорветъ мои силы, но чувство самолюбія не позволило мнѣ отказаться отъ предложенія. Я опять перекрестился, и хотя

черезъ силу, но выпилъ этотъ послѣдній въ жизни турій рогъ. Не помню, какъ я вышелъ отъ нихъ и дошелъ до своей квартиры. Только хозяйка моя разсказывала на другой день послѣ того, что когда я переступилъ сѣнцы ея дома, то упалъ на порогѣ и поднялъ вверхъ голову. Въ это время у меня изо рта брызнулъ фонтанъ. Послѣ этого я спалъ, не пробуждаясь, цѣлые сутки, то есть около двадцати четырехъ часовъ.

Наступила глубокая осень, а съ нею показалась непремѣнная спутница, непроходимая, невылазная грязь. Весьма правдоподобно, что петербургскіе постоянные жители не имѣютъ о ней настоящаго понятія. Въ станицахъ по улицамъ въ это время образуются настоящія болота, иногда даже съ пространными и даже непроходимыми озерами, черезъ которыя переѣхать на лошадяхъ небыло рѣшительно никакой возможности; при необходимости проѣхать къ домамъ, находящимся вблизи такихъ мѣстъ, приходилось дѣлать значительные объѣзды.

Съ наступленіемъ осени, да и вообще зимы, которая тоже походитъ не на зиму, а на русскую глубокую осень, отличающуюся только выпадающимъ небольшимъ снѣгомъ, да самыми легкими морозами, вами овладѣваетъ невыносимая скука.

По грязи теряется всякое желаніе выйдти куда нибудь изъ боязни гдѣ нибудь окончательно завязнуть, чему случались неоднократно примѣры, особенно въ темныя осеннія ночи. Въ этой скучной осени осталась для меня въ памяти встрѣча съ однимъ по кадетскому корпусу товарищемъ, Либгольдомъ. Онъ случайно проѣзжалъ черезъ станицу и, узнавъ, что я нахожусь въ ней, заѣхалъ ко мнѣ. Либгольдъ въ корпусѣ былъ любимъ всѣми товарищами, какъ весьма добрый малый, но онъ страдалъ болѣзнью обжорства.

Насъ обыкновенно въ корпусѣ раздѣляли на партіи по 10 человѣкъ; во время обѣда или ужина намъ пода-

вали на 10 человѣкъ особую чашку горячаго, жаркого и пирожнаго, обыкновенно въ обѣдъ три блюда, а въ ужинъ два, и при этомъ соразмѣрное по числу душъ количество черннаго хлѣба. Случалось, съ общаго согласія мы отдавали Либгольду весь свой обѣдъ (сами же оставались всѣ безъ обѣда) съ условіемъ, чтобы онъ съѣлъ все, что называется до послѣдней крошки. И онъ, безъ всякаго усилія надъ собою, не только что съѣдалъ нашъ обѣдъ за десятерыхъ, но при этомъ обыкновенно кушалъ и принадлежавшую ему по праву его собственную порцію.

Онъ былъ высокаго роста, но не толстъ въ объемѣ, а худощавъ, и для насъ было всегда удивительно, куда могло вмѣститься въ немъ такое огромное количество съѣдаемой имъ пищи.

Зная подобную болѣзнь Либгольда, я приказалъ Андрею купить 15 фунтовъ баранины, сварить изъ 8 фунтовъ хорошій борщъ, а изъ остальныхъ 7 фунтовъ сдѣлать жаркое съ картофелемъ. При этомъ была куплена булка пшеничнаго хлѣба, вѣсомъ около десяти фунтовъ. Настало время обѣда, а такъ какъ у меня не было суповыхъ чашекъ, то я приказалъ чугунъ съ борщемъ, вмѣстимостью около ведра, принести и прямо поставить на столъ, куда былъ поданъ и хлѣбъ. Я самъ вообще ѣлъ и ѣмъ весьма мало, но вообразите, намъ двумъ оказалось недостаточно этого чугуна борщу, да и хлѣба къ жаркому не осталось и кусочка. Пришлось занимать хлѣба у хозяйки. Подали жаркое, и съ нимъ повторилась та же исторія. Деньщикъ мой Андрей выходилъ изъ себя, подымалъ руки къ верху, вздыхалъ, словомъ, имъ овладѣлъ какой-то ужасъ. Либгольдъ, съѣвъ до тла жаркое, послѣ этого ѣлъ безъ всякой церемоніи простую булку, наивно спросивъ при томъ: у тебя больше еще поѣсть нечего?

Либгольдъ проѣзжалъ на службу, а потому тотчасъ послѣ обѣда ему необходимо было отправляться въ дорогу.

Съ того времени мнѣ не приходилось встрѣчаться съ нимъ. Деньщикъ мой Андрей долго не могъ забыть его, и не рѣдко вспоминалъ, какъ о чудѣ, про обѣдъ моего любезнаго товарища.

До самой весны, которая, обыкновенно, начинается тамъ въ концѣ января, время тянулось самою однообразною картиною; никакихъ особенныхъ развлеченій не было. Обыкновенно, въ это время по вечерамъ собирались у моей хозяйки женщины и дѣвушки для разныхъ работъ: нѣкоторыя съ прялками, нѣкоторыя съ шитьемъ. Я, чтобы убить время, заходилъ къ нимъ иногда, но случавшіеся между нами разговоры не оставили въ моей памяти особыхъ выдающихся впечатлѣній. Разговоры, преимущественно, заключались въ перечнѣ обыденныхъ происшествій, обыкновенныхъ и одинаковыхъ во всѣхъ слояхъ общества: тотъ заболѣлъ, такая-то умерла, у того украли корову, такой-то сломалъ себѣ ногу и тому подобное. Тогда я пробовалъ заводить разговоръ о духахъ, привидѣньяхъ и проч., и на эту тему всегда находилъ охотныхъ слушательницъ. Подобные разсказы всегда интересовали ихъ, они были до того суевѣрны, что вѣрили сердечно всякой нелѣпости. Нѣкоторыя, иногда въ шутку называли даже меня колдуномъ, особенно когда я имъ показывалъ нѣкоторыя самыя простыя штуки изъ картъ и, дѣлая математическія выкладки, угадывалъ, или вынималъ карты, которыя они загадывали въ умѣ своемъ.

Карты они называли антихристовою забавою, и между ними считалось за большой грѣхъ заниматься ими, даже брать ихъ въ руки. По ихъ понятіямъ, въ картахъ присутствовала вся сила окаяннаго, нечистаго духа или дьявола. Нравственныя чувства ихъ стояли на самой нисшей степени развитія. Чувство страсти и платонической любви было какъ бы совершенно имъ не знакомо. Чувство женской привязанности къ мужчинѣ имѣло въ виду непремѣнно матеріальный интересъ, и въ

этомъ случаѣ различіе въ вѣрѣ не имѣло никакого существеннаго значенія. Даже въ узаконенныхъ брачныхъ союзахъ, между мужемъ и женою, не существовало въ мнѣніяхъ никакого несогласія. Женѣ очень хорошо было извѣстно, что у мужа ея есть другая жена, и на оборотъ. Эти подставныя носили названіе *побочныхъ* женъ или *побочныхъ* мужей. Окружающіе въ обществѣ хорошо знали про подобную незаконную связь, но это не считалось порокомъ, или даже проступкомъ, и не возбуждало между супругами никакой ревности. Жена, безъ церемоніи, и даже съ радушіемъ, принимала у себя въ гостяхъ побочную жену своего мужа, такъ точно поступалъ и мужъ въ отношеніи побочнаго мужа жены своей. За золото можно было купить всѣ земныя прелести, и цѣна на нихъ была не слишкомъ высокая. Они не въ состояніи, да и не умѣли въ то время, дѣлать настоящей оцѣнки красотѣ своей, которою одѣлила ихъ природа съ необыкновенною щедростью, и даже въ излишествѣ. Неоднократно при спросѣ моемъ у хозяйки, чья это казачка? Она наивно отвѣчала: *такая-то*, называла по фамиліи, *а побочная такого-то*, тоже говорила фамилію и того. Хочешь я приглашу ее и къ тебѣ, только нужно ей послать впередъ одинъ монетъ, и она тотчасъ придетъ сюда. Если казачка вступала съ вами въ интимную связь, то не иначе, какъ съ уговоромъ и перекрестившись передъ образами: окаянный, бери грѣхъ на себя.

Такимъ образомъ и разговоры съ женщинами вращались или въ сферѣ матеріальнаго интереса, или въ сферѣ обыденныхъ происшествій, такъ что не оставляли никокого впечатлѣнія. Въ началѣ февраля въ станицу пришла на квартиры рота Прагскаго полка. Въ ней я встрѣтилъ къ своему счастью товарищей изъ кадетъ, съ которыми тотчасъ же сблизился; монотонная жизнь моя измѣнилась и пошла гораздо веселѣе. Ежедневно я былъ уже не одинъ, или у меня товарищи, или я у нихъ. Объ исторіи съ своимъ полковникомъ я забылъ, да даже

забылъ и о самомъ его существованіи, на службу меня не назначали, слѣдовательно и не было съ нимъ столкновеній, а жалованье мнѣ присылали аккуратно на квартиру съ книгою, въ которой я и расписывался. И беззаботно, весело жилось мнѣ все это время. Меня оставили въ совершенномъ покоѣ, а я не считалъ себя въ правѣ безпокоить и надоѣдать своими просьбами неблагосклонному начальству.

Въ первыхъ числахъ мая мы услышали въ первый разъ о появленіи сильнѣйшей холеры на Кумнаской плоскости; болѣе пожилые люди призадумались, а мы, безшабашная молодежь, не унывали и не боялись сдѣлаться жертвою страшной странствующей гостьи.

Мы собирались по прежнему въ веселый кружокъ, пѣли старыя кадетскія пѣсни, иногда даже сопровождали ихъ стаканомъ или двумя хорошаго чихиря, поставщицей котораго была постоянно хозяйка моей квартиры.—Наконецъ, неумолимая гостья холера пожаловала и въ нашу станицу, и смертность отъ нея навела панику на все мѣстное населеніе. Припадки заболѣванія ею были мгновенны; обыкновенно черезъ нѣсколько часовъ, а иногда даже и минутъ, заболѣвшій ею человѣкъ оказывался мертвымъ.

Хотя прибѣгали въ этихъ случаяхъ къ оттиранію спиртами и другими снадобьями, но средства эти оказывались недостаточными.—Какъ я замѣтилъ, болѣзнь эта болѣе всего дѣйствовала на людей, одержимыхъ мнительнымъ характеромъ.—Одинъ офицеръ былъ чрезвычайно мнителенъ и при первомъ появленіи холеры въ крѣпости Внезапной заболѣлъ ею, но его оттерли, и онъ, выздоровѣвъ, бѣжалъ, чтобы не заболѣть, въ укрѣпленіе Герзель-аулъ. По прибытіи туда, холера и тамъ посѣтила его, но усиліями товарищей его возвратили вновь къ жизни. Онъ неудовольствовался этимъ и пріѣхалъ къ намъ въ станицу, гдѣ заболѣлъ въ третій разъ, но и

тутъ ему оказана была должная помощъ, и онъ былъ спасенъ. Затѣмъ онъ поѣхалъ отъ насъ въ крѣпость Грозную, тамъ заболѣлъ въ четвертый разъ и умеръ. И много было подобныхъ случаевъ.—Въ нашей же компаніи все было благополучно; мы не унывали, не падали духомъ, даже можно сказать школьничали.

Такъ какъ мѣстные жители были суевѣрны, и про холеру ходили по станицѣ самые нелѣпые разсказы, то мы придумали устроить небольшую шутку. Сдѣлали себѣ для трехъ деревянныя ходули, посшивали длинныя бѣлыя простыни, и въ одну темную ночь отправились на ходуляхъ, надѣвъ на себя бѣлые чахлы, по улицамъ въ станицѣ; при чемъ подходя къ избѣ и постучавъ въ окно, произносили: Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ! Въ отвѣтъ произносился аминь, отворялось окно, и вопли отчаянія и ужаса сопровождали наше быстрое отступленіе.

На другой день разсказамъ объ этомъ событіи не было конца, всѣ увѣряли, что видѣли ходившую по станицѣ холеру, въ одно и тоже время въ разныхъ концахъ станицы, что она изображала изъ себя одинаковое тройственное изображеніе, по ихъ мнѣнію потому, что она послана въ наказаніе для людей отъ святой живоначальной Тройцы, что она пошла изъ станицы и скрылась по направленію за рѣкою Терекомъ.

Даже по этому случаю служили благодарственные молебны въ мѣстной старообрядческой часовнѣ; мы нарочно отправились своей компаніей взглянуть на ихъ моленье, а особенно интересовало насъ послушать ихъ церковное пѣніе. На счетъ гармоніи голосовъ говорить особеннаго нечего, голоса грубые, тонъ пѣнія во всѣхъ молитвахъ одинаковъ, съ прибавленіемъ къ каждому слогу, слова-*та*. Напримѣръ пѣли *Иже Херувимы* такимъ образомъ: Иже-та, иже-та, иже-та, херу-та, херу-та, херу-та, вимы-та, вимы-та, вимы-та, и такъ далѣе; какое значеніе играетъ у нихъ припѣвъ къ каждому отдѣльному слогу-слова *та*, мы понять не могли.

Когда мы сознались и увѣряли, что холера по станицѣ во все не ходила, а ходили мы на ходуляхъ, покрытые бѣлыми простынями, то никто не допускалъ этому вѣры; а къ тому же, какъ нарочно, съ этого дня вновь заболѣвающихъ не было, а потому и составилось твердое убѣжденіе, что дѣйствительно путешествовала по станицѣ ночью настоящая холера.

Въ концѣ мая и я заболѣлъ, у меня открылась гастрическая лихорадка, а потому я вынужденъ былъ отправиться для излѣченія въ военный госпиталь въ крѣпость Грозную, гдѣ и пролежалъ въ госпиталѣ около мѣсяца.

Во время моего отсутствія изъ станицы пріѣзжалъ въ нее полковникъ Михаилъ Сергѣевичъ Ильинскій для производства слѣдствія по письму моему къ князю Воронцову; это было по прошествіи десяти мѣсяцевъ. Такъ какъ дѣло мое почти совершенно забылось, то я о немъ и не безпокоился, чувствуя себя совершенно невиннымъ. Хотя главный докторъ госпиталя и сообщалъ мнѣ объ этомъ, но я отвѣчалъ, что такъ какъ я отъ полковника Ильинскаго не имѣю никакого формальнаго увѣдомленія или вызова о пріѣздѣ къ нему, то считаю съ своей стороны неловкимъ безъ предложенія явиться къ нему.

Когда же получивъ облегченіе отъ болѣзни, я отправился тотчасъ-же въ станицу, то полковника Ильинскаго уже не засталъ: онъ выѣхалъ, не спросивъ меня, даже ни однимъ словомъ, по произведенному имъ слѣдствію. Только я узналъ, что онъ сбиралъ все общество офицеровъ полка, и всѣ они отозвались съ похвалою о моихъ правилахъ жизни и доброй нравственности. Слѣдовательно мнѣ безпокоиться было рѣшительно нечего—такъ какъ что можетъ быть лучше хорошей аттестаціи общества офицеровъ полка. Въ концѣ октября я получилъ предписаніе отправиться въ станицу Лабинскую и явиться въ штабъ 2-го Лабинскаго казачьяго полка, къ которому я былъ

прикомандированъ, по волѣ наказнаго атамана Кавказскаго Линейнаго казачьяго Войска.

Хотя я туда не просился, и это было сдѣлано вопреки моему желанію, но я былъ радъ подобной командировкѣ, и тотчасъ же съ удовольствіемъ отправился въ дорогу.

Горюновъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Арсеній архіеп. Элассонскій и его „описаніе путешествія въ Московію.“

(1588—89 гг.)

III.

Труды и путешествіе смиреннаго Арсенія архіеп. Элассонскаго, съ разсказомъ объ учрежденіи Московскаго патріаршества.

(Labores et iter humilis Elassonis Archiepiscopi Arsenii, ubi et Patriarchatus Moscovitici institutio narratur). [217]).

Да будетъ тебѣ извѣстно, братъ, что *1 мая* [218]), во время пребыванія моего въ городѣ *Львовѣ* (*Lobi*) [219]) я получилъ письмо отъ святѣйшаго патріарха константинопольскаго *Іереміи*, котораго, по справедливости, можно назвать вторымъ подобіемъ Іова и пророка Іереміи. Онъ писалъ, что ему желательно посѣтить великаго *канцлера польскаго Іоанна* (Poloniae Cancellarium *Iohannem*) [220]) и получить—какъ отъ него, такъ и отъ польскаго короля, грамоты на проѣздъ чрезъ Польшу и Литву (Lithuaniae), чтобы оттуда отправиться къ великому православному царю *Θеодору*, извѣстному своимъ могуществомъ и славою. Когда я прочелъ эти письма, то чрезвычайно обрадовался; оправившись отъ болѣзни [221]) и быстро собравшись въ дорогу, я купилъ лошадей и повозку (currus), имѣя все остальное заблаговременно приготовленнымъ [222]). Черезъ нѣ-

сколько дней патріархъ прибылъ къ границамъ Польши. Канцлеръ послалъ къ нему почетныхъ лицъ, убѣдительно прося—посѣтить его городъ *Замостье* (*Zamosci*). Когда я узналъ, что патріархъ намѣренъ отправиться къ канцлеру, то поспѣшилъ въ Замостье. И такъ, вечеромъ слѣдующаго дня я выѣхалъ изъ Львова, и въ воскресенье прибылъ въ Замостье, гдѣ привѣтствовалъ патріарха съ величайшимъ благоговѣніемъ, почтительно поклонившись ему. *20 мая*, въ воскресенье, когда патріархъ благословлялъ народъ, онъ пригласилъ меня къ себѣ. Продолжительная бесѣда его была полна скорби: онъ плакалъ, когда разсказывалъ о различныхъ бѣдствіяхъ, испытанныхъ имъ отъ турокъ на *о. Родосѣ*, куда онъ былъ сосланъ [223]). Между прочимъ, онъ спросилъ меня: «каково тебѣ живется съ поляками?»—«Прекрасно, отвѣчалъ я, владыка мой, подъ покровомъ твоего благословенія». Затѣмъ, когда я спросилъ его: могу ли отправиться съ нимъ къ великому и сильному царю Россіи?—онъ милостиво отвѣчалъ мнѣ: «присоединись ко мнѣ, сынъ мой, и мы отправимся въ Россію».

Его свѣтлость канцлеръ, его домашніе, и всѣ бывшіе у него принимали насъ весьма ласково, любезно и почтительно. Между тѣмъ, патріархъ получилъ отъ короля отвѣтъ. Король разрѣшалъ намъ проѣхать Польшу и поручалъ проводникамъ, которые должны были сопровождать насъ до *Бреста (Berestum)*. Онъ уже приказалъ, что бы вездѣ, во время поѣздки нашей чрезъ внутреннюю Польшу (media Polonia) и Литву, насъ принимали благосклонно и дружелюбно. По дорогѣ изъ Бреста до *Вильны (Vilnam)*, насъ провожали уже другіе проводники. Разстояніе между этими городами мы проѣхали въ 5 дней, вездѣ встрѣчая гостепріимство, На нашемъ пути собирались дворяне (nobiles) и другіе жители, и всѣ — отъ мала до велика—выходили къ намъ на встрѣчу. Мы видѣли здѣсь многихъ дворянъ, очень богатыхъ; одинъ изъ нихъ долго стоялъ въ толпѣ, вмѣстѣ съ другими. Это былъ *совѣтникъ (consiliarius)* яснѣйшаго короля Польскаго, великій *канцлеръ* (magnus *Logotheta*) всей Литвы [224]). Этого благороднаго православнаго мужа, стоявшаго вмѣстѣ съ другими, называли

«Pocarpem» [225]). Въ Вильнѣ, гдѣ мы пробыли 12 дней, насъ приняли чрезвычайно ласково и почтительно; всѣ спѣшили получить наше благословеніе. Благородный и знаменитый *«Pocarpes»* различнымъ образомъ выражалъ свою глубокую преданность намъ.

По дорогѣ изъ Вильны до *Орши (Orsiam)*— послѣдняго литовскаго города на границѣ съ Россіей, насъ провожали новые проводники. Черезъ 10 дней мы прибыли въ Оршу, гдѣ насъ приняли гостепріимно. Отдаривши своихъ проводниковъ, и отпустивши ихъ, мы направились къ границамъ Россіи, именно—къ знаменитому и многолюдному городу Смоленску *(Smolenscum)*, лежащему на берегахъ *Днѣпра* (*Borysthenem*). Когда мы подъѣхали къ городу, *воеводы* (*Voivodes*) [226]) его выслали на встрѣчу людей, которые проводили насъ въ домъ, находившійся *внѣ стѣнъ города, около торговой площади;* насъ приняли здѣсь очень почтительно. Воеводы прислали чиновниковъ, которые просили насъ представить списокъ лицъ свиты патріарха, и каждому опредѣлить *мѣсячное содержаніе* (demensum frumentum). Мы исполнили ихъ просьбу. Вслѣдъ за ними прибыли другіе чиновники, немедленно отправлявшіеся къ великому царю, съ извѣстіемъ о нашемъ пріѣздѣ. Мѣстный епископъ (locique episcopus) [227]) въ продолженіи нѣсколькихъ дней присылалъ намъ *прекрасныя кушанья* (exquisitas dapes); кромѣ того, каждому изъ насъ онъ приказалъ отпускать мѣсячное содержаніе (frumenti mansuram) изъ собственныхъ средствъ (proprium ordinem) [228]).

Получивъ извѣстіе о нашемъ пріѣздѣ, царь немедленно прислалъ пословъ, которые должны были сопровождать насъ въ дорогѣ. Они привезли слѣд. письмо царя къ патріарху:

«Я Ѳеодоръ, православный и великій царь Владимірскій (Volodimeriae), Московскій (Moscoviae), великой Россіи (Russiae), Астрахани (Astracani), Казани (Cazani), великаго Новгорода (Novoguardiae) и величайшей (*sic*) Рязани (Rhesaniae maximae),—царь всей сѣверной страны (Septentrionalis regionis) и обширнѣйшей Сибири (Siberiae), умоляю тебя, владыка мой: потрудись пріѣхать въ *Москву (Moscham)*, чтобы я могъ получить твое благословеніе».

Въ субботу, въ праздникъ первоверховныхъ ап. Петра и Павла, епископъ и воевода пригласили насъ въ церковь, находившуюся въ городѣ. Здѣсь мы отслужили божественную литургію.—Изъ Смоленска мы отправились съ царскими послами (legatis) [229]) въ Москву, пользуясь, въ продолженіе всей дороги, содержаніемъ отъ царскихъ щедротъ (Regiis sumtibus). Мы старались поскорѣе кончить свое путешествіе.

Черезъ 10 дней [230]) мы прибыли въ знаменитую Москву—городъ, украшенный *великолѣпными зданіями* (praeclaris aedificiis) [231]). Насъ встрѣтили дворяне (nobiles viri) [232]); народу было безчисленное множество. Мы заняли домъ епископа великой Рязани.

Царь прислалъ къ намъ бояръ (nucilitate praestantes viros) и многихъ другихъ высшихъ сановниковъ. Каждый день намъ готовился на царскій счетъ обѣдъ изъ *превосходныхъ и разнообразныхъ блюдъ*; за столомъ намъ прислуживали ключники (tricliniarchaae), повара, кравчіе (pincernae) и другіе прислужники—младшіе и старшіе [233]). Чрезъ нѣсколько дней царь прислалъ къ патріарху вельможъ, въ блестащихъ *золотыхъ одеждахъ* (auresque strangulis) [234]), украшенныхъ жемчугомъ. Они пригласили великаго патріарха въ царскія палаты, куда онъ немедленно и отправился. Впереди шли дворяне—младшіе и старшіе, позади—монахи, въ своихъ черныхъ мантіяхъ, по срединѣ уже, съ патріархомъ—*Монемвасійскій (Monembasiensis)* [235]) митрополитъ и я—*Элассонскій епископъ* [236]), смиренный *Арсеній*, родомъ изъ *Эллады* (ab Hellade profectus). Со всею свитою мы приблизились къ широкой и изящной лѣстницѣ [237]) царскихъ палатъ. Подлѣ этой лѣстницы мы сошли съ коней, что бы войти въ палату. Стоявшіе здѣсь дворяне [238]) объявили патріарху отъ имени царя слѣдующее:

«Знаменитый Θеодоръ, великій царь и величайшій императоръ (sic) могущественной Россія проситъ тебя, патріархъ, пожаловать въ верхнюю палату».

Святѣйшій патріархъ такъ отвѣчалъ имъ: «да исполнится приказаніе царя безъ всякаго препятствія и замедленія! Поэтому, отправимся немедленно въ верхнюю палату, со всѣмъ этимъ собраніемъ дворянъ».

Потомъ великій царь снова послалъ двухъ знаменитыхъ дворянъ [239]), которые въ весьма почтительныхъ выраженіяхъ передали патріарху, отъ имени царя, слѣдующее: «царь Θеодоръ, великій императоръ всей Россіи, царь царей (Rex Regrum), проситъ тебя—пожаловать къ нему, ибо онъ сильно желаетъ увидѣть тебя и получить твое благословеніе». Святѣйшій патріархъ, константинопольскій и вселенскій отвѣчалъ на это такъ: «приказаніе цара немедленно исполнимъ; да царствуетъ царь во вѣки!»

Тогда двое вельможъ взяли патріарха подъ руки (sub alis) и привели его къ дверямъ палаты [240]), со всѣхъ сторонъ *сверкавшей золотомъ* [241]). «Великій царь сидѣлъ здѣсь на тронѣ (thronem). Когда онъ увидѣлъ насъ, тотчасъ поднялся и сошелъ съ трона, держа въ рукѣ скипетръ (sceptrum).

Патріархъ сталъ вблизи царя; но, прежде всего, помолился образу Госпожи и покровительницы всего міра Богородицы. Этотъ образъ, украшенный рубинами, смарагдами, алмазами, сапфирами, топазами, жемчугомъ и друг. драгоцѣнными камнями,—находился *внутри царскаго трона* [242]), немного *возвышаясь надъ головою царя*. Помолившись иконѣ, патріархъ сталъ подлѣ царя и, поднявъ свою руку, пожелалъ ему всякаго благополучія и долголѣтія. Именно, онъ пожелалъ, чтобы предѣлы русскаго царства распространялись въ длину и ширину, чтобы русскій царь господствовалъ надъ многими землями, чтобы его имя славилось во всѣхъ странахъ востока и запада, чтобы, наконецъ, онъ получилъ наслѣдника, который бы занялъ въ послѣдствіи его престолъ!

Выслушавъ эти благожеланія, великій царь—голова котораго была украшена *діадемою* (diademate) [243]) и великолѣпною *короною* [244]),—поклонился патріарху и такъ отвѣчалъ ему: «благодарю тебя, владыка мой, патріархъ! Богъ, «все благословляющій, да приметъ къ сердцу твои моленія и благосклонно да содѣйствуетъ твоимъ благожеланіямъ!» Затѣмъ царь прибавилъ: «владыка мой! твоя святость *кстати* (opportume) посѣтила наше царство во дни моего правленія». Послѣ того царь взошелъ на высокій золотой тронъ [245]), пригласилъ патріарха сѣсть по правую руку отъ себя,—въ знакъ особенной

чести; а намъ приказалъ сѣсть [246]) по правую сторону отъ патріарха. Сидя на высокомъ тронѣ, царь держалъ въ правой рукѣ искусно сдѣланный *скипетръ* [247]), унизанный отборными смарагдами, топазами, красивыми рубинами, большими алмазами, сверкающими сапфирами и др. драгоцѣнными камнями. Въ сторонѣ стоялъ большой, вылитый изъ золота *шаръ sphaeram*), на которомъ была изображена вся вселенная (totius terrae ambitus) [248]). — Присутствовавшіе здѣсь—князья (Cneses), областные правители (Provinciarum Toparchae), военачальники (Duces), дворяне (nobiles) и всѣ монахи—весьма почтительно стояли [249]).

Снова поднялся царь и сказалъ: «благослови меня, святѣйшій владыка!» Патріархъ, приблизившись, снова благословилъ царя и пожелалъ ему благополучной, благочестивой и долголѣтней жизни.

Послѣ царя взяли у патріарха благословеніе всѣ остальные присутствовавшіе. Растроганные этими чрезвычайными почестями, мы вышли изъ палаты и, въ сопровожденіи большой свиты, вернулись домой, куда вошли съ нами только немногія знатныя особы.

Послѣ того, какъ мы прожили здѣсь *двѣ недѣли* [250]) вмѣстѣ со многими знатными царскими сановниками [251]), патріархъ заявилъ, что пришла пора—вернуться ему къ своему константинопольскому престолу. Тогда явился къ патріарху знаменитѣйшій сановникъ (Archon), старшій изъ царскихъ бояръ (Barones Regis) [252]), царицынъ «*Μαιμων*» [253]), намѣстникъ (Dux) великой *Казани* (*Casani*) [254]), слава о которой распространяется во всѣхъ частяхъ свѣта. Принявъ благословеніе отъ патріарха, онъ пожелалъ ему здоровья отъ имени царя и благочестивѣйшей царицы.

Когда патріархъ пожелалъ имъ благополучія и спросилъ: „какъ они здравствуютъ?"—благородный бояринъ отвѣчалъ: „прекрасно,—Божіею помощью и милостію."

Потомъ онъ всталъ и — *не безъ страха* (non sine timore) [255]), но почтительно и въ порядкѣ передалъ патріарху слѣд. просьбу великаго Өеодора, царя великой Россіи:

„Великій патріархъ константинопольскій и вселенскій, свя-

тыхъ святѣйшій! умоляю и заклинаю тебя: благосклонно выслушай эти рѣчи, которыя обращаетъ къ тебѣ царь! Θеодоръ, могущественный и великій царь Владимірскій, Московскій и всей Россіи, проситъ и молитъ тебя—*остаться* (moram figere) *въ Московской землѣ и быть патріархомъ* Владимірскимъ, Московскимъ и всей Россіи, *чтобы, поэтому, получить большее право на наименованіе вселенскаго патріарха* (unde potriori ratione Oecumenicus appellabere). Если ты согласишься на это, то—ты самъ, лица твоей свиты и твои родственники будутъ получать очень богатое содержаніе (census)."

Выслушавъ эту рѣчь, патріархъ немедленно отвѣчалъ „благодарю за расположеніе и вниманіе ко мнѣ великаго царя Θеодора и госпожу царицу Ирину, желающихъ украсить свое царствованіе учрежденіемъ собственнаго патріаршества, которое, дѣйствительно, составляетъ великое украшеніе всѣхъ странъ. Но ихъ желаніе *не можетъ быть исполнено*: меня ждутъ въ Константинополѣ—архіепископы, епископы, пресвитеры, монахи и всѣ жители его. Однако, чтобы *нѣкоторымъ образомъ удовлетворить желанію царя*, да будетъ избранъ патріархомъ кто либо другой, по установленнымъ законамъ и по согласію епископовъ." Благородный бояринъ (Baro) *чрезвычайно опечалился* (indoluit), что патріархъ не можетъ остаться въ Россіи. Съ полученнымъ отказомъ онъ отправился въ царскія палаты, чтобы передать царю рѣчь патріарха. Явившись къ царю, онъ въ порядкѣ разсказалъ ему выслушанное имъ отъ патріарха.

Какъ скоро царь узналъ отказъ патріарха, то былъ пораженъ *чрезвычайною скорбію* (maximo moerore) и воскликнулъ: „исполнятся ли теперь наши желанія? Да перемѣнитъ всемогущій Богъ волю патріарха! Пусть соберутся всѣ епископы, старшіе архимандриты и всѣ бояре!" Всѣмъ епископамъ и боярамъ немедленно было приказано собраться въ царскія палаты. Итакъ, собираются всѣ епископы, старшіе архимандриты и бояре и, въ присутствіи царя, устрояютъ соборъ (Synodum) во внутренней палатѣ (in aulae medio) дворца. Всѣ члены собора *единогласно* (una você) выражаютъ свое *сильное желаніе*, чтобы константинопольскій и вселенскій патріархъ

управлялъ русскимъ патріаршествомъ въ продолженіе всей своей жизни.

Тогда царь, епископы и всѣ прочіе знатные члены собора послали къ патріарху, съ извѣстіемъ о своемъ рѣшеніи, знаменитаго благороднаго сановника *Андрея Щелкалова (Andream Tzalcanem)*, человѣка пожилыхъ лѣтъ, одареннаго большою мудростію, ученостію и добродѣтелью [256]), а также—его роднаго брата *Василія (Basilium)* [257]). Явившись къ великому патріарху—мужу, чествуемому всегда и вездѣ, — они, прежде всего, поклонились ему и взяли у него благословеніе. Затѣмъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ они объявили ему рѣшеніе царя и всего собора: „благосклонно выслушай насъ, святѣйшій, благочестивый патріархъ! Царь Θеодоръ, правящій Россіею, которая простирается отъ Востока и до Запада и — всею сѣверною страною,—также: всѣ русскіе епископы и бояре, умоляютъ тебя остаться нашимъ патріархомъ на всю свою жизнь. Если ты согласишься на это, то получишь отъ царя дорогіе подарки, области, знаменитые города—большіе и малые, мѣсячное содержаніе и *ежедневно* (singulis diebus)—*тысячу новгородскихъ денегъ (aspra Nogratia mille)* [258]). Равнымъ образомъ и лицамъ твоей свиты будутъ даны особенныя области, чтобы они пользовались подобающимъ имъ почетомъ; кромѣ того, они будутъ получать значительное содержаніе и все необходимое для жизни." Сказавши это, они поклонились патріарху.

Патріархъ отвѣчалъ имъ такъ: „приношу величайшую, какую только могу, благодарность великому царю Θеодору и благочестивой царицѣ Иринѣ (Ireni) за ихъ милостивое ко мнѣ расположеніе. Благодарю, также, и святѣйшій соборъ, который, въ видахъ возвеличенія русскаго царства, *по собственному желанію* (votis suis) предлагаетъ мнѣ Московское патріаршество. Но я никакимъ образомъ *не могу остаться* здѣсь *и принять* это предложеніе. Ибо епископы, пресвитеры и всѣ жители Константинополя пишутъ, теперь, ко мнѣ, чтобы я вернулся къ нимъ. Поэтому, я желаю поскорѣе проститься съ царемъ, чтобы немедленно отправиться къ своей церкви, которую я почитаю — какъ мать, меня носившую. Я

долженъ ѣхать туда, чтобы поддержать свою церковь — немощную и старѣющуюся, чтобы сохранить многихъ знаменитыхъ ея членовъ, которые, щедро получивши отъ церкви великія блага и милости, теперь почти совсѣмъ оставили ее, не почитаютъ и не стараются доставить ей какое либо утѣшеніе. Но я, первый сынъ своей церкви, мститель и стражъ моихъ братій, желаю несть заботы о моей старѣющейся матери — церкви, чтобы заслужить ея святое благословеніе и сдѣлаться достойнымъ наслѣдія всѣхъ праведныхъ, которое составляетъ предметъ моего искренняго желанія! *Чтобы исполнить волю царя и удовлетворить желаніе* всего знаменитаго русскаго *собора*, я готовъ—по волѣ моей матери—церкви и по согласію всѣхъ моихъ братій,—поставить патріарха для всей Россіи, по установленнымъ законамъ и по чину (ex ordine).“

Послы поклонились патріарху и вернулись въ царскія палаты, чтобы передать отвѣтъ патріарха царю и собору. Когда епископы и пресвитеры — младшіе и старшіе, выслушали пословъ, то *чрезвычайно огорчились* и сказали: „какъ мы исполнимъ теперь свои намѣренія, не противясь волѣ всемогущаго Бога и желанію патріарха?“—Тогда царь и соборъ снова посылаютъ къ патріарху двухъ достопочтенныхъ и благочестивыхъ епископовъ. Явившись къ патріарху и почтительно облобызавъ его святую руку, епископы слѣдующимъ образомъ привѣтствовали его отъ имени царя: „великій царь Россіи и царица Ирина, епископы и прочіе члены собора свидѣтельствуютъ твоей святости усерднѣйшее почтеніе. Будь увѣренъ, владыка, что царь и всѣ члены собора — младшіе и старшіе, *поражены чрезвычайною скорбію* оттого, что ты не желаешь остаться здѣсь, чтобы быть *патріархомъ всей Россіи и вселенскимъ*. Ты отказываешься—владѣть большими богатствами, городами, областями — большими и малыми, и получать отъ царя мѣсячное содержаніе и ежедневно — тысячу новгородскихъ денегъ. Равнымъ образомъ, ты не желаешь, чтобы и лица твоей свиты получили соотвѣтственно своему положенію,—города, дорогіе подарки, имѣнія и все необходимое къ жизни. Но такъ какъ ты не можешь остаться здѣсь и быть

русскимъ патріархомъ, то царь, царица и всѣ епископы — младшіе и старшіе, просятъ тебя поставить великимъ Московскимъ патріархомъ того, кого изберетъ царь и соборъ. Они просятъ тебя, также, чтобы ты потрудился теперь же пожаловать въ митрополичью церковь (Metropolitanam Ecclesiam), для выбора и провозглашенія патріарха, слава котораго широко разойдется, потомъ, по всей землѣ!"

Знаменитый и великій константинопольскій и вселенскій патріархъ слѣдующимъ образомъ отвѣчалъ епископамъ, посланнымъ отъ собора: „по соизволенію всемогущаго и все благословляющаго Бога, которому, несомнѣнно, принадлежитъ и это предпріятіе,—да исполнится воля великаго царя могущественной Россіи, Владимірскаго, Московскаго и всей сѣверной страны и — воля почтеннѣйшей государыни Ирины (Ireneis), также—епископовъ и всего собора."

Послѣ этого мы отправились въ митрополію (Metropolim) [259]), гдѣ насъ встрѣтили — царь, епископы, старшіе архимандриты, бояре и другіе сановники. Въ стройномъ порядкѣ мы направились къ церкви; впереди шли епископы въ мантіяхъ, потомъ — пресвитеры и діаконы въ священныхъ одеждахъ; помолившись, всѣ вошли въ церковь. Патріархъ сѣлъ на амвонѣ (throno); епископы же отправились въ *алтарь* (in sanctuario), гдѣ были приготовлены для нихъ сѣдалища; каждый занялъ назначенное ему мѣсто. Вмѣстѣ съ епископами сѣли—Монемвасійскій митрополитъ *Іероѳей* (Ierotheus) и я, смиренный *Арсеній*, Элассонскій епископъ, родомъ изъ Эллады.

Здѣсь мы *избрали*, согласно обычаю, *трехъ епископовъ*, одного изъ которыхъ царь долженъ былъ назначить патріархомъ; при этомъ, мы *собственноручно писали имя* епископа, какого кто желалъ.—Потомъ мы встали, вышли отсюда и присоединились къ патріарху. Когда царь чрезъ пословъ пригласилъ насъ къ себѣ, мы вышли изъ церкви и отправились съ патріархомъ въ царскія палаты. Царь встрѣтилъ насъ въ дверяхъ и, взявши у патріарха благословеніе, взошелъ на очень высокій тронъ (solium), а патріархъ сѣлъ подлѣ него; потомъ усѣлись всѣ епископы, благородные бояре и другіе

сановники, вошедшіе сюда съ нами. Тогда всталъ благочестивый патріархъ, вмѣстѣ съ царемъ великой Россіи Θеодоромъ и *объявилъ* (exhibuit) *ему имена лицъ, избираемыхъ на патріаршество*, чтобы онъ назначилъ одного изъ нихъ. Царь, почтительно выслушавши имена избираемыхъ, прежде всего обратился къ великому и всемогущему Богу съ такою молитвою: „благодорю тебя, Боже, и славлю твое великое имя, крѣпкое провидѣніе и премудрѣйшій промыслъ,—за то, что ты послалъ къ намъ благочестиваго и великаго константинопольскаго и вселенскаго патріарха, который по своему соизволенію даруетъ нашему царству патріарха." Затѣмъ, обратясь къ великому патріарху, царь благодарилъ его въ такихъ выраженіяхъ: „приношу твоей святости великую благодарность, константинопольскій патріархъ, за то, что въ наше царствованіе ты пожелалъ посѣтить Россію; теперь прошу тебя—возвесть митрополита *Іова* (Iobum) въ санъ всероссійскаго патріарха."

Патріархъ благодарилъ царя такъ: „всемогущій Богъ, по соизволенію своего безконечнаго промысла, правящаго всѣмъ міромъ, да исполнитъ всѣ твои желанія и премудро да устроитъ всѣ твои предпріятія!"

Поклонившись царю, мы вышли изъ царскихъ палатъ и вернулись домой. *На пятый день* послѣ предъидущаго собранія *царь утвердилъ избраніе Іова* на Московское патріаршество.

Въ воскресенье [260]) снова пришли къ патріарху епископы и множество знатныхъ придворныхъ чиновъ (viri aulici). — Выйдя изъ дому, мы всѣ — младшіе и старшіе, отправились въ церковь. Здѣсь патріархъ сѣлъ на высокомъ амвонѣ, имѣвшемъ *12 ступеней*, изящно украшенныхъ [261]). Онъ былъ поставленъ посреди церкви, противъ алтаря. Отъ верхушки амвона до св. алтаря *была протянута бархатная матерія* (villosum sericum), вытканная золотомъ, а также — чернымъ, краснымъ, голубымъ и др. цвѣтами [262]). На амвонѣ были устроены сѣдалища (sedes) для патріарха и царя великой Россіи Θеодора [263]); а сѣдалища для епископовъ — простой формы (recto ordine), — были поставлены на ступеняхъ амвона [264]). На этомъ амвонѣ патріархъ облачился въ одежды ве-

ликой церкви (magnae Ecclesiae) [265]) и надѣлъ, полученную имъ отъ царя, великолѣпную и дорогую митру (mitram); а мы отправились въ алтарь, гдѣ и облачились въ св. одежды и надѣли, пожалованныя намъ отъ царя, дорогія митры. Облачившись, мы заняли свои мѣста въ алтарѣ, а патріархъ и царь сѣли посреди церкви. — Тогда были присланы къ намъ два протодіакона—*Леонтій* (Leontius), діаконъ великой церкви [266]), а другой русской церкви. Они передали намъ приказаніе патріарха и царя, чтобы два епископа вышли къ своимъ сѣдалищамъ въ церкви; вслѣдъ за ними и мы отправились туда же и заняли свои мѣста, каждый—соотвѣтственно своему сану. Тогда былъ положенъ вблизи царскихъ дверей великолѣпный *коверъ съ двуглавымъ орломъ* [267]), подлѣ котораго стали *вооруженные люди* (armati viri) [268]), усердно охраняя мѣсто (diligenter 'locum custodientes), пока не былъ введенъ старшій русскій епископъ—Московскій митрополитъ Іовъ, знаменитый и благочестивый мужъ, избранный соборомъ на Московское патріаршество. И такъ, онъ явился, *сталъ* на коверъ (*seditque* [269]) (super pulvinar) и поклонился всему собранію. Ему была поднесена *большая книга* (ingens liber); громогласно, вслухъ предъ патріархомъ и всѣми епископами онъ прочелъ по этой книгѣ божественный *символъ*. Между тѣмъ, патріархъ, царь и епископы сидѣли.—Тогда *старшій протопопъ* (*Protopapas* magnus) и *протодіаконъ* великой церкви подвели Іова къ патріарху, который въ продолжительной молитвѣ *призвалъ на него благодать св. Духа*, возводящую его въ санъ патріарха великой Россіи; потомъ, по обычаю (de more), Іовъ *далъ цѣлованіе* патріарху и всѣмъ епископамъ. Тогда онъ сѣлъ подлѣ патріарха и сидѣлъ до *малаго входа* (minor ingressus) (или — *чтенія евангелія* [270]); по окончаніи его всѣ епископы, игумены и пресвитеры поклонились Іову.

Мы всѣ вошли въ алтарь, гдѣ начали пѣть св. пѣсни и молитвы и многолѣтствовать великаго патріарха и великаго царя Владимірскаго, Московскаго и всей сѣверной страны. Въ это время, въ алтарѣ, предъ престоломъ, было поставлено сѣдалище. Послѣ молитвъ, пѣвцы громко пропѣли „трисвятое“ (trisagium) „τὸ δύναμις“ [271]); пѣли же—великій пас-

хальный доместикъ (magnus Domesticus Paschalis) [272]) и другіе патріаршіе пѣвцы.

Послѣ „трисвитаго" патріархъ благословилъ собраніе; Іовъ сталъ по правую руку патріарха, который громогласно провозгласилъ въ слѣдующихъ словахъ *поставленіе* благочестиваго митрополита Іова въ санъ патріарха: „Свыше нисходящая благодать св. Духа возводитъ тебя съ митрополичьей каѳедры на высшую каѳедру патріарха Владимірскаго, Московскаго, Всероссійскаго, всѣхъ *Гиперборееъ* omnium *Hyperboraeorum* и всей сѣверной страны. „Всѣ епископы, просвитеры, игумены—младшіе и старшіе, возблагодарили Господа и громогласно пропѣли" *Κλῦτε 'Εβεῖρου*" и „*ἅγιος*." Послѣ рукоположенія оба патріарха, всѣ епископы, пресвитеры, архимандриты и игумены приступили къ совершенію божественной литургіи [273]); патріархъ усердно молился Богу. Послѣ божественной литургіи, всѣ пріобщились божественнаго Тѣла и Крови [274]). Затѣмъ, мы разоблачились въ алтарѣ. Патріархи, сойдя съ амвона (ambonem), сняли драгоцѣнныя св. одежды, украшенныя жемчугомъ, алмазами и др. драгоцѣнными камнями и—сѣли въ пожалованныхъ имъ мантіяхъ; мы присоединились къ нимъ.

Тогда царь началъ «*жаловать*» русскаго патріарха многими *дарами* (donis). Царь всталъ, вмѣстѣ съ нимъ встали—патріархи, епископы, архимандриты и игумены. Царь приказалъ новому патріарху снять мантію и собственноручно возложилъ на него великолѣпнѣйшую *панагію* (Encolpion) [275]), на золотой цѣпочкѣ (это—*ящичекъ* (thecam), съ частицами св. мощей или животворящаго креста, который носятъ на груди [276]). Потомъ царь собственноручно пожаловалъ русскому патріарху великолѣпную и дорогую *мантію* изъ Венеціанскаго бархата (ex villoso serico Venetiis), сверху до низу украшенную крупными алмазами и друг. драгоцѣнными камнями. Затѣмъ, пожаловалъ ему *подризникъ* (lineas candidas), унизанный рубинами (rubies intextas) [277]), крупнымъ жемчугомъ и др. драгоцѣнными камнями. Пожаловалъ также, *бѣлый клобукъ* (Calimauchirum album) [278]), украшенный отборными драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; *на клобукѣ* возвышался св. *крестъ* Спасителя нашего Господа Іисуса Христа. Клобукъ

былъ украшенъ многими рубинами, топазами, круглымъ жемчугомъ, крупными алмазами и др. драгоцѣнными камнями, по срединѣ его, ближе къ верхушкѣ, были изображены слѣд. слова: «даръ царя патріарху Іову». Наконецъ, царь вручилъ патріарху превосходный и очень дорогой *золотой посохъ* (baculum), украшенный драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ и *раздѣленный на* 4 *колѣнца* (quatuor *in nodos* distinctum) [279]). Послѣ того, царь обратился къ Іову съ такими словами: „святѣйшій и благочестивый патріархъ, отецъ отцовъ, первоначальникъ (Primas) Русской церкви, патріархъ Владимірскій, Московскій, всей сѣверной страны, Астрахани, Казани, великаго Новгорода, Рязани и всей Сибири! Я объявляю тебѣ первенство (primatum) надъ всѣми русскими епископами и повелѣваю, чтобы на будущее время ты облачался въ дорогой *саккосъ* (saccum) «(это—одежда патріарховъ, безъ рукавовъ (manicis carentem), сжимающая тѣло на подобіе мѣшка (instar sacci) [280]),—» *митру* и *омофоръ* (magnam cappam) [281]). Ты будешь провозглашенъ патріархомъ во всѣхъ царствахъ, странахъ и областяхъ, и станешь отселѣ братомъ константинопольскаго и всѣхъ другихъ патріарховъ!» Сказавши это, царь принялъ благословеніе отъ Московскаго и Владимірскаго патріарха, въ это время пѣвчіе громогласно пѣли многолѣтіе царю, великому патріарху конст-му и новому патріарху Московскому.

Наконецъ мы всѣ—царь, патріархи, епископы, архимандриты, игумены и бояре,—оставили церковь и отправились въ царскую палату, которая вся сіяла золотомъ (auro strata) [282]). здѣсь мы сѣли за столъ. Прежде всѣхъ сѣлъ царь, потомъ константиноп-ій и вселенскій патріархъ, новопоставленный патріархъ Владимірскій, Московскій и всероссійскій, всѣ епископы, каждый—соотвѣтственно своему чину, наконецъ—всѣ бояре, дворяне и знаменитые военачальники. Съ нами сѣли также, *дворяне Грузіи* (*Nobiles iberiae*), пріѣхавшіе оттуда съ нами, чтобы привѣтствовать Московскаго царя, поднесть ему дань и присягнуть ему на вѣчное подданство, какъ своему законному царю и господину.

Итакъ, когда всѣ эти лица—царь, епископы и вельможи

усѣлись, пѣвчіе начали пѣть, а патріархъ конс-ій благословилъ собраніе [283]). — Могу ли я точно описать всѣ находившіеся здѣсь драгоцѣнные предметы и разсказать—сколько здѣсь присутствовало благородныхъ сановниковъ и сколько было на нихъ дорогихъ уборовъ и золота!? Мы видѣли здѣсь серебряные боченки (cados), съ золотыми крышками (coronis), кубки (phialas) и другія части, наполненныя отличнѣйшимъ Монемвасійскимъ виномъ [284]): кромѣ того, намъ подавалась самая лучшая романея (Romania) [285]) и превосходнѣйшее во всемъ свѣтѣ Критское вино (Cretense), приготовленное изъ пчелинаго винограда (apianis uvis) [286]). Мы видѣли здѣсь множество золотыхъ сосудовъ (amphoras) различныхъ размѣровъ; нѣкоторые сосуды были очень велики: одинъ изъ нихъ не могли бы поднять и 12 человѣкъ. Одни сосуды изображали львовъ, другіе—медвѣдей, волковъ, быковъ, коней, зайцевъ, оленей. Мы видѣли еще: единорога съ большимъ рогомъ, разныхъ четвероногихъ, а также—цыплятъ, павлиновъ съ золотыми крыльями, журавлей, аистовъ, утокъ, гусей, большихъ пеликановъ, страусовъ—большихъ и малыхъ, фазановъ, голубей, куропатокъ, горлицъ [287]). Все это было расположено красиво, въ стройномъ порядкѣ и все было сдѣлано изъ золота, или серебра. Здѣсь же находилось изображеніе охотника, приготовляющаго сѣти; онъ былъ такъ искусно сдѣланъ, что казалось, будто онъ сейчасъ схватитъ свою добычу [288]). Подобнаго рода чашъ и сосудовъ было такое множество, что я не могъ бы и пересчитать ихъ. Вообще, столъ такъ изобиловалъ золотомъ, что никто не могъ бы пересчитать множества сосудовъ—большихъ и малыхъ, сдѣланныхъ изъ превосходнѣйшаго, чистѣйшаго золота.

Когда царь, ***патріархъ*** (Patriarcha) [289]) и всѣ остальные встали изъ-за стола, на середину палаты выступилъ ***великій казначей*** (magnus Vestiarius) [290]) царя Московскаго, всероссійскаго, Астраханскаго, Казанскаго, Новгородскаго, сѣверныхъ странъ и обширнѣйшей Сибири. Его сопровождало множество слугъ, несшихъ дорогіе подарки. Казначей объявилъ слѣдующее великому патріарху конст—му и вселенскому:

«Великій патріархъ конст—ій и вселенскій, святыхъ свя-

тѣйшій! Знаменитый Өеодоръ, великій царь Владимірскій, Московскій и всей сѣверной страны, жалуетъ тебя подарками, что бы ты возсылалъ о немъ свои спасительныя молитвы къ Богу—Покровителю. Именно, царь жалуетъ тебѣ: большой позолоченный *кубокъ* (maximum deauratum calicem) изящной работы, съ прекрасною крышкою (coopertum) [291]),—*венеціанскій бархатъ* (villosum sericum Venetum) [292]), *рытой бархатъ* (pannum sericum ad instar contexti e villis caprinis) [293]), другую—тонкую матерію, сдѣланную на образецъ *Дамасской* (rasum more Damasceno confectum) [294]), прекрасную *обьяръ κλάβια* [295]), *мѣха* Сибирскаго соболя (muris Pontici ex Siberia) [296]), наконецъ—множество *большихъ Новгородскихъ денегъ* (Nogratia magna) [297]), съ изображеніемъ царя [298]). Царь жалуетъ тебя всѣмъ этимъ, чтобы ты возсылалъ къ Богу молитвы о благополучіи и здравіи царя.»

Святѣйшій патріархъ, воздѣвъ къ небу руки, помолился о благополучіи царя, благословилъ его и сказалъ: „да поможетъ тебѣ великій и всемогущій Богъ, ради молитвъ св. архангеловъ, апостоловъ, епископовъ, мучениковъ и прочихъ святыхъ, вписанныхъ въ книгу живота; да споспѣшествуютъ они тебѣ всегда и да внимаютъ всѣмъ твоимъ моленіямъ, да продлятъ они жизнь твою на многіе годы, что бы далеко разошлась слава о тебѣ и расширились предѣлы твоего царства. „И многія другія прекрасныя слова, исполненныя святости и мудрости, говорилъ патріархъ въ продолженіе цѣлаго часа времени.

Поклонившись царю, патріархъ по его приглашенію снова сѣлъ къ столу. Тогда казначей обратился къ великому епископу—благочестивому и мудрому митрополиту *Іероѳею* (Hierotheum) съ такими словами: ,,Монемвасійскій митрополитъ! Өеодоръ, великій царь Московскій, Владимірскій Новгородскій и всероссійскій,—жалуетъ тебѣ многіе дары, что бы ты въ своихъ молитвахъ усердно просилъ Бога о покровительствѣ жизни. Вотъ что онъ жалуетъ тебѣ: прекрасный серебряный позолоченный кубокъ, съ красивою крышкою, бархатъ (villosum sericum) [299]), тонкое сукно (pannum rasum), Венеціанскую матерію, сдѣланную на образецъ Дамасской (vene-

tum more Damasceno contectum) [300]), рытой бархатъ (sericum adinstar contexti e uillis caprinis) [301]) и новгородскія деньги (Nogratia), съ изображеніемъ царя." Выслушавъ это, митрополитъ благоговѣйно воздѣлъ руки къ небу и, отъ души помолившись о благополучіи царя, произнесъ, подобно патріарху, длинную рѣчь; въ заключеніе онъ поклонился царю.

Въ третій разъ обритился казначей къ самому ничтожному и презреннѣйшему грѣшнику—Элассонскому епископу *Арсенію* и сказалъ ему слѣдующее: „смиреннѣйшій епископъ Элассона, знаменитой и великой области близь Эллады, гдѣ украшеніе всѣхъ мудрецовъ и слава ораторовъ, уподошвы Олимпа — западнаго, а не Азіатскаго! [302]). Царь Θеодоръ, великій императоръ Владимірскій, Московскій и всероссійскій, жалуетъ тебя многими дарами, что бы ты возсылалъ о немъ къ Богу свои спасительныя молитвы. Именно: прекрасный серебряный позолоченный кубокъ, съ красивою крышкою, превосходнѣйшій бархатъ, тонкое сукно, Венеціаскую матерію, слѣланную на образецъ Дамасской — рытой бархатъ, мѣха Сибирскаго соболя и Новгородскія деньги, съ изображеніемъ царя."

Смиренно воздѣвъ въ небу свои руки, я отъ души помолился о благополучія царя—о томъ, что бы онъ наслаждался крѣпкимъ здоровьемъ, дожилъ до правнуковъ и покорилъ себѣ многіе народы. И многое другое говорилъ я, подобно патріарху. Между прочимъ, я пожелалъ, что бы Богъ, все благословляющій исполнилъ его сердце радостію, именно, что бы даровалъ ему сына, который бы послѣ мно гихъ лѣтъ занялъ его царскій престолъ. Поклонившись, затѣмъ, великому царю, я воскликнулъ: „да здравствуетъ царь! да здравствуетъ па многая лѣта!"

Возвратившійся въ это время *патріархъ Іовъ* снова сѣлъ на своемъ мѣстѣ (inde *profcetus* iterum proprio loco consedi); свита его стояла [303]). Послѣ этого, мы всѣ получили вышеупомянутые подарки, а царь собственноручно „жаловалъ кубокъ" (pocula ministravit) всѣмъ епископамъ, пресвитерамъ и боярамъ. Выпивши этотъ кубокъ, мы поблагодарили царя за всѣ его богатые подарки, которыми онъ такъ щедро на-

дѣлилъ насъ. Мы всѣ встали изъ-за стола, вмѣстѣ съ нами поднялся царь и, держа въ рукѣ скипетръ, милостиво отпустилъ насъ. Выйдя изъ царскихъ палатъ, мы отправились домой, въ сопровожденіи многихъ знатныхъ лицъ; нашъ путь освѣщался факелами и свѣчами.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, т. е. въ понедѣльникъ, прибылъ отъ царя казначей. Съ нимъ были принесены оставшіеся въ царскихъ палатахъ подарки, полученные нами вечеромъ предъидущаго воскреснаго дня, т. е. *26 января 7097 года* отъ сотворенія міра (а отъ Христа — *1589 года*) (304), когда былъ рукоположенъ новый патріархъ. — Казначей началъ раздавать намъ эти подарки; прежде всего, онъ вручилъ ихъ патріарху, отъ котораго взаимно получилъ подарокъ. Затѣмъ слуги принесли *и* другіе дорогіе подарки, именно: 4 человѣка принесли *аналой* (pulpitum), покрытый краснымъ сукномъ (coccineum pannum),—четверо же другихъ слугъ принесли 3 сорта чернаго бархата, вытканнаго золотомъ; объ этихъ сортахъ мы говорили уже прежде, когда перечисляли подарки, полученные наканунѣ отъ царя. Эти новые дары были даны всѣмъ по порядку, какъ было назначено.

Послѣ того, какъ всѣ были надѣлены подарками, казначей поклонился великому патріарху, который благословилъ его и всѣхъ, прибывшихъ съ нимъ; получивъ благословеніе, казначей отправился къ царю, что бы передать ему привѣтствіе патріарха.

Во вторникъ [305]), также—рано по утру, пришли къ великому патріарху три епископа и, поздоровавшись съ нимъ, передали ему отъ имени новаго патріарха—слѣдующее: „святѣйшій владыка конст-ій! Московскій патріархъ усердно проситъ тебя — посѣтить его патріаршій домъ, что бы откушать тамъ вмѣстѣ съ нимъ хлѣба—соли [306]) и благословить его,“ Патріархъ тотчасъ согласился и сказалъ: „да исполнится воля брата моего—патріарха Іова.“ Тогда мы всѣ поднялись и отправились къ Іову, вмѣстѣ съ своимъ патріархомъ, епископами и разными лицами изъ свиты царя и Московскаго патріарха. Когда мы подошли къ патріаршему дому, на встрѣчу намъ вышли всѣ епископы и церковнослужители, съ свѣчами

и кадильницами въ рукахъ; всѣ они пѣли многолѣтіе великому конст-му и вселенскому патріарху, пока мы всходили на лѣстницу палатъ п. Іова. Тамъ встрѣтилъ насъ новый патріархъ Владимірскій, Московскій и всероссійскій; патріархи взаимно благословили другъ друга. Мы усѣлись въ прекрасной небольшой палатѣ (domum paullum); патріархи завели между собою различныя, весьма поучительныя рѣчи, полныя высокой мудрости. Когда мы сидѣли здѣсь, прибылъ отъ царя знаменитый и почтенный *бояринъ*. Выступивъ на середину палаты, онъ обратился къ патріархамъ съ такими словами: „святѣйшіе и благочестивые патріархи, митрополиты и епископы! Православный Θеодоръ, великій царь Владимірскій Московскій и всероссійскій, проситъ васъ пожаловать въ царскія палаты, что бы посовѣтоваться и разсудить съ вами о нѣкоторыхъ дѣлахъ.“ Мы поднялись и единогласно воскликнули: „приказаніе царя немедленно исполнимъ!“ Идя въ стройномъ порядкѣ, мы пришли въ обширныя и прекрасныя царскія палаты. Царь немедленно поднялся съ *трона*, чтобы встрѣтить патріарха и привѣтствовалъ его такъ: „кстати (opportune) ты пришелъ, владыка мой, великій патріархъ, вмѣстѣ съ новымъ братомъ твоимъ п. Іовомъ и остальными епископами. О если бы Богъ внялъ молитвамъ вашимъ! А я прошу и умоляю тебя: помолись о моемъ благополучіи и дай мнѣ твое благословеніе, которое навѣки осталось бы со мною!“ Патріархъ, воздѣвъ руки къ небу и помолившись о благополучіи царя, благословилъ знаменитаго Θеодора, великаго царя Московскаго, всей сѣверной страны и великой Россіи и обратился къ нему съ такими словами: „Богъ Отецъ, Сынъ и св. Духъ— святѣйшая, равночетная и несліянная Тройца,—да сохранитъ тебя всегда невредимымъ, да подастъ тебѣ крѣпкое здоровье, да распространитъ предѣлы твоего царства и подчинитъ тебѣ всѣхъ твоихъ враговъ!“

Послѣ этой рѣчи всѣ усѣлись, сначала — царь, потомъ — патріархи, епископы, архимандриты и бояре. Здѣсь присутствовалъ, между прочимъ, *царицынъ бояринъ*, который обратился къ вселенскому патріарху съ такою рѣчью: великій патріархъ всего востока и запада, конст-ій и вслеоенскій! *Ирина*

царица Востока и Запада, Владимірская, Московская, всероссійская, царица Астрахани, Казани, великаго Новгорода, сѣверныхъ земель и Сибири,—проситъ тебя посѣтить ее съ епископами и благословить ее.“ Сказавши это, онъ поклонился патріарху и—съ наклоненною головою сталъ по срединѣ палаты, ожидая патріаршаго отвѣта. Немедленно поднялся великій патріархъ, а вмѣстѣ съ нимъ—Θеодоръ, царь великой Россіи, патріархъ Московскій, прочіе епископы, архимандриты и бояре; п. Іеремія сказалъ: „приказаніе царицы мы исполнимъ съ радостью;“ тогда мы вышли отсюда, вмѣстѣ съ царемъ и патріархами.

Впереди шелъ царь, потомъ—патріархи и остальные епископы почину, — архимандриты, бояре и свита изъ знатныхъ дворянъ. Мы направились въ другую палату и всѣ—младшіе и старшіе,—остановились *при входѣ* въ нее ([307]). *Здѣсь* присутствовало множество *женщинъ — прислужницъ* (famulantes) царицы Владимірской, Москвовской и всероссійской ([308]). Всѣ они съ ногъ до головы были одѣты въ *бѣлыя одежды*, не уступавшія своею бѣлизною снѣгу, или хлопчатой бумагѣ, ни—даже—лучамъ самого солнца; при этомъ, они *не имѣли* никакихъ, даже самыхъ мелкихъ *украшеній* изъ золота, или краснаго цвѣта ([309]).—Въ этой комнатѣ я видѣлъ прекрасныя *изображенія* (simulacra), украшенныя блестящими драгоцѣнными камнями и утвержденныя на дорогихъ *подставкахъ* (pretiosisque *stylobatis* superposita) ([310]). Немного спустя открылась передъ нами *золотая дверь* (aurea janua) ([311]) и царю было доложено слѣдующее: „Ирина, царица Востока и Запада Владимірская, Московская и всероссійская,—проситъ васъ пожаловать во внутреннюю палату, гдѣ она находится, ожидая вашего прихода.“ — Первымъ вошелъ туда царь, за нимъ—патріархи и епископы, наконецъ верховный знаменитый *бояринъ* (Baro) *совѣтникъ* (legatus) царя и *братъ* (Μαῦρον) царицы ([312]); за нимъ была заперта эта прекрасная дверь и всѣмъ остальнымъ былъ закрытъ туда доступъ.—Въ этой палатѣ мы увидѣли прекраснѣйшую, богобоязненную и благочестивую царицу Ирину. Увидѣвши насъ, она встала и со...

съ своего царскаго мѣста. Тогда патріархъ обратился къ ней съ такими словами:

„Радуйся, государыня Ирина, благочестивѣйшая, великая и угодная Богу царица! здравствуй глава (Princeps) всѣхъ прочихъ царицъ, госпожа госпожъ, великая между Россіянками (grande Russorum), украшеніе сѣверныхъ земель и утвержденіе православной вѣры нашей!" Поднявъ правую свою руку и помолившись о благополучіи царицы, патріархъ благословилъ ее.

Послѣ п. Іереміи обратился къ царицѣ съ своими пожеланіями русскій патріархъ, а за нимъ и остальные епископы. Каждый изъ насъ почтительно подходилъ, по очереди, къ прекраснѣйшей царицѣ, обращаясь къ ней приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: „радуйся, государыня Ирина, благочестивая и угодная Богу царица! Богъ, всеблагословляющій и о всемъ промышляющій, да подастъ тебѣ крѣпкое здоровье и всѣ радости земныя, да исполнитъ всѣ твои желанія, особенно же—да даруетъ тебѣ наслѣдника!" Послѣ того, благочестивая знаменитая и угодная Богу царица Ирина обратилась съ сильною рѣчью къ п. Іереміи. Она благодарила его въ такой прекрасной и стройной рѣчи, что мы истинно *удивлялись* ея пріятности, блеску и изяществу. Она сказала слѣд.:

„Усердно благодарю тебя, великій и святѣйшій конст-ій и вселенскій патріархъ, глава всѣхъ патріарховъ, — за то, что ты издалека пришелъ къ намъ, вмѣстѣ съ чадами твоей святости, и дозволилъ намъ насладиться зрѣніемъ твоей благочестивой и вездѣ прославляемой души. Мы обязаны тебѣ многимъ: мы приносимъ большую благодарность твоей святости, святѣйшій и вселенскій владыка, за то, что ты, не смотря на многія препятствія, благоволилъ взглянуть на наше царство. Благодареніе и слава великому и всемогущему Богу, творцу міра и пресв. госпожѣ Богородицѣ, также — архангеламъ и собору всѣхъ святыхъ, по милости именно которыхъ мы получили на этихъ дняхъ отъ тебя безпредѣльную радость, выше и достохвальнѣе которой ты ничего не могъ бы намъ доставить. Твое пришествіе доставило нашей церкви великое украшеніе, именно—ты возвелъ митрополичье достоинство русской

церкви на степень патріаршества. Вслѣдствіе этого, изумительно увеличился блескъ нашего царства, такъ что теперь слава его превышаетъ всѣ прочія царства. Блаженнѣйшіе наши *прародители—цари весьма желали имѣть это украшеніе* церкви; но они не удостоились видѣть исполненіе своего желанія и получить это благочестивое украшеніе. Всемогущій Богъ привелъ теперь тебя къ намъ, послѣ многихъ трудовъ и безпокойствъ, что бы ты пріобрѣлъ у насъ особенную славу, честь и благодарность!" Такъ окочила свою рѣчь царица и, по обычаю, поклонилась патріарху. Царь, между тѣмъ, стоялъ по правую сторону благочестивой Ирины, царицы Владимірской, Московской и всероссійской, а по лѣвую ея сторону стоялъ знаменитый сановникъ, старшій бояринъ (Baronum) и первый совѣтникъ великаго русскаго царя, братъ царицы Ирины, намѣстникъ области, которая лежитъ на рѣкѣ Казанкѣ (ad Casanum fluvium), впадающей въ великую *Волгу* (*Uolgam*); онъ стоялъ съ наклоненною головою—почтительно, скромно и весьма благоговѣйно.

Въ этой палатѣ мы снова увидѣли благородныхъ боярскихъ женъ (Ducum uxores) (313); всѣ онѣ, съ ногъ до головы одѣтыя въ бѣлыя одежды, стояли благоговѣйно, почтительно и въ стройномъ порядкѣ, скрестивъ, по обычаю, руки на груди; всѣ онѣ были *прекраснѣйшей наружности* (Visuque pulcherrimae) (314). Царица Ирина подозвала старшую изъ нихъ, державшую въ рукахъ драгоцѣнное блюдо (patinam), покрытое полотенцемъ (linteolo) и наполненное такимъ множествомъ жемчуга, золота и прекраснѣйшихъ агатовъ, обдѣланныхъ въ золото, что однѣхъ жемчужинъ было почти 6000, а остальныхъ камней невозможно и пересчитать. Царица собственноручно передала это блюдо патріарху. Взявши этотъ драгоцѣнный подарокъ, патріархъ благословилъ царицу и помолился о ея благополучіи, долголѣтіи и о томъ, что бы великій и всемогущій Богъ никогда не оставлялъ ее безъ своего покровительства.

Мы, истинно, удивлялись красотѣ царицынаго наряда. Мысль человѣческая не въ силахъ представить тѣхъ драгоцѣнныхъ уборовъ, которыми была украшена голова ея. Мы

видѣли на ней прекрасный *вѣнецъ*, искусно унизанный крупнымъ жемчугомъ и друг. драгоцѣнными камнями и *раздѣленный на 12 какъ бы башенокъ* (in *duodecim* veluti *turres* divisam) (315), во образъ и подобіе 12 апостоловъ, благовѣстившихъ Христа во всѣхъ странахъ и обратившихъ къ нему (*sic*) народы. Вѣнецъ былъ унизанъ рубинами, алмазами, топазами, круглымъ жемчугомъ и друг, драгоцѣнными камнями, а по срединѣ—превосходными аметистами и сапфирами. Съ вѣнца спускались *длинныя ленты* (prolixi gyri)—*три* съ правой стороны *и три*—съ лѣвой (316); цѣнности ихъ никто, конечно, не могъ бы опредѣлить, потому что всѣ они были унизаны множествомъ драгоцѣнныхъ камней. Всѣ были обьяты „тихимъ испугомъ“ (blandus horror) при видѣ различныхъ украшеній и множества смарагдовъ блѣдноватаго цвѣта; послѣдніе были такъ велики, круглы и блестящи, что вѣсъ и цѣну даже одного изъ нихъ очень трудно опредѣлить.

На царицѣ была *длинная одежда*, спускавшаяся *до земли* (317), съ удивительнымъ искусствомъ сшитая изъ бархата, со множествомъ прекрасныхъ *узоровъ* (*κλάδια*) (318), красиво унизанныхъ драгоцѣннымъ жемчугомъ, а по срединѣ — топазами и ярко-красными рубинами. Поверхъ платья была надѣта *λόγυρα* (319), которая казалась очень простою,—однако была весьма цѣнна, вслѣдствіе своей превосходной и тонкой работы. Никто, конечно, не могъ бы описать разнообразнаго шитья (variam structuram) и тонкой работы этого наряда, а тѣмъ болѣе расположенныхъ на немъ блестящихъ рубиновъ, круглыхъ жемчужинъ, сапфировъ, алмазовъ и друг. драгоцѣнныхъ камней. Да! если бы я имѣлъ 10 головъ и столько же языковъ, то и тогда не могъ бы описать *широкихъ рукавовъ* (latas *manicas*) царицыной одежды (320), искусно украшенныхъ круглымъ жемчугомъ и др. драгоцѣнными камнями. Кто можетъ описать ея прекрасное *ожерелье* (torquem) (321), или прекрасную *діадему* (diadema) (322), унизанную множествомъ большихъ, круглыхъ и блестящихъ смарагдовъ блѣдноватаго цвѣта. Все это мы видѣли собственными глазами и—думаемъ, что если бы взять самую небольшую часть этихъ сокровищъ, то она могла бы собою украсить десятокъ царей!

Если мы разсмотримъ сводчатую палату (aulae concamera tionem), въ которой находились, то увидимъ, что другой—подобной ей по красотѣ, — нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Она устроена сферообразно (sphaerica), покрыта чистѣйшимъ зололомъ ([323]), украшена изображеніями ([324]) и, по искусному своему расположенію, удивительнымъ образомъ отражаетъ произносимые въ ней звуки. На стѣнахъ ея изображены *арабески* (*κλάδια*) ([325]), деревья, *черныя и красныя* виноградныя кисти (uvas *astaphides*, uvas *Rhodiasque*) ([326]), а также—разныя птицы. Посреди свода находился прекрасно—изваянный *левъ* (leo expressus), держащій въ зубахъ *змѣю*, съ средины которой спускалось множество прекрасныхъ *подсвѣчниковъ* (candelavra), украшенныхъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ и—искусно *сплетенныхъ на подобіе корзинъ* (canistris adfabre contextis) ([324]).

Я не могу въ совершенствѣ описать эту круглую палату (domus circuitum) и подробно разсказать о ней, ибо меня страшитъ обиліе описываемаго. Но сильное желаніе понуждаетъ меня къ описанію ея, хотя никакой умъ не въ силахъ вполнѣ достигнуть этого. Со всѣхъ сторонъ палаты смотрѣли на насъ безчисленныя изображенія мозаической работы (opere musivo), представлявшія различныя событія и лики—св. Дѣвы Богородицы, Владычицы міра, держащей на рукахъ нашего искупителя,—лики св. ангеловъ, іерарховъ, мучениковъ ([328]); всѣ эти изображенія — прекрасной работы, — были украшены алмазами, крупнымъ жемчугомъ и др. драгоцѣнными камнями. Кромѣ того, всѣ лики святыхъ имѣли прекрасные вѣнцы и были обложены дорогими *окладами* (substratisque aulacis).

Я не могу перечислить всѣхъ жемчужинъ, рубиновъ, сапфировъ, топазовъ и др. блестящихъ драгоцѣнныхъ камней, которыми были покрыты иконы. Лучше кончу свою рѣчь объ этомъ, потому что не могу въ совершенствѣ описать безчисленное множество находившихся здѣсь предметовъ.

Между тѣмъ, царь Владимірскій, Московскій и всероссійскій попросилъ патріарха благословить присутствовавшихъ здѣсь знатныхъ боярынь. И такъ, всѣ онѣ подходили къ патріарху, почтительно цѣловали его руку и — каждая подносила ему

прекрасный *платокъ* (mappam) ([329]). Поцѣловавъ руку патріарха съ благоговѣніемъ и уваженіемъ, онѣ скромно возвращались на свои мѣста.—Послѣ этого, на середину палаты выступилъ бояринъ, почтенный лѣтами, мудростію и образованіемъ и — съ низкимъ поклономъ обратился къ патріарху съ.......рѣчью........

(Далѣе слѣдуютъ рѣчи этого „почтеннаго боярина", обращенныя къ п. Іереміи, м. Іероѳею и а. Арсенію и, затѣмъ, отвѣты послѣднихъ. *Мы опускаемъ* всѣ эти рѣчи и отвѣты, потому что они почти *буквальныя повторенія* тѣхъ рѣчей и отвѣтовъ, которые были говорены на царскомъ обѣдѣ, въ день поставленія п. Іова (см. выше). Только отвѣтъ п. Іереміи не есть повтореніе; но мы и его опустили, потому что онъ не представляетъ большаго интереса. Замѣтимъ еще, что упоминаемые въ рѣчахъ боярина *подарки*, пожалованные гостямъ царицею—совершенно *тѣже*, какіе получили они отъ царя, на вышеупомянутомъ обѣдѣ.—Приведя свой отвѣтъ боярину Арсеній снова переходитъ къ описанію той палаты, гдѣ они находились).

Полъ палаты былъ покрытъ прекрасными *персидскими коврами* (Persicis aulacis ([330]), вытканными шелкомъ и золотомъ. На коврахъ мы видѣли изображенія *фригійской работы* (opere phrygio) ([331]), представлявшія различныхъ звѣрей, именно—львовъ, оленей, волковъ, дикихъ козъ, также — изображенія охотниковъ, преслѣдующихъ звѣрей и вооруженныхъ луками, стрѣлами и длинными копьями. Мы видѣли здѣсь, также, множество птицъ—большихъ и малыхъ: журавлей, лебедей, гусей утокъ, фазановъ, куропатокъ и разныхъ маленькихъ птичекъ, славящихся своимъ пріятнымъ пѣніемъ; наконецъ, здѣсь было изображеніе охотника, приготовившаго сѣти для ловли этихъ птичекъ.—Отойдя на свое прежнее мѣсто, я сѣлъ вмѣстѣ съ остальными епископами.

Послѣ этого, благочестивая и угодная Богу царица Ирина очень скромно излила передъ нами изъ глубины своего сердца скорбныя рѣчи, обратившись къ патріарху и всѣмъ прочимъ епископамъ. Она сказала: „владыка мой святой, великій патріархъ, отецъ отцовъ и прочіе мои владыки — знаменитые

епископы, избранные служители и правители высочайшаго и всемогущаго Бога, заслужившіе у него и пресв. Дѣвы Маріи и у всѣхъ св. угодниковъ Божіихъ—великую славу и честь, удостоившіеся божественной благодати и возсылающіе свои молитвы къ Богу! Отъ всей души и съ внутреннимъ стенаніемъ сердца прошу и умоляю васъ: усердно молите Бога за царя и за меня—царицу, меньшую изъ всѣхъ вашихъ дщерей, чтобы Богъ, благосклонно принявъ ваши молитвы, *даровалъ намъ сына — наслѣдника* нашему царству Владимірскому, Московскому и всероссійскому. Ибо *отсутствіе наслѣдника* до глубины души *огорчаетъ*—какъ царя, такъ и меня, нашихъ родныхъ, бояръ, придворныхъ чиновъ, князей (Cneses) и воеводъ Voivodes) всего царства."—Растроганные этими словами, мы всѣ *заплакали* отъ горести и единогласно воскликнули: „великій и всемогущій Богъ, пречистая Матерь его и всѣ святые, вмѣстѣ съ предтечею, призрятъ на твои слезы и на наши мольбы и стенанія о тебѣ! Высочайшій и премилосердый Богъ, творецъ міра, призирающій на все своими очами, щедро надѣлитъ ваше царство всѣми благами земли и подастъ тебѣ то, что выше всѣхъ этихъ благъ—сына, наслѣдника вашему царству!"

Послѣ этого, царь, патріархи и всѣ епископы оставили царицыну палату; самъ великій царь проводилъ насъ до дверей палаты, гдѣ и отпустилъ. Поклонившись великому царю, мы отправились въ патріаршія палаты, гдѣ сѣли за трапезу, приготовленную новымъ патріархомъ. Великій п. Іеремія благословилъ трапезу и мы всѣ—епископы, архимандриты и бояре,—были отлично угощены.

Во время обѣда слуги новопоставленнаго Московскаго патріарха Іова принесли на середину палаты прекрасные подарки, назначенные великому патріарху и другимъ почетнымъ гостямъ. Между тѣмъ, какъ слуги подносили намъ эти подарки, *патріаршій чиновникъ* (coriphaeum) обращался съ рѣчами къ каждому изъ насъ. Прежде всего онъ обратился къ патріарху.........

Опускаемъ слѣдующія затѣмъ *рѣчи* „патріаршаго чиновника" къ Іереміи, Іероѳею и Арсенію и отвѣты послѣднихъ,

такъ какъ они не представляютъ особеннаго интереса. Замѣтимъ только слѣдующее. „Чиновникъ" перечисляетъ въ своихъ рѣчахъ подарки, предложенные гостямъ п. Іовомъ. Большинство этихъ подарковъ — тѣже, какіе получили эти лица отъ царя и царицы. Но есть и *новые*, именно—каждое изъ этихъ 3 лицъ получило отъ п. Іова по *иконѣ Богоматери*, а п. Іеремія, сверхъ того, еще—„*панагію* (encolpion), украшенную дорогимъ жемчугомъ и 4 рубинами, а посрединѣ — яшмою (jaspide), на которой изображенъ ликъ Христа....," ([332]).— Приведя свой отвѣтъ п. Іову Арсеній продолжаетъ:)

Послѣ этого, взявши въ руки *чашу съ виномъ*, *Іовъ подалъ* ее патріарху и намъ—епископамъ, сопровождая это разными пожеланіями. Послѣ насъ пили изъ этой чаши архимандриты, игумены и всѣ знатныя лица — младшіе и старшіе. Обѣдъ кончился *собраніемъ остатковъ* его (collectisque reliquiis mensae) ([333]). Вставши изъ — за. стола и возблагодаривши Бога — промыслителя за все, совершенное Имъ по дѣйствію своей благодати, мы помолились о благополучіи царя и царицы и вышли, наконецъ, изъ патріаршаго дома. Простившись съ нами, п. Іовъ отпустилъ и остальныхъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ пресвитеровъ и бояръ; всѣ разошлись по своимъ домамъ.

На другой день, въ 3 часу, явился казначей, съ бумагами къ патріарху; вмѣстѣ съ нимъ прибыли царицыны слуги, съ подарками ея. Принявши благословеніе отъ патріарха, казначей поднесъ ему и всѣмъ намъ подарки отъ царицы Владимірской, Московской и всероссійской. Затѣмъ, снова получивши отъ патріарха благословеніе и принявши наши поклоны, казначей отправился къ Иринѣ, царицѣ Востока и Запада, Владимірской, Московской и всероссійской. Почти въ тоже время прибыли посланные отъ п. Іова, неся его дорогіе подарки. Начальникъ (dux) ихъ держалъ въ рукѣ бумагу (chartam), по которой и распредѣлялъ между нами эти подарки. Получивъ благословеніе отъ патріарха, начальникъ вручилъ ему дары Московскаго и Владимірскаго п. Іова, а потомъ и всѣмъ намъ, по очереди. Наконецъ, снова принявши отъ патріарха благословеніе, а отъ насъ всѣхъ—поклоны, онъ отправился къ свя-

тѣйшему и великому патріарху Московскому и всероссійскому.

Между тѣмъ, снова были *принесены отъ царя кушанья* (epulae), которыми мы всѣ угощались до вечера (genio indulsimus ad vesperam)

Въ Сырное воскресенье (Dominica tyrophagi), въ сумерки, прибылъ къ патріарху знатный бояринъ, великій совѣтникъ (legatus) ([334]) царя и Казанскій намѣстникъ (Princeps Chasani) братъ царицы Ирины, по имени *Борисъ Baro* ([335]). Съ нимъ прибыли бояре и *два двоюродныхъ брата царя по матери* (consobrini) ([336]). Патріархъ благословилъ ихъ и сказалъ Борису: „пришло время—вернуться мнѣ въ Константинополь.“ Борисъ отвѣчалъ: «немедленно доложу объ этомъ царю, чтобы съ его согласія ты могъ предпринять счастливый путь.» Снова получивъ благословеніе отъ патріарха, Борисъ отправился въ царскія палаты, что бы передать царю просьбу патріарха. Царь немедленно послалъ къ Іереміи знатнаго сановника *Андрея Angream*) ([337]), съ слѣдующимъ отвѣтомъ: „великій константинопольскій патріархъ! Царь и царица умоляютъ тебя остаться у насъ до свѣтлой пасхи, послѣ которой ты безпрепятсвенно отправишься домой.

По протествіи назначеннаго времени (absoluto jam statuto tempore) ([338]), царь прислалъ къ великому конст—му и вселенскому патріарху знаменитыхъ бояръ, которые объявили патріарху слѣдующее: Великій (*Bielkiae*) (Βελίκης) ([339]) царь назначаетъ пріемъ твоей святости, что бы ты, простившись съ нимъ, могъ отправиться въ Константинополь.“ Патріархъ отвѣчалъ: приказаніе царя Ѳеодора исполнимъ съ радостію.“ Тогда мы всѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ, отправились въ царскую палату, у дверей которой встрѣтилъ насъ самъ великій царь, съ свитою бояръ, одѣтыхъ въ бархатныя одежды съ золотомъ; всѣ они съ нетерпѣніемъ ожидали великаго п. Іеремію. Помолившись о благополучіи Ѳеодора, царя великой Россіи, патріархъ благословилъ его; царь, взявши патріарха за руку, взошелъ вмѣстѣ съ нимъ на прекрасный свой тронъ (solium). Патріархъ сѣлъ по правую руку отъ царя; всѣ остальные почтительно стояли. Тогда принесены были на середину палаты прекрасные и дорогіе подарки. Прежде всего, была

принесена на блюдѣ (disco) *митра* (mitra), которую царь передалъ великому епископу, патріарху конст—му, обратившись къ нему съ такими словами: „возьми, святѣйшій патріархъ, эту митру, которую я тебѣ жалую, что бы память обо мнѣ и о моихъ блаженныхъ родителяхъ вѣчно сохранялась въ твоей патріархіи!"—Митра была украшена жемчугомъ и др. драгоцѣнными камнями, а также св. изображеніями: но срединѣ—ликомъ Христа, Владыки міра и ликомъ великаго Іоанна крестителя; выше же, около верхушки, было изображено Успеніе пресв. Богородицы; далѣе—лики ангеловъ, епископовъ, мучениковъ и другихъ святыхъ мужей и женъ. Все это было изображено съ такимъ большимъ искусствомъ, выше котораго трудно что либо представить. Между прочимъ, на митрѣ были изображены лики—св. Ѳеодора, великаго стратилата и св. дѣвы мученицы Ирины,—имена которыхъ носили царь и царица. На митрѣ находилось, также, нѣсколько приличныхъ случаю русскихъ надписей, вырѣзанныхъ съ большихъ искусствомъ.—Принявши отъ царя эту драгоцѣнную митру и, помолившись о благополучіи его, патріархъ почтительно благословилъ царя и сказалъ: „ покровительство великаго и всемогущаго Бога да пребываетъ съ тобою во вѣки!" Взявши съ блюда митру, патріархъ передалъ ее намъ. Въ это время царь сидѣлъ на тронѣ.........

(Далѣе снова слѣдуютъ *рѣчи казначея* къ почетнымъ гостямъ, представляющія *буквальное повтореніе* рѣчей, произнесенныхъ на царскомъ обѣдѣ и на пріемѣ у царицы. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ казначей перечисляетъ подарки, жалуемые гостямъ отъ имени царя. Это—такіе же подарки, какіе получили они и въ первый разъ отъ царя, а потомъ и отъ царицы. Послѣ рѣчи царскаго казначея къ патріарху—„принесены были на середину палаты прекрасные и дорогіе подарки отъ царицы" и „другой казначей" (alter vestiarius), т. е. царицынъ, обратился отъ ея имени къ патріарху съ своею рѣчью. Къ Іерооеею и Арсенію царицынъ казначей не обращался съ рѣчами.—Послѣ своего отвѣта царю, Арсеній продолжаетъ:)

Затѣмъ, казначей обратился съ такими словами къ лицамъ патріаршей свиты: „здравствуйте и радуйтесь: царь и вамъ

пожаловалъ богатую милостыню (eleemosynam).“ Тогда всѣ они поклонились Θеодору, могущественному и мужественному государю.

Потомъ, я снова поклонился великому православному царю и обратился къ нему съ слѣд. краткою рѣчью: „могущественный и благочестивый Θеодоръ, царь Востока и Запада, Владимірскій, Московскій и всероссійскій,—царь, знаменитый по Божественной благодати своею святостію! Я, смиренный Арсеній, меньшій и послѣдній изъ всѣхъ епископовъ, всегда удивлялся твоему высокому человѣколюбію, которое ты расточалъ всѣмъ—какъ своимъ, такъ и чужестранцамъ. Собственными глазами видя каждый день твою благосклонность и милосердіе, *я ради ихъ оставляю* близкихъ мнѣ соотечественниковъ и свою каѳедру (mea provincia). Дни и ночи я умоляю Бога, что бы въ добромъ здоровьѣ дожилъ до правнуковъ, покорилъ бы многіе народы и что бы исполнились всѣ тѣ прекрасныя намѣренія, которыми полна душа твоя, что бы, наконецъ, всѣ дни твоей жизни были счастливыми и радостными.“ Сказавши это, я почтительно поклонился царю Θеодору, свѣту христіанъ. Царь весело и милостиво отвѣчалъ мнѣ: „твердо надѣйся, что я никогда не оставлю тебя безъ помощи. Многіе города, съ ихъ областями, я поручу тебѣ и ты будешь управлять всѣми ими, какъ епископъ.“ Выслушавши этотъ милостивый отвѣтъ, я снова — низко и почтительно поклонился царю и помолился о томъ, что бы великій и всемогущій Богъ всегда помогалъ царю своимъ совѣтомъ.

Послѣ этого, великій патріархъ снова держалъ къ великому Русскому царю Θеодору благодарственныя рѣчи и снова благословилъ его. Наконецъ, послѣ того, какъ мы въ послѣдній разъ поклонились царю и удостоились отъ него получить поклоны, онъ отпустилъ насъ и проводилъ отъѣзжающаго патріарха новаго Рима до золотыхъ дверей палаты. Царь и патріархъ простились здѣсь другъ съ другомъ; мы вышли отсюда со многими благородными боярами и вернулись домой.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Мы не могли пользоваться сборникомъ г. *Старчевскаго*, но имѣли подъ руками рецензію на него г. *Ц—а*. См. «Ж. М. Н. П.», 1844, т. XLI, отд. VI, стр. 126—127.

[2]) *ibid.*, стр. 126.

[3]) *Монемвасія* и *Мальвазія* — названія одного и того же города; это — древній *Эпидавръ* въ Аргосѣ. См. «О сост. Конст. церкви...»— «Хр. Чт.», 1861, т. 2, стр. 96.

[4]) Turcograeciae libri octo», *M. Crusii*. Basileae, lib. II, стр. 146—151, 199.

[5]) *Philippi Cyprii* «Chronicon Ecclesiae Graece», Lipsiae et Francofurti, 1687, стр. 389—390 («nota»).

[6]) «*Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορια*», *Μελετίου μητροπολίτου Ἀθηνῶν. εν Βιέννι*, 1784, *τόμ.* III, стр. 375.

[7]) «*Νεοελληνικη Φιλολογια*», *Κ. Ν. Σαθα, εν Αθηναις*, 1868. Объ *Арсеніѣ Монемвасійскомъ* онъ подробно говоритъ на стр. 126—130, а объ *Арсеніѣ Элассонскомъ*—на стр. 206—207.

[8]) *Аделунгъ* сообщаетъ, что у греческихъ писателей этотъ городъ называется «*Ὀλοσσοὺν*», «*Ὀλοοσσὸλ*», также — «*Ἐλλασσων*», теперь— «Alessone» (см. «Krit.—liter. Übersicht der Reisend. in Russl. bis 1700», SPB., 1846, Bd. I, с. 381, прим. 416). Но г. *Благовѣщенскій*, посѣтившій этотъ городъ въ концѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія, называетъ его — «*Элассонною*» («Среди богомольцевъ», Спб., 1872, с. 374).

[9]) «Среди богомольцевъ», *Н. Благовѣщенскаго*, стр. 374.

[10]) Интересныя свѣдѣнія о *современномъ* Элассонѣ сообщаетъ г. *Благовѣщенскій*—«Среди богом.», с. 384—385.

[11]) «Хр. Чт.», 1861, т. 2: «О сост. Конст. церкви...», с. 95.

[12]) *ibid.*, с. 128. См. также «Turcograec.», lib. IV, с. 327.

[13]) *ibid.*, стр. 102.

[14]) «Снош. Росс. съ Восток.», I, 152—155.

[15]) *ibid.*, 107.

[16]) См. объ этомъ монастырѣ—«Среди богомольцевъ», *Н. Благовѣщенскаго*, с. 381.

[17]) См. объ этомъ монастырѣ—*ibid.*, стр. 365—368.

[18]) См. грамату *п. Өеолипта* къ ц. Өедору Ивановичу въ «Снош. Рос. съ Вост.», I, 152—155.

[19]) «Снош. Рос. съ Вост.», I, 152.

[20]) *ibid.*, 154.

[21]) «Изуч. Визант. Ист...» *Ф. Терновскаго*, II, 68—временемъ прибытія Арсенія и Паисія въ Москву признаетъ *1586 годъ*.

[22]) Т. е.—*Арсенію*, архіепископу Элассонскому.

[23]) «Снош. Рос. съ Вост.», I, 179—180.

[24]) *ibid.*, 169.

[25]) Очевидно, что здѣсь, по ошибкѣ, поставлено имя ц. *Іоанна Васильевича* вмѣсто ц. *Өедора Ивановича*. Мы знаемъ, что первый пріѣздъ Арсенія былъ въ 1586 году, когда царствовалъ уже Өедоръ Ивановичъ.

[26]) «Снош. Рос. съ Вост.», I, 195.

[27]) «Изуч. Виз. Ист...», *Ф. Терновскаго*, II, 72.

[28]) Это будетъ показано ниже.

[29]) «Лѣтопись Львов. Ставроп. братства», *Д. Зубрицкаго* («Ж. М. Н. П.», 1849, ч. 62, отд. II, стр. 15—16).

[30]) «Граматика сложена отъ различныхъ граматикъ спудеями, иже въ Львовской школѣ. Въ друкарни Братской». См. *Строева* «Опис. книгъ Толстаго», стр. 64.

[31]) Очевидно—ошибка: мы знаемъ, что Арсеній былъ только *архіепископомъ*.

[32]) «О правосл. церк. братств.», *І. Флерова*, с. 90, прим. 309.

[33]) Арсеній прибылъ во Львовъ въ 1586 г., а «Грамматика» была издана въ 1588 году.

[34]) *Пр. Филаретъ*, въ своей «Ист. Рус. Церк.» (IV, 97) — годомъ прибытія Арсенія во Львовъ называетъ *1588 годъ*. Но это, очевидно, ошибка: въ 1588 г. Арсеній, какъ мы дальше увидимъ, уже оставилъ Львовскую школу.

[35]) По словамъ *Аделуна* Іеремія II въ третій разъ былъ приглашенъ на Константиноп. каѳедру въ *1587 году* («Krit.—Liter Übers. der Reis. in Russl.», с. 380, прим. 412). Но авторъ статьи «Сост. Конст. Церк...» («Хр. Чт.», 1861, т. II, с. 90), основываясь на греческихъ источникахъ,—третій періодъ патріаршескаго служенія Іереміи въ Констатинополѣ начинаетъ съ *1586 года*.

[36]) «О прав. церк. брат.», *І. Флерова*, с. 90, прим. 309.

[37]) «Ак. Зап. Рос.», т. IV, № 149.

[38]) См. 31 примѣчаніе.

39) «Ак. Зап. Рос.», т. IV, № 149: «Перестрога», стр. 206.

40) *ibid.* с. 222.

41) «Ист. Рус. Церк.», IV, 97.

42) Т. е.—*Гедеона Балабана*, Львовскаго епископа.

43) Здѣсь, очевидно, разумѣется возвращеніе Арсенія изъ Москвы въ Южную Россію.

44) «*Νεοελ. φιλολογ.*», *Σαθα*, 207.

45) «Turcograec.», *M. Crusii*, II, 179. Также: «Сост. Конст. Цер.», 85.

46) „О прав. церк. брат.“, *I. Флеровъ*, с. 90, прим. 309.

47) „Ак. Зап. Рос.“, IV, 206.

48) *ibid.*, 222.

49) „Лѣтоп. Льв. Ставр. брат.“, *Д. Зубрицкаго* („Ж. М. Н. П.“, 1849, ч. 62, отд. II, с. 16).

50) Сообщенъ *Я. Ѳ. Головацкимъ* въ „В. Ю.—З. и З. Росс.“ 1863, № 9.

51) *ibid.*, 62.

52) *ibid.*

53) *ibid.*

54) „Мусика“—поэзія.

55) Т. е.—свѣтскіе поэты.

56) Дѣйствительно ли въ началѣ преподавались въ этой школѣ реторика, діалектика и мусика,—трудно рѣшить. Сомнѣніе наводитъ § 9 этого „Устава (стр. 61—62), который говоритъ: въ школѣ маютъ быти дѣти *роздѣлены на трое*: *едны* которые ся будутъ учитити *словъ познавати и складати* (т. е. — азбука и склады), *другіи* которыи ся будутъ учити *читати и на память* многихъ ся рѣчій учити (т. е. чтеніе и изученіе наизусть), *третіи* ся будутъ учити *читаючи выкладати розсуждати розумѣти*“ (т. е. разсказъ и разсужденіе о прочтенномъ). Очевидно, что всѣ эти пріемы относятся къ граматикѣ, а не къ реторикѣ, діалектикѣ, или мусикѣ.

57) „Ист. Рус. Церк.“ IV, 97.

58) *ibid.*, с. 97, прим. 155.

59) „Временн. М. О. И. и Д. Р.“, 1849, кн. IV, отд. III.

60) *ibid.*, 3.

61) „Ист. Рус. Цер.“, IV, с. 95 и примѣчанія 155 и 156.

62) „Отправ. церк. брат.“ с. 90, прим. 309.

63) „Histor. Badan. o drukarn...“, стр. 16.

64) „Ак. Зап. Рос.“, IV, 5.

65) *ibid.*

66) *ibid.*: „Примѣчанія къ IV тому“, с. 3, прим. 3.

67) „Ист. Рус. Церк.“, IV, с. 97, прим. 156.—„О прав. церк. брат.“, с. 90, прим. 309.—*Строева* „Опис. кн, Толст.“, 64.

68) „Samml. bisher noch ungedr. kl. Schrif. zur ält. Gesch. und Kent. des Russ. Reichs“, *Wichmann* (1820, 1): „Descriptio...“, стр. 61—63.

[69]) „.....przez *uczniow szkoly brackiey* wydana.“ См. „O drukarn. Rus-sko—slow. u Galicyi“, стр. 15—16.

[70]) Сообщеніемъ этой библіографической рѣдкости мы обязаны проф. *И. И. Малышевскому*, нашедшему ее въ 1875 году въ библіотекѣ *Почаевской Лавры*.—Это изданіе помѣщено г. *Максимовичем* въ каталогѣ книгъ братской Львовской типографіи, подъ № 4, съ слѣд. заглавіемъ: „Мелетія патріарха отвѣтъ къ іудеомъ о христіанскомъ благочестіи. 1593 въ 8“. (См. „Врем. М. О. И. и Д. Р.“, 1849, кн. IV, отд. III, стр. 3).

[71]) „Ак. Зап. Рос.“, IV, 222.

[72]) „Лѣтоп. Льв. брат.“, *Д Зубрыцкаго*, с. 22.

[73]) „Ак. Зап. Рос.“, IV, 206 и 222.

[74]) „О прав. церк. брат.“, с. 90, прим. 309.

[75]) „Descriptio...“, стр. 61—63 (по сборнику *Вихманна*).

[76]) *ibid.*

[77]) „Снош. Рос. съ Вост.“, I, 192.

[78]) См. *Рукопись Кіево-Софійской библіотеки № 160*, гдѣ помѣщена выписка изъ „Статейнаго Списка“ (Моск. Арх. Мин. Ин. Д.— „Дѣла Греческія“, № 3).

[79]) „Труды Кіев. Дух. Акад.“, 1865, № 10, с. 248.

[80]) Очевидно—ошибка: извѣстно, что это происходило въ слѣдующемъ, *1589 году*.

[81]) „Снош. Рос. съ Вост.“, I, 246.

[82]) Это мѣсто принадлежитъ къ числу весьма немногихъ (2—3-хъ), называющихъ Арсенія, по ошибкѣ, *епископомъ*, а не *архіепископомъ*, какъ бы слѣдовало.

[83]) „Галасунскій“ вмѣсто „Элассонскій“. Такъ называется Арсеній почти во всѣхъ современныхъ русскихъ источникахъ.

[84]) „Временн. М. О. И. и Д.“, 1853, кн. 17: „Новой лѣтописецъ“, стр. 38.

[85]) Изданіе 1791 года, VIII, 23.

[86]) Изданіе 1771 года, стр. 28.

[87]) „Допол. къ ак. ист.“, I, 229.

[88]) „Descriptio...“, с. 122.

[89]) *ibid.*, с. 121.

[90]) Почему онъ и называется въ современныхъ актахъ—„архіепископомъ *Архангельскимъ*“.

[91]) „Доп. къ ак. ист.“, I, 229.

[92]) „Ист. Рос. Іер.“, I, 251.

[93]) „Ак. Арх. Эксп.“, II, № 7, с. 41.

[94]) *ibid.*, с. 45.

[95]) I, 251.

[96]) „Ак. Ист.“, II, прим. 68.

[97]) *ibid.*, с. 422.

[98]) „Ист. Рос. Іер.“, I, 251—252.

[99]) „Ак. Арх. Эксп.“, II, 41 и 46.

[100]) „Собр. Г. Гр. и Дог.“, II, 207—208.

[101]) *ibid.*, № 138.

[102]) *ibid.*, с. 292.

[103]) *Соловьевъ*, VIII, 179.

[104]) Въ „Статейномъ Спискѣ“ о посольствѣ къ п. Іову по этому дѣлу, по ошибкѣ, поставленъ *7415 (1907) годъ* (см. „Ак. Арх. Экс.“, II, 148).

[105]) Г. *Соловьевъ* (VIII, 179) говоритъ, что было приглашено „лучшее духовенство“ т. е. предполагаетъ здѣсь какой то выборъ Шуйскаго. Но такъ какъ были приглашены, кромѣ патріарха, только митрополитъ *Сарайскій* и архіепископъ *Архангельскій*—оба постоянно жившіе въ Москвѣ, то, слѣдовательно, приглашеніе этихъ лицъ не было преднамѣреннымъ: приглашены тѣ, кто случился подъ рукою.

[106]) „Ак. Арх. Экс.“, II, 148.

[107]) *Соловьевъ*, VIII, 434—435.

[108]) „Собр. Г. Гр. и Дог.“, II, № 272.

[109]) *ibid.*, №№ 272, 273 и 274.

[110]) *ibid.*, с. 572.

[111]) *ibid.*, 573—574.

[112]) *ibid.*, 575.

[113]) „Ак. Ист.“, II, 422.

[114]) На *22 октября*, статья: „Въ той же день празднуемъ пресв. Богородицѣ, избавленія ради отъ ляховъ“.

[115]) *Соловьевъ*, VIII, 436.

[116]) *ibid.*

[117]) *ibid.*

[118]) Въ печатномъ текстѣ этихъ грамотъ нѣтъ никакихъ подписей, потому что грамоты перепечатаны съ *копій*, не имѣвшихъ подписей; но они, безъ сомнѣнія, были на оригиналахъ грамотъ.

[119]) *Соловьевъ*, VIII, 453—455. — „Лѣтоп. о мног. мятеж.“, 1771 г. изд., стр. 295.

[120]) „Врем. М. О. И. и Д. Р.“, 1853, кн. 16, отд. II: „Иное сказ. о самоз.“, стр. 130.

[121]) Это „Сказаніе“ напечатано, въ 1786 г., въ раскольничьей *Клинцовской* типографіи. См. „Нѣсколько словъ о Клинцов. типографіи“ *И. Калугина* („Библ. Зап.“, 1858, № 5).

[122]) „Врем. М. О. И. и Д. Р.“ 1853, кн. 16, отд. II.

[123]) См. объ этомъ выше.

[124]) Въ „Прологѣ“ читаемъ это мѣсто такъ: „*заутра градъ сей* предаетъ Господь Богъ въ руцѣ православнымъ христіаномъ и враговъ вашихъ низложитъ.“ Но текстъ лѣтописи вѣрнѣе, потому что „заутра“ т. е. 22 октября, русскія войска, дѣйствительно, взяли — но не

„градъ сей“, т. е. Кремль, а „градъ Китай“, какъ сказано въ „Иномъ сказаніи“ и въ другихъ современныхъ русскихъ извѣстіяхъ, и въ самомъ „Прологѣ“—нѣсколько ниже.

[125]) „Врем. М. О. И. и Д. Р.“, 1853, кн. 16, отд. II, стр. 129—130.

[126]) Конецъ этого событія мы привели по „Прологу“, потому что здѣсь онъ изложенъ подробнѣе, чѣмъ въ „Иномъ сказаніи“.

[127]) *Соловьевъ*, VIII, 455—456.

[128]) *ibid.*, 456—457.

[129]) „Собр. Г. Г. и Д.“, I, № 203.

[130]) *ibid.*, 637.

[131]) *Соловьевъ*, IX, 14.

[132]) „Ин. сказ. о сам.“, с. 137.—Это была вторая встрѣча: первая была въ селѣ *Братовщинѣ*.

[133]) „Собр. Г. Г. и Д.“, III, № 16, с. 78—79.

[134]) „Ак. Арх. Экс.“, III, № 4, с. 4 и 7. Грамота писана лѣтомъ *1613 года*. См. *Солов.*, IX, 15—16.

[135]) „Др. Рос. Вивл.“, *Новикова*, XV, 209.—Въ числѣ заслугъ князя упоминается и та, что онъ участвовалъ въ освобожденіи изъ Кремля Арсенія и др. русскихъ плѣнныхъ (*ibid.*, 206).

[136]) „Ист. Рос. Іер.“, I, 178—179.

[137]) (*ibid.*, 206).

[138]) Отд. VI, статья „Свѣдѣнія для исторіи епархій и іерарховъ“, стр. 22.

[139]) „Врем. М. О. И. и Д. Р.“, 1855, кн. 22, от. II, с. 32.

[140]) См. *Рукопись Кіево-Сарійской библіотеки № 595.*

[141]) „Врем. М. О. И. и Д. Р.“, 1853, кн. 16, от. II, с. 137.

[142]) „Соб. Г. Г. и Д.“, I, 637.

[143]) „Ак. Арх. Эксп.“, III, 7.

[144]) „Др. Рос. Вивл.“, *Новикова*, XV, 209.

[145]) „Книги Разрядныя“, I, 3. См. также „Наказъ“, данный этимъ посламъ въ Соб. Г. Г. и Д.“, III, № 22. См. о томъ же — *Солов.*, IX, 30.

[146]) „Ак. Ист.“, *I*, № 200, с. 369.

[147]) „Ак. Арх. Эксп.“, III, 7.

[148]) „Ист. Рос. Іер.“, I, 137.

[149]) „Ж. М. Н. П.“, 1852, ч. LXXV, от. VI, с. 22.

[150]) „Врем. М. О. И и Д. Р.“, 1855, кн. 22, от. II: „Ист. собр. о гр. Суждалѣ“, с. 161. См. о томъ же—„Ж. М. Н. П.“, 1852, ч. LXXV, отд. VI, с. 22.

[151]) „Ак. Ист.“, II, 34 прим.

[152]) *Соловьевъ*, IX, 375.

[153]) „Ак. Арх. Эксп.“, III, № 125.

[154]) „Врем. М. О. И. и Д. Р.“ 1855, кн. 22, от. II: „Ист. собр. о гр. Сужд.“, с. 117.

[155]) Не знаемъ—существуютъ ли и теперь „отпуски“ съ „писаній“ Арсенія? Если существуютъ, то понятно, что они представили бы для насъ слишкомъ интересный матеріалъ.

[156]) „Ист. Собр. о гр. Сужд.“, 131—132.

[157]) *ibid.*, 195—196.

[158]) См. *Кіевск. Академич. библіотеки* „Курсовое сочиненіе“ № 372.

[159]) См. „Настольную граммоту Сарск. и Подон. митроп. Іоны Рязан. и Муром. архіеп. Іосифу“ въ „Ак. Арх. Эксп.“, III, № 330.—Интересно, что въ этой грамотѣ (стр. 483) *лжепатріархъ Игнатій* поставленъ въ числѣ *законныхъ патріарховъ*, между п. Іовомъ и п. Гермогеномъ.

[160]) См. „Дворц. разряды“ 1, 405—406 Подробности объ участіи Арсенія въ обрядѣ поставленія п. Филарета см. въ „чинѣ нареченія и поставленія... Филарета“ („Соб. Г. Г. и Д.“, III, № 45, с. 187, также — „Доп. къ Ак. Ист“, II, № 76, с. 209 и „Др. Рос. Вивл.“, VI, 127).

[161]) „Ист. Рос. іер.“, I, 179.

[162]) Отд. VI, с. 22.

[163]) Кіево-Софійской библіотеки *Рукопись № 595.*

[164]) „Путев. письма изъ др. Сузд. обл.“, *гр. М. Толстаго* (М., 1869), с. 48.

[165]) *Соловьевъ*, IX, 443.

[166]) „Соб. Г. Г. и Д.“, III, 293.

[167]) *ibid.*, № 74.

[168]) *ibid.*, 295—296.

[169]) стр. 32.

[170]) *ibid.*, с. 32, 46, 201.

[171]) стр. 32.

[172]) „Пут. письма изъ др. Сузд. обл.“, 69.

[173]) См. этотъ планъ на стр. 205.

[174]) „Ист. собр. о гр. сужд.“ („В. М. О. И. и Д. Р.“, 1855, кн. 22, от. II), стр. 32.

[175]) *ibid.*, 33.

[176]) *ibid.*

[177]) „Пут. пис. изъ др. Суз. обл.“, 69.

[178]) „Ист. собр. о гр. суж.“, 33.

[179]) Замѣтимъ, кстати, что авторъ „Ист. собранія“... явно стремится *доказать святость* Арсенія (с. 32—34). Для этого онъ приводитъ 8 доказательствъ, которыми мы и пользовались въ своемъ мѣстѣ.

[180]) „Пут. письма изъ др. Суз. обл.“, 69.

[181]) „*Νεοελ Φιλολογ*“, *К. N. Σαϑα*, 1868, *Αϑην.*, стр. 206.

[182]) „Изуч. Виз. Ист.“... II, 71.

[183]) О языкѣ „Descriptio" не можемъ ничего сказать, такъ какъ мы пользовались не греческимъ оригиналомъ его, но значительно искаженнымъ латинскимъ переводомъ.

[184]) Совершенную противоположность Арсенію въ этомъ отношеніи представляетъ спутникъ его—Монемв. митрополитъ *Іероѳей*: описывая свое пребываніе въ Москвѣ, онъ высказываетъ положительное *недовольство* рѣшительно всѣмъ, кромѣ щедрыхъ царскихъ подарковъ (см. „Изуч. Виз. Ист...", *Ѳ. Терновскаго*, II, 70—72). Если вѣрить свидѣтельству Іероѳея о томъ, что жизнь Іереміи и его свиты въ Москвѣ была слишкомъ стѣснена, то молчаніе о томъ Арсенія доказываетъ, съ одной стороны, его *незлобіе*, а съ другой — лучшее знаніе условій русской жизни, требовавшихъ такого стѣсненія иностранцевъ.

[185]) *Соловьевъ*, IX, 4.

[186]) *ibid.*, VIII, 194.

[187]) „Ист. собр. о гр. сужд." говоритъ, что Арсеній писалъ къ „разнымъ персонамъ" *письма*, съ которыхъ „имѣются многіе отпуски" (с. 132). Въ другомъ мѣстѣ говорится о существованіи „расходныхъ книгъ" времени Арсенія (с. 117).

[188]) „Ж. М. Н. П.", 1844, т. XLI, ст. VI: рецензія т. *Д—а* на „His. Ruthen. scrip. ext. saec. XVI" *Старчевскаго*,—стр. 127.

[189]) „Изуч. Виз. Ист...", II, 73.

[190]) „Sammlung... klein. Schrift... Russ. Reichs", *Wichmann*, I, 57.

[191]) „Krit.-Liter. Übers. der Reis. in Russl.", I, 382.

[192]) *ibid.*

[193]) Они говорятъ: „*sermo*, quo usus est auctor, *graecus vulgaris* est, sev *Romanicus*". *Wichmann*, I, 60.

[194]) „*Νεοελ Φιλολογ*", с. 206.

[195]) *Wichmann*, 1, 60. Эти „варварскія слова" удержаны и въ латинскомъ переводѣ „Descriptio". напр. *Voivodes* (воеводы), *Cnesi* (князья), *Protopapas* (протопопъ) и проч.

[196]) „Библ. зап.", 1858, № 3, с. 81.

[197]) *Wichmann*, I, 59.

[198]) *ibid.*

[199]) „Библ. Зап.", 1858, № 3, с. 81.

[200]) Въ концѣ XVIII вѣка.

[201]) Писано въ 1846 году.

[202]) „Библ. Зап.", 1858, № 3, с. 81.

[203]) *Wichmann*, I, 59—60.

[204]) Нѣкоторыми указаніями этого предисловія мы уже пользовались.

[205]) *Wichmann*, I, 60.

[206]) „Библ. Зап.", 1858, № 3, с. 81.

[207]) „*Νεοελ Φιλολογ.*", с. 206—207.

[208]) *Adelung*, I, 382.

[209]) *Wichmann*, I, 57; *Adelung*, I, 383.

[210]) Свѣдѣнія о *Б. фонъ Вихманнѣ* см. „Сынъ Отеч.", 1822, № 30; „Некрологія Викманна", с. 191—192.

[211]) Объ изданіи Вихманна упоминаютъ — *Adelung* I, 382 — 383; *Σαθα*, 206.

[212]) „Ж. М. Н. П.", 1844, т. XLI, ст. VI, с. 126—127.

[213]) „Библ. Зап.", 1858, № 3, статья „Матеріалъ для исторіи учрежденія патріаршества въ Россіи", с. 76—80.

[214]) „*Νεοελ. Φιλολ.*", 207,

[215]) Это ошибка; „Descriptio"—не „поденная записка", а простой разсказъ, или „воспоминаніе", какъ называетъ его *Зампеліосъ* (*Сафа*, с. 207).

[216]) „Арх. Ист.-юрид. свѣд. о Росс.", *Н Калачева*, кн. 2, половина 1, отд. I, с. 1—34.

[217]) Это латинское заглавіе сочиненія Арсенія принадлежитъ итальянскимъ издателямъ „Descriptio" и есть буквальный переводъ слѣдующаго греческаго заглавія, находящагося на Туринскомъ манускриптѣ: „*Κόποι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου, γράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ Πατριάρχου Μοσχοβίας*" (*Adelung*, I, 382 *Σαθα*, 206).

[218]) 1588 года.

[219]) Во Львовѣ, какъ мы знаемъ, Арсеній былъ учителемъ братской школы, съ іюня 1586 г. по май 1588 г.

[220]) Польскимъ канцлеромъ въ то время былъ *Янъ Замойскій*, котораго, очевидно, и разумѣетъ здѣсь Арсеній.

[221]) Буквально: „вставши съ постели"—„surgens e lecto".

[222]) Эти слова показываютъ, что въ это время Арсеній уже собирался оставить Львовъ.

[223]) П. Іеремія былъ сосланъ на о. Родосъ въ *1584 году*, по лживому доносу одного вѣроотступника — грека („Состоян. Конст. Церк..." („Хр. Чт.", 1861, ч. II), с. 88—89: *Adelung*, I, прим. 412).

[224]) Литовскимъ канцлеромъ въ это время былъ *Евстафій Воловичъ*.

[225]) Не есть ли „Pocagrem" исковерканное „Подскарбій"? Хотя извѣстно, что „канцлеръ" и „подскарбій" различались.

[226]) Смоленскими воеводами въ это время были: *кн. М. Катыревъ-Ростовскій* и *кн. Ѳ. Шестуновъ* („Снош. Рос. съ Вост.". I, 189).

[227]) Это былъ епископъ *Сильвестръ* („Сн. Р. съ В.", I, 191).

[228]) Извѣстно, что иноземные гости содержались на счетъ царской казны. И въ данномъ случаѣ мы видимъ, что царь приказалъ смоленскимъ воеводамъ давать гостямъ „кормъ" („Сн. Р. съ В.", I, 191). Если же и *еп. Сильвестръ* посылалъ гостямъ „кормъ", то это не было „мѣсячное содержаніе", какъ называетъ его Арсеній, а „по-

четный кормъ", т. е. подарокъ. Епископъ могъ послать этотъ подарокъ и по своему усердію; но мы имѣемъ извѣстіе, что именно *царь приказалъ епископу* — „*и отъ себя* послать также почетный кормъ къ патріарху и къ митрополиту и къ архіепископу" (ibid).

[229]) Это былъ присланный царемъ „почетный приставъ" *Семенъ Пушечниковъ*, съ свитою („Сн. Р. съ В.", I, 190).

[230]) Это было *13 іюля* (ibid., 192).

[231]) Это выраженіе не должно казаться намъ преувеличеніемъ: въ Москвѣ находилось въ то время множество храмовъ и немало каменныхъ палатъ (начало строенія которыхъ относится еще ко временамъ Ивана III), а также—множество большихъ и красивыхъ деревянныхъ хоромъ. Нужно имѣть въ виду *оригинальную красоту* тогдашнихъ русскихъ построекъ: за эту красоту Московскія зданія дѣйствительно могли быть названы „великолѣпными".

[232]) У самой столицы патріарха встрѣтилъ второй „почетный приставъ" *гр. Нащекинъ*, съ свитою („Снош. Р. съ Вост.", I, 192).

[233]) Дѣйствительно, патріарху и лицамъ его свиты выдавалось въ Москвѣ очень щедрое содержаніе. См. *Карам.*, 198 примѣчаніе къ X тому.

[234]) Подъ „золотыми одеждами" (aures strangulis) Арсеній, вѣроятно, разумѣетъ здѣсь *парчу*, которая всегда входила въ древнерусскій праздничный нарядъ. Такъ именно и перевелъ это мѣсто г. *Полуденскій*, пользуясь французскимъ переводомъ *кн. А. Голицына*. Онъ говоритъ, что эти вельможи явились „въ *парчевыхъ* одеждахъ". („Библ. Зап.", 1858, № 3, с. 78).

[235]) *Аделунгъ* говоритъ (I, прим. 420), что городъ *Монемвасія* „называется по русски *Marmasea*". Мы не знаемъ, откуда Аделунгъ взялъ это названіе, такъ какъ во всѣхъ русскихъ современныхъ актахъ Іероѳей называется митрополитомъ „Монемвасійскимъ".

[236]) Если Арсеній называетъ себя здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ „Descriptio"—*епископомъ*, то это не значитъ, что онъ, дѣйствительно, въ то время былъ только *епископомъ*, а *не архіепископомъ*. Мы увидимъ въ другихъ мѣстахъ „D—o", что Арсеній называетъ „епископомъ"—и митрополита Іероѳея, и патріарховъ — Іеремію и Іова. Очевидно, что слово „епископъ" Арсеній употребляетъ, иногда, не какъ названіе первой архіерейской степени, но—въ общемъ смыслѣ, какъ названіе всякой вообще архіерейской степени, подобно тому, какъ у насъ безразлично называется „архіереемъ"—и епископъ и архіепископъ.

[237]) Этотъ поѣздъ былъ на коняхъ (какъ увидимъ ниже). Арсеній говоритъ, что они, не слѣзая съ коней, *подъѣхали къ лѣстницѣ*. Но—1) непосредственно къ самой лѣстницѣ они не могли подъѣхать, такъ какъ передъ нею находилось еще *крыльцо*, отдѣлявшееся отъ лѣстницы значительнымъ крытымъ переходомъ. 2) И къ крыльцу они

не могли подъѣхать на конахъ: тогдашній придворный *этикетъ* не допускалъ этого. Гости, пріѣзжавшіе ко двору должны были, по словамъ г. *Забѣлина*, сойти съ коней, или выйти изъ экипажа—„въ разстояніи нѣсколькихъ саженей *отъ крыльца*... и *очень рѣдко* у обширнаго помоста или рундука, устроеннаго передъ лѣстницею" („Домаш. бытъ русс. царей", I, 219). Послѣдній — *рѣдкій* случай повторился и при пріемѣ п. Іереміи: по словамъ „Стат. списка" патріархъ „слѣзъ *на рундукъ*, а митрополитъ и архіепископъ... *не доѣзжая*". („Сн. Рос. съ Вос.", I, 193).

[238]) Это была „первая встрѣча" патріарху. Число встрѣчь говоритъ г. *Забѣлинъ* было неодинаково: 2—3 встрѣчи; при двухъ встрѣчахъ—первая, или „меньшая" происходила на крыльцѣ, а вторая, или «большая»—въ сѣняхъ (Забѣл., 1,237). П. Іереміи было сдѣлано, какъ видно изъ „Стат. Списка", только 2 встрѣчи. О первой изъ нихъ — „меньшей",—и говоритъ здѣсь Арсеній. Она происходила, по его словамъ, на крыльцѣ или рундукѣ (что подтверждаетъ и вышеприведенное свидѣтельство г. *Забѣлина*). По „Стат. Списку" эту встрѣчу дѣлали—думный кворянинъ *Татищевъ* и дворцовый дьякъ *Тіуновъ* („Снош. Рос. съ В." 1,198).

[239]) Это была 2 встрѣча—„большая въ сѣняхъ "(*Забѣл.*, 1 стр. 237) По „Стат. Списку" она происходила въ проходной палатѣ у у средней лѣстницы" („Сн. Р. съ В.", 1, 193). эту встрѣчу дѣлали—окольничій *кн П Лабановъ-Ростовскій* и разрядной дьякъ *Сапунъ Ивановъ* (ibid.).

[240]) Этотъ пріемъ (21 іюля) происходилъ, по „Стат. Списку", въ „подписной золотой палатѣ" (*Карамзинъ*, 208 примѣч. къ X тому), т. е. — въ *Грановитый палатѣ*, которая со временъ Ѳедора Ивановича стала называться „Подписною", потому что при немъ она была украшена „Стѣннымъ письмомъ" (*Забѣл.*, 1,127).

[241]) Пріемныя царскія палаты, дѣйствительно, сверкали *золотомъ*, потому что стѣны ихъ въ парадныхъ случаяхъ покрывались „золотыми матеріями' (*Забѣл.*, 1,120)„ а всѣ „рѣзи" т. е. стѣнныя украшенія „густо покрывались сусальнымъ золотомъ" (*ibid.*, 110).

[242]) Свидѣтельство Арсенія обѣ иконѣ Богоматери, помѣщенной внутри трона, надъ царскимъ кресломъ, — подтверждается свидѣтельствами и другихъ иностранцевъ, напр. — *Паерле* (*Забѣл.*, 1,146) *Мейерберга* („Б. Мейер. путеш. его по Рос.", *Аделунга* 36—37 и друг.

[243]) *Діадимою* украшалась не голова царя, а *плечи* его „Діадима" иначе называлась „ бармами" (*Забѣл.*, 1,314).

[244]) Г. *Забѣлинъ* говоритъ, что на пріемахъ царь надѣвалъ „царскій вѣнецъ"—„корону", по Арсенію (*ibid.*).

[245]) *Забѣлинъ* говоритъ: „въ большихъ пріемныхъ палатахъ... стояли... царскія мѣста, или *троны*, богато украшенные *золотомъ*... *золотыми*

тканями" (1,145). *Паерле* говоритъ, что Лжедимитрій 1 „сидѣлъ на высокихъ „креслахъ изъ чистаго серебла съ *позолотою*" (*ib.*, 146). *Мейерберъ* называетъ царскій тронъ—„серебреннымъ, богато *вызолоченнымъ*" („Б. Мейерб. и путеш. его по Рос.", *Аделунга*, 36). Слѣд., Арсеній могъ назвать тронъ золотымъ по одному внѣшнему его виду,

[246]) Они сидѣли на *лавкахъ*, которыя по словамъ г. *Забѣлина*—„съ самаго древняго времени и до начала XVIII вѣка „были весьма обыкновѣнною и совершенно необходимою мебелью въ царскихъ хоромахъ" (1,113).

[247]) *Скипетръ*, дѣйствительно, употреблялся въ то время царями на торжественныхъ церемоніяхъ. Царь держалъ его, обыкновенно, въ *правой рукѣ*, какъ говоритъ и Арсеній. Также вѣрно свидѣтельство его и о томъ, что скипетръ украшался драгоцѣнныти камнями (*Забѣл.*, 1,314).

[248]) Объ этомъ, вѣроятно, «золотомъ шарѣ» упоминаетъ и *Мейерберъ*, прибавляя, что онъ былъ помѣщенъ на „серебренной пирамидѣ" („Б. Мейер. и пут. его по Р." *Аделунга* 37).—Шаръ, о которомъ говоритъ Арсеній,—*Аделунгъ* называетъ «Планетаріумомъ» (Planetarium) (1, прим. 425). Мы не встрѣтили у г. *Забѣлина* указаній на существованіе при Московскомъ дворѣ подобныхъ предметовъ, но нашли немало свидѣтельствъ о томъ, что въ это время употреблялись тамъ „часы съ планидами", т. е. съ изображеніемъ планетъ (*Заб.*, 1,173—175), часы „съ знамены небесными" (*ibid.*, 174). Такіе то часы съ планидами и разумѣетъ, вѣроятно, здѣсь Арсеній, когда говоритъ о „шарѣ, на которомъ былъ изображенъ кругъ (ambitus) всей вселенной".

[249]) Нельзя вѣрить Арсенію, что на пріемѣ *всѣ* свѣтскія особы *стояли*: извѣстно, что высшіе чины — бояре и окольничіе пользовались правомъ *сидѣть* въ присутствіи царя (см, напр., Забѣл., 1,232).

[250]) Мы не можемъ опредѣленно сказать—какой періодъ времени разумѣетъ Арсеній подъ выраженіемъ: „дни, недѣли". Первая аудіенція у царя была 21 іюля 1588 г., а поставленіе Іова—26 января 1589 г. Въ этотъ то періодъ времени и происходили описываемые далѣе Арсеніемъ переговоры съ Іереміею объ учрежденіи патріаршества. „Ст. Списокъ" также неопредѣленно говоритъ о времени этихъ переговоровъ.

[251]) Подъ этими „знатными царскими сановниками" Арсеній, вѣроятно, разумѣетъ „почетныхъ приставовъ", жившихъ, по обычаю вмѣстѣ съ гостями.

[252]) Употребленное въ латинскомъ переводѣ слово „Barones" заставляетъ думать, что въ греческомъ оригиналѣ здѣсь стояло русское слово „бояринъ", которое Итальянскіе издатели и передали, по созвучію, словомъ „Barones".

[253]) Въ латинскомъ текстѣ это слово вставлено, непереведеннымъ

Изъ другихъ титуловъ этого „*Μαίμωνα*“ и изъ русскихъ свѣдѣтельствъ—видно, что здѣсь разумѣется *Борисъ Годуновъ* Тоже слѣдуетъ заключить и изъ слѣдующаго словопроизводства „*Μαίμον*“, какое дѣлаетъ *Аделунгъ*: *μαίμων*, или точнѣе *ὁμαίμων* означаетъ „въ позднѣйшемъ новогреческомъ языкѣ—„кровнаго родственника“ а здѣсь—„*брата царицы*“. Это слово составлено изъ *ὁμὸν*—„равный“, „прямой“ и *αἷμα*—„кровь“; слѣдов., въ соединеніи будетъ—„одной и той же крови“, „однородный“ (consanguineus)“ (1.427 прим.).

²⁵⁴) *Борисъ Годуновъ*, дѣйствительно, носилъ титулъ „намѣстника Казанскаго и Астраханскаго“ (*Щербатовъ*, т. VI, ч. I, с. 214. „Грамота о избраніи на царство Бориса Θедоровича“, помѣщенная въ „Др. Рос. Вивл.“ *Новикова* (VII, 58), говоритъ, что этотъ титулъ былъ пожалованъ Борису царемъ Θеодоромъ (см. Ак. Арх. Эксп.“ II; прим 2).

²⁵⁵) Г. *Клевановъ* перевелъ эту фразу—„занимаясь...“

²⁵⁶) Сдѣланная Арсеніемъ характеристика *Андрея Щелкалова*, извѣстнаго русскаго дипломата своего времени,—вѣрна дѣйствительности. М. *Іеровей* въ своемъ „хронографѣ“ называетъ А. Щелкалова—„первымъ дѣльцомъ“ „Из. Виз. Ист...,“ *Ф Терновскаго*, II, 43)

²⁵⁷) *Щербатовъ* (т. VI, ч. I, с. 211) называетъ *Василія Щелкалова*—„думнымъ дьякомъ“.

²⁵⁸) Для объясненія выраженія: „*aspra Nogratia*“ — *Аделунгъ* замѣчаетъ, что въ описываемое Арсеніемъ время „существовала *Новгородская* и *Московская* монета и—первая была *вдвое больше* послѣдней. Если, такимъ образомъ, Арсеній разумѣетъ здѣсь *новгородки*,—что очень возможно, потому что эта монета долго еще спустя послѣ покоренія Новгорода была во всеобщемъ употребленіи въ Россіи,—то предложенное патріарху содержаніе было очень значительно... Если во время Ивана Васильевича (какого—III-го, или IV-го?) золото относилось къ серебру, *какъ 12 къ 1*, то одинъ золотой гульденъ или червонецъ равнялся *60 Московскимъ* и *30 Новгородскимъ* монетамъ. Во 2 случаѣ (при Новгородскомъ счетѣ денегъ) сумма, назначенная Іереміи, составляла: *33½ червонца ежедневно* и *12161½ червон. ежегодно*; а въ 1 случаѣ (на Московскій счетъ)—только *половину* этой суммы“ (1, 432 прим.)—Если расчетъ Аделунга справедливъ, то трудно повѣрить, чтобы Іереміи была предложена такая громадная сумма денегъ. Нужно думать что Арсеній здѣсь *преувеличилъ*.

²⁵⁹) Подъ *митрополіею* здѣсь нельзя разумѣть *соборной церкви*, такъ какъ изъ дальнѣйшей рѣчи видно, что уже *изъ митрополіи* процессія двинулась *къ церкви*. Что же такое—*митрополія?* Не митрополичьи ли *палаты?* Но въ такомъ случаѣ—врядъ ли бы царь встрѣчалъ тамъ патріарха. Всего вѣроятнѣе, что здѣсь разумѣются „царскія палаты“.

²⁶⁰) *26 января 1589 года*. Указаніе Арсенія на это число см. ниже.

²⁶¹) Объ обрядѣ поставленія п. Іова не сохранилось никакихъ

документальныхъ извѣстій. Поэтому, что бы провѣрить разсказъ Арсенія, нужно сравнить его съ дошедшимъ до насъ „Чиномъ наречія и поставленія п. Филарета“ (*Карамзинъ*, X, 206 примѣчаніе).— Относительно описываемаго Арсеніемъ *амвона съ 12 ступенями*— въ указанномъ „Чинѣ“ читаемъ слѣд.:„... изготовлено было *мѣсто* широко и высоко, къ нему же *12 ступеней*, и *оболчено* суквами, багрецами червчатыми, а на верху *три сѣдалища*:... царю... Іерусал. патріарху... Филарету...“ (Карамз., X, 206 прим., с. 65).

[262]) Въ вышеуказанномъ „чинѣ“ (см. 261 примѣчаніе) читаемъ: „а отъ нихъ (сѣдалищъ) по ступенямъ даже до амбона строены *три пути*, Государю бархатъ червчатъ золотной, а обоимъ патріархамъ пути покрыты бархаты смирными...“ (*Карамз.*, X, 206 прим., с. 65—66).

[263]) По ошибкѣ онъ назвалъ здѣсь: *Ѳеодосіемъ—Theodosius*.

[264]) Осѣдлаищахъ для царя и патріарховъ—см. выше (261 примѣчаніе); осидѣньяхъ уже для прочихъ лицъ читаемъ въ „Чинѣ“ слѣд.: „а отъ того высокаго мѣста по обѣ стороны къ амбону устроены *сѣдалища* Святителямъ и Архимандритамъ, покрыты ковры Персидскими“ (ibid., 66).

[265]) Подъ „великою церковью“ должно разумѣть здѣсь не русскую соборную, а Константинопольскую церковь.

[266]) Т. е. — Константинопольской церкви.

[267]) Въ текстѣ стоитъ: „biceps pulvinar“; очевидно, что послѣ „biceps“ здѣсь пропущено „aquila“ — „орелъ“. — Арсеній говоритъ, что „вблизи царскихъ дверей положенъ былъ великолѣпный *коверъ* съ *двуглавымъ* орломъ. „въ“ „Чинѣ“ сказано: „предъ амбономъ же, *на помостѣ церковномъ, написанъ* орелъ *единоглавенъ*“ (ib. с. 66). Но эти два свидѣтельства не исключаютъ другъ друга: могло быть— и то, и другое.

[268]) Эти „armati viri“ называются въ русскихъ актамъ „*огненниками*“. Въ „чинѣ“ читаемъ: „а огненниковъ учинено 12;6 стояли у новонарѣченнаго Патріарха, а *6 у орла*, *стрегуще* его да не наступитъ никто же“ (ib., 66).

[269]) Очевидно, что вмѣсто seditque здѣсь должно стоять stetitque.

[270]) Эти скобки стоятъ въ латинскомъ текстѣ и составляютъ, вѣроятно, прибавку латинскихъ переводчиковъ.

[271]) Мы не можемъ объяснить — что означаетъ слово „ἰο δυναμὲς“. понятно только что оно относится къ слову „trisadinm“—„Трисвятая пѣснь“. Ясно также. что это выраженіе непонято Итальянскими издателями и, потому, оставлено ими непереведеннымъ.

[272]) Не означаетъ ли „Paschalis“—*фамилія* „великаго доместика“ т. е.—главнаго пѣвца? Эпитетъ „пасхальный“—непонятенъ въ приложеніи къ слову „доместикъ“. Но, быть можетъ, онъ употреблялся въ Визант. церкви, для означенія главнаго, перваго пѣвца, т. е. регента.

[273]) Здѣсь авторъ разумѣетъ—собственно начало „литургіи вѣрныхъ", такъ какъ очевидно, что и раньше у него шла рѣчь о совершеніи литургіи, а не какой либо другой церковной службы.

[274]) Послѣдняго слова („Крови") нѣтъ въ латинскомъ текстѣ: очевидно—оно выпущено итальянскими издателями—католиками...

[275]) „Чинъ поставленія п. Филарета" также говоритъ, что послѣ литургіи „Государь восходитъ къ Патріархомъ на высокое мѣсто и даруетъ отцу своему *панагію злату*, украшену драгимъ каменьемъ". (*Карамз.*, X, 206 прим., 64 стр.).

[276]) Нужно думать, что заключающееся въ скобкахъ объясненіе „Encolpion" сдѣлано итальянскими переводчиками. Арсеній хорошо, конечно, зналъ—что такое „Encolpion" и, потому, ему не было нужды пускаться въ эти объясненія.

[277]) Выше Арсеній говоритъ, что новому патріарху была пожалована царемъ *бархитная мантія*, унизанная драгоцѣнными камнями. Это подтверждается и „Чинъ поставленія п. Филарета" (*Карамз.*, X, 206 прим., с. 67). Но о пожалованіи новому патріарху „бѣлой нижней одежды"—въ „Чинѣ" ничего не говорится. Но если и другія извѣстія Арсенія такъ ясно подтверждаются, то мы должны повѣрить и настоящему извѣстію его. — Что же такое — „бѣлая нижняя одежда?" *Аделунгъ* говоритъ: „*Linea* по средневѣковой латыни означаетъ— „нижнее платье", „рубаху — *Hemde*" (1,438 прим.). „Hemde", между прочимъ, значитъ и „стихарь". Отсюда можно заключить, что подъ „linea candida" разумѣется *подризникъ*. Такъ понимаетъ это выраженіе и *Карамзинъ* (205 прим. къ X. т.).—Что такое „rubeis?" Аделунгъ говоритъ: *Rubei* стоитъ „здѣсь, можетъ быть, вмѣсто *rubii*, что въ средніе вѣка означало *rubini*. Нельзя думать здѣсь, что *rubeis* происходитъ отъ *rubus*—„ежевика ягода"—„Brombeere" (1,438 прим.).

[278]) *Calimauchium*, очевидно, есть измѣненное греческое слово *καμελαυκια*. Мы перевели это слово „клобукомъ", потому что патріархи носили не *камилавку*, а „*бѣлый клобукъ*". Притомъ, самъ Арсеній называетъ „Calimauchium"—„бѣлаго" (albnm); но камилавки всегда были чернаго цвѣта. — Въ „Чинѣ" сказано, что царь пожаловалъ новому патріарху „*клобукъ бѣлъ*" (*Карамз.*, X, 206 пр., с. 67).

[279]) Арсеній говоритъ, что посохъ былъ врученъ Іову *царемъ*, а по словамъ „чина"—*патріархомъ* (*ibid.*). Какому свидѣтельству слѣдуетъ дать предпочтеніе—не можемъ рѣшить.—Арсеній упоминаетъ, что посохъ былъ раздѣленъ на „*4 колѣнца узла*" (*quatuor in nodos*). Эти „колѣнца", или „узлы" встрѣчаются и на нынѣшнихъ архіерейскихъ посохахъ. Аделунгъ считаетъ это раздѣленіе „символическимъ" (1,440 пр.). Но, кажется, оно вовсе не имѣетъ такого значенія. Самъ же Аделунгъ замѣтилъ, что онъ нигдѣ не нашелъ объясненій этого символа.

[280]) Аделунгъ говоритъ (1,441 пр.), что помѣщенное въ скобкахъ

объясненіе саккоса есть прибавка переводчиковъ. Она невѣрна—потому что 1) саккосъ имѣетъ *рукава*, а 2) нельзя сказать, что онъ похожъ на *мѣшокъ*: извѣстно, что онъ шьется съ кроемъ, съ таліей.

[281]) Аделунгъ говоритъ, что „*cappa*, или *capa* — священническая верхняя одежда„ (1,443 пр.). Но объ этой одеждѣ патріарха, т. е. о саккосѣ, Арсеній уже упомянулъ. Нельзя считать „capp'y" за митру или клобукъ, потому что объ этихъ предметахъ Арсеній уже говорилъ. Не говорилъ онъ только объ *омофорѣ*—отличительной одеждѣ архіереевъ и патріарховъ. И такъ, можно думать, что подъ словомъ „magna cappa" Арсеній разумѣетъ именно омофоръ.

[282]) См. 241 примѣчаніе.

[283]) Этотъ обѣдъ происходилъ въ *Грановитой палатѣ*, въ которой всегда давались самые торжественные обѣды (см. *Забѣл.*, 1,228)

[284]) *Монемвасійское* вино называлось въ древней Россіи „*Мальвазіею*" (*Забѣл.*, 1,323). Оно было любимымъ напиткомъ—какъ при дворѣ, такъ и у бояръ.

[285]) *Романея* была въ Россіи такимъ же любимымъ напиткомъ, какъ и Мальвазія (*Забѣл.*, 1, 84, 323).

[286]) Въ приводимомъ г. *Забѣлинымъ* спискѣ *фряжскихъ* винъ, употреблявшихся при Московскомъ дворѣ, мы не нашли „Критскаго вина" (1,84). Вѣроятно—оно носило другое названіе. *Аделунгъ* свидѣтельствуетъ, что это вино было въ употребленіи въ древней Россіи (1,444 прим.).—Арсеній говоритъ, что критское вино приготовлялось „изъ *пчелинаго винограда* (apianis uvis)". Аделунгъ замѣчаетъ по этому поводу, что, по свидѣтельству *Плинія*, этотъ виноградъ растетъ въ Средней Италіи и—названіе свое „получилъ *отъ пчелъ*, которыя его особенно любятъ. „Если Арсеній упоминаетъ объ *апіанскихъ* лозахъ по поводу *критскаго* вина, то должно быть хочетъ показать этимъ особенное *превосходство* этого вина" (1,444 пр.).

[287]) Г. *Забѣлинъ* говоритъ: „взрослые очень любили такую посуду, которая представляла *изображенія* птицъ, звѣрей, людей и т. п. Въ общей государевой казнѣ на казенномъ дворѣ хранилось много такихъ сосудовъ.......... занимавшихъ очень видное мѣсто въ уборкѣ поставцовъ и всегда обращавшихъ вниманіе пріѣзжихъ гостей иностранцевъ" (1,190).

[288]) Эта охотничья сцена была изображена, вѣроятно, не на сосудѣ, а представляла отдѣльную *фигуру*. Такія фигуры существовали при Московскомъ дворѣ (*Забѣл.*, 1,189—191).

[289]) Арсеній говоритъ, что изъ-за стола вставалъ *патріархъ* (*Patriarcha*), т. е. — *одинъ патріархъ*. Гдѣ же былъ другой? Другой патріархъ именно *Іовъ*, совершалъ въ это время объѣздъ города „на осляти" („Снош. Рос. съ Вост.", 1,212) Ниже мы увидимъ, что Арсеній упо-

минаетъ о пріѣздѣ п. Іова, снова сѣвшаго за столъ. Дѣйствительно, новый патріархъ, совершивши обрядъ ѣзды „на осляти“, снова возвращался къ царскому столу. До насъ дошло описаніе шествія на осляти“ п. *Іосифа*, въ 1482 году (*Карамз.*, X, 207 прим., с. 68).

[200]) „*Vestiarius*“ значитъ—„*Хранитель одеждъ*“; эта должность существовала при Византійскомъ дворѣ. Такая же должность была, конечно, и при Московскомъ дворѣ. Но мы замѣнили титулъ „Хранитель одеждъ“—титуломъ „*казначей*“, потому что, по свидѣтельству „Стат. Списка“, эти дары „являлъ“ патріарху и его свитѣ—*казначей Траханіотовъ* („Сн. Р. съ В.“, 1,213). Онъ, вообще, участвовалъ во всѣхъ торжественныхъ пріемахъ п. Іереміи при дворѣ (напр.—*ibid.*, 194—195). Мы встрѣтимъ участіе *Траханіатова* и въ дальнѣйшихъ пріемахъ и друг. придворныхъ церемоніяхъ.

[201]) „Кубокъ“ составлялъ обычный даръ Московскихъ царей—какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ особамъ. Не всѣ кубки имѣли одинаковое значеніе: высшимъ считался „кубикъ съ кровлею“ (см., напр., „Собр Г. Гр. и Дог.“, III, № 171, с. 515). Изъ „Descriptio“ мы видимъ, что какъ п. Іереміи, такъ и м. Іероѳею и арх. Арсенію—всегда жаловались именно „кубки съ крышкою“ („кровлею“).

[202]) „*Villosum sericum Venetum*“—буквально будетъ: „Венеціанская шерсть—шелкъ“. Это выраженіе мы перевели словомъ „бархатъ“—потому, что въ древній Руси эпитетъ „Веницейскій“, „Венеціанскій“ почти исключительно прилагался къ „бархату“.

[203]) *Буквально* это названіе матеріи можно передать такъ:—сукно—шелкъ, на подобіи матеріи, „вытканной изъ козьей шерсти“. Переведенное такимъ образомъ это опредѣленіе матеріи—не даетъ намъ понятія о самой матеріи. По этому мы воспользовались указаніемъ *Карамзина*, который перевелъ это выраженіе словами: „*рытой бархатъ*“ (X, 216 прим.).

[204]) У *Карамзина* это названіе матеріи не переведено, а потому мы оставили здѣсь буквальный переводъ. *Аделунгъ* говоритъ, что эта матерія принадлежала къ числу шелковыхъ (1,449 пр.).

[205]) Греческое слово *κλαδία* значитъ „молодая *вѣтвь*, *побѣгъ*, отрасль *Аделунгъ* говоритъ, что „*κλαδία* назывались *украшенія* разнаго рода, *вѣтви*, *шнурки* и т. п.“ (1,450 пр.). Слѣд., если матерія называется *κλαδία*, то это должно быть такая матерія на которой выдѣланы различныя вѣтви *узоры*, *разводы* и т. п. Одинъ русскій обозрѣватель „Descriptio“ („Вѣсти Евр.“, 1820, 114 ч., с. 209) замѣчаетъ, что подъ *κλαδία* можно разумѣть *штофъ* или *парчу*. Дѣйствительно, эти матеріи имѣютъ на себѣ узоры, или разводы. Но эти узоры бываютъ и на другихъ матеріяхъ. Въ числѣ древнѣрусскихъ матерій съ узорами была именно, *объярь*. Этимъ названіемъ *Карамзинъ* и перевелъ (*κλαδία* X 216 прим.). Такъ будемъ и мы пере-

водить это слово.—*Обьяръ* принадлежала къ числу шолковыхъ матерій (*Забѣл.*, 11,621).

296) Пожалованіе мѣхами Сибирскаго соболя было самымъ употребительнымъ при Московскомъ дворѣ.—*Аделунгъ* замѣчаетъ по поводу этого мѣста: „въ новогреческомъ оригиналѣ стоитъ *δγμαρια* что по латыни пареведено—„pelles Pontici“. Слово *δμουρια* у *Ducange* не находимъ; но въ древнегреческомъ языкѣ и, именно, у *Гезихія* встрѣчаемъ *διμορ*—названіе „бѣлки“ и „суслика“. *Wus ponticus* или *caspius*—въ средніе вѣка было почти общимъ латинскимъ названіемъ *соболя*. *Mus* употреблялось вообще для обозначенія маленькаго зверька; а *ponticus* или *caspius*—прибавлялось потому, что кожи соболя получались чрезъ Понтъ и Каспій“ (2,451 прим.).

297) Арсеній называетъ эти монеты *большими* —вѣроятно — по сравненію съ Московскими, золотыя были на половину меньше Новгородскихъ. См. 258 примѣчаніе.

298) По поводу этихъ *изображеніи Аделунгъ* замѣчаетъ слѣдующее: собственное изображеніе, или портретъ, *effigies* царя *не встрѣчается* ни на Московскихъ, ни Новгородскихъ монетахъ. Первыя, обыкновенно, изображали всадника съ копьемъ, или саблею въ рукѣ, а вторыя—сгорбленную фигуру, предъ которою стоитъ другая на колѣнахъ“ (2,453 прим.).

299) См. 292 примѣчаніе.

300) Это—таже матерія, о которой мы говорили въ 294 примѣчаніи, но съ прибавкою эпитета—„Венеціанская“.

301) См. 293 примѣчаніе.

302) *Аделунгъ* приводитъ (1,417 прим.) это мѣсто въ новогреческомъ оригиналѣ, откуда видно, что латинскій его текстъ есть *буквальный* переводъ съ греческаго.

303) Мы уже говорили (289 примѣчаніи), что въ началѣ обѣда Іовъ всталъ поѣхалъ „на осляти“ по городу. Въ этомъ мѣстѣ Арсеній говоритъ *о возвращеніи* Іова съ этой поѣздки.

304) Эти скобки стоятъ въ подлинникѣ.

305) 28 января.

306) Послѣдняго слова („соли“) нѣтъ въ текстѣ,—тамъ сказано только: „ibide panem simul comedere“.

307) Извѣстно, что выходы и пріемы древне-русскихъ царицъ случались *очень рѣдко*. По этому-то, описаніе Арсенія представляетъ очень цѣнный матеріалъ вообще, и, въ частности, единственный для описываемаго времени.—Царицыны пріемы происходили въ „царицыной палатѣ,“ иначе называвшейся „меньшею золотою“ (1,229).—Арсеній говоритъ, что съ патріархами и ихъ свитою—въ царицыну палату отправился и царь. г. *Забелинъ* замѣчаетъ вообще, что „едвали и случался какой либо торжественный пріемъ у царицы мужскаго чина *не въ присутствіи государя*“ (11,341).

[308]) Подъ словомъ „здѣсь" Арсеній разумѣетъ, что видно изъ контекста,—*сѣни* предъ пріемною палатою.—*Г. Забѣлинъ* по поводу пріемовъ у царицы, говоритъ: *намъ неизвѣстно*, въ какомъ порядкѣ окружалъ царицу въ это время ея дворовый чинъ или штатъ; но можемъ полагать, что порядокъ былъ обычный, какой соблюдался и въ палатахъ государя. Такъ безъ всякаго сомнѣнія, *младшіе женскіе чины* царицы стояли церемонно и сидѣли *въ сѣняхъ* передъ палатою (11,341). Предположеніе г. Забѣлина вполнѣ *подтверждаетъ Арсеній*, когда говоритъ, что „женщины—прислужницы царицы" (т. е.—младшіе ея чины) находились *въ сѣняхъ*, передъ палатою.

[309]) Что русскія женщины употребляли иногда одежды *бѣлаго цвѣта*, при особенной любви къ *цвѣтнымъ* матеріямъ,—это подтверждается и другими извѣстіями (*Забѣл.*, 11,618). Но извѣстно, что бѣлая матерія употреблялась женщинами только для „нижняго платья" (домашняго, комнатнаго) (*ibid.*), въ которомъ они не могли, по тагдашнимъ приличіямъ, явиться предъ посторонними лицами (*ib.*, 619). Для выходовъ же употреблялись особыя „выходныя одежды" (*тѣлогрѣи шубки, лѣтники, опашни* или *охобни* и пр.), которыя дѣлались не изъ бѣлой, но, преимущественно, изъ цвѣтныхъ матерій. Что же разумѣетъ Арсеній подъ „бѣлыми одеждами"?—Мы думаемъ, что это были *бѣлыя покрывала*, или *фаты*, которыя надѣвались поверхъ „выходныхъ одеждъ" (*Забѣлинъ*, 11,326—327,617).

[310]) Что такое *подставки* ? Не *рамы* ли это? Извѣстно, что въ то время картины и портреты вставлялись уже въ рамы (*Забѣл.*, 1,168). Но, очень возможно, что здѣсь у Арсенія идетъ рѣчь не о рамахъ, а о подставкахъ. Г. Забѣлинъ говоритъ, что въ комнатахъ часы иногда ставились на „особыхъ часовыхъ *подставкахъ*" (*ibid.*, 175). Такія же „подставы" могли существовать и для картинъ и портретовъ.

[311]) Подъ „золотою дверью" нужно разумѣть не то, что она была сдѣлана изъ золота, но—что она была *обита золотою матеріею*. *Г. Забѣлинъ* говоритъ, что „со временъ ц. Алексѣя Михайловича, стѣны, и особенно двери, стали обивать *золотыми басменными* кожами" (1,118). Но изъ этого мѣста „Descriptio" видно, что обивка дверей золоченными матеріями употреблялась гораздо раньше—еще при ц. Ѳеодорѣ Ивановичѣ.

[312]) Т. е. *Борисъ Годуновъ*. См. 253 примѣчаніе.

[313]) *Г. Забѣлинъ предполагаетъ*, что во время царицыныхъ пріемовъ—„въ ея палатѣ сидѣли пріѣзжія боярыни, подобно какъ и бояре у государя . . ." (11341). Арсеній вполнѣ *подтверждаетъ* это предположеніе, но—сообщаетъ, что эти боярыни не сидѣли, а стояли.

[314]) *Г. Забѣлинъ* говоритъ: „*иностранцы*, бывавшіе въ Москвѣ въ теченіи XVI и XVII ст. единогласно *восхваляютъ красоту* русскихъ женщинъ" (11,561). Авторъ приводитъ свидѣтельства *Лизека*, *Вар-*

дерины, Флетчера, Петрея, Олеарія, Коллинса, Корба. Къ этимъ извѣстнымъ именамъ слѣдуетъ прибавить мало извѣстное имя *Арсенія Элассонскаго.*

[315]) *Вѣнцы съ башенками*, или *зубцами*—дѣйствительно носились царицами. *Г. Забѣлинъ* говоритъ: особый видъ *вѣнка*, который дѣлался обыкновено изъ металлической *цки* (доски) и прорѣзывался насквозь какимъ либо узоромъ съ городками или зубцами вверху назывался *вѣнцомъ*. *Вѣнцу съ городы*, т. е. съ острыми углами вокругъ, присвоено было *царственное значеніе*,, (11,580). Число „теремовъ" или „городовъ"на вѣнцѣ было неопредѣленное: Арсеній упоминаетъ о вѣнцѣ съ 12 теремами, а, напр., у царевны Ирины Михайловны былъ *вѣнецъ теремчатъ* о десяти верхахъ" (*Забѣл.*, 11,581).

[316]) Арсеній подмѣтилъ здѣсь одну изъ характерныхъ подробностей древнерусскаго женскаго головнаго убора. Именно онъ говорить здѣсь о такъ называемыхъ *рясахъ*, „*рясы*—говоритъ г. *Забѣлинъ длинныя пряди* изъ жемчугу въ перемежку съ дорогими каменьями и съ золотыми пронизками . . . . пряди бывали *двойныя*, *тройныя*, *четвертныя* и т. д. . . . . . рясы привешивались къ *кикѣ* (головной уборъ), по сторонамъ, надъ висками, и слѣд. *ниспадали внизъ* къ плечамъ, или на грудь" (11,591).—Такое же понятіе о *рясахъ* мы получаемъ и изъ описанія Арсенія.

[317]) Всѣ одежды древнерусскихъ женщинъ, въ томъ числѣ и царицъ, шились *длинными*, до самыхъ пятъ. О какой же одежде говоритъ здчсь Арсеній? Онъ разумѣетъ здѣсь такъ называемую *шубку*. „*Шубка*—говоритъ г. *Забѣлинъ*" . . . кроилась . . . длиною *до пятъ*. Это *платье* быть можетъ потому называлось *шубкою*, что на него унетреблялись ткани плотныя и тяжелыя" (11,622). *Шубка* "особе украшенная, пріобрѣтала значеніе царскаго *платна*, *порфиры*, или вообще одежлы царственной ' (11,628).

[318]) Если *κράδια* значитъ, какъ мы замѣтили выше (295 примѣчаніе), „вѣтви, разводы, узоры", то въ данномъ случаѣ, когда Арсеній говоритъ о *κράδια* на одеждѣ,—подъ ними нужно разумѣть, именно, *узоры* и всякія вообще *украшенія* на одеждѣ. Дѣйствительно, г. *Забѣлинъ* говоритъ, что когда шубка получала значеніе царственной одежды, тогда она „роскошно украшалась широкимъ *кружевомъ*...", а послѣднее „украшалось нерѣдко *аламами* — большими круглыми бляхами изъ басменнаго золоченаго серебра" (11,623). Эти и подобныя украшенія, но, главнымъ образомъ, узоры на матеріи Арсеній и называетъ—*κδιβαα*.

[319]) *Аделунгъ* говоритъ по поводу этого мѣста: „въ *оригиналѣ* стоитъ—„*λόγηραν τὸ φόρεμα ὡς μία ἀπαλά*" т. е.—*одежда безъ рукавовъ* иначе мантія" (1,466 прим.]. Слѣд., Арсеній разумѣетъ здѣсь такъ называемое „*накладное ожерелье*" *Г. Забѣлинъ* говоритъ, что если шубка принимала значеніе царственной одежды, тогда „тогда на

плечахъ у такой шубки полагалось изъ той же ткани (изъ какой и шубка) круглое широкое *ожерелье*, родъ *перелины, соотвѣтствовавшее царской діадимѣ* и потому всегда богато украшенное кружевомъ съ алмазами, обнизанными жемчугомъ" (11,623).

[320]) *Аделунгъ* перевелъ *manica* словомъ *Nanaschuhe* — „*перчатки*" (1,396). Но мы не можемъ согласиться съ нимъ: 1) г. *Забѣлинъ* говоритъ, что въ XVI и началѣ XVII ст. перчатки въ царицыномъ быту „еще *не были* въ употребленіи, по крайней мѣрѣ не принадлежали къ *обычнымъ статьямъ* женскаго наряда" (11,635). Они надѣвались только *по нуждѣ*, что доказывается, между прочимъ и тѣмъ, что они всегда шились *теплыми—мѣховыми* (*ibid.*). Слѣд., если ц. Ирина и имѣла перчатки. то, какъ теплыя, она не надѣла бы ихъ на пріемъ гостей. Слѣд. Арсеній не могъ видѣть ихъ на царицѣ. 2) Арсеній называетъ *manica*—„*широкими*". Но тотъ эпитетъ не идетъ къ перчаткамъ: и въ то время они шились также, какъ и теперь, т. е.—плотно прилегая къ рукѣ. 3) Арсеній говоритъ, что *manica* были *украшены* жемчугомъ и друг. драгоцѣнными камнями. Но перчатки, какъ теперь, такъ и тогда не украшались подобнымъ образомъ.—Итакъ ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не о перчаткахъ. Что же такое *manica?* Мы думаемъ, что Арсеній говоритъ здѣсь о *рукавахъ* (*manica*, между прочимъ, значитъ—„рукавъ") царицыной шубки. Они должны были обратить на себя вниманіе Арсенія—1) своею *длиною*, такъ какъ они простирались, по большей части, „почти до подола" одежды,—2) тою особенностію, что они *не надѣвались* на руки, *а висѣли* по бокамъ одежды, и—3) тѣмъ, что они *украшались* кружевомъ, аламами, жемчугомъ и друг. драгоцѣнными камнями (*Забѣл.*, 11,622—623).

[321]) *Ожерелье*, дѣйствительно, носилось царицами и называлось—*монистомъ* (*Забѣл.*, 11,603).

[322]) Мы не можемъ рѣшить—что разумѣетъ Арсеній подъ *діадемою*, какъ особою статьею царскаго наряда. Извѣстно, что діадемою въ нарядѣ царя назывались *бармы* (см. 243 примѣчаніе), а у царицы значеніе бармъ, или діадемы получало такъ называемое „накладное ожерелье" (см. 312 примѣчаніе). Но о „накладномъ ожерельѣ" Арсеній уже упоминалъ выше, называя его—*λῶμγα* (*ibid*). Слѣд., онъ разумѣетъ здѣсь какую то другую часть царицынаго наряда. Всего вѣроятнѣе, что здѣсь разумѣется какая либо часть *головнаго убора* царицы.—*Аделунгъ* разумѣетъ подъ „діадемою"—родъ драгоцѣннаго *пояса*, которымъ поддерживалась одежда на груди" (1,468 прим.). Но мы не можемъ принять такого толкованія, такъ какъ извѣстно, что въ древнерусскомъ женскомъ нарядѣ *пояса* употреблялись *только на сорочкахъ*—нижнихъ и верхнихъ, т. е. на той одеждѣ, которая была только домашнею и въ которой женщина не могла явиться предъ

посторонними мужчинами (*Забѣл.*, 11.619). Въ выходной же одеждѣ, въ какой видѣлъ царицу и Арсеній, не могло быть пояса.

[323]) См. 241 примѣчаніе.

[324]) Дѣйствительно, въ XVI ст. (и раньше) царскія палаты украшались не только различными *орнаментами* (*Забѣл.*, 1,107), но и *живописью*—,, стѣннымъ и подволочнымъ письмомъ" (*ib.*, 121). ,,Царицына Золотая Палата", о которой говоритъ здѣсь Арсеній, также была украшена „бытейскимъ (историческимъ)" письмомъ (*ib.*,128).

[325]) Κλάδιον какъ мы уже замѣчали (см. 295 и 318 примѣчанія), означаетъ—,,вѣтви, узоры, разводы". Г. *Забѣлинъ* говоритъ, что въ составъ стѣнныхъ и плафонныхъ орнаментовъ входили — "листья, травы, цвѣты и различные *узоры*" (1,107). Всѣ эти орнаменты, которые Арсеній называетъ κλάδια, могутъ быть обозначены выраженіемъ—,,арабески".

[326]) Такой переводъ этихъ двухъ выраженій о виноградныхъ кистяхъ мы сдѣлали на основаніи слѣдующ. замѣчаній *Аделунга*: ,,uvae astaphides означаетъ, собственно *изюмъ* (Rosinen); но въ оригиналѣ стоитъ и ἀσταφίδες, но διαφίδια— ,,кисть" просто. Слѣд., на плафонѣ была изображена, ,,виноградая кисть", а не изюмъ" (1,471 пр.),, Uvae Rhodicae... здѣсь рѣчь идетъ не о винѣ, а о ,,виноградныхъ кистяхъ", изображенныхъ на стѣнѣ, которыхъ различіе зависѣло только отъ *цвѣта* ихъ. И такъ, нужно признать, что διαφίδια означаетъ *черныя*, а Uvae Rhodicae—*красныя* виноградныя кисти" (1,472 прим.).

[327]) Послѣднюю фразу: ,,подсвѣчники, сплетенные на подобіе корзинъ",—мы перевели именно такъ, какъ перевелъ ее г *Забѣлинъ* (1,180), упоминающій объ этомъ паникадилѣ. — Подобныя фигурныя паникадила были въ употребленіи при Московскомъ дворѣ (см, напр., *Забѣл.*, 1,180—181).

[328]) См. 324 примѣчаніе.

[329]) Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о такъ называемыхъ *ширинкахъ*. Г. *Забѣлинъ* говоритъ: ,,*ширинка—носовой платокъ* роскошно вышитый золотомъ, серебромъ и шелками, а иногда и низанный жемчугомъ и *накищеный* по каймамъ золотыми кистями... Особенная цѣнность ширинки заключалась въ шитьѣ, гдѣ со всею роскошью высказывалось женское рукодѣльное искуство... Она всегда служила хвастовскимъ предметомъ домашняго рукодѣлья... женщинъ и... дѣвицъ... (11,636). Вслѣдствіе такого значенія ширинокъ, они всегда составляли очень дорогой подарокъ, который подносился женщинами только почетнымъ лицамъ. Извѣстно, что въ праздники боярыни подносили царю и царицѣ ширинки своей работы, или, по крайней мѣрѣ, работы своей мастерской свѣтлицы (*Забѣл.*, 1,208). Затѣмъ, ширинки дарились и другимъ почетнымъ лицамъ, преимущественно—духовнаго чина, какъ напр., въ данномъ случаѣ—п. Іеремія.

[330]) Г. *Забѣлинъ* говоритъ: „*полы*" почти никогда не оставались голыми. Ихъ наряжали обыкновенно *сукнами* (1,117). Но въ важныхъ случаяхъ „вмѣсто суконъ... полы украшались... *персидскими* и *индѣйскими коврами*" (*ib.*, 120).

[331] Мы не встрѣчали у г. *Забѣлина* указаній на то, что бы на коврахъ находились какія либо *изображенія*, какъ говоритъ Арсиній. Но въ этотъ извѣстіи его нѣтъ ничего невѣроятнаго. Непонятно только почему Арсеній называетъ эти изображенія рисунками *фригійской* работы.

[332]) *Аделунгъ* говоритъ, что въ оригиналѣ здѣсь стоитъ „*ροφια μεϊαζοϊα*". Эпитетъ, „*μεϊαζοϊα*" значитъ собственно—„проходящій по срединѣ", что указываетъ повидимому на *поясъ* (1,480 прим.).

[333]) *Аделунгъ* замѣчаетъ, что „собранные остатки пищи по старому обычаю, вѣроятно раздавались бѣднымъ (1,481 примѣчаніе).

[334]) *Аделунгъ* замѣчаетъ: „въ оригиналѣ стоитъ "*πρῶϊρῖος επῖϊροπος*"—первый намѣстникъ царя... чѣмъ Борисъ „Годуновъ и былъ на самомъ дѣлѣ" (1,484 прим.).

[335]) Въ оргиналѣ,какъ замѣчаетъ *Аделунгъ* (1,483 пр.), стоитъ *Μπαρὸυρης*. Это, очевидно, исковерканное слово „*Борисъ*". Итальянскіе переводчики не поняли выраженія оригинала и замѣнили его словомъ „*Baro*", которое они и въ другихъ мѣстахъ прилагаютъ къ Годунову, но не какъ имя его, а въ смыслѣ—„бояринъ". Но здѣсь, какъ видно изъ выраженія оригинала должно стоять имя Годунова—„Борисъ".

[336]) Вѣроятно это были родственники царя изъ фамиліи *Романовыхъ*.

[337]) Т. е.—посольскаго дьяка *Андрея Щелкалова*, о которомъ выше Арсеній отзывался такъ хорошо (156 примѣчаніе).

[338]) Этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ Арсеній указываетъ на время, протекшее отъ сырной недѣли до отъѣзда патріарха изъ Москвы, т. е.—отъ половины февраля до начала мая 1589 года.

[339]) Очевидно, что греческое „*Βελίκης*", переданное по латыни—„*Bielkias*", есть измѣненное русское слово „*великій*"

Матеріалы, замѣтки и новости.

Вопросъ о невольничествѣ.

Самое страшное изъ многочисленныхъ бѣдствій, подавляющихъ современное человѣчество, составляетъ, безъ всякаго сомнѣнія, рабство. Оно существуетъ еще на громадномъ пространствѣ земнаго шара, именно у всего могамеданскаго населенія Африки и Азіи: въ Египтѣ, Занзобарѣ, Сомали, Аравіи, Персіи, Индіи и даже Турціи, не смотря на его офиціальное запрещеніе, далѣе во всѣхъ негрскихъ деспотіяхъ центральной и западной Африки, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ и наконецъ въ Америкѣ: на Кубѣ, Бразиліи и т. д. По своей суровости современное рабство не только не слабѣе рабства древняго времени, но далеко превосходитъ его, благодаря усложнившимся потребностямъ рабовладѣльцевъ. Неистощимымъ источникомъ невольничества служатъ негрскія племена внутренней Африки. Здѣсь ежедневно происходитъ самая безчеловѣчная охота за людьми. Начальники племенъ отправляются красть людей изъ сосѣднихъ владѣній и ловить своихъ собственныхъ подданныхъ съ тѣмъ, чтобы продать ихъ потомъ арабскимъ работорговцамъ на бусы, ситцы и различныя безделушки, жители сосѣднихъ деревень воруютъ другъ у друга людей, наконецъ существуютъ организованныя шайки исключительно для ловли рабовъ и разбоевъ. Чтобы дать понятіе о томъ, что терпятъ африканскіе рабы, мы приведемъ нѣскол-

ко отрывковъ изъ разсказа путешественника Натигаля, недавно изслѣдовавшаго центральную Африку, въ которой онъ провелъ много лѣтъ. «Когда я ѣхалъ изъ Феццана на югъ чрезъ пустыню и видѣлъ по дорогѣ массы побѣлѣвшихъ человѣческихъ и дѣтскихъ скелетовъ, затѣмъ когда послѣ бѣгства изъ Тибисси я мчался въ Феццанъ и мнѣ пришлось проводить часы полуденнаго зноя въ сторонѣ отъ дороги, въ тѣни попадавшихся камней и утесовъ, въ сообществѣ человѣческихъ скелетовъ, я получилъ понятіе о томъ, что выносятъ эти несчастные, пока смерть не избавитъ ихъ отъ страданій. Но никогда не забуду я памятнаго въ этомъ отношеніи пребыванія моего въ лагерѣ сверженнаго съ престола баггирмійскаго короля Могаммеда, по прозванію Абу-Секина». Сосѣднія съ Баггирми племена представляютъ неистощимый рудникъ невольниковъ, и султанъ Могамедъ, повременамъ, отправлялся туда, преимущественно по направленію на югъ, для ловли людей, чтобы вымѣнить ихъ потомъ на лошадей и огнестрѣльное оружіе. Не смотря на безуспѣшные часто набѣги, лагерь его былъ наполненъ невольниками. Всѣ кузнецы занимались исключительно передѣлкою всевозможнаго желѣза на цѣпи и оковы для невольниковъ короля. Лагерь былъ плохо снабженъ хлѣбомъ. Экспедиціи за хлѣбомъ доставляли лишь очень скудную добычу, далеко не-хватавшую на всю массу людей, собранныхъ въ лагерѣ. Отъ этого, конечно, болѣе всего страдали невольники. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ имъ давали утромъ небольшое количество густаго мучнаго супа, а вечеромъ по нѣскольку глотковъ обыкновеннаго пуддинга. Многіе должны были довольствоваться только однимъ супомъ изъ муки дурро или негритянскаго проса, который давался имъ дважды въ день, а когда средства истощались, то и по одному разу въ день. Объ употребленіи въ пищу мяса нечего было и думать. Разница въ пищѣ несчастныхъ невольниковъ, имѣвшихъ дома вдоволь хлѣба, жирныхъ козъ, собакъ и куръ, ежедневно пившихъ сильно перебродившую мелису—пиво изъ дурры—была громадна. Обстановка, при которой они содержались, была отвратительна. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ихъ оставляли на одномъ и томъ же мѣстѣ. Всѣ

они были прикованы другъ къ другу цѣпями, и ихъ не выводили для отправленія естественныхъ надобностей за предѣлы лагеря. Легко представить себѣ какое губительное дѣйствіе должно было производить на скудно питаемую массу такое скопленіе вредныхъ веществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ жилища ихъ въ лагерѣ были очень тѣсны, и невольники, пользовавшіеся у себя на родинѣ прекрасными хижинами, подвергались днемъ дѣйствію солнечнаго зноя, а въ сырое время страдали отъ дождя. Чѣмъ дальше подвигалось дождливое время, тѣмъ чувствительнѣе становились вредныя вліянія обстановки, и вскорѣ въ лагерѣ начинался изнурительный поносъ, страшно свирѣпствовавшій между голодающими невольниками и не щадившій ни баггирмійцевъ, ни иностранцевъ. Прежде всего захварывали грудные младенцы, которые вскорѣ и перемерли всѣ отъ изнурительнаго поноса. Впослѣдствіи Натигаль не могъ отыскать на обратномъ пути ни одного груднаго ребенка въ цѣломъ караванѣ, хотя сначала ихъ было довольно много. Невыносима была эта картина гибели молодыхъ существъ. Тутъ не было любящей матери, которая бы утѣшала дѣтей въ болѣзни, ходила за ними, подавала имъ цѣлебный или успокоительный напитокъ изъ травъ родины и приготовляла необходимую пищу для нихъ; предоставленные самимъ себѣ, постоянно голодные, они ѣли вмѣстѣ съ здоровыми не толченыя и не вареныя зерна негритянскаго проса или дурро, земляные орѣхи и т. п., пока позволяли имъ силы. Недѣлю спустя, похудѣвшіе до такой степени, что ихъ нельзя было узнать, они лежали съ трогательною покорностью во взглядѣ подъ ближайшею отъ ихъ отхожихъ ямъ тѣнью и безпрестанно ходили туда и назадъ, пока, наконецъ, выбившись изъ силъ, не умирали тутъ же на мѣстѣ. Трупы умершихъ невольниковъ вытаскивали за ноги за предѣлы лагеря, оставляя около крайнихъ хижинъ и предоставляя ихъ гіенамъ и коршунамъ. Чего не съѣдали эти животныя, то дѣлалось, при сильно насыщенной влагой атмосферы, новымъ источникомъ вредныхъ вліяній. Многіе мужчины, а по временамъ и женщины, пытались бѣжать. Иногда эти попытки удавались, и счастливецъ возвращался на родину, чаще же бѣглецовъ отыскивали и жестоко

наказывали. Одинъ старикъ, шедшій съ Нагтигалемъ въ одной партіи (церибѣ), въ особенности отличался упрямствомъ. Сто разъ на дню клялся онъ, что не отправится живымъ въ путь, ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ своего господина и тѣхъ, кто сдѣлалъ его рабомъ, то и дѣло пытаясь бѣжать. Сколько ударовъ ногою, плетью, розгами вынесъ этотъ старикъ! Какія утонченно жестокія путы были придуманы для него! Вообще мужчинъ стерегли строже, чѣмъ женщинъ. Имъ не только спутывали ноги самымъ хитрымъ способомъ, но еще привязывали правую руку къ шеѣ. Веревка, служившая для этого, а также и та, которою во время путешествія связывали невольниковъ подъ рядъ за шеи, была обернута нарѣзанными волосами коровьей кожи, которая, высохнувъ и окрѣпнувъ, не вдругъ уступала даже ножу.

Иногда въ лагерѣ происходили трогательныя встрѣчи, наглядно выставлявшія всю жестокость рабства. Такъ тотъ старикъ, о которомъ только лишь было сказано, нашелъ въ нашей церибѣ у одного изъ жителей Нгами свою десятилѣтнюю дочь, которая однако вскорѣ умерла предъ его глазами отъ поноса. Другой невольникъ узналъ однажды между невольниками своего сына, который съ того времени сталъ иногда навѣщать его. Нагтигаль засталъ ихъ обоихъ въ первый день свиданія въ слезахъ и узналъ отъ невольника, что это одинъ изъ его 13 сыновей, и что онъ ровно ничего не знаетъ о томъ, что сталось съ остальными дѣтьми его и женами! Трудность путешествія увеличивалась отъ неудобныхъ дорогъ. Цѣлую половину дня приходилось переправляться въ бродъ, мѣсить ногами размокшую глину; люди и животныя спотыкались на каждомъ шагу, влача ноги по вязкой глинистой почвѣ. И такъ шли они каждый день безъ отдыха съ разсвѣта, приблизительно до двухъ часовъ пополудни, когда готовили обѣдъ. Во время же пути не давалось ни отдыха, ни покоя. Неумолимое „дцабки“ (впередъ) или „кабе“ (маршъ), раздавались то и дѣло, сопровождаясь то тамъ, то сямъ ударами короткой плети изъ гиппопотамовой кожи. Такъ гнали впередъ невольниковъ нѣсколько дней сряду. Многихъ изъ нихъ поносъ заставлялъ пріостанавливаться каждые десять минутъ; многіе другіе, силы

которыхъ близилась къ концу, притворялись, что чувствуютъ эту потребность еще чаще. Въ обоихъ случаяхъ результатъ былъ одинъ и тотъ же: удары плети и грозное „djaбки“. Когда же, наконецъ, выбившись изъ силъ, несчастные падали на землю и никакая плеть, никакія угрозы не могли поднять ихъ, тогда занесенный надъ ними ножъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы убить ихъ, заставлялъ ихъ пройдти, шатаясь, еще нѣсколько шаговъ; но въ концѣ концевъ они, вѣроятно, находили, что все же лучше быть убитымъ сразу, чѣмъ медленно съ такими мучительными страданіями подвигаться къ могилѣ. Тогда ихъ прирѣзывали, въ предостереженіе прочимъ, и караванъ отправлялся дальше. Малолѣтнихъ умирающихъ иногда оставляли живыми на добычу гіенамъ. Вообще въ этомъ періодѣ рабства, грубое и жестокое обращеніе съ невольниками встрѣчается чаще, чѣмъ впослѣдствіи, со стороны, такъ сказать, ихъ окончательнаго владѣльца. Хищникъ думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе доставить свой товаръ на рынокъ, невольники же, непривыкшіе еще къ рабству, постоянно пытаются бѣжать, подвергаясь за это безпрестаннымъ наказаніямъ.

Теперь посмотримъ, что дѣлается съ рабами на рынкѣ. Мы возьмемъ для описанія изъ многочисленныхъ рынковъ Африки (Дарфуръ, Сомали и проч.), рынокъ города Занзобара, служащій складочнымъ мѣстомъ и средоточіемъ торговли рабами на восточномъ берегу Африки. Способъ, какимъ производится торговля невольниками, извѣстенъ изъ описаній Левингстона. Рабы добываются и привозятся сюда такимъ же образомъ, какъ и въ Багирми. Агенты, ведущіе дѣла большихъ арабскихъ и индійскихъ фирмъ, большею частью арабы и сомали, пріѣзжаютъ на двухъ мачтовыхъ судахъ (бугганосахъ) къ берегу восточной Африки и, сами оставаясь на немъ, посылаютъ во внутрь страны африканскихъ и арабскихъ купцовъ съ товарами, для обмѣна ихъ на рабовъ. Товары состоятъ изъ пороха, ружей, матерій и стеклянныхъ бусъ. Всякій начальникъ деревни держитъ постоянно въ запасѣ извѣстное число рабовъ для продажи агентамъ. Эти рабовладѣльцы обыкновенно находятся на весьма низкой ступени развитія.

Они вовсе незнаютъ цѣны денегъ и обмѣниваютъ свой человѣческій товаръ на оружіе, порохъ и обыкновенныя украшенія. Порохъ необходимъ имъ для своего промысла: они стрѣляютъ холостыми зарядами на деревни и, пользуясь замѣшательствомъ, берутъ въ плѣнъ цѣлыя семьи. Поэтому они очень цѣнятъ порохъ и за него, равно какъ и за ружье, очень легко пріобрѣсти у нихъ рабовъ: за 5 фунтовъ или даже за 2 фунта можно купить одного раба, за ружье—двоихъ. До берега провожаютъ проданныхъ рабовъ сами начальники; при этомъ ихъ связываютъ одного за другимъ въ длинный рядъ цѣпями; мужчины сверхъ того связываются попарно въ знаменитую развилку (гори), такъ что всякая попытка къ бѣгству становится немыслимой и достаточно нѣсколькихъ человѣкъ для надзора за большей партіей. Видъ невольничьихъ каравановъ, идущихъ къ берегу, возмущаетъ до глубины души развитаго человѣка. Скорѣе похожіе на странствующіе скелеты, чѣмъ на живыхъ людей, бредутъ въ пестромъ безпорядкѣ эти несчастные, почти голые люди, едва передвигая ноги. Свѣтлосѣрая кожа покрываетъ безчисленными складками кости, едва удерживаемыя вмѣстѣ сухожильями. Колѣни и локти кажутся самыми крѣпкими частями рукъ и ногъ—такъ сильно исхудало тѣло. Когда наконецъ невольники приходятъ въ гавань, ихъ сотнями нагружаютъ на тѣсныя суда и отправляютъ на Занзобарскій берегъ. Хорошо если попутные вѣтры ускорятъ путешествіе, горе—если они замедлятъ его. Бѣдствіе принимаетъ тогда самые ужасные размѣры: невольники терпятъ голодъ, жажду и постоянно терзаются страхомъ предстоящей смерти. Полуживые привозятся они въ домъ главнаго торговца и тамъ откармливаются для того, чтобы, выставленные на продажу, они имѣли здоровый видъ. Поразительно какъ быстро поправляются эти полузаморенныя существа при достаточной пищѣ и спокойствіи. Уже чрезъ нѣсколько недѣль они становятся полными и дородными и начинаютъ беззаботно шутить и смѣяться.—Невольничій рынокъ въ Занзабарѣ представляетъ для европейца замѣчательное зрѣлище. На большой немощенной площади, одна сторона которой окаймлена домами, а три другія—лачугами, сидятъ рядами на землѣ назначенные къ про-

даже черные. Видъ ихъ, вслѣдствіе хорошаго питанія, довольно сносенъ, тѣмъ болѣе, что цѣпей нѣтъ. Вокругъ толпится масса торговцевъ большею частью арабовъ, одѣтыхъ въ самые странные костюмы. Обыкновенно каждый день бываетъ два аукціона, которые производятся аукціонерами и поставщиками рабовъ, поднявшихся до этого положенія изъ бывшихъ невольниковъ. Грубо таская за собой назначеннаго къ продажѣ раба продавецъ узнаетъ предлагаемыя цѣны и отдаетъ наконецъ свой товаръ тому, кто больше даетъ. Случается, что аукціонеры эти, дюжіе черные парни, разгорячась вступаютъ между собою въ споръ: тогда лѣтятъ съ обѣихъ сторонъ страшныя проклятія, за ними слѣдуютъ удары и кровавая схватка, при чемъ пускается въ ходъ короткій ножъ, торчащій у каждаго аукціонера за поясомъ, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока торговцы, или какъ они величаютъ сами себя «джентельмены—арабы» не бросятся между ними и не разведутъ дерущихся концами своихъ пикъ. Между тѣмъ рабы быстро переходятъ изъ рукъ въ руки, наконецъ каждый арабскій купецъ собираетъ вокругъ себя невольниковъ и, наложивши на нихъ цѣпи, уводитъ съ собой. Мало по малу шумъ и толкотня прекращаются, и площадь совершено пустѣетъ.

Дальнѣйшая судьба раба зависитъ отъ личности владѣльца. Но вообще хозяева—мусульмане, стѣсненные обычаемъ и религіей, обращаются съ невольниками лучше, чѣмъ другіе, и часто случается даже, что рабъ, отданный въ работники европейцу, вслѣдствіе побоевъ убѣгалъ отъ него и возвращался къ своему прежнему хозяину—мусульманину. Однако-жъ это относительно лучшее положеніе раба въ мусульманской семьѣ само по себѣ, конечно, въ высшей степени безотрадно.

Что же сдѣлала европейская цивилизація для уничтоженія этого бѣдствія, поражающаго милліоны людей и продолжающагося вотъ уже нѣсколько столѣтій? Можно сказать—ничего, если не говорить о потокѣ гнѣвныхъ изліяній журналовъ, филантропическихъ вздохахъ разныхъ салонныхъ благодѣтелей. Мы изложимъ здѣсь въ короткихъ словахъ двѣ главныхъ мѣры, которыя были направлены въ послѣднее время противъ негроторговли и результатъ, къ которому они привели. Наиболѣе

дѣятельнымъ въ этомъ случаѣ заявило себя Англійское правительство, побуждаемое, впрочемъ, не столько гуманнымъ чувствомъ, сколько торговыми и политическими расчетами. Съ самаго начала нынѣшняго столѣтія оно систематически противодѣйствовало рабству и торговлѣ невольниками. Добившись, если не уничтоженія, то ограниченія негроторговли на западномъ африканскомъ берегу, оно обратило свое вниманіе на страны при Индійскомъ океанѣ.

Въ 1872 г. Британское правительство отправило съ эскадрой къ Занзобарскому султану сэра Бартль-Фрера съ спеціальнымъ порученіемъ побудить султана къ заключенію новаго договора, по которому султанъ долженъ былъ предоставить болѣе свободы для дѣйствій противъ негроторговли. Именно по договору 1854 г. невольничій корабль не могъ быть захваченъ между экваторомъ и 10° ю. ш., такъ какъ здѣсь находились владѣнія Занзобара. Торговцы рабами вслѣдствіе этого пользовались свободой, которая парализовала всѣ мѣры противъ дальнѣйшаго вывоза ихъ. Они нагружали свой товаръ въ Занзобарѣ, показывая видъ, что направляются на островъ Ламу, безпрепятственно совершали свое путешествіе до юга и такимъ образомъ проплывали почти половину пути въ Аравію. Только на второй половинѣ своего пути рисковали они попасться въ руки англійскихъ крейсеровъ. Такимъ образомъ впродолженіе трехъ лѣтъ съ 1867—69 крейсерами этими было захвачено и освобождено только 2,645 рабовъ, а *вывезено* было изъ Занзобара и Кильвы за это время 37,000 невольниковъ. По новому договору вывозъ рабовъ могъ производиться только изъ одной гавани Даръ Селамъ, а рабы могли быть отправляемы только въ Занзобаръ. Число ихъ должно было соотвѣтствовать мѣстнымъ потребностямъ, а публичный торгъ въ столицѣ долженъ быть уничтоженъ. Султанъ сначала не соглашался на эти условія, ссылаясь на уменьшеніе своихъ доходовъ. Но появленіе англійской эскадры у береговъ Занзобара придали требуемый вѣсъ предложеніямъ англійскаго посла, и трактатъ былъ принятъ. Сэру Бартльфреру оставалось только строго наблюдать за берегомъ и точно измѣрить береговую линію, чтобы воспрепятствовать устройству гдѣ либо тайнаго притона невольниковъ.

Преслѣдованіе невольничьихъ судовъ и поимка ихъ не представляли теперь никакихъ трудностей въ восточно-африканскихъ водахъ. И однакожъ... Торговля рабами продолжаетъ процвѣтать. Недавно оффиціальныя данныя доказываютъ, что столь прославленный трактатъ съ Занзобаромъ; стоившій такого труда дипломатіи, все болѣе и болѣе становится мертвой буквой. Вице консулъ Эльтонъ разсказываетъ объ одномъ невольничьемъ транспортѣ, который онъ встрѣтилъ вблизи Килоя и начальникъ котораго сказалъ ему, что единственнымъ результатомъ трактата было пониженіе цѣны невольника на 2½ доллара, которые прежде отдавались въ видѣ пошлины султану. Мало этого, въ Сомали возникъ новый большой рынокъ негроторговли. Не только быстрота, съ которою снаряжаются въ путь невольничьи суда — дхау, и смѣлость промышленниковъ избавляютъ ихъ отъ врага, но ихъ безчисленные уловки, незначительность размѣровъ этихъ дхау, сравнительно съ кораблями, даютъ имъ всегда возможность избѣгнуть преслѣдованія крейсеровъ. Они умѣютъ тщательно скрывать свой грузъ до послѣдней минуты и съ удивительной сообразительностью выбираютъ то время, для отправленія въ путь, когда бдительные крейсеры забираютъ уголь или когда какое либо обстоятельство, въ родѣ густаго дыма изъ трубы парохода, мѣшаетъ имъ дѣйствовать противъ нихъ. Мошенничеству торговцевъ невольниками особенно много помогаетъ продажность французскаго консульства на Занзобарѣ. Негроторговцы получаютъ для своего судна «Acte de francisation» и французскій паспортъ и затѣмъ отплываютъ подъ французскимъ флагомъ или еще проще поручаютъ арабу, или кому нибудь изъ находящихся на суднѣ, доставшемъ Acte de francisation, взять на себя роль нанимателя негровъ, какъ работниковъ. Когда же является на бортъ англійскій офицеръ, то ему съ коварной улыбкой предъявляются эти документы, и дхау (невольничье судно) пропускается. Увѣренія, полученныя Бартлемъ Фреромъ во время его недавняго пребыванія въ Парижѣ, подаютъ, впрочемъ, надежду, что злоупотребленія французскихъ агентовъ, уничтожатся, но сомнительно, чтобы съ уничтоженіемъ этихъ злоупотребленій кончились мошенничества негроторговцевъ.

Печальнѣе всего, что и въ самой Англіи въ послѣднее время мысль объ уничтоженіи рабства не находитъ такого единодушнаго и пламеннаго сочувствія какъ прежде. Какъ извѣстно въ прошломъ году прошелъ въ парламентѣ безчеловѣчный билль, по которому рабы, успѣвшіе спастись на англійскомъ кораблѣ, должны выдаваться обратно ихъ владѣльцамъ. Попытка, сдѣланная въ нынѣшнемъ году, отмѣнить этотъ билль также не имѣла успѣха. Въ литературѣ стали появляться мнѣнія, высказываемыя притомъ людьми безпристрастными, что немедленное уничтоженіе рабства невозможно, такъ какъ съ его существованіемъ связана вся культура востока, что далѣе положеніе негра-невольника сравнительно съ его положеніемъ въ отечествѣ гораздо лучше, и что слѣдовательно рабство, не смотря на всю его жестокость, представляется средствомъ для преобразованія жизни дикаго человѣчества въ прогрессивномъ смыслѣ. Эти разсужденія очевидно совершенно противорѣчатъ дѣйствительности и основаны на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фактахъ возвышенія тѣхъ или другихъ личностей изъ рабовъ до высокаго положенія и развитія. Громадное же большинство рабовъ живетъ жизнью вьючныхъ животныхъ и никакихъ культурныхъ привычекъ пріобрѣсти не могутъ. Чрезвычайно много трудностей представляетъ вопросъ, что дѣлать съ освобожденными рабами. Возвращать ихъ на родину, лежащую можетъ быть за сотни верстъ внутри Африки и различную для каждаго освобожденнаго раба, почти невозможно, предполагая даже извѣстнымъ ихъ отечество, не смотря на всю невѣроятность такого предположенія, такъ какъ десятки негританскихъ нарѣчій неизвѣстны. Сдѣлана была попытка отправлять ихъ въ качествѣ свободныхъ работниковъ въ британскія колоніи; тамъ они пріучались ухаживать за дѣтьми англійскихъ офицеровъ, говоритъ по англійски, какъ попугаи, и въ крайнемъ случаѣ становились лживыми слугами. Участь ихъ въ этихъ семействахъ едва ли была лучше участи раба въ арабскомъ семействѣ. Другихъ отдавали колонистамъ въ качествѣ рабочихъ, но, непривыкшіе къ земледѣльческому труду, они терпѣли и здѣсь не менѣе, чѣмъ въ

невольничествѣ. Всего лучше было бы, конечно, образовать изъ нихъ самостоятельныя общины, въ родѣ Либеріи.

Другая крупная попытка къ уничтоженію африканской негроторговли была сдѣлана Самуэлемъ Бэкеромъ пашей въ 1870 и 1871 годахъ. Но и его экспедиція также не привела въ концѣ концовъ ни къ какимъ результатамъ. Встрѣчая повсюду пассивное противодѣйствіе со стороны не только областныхъ начальниковъ, но и со стороны самого хедива, дѣйствовавшаго въ высшей степени лицемѣрно, Бэкеръ, едва успѣвъ подавить рабство въ одномъ пунктѣ, долженъ былъ начинать снова туже работу въ другомъ, куда тотчасъ же переводилась торговля рабами.

И въ то время, какъ въ своемъ письмѣ, отъ 6 декабря 1870 года, онъ съ торжествомъ возвѣщалъ міру, что торговля рабами болѣе не существуетъ, въ это время партіи невольниковъ отправлялись сухимъ путемъ, между тѣмъ какъ по Нилу Бэкеръ съ умиленіемъ встрѣчалъ только невинныя купеческія суда. Въ концѣ концовъ эти предпріятія пали на голову самихъ же рабовъ. Купцы, принужденные теперь провозить рабовъ со всевозможною скрытностью, набивали ими суда, какъ селедками, и смерть, послѣ всевозможныхъ мученій, поражала большую часть ихъ до прибытія по назначенію. Такъ, когда въ Занзобарѣ сдѣлался извѣстнымъ результатъ переговоровъ Бартля Фрера, торговцы, видя, что закупленные ими рабы потеряли цѣну, побросали ихъ и бѣжали. Страшный голодъ распротранился между ежедневно приходившими массами народа, и смерть легко нашла между этими 12,000 голодными людьми богатую добычу. Очевидно, что уничтожить негроторговлю одними преслѣдованіями негроторговцевъ невозможно; необходимо, чтобы европейскія правительства настояли на уничтоженіи рабства въ тѣхъ странахъ востока, изъ которыхъ теперь идетъ запросъ на невольниковъ.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА:

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

на учрежденіе училищъ, школъ, учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, послужившихъ къ образованію Русскаго народа съ 1025 по 1855 годъ“.

Н. А. Лебедева.

Изданіе 2-е. Цѣна 1 р. 50 коп., вѣсовыхъ 2 ф.

Книга эта, кромѣ разсмотрѣнія въ ученомъ комитетѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ, была разсмотрѣна, въ совѣтахъ: горнаго института и с.-петербургской духовной академіи, и ими принята. Пріобрѣтена и всѣми другими высшими заведеніями, какъ-то: академіями, университетами, Императорскимъ лицеемъ, училищемъ правовѣдѣнія, многими семинаріями земскими учрежденіями и полками.

1—1

МАКАРІЙ,

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ

(Біографическій очеркъ).

Гг. иногородные благоволятъ прилагать почтовыми марками 25 коп.

Выписывающіе всѣ книги или одну чрезъ издателя Н. А. Лебедева, жительствующаго у Покрова, по Садовой ул. № 121, за пересылку *не платятъ*.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

1—1

Тотчасъ же онъ приказалъ одному изъ своей свиты отправиться къ отцу Арлеты и передать ему желаніе герцога взять дочь его къ себѣ подругой и нѣжно любить ее. Отецъ нѣсколько времени колебался, совѣтовался съ родными, въ особенности съ однимъ изъ своихъ братьевъ—святымъ человѣкомъ, по словамъ лѣтописца, глубокой религіозности. По мнѣнію этого святаго мужа, всякое сомнѣніе должно уступить передъ добрымъ желаніемъ герцога. Условіе было заключено, и вскорѣ молодая дѣвушка приведена была къ герцогу Роберту, который исполнилъ обѣщаніе и любилъ ее нѣжно.

Однажды Арлета, увидѣвъ страшное сновидѣніе, пробудилась съ громкимъ крикомъ. На нетерпѣливые и тревожные вопросы герцога, Арлета разсказала сонъ, будто изъ нея выросло прямое, громадное дерево, достигнувшее до самыхъ небесъ, и тѣнь отъ котораго обняла всю Нормандію, море и большую часть Англійской земли.

Въ 1027 году Арлета родила сына, названнаго Вильгельмомъ. Какъ будто въ предзнаменованіе его будущаго величія и завоеваній, когда акушерка положила ребенка, безъ пеленокъ и полотна, въ небольшую соломенную корзину, онъ тотчасъ же началъ рученками теребить и выдергивать солому.

— Вѣрьте мнѣ, сказала акушерка, этотъ ребенокъ слишкомъ рано начинаетъ требовать и захватывать.

Крѣпость силъ сына Арлеты быстро развивалась. Скоро онъ сдѣлался сильнымъ, прекраснымъ, живымъ и изумительнаго ума. Герцогъ Робертъ радовался и гордился; его враги и соперники печалились, смотрѣли завистливымъ и подозрительнымъ взглядомъ на это дитя, опасаясь увидѣть его впослѣдствіи, несмотря на незаконность рожденія, наслѣдникомъ герцога Нормандскаго. Герцогъ воспиталъ сына въ Фалезѣ, возлѣ себя, и окружилъ такимъ почетомъ, какъ будто былъ женатъ на законной супругѣ. Онъ далъ ему товарищей въ своемъ дворцѣ, и въ средѣ этихъ товарищей, съ первыхъ лѣтъ жизни, Вильгельмъ обнаружилъ даже въ играхъ властолюбивую наклонность. Онъ устраивалъ битвы, отдавалъ товарищамъ приказанія, дѣлалъ себя судьею всѣхъ ихъ споровъ и игралъ роль государя. Въ то же время Вильгельмъ получилъ воспи-

таніе болѣе заботливое и болѣе основательное, чѣмъ большая часть принцевъ того вѣка. Въ семь лѣтъ онъ могъ свободно читать и объяснять коментаріи Цезаря. И впослѣдствіи, во все продолженіе своей жизни, онъ всегда интересовался дѣломъ образованія, всегда сохранялъ сочувствіе къ умственному просвѣщенію. Даже среди яростной борьбы страстей и дѣлъ совершенно чуждыхъ просвѣщенію, онъ постоянно говаривалъ: невѣждественный государь—только коронованный оселъ.

Давно уже Св. Земля привлекала къ себѣ несмѣтныя толпы поклонниковъ, и со всѣхъ сторонъ знатные и незнатные, молодые и старые, богатые и бѣдные, предпринимали это отдаленное путешествіе, удовлетворявшее заразъ и потребности христіанской души, жаждавшей облобызать святой гробъ и распаленному стремленію къ громкимъ рыцарскимъ подвигамъ. Вѣроятно эта цѣль, религіозная и рыцарская, воспламенила благочестивою ревностью герцога Роберта, а можетъ быть и подъ вліяніемъ совѣтовъ родственника своего Ричарда, аббата Верденскаго, слывшаго святымъ, — въ 1034 году герцогъ рѣшился предпринять босыми ногами, и съ посохомъ въ рукѣ, путешествіе въ Іерусалимъ. Онъ созвалъ въ Фиканѣ (Fecamp) епископовъ и сеньеровъ и объявилъ имъ о намѣреніи посѣтить святыя мѣста „для исповѣдованія своихъ прегрѣшеній, если Богу будетъ угодно". Новость поразила удивленіемъ и безпокойствомъ всѣхъ окружавшихъ герцога; прелаты и бароны старались отвратить его отъ этого намѣренія. Они представляли ему то плачевное состояніе, въ которое неминуемо впадетъ герцогство во время его отсутствія. Они описывали ему государство, обязанное ему благодеяствіемъ и славой, жертвою войнъ гражданскихъ и анархіи, раздираемое партіями, оспаривающими его другъ у друга. Они умоляли его остаться съ ними и не покидать вѣрныхъ подданныхъ на такое продолжительное время, а можетъ быть и навсегда.

— Клянусь вамъ, отвѣчалъ герцогъ, я не оставлю васъ безъ государя. У меня есть сынъ, который, съ Божіей помощью, будетъ такимъ, какимъ я бы желалъ его видѣть. Я васъ прошу принять его государемъ. Что онъ рожденъ не отъ

законной супруги—до этого вамъ мало дѣла: это не умалитъ его достоинства ни въ битвѣ, ни при дворѣ, ни въ дѣлѣ правосудія.

Послѣ того герцогъ приказалъ привести юнаго сына въ залу, гдѣ собрались сеньеры, и, нѣжно обнявъ его, представилъ имъ, какъ законнаго наслѣдника и преемника, требуя отданія ему почестей, какъ бы ему самому. Всѣ обѣщали, такъ какъ это согласовалось съ ихъ видами, говоритъ хроника. Они клялись, по обычаю того времени вкладывая руки въ рученки ребенка, быть ему вѣрными и помогать во всѣхъ дѣлахъ, какъ этого требуетъ обязанность добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ до тѣхъ поръ, когда Господу Богу угодно будетъ обрадовать ихъ возвращеніемъ государя. Герцогъ Робертъ назначилъ воспитателемъ сына Жильбера—графа Бріонскаго, а правителемъ Нормандіи во время малолѣтства Вильгельма, кузена Алена—герцога Бретани. Устроивъ такимъ образомъ своего побочнаго сына, какъ законнаго наслѣдника, герцогъ пожелалъ оставить ему поддержку болѣе надежную и вѣрную, чѣмъ добрая воля бароновъ Нормандіи, можетъ быть даже заранѣе приготовить ему помощь противъ этихъ вассаловъ, которыхъ измѣнчивый умъ и духъ независимости онъ совершенно зналъ. Поэтому, покончивъ остальныя дѣла и назначивъ походную свиту изъ сеньеровъ и рыцарей нормандскихъ, герцогъ повезъ Вильгельма въ Парижъ, гдѣ ввѣрилъ его охранѣ короля Генриха. Желая засвидѣтельствовать герцогу Роберту свои добрыя чувства, король Генрихъ принялъ Вильгельма подъ свое покровительство и отдалъ ему почести, какъ герцогу Нормандскому.

Герцогъ Робертъ отправился въ сопровожденіи многочисленной толпы паломниковъ, пересѣкъ Бургонь и Савойю, вездѣ на пути своемъ оставляя слѣды живой набожности и щедраго великодушія, давшихъ ему прозваніе Роберта щедраго. Этотъ эпитетъ встрѣчается почти во всѣхъ собственно нормандскихъ хроникахъ; обыкновенное же нелестное прозваніе Роберта-дьявола, находится въ хроникахъ другихъ государствъ. По прибытіи въ Римъ, отдохнувъ нѣкоторое время у папы Бенедикта IX, онъ отправился далѣе въ Іерусалимъ,

чрезъ Константинополь. Но даже и въ простомъ платьѣ грубаго полотна, герцогъ Робертъ, по прежнему, полонъ былъ свѣтской гордости. Желая показаться Грекамъ во всемъ блескѣ своего достоинства, онъ вошелъ въ Константинополь въ главѣ своихъ путевыхъ товарищей, какъ и онъ роскошно одѣтыхъ. Онъ казался скорѣе гордымъ побѣдителемъ, чѣмъ благочестивымъ и набожнымъ поклонникомъ, желавшемъ искупить грѣхи свои на гробѣ Спасителя. Покинувъ Константинополь, Робертъ отправился далѣе, но недостигнувъ цѣли своего путешествія сдѣлался боленъ. Жестокіе припадки лихорадки не позволили ему продолжать путь верхомъ, и поэтому онъ приказалъ устроить для себя носилки, которыя несли 16 мавританскихъ рабовъ. Разъ встрѣтившись въ такомъ экипажѣ съ однимъ возвращающимся поклонникомъ, спросившимъ его: не будетъ ли приказаній въ Нормандію, герцогъ сказалъ: ты скажи моимъ подданнымъ, что встрѣтилъ своего государя на пути въ рай на рукахъ у дьяволовъ.

Въ Нормандіи существовало нѣкоторое подозрѣніе, будто эти дьяволы можетъ быть ускорили святую ревность герцога и входъ его въ рай. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Іерусалимѣ, герцогъ умеръ въ Никеѣ, и скоро распространилась молва объ его отравленіи. „Никто не бывалъ столько оплакиваемъ во всей Нормандіи; умеръ самый храбрый, самый сильный, самый богатый и самый могущественный".

Въ 1035 году смерть герцога Роберта, оставившаго герцогство Нормандское восьмилѣтнему дитяти, развязала всѣ честолюбивые замыслы соперничества и эгоистичные интересы, разорявшіе это прекрасное государство до тѣхъ поръ, когда усмирила ихъ сильная и могучая рука Вильгельма завоевателя.

ГЛАВА II.

Состояніе Нормандіи до завоеванія Англіи Норманнами.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, отъ 1035 до 1042 года, въ Нормандіи революціи быстро смѣняли другъ друга; повсемѣстно сеньеры укрѣпляли замки и постоянно держали

воиновъ въ полной боевой готовности. Поводомъ къ возстаніямъ служила незаконность рожденія Вильгельма. Они, сыны Датчанъ, считали оскорбительнымъ повиноваться батарду. Безпорядки не сдерживались и анархія усиливалась съ каждымъ днемъ. Впрочемъ, не всѣ покинули юнаго герцога; многіе сеньеры оставались вѣрными данному обѣщанію. Въ постоянныхъ схваткахъ сжигались крѣпости и опустошалась еще такъ недавно цвѣтущая страна. Города: Валонь, Фалезъ и Аркъ попеременно доставались въ добычу обѣимъ партіямъ, но и среди этихъ раздоровъ знамя Нормандіи никогда не падало, и въ 1042 году, послѣ окончательнаго взятія замка Аркъ, герцогъ Вильгельмъ могъ считать въ своихъ владѣніяхъ миръ совершено установившимся.

До сихъ поръ молодые годы Вильгельма не позволяли ему принимать личнаго дѣятельнаго участія въ дѣлахъ правленія, но картина войнъ и гражданскихъ безпорядковъ не прошла для него безслѣдной. Его государственный авторитетъ оспаривался и пренебрегался своевольными вассалами и естественно, что онъ обдумывалъ въ умѣ своемъ планы будущей мести. Его властолюбіе раздражалось страданіями: отъ природы энергичный, онъ сдѣлался жесткимъ, отъ природы честолюбивый, онъ сдѣлался деспотомъ; его врожденная осторожность обратилась въ лицемѣріе. Обычный видъ сражающихся Нормандцевъ, съ ненасытной яростью разорявшихъ отечество, воспитало въ душѣ дитяти твердость мужа, твердость убѣжденія въ необходимости установить прочную дисциплину.

Въ живомъ нетерпѣніи скорѣе воспользоваться уроками тревожной жизни, герцогъ въ 15 лѣтъ пожелалъ получить рыцарское достоинство. Обрядность посвященія въ рыцари въ Нормандіи отличалась отъ формальностей, соблюдавшихся въ другихъ частяхъ Франціи. По вліянію датскаго и языческаго элемента, Нормандцы въ этой церемоніи обнаруживали болѣе воинственныя формы, чѣмъ религіозныя. Они не требовали отъ посвящающагося въ рыцари исполненія религіозныхъ обрядовъ, строго обязательныхъ въ другихъ мѣстностяхъ; ихъ воины не были обязаны исповѣдываться, присутствовать при ночномъ богослуженіи въ церкви и получать изъ рукъ свя-

щенника мечь, освященный на алтарѣ. Они непризнавали даже рыцарями, опоясанныхъ мечемъ чрезъ лицо въ длинной духовной одеждѣ.

Былъ торжественный день для Нормандіи, когда Вильгельмъ въ первый разъ надѣлъ рыцарское вооруженіе. Высокій ростъ, мужественная фигура, рѣзко отличали его отъ окружавшихъ молодыхъ людей, а гордыя манеры внушали невольное почтительное уваженіе.

Первымъ актомъ правленія Вильгельма было обнародованіе ордонанса противъ виновныхъ въ убійствѣ, поджигательствѣ и грабежѣ. За тѣмъ онъ повелѣлъ своимъ подданымъ сложить оружіе, даровалъ амнистію прошедшимъ возмущеніямъ съ условіемъ рѣшительнаго повиновенія въ будущемъ.

Спокойствіе водворилось въ Нормандіи, но въ 1044 году снова неожиданно нарушилось измѣной одного изъ товарищей дѣтства Вильгельма. Гвидо Бургонскій, получивъ отъ молодаго герцога графства Бріонское и Вернонское, посвященный въ рыцари собственной его рукой, забылъ благодарность къ своему соверену и даже позволилъ увлечь себя въ заговоръ противъ жизни государя. Сеньеръ Контантенъ, извѣстный подъ именемъ Гримуля Дюплесси и графъ Байё присоединились къ нему; заговоръ ихъ сохранялся въ глубокой тайнѣ, и Вильгельмъ едва-едва не сдѣлался жертвой. Герцогъ находился въ Валонѣ, когда Гвидо Бургонскій рѣшился убить его. Спасеніемъ своимъ Вильгельмъ обязанъ былъ единственно преданности одного бѣднаго полоумнаго, по имени Галета, въ присутствіи котораго заговорщики не остерегались говорить откровенно, надѣясь на его тупоумie. Извѣщенный во время, герцогъ бѣжалъ; его преслѣдовали, но благодаря усердію сеньёра Ріе, подкрѣпившаго бѣглеца свѣжими лошадьми, онъ благополучно достигъ Фалеза, гдѣ приняли его съ восторженной радостью.

Вильгельмъ избѣжалъ смерти; тогда заговорщики, увидѣвъ себя открытыми, и чувствуя себя достаточно сильными, объявили ему открытую войну. Они собрали армію, увеличившуюся всѣми недовольными прежнихъ лѣтъ, надѣявшимися получить болѣе выгодъ отъ паденія герцога.

Юный герцогъ не испугался этой новой бури и смѣло приготовился къ борьбѣ. Горя нетерпѣніемъ лично наконецъ дать добрый урокъ бунтовщикамъ, мечтавшимъ легко побѣдить еще неопытнаго юношу, онъ хотѣлъ принять вызовъ съ одними своими силами, но, уступая совѣтамъ старыхъ и предавныхъ слугъ, обратился къ королю Франціи съ напоминаніемъ клятвеннаго обѣщанія его Роберту щедрому. Смиренно и почтительно просилъ онъ помощи у короля противъ Гвидо Бургонскаго, Нееля Контантена, Гримуля дю-Плесси и другихъ возмутившихся вассаловъ.

Король Генрихъ исполнилъ просьбу Вильгельма и пришелъ на помощь лично въ главѣ многочисленной арміи; они встрѣтились у Аржансона, гдѣ и устроили лагерь.

Бунтовщики, въ числѣ двадцати тысячь, подъ начальствомъ Нееля Констатена, занимали равнину Дюнъ, въ трехъ лье отъ Каэна. Герцогъ Вильгельмъ назначилъ день битвы въ праздникъ св. Лаврентія. Обѣ арміи съ крикомъ: Богъ намъ помощникъ! яростно бросились другъ на друга, и все перемѣшалось въ отчаянной схваткѣ. Всѣ, казалось, рѣшились или побѣдить, или умереть. Не смотря на геройскую храбрость Вильгельма и на существенную помощь французской арміи, Неелъ и его товарищи долго держались очень твердо. Французскій король, пораженный ударомъ копья, выбитъ былъ изъ сѣдла подъ ноги лошадямъ; но тотчасъ же поднялся и отмстилъ за ударъ. Вильгельмъ производилъ блестящія аттаки въ главѣ своей знаменитой кавалеріи и разрубалъ непріятельскіе ряды. Наконецъ переходъ на сторону Вильгельма нѣкоторыхъ предводителей изъ противной стороны рѣшилъ дѣло. Пораженіе мятежниковъ сдѣлалось полное; ихъ преслѣдовали до самаго берега рѣки Орна, преградившей имъ дальнѣйшее отступленіе. Тамъ избѣжавшіе меча побѣдителей, подъ вліяніемъ паническаго страха, стремительно бросились въ рѣку. Это сраженіе получило названіе отъ равнины Дюнъ.

Громкая слава Вильгельма была вполнѣ заслужена; въ 19-ти лѣтнемъ возростѣ онъ разбилъ и уничтожилъ страшную армію, подъ предводительстомъ искусныхъ и опытныхъ вождей. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ, но уже слабыхъ и скоро

подавленныхъ покушеній, Гвидо Бургонскій принужденъ былъ просить пощады у оскорбленнаго имъ государя. Герцогъ не-выказалъ себя строгимъ въ отношеніи къ нему, и, лишивъ графствъ Бріонскаго и Вернонскаго, позволилъ ему быть при своемъ дворѣ. Однакожъ Гвидо вѣроятно подъ вліяніемъ стыда и печали, удалился въ Бургонь, гдѣ, чрезъ нѣсколько времени, умерѣ въ полномъ забвеніи.

Послѣ побѣды въ равнинѣ Дюнъ, Вильгельмъ рѣшился обезопасить себя отъ послѣдующихъ мятежей и ослабить опасное могущество вассаловъ. Онъ приказалъ разрушить всѣ укрѣпленные замки у поднимавшихъ оружіе противъ него. Дѣйствіе этой мѣры было громадное; оно возстановляло спокойствіе въ деревняхъ, опустошаемыхъ до сихъ поръ сеньерами, воевавшими то съ государемъ, то между собою, оно разрушало всякое покушеніе къ мятежу, оно устрашало умы самые своевольные. Теперь всѣ поняли и убѣдились въ необдимости склонить голову передъ государемъ, съумѣвшимъ заставить себѣ повиноваться.

Въ 1048 году герцогъ позванъ былъ королемъ Французскимъ Генрихомъ 1 для подобной же услуги. Жофруа Мартель, графъ Анжуйскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ сеньёровъ, пытался распространить свой удѣлъ присоединеніемъ нѣкоторыхъ владѣній короля французскаго. Вильгельмъ выступилъ въ походъ на помощь своему государю; его хорошо организованная армія смѣло аттаковала графа Анжуйскаго, безпощадно опустошая на пути своемъ его владѣнія. Но этимъ Вильгельмъ привлекъ на себя ненависть Жофруа. Въ отплату Мартель опустошилъ земли Вильгельма, захватилъ Домфронъ, Алансонъ и въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, отъ 1050—до 1054, тревожилъ безпрерывными набѣгами. Отъ постоянныхъ войнъ характеръ Вильгельма получалъ все болѣе жесткости и мстительности. Лѣтописи передаютъ напр. о его жестокомъ поступкѣ при осадѣ Алансона. Осажденные, стоя на крѣпостныхъ стѣнахъ, кричали ему: кожа, кожа! и колотили по принесеннымъ шкурамъ, напоминая кожевенное мастерство дѣда Вильгельма, Фалезскаго мѣщанина. Озлобленный герцогъ поклялся заставить ихъ дорого заплатить за оскорбленіе. И онъ сдержалъ клятву: у

всѣхъ захваченныхъ плѣнныхъ онъ велѣлъ отрубить руки и ноги, и эти окровавленные члены перебросить въ осажденный городъ. По взятіи города, стѣны и рвы его, по распоряженію побѣдителя, были тотчасъ же уничтожены.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ войнъ было преобладающее вліяніе Нормандіи надъ сосѣдями. За тѣмъ, съ установленіемъ спокойствія, возникло предположеніе о супружескомъ союзѣ герцога съ какой-нибудь изъ Европейскихъ принцессъ. Выборъ Вильгельма палъ на Матильду, дочь Бодуина графа Фландрскаго, могущественнаго сеньера того времени, родство съ которымъ могло быть весьма полезно въ случаѣ непріязненныхъ отношеній съ Франціей. Обрядъ бракосочетанія происходилъ въ 1056 году въ замкѣ О, (*) откуда тотчасъ послѣ свадьбы новобрачные переѣхали въ Руанъ, гдѣ въ теченіи 15 дней продолжались брачныя торжества. Рядъ праздниковъ нарушилъ дядя Вильгельма Можеръ, архіепископъ Руанскій. Раздраженный возрастающимъ благополучіемъ племянника, архіепископъ объявилъ надъ молодыми супругами приговоръ отлученія отъ церкви, подъ предлогомъ существованія родства, непозволяющаго, по законамъ церковнымъ, вступленія въ бракъ. Напрасно молодые супруги старались склонить его, опредѣляя ежегодные взносы для содержанія ста бѣдныхъ въ Руанѣ, Каенѣ, Байе и Шербургѣ,—приходилось обратиться за разрѣшеніемъ къ папѣ Николаю II. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, искусно веденыхъ Ланфранкомъ, бывшимъ въ то время монахомъ Бекскаго аббатства, отъ папы послѣдовало разрѣшеніе, подъ условіемъ основанія и обезпе-

---

(*) Интересенъ разсказъ современниковъ о своеобразномъ сватовствѣ Вильгельма. Несмотря на отказъ Бодуина и Матильды на первыя его предложенія, Вильгельмъ рѣшилъ исполнить свою волю, и употребилъ дѣйствительно самыя энергическія мѣры. Тайно прибывъ въ Брюгъ, гдѣ находился Бадуинъ съ семействомъ, онъ подстерегалъ Матильду на церковной паперти, и, при выходѣ изъ церкви, схватилъ ее, бросилъ въ грязь, наносилъ удары, и потомъ, вскочивъ на лошадь, быстро удалился. Очувствовавшись отъ такого страннаго выраженія любви, больная и изнемогшая отъ побоевъ, Матильда объявила отцу своему рѣшительную волю выйдти замужъ только за Вильгельма, герцога Нормандскаго

ченія супругами двухъ обителей мужской и женской для того, чтобы оба пола славили Господа и молили о прощеніи грѣха своихъ основателей. Вильгельмъ и Матильда въ точности исполнили волю папы и построили въ Каэнѣ два монастыря: одинъ во имя св. Троицы—женскій, другой во имя св. Стефана,—мужской. Оба эти монастыря, великолѣпные и прекрасные памятники, существуютъ и до сихъ поръ.

Могущество герцога Нормандскаго возбуждало опасенія и зависть не одного архіепископа Руанскаго. Король французскій, хотя самъ обращался въ затруднительномъ положеніи къ помощи Вильгельма, тѣмъ не менѣе съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на превосходную армію гордаго вассала.

Побывавшіе въ Нормандіи Французскіе бароны вынесли оттуда пріятное впечатлѣніе и завистливое желаніе тамъ пріобрѣсти себѣ замки. Они внушали королю Франціи, какъ было бы выгодно завоеваніе Нормандіи и предлагали для того свои услуги и готовность. Такія внушенія совершенно согласовались съ тайными желаніями самого короля. Вскорѣ онъ созвалъ всѣхъ могущественныхъ сеньёровъ и первыхъ лицъ королевства, приказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ вассаламъ готовить свои контингенты. Бургонь, Овернь, Пуату и Гасконь спѣшили повиноваться государю, и со всѣхъ сторонъ стекались воины, готовые къ бою. Одинъ графъ Анжуйскій выставилъ блестящій отрядъ рыцарей и стрѣлковъ, воодушевленныхъ жаждою мести за пораженіе защитниковъ Алансона.

Нормандія затрепетала при страшномъ видѣ этой грозной арміи, способной устрашить самаго геніальнаго полководца. Поселяне въ своихъ убогихъ хижинахъ, духовенство въ церквахъ, капелланы въ замкахъ дрожали отъ безпокойства и ужаса при приближеніи неумолимаго врага. Одинъ Вильгельмъ не терялъ присутствія духа и твердо приготовился къ упорной борьбѣ. Съ удивительной предусмотрительностью онъ разсѣялъ свою армію по всей странѣ, лежащей по пути войскъ короля Франціи, приказавъ ей захватить скотъ, жизненные припасы и скрыть ихъ въ глубинѣ лѣсовъ. Генрихъ, вступивъ въ Нормандію, съ большимъ трудомъ могъ удовлетворять потребностямъ арміи въ странѣ, лишенной всякихъ

средствъ. Остановясь въ Мантѣ, онъ послалъ часть своихъ войскъ, подъ начальствомъ графа Еда, своего брата, на фуражировку до Мортимера на Ліонѣ, маленькой деревушки близъ Нефшателя. Французы, найдя тамъ страну, изобильную припасами, масломъ, хлѣбомъ и фуражемъ для лошадей, остановились провести ночь и, считая Нормандцевъ съ Вильгельмомъ въ Евре, беззаботно угостили себя сытнымъ ужиномъ.

Вильгельмъ наблюдалъ за всѣми движеніями непріятеля. Зная отъ шпіоновъ о планѣ короля Франціи, онъ приказалъ Жифару—графу Лонгвильскому быстро двинуться къ Мортимеру и захватить тамъ Французовъ. Нормандская армія прибыла на разсвѣтѣ и напала врасплохъ съ такой стремительностью, что ни кто изъ непріятелей не имѣлъ времени даже одѣться; Нормандцы убивали безъ пощады; изъ сорока тысячъ не спаслось и четвертой части,—все остальное погибло, или взято въ плѣнъ.

Графъ Лонгвиль тотчасъ же послалъ къ Вильгельму, стоявшему въ Евре, гонца съ извѣстіемъ о полномъ пораженіи Французовъ, и о доставшейся ему богатой добычѣ. Герцогъ, обрадованный такой пріятной вѣстью, предвидя необходимость отступленія короля Франціи, отправилъ четырехъ вѣстниковъ обнародовать побѣду у воротъ Манта. При такой новости, король и граждане Манта сильно встревожились, и когда нѣсколько бѣглецовъ подтвердили извѣстіе, Генрихъ, съ остаткомъ арміи, рѣшился на отступленіе.

Вслѣдствіе Мортемерской побѣды герцогъ Нормандскій въ 1056 году заключилъ миръ съ королемъ Франціи, утвердившимъ за нимъ все отнятое и завоеванное герцогомъ отъ Жофруа Мартеля—графа Анжуйскаго. Кромѣ того, король обязался не помогать Жофруа Мартелю-противъ герцога.

Вильгельмъ не замедлилъ воспользоваться мирнымъ трактатомъ и публично объявилъ рыцарскій вызовъ Мартелю, предупреждая о своемъ вступленіи въ его владѣнія предъ истеченіемъ сорока дней. Графъ Мэнъ и графъ Пуату присоединились къ Жофруа для отраженія герцога Нормандскаго, и война продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ съ той и другой стороны до тѣхъ поръ, когда король Франціи, вопреки

данной клятвы, не вступилъ въ 1059 году въ новую лигу противъ Вильгельма. Мортемерская бойня, болѣвшая въ его сердцѣ кровавой раной, требовала отмщенія. Генрихъ достигнулъ до Байе, невстрѣтивъ серьезнаго сопротивленія, такъ какъ предусмотрительный Вильгельмъ съ главной арміей отступилъ въ Фалезъ, ограничиваясь партизанской войной, безпрерывно тревожа и безпокоя непріятеля и истребляя его отдѣльные отряды. Король французскій, опустошивъ Каенскую равнину, приготовлялся съ арміей къ переходу черезъ Диву. Часть арміи уже перешла варавильскій мостъ, какъ вдругъ герцогъ Вильгельмъ стремительно ударилъ на аріергардъ. Испуганные неожиданнымъ нападеніемъ, Французы въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать для соединенія съ авангардомъ и всей массой рванулись на мостъ. Подъ такой несоразмѣрной тяжестью мостъ обрушился, и большая часть бѣглецовъ утонула или убита Нормандцами. Остатки арміи сдались въ плѣнъ и не было до сихъ поръ никогда въ Нормандіи такого громаднаго количества плѣнныхъ. Въ безплодной ярости отъ невозможности помочь своимъ несчастнымъ войскамъ присутствовалъ при этой рѣзнѣ король французскій. Этимъ пораженіемъ утратилось и прежнее выгодное положеніе.

Варавильская побѣда въ 1059 году прекратила дальнѣйшія непріязненныя дѣйствія; въ слѣдующемъ году въ Феканѣ былъ заключенъ миръ между герцогомъ Нормандскимъ и королемъ Генрихомъ, не долго пережившимъ свое пораженіе. Онъ умеръ въ 1060 году, оставивъ тронъ Франціи сыну Филиппу I, девятилѣтнему мальчику подъ регентствомъ графа Бодуина Фландрскаго, отца герцогини Нормандской. Вильгельмъ присутствовалъ при коронованіи новаго короля. Въ 1061 году регентъ поручилъ ему усмирить возмущеніе Гасконіи. Герцогъ взялъ Монтобанъ и возвратилъ владычеству Филиппа I почти весь Лангедокъ и Гасконію. Затѣмъ возвратившись въ Нормандію, обратилъ все свое вниманіе на внутреннее управленіе герцогствомъ, сильно пострадавшимъ въ его отсутствіе. Онъ созвалъ въ Каенѣ народное собраніе и приказалъ перенести туда останки св. Уэна и св. Ромэна, дабы просвѣтить волнующіеся умы къ установленію добрыхъ зако-

новъ. На этомъ собраніи, въ видахъ общественной безопасности, было рѣшено, чтобы ежедневно по вечерамъ, въ опредѣленное время, во всѣхъ приходахъ ударяли въ колоколъ и тогда каждый обыватель обязанъ былъ тушить огонь, молиться Богу и запирать дверь своего дома, невыходя уже болѣе на улицу. Этотъ ордонансъ, извѣстный подъ названіемъ закона тушенія огня (loi du couvre-feu), въ Нормандіи соблюдался съ точностью долго и послѣ кончины Вильгельма.

Наконецъ Нормандія успокоилась; государя ея чтили волей-неволей, и повиновались. Онъ торжествовалъ, какъ надъ внутренними партіями, такъ и надъ внѣшними врагами. Съ установленіемъ спокойствія, торговля начинала процвѣтать и въ первый разъ еще Вильгельму не предстояло, ни усмирять внутреннихъ возмущеній, ни поражать внѣшнихъ враговъ. Но властолюбивая душа Вильгельма не могла постоянно довольствоваться только тѣсными предѣлами своего герцогства; взоры его жадно стремились къ другому государству, овладѣніе которымъ представлялось по ходу событій дѣломъ возможнымъ.

Царствовавшій въ это время въ Англіи Эдуардъ исповѣдникъ не имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ, а родство его по матери съ герцогскимъ домомъ Нормандіи, и личныя симпатіи короля, придавали честолюбивымъ надеждамъ Вильгельма нѣкоторый видъ законнаго права на наслѣдованіе. Единственнымъ, но весьма важнымъ препятствіемъ—была фамилія супруги Эдуарда, королевы Юдифи, въ лицѣ ея старшаго брата Гаральда, общаго любимца короля и народа. Необходимо было устранить этого врага, и неожиданный случай доставилъ Вильгельму эту возможность.

Въ 1065 году Гаральдъ просилъ у Эдуарда позволенія потребовать, именемъ государя, возвращенія отъ герцога Нормандскаго брата своего Уильфнота. Король теперь не имѣлъ никакого права отказать въ просьбѣ, но, соглашаясь, онъ старался отклонить Гаральда отъ намѣренія лично самому ѣхать въ Нормандію. „Я не хочу тебѣ отказать, говорилъ ему старый король, но если ты поѣдешь, то сдѣлаешь противъ моего

желанія; твоя поѣздка принесетъ несчастіе тебѣ и всему нашему отечеству. Я знаю Вильгельма, его жадный умъ; онъ тебя ненавидитъ; онъ несогласится на твою просьбу, если неувидитъ въ этомъ своей выгоды; удобнѣе было бы отправить другаго."

Опрометчивый Гаральдъ пренебрегъ отеческимъ предупрежденіемъ короля. Въ сопровожденіи веселыхъ друзей, снарядившихся въ дальнее путешествіе, какъ на прогулку, онъ сѣлъ на корабль въ одномъ изъ портовъ Суссэкса. Бурный, противный вѣтеръ отбросилъ ихъ на берега Франціи, и корабль разбился въ устьѣ Соммы, во владѣніяхъ графа Гюя Понтье. Ихъ ограбили и посадили въ тюрьму. Гаральдъ объявилъ себя гонцомъ короля Англійскаго къ герцогу Нормандскому, и, благодаря вмѣшательству послѣдняго, получилъ свободу.

По освобожденіи, Гаральдъ тотчасъ же отправился въ Руанъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ большими почестями. Въ честь гостя безпрерывно назначая торжества и турниры, Вильгельмъ обѣщался возвратить по просьбѣ Гаральда заложниковъ и лично сопровождалъ его по всему герцогству. Повсюду, въ городахъ и замкахъ, Гаральдъ, и его спутники, находили самый радушный пріемъ. Герцогъ пожаловалъ ихъ рыцарями своей нормандской арміи, и самъ пожелалъ быть крестнымъ отцемъ по рыцарству. Во время всего пути Гаральдъ и Вильгельмъ постоянно были подъ одной кровлей и за однимъ столомъ.

Однажды они ѣхали вмѣстѣ и одни. Вильгельмъ, казалось, весь предался увлеченію задушевнаго разсказа Гаральду о своей юности, о борьбѣ съ вассалами и войнахъ съ врагами. Подъ обаяніемъ откровенной бесѣды молодой Саксъ забылъ предостереженія короля. Вильгельмъ постепенно дошелъ до разсказа о старинныхъ связяхъ его съ Эдуардомъ исповѣдникомъ. „Когда Эдуардъ и я, разсказывалъ онъ Гаральду, жили вмѣстѣ подъ одной кровлей, онъ обѣщался сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ, въ случаѣ вступленія его на Англійскій престолъ. Я желалъ бы, Гаральдъ, твоей помощи въ этомъ дѣлѣ и будь увѣренъ, что я исполню каждое твое желаніе."

Смущенный и удивленный Гаральдъ молчалъ. Принимая молчаніе за знакъ согласія, Вильгельмъ продолжалъ: „такъ какъ ты согласенъ, то ты долженъ укрѣпить замокъ Дувръ и сдать его моимъ войскамъ, потомъ я желалъ бы женить тебя на моей дочери Адели и взять въ гарантію заложникомъ когонибудь по твоему выбору; этого заложника я привезу въ Англію, когда сдѣлаюсь королемъ.“ Гаральдъ, незная какъ выйдти изъ своего затруднительнаго положенія, невольно обѣщалъ свое содѣйствіе.

Герцогъ Нормандскій вынудилъ желаемое обѣщаніе, но ему мало было одного обѣщанія. Полный недовѣрія къ доброй волѣ Гаральда, онъ желалъ связать его болѣе торжественнымъ обязательствомъ. Стараясь облекать свои самыя несправедливыя дѣйствія наружностью права, онъ собралъ въ Бонвилѣ или въ Байё, свидѣтельства современниковъ въ этомъ отношеніи разногласятъ — значительное число нормандскихъ бароновъ, въ присутствіи которыхъ молодой Саксъ долженъ былъ публично повторить данное слово. Къ назначенному дню Вильгельмъ приказалъ перенести изъ Руана нѣсколько мощей, сложить ихъ въ раку и покрыть ихъ золотымъ сукномъ. На этомъ сукнѣ лежало евангеліе. Прочитавъ статьи условія, заключеннаго между ними и обращаясь къ Гаральду «я отъ тебя требую передъ этимъ собраніемъ, сказалъ Вильгельмъ, утвердить клятвою обѣщаніе, данное тобою: помогать мнѣ пріобрѣсти королевство Англію послѣ смерти короля Эдуарда, и жениться на моей дочери Адели». Нерѣшившись публично отказаться отъ даннаго слова, Горальдъ, положивъ правую руку на евангеліе, торжественно клялся исполнить обѣщаніе и никогда ему непротиводѣйствовать. Все собраніе повторило: да поможетъ тебѣ Богъ! Тогда, по знаку Вильгельма, сняли золотое покрывало надъ ракой и показали святыню надъ которой произнесена была клятва; Гаральдъ содрогнулся. Вскорѣ послѣ того Гаральдъ уѣхалъ, оставивъ Вильгельму одного изъ заложниковъ; герцогъ щедро одарилъ его подарками.

Когда Гаральдъ возвратился въ Англію и разсказалъ королю Эдуарду о данномъ обѣщаніи, старый король сильно

огорчился. Нѣжно упрекая молодаго человѣка въ пренебреженіи благоразумныхъ совѣтовъ, онъ говорилъ: „непредупреждалъ ли я тебя, что твоя поѣздка навлечетъ великія бѣдствія на тебя и на весь нашъ народъ. Дай только Богъ, чтобъ эти несчастія не случились въ продолженіи моей жизни.“

Мысль эта совершенно овладѣла слабымъ и суевѣрнымъ Эдуардомъ исповѣдникомъ. Потрясенный зловѣщими слухами, распространившимися по всей Англіи, пораженный предсказаніями ужасныхъ бѣдствій, онъ горько раскаялся въ своемъ прежнемъ пристрастіи къ этому народу по ту сторону моря, долженствующему придти, по народной молвѣ, и привести Саксовъ въ состояніе рабства. Онъ не могъ побѣдить своихъ мрачныхъ предчувствій, и умеръ 5 января 1066 года.

Современные писатели англо-сакскіе и нормандскіе, каждый въ своемъ національномъ интересѣ, различно разсказываютъ о послѣдней волѣ Эдуарда; его завѣщаніе было предметомъ долгихъ и упорныхъ споровъ, впрочемъ мало выяснившихъ вопросъ. Кажется невозможно положительно опредѣлить: которому изъ двухъ соперниковъ король передалъ право быть его законнымъ наслѣдникомъ. Болѣе вѣроятнымъ кажется выборъ молодаго Сакса, которому онъ оказывалъ столько благосклонной дружбы и что было совершенно согласно съ желаніемъ народа.

Какъ бы то ни было, собраніе благородныхъ и гражданъ 7-го января, тотчасъ же послѣ погребальной церемоніи тѣла Эдуарда, провозгласило королемъ Гаральда. Торжественное коронованіе совершалъ Альфредъ архіепископъ Іоркскій. Юному королю передали золотую корону, позлащенный скипетръ и большую боевую сѣкиру, древній символъ отечества Саксовъ. Съ самаго вступленія своего на престолъ сынъ Годвина показалъ себя благочестивымъ, скромнымъ и доступнымъ, нещадившимъ трудовъ на защиту отечества на сушѣ и на морѣ

ГЛАВА III.

Приготовленія къ экспедиціи.—Завоеваніе Англіи.—Коронованіе Вильгельма.

(Сентябрь—декабрь 1066 года).

Гонецъ съ извѣстіемъ о смерти Эдуарда и коронованіи Гаральда засталъ Вильгельма на охотѣ въ Руврейскомъ лѣсу. Сильно задумался герцогъ и, отдавъ приближеннымъ свой лукъ, поспѣшилъ воротиться въ Руанскій замокъ. Тамъ онъ порывисто ходилъ въ одной изъ комнатъ дворца, опираясь, то на одну скамью, то на другую, и нигдѣ неостанавливаясь. Никто изъ приближенныхъ несмѣлъ спросить о причинѣ. Въ это время сенешаль, рыцарь, пользующійся особеннымъ расположеніемъ герцога, вошелъ въ комнату. Дворяне, нѣмые свидѣтели волненія сеньёра, окружили его съ вопросами. Сенешаль подошелъ къ герцогу и сказалъ: «сеньеръ, зачѣмъ вы скрываете извѣстіе, огорчившее васъ? Въ городѣ пронесся слухъ о смерти короля Англійскаго, и о клятвопреступленіи Гаральда, завладѣвшаго престоломъ.»—«Да, это правда, отвѣчалъ герцогъ, мнѣ больно было узнать о кончинѣ короля и о неблагодарности Гаральда.»—Тогда Вильгельмъ, сынъ Осберна, любимецъ герцога, съ живостью сказалъ: «сеньеръ, дѣло это можетъ поправиться. Увасъ много храбрыхъ воиновъ, готовыхъ вамъ повиноваться. Нужна только рѣшимость: хорошо начатое дѣло — половина успѣха.» Съ радостью выслушалъ герцогъ Вильгельмъ слова сына Осберна, вполнѣ согласныя съ его тайными желаніями. Потомъ, созвавъ нотаблей Руана, онъ пожелалъ узнать ихъ мнѣніе. Онъ предложилъ имъ отправить гонца къ Гаральду съ напоминаніемъ о клятвѣ, данной надъ мощами святыхъ угодниковъ.

Гаральдъ, гордо принялъ гонца Вильгельма и объявилъ ему, что онъ ничѣмъ не обязанъ герцогу, что клятва, данная по принужденію, неимѣетъ значенія, и что онъ будетъ смотрѣть на Вильгельма, какъ на врага въ случаѣ дальнѣйшаго домогательства имъ Англійскаго престола.

Неудовольствовавшись такимъ надмѣннымъ отвѣтомъ, Вильгельмъ послалъ въ Англію другаго гонца съ дружескимъ приглашеніемъ исполненія заключеннаго договора. Онъ просилъ Гаральда, или исполнить торжественное обѣщаніе, или по крайней мѣрѣ возвести на Англійскій престолъ дочь его Адель, согласно данной клятвы. Не лучше былъ принятъ и новый посолъ. Затѣмъ тотчасъ же послѣ этого Гаральдъ женился на сестрѣ двухъ храбрыхъ саксхихъ вождей Эдвина и Моркара, до сихъ поръ враждебныхъ его фамиліи, но въ сильной поддержкѣ которыхъ онъ теперь нуждался.

Конечно Вильгельмъ не ожидалъ инаго отвѣта и давно приготовлялся къ борьбѣ. Не боясь ни громадности предпріятія, ни неизбѣжныхъ затрудненій, онъ расчитывалъ на личную свою отважность и на воинственный духъ подданныхъ. Вильгельмъ въ высшей степени былъ способенъ вести этотъ воинственный народъ, несокрушимый въ битвахъ, изобрѣтательный и изворотливый тамъ, гдѣ не доставало силы. Тираны въ своемъ отечествѣ, Норманны всегда боролись съ тираніей иноземной. Народъ же, ставшій имъ теперь на дорогѣ, не обладалъ ни неутомимой храбростью, ни ловкой изобрѣтательностью. День и ночь проводя въ пьянствѣ, Англо-Саксы потеряли доблесть въ порочной жизни, говоритъ одинъ современный писатель. Духовныя лица подавали собою примѣръ скандала и разврата. Правда, были и между ними смѣлыя сердца, преданныя дѣлу отечества; оружіе этихъ-то защитниковъ саксокой свободы готовило Вильгельму кровавый отпоръ.

Еще въ началѣ спора герцогъ Нормандскій отправилъ въ Римъ посланникомъ Жильбера, Лизьескаго діакона, представить папѣ Александру II о клятвопреступленіи Гаральда и о готовности Вильгельма подчинить святому престолу Англійское королевство, если Богу угодно будетъ его вручить ему. Римскій дворъ незатруднился одобреніемъ проэктовъ герцога, представленныхъ въ такомъ смиренномъ видѣ. Святой отецъ въ знакъ своего благословенія прислалъ герцогу освященный штандартъ съ золотымъ кольцомъ, въ которомъ заключался,

по словамъ однихъ лѣтописцевъ, волосъ, а по словамъ другихъ, зубъ святаго апостола Петра.

Заручившись поддержкой папы, и его приближенныхъ совѣтниковъ, Вильгельмъ рѣшился собрать въ Лиллебонѣ народное нормандское собраніе. Тамъ, разсказавъ объ измѣнѣ Гаральда, онъ потребовалъ содѣйствія къ наказанію такого наглаго клятвопреступленія; затѣмъ онъ оставилъ собраніе, предоставивъ дѣло свободному обсужденію

Едва удалился герцогъ, какъ со всѣхъ сторонъ проявилось волненіе. Образовались группы, голоса раздѣлились; возбужденіе рѣчей и живость движеній обнаруживали увлеченія крайнихъ противоположныхъ мнѣній. Самые преданные предлагали представить герцогу оружіе, корабли, денегъ и людей, другіе, не отказывая рѣшительно въ поддержкѣ, высказывались объ опасности такого предпріятія, о силахъ враждебной націи, о будущихъ бѣдствіяхъ, которыя Нормандія должна была навлечь на себя. Самые недовольные громко называли новое предпріятіе безуміемъ, не хотѣли давать ни одного су изъ кармана, ни одной капли крови для удовлетворенія необузданнаго честолюбія сеньера.

Тогда преданный слуга герцога Вильгельмъ, сынъ Осберна, воспользовавшись первой удобной минутой, сказалъ: «о чемъ спорите вы? Онъ вашъ сеньеръ, и ваша обязанность принести ему добровольно всѣ жертвы, не дожидаясь требованій. Если вы этого не исполните, а съ Божьей помощью онъ достигнетъ успѣха, онъ этого не забудетъ. Дайте-жъ добровольно то, что слѣдуетъ по долгу.»

При этихъ словахъ обнаружилось сильное волненіе; болѣе раздраженные кричали: «правда, онъ нашъ сеньёръ, но онъ обремѣняетъ насъ налогами; мы желаемъ оставаться подлѣ нашихъ женъ и нашихъ дѣтей, а не рисковать завоеваніемъ отдаленной страны. Если мы послѣдуемъ за нимъ на другую сторону моря, такъ онъ завладѣетъ правомъ по произволу распоряжаться нами и нашими дѣтьми въ будущемъ; никогда этого не будетъ, никогда!»

Вильгельмъ не ожидалъ такой оппозиціи; онъ былъ смущенъ и раздраженъ. Впрочемъ, изъ благоразумія не высказы-

вая неудовольствія, онъ, по обыкновенію, прибѣгнулъ къ хитрости. Призывая къ себѣ членовъ собранія, каждаго по одиначкѣ, онъ требовалъ отъ нихъ отдѣльной поддержки, обѣщая не налагать никакого обязательства въ будущемъ и предоставляя имъ, какъ гарантію своихъ словъ, хартію за большой печатью. Вильгельмъ, отъ природы властолюбивый и надмѣнный, могъ, когда требовали обстоятельства, показать себя снисходительнымъ и кроткимъ. Щедрыми обѣщаніями, обольстительными предложеніями, наружнымъ великодушіемъ онъ успѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ наличныхъ сеньеровъ, духовныхъ и гражданъ, обязавшихся доставить ему воиновъ, кораблей и денегъ.

Въ тоже время герцогъ сдѣлалъ вызовъ во всѣхъ провинціяхъ Франціи, обѣщая большое жалованье всѣмъ поступившимъ на его службу. Изъ Бретани, Пуату, Бургони, съ береговъ Рейна стекались толпой отважные бойцы, жаждущіе добычи при завоеваніи Англіи, мечтавшіе объ опасностяхъ на сушѣ и на морѣ. Одни требовали хорошаго жалованья, другіе замка или города, иные довольствовались обѣщаніемъ добраго супружества: и всѣмъ герцогъ обѣщалъ желаемое.

Договорившись такимъ образомъ съ своими подданными, и почти всей Франціи, Вильгельмъ пытался обезпечить себя содѣйствіемъ вліятельныхъ союзниковъ. Но въ этомъ отношеніи не было полнаго успѣха. Король французскій отказалъ ему въ помощи по внушенію своего совѣта, высказавшаго, что Нормандцы еще менѣе будутъ спокойны и покорны, если ихъ герцогъ сдѣлается королемъ Англіи. Раздраженный, но не обезнадеженный такимъ отказомъ, оставилъ Вильгельмъ Сенъ Жермень и воротился домой торопить и лично наблюдать за приготовленіями къ экспедиціи.

Усиленная дѣятельность кипѣла на берегахъ Нормандіи. Быстро снаряжались во всѣхъ портахъ корабли: горячность вождя сообщалась всѣмъ; плотники, кузнецы и матросы трудились безъ устали, все подготовляя, все устраивая къ громадному и далекому предпріятію. Герцогъ выбралъ сборнымъ мѣстомъ устье Дивы, и въ концѣ августа 1066 года, если вѣрить показанію, впрочемъ весьма опредѣленному, современ-

ныхъ лѣтописцевъ, три тысячи кораблей, шлюпокъ и пятьдесятъ тысячъ вооруженныхъ воиновъ, совершенно готовыхъ, ожидали только благопріятнаго момента къ отплытію. Ожиданіе продолжалось однако болѣе мѣсяца, и во все это время герцогъ изобильно удовлетворялъ всѣмъ нуждамъ такого громаднаго скопища, въ тоже время строго запрещая всякій грабежъ. Приказаніе это было исполняемо съ совершенной точностью; животныя могли въ совершенной безопасности пастись по полямъ, а хлѣбъ, въ полной неприкосновенности, ожидалъ серпа земледѣльца.

20-го сентября попутный южный вѣтеръ двинулъ флотъ къ Сенъ-Валери на Соммѣ, гдѣ онъ принужденъ былъ бросить якорь. Въ этотъ короткій путь нѣсколько кораблей, разбитые бурей, потерпѣли крушеніе; ихъ экипажи погибли и видъ тѣлъ, отброшенныхъ волнами на берегъ, произвелъ невольное смущеніе въ арміи. Утомленные долгимъ ожиданіемъ, воины собирались въ палаткахъ, разговаривали между собой объ опасностяхъ экспедиціи, или ходили на берегъ искать обломковъ кораблей, или тѣлъ погибшихъ товарищей. Боязнь быстро распространялась, и Вильгельмъ, съ душевною скорбіею, замѣчалъ, какъ въ арміи уныніе и безнадежность замѣнили веселый порывъ отъѣзда. Нѣсколько воиновъ дезертировали. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, герцогъ выказалъ новыя доказательства той упорной отважности, которую не могли сокрушить ни бури, ни кораблекрушенія, ни дезертирство. Онъ приказалъ какъ можно поспѣшнѣе похоронить трупы, увеличилъ выдачу жизненныхъ припасовъ и, для возбужденія упавшаго духа авантюристовъ, распорядился перенесеніемъ съ особенной торжественностью мощей св. Валери. Вся армія усердно молилась своему св. патрону и на другой день вѣтеръ сдѣлался благопріятнымъ; наиболѣе упавшіе духомъ ожили. Къ тому же ночные часовые разсказывали товарищамъ о появленіи на небѣ звѣзды съ хвостомъ, всегда знаменовавшей совершеніе великихъ событій. Эта же звѣзда навела ужасъ на Англо-Саксовъ. Вильгельмъ Мальмесбюрійскій, преклонивъ колѣни въ своемъ монастырскомъ саду, воскликнулъ: Ты появилась, звѣзда, съ блестящимъ хвостомъ! Ты принесешь

слезы не одной матери, ты наводишь всеобщій ужасъ, ты орудіе разрушенія этой страны.

Между тѣмъ нормандская армія благодарила Бога; воодушевленіе овладѣло всѣми. Въ своемъ порывистомъ возбужденіи воины Вильгельма торопили отплытіемъ, сеньеры забывали вассаловъ, вассалы забывали оружіе, торопясь и опасаясь остаться на берегу. Наконецъ 27-го сентября подняли паруса. Вильгельмъ находился въ головѣ флота на кораблѣ, снаряженномъ для него герцогиней Матильдой. Бока корабля были позолочены, паруса съ изображеніемъ нормандскихъ львовъ отличались блестящимъ цвѣтомъ. На носу находилось скульптурное изображеніе дитяти, направляющемъ натянутый лукъ въ непріятельскую сторону; римскій штандартъ, волнующійся по вѣтру, знаменовалъ чистоту и святость претензій Вильгельма.

Этотъ корабль, въ гордомъ стремленіи къ побѣдѣ, по своему чрезвычайно быстрому ходу скоро оставилъ позади себя весь остальной флотъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Вильгельмъ приказалъ матросу подняться на вершину мачты и посмотрѣть слѣдуютъ ли за ними другіе корабли; но видны были только небо и море. Герцогъ приказалъ бросить якорь. Опасаясь, чтобъ остановка не привела бы съ собой унынія экипажа, онъ приказалъ приготовить обильное угощеніе, въ которомъ самъ принялъ непосредственное участіе. Матросъ поднялся во второй разъ и объявилъ, что видитъ четыре корабля, а затѣмъ скоро закричалъ «вотъ, вотъ подымается лѣсъ мачтъ»!

Въ это время Гаральда не было на югѣ Англіи. Долго и напрасно ожидая высадки непріятеля на южномъ берегу, онъ незадолго передъ этимъ вынужденъ былъ перенестись къ сѣвернымъ предѣламъ королевства, гдѣ ожидала его не менѣе настоятельная опасность. Нортумбріей овладѣла норвежская армія, приведенная Тости, братомъ Гаральда. Выбранный Эдуардомъ исповѣдникомъ къ управленію сѣверными провинціями, Тости за притѣсненія и грабежи въ 1064 году былъ изгнанъ народомъ. Тости надѣялся на поддержку брата, но Гаральдъ изъ первыхъ строго осудилъ его злоупотребленія. Тогда

Тости съ сердцемъ, полнымъ непримиримой ненависти и злобы къ Саксамъ и къ брату, оставилъ Англію и бѣжалъ въ Норвегію. Тамъ царствовалъ въ то время король, поэтъ и пиратъ, Гаральдъ, сынъ Зигрида, любившій на своемъ траурномъ кораблѣ, съ своими смѣлыми товарищами, наводить повсемѣстно страхъ и ужасъ. Искушенный перспективой опасныхъ приключеній, Гаральдъ присоединился къ Тости и поставилъ подъ паруса многочисленный флотъ. Оба они опустошили окрестности Іорка, когда молодой король — Гаральдъ явился для обороны. Напрасно норвежскій предводитель возбуждалъ мужество своихъ товарищей дикими импровизаціями, напрасно Тости три раза надмѣнно и съ угрозой отвергалъ мирныя предложенія брата, норвежская армія была разбита на голову, оба предводителя убиты на полѣ сраженія. Гаральдъ—побѣдитель вошелъ въ Іоркъ и далъ отдыхъ утомленной арміи.

Въ это время Вильгельмъ высадился въ Певенси, мѣстечкѣ графства Суссэкса, весьма дурно охраняемомъ. Стрѣлки, одѣтые въ легкое платье, высадились первые, потомъ рыцари; плотники, каменьщики и прочіе работники тотчасъ же принялись за постройку трехъ деревянныхъ укрѣпленій. Вильгельмъ высадился послѣднимъ. Когда онъ касался берега, его нога скользнула, и онъ упалъ на землю съ раскинутыми руками. Пронесся говоръ: дурной знакъ, насъ Богъ предостерегаетъ! Но Вильгельмъ быстро поднялся. «Знайте, сказалъ онъ, я взялъ эту землю своими руками, и съ Божьей помощью она будетъ ваша, я овладѣлъ ею.»

Утвердивъ лагерь на берегу между Певенси и Гастингсомъ, Вильгельмъ, съ 25 рыцарями, отправился на рекогносцировку мѣстности. Тогда не было проторенныхъ дорогъ, и герцогу приходилось входить въ глубину страны пѣшкомъ. Сильнѣе душою и тѣломъ своихъ товарищей, онъ смѣялся надъ ними; крѣпость и сила его были такъ велики, что въ полномъ вооруженіи онъ могъ нести на рукахъ Вильгельма, сына Осберна, извѣстнаго тоже по силѣ и храбрости.

Въ продолженіи десяти дней армія Вильгельма ожидала врага; кругомъ лагеря образовалась совершенная пустыня. Испуганные туземные крестьяне бѣжали повсюду, уводя съ

собой женъ, дѣтей и стада; они бѣжали въ церкви и монастыри, гдѣ надѣялись найдти болѣе вѣрное убѣжище. Вильгельмъ строго наказывалъ грабежи, онъ желалъ бы охранить то, что должно было быть его. Но не смотря на его бдительность и суровыя взысканія, Нормандцы, желавшіе только добычи, быстро разсѣялись по окрестности, захватывая все, что не могли унести съ собой бѣглецы. Едва высадившись на чуждую землю, они обращались съ Англіей, какъ съ страной завоеванной.

При извѣстіи о вторженіи Нормандцевъ въ Англію, король Гаральдъ поспѣшилъ воротиться въ Лондонъ, но его армія, утомленная битвой, не могла непосредственно слѣдовать за нимъ. Такимъ образомъ онъ оставался въ столицѣ въ продолженіи шести дней, безуспѣшно стараясь получить вѣрныя свѣдѣнія о силахъ непріятеля. Англо-саксціе шпіоны были захвачены Нормандцами и приведены къ герцогу. Вильгельмъ, обрадованный случаемъ доказать Гаральду свою силу, отпустилъ ихъ обратно въ Лондонъ невредимыми. Тамъ они разсказали королю все, что видѣли. По ихъ разсказамъ, вся нормандская армія состояла изъ духовныхъ лицъ, такъ какъ они видѣли все людей безъ бородъ. При этихъ словахъ король улыбнулся. «Эти люди, сказалъ онъ, не священники, а храбрые солдаты, и вы испытаете это».

Вильгельмъ съ своей стороны послалъ къ сопернику одного фекамскаго монаха Гуго Мегро съ послѣдними напоминаніями. Монахъ требовалъ отъ короля исполненія данной имъ клятвы и съ твердостью настаивалъ о правахъ Вильгельма на тронъ Англіи по завѣщанію покойнаго Эдуарда. Взбѣшенный рѣзкими рѣчами монаха, Гаральдъ убилъ бы собственноручно гонца, еслибы вовремя его не остановилъ его братъ Гуртъ, графъ Іоркскій.

Молодой саксскій король, подъ увлеченіемъ личной храбрости, рѣшился непремѣнно начальствовать надъ арміей, рискуя всѣмъ для побѣды, хотя всѣ окружающіе его, даже собственное его семейство, находили эту смѣлость неблагоразуміемъ и дерзостью. Его мать умоляла отложить сраженіе до соединенія болѣе значительныхъ силъ и не ставить на карту

корону и жизнь. Его братья Гуртъ и Леовфинъ просили довѣрить имъ начальство арміей. Гуртъ говорилъ: „ты не можешь отрицать, что по принужденію или добровольно, но все-таки далъ клятву герцогу Вильгельму, и ты сдѣлаешь лучше, удалясь отъ этого дѣла. Если ты совершилъ клятвопреступленіе, ты будешь убитъ или разбитъ. Мы же не клялись, война съ нашей стороны справедливая, мы защищаемъ наше отечество. Ты поступишь лучше, предоставивъ намъ дать битву безъ себя. Если мы обратимся въ бѣгство, ты вновь соберешь и поведешь въ сраженіе, если мы умремъ, ты отмстишь за насъ."

Все было безполезно. Гаральдъ находилъ безчестнымъ уклоняться отъ вызова врага и твердо вѣровалъ въ свое право. Собравъ воиновъ, онъ быстро повелъ ихъ къ нормандскому лагерю, надѣясь захватить его врасплохъ. Но Вильгельмъ слѣдилъ за движеніями непріятеля, и, во время извѣщенный шпіонами о приближеніи, тотчасъ же поставилъ подъ оружіе всю армію.

Гаральдъ и войска его взяли позицію недалеко отъ нормандскаго лагеря. Окруживъ свой лагерь сваями, вколоченными въ землю и переплетенными ивовыми вѣтвями, Саксы, наканунѣ битвы провели ночь по обыкновенію въ питьѣ, забавахъ, въ пѣніи національныхъ пѣсенъ. Напротивъ нормандцы, болѣе дисциплированные, проводили время въ совершеніи религіозныхъ обрядовъ. Вильгельмъ лично подалъ добрый примѣръ, пріобщившись на другой день утромъ 14-го октября за обѣдней, отслуженной его братомъ Едомъ, епископомъ Байескимъ. Онъ повѣсилъ на шею часть тѣхъ самыхъ мощей, покровительства которыхъ лишился Гаральдъ нарушеніемъ клятвы. Всякій другой испугался бы, когда при одѣваніи его кираса упала на лѣво, но онъ смѣялся случаю и не боялся дурныхъ предзнаменованій.

Вильгельмъ поставилъ свою армію въ боевую позицію. Подлѣ него молодой рыцарь Тустенъ бѣлый держалъ хоругвь, освященную папой, затѣмъ окружали епископъ Байескій, епископъ Кутансъ и большое число сеньеровъ. Онъ обратился къ войскамъ: „теперь, сказалъ онъ имъ, вы должны доказать силу

и мужество, теперь не время бездѣлья; вамъ предстоитъ неминуемая опасность. Если вы будете сражаться какъ мужи— вы получите побѣду, честь и богатство. Иначе вы будете перерѣзаны или взяты въ плѣнъ, и будете игрушкой жестокому врагу, будете покрыты вѣчнымъ безславіемъ. Вамъ нѣтъ дороги къ отступленію: съ одной стороны противъ васъ оружіе врага и враждебная, неизвѣстная сторона, съ другой—море и то же оружіе. Доблестные мужи не считаютъ числа враговъ. Англичане часто склонялись подъ оружіемъ врага, часто побѣжденные покорялись иноземному игу и никогда не славились громкими воинскими подвигами. Идите смѣлѣе и пусть ничто не остановитъ вашего удара; полное торжество ожидаетъ васъ.“

Нормандцы двинулись; духовные оставили армію и остановились на вершинѣ холма для молитвы и обзора битвы. Рыцари пришпорили лошадей; молодой Нормандецъ Тальеферъ запѣлъ военную пѣсню Карломана и Роллона, то бросая вверхъ, то подхватывая мечь; шумъ оружія смѣшался съ его голосомъ и съ криками Нормандцевъ, повторявшими послѣ каждаго стиха: Богъ да поможетъ, Богъ да поможетъ!

Стрѣлки первые аттаковали саксkіе редуты, но ихъ стрѣлы ломались объ ивовые плетни, а дротики и камни, бросаемые съ палисадовъ, давили нападающихъ. Нормандская кавалерія пыталась поддержать стрѣлковъ, но безуспѣшно. Три лошади убиты подъ самимъ Вильгельмомъ. Распространился слухъ о его смерти. При этой вѣсти лѣвое крыло дрогнуло; пѣшіе и конные обратили тылъ, и скоро почти вся армія герцога начала отступать.

Вильгельмъ спѣшилъ опередить и остановить бѣглецовъ, грозилъ и билъ копьемъ. Съ обнаженной головой, съ глазами, сверкавшими гнѣвомъ, онъ кричалъ: „всѣ смотрите на меня, я живъ и буду побѣдителемъ. Богъ мнѣ поможетъ. Куда бѣжите вы, безумцы? Васъ убьютъ тогда, какъ вы сами ихъ можете перерѣзать какъ стадо. Вы бросаете побѣду и вѣчную славу для гибели и вѣчнаго безчестія. Бѣглецы не спасутся отъ смерти!“

При звукахъ этого голоса, Нормандцы остановились и снова

сомкнулись; герцогъ лично повелъ ихъ впередъ, поражая своимъ мечемъ саксвихъ воиновъ, преслѣдовавшихъ бѣглецовъ. Но Гаральдъ, находясь позади редутовъ, снова отразилъ напоръ непріятеля. Нормандская армія снова готова была дрогнуть подъ ударами Саксовъ и можетъ быть погибнуть подъ ихъ мечемъ, когда Вильгельмъ приказалъ произвести фальшивое полное отступленіе, поставя въ засаду свѣжій отрядъ. При видѣ отступленія, Саксы съ крикомъ радости въ безпорядкѣ бросились преслѣдовать. Тогда Нормандцы вдругъ остановились, сплотились и съ свѣжимъ отрядомъ окружили преслѣдующихъ со всѣхъ сторонъ. Оцѣпенѣлые отъ ужаса, Саксы гибли подъ ихъ ударами. Ихъ тяжелое вооруженіе, огромные топоры, которыми дѣйствовать возможно было только съ усиліемъ обѣихъ рукъ, совершенно мѣшало быстрымъ движеніямъ обороны. Нормандцы возвратились къ укрѣпленіямъ и проникли туда. Гаральдъ палъ съ раздробленной головой, подлѣ него опрокинуты и убиты его братья. Смущенные и преслѣдуемые Саксы бѣжали и пытались укрыться въ долинѣ, перерѣзанной множествомъ овраговъ; Нормандцы гнали, рубили ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ оврагахъ и сами погибали въ значительномъ числѣ.

Вильгельмъ воротился на поле сраженія, гдѣ и провелъ ночь. На другой день утромъ онъ сдѣлалъ перекличку арміи; много именъ не откликнулось на вызовъ. Побѣда дорого стоила побѣдителямъ, но потери арміи англо-саксной далеко превосходили нормандской. Храбрые товарищи Гаральда падали толпой, и объѣзжая мѣсто пораженія врага и своего тріумфа, Вильгельмъ совершенно справедливо могъ назвать это мѣсто „кровавой долиной". Затѣмъ Вильгельмъ распорядился погребеніемъ повсюду нагроможденныхъ тѣлъ. Мать Гаральда Гита, съ двумя монахами, пыталась отыскать тѣло сына, но самые тщательные и продолжительные розыски оказались напрасными. Послѣ нея пришла на поле битвы другая женщина, Эдита, красавица съ лебединой шеей, нѣкогда до вступленія на престолъ любимая Гаральдомъ. Въ отчаянномъ мужествѣ скорбящаго сердца долго искала она между обезображенными трупами бездыханное, но дорогое ей существо, и искала не

безплодно. Любящее сердце указало ей на тѣло Гаральда. Король похороненъ былъ въ Вальгамскомъ монастырѣ, основанномъ и устроенномъ имъ.

На другой день послѣ сраженія, герцогъ Нормандскій далъ обѣтъ соорудить въ этой мѣстности монастырь въ честь св. Мартина, патрона гальскихъ воиновъ и назначить къ нему всѣ окружающія земли; монастырь предположилъ назвать аббатствомъ битвы, а главный алтарь церкви именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдено тѣло послѣдняго саксхаго короля. На замѣчаніе приближенныхъ о недостаткѣ для монастыря воды, герцогъ отвѣчалъ: „это ничего, если я буду живъ, то въ этомъ монастырѣ будетъ столько вина, сколько воды въ любомъ христіанскомъ монастырѣ.“

Гастингская битва, конечно, возбудила у лѣтописцевъ обоихъ народовъ чувства совершенно противуположныя. Саксы называютъ ее днемъ скорби, днемъ смерти, днемъ напоеннымъ кровью храбрыхъ, Англія потеряла своего національнаго государя и подпала подъ иго иноземца, сыновья ея погибли, ея лучшіе совѣтники и вожди побѣждены или убиты. Наоборотъ нормандскіе историки одаряютъ безсмертной славой того, кто въ одинъ день покорилъ всѣ города Англіи.

Но не всѣ еще города были покорены, хотя тѣмъ не менѣе рѣшительный ударъ былъ нанесенъ; нормандское знамя утвердилось на чуждой землѣ, и Вильгельмъ имѣлъ полное право присоединить къ имени герцога Нормандскаго титулъ короля Англіи.

Нѣсколько дней спустя послѣ побѣды, Вильгельмъ получилъ свѣдѣніе, что нѣсколько кораблей, прибывшихъ изъ Нормандіи съ необходимыми подкрѣпленіями, причалили къ берегу не далеко отъ Гастингса въ мѣстечкѣ Ромней, но что немногочисленные экипажи этихъ кораблей были отражены и разбиты толпами крестьянъ. Такъ какъ Вильгельму необходимо было очистить юго-восточные берега Англіи, служившіе соединеніемъ Франціи и Англіи, то поэтому вмѣсто направленія къ Лондону, онъ обошелъ берегомъ, все опустошая на пути своемъ Остановясь въ Ромнеѣ онъ грабежемъ и пожаромъ жестоко наказалъ поселянъ за ихъ стойкую вѣрность

отечеству. Изъ Ромней Вильгельмъ пошелъ на Дувръ, приморское укрѣпленіе, ключь всей Англіи. Этотъ городъ, незадолго передъ тѣмъ еще болѣе укрѣпленный и снабженный въ достаточномъ количествѣ запасами, по своему естественному положенію на крутой и гладкой скалѣ, омываемой моремъ, могъ бы сопротивляться весьма долгое время, но или по малодушію гарнизона, узнавшаго о смерти короля и пораженіи арміи, или по измѣнѣ начальника крѣпости, только Вильгельмъ успѣлъ поджечь городскія ворота и безпрепятственно проникнуть въ городъ. Такимъ образомъ онъ сдѣлался полнымъ обладателемъ всей окрестности. Это завоеваніе было весьма кстати: дезинтерія опустошала армію и въ лагерѣ слышались не побѣдные крики, а стоны и вопли умирающихъ.

По истеченіи восьми дней эпидемія уменьшилась, и тогда Вильгельмъ могъ повести свою армію на Лондонъ по большому римскому пути Ветлинга-стретъ, служившему пограничною чертою въ поземельныхъ дележахъ Саксовъ и Датчанъ. Путь этотъ пролегалъ отъ Дувра къ Лондону срединою Кентской области. Вильгельму должно было спѣшить. Соединившіеся въ этомъ городѣ, послѣ пораженія при Гастингсѣ, остатки арміи Саксовъ призывали къ себѣ на помощь всѣхъ защитниковъ старой свободы и, не смотря на общій ужасъ отъ смерти Гаральда, многочисленные отрады спѣшили на этотъ призывъ. Но то, что составляло главную силу Нормандцевъ, совершенно недоставало Саксамъ. У нихъ не было человѣка, способнаго быть вождемъ. Разъединенные и связанные интригами претендателей престола Гаральда, войска объявляли себя то за Едвина и Моркара—правителей Нортумбріи и Мерціи, зятьевъ послѣдняго короля, извѣстныхъ въ военномъ дѣлѣ, то за Едгара Этелинга, племянника Эдуарда исповѣдника, законнаго наслѣдника его правъ на корону. Точно также были нерѣшительны сеньёры и высшіе духовные сановники. Вильгельмъ опустошалъ графства Суррейское и Суссекское, разрушая города и убивая жителей, а народный совѣтъ Саксовъ, выбранный для разсмотрѣнія и рѣшенія предъявленныхъ правъ, все еще колебался и медлилъ. Наконецъ выборъ остановился на Едгарѣ Этелингѣ, принцѣ едва вышедшемъ изъ дѣтства, ха-

рактера тихаго и слабаго, неизвѣстнаго народу, котораго онъ долженъ былъ вести на битву. Этотъ выборъ только увеличилъ безпорядки. Новый король, покинутый Едвиномъ, Моркаромъ и другими претендателями, удалившимися въ сѣверныя провинціи, бездѣятельно оставался въ столицѣ среди печальнаго и унылаго народа, хотя и рѣшившагося упорно защищать преемника Гаральда, законнаго наслѣдника своихъ королей.

Вильгельмъ аттаковалъ новаго короля. Пять сотъ нормандскихъ рыцарей приблизились къ самымъ воротамъ Лондона, но Саксы встрѣтили и принудили ихъ удалиться. Послѣ нѣсколькихъ ошибокъ безъ рѣшительныхъ послѣдствій, Вильгельмъ рѣшился окружить городъ со всѣхъ сторонъ. Отъ сѣвера къ югу, отъ востока къ западу Лондонъ окружалъ широкій поясъ непріятельскихъ войскъ, остановившихъ доставленіе жизненныхъ припасовъ и подкрѣпленій отъ сосѣднихъ городовъ. Смятеніе проникло до отдаленныхъ провинцій.

Лондонъ оставался изолированнымъ безъ всякой надежды на помощь. Самые отважные почти не осмѣливались говорить о сопротивленіи, приближалось время совершеннаго голода и крайняго истощенія. Едгаръ Этелингъ не могъ ни ободрить, ни возбудить жаръ патріотизма, не могъ поддержать упадавшій духъ подданныхъ. Онъ первый заговорилъ о капитуляціи и вслѣдъ затѣмъ самъ явился въ лагерь Вильгельма въ Беркамштедѣ. Тамъ, въ сопровожденіи Стиганда, архіепископа Кантерберійскаго, Ельдреда, архіепископа Іоркскаго, и многихъ придворныхъ сеньеровъ, онъ униженно обѣщался быть покорнымъ и вѣрнымъ новымъ повелителямъ. Вильгельмъ съ своей стороны обѣщалъ не быть строгимъ и требовательнымъ къ новымъ своимъ подданнымъ, но болѣе щедрый на обѣщанія, когда они выгодны, чѣмъ на исполненія, онъ въ тоже время безнаказанно допускалъ свою армію раззорять и грабить окрестности отъ Беркамштеда до Лондона.

У воротъ Лондона Вильгельмъ принялъ присягу отъ значительныхъ гражданъ города. Ревнуя къ милости новаго государя, они вручили ему городскіе ключи и выдали заложниковъ по его желанію и выбору. Народъ же смотрѣлъ на вступ-

леніе Вильгельма въ Лондонъ съ мрачнымъ видомъ. Принужденные необходимостью клонить голову, сыны Саксовъ таили непримиримую ненависть къ побѣдителямъ. Съ душевною скорбью видѣли они своего короля, передающимъ врагу своего народа корону храбраго Гаральда, но слишкомъ слабые и разъединенные для борьбы, они затаили для будущаго живучее желаніе мести. Вильгельмъ лично тогда не вступалъ въ Лондонъ, но остановившись отъ него въ нѣсколькихъ миляхъ, послалъ туда сильный отрядъ для устройства себѣ укрѣпленнаго мѣстопребыванія.

Не успѣлъ еще завоеватель водвориться въ Лондонѣ, какъ самые преданные приближенные стали побуждать его къ коронованію. Они высказывали ему, «что Англичане привыкли повиноваться коронованному государю, что же касается до насъ, то мы ваши вѣрные подданные Нормандіи желали бы видѣть на своемъ государѣ царскій венецъ, награду столькихъ опасностей на морѣ и въ битвахъ».

Можетъ быть Вильгельмъ былъ даже нетерпѣливѣе самыхъ нетерпѣливыхъ, но желая увѣрить въ отсутствіи личнаго честолюбія, онъ отвѣчалъ на убѣдительныя просьбы своихъ воиновъ, что «волненія еще не кончились, что во многихъ мѣстахъ вспыхиваютъ возстанія и что онъ болѣе желалъ бы умиротворенія государства, чѣмъ короны».

Такая умѣренность, конечно, не обманывала никого, и сеньеръ Туаръ Амори Аквитанскій отъ имени арміи убѣждалъ Вельгельма не медлить принятіемъ титула короля, умолялъ не отвергать далѣе желаній подданныхъ.

Послѣ новыхъ сомнѣній и колебаній по этому поводу, герцогъ наконецъ уступилъ мольбамъ и совѣтамъ, назначивъ днемъ коронованія день Рождества Христова 25 декабря 1066 года.

И такъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ подлѣ гробницы Эдуарда исповѣдника стоялъ человѣкъ, жаднаго и предпріимчиваго ума котораго такъ опасался старый король на смертной постелѣ.

Архіепископъ Іоркскій Эльдредъ ожидалъ прибытія Вильгельма Нормандскаго для испрошенія на него благословенія

Божія въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ менѣе года назадъ онъ возливалъ священное міро на голову Гаральда. Новый король вошелъ, въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты. Прелаты, аббаты, первые сановники Альбіона смѣшивались съ Норманддами. Ельдредъ, обращаясь къ Саксамъ, спрашивалъ согласны ли они на избраніе Вильгельма, а Жофруа, епископъ Кутанскій, съ этимъ же вопросомъ относился къ Норманддамъ. Какъ будто чудомъ, безъ малѣйшаго колебанія, всѣ единодушно отвѣчали положительнымъ согласіемъ. Церковь огласилась восторженными восклицаніями. Вслѣдъ затѣмъ послышался крикъ ужаса; пламя и дымъ обняли весь Вестминетеръ. Нормандскіе воины, охранявшіе монастырь, приняли шумный энтузіазмъ своихъ товарищей въ церкви за бунтъ Саксовъ. Считая жизнь герцога въ опасности, они подожгли сосѣдніе дома. Церемонія прервалась; Эльдредъ въ моментъ возложенія короны на чело Вельгельма пріостановился въ полномъ смущеніи. Испуганные Нормандцы и Саксы бросились изъ церкви, и Вельгельмъ принялъ корону изъ рукъ смущеннаго Эльдреда у подножія алтаря только въ присутствіи незначительнаго числа духовныхъ сановниковъ.

ГЛАВА IV.

Событія послѣ Гастингской битвы. Установленіе государственной формы.

(1067—1077).

Первымъ актомъ царствованія короля Вильгельма было наложеніе тяжелой подати для покрытія военныхъ издержекъ на тотъ народъ, къ которому онъ поклялся относиться милостивѣе самаго лучшаго изъ его государей. Это обѣщаніе Вильгельмъ добровольно прибавилъ къ клятвѣ, обыкновенно произносимой саксками королями при короновапіи. Благородные и горожане, богатые и бѣдные, принуждены были обогащать толпу авантюристовъ, слѣдовавшихъ за Нормандскимъ герцогомъ въ надеждѣ богатой и легкой добычи. Нормандцы овла-

дѣли имуществомъ не только Саксовъ, убитыхъ въ Гастингской битвѣ, но даже всѣхъ тѣхъ, которые казались сочувствующими народной свободѣ и склонными къ возстанію. Города, мѣстечки и замки раздѣлялись между сеньерами нормандской арміи. Вдовы Саксовъ раздѣлялись, какъ ихъ домены, и благородныя жены, отданныя простымъ конюхамъ часто предпочитали смерть подобной жизни. Нормандское духовенство соперничало въ насиліи съ воинами; вооруженной рукой оно изгоняло саксскихъ монаховъ изъ ихъ аббатствъ, завладѣвало ихъ богатствами и не обращало никакого вниманія на правила святыхъ каноновъ.

Земли, сокровища и богатства побѣжденныхъ сеньеровъ не удовлетворяли необузданной жадности завоевателей: имъ надобно было тиранить людей. Вмѣстѣ съ доменами они присудили себѣ извѣстное число горожанъ или поселянъ, ежегодно платившихъ опредѣленную сумму. Въ Doymesdov-Book находится статистическій реэстръ раздѣла добычи, листы горожанъ, платившихъ ежегодно одни тридцать су, другіе двадцать. Нѣкто Вильгельмъ Каенскій упоминается, какъ получившій на свою часть двухъ горожанъ, платившихъ по два су.

Самъ Вильгельмъ не подавалъ собою примѣра умѣренности, еще прежде удовлетворенія ненасытной жадности приближенныхъ, онъ захватилъ себѣ добычу широкимъ пріемомъ. Не довольствуясь сокровищами саксскихъ королей, невѣроятнымъ количествомъ золотыхъ и серебраныхъ суммъ, онъ взялъ на свою часть у торговцевъ Сити драгоцѣнныя сокровища, которыя безъ того, по остроумному замѣчанію капелана Вильгельма Пуатьерскаго, вѣроятно послужили бы пищей скупости и безнравственной роскоши Англичанъ.

Такъ протекли первые мѣсяцы по завоеваніи: страданія Саксовъ, лишенныхъ имуществъ и угнѣтенныхъ лично грубымъ своеволіемъ Нормандцевъ, живыми красками рисуются въ современныхъ хроникахъ. Сами панегиристы Вильгельма, даже въ порывѣ энтузіазма къ герою Нормандіи, высказываютъ сочувственныя фразы, осужденія въ безполезной жестокости, въ безцѣльныхъ насиліяхъ и въ безконечномъ грабительствѣ. Разсказы же побѣжденныхъ составляютъ постоянную смѣсь

страстныхъ проклятій къ побѣдителямъ и скорбныя воспоминанія о минувшемъ величіи отечества.

Саксій народъ готовъ былъ отдать жизнь на защиту родной земли. На сѣверѣ и западѣ съ негодованіемъ услыхали о быстрой покорности Эдгара Этелинга. Но народъ не борется одинъ; ему необходимо имя одного какого нибудь вождя, вокругъ котораго онъ могъ бы сплотиться,—но никто не поднималъ знамя народной независимости. По полученіи извѣстія о сдачѣ Лондона и коронованіи Вильгельма, Эдвинъ и Моркаръ явились и дали присягу въ вѣрности побѣдителю Гаральда, своего зятя. Ихъ примѣру послѣдовали Вальтофъ, сынъ Зиварда, извѣстный по своей личной отважности. Такая измѣна дѣлу отечества, конечно, не могла не возбудить общаго смущенія въ народѣ. Протекло шесть мѣсяцевъ съ коронованія,—все было спокойно.

Такое время Вильгельмъ нашелъ самымъ удобнымъ отлучиться изъ новаго государства и показаться въ славномъ блескѣ завоевателя своимъ нормандскимъ подданнымъ. Оставивъ управленіе брату своему Еду и Вильгельму, сыну Осберна, онъ сѣлъ на корабль съ бѣлоснѣжными парусами въ томъ самомъ портѣ, гдѣ такъ недавно онъ собственными руками охватилъ англійскую землю. Едгаръ Этилингъ, Едвинъ, Моркаръ, Стигардъ и много другихъ сеньёровъ сопровождали новаго государя. Вильгельмъ желалъ видѣть за своей тріумфальной колесницей благородныхъ побѣжденныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишить народъ вождей, способныхъ возбудить возстаніе.

На пути всего переѣзда черезъ Нормандію, Вильгельма встрѣчала повсюду шумная радость. Когда онъ входилъ въ Руанъ, женщины, старики и дѣти бросались къ нему, осыпая громкими привѣтствіями и восторженно славя побѣдное возвращеніе въ отечество. Духовные съ своей стороны пѣли хвалебные гимны, за что получали золотыя мантіи саксквхъ духовныхъ. Алтари нормандскіе одарялись сокровищами, которыхъ англійская церковь съ удовольствіемъ, по словамъ Вильгельма Пуатьерскаго, посылала въ подарокъ церквамъ Франціи.

Вильгельмъ праздновалъ свое завоеваніе народными увеселеніями и торжествами, въ которыхъ Нормандцы толпились

кругомъ, съ любопытствомъ разсматривая рыцарей западныхъ странъ: «самые красивые молодые люди Галліи могли бы позавидовать ихъ красотѣ, не уступавшей красотѣ молодыхъ дѣвушекъ.» При религіозныхъ богослуженіяхъ, гдѣ Вильгельмъ всегда бывалъ въ смиренной набожности, благочестіе подданныхъ развлекалось блескомъ одѣяній короля и его свиты. При обѣденныхъ торжествахъ, устраиваемыхъ Вильгельмомъ для придворныхъ сеньёровъ, они въ изумленіи разсматривали несмѣтное количество золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ.

Между тѣмъ какъ Вильгельмъ ослѣплялъ нормандскій народъ величіемъ награбленныхъ сокровищъ, народъ англійскій мало по малу ободрялся. Доведенные до отчаянія, раззоренные и угнѣтенные Саксы начали составлять заговоры противъ чужеземнаго ига. Въ сѣверныхъ и западныхъ провинціяхъ, куда не проникала еще нормандская армія и слѣдовательно уцѣлѣвшія отъ опустошительнаго разгрома, народъ еще лелѣялъ себя надеждою уничтожить врага и освободить отечество. Гонцы ходили по городамъ и селеніямъ съ призывомъ къ борьбѣ. Въ замкахъ ихъ принимали съ энтузіазмомъ, въ хижинахъ первое мѣсто за столомъ и у очага принадлежало имъ. Они разсказывали на энергическомъ языкѣ родины о воинственномъ воодушевленіи страны, проходимой ими во всѣхъ направленіяхъ. При ихъ живыхъ разсказахъ о готовности всѣхъ принести себя въ жертву, о тираніи новыхъ обладателей Англіи, всѣ сердца воспламѣнялись священною ревностью къ свободѣ отечества и смертельною ненавистью къ притѣснителямъ. На всемъ пространствѣ государства, эти разбойники, говорятъ нормандскіе писатели, сговаривались захватить и истребить всѣхъ рыцарей, оставленныхъ королемъ на защиту пріобрѣтенной территоріи. Гдѣ же находились границы территоріи дѣйствительнаго владѣнія Вильгельма, опредѣлить ихъ съ положительною точностью почти невозможно. Изъ сравненія показаній современниковъ можно предположить, что войска нормандскія въ то время въ сѣверо-востбчномъ направленіи еще не переходили рѣкъ, впадающихъ въ Бостонскій заливъ, а къ юго-западу гористыхъ мѣстностей, окружающихъ Дорсетскую область,—по крайнѣй

мѣрѣ извѣстно, что Оксфордъ, лежащій между этими крайними направленіями еще не принадлежалъ Нормандцамъ.

Повсемѣстныя воинскія дѣятельныя приготовленія къ возстанію не могли не встревожить епископа Еда и Вильгельма, сына Осберна. Они заклинали короля, какъ можно скорѣе воротиться въ Англію, гдѣ измѣнчивые и безпокойные умы увлеклись вѣроломными заговорами. Положеніе— серьезно, писали они, крѣпости вооружаются вокругъ замковъ; города, хорошо снабженные людьми, оружіемъ и съѣстными припасами, отказываются отворять ворота нормандскимъ рыцарямъ. Вильгельмъ не колебался и въ холодную декабрскую ночь 1067 года отплылъ изъ Діепской гавани. По прибытіи онъ тотчасъ же назначилъ въ укрѣпленныя мѣста Суссекской области новыхъ начальниковъ, выбранныхъ въ Нормандіи, изъ людей ему преданныхъ. Въ Лондонѣ его встрѣтили съ наружнымъ спокойствіемъ, подъ которымъ нетрудно было видѣть скрытное волненіе и негодованіе. Поэтому вмѣсто того, чтобы тотчасъ же направиться съ арміей прямо въ возмутившіяся провинціи, король сначала старался успокоить всѣхъ льстивыми обѣщаніями свободы и милостей, притворно выказывая высокое уваженіе мѣстнымъ прелатамъ и сеньёрамъ. Съ особенной благосклонностью онъ принималъ каждаго, внимательно выслушивалъ всѣ ихъ заявленія и мнѣнія.

Но благосклонность и ласки могли обольстить только нѣкоторыхъ легковѣрныхъ Саксовъ, склонныхъ къ обольщеніямъ, но не могли успокоить духа независимости и негодованія отдаленныхъ провинцій. Послѣднія не испытывали личнаго вліянія хитрости «нормандской лисицы,» какъ не испытывали разграбленія своихъ домовъ и убійства дѣтей. Такимъ образомъ, не смотря на милостивыя объявленія и вызовы къ соглашеніямъ, безъ умолку исходившимъ изъ дворца Вильгельма, укрѣпленія все болѣе и болѣе росли вокругъ городовъ, а подъемные мосты не опускались передъ вѣстниками короля.

Наконецъ національная партія пріобрѣла и вождей. Едва высадившись въ Винчельзеѣ, въ свитѣ короля Вильгельма, Едвинъ и Моркаръ подчинились вліянію всецѣло охватившаго народнаго чувства. Скрывшись ночью, они убѣжали въ запад-

ныя провинціи къ защитникамъ свободы. Присоединеніе ихъ къ народному дѣлу возбудило такую же радость, на сколько прежняя измѣна лишила силъ. Первый актъ открытаго возстанія обнаружился въ Экстерѣ. Въ этомъ городѣ укрывалась мать послѣдняго короля Гаральда, пожертвовавшая всѣ свои богатства на защиту отечества. Вильгельмъ осадилъ Экстеръ своимъ лучшимъ отборнымъ войскомъ, но не смотря на то, осада продолжалась безъ всякаго успѣха въ теченіи 18 дней и стоила огромныхъ потерь осаждающимъ. Наконецъ городскія должностныя лица выдали непріятелю городскіе ключи, „измѣнивъ такъ нагло и безчестно народному довѣрію". Гита и значительное число сопровождавшихъ ее женщинъ укрывались сначала на одномъ изъ островов Саверны, потомъ въ городѣ Батѣ и наконецъ благополучно переправились во Фландрію.

Графство Іоркское, по примѣру Экстера, возстало на всемъ пространствѣ, и точно также безуспѣшно. Вильгельмъ явился лично осаждать укрѣпленія Іорка и, не смотря на геройскую храбрость жителей, городскія стѣны скоро были разрушены, а затѣмъ взятъ и самый городъ. Возведя новыя укрѣпленія и оставивъ достаточный гарнизонъ для наблюденія за подозрительнымъ населеніемъ, король воротился въ Лондонъ съ многочисленной свитой заложниковъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ покорилъ оружіемъ и страхомъ все пространство отъ юго запада къ сѣверу Англіи.

Въ концѣ 1068 года король, желая придать своему двору болѣе блеска и жизни, призвалъ къ себѣ королеву Матильду, которая привлекла съ собою огромную свиту сеньеровъ и дамъ. Весь дворъ нормандскій обрадовался случаю принять участіе въ торжествахъ и щедротахъ герцога. Священники искали новыхъ аббатствъ, знатныя, высокорожденныя дѣвицы разсчитывали на знатныя и богатыя супружества. Быстрое завоеваніе позволяло надѣяться на рядъ веселыхъ праздниковъ.

Матильда была коронована въ день сошествія Св. Духа архіепископомъ Эльдредомъ, тогда еще сторонникомъ завоевателя. Но молодыя дѣвицы скоро разочаровались въ надеждахъ.

Едва протекло три мѣсяца по прибытіи королевы, какъ вспыхнуло новое возстаніе. Валлійцы, Ирландцы, даже Датчане откликнулись на призывъ Саксовъ,—и ихъ корабли скоро появились у береговъ Англіи. При этой опасности, проявившейся съ такой силой, король поспѣшилъ отправить Матильду обратно въ Нормандію съ тѣмъ, чтобы вдали отъ смутъ, волновавшихъ Англію, она могла неприкосновенно сохранить сыну своему Роберту наслѣдственное достояніе. Въ это же время уѣхало и значительное число нормандскихъ сеньеровъ будто-бы по убѣжденію супругъ, оставшихся въ отечествѣ и умолявшихъ ихъ о возвращеніи. Напрасно Вильгельмъ старался удержать ихъ новыми подарками и щедрыми обѣщаніями.

Не смотря на отъѣздъ многихъ, покинувшихъ поле сраженія, масса сеньеровъ и вассаловъ болѣе вѣрная или болѣе честолюбивая, не думала оставлять при первой опасности предпріятія такого громаднаго и такого выгоднаго. По усердію ли или по жадности, они, подъ предводительствомъ Вильгельма, выступили въ походъ противъ непріятельской арміи къ Іорку, гдѣ ирландскіе и датскіе вожди основали свой лагерь, разбивъ оставленный тамъ нормандскій гарнизонъ. Въ лагерѣ находились Едвинъ, Моркаръ и Вальтофъ смѣлый. Эдгаръ Этелингъ, ускользнувшій изъ рукъ Нормандцевъ и снова въ Іоркѣ провозглашенный королемъ, поддерживалъ мятежниковъ, если не личной храбростью, то авторитетомъ царской власти.

На пути Вильгельмъ овладѣлъ Оксфордомъ, Варвикомъ, Лейчестеромъ, Дерби, Нотингамомъ и Линкольномъ. Всѣ эти города или принуждены были сдаться, или взяты приступомъ; дома сожжены и имущества разграблены. Но въ свою очередь и побѣдители были безпрерывно атакованы и тревожимы совершенно врасплохъ отдѣльными саксскими отрядами, спрятанными въ оврагахъ и лѣсахъ. «Кровь текла ручьемъ, законъ Бога былъ попранъ и адъ не уставалъ принимать къ себѣ новыхъ жертвъ».

Спокойное мужество Вильгельма постоянно поддерживало бодрость воиновъ; всегда первый на брешѣ, онъ не допускалъ

ни жалобъ, ни утомленія. Прибывъ къ берегу одной довольно большой рѣки, недалеко отъ Іорка, армія не нашла ни брода, ни перевознаго судна. Тщетно пытаясь, въ продолженіи 3-хъ недѣль, найдти средство къ переправѣ, Вильгельмъ однакожъ упорно оставался на берегу и рѣшительно отказался отступать. Наконецъ одинъ рыцарь Лизуа де-Мутьеръ, послѣ продолжительныхъ изслѣдованій глубины протока, нашолъ одно мѣсто доступнымъ къ броду, и спустя нѣсколько часовъ армія была уже на другомъ берегу въ полной безопасности. «Они проходили лѣса, горы, болота узкими тропинками, непозволявшими проходить двумъ человѣкамъ рядомъ».

Приближеніе Вильгельма смутило предпріимчивый духъ Датчанъ. Каждый день они встрѣчали въ своемъ лагерѣ несчастныхъ Саксовъ, новыхъ бѣглецовъ изъ городовъ, гдѣ нормандская армія отмѣчала свой слѣдъ убійствомъ и пожаромъ. Разсказы этихъ несчастныхъ наводили ужасъ, а вслѣдъ затѣмъ король датскій, измѣнивъ данному слову, приступилъ къ мирнымъ переговорамъ съ Вильгельмомъ. Нормандцы пошли на Іоркъ; Саксы защищались нѣсколько дней съ отчаяннымъ мужествомъ, но измѣна Датчанъ нанесла роковой ударъ ихъ дѣлу; городъ вынужденъ былъ капитулировать. Король Эдгаръ и главные вожди бѣжали въ Шотландію. Вильгельмъ лично не участвовалъ въ осадѣ; съ частью своей арміи онъ скрывался въ окрестныхъ, лѣсистыхъ мѣстахъ и оттуда съ рѣдкой неутомимостью преслѣдовалъ бѣглецовъ. Озлобленный противъ этой страны, два раза ускользавшей изъ его власти, онъ совершенно поддался необузданной ярости. «Его гнѣвъ одинаково обрушивался, какъ на виновныхъ, такъ и на невинныхъ», мечемъ преграждая дорогу къ отступленію, опустошая земли и сожигая дома со всѣмъ, что въ нихъ заключалось. Никогда не обнаруживалъ онъ столько жестокости.

Здѣсь прекращаются хвалебные гимны лѣтописцевъ. Полный честнаго отвращенія, Ордеръ Виталь (Order. Vital. Hist. ecceesiast. lib IV apnd Script. rer. normann. p. 515) говоритъ: я не колебался восхвалять Вильгельма во многихъ обстоятельствахъ, но теперь, съ глубокимъ сожалѣніемъ, я вполнѣ

сочувствую бѣдствіямъ этого несчастнаго народа и не могу одобрять виновника столькихъ убійствъ.

Ужасный голодъ слѣдовалъ за Нормандцами въ деревняхъ. Въ продолженіи всего 1070 года повсюду, гдѣ они проходили отъ Іорка до Дургама, отъ Дургама до Честера, отъ Честера до Винчестера, Вильгельмъ истреблялъ стада, жатву и вообще пищу всякаго рода. Лишенная помощи, умирая съ голода, армія Саксовъ быстро распадалась, а вожди увидѣли себя принужденными снова передаться Вильгельму. Король выдалъ за Вальтофа племянницу свою Юдифь,—роковое супружество, впослѣдствіи стоившее жизни благородному воину. Изгнанные изъ своихъ жилищъ и городовъ, преслѣдуемые какъ дикіе звѣри, несчастные Саксы сотнями убѣгали въ пустынныя и недоступныя мѣста. Тамъ, питаясь дикими кореньями, въ безнадежномъ отчаяніи, они обдумывали планы отмщенія грабителямъ своей родины. Это не была армія, то былъ народъ, разсѣянный по лѣсамъ и горамъ, не имѣвшій вождей для руководства, ни организаціи для управленія, но возбужденный голодомъ и страданіями къ непримиримой мести за убитыхъ женъ и дѣтей.

Лѣсистый и болотистый островъ Эли, близь Кембриджа, послужилъ надежнымъ убѣжищемъ нѣсколькимъ шайкамъ. По трудному доступу къ нему, это мѣсто сдѣлалось пунктомъ соединенія множества бѣглецовъ. Скоро во главѣ ихъ сталъ человѣкъ, память о которомъ, дорогая побѣжденной расѣ, прославляется въ народныхъ пѣсняхъ. Геревардъ, изъ одной саксской фамиліи, переселившейся во Фландрію, отличался смѣлостью и твердостью. Изъ Фландріи, гдѣ жилъ уже нѣсколько лѣтъ, онъ съ скорбью и негодованіемъ слѣдилъ за печальной судьбою отечества. Узнавъ же о завладѣніи Нормандцами наслѣдствомъ его предковъ, онъ тотчасъ воротился на родину. Гереварды отнялъ родовое достояніе своей фамиліи. Потомъ, подъ вліяніемъ успѣха и глубокой ненависти къ врагамъ, онъ поспѣшилъ присоединиться къ бѣглецамъ Эли. Подъ его управленіемъ берега острова укрѣпились валами изъ дерева и земли; вскорѣ портизанскія шайки стали сильно безпокоить Нормандцевъ. Часто они возвращались обремѣненные ору-

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

ВЫХОДИТЪ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп., съ пересылкой и доставкой **8** руб.

Подписка продолжаетъ приниматься въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Я. Исакова,** Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала **„Историческая Библіотека“** (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**